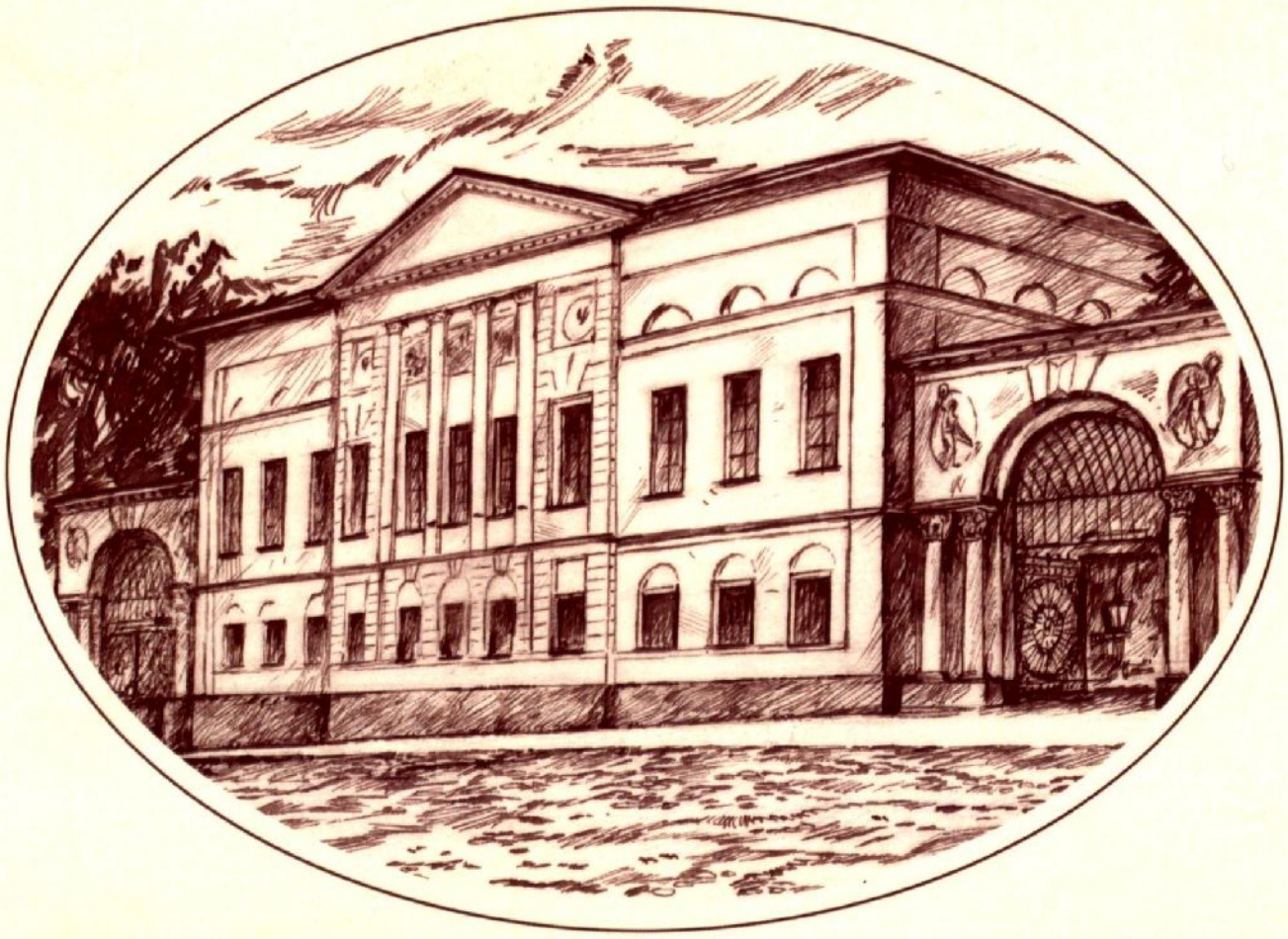


ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Министерство культуры и туризма Калужской области
Государственное бюджетное учреждение культуры
Калужской области
«Калужский областной краеведческий музей»

ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XVI Всероссийской научной конференции,

посвященной 535-летию Великого Стояния на Угре
и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Калужский областной
краеведческий музей
Библиотека
Инв. № К-8772

Калуга
2015

ББК 63А(2)
В74

Художник В. М. Типикин

В74 **Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья**: Материалы XVI Всероссийской научной конференции, посвященной 535-летию Великого Стояния на Угре и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Калуга, 5—7 апреля 2015 г. — Калуга, 2015. — 500 с.

ISBN 978-5-9909216-8-9

Сборник включает в себя материалы XVI Всероссийской научной конференции, проходившей 5—7 апреля 2015 г. в Калужском областном краеведческом музее, и посвящен результатам исторических и естественнонаучных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей — научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63А(2)

© ГБУК КО «Калужский областной краеведческий музей», 2015.
© Авторы публикаций, 2015.

ISBN 978-5-9909216-8-9

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

«ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ НА УГРЕ» 1480 г. В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

***Г. А. Массалитина**, к. и. н., в. н. с., Национальный парк «Угра»*

Автор замечательной книги «По Калужской земле» (из серии «Дороги к прекрасному») Е. В. Николаев писал: «Обычная история обычной русской земли: бесконечные нашествия татар, междоусобицы, часть земель под владычеством Литвы. Наконец, кажется, твердая власть — присоединение к Москве, — и сразу вслед за этим — польско-литовская интервенция… О бурном прошлом этой богатой, плодородной, торговой губернии даже историки вспоминали редко, пока 1812 год не всколыхнул всю Россию. Осенью 1812 года здесь, на севере области, решалась судьба Отечественной войны…» Про 1480 г. — ни слова. Обычная история обычной русской земли…

Примеров подобного отношения к событиям «Великого стояния на Угре» можно привести немало. В Государственном историческом музее — ведущем профильном заведении страны — событиям «Великого Стояния» посвящена маленькая витрина с названием «Перестрелка на реке Угре в 1480 г.». Парадоксально, но определенную негативную роль в возникновении такого несоответствия фактической значимости событий 1480 г. для судьбы России и оценки их потомками сыграли историки XIX в. «Стояние на Угре» — это их формула. А описание сцен длительного противостояния двух армий, разделенных рекой Н. М. Карамзиным, чей художественный талант живого воспроизведения происходившего был и остается непревзойденным, сделал формулу почти канонической. За этим броским словесным оборотом оказались скрытыми узлы опаснейших противоречий (внутренних и внешних), многоликие участники многомесячной драмы, столкновения характеров и позиций, наконец, собственно ожесточенные военные действия.

Определяющее влияние на оценку итогов кампании 1480 г. в то время оказали взгляды С. М. Соловьева, считавшего, что Орда пала сама собой, от внутренних раздоров; стоило только ими воспользоваться, чтобы «так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы». В исторической науке конца XIX — начала XX в. «Стояние на Угре» надолго превратилось в один из второстепенных сюжетов, не вызывавших большого интереса у исследователей. Достаточно отметить, что В. О. Ключевский в своем знаменитом курсе русской истории даже не упоминает об этом событии.

Сыграло свою роль и то, что конкретный факт отступления обеих противоборствующих армий от Угры летописцами был преподнесен как «чудо» и «бегство». И снова с легкой руки Н. М. Карамзина это стало чуть ли не хрестоматийным штампом, а сам эпизод приобрел несколько комический характер. Нелепая картина бегущих друг от друга войск широко проникла в общие курсы истории, школьные учебники, популярные книжки. Современные историки считают, что всяческое муссирование и преувеличение роли этого эпизода связано с деятельностью консервативных церковных кругов, стремившихся принизить роль русских войск в спасении Руси от нашествия Ахмата («да не нахвалятся несмыслени, во своем безумии глаголющи: “Мы своим оружием избавихом Русскую землю”»).

Есть еще одно обстоятельство, снижающее в восприятии потомков значимость случившегося на излете XV века. Две даты, 1380 и 1480 гг., символизирующие начало и завершение процесса обретения Русью свободы, освобождения от ордынской зависимости, оказались прочно связанными в исторической памяти. Но в этой «паре» на авансцене всегда оказывался 1380 г.: «громокипящая» битва, яркая, впечатляющая победа на берегах Непрядвы отодвинула в тень не столь эффектную и шумную кампанию 1480 г. За сражением на Куликовом поле, кроме того, тянется целый шлейф литературных сочинений: жития святых (Сергия Радонежского), «Задонщина», знаменитое «Сказание и Мамаевом побоище». О «Великом Стоянии» ничего такого написано не было.

Фото 1. Река Угра у с. Дворцы — предполагаемое место генерального сражения 8—11 октября 1480 г. Фото *С. Д. Коробцова.*

Жертвами всех перечисленных обстоятельств нередко оказывались весьма просвещенные и думающие люди, к примеру, известный поэт В. Берестов, представивший свое видение событий 1480 г. вполне в духе указанных штампов:

Друг друга проклинали деловито.
И слушала Угорская вода:
«Поганые» — кричали московиты.
«Гяуры» — отвечала им орда.

Но вот мороз, Угра ледком покрыта.
Но кровь ничья не обагрила льда.
Последней схватки, битвы знаменитой
История лишилась навсегда.

Орда уходит в ночь. А наши ратники,
Всяк жиз-здоров, доспехи аккуратненьки,
Под бабий смех плетутся в стольный град.
Без крови, без могил конец неволи.
А кровь была на Куликовом поле
До капли пролита сто лет назад.

Уместно в этой связи привести оценку событий «Великого Стояния», данную Ю. Г. Алексеевым, одним из ведущих исследователей эпохи Ивана III: «Поход 1480 г., один из самых долгих, трудных и опасных за многие столетия, окончился, и вместе с ним окончилось ордынское иго. Войскам оставалось победоносное возвращение домой. «Того же месяца прииде князь великий Иван Васильевич на Москву… с всеми силами… И взрадовавшеся все людие радостию велиею зело». Столица Русского государства радостно приветствовала своих воинов. Для этого были все основания. Борьба на Оке и Угре летом-осенью 1480 г. закончилась полной победой. Русская земля была спасена от огромного по размаху и замыслам ордынского нашествия. Однако в ноябре 1480 г. даже самые

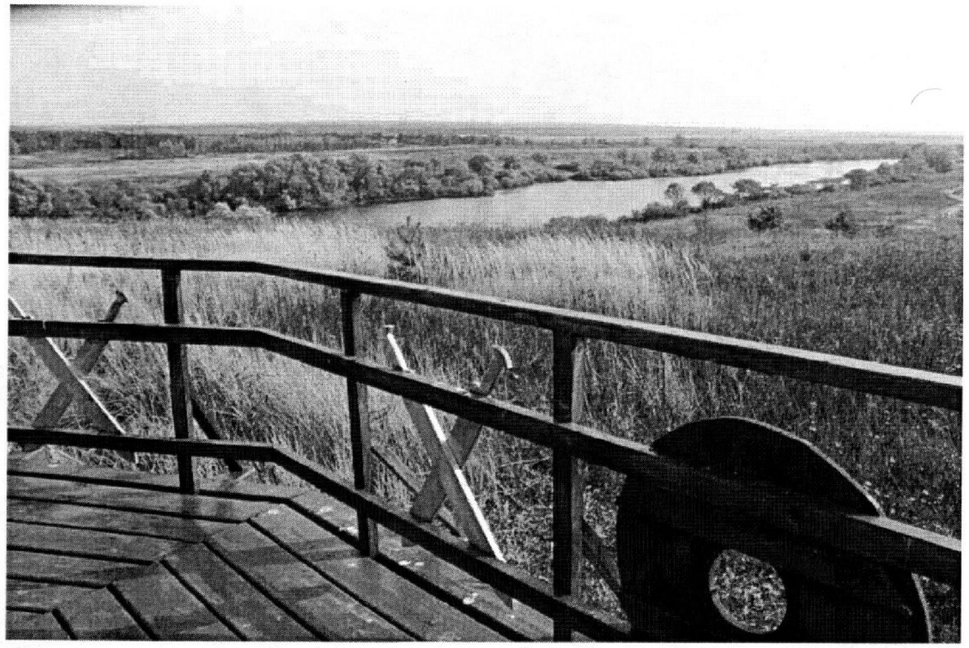


Фото 2. Смотровая площадка национального парка «Угра» с видом на Дворцовско-Залидовские луга – эпицентр боевых действий осенью 1480 г. Фото *В. П. Новикова.*

проницательные и дальновидные люди едва ли отдавали себе полный отчет в действительном значении происшедших событий. Победа на Угре осенью 1480 г. относится к тем подлинно великим историческим феноменам, реальное значение которых с течением времени возрастает, и осознание их истинного смысла и масштабов приходит только впоследствии».

Возвращаясь к оценке значимости кампании 1480 г. историками XIX в. («безгероичный» характер событий, «бесхарактерность» и «бесцветность» московского правительства и т. д.), стоит заметить, что тот же Н. М. Карамзин общий итог «Великого Стояния» видел в том, что «Иоанн… не увенчал себя лаврами, как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства».

В начале 1990-х гг., в период распада Советского Союза, когда вновь остро встали вопросы государственности, суверенитета, дальнейших путей развития, наблюдалась заметная вспышка интереса к событиям «Великого Стояния» и у историков, и у общества в целом. Несмотря на наличие спорных моментов в характере итогов военной кампании 1480 г., проявившихся в ходе обсуждений, одно в настоящее время совершенно очевидно: «Стояние на Угре» стало важнейшим этапом в истории России. Оно «де-юре» закрепило правовой статус Руси как независимого государства. Если кровопролитная триумфальная победа на Куликовом поле означала начало активной борьбы за освобождение от ордынской зависимости, то не очень шумная, «бес крови» победа на Угре означала конец этой, 240-летней зависимости и восстановление полного национального суверенитета Русской земли.

Исторические следствия победы на Угре в связи с этим шире, многограннее и фундаментальнее победы на Непрядве. Ужевскоре после угорских событий обозначились заметные успехи внешней и внутренней политики «государя всея Руси», которые очень высоко оценил в свое время К. Маркс: «Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва ли подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах». Россия (само название страны появилось именно в это время) получила международное признание как сильное независимое государство.

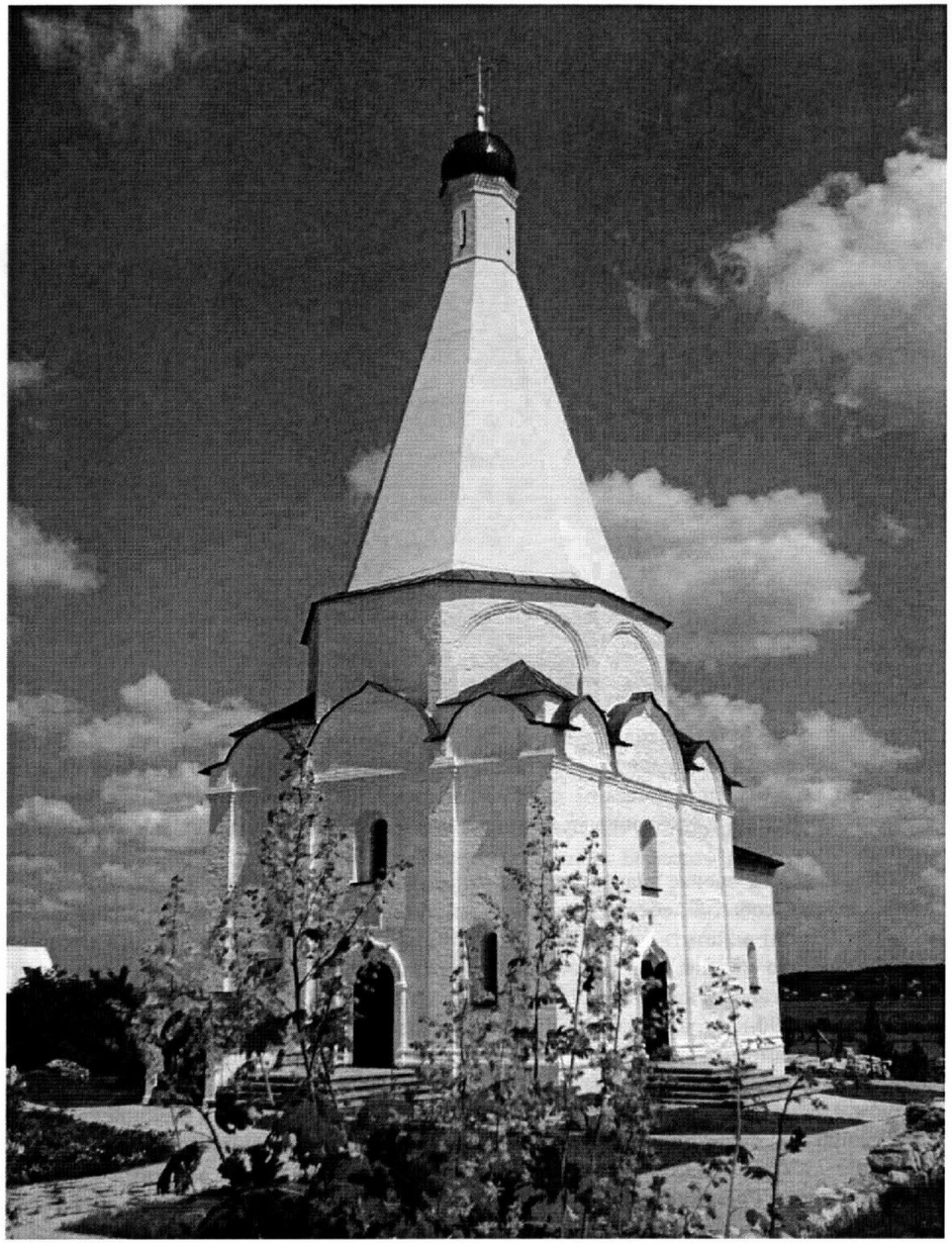


Фото 3. Собор Спаса-Преображения Спасского Воротынского монастыря.
Фото из архива монастыря.

Впечатляют и прямые плоды победы на Угре. Вскоре после Куликовской битвы, в 1382 г., Москва была разорена и сожжена. После угорской победы, в 1485 г. началась перестройка всего Кремля. Всего за двадцать с небольшим лет он превратился в резиденцию монарха могучего государства с мощными укреплениями, полным набором дворцовых каменных зданий, учреждений, кафедральных и придворных соборов. Эта грандиозная стройка, потребовавшая больших расходов, осуществилась во многом благодаря победе на Угре, после которой Россия окончательно освободилась от выплаты дани. Сюда же нужно добавить экономический рост и подъем искусств и культуры в целом, пришедшийся на конец XV в.

Фото 4. Памятник «Великому Стоянию на Угре» на Киевском шоссе.
Фото *И. В. Болдина.*

Наконец, в 1498 г. по решению Ивана III на «великие княжения» был венчан в качестве соправителя и наследника Дмитрий-внук, сын умершего в 1490 г. великого князя Ивана Молодого. С тех пор верховная власть в России стала передаваться по наследству, единственным источником ее легитимности являлся правящий монарх. Истоки России как государства, уходящего из Средневековья в раннее Новое время, лежат в стране, обретшей себя после событий 1480 г.

Время, о котором писал Ю. Г. Алексеев пришло, в наши дни победа на Угре вне всякого сомнения осознается как крупнейшее событие эпохи.

Стойкость и мужество русских воинов в боевых действиях на берегах Угры в 1480 г., не допустивших прорыва полчищ Ахмата вглубь московских земель — подвиг наших далеких предков, достойный служить патриотическим напоминанием о доблести защитников Русского государства. Сама же угорская территория, на которой разворачивались многодневные ожесточенные бои «Великого Стояния», по праву занимает свое место в ряду многих других Полей ратной славы Отечества.

Благодаря усилиям самых различных калужских организаций и учреждений за последние два — два с половиной десятилетия жители области приобрели расширенные знания о «Великом Стоянии», заметно вырос интерес к этим событиям, пришло осознание исторической значимости свершившейся победы на Угре. Перечислим коротко основные совокупные итоги деятельности по мемориализации «Угорщины».

Сохранение памяти о героическом военно-историческом прошлом в России издавна сводилось к двум основным направлениям. Хорошо известная традиция христианских стран — «крест-часовня-храм», а также религиозные обряды, связанные с поминовением участников событий, дополнялись гражданской мемориализацией: торжественным празднованием юбилеев, установкой монументов разной композиционной сложности либо скромных обелисков. В XX в. распространенной формой сохранения памяти о событиях

Фото 5. Открытие Памятного камня на берегу Угры близ с. Дворцы. Октябрь 2013 г.
Фото из архива национального парка «Угра».

военной истории стало создание на полях наиболее значимых сражений музеев и музеев-заповедников, основу деятельности которых можно выразить триединой формулой: «изучение, сохранение, пропаганда».

Увековечивание памяти о «Великом Стоянии» не стало исключением. Храмом-памятником угорским событиям 1480 г. в региональном краеведении признается шатровый столпообразный Преображенский собор Спасского Воротынского монастыря, основанный, как полагают исследователи, при участии и поддержке князей Воротынских в конце XV в. Вскоре после победы над Ахматом Воротынские «отходят» от Литвы и возвращаются на службу к московскому князю со своими «отчинами»; их земли окончательно отходят к Москве. На вновь обретенной русской территории монастырь стал символом утверждения Московского государства и торжества православной веры.

В силу уже отмеченного выше очевидного исторического парадокса — недооценки значимости событий 1480 г. в общественном сознании (вопреки историческим фактам), празднование 500-летия победы на Угре было «скромным» и «бледным» (оценка участников юбилейных мероприятий) на фоне совпавшего по времени и широко отмечавшегося 600-летия Куликовской битвы. Показательно, что на состоявшейся в Калужском педагогическом институте научной конференции, посвященной обеим датам, главное выступление о событиях на Угре отводилось первому секретарю Калужского обкома КПСС — мероприятие было больше политическим, чем научным.

К юбилею было приурочено и сооружение крупного мемориала в честь отмечаемых событий 1480 г., но непосредственно к этой дате удалось поставить лишь памятный знак на дамбе у моста через Угру на Киевском шоссе. Скульптурная композиция была открыта позже, в 1986 г. Она находится там же, на обочине шоссе, чуть дальше от берега реки. Памятник, установленный на земляном холме, изображает русских воинов с полной боевой выкладкой, символизируя неустрашимость и непокорный дух русского народа, сбросившего ордынское иго. Стволы артиллерийских орудий у подножия холма служат напоминанием об ожесточенном сражении, в котором была добыта победа на реке Угре.

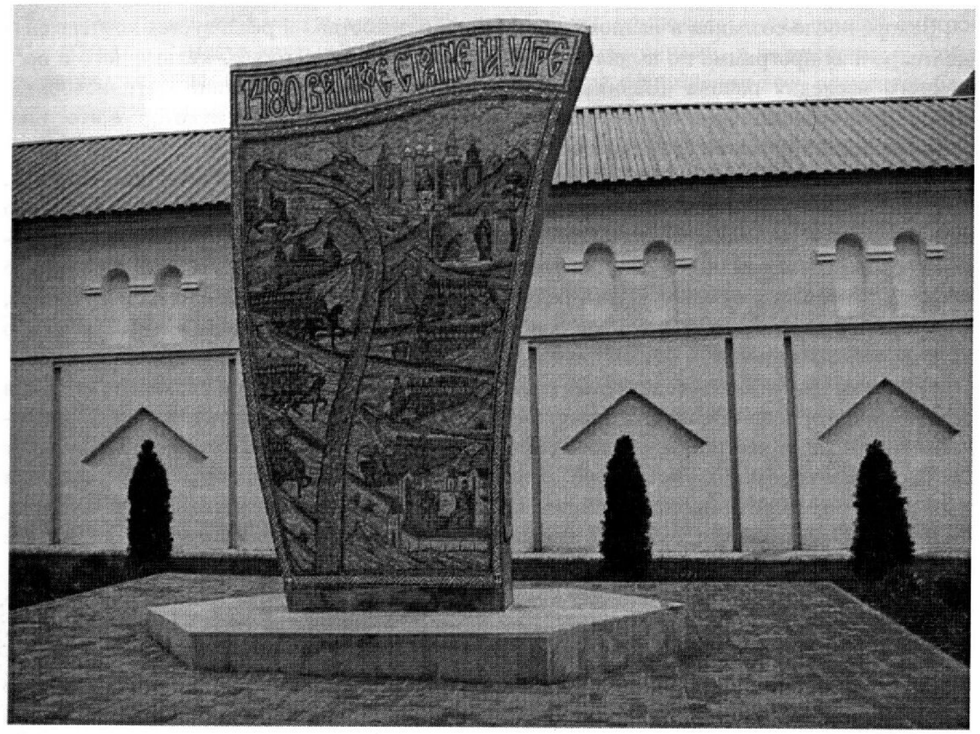


Фото 6. Памятная стела у стен Калужской Свято-Тихоновой пустыни.
Фото из архива национального парка «Угра».

Началом отчетливо обозначившейся тенденции роста интереса к событиям 1480 г. явилась публикация Е. В. Чайкина «Угорщина: Великое стояние на реке Угре», вышедшая в 2000 г. В ней представляются и анализируются различные моменты угорской кампании. В самом выразительном и красочном разделе книги впервые были опубликованы миниатюры Лицевого летописного свода, отражающие события «Великого Стояния». Изданию предшествовала очень хлопотная, трудоемкая и технически сложная работа по выполнению фотокопий (в те годы — с помощью пленочного фотоаппарата) с летописных оригиналов, хранящихся в Национальной Российской библиотеке г. Санкт-Петербурга. На основе данной книги в школе № 28 г. Калуги В. И. Чайкина разработала факультативный курс по теме «Угорщина». В школе был создан музей «Великого Стояния», участники факультатива обучены вести в нем экскурсии, читать специализированные лекции; ими же устраивались театрализованные представления по теме.

Территория боевых действий на реке Угре — это военно-исторический памятник, который определяется как «поле сражения». Поля битв, сражений — особый объект изучения и охраны. Это обширные пространства, в которых тесно взаимосвязаны природная и историко-культурная составляющие. Кроме того, в этой историко-ландшафтной среде живут и работают люди. Поэтому наиболее удачной, сравнительно недавно возникшей формой сохранения, восстановления и изучения таких территорий, избавленной от бремени ведомственных барьеров между органами охраны историко-культурных и природных объектов, стали национальные парки. Созданный в Калужской области в 1997 г. национальный парк «Угра» в качестве приоритетных поставил перед собой именно эти задачи.

«Великое Стояние», как поле битвы, имеет большую специфику. Противников в ходе сражения разделяла река. В отличие от Куликова и Бородинского полей, Прохоровки и др., где район развертывания боевых действий известен с большей или меньшей точностью, события 1480 г. растянуты как во времени, так и в пространстве; точная локализация генерального сражения 8—11 октября остается под вопросом.

Вскоре после создания в национальном парке разработана и реализуется комплексная долгосрочная программа по выявлению всей совокупности историко-культурного и природного наследия района «Великого Стояния на Угре», сохранению этого историко-ландшафтного комплекса, его изучению и использованию. Отметим некоторые итоги научно-исследовательской деятельности парка по этой программе.

Все предшествующие исследования «Великого Стояния» сводились, как правило, к анализу данных письменных источников. Подход национального парка принципиально отличен: объектом его изучения является обширная территория, на которой разворачивались события осени 1480 г. Их удаленность во времени, отсутствие каких-либо выраженных следов в рельефе (рвы, редуты), противоречивость письменных источников, отсутствие таких видов документов, как мемуарная литература, официальные отчеты о боевых действиях и т. д., в разряд первостепенных поставили археологические работы.

Наиболее ощутимые и конкретные результаты были получены при раскопках остатков летописных городов «Великого Стояния»: Воротынска, Опакова, Залидова. На Воротынском городище, в частности, удалось зафиксировать следы мощных строительных работ по переделке городских укреплений — вала и рва. Многочисленные вещевые находки позволили определить период времени, когда эти работы производились: XV—XVI вв. Летописный рассказ конца XV в. о событиях «Великого Стояния» содержит сообщение о «старом» и «новом» Воротынске, разоренном Ахматом. Под «старым» и «новым» городом, вероятнее всего, имелись в виду стены Воротынской крепости. Таким образом, между летописным текстом и обнаруженными следами перестройки городских укреплений, возможно, есть какая-то связь.

Особо впечатляющие результаты получены при раскопках Опакова городища, где найдены остатки каменной оборонительной башни-донжона XV в., связанные с периодом литовского владычества на угорской территории. Слой мощнейшего пожарища, выявленный у стен башни, может быть свидетельством «пленения» города ордынцами осенью 1480 г., о чем также сообщает летописец (хотя более вероятным представляется предположение, что Опаков погиб в ходе московско-литовской войны 1486—1494 гг.).

Помимо археологических работ парк ведет исследования по другим направлениям, например — изучение топонимики и гидронимики в районе «Великого Стояния». Здесь выделяется ряд топонимов (Сабельникова Гора, Колыхманово, Палатки, Щелканово, Дворцы и др.) и гидронимов (озеро Татарское), запечатлевших, можно полагать, память об этом событии. Составная часть исследований — выявление на местности и картах древних дорог, мест переправ, перевозов и бродов через Угру. Ведется сбор легенд и преданий, бытующих о событиях 1480 г. в долине Угры. Изучается палеогидрология самой реки. Предпринимаются попытки реконструкции исторического ландшафта времени «Великого Стояния» — конца XV в. Не вызывает сомнения факт существенной трансформации ландшафтов этого региона за прошедшие более чем 500 лет, в первую очередь, в результате антропогенного воздействия. Задача данного направления работ — выявление природных комплексов или их отдельных элементов, претерпевших наименьшие изменения, которые с известной долей условности могут быть определены как исторический пейзаж. Этому способствуют археолого-географические исследования с применением комплекса современных естественнонаучных методов: изучение палеопочв, геолого-геоморфологического, палеоботанического, геофизического обследования, радиоуглеродного датирования и др.

В 2011—2013 гг. национальным парком выполнены масштабные работы по мемориализации района угорских событий 1480 г. по проекту Европейской комиссии «Культурные ландшафты: традиции для развития». Объектом мемориализации стала обширная территория, бывшая свидетелем происходивших на нем событий. Главным экспонатом этого своеобразного гигантского «музея» под открытым небом выступает само пространство. Именно оно является хранителем исторической памяти и местом поклонения ратному подвигу наших предков, способствуя эмоциональному восприятию далекого прошлого.

Основная идея музеефикации заключалась в прокладке системы обзорных маршрутов по территории, где разворачивались события 1480 г. Наиболее интересные натурные объекты «Великого Стояния» специально обустраивались для посещения: в целях лучшего

обзора местности на ключевых участках сооружались приподнятые над землей смотровые площадки; места крутых подъемов снабжались лестницами; в важнейших пунктах осмотра устанавливались информационные щиты. При оформлении всех элементов благоустройства использовались изобразительные знаки и символы мемориального события.

Важной составляющей работ по указанному проекту явилась организация празднования Дня памяти «Великого Стояния», приуроченного к дате победоносной битвы 8—11 октября 1480 г. Разрабатывая праздничные мероприятия, национальный парк исходил из того, что эти торжества станут традиционными и ежегодными. Программа праздника была очень насыщенной. Она открывалась благодарственным молебном в Успенском соборе Свято-Тихоновой пустыни, затем последовала церемония принятия присяги молодыми кадетами здесь же, у стен монастыря. Далее торжества продолжились уже на берегу Угры у с. Дворцы, где состоялось открытие Памятного камня, парад-дефиле исторических костюмов, реконструкция фрагментов сражения. Здесь же работала ярмарка сувениров, сопровождаемая выступлениями творческих коллективов и детскими «боями-забавами».

О Памятном камне следует сказать особо. Сам камень — не из тех, каковыми изобилуют берега Угры. На места боев 1480 г. он прибыл из далекой Карелии: сотрудники национально парка придирчиво выбирали породу, цвет и форму камня. Он поставлен на левом («московском») берегу Угры, вдоль которого была растянута оборона русских войск.

Деятельное участие в сохранении памяти о событиях 1480 г. двух угорских монастырей — Калужской Свято-Тихоновой пустыни и Спасского Воротынского — год от года приобретает все больший размах и приносит весьма ощутимые результаты. Сопричастность мемориализации одного из ратных полей Отечества совершенно естественна для этих обителей: рядом с Тихоновой пустынью находился эпицентр генерального сражения 1480 г.; Спасский Воротынский монастырь воздвигнут на территории, бывшей свидетелем «Великого Стояния»; само его установление связано с увековечиванием памяти о доблестной победе.

В благодарную память за помощь в спасении Руси от ордынского ига Свято-Тихоновой пустынью в 2007 г. основан скит в честь Владимирской иконы Божией Матери — заступницы земли Русской. Он поставлен на берегу Угры в с. Дворцы — близ предполагаемого места генерального сражения 1480 г. 9 сентября 2014 г., накануне празднования Дня памятиугорских событий 1480 г., во Владимирском скиту состоялось открытие исторического музея-диорамы «Великое стояние на реке Угре». Тогда же вновь созданный музей был освящен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

Создание столь значимого для Калужского региона проекта было инициировано и осуществлено силами монастыря Свято-Тихонова пустынь при деятельной поддержке Калужской администрации. Специально для диорамы во Владимирском скиту построен музейный корпус с особой акустикой и освещением, в котором разместилось художественное полотно высотой 6,7 м и длиной 23,6 м.

Проект музейного комплекса выполнялся в мастерской архитектора О. Гридасова. Над живописным полотном и предметным планом диорамы в течение года трудилась группа художников студии им. М. Б. Грекова. Открытие диорамы «Великое стояние на Угре» незадолго до безвременной кончины ее главного автора — художника П. Рыженко — стало лучшей памятью об этом мастере батальной исторической живописи.

Экспонаты обширной предметно-познавательной экспозиции музея погружают посетителей в атмосферу эпохи, современной событиям «Великого Стояния», позволяют стать свидетелями канувших в лету, но не утративших своей значимости событий в истории России.

О победе русских ратников, одержанной на берегах Угры, напоминает и великолепная мозаичная стела-панно, установленная у монастырской стены. Лицевая ее сторона имитирует миниатюру летописного свода с изображением сцены генерального сражения, точнее — ее художественную переработку. Тыльная часть, выполненная в той же мозаичной технике, воспроизводит фрагменты летописного текста, отражающие ключевые моменты событий 1480 г.

Спас-Воротынский монастырь также имеет планы по созданию музейной экспозиции «Великого Стояния на Угре» на своей территории; подготовительные работы уже ведутся. Но в настоящее время он сосредоточился на другом виде деятельности, связанной с сохранением памяти о событиях 1480 г. Совместно с Воротынской школой искусств ежегодно организуется областной конкурс-фестиваль «Угра — пояс Пресвятой Богородицы». О масштабе мероприятия свидетельствуют цифры: конкурс 2014 г., третий по счету, объединил более двух с половиной тысяч участников.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В СОДЕЙСТВИИ ОХРАНЕ И МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ИЛЬИНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА 1941 г.

***О. Н. Комиссар**, к. т. н., краевед, ген. дир.,*
Государственный научный центр РФ ОНПП «Технология»

Со времен сдерживающих превосходящего по силе противника боев Красной Армии на Варшавском шоссе в период с 5 по 18 октября 1941 г. прошло 74 года. Эти героические и, в то же время, трагические события сыграли важную роль в общем результате Московской оборонительной операции и предопредели дальнейший ход Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Неоспоримые свидетели того времени в виде железобетонных фортификационных сооружений до сих пор в большом количестве молчаливо стоят на протяжении всей Можайской линии обороны от Волоколамска (на севере) до Калуги (на юге).

В соответствии со статьей 3 Федерального закона № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» противотанковый опорный пункт на Варшавском шоссе в селе Ильинское Малоярославецкого укрепленного района № 37 Можайской линии обороны, созданный в период с августа по октябрь 1941 г. для защиты Москвы на дальних подступах, можно классифицировать как ансамбль — четко локализуемая на исторически сложившейся территории населенных пунктов Ильинское, Лукьяново и Подсосино группа железобетонных сооружений фортификационного назначения. Большое разнообразие фортификационных сооружений в виде железобетонных долговременных огневых точек (дотов), их высокая плотность расположения, хорошая степень сохранности, доступность для изучения конструктивных особенностей и боевых повреждений, причастность сооружений к героическим событиям октября 1941 года битвы за Москву Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, частые находки на этой местности не захороненных останков погибших воинов РККА делают местность Ильинских рубежей исторически уникальной и социально значимой для сохранения памяти о подвиге нашего народа в борьбе за независимость от вторгшихся немецких оккупантов[1].

Деятельность ветеранов подольских военных училищ — участников боев на Ильинском рубеже и их родственников

Начиная с 1966 г. рубеж стал активно посещаться бывшими курсантами и командирами подольских военных училищ — непосредственными участниками боев и их родственниками. В ту пору они были в основном в возрасте от 40 до 50 лет. Именно в этом году на рубеж вместе со своей бабушкой Елизаветой Николаевной Алешкиной впервые приехала трехлетняя внучка Ирина Алешкина (ныне Ирина Владимировна Бабакова). Мероприятия ветеранов проходили, как правило, дважды в год — 9 мая на День Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и 5 октября на День Памяти о начале боевых действий на Ильинском рубеже[2].

Фото 1. Ветераны на доте № 1 «Андропова» во время митинга 9 мая 1968 г. в с. Ильинском. Фото музея «Ильинские рубежи».

Посещали с. Ильинское, в том числе, командир отряда авиадесантников* И. Г. Старчак и начальник Подольского пехотного училища** генерал-майор В. А. Смирнов. Наибольшую активность в организации мероприятий проявлял начальник Подольского артиллерийского училища*** генерал-лейтенант И. С. Стрельбицкий. Благодаря его настойчивости через девять лет 8 мая 1975 г. в ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне на месте ожесточенных боев в селе Ильинское, возле моста через реку Выпрейка был открыт мемориальный комплекс «Ильинские рубежи», включающий в себя Курган Славы с Вечным огнем, памятник подольским курсантам, военно-исторический музей и два железобетонных дота — орудийный полукапонир для 45-мм противотанковой пушки (дот № 1 в современной классификации) и пулеметный каземат тяжелого типа (дот № 2). Это событие положило начало работам по охране и музеефикации железобетонных долговременных сооружений на Ильинском рубеже.

Со временем годы неумолимо брали свое. Состояние здоровья уже далеко не каждому ветерану позволяло ежегодно приезжать на курсантский рубеж. 9 мая 1998 г. Е. Н. Алешкина последний раз смогла посетить могилу своего мужа лейтенанта А. И. Алешкина в с. Ильинском. Инициативу по проведению работы подхватили бывший курсант ПАУ, участник боев на рубеже, Председатель Совета ветеранов Подольских военных училищ Николай Иванович Меркулов и повзрослевшая внучка лейтенанта А. И. Алешкина Ирина Владимировна Бабакова. В 2011 г. в ознаменование 70-летия Битвы под Москвой ими был открыт Благотворительный Фонд имени Подольских курсантов. Уже через год 9 мая 2012 года Губернатор Калужской области А. Д. Артамонов торжественно открыл экспозицию под открытым небом «Алешкинский дот», включившую в себя орудийный каземат усиленного типа для 45-мм противотанковой пушки (дот № 20), памятный знак на месте первичного неучтенного захоронения гарнизона дота и обелиск-памятник 4-й батарее ПАУ. Приказом Министра культуры и туризма Калужской области П. А. Суслова от 21 января 2015 г. № 12 «Дот Алешкина» признан выявленным объектом культурного наследия.

---

* Должность по состоянию на октябрь 1941 года.
** Должность по состоянию на октябрь 1941 года.
*** Должность по состоянию на октябрь 1941 года.

Фото 2. Командиры орудийных расчетов 4-й батареи ПАУ А. Г. Шаповалов, И. И. Мусеридзе и девочка девяти лет Ирина Алешкина (Бабкова И. В. ныне), внучка лейтенанта А. И. Алешкина, возле дота № 20 9 мая 1972 г. Фото *В. А. Лычагина.*

Активную военно-патриотическую работу ведет председатель Тульского областного молодежного поискового центра «Искатель» Дмитрий Викторович Куренков — внук бывшего курсанта ПАУ Ивана Васильевича Куренкова, участника боев на Ильинском рубеже. В 2011 г. внук Д. В. Куренков в с. Ильинском организовал летний военно-патриотический лагерь для школьников Тульской области, во время которого была проведена расчистка от грунта орудийного полукапонира для 45-мм противотанковой пушки лейтенанта Мусеридзе (дот № 26).

Работа общественности

Несмотря на молодую историю жители наукограда Обнинск всегда трепетно относилась к военно-патриотической работе по увековечиванию памяти подвига советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Силами молодежи и ветеранов города командир 312-й стрелковой дивизии* Александр Федорович Наумов организовал поиск незахороненных останков бойцов дивизии, павших смертью храбрых при защите Малоярославецкого укрепленного района № 37 в октябре 1941 г. В 1974—1975 гг. силами Строительно-монтажного управления № 3 г. Обнинска велись работы по созданию мемориала «Ильинские рубежи». Градообразующие предприятия направляли молодежь для проведения субботников по облагораживанию территории будущего мемориала. Сборку памятника подольским курсантам на Кургане Славы из отдельных бетонных блоков поручили обнинской комсомольско-молодежной бригаде под руководством сварщика-монтажника СМУ-3 Котова Евгения Ивановича. Он так вспоминает события — «В Ильинском строители мемориала жили в вагончиках. Материалы для строительства начали завозить зимой 1974 года. Сначала забили 12 свай, а на них из грунта насыпали курган. На торце свай залили бетонную плиту в виде гигантской шайбы. Фигуры памятника пустотелые. Сначала мы сделали металлический каркас, а затем к нему приваривали армату-

* Должность по состоянию на октябрь 1941 года.

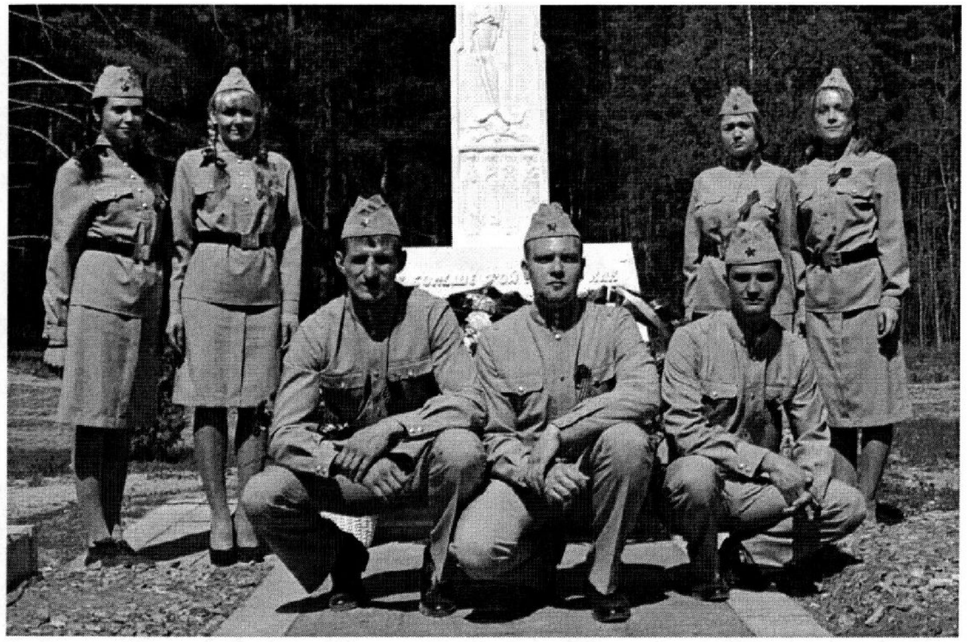


Фото 3. Военно-патриотический отряд «Ильинский патруль». Фото отряда.

ру бетонных фрагментов-кубиков памятника. На торжественном открытии мемориала мне доверили нести знамя областного комитета комсомола Калужской области» (записано О. Н. Комиссаром 3 марта 2014 г. в г. Обнинске).

Ильинские доты благодаря разнообразию типов конструкций и прекрасной сохранности давно привлекали к себе краеведов-исследователей из Москвы и других городов страны. Первая группа краеведов-фортификаторов из Обнинска прибыла для изучения рубежа летом 2008 г. За два года удалось провести первичное обследование местности площадью около 50 кв. км, выявить, изучить и описать пятьдесят одно железобетонное фортификационное сооружение[3]. В 2014 г. группа молодых краеведов из Обнинского ОНПП «Технология» создала военно-патриотический отряд «Ильинский патруль» (регистрационный № 105 от 1 октября 2014 г. в Реестре поисковых общественных объединений Калужской области), который увеличил список выявленных дотов до восьмидесяти двух единиц, из них — 40 монолитных дотов усиленного и тяжелого типа и 42 сборных дота легкого типа.

Отряд ведет работы по их очистке от грунта и мусора, маркировке, описанию и классификации дотов, установке опознавательных табличек и туристических указателей. В 2015 г. результаты отряда в виде настенной карты-банера и бумажных карт были подарены военно-историческому музею «Ильинские рубежи».

Под руководством кандидата исторических наук заведующего научно-экспозиционным отделом Калужского краеведческого музея Игоря Вячеславовича Болдина отряду удалось провести геодезические работы и подготовить документы по границам и составу особо охраняемых земель Ильинского оборонительного рубежа. Приказом Министра культуры и туризма Калужской области П. А. Суслова от 21 января 2015 г. № 16 группа из пятидесяти дотов признана выявленными объектами культурного наследия.

Большую работу по расчистке дотов рубежа проводят жители поселения «Ковчег». Они взяли шефство над дотами 4, 5 и 6, гарнизоны которых были укомплектованы из курсантов восьмой роты Подольского пехотного училища.

Над пятью дотами в районе урочища Большая Шубинка взяла шефство группа под руководством Игоря Владимировича Чаркина (Москва).

В полевых исследованиях, печати карт и архивном поиске по вопросам фортификации неоценимую помощь оказывает группа краеведов-фортификаторов из Москвы в составе

Фото 4. Военно-патриотический отряд «Ильинский патруль» во время работы на Ильинском рубеже. Фото отряда.

Сергея Александровича Антонова, Игоря Александровича, Кабанова Алексея Александровича Метлова. Большую помощь оказывают краеведы из Малоярославца Александр Федорович Михеев и Анатолий Иванович Тремпольцев. Практическую помощь в выявлении железобетонных дотов оказали уроженцы населенных ближайших к рубежу пунктов Людмила Алексеевна Силкина (Ильинское), Анатолий Григорьевич Пикос (Ильинское), Наталья Ивановна Барвинская (Сокольники), Валентин Владимирович Старосельский (Кудиново), Виктор Викторович Сорокин (Ильинское), Алексей Дмитриевич Патрохаев (Подсосено), Ирина Анатольевна Трусова (Сокольники).

Уникальные архивные документы по строительству Ильинского оборонительного рубежа отряду «Ильинский патруль» предоставили Галина Ярославовна Грин и Анатолий Борисович Воронин (Москва).

В 2015 г. отрядом «Ильинский патруль» опробована новая форма работы с молодежью — проведение историко-трудовых десантов под девизом «Защитим Ильинский рубеж», во время которых участники могут не только на дотах ознакомиться с героическими фактами их обороны, но и внести посильный вклад в из расчистку и подготовку к приходу других туристов.

Вклад военно-поисковых объединений

Несмотря на близость Варшавского шоссе, наличие населенных пунктов и дачных участков на Ильинском рубеже силами военно-поисковых объединений «Беспокойные сердца» (с. Панское Малоярославецкого района, командир Е. Н. Борисова), «Обнинские следопыты» (г. Обнинск, командир Г. В. Слесарева), «Память» (г. Подольск, командир И. А. Красильников) ежегодно поднимаются не захороненные останки воинов РККА, погибших с 11 по 20 октября 1941 г. при защите рубежа. Так, в 2014 г. в районе пулеметного дота № 21 и орудийного дота № 26 найдены останки семи неизвестных советских воинов, пять из которых содержали петлицы и другие признаки курсантов подольских военных училищ. Бойцы отрядов оказывают посильную помощь в расчистке дотов от грунта и мусора.

Фото 5. Историко-трудовой десант «Защитим Ильинский рубеж». Фото ОНПП «Технология».

Новая форма работы учащихся школ

В средней школе № 11 имени Подольских курсантов города Обнинска (директор А. А. Гераскин) школьники совместно с отрядом «Ильинский патруль» провели уникальный эксперимент — своими руками изготовили исторически достоверный макет центрального участка Ильинского рубежа. Для подготовки к макетированию школьники провели полевое обследование рельефа местности, изучили расположение противотанковых

Фото 6. Макет Ильинского рубежа учащихся школы № 11 г. Обнинска. Фото школы.

К-8772

рвов, естественных оврагов и эскарпов восточного берега реки Выпрейка. Карта местности образца 1941 г. была с помощью мультимедийного проектора спроецирована и нанесена на пенопластовую основу макета. Размещение дотов было выполнено с помощью схема, полученной отрядов «Ильинский патруль» в результате своих полевых исследований. Для расстановки на макете бронетехники, орудий и пехоты школьники изучили исторические факты боев и немецкие фотографии октября 1941 г. Свой макет школьники представляли в музее «Ильинские рубежи» 7 мая 2015 г. накануне празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Заключение

«Пройдут годы суровых испытаний, залечатся раны, нанесенные нашему городу Москве фашистским зверьем, а рожденный в грозные для столицы дни трудом и потом трудящихся Ильинский рубеж на дальних подступах будет местом массовых экскурсий и памятью о славном советском оружии, его народе, развеявшем в прах коричневую чуму под гениальным водительством нашего маршала Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА. 12 августа 1943 г., Ильин К. И., строитель Ильинского рубежа»[4].

Примечания

[1] См.: *Комиссар О. Н., Светлакова А. В.* Ильинский оборонительный рубеж противотанковой обороны Малоярославецкого укрепленного района № 37 в октябре 1941 года // Малоярославецкая земля: Исторический альманах. — Вып. 1: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. — Малоярославец: Музей истории и краеведения г. Малоярославца, 2015. — С. 50—59.

[2] См.: *Воронкина Е. С.* Красные юнкера: Подвиг Подольских курсантов на Ильинских рубежах в октябре 1941 года / ГБУК КО Калужский областной краеведческий музей. — Калуга: Полиграф-Информ, 2011.

[3] См.: *Комиссар О. Н.* Реконструкция событий оборонительных боев на Ильинском рубеже 11—18 октября 1941 г. путем исследования состояния фортификационных сооружений // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5—7 апреля 2011 г. — Калуга: Полиграф-Информ, 2011. — С. 228—232.

[4] Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. IX. Оп. 21. Д. 4.

ЛОКАЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА РУБЕЖЕ УГРА-ФРОНТ

***А. С. Коваленко**, н. с., Национальный парк «Угра»*

Память о локальных эпизодах Великой Отечественной войны держится и поддерживается в любой местности — ведь достижение Победы зависело от усилий всех и каждого. Однако боестолкновения локального масштаба остаются известными преимущественно в ближних окрестностях, или вовсе растворяются в статистических сводках. Бои же, происходившие в 1941—1943 гг. на территории национального парка «Угра», могут получить более широкое значение.

Сохраняя свои пейзажи неприкосновенными, парк одновременно призван знакомить граждан с этой «культурной ценностью». В частности, практикуется прокладывание экскурсионных маршрутов, демонстрирующих условия местности на участках боев Великой Отечественной войны — достаточно оригинальный подход к историко-мемориальной работе. Посетителям предстают крутые высоты и широкие низины, открытые поля и лесные опушки, излучины рек и кромки оврагов, и сохранившийся до наших дней лабиринт оборонительных траншей. Используемые для оформления маршрутов реконструкции военно-инженерных сооружений — от маленьких противопехотных ежей до громоздкого блиндажа — имеют аналоги в некоторых музеях, но в парке они размещаются непосредственно на месте таких же сооружений военного времени. Для экскурсионного осмотра

подготовлены, полностью или частично, пять памятных мест: советский военный аэродром 1941 г., участок оккупированного противником берега р. Угры и два плацдарма советских войск 1942—1943 гг., командный пункт Западного фронта 1943 г.

Указанные объекты находятся западнее г. Юхнова в полосе, прилегающей к 35-километровому отрезку р. Угры — линии фронта с марта 1942 г. Советские войска, оттеснив немцев с ближних подступов к Москве и достигнув нашей реки, были вынуждены остановиться перед заблаговременно подготовленным противником укрепленным рубежом. Рубеж был занят тремя, позднее — двумя пехотными дивизиями, боевые участки которых в свойственной немецкому языку манере назывались собственным именем — Ugra-stellung, «Позиция Угра», Угра-фронт[1] в русском переводе.

В марте—апреле 1942 г. 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина вела бои за прорыв данного рубежа, известные своей особенной кровопролитностью для обеих воевавших сторон. В частых контратаках против наступающих «большевиков» разом погибало по многу десятков германских солдат. Немцам для удержания позиций пришлось израсходовать резервы своих дивизий. В одном случае дошло до отправки в огонь поваров, ездовых, писарей, телефонистов[2]. И. Г. Захаркин, зная о разреженности боевых порядков противника, настойчиво искал слабые места в немецком рубеже. Попытки наступления попеременно предпринимались на всем протяжении Угра-фронта. Ворваться на вражеский берег обычно удавалось, но в течение нескольких суток враг оттеснял или уничтожал наши подразделения. При разборе причин неуспеха командование 49-й армии не ссылалось на измотанность войск и необученность пополнений. Это принималось как неизбежное; внимание же заостряли на действиях отдельных командиров, выбивавшихся из общего наступательного порыва. Первой за Угрой советские войска отбили д. Русиново и удерживали ее трое суток в расчете навести по льду бревенчатый настил для танков. Враг тем временем собрался с силами и вернул Русиново. Запоздание с настилом было поставлено в вину командиру саперного батальона, руководившему работами через посыльных без своего личного присутствия[3]. Другой пример — в наступлении между д. Войтово и д. Папаево командир одного из стрелковых батальонов разместил командный пункт на «советском» берегу Угры, что осложнило руководство его бойцами, втянувшимися в лесной массив за рекой. Подразделение замешкалось и не поддержало глубоко прорвавшегося соседа, чей успех в итоге был утрачен[4].

С конца апреля, и до отступления немцев в марте 1943 г., на Угре тянулись позиционные бои — не только перестрелки. Обе стороны совершали набеги на траншеи своего противника, сначала на советских плацдармах за рекой, а после ее замерзания — и на других участках фронта. В ходе этих вылазок совершалось истребление боевого охранения, захват «языков», порча вооружения и подрыв укрытий. При этом части 49-й армии не избежали нареканий за формальное отношение к ведению боевых действий. Пример особенной несуразности: на плацдарме в районе д. Суковки летом был оборудован ряд наблюдательных пунктов. Смотровые амбразуры находились невысоко, и зимой обзор оказался перекрыт выпавшим снегом, что было оставлено без внимания. Немцы воспользовались слабостью наблюдения и совершили внезапный набег, после которого у нас выбыло из строя 27 человек[5]. Окончательно выбивать врага с рубежа Угра-фронт не пришлось — он отступил в силу ухудшения всей стратегической обстановки.

Несмотря на суровость общей картины, знакомство с боями на участках отдельных дивизий и полков, напротив, позволяет получить позитивный опыт. *Именно топография, индивидуальный облик каждого памятного места позволяет убедиться, что наши военные умели находить решение боевых задач в самых невообразимых ситуациях.*

Упомянутый Суковский плацдарм представляет собой открытое поле на 2 км в ширину и глубину, у слияния р. Угры и р. Рессы; советским ударным подразделениям приходилось наступать (с 6 по 31 марта 1942 г.) на виду у врага. Армейское командование требовало решительного прорыва в течение суток[6], однако попытки массированных атак немцы пресекали сильным огнем. Тем не менее советские части, прокапывая траншеи в глубоком снегу и припадая к развалинам деревенских построек, шаг за шагом теснили врага. Поэтапно, с интервалом в несколько дней были заняты: пойма р. Рессы, деревенские огороды, первый ряд домов, второй ряд домов, затем — устроенная противником

в поле система снежных и бревенчатых валов. Враг был оттеснен на возвышенность, где развернулись многолюдные столкновения с использованием танков[7]. Затем по соображениям стратегического порядка основной прорыв 49-й армии был перенесен в район д. Павлово, а под Суковкой было приказано перейти к обороне. Территорию плацдарма составили: пойма р. Рессы, пологий и довольно высокий (22 м) склон, и край поля на возвышенности[8]. Из немецких траншей наблюдался лишь передний край советского плацдарма, а основная его территория скрывалась ниже «зрительной оси».

У д. Павлово (ныне — необитаемое урочище Павлово) берег Угры вздымается уступами на высоту 25 м и более. Советские ударные группы сумели зацепиться за эти уступы в первый же день наступления (3—22 апреля 1942 г.). В деревне, строения которой в два ряда протягивались по верху берега на 1 км, начались уличные бои; дополнительно наносились удары на нескольких километрах выше и ниже по течению реки. Когда было принято решение о прекращении наступательных действий 49-й армии (и всей Красной Армии), позиции сторон проходили по деревенским усадьбам и огородам. В последующие месяцы гарнизон Павловского плацдарма постепенно улучшал свое положение, периодически захватывая сотню-другую метров с опорой, в качестве очередных рубежей, на прибрежные ложбины и перелески. Плацдарм в итоге вытянулся вдоль Угры почти на 2 км и вглубь берега на 0,35 км, оставшись прекрасно просматриваемым. На виду был и противник: на правом фланге — в 30—50 м от советских траншей, в центре — в 500 м на открытом поле, на левом фланге — за оврагом с редким леском[9]. Обоюдная открытость для наблюдения не служила сторонам поводом для пассивности. Немцы, например, в сентябре 1942 г. атаковали плацдарм с применением дымовой завесы[10]. Однажды ночью советская разведгруппа проделала проход в проволочном заграждении противника (так называемой трехрядной сети) и проникла в его тыл; на следующий день немцы заделали проход. По возвращении разведчики снова изрезали колючую проволоку, и немцы снова устранили порчу днем[11]. Разведгруппа, таким образом, дважды просочилась не только мимо наблюдательных постов, но и сквозь сплошные и многорядные траншеи противника.

Траншейную сеть по берегам Угры обе стороны начали формировать сразу после снеготаяния, эта работа значительно активизировалась с конца лета 1942 г. У германцев дело доходило до отрывки траншей глубиной в полтора человеческих роста и ходов сообщения для гужевых повозок[12]. На участке берега близ урочища Русиново в настоящий момент имеются траншеи, несмотря на осыпание способные укрыть взрослого человека. Большая глубина обеспечивала надежную защиту от шальных осколков при артобстрелах, но имела оборотную сторону: советские бойцы подползали к такой траншее и, дождавшись немецкий патруль, буквально спрыгивали ему на головы. Разведка, проводившаяся инженерной службой 49-й армии, показала наличие у противника дзотов, имевших индивидуальную конструкцию в каждом случае. По заключению разведки, сила немецкой обороны состояла не в дзотах — их число и защищенность расценивались как небольшие — а в продуманном размещении простейших траншей с огневыми ячейками[13]. Следует оговорить, что на Русиновском берегу укрепления расположены над крутым склоном высотой более 15 м, в силу чего ближняя половина реки и самый склон не просматриваются из траншей; и если «русским» удавалось проскочить или пробраться в эту «мертвую зону», немецкому солдату для ведения огня необходимо было выходить из траншеи. На склоне обнаружены не только следы перестрелок, но и останки советского офицера. Рациональное размещение немецких укреплений (соблюдавшееся и прежде, в весенних боях 1942 г.) не предотвратило многочисленных советских прорывов и вылазок.

Примечания

[1] Термин предложен В. Е. Мартыновым. См.: Угра-фронт // Великая Отечественная война. 1941—1945: Иллюстрированная энциклопедия. — М., 2005. — С. 583—585.

[2] См.: *Гарайс М.* 98-я пехотная дивизия. — М., 2012. — С. 166—178; *Коваленко А. С.* Военно-мемориальные тропы на реке Угре в памятных местах Великой Отечественной войны // Чтения по военной истории. — СПб., 2011. — С. 369— 373; *Коваленко А. С.* Образ боевых действий на реке Угре весной 1942 года // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2009. — С. 160—162.

[3] См.: ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9711. Д. 57. Л. 363—365, 368.

[4] См. там же. Л. 223—231.

[5] См. там же. Ф. «53-й гвардейский стрелковый полк». Оп. 267711. Д. 6. Л. 38, 38 об; Ф. 1086. Оп. 1. Д. 26. Л. 131—157.

[6] См.: *Михеенков С. Е.* Кровавый плацдарм: 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре. 1941—1942. — М., 2012.

[7] См.: ЦАМО. Ф. «755-й стрелковый полк». Оп. 7983. Д. 1. Л. 111—145, 267; Ф. 1086. Оп. 1. Д. 28. Л. 74—85; Д. 29. Л. 1—16.

[8] См. карты: ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9711. Д. 104, 107; Оп. 9739. Д. 15; Ф. 1086. Оп. 1. Д. 20. Л. 13; Д. 26.

[9] См. карты: там же. Д. 82 (прил. 12), 104, 107; Оп. 9739. Д. 15; Ф. «755-й стрелковый полк». Оп.7983. Д. 1. Л. 14, 19.

[10] См.: *Шилов К. К.* Речицкая Краснознаменная: Боевой путь 194-й стрелковой Речицкой Краснознаменной дивизии. — М., 1984. — С. 57.

[11] См.: ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9745. Д. 11. Л. 60 об.

[12] См., напр.: там же. Л. 63; Ф. 1086. Оп. 1. Д. 29. Л. 40; *Ястребов В. Н.* Немецкие полевые оборонительные рубежи (Западный фронт 1942/43 г.) — М., 1945. — Гл. 3 // vn-parabellum.com

[13] См.: ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9745. Д. 11. Л. 70, 74, 83 об., 84.

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ЕЛЕЦКОЕ КНЯЖЕСТВО XIV—XV вв. В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕРХОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)*

***Н. А. Тропин**, д. и. н., зав. каф., Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина*

История возникновения и развития Елецкого княжества теснейшим образом связана с историей княжеств бассейна верхнего течения р. Ока, известных как верховские. Их истории, основанной на анализе письменных, археологических, нумизматических источников, посвящены серьезные работы современных исследователей[1]. Однако, в отличие от территории Верхней Оки письменные сведения о Елецком княжестве не многочисленны. Они известны по источникам в событиях 1389, 1395, 1414—1415, 1483 гг. Некоторые из них от 1146—1147, 1156, 1380 гг. относятся к разряду недостоверных. Известно, что генеалогические истоки князей Елецких ведут свое происхождение от Ивана Титовича Козельского[2]. Видимо, Козельское княжество положило начало истории Елецкого княжества с отдельной династической ветвью князей Елецких. Это могло произойти в 1381—1382 гг.[3].

Учитывая факт немногочисленных и фрагментарных письменных сведений о Ельце, еще 25 лет тому назад были отданы приоритеты археологическим исследованиям средневековых поселений елецкой округи, которые проводились совместно двумя вузами: Воронежским госуниверситетом (рук. экспедиции А. Д. Пряхин) и Елецким пединститутом (рук. Н. А. Тропин). Накопленный за 25 лет результат научных работ в Ельце и его округе, возможно, позволит сопоставить его с итогами работ по изучению памятников Верховских княжеств. Основные наши итоги связаны с тремя исследовательскими направлениями.

Первое исследовательское направление связано с вопросом об историческом развитии территории в бассейне Быстрой Сосны (заселение, границы княжества, контакты). Уже в начале работ мы столкнулись с непреложным фактом, что истории Елецкого княжества, известной по достоверным сведениям XIV—XV вв., предшествовал длительный период в истории славянского и древнерусского населения IX—XIII вв., аналогичный многим процессам, происходящим в бассейне Верхней Оки[4].

Еще в первой половине 1960-х гг. А. Д. Пряхиным проводились раскопки на многослойном Воргольском городище, давшем преимущественно материалы славянского времени IX—X вв. В ходе исследований 1989—1992 гг. было открыто и частично раскопано Паженьское городище с материалами первых веков н. э. и славянского времени. В дальнейшем на многослойном Лавском археологическом комплексе XI—XIV вв. были обнаружены славянские находки. Эти наблюдения позволили высказать А. Д. Пряхину мысль о доживании славянского населения боршевской культуры до конца XI в. в бассейне р. Быстрая Сосна[5]. А автору этих строк — мысль о насильственном переселении славян с Воргольского и Паженьского городищ в конце XI в. на только что возникший Лавский археологический комплекс, расположенный на р. Быстрая Сосна, где произошла их ассимиляция пришлым населением[6]. И если вопрос о племенной принадлежности славян, проживавших на Паженьском и Воргольском городищах остается открытым, то с позиций археологии стало очевидным, что заселение Быстрой Сосны во второй половине XI в. новой волной населения, принесший новые традиции материальной и духовной культуры, произошло из южной Руси (традиции гончарства, кузнечные технологии, христианство). На рубеже XII—XIII вв. бассейн Быстрой Сосны испытывает очередную миграционную волну, уже с территории Верхней Оки, принесший типичный набор вятичских украшений в виде решетчатых перстней, плетенных, витых браслетов и височных колец из бронзы Установленный с опорой на археологические сведения факт заселенности территории Быстрой Сосны в XII—XIII вв. позволил нам «реабилитировать» в этом контексте сообщения поздней по происхождению Никоновской летописи о событиях середины XII в. в этом регионе, считавшиеся недостоверными.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-11-48003 а (р).

Результаты археологических раскопок, прежде всего, на Лавском археологическом комплексе позволили сделать выводы о монголо-татарском разорении территории, о временном прекращении жизни и о ее возобновлении в третьей четверти XIII в. Наиболее благоприятным временем в истории населения на Быстрой Сосне был период третьей четверти XIII — середина XIV в., с которым связан рост численности населения, активная внешняя торговля с владениями Золотой Орды.

Возможности археологии оказались значительны в вопросе выяснения границ развития территории. Еще в 1992 г. с опорой на письменные сведения нами были очерчены границы Елецкого княжества, достигавшие на севере нижнее течение Красивой Мечи, на юге — устье р. Воронеж, на западе — до Ливен, на востоке — по р. Дон[7]. Однако имеющиеся письменные сведения отражали в большей степени ее гипотетическую картину. По данным археологии она значительно меньше.

По результатам разведочных работ 1989—1992 гг. Воронежского университета и дальнейших разведок автора стало очевидно, что наибольшая группа поселений (2/3 от общего количества памятников) концентрировалась в непосредственной округе Ельца на расстоянии не далее 15 км от устья его одноименной реки. Эта территория площадью около 300 кв. км была ограничена левобережьем Быстрой Сосны областью рек Воргола на юго-западе и р. Пальна — на северо-востоке. И если немногочисленные поселения XII — первой половины XIII в. не выходили за пределы указанной территории, то поселения XIV—XV вв. распространялись выше и ниже по течению Быстрой Сосны. В итоге, область нижнего междуречья Воргола и Пальны в левобережье Быстрой Сосны нами стала рассматриваться как основная территория хозяйственного освоения и ядро Елецкого княжества[8]. В ходе дальнейших разведочных работ средневековые поселения XII—XV вв. стали выявляться и в правобережье Быстрой Сосны в непосредственной близости от Ельца[9].

Результаты работ по исследованию границ Елецкого княжества оказались сопоставимы с границами наиболее плотной заселенной округи Брянска. Е. А. Шинаков, исследуя Брянское ополье, пришел к выводу, что самая ближайшая сельская округа расположена не далее чем 12 км от летописного Брянска. Второе же кольцо поселенческой агломерации удалено на расстоянии 13—17 км[10]. Аналогично, предположительно, можно говорить о заселенной округе Козельска, хотя степень ее изученности оставляет желать лучшего[11].

Второе исследовательское направление связано с поиском местонахождения летописного Ельца. Следует сказать, что отсутствие в письменных источниках указаний на его расположение и трудности 1990-х гг. проведения раскопочных работ на территории современного города акцентировали наше внимание на раскопках Лавского археологического комплекса XI—XIV вв., который некоторое время из-за находок городского характера воспринимался нами как летописный Елец. Развернувшиеся в Ельце с 2000-х гг. работы по реконструкции его исторического центра, в ходе которых разведками и раскопками фиксировались артефакты XII—XIV вв, и целенаправленное изучение письменных источников по Ельцу XVI—XVII вв. Д. А. Ляпиным, в результате которых из отписки 1619 г. воеводы Г. Л. Валуева стали известны сведения, соотносившие «старое городище» с Кошкиной горой; все это позволило связать участок впадения р. Ельчик в Быструю Сосну с местом расположения летописного Ельца[12].

Данные археологии свидетельствуют, что мысовая часть берега, образованная устьем р. Ельчик и левым берегом Быстрой Сосны, являлась древнейшим участком поселения в древнерусское время. Здесь в IX—XI вв. возникает славянский поселок с традиционной лепной керамикой, фиксируются находки XII — первой половины XIII в. и XIV—XV вв. Общая площадь распространения культурного слоя в историческом центре города достигала около 17 га[13]. Однако, при наличии факта зафиксированного поселения в устье р. Ельчик, в настоящее время еще остаются не раскопанными остатки укреплений, известные по результатам георадарных работ.

Третье исследовательское направление связано с изучением сельской округи. Наиболее активно изучаются раскопками памятники по р. Пальна и Ельчик. Основным итогом этих работ стал выход на социально-исторические реконструкции с возможностями выделения поселения служилых людей князя (поселение 3 у с. Аргамач-Пальна), поселок гончаров (поселение 5 у с. Аргамач-Пальна), боярскую усадьбу с домами слуг и боевых слуг (Целыковка 2), купеческую усадьбу (Александровское городище). Результаты раскопок этих памятников, датируемых XIV — первой половиной XV в., чрезвычайно важны не только для изучения истории Елецкого княжества, но и для региона Верхнего Поочья, откуда в последней четверти XIV в. произошла миграция населения на Быструю Сосну.

В рамках социально-исторических реконструкций важным представляются жилища служилых людей елецкого князя, как яркий объект повседневного быта. В этом плане важно поселение 3 у с. Аргамач-Пальна, где в 2011—2012 гг. раскопано 15 жилищ последней четверти XIV — первой четверти XV в.[14] В зависимости от конструктивных особенностей они разделены на пять типов. Тип 1: жилища с подпольными ямами — погребами; Тип 2: жилища с неглубокими ямами, как результат несостоявшихся из-за выхода камня глубоких подпольных ям; Тип 3: жилища с неглубокими из-за выхода камня подпольными и предпечными ямами одновременно; Тип 4: жилища с предпечными ямами, но без подпольных ям; Тип 5: жилища без подпольных и предпечных ям.

Наиболее распространенными являются жилища с подпольными ямами. Их известно десять, включая и те случаи, когда из-за каменистого грунта погреб под домом не смог быть выкопан в полную глубину. А имеющаяся глубина в 0,2—0,3 м в глиняном материке позволяла подобную яму использовать, как кладовую. Однако и в этом случае верхняя часть погреба имела классическую подпрямоугольную форму площадью 4,5—5 кв. м.

Самым неожиданным наблюдением стала возможность увидеть границы жилых построек, благодаря почвенному фону поселения, расположенного на серых лесных почвах. Они фиксировались в профилях культурного слоя как гумуссированные участки в виде прогибов диаметром до 0,3—0,4 м с угольками и обожженной глиной. Внешне они напоминали просевшее в культурный слой бревно, точнее сказать овал его нижней части. Участки, благодаря бровкам, расположенным через 4 м, выстраивались в линии, маркирующие границы наземной части дома. Они просматривались и фиксировались лишь при боковом освещении. Мы предположили, что это остатки «утопшего» в грунт нижнего венца сруба. Данное наблюдение нами отмечено применительно к каждой постройке.

Возможность зафиксировать границы жилищ позволила нам говорить об их размерах. В итоге, для четырех жилищ с подпольными ямами (типы 1—3) установлены наиболее типичные размеры — 8×10 м. Ряд жилищ были значительно меньше. Жилища с подпечными ямами (типы 3—4), как правило, значительно меньше по площади и составили 24—58 кв. м площади. Все жилища без подпольных и подпечных ям (тип 5) являлись крупными по размерам, их площадь составила 74—100 кв. м.

В итоге, с уверенностью можно сказать, что десять жилых построек из пятнадцати (2/3 жилищ) имели площадь от 74 до 110 кв. м. Однако какой либо закономерности между типом жилища и его размерами не установлено.

Реконструируя постройки, в ряде случаях можно выделить жилую часть - избу, горницу, сени. Основанием к этому служат участки культурного слоя в профилях раскопа, которые очерчивают не только внешнее, но и внутреннее пространство жилища. Наиболее показательным является жилая постройка № 3 наиболее крупная по размерам 10×11 м[15]. Его общие границы реконструируются по характерным отпечаткам гумуса в профилях раскопа в виде очертаний полукружья бревна диаметром до 0,3 м. Полагаем, что их большая часть связана с нижним венцом сруба и с подкладами.

Согласно планировке, жилище является пятистенком с пристроенными сенями Оно состоит из двух изб и сеней (тип: изба + изба + сени). В избах, возвышающихся на подклете, находились печи. Размеры изб примерно равные и составляют 5,5×7,2 м для каждой.

Изба № 1 занимала западную часть дома. Располагаясь ближе ко входу в дом, она выполняла роль «черной избы». Вход в нее располагался с северной стороны и вел из сеней. Напротив входа или несколько левее к восточной стене, в противоположной стороне, находилась глинобитная печь, возвышающаяся на деревянном опечке. За печью в углу могло находиться спальное место. Справа от входа, в полу, располагался вход в подклет с подпольной ямой. Его глубина до перекрытия с полом избы составляла около 2 м, а размеры с учетом облицовки стен — 2,3×3 м. В подпол вела деревянная лестница, для устойчивости закрепленная в нижней части деревянными столбиками.

Изба № 2 занимала восточную часть дома. Она располагалась дальше от входа в жилище, чем «черная изба» и могла называться «чистой избой». Вход в нее также располагался с северной стороны и вел из сеней. Центр помещения занимала печь. Если принять вероятность иной планировки этого пространства, что не исключено, то помещение логичнее будет разделить на две части (теплую и холодную) по линии запад-восток. В этом случае печь окажется у стены, перегораживающей пространство. Следовательно, избу № 2 можно интерпретировать тогда, как изба + горница.

Сени размерами 2,8×11 м располагались в северной части жилища. Их восточная часть за «чистой избой» могла быть занята под кладовую. Вход в сени находился с западной стороны и осуществлялся через невысокое крыльцо, от которого остались небольшие по размерам две столбовые ямы. Исследованное жилое сооружение являлось наземным домом с низким подклетом.

С уверенностью можно говорить о планировке поселения. Оно застраивалось в два ряда, с интервалом между жилищами 20—30 м. Признаков усадеб не встречено. Однако перестройка жилищ происходила в пределах «своих» участков. Хозяйственные постройки располагались в отдалении от жилищ. В рамках социальной топографии поселения имеется возможность говорить о трех его статусных участках. На распахиваемой под лесополосы поверхности памятника зафиксированы еще шесть пятен глинобитных печей, которые вписываются как в двухрядную застройку поселения, так и в ее локальные участки. Раскопанное поселение служилых людей у с. Аргамач-Пальна вносит существенный вклад в оценку локальной группы памятников в нижнем течении р. Пальна.

Примечания

[1] См.: *Шеков А. В.* Верховские княжества XIII — середины XVI в. — М., 2012; *Беспалов Р. А* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI века // Средневековая Русь: Проблемы политической истории и источниковедения. — Вып. 11. — М., 2014. — С. 257—326.

[2] См.: Родословная книга князей и дворян российских. — М., 1787. — С. 235—236.

[3] См.: *Тропин Н. А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII—XV вв. — Елец, 2006. — С. 275—276.

[4] См.: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. — М., 1981.

[5] См.: *Пряхин А. Д.* Археология и археологическое наследие. Воронеж, 1995. С. 188.

[6] См.: *Тропин Н. А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII—XV вв. — С. 253—257.

[7] См.: *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII—XVI вв. (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. — Елец, 1992. — С. 27—41.

[8] См.: *Тропин Н. А.* «Елечьская земля» и формирование ее территории в XII—XV вв. // Археология и история юго-востока Древней Руси: Материалы. конф. — Воронеж, 1993. — С. 88—91. *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII—XV вв. — Елец, 1999. — С. 90.

[9] См.: *Иншаков А. А.* Новые данные о поселениях XII-XV вв. в нижнем течении р. Быстрая Сосна //Славяно-русские древности Днепровского левобережья. — Курск, 2008.

[10] См.: *Шинаков Е. А.* Сельская округа средневекового города (на примере Брянского ополья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2012. — № 2. — С. 42—43.

[11] См.: *Нигматулин Р. А., Прошкин О. Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т. М.* Древний Козельск и его округа // Труды Отдела охранных раскопок. — Т. 4. — М., 2005. — С. 133—137.

[12] См.: *Ляпин Д. А.* Историческая топография и ландшафт Ельца XVI—XVII вв. (историко-археологический подход) // Вестн. ЕГУ. — Сер.: Археология. — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. — С. 68.

[13] См.: *Тропин Н. А., Пряхин А. Д.* Средневековый Елец: результаты и перспективы исследований //Вестн. Воронеж. гос. ун-та. — Сер.: История. Политология. Социология. — 2012. — № 1. — С. 181—183.

[14] См.: *Тропин Н. А.* Жилища служилых людей Елецкого княжества конца XIV — начала XV в. //Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Т.3. — Казань, 2014. — С. 171—172; *Тропин Н. А.* Исследования микрорайона сельских поселений XIV — начала XV в. в нижнем течении р. Пальна округи летописного Ельца (предварительное сообщение) // Запад — Россия — Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция. — Вып. 22—23 (1—2). — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. — С. 10—16.

[15] См.: *Тропин Н. А* К реконструкции жилища служилого человека Елецкого княжества (конец XIV — начало XV в.) //Вестн. Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина. — Вып. 9 (137). — Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — С. 116—124.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ БУЛАВКА С «БОРИСОВА ГОРОДКА» (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

***Б. Е. Янишевский**, к. и. н., Институт археологии РАН*

В 2009 г. автором были произведены первые раскопки на городище «Борисов городок» [Янишевский, 2011. С. 534—569; он же, 2012. С. 229—245]. Городище расположено на левом берегу р. Протвы (левый приток р. Оки) в Можайском районе Московской области, в 10 км к югу от г. Можайска (см. рис. 1).

Городище представляет собой холм округлой формы, отделенный от коренного левого берега р. Протвы (левого притока р. Оки) рвом, соединившим два оврага. Расположен этот археологический памятник на восточной окраине села Борисово. С напольной (западной) стороны площадки невооруженным глазом заметно возвышение, которое может быть остатками вала. Пока на этом месте раскопок не производилось, кроме того, на этом самом возвышенном месте городища располагается братская могила времен Великой Отечественной войны.

Раскоп шириной 4 м прорезал краевую часть городища с северной стороны. Площадь раскопок достигала 100 кв. м. В процессе раскопок выяснилась сложная история накопления культурного слоя на холме городища.

Начало отложения культурного слоя относится к концу I тыс. до н. э. — I—II вв. н. э. В это время в слой попала керамика баночных форм с небольшим отгибом венчика (см. рис. 2; *1, 2*). Следующий период жизни на городище относится к IV—VI вв. н. э. В это время откладываются горшки с плавно отогнутым венчиком, под венчиком у этих горшков имеется ребро (см. рис. 2; *5—8*), которое с внутренней стороны горшка никак не проявляется, т. е. является декоративным. Поверхность некоторых горшков залощена (см. рис. 2; *3, 4*). Подобная керамика имеется в древностях Мощинской культуры.

В XII в. на городище поселились славяне. В этот период площадка городища была расширена. Земля для посыпки склонов была взята, в том числе, и из ранее отложившегося культурного слоя. Поэтому на самой площадке культурного слоя раннего железного века нет. Из культурного слоя раннего железного века в XII—XIV вв. были также были насыпаны укрепления из укрепленных снаружи и внутри камнями деревянных клетей, которые образовали круговой вал. Клети сгорели в пожаре, а песок прокалился. Стояли клети на подсыпанной территории. Одна такая клеть исследована при раскопках. Максимальная толщина перемещенного грунта равняется высоте площадки над уровнем оврага и составляет в исследованном месте 12 м. При раскопках было выяснено, что грунт насыпался на специальные вырезанные в склоне холма ступеньки, в плане повторяющие изгиб склона. В раскопе исследованы две ступеньки, вторая сверху ступенька находилась на глубине около 5,5 м от верха культурного слоя. Возможно, что в XII—XIV вв. и был вырыт ров, отделивший площадку городища от коренного берега.

В самом конце XVI в. при Борисе Годунове городище подверглось последней трансформации. Культурный слой древнерусского времени был, также как и раньше слой раннего железного века, перемещен на края площадки, в результате чего площадка была увеличена на 8 м с каждой стороны. От слоя древнерусского времени осталось “in situ” не

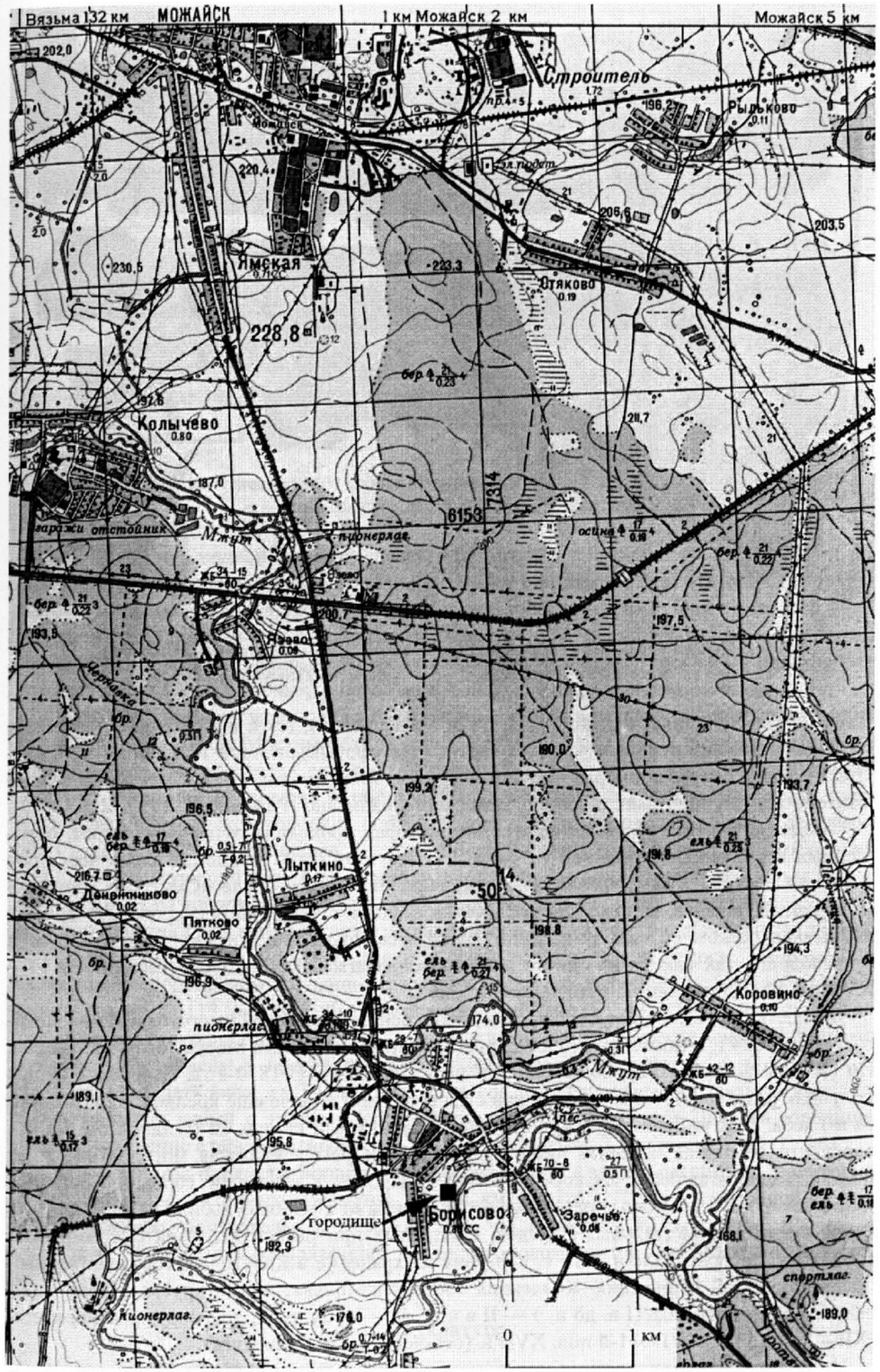


Рис. 1. Местоположение городища Борисов городок на топографической карте.

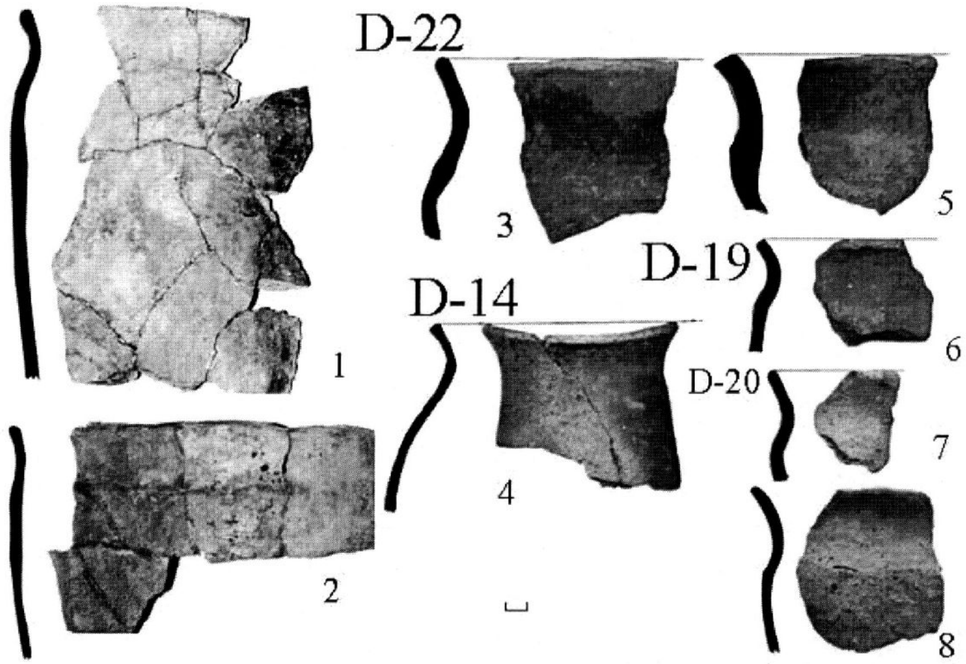


*Рис. 2. Л*епная керамика с городища Борисовское: *1, 2* — горшки баночных форм, *3, 4* — подлощеная керамика, *5—8* — фрагменты сосудов с ребром.

более 20 см в толщину, однако от слоя, как предыдущего, так и последующего времени, он отличается интенсивным черным цветом. На сформированной платформе в 1596—1603 гг. была построена кирпичная стена с четырьмя башнями на белокаменном фундаменте и одними воротами, о которой уже много написано [Раппопорт, 1955. С. 59—76].

. Отмечу, что раскоп попал на лощину, которая проходила от главных ворот, обращенных к церкви, построенной за рвом к северу. От ворот предполагалось через ров к церкви построить мост, реализованный, впрочем, только после «Смутного времени» из дерева. Площадка, видимо для увеличения высоты, с внутренней стороны стены была подсыпана песком на высоту от 2 до 3 м. Песок брали в непосредственной близости от городища, так как в этом песке попадаются фрагменты не только керамики XVI—XVII вв., но и керамика раннего железного века.

Крепость пережила «Смутное время», была использована при подготовке Смоленского похода 1634 г. и после вторичного присоединения Смоленска Москве была заброшена. Но на этом история «Борисова городка» не закончилась. В 1830-е гг. Верейские купцы получили разрешение на слом остатков стен городка и вполне еще крепкой церкви Бориса и Глеба. Был выбран весь кирпич и почти весь белый камень из фундамента. На поверхности городища остались лишь фундаментные рвы и братская могила 1941 г. от церкви, располагавшейся на коренном берегу Протвы к северу от городища остались также только фундаментные рвы от четверика и ямы от столбов гульбища.

Из числа индивидуальных находок, найденных при раскопках, была сформирована коллекция, которая была в 2014 г. передана на хранение в Калужский государственный областной музей-заповедник. Коллекция состоит из предметов, датируемых периодами раннего железного века (I в. до н. э — II в н. э., IV—VI вв. н. э), древнерусского времени (XII—XIV вв.), к. XVI — 1-й пол. XVII в. (основная часть коллекции).

После реставрации коллекции мое внимание привлек предмет под № 600 (номер по полевой описи). В полевой описи он числился как «предмет железный». После реставрации* выяснилось, что предмет представляет собой железный стержень диаметром 3—4 мм,

* Выражаю искреннюю благодарность реставратору — З. Н. Харченко.

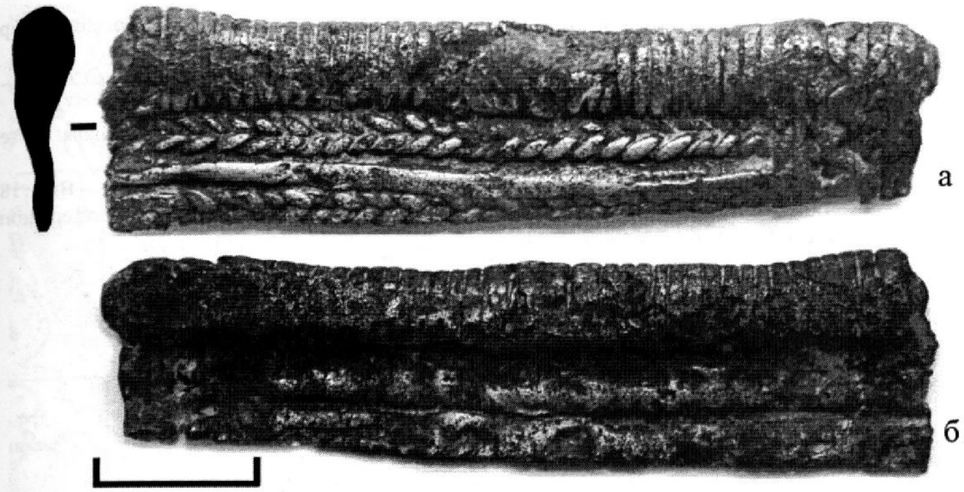


Рис. 3. Фрагмент железной булавки с бронзовой обкладкой с городища Борисовское: *а* — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона.

обернутый литой медной полосой, покрытой частыми поперечными вдавленными линиями. Полоса с орнаментом спускается по ширине стержня на 1 см. На полосе отлит орнамент, традиционный для украшений дьяковской культуры в виде «косички», повторенной два раза. Один конец полосы украшен поперечной полоской с таким же орнаментом, развернутым, соответственно, на 90 градусов. Только тут между косичками отлит зигзаг, который также часто встречается на украшениях Дьяковской культуры (см. рис. 3).

Подобные предметы известны до настоящего времени в четырех экземплярах, три были найдены в бассейне Москвы-реки [Кренке, Чаукин, 2013. С. 113] и одно — на правом берегу р. Оки. На городище Селецкое (в Раменском районе Московской области, правый береге р. Москвы), на селище Мякинино (западная окраина г. Москвы, правый берег р. Москвы), Щербинском городище (правый берег р. Пахры, Подольский р-н Московской обл.) и на городище Подмоклово на правом берегу Оки (Серпуховский р-н Московской обл.). В литературе они получили название «булавки». По аналогии с известными, булавка, найденная на городище Борисовское является частью сложного украшения: к одному ее концу должна быть прикреплена умбоновидная бляха, а сама медная полоска должна быть шире в несколько раз и представлять собой часть ажурной полосы. Например, на Селецком и Щербинском городищах ажурный орнамент выполнен из мелких шариков зерни [там же. С. 113, рис. 6, 6; Дьяковская культура, табл. VI, 43]. Очень похожая булавка найдена на городище Подмоклово, только отлита она более качественно, а элементы орнамента выполнены в прорезном стиле [АКР. Московская обл. Ч. 4. С. 165—167]. На основании датировки умбоновидных подвесок, стратиграфически располагающихся ниже горизонта вещей с эмалями (средний горизонт верхнего слоя Дьякова городища) данное украшение следует датировать I—II вв. н. э. [Кренке, Тавлинцева. 2011. С. 80].

Таким образом, предмет с Борисова городка на 100 км к западу расширяет территорию распространения подобных предметов на 100 км к западу. Теперь она охватывает не только среднее Москворечье и верхнюю Оку, но и верхнее Москворечье, поскольку участок р. Протвы, где располагается Борисов городок, отстоит от Москвы-реки всего на 10 км.

Литература

Археологическая карта России (АКР). Московская область. — Ч. 4. — М.., 1997.

Дьяковская культура / Ред. Ю. А. Краснов. — М., 1974.

Кренке Н. А., Тавлинцева Е. Ю. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. — Экскурс 1. Типология и хронология умбоновидных подвесок. — М., 2011.

Кренке Н. А. Чаукин С. Н. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // Российская археология. — 2013. — № 1.

Раппопорт П. А. Борисов городок // Материалы и исследования по археологии СССР. — Вып. 44: Материалы и исследования по археологии Москвы. — Т. 3. — М.., 1955.

Янишевский Б. Е.. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — Вып. 8. — М., 2012.

Янишевский Б. Е. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Макариевские чтения. — Вып. 18: Воинство земное — воинство небесное: Материалы XVIII Всероссийской научной конференции памяти Святителя Макария. — Можайск, 2011.

КОХАНОВСКИЙ ЧЕЛН: СУДЬБА ОДНОЙ НАХОДКИ

Ю. Г. Екимов, *ГУК ТО «Объединение историко-краеведческий и художественный музей»*

Весной 2003 г. в отдел археологии Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» поступила информация от директора Алексинского художественно-краеведческого музея В. К. Ефремова о находке на Оке, ниже г. Алексина долбленого челна. Объект был обнаружен после ледохода в прибрежной полосе реки сотрудником пожарной охраны г.Алексин Алексеем Гуськовым. В июне того же года на место находки выехали сотрудники отдела археологии Ю. Г. Екимов и С. В. Зацаринный.

Челн лежал на отмели (глубина — 60—80 см от поверхности воды) левого, калужского берега Оки, почти напротив устья ее правого притока р. Вашаны (см. рис. 1). На расстоянии 1,0 км к ССЗ от этого места находится д. Кохановo, на расстоянии 1,5 км к ЮЗ — д. Левшино Тарусского района Калужской области. К моменту осмотра судно покоилось на дне с незначительным дифферентом на корму и левый борт. Носовой частью челн был ориентирован по течению реки. Уже в этих условиях было заметно, что его правый борт почти по всей длине на большую часть своей высоты утрачен, а левый имеет разломы и трещины.

Условия залегания находки, характер уже имеющихся повреждений, фрагментарность отдельных элементов корпуса позволила предположить, что челн едва ли переживет следующий ледоход. Учитывая уникальность аналогичных объектов, число которых в Европейской части постсоветского пространства в целом не превышает трех десятков [Журавлева, Чубур, 2005], и их редкость в музейных собраниях, было решено попытаться сохранить челн для экспозиции Алексинского ХКМ.

Как выяснилось впоследствии, опасения за судьбу челна были небеспочвенными. Уже после его подъема автор настоящей статьи проинформировал о находке заведующего отделом археологии Калужского государственного объединенного краеведческого музея О. Л. Прошкина. В ответном письме тот сообщил, что годом ранее примерно в том же месте им, вместе с А. С. Фроловым и другими коллегами в условиях сильно обмелевшей Оки был расчищен, обследован и оставлен на месте челн-однодревка. Сопоставление географических реперов, анализ фотоматериалов, ряд деталей в описании находки, включая наличие поперечной трещины в кормовой части, позволили уверенно говорить о том, что и в первом и во втором случае речь идет об одном объекте. Позднее небольшая статья о нем была опубликована А. С. Фроловым [Фролов, 2005]*.

Важным представляется тот факт, что на фотоснимках 2002 г. челн *имеет практически полную сохранность* [Фролов, 2005. С. 48. Рис. 2]. Т. е., после того как вокруг него и из его емкости был удален отложившийся естественным образом грунт, фиксировавший борта, челн всего за один ледоход претерпел значительные разрушения.

* Учитывая бесспорный приоритет А. С. Фролова в вопросе ввода данной находки в научный оборот, считаем необходимом сохранить за ней название, данное автором: «Кохановский челн».

Рис. 1. Алексинский участок течения р. Оки с указанием места обнаружения челна.

Извлечение челна из воды непосредственно на месте его обнаружения с помощью подъемного механизма оказалось невозможным ввиду характера рельефа берега и отсутствия подъезда к нему. Поэтому было решено переправить находку на противоположную сторону Оки, в район пляжа дома отдыха «Шахтер» (с. Бунырево Алексинского р-на Тульской области). Для подъема челна, имевшего весьма значительную массу и полностью утратившего свою плавучесть, на поверхность были использованы импровизированные понтоны (надутые автомобильные камеры). Корпус находки в целях сохранения при транспортировке отделившихся фрагментов обернули мелкоячеистой сетью. В таком виде челн с помощью моторной лодки был транспортирован на «тульский» пологий берег Оки (см. рис. 2).

Еще до проведения этой части операции с целью уменьшения веса челна была проведена выборка заполнявшего его переотложенного грунта. Оказалось, что на самом дне

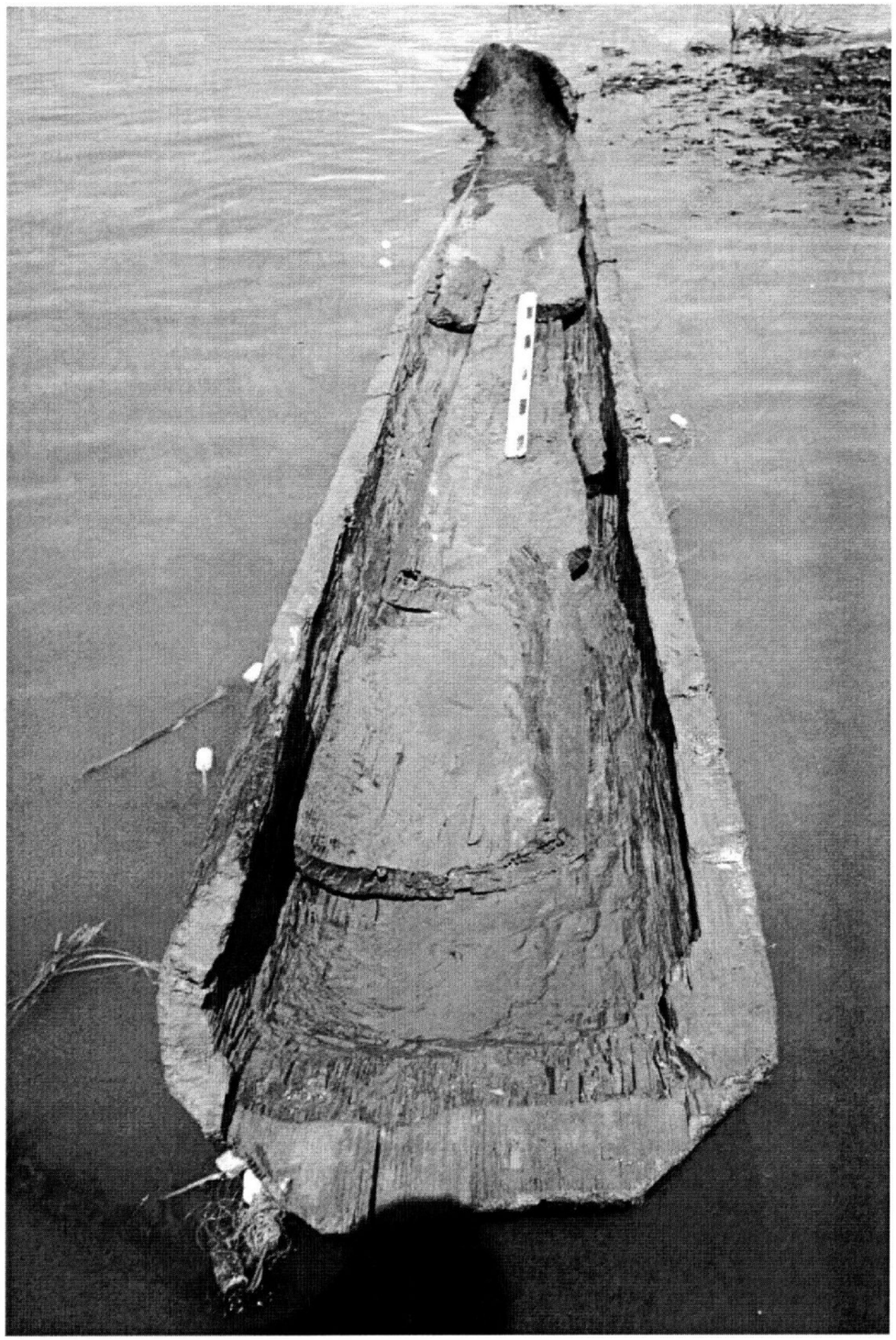


Рис. 2. Кохановский челн накануне подъёма 27 июля 2003 г.

сохранился очень плотный слежавшийся слой черного цвета толщиной около 4,0—8,0 см. Судя по всему, первым находчикам челна в ходе расчистки в условиях, когда нижняя часть корпуса постоянно находилась в воде, не удалось отследить эту часть его заполнения. В пределах данного слоя были обнаружены: железный бронебойный наконечник

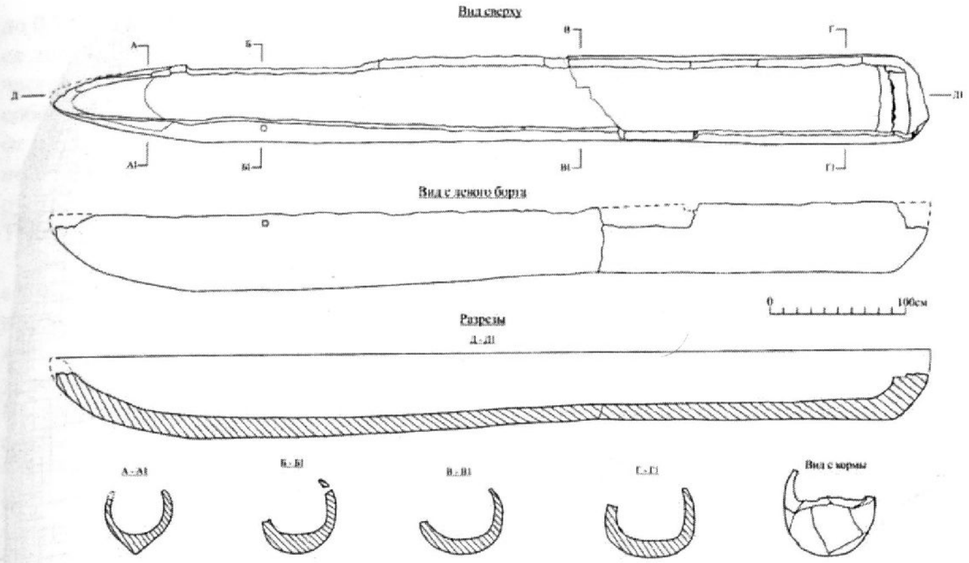


Рис. 3. Планы и разрезы челна.

стрелы, кремневый желвак со сквозным отверстием, два деревянных изделия — нагель и фрагмент шеста или весла, кость крупного животного и кусок железного шлака. К характеристике этих находок мы вернемся ниже.

Завершающий этап подъема челна был проведен 27 июля 2003 г. Для этой цели заранее была изготовлена сборная дощатая платформа, на которую в воде и был перемещен объект. На руках платформа с находкой была перенесена через песчаный пляж д/о «Шахтер» и помещена в большегрузный трейлер, доставивший челн в Алексинский художественно-краеведческий музей. До проведения консервационных и реставрационных работ, средства на которые тогда же пообещала выделить администрация Алексинского района, челн опустили в подвал музея (здание особняка рубежа XVIII—XIX вв.), имевшего приемлемый температурно-влажностный режим. При спуске корпус судна по старой трещине разломился на две части: меньшую, кормовую и большую, включающую носовую и центральную часть.

Детальное обследование челна, сопровождавшееся чертежными работами и фотофиксацией, с учетом упоминавшихся выше находок позволили расширить, а в ряде случаев — скорректировать характеристику судна, данную в статье А. С. Фролова.

Данное плавсредство относится к типу челнов-однодревок (так называемый «моноксил»). Оно изготовлено из ствола дерева, предварительно расчлененного вдоль в соотношении, примерно, 1:3/1:4. Корпус судна имел некоторый провис в носовой и кормовой части, что может быть связано как с естественной кривизной дерева, так и с внутренней деформацией древесины. В качестве сырья, по заключению специалистов Лаборатории по консервации археологической древесины Новгородского музея-заповедника Э. К. Кубло и Л. В. Кокуца, был использован ствол сосны.

Как уже отмечалось ранее, к моменту подъема челн имел значительные утраты: на большую часть высоты (от 0,15 до 0,30 м), за исключением носовой части, был снесен правый борт; почти на половину своей высоты разрушена корма; частично пострадал нос судна и левый борт, который был представлен отдельными, стыковавшимися друг с другом, фрагментами.

Общая длина челна, с учетом утрат со стороны носа и кормы, составляла около 6,55 м (см. рис. 3). Поперечная конфигурация корпуса в целом сохраняла естественное округлое сечение ствола дерева, выражавшееся в загибе верхней части борта внутрь, причем, в большей степени это проявлялось в средней и носовой части судна. Его ширина варьировала от 0,65 м в кормовой части до 0,40—0,50 м в носовой части, высота — от 0,50 м

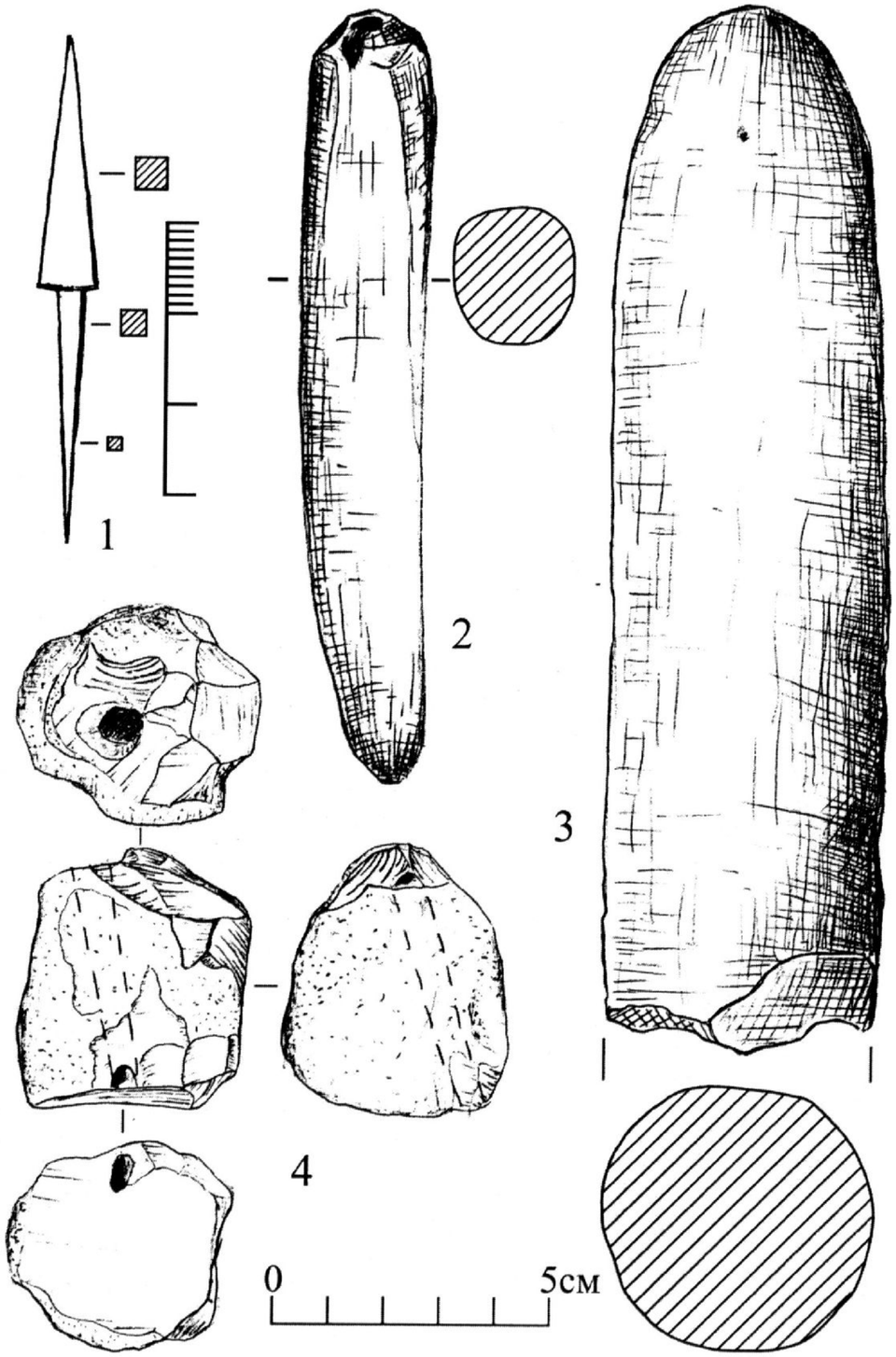


Рис. 4. Находки со дна кохановского челна:
1 – наконечник стрелы; 2 – нагель; 3 – фрагмент шеста; 4 — грузило.
1 — железо; *2, 3* – дерево; *4* — кремень.

до 0,55 м. Нос челна заострен, его переход в дно с внешней и внутренней стороны корпуса достаточно плавный. Корма судна почти прямая, ее толщина, судя по сохранившейся части, составляла от 0,20 до 0,30 м. Вероятнее всего, широкий верх кормы представлял собой сиденье для гребца-кормчего [Фролов, 2005. С. 48]. Толщина бортов варьировала от 1,5—2,5 см у краев, до 5,0—8,0 см в середине. Дно челна на разных участках имело некоторые различия: в кормовой части оно было слабо уплощено, в средней части — округло, в носовой части на участке длиной около 0,7 м фиксировался килевидный выступ. Толщина дна достигала 12,0—17,0 см.

На внутренней и внешней стороне челна сохранились следы, отражающие технологию его изготовления. Внутри судна, на дне и бортах прослеживаются следы от узкого деревообрабатывающего орудия со слабоизогнутым лезвием шириной около 4,0—5,0 см (тесло?), а также — плотницкого топора и, возможно, струга. В носовой части левого борта, у верхнего края отмечен плоский затес треугольной формы, выполненный топором. На противоположной, правой стороне ближе к носу судна на месте отслоившейся поверхности борта фиксировался выступающий сучок (основание ветки?) диаметром около 4,0—5,0 см. Возможно, след затеса отражает предварительное удаление основания ветвей с заготовки корпуса челна. Внешняя сторона кормы в нижней, сохранившейся части имела огранку, скорее всего, осуществленную плотницким топором. Следы подтесывания присутствуют и на внешней стороне дна, особенно в районе кормы. Судя по наличию обожженных участков в кормовой части левого борта и на внутренней стороне корпуса, работа металлическими орудиями могла сочетаться с выжиганием древесины, хотя не исключен и вторичный характер следов огня, полученных уже в процессе эксплуатации судна.

Благодаря удовлетворительной сохранности левой стороны челна, удалось проследить некоторые его технологические особенности. В передней части, на расстоянии около 1,60 м от носа и на 5,0 см ниже края борт судна имел квадратное в плане и трапециевидное в сечении отверстие. Его размер с внешней стороны составлял 4,5×4,5 см, с внутренней — 6,7×6,5 см. Аналогичное отверстие было зафиксировано А. С. Фроловым годом ранее и с противоположной, правой стороны корпуса [Фролов, 2005. С. 48]. С его интерпретацией этих симметричных отверстий в качестве «клюз» для крепления якорей можно согласиться, хотя не исключено и их использование для крепления канатов при перетаскивании челна на волоках, перемещения его в воде вдоль берега в случае значительной загруженности и отсутствия места для гребцов, или — для натягивания тента с целью избежать захлестывание носа судна волнами [Мельник, 1995. С. 145].

В противоположной, кормовой части челна на расстоянии 1,70—1,75 м от края прослеживались следы врубок длиной около 10,0 см при глубине около 5,0 см. По мнению А. С. Фролова, они служили для крепления сиденья-«банки». Управление подобными судами-однодревками осуществлялось, вероятнее всего, с помощью однолопастных весел или шестов [Окороков, 1993. С. 27].

Переходя к характеристике обнаруженных на дне челна предметов, еще раз обратим внимание на условия их залегания в чрезвычайно плотном, незначительном по мощности слое. Не вызывает сомнения принадлежность этих находок либо к финалу функционирования челна, либо ко времени, последовавшему вскоре после прекращения его использования.

Наконечник стрелы относится к классу черешковых бронебойных. Он имеет квадратное в сечении перо пирамидальной формы, квадратный в сечении черенок-насад и простой упор (см. рис. 4, *1*). Параметры наконечника: длина общая — 5,6 см, длина пера — 2,8 см, размер основания пера — 0,65×0,65 см, длина насада — 2,8 см. По классификации А. Ф. Медведева наконечник наиболее близок изделиям типа № 90, датируемым в широком диапазоне VIII — XIV вв. [Кирпичников, Медведев, 1985. С. 315. Табл. 135, 17].

Грузило изготовлено из природного окатанного кремневого желвака темно-коричневого цвета, частично покрытого известняковой коркой (см. рис. 4, *4*). Торцевые грани, возможно, имеют незначительную искусственную подправку. По диагонали изделия проходит сквозное асимметричное отверстие. Размер находки — 4,0—4,5 × 3,7—4,2 см; диаметр отверстия с одной стороны — 0,9 см, с противоположной — 0,7×0,3 см. Не исключено, что данный предмет мог использоваться и в качестве лота для промера глубин.

Две находки изготовлены из дерева, обе имеют следы воздействия огня. Одна из них — *нагель* в виде стержня округлого сечения, слегка сужающегося к одному из концов (см. рис. 4, *2*). Его длина 14,0 см, диаметр — 2,3—1,5 см. Подобные изделия служили для соединения деревянных частей судовой оснастки. Они широко и в разных вариантах представлены на поморских поселениях XVI—XVIII вв. [Старков, Черносвитов и др., 2002. С. 41—44. Табл. VII, 9—16].

Другое деревянное изделие представляет собой *фрагмент шеста или весла* округлого сечения диаметром около 5,0 см, сохранившегося на длину 18,5 см (см рис. 4, 3).

Найденная вместе с остальными предметами раздробленная и обожженная кость имеет на конце искусственное отверстие и принадлежит лошади*.

Вопрос датировки кохановского челна достаточно сложен. Обнаруженный в нем бронебойный наконечник стрелы дает весьма широкий диапазон в пределах раннего — развитого средневековья. Типологически близкие находки отмечены и в XVI—XVII вв. [Екимов, 2007. С. 88. Рис.31, *7*]. Обследование прилегающей к месту находки судна территории на левом и правом берегах Оки показало наличие средневековых поселений, датируемых от X—XI до XIV—XVI вв. В статье Ю. Б. Журавлевой и А. А. Чубура, посвященной конструктивно близким окским и деснинским челнам, высказана достаточно аргументированная точка зрения об их датировке в пределах XIV—XVII вв. [Журавлева, Чубур, 2005. С. 179].

Завершая характеристику кохановского челна и связанных с ним находок, хотелось бы обратить внимание на одну особенность. Как само судно, так и изделия с его дна несут на себе следы воздействия огня. В совокупности с наконечником стрелы вполне логичной выглядит мысль о том, что челн использовался в каких-то военных действиях. Вероятно, результатом этого стала и поперечная трещина, приведшая, в конечном счете, к разлому его корпуса.

Возвращаясь к событиям 2003 г., с сожалением приходится констатировать, что в силу причин объективного и субъективного характера, проект реставрации челна алексинскому музею реализовать не удалось. Вплоть до 2009 г. судно пролежало в подвале, где, изменившийся после ремонта, температурно-влажностный режим оказал негативное влияние на его сохранность. Лишь после передачи этой уникальной находки в Музей-заповедник «Куликово поле» удалось провести реставрацию кохановского челна в Лаборатории по консервации археологической древесины Новгородского музея-заповедника и подготовить его к музейному показу.

Литература.

Екимов Ю. Г. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999—2000 гг. (раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история. — Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы. — Тула, 2007.

Журавлева Ю. Б., Чубур А. А. Средневековое судостроение в Юго-Восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV вв. — Тула, 2005.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село // Археолдогия СССР. — М., 1966.

Мельник А. Н. Окские челны // Археологические памятники Среднего Поочья. — Рязань, 1995.

Окороков А. В. Лодка-однодревка из реки Протва // Боровский краевед. — Вып. 5. — Боровск, 1993.

Старков В. Ф., Черносвитов П. Ю., Дубровин Г. Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. — Вып. 1. Остатки судов. — М., 2002.

Фролов А. С. Находка челна-однодревки у д. Коханово на Оке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции. — Калуга, 2005.

* Определение проведено д. с. н., профессором кафедры биологии человека и животных Тульского государственного педагогического университета им.Л. Н. Толстого А. Араловым.

ИНКРУСТИРОВАННЫЙ НАКОНЕЧНИК ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОПЬЯ ИЗ РАСКОПОК 2013 г. В ТУЛЬСКОМ КРЕМЛЕ

***С. В. Зацаринный**, с. н. с.,* ГУК ТО Тульской области
«Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей»

В 2013—2014 гг. отрядом археологической экспедиции ГУК ТО «Объединение «ИКХМ» под руководством автора были проведены охранные археологические исследования в Тульском кремле (работы связаны с реставрацией и реконструкцией архитектурных памятников, а также с благоустройством территории этого объекта историко-культурного наследия). Значительная часть полученных в ходе раскопок артефактов происходит из раннегородских слоев, относящихся к XVI—XVII вв.* В коллекции позднесредневековых предметов вооружения имеются несколько изделий, заслуживающих особого рассмотрения. Одним из них является орнаментированный наконечник копья (пики), которому и посвящена настоящая публикация.

Предмет был обнаружен в площади раскопа № 5 с хорошо стратифицированным культурным слоем**. Он залегал «in situ» на частично истлевшем деревянном полу жилого строения срубной конструкции, изученного раскопом лишь частично. Пол жилища настелен досками шириной от 20,0 до 30,0 см (с преобладанием половиц шириной 20,0—24,0 см), их остаточная толщина не превышает 2,0 см. Отсутствие следов пожара указывает на то, что сооружение при неизвестных обстоятельствах было разобрано. В момент обнаружения наконечник копья являл собой аморфный сильно окисленный железный предмет, «обросший» плотными бурыми окислами с налипшими частицами древесного тлена. Лишь после удаления с его поверхности наиболее рыхлых инородных тел, данную находку удалось атрибутировать***.

Выявленный предмет вооружения представлен обломком сравнительно легкого обоюдоострого наконечника копья с удлиненно-треугольным пером (его заостренная часть утрачена) и четко выраженными плечиками (см. рис. 1А). Вес обломка — 172 г, что составляет, по-видимому, более 50% от массы первоначального целого изделия.

Длина сохранившейся части наконечника — 16,8 см (в соответствии с предложенной нами реконструкцией (см. рис. 1Б) в целом виде он, вероятно, достигал 30,0 см). Максимальная ширина пера — 3,2 см. Его толщина в районе излома — 1,2 см, в основании (при переходе пера во втулку) — 1,4 см. Поперечное сечение пера имеет форму сильно вытянутого ромба со слегка вогнутыми плоскостями граней. Втулка имеет воронковидную в плане и восьмигранную в сечении форму, ее длина — 11,0 см. На участке перехода в перо она уплощена до 1,4 см, при ширине 1,8 см. Максимальный внешний диаметр втулки (между ребрами) — 3,7 см, между плоскостями противоположных граней — 3,4 см. Сечение внутреннего канала втулки круглое, диаметр его входной части — 3,1 см, глубина полости — 8,4 см. Переход втулки в перо оформлен четко выделенными вогнутыми плечиками. Лезвие пера на всем сохранившемся участке имеет острую режущую кромку. В месте излома перо слегка отогнуто, края излома рваные /следы вторичного использования отсутствуют/. На торцевой стороне втулки расположено гвоздевое отверстие для жесткой фиксации наконечника на древке копья. Оно находится на расстоянии 1,1 см

* Начало формирования раннегородских культурных напластований относится к 1-й четверти XVI в. и связано с масштабным строительством «каменного города» — Тульского кремля (1507—1521) на новом месте — левом берегу р. Упы при впадении в нее р. Тулицы.

** Данный раскоп площадью 16 кв. м был заложен в северной части Тульского кремля во внутреннем дворе реконструируемых зданий бывшей городской электростанции и тяговой трансформаторной подстанции на месте проектируемой закладки одной из семи (по первоначальному проекту) железобетонных колонн-опор перекрытия т.н. «крытого двора» между существующими зданиями.

*** Выражаем благодарность заведующему отделом реставрации и консервации ФГБУК «ГВИиПМЗ «Куликово поле», реставратору по металлу 1-й категории В. Н. Шмелеву за качественную реставрацию публикуемой находки, а также сотруднику музейной экспедиции С. Н. Любарцеву, обнаружившему наконечник копья и осуществившему его первичную расчистку и консервацию.

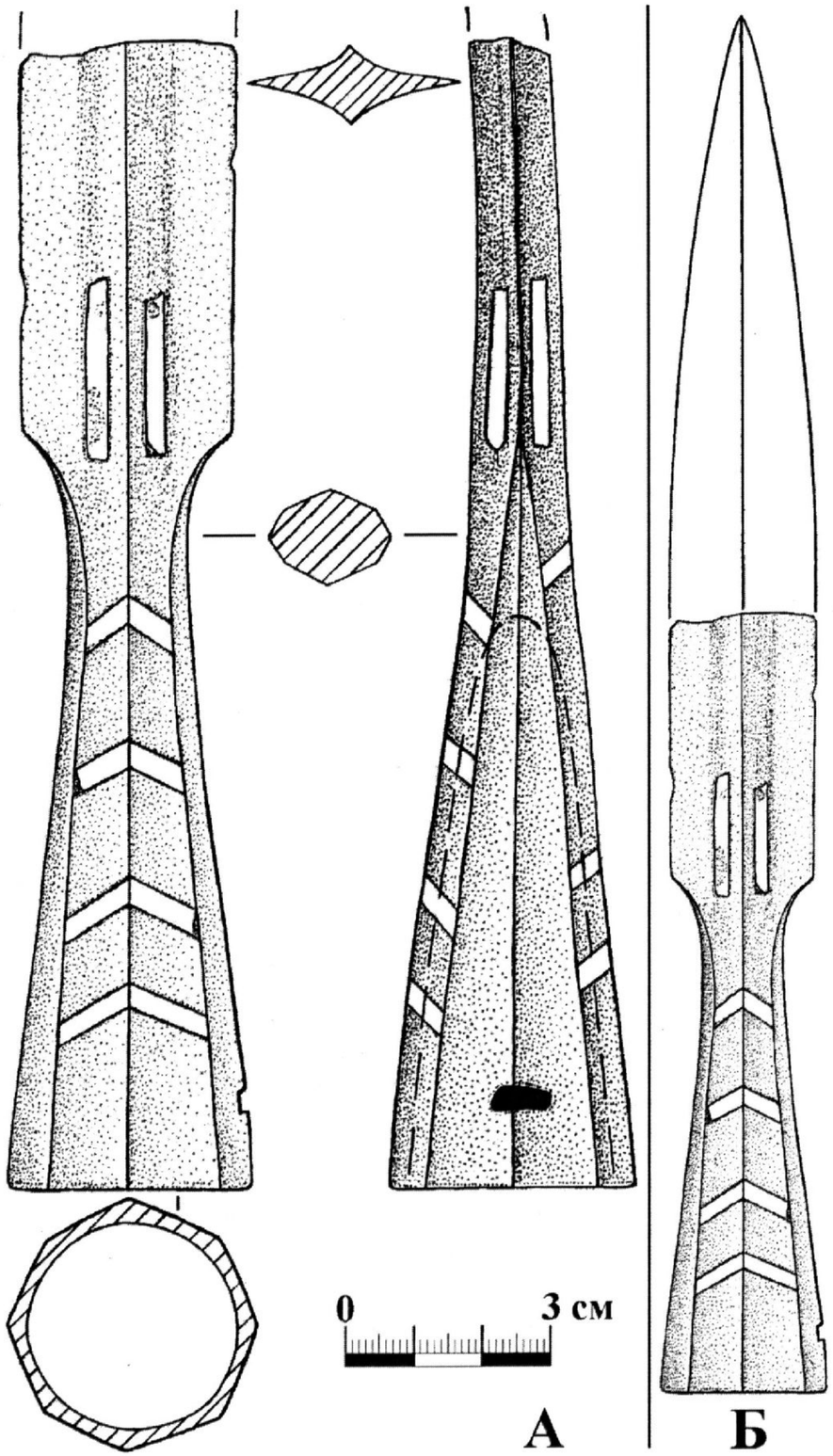


Рис. 1. Тульский кремль, 2013. Раскоп 5. Обломок наконечника копья (А) и вариант реконструкции его первоначального вида (Б)

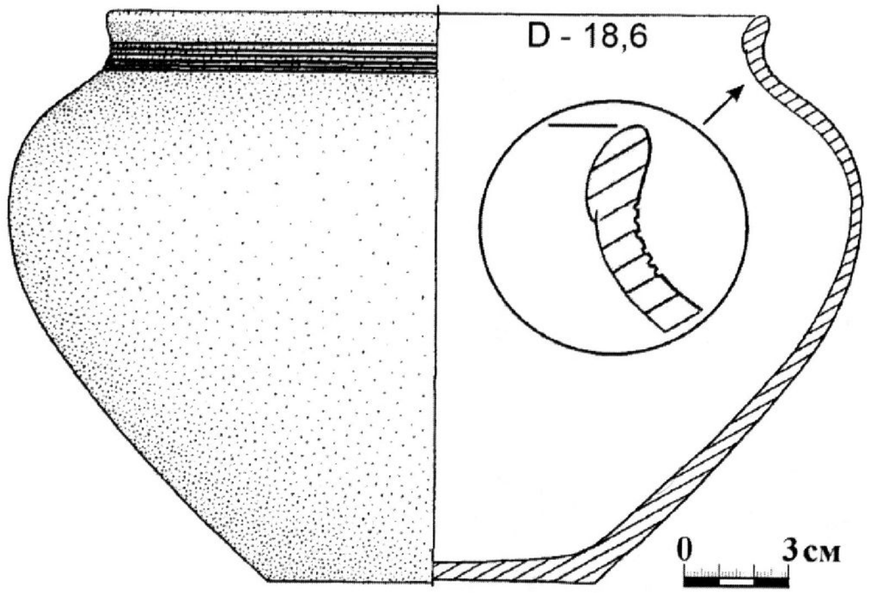


Рис. 2. Тульский кремль, 2013.Раскоп 5. Круговой белоглиняный горшок из сгоревшего сооружения 2-го строительного горизонта (2-я пол. XVI в.), перекрытого «жилым строением с наконечником копья».

от края втулки и имеет вытянуто-прямоугольную форму. Судя по форме отверстия крепеж производился вероятнее всего посредством обычного подковного гвоздя (для конской подковы), имеющего аналогичное сечение ножки и вполне подходящего по длине. Отсутствие самого гвоздя во втулке определенно указывает на то, что наконечник был демонтирован с древка его обладателем после того как оружие пришло в негодность.

Орнаментация наконечника копья выполнена в технике таушировання с использованием тонких (доли миллиметра) прямоугольных пластин желтого металла шириной около 0,3 см.* Узор покрывает фронтальные стороны втулки и основание пера. Втулка украшена с противоположных сторон практически идентичным геометрическим декором в виде четырех угольников (на одной из сторон два из них утрачены), расположенных на двух смежных гранях почти с равным интервалом между собой. Угольники повернуты вершинами в направлении пера и образуют своеобразную «елочку»: их размеры изменяются в сторону уменьшения сообразно сужению втулки от устья к перу. Само перо с двух противоположных сторон украшено по основанию двумя параллельными вытянутыми пластинами, разделенными ребром. Их длина достигает 2,7 см. Возможно, первоначально они были несколько длиннее и проходили дальше в направление острия пера.

Можно лишь предполагать, какие мотивы побуждали хозяина жилища к хранению не подлежавшего ремонту наконечника копья («семейная реликвия», «военный трофей», «ценная находка»?): во всех случаях очевидным предстает незаурядный характер внешнего оформления этого статусного экземпляра колющего древкового оружия.

Датировка находки может быть достаточно четко определена с опорой на общую стратиграфию того комплекса, в котором она была обнаружена, так как узкодатирующих предметов в нем, к сожалению, выявлено не было.

Как уже отмечалось выше, наш артефакт был расчищен на дощатом полу жилого строения срубного типа. О жилом характере постройки свидетельствует наличие отопительного сооружения — изразцовой печи, развал которой находился на расстоянии около 1,0 м от местонахождения наконечника копья. Примечательно, что все кирпичи из печно-

* Так как пластины желтого металла после длительного пребывания в сильно увлажненном грунте не только ни покрылись зелеными окислами, но даже и не потемнели, весьма вероятным представляется определение их в качестве золотых.

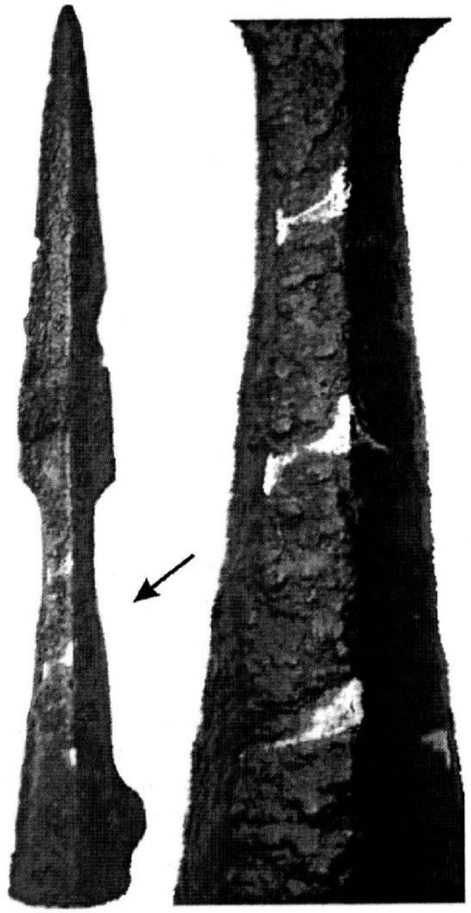


Рис. 3. Аналогия «тульскому» копью с территории Украины (*случайная находка*).

го развала представляют собой мелкий бой (отсутствуют целые экземпляры и их половинки), что, по-видимому, является следствием целенаправленного демонтажа самой печи и ее изразцового набора с целью вторичного использования. Произведенные обмеры обломков кирпичей позволили установить только их ширину (12,0—12,5 см) и толщину (5,5—6,0 см). Эти параметры характерны для печных кирпичей XVII в. В кирпичном завале было выявлено несколько невыразительных обломков рамочных рельефных изразцов с коробчатой румпой, массовое распространение которых приходится на 1-ю половину XVII в. [Баранова, 2011. С. 68—85; Мирясова, 2009. С. 120—129]. На уровне пола постройки, помимо наконечника копья, было обнаружено несколько бытовых железных предметов: невыразительный фрагмент ножа, гвоздь-костыль, дверной пробой и висячий цилиндрический замок типа Е (по Б. А. Колчину), которые имеют достаточно широкий диапазон бытования. Из слоя, перекрывающего горизонт разобранного жилища, происходит круговая белоглиняная керамика XVII в. с характерными горшками приземистых форм, украшенными по вертикально поставленной шейке частыми горизонтально прочерченными линиями (рифлением). Помимо керамики в нем содержится значительное количество фрагментированных муравленых изразцов, относящихся ко 2-й половине XVII в.[Баранова, 2011. С. 90—105]. Таким образом, верхняя хронологическая граница существования рассматриваемого нами сооружения вряд ли существенно выходит за середину XVII в.

Пол постройки перекрывает собой сооружения двух предшествующих строительных горизонтов XVI в. Так, практически непосредственно под досками ее пола было расчищено «пепелище» более раннего срубного жилища аналогичной ориентировки относительно сторон света, уничтоженного пожаром. В его керамическом комплексе присутствуют переходные формы горшков от сравнительно высоких сосудов 1-й половины XVI в. к приземистым горшкам XVII в. Все они украшены по шейке редкими горизонтально прочерченными линиями. Общие пропорции одного из них (H/D = 0,67), обнаруженного в виде полуразвала и полностью реконструированного графически (см. рис. 2), демонстрируют форму, характерную для горшков «коломенского типа» 2-й половины (3-й четверти) XVI в. [Коваль, 2005. С. 263. Рис. 4, 1—3, 5—6; Зацаринный и др., 2007. С. 180. Рис. 15, *1, 2*; Глазунова, 2009. С. 475. Рис. 229, *1, 3*]. Таким образом, постройка 2-го строительного горизонта вполне могла просуществовать вплоть до начала XVII в. (не исключено, что она сгорела в период осады войсками царя Василия Шуйского Тульского кремля, где с июня по октябрь 1607 г. оборонялись повстанцы под предводительством И. И. Болотникова). В этом случае, строительство нового жилища (откуда происходит наконечник копья) на месте сгоревшей постройки могло произойти уже ближе к концу Смутного времени.

Своей вытянутой плавно сужающейся к острию формой пера наконечник копья отчасти сближается с шиловидными пиками XVI—XVII вв. Однако, от последних он отличается существенной шириной пера, его сечением в виде сильно вытянутого ромба с четкими гранями, а также выделенными слегка прогнутыми плечиками при переходе пера в тулею. По классификации А. Н. Кирпичникова подобные наконечники относятся к типу III, время бытования которых определяется исследователем в диапазоне с VIII—IX вв. и до позднего средневековья включительно [Кирпичников, 1966. С. 12—16]. По типологии О. В. Двуреченского, использованной при характеристике наконечников копий с территории казачьих слобод города Епифани XVI—XVII вв. аналогичные наконечники соотносятся с типом 1 [Гоняный, Гриценко, Двуреченский, 2011. С. 36, 52. Рис. 2, *1, 3*].

Совершенство оружейного мастерства, раскрывающееся в совокупности конструктивных и морфологических признаков данного предмета вооружения (восьмигранная втулка с четко выверенными симметричными гранями, выраженный переход втулки в перо через вогнутые плечики и т. п.), а также в его орнаментике (декор в технике таушированияс использованием «золотых» пластин), позволяет предположительно отнести данную находку к комплексу европейского позднесредневекового вооружения (Германия, Речь Посполитая). Типологически близкий наконечник копья (общая длина около 35 см) с аналогичным декором граненой втулки в виде «елочки» из накладных угольников, выполненных пластинами желтого металла, был недавно найден на территории современной Украины (см. рис. 3)*. Кстати, заметим, что именно через этот регион в период Смуты начала XVII в. проходили вооруженные отряды польских шляхтичей во главе с Лжедмитрием I, а также немецкие ландскнехты, воевавшие, в том числе, и в составе войска И. И. Болотникова [Буссов, 1961. С. 142, 147]. По стечению обстоятельств и те и другие в разное время пребывали в Туле.

В то же время, достаточно высокий уровень развития русского художественного ремесла, проявившийся, в том числе, и в шедеврах отечественного холодного оружия (Жилин, 2011), не позволяет нам полностью исключать вероятности местного производства этого статусного предмета вооружения. Поставить окончательную точку в этом вопросе позволит лишь расширение самой источниковой базы, создание единого банка данных и разработка достаточно четкой типологической схемы для классификации позднесредневекового холодного вооружения.

Литература

Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. — М.: Тип. «Новости», 2011.

Буссов К. Московская хроника: 1584—1613. — М.; Л.: АН СССР, 1961.

Глазунова О. Н. Керамика кухонная, тарная, столовая XIV—XVIII веков // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII—XIX веках (Материалы охранных археологических исследований. — Т. 12). — М.: ИА РАН, 2009.

Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения коня и всадника из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология: Сб. материалов. — Вып. 2. — М.: Русская панорама, 2011.

Жилин А. М. Орнаментация отечественного холодного оружия и защитного вооружения XIV—XVI веков // Вестн. ТвГУ. — Сер.: История. — Вып. 4. — Тверь, 2011.

Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В. Круговая посуда XVI—XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999—2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история: сб. статей. — Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие IX—XIII вв. // САИ Е-1-3. — М.: Наука, 1966.

Коваль В. Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV вв.: Сб. статей. — Тула: Изд-во ООО РИФ «Инфра», 2005.

Мирясова А. А. Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII—XIX веках. (Материалы охранных археологических исследований. — Т. 12). — М.: ИА РАН, 2009.

---

* Весьма ограниченные данные об этом предмете были получены с сайта открытого электронного аукциона антиквариата «Виолити» — http://swordmaster.org/forum/cat-Orujieauktsionyichastnyiekollektsiiiskateli/topic-12-page-6.html (дата обращения: 02.04.2015).

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ПОСЕЛЕНИЯ КОЛЕСОВКА

***А. В. Аралов**, д. с-х. н., проф., **С. А. Татаринцева**, инж.,*
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Изучение поселения Колесовка, относящегося к позднему средневековью (конец XII в — третья четверть XIV в), производится с 1998 года. Оно располагается в 300 м к западу-юго-западу от южной окраины деревни Колесовки Кимовского района Тульской области и относится к группе культурно-исторических памятников Куликова поля. Данные, полученные в ходе его изучения, позволяют судить о наличии в этом регионе разнообразной фауны и более правильно оценить роль скотоводства, а также охоты и рыбной ловли в древнерусских поселениях. Исследование позволяет делать определенные выводы относительно особенностей фауны прошлого времени и судить об изменениях состояния данной местности.

Определение и исследование костных останков животных с раскопок поселения Колесовка проводилось на кафедре биологии и экологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Установление видовой принадлежности и промеры костей осуществлялись согласно методикам P. Popesko [8], Н. А. Бобринского и др. [4], Z. Schramm [9], В. И. Громовой (1950) [5], А. И. Акаевского (1984) [1], D. Grayson [6], T. Martin (1989) [7], S. Sisson (1989) [10], Е. Е. Антипиной (2003) [2, 3]. В целях установления причин и характера повреждений костного материала использовали сравнительное изучение исследуемых образцов с натуральными костями разных видов животных, согласно методикам T. Martin (1989) [7], S. Sisson (1989) [10].

За время разработки памятника было собрано и обработано 17 992 экземпляра остеоматериала. В основном материал представлен кухонными останками, о чем говорит значительная раздробленность костей и наличие на них порезов, насечек, сделанных во время разделки туш. Идентификация костей, их фрагментов и зубов показала, что останки принадлежат как взрослым, так и молодым особям; значительное количество материала — 17 076 экземпляров (94,91% от общего числа находок) принадлежит взрослым животным. Видовой состав разнообразен. Основную часть коллекции составляют кости и их фрагменты, принадлежащие представителям класса Млекопитающие — 3 059 экземпляров (17% от общего числа всех находок). Наибольшее число находок остеоматериала относится к одомашненным животным: крупный рогатый скот (корова) (*Bos taurus* Linnaeus, 1758) — 1 036 экземпляров (5,76% от общего числа всех находок); свинья (*Sus scrofa ferus* Linnaeus, 1758) — 919 экземпляров (5,11%); овца (*Ovis aries* Linnaeus, 1758) — 467 экземпляров (2,59%); лошадь (*Equus caballus* Linnaeus, 1758) — 419 экз. (2,33%); курица (*Gallus gallus domesticus* Linnaeus, 1758) — 213 экземпляров (1,18%).

Ниже приведены данные раскопок как по количеству находок разных видов животных, так и по соотношению их элементов скелета (см. таблицы 1—3).

Исследуемый материал принадлежит представителям пяти классов (млекопитающие, птицы, костные рыбы, двустворчатые и брюхоногие моллюски), относящимся к 19 отрядам, 27 семействам, 45 родам и 48 видам.

Исходя из полученных данных, хозяйство древнерусского населения носило оседлый характер. Преобладающей деятельностью являлось животноводство. Обнаруженные останки диких животных принадлежат широкому кругу видов. Отдельные виды, такие как медведь, благородный олень, пищуха в настоящее время на территории культурно-исторического комплекса Куликово поле не встречаются, что позволяет судить об изменениях фауны в сравнении с прошлым временем.

Литература

1. Анатомия домашних животных / А. И. Акаевский, Ю. Ф. Юдичев, Н. В. Михайлов, И. В. Хрусталева; Под ред. А. И. Акаевского. — М.: Колос, 1984. — 543 с.

2. *Антипина Е. Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты / Новейшие археозоологические исследования в России. — М., 2003. — С. 112—118.

Таблица 1. **Распределение костных останков класса Млекопитающие по видовой принадлежности и элементам скелета**

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.						
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки	Зубы и зубочелюстные. сегменты.	Ребра и грудина
Корова (*Bos taurus* Linnaeus, 1758)	5,76	1 036	444	77	223	65	116	111
Свинья (*Sus scrofa ferus* Linnaeus, 1758)	5,11	919	311	63	229	47	133	136
Овца (*Ovis aries* Linnaeus, 1758)	2,59	467	224	32	50	10	94	57
Лошадь (*Equus caballus* Linnaeus, 1758)	2,33	419	188	40	83	44	43	21
Коза *(Capra hircus* Linnaeus, 1758*)*	0,28	51	22	2	6	2	18	1
Собака *(Canis lupus* Linnaeus, 1758)	0,22	40	15	2	3	6	3	15
Лось *(Alces alces* Linnaeus, 1758)	0,18	33	5	1	7	1	16	3
Хомяк *(Cricetus cricetus* Linnaeus, 1758)	0,12	21	11	0	10	0	0	0
Заяц *(Lepus europaeus* Pallas, 1778)	0,07	17	11	2	1	1	0	2
Косуля *(Capreolus capreolus* Linnaeus, 1758)	0,07	13	6	0	2	1	0	4
Олень *(Cervus elaphus* Linnaeus, 1758)	0,06	10	4	2	2	0	2	0
Куница *(Martes martes* Linnaeus, 1758)	0,03	5	5	0	0	0	0	0
Волк *(Canis lupus* Linnaeus, 1758)	0,02	4	4	0	0	0	0	0
Лисица *(Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758)	0,02	4	1	0	3	0	0	0
Мышь *(Mus musculus* Linnaeus, 1758)	0,02	4	1	2	1	0	0	0
Бобр *(Castor fiber* Linnaeus, 1758)	0,02	4	3	1	0	0	0	0
Хорек *(Mustela eversmanni* Lesson, 1827)	0,017	3	1	0	1	1	0	0
Сурок *(Marmota bobak* Muller, 1776)	0,01	2	2	0	0	0	0	0
Крыса *(Rattus norvegicus* Berkentheut, 1769)	0,01	2	0	0	2	0	0	0
Медведь *(Ursus arctos* Linnaeus, 1758)	0,006	1	1	0	0	0	0	0
Полевка *(Microtus arvalis* Pallas, 1779)	0,006	1	0	0	1	0	0	0
Пищуха *(Ochotona pusilla* Pallas, 1768)	0,006	1	0	0	1	0	0	0

Таблица 2. **Распределение костных останков класса Птицы по видовой принадлежности и элементам скелета.**

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.					
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки	Ребра и грудина
Курица (*Gallus gallus domesticus* Linnaeus, 1758)	1,18	213	49	18	38	59	49
Гусь (*Anser anser* Linnaeus, 1758)	0,07	12	12	0	0	0	0
Утка (*Anas platyrhynchos* Linnaeus, 1758)	0,02	4	1	3	0	0	0
Тетерев (*Lyrurus tetrix* Linnaeus, 1758)	0,27	49	25	11	1	1	11
Голубь (*Columba livia* Gmelin, 1789)	0,12	22	14	8	0	0	0
Бекас (*Gallinago gallinago* Linnaeus, 1758)	0,04	8	6	2	0	0	0
Ворона (*Corvus corone cornix* Linnaeus, 1758)	0,04	8	6	2	0	0	0
Ястреб (*Accipiter gentilis* Linnaeus, 1758)	0,01	2	2	0	0	0	0
Грач (*Corvus frugilegus* Linnaeus, 1758)	0,01	2	2	0	0	0	0
Орел-беркут (*Aquila chrysaetus* Linnaeus, 1758)	0,006	1	1	0	0	0	0
Галка (*Corvus monedula* Linnaeus, 1758)	0,006	1	1	0	0	0	0
Куропатка (*Perdix perdix* Linnaeus, 1758)	0,006	1	0	1	0	0	0
Перепел (*Coturnix coturnix* Linnaeus, 1758)	0,006	1	1	0	0	0	0

Таблица 3. **Распределение костных останков класса Костные рыбы по видовой принадлежности и элементам скелета.**

Вид	Число находок, % от общего	Число элементов скелета, экз.						
		Общее	Кости конечностей	Пояс конечностей	Череп	Позвонки	Чешуя	Ребра и грудина
Карп (*Cyprinus carpio* Linnaeus, 1758)	61,58	11079	0	6	18	10	10997	48
Окунь (*Perca fluviatilis* Linnaeus, 1758)	17,23	3101	0	1	19	6	3031	44
Плотва (*Rutilus rutilus typicus* Linnaeus, 1758)	1,37	247	0	0	3	4	240	0
Лещ (*Abramis brama* Linnaeus, 1758)	0,36	65	0	4	4	3	42	12
Щука (*Esox Lucius* Linnaeus, 1758)	0,15	27	0	5	5	3	0	14
Красноперка (*Scardinius erythrophthalmus* Linnaeus, 1758)	0,1	18	0	0	0	1	4	13
Судак (*Stizostedion lucioperca* Smitt, 1893)	0,02	4	0	0	3	1	0	0
Сом (*Silurus glanis* Linnaeus, 1758)	0,02	4	0	0	0	3	0	1
Голавль (*Leuciscus cephalus* Linnaeus, 1758)	0,02	4	0	0	3	1	0	0
Язь (*Leuciscus idus* Linnaeus, 1758)	0,017	3	0	0	2	1	0	0

3. *Антипина Е. Е.* Проблемы интерпретации археозоологических материалов из памятников скифского времени на территории Северного Причерноморья // Скифы Северного Причерноморья в 7—8 вв. до н. э.: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. — М., 1999. — С. 72—74.

4. *Бобринский Н. А., Кузнецов Б. А., Кузякин А. П.* Определитель млекопитающих СССР. — М.: Просвещение, 1965. — 383 с.

5. *Громова В. И.* Определитель млекопитающих СССР по крупным трубчатым костям / Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. — Т. 9. — М., 1950. — 241 с.

6. *Grayson D. K.* Quantitative Zooarchaeology. — Orlando, Florida: Academic Press, 1984. — 202 p.

7. *Martin T. J.* General Guide to Osteology. — Springfield: Illinois State Museum, 1989. — 15 p.

8. *Popesko P.* Atlas topogrufickej anatomie hospodarskych zvierat. — II/diel. — Bratislava: Slovenske Vydanatelsvo Podohospodarskej Literatury, 1962. — 232 s.

9. *Schramm Z.* Kosci dlugie a wysokosci wklebie u kozy / Rozniki Wyzszej Szkoly w Poznaniu. — T.XXXVI. — Poznan, 1967. — S. 88—195.

10. *Sisson S.* Porcine osteology. — Toronto, 1989. — Ch. 37. — P. 1216—1272.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ КОЗЕЛЬСКА В 2013—2014 гг.

***Г. А. Массалитина**, к. и. н., в. н. с., Национальный парк «Угра»,*
***И. В. Болдин**, к. и. н., зав. отд., Калужский областной краеведческий музей*

Начиная с 2010 г. археологические раскопки в Козельске ведутся ежегодно, их основная задача — изучение культурных напластований эпохи Древней Руси. Всякий раз итогом работ является принципиально новая информация об этом этапе существования города [Массалитина, Болдин, 2013. С. 31—36]. В связи с очень плотной застройкой территории, где выявлен древнерусский слой, раскопы закладываются в разных местах исторической части Козельска.

В 2013—2014 гг. работы велись на холме в устье р. Другусны — именно здесь, по результатам раскопок 2010—2011 гг., локализуется детинец древнерусского Козельска. Напомним, раскоп 2011 г. располагался близ северного фасада церкви Вознесения, которая занимает центральную часть холма. Здание храма длительное время использовалось под хлебокомбинат. На этот раз раскопы были заложены в другой (южной) части холма, у южного фасада церкви. В исторически обозримом прошлом и поныне здесь находится частный сектор. Давно вынашиваемые планы по исследованию территории холма удалось реализовать благодаря удачному стечению обстоятельств: сначала новый владелец хлебокомбината решил восстановить храм, что позволило провести раскопки в 2011 г.; затем, для него же было приобретено одно из выставленных на продажу домовладений. Храмом оно пока не используется и именно здесь, по договоренности с церковной администрацией, и состоялись работы 2013—2014 гг.

Мощность культурного слоя в раскопе 2013 г. (площадь 32 кв. м) составила около 3 кв. м. Значительная часть его толщи включала следы обширного пожарища, простиравшегося по всей площади раскопа. Верхние его горизонты очень предположительно могут быть соотнесены с известным по документальным источникам пожаром 1777 г., когда выгорела вся центральная часть города. Слой пожара нижней части раскопа по вмещающему материалу датируется древнерусским периодом и, также очень предположительно, может быть связан с драмой гибели города в 1238 г.

Отметим еще раз, что одним из аргументов сторонников точки зрения нахождения Козельска «где-то в другом месте» является отсутствие в культурном слое следов пожара [Нигматуллин и др., 2005. С. 142]. При этом мы обращали внимание, что в летописном рассказе об уничтожении Козельска Батыем ничего не сообщается именно о сожжении города, хотя, безусловно, по общей логике это предполагается. В раскопе 2013 г., впервые за всю историю археологических исследований города, в древнерусской части слоя выявлены явные следы мощного пожара.

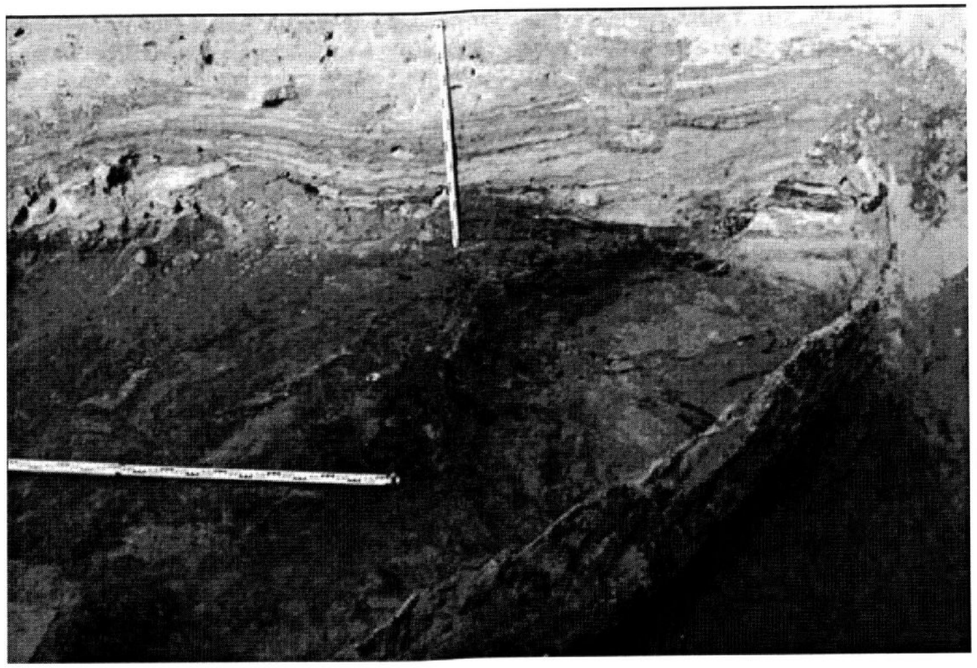


Рис. 1. Слой пожара в раскопе 2014 г. Пласт 9.

Еще одна особенность итогов работ 2013 г. — несопоставимо большее с раскопами прежних лет количество находок из цветного и черного металла. К огромному сожалению, видимо, в силу агрессивности среды (пожар?) все они извлекались из слоя в виде комков бесформенных окислов, не содержавших «тела» изделия и, в подавляющем большинстве случаев, не подлежавших реставрации. Поэтому основой для характеристики культурного слоя раскопа в целом служат многочисленные фрагменты глиняной посуды.

В процессе работ был собран 2 261 фрагмент керамических сосудов, из них 423 фрагмента принадлежат верхним частям горшков. По технологическим и морфологическим признакам около четверти всех собранных фрагментов верхних частей принадлежат горшкам эпохи Древней Руси (XI—XIII вв.), это — типы **АII, Б1, Б2, Б3, В** по типологии керамики верхнеокского региона [Болдин И. В., 2012]. Незначительное количество фрагментов верхних частей (62 фрагмента) принадлежит горшкам XVIII — начала XX в. Большая часть коллекции принадлежит горшкам позднесредневекового времени — XIV—XVII вв.

Из находок верхней части слоя стоит отметить фрагмент холодного оружия, предварительно интерпретированный как палаш, хотя это требует уточнения. Изделие обнаружено в эпицентре слоя пожара, очень рыхлом и перемешанном, поэтому датировка может быть определена также очень приблизительно — XV—XVI вв. Из слоя находка извлечена в сильно коррозированном виде; после реставрации на поверхности клинка выявлены следы инкрустации.

Сохранность немногочисленных фрагментов стеклянных браслетов, по сравнению с раскопами прежних лет, особенно 2011 г., также оказалась неудовлетворительной: они покрыты толстым слоем патины, не позволяющим установить цвет изделия.

Нижний горизонт культурного слоя раскопа мощностью до 0,3 м, не затронутый слоем пожара, представлял собой однородный «торфоподобный» грунт, окрашенный в интенсивно черный цвет. В нем обнаружено незначительное количество лепной керамики роменской культуры и единичные фрагменты круговой посуды очень архаичного облика.

Раскоп 2014 г. располагался в пределах того же домовладения, к югу от раскопа 2013 г., и граничил с началом довольно крутого склона холма. Его площадь — 32 кв. м, мощность слоя — немногим более 3 м. Сразу же следует отметить и крайне малое количество находок, не только индивидуальных, но и фрагментов керамики. Общее число последних, включая лепные фрагменты — 1 282 единицы. Вероятно, этот факт может быть объяснен

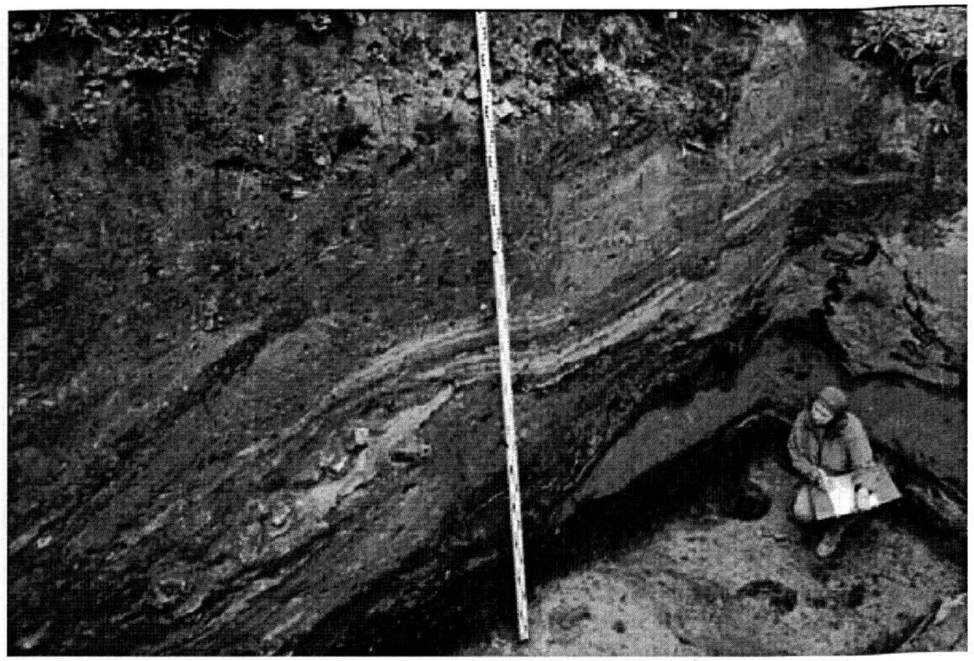


Рис. 2. Профиль раскопа 2014 г. На правой части фотографии видны остатки сгоревшей бревенчатой конструкции в виде «елочки».

периферийностью участка работ. Из индивидуальных находок укажем 19 фрагментов стеклянных браслетов, найденных в нижней части раскопа.

Несмотря на это, работы 2014 г. оказались чрезвычайно важными с точки зрения изучения древнерусского Козельска. Весьма примечателен характер стратиграфии. Раскоп, подчеркнем, заложен у начала довольно крутого склона холма. Тем не менее, на длинных стенках раскопа отчетливо видно, что множественные тонкие напластования культурного слоя противонаправлены современному рельефу: они не опускаются вниз по склону, а, наоборот, довольно круто поднимаются вверх и при выходе на дневную поверхность срезаются. Подобный характер их залегания обусловлен, видимо, наличием насыпи из желто-коричневого суглинка с мелкодисперсными угольками, выявленной в южной части раскопа, граничащей с началом склона холма. Насыпь залегает на самом нижнем горизонте культурного слоя. Он аналогичен нижнему горизонту раскопа 2013 г. и также содержит единичные фрагменты роменской и ранней круговой древнерусской керамики. Именно эта насыпь послужила основанием для всей пачки вышележащих слоев. По предварительному заключению, она может представлять собой остатки оборонительного вала детинца древнего Козельска.

Кроме того, там же, в южной части раскопа выявлены остатки некой сгоревшей деревянной конструкции из толстых бревен (см. рис. 1). Следы уничтожившего ее пожара фиксировались с 7 по 12 пласт (толщина пласта 20 см). О том, что горение происходило здесь же, на данном месте, говорит интенсивная прокаленность грунта по всей толще пожарища. Характер сгоревшего объекта реконструировать не удалось, но о том, что бревна были конструктивно связаны, свидетельствует южный профиль раскопа: на нем остатки сгоревших бревен, располагающиеся «внахлест», имеют вид «елочки» правильной формы (см. рис. 2).

Образцы обугленного дерева, отобранного для радиоуглеродного анализа, дали следующий результат (см. рис.3).

Таким образом, радиоуглеродные даты подтвердили археологическую датировку, установленную на основе изучения стратиграфии и фрагментов глиняной посуды: сгоревшие конструкции сооружались из деревьев, выросших в домонгольское время. Следует подчеркнуть, что слой пожара перекрывал указанную выше насыпь из однородного суглинка в смеси с мелкодисперсными угольками.

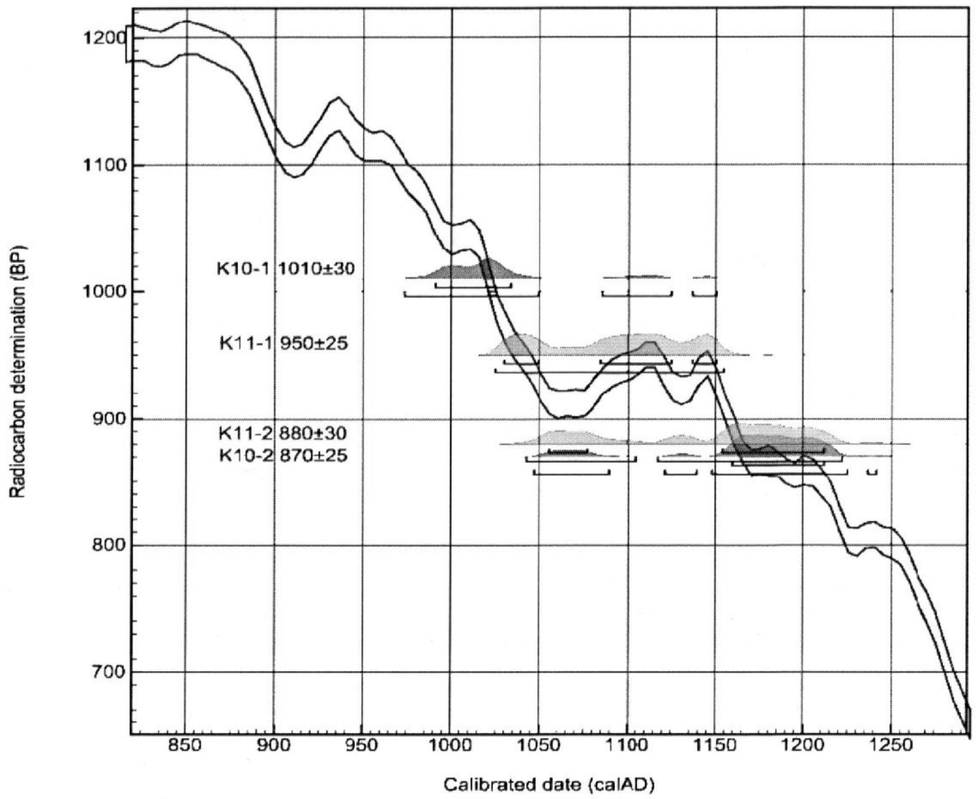


Рис. 3. Результаты радиоуглеродного анализа образцов обугленного дерева.

Важно отметить еще один момент. В характере положения сгоревших бревен, не образующих, как указывалось, определенной конструкции, тем не менее, отчетливо просматривалось преобладающее направление их залегания: диагонально по отношению к сетке квадратов, с северо-запада на юго-восток. Подобное их расположение соответствует линии улицы Земляной Вал, плавно огибающей в этом месте холм и явно проложенной с учетом особенностей древнего рельефа (раскоп располагался метрах в 10 от полотна улицы). Есть основания предполагать, что она проходит по участку бывшего оборонительного рва, смыкающегося с почти засыпанным ныне природным оврагом, который показан в Атласе Калужского наместничества 1782 г.

По предварительному заключению, выявленная насыпь и слой пожарища могут иметь отношение к системе оборонительных укреплений детинца древнерусского Козельска. На данном этапе исследований мы считаем, что имеем дело с подножием древнего оборонительного вала и некими, связанными с ним, деревянными конструкциями, сгоревшими в эпоху Древней Руси. Собственно насыпь вала, вероятно, уничтожена в ходе хозяйственно-строительного освоения территории древнего и средневекового Козельска. Изучение именно этого объекта — остатков древних оборонительных сооружений — является в настоящее время наиболее интересной и актуальной исследовательской задачей.

Литература

Болдин И. В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга, 2012.

Массалитина Г. А., Болдин И. В. Этапы археологического изучения Козельска (к 20-летию проблемы локализации летописного города) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2013.

Нигматуллин Р. А., Прошкин О. Л., Массалитина Г. А., Хохлова Т. М. Древний Козельск и его округа // Труды отдела охранных раскопок. — Т. 4. — М., 2005.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕМЕСЛО В ДРЕВНЕРУССКОМ СЕРЕНСКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК)

***В. Г. Пуцко**, засл. работник культуры РФ, с. н. с.,*
Калужский музей изобразительных искусств

Средневековые города Руси в одних случаях знаем как центры обширной сельской округи, столицы самостоятельных отдельных земель-княжеств, в других — центры ремесленного производства. К числу последних принадлежал Серенск, один из городов в Черниговской волости «Вятичи», впервые упомянутый в летописи под 1208 г. Его древнее городище на высоком мысу правого берега р. Серены при впадении в нее безымянного ручья в основном исследовано археологами. Выяснено, что город возник в середине XII в. на необжитом месте и строился изначально как городской центр. Его структура предполагала детинец, окольный город и посад. Детинец с севера защищен р. Сиреной, с запада — ручьем в глубоком овраге, с востока и юга окружен валом и рвом. Окольный город к югу от детинца обнесен валами. Посад оставался неукрепленным. Серенск был разгромлен войсками хана Батыя в 1238 г. До этого в результате княжеских междоусобиц страдал от пожаров в 1208 и 1232 гг. Тем не менее, город продолжал существовать еще в XV—XVI вв.; последнее о нем упоминание относится к 1674 гг.[1]

Серенск, открытый в результате многолетних археологических раскопок, привлекает особое внимание развитым художественным ремеслом, о чем свидетельствуют многочисленные разнообразные находки. В городе производили качественную белоглинную посуду, из светложгущихся глин с добавлением мелкозернистого песка или без видимых добавок. Серенская керамика XII—XIII вв. служит показателем развитой технологии производства гончарных изделий, характерной для крупного производства южной Руси, и это указывает на очевидную связь с Киевом. Отмеченный признак отличает серенский материал от керамики из курганов и сельских поселений данного региона[2]. По-видимому, изготовляли здесь также из глины и детскую игрушку, на что указывает находка при раскопках серенского посада в 1986 г. фрагментарно сохранившейся мужской фигурки, с тщательно вылепленным лицом и широко разведенными руками, с туловом орнаментированным круглыми ямками, явно передающими фактуру поверхности кольчуги. По своим стилистическим признакам она, однако, мало напоминает киевских всадников[3]. Скорее можно ее соотнести с византийской стеатитовой иконой св. Димитрия, хранящейся в парижском Кабинете медалей Национальной библиотеки. Серенская фигурка найдена в слое XIII—XIV вв, что определяет ее датировку.

Кроме посуды местного производства в Серенске обнаружены фрагменты привозной керамики, поливных сосудов, и обломки круглодонных грушевидных амфор для вина и оливкового масла. Речь может идти об изделиях иранского либо срднеазиатского происхождения или об импорте из Крыма, а возможно и из Византии. Восточная поливная керамика второй половины XIII — первой половины XIV в. на Руси составляла предмет роскоши и была доступна разве князьям и их ближайшему окружению, а также ордынским чиновникам-баскакам. Особо раритетной вещью среди предметов художественного импорта, оказавшегося в Серенске, надо считать найденную в 1983 г. овальную стеклянную камею (литик) с изображением пронзающего копьем крылатого дракона святого всадника — Феодора Стратилата[4]. Она византийского происхождения и датируется XIII в. Ее образцы представлены в различных музеях мира, но их общее количество едва ли превышает полтора десятка.

Резная кость обычно в древнерусских городах представлена большей частью мелкими бытовыми поделками. На Серенском городище в 1967 г. найдена костяная печать с тонким и искусным изображением грифона, как бы идущего по кругу, с повернутой назад головой с открытым клювом и с поднятым вверх крылом. По уровню залегания слоя из которого происходит находка, она должна датироваться первой половиной XIII века[5]. Подобные изображения можно видеть на золотых колтах с перегородчатыми эмалями из кладов XII—XIII вв., а также на серебряных браслетах этого же времени, где они большей частью стилизованы и соединены со сложной орнаментальной плетенкой[6].

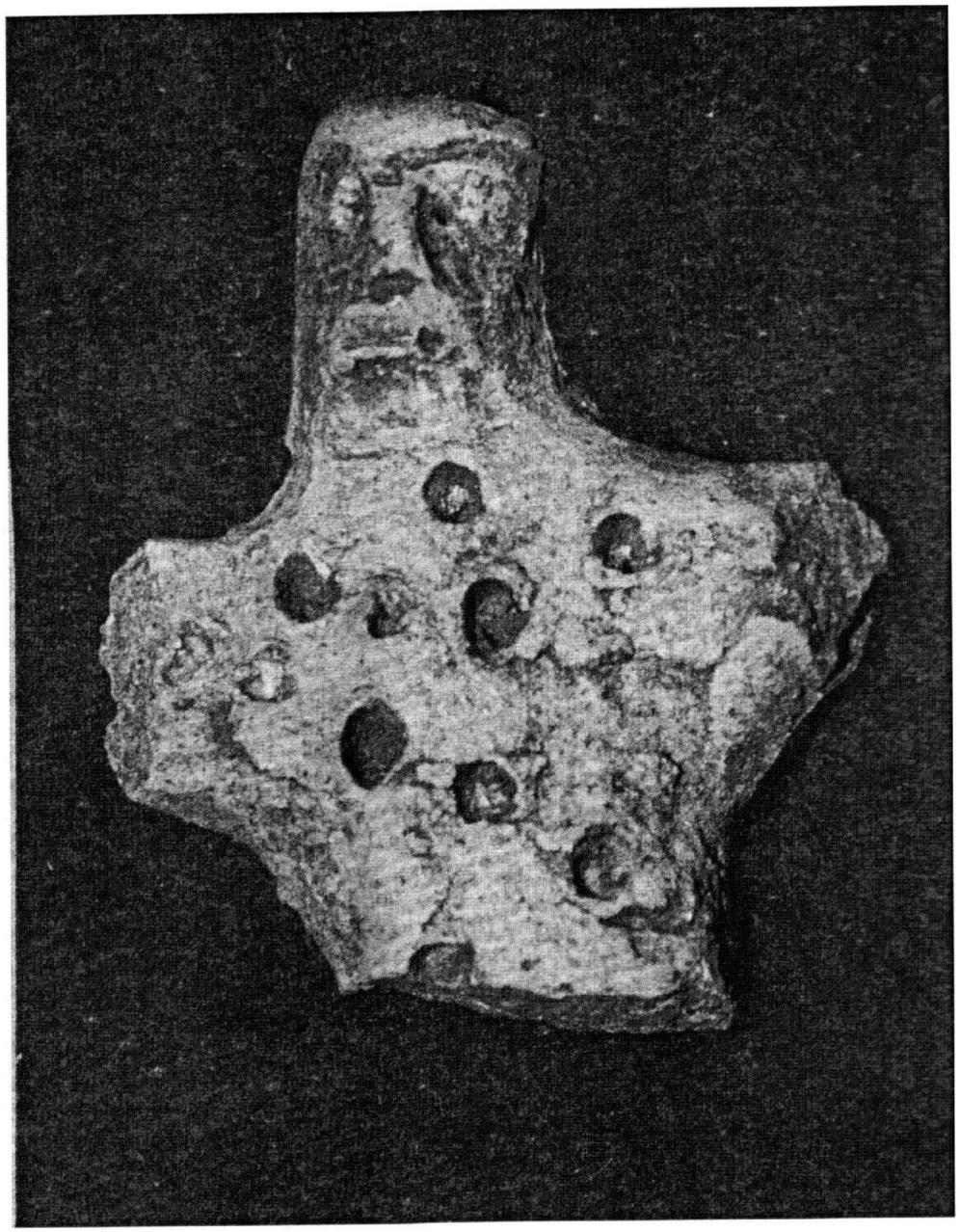


Рис. 1. Фрагмент глиняной фигурки воина. XIII в. Обожженная глина.

Как и можно было ожидать, в Серенске обнаружена разнообразная ремесленная продукция, изготовленная из серебра, меди, биллона. Это предметы украшения, крестительники и кресты-энколпионы нескольких типов[7]. Впрочем последние немногочисленны, и поэтому затруднительно решить, представляют ли они предмет киевского художественного импорта или служат местной его имитацией. Шароподобноконечные бронзовые кресты-тельники с погрудным изображением в медальоне средокрестья или с квадратом в центре чаще всего датируются XII веком. Но, разумеется, не исключены и более поздние отливки. Кресты-энколпионы с закругленными концами и боковыми выступами с рельефными изображениями Распятия и 3 святых в медальонах на одной створке и Богоматери Одигитрии в рост и 3 святых в медальонах — на другой, как известно, получают распространение с начала XII в.[8] Наиболее качественные экземпляры, с четким

Рис. 2. Св. Феодор Стратилат. XIII в. Византийский литик.

рельефом изображений, вышли из киевских мастерских, тогда как количественно преобладающие с заплывшим рельефом, вследствие отливки в глиняной форме по оттиску готового изделия, оказываются вторичными, часто изготовленными кустарным способом. Фрагментарно сохранившаяся верхняя часть лицевой створки из Серенска местного происхождения, не законченная: остались вверху не присоединенные методом долива ушки[9]. Более интересна сохранившаяся фрагментарно серенская лицевая створка креста-энколпиона с прямыми немного расширяющимися концами с каплевидными выступами на углах, оставшаяся гладкой, имеющая внутри в средокрестии полость крестовидной формы для хранения реликвий[10]. Аналогии этому немногочисленны, и наиболее близкой из них может служить целый энколпион из слоя XIII в. в Северном районе Херсонеса[11]. Один из самых распространенных тип энколпиона с обратной надписью в Серенске представлен двумя створками от разных экземпляров. Сглаженный рельеф, возможно, служит свидетельством в пользу местного воспроизведения киевского оригинала, появившегося в начале 1200-х гг. Встречены также обломки энколпионов иного типа, как и в предыду-

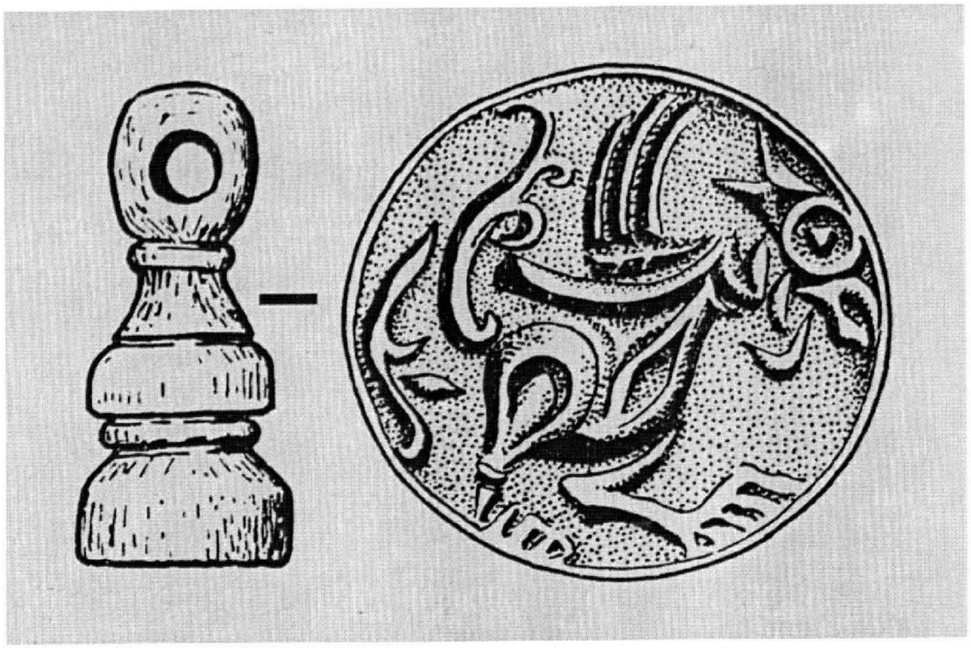


Рис. 3. Костяная печать с изображением грифона. Первая половина XIII в.

щих случаях характеризующего продукцию ремесленников Киева, которая в этот период обнаруживает довольно много ранее неизвестных моделей и совершенно новые типы ювелирных украшений[12].

Говоря о предметах личного благочестия, происходящих из Серенска, надо заметить, что только крестов-тельников найдено более двух десятков, преимущественно из медных сплавов. В своем большинстве они отлиты в двустворчатых формах с полостями для литья в обеих створках. При типологическом разнообразии все же преимущество отдается

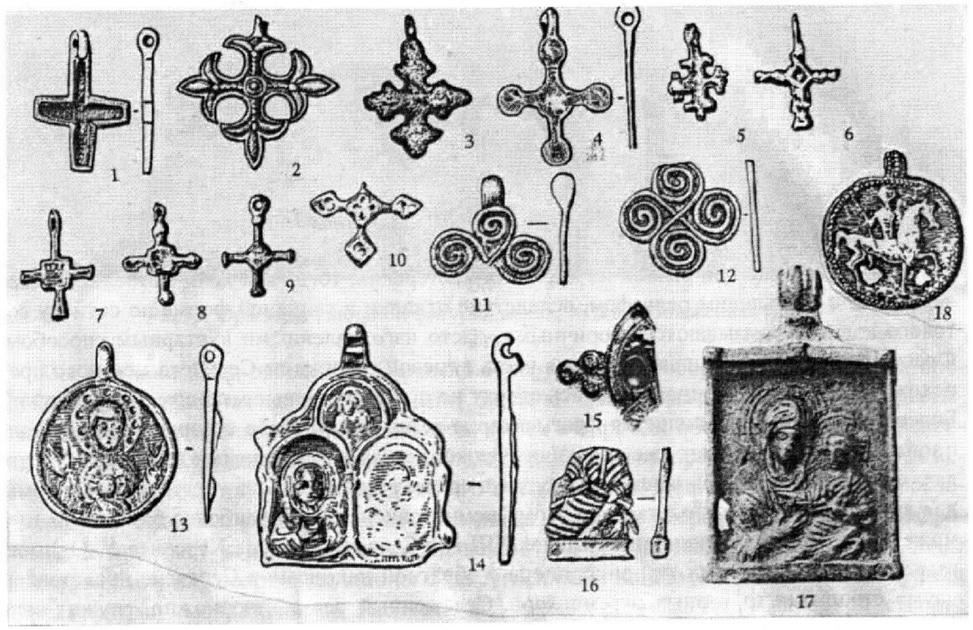


Рис. 4. Бронзовые кресты-тельники и иконки. XII—XIII вв.

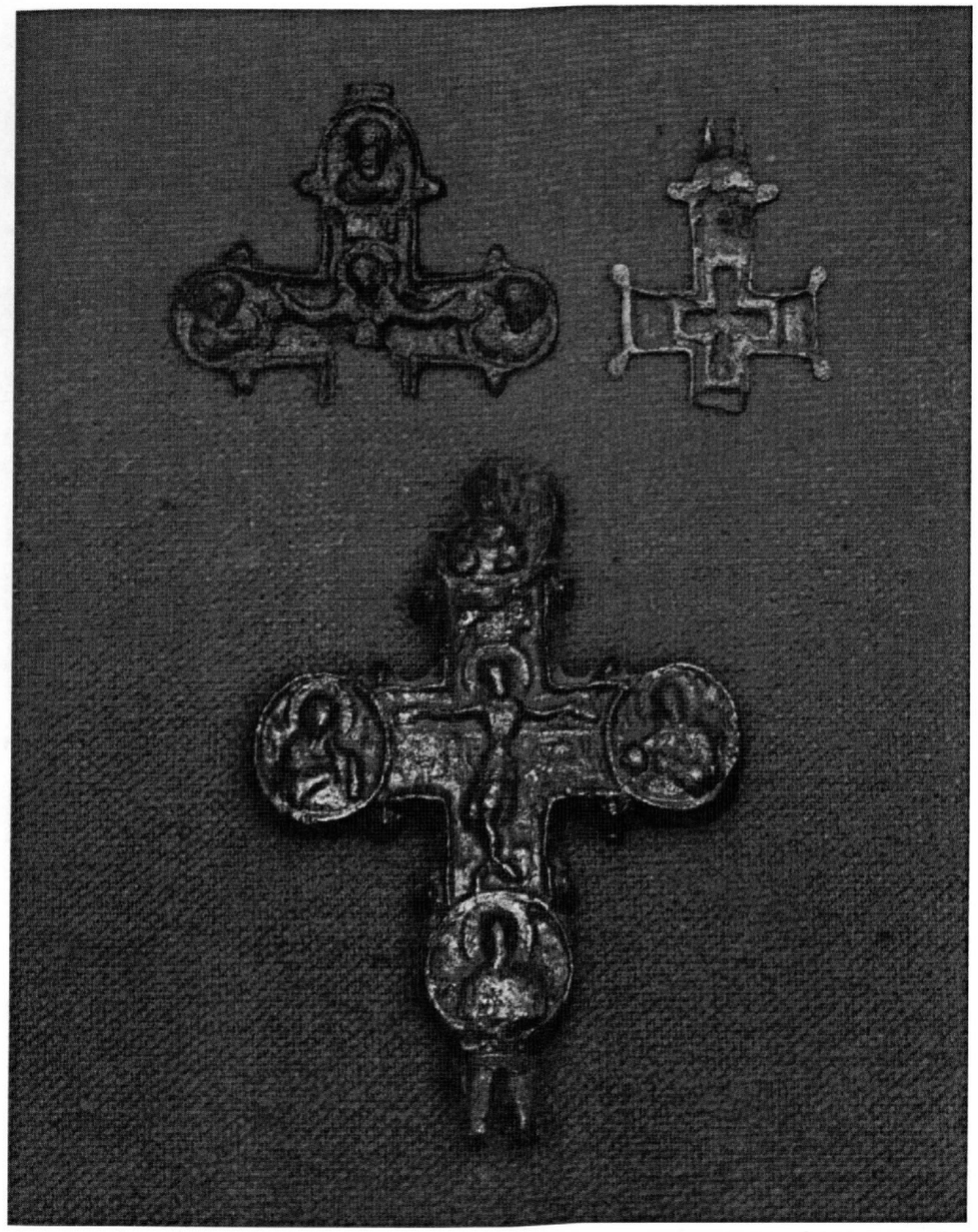


Рис. 5. Бронзовые кресты-энколпионы. XII—XIII вв.

варианту с квадратом в средокрестии. Наряду с ним встречаются криноконечные, идентичные происходящим из Поднепровья. Ареал их распространения был весьма широким, охватывающим различные русские земли и даже проникающим на территорию Латвии.

К числу сравнительно недавних находок в Серенске относятся меднолитые иконки, из которых две круглые, с рельефными изображениями конного Георгия и Богоматери Знамение, имеющие аналогии среди ранее известных. Более редким является складень арочной формы из оловянно-свинцовой бронзы, отлитый по восковой модели, с изображениями святых. Встречен также фрагмент известной по более сохранившимся экземплярам мастерски выполненной иконки Богоматери Одигитрии[13]. Это опять-таки киевская продукция, и ее проникновение сюда было столь же естественным, тем более что о существовании прочных связей свидетельствует и иной, более обширный материал.

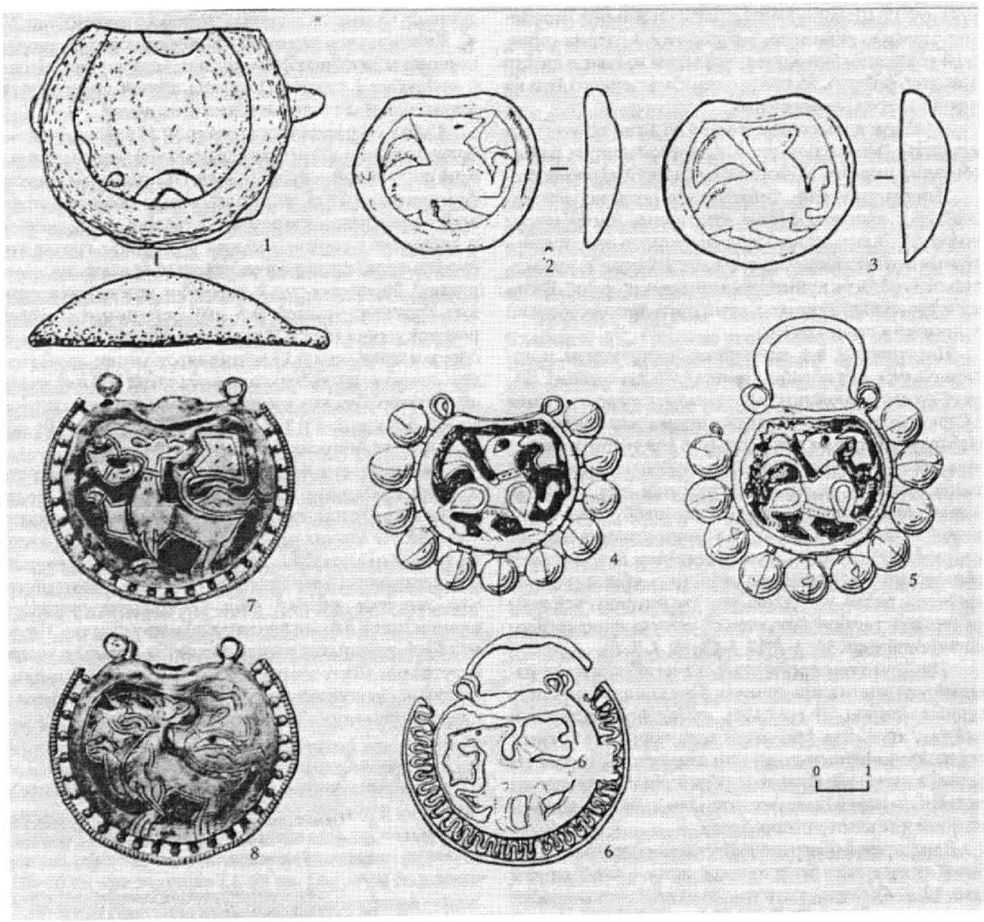


Рис. 6. Матрицы из Серенска и колты из кладов.

Особую группу археологических находок в серенском материале образуют ювелирные украшения и матрицы для их изготовления. Биллоновые и бронзовые браслеты, украшенные ложной зернью тонкой работы, имитировавшие дорогостоящие серебряные створчатые, выполняли в литейных формах. Пластинчатые браслеты обычно изготовляли из тонко выкованного бронзового листа, поверхность которого покрывали затем чеканным геометрическим орнаментом. Подражание серебряным изделиям, по-видимому, предполагало воспроизведение прежде всего конкретных образцов. Об этом позволяет говорить фрагмент широкого браслета с волнистым контуром и рельефным изображением львиной головы на конце, типологически схожий с серебряными с чернью обручами из Старикова и Чернигова[14]. Подобно тому матрицы из Серенска могли быть использованы при изготовлении серебряных колтов, происходящих из различных кладов, включая клад Михайловского монастыря в Киеве[15].

Изучение серенских находок убеждает, что литье украшений осуществлялось с использованием различных моделей, литых и резных, одноразовых и многоразовых. Серенские матрицы отлиты преимущественно в разъемных литейных формах. Среди них встречается и производственный брак, с испорченным рисунком, что заставило оставить изделия в незавершенном виде. К сожалению, на Серенском городище не оказалось изделий, изготовленных при помощи обнаруженных здесь матриц: все они явно были получены их заказчиками. Известные экземпляры колтов с рисунком идущего зверя в основном оказались на территории, которая входила в состав Черниговской земли. Шесть серенских матриц предназначены для изготовления нашивных бляшек различной формы для украшения ремней и одежды. Иной набор служил для изготовления накладок и наконеч-

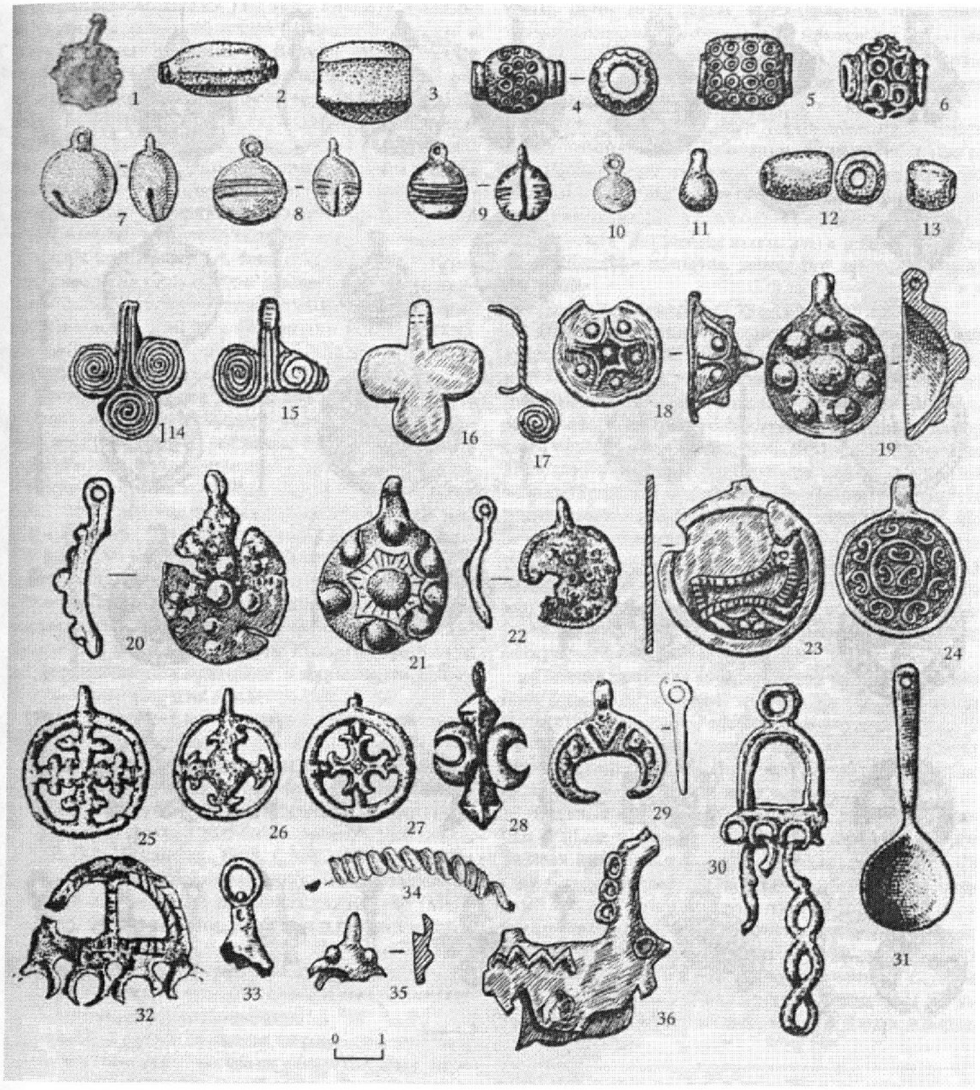


Рис. 7. Предметы украшения: бусы, бубенчики, пуговицы, пронизки, привески и спиральная пронизка.

ников пояса. Найдены также ювелирные наковальни. Декор на выплавляемые модели и металлические изделия наносили посредством резцов-штихелей. Обработку поверхности изделия производили путем соскабливания тонкого слоя металла с целью удаления рисок, образовавшихся в процессе опиливания, для подготовки к полированию. К отделочным инструментам относится напильник с однорядной косой насечкой. Обычно уровень мастерства ювелиров небольших ремесленных центров был не очень высоким. Серенск здесь представляет редкое исключение, о чем свидетельствует уже обнаруженный на городище ювелирный инструментарий, один из крупнейших с территории Древней Руси. Технология изготовления ювелирных изделий предполагала упорядоченный ряд приемов и операций, включая литье, формующую горячую и косметическую, а также холодную обработку металла. Применялся литой и чеканный в сочетании с гравированным декор.

Благодаря обширному археологическому материалу из Серенска на сегодняшний день можно довольно отчетливо представить общий характер ювелирных изделий, прежде всего предназначенных для широкого покупателя, и, следовательно, отражающих эстети-

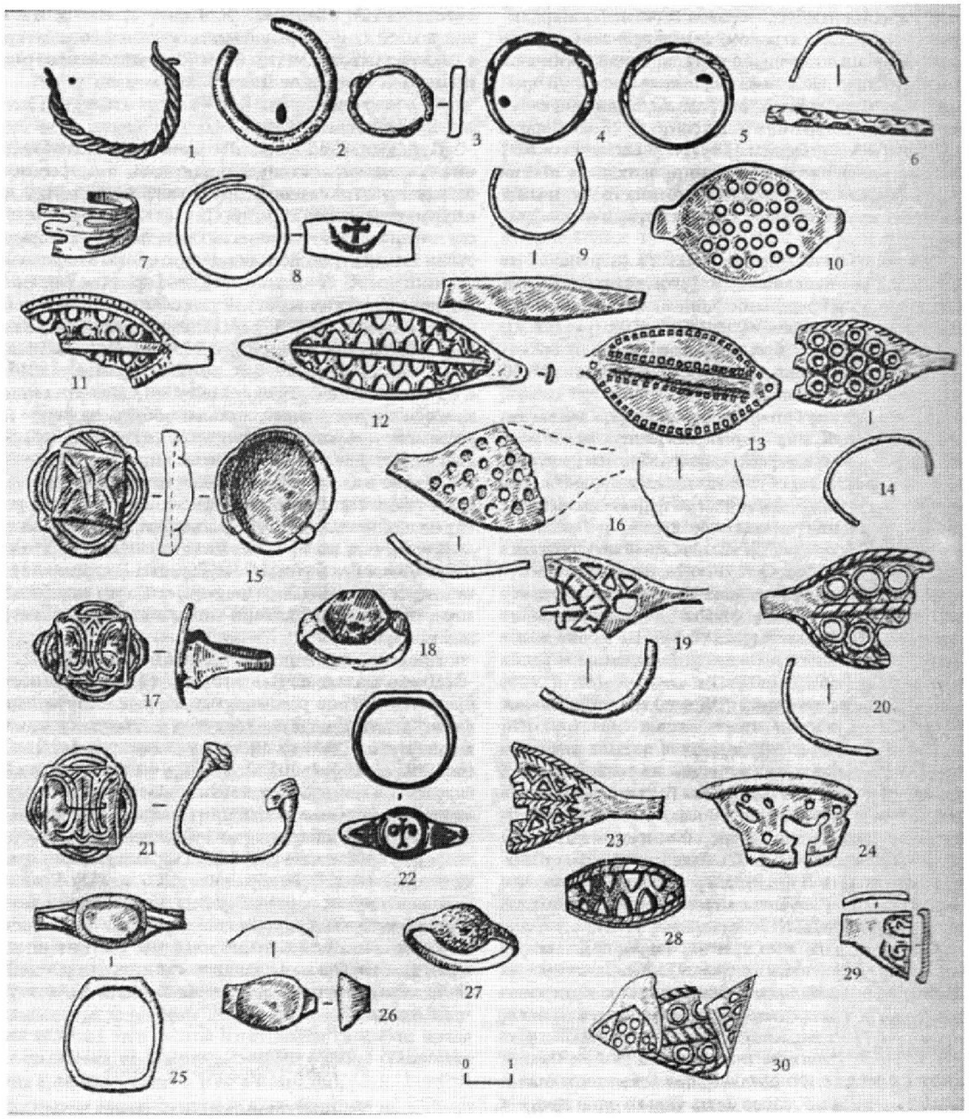


Рис. 8. Перстни.

ческие вкусы людей первой половины XIII в. Это проволочные височные кольца, серебряные и из цветного металла, довольно простой конструкции. И только одно трехбусинное кольцо в Серенске оказалось золотым. Типологическим разнообразием выдаются найденные здесь бусы, бубенчики, пуговицы, пронизки, привески, изготовленные из золота, серебра, цветного металла. Из раскопок Серенска происходят восемь фрагментов гривен, являющихся самым распространенным типом этого украшения на всей территории Древней Руси. Их обручи состоят из витых проволок лицевой части и обычно плоских концов. В данном случае пластинчатые концы изготовлены отдельно и приделаны к витым жгутам. Меньше были распространены простые дротовые гривны: в Серенске найден лишь фрагмент из литого стержня с остатками обертки медным листом. Еще оказались два фрагмента ложноплетеных гривен, обручи которых имеют округлое и подтреугольное сечения, а имитирующий плетение декор после отливки проработан инструментом. Сохранившаяся фрагментарно третья гривна изготовлена из крученой пластины прямоугольного сечения. Наиболее разнообразны по форме и декору привески: полного совпадения среди них нет. Украшения из Серенска образуют особую группу. Изделия

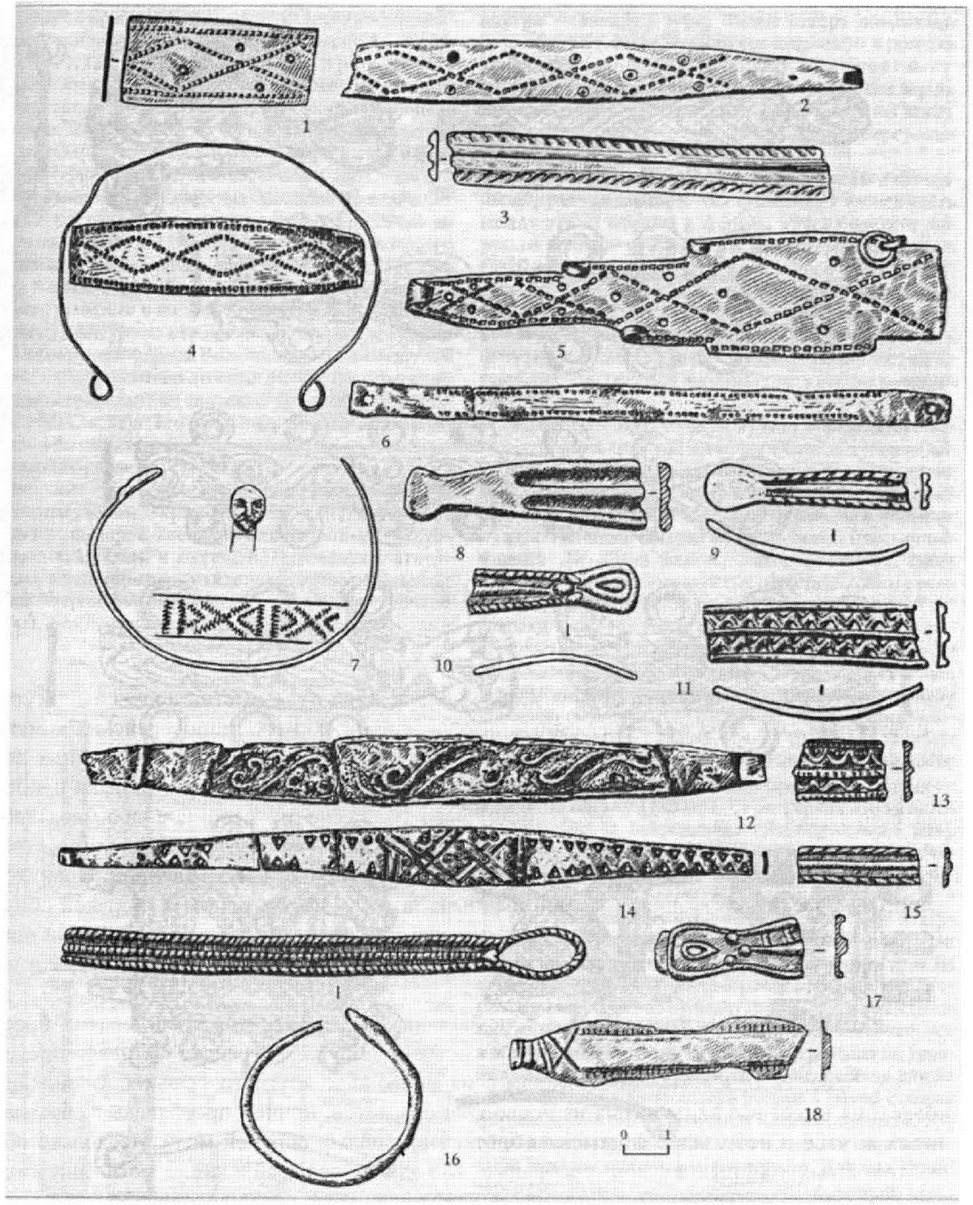


Рис. 9. Пластинчатые браслеты.

отличаются крупными размерами и декорированы большими шариками, расположенными по периметру изделия. Плоские круглые непрорезные привески украшены розеткой из трех волют в центре и бордюром из 8-ми волют по краю. Есть еще группа привесок с изображением животного с повернутой назад головой, кусающего себя за хвост. Не исключено, что это импортные изделия, из бассейнов Верхней Волги, Оки и Верхнего Днепра.

Излюбленным украшением вятичских женщин были перстни, известные по многочисленным находкам. Более двух третей происходящих из Серенска составляют решетчатые, широкосрединные ажурные. Имели распространение и проволочные витые перстни, для изготовления которых в Серенске использовали преимущественно волоченую проволоку, кованую либо полученную путем волочения литого полуфабриката из оловянной бронзы с последующим отжигом. Дротовые простые перстни обычно состоят из одинарного

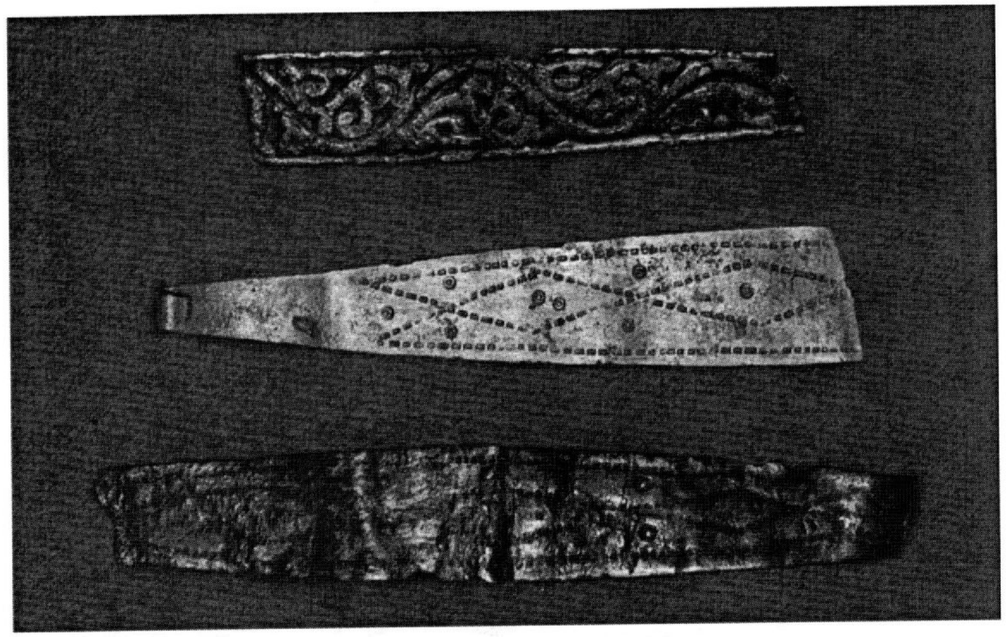


Рис. 10. Пластинчатые браслеты.

сомкнутого или разомкнутого обруча. Сомкнутые ложнолитые перстни получены литьем в пластичных или жестких неразъемных двустворчатых формах, типа серенских каменных форм. Пластинчатые широкосрединные непрорезные перстни имеют различные варианты. Пластинчатые широкосрединные ажурные или решетчатые перстни были наиболее популярными у вятичей. В Серенске было налажено их серийное производство. Большинство изделий после литья не подвергалось никакой последующей доработке. Сомкнутый щитковый перстень был преимущественно городским украшением. Происходящий из Серенска экземпляр — единственный. Зато на участке одной мастерской обнаружены три серебряных квадрифолийных перстня, два из которых имеют объемный щиток, а один — плоский. На одном перстне из Серенска есть углубление для вставки на овальном щитке.

Еще одну группу массовых женских украшений «Земли вятичей» представляют браслеты, основной конструктивный элемент которых — обруч. В Серенске бытовали проволочные простые браслеты, изготовленные из проволоки круглого сечения. Сервисная коллекция имеет все виды витых из проволоки браслетов, причем преобладают обрывки витых жгутов и небольшие фрагменты браслетов, а целых обручей мало. Несколько обрывков витых тройных жгутов серебряные. Исходным полуфабрикатом могли служить пластины типа найденных на Серенском городище, края которых ровно подвернуты к середине, образовав полоску, которая потом расковывалась в проволоку или протягивалась через отверстия волочильной доски. Среди находок в Серенске часть составляют жгуты, свитые из двух проволок. Способы скручивания витых браслетов были разными. Известно скручивание жгута из одной, сложенной втрое проволоки, из двух, из трех и даже из восьми прутов. Существовали еще плетеные браслеты[16].

Многочисленны и пластинчатые браслеты, в основном разомкнутые. Концы обручей бывают простые округлые или прямые, загнутые в виде дуги или спирали, фигурные в виде плоских щитков треугольной либо округлой формы, большая часть изделий украшена геометрическим узором, который может быть углубленным, выпуклым и ажурным. Часть браслетов получена в результате отливки прямой плоской заготовки, но отливались браслеты и в одностворчатых открытых формах без крышек. Среди продукции серенских мастеров выделяются браслеты с тремя продольными валиками, иногда с рубчатым рисунком, имитирующим витой жгут. Другие изделия имеют ряды боковых колечек вдоль длинных краев. Существовали также створчатые браслеты. Три из них обнаружены в Серенске.

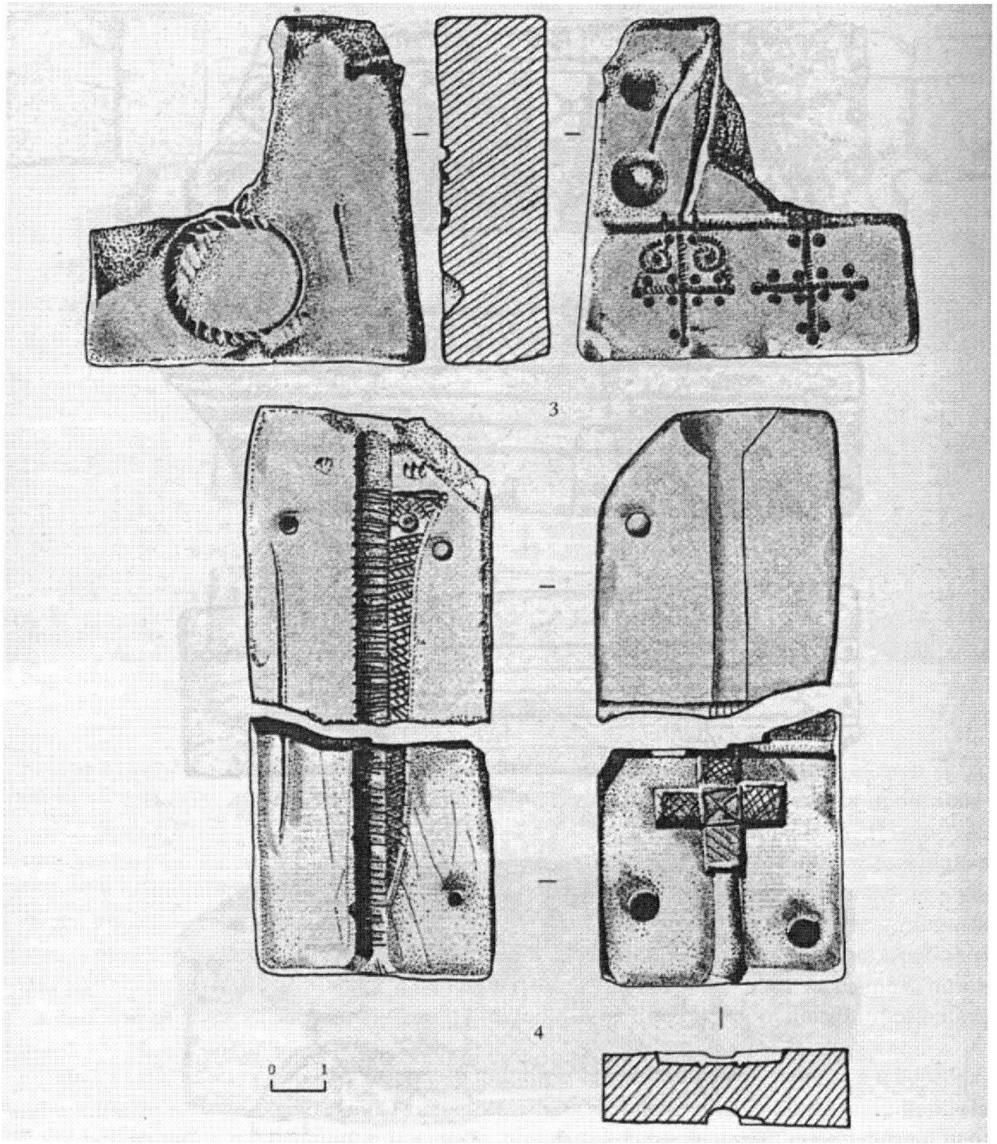


Рис. 11. Литейные формы.

Обслуживали ювелиры местное население, выполняя такие бытовые предметы как книжные застежки, цепочки, фибулы, булавки, накладки, типология которых была характерной для древнерусской эпохи в целом[17].

Наиболее резонансной явилась находка пятидесяти створок и их фрагментов каменных литейных форм, сразу привлекшая к Серенску внимание исследователей[18]. Его усилению способствовало то обстоятельство, что серенские литейные формы явились естественным и ценным дополнением к уже ранее известному в специальной литературе материалу из археологических раскопок в Киеве[19]. Кроме того выяснилось, что как в Киеве, так и в Серенске обнаружены литейные формы с именем одного и того же мастера — Максима. Следовательно, между столицей и небольшим вятичским городом существовала живая связь и, соответственно, здесь и там могли работать одни и те же мастера-ювелиры. Не в этом ли кроется разгадка столь необычного на первый взгляд расцвета ювелирного производства в окраинном Серенске?

Ценность серенских литейных форм не только в высоком мастерстве каменной резьбы, но и в том, что они позволяют намного расширить понятие о типологическом разно-

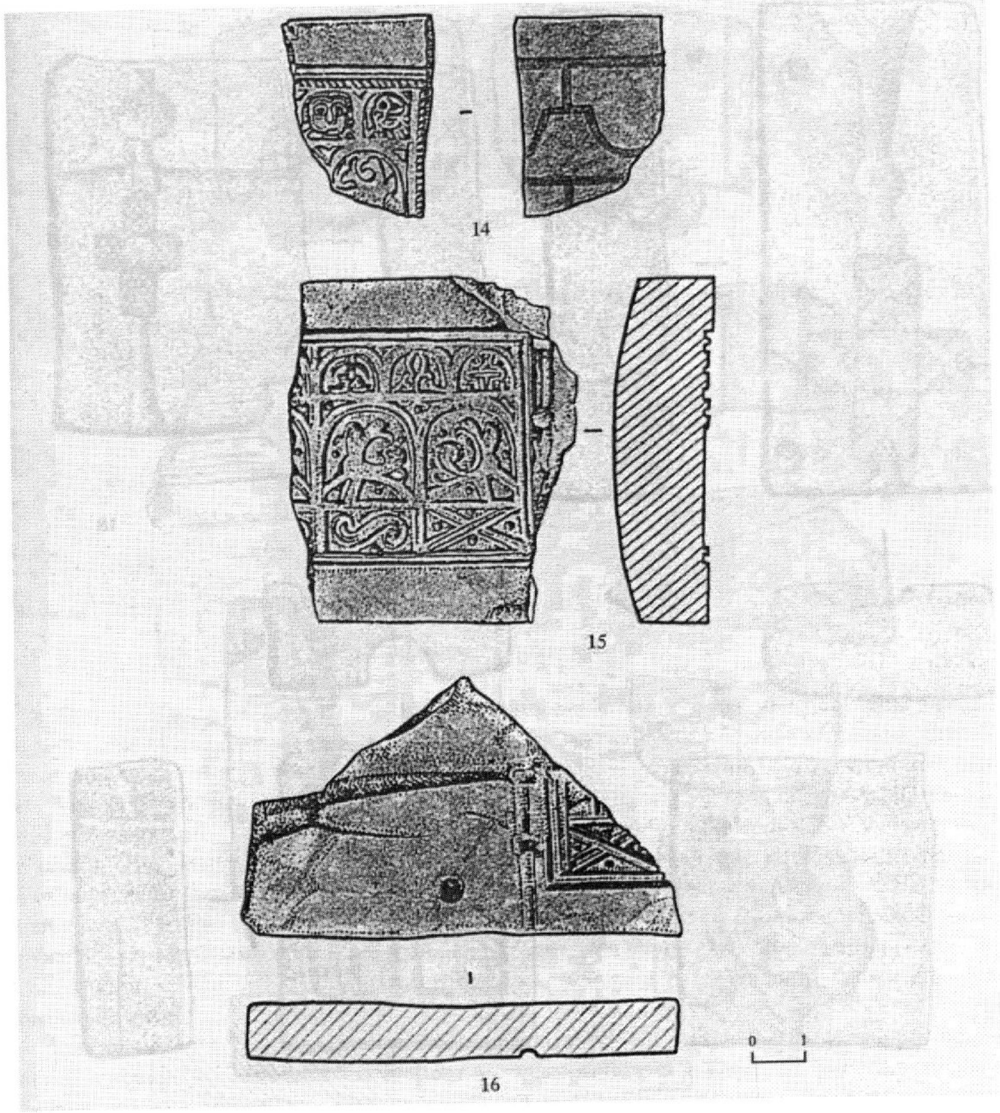


Рис. 12. Каменная литейная форма.

образии ювелирной продукции, изготовление которой было налажено, но не представлено сохранившимися до нашего времени изделиями. Конечно, речь идет не об уникальных произведениях, а о рассчитанных прежде всего на обеспеченных заказчиков. Формы служили для отливки колтов, трехбусинных височных колец, бронзовых булавок, пластинчатых браслетов, створчатых браслетов, а также крестов-тельников. Отливали и гладкие шарообразные бусы, как и бусы орнаментированные кружочками ложной скани, решетчатые подвески. Особый интерес представляет каменная литейная форма для изготовления широкого серебряного створчатого браслета киевского типа, в рельефных арках которого фигуры плясуньи с распущенными рукавами и двух скоморохов, один из которых с кубком в руке, а другой с музыкальным инструментом. Эта композиция тематически явно перекликается с известной на двустворчатых серебряных с чернью браслетах-обручах[20]. Но по сравнению с ними рисунок здесь более схематичный, явно учитывающий технические возможности литья. Створки литейных форм, обнаруженные в Серенске, изготовлены из розового и серого мергеля, из серого сланца, серо-белого плотного известняка, красного пирофиллита, плотного серого песчаника, обточеного куска рога. Впрочем самым употребительным материалом оказывается серый сланец.

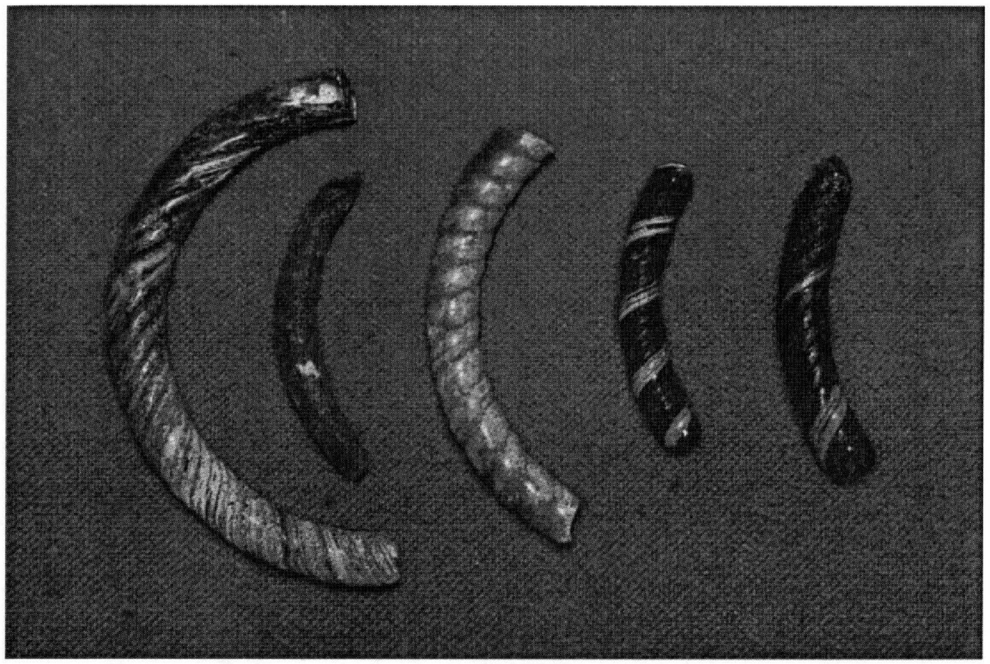


Рис. 13. Стеклянные браслеты.

Если судить о типологическом характере ювелирных изделий, которые можно было отлить в серенских литейных формах, то они находят соответствия в вещах происходящих из Киева, Чернигова, Новгорода-Северского, Переяславля Рязанского, Новгорода, Пскова, Гродно, Галича, Старой Рязани, Мстиславля. Стандартность некоторых видов изделий в сочетании с широкой областью их распространения находит объяснение в условиях производства, сложившихся на рубеже **XII—XIII** вв.[21] Большинство литейных форм и самих украшений найдены в Серенске в слое пожара, связанного с монгольским нашествием 1238 г. Возможно, что именно оно заставило одного из ювелиров, пометившего своим именем литейные формы, вернуться в Киев, где он погиб, укрывшись в Десятинной церкви при разгроме Киева в 1240 г.[22]

Наряду с литыми изделиями серенские ювелиры выполняли также золотые и серебряные предметы украшения в технике тиснения на медных чечевицеобразных матрицах. На некоторых из них с геральдическим зверем, подобным украшающему серебряные с чернью колты из различных древнерусских кладов[23].

В литературе отмечено, что каменные литейные формы в Серенске почти все происходят с территории детинца, где они распределяются не бессистемно, а концентрируются на двух участках, где находились ювелирные мастерские, и на третьем, служившим складским помещением[24]. Происходящие из последнего выдаются лучшей сохранностью, в отличие сильно фрагментированных вследствие их активного практического использования. Некоторые формы выполнены здесь на месте и воспроизводят привозные, вошедшие в моду образцы. Среди них встречаются и распространенные на территории Северной Руси.

Из Серенска происходят сердоликовые, хрустальные и стеклянные бусы, скорее всего представляющие предмет художественного импорта, как и равноконечные каменные кресты, которые в изобилии производили из различных пород в Киеве[25]. В большом количестве обнаружены в Серенске обломки стеклянных браслетов, по составу стекла и цвету близкие изготовленным в Киеве, а в их числе и фиолетовые крученые[26]. В 1966 г. на территории мастерской стеклодела найдено несколько тысяч обломков стеклянных браслетов, стеклянный шлак и бракованные браслеты, что, по мнению Т. Н. Никольской, свидетельствует о их местном производстве[27]. Хотя этот вывод продолжает оставаться спорным.

Рис. 14. Вознесение Александра Македонского. Константинополь. Конец XI — начало XII в. Золотой киотец диадемы из Серенска. Москва, Частное собрание.

Как выясняется, временами в Серенск проникал даже константинопольский художественный импорт, причем не в виде массовой ювелирной продукции, а как весьма элитарные изделия. Несколько лет тому стали доходить слухи, что в Серенске обнаружены золотые вещи, в том числе с перегородчатой эмалью. Позже на выставке, устроенной к 60-летию Музея имени Андрея Рублева в Москве была экспонирована находка как собственность коллекционера К. В. Воронина, связанная своим происхождением с Калужской областью[28]. Она может быть локализована в регионе только Серенском. Это центральная пластина-киотец золотой диадемы с изображением в технике перегородчатой эмали. Диадема как головная повязка известна в древней Греции в качестве женского украшения, тогда как для мужчин она служила символом победы, а для жрецов — признаком сана. На Востоке, в Греции и Риме ее также считали признаком царского достоинства, и эта функция была усвоена в эпоху Средневековья[29]. Древнерусские золотые диадемы с перегородчатой эмалью немногочисленны, и только две из них, сохранившиеся целиком, причем одну из них, происходящую из городища Девичья Гора близ Сахновки на Киев-

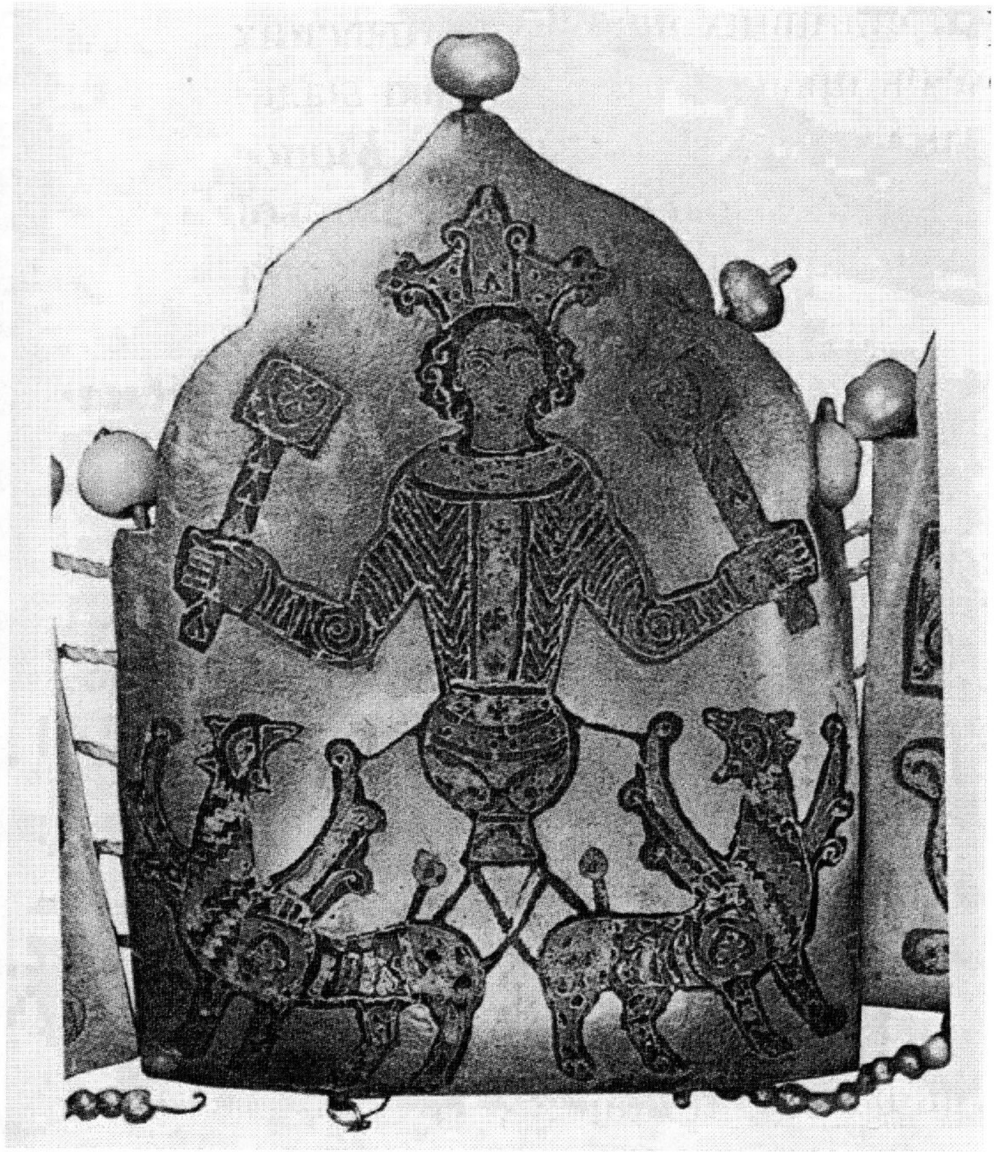


Рис. 15. Вознесение Александра Македонского. Киев. Середина XII в. Киотец золотой диадемы с городища Девичья Гора близ Сахновки. Киев, Музей исторических драгоценностей.

щине, украшает композиция Вознесения Александра Македонского, дополненная геометризированным растительным орнаментом[30]. Серенская находка, размером 5,2×4,6 см, с крупной полуфигурой Александра Македонского по отношению к грифонам, тоже являлась центральной частью диадемы. Четкая и изысканная манера исполнения напоминает византийскую столичную книжную миниатюру конца XI в. Центральный киотец Сахновской диадемы, 5,2×3,6 см, отличается иными пропорциями и усилением схематизма. Его датировка в значительной мере предопределяется тем, что в составе клада, из которого он происходит, оказалась монета византийского императора Мануила I Комнина (1143—1189). Еще одна диадема византийского происхождения с тем же сюжетом, X в., происходит из болгарского Преслава[31]. В этом контексте серенская находка занимает «среднее место», определенно обнаруживая признаки своего константинопольского происхождения и хронологическую привязку к рубежу XI—XII вв. Причины ее проникновения в Серенск трудно объяснить. Не исключено, что она служила образцом.

Рис. 16. Вознесение Александра Македонского. Константинополь. X в. Киотец золотой диадемы из Преслава (Болгария). Преслав, Археологический музей «Велики Преслав».

Художественное ремесло средневекового Серенска представлено разнообразными изделиями, порой мало напоминающими те образцовые, по которым приходится судить о характере древнерусского декоративного искусства вообще[32]. Их комплексный характер обусловлен не результатами произвольного отбора, а жизненной реальностью, проявившейся в изготовлении вещей и в их судьбе, столь же трагической, как и всей Руси, пережившей ужас разорения в 1237—1240 гг. Пепелище вятичского города фактически оказалось кладовой, надолго сохранившей то, что могло бесследно исчезнуть навсегда[33].

Примечания

[1] См.: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. — М., 1981. — С. 136—141; *Болдин И. В., Грудинкин Б. В., Ефимов А. Е., Массалитина Г. А., Прошкян О. Л., Хохлова Т. М.* Археология Калужской области. — Калуга, 1999. — С. 227—230, 244—248, 261—262, 269—271, 278—281.

[2] См.: *Болдин И. В.* Курганная керамика Серенска // Вопросы археологии истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Тезисы докладов VII конференции 17—18 апреля 1997 г. — Калуга, 1998. — С. 22—23.

[3] См.: *Пуцко В. Г.* Коропластика средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 4. — Тверь, 2002. — С. 163—167. — Рис. 3, 4.

[4] См.: *Никольская И. Н.* Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси. — М., 1988. С. 45—47; Византийские древности: Произведения искусства IV—XV веков в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог. — М., 2013. — С. 252. — Кат. 50 (текст И. А. Стерлиговой).

[5] См.: *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — Вып. 125. — М., 1971. — С. 95—97.

[6] См.: *Пуцко В. Г.* Тверские серебряные наручи и книжный орнамент Древней Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 4. — С. 398—407.

[7] См.: *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу, меди и сребру от вятич // Славяне и Русь, — М., 1968. — С. 122—132; Зайцева И. Е. Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII—XIV вв.) // Славянский средневековый город (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 2). — М., 1997. — С. 100—113.

[8] См.: *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. — СПб., 2003. — С. 60—81. — Табл. 16—33.

[9] См.: *Зайцева И. Е. , Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI — XIII в. — М., 2011. — С. 258. — Рис. 132: 8.

[10] См.: *Пуцко В. Г.* Серенский энколпион и христианские реликвии в Древней Руси // Песоченский историко-археологический сборник. — Вып. 4. — Ч. 1. — Киров, 2002. — С. 94—104. — Ил. 18.

[11] См.: *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. — С. 164. — Табл. 96.

[12] См.: *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // Советская археология. — № 14. — М.; Л., 1950. — С. 217—235.

[13] См.: *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей». — С. 255, 257. — Рис. 131.

[14] См.: *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. — М., 1986. — С. 94, 96, 98, 146. — Рис. 47, 48.

[15] См.: *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей». — С. 41. — Рис. 16.

[16] См. там же. — С. 221—237.

[17] См. там же. — С. 245—253.

[18] См.: *Никольская Т. Н.* Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. — С. 126—128. — Рис. 1. 3; *Никольская Т. Н.* Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 40—46; *Никольская Т. Н.* Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска // Советская археология. — 1974. — № 1. — С. 237—240; *Медынцева А. А.* О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 378—382; *Пуцко В. Г.* Ювелирные украшения XIII—XVII вв. из археологических находок в Серенске и Калуге // Песоченский историко-археологический сборник. — Вып. 3. — Ч. 1. — Киров, 1997. — С. 84—87. — Ил. 28, 29; *Зайцева И. Е.* Каменные литейные формы Серенска // Археология Подмосковья. — Вып. 4. — М., 2008. — С. 152—160; *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей». — С. 277—300.

[19] См.: *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — С. 217—228; *Каргер М. К.* Древний Киев. — Т. 1. — М.; Л., 1958. — С. 380—386. —Табл. XLV—LVII.

[20] См.: *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. — Рис. 25—27, 29, 30. 36, 37.

[21] См.: *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С. 432—433, 521—522.

[22] См.: *Медынцева А. А.* О литейных формочках с надписями Максима. — С. 380—381.

[23] См.: *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей». — С. 41. — Рис. 16; *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. — Рис. 17, 18, 24.

[24] См.: *Зайцева И. Е.* Каменные литейные формы Серенска. — С. 152.

[25] См.: Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. — Т. 1. — М., 1995. — С. 210—218. — № 112—165.

[26] См.: *Равдина Т. В.* Стеклянные браслеты Серенска // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — Вып. 155. — М., 1978. — С. 76—79.

[27] См.: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. — С. 141.

[28] См.: Шесть веков русской иконы: Новые открытия: Выставка из частных собраний к 60-летию Музея имени Рублева. — М., 2007. — С. 202. — Кат. 120.

[29] См.: *Deér J.* Die Heilige Krone Ungarns. — Wien, 1966; Piltz. E. Kamelaukion et mitra. Insignes byzantins impériaux et ecclésiastiques. — Uppsala, 1977.

[30] См.: *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. — М., 1975. — С. 44, 46—53, 108—109. — Табл. 11, 12. — Кат. № 61, 69.

[31] См.: *Тотев Т.* Преславско златно съкровище. — София, 1983. — С. 9—13. — Фиг. I, 3—5.

[32] См.: *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. — Л., 1970; *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство: Истоки и становление. — М., 1977.

[33] Иллюстрации, сопровождающие текст, преимущественно взяты из цитированной книги И. Е. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой, а также из изд.: Серенск — город в земле вятичей. — Калуга, 2014.

РАСКОПКИ ВАЛА ГОРОДИЩА ЖИДЕЕВКА В 2012 г.

***Г. Ю. Стародубцев**, к. и. н., дир., Курский государственный областной музей археологии*

Городище расположено в 1 км к ЮЮВ от с. Жидеевка Железногорского района Курской области на останце в пойме правого берега р. Усожа (левый приток р. Свапа), примыкая с севера к урочищу «Городище»[1] (см. рис. 1). С напольной восточной стороны она укреплена подковообразным валом и рвом. Размеры площадки составляют 40×20 м., высота от уровня реки — 4,5—5,0 м. Высота вала — 0,5—2,0 м, глубина рва — 0,3—0,4 м. Поселения примыкают к городищу с северной, северо-восточной, юго-юго-восточной и южной сторон и имеют площадь от 75 × 60—75 м до 100×340 м. Памятник обследовался в ходе разведочных работ Ю. А. Липкинга в 1960-е гг., А. И. Пузиковой в 1972 г., П. Г. Гайдуковым в 1981 г.[2] Стационарных раскопок до 2010 г. не проводилось. В 2010—2012 гг. Древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии была исследована площадка городища, произведен разрез вала и частично рва[3].

Для исследования вала и рва была заложена траншея площадью 68 м^2, длиной 16 м и шириной 4 м*, ориентированная по линии З—В в северо-восточной части вала площадки городища, которая спускалась в наружный ров (см. рис. 2). В ходе работ выявлены особенности возведения насыпи исходя из особенностей ее стратиграфии (см. рис. 3).

Сверху располагался дерновый слой мощностью 0,03—0,04 м. Под ним залегал слой перемешанной серой золистой супеси мощностью 0,06-0,40 м, являющийся отвалом на площадку городища при работе бульдозера после срезки верхней части насыпи вала. Все последующие слои и прослойки относятся ко времени сооружения насыпи вала и располагались с уклонами к его внутренней и внешней сторонам. При этом в верхней части вала слои 2, 5, 6 были практически полностью срезаны бульдозером.

Слой темно-серой супеси (слой 6) располагался в верхней части насыпи вала, под ним зафиксирован слой желтого песка (слой 5). Этот слой перекрывал полностью внутренний ровик на площадке городища. Под ним в верхней части заполнения ровика обнаружена прослойка светло-желтого песка, перемешанного с серой супесью (слой 5Б). Слой 2 (желтый плотный песок) находился под слоем 5 в квадратах К, Л, М, Н. При этом, так как этот слой залегал ниже, то, естественно, во внутреннем ровике он залегал под слоем 5Б. Судя по плотности слоя, при сооружении насыпи его проливали водой и утрамбовывали для предотвращения оплывания вала.

Под слоем 2 зафиксированы слои 1 (светло-желтый с белесыми вкраплениями песок) и 3 (слой мешаной светло-серой супеси), имеющие четкую вертикальную границу между собой, проходящую в центральной части насыпи в квадрате Л6. Такая граница возможна только в том случае, если при сооружении насыпи между этими слоями находилась деревянная перегородка, крепившаяся к столбам, следы от которых были прослежены в материке (ямы 139,140, 141, 144, 145). В верхней части восточного участка слоя 1 обнаружена небольшая линза желтоватой светло-серой супеси (слой 4), а над границей слоев 1 и 3 располагалась линза слоя 1А (желтого с белесыми вкраплениями песка).

* Помимо квадратов Ж, З, И, К, Л, М, Н, О линий 6 и 7, к траншее был прирезан квадрат Ж8.

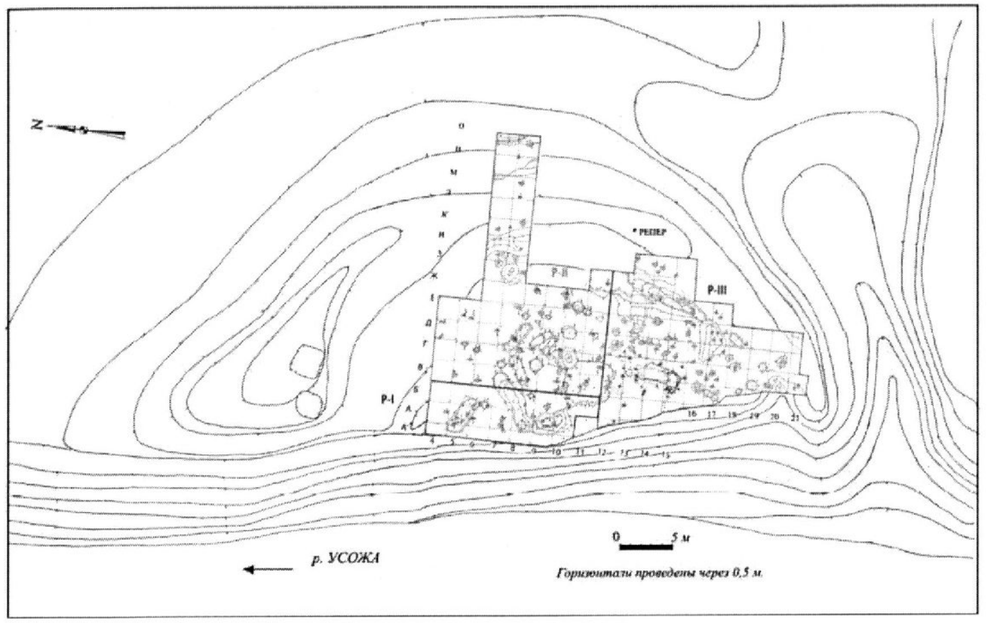


Рис. 1. Топографический план городища, контуры раскопов I—III и объекты, выявленные на уровне материка.

Под слоями 1 и 3 зафиксирован слой погребенной почвы — серая гомогенная супесь (слой 9), содержащий в себе немногочисленные находки раннего железного века и роменского времени. Следует отметить, что этот слой обнаружен только под валом. На остальной исследованной площади городища он был полностью срезан при сооружении насыпи. Слой 9 находился на материке — светло-желтом песке.

С внутренней стороны вала за внутренним ровиком под слоями 5 и 6 располагался слой светло-серой супеси (слой 8). Внутренний ровик постепенно заполнялся оплывами как со стороны площадки городища (слой 8), так и со стороны насыпи (залегающие под слоем 8 слои 5Б, 2, 9, 11).

С внешней стороны вала также наблюдались оплывы насыпи вала в ров. В первую очередь это относится к слоистой пестрой супеси с включениями серого культурного слоя и песка (слой 11), которая располагалась на горизонтальной ступеньке, которая была вырезана в материке. Ее ширина составляла 2,48—2,68 м при глубине от уровня материка 0,92—1,08 м. В слое 11 в северном борту в квадрате Н6 зафиксирована столбовая яма 156, которая осталась, вероятно, от второго (внутреннего) деревянного заграждения, предохраняющего от оползания насыпи вала в ров. Судя по тому, что яма была выкопана в слое 11 — это заграждение было сооружено несколько позднее первого, когда процесс оплывания уже начался. Именно около этой ямы заканчивается как слой 2, так и слой 10, образовавшийся в результате диффузии слоев 2 и 11. Стенки ямы 156 слегка наклонные, дно понижается к центру ямы. Ее глубина от верхнего края — 0,40 м, ширина — 0,20 м.

В 1,4 м к востоку от предыдущей ямы на краю ступеньки также в северном борту в квадрате О6 была обнаружена яма 157, которая была выкопана в материке. Стенки ямы практически вертикальные, дно понижается к центру. Ее глубина от верхнего края — 0,25 м, ширина — 0,20 м. Яма 157, вероятно, являлась несущей конструкцией первого (внешнего) деревянного заграждения, предохраняющего от оползания насыпи вала в ров. Именно около нее заканчивается слой 11. С внешней стороны от этой ямы зафиксирован выброс материкового грунта, который лежал на слоистой коричневато-серой супеси (слой 12), располагавшейся на материковом дне рва и являющийся следствием затеков с напольной стороны рва. Исходя из данной стратиграфии, можно сделать вывод о том, что это ограждение также появилось спустя некоторое время после строительства оборонительных сооружений.

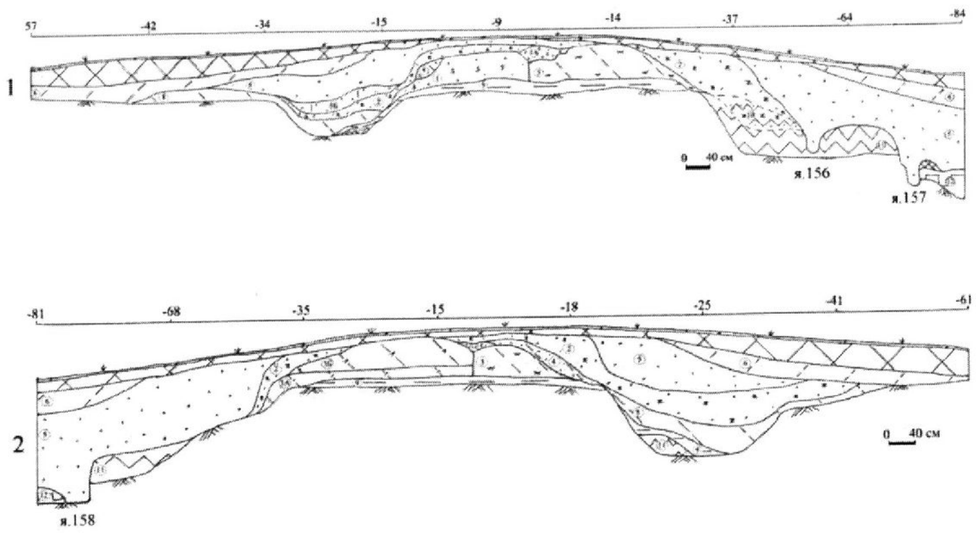


Рис. 2. Разрезы вала и рва: *1* – разрез северного борта раскопа в квадратах Ж6—О6; *2* — разрез южного борта раскопа в квадратах О7—37.

В центральной части квадрата О7 фиксировалась прослойка слоистой пестрой супеси с включениями серого культурного слоя и песка (слой 11). В восточной части квадратов О6—О7 материк граничил со слоем желтого песка (слой 5), которой далее к востоку граничил со слоистой коричневато-серой супесью (слой 12). При зачистке материка в Н7 в склоне рва зафиксировано округлое пятно ямы 147. На уровне материка на глубине — 234 — —237 в плане она имела округлую форму размером 0,16×0,14 м. Стенки ямы в материке были слегка наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка 0,03—0,06 м. Заполнение — светло-серая супесь. В заполнении находок не обнаружено.

В квадратах Н6—Н7, О6—О7 наблюдалось дальнейшее понижение материка в восточном направлении в ров. При зачистке материка в О7 на участке перехода от склона к дну рва зафиксировано округлое пятно ямы 148. На уровне материка на глубине — 246 — —274 в плане имела форму неправильной окружности размером 0,52×0,53 м. Стенки ямы в материке наклонные, дно плоское, глубина от уровня материка в западной части 0,48 м, в восточной — 0,20—0,27 м. Заполнение — ярко-желтый плотный песок. В заполнении находок не обнаружено.

В квадратах восточной части О6—О7 после снятия пласта 10 наблюдалось выравнивание дна рва. Кроме того, в восточной части этих квадратов обнаружена и расчищена канавка, идущая вдоль линии перехода от склона рва к его дну по направлению ССЗ—ЮЮВ. Ширина канавки составляла 0,38—0,68 м, при глубине 0,10—0,15 м относительно восточного края канавки и 0,32—0,38 м относительно западного. При исследовании пласта в квадрате О6 найден фрагмент свинцового изделия (колечко?) (№ 83) (см. рис. 3, *13*). Помимо этой находки при раскопках вала были зафиксированы находки обломков глиняных хлебцев, грузила и биконического пряслица (рис. 3, *1, 2, 8, 14—18*), железной фибулы и фрагментов изделий из железа (см. рис. 3, *3—7, 9—12*).

Таким образом, основываясь на полученных данных, можно предположительно реконструировать облик оборонительных сооружений городища. Судя по всему, с напольной (восточной) стороны его окружал ров, достигавший около 10 м в ширину при глубине до 2 м. Для предохранения стенок рва от осыпания они укреплялись деревянной обшивкой из плах, удерживаемых столбами (в том числе оставившими после себя ямы 156, 157 и 158).

Сами оборонительные стены также имели столбовую конструкцию и представляли собой два ряда своеобразных «клетей» из плах, крепившихся к столбам (ямы 139, 140, 141, 145) и забутованных грунтом (слои 1 и 3). С внутренней стороны к стене примыкал внутренний ровик, грунт из выборки которого также пошел на засыпку внутреннего объема

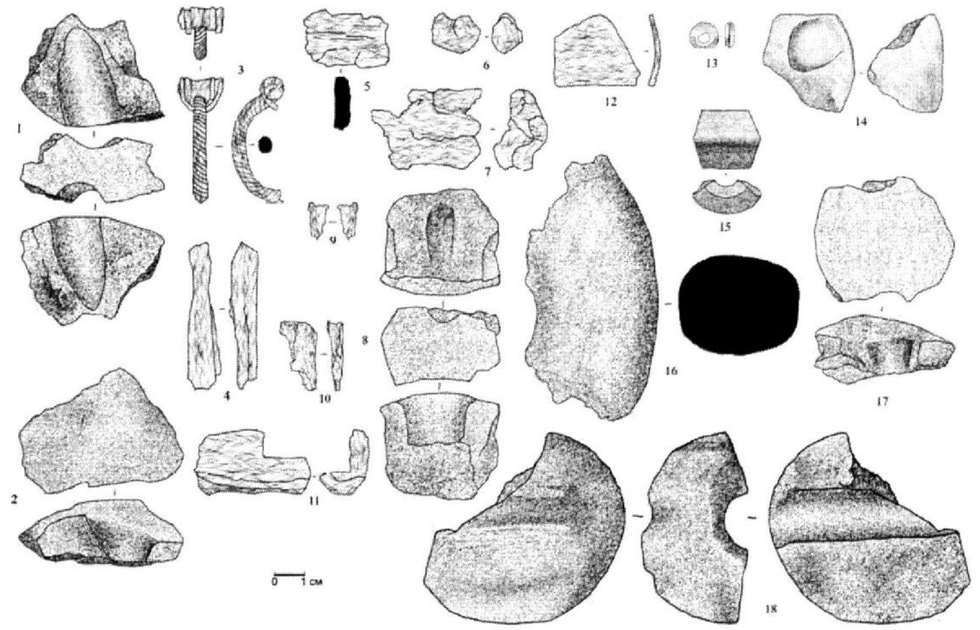


Рис. 3. Индивидуальные находки: *1*— хлебца ритуального фрагмент (№ 71); *2* — хлебца ритуального фрагмент (№ 78); *3* — фибула (№ 72); *4* — изделия фрагмент (№ 76); *5* — изделия фрагмент (№ 77); *6* — изделия фрагмент (№ 73); *7* — изделия фрагмент (№ 74); *8* — хлебца ритуального фрагмент (№ 75); *9* — изделия фрагмент (№ 63); *10* — изделия фрагмент (№ 64); *11* — изделия фрагмент (№ 65); *12* — изделия фрагмент (№ 80); *13* — изделие (№ 83); *14* — хлебца ритуального фрагмент (№ 69); *15* — пряслица биконического фрагмент (№ 70); *16* — блока фрагмент (№ 81); *17* — хлебца ритуального фрагмент (№ 82); *18* — грузила фрагмент (№ 79). 1, 2, 8, 14—18 — глина; 3—7, 9—12 — железо; 13 — свинец).

стен. Над ним были устроены всходы на боевую площадку стены, оставившие после себя углубления в материковом грунте. В южной части площадки городища к стене примыкала более простая ограда также столбовой конструкции (заплот), выходившая, вероятно к яме 128. С западной стороны, вдоль обрывистого речного берега, городище было защищено аналогичной оградой, перекрывавшей промежутки между стенами хозяйственных построек. Пожар, сопровождавший гибель городища, уничтожил постройки и заплот, но не затронул двухрядную восточную стену, деревянные части которой впоследствии были разобраны. Следы разборки стен отчетливо прослеживаются в профиле вала в верхней части стыка слоев 1 и 3 (мешаный слой 1А). После снятия деревянной обшивки, заполнение коробчатых секций стены оплыло как во внешний ров, так и во внутренний ровик.

Примечания

[1] См.: *Кашкин А. В.* Археологическая карта России: Курская область. — Ч. 1. — М., 1998. — С. 183—184.

[2] См.: *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского государственного педагогического института. — Т. 60. — Курск, 1969. — С. 188; *Пузикова А. И.* Отчет о работах Курского отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 480. Л. 2, 3; *Гайдуков П. Г.* Отчет о работе Курского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9692. Л. 19.

[3] См.: *Стародубцев Г. Ю.* Отчет о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2010 г. // НА КГОМА. Д .I—163; *Стародубцев Г. Ю.* Начало исследований городища Жидеевка // История и археология восточноевропейской деревни: Материалы I международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». — Вып. I. — Брянск, 2011. — С. 48—54; *Стародубцев Г. Ю.* Отчет о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2012 г. — Т. 1 // НА КГОМА. Д. I—161; *Стародубцев Г. Ю.* Приложение к отчету о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2012 г. — Т. 2 // НА КГОМА. Д. I—162.

НОВОЕ О ЗООАРХЕОЛОГИИ ОКОЛЬНОГО ГРАДА ВЩИЖА

***А. А. Чубур**, к. и. н., проф., НИИ фундаментальных и прикладных исследований,*
Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского;
***Л. В. Горобец**, н. с., Национальный научно-природоведческий музей*
Национальной Академии наук Украины;
***А. Н. Ковальчук**, н. с., Учебно-научный центр «Институт биологии»,*
Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

В 2014 г. в юго-западной части окольного града летописного Вщижа Е. А. Шинаковым и В. Н. Гурьяновым были проведены охранные археологические раскопки: небольшой раскоп площадью 52 кв. м неподалеку от скрытых в земле руин каменного храма конца XII — начала XIII века. Мощность напластований культурного слоя на раскопанной площади составляла 0,7—1,5 м. В пределах раскопа 2014 г. прослежены два хронологических горизонта [1]. Первый этап — роменская культура, IX—X вв. К нему относится заполнение ямы 1 в северо-западном углу раскопа и основное заполнение рва шириной 2,6 м и глубиной от материка до 1 м, тянувшегося с севера на юг в центре раскопа. Второй этап — древнерусский, связан с существованием сначала загородного сельца, а затем города Вщиж, ставшего в середине XII в. центром удельного княжества. Именно к усадьбе городского периода относится ряд хозяйственных сооружений и частично исследованная жилая полуземлянка или дом с подклетом, обитатели которой занимались швейным делом, работая на князя или боярина. Набор украшений указывает на «средний» социальный статус обитателей [1]. Во время раскопок получен богатый остеологический материал (2 581 кость и фрагмент, в среднем более 40 на кубометр слоя). Ранее зооархеологическое исследование Вщижских остеологических материалов производилось только В. И. Цалкиным по костям из раскопок Б. А. Рыбакова в 1940-х гг. [3].

В связи с тем, что мы имеем дело с кухонными остатками, значительная часть костного материала — 1 033 кости — сильно раздроблена, надежно определить их до вида и даже до рода или семейства возможности не было. Неопределимые обломки костей — преимущественно мелкие обломки компакты диафизов длинных костей, реже — мелкие фрагменты ребер и, иногда, плоских костей. Неопределимые раздробленные кости распределены неравномерно по вертикали. В дерновом слое встречено 22,6% (233) от общего количества, что одновременно составляет 65,5% остеологического материала пласта (дерн содержал 356 костей). В первом пласте культурного слоя лишь 19,9% (206) от общего количества неопределимых костей, доля среди материала пласта (525 костей) уже заметно ниже — 39,2% мелкодробленой кости. Во втором пласте в совокупности с углубленными древнерусскими объектами было 31,3% (325) общего числа неопределимых фрагментов, что составило 29,4% остеологического материала пласта, насчитывавшего 1 107 костей. Наконец, в объектах роменского времени учтено 26,2% (275) всех неопределимых фрагментов, что составляет 34,8% от совокупного материала из них (791 кость). Это говорит нам о в целом сходной степени раздробленности кости в обоих хронологических горизонтах, исключением же является дерновый слой, подвергавшийся сильному вторичному антропогенному и природному воздействию (в первую очередь механическому при перекапывании огородов) в течение семи столетий.

Во всей толще слоя, помимо случайного и явно преднамеренного (как с целью извлечения костного мозга, так и при разделке туш) механического разрушения костей, имеется множество случаев сделанных собаками погрызов. Не менее 10% определимых костей и значительно большее число неопределимых несут на себе следы зубов собак.

Благодаря четкой стратиграфии объектов достоверно удалось разделить материал на два хронологических периода — роменский и древнерусский. Для каждого вида далее указывается суммарно количество целых костей и их фрагментов.

Из 1 792 костей древнерусского культурного слоя 1 034 (58%) оказались определимыми. Костей домашних млекопитающих 956 (92,6%). Они принадлежат 35 особям (83%) пяти видов.

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*): 374 кости минимум от 9 особей. Это: фрагмент черепа — 11 (включая роговой стержень и фрагменты верхней челюсти), нижняя челюсть — 7, подъязычная кость — 1, зубы — 16, ребра — 129, позвонки — 20, лопатка — 14, плечевая — 19, лучевая/локтевая — 14, тазовая — 6, бедренная — 11, берцовая — 13, запястье и заплюсна — 16 (включая 5 пяточных и 5 таранных), 36 пястных и 26 плюсневых (большая часть расколота как вдоль, так и поперек, лишая возможности снятия промеров), фаланга I — 26, фаланга II — 6, фаланга 3 — 2. Часть костей принадлежит волам (в частности, 2 первых фаланги и пястная кость), но доля их в стаде невелика, что не удивительно — волы были рабочими животными. Коровы, вероятно, комолые, бычки — с рогами. В коллекции представлен рог с поврежденным основанием и концом: он слабо изогнут, длина по большой кривизне более 170 мм, обхват в основании не менее 120 мм. Судя по степени сращения эпифизов и истертости зубов, большая часть съеденных животных достигла возраста свыше двух лет. Неполовозрелым особям принадлежит мало костей. Так, лишь 1 плюсневая кость из 26 имеет неприросший дистальный эпифиз. Судя по длине 2 сохранившихся пястных и 1 плюсневой (методика В. И. Цалкина [3. С. 46—47]), рост животных в холке равен 99—105 см, что лежит в рамках средних показателей для лесной зоны. Внутривидовая изменчивость, судя по тем же пястным костям, также довольно велика.

Мелкий рогатый скот (*Capra hircus / Ovis*): 142 кости минимум от 4 особей. Это: фрагмент черепа коз — 5 (включая роговой стержень со следами распиливания), фрагмент нижней челюсти — 6, зуб — 11, ребро — 51, позвонок — 7, лопатка — 8, плечевая — 8, лучевая/локтевая — 4, пястная — 3, тазовая — 2, бедренная — 11, берцовые — 14, пяточная — 2, астрагал — 3, плюсневая — 2, фаланга I — 2. О принадлежности части костей козе свидетельствует основание рога самки (большая часть отпилена): в основании обхват около 90 мм, индекс сплющенности ~0,6. Ширина 8 дистальных эпифизов большой берцовой кости показывает заметную изменчивость (lim 18,0—24,0 мм, среднее 21,5 мм). Местами обугленные фрагменты ребер и длинных костей могут быть свидетельством того, что мясо коз и овец предпочитали не варить, а жарить на огне.

Свинья (*Sus domestica*): Всего 361 кость минимум от 18 особей. Это: фрагменты черепа — 30, фрагменты нижней челюсти — 41, зубы — 40, ребра — 105, позвонки — 19, лопатка — 18, плечевая — 26, лучевая — 18, локтевая — 10, пястная — 5, тазовая — 5, бедренная — 11, большая берцовая — 19, заплюсна и запястье, включая пяточные и таранные - 4, плюсневая — 4, фаланга I — 3, фаланга III — 2. Все забитые животные были зрелыми, лишь одна челюсть принадлежала годовалому подсвинку, а еще одна — старой особи с сильно стертыми коренными зубами. Ширина 4 нижних эпифизов плечевых костей (lim 28,0—34,0 мм, средняя 31,75 мм) говорит о довольно крупных размерах представителей данной популяции. В то же время ширина нижнего эпифиза большой берцовой кости (25,0 мм) близка к среднестатистической [3. С. 100—103]. Туша шла в пищу вся, включая голову; кости дистальных отделов конечностей хуже сохранились, возможно, служа пищей собак. Разделка туш производилась не только ножом, но и топором, о чем говорят находки рассеченных вдоль позвонков.

Лошадь (*Equus caballus*): 77 костей минимум 3 особей, в том числе фрагменты черепа — 6, зубы — 10, ребра — 23, позвонки — 3, лопатка — 4, плечевая — 5, лучевая/локтевая — 8, тазовая — 2, бедренная — 7, берцовые — 2, таранная — 2, фаланга I — 3, фаланга III — 1. Возраст одной из особей, судя по степени стирания резцов — 15—17 лет. Длинные кости расколоты, они представляют собой кухонные остатки. Путовые кости (фаланга I) демонстрируют высокое разнообразие размеров и пропорций даже на столь незначительном материале (так длина колеблется от 71 до 90 мм).

Собака (*Canis familiaris*): представлена всего двумя костями, принадлежавшими одной особи — клыком и правой альвеолярной частью нижней челюсти. Длина зубного ряда C/1-M/3 равна 76 мм, длина хищнического зуба M/1 — 20 мм. Собака некрупная, мельче не только волка, но и известных нам по материалам других поселений крупных зверовых и специализированных гончих собак. Скорее всего, это похожая на лайку аборигенная разновидность собаки — остроушка.

Костей диких млекопитающих 50 экз. от 7 особей, что составляет 1/6 минимального числа особей и лишь 7,4% определимого костного материала. Это заметно меньше пока-

зателей для загородных замков-резиденций (Нововасильков) [5], а также детинцев (Новгород-Северский) [2] и даже богатых усадеб посадов (Брянск) [4] княжеских городов чернигово-северской земли. Все они были объектами эпизодического (отчасти пушного) промысла, игравшего явно второстепенную роль.

Лось (*Alces alces*): 23 кости минимум 1 молодой особи: фрагмент нижней челюсти, зуб, ребра — 5, позвонки — 2, лопатка, плечевая — 2, лучевая, тазовая — 4, бедренная — 3, плюсневая (с отпавшим эпифизом), фаланга I, фаланга II. **Косуля (*Capreolus capreolus*):** 15 костей минимум 1 особи. Фрагменты черепа — 1, нижней челюсти — 1, зуб, ребро, лопатка, плечевая, лучевая/локтевая — 3, тазовая, бедренная — 2, берцовые — 3. **Дикий кабан (*Sus scrofa*):** 7 костей минимум от 1 особи. Фрагменты нижней челюсти — 3, клык, лопатка, таранная и фаланга I. **Тур (*Bos primigenius*):** фаланга I. **Лисица (*Vulpes vulpes*):** большая берцовая. **Медведь (*Ursus arctos*):** пястная кость, сильно погрызена собаками. **Куница (*Mustela* sp.?):** ребро и фрагмент альвеоляры нижней челюсти, возможно от 1 особи.

Кости птиц представлены минимум 4 видами. **Курица (*Gallus domesticus*):** левая тибиотарзальная кость — 3, правая бедренная кость, правая тарсометатарсальня кость, левая тарсометатарсальня кость, левая плечевая кость, левая локтевая кость, правый коракоид, фрагмент сложного крестца. **Гусь серый (*Anser anser*)** — левая тибиотарзальная кость, правая бедренная кость, возможно, ему же (*Anser* cf. *anser*) принадлежит левая локтевая кость. Точно не определенному виду гуся (*Anser* sp.) принадлежит еще одна левая тибиотарзальная кость. **Утка серая (*Anas strepera*)** — левая тибиотарзальная кость. Неопределенной до вида утке принадлежит фрагмент грудины. **Кряква (*Anas platyrhynchos*)** — левый коракоид **Белая куропатка** (предположительно) — правая и левая локтевые кости. Минимальное количество особей: курица домашняя — 3 особи, кряква — 1 особь, утка серая — 1 особь, гусь серый — 1 особь. Отсутствие молодых особей кур указывает на то, что куры были привозными, а не выращивались на месте. Но, принимая во внимание очень маленькую выборку, этот вывод является предположением, которое требует дальнейшего исследования.

Рыбы (Pisces): остатки рыб немногочисленны — 5 костей (все определены до вида): **Стерлядь (*Acipenser ruthenus*)** — 3 фрагмента лучей грудных плавников (pinna pectoralis I). Минимальное количество особей — 2. **Сазан (*Cyprinus carpio*)** — 1 жаберная крышка. Длина тела рыбы — ориентировочно 70 см, вес — около 4,5 кг. **Сом (*Silurus glanis*)** — 1 колючий луч грудного плавника. Принадлежал небольшой особи (длина тела — около 40 см, вес — 1,5 кг).

Для роменского горизонта из 789 костей слоя 514 (65,5%) оказались определимыми. Костей домашних млекопитающих 365 (71%). Они принадлежат 21 особи (65,6%) пяти видов.

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*): 159 костей минимум 5 особей. Фрагменты черепа — 5, нижней челюсти — 7, подъязычной кости — 1, зубов — 6, ребер — 52, позвонков — 15, лопаток — 6, плечевых — 4, лучевых/локтевых — 6, пястных — 9, тазовых — 5, бедренных — 14, берцовые — 6, пяточных — 2, плюсневых — 6, фаланга I — 7, II — 2, III — 4. Ширина нижнего конца пястной кости (45.0-62,5 мм) демонстрирует сильную изменчивость, отмечавшуюся и В. И. Цалкиным.

Мелкий рогатый скот (*Ovis*): 61 кость минимум 3 особей. Фрагменты черепа — 3 (рог барана имеет основание 140 мм в обхвате, треугольное сечение и длину более 240 мм по большой дуге), нижней челюсти — 4, зуб, ребер — 22, позвонков — 2, лопатки — 3, плечевая, лучевых/локтевых — 7, пястных — 2, бедренных — 8, берцовых — 7, таранная. Ширина дистального эпифиза большой берцовой кости в двух случаях равна 20,5 и 22,5 мм.

Свинья (*Sus domestica*): 107 костей минимум от 10 особей. Фрагменты черепа — 4, нижней челюсти — 14, зубы — 8, ребра — 24, позвонки — 9, лопатка — 9, плечевая — 7, лучевая — 7, локтевая — 3, запястье — 1, пястная, тазовая — 2, бедренная — 6, большая берцовая — 6, пяточная, плюсневая. Зрелые особи, судя по ширине нижнего эпифиза плечевой кости (25—28, среднее 26 мм) несколько мельче особей древнерусской популяции, однако данные не являются статистически достоверными.

Лошадь (*Equus caballus*): 32 кости минимум 2 особей. Фрагмент черепа, 13 ребер, позвонок, 2 лопатки, 5 плечевых, 2 лучевых/локтевых, 2 тазовых, берцовая, заплюсна — 2 (включая пяточную), плюсневая, фаланга I (длина 83 мм), фаланга II, шиловидная кость. Длинные кости конечностей расколоты, что говорит об употреблении лошадиного мяса в пищу. Немногочисленные промеры демонстрируют типичные средние показатели.

Собака (*Canis familiaris*): 4 кости от 1 особи: клык, позвонок и 3 ребра.

Кости диких млекопитающих составляют треть всех найденных — 140 экз. минимум от 11 особей. Значительное число дичи характерно для роменских поселений, где доля ее достигает порой 44,2% (Липинское городище, Посемье) и даже 60,9% (селище Лебедка в Верхнем Поочье) [3. С. 129—130]. Это безусловно указывает на то, что охота у северян являлась не второстепенным промыслом, а важным жизнеобеспечивающим компонентом хозяйства.

Лось (*Alces alces*): был основным объектом охотничьего промысла - 74 кости минимум 4 особей. Фрагменты черепа — 3, нижней челюсти — 6, зубы — 4, ребра — 10, позвонки — 3, лопатка — 4, плечевая — 10, лучевая/локтевая — 5, запястье — 2, пястная — 2, тазовая — 4, бедренная — 2, берцовая, фаланга I — 10, фаланга II — 4, фаланга III — 2, шиловидная кость. **Косуля (*Capreolus capreolus*):** 17 костей минимум 2 особей: фрагменты черепа — 3, нижней челюсти — 2, ребра — 5, лопатка — 3, плечевая, лучевая/локтевая, тазовая, берцовая. **Дикий кабан (*Sus scrofa*):** 32 кости минимум от 2 особей. Фрагменты черепа — 5, нижней челюсти — 4, зубы — 3, ребра — 2, лопатка — 4, плечевая — 1, лучевая — 2, локтевая — 2, запястье — 1, пястная, бедренная — 4, большая берцовая — 2, малая берцовая. **Бобр (*Castor fiber*):** всего 17 костей минимум 3 особей: череп, ребро — 2, лопатка — 2, лучевая, локтевая — 3, тазовая — 3; большая берцовая — 2, малая берцовая.

Кости птиц сохранились в роменском слое хуже, ввиду сильной фрагментации, поэтому точному определению не поддаются. Их 8, в том числе проксимальные части левой бедренной и правой тибиотарзальной кости. Из останков рыб встречен один обломок луча грудного плавника **стерляди**.

Подводя некоторые итоги, помимо уже сказанного выше мы можем отметить: и в роменском, и в древнерусском горизонтах среди домашних животных преобладает свинья, а не крупный рогатый скот. Такое преобладание, по крайней мере, по числу особей, видимо характерно как для скотоводства у северян, вятичей, радимичей, так и для скотоводства в древнерусских населенных пунктах, сформировавшихся на их племенных территориях, после их покорения Киевом.

Наконец, некоторые выводы следует сделать и о данных 1940-х гг [3, с.180]. Судя по высокой доле лося в материале, вероятно, что обработанная В.И. Цалкиным коллекция из Вщижа была отобрана Б.А. Рыбаковым без разделения материала как из древнерусского, так и из роменского горизонтов памятника и заранее отсортирована (поэтому при меньшем числе костей дала большее число особей).

Литература

1. *Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А.* О раскопках на «окольном городе» Вщижа в 2014 г. (предварительное сообщение) // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований 2014. — Брянск, РИО БГУ, 2015. — С.126—129.

2. *Кедун И. С., Черненко Е. Е., Чубур А. А.* Археозоологические наблюдения на детинце средневекового Новгорода-Северского (по материалам раскопок 2012 г.) // История и археология восточноевропейской деревни. — Вып.2. Материалы международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». — Брянск: БГСХА, 2013. — С. 25—27.

3. *Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси: Материалы и исследования по археологии СССР. — Т. 51. — М.: АН СССР, 1956.

4. *Чубур А.А.* Археозоология древнерусского Брянска по материалам раскопа на Петровской горе // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV веках. — Тула, 2005 — С.59—61.

5. *Чубур А. А., Радюш О. А.* К зооархеологической характеристике Новосильского городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XV Всероссийской научной конференции 2—4 апреля 2013 г. — Калуга: Фридгельм, 2013.

АЖУРНАЯ БЛЯХА С ГОРОДИЩА САТИНКА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

***Е. В. Столяров**, к. и. н., н. с., Государственный музей-заповедник «Куликово поле»*

Рассматриваемая находка происходит из раскопок 1963 г. С. А. Изюмовой на городище Сатинка [5], которое находится в Киреевском районе Тульской области (рис. 1).

Городище расположено на правом высоком коренном берегу р. Упа в 1,6 км к северо-северо-западу от восточной окраины деревни. Городище находится на мысу неправильной подтреугольной формы, окруженном с юго-запада рекой, с северо-востока — оврагом. Высота площадки городища над уровнем воды в р. Упе 20—25 м. С юго-восточной напольной стороны защищено тремя валами высотой 1,7 м (внешний), 1,5 м. (средний) и 1,7 м. (внутренний) и двумя рвами глубиной около 1,2 м. В настоящее время валы и рвы сильно оплыли, а их центральная часть разрушена (через все городище с юго-востока на северо-запад проходит дорога). Поверхностный слой потревожен вследствие систематического прогона скота и рядом грабительских ям. Часть площадки поселения, примыкающая к внутреннему валу, обнесена отдельным, частично сохранившемся валиком высотой 0,5 м. В северо-северо-западной части поселения выделяется еще одна небольшая площадка, защищенная со стороны реки невысоким (0,5 м.) и сильно оплывшим валом [12].

Городище у д. Сатинки было открыто Г. А Дорером в 1936 г., а в 1937—1938 гг. обследовано им вновь. В 1951 г. городище у д. Сатинки было осмотрено экспедицией Государственного Исторического музея под руководством С. А. Изюмовой. Был составлен топографический план городища и собран подъемный материал, который (в виду отсутствия чернолощеной посуды и найденного фрагмента с веревочным орнаментом) позволил определить период бытования памятника — конец I тыс. до н. э. — первые века I тыс. н. э.[2. С. 68—79].

Исходя из полученных данных, указывающих на исключительную редкость материалов с городища у д. Сатинки среди древностей раннего железного века бассейна Верхней Оки, в 1961—1963 гг. [3—5] объединенной Тульской археологической экспедицией исторического факультета МГУ и Тульского краеведческого музея под руководством С. А. Изюмовой были предприняты раскопки данного памятника археологии, давшие уникальный материал [7]. Общая площадь раскопок на городище за трехлетний период исследований составила около 580 кв. м [13].

С. А. Изюмова выделила два хронологических периода существования памятника на основании анализа бронзовых вещей: VI — начало V в. до н. э. и V—III вв. до н. э. [7. С. 128]. Культурная принадлежность городища осталась невыясненной. Автором работ лишь было отмечено, что материальная культура населения городища Сатинки близка верхнеокским и верхнеднепровским городищам раннего железного века [7. С. 122].

Изображение рассматриваемой бляхи (рис. 2, *б*) в альбом к отчету о раскопках 1963 г. на городище Сатинка не попало [6]. Описание находки и обстоятельств ее обнаружения нет и в текстовой части документации. Исходя из планиграфии раскопа VII на уровне пласта 4, находка была сделана в кв. 113 [6; Л. 9, 19]. Наряду с ней в радиусе 4 м компактным скоплением были найдены: обломок рога лося со следами обработки, костяная проколка, обломок псалия (пластинчатый, трехдырчатый), 2 обломка булавок, костяной гарпун и костяная заготовка стрелы. Принимая во внимание компактность расположения вещей, их ценность, отсутствие находок за «радиусом скопления» и анализ стратиграфии можно сделать вывод о том, что находкисвязаныс незафиксированнымкомплексом (наземная постройка?).

В настоящее время бляха (как и вся коллекция бронзовых изделий) хранится в Тульском областном краеведческом музее (ЕИК 5103/468). Сохранность изделия полная, на внутренней стороне — следы взятия проб для спектрального анализа. Изделие изготовлено из оловянистойбронзы на медной основе [7. С. 134]. Техника исполнения — одностороннеелитье по восковой модели в технике «воскового вязания», пайка. Кроме того, согласно отчетной документации, блях было две. Но в коллекции с городища Сатинка второе украшение отсутствует.

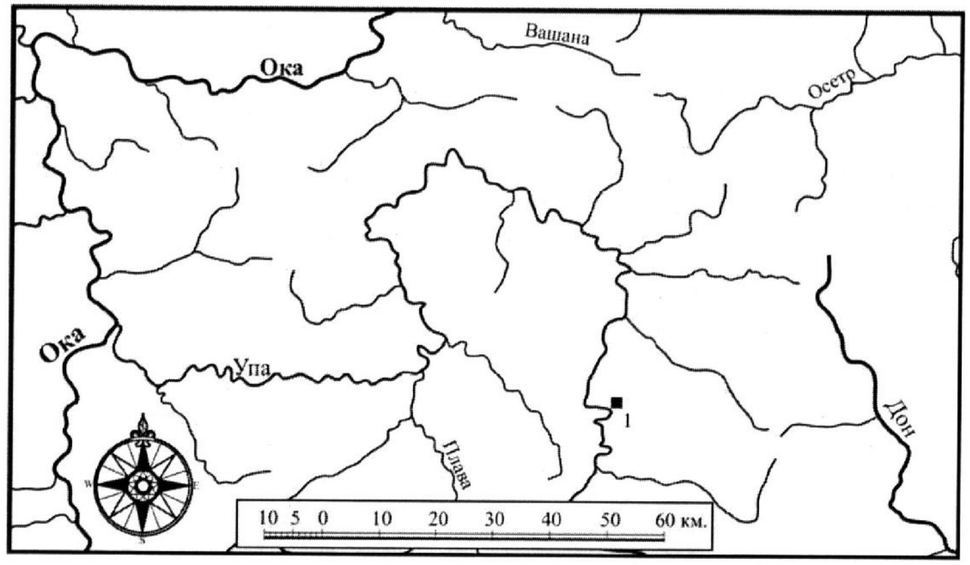


Рис. 1. Фрагмент карты Верхнего Поочья. 1 — городище Сатинка.

Ажурная бляха имеет диаметр 110 мм. Центральную часть изделия занимает трилистник из трех спиралевидных окружностей (9 оборотов) с напаянными плоско-выпуклыми кружками. Трилистник заключен в рельефный ободок из трех рельефных поясков, соединенный с ним тремя пучками веерообразно расходящихся лучей. Вдоль краев расположены три ажурных выступа. В верхней части (внутренняя сторона) — петля для подвешивания, прикрытая спиралевидным кружком (см. рис. 2, *б*). Стилистическое описание случайных находок (см. рис. 3), приводимых в качестве аналогий, не входит в рамки данной статьи. Оно будет рассмотрено в рамках отдельной работы, посвященной изделиям, выполненных в стиле подгорцевского ажурного литья.

При публикации коллекции бронзовых изделий за весь период работ на городище, близких аналогий ажурной бляхе С. А. Изюмова не обнаружила, но отнесла данное изделие к VI—V вв. до н. э., т. е. к раннему периоду существования памятника [7. С. 128].

К настоящему времени мы располагаем рядом находок ажурных блях, полученных при раскопках могильников ананьинской культуры раннего железного века, которые могут прояснить обстоятельства появления и хронологический диапазон бытования подобного рода украшений. Случайные находки блях позволяют поставить вопрос о развитии региональной серии этих украшений.

Аналогичные изделия происходят из погребений Старшего Ахмыловского (см. рис. 2, *1—4*) и Козьмодемьянского (о. Мольбищенский (см. рис. 2, *5*) могильниковананьинской культуры.Известны также две случайные находки блях в Жидринском районе Калужской области (см. рис. 3, *1—2*) и одна бляха с неустановленным местомнаходки (см. рис. 3, *3*).

Данный тип блях В. С. Патрушев определяет как изделия с плоской внешней поверхностью (тип I). Среди них он выделяет одиннадцатьразновидностей [10. С. 24. Рис. 11, 12]. Ажурные бляхи с зубчатыми выступами и спиральными узорами, без задней петли (разновидность 9) наиболее близки нашей находке. Бляху с Сатинского городища отличает наличие петли на внутренней поверхности.

Для ряда находок блях из погребений Старшего Ахмыловского могильника установлена принадлежность к мужскому костюму — нагрудное (см. рис. 2, *1*) или налобное (см. рис. 2, *3*) украшение [10. С. 23].

По материалам могильников ананьинской культуры Марийского Поволжья бляшки данного типа бытовали в конце VIII — VI в. до н .э. Разновидность 9 типа I (по В. С. Патрушеву) относится к наиболее ранним образцам — конца VIII — VII в. до н. э. По мнению В. С. Патрушева, данный тип блях не имел местных истоков в ананьинских древностях. Его появление на Средней Волге связано с началом широкого распространения кав-

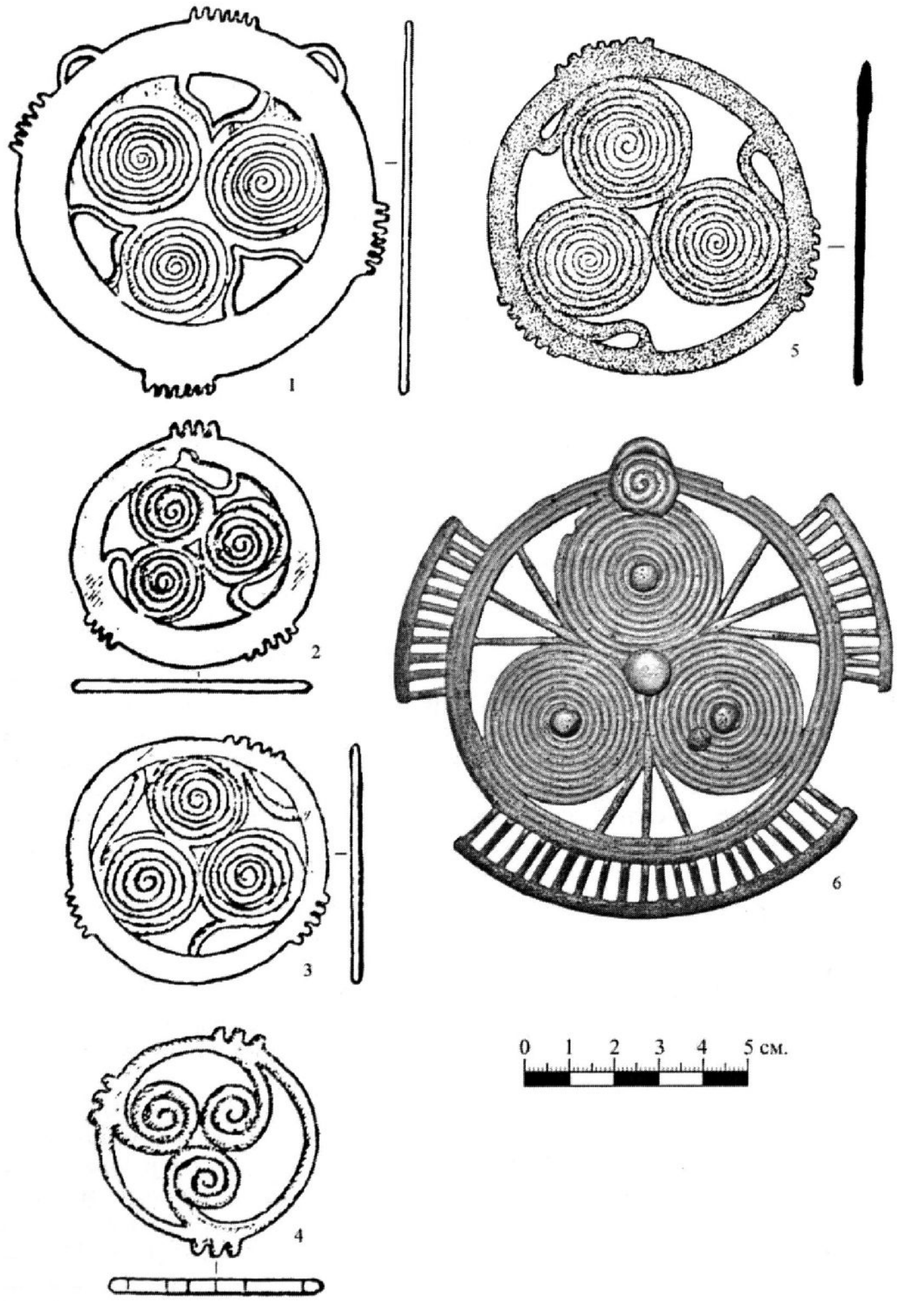


Рис. 2. Ажурные бляхи. 1—4 — Старший Ахмыловский могильник; 5 — могильник на острове Мольбищенский; 6 — городище Сатинка.

казских форм находок. С прекращением ахмыловско-кавказских связей в первые десятилетия VI в. такие изделия исчезают [10. С. 24]. А. И. Тереножкин считал, что под влиянием именно киммерийского искусства возникают некоторые типы ранних ананьинских вещей, среди которых выделяются и бляхи. Ананьинские металлурги подвергли киммерийские образцы значительной переработки и выработали свой стиль оформления украшений, предметов вооружения и т. д. [15. С. 118].

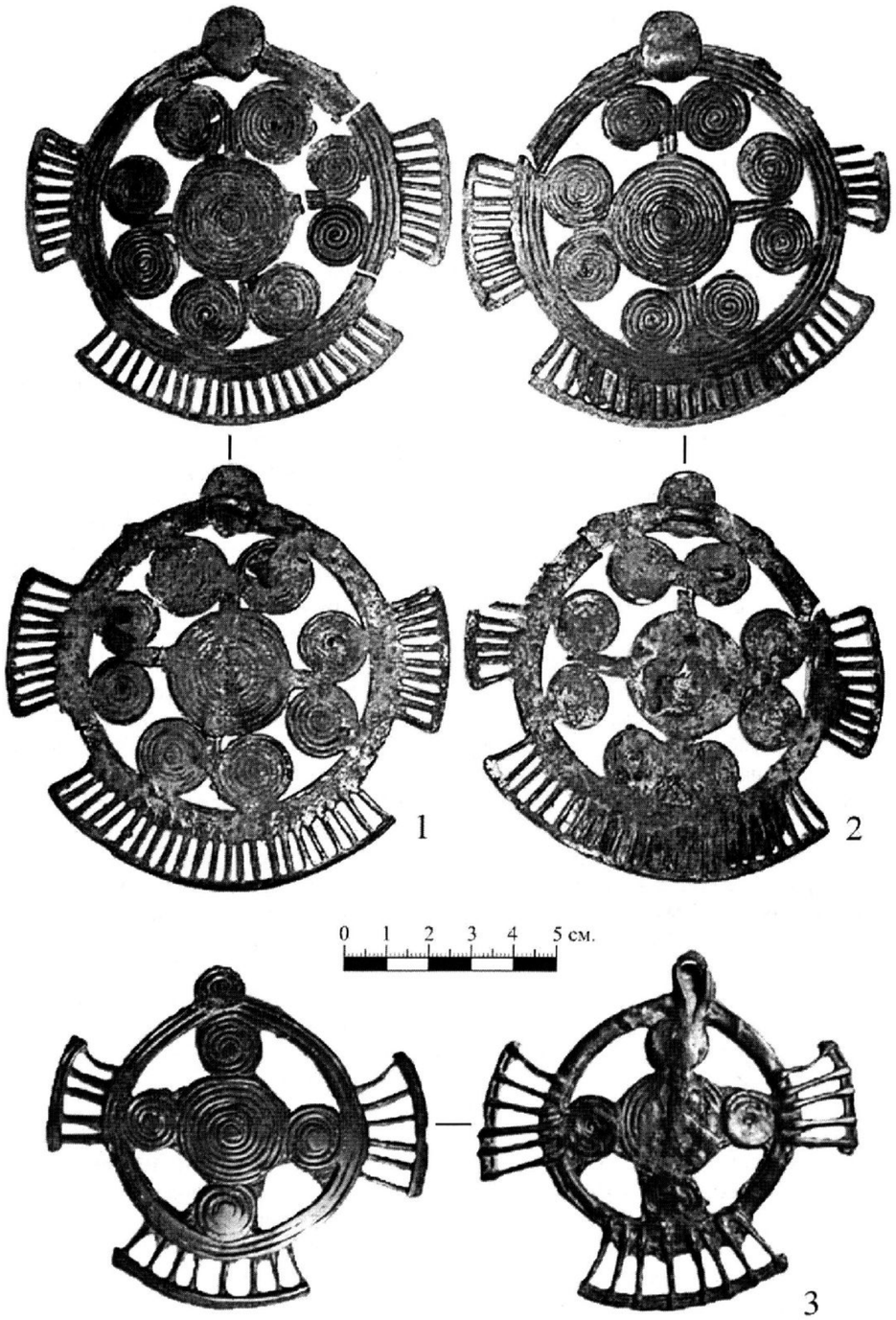


Рис. 3. Ажурные бляхи. 1—3 — случайные находки: 1—2 — с территории Жиздринского района Калужской области; 3 — место находки не установлено.

Касаясь вопроса происхождения традиции необходимо отметить, что вероятно, для территории Верхнего Посеймья и Верхнего Поочья, так же как и для территории Верхнего Поднепровья, можно выделить общий регион-источник поступления сырья — Среднее Поднепровье. С. А Изюмова подчеркивала именно юго-западное происхождение боль-

шинства бронзовых вещей с городища Сатинка. Считается, что древнейшая металлургия днепро-двинских племен сложилась, в основном, под воздействием традиций Среднего Поднепровья [16. С. 20]. Принимая во внимание определенную зависимость от традиций поставщиков сырья, можно предположить, что из этого же региона были занесены и некоторые образцы украшений. По такому же принципу протекал процесс заимствования в самом Среднем Поднепровье, где сырьем местных ювелиров обеспечивал Кавказ [11. С. 113].

Таким образом, можно обозначить обстоятельства появление исследуемой находки на территории Верхней Оки. Маловероятно, что бляха могла попасть на Верхнюю Оку в качестве сырья с Кавказа. Принимая во внимание наличие собственной металлургии цветных металлов на городище Сатинка (по крайней мере, на раннем этапе) и факт ее изготовления в стиле подгорцевского ажурного литья, очень популярного у металлургов культур лесной зоны Восточной Европы раннего железного века, можно сделать вывод о ее местном производстве, как и двух случайных находок блях из Жиздринского района Калужской областии одной бляхи, место находки, которой не установлено (см. рис. 3). Данные образцы украшений — произведение местных мастеров, которые переработали какие-то образцы блях только в рамках популярного на то время ажурного стиля. Судя по редкости находок данного вида украшений, они выступали в качестве статусных вещей, как ажурные навершия булавок, пекторали и биметаллические кинжалы. Какие именно образцы украшений были взяты за основу для изготовления бляхи с сатинского городища, сказать сложно. Но можно предложить две гипотезы происхождения данного вида украшений. Согласно первой — бляхи из ананьинских могильников и бляхи с Верхней Оки представляют собой параллельное развитие стиля от одного прототипа. Возможно, это были киммерийские круглые плоские бляшки, украшенные рельефными спиралями, расположенными крестообразно [15. С. 178]. Хотя аналогии киммерийским бляхам довольно отдаленные и вероятно, что прототип пока не найден. Согласно второй гипотезе — переработаны были именно ажурные бляхи раннего ананьинского времени. Тем более, что ананьинские бляхи хронологически более ранние, чем находка бляхи с городища Сатинка. Аналогичная ситуация была прослежена на материалах биметаллических кинжалов [14]. Этот факт объясняет и высокую стилистическую схожесть блях из ананьинских могильников и бляхи с городища Сатинка, а также трех случайных находок блях. Культурный импульс с востока, с территории ананьинской культурно-исторической общности в этих процессах играл существенную роль, до конца еще не выясненную.

Рассматриваемая бляха относится к первому из указанных периодов существования городища и вряд ли выходит за рамки первой половины VI в до н. э. Об этом свидетельствуют и находки стрел «скифского типа» на памятнике. Они представлены пятью экземплярами, три из которых относятся к первому периоду существования городища. Это один двухлопастной наконечник с выступающей втулкой, овальной формой пера и шипом на втулке и два трехлопастных с выступающей втулкой и шипом на ней. На наш взгляд, двухлопастной наконечник стрелы позволяет несколько опустить нижнюю дату первого периода до рубежа VII—VI вв. до н. э. [9]. Находка фрагмента псалия, видимо, составляющего комплекс с ажурной бляхой, также не противоречит этой датировке. Учитывая стилистическую близость учтенных нами вещей и общие наблюдения над хронологией памятников, время бытования ажурной бляхи с городища Сатинка может быть определено в рамках конца VII — первой половины VI в. до н. э.

Работы автора на городище Сатинка 2013 г. (раскоп IX) позволили предварительно выделить минимум 3 культурно-хронологических горизонта существования памятника [13]. Первый горизонт соотносится с материалами памятниковлесостепной скифоидной культуры(конец VII / VI—V вв. до н. э.), второй — с материалами, видимо, сейминского варианта юхновской культуры эпохи раннего железного века (IV—III вв. до н. э.). Третий горизонт содержит, материалы переходного типа от юхновских древностей к памятникам типа Упа 2 (последние века I тыс. до н. э. — рубеж эр).

Данная схема культурно-исторического освоения Посеймья в отношении смены памятников лесостепной скифоидной культуры памятниками юхновской культуры была предложена А. Е. Алиховой [1]. Новые материалы с городища Сатинка не только не противоречат этой концепции, но и, возможно, смогут прояснить проблему формирования памятников типа Упа 2 на правобережье Верхней Оки. Таким образом, находка ажурной бляхи, вероятнее всего, связана с ранним горизонтом существования городища, который оставлен населением лесостепной скифоидной культуры.

Литература

1. *Алихова А. Е.* Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени. МИА № 113. — М., 1962. — С. 86—129.

2. *Изюмова С. А.* Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области // КСИИМК. — Вып. 52. — 1953. — С. 68—79.

3. *Изюмова С. А.* Отчет о раскопках городища у д. Сатинки Дедиловского района Тульской области. 1961 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2366.

4. *Изюмова С. А.* Отчет о раскопках в Тульской области в 1962 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2516.

5. *Изюмова С. А.* Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1963 году //. Архив ИА РАН. Р-1. №2709.

6. *Изюмова С. А.* Альбом к отчету о раскопках в Тульской области в 1963 году // Архив ИА РАН. Р-1. №2709а.

7. *Изюмова С. А.* О бронзолитейном производстве Сатинского городища // Советская археология. — 1967. — № 1. — С. 122—139.

8. Могильник на острове Мольбищенский: Каталог коллекции. — Йошкар-Ола, 1988.

9. *Модин Р. Н. Столяров Е. В.* Костяные псалии с Сатинского городища // Археология XXI века: Синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума 8—9 апреля 2009 г. — Калуга, 2009. — С. 61—63.

10. *Патрушев В. С.* Марийский край в VII—VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). — Йошкар-Ола, 1984.

11. *Рассадин С. Е.* Украшения подгорцевского стиля // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991.

12. *Столяров Е. В.* Археологические исследования в Киреевском районе Тульской области в 2009 г. // Архив ИА РАН, Р-1, б/н.

13. *Столяров Е. В.* Отчет об археологических раскопках в Ленинском, Киреевском и Кимовском районах Тульской области в 2013. — Ч. 1: Раскопки на селище 11 у с. Архангельское Ленинского района и Городище у д. Сатинка Киреевского района. // Архив ИА РАН, Р-1, б/н.

14. *Столяров Е. В.* Об одном типе биметаллических ножей-кинжалов на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы (на примере находки рукояти из Курской области) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Полотняный завод, Калуга, 2—4 апреля 2013 г. — Калуга, 2013. — С. 16—20.

15. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. — Киев, 1976.

16. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., АН СССР, 1963.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ЮХНОВСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА РАССУХА

В. Н. Гурьянов, *нач. отд., Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского*

Городище Рассуха-2 (в отчете Г. Н. Пронина и в паспорте Министерства культуры СССР от 8 июня 1973 г. памятник обозначен как городище Рассуха-3, однако мы придерживаемся нумерации, предложенной А.В.Кашкиным), расположено в Унечском районе Брянской области, в 0,11 км к югу от юго-восточной окраины села Рассуха, в 0,5 км к северу от шоссе Брянск—Гомель в месте его пересечения р.Рассуха.

Следует отметить, что в с. Рассухе Унечского района Брянской области ранее было известно два городища, однако одно из них, городище юхновской культуры Рассуха-1, было уничтожено в 1991 г. при строительстве внутрихозяйственной автодороги [АКР, 1993. С. 258—259].

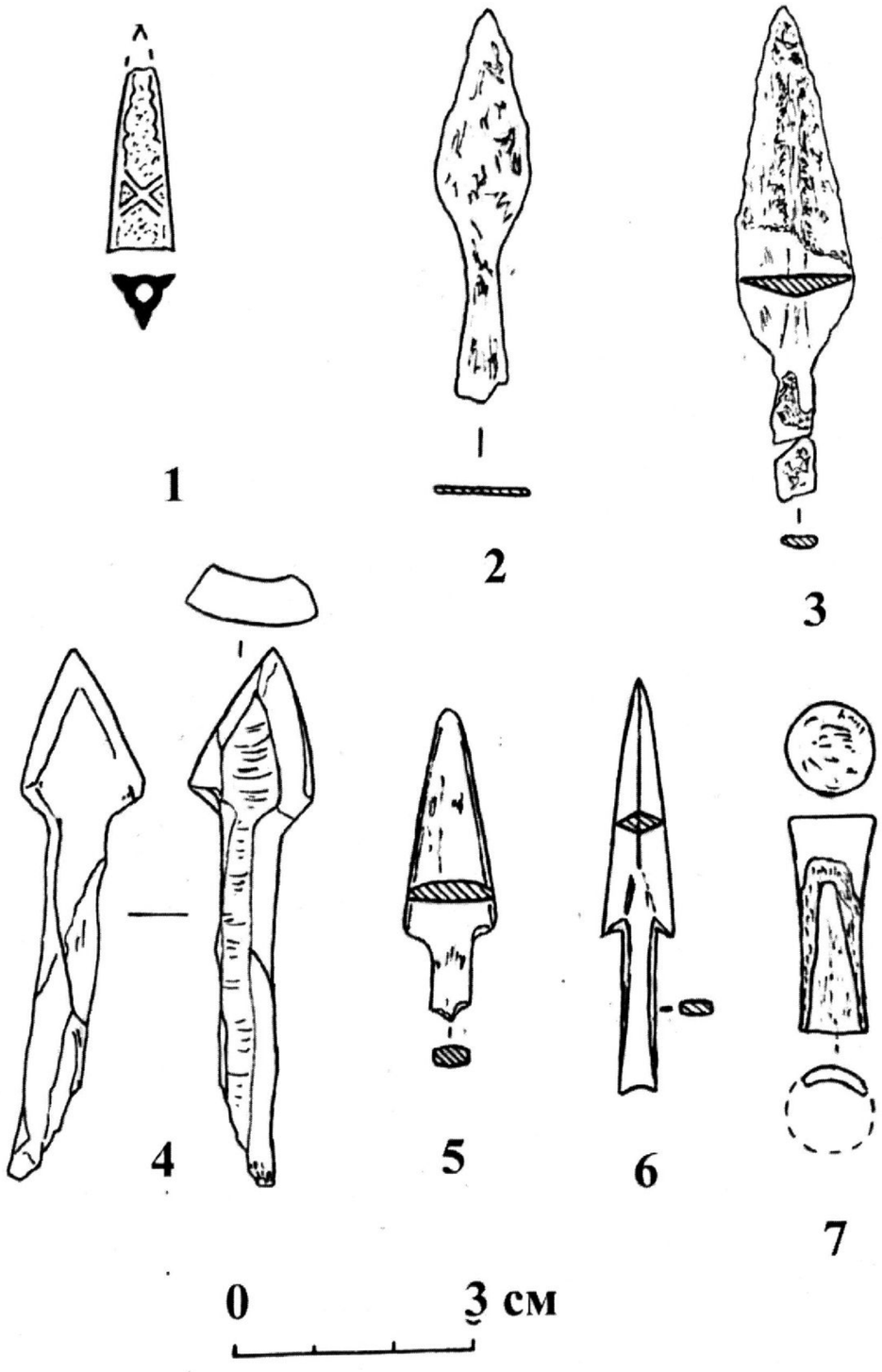


Рис. 1. Наконечники стрел юхновского времени.

Городище Рассуха 2 занимает мыс правого коренного берега реки Рассуха (бассейн р. Судости — крупнейшего правого притока р. Десны) при впадении в нее правого притока — р. Плесталь. Высота площадки городища над уровнем воды 18,5 м, площадка грушевидной формы, вытянута по линии север—юг с отклонением от оси координат в 15° к востоку. Размеры основной площадки городища следующие: длина с учетом внутреннего и внешнего валов 80 м, ширина в северной части у внутреннего вала 20 м, в южной части у внешнего вала 55 м.

В 90-е годы XX в. городище и примыкающее к нему селище стали объектами деятельности «черных копателей», работающих с применением металлодетекторов. Нарастающая опасность разрушения памятника в ходе грабительских раскопок заставила в 2002 г. провести охранные раскопки городища [Гурьянов, Ефимов, 2003. С. 116—117].

В процессе раскопок вскрыто 60 кв. м, была собрана весьма представительная коллекция керамики и индивидуальных находок юхновской культуры, древностей типа верхнего слоя городища Палужье или типа селища Подгородная Слободка-2, колочинской культуры и древнерусского времени [Гурьянов, 2006. С. 246—249; 2009. С.79—83].

В настоящей работе рассматриваются наконечники стрел юхновского времени, найденные во время раскопок городища. Всего таких наконечников шесть — два железных, один бронзовый, три костяных, и одна костяная заготовка.

Железные наконечники стрел. Листовидный наконечник стрелы (см. рис.1: 2). Его длина 50 мм, длина пера 32 мм, максимальная ширина пера 12 мм. Черешок к концу несколько расширяется с 4 до 6 мм, он обломан. В сечении наконечник плоский. Как и все металлические предметы, наконечник сильно корродирован, на нем имеются следы дерева. Второй наконечник стрелы (см. рис.1: 3) также листовидной формы, но крупнее. Его размеры: длина сохранившейся части — 63 мм, длина пера — 45 мм, максимальная ширина пера 15 мм. Перо в сечении треугольное, черешок плоский, обломан. В монографии Д. В. Каравайко и С. А. Горбаненко «Господарство носіїв юхнівської культури» этот наконечник ошибочно помещен среди костяных наконечников стрел [Каравайко, Горбаненко, 2012. С. 123. Рис. 5.4: 3].

Прямые аналогии железным наконечникам стрел в городища Рассуха имеются среди находок на Троицком городище дьяковской культуры [Дубынин, 1964. С. 189. Рис. 9: 2—7] и на юхновских городищах Подесенья и Посеймья [Каравайко, Горбаненко, 2012. С. 124. Рис. 5.5).

Костяные наконечники стрел. Притупленный наконечник — томар (см. рис. 1: 7) изготовлен из компакты трубчатой кости*, имеет форму вогнутого цилиндра. Наконечник втульчатый, длиной 27 мм и диаметром 12 мм. Диаметр втулки около 9 мм, диаметр отверстия примерно 6 мм. Подобные наконечники использовались для охоты на пушного зверя. Наконечник такого типа происходит с городища Лбище, исследованного В. А. Падиным. Коллекция находок хранится в фондах Трубчевского краеведческого музея [Фонды ТКМ, № 1524/130].

Черешковый ромбовидный наконечник (см. рис.1: 5) изготовлен из компакты ребра. Длина — 40 мм, длина пера — 30 мм, максимальное расширение пера — 12 мм, черешок вероятно обломан. Сечение пера линзовидное, черешка — подпрямоугольное. Он весьма напоминает наконечник с городища Лбище, опубликованный В. А. Падиным [Падин, 1966. С. 144. Рис. 8: 4]. Двушипный наконечник (см. рис.1: 6) изготовлен из метаподия копытного, очень тщательно выделан. Длина — 53 мм, длина пера — 33 мм, максимальное расширение пера — 9 мм, черешок на конце чуть раздваивается. Сечение пера ромбическое, черешка — прямоугольное. Похожий наконечник найден при раскопках городища Случевск [Шинаков, 1995. Табл. XII: 6]. Найдена также заготовка наконечника стрелы (см. рис. 1: 4) из компакты стенки трубчатой кости копытного животного. Она представляет собой выструганный, но не обработанный, контур наконечника стрелы. Длина — 68 мм, ширина — 16 мм. Форма наконечника хорошо просматривается, хотя в целом заготовка достаточно грубая.

Достаточно редкой находкой на юхновских памятниках является скифский наконечник стрелы (см. рис. 1: 1). Наконечник бронзовый литой, трехгранный с прямыми гранями, со скрытой втулкой, на боках хорошо видны рельефные полоски в форме Андреевского креста. Реконструированная высота наконечника (острие отломано) составляет 28 мм, ширина грани основания — 8 мм. Диаметр втулки — 2 мм. Вероятная датировка

---

* Все остеологические определения выполнил к. и. н. А. А. Чубур, которому автор выражает искреннюю благодарность.

наконечника — IV в. до н. э. (Черненко, 1981. С. 100. Рис. 75). Ближайший территориально находка подобного наконечника сделана во время раскопок Е. А. Шинакова на городище Случевск, расположенном неподалеку от устья р. Судость на границе с Украиной [Шинаков, 2002. С. 94. Рис. 22: 8].

В целом железные и костяные наконечники стрел с городища Рассуха типичны для юхновской культуры и более широко — для круга культур раннего железного века Восточной Европы. Они могли использоваться населением и как предметы вооружения, и для охоты. Находка скифского наконечника может рассматриваться как следы нападений [Каравайко, 2012. С. 122].

Литература

Археологическая карта России: Брянская область. / Авт/-сост. А. В. Кашкин. — М., 1993.

Гурьянов В. Н. Об одной группе древностей с городища Рассуха-2 // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. — Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2006. — С. 246—249.

Гурьянов В. Н. Предметы вооружения, предметы быта и украшения древнерусского времени с городища Рассуха 2 // Русский сборник. — Вып. 5 (Труды кафедры Отечественной истории древности и средневековья БГУ. — Вып. 12). — Брянск: Курсив, 2009. — С. 79—83.

Гурьянов В. Н., Ефимов А. Е. Охранные раскопки городища Рассуха 2 // Археологические открытия 2002 г. — М.: Наука, 2003. — С. 116—117.

Дубынин А. Ф. Троицкое городище Подмосковья // Советская археология. — 1964. — № 1. — С. 178—199.

Каравайко Д. В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. — Киев: ИА НАН Украины, 2012.

Каравайко Д. В., Горбаненко С. А. Господарство носіїв юхнівської культури. — Київ, Наукова думка, 2012.

Кулаков В. И., Пронин Г. Н., Смирнов Ю. А. Разведки в бассейне р. Судость // Археологические открытия 1973 г. — М.: Наука, 1974. — С. 62—63.

Левенок В. П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // Советская археология. — 1963. — № 3. — С. 79—96.

Падин В. А. Юхновские поселения Средней Десны // Советская археология. — 1966. — № 2. — С. 137—150.

Пронин Г. Н. Отчет о работе Судостьского отряда Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4991.

Фонды Трубчевского краеведческого музея, коллекция ТКМ1524 (городище Лбище), Раскопки В. А. Падина.

Черненко Е. В. Скифские лучники. — Киев: Наукова думка, 1981.

Шинаков Е. А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. — Брянск: Изд-во БГПУ, 1995.

Шинаков Е. А. Комплекс памятников у с.Случевск: к вопросу о пунктах-погостах // Русский сборник: Сб. науч/ трудов, посвященных 25-летию истфака БГУ. — Брянск: Изд-во БГУ, 2002. — С. 61—94.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА г. КОНДРОВО В 2014 г.

***Е. Е. Ефимова**, н. с., ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр»,*
***А. Е. Ефимов**, к. и. н., н. с., МКУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области*

В 2014 г. археологической экспедицией МКУК «Районный краеведческий музей» Дзержинского района Калужской области были продолжены археологические исследования в приделах городской и пригородной зон г. Кондрово и вдоль среднего течения р. Шани, начатые в 2012 г.[1]. В публикациях по результатам археологических разведок 2012 г.[2] уже отмечалась слабая изученность древнейшего археологического прошлого

территории бассейна р. Шани, левого притока р. Угры. Так же, в последние годы в связи активизацией хозяйственных и строительных работ в рассматриваемом микрорегионе возрастает актуальность выявления объектов археологического наследия, их более детального исследования для обеспечения их сохранности.

Прежде всего, в 2014 г. было продолжено исследование верхнепалеолитических стоянок Кандрово 1 и 2. В северо-восточной части пригородной зоны г. Кондрово, в 100—170 м. к востоку от ул. Стефанова в 2012 г. были выявлены две стоянки, обозначенные как Кондрово 1 и Кондрово 2. Обе стоянки находятся на левом берегу безымянного ручья, левого притока р. Шани. В 70—80-х гг. XX в. здесь проводились выработка песчаного карьера, результате которой из выбросов образовались искусственные всхолмления различных размеров. На наиболее крупном из всхолмлений, частично непосредственно на второй надпойменной террасе в 2012 г. были сделаны находки заготовок, орудий руда из кремня, отходов кремневого производства, которые были выбраны с грунтом из карьера. По своим типологическим характеристикам данные артефакты связывались в достаточно компактную группу, а сочетание этого факта с другими признаками позволило в 2012 г. и позволяет в настоящее время говорить о наличии здесь стоянки Кондрово 1 периода валдайского постмаксиума. Непосредственно на второй надпойменной террасе того же левого берега безымянного ручья левого притока р. Шани, в 2012 г. выявлена стоянка Кондрово 2, которая частично перекрывает стоянку Кондрово 1 и оставлена носителями иеневской археологической культуры.

В 2014 г. именно в границах стоянки Кондрово 2, на упомянутой второй надпойменной террасе, в в 37 м. к юго-востоку от ее края, был заложен шурф площадью 16 кв. м., ориентированный по оси север-юг. Раскопки данного шурфа подтвердили высказывания местного населения, что в 70—80-х гг. XX в. при разработке карьера в значительной степени пострадали и изменились верхние надматериковые напластования не только между карьером и краем террасы, но и на большей площади. Непосредственно это нашло отражение в стратиграфии шурфа: по слоем дерна мощностью 0,08—0,14 м. вплоть до материка был прослежен только слой нестратифицированных привнесенных напластований мощностью 0,34—0,41 м. в виде смеси серо-коричневого суглинка, темно-серой супеси, синей глины, красно-коричневого суглинка, тлена, органики, желтого песка, технических и бытовых отходов 2-й пол. XX в. В итоге, несмотря на строгое соблюдение методики раскопок памятников каменного века, закладку внутри данного шурфа контрольных шурфов глубиной до 0,5 м., под вышеуказанными напластованиями был выявлен только материк — желтый песок. Таким образом, в исследуемой части связанный непосредственно с иеневской стоянкой культурный слой был уничтожен при выборке карьера, а современные надматериковые напластования появились при засыпке данной территории грунтом из карьера и последующим выравнивании.

Описанные пертурбации отразились и на количестве выявленных в шурфе находок — только 67 предметов. К стадии первичного расщепления кремня можно отнести три нуклеуса (4,5%), а именно два ассиметричных с различными углами скалывания черного и коричневого кремня и один призматический черного кремня. К заготовкам и отходам кремневого производства можно отнести 41 отщеп (61,2%), из которых 17 сохраняли корку от кремневых конкреций; 14 были коричневого, 12 серого, 15 черного кремня. Найдено так же 11 пластин (16,4%) из которых 4 черного и коричневого кремня можно отнеси к типу «высоких ребристых», а остальные — 2 коричневого, 3 серого и 2 черного кремня.

Кремневые артефакты со вторичной обработкой (12 шт., 17,9 %) представлены прежде всего 4 резцами: двумя угловыми многофасеточными с подработанной аккомадацинной частью (для одного нельзя исключать характеристику в качестве комбинированного орудия скобель-резец) на отщепах серого кремня и одним угловым мнорогфасеточным на дистальном конце пластины коричневого кремня (см. рис. 1, *4—6*). Аналоги таких многофасеточнах резцов можно встретить на многих памятниках иеневской культуры, например Иенево 2, Дальний остров, Пеньково и др.[3]. Из трех скребков два концевых на небольших отщепах черного и коричневого кремня выделяются высоким рабочим краем и подвертикальной ретушью, а для третьего ряд примечательных черт: относительно

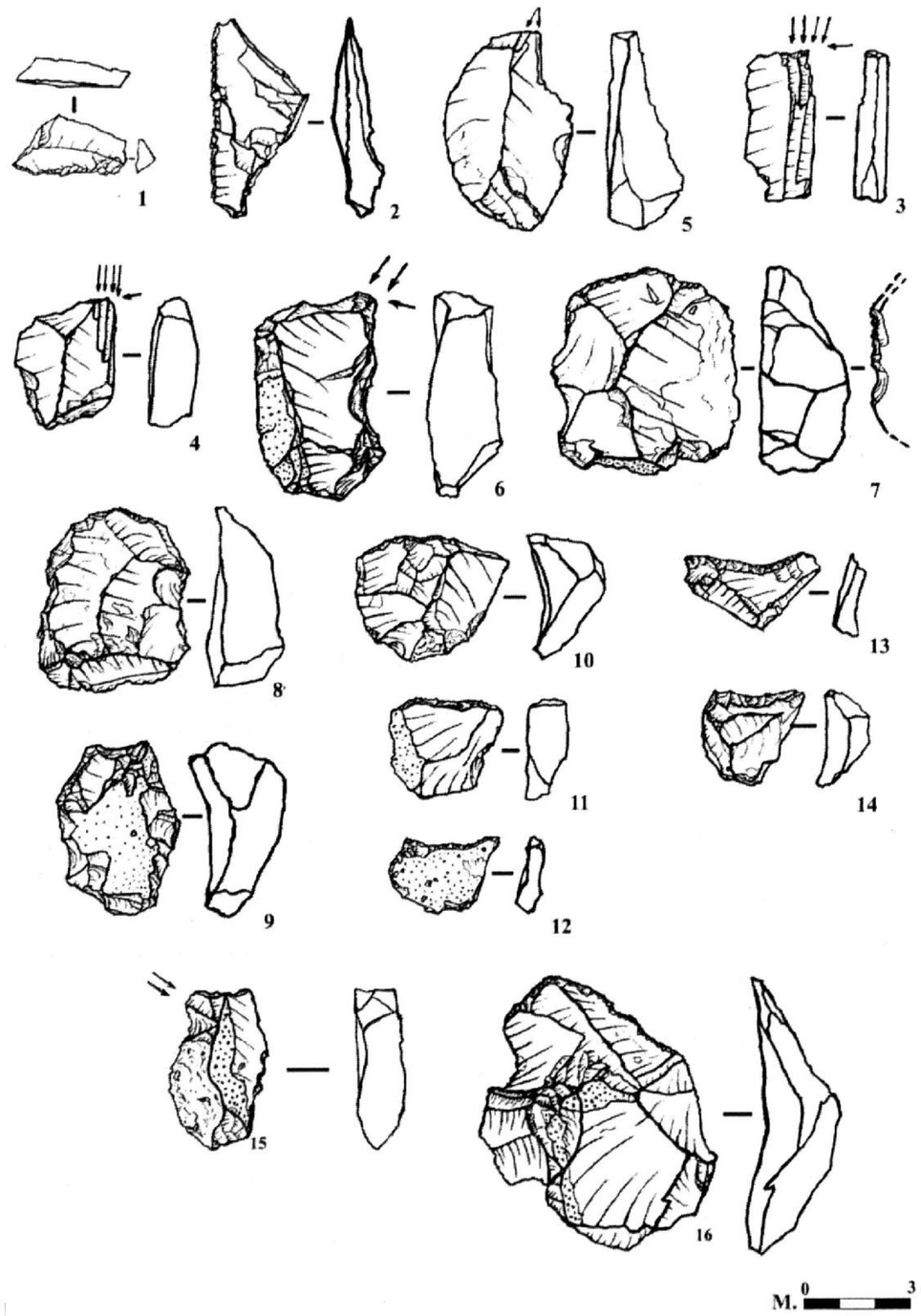


Рис. 1. Г. Кондрово. Кремневый инвентарь со стоянки Кондрово 2 (№ 1—14) и поселения Троицкое 1 (№ 15—16): *1* — вкладыш с краевой ретушью черного кремня; *2* — асимметричный наконечник стрелы; *3* — резец на пластине коричневого кремня; *4—6* — резцы на отщепах коричневого и серого кремня; *7, 8, 10, 11* — скребки на отщепах коричневого, черного и серого кремня; *9* — скребок-скобель на отщепе серого кремня; 12 — отщеп с ретушью коричневого кремня; *13* — фрагмент орудия (скобеля) коричневого кремня; *14* — скобель на отщепе черного кремня; *15* — резец на пластине серого кремня; *16* — нож на отщепе черного кремня.

крупные размеры отщепа серого кремня в качестве заготовки, низкий дугообразный рабочий край, значительная патинированность не исключает вероятности его первоначальной связи со стоянкой Кондрово 1, а не Кондрово 2 (см. рис. 1. *7, 8, 10*). Для двух выемчатых орудий, в рассматриваемом случае скобелей (см. рис. 1. *12, 13*), характерны небольшие размеры, они сделаны на основе отщепов серого и коричневого кремня, лезвия обработаны невысокой ретушью с дорсальной стороны, имеют следы сработанности. Комбинированные орудия представлены традиционным для представителей иеневской культуры высоким скребком-скобелем на отщепе серого кремня (см. рис. 1. *9*) с достаточно примечательной чертой: отщеп обработан с дорсальной стороны по всему периметру с образованием значительно впоследствии изношенных одной скребковой и четырех вогнутых рабочих кромок. Кроме перечисленных предметов найден отщеп коричневого кремня со следами вторичной обработки с дорсальной стороны уплощающей ретушью, что позволяет предположительно характеризовать его как обломок аккомодационной части орудия.

Особого внимания заслуживают две находки. Небольшое изделие из пластины черного кремня со скошенным концом было обработано только по одному краю с дорсальной стороны зубчатой ретушью с поворотом от подвертикальной у основания до уплощающей в дистальной части (см. рис. 1. *1*). Многие аналогичные предметы ряд исследователей, например М. Г. Жилин[4], характеризуют как вкладышевые наконечники стрел и относит их к более позднему времени, чем предполагаемые хронологические рамки бытования стоянки Кондрово 2. Однако, подобные явления как пластины с притупленным краем начиная со средней поры верхнего палеолита представлены во многих культурах, например мезинской[5]. Так же примечателен артефакт, весьма напоминающий наконечник стрелы на треугольном отщепе розового кремня, обработанный подвертикальной ретушью вдоль лезвия и на слабовыраженном черенке только с дорсальной стороны (см. рис. 1. *2*). Такие формы являются не редким явлением на памятниках иеневской археологической культуры, в частности на стоянке Брагино 1 Перемышельского района Калужской области[6], но сохранившаяся толщина заготовки у ударного бугорка не исключают другую интерпретацию.

Для поиска сохранившегося культурного слоя стоянки Кондрово 2 в 26 м. к северу от шурфа 1, в 2,2 м. от края террасы был заложен шурф 2 площадью 1 кв. м, глубиной 0,78—0,83 м. Как и в шурфе 1 под слоем дерна мощностью 0,08—0,16 м. выявлен аналогичный слой нестратифицированных напластований мощностью 0,07—0,18 м. Однако, под указанными карьерными выбросами хорошо прослеживался слой темно-серой супеси с включениями известняковой крошки, тлена, угля, светло-коричневого суглинка (слой 1) мощностью 0,23—0,38 см., перекрывающий предматериковые отложения в виде сочетаний светло-коричневой супеси с тленом и черной супесью (слой 2). Именно в основном из слоя 1 удалось получить находки предметов из кремня в общем количестве 16 шт. Нуклеус (1) черного кремня примечателен своей ровной кубической формой с различными, в основном перпендикулярными углами скалывания. Заготовки и отходы кремневого производства представлены 12 предметами. Из 9 отщепов шесть коричневого кремня, два черного, один серого, почти все с остатками кремневой корки. Из двух пластин коричневого кремня одну можно характеризовать как высокую ребристую. Заслуживает внимания сегмент высокой пластины из розового кремня. Предметы со вторичной обработкой (3) представлены многофасеточным угловым резцом с слегка скошенным рабочим краем на пластине коричневого кремня (см. рис. 1. *3*), небольшим концевым скребком на отщепе коричневого кремня (см. рис. 1. *11*) и таким же небольшим скобелем на отщепе черного кремня (см. рис. 1. *14*).

В итоге исследования позднепалеолитических стоянок Кондрово 1 и 2 выявили весьма незначительную степень их сохранности. Однако, по ряду признаков (значительный процент резцов, характеристики наконечников и др.) удалось уточнить датировку памятника, а именно вероятность его отнесения ко второму этапу бытования иеневской культуры[7], к эпохе пребореала. Важно, что были найдены артефакты не только «иеневского», но и более раннего времени. Так же интересно обнаружение изделий из не местного розового кремня.

В ходе археологических разведок в 2014 г. так же было выявлено поселение Троицкое 1. Данный археологический памятник располагается на территории современного городского парка г. Кондрово непосредственно западнее Кондровского индустриально-педагогического колледжа. Имеет небольшую площадь (140 м. по линии СВ—ЮЗ и 70 м. по линии СЗ—ЮВ) на мысовидном выступе левого коренного берега р. Шани. С северной и южной стороны поселение ограничено оврагами, с восточной — заводскими постройками, с запада почти отвесным коренным берегом р. Шани. Высота над уровнем воды в Шане — 17—19 м. Закладки трех разведочных шурфов размерами 1×1 м. позволили выявить ярко выраженный культурный слой поселения в виде черной, насыщенно гуммусированной углистой супеси мощностью до 40 см. Примечательно, что данный памятник археологии находится на северо-северо-западной окраине дворянской усадьбы Хлюстиных. Собранный на поселении подъемный материал в совокупности с выявленными в шурфах археологическими находками представлен, прежде всего, фрагментами керамики XII—XIV и XVII—XIX вв., полушкой 1736 г., фрагментами железных изделий. Помимо перечисленного, были найдены микроотщеп из розового кремня, отщеп из серого кремня с коркой, угловой резец на высокой пластине серого кремня и дуговой концевой — боковой нож на крупном отщепе черного кремня (см. рис. 1. *15, 16*). Указанные находки свидетельствуют о бытовании здесь стоянки предположительно иеневской археологической культуры.

Так же в 2014 г. в пределах городской и пригородной зон г.Кондрово было обнаружено три местонахождения эпохи камня, но данные археологические объекты требуют более детального изучения.

Примечания

[1] См.: *Ефимова Е. Е.* Отчет о проведении археологических разведок в бассейне р. Шаня, в границах г. Кондрово и Дзержинского района Калужской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р. 1.

[2] См.: *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Археологические разведки в пригородной зоне г. Кондрово // От села Кондырево до г. Кондрово: Материалы 2-й районной краеведческой конференции, 22—23 ноября 2012 г. — Кондрово, 2012. — С. 8; *Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е.* Памятники каменного века г. Кондрово // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2013. — С. 8.

[3] См.: Мезолит СССР. — М., 1989. — Таб. 48. *44*; 47. *22*; 50. *48*.

[4] См.: *Жилин М. Г.* Вкладышевые наконечники стрел бутовской мезолитической культуры // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Вып. 2. — Н. Новгород, 1997. — С. 4. — Рис. 1. *37*.

[5] См.: Палеолит СССР. — М., 1984. — С. 199. — Рис. 90. *1*.

[6] См.: *Сорокин А. Н.* Мезолит Оки: Проблема культурных различий. — М., 2006. — С. 58. — Рис. 47. *1*.

[7] См. там же. — С. 60.

КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ БЛИЗ д. ЖЕЛЫБИНО

***Б. В. Грудинкин**, с. н. с., Калужский областной краеведческий музей*

Первый памятник открыт и обследован Б. В. Грудинкиным в 1991 г.[1] Расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Ока в 1,2 км к юго-западу от деревни. Культурный слой памятника частично разрушен и переотложен распашкой. В распаханном слое был собран подъемный материал представленный 8 изделиями из кремня, 65 фрагментами керамики 1-й пол. I тыс. н. э. (18—15 вв.), 1 — биконическое пряслице, 3 куска шлака. Орудий из кремня — 3, это — 2 концевых скребка на отщепах серого кремня, скобель с несколькими выемками на отщепе серого полупрозрачного кремня. Подобный кремень встречается в расположенном недалеко Калужско-Алексинском каньоне. Остальные артефакты — отщепы. Вероятно, здесь существовала стоянка, на месте

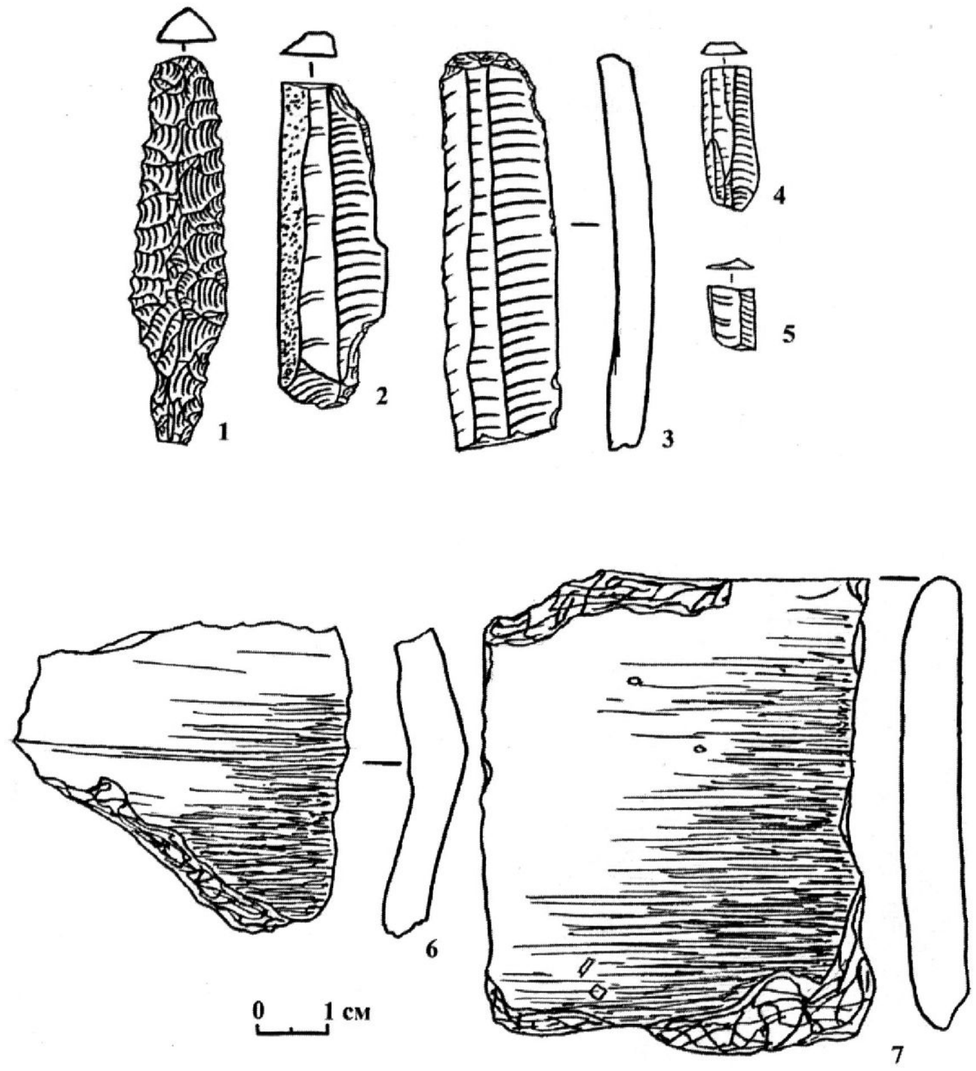


Рис. 1. Д. Желыбиною Поселение 1. 1, 2 — наконечники стрел; 3 — концевой скребок; 4, 5 — микропластинки; 6, 7 — фрагменты лепной керамики; 1—5 — мезолит; 6, 7 — 1-я пол. I тыс. н. э. Подъемный материал.

которой возникло селище. Этой стоянке был дан № 2 так как первая открыта ранее[2]. Фрагменты керамики относятся к 1-й пол. I тыс. н. э., средневековью и более позднему времени. Керамика железного века лепная неорнаментированная, 6 фрагментов имеют черное лощение. Пряслице, вероятно, также относится к этому периоду. Другой период представлен фрагментами гончарной белоглиняной керамики с волнистым орнаментом. Культурный слой памятника представлен в виде темно-серой супеси мощностью 44 см, материк — белый песок. Площадь памятника составляет около 285 × 140—160 м. Стоянка относится к мезолиту.

В 2000 г. памятник обследовался дополнительно, был собран разновременный подъемный материал[3]. Кремневый инвентарь представлен отщепами, пластинами и их сечениями, предметами охоты и труда, относимыми к мезолиту, в количестве 118. В нем представлены: 87 различных отщепов и сколов, 3 нуклевидных предмета, 14 пластин и их сечений, 2 наконечника стрел, 1 скребок. Из них следует отметить: наконечники стрел из светло-коричневого (см. рис. 1, *1*) и белого кремня с частью корки (см. рис. 1, *2*), концевой скребок на пластине белого полупрозрачного кремня (см. рис.1, *3*) и микропластинки

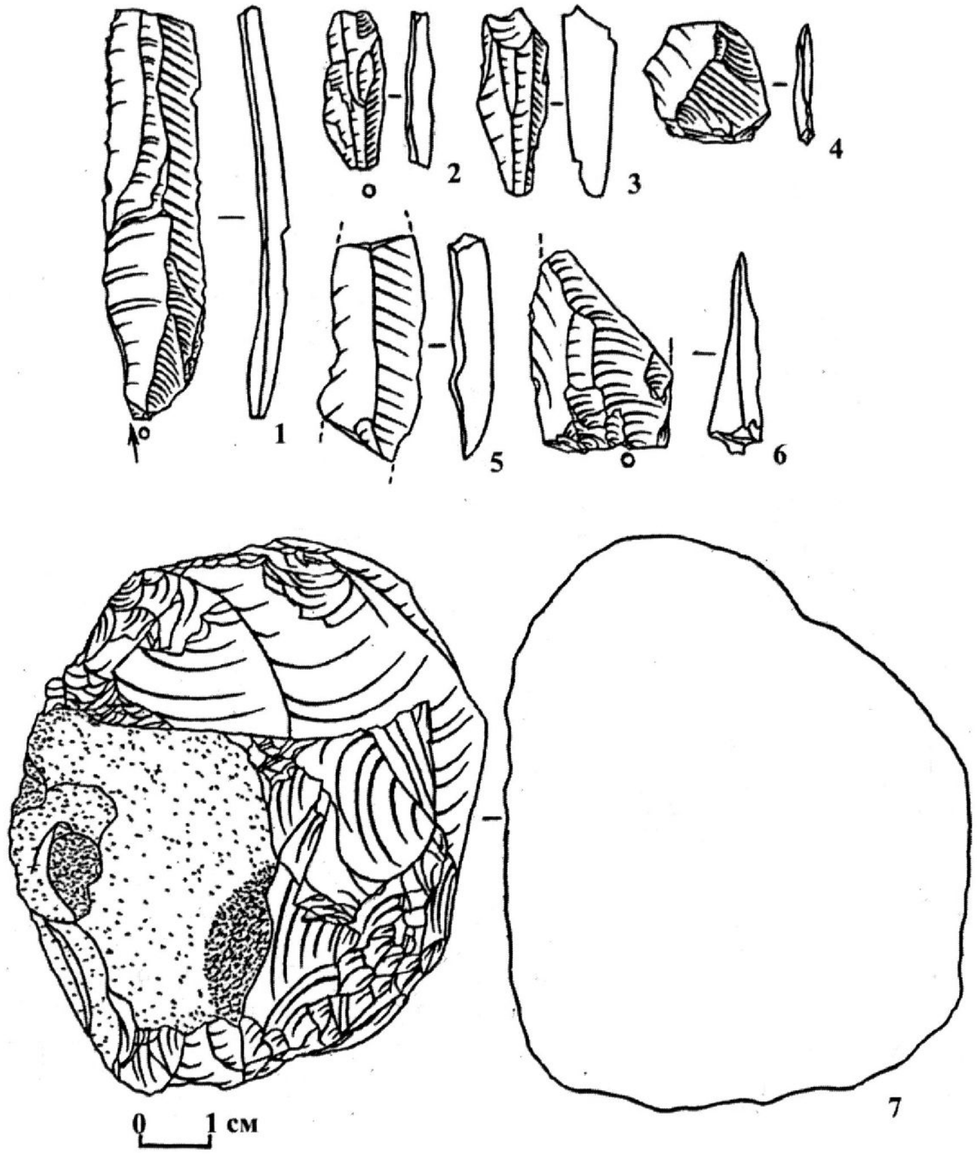


Рис. 2. Д. Желыбино. Поселение 1. Шурф. Кремневые артефакты. 1, 2, 5 — пластины; 3 — нуклеус; 4, 6 — отщепы; 7 — отбойник. 2—6 — 1 пласт: 2 — Б-3 (–23), 3 — Б-1 (–21), 4 — Б-1 (–22), 5 — Б-1 (–17), 6 — Б-2 (–18); 1, 7 — 2 пласт: 1 — Б-3 (–37), 7 — А-1 (–34).

красного и черного кремня (см. рис. 1, *4*, *5*). Другой материал представлен: 2 кусками шлака, 13 фрагментами лепной керамики с подлощением, из них 6 венчиков 3 донца и 4 стенки, у всех примесь мелкой дресвы (рис. 1, *6*, *7*) и одним фрагментом биконического пряслица. Вероятно, этот материал следует отнести к 1-й пол. I тыс. н. э.

В 2006 г. было проведено дополнительное обследование стоянки 2 с закладкой шурфа[4]. Шурф 2×3 м был заложен в юго-восточной части памятника, близ грунтовой дороги.

По результатам закладки шурфа можно сделать следующие выводы. Памятник является многослойным поселением. Культурный слой памятника частично разрушен и переотложен распашкой. Материал шурфа относится к разным эпохам. Было собрано 234 фрагмента керамики, один фрагмент битрапециевидного пряслица и 10 кремневых артефактов. Предметы первичного расщепления представлены двумя нуклеусами и частью нуклеуса (см. рис. 2, *2*), а также отщепами (см. рис. 2, *4*, *6*) и одним сколом. Кремневый от-

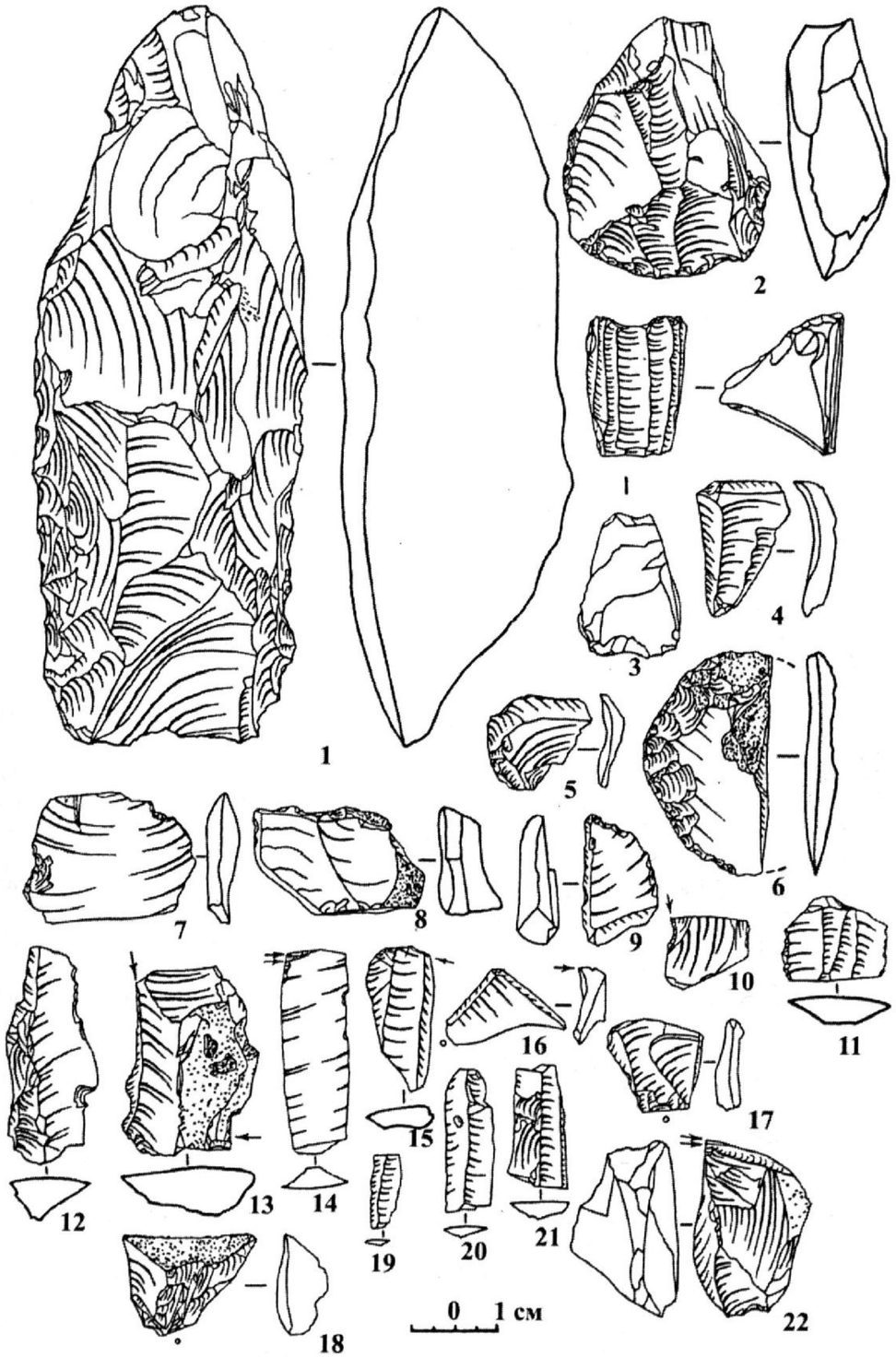


Рис. 3. Д. Желыбино. Поселение 2. Кремневый инвентарь: 1, 2 — тесла; 3 — нуклеус, 4—6, 18 — скребки; 7, 8, 12 — скобели. 10, 13—15, 22 — резцы; 16 — резчик; 19—21 — пластины; 9 — перфоратор; 17 — орудие специального назначения; 11 — фрагмент зубчатого орудия. Подъемный материал.

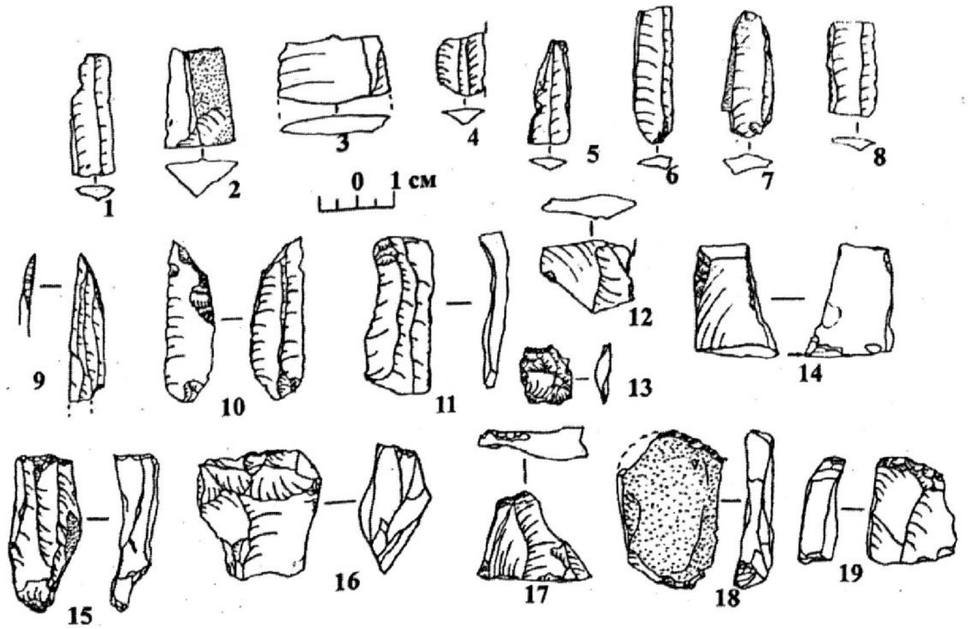


Рис. 4. Д. Желыбино. Поселение 2. Раскоп. Кремневый инвентарь: 1, 2, 5—8, 11 — пластины; 4, 12, 14 — резцы; 13, 17 — скобели; 9, 10 — наконечники стрел; 15, 16 — фрагменты нуклеусов; 18, 19 — скребки.

бойник овальной формы из серо-коричневого кремня с частью корки и следами звездчатой забитости (см. рис. 2, *7*). Пластина коричневого кремня с резцовым сколом на базальной части (см. рис. 2, *1*). Лепной керамики найдено 215 фрагментов. Среди них найдены фрагменты с черным лощением. В глиняном тесте примесь крупной, средней и мелкой дресвы. Керамика толсто- и тонкостенная. Из них три венчика, один фрагмент донца, остальные фрагменты стенок. Венчики, чуть отогнутые с прямым срезом. Донце плоское. Найден фрагмент битрапециевидного пряслица. В глиняном тесте примесь песка. Фрагментов гончарной посуды — 19, разновременны. Поздняя керамика представлена фрагментом стенки сосуда с поливой XIX—XX вв. Один фрагмент миски сероглиняной посуды XVIII в. Фрагмент стенки белоглиняной керамики XVI—XVII вв, в глиняном тесте примесь песка. Три фрагмента керамики XII—XIV вв. бело- и розовоглиняные с примесью песка в глиняном тесте. Один из них фрагмент отогнутого венчика. Два фрагмента стенки с прямолинейным орнаментом. Один фрагмент стенки керамики XI в. Остальные фрагменты стенок белоглиняной посуды XV—XVIII вв. Первое поселение возникло в эпоху камня: в мезолите. Поскольку культуроопределяющих орудий не было найдено к какой-либо мезолитической культуре отнести найденные кремневые артефакты не представляется возможным. Лепная керамика относится к мощинской культуре 1-й пол. I тыс. н. э. Гончарная керамика немногочисленная и свидетельствует, что в XI—XIII, XIV—XVI, XVII—XVIII, XIX—XX вв на этом месте продолжало существовать поселение. Памятник был назван «поселение 1».

Другой памятник расположен в 2,5 км к югу от д. Желыбино на первой надпойменной террасе правого берега р. Оки. Поверхность памятника задернована. Западная часть памятника распахивается, восточная — повреждена карьером. Собранный в 1991 г. подъемный материал представлен 83 изделиями из кремня, 68 фрагментами лепной керамики и 1 фрагментом биконического пряслица[5]. Из рубящих орудий найдено два тесла. Одно вытянутой формы (см. рис. 3, *1*), другое подтреугольное (см. рис. 3, *2*), на обоих следы износа от использования. Нуклеусы различные и сильно сработанные, использовались для получения пластин. Для получения микропластин использовался торцевой нуклеус с двумя скошенными площадками (см. рис. 3: *3*). Скребки концевые и боковые на отщепах (см. рис. 3: *4*, *5*, *18*). Один обломок округлого скребка (см. рис. 3: *6*). Рабочие части некоторых скребков сформированы очень мелкой крутой ретушью (см. рис. 3: *4*, *5*, *18*). Скобели изготавливались на отщепах и пластинах, выемки различные (см. рис. 3: *7*, *8*, *12*). Резцы на сломе заготовки (см. рис. 3: *10*, *13*, *14*), боковые (см. рис. 3: *15*), нуклевидные (см. рис. 3: *22*). Резчики небольшие оформлены на различных отщепах (см. рис. 3: *16*). Пластины небольшие, в основном реберчатые (см. рис. 3: *19*, *20*, *21*). Изготавливались из высококачественного полупрозрачного кремня. Вероятно, служили заготовками ножей, перфораторов, стрел, вкладышей. Перфоратор изготовлен на небольшом отщепе, если судить по рабочей части, он был разверткой (см. рис. 3: *9*). Некоторые орудия, видимо, были специального назначения, у них ретуширован один из углов на изломе заготовки (см. рис. 3: *17*). Некоторые орудия, к сожалению, представлены только в обломках, например, небольшое зубчатое орудие на пластине (см. рис. 3: *11*). Остальные — отходы производства: отщепы, сколы, чешуйки кремня. По типологии орудий материал стоянки близок бутовской мезолитической культуре и существовал в конце VII тыс. до н. э.

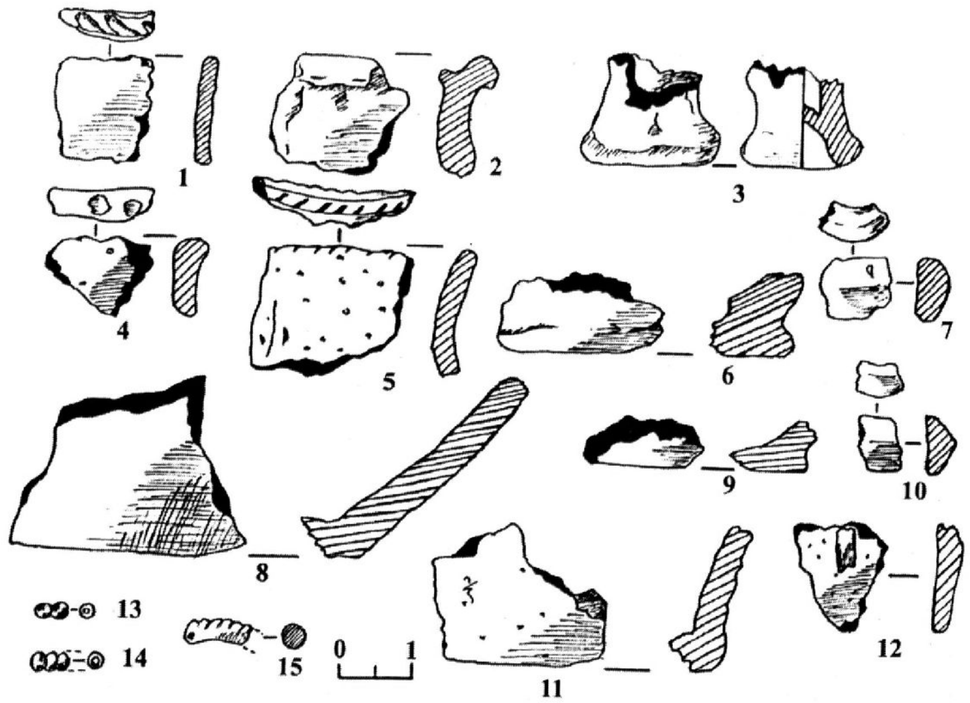


Рис. 5. Д. Желыбино. Поселение 2. Раскоп. Фрагменты керамики, пронизки, фрагмент браслета: 3 — фрагмент миниатюрного сосудика; 7—10 — фрагменты пряслин; 13, 14 — пронизки; 15 — фрагмент стеклянного браслета; 1—6, 8, 9, 11, 12 — фрагменты керамики 1-й пол. I тыс. до н. э.

Фрагменты керамики относятся к 1-й пол. I тыс. н. э. и свидетельствуют о возникновении селища на месте стоянки. Часть фрагментов имеет черное лощение. Фрагмент пряслица, видимо, относится к этому же периоду. Культурный слой памятника представлен в виде темно-серой супеси мощностью 7—12 см, перекрыт слоем гумуса 10 см, материк — светло-желтый песок. Площадь памятника составляет около 137 × 55—90 м. Стоянке был дан № 3. Стоянка 3 в 1993 г. обследовалась дополнительно[6]. Для проверки стратиграфии памятника и уточнения его культурной принадлежности в юго-западной части между пашней и грунтовой дорогой был заложен рекогносцировочный раскоп 4×5 м. Культурный слой, выявленный в раскопе в виде серой супеси мощностью 20—38 см, переотложен. В культурном слое был собран материал разных эпох. Каменный инвентарь представлен 240 предметами из кремня, кварца и окремненного известняка. Предметы с вторичной обработкой составляют около 25% всего кремневого материала. Доля пластин — 42%, кремня, найденного в раскопе (см. рис. 4, *1*, *2*, *5*, *6*, *7*). Скребки концевые и боковые на отщепах —

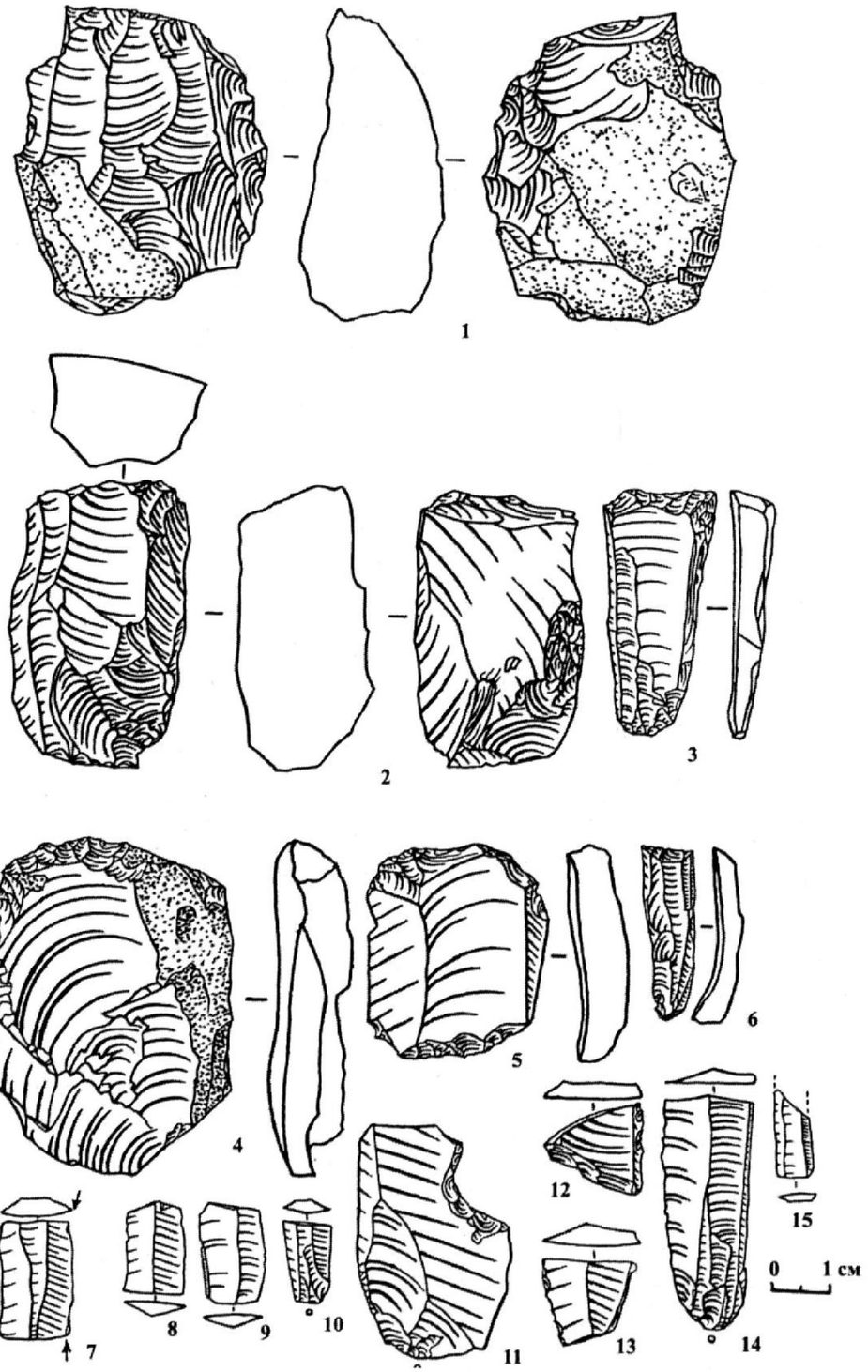


Рис. 6. Д. Желыбино. Поселение 2: 1, 2 — нуклеусы; 3—6 — скребки; 7 — резец; 8—10, 12— 15 — пластины и их сечения; 11 — скобель. Мезолит. Подъемный материал.

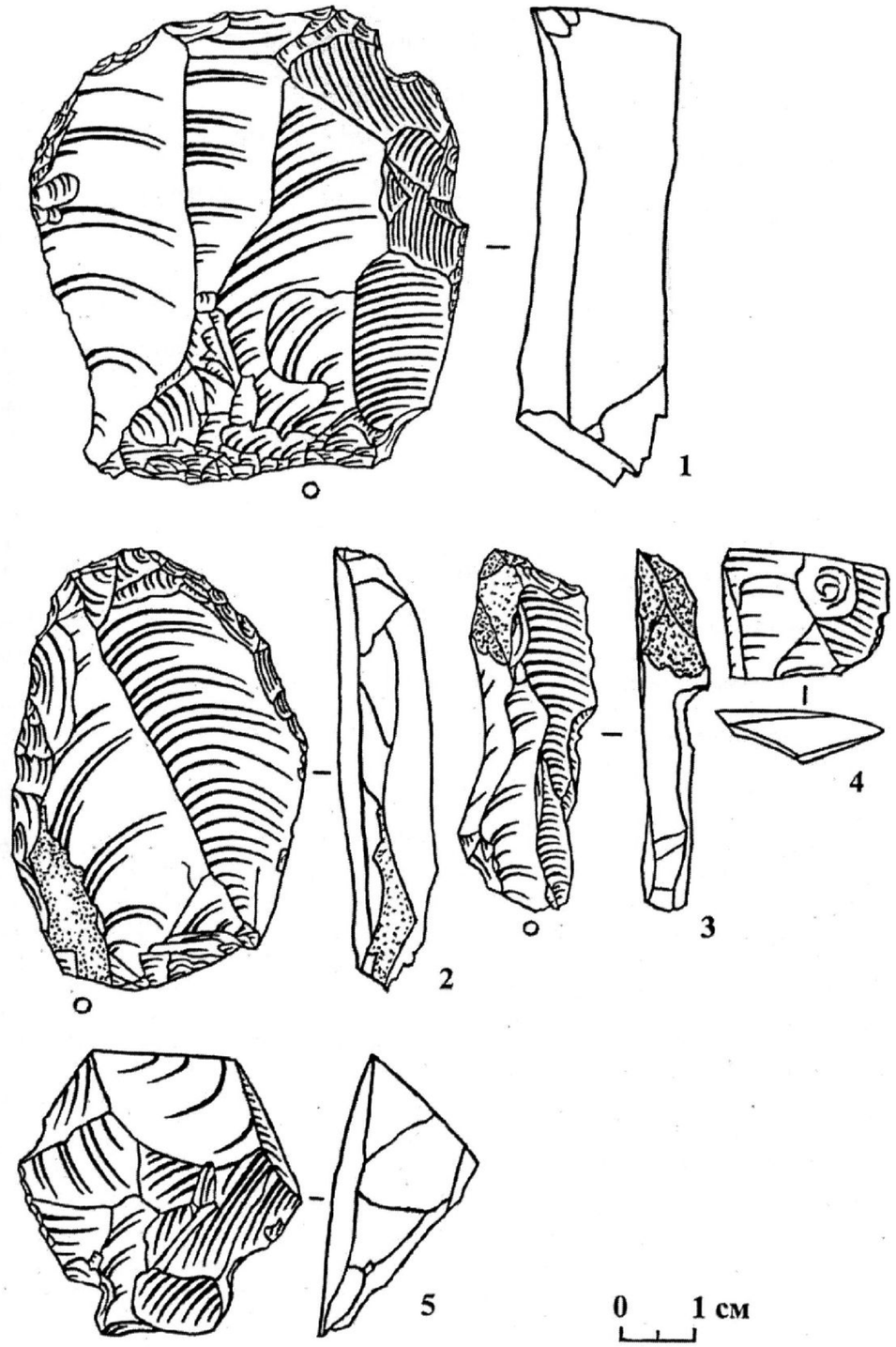


Рис. 7. Д. Желыбино. Поселение 2. Кремневый инвентарь: 1 — скребло; 2, 3 — скребки; 4 — сечение пластины; 5 — часть нуклеуса. Мезолит. Подъемный материал.

6 штук (см. рис. 4, *18*, *19*). Найдено 2 скобеля на отщепах (см. рис. 4, *17*). Резцов найдено 10 (см. рис. 4, *4*). Сработанных нуклеусов 2 (см. рис. 4, *15*, *16*). Кроме этого найден один косолезвийный наконечник стрелы с обломанным черешком (см. рис. 4, *9*) и заготовка такого же наконечника (см. рис. 4, *10*). Остальные — отщепы, сколы, чешуйки кремня. Кремневый материал близок бутовской мезолитической культуре.

Фрагментов керамической посуды 891. Среди них всего 15 фрагментов гончарной керамики. Остальные фрагменты венчики, стенки и донца лепных сосудов, из которых 31 — с черным подлощением. Был также найден фрагмент миниатюрного сосудика (см. рис. 5, *3*) и два фрагмента глиняных биконических пряслиц (см. рис. 5, *7, 10*). Этот материал характерен памятникам мощинской культуры 1 пол. I тыс. н. э.

Из более позднего материала следует отметить фрагмент стеклянного браслета (см. рис. 5, 15) и 3 стеклянные пронизки (см. рис. 5, *13, 14*).

При дальнейшей разборке слоя на глубине около 40 см, почти на уровне материка, были обнаружены 2 кострища и 1 хозяйственная яма. Кострище первое располагалось в двух квадратах и уходило в борт раскопа. Ширина его — 75 см. Содержало большое количество фрагментов керамики. Кострище второе также располагалось в двух квадратах. Размеры его 65×55 см. В нем также находились фрагменты керамики. Хозяйственная яма неправильной формы, вытянута с востока на запад и расположена в 8 квадратах, имеет неровное дно, и небольшое заглубление в западной части и две небольшие ямки в восточной части. Размеры ее 2,8×1,5 м. Глубину 25—38 см. В ней найдено небольшое число находок. По результатам раскопок выявлено, что памятник, является многослойным поселением и ему было дано название поселение 2.

В 2006 г. вышла в свет АКР: Калужская область, где на страницах с 65 по 66 опубликованы памятники около д. Желыбино, только все это приписано Г. А. Массалитиной, а материал стоянок отнесен к неолиту, хотя стоянки неолита, в этом регионе так высоко не располагаются. При этом опубликован рисунок из отчета Б. В. Грудинкина без ссылки на авторство (с. 65, рис. 28)[7]. При многолетних исследованиях нет находок неолитической керамики, являющейся показателем этой эпохи[8]. Материалов разведки Г. А. Массалитиной нет в музее. Поскольку авторы АКР ввели собственную нумерацию памятников и не учли ранее проведенные исследования, то использовать эти данные нельзя.

Поселение 2 в 2000 г. было еще раз осмотрено[9]. В полученном материале различных отщепов, сколов и чешуек — 191, 3 одноплощадочных нуклеуса из серого и светло-коричневого кремня (см. рис. 6, *1*, *2*), 4 концевых скребка и один обломок скребка из коричневого, белого, черного и красного кремня (см. рис. 6, *4*, *5*, *6*), 1 резец на пластине серого кремня (см. рис. 6, *7*), 12 пластин и их сечений из серого, коричневого, красного, белого и желтого кремня (см. рис. 6, *8*, *9*, *10*, *12*, *13, 14*, *15*), 1 скобель (см. рис. 6, *11*).

Культурную принадлежность находок определить сложно из-за отсутствия специфических орудий, характерных для той или иной культуры. Развитая пластинчатая техника позволяет предположить наличие бутовских черт в материале стоянки.

В 2009 г. поселение 2 обследовалось еще раз со сбором подъемного материала[10]. Было собрано 30 кремневых артефактов и 16 фрагментов керамики.

Кремневых изделий собрано 30. Предметы первичного расщепления представлены 2 частями нуклеусов, отщепами и сколом с нуклеуса. Нуклеусы — серо-коричневого кремня и бело-серого кремня с вкраплениями мелких окаменелостей, небольшими выемками и элементами ретуши (см. рис. 7, *5*). Отщепов — 21, коричневого, розового, белого и серо-коричневого полупрозрачного кремня. Скол с нуклеуса серо-коричневого кремня. Орудийный комплекс небольшой. Скребло поперечное на отщепе розово-коричневого кремня (см. рис. 7, *1*). Рабочий край выпуклый оформлен крутой ретушью. Скребков — 2. Овальный скребок оформлен крутой и полукрутой ретушью почти по всему контуру (см. рис. 7, *2*). Скребок изготовлен на отщепе коричнево-серого кремня с частью корки от конкреции. Концевой скребок изготовлен на пластине коричневого полупрозрачного кремня с частью корки от конкреции (см. рис. 7, *3*). Лезвие скребка прямое, немного скошено. Сечение пластины по одному из краев имеет ретушь (см. рис. 7, *4*). Сечение изготовлено из серого кремня. По технике обработки кремня и типологии орудий памятник следует отнести к эпохе мезолита.

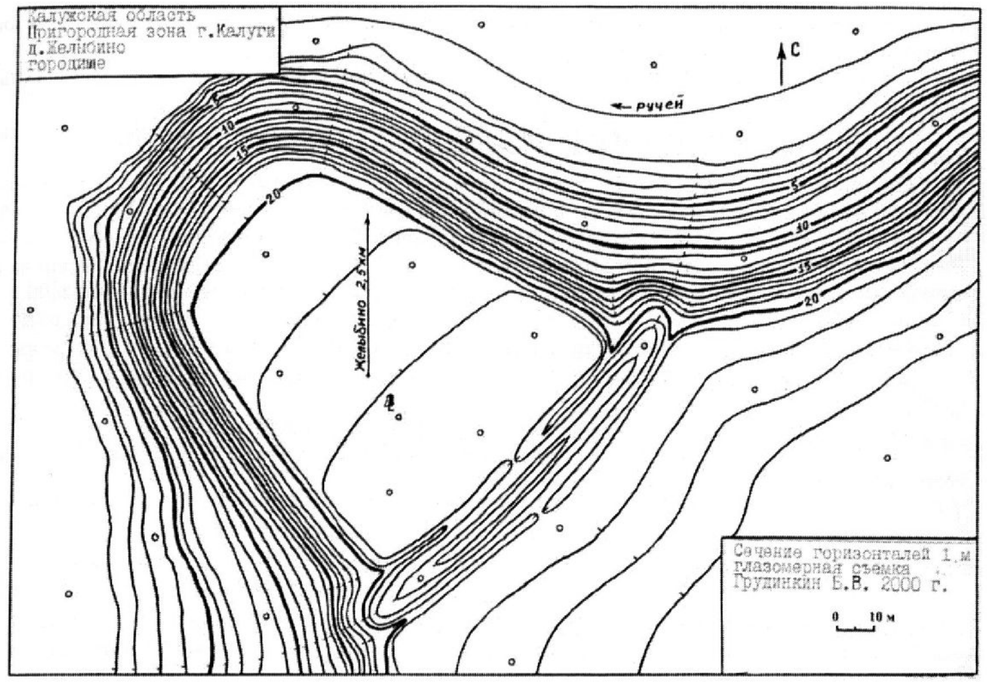


Рис. 8. Д. Желыбино. Городище.

Фрагментов лепной керамики — 13. Большая часть фрагментов представлена стенками — 12. Фрагмент венчика прямой — 1. Толщина стенок — 7—13 мм. У всех фрагментов в глиняном тесте большая примесь крупной, средней и мелкой дресвы. Подобная керамика характерна для 1-й пол. I тыс. н. э.

Гончарной керамики найдено 3 фрагмента стенок. На стенках прочерчен прямолинейный орнамент. Толщина стенок — 4—5 мм. Эта керамика характерна для XIX — начала XX в.

В 2,5 км к югу от южной окраины деревни на мысу третьей террасы правого берега р. Оки между оврагами расположено небольшое городище, заросшее лиственным лесом (см. рис. 8)[11]. По дну одного из оврагов протекает ручей. Превышение площадки городища над урезом воды в ручье от 19 до 22 м. Площадка городища подчетырехугольная имеет небольшой наклон к северо-западу, с юга-востока ограничена двумя рвами до 2 м глубиной и валом высотой до 3 м. В выбросах из кротовых ям найден один фрагмент нижней части стенки лепного сосуда с примесью мелкой дресвы. Возможно, городище существовало в мощинское время.

По результатам работ можно сделать следующий вывод: этот регион был заселен с эпохи камня и жизнь здесь надолго не прекращалась. Материал эпохи камня характерен бутовской культуре. По А. Н. Сорокину, бутовская культура относится к эпохе мезолита[12]. Другие материалы поселений и городища относятся к мощинской культуре 1-й пол. I тыс. н. э. и более поздним эпохам. Исследование местности необходимо продлить на предмет поиска памятников других эпох.

Литература

[1] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16860. Л. 5, 6.

[2] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9473. Л. 6.

[3] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23183. Л. 4—5.

[4] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках в 2006 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН. Р-1. б/н Л. 8—11.

[5] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г.

[6] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17949. Л. 3-4.

[7] См.: *Кашкин А. В., Краснов Ю. А., Массалитина Г. А., Прошкин О. Л., Смирнов А. С., Сорокин А. Н., Фролов А. С.* АКР: Калужская область. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006. — С. 65.

[8] См.: *Ошибкина С. В.* Проблемы изучения мезолита в Северной Евразии // Труды ГИМ. — Вып. 113: Современные концепции первобытной истории: Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. — М., 2000. — С. 27.

[9] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках в 2000 г.

[10] См.: *Грудинкин Б. В.* Об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н Л. 7.

[11] См.: *Грудинкин Б. В.* Отчет об археологических разведках в 2000 г. Л. 4—5.

[12] См.: *Сорокин А. Н.* К проблеме финального палеолита Центральной России // Российская археология. — 2006. — № 4. — С. 92—93.

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ОБ ОСНОВАНИИ КАЛУГИ И ПЕРВОМ УПОМИНАНИИ О НЕЙ

***А. Г. Лебедев**, к. и. н., доц.,*
ИСО Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского

Дискуссия о происхождении и времени возникновения Калуги продолжается уже не одно десятилетие и даже столетие. Высказывается много версий и предположений. К сожалению, многие из них выдвигаются без глубокого изучения и анализа, имеющейся научной литературы. Данный недостаток характерен для калужских краеведов предыдущих поколений, которых отчасти можно оправдать отсутствием в тот период исследований, относящихся к данной теме, которые появились впоследствии или ограниченными возможностями ознакомления с исследованиями их коллег в других городах. Однако современные исследователи разрабатывать данную тему без учета имеющейся научной литературы попросту не имеют права.

В этом плане показательна публикация «Так сколько же лет Калуге?», появившаяся в «Калужских Губернских ведомостях» от 11 декабря 2008 г. В этой статье содержится правомерное утверждение о существовании Калуги или иного славянского поселения на ее территории задолго до первого упоминания о ней в известных на сегодняшний день письменных источниках (письмо-жалоба Великого Литовского князя Ольгерда Гедиминовича Константинопольскому патриарху Филофею в 1371 г.).

Наиболее весомым доказательством здесь служат археологические и исторические изыскания О. Л. Прошкина зав. отделом археологии и древнейшей истории Калужского краеведческого музея, который на основании изучения и анализа собранных археологом Б. В. Грудинкиным в 1980-х гг. находок на левом берегу Оки под улицами Набережная и Подвойского на территории бывшей торговой пристани утверждает: «Концентрация древнерусских находок на небольшом участке берега Оки протяженностью 250—300 м предполагает наличие в этой части города древнерусского поселения, возникшего намного ранее самого первого известного нам упоминания Калуги в 1371 г.» [1. С. 19—21].

В исследовании «Монетные находки с торговой пристани г. Калуги» В. В. Грудинкин и В. А. Ткаченко на основании анализа нумизматических находок на старокалужской торговой пристани также утверждают, что находки иностранных монет изготовления до первого упоминания о Калуге, т. е. до 1371 г., и последующие довольно многочисленные находки русских и иностранных монет XV—XVII вв. и более позднего периода «подтверждают письменные источники о существовании Калуги в середине XIV в. в качестве довольно крупного населенного и торгового пункта…» [2. С. 27, 97].

Однако затем автор газетной статьи, следуя, бытующей среди местных краеведов, начиная с XIX в. тенденции по привязке истории Калуги к истории Московского, а еще раньше Владимиро-Суздальского княжеств выдвигает ряд ошибочных версий вплоть до основания Калуги Александром Невским, что не выдерживает никакой критики.

При решении вопроса об основании и развитии Калуги до 1371 г. необходимо обратиться к трудам и мнению ученых-историков, занимавшихся проблемой истории Черниговского, а после его распада Верховских княжеств, образовавшихся на его территории. Согласно решений Любечского съезда русских князей в 1097 г. большая часть территории Калужского края отошла к Черниговскому княжеству, распад которого начался в XII в. и окончательно завершился после гибели в Золотой Орде князя Михаила Всеволодовича Святого в 1246 г. На его территории образовались сначала Карачевский, Новосильский и Тарусский уделы, а затем более мелкие Козельское, Мосальское, Мезецкое, (Мещевское), Воротынское, Одоевское, Белевское, Барятинское, Конинское, Мышегское, Волконское и Оболенское княжества.

По мнению известного исследователя этого периода В. А. Кучкина [3. С. 136, 138], а также одного из ведущих специалистов в области истории средневековой Руси доктора

исторических наук, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Горского специалиста в области истории русско-литовских земель, декана исторического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета профессора доктора исторических наук А. Ю. Дворниченко, Калуга относилась к Новосильскому княжеству, представляя ко времени, известного на сегодняшний день, первого упоминания о ней в 1371 г. значительное поселение — центр удела.

Рассматривая вопросы о первом упоминании о Калуге необходимо коротко проанализировать историческую обстановку, складывавшуюся к этому времени.

Во второй половине XIV в. происходило дальнейшее укрепление Великого княжества Московского (что в первую очередь выразилось в расширении его территории).

При этом использовались различные способы или примыслы (по терминологии использованной А. А. Горским) [4. С. 117] два из них имеют непосредственное отношение к вхождению Калуги и окружающих ее территорий в московские владения, а именно покупка новых земель и вмешательство в династийные разборки соседей на стороне одного из претендентов на престол с целью получения от поддержанного Москвой победителя интересовавших ее территорий в качестве платы за оказанную этому претенденту помощь.

Этот процесс приобретения новых территорий значительно усилился при князе Дмитрии Ивановиче, вошедшем в историю под именем Дмитрия Донского. В первые годы правления молодому князю при своих усилиях по расширению границ Москосвского княжества пришлось столкнуться с Великим княжеством Литовским, которое, поддерживая основного соперника Москвы в борьбе за управление русскими землями — Тверь, стремилось укрепиться в примыкавших непосредственно к южным границам Московских владений, Верховских княжествах, образовавшихся в результате распада Черниговского княжества.

Борьба за Верховские княжества стала причиной литовско-московской войны 1368—1372 гг. Началась она со внезапного нападения Великого Литовского князя Ольгерда на московские владения в 1368 г. В ходе боевых действий был разбит сторожевой полк москвичей и убиты ряд московских воевод и князей, в том числе в г. Оболенске (современное село Оболенское Малоярославецкого района) князь Константин Юрьевич Оболенский. Литовцы в течении трех дней осаждали Москву, где вынужден был укрываться Великий князь Дмитрий Иванович вместе с двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, будущим героем Куликовской битвы. Литовцы отступили лишь, получив территориальные уступки у Москвы.

На следующий год, собрав крупные силы, Дмитрий Иванович направил их в поход на Брянск, Мценск и Калугу, которые были им захвачены. Заключение о принадлежности Мценска и Калуги Новосильскому княжеству вытекает из анализа послания 1371 г. Ольгерда патриарху Филофею. Ольгерд сообщает о нападении москвичей на его зятя Ивана Новосильского, а также перечисляет города, захваченные у него Москвой, в том числе Калугу и Мценск. Последние находились в совсем ином регионе, чем остальные упомянутые в Послании Ольгерда города, но там где были расположены другие центры Новосильского княжества. Это дает основание относить Калугу и Мценск к территории Новосиля. Возможно, что Калуга и Мценск составляли удел в Новосильском княжестве князя Ивана. Такого мнения придерживается такой крупный исследователь этого периода как В. А. Кучкин, который утверждает, что в состав Новосильского княжества входили Новосиль, Одоев, Белев и Воротынск, а также Мценск и Калуга, Территория Новосильского княжества заходила даже за р. Протву. Здесь на правобережье р. Береги в устье р. Протвы в первой половине XIV в. лежала новосильская волость Заберега, проданная в 40-х гг. XIV в. Симеоном Новосильским Великому князю Московскому Симеону Гордому. [4. С. 50, 51]. О Калуге речь в этой сделке не шла. Названием «Берег» в XV—XVI вв. обозначался левый берег р. Оки, который служил естественным оборонительным рубежом Московского государства от татар. Следовательно Калуга уже не только существовала в 1369 г., но и была довольно крупным поселением — центром удела [5. С. 261]. В 1370 г. Ольгерд вновь осадил Москву, но вынужден был сам запросить мира, так как против него в Перемышле было собрано войско вышеупомянутым Владимиром Андреевичем

Храбрым, к которому присоединились со своими полками Пронский князь Владимир Дмитриевич и Великий князь Рязанский Олег Иванович.

Видимо, после этих событий Великое княжество Литовское потеряло надежду военным путем возвратить Новосиль, Калугу и другие города Новосильского княжества, себе. Князь Иван Новосильский зять Ольгерда являлся подручником Литвы, т. е. находился в вассальной зависимости от Великого княжества Литовского, поэтому Великий литовский князь Ольгерд и рассматривал Калугу, как свое владение. Для Ольгерда потеря Калуги и Новосиля была тем более чувствительна, так как его дочь, жена правившего тогда Ивана Новосильского была захвачена московскими войсками в плен. В походе Дмитрия Ивановича 1369—1370 гг., принимал активное участие и претендент на княжеский престол в Новосиле князь Роман Новосильский. Москва его активно поддерживала, и он после этого похода стал правителем Новосильского княжества, которое вошло в сферу влияния Москвы, Калуга была уступлена Романом Новосильским Москве в качестве платы за военную помощь при получении новосильского престола. Таким образом, первым упоминанием о Калуге можно считать 1369 г., т. е. на два года ранее отмечаемой сейчас даты.

В связи с утверждением о том, что Калуга относилась к Новосильскому княжеству — образовавшемуся при распаде княжества Черниговского, а это факт неоспоримый, можно внести изменения в бытующую с XVIII в. концепцию возникновения города, опираясь на название Симеонова городища. Дело в том, что в роду правителей Глуховского и Новосильского княжества, а именно так оно называлось, выделившись в XIII в. после нашествия Батыя из Черниговского княжества, первым князем был сын погибшего в Золотой орде Михаила Святого Симеон Михайлович, а затем среди его потомков, правивших в Новосильском княжестве, было несколько Симеонов. Можно предположить, что Симеоново городище в Калуге получило название от одного из этих князей и возможно им основано, как пограничная крепость Новосильского княжества. Это предположение позволяет по новому взглянуть и на версию о необъяснимом сейчас переселении калужан с р. Калужки. Жители поселения на Калужке могли быть переселены в Симеоново городище распоряжением, основавшего его Новосильского князя одного из Симеонов. В связи с фактом принадлежности Калуги к Новосильскому княжеству полностью отпадает, бытующая сейчас среди отдельных краеведов мнение об основании города Московским князем Симеоном Гордым, так как Калуга попала в сферу влияния Великого княжества Московского только после похода московского войска на Брянск в 1369—1370 гг, т. е. после смерти Симеона Гордого. Московские дружины при походе на Брянск не могли оставить в своем тылу Калугу не изгнав из нее союзника и родственника Ольгерда Ивана Новосильского. Изложенное позволяет утверждать, что Калуга возникла гораздо раньше отмечаемой сейчас даты и официально взять в качестве первого упоминания о Калуге год 1370 — год освобождения Калуги от литовских пособников войсками Великого Московского князя Дмитрия Ивановича Донского, а также рассматривать в качестве ее основателя одного из Новосильских князей по имени Симеон.

При этом ни в одном из источников нет упоминания о присутствии в Калуге литовских войск как предполагают ряд краеведов, в отличии от расположенного неподалеку от нее Любутска.

По мнению автора, основание Калуги конкретным историческим лицом — спорно. Название Симеонова городище скорее всего надо связывать с именем первого и единственного Калужского князя Симеона Ивановича — сына Ивана III, получившего от отца по завещанию Калугу и сделавшего ее главным городом своих владений.

Литература

1. *Прошкин О. Л.* Древнерусские памятники и отдельные находки на территории Калуги // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. — Калуга, 2000. — С. 19—21.

2. *Грудинкин Б. В., Ткаченко В. А.* Монетные находки с торговой пристани г. Калуги // Калуга в шести веках. — С. 27—97.

3. Русская историческая библиотека. — Т. VI. — 2-е изд. — Прилож. — Стб. — С. 136, 138.
4. *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XII—XV вв. — С. 117.
5. *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. — М., 1980. — С. 50—51.
6. Славянская энциклопедия: Киевская Русь — Московия. — Т. II. — М.: Олма-Пресс, 2005. — С. 261.

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ СВЯЩЕННОМУЧЕНИК КУКША

***В. А. Бессонов**, к. и. н.,*
заместитель министра культуры и туризма Калужской области

Окончательная потеря вятичами политической независимости и возникновение черниговской волости «Вятичи» произошло в результате политической деятельности и военных походов князя Владимира Мономаха. Он правил Черниговским княжеством в 1076—1077 и 1078—1094 гг., и в начале 1080-х гг. ходил с войском «по две зиме на Ходоту и на сына его»[1]. С конца XI в. в земле вятичей активизируется процесс создания вотчинных княжеских хозяйств, разрушавший существовавшую до этого времени определенную политическую и экономическую независимость вятичей от киевской власти. Полноценное вхождение в Киевскую Русь и утрата сложившейся ранее самобытности стало лишь делом времени. Но на этом пути было одно препятствие, которое после военных побед и политических успехов, проявилось с особой остротой — приверженность вятичей к язычеству. О силе языческих традиций в земле вятичей мы находим сообщение в «Повести временных лет». Создававший ее в конце XI в. летописец, описав языческие обряды славянских племен, населявших издревле русскую землю, особо подчеркнул, что древний обычай сжигать мертвых «творят Вятичи и ныне»[2].

Тем самым проповедь веры Христовой и борьба с язычеством в земле вятичей в конце XI — начале XII в. стали насущной политической задачей, без решения которой не могло совершиться окончательное вхождение вятичей в Киевскую Русь.

Именно к этому времени и относится проповеднический подвиг священномученика Кукши, приведшего вятичей-язычников к христианской вере. Деятельность «блаженного черноризца» Киево-Печерского монастыря, соединившего на духовном уровне существовавших обособленно жителей земли вятичей с другими славянскими племенами Киевской Руси, была приравнена потомками к Апостольскому служению. Так, известный богослов и исследователь Л. А. Кавелин (иеромонах Леонид) в труде «История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи», подготовленном к маю 1860 г., писал: «Запечатлев свою Божественную проповедь многими чудесами и наконец страдальческою кончиною, священномученик Кукша, по справедливости, заслужил название Апостола этой страны. Великость свершенного им подвига затмила в памяти современников прежние не столько благоплодные усилия, и близкие к тому времени Летописцы, благоговея пред памятью святого мученика, отнесли к его лицу всю честь обращения суровых Витязей»[3].

Несмотря на продолжающееся уже девять столетий почитание Православной церковью преподобного Кукши, сведения об Апостоле земли вятичей и его служении крайне скудны. Строго говоря, сохранился лишь один источник информации, это — Киево-Печерский патерик. В его основу было положено два повествования о печерских чудотворцах, написанные в первой половине XIII в. Составителем первого был епископ Симон, постриженик Киево-Печерского монастыря. В «Послании смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому» содержались описания подвигов одиннадцати печерских угодников. Среди них был и священномученик Кукша. Вторым было послание Поликарпа о «блаженных братиях наших» к Акиндину, архимандриту Печерского монастыря. Кроме этих повествований Патерик включал в себя различные сказания, дополнявшие рассказы о чудотворцах[4].

Современные исследователи уникального памятника древнерусской культуры, анализируя сохранившиеся списки Патерика, приходят к выводу, что его первоначальная, протографическая редакция до наших дней не дошла. Более того, многообразие вариантов компоновки частей и воспроизведения текстов крайне затрудняют классификацию списков, большинство из которых могут считаться уникальными. Между тем, сегодня, на основании наиболее значимых признаков, с определенной степенью условности, выделяются составленные в XV в. Арсеньевская (1406), Основная, Феодосиевская, Кассиановские первая и вторая (1462) редакции[5]. При этом важно отметить, что время появления редакции не определяет ее близости к протографу, то есть здесь не действует формула: чем древнее редакция, тем она точнее воспроизводит первоисточник[6]. Так, именно поздняя Кассиановская вторая редакция получила впоследствии широкое распространение и легла в основу тиражированных типографским способом изданий. Это говорит о том, что православная традиция именно этот вариант изложения Патерика признала наиболее близким к его первоначальному образцу.

Первой кириллической и самой знаменитой стала печатная редакция Патерика, подготовленная иноками монастыря по повелению и благословлению настоятеля, архимандрита Инокентия (Гизеля). Отредактированный текст Кассиановской второй редакции Патерика, снабженный гравюрами, иллюстрирующими жития печерских святых, был впервые издан в Киеве в 1661 г.

Из последовавших затем публикаций особо следует отметить Патерик, напечатанный «первым тиснением» в Москве в 1759 г., который фактически стал канонической публикацией Русской Православной Церкви. В основе его лежал Патерик, изданный в 1702 г. в Киево-Печерской лавре[7].

Во все списки и издания Патерика вошел рассказ о священномученике Кукше, приведенный в послании епископа Симона печерскому монаху Поликарпу. Создание этого послания исследователи относят к 1225—1226 гг.[8] Во всех редакциях Патерика приводится одна и та же краткая, напоминающая поминальную, запись о чудесах Кукши, имеющая в разных редакциях незначительные текстологические отличия. Наиболее существенным является встречающееся искажение имени святого в ранней Арсеньевской редакции, созданной епископом Тверским Арсением (оригиналом считается Берсеньевский список 1406 г.). В этой, стоящей особняком, редакции имя Кукши написано как Купша (в списках, наряду с этим написанием встречается и вариант — Коупша)[9]. В данном случае, надо полагать, мы имеем дело с небрежностью составителя, который не придавал значения точности воспроизведения текста имевшегося в его распоряжении более раннего списка и допустил ошибку в написании имени Кукши. Впрочем, он исказил и имя Пимена постника, назвав его «Пумин блаженный постник». Ряд исследователей, отдавая предпочтение Арсеньевской редакции, полагают, что просветителя вятичей звали именно Купша, при этом они обходят молчанием то обстоятельство, что если следовать выбранной логике, то и имя блаженного постника вовсе не Пимен, а Пумин[10].

В пользу того, что Арсеньевская редакция дала неверное имя преподобного, свидетельствует устойчивая в Православной церкви традиция почитания именно святого Кукши. Неоспоримость имени печерского чудотворца подтверждается и тем, что в 1931 г. в Киево-Печерской лавре монах Ксенофонт (Преподобный Кукша Одесский, в миру К. К. Величко) был пострижен в схиму с именем Кукша, в честь древнерусского священномученика.

Определенная небрежность, допущенная при составлении Арсеньевской редакции, косвенно подтверждается и отличным от других редакций заглавием. Вместо названия «О святом священномученике Кукше и о Пимене постнике» в Арсеньевской редакции значится «О Купше и Никоне». Последнее имя, без каких либо оснований, заменило имя Пимена. Возможно, составитель ошибочно заимствовал имя «Никон» из предыдущего повествования о черноризце Никоне[11].

Вместе с тем, появление имени Никона в рассказе о Кукше по Арсеньевской редакции в последующее время дало повод сопоставить его с безымянным, согласно всем, включая и Арсеньевскую, редакциям, учеником преподобного. Так, иеромонах Леонид в работе «История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи» ци-

тируя «Послание Симона к Поликарпу (из рукоп[исного] Патерика)» пишет, что Кукша «после многих мук убит был с учеником своим Никоном»[12]. Эта публикация известного исследователя создала в литературе устойчивую традицию именовать ученика священномученика Никоном, которая, несмотря на отсутствие каких-либо оснований (кроме ошибки, допущенной в названии в Арсеньевской редакции Патерика) продолжается до сегодняшнего дня[13].

В качестве примера распространения искаженной версии рассказа о преподобных Кукше и Пимене можно привести статью известного исследователя Калужской земли В. М. Кашкарова «Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии»[14]. Рассматривая апостольский подвиг Кукши, автор приводит запись из Патерика абсолютно идентичную публикации иеромонаха Леонида, в которой показано имя ученика святого. При этом, не указывая цитируемый источник, Кашкаров дает ссылку на два издания Патерика. Одна из этих ссылок выглядит следующим образом: «Викторов. Киево-Печерский Патерик, стр. 39—40». В действительности речь идет об издании Патерика в переложении на русский язык, выполненном Марией Викторовой по Кассиановской второй редакции. В этой книге, действительно, на странице 39 имеется запись о святых Кукше и Пимене, которая текстуально не совпадает с приведенной Кашкаровым цитатой и в ней отсутствует имя ученика священномученика, а говорится лишь, что «Многия мучения перенес он (Кукша. — *В. Б.*) от неверных, и наконец убит был с учеником своим»[15].

Итак, согласно наиболее распространенной Кассиановской второй редакции Киево-Печерского Патерика, епископ Симон, укрепляя в вере черноризца Поликарпа, пишет ему, что печерские монахи «начальников и наставников имамы, равны бесплотнымъ, пръвыа же молитвеникы и ходатаа ко Творьцю, подобъна бо суть Ангеломъ и мученичьскими увязени венци». В подтверждение своего заключения епископ Симон напоминает Поликарпу о священномученике Кукше и Пимене постнике. «Волею, — пишет он, — како премину сего блаженаго и священномученика, того же монастыря Печерьскаго черноризца Кукшу? Его же вси изведают, како бесы прогна, и Вятичи крести, и дождь с небеси сведе, и езеро изсуши, и многа чюдеса сътворивъ. И по многых муках усеченъ бысть съ ученикомъ своимъ. С нима и Пиминь блаженныи постникъ въ единь день скончася, проуведевь свое отхождение къ Господу прежде двою лету, и многа ина пророчествовавъ, недужныа исцеливъ и посреди церкви велегласно рекъ: "Братъ нашъ Кукша противу свету убиенъ бысть". И то рекъ, преставися въ единь часъ с тема святыма»[16].

Несколько измененную версию рассказа о подвигах священномученика Куши и Пимена постника, восходящую ко второй половине XVII в., можно встретить в Киево-Печерском Патерике, изданном в 1759 г. в Москве. Заглавие этого повествования выглядит следующим образом: «Мясяца августа, кз̑ [27] дня. Житие преподобных отцов наших Кукши священномученика, от неверных оусеченнаго, и Пимена постника Прозорливаго».

«Не подобает, — говорится в Патерике, — глаголати много, идеже дела свидетельствуют ясно, яко и о сих блаженных.

Блаженный [бо] священномученик, нарицаемый Кукша, един от отец святого Печерского монастыря, всем знаем бе, зане Вятчан людей неверствием помраченных крести, и многих верою просвети.

Многа же и велика чудеса сотвори, бесы прогна, дождь с несбесе сведе, езеро изсуши, и ина различна оудивителная знамения последоваша ему.

Таже по многих муках от неверных оусечен бысть со оучеником своим.

В тоже время блаженный Пимен постник в том Печерском святом монастыре подвизашеся Богоугодно. Иже великого ради своего пощения и трудва прия от Бога дарование толикое. Яко просияти ему не токмо исцелением недужных, но и прозрением грядущих, и отстоящих далече, безвестных же и тайных: ибо многих болящих чудотворно исцелив, и многая пророчествовав, проуведе отшествие свое ко Господу прежде двух лет.

Таже прозрев оусечение блаженнаго Кукши отстоящаго далече, посреди церкве Печерския всегласно возопи: брат наш Кукша в сей день противо света оубиен есть.

И сия рек, преставися во един день с Кукшею святым и оучеником его.

И тако трие купно восприяша радования тричисленна, ихже око не виде, и оухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, иаже оуготова любящым его Бог в Троице, емуже слава, иныне и присно, и во веки веков, аминь»[17].

Последняя фраза обращает читателя ко 2 главе Первого послания к коринфянам святого апостола Павла, в котором он отмечал, что «слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией». И говоря далее о тайной и сокровенной премудрости Божией, «которой никто из властей века сего не познал», воспроизводит слова из Книги Пророка Исаии (Ис. 64: 4): «Но как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»[18]. В таком завершении Жития, возможно, заключалось не только стремление редактора Патерика напомнить читателям о неизреченности путей Господних, но и желание провести определенную параллель с апостолом Павлом, проповедовавшим среди язычников.

Аналогичный опубликованному в 1759 г. в Киево-Печерском Патерике текст Жития священномученика Кукши и Пимена постника был представлен в Четьи-Минеях митрополита Дмитрия Ростовского (Д. С. Туптало), подготовленных в конце XVII — начале XVIII в.[19] Он был повторен и архимандритом Игнатием (И. В. Малышев) в изданной в 1875 г. в Санкт-Петербурге книге «Краткие жизнеописания русских святых»[20]. Тем самым, появившийся во второй половине XVII в. вариант изложения подвига преподобных стал общепризнанным в Русской Православной Церкви. При этом следует отметить, что именно в этот период времени Московский Патриархат возобновил общероссийское почитание Киево-Печерских чудотворцев Кукши и Пимена. По крайней мере имен этих святых мы не найдем в Четьи-Минеях XVI в., составленных под руководством Новгородского архиепископа Макария[21].

По всей видимости, апостольский подвиг священномученика Кукши был на определенное время забыт потомками тех, кого крестил печерский черноризец. В первой четверти XIII в. епископ Симон пишет о Кукше, как о святом, чьи деяния всем хорошо известны. «Волею, како премину сего блаженаго и священномученика, того же монастыря Печерьскаго черноризца Кукшу? Его же вси изведают». Данная фраза в тексте Патерика прямо указывает на наличие в это время широкодоступной подробной информации о подвиге преподобного. Его житие могло существовать в виде устного предания или было положено на бумагу (что вполне вероятно). В любом случае Симон в рассказе о Кукше не счел необходимым воспроизводить детали его подвига, ограничившись лишь кратким перечислением чудес, особо отметив, что все подробности служения священномученика и так хорошо известны. Но прошло время, и апостольский подвиг Кукши оказался в забвении. Из памяти людей исчезли все подробности жития, и лишь краткая запись Киево-Печерского Патерика хранила имя святого. При этом, в XVI в. в Русском царстве, в состав которого входила крещенная Кукшей земля вятичей, имя преподобного даже не упоминалось среди почитаемых святых. Такое положение, возможно, возникло в следствие татаро-монгольского нашествия 1237—1240 гг. и распада Киевской Руси, когда были утрачены не только политические и экономические, но и духовные связи между русскими землями. Спустя четыре века, когда вернулось общероссийское почитание священномученика Кукши, все широко известные во времена епископа Симона подробности жития были безвозвратно утрачены и единственным источником описания его подвига стала запись из Киево-Печерского Патерика.

Пожалуй, лишь один штрих от существовавшего, по свидетельству Симона, обширного предания о Кукше, сохранился в памяти монахов Киево-Печерского монастыря: то, что монашеское имя Кукши было Иоанн[22].

Следовательно, до наших дней только Киево-Печерский патерик сохранил нам заслуживающие доверия сведения о подвиге священномученика Кукши. Встречающиеся в литературе подробности служения преподобного происходят от домысливания этого образа в конце XIX — начале XX в. В это время почитание печерского черноризца особенно активно происходило на Орловской земле, где 27 августа (по старому стилю) 1913 г., при

участии великой княгини Елизаветы Федоровны, прошли торжества, посвященные 800-летию мученической кончины преподобного священномученика Кукши. По местному преданию он вместе со своим учеником был убит недалеко от Мценска, у святого колодца, расположенного рядом с деревней Карандакова. Созданные тогда описания апостольского подвига святого помимо Патерика базировались на местных преданиях и интуитивных допущениях, не имевших в своей основе каких-либо исторических источников. Подобная тенденция свободного, не обремененного критикой источников, выстраивания жития преподобного Кукши сохраняется в литературе и сегодня[23].

Обращаясь к единственному источнику о подвиге священномученика Кукши — Киево-Печерскому патерику, точнее к повествованию епископа Симона о святых Печерского монастыря, видим, что в самых первых фразах Кукша, как и Пимен, назван блаженным, то есть подвижником, ради служения Христу отказавшимся от всего житейского. Кроме того, о Кукше сказано, что он был священномучеником, то есть монахом, рукоположенным в сан священника и получившим благодать совершать таинства.

Эти уточнения подчеркивали готовность печерского черноризца к активной проповеднической деятельности. Кукша, как апостолы, ученики Иисуса Христа, был духовно подготовлен следовать слову воскресшего Сына Божия и идти учить народы, «крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19). Служа в Киево-Печерском монастыре, он достиг блаженства и обрел благодать, которые не позволяли ему усомниться в словах Христа: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16: 17—18)[24].

Апостольский подвиг печерского черноризца в земле вятичей, вероятно, не был случайностью. На это косвенно указывает необычность его имени[25], позволяющая высказать предположение о происхождении святого. Иеромонах Леонид (Кавелин) по этому поводу писал следующее: «Откуда родом был священномученик Кукша? Сохранение при нем языческого имени, вероятно, в отличие от других своих собратий по обители, дает разуметь, что он был иноплеменник и, по всем вероятиям, из Вятичей». «Можно полагать, — продолжает иеромонах Леонид, — что он сам принадлежал к одному из семейств тех “лучших мужей” из племени Вятичей, которыми св. Владимир еще в 990 году заселил свои пограничные города по рекам Десне, Осетру, Трубежу, Суле и Стугне, по словам летописца “во всех тех городах благочестие утверждая”, или принадлежал к роду тех Вятчан, которые приняли святое крещение, когда по свидетельству современника, “крестилась вся земля Русская от конца и до конца… вся земля Русская усердием Святого Князя, была исторгнута из уст диавола и приведена к Богу”»[26]

О происхождении Кукши в литературе можно встретить еще одну, художественно-романтическую, версию. В ней высказывается предположение, что священномученик был знатного рода и являлся плененным сыном вождя вятичей Ходоты, с которым боролся Владимир Мономах. Князь «отвез его в Киев, обратил в христианство и постриг в монахи, лишив вятичей наследственного вождя»[27].

Можно констатировать, что отсутствие каких-либо источников делает невозможным проникнуть в тайну происхождения святого. При этом предположение о том, что священномученик являлся выходцем из земли вятичей не лишено смысла. Необычное для черноризца имя сохранилось за ним несмотря на то, что, согласно монастырскому преданию, в монашестве он получил соответствующее сану имя Иоанн. Такое отступление от традиций всецело было принято братией Киево-Печерского монастыря. Закрепление за святым языческого имени Кукша, зафиксированное епископом Симоном в послании Поликарпу, возможно, служило напоминанием о связи священномученика с местом, в котором он совершил апостольский подвиг.

Вполне возможно, что вятичские корни могли стать причиной направления Кукши в знакомую ему землю язычников. С другой стороны знание местности, обычаев, уклада, диалекта и других особенностей жизни вятичей должны были способствовать более эффективному достижению главной цели — донести во всей полноте и силе Слово Божие, способное пролить свет на пребывающую еще во тьме язычества часть русской земли.

Сравнивая рукописные тексты Патерика и публикации второй половины XVII в., нельзя не заметить, что при единстве содержания мы имеет разные формы изложения жития святых Кукши и Пимена. Все ранние редакции послания епископа Симона ограничиваются перечислением того, что совершил Кукша. При этом не совсем понятно, в каком месте совершались чудеса — в земле вятичей или вне ее, и в какой последовательности указаны деяния — по хронологии свершения или нет. Подобные вопросы не возникли бы, если бы до наших дней дошло то предание о Кукше, которое было хорошо известно современникам Симона и ему самому. Можно предположить, что епископ расположил духовные подвиги не в порядке их свершения, а по значимости данных Богом проповеднику способностей: борьба с дьяволом, спасение душ через крещение, возможность управлять природой для подкрепления маловерных и обращения их к Христу.

Более точно акценты были расставлены в публикациях второй половины XVII в. Число совершенных святым Кукшей подвигов осталось прежним, но изменилась их последовательность. На первый план выступает крещение язычников, как главное служение святого: «Вятчан людей неверствием помраченных крести, и многих верою просвети». Затем, в качестве иллюстрации служения в земле вятичей указывается, что Кукша «многа же и велика чудеса сотвори, бесы прогна, дождь с несбесе сведе, езеро изсуши, и ина различна оудивителная знамения последоваша ему». Приоритет апостольского служения для составителей печатного Патерика был очевиден. Поэтому в повествовании они ушли от расположения подвигов по духовной значимости и перестроили последовательность изложения деяний, разбив их на две части. Главным стало крещение вятичей, а многие чудеса, которые, безусловно, способствовали распространению Христианства, оказались на втором плане.

Исходя из этой логики, основанной, возможно, на имевшихся еще во второй половине XVII в. отголосках утраченного предания о Кукше, следует, что непосредственно крещению предшествовал ряд чудес, наставивших язычников на путь Света и Истины, укреплявших их веру. Попытка понять эти чудеса возможна лишь при обращении к житиям святых, прославившихся апостольским служением, чьи подвиги, по аналогии, могут пролить свет на «зашифрованный» епископом Симоном рассказ о Кукше[28].

Перовым в цепи совершенных священномучеником чудес стоит борьба с бесовскими силами, покровительствовавшими язычникам. Использование множественного числа в фразе «бесы прогна» позволяет предположить, что Кукше противостояло несколько злых духов. Следует обратить внимание, что святой не изгонял, а прогонял бесов. Такая форма глагола позволяет говорить о присутствии злой силы не в человеке, а в каком-то месте. Например, святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, проповедуя на острове Патмос, именем Христа прогнал трех злых духов, помогавших волхву Кинопсу. Так же он поступил с духом в образе волка, требовавшим человеческих жертв, и с духом, жившим в бане, который удавил сына жреца Зевса. Священномученик Антипа, пришедший в «жилище сатаны» — малоазийский город Пергам, прогнал своим появлением живших в языческих идолах бесов.

Возможно, говоря о прогнании Кукщей бесов, епископ Симон имел в виду поразившее многих язычников знамение, аналогичное тому, которое совершил святой Панкратий Тавроменийский. Он был направлен апостолами Петром и Павлом епископом в сицилийский город Тавромению. Когда Панкратий прибыл к городу, «то бесы, пребывавшие в тамошних идолах, пришли в смятение и кумиры, пораженные прибытием Панкратия, начали падать и разбивались в дребезги. А там были очень уважаемые у еллинов боги: Фалькон, Лисипп и Скамандрон, которым был посвящен храм, стоявший на высоком холме на самом берегу моря. Лишь только святый Панкратий подошел к этому храму, как он тотчас же растрескался и, как бы от страшного сотрясения, упал в море со всеми идолами. Среди народа произошло тогда большое смятение»[29]. Это чудо стало первым шагом Панкратия на пути обращения жителей города к вере Христовой.

Подобным образом Кукша мог прогнать бесов с какого-то священного для вятичей-язычников места, разрушив его, и этим зримо продемонстрировать силу Христа над мнимыми богами. Вероятно, для достижения этой же цели священномученик и «дождь с несбесе сведе». Следует отметить, что в житиях проповедников Слова Божия внезапное по-

явление дождя обычно связано с тушением огня, в котором язычники пытаются сжечь святых. Так, мрак, землетрясение, дождь и град не позволили истребить огнем тело апостола и евангелиста Марка; сильный дождь со снегом погасил пламя костра, в который был брошен священномученик Евтихий; проливной дождь с сильным градом спас от сожжения святую первомученицу, равноапостольную Феклу. В другом, более подходящем житию Кукше, варианте дождь выступает в качестве силы, останавливающей жертвоприношение и разрушающей языческое капище. Речь идет о деяниях святой равноапостольной Нины. Достигнув главного города Иверии Мцхета, святая стала в день Преображения Господня свидетельницей поклонения идолу, называвшемуся Армазом. Во время приношения кровавой жертвы Нина обратилась с молитвой к Господу, чтобы он избавил души людей от власти князя тьмы. «Еще не окончила святая сей молитвы, как вдруг грозовые тучи поднялись с запада и быстро понеслись по течению реки Куры. Заметив опасность, царь и народ обратились в бегство; Нина же укрылась в ущелье скалы. Туча с громом и молниями разразилась над тем местом, где стоял идольский жертвенник. Гордо возвышавшиеся ранее идолы были разбиты в прах, стены капища были разрушены в прах, при чем дождевые потоки низвергли их в пропасть, а воды реки унесли их вниз по течению; от идолов и от посвященного им капища не осталось, таким образом, и следа»[30].

Чудесное разрушение по Слову Божию языческих святилищ вполне могло сопровождать проповедь Кукши в земле вятичей. Сомнение в силе поверженных богов безусловно способствовало массовому обращению язычников в Христианство. Совершаемые Кукшей знамения были направлены во благо вятичей и должны были подвигать людей к крещению и спасению души. Не может быть сомнения, что когда святой «езеро изсуши», то он делал это, преследуя единственную цель — спасти ближних. Исходя из этого, можно предположить, что совершенное Кукшей знамение было сродни сотворенному Христом чуду на озере Геннисаретском. Тогда Иисус учил собравшийся на берегу озера народ, а когда закончил учение, сказал Симону Петру, чтобы тот отплыл на глубину и закинул сети. Выразив сомнение в результате, Симон все-таки выполнил указание и поймал великое множество рыбы. Это чудо не только обеспечило людей пищей, но, самое главное, заставило утвердиться сомневающихся в том, что перед ними Господь (Лк. 5: 1—11)[31]. Подобным образом, иссушая озеро, Кукша мог помочь вятичам, нуждавшимся в еде, и, одновременно, заставить их поверить в силу Христа. При этом, вполне возможно, что само озеро в веровании язычников было наполнено сакральным смыслом. Поэтому, как и в других знамениях, иссушение озера по Слову Божию, должно было способствовать разрушению сформировавшихся веками языческих верований[32].

Сотворенные Кукшей чудеса и «ина различна оудивителная знамения последоваша ему» привели, в конечном итоге, к крещению вятичей. Об этом подвиге Патерики говорят по-разному. В ранних рукописях зафиксирована краткая формула — «Вятичи крести», в то время, как в печатных изданиях, начиная со второй половины XVII в., содержится более пространная запись — «Вятчан людей неверствием помраченных крести, и многих верою просвети». Несмотря на разную форму изложения, оба варианта записи выражают единую мысль — проповедь Кукши привела к массовому крещению вятичей, после которого процесс Христианизации земли стал необратимым. Сам факт массового крещения, по всей видимости, следует принимать не абстрактно, а вполне конкретно. То есть единовременно значительное число язычников приняло Христианскую веру. Таинство крещения большой массы вятичей, по традиции, должно было проводиться в реке.

При этом массовое крещение возможно было только в том случае, если свою проповедь, сопровождаемую чудесами, Кукша осуществлял в густонаселенном месте, вблизи крупного города. Данный вывод не противоречит деяниям апостолов и равных им святых, которые свой проповеднический подвиг, в основном, совершали в городах. Отсюда, укрепившаяся в людях вера распространялась в малонаселенную сельскую местность. Подобным образом, вне всякого сомнения, действовал и печерский черноризец, следовавший путем апостольского служения, иначе современники не назвали бы его крестителем вятичей.

Среди известных вятических городов наиболее подходящим для массового крещения язычников является город Серенск, располагавшийся на реке Серене. Этот крупный, хорошо защищенный населенный пункт, бывший административным, торговым и ремесленным центром, находился в «сердце» земли вятичей. Его расцвет, судя по археологическим находкам, относится к IX — первой четверти XIII в., что косвенно подтверждает возможность активной проповеднической деятельности Кукши именно в этом, наиболее заселенном и наименее консервативном (благодаря внешним торговым связям) месте.

Более того, в своей статье «Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии», увидевшей свет в 1903 г., Кашкаров, касаясь границ проповеднической деятельности священномученика и места его гибели, указал на то, что «народное предание в Калужской губернии настойчиво указывает, как на место смерти св. Кукши, окрестности Серенска. Здесь некогда простирался дремучий Серенский лес. Последнее предание имеет за собою более вероятия»[33]. Этот «слабый» голос исследователя, радеющего за историческую правду, так и не был услышан в начале XX в., когда в Орловской епархии широко разворачивалось почитание священномученика Кукши.

К мнению Кашкарова во второй половине XX в. присоединились представители академической науки. Так, в историко-географическом исследовании, посвященном образованию древнерусского государства, изданном в 1951 г., А. Н. Насонов писал, что Кукша «был убит, согласно преданию, в районе Серенска; о его насильственной смерти в земле вятичей (в 1110 г.?) знаем достоверно»[34]. В 1976 г. Н. Г. Недошивина в статье «О религиозных представлениях вятичей в XI—XIII вв.», касаясь распространения Христианства, отметила: «В начале XII в. в районе вятичского г. Серенска был убит монах Киево-Печерского монастыря Кукша за проповедь христианства»[35]. О смерти Кукши под Серенском от рук язычников сообщала Т. Н. Никольская в одном из примечаний в тексте книги «Земля вятичей»[36]. В монографии «Русская Церковь в IX — первой трети XII в.» О. М. Рапов писал: «Что касается Кукши и его ученика, убитых во время их миссионерской деятельности у вятичей, то их смерть наступила не в середине XII в., а где-то на рубеже XI и XII вв. Гибель Кукши произошла в районе вятического города Серенска»[37].

Из текста Патерика следует, что достигнутые проповедником Кукшей успехи в крещении язычников стали причиной его гибели. Повествуя о смерти святого, епископ Симон пишет, что Кукша «по многых муках усеченъ бысть съ ученикомъ своимъ». В печатном варианте Патерика уточняется, что муки эти последовали «от неверных». Следовательно, убийство блаженного черноризца и его ученика было совершено язычниками, видевшими в деятельности проповедника прямую угрозу утраты сложившихся среди вятичей верований и стремившимися любой ценой попытаться остановить процесс христианизации. Вполне вероятно, что Кукша и его последователь приняли смерть от рук жрецов, которые предварительно подвергли свои жертвы мучениям. Характер их остается неизвестным, но вполне определенно можно указать причину смерти священномученика.

Слово «усечение» традиционно трактуется как отсечение головы. Именно такое изображение казни с подписью «С[вя]тый Кукша усечен со оуч[е]ником» было помещено на гравюре Патерика изданного в 1661 г. При этом нетленные мощи священномученика Кукши, доставленные в Киево-Печерский монастырь, были положены в Антониевой пещере — своеобразном пантеоне наиболее заслуженных иноков обители.

Проведенные в первой половине XX в. исследования мощей преподобного Кукши показали, что на его черепе читается «линейный вруб в области правой теменной кости, который имеет щелевидную форму — от острого рубящего предмета. Это повреждение не сопровождается признаками костной регенерации. Таким образом, вероятно, оно и было причиной смерти»[38]. Следовательно, Кукша был убит ударом по голове, нанесенным, вероятно, холодным оружием (мечом или топором), с правой стороны.

Согласно повествованию Патерика, одновременно с Кукшей и его учеником в Киево-Печерском монастыре скончался блаженный Пимен постник, прославившийся чудесами исцеления и имевший дар предвидения. Так, за два года до кончины он предсказал «свое отхождение къ Господу». В день мученической смерти печерского инока с учеником Пимен встал в середине церкви и объявил всем собравшимся там, что брат Кукша на рассвете убит. Сказав это, он умер «въ единь часъ с тема святыма», как значится в рукописных посланиях епископ Симона (в печатном варианте Патерика Пимен преставился в один день с Кукшей и учеником его).

Кроме рассказа о Кукше Пимен постник упоминается в Патерике в послании Поликарпа, который рассказывает о житие Никиты Затворника. Пимен, в числе других чудотворцев, во времена игуменства Никона участвовал в исцелении прельщенного инока. Следовательно, это событие могло произойти в период 1078—1088 гг., когда Никон был игуменом монастыря. Данное свидетельство позволяет установить хронологические рамки жизни святых Кукши и Пимена, которые примерено относятся к середине XI — первой четверти XII в.

Можно констатировать, что убийство Кукши и ученика было совершено тайно. Наличие к этому времени значительного числа вятичей-христиан и, главное, присутствие в этой части Черниговского княжества представителей администрации и дружинников не давали возможности приверженцам язычества совершить публичную казнь в каком-либо крупном населенном пункте. Скрытность убийства, обретение нетленного тела Кукши и повсеместное почитание его подвига, сложившееся среди современников и сохранившееся спустя сто лет, о чем свидетельствует повествование епископа Симона, позволяют предположить, что мученическая смерть проповедника оказала серьезное влияние на укрепление христианской веры.

Возможно, со священномучеником Кукшей произошло нечто подобного тому, что было с апостолом и евангелистом Матфеем. Проповедуя в конце своего жизненного пути в земле «чернокожих звероподобных» людоедов в городе Мирмене, Матфей достиг больших успехов, чем вызвал гнев властителя города Фульвиана. Последний пытался сжечь апостола, но этого ему сделать не удалось, более того, поставленные у костра золотые идолы молитвами святого были расплавлены. Несмотря на то, что Матфей в огне «предал святую свою душу в руце Божии», тело его оказалось нетронутым. Фульвиан, видя это чудо, решил утопить тело святого. Для этого «велел выковать железный ковчег, плотно залил со всех сторон оловом и бросил в море, причем сказал своим вельможам: “Если Тот, Кто сохранил Матфея целым от огня, сохранит его так же и от потопления в воде, то воистину Он есть Единый Бог, и Ему будем поклоняться, оставив всех богов наших, не могших себя избавить от гибели в огне”»[39]. Наутро железный ковчег с мощами апостола появился на берегу моря. Фульвиан раскаялся в содеянном, просил у святого прощения и принял Христианство. Он был крещен с именем Матфей и впоследствии стал епископом Эфиопской Церкви.

Исследование мощей печерских святых показало, что только мощи Кукши «были, кажется, обработаны какими-то жидкими составами либо находились во влажной среде, что, вероятно, связано с продолжительным перевезением его тела из земли вятичей в Киев»[40]. Как бы то ни было, выявление жидкости в мощах святого прямо указывает на нахождение тела в какой-то водной среде. Вероятно, убийцы Кукши, желая скрыть свое преступление и лишить возможности христиан-вятичей достойно проститься с останками проповедника, утопили тело Кукши и его ученика в реке. Однако, чудесным образом, мощи святого явились в совершенно непредсказуемом месте и были обретены последователями проповедника. Это знамение должно было еще больше укрепить в вятичах веру в Слово Божие и способствовать торжеству Христианства над язычеством. Обретение нетленных мощей, наряду с творимыми при жизни чудесами, могло способствовать скорому прославлению Кукши в сонме святых и обеспечило широкую известность проповеднического подвига печерского черноризца. Впоследствии мощи преподобного были доставлены в Киево-Печерский монастырь и помещены в пещеру, рядом с прославленными своим служением Богу иноками обители.

Итак, приведение вятичей в христианскую веру вело не только к спасению душ людей, находившихся во мраке язычества, но и решало политическую задачу, заключавшуюся в окончательном вхождении земли вятичей в состав Черниговского княжества Киевской Руси. Поэтому проповедническую деятельность Кукши нельзя рассматривать, как случайное явление. Вероятно, появление блаженного черноризца среди язычников было непосредственно связано с деятельностью святителя Феоктиста, игумена Киево-Печерского монастыря (с 1103 г.), ставшего в 1113 г. епископом Черниговским. Можно предположить, что епископ Феоктист, осознавая необходимость крещения вятичей и зная духовные способности их соплеменника Кукши, направил его нести Свет Христа в языческую землю.

Исходя из явной связи между посвящением в епископы Черниговские игумена Киево-Печерского монастыря Феоктиста и проповеднической деятельностью Кукши, составители «Жития Святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского» прокомментировали смерть преподобных следующим образом: «Кончина святого Кукши священномученика и Пимена постника последовала около 1113 г.»[41]. Именно это указание в начале XX в. стало основанием для празднования в 1913 г. 800-летия мученической кончины преподобного священномученика Кукши. В начале XXI в. Русская Православная Церковь отнесла это событие ко времени после 1114 г.[42] Причина «передатировки», по-видимому, оказалась связана с иным переводом даты вступления святителя Феоктиста на кафедру епископа Черниговского.

Согласно Ипатьевской летописи в лето 6620 «поставиша Феоктиста епископом Чернигову, игумена Печерьскаго, месяца генваря в 12 день, а посажен на стол в 19»[43]. При переводе даты от Сотворения мира по мартовскому стилю получается, что это событие произошло 12 января 1113 г. Именно эта датировка была использована в начале XX в. для определения времени проповеднической деятельности в земле вятичей Кукши и его мученической кончины.

В свою очередь Лаврентьевская летопись относит назначение Феоктиста епископом Черниговским к 11 января лета 6621[44]. Если переводить эту дату по мартовскому стилю, то получится 11 января 1114 г. Вероятно, этот расчет летописной даты и был использован для отнесения деяний и гибели Кукши в начале XXI в. ко времени после 1114 г. Вместе с тем, известно, что в Лаврентевской летописи в записях происходит чередование мартовского и ультрамартовского стилей. Согласно фундаментальному исследованию Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания» статьи 6619—6621 гг. Лаврентьевской летописи написаны по ультрамартовскому стилю[45]. Следовательно, назначение Феоктиста епископом Черниговским Лаврентьевская летопись относит к 11 января 1113 г. Как видно, сделанная в начале XXI в. «передатировка» мученической кончины преподобного Кукши выглядит не убедительной.

При этом следует заметить, что если обратиться к Новгородской первой летописи, то можно обнаружить, что Феоктист стал епископом Черниговским в лето 6622[46]. Исходя из написания данной летописи по мартовскому стилю, получаем отличный от рассмотренных выше летописей год — 1115. Такое изменение дат, по мнению Н. Г. Бережкова, не может быть объяснено применением разных стилей, а было вызвано другими причинами[47]. Что это были за причины: небрежность составителя или огрехи исходного списка — остается неизвестным. В любом случае, датировка записи Новгородской первой летописи о святителе Феоктисте вступает в противоречие с Ипатьевской и Ларентьевской летописями, и поэтому не может быть признана достоверной.

Что касается дня памяти святых Кукши и Пимена, то уже в печатных изданиях Патерика второй половины XVII в. указывалась дата — «месяца августа кз̑ [27] дня». Этот день, по юлианскому календарю (старому стилю), был днем памяти преподобного Пимена Великого. Поэтому, следуя церковной традиции, к нему отнесли поминовение и печерских святых Пимена постника и священномученика Кукшу, прославившего себя великим, равным апостольскому, подвигом — крещением язычников в земле вятичей.

Примечания

[1] Полное собрание русских летописей: Лаврентьевская летопись. — Т. 1. — Вып. 1. — Л., 1926. — С. 248; *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. — М., 2012. — С. 95—102.

[2] Полное собрание русских летописей: Лаврентьевская летопись. — С. 14.

[3] [*Кавелин Л. А.*] История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские Иерархи. — Калуга, 1876. С. 9; *Кавелин Л. А.* Церковно-историческое исследование о древней области Вятичей, входившей, с начала XV и до конца XVIII столетия, в состав Крутицкой и частью Суздальской Епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — Кн. 2. — М., 1862. — С. 9 (аналогичная фраза, но в конце вместо слова «Витязей» стоит — «Вятичей»).

[4] См.: *Серафима.* История Киево-Печерской лавры. XI — первая половина XIII в. — Киев, 2001. — С. 95, 96, 106, 107.

[5] См.: Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. С. I—II; *Конявская Е. Л.* Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика //Древняя Русь: Вопросы медиевистики. — 2006. — № 1. — С. 32—45.

[6] Такой подход можно встретить в следующих работах: *Карпов А. Ю.* Преподобный Кукша — просветитель вятичей. — М., 2001. — С. 17; *Шатохин В.* Свидетельства исторических источников о священномученике Кукше Печерском // Богословско-исторический сборник. — Калуга, 2016. — С. 127.

[7] См.: [Киево-Печерский Патерик]. — М., 1759.

[8] См.: *Серафима.* История Киево-Печерской лавры. — С. 96.

[9] См.: Арсеньевская редакция Киево-Печерского Патерика // Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 182; Патерик Печерский с избранными житиями на май: [Рукопись]: Составной. — [Б. м.], середина XV в., конец XV в., первая треть XVI в. — Л. 84 об. (Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304.1 № 712).

[10] См.: *Карпов А. Ю.* Преподобный Кукша — просветитель вятичей. — С. 17; *Шатохин В.* Свидетельства исторических источников о священномученике Кукше Печерском. — С. 128.

[11] См,: Арсеньевская редакция Киево-Печерского Патерика. — С. 182; *Карпов А. Ю.* Преподобный Кукша — просветитель вятичей. — С.18 (автор, указывая на ошибочность появления имени Никона в заглавии, не видит в написании имени Купша описки).

[12] [*Кавелин Л. А.*] История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские Иерархи. — С.10; *Кавелин Л. А.* Церковно-историческое исследование о древней области Вятичей, входившей, с начала XV и до конца XVIII столетия, в состав Крутицкой и частью Суздальской Епархии. — С. 9.

[13] Изложенные в вопросах и ответах жизнеописания Священномученика Кукши, Преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца, Преподобных Тихона и Лаврентия, Калужских Чудотворцев, Преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца, Св. Великомученника Георгия и Святых равноапостольных Мефодия и Кирилла. — Калуга, 1885. — С. 6; Слово в день памяти священномученика Кукши // Орловские Епархиальные ведомости. — 1905. — № 36. — С. 936; Святой Священномученик Кукша, Просветитель Вятичей // Калужский церковно-общественный вестник. — 1913. — № 25. — С. 7; *Ливцов В.* Апостол вятичей: К 900-летию мученической кончины св. Иоанна Кукши // Родина. — 2013. — № 11. — С. 127; *Метальникова Е. В.* Священномученик Кукша // Православный Христианин. — 2013. — № 7. — С. 29.

[14] См.: *Кашкаров В. М.* Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии // Калужская старина. — Калуга, 1903. — С. 14—16.

[15] Киево-Печерский Патерик по древним рукописям. — Киев, 1870. — С. 39.

[16] Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 81.

[17] [Киево-Печерский Патерик]. — М., 1759. — Л. 14 об., 203 об. — 204.

[18] Новый Завет. Псалтирь. — М., 2013. — С. 239.

[19] См.: Жития Святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского. — Кн. 12. — М., 1911. — С. 483—484..

[20] См.: Жития Святых земли Российской. — СПб., 2004. — С. 96—97.

[21] См.: Подробное оглавление Великих Четьих-Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Москвоской патриаршей (ныне синодальной) библиотеке. — М., 1892. — Ст. 437—438.

[22] См.: *Серафима.* История Киево-Печерской лавры. — С. 148.

[23] Орловские Епархиальные ведомости. — 1905. — № 36. — С. 933—940; Святой Священномученик Кукша, Просветитель Вятичей // Калужский церковно-общественный вестник. — 1913. — № 25. — С. 6—8; Паломничество Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в Орловскую и Калужскую губернии. — Н. Новгород, 2012. — С. 67—102; *Ливцов В.* Апостол вятичей. — С.127.

[24] Новый Завет. Псалтирь. — С. 47, 74.

[25] Этимология слова *кукша* не совсем ясна. Кукша или ронжа — называние птиц семейства врановых. Размерами и обликом кукша похожа на сойку. Слово *кукша*, предположительно, заимствовано из карельского языка (*kuukšo*). Возможно родство со словами *кукушка*, *кукнуть*. Другие значения слова *кукша* — «внутренности рыбы» («рыбьи потроха», «зоб налима» от финск. *kupsu* — «рыбий пузырь»); «шелуха», «скорлупа», «кожура на зернах, орехах, плодах». Кукшей также называют дурно, неопрятно, неуклюже одетую женщину (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 2. — СПб.; М., 1881. — С. 218; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — Т. 2. — М., 1986. — С. 408). Кроме того, в России несколько рек имеют название Кукша (например, приток реки Томи в Кемеровской области, приток реки Поной в Мурманской области).

[26] [*Кавелин Л. А.*] История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские Иерархи. — С. 10—12; *Кавелин Л. А.* Церковно-историческое исследование о древней области Вятичей, входившей, с начала XV и до конца XVIII столетия, в состав Крутицкой и частью Суздальской Епархии. — С. 10—12.

[27] *Ливцов В.* Апостол вятичей. — С. 127.

[28] См.: Жития святых славных и всехвальных апостолов. — М., 2012.

[29] Жития Святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского..— Кн. 11. — М., 1910. — С. 190.

[30] Там же. — Кн. 5. — М., 1906. — С.461.

[31] Новый Завет. Псалтирь. — С. 82—83.

[32] В ряде изданий, посвященных Кукше, высказывается мнение, что иссушение озера священномучеником могло произойти при обстоятельствах, аналогичных описанным в житие Григория чудотворца, епископа Неокесарийского (см. напр.: *Карпов А. Ю.* Преподобный Кукша — просветитель вятичей. — С. 28). Согласно этому житию два брата, получив по смерти отца наследство, не могли поделить озеро. У каждого из братьев были сторонники, готовые захватить озеро силой. Слова Григория, избранного судьей, о примирении не были услышаны и братья готовились утром начать борьбу за озеро. Всю ночь чудотворец молился о том, чтобы озеро высохло и земля стала удобной для обработки. И просимое Григорием чудо свершилось. «Таков, — говорится в житие, — был праведный суд, сотворенный Чудотворцем: где не могло быть мира между братьями, а предстояла брань, там уничтожил он самый повод к брани, иссушив озеро водное, чтобы не иссякла любовь братняя» (Жития Святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского..— Кн. 3. — М., 1905. — С. 456). Легко заметить, что описанное чудо помогло совершить епископу Неокесарийскому праведный суд и избежать кровопролития. Но, несмотря на определенную созвучность действий в отношении озера, это чудо, не связанное с проповеднической деятельностью, не может быть сопоставлено с апостольским служением Кукши.

[33] *Кашкаров В. М.* Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии. — С .16.

[34] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. — М., 1951. — С. 65

[35] *Недошивина Н. Г.* О религиозных представлениях вятичей в XI—XIII вв. // Средневековая Русь. — М., 1976. — С. 51.

[36] См.: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. — М., 1981. — С. 106.

[37] *Рапов О. М.* Русская Церковь в IX — первой трети XII в.: Принятие христианства. — М., 1988. — С. 344.

[38] *Колпаков В. М.* Дива печер лаврських. — Киев, 1997. — С.89.

[39] Жития Святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского..— Кн. 3. — С. 441.

[40] *Колпаков В. М.* Дива печер лаврських. — С. 91.

[41] Жития Святых, на русском языке изложенныя по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского..— Кн. 12. — С. 484.

[42] См.: Православный церковный календарь. 2014 год / Московская Патриархия Русской Православной Церкви. — М., 2014. — С. 61.

[43] Летопись по Ипатскому списку. — СПб., 1871. — С. 197.

[44] См.: Летопись по Лаврентиевскому списку. — СПб., 1872. — С. 275.

[45] См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. — М., 1963. С. 41—42.

[46] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 20.

[47] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. — С. 218—219.

ЗАХОРОНЕНИЕ ДОЧЕРИ ПОСЛЕДНЕГО ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

***П. П. Кутлер**, к. т. н., профессор-электроэнергетик, зав. каф. Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Природа рождает людей, жизнь их хоронит,
а история воскрешает, блуждая по их могилам.
В. О. Ключевский. 1900.

Цель моего сообщения — привлечь интерес туристов не только из России посетить Малоярославец, как город, до которого дошла армия Наполеона. Место, вспоминая которое адъютант Наполеона восклицает: «Помните ли вы это злосчастное поле, на котором остановилось завоевание мира, где двадцать лет побед рассыпались в прах, где началось

великое крушение нашего счастья? Представляете ли вы себе этот разрушенный и окровавленный город, эти глубокие овраги и леса, которые окружают высокую долину, образуя из нее как бы замкнутое поле?»[1] Там, где это поле окаймлено холмами и сегодня красуется церковь Покрова Богородицы погоста Каржа по названию речки, впадающей в р. Лужа чуть выше Малоярославца по течению. В ограде этой церкви захоронена дочка одного «из самых блестящих молодых людей Европы»[2] второй половины XVIII в. Он был в 1756—1758 гг. фаворитом великой княгини Екатерины Алексеевны, когда она еще была лишь женой наследника российского престола великого князя Федора Петровича. Затем не без помощи той же Екатерины, но уже императрицы Российской империи этот 32-летний граф стал надолго (1764—1795) королем Польши — Станиславом II Августом Понятовским (17.01.1732 — 17.02.1798, СПб). Узнав об этом факте в 1976 г. из уст моих дяди и тети, я, будучи членом КПСС и научным работником, как-то не очень поверил, что являюсь по одной из ветвей своего родословного дерева потомком (хотя и внебрачным, но генам это безразлично) польского короля. Начал разбираться. Увидел ссылки об этом в фундаментальном труде генеалогов о роде Кудрявцевых[3], о них же в лучшей дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Ефрона[4], у Лобанова-Ростовского[5] о роде Понятовских. Позже скопировал статью из уважаемого историками журнала XIX в.[6], которую в данной статье назовем «Записки Софьи». Затем изучил статью 1929 года известного специалиста по Калужской области С. В. Безсонова[7] об усадьбе в сельце Панском, где о жизни хозяйки усадьбы фактически повторяется информация вышеуказанных «Записок Софьи».

Эти «Записки» Софья 10 марта 1829 г., очевидно живя в Кибинцах у зятя, посвятила своей дочери Ольге Трощинской (1804 — до 1852), урожденной Кудрявцевой. Объем «Записок» небольшой — 11 страниц формата А4, но информации для родни и исследователей там много. В конце «Записок» она сообщает, что от старшего брата в 1805 г. узнала, «что меня маленьким ребенком отдали к ним на воспитание, что я ему не сестра, что он меня полагает дочерью несчастного Станислава, который будто секретно был обвенчан с одной благородного происхождения англичанкой, которая во время революции умерла, но что он детей своих скрытно воспитывал, зная мятежный дух народа и партии вельмож» (с. 130 «Записок»). Содержание «Записок» и лица там упомянутые будоражили мои интересы многие годы. Неужели пра…бабушка все сочинила? Кто такая Нарышкина? О ней сказано: «Случай меня познакомил с Нарышкиной, и я у нее была несколько раз; государь (Александр I) меня увидел — и я перестала к ней ездить[8]» (с. 123). Далее намеки на какие-то женские связи, очевидно с высокопоставленными лицами. Изучая жизнь своих предков по разным ветвям родословного своего дерева, я понял, что незаконнорожденных детей при дворе Романовых, да и правителей других стран, всегда было много. Нарышкина, как полька и в какой-то мере в детские годы с близкой к Софье судьбой, могла многое пояснить молодой и красивой Софье. Кстати, это меня, склонного все перепроверять, сильно насторожило. Как бы поточнее, «научно» доказать, что Софья — дочь польского короля? Ведь «знания» моих предков и предков Челищевых основаны только на этих «Записках» и, возможно, каких-то рассказах еще живой Софьи своим детям Кудрявцевым, а через них Кутлерам и Челищевым. Об анализе генов предки не знали, а нам как-то дороговато. А ведь низвергнутый в 1795 г. король с большим почетом был в 1798 г. первоначально захоронен в центральном костеле на Невском проспекте Санкт-Петербурга. А может быть он наш пра…дед?!

Надо искать портрет Софьи и другие легенды, которые могли быть сохранены в семьях наших родственников.

В предлагаемой ниже статье попытаюсь «оживить» некоторые лица и события прошедших времен, связанные с моими предками, о некоторых из них в «Записках» пишет Софья. А также показать (впервые) предполагаемый портрет этой «побочной дочери польского короля». Надеюсь, что калужские краеведы и экскурсоводы сумеют эту полулегендарную информацию использовать, когда к могиле дочери последнего польского короля проложат «туристическую тропу». Ниже не пересказываю «Записки Софьи», так как они подробно освещены в ныне доступных выше и нижеуказанных статьях. Сегодня легко эти записки «в подлиннике» получить из Интернета, не отрываясь от Вашего ком

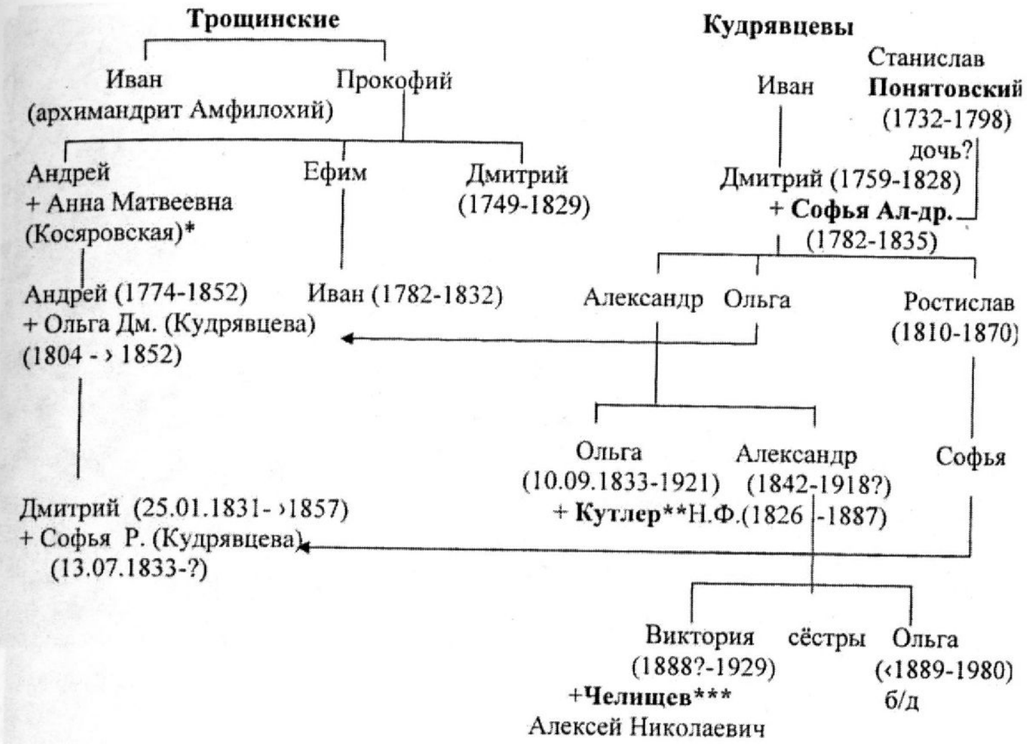


Рис. 1. Связи родов Трощинских, Кудрявцевых, Кутлеров, Челищевых (указаны не все представители этих родов в этих поколениях и ветвях): → — жены в роду Трощинских из рода Кудрявцевых; * — с полутора месяцев до 12 лет воспитывала мать Н. В. Гоголя; ** — прадед автора статьи; *** — дед Сергея Борисовича Челищева (моего 4-юродного брата).

пьютера. Буду цитировать только некоторые фразы для пояснения основного содержания предлагаемой статьи. Так как много лиц в моей статье будет из семейств Кудрявцевых, Трощинских, Косяровских, Челищевых и Кутлер, то для наглядности привожу на рис. 1 схему связи этих родов. На схеме символ + указывает на жену или мужа; вертикальные линии на детей, горизонтальные на братьев-сестер, стрелки переносят девиц в род мужа. Виктория — дочка младшего брата моей прабабушки (см. рис. 1) Александра Александровича Кудрявцева — вышла замуж за жителя г. Малоярославца Алексея Николаевича Челищева. Он отец автора книги[9] Челищева Бориса Алексеевича (1915—1996). Эту книгу подарил мне в 2004 году при нашей первой встрече его сын Сергей Борисович Челищев (р. 18.08.1941 в г. Горьком, ныне Н. Новгород), с которым я поддерживаю электронную связь. Данные по Челищевым взяты из этой книги воспоминаний. Виктория и Челищевы жили в усадьбе Панское до 1918 г., хотя владельцем усадьбы был еще отец Виктории, который около 1918 г. скончался.

В нескольких метрах от бокового входа в церковь Покрова Богородицы с. Карижа, которое сегодня фактически смыкается с г. Малоярославцем, стоит надгробие в виде гранитного камня, похожего на зарытого в землю слона. Рядом еще несколько надгробий моих предков и родственников из рода Кудрявцевых, которые более 100 лет (1805—1918) владели в сельце Панское[10] усадьбой, расположенной в 3-х километрах далее по проезжей дороге. Летом 2002 г. я посетил это кладбище и списал прямо с трех могил Кудрявцевых надписи (без «ятей»):

1) «Здесь погребено тело раба божия болярина Александра Дмитриевича Кудрявцова, родившегося 1803 г., 10 января, умершего 1854 года 12 июня»;

2) «Здесь сокрыто тело генерал-майорши Софьи Александровны Кудрявцевой скончалась 3.01.1835». Отмечу, что все авторы приводят дату ее смерти 1834 г., как это указано в конце статьи[11]. Это следует историкам-архивистам исправить на 1835 г., так как на могиле указано «скончалась», а не захоронена;

Рис. 2. Надгробия на могилах Кудпявцевых у церкви Покрова Богородицы с. Карижа.

3) «Вера Александровна Кудрявцева + 30 ноября 1885 г. 27 лътъ».

Фото этих надгробий см. на рис. 2.

Здесь же, но с другой стороны церкви, захоронения дворян Ланских, свойственников Натальи Николаевны Пушкиной (Ланской) — вдовы поэта А. С. Пушкина.

1) «Александр Владимирович ротмистр Ланской скончался 1897 года 6 мая» — зять Кудрявцевых со слов (в 2002 г.) сторожа дома Кудрявцевых в Панском;

2) «Виктория Владимировна Лазарева рожденная Ланская скончалась 8 февраля 1908 г.»;

3) «боярин Владимир Николаевич Ланской скончался…» — даты ушли в землю, куда ушел и массивный памятник.

Приведем некоторые сведения по двум лицам из рода Кудрявцевых, чьи могилы указаны выше.

А. Д. Кудрявцев (10.1.1803—12.6.1854) женат на соседке Анне Евгеньевне Нееловой, которой «принадлежала деревня Черный Ленок [м. б. Ланок] и маленькое имение в Верейском уезде около Наро-Фоминска»[12]. Так как дед мой, отличавшийся точностью в известных в семье деталях, написал о ней «соседка», то я нашел, кажется, эту деревню в 15 км северо-восточнее Калуги на речке Черный Омут. Похоже, что сегодня ее не существует. Александр Дмитриевич Кудрявцев сын Дмитрия Ивановича (о нем ниже) и Софьи Александровны Кудрявцевой, «которая считала себя побочной дочерью последнего польского короля». А. Д. Кудрявцев заслужил быть захороненным рядом с матерью, так как приложил большие усилия и вложил солидный денежный вклад в создание иконостаса в ц. Покрова Богородицы. Из книги[13]: «В декабре 1836 г. новый иконостас Покровской церкви был уже готов. Он обошелся примерно в 7 000 руб. А. Д. Кудрявцев внес все недостающие деньги. Еще более тысячи рублей он употребил на новые паникадила, подсвечники, хоругви, аналои, парчовые покровы на престол, штофную завесу. Храм был благолепен, сиял позолотой. Следы этого великолепия мы видим и сейчас. А рядом с храмом сохраняется могила А. Д. Кудрявцева. Александр Дмитриевич был известен как рачительный хозяин. В 1841 г. Губернский предводитель дворянства Н. К. Омельяненко отмечал в своем докладе, что в имении Кудрявцева замечательны 4-польная система посевов, скотоводство, устройство паточного[14] и винокуренного заводов». Дворянство Малоярославецкого уезда избрало его своим предводителем в 1836—1842 гг.

О Вере Александровне Кудрявцевой, умершей в 27 лет 20 ноября 1885 г, у меня пока сведений нет.

Рис. 3. О. А. Кутлер (урожденная Кудрявцева.

Александр Дмитриевич Кудрявцев и Неелова родители моей прабабушки Ольги Александровны Кудрявцевой (10.09.1833—1921), которая в замужестве (с 1854 или 1855 г.) за моим прадедом Кутлером Николаем Федоровичем (19.08.1826—1887). Их внук — мой отец — умер от разрыва сердца 25 марта 1950 г. в служебной командировке под г. Ташкентом, когда мне не было еще и 13 лет. Тело его в цинковом гробу привезли самолетом, а прах его захоронили в могилу его жены Кутлер Анны Николаевны (14(26).11.1867—22.05.1936), урожденной Страховой. Отец унес в могилу на Ваганьковском кладбище в Москве сведения о наших предках. Эти сведения, просачиваясь в разных разговорах моих родственников того поколения, начали меня интересовать лишь к 1976 г., когда ме-

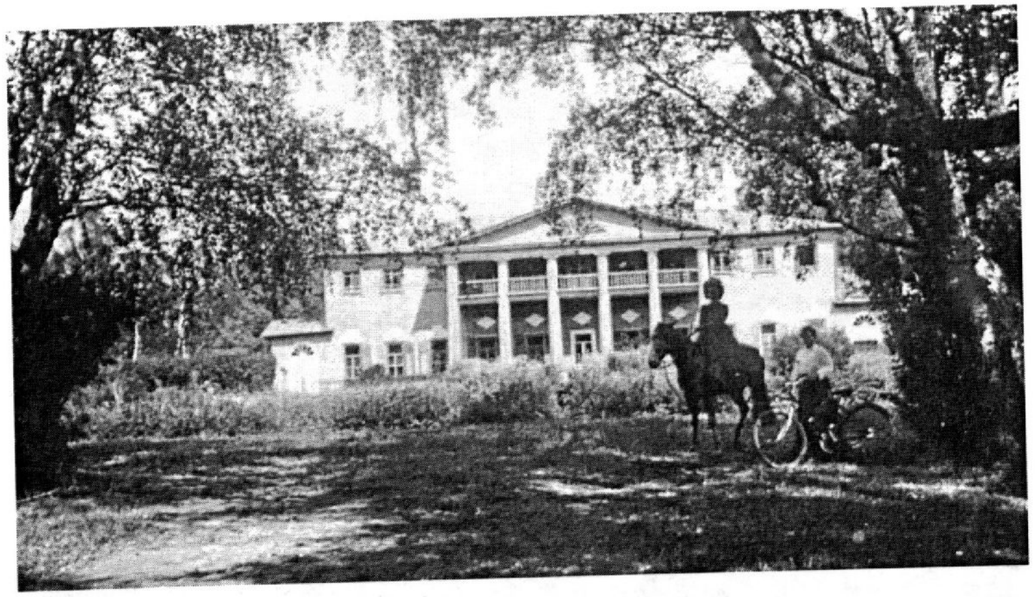


Рис. 4. Дом Кудрявцевых.

ня ознакомил с достаточно интересной родословной Кутлеров, Кудрявцевых, Протасовых, Страховых известный тургеневед Чернов Николай Михайлович (14.12.1926—2.02.2009). Выяснилось, что брат и сестры моего отца скрывали от мамы, моего старшего брата Николая и меня примерно 10 страничек на папиросной бумаге, очевидно выдаваемой узникам Кемско-Соловецкого лагеря Особого назначения (СЛОН). На них дед записал кратко бесценную для нас информацию о наших предках с конца XVIII в.[15] Лишь 6 февраля 2015 г. я получил извещение о реабилитации деда. Но до 1976 г. родные отца скрывали от меня и брата Николая эти воспоминания деда, так как такие времена были на нашей Родине. Дед кратко написал и о роде Кудрявцевых. Мой дядя и обе тети дали нам

Рис. 5. Дом Кудрявцевых.

Рис. 6. Молодожены. Миниатюра.

и публикацию 1913 г. об одном из Кудрявцевых[16]. Активная работа в области электроэнергетики нашей страны не позволяла мне лет двадцать заняться этим интересным родом нашей с братом прабабушки. Она пережила мужа на 34 года и умерла около своей усадьбы в с. Троицкое-Бачурино (ныне Тульская обл.) в 1921 г., уже выселенная из нее после 1918 г.. О. А. Кутлер (урожденная Кудрявцева) (см. ее цветной акварельный портрет на рис. 3; отмечу, что это первая публикация) сохранила нам много фотографий своей родни со второй половины XIX в. в прекрасном фотоальбоме, когда-то покрытом двухмиллиметровым слоем малахита. В моих фамильных исследованиях он посему и назван «малахитовым». Здесь и поныне храню фото из родственных фамилий князей Вадбольских, графов Толстых, дворян Нееловых, Страховых и др. Увы, много фотографий не атрибутировано.

В автопоходе 2002 г. по местам боев 1812 г. от Смоленска до Малоярославца мы с товарищами из историко-патриотического объединения «Багратион» (Тихонов Игорь Сергеевич, Ляпишев Георгий Владимирович, Подмазо Александр Александрович) побывали в усадьбе моего пра…деда Дмитрия Ивановича Кудрявцева (1759—1828) генерал-майора артиллерии (5.12.1807) в сельце Панское. Даты его рождения и смерти здесь взяты из статей Е. В. Суворовой. Об истории и владельцах этого сельца достаточно подробно в статье Е. В. Суворовой «О чем расскажет старый дом…»[17] Сотрудники музея показали нам в зале, где было два стенда по семейству Дмитрия Ивановича и его усадьбе, парный портрет моих предков — Д. И. Кудрявцева и Софьи Александровны. Я этот парный портрета видел в соответствующих книгах по русским миниатюрам. Укажу первую[18], которую увидел и откуда скопировал эту миниатюру в 1998 г. Позже выяснилось, что это была ошибочная атрибуция. Об этом информация ниже. Но тогда моя родня и Челищевы считали, что специалистам виднее, а посему гордились этим парным портретом наших прямых предков в коллекциях главных художественных музеев нашей Родины. Мне, правда, было как-то неловко. Сопоставляя известные мне даты рождения Д. И. и С. А. Кудрявцевых, я не мог понять, как в 1821 г. польский миниатюрист Андрей Иосиф Хинтц рисует явно молодоженов, которым по их известным биографиям должно быть 62 года мужу и 39 — жене. Что-то не «сросталось». Ведь они поженились давно, еще в 1796 г.?

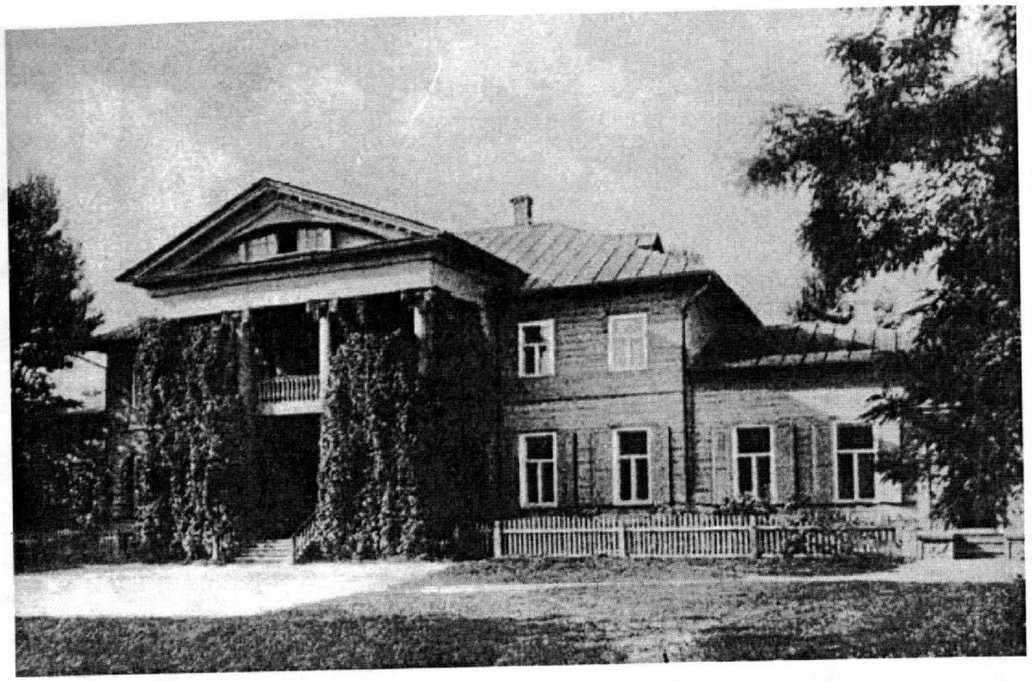


Рис. 7. Вид дома в с. Панском. Фото. 1898.

Но я скромно молчал, радуясь, что портреты моих прямых предков есть в ГЭ (Эрмитаже) и в ГТГ (Третьяковке).

В эту встречу с сотрудниками музея 1812 года в г. Малоярославце я подарил музею из фамильного архива фотографий ксерокопированную копию дома в Панском в 1898 г.. На обороте одной из этих фотографий карандашная надпись: «Вид дома в Панском (передний фасад). Снимок институтки Смольного института Виктории Александровны Кудрявцовой 1898 года. На балконе, у колонны стоит Александр Александрович Кудрявцов». Как видим, они сами писались «Кудрявцовы». Недавно я подредактировал второе, более качественное фото (см. рис. 7), подаренное племянницей (Викторией) моей прабабушке (Ольге Александровне Кутлер). Думаю, что дамы тут — Виктория и Ольга Кудрявцевы. По этому фото я был уверен, что здание каменное, оштукатуренное. На фасаде этого дома 30.6.2002 г. памятная доска: «12/24-X-1812 ЗДЕСЬ НАХОДИЛАСЬ СТАВКА КАЗАЧЬЕГО АТАМАНА М. И. ПЛАТОВА». Сделал тогда и видео нашего посещения с. Панское, но, увы, аналоговое. В ту поездку я познакомился с директором Н. В. Котляковой и, тогда, сотрудницами Малоярославецкого музея 1812 года Е. В. Суворовой, Е. Л. Щебиковой, которые в дальнейшем помогали мне делать меньше ошибок в описаниях известных им лиц и событий. Позже Е. В. Суворова сделала интересный мне анализ жизни Дмитрия Ивановича Кудрявцева[19], включая его неудачу в Аустерлицком сражении 20 ноября 1805 г. Стали ясны строки «Записки» Софьи Кудрявцевой об этих событиях в их не всегда радостной жизни с мужем. Спасибо им и друзьям по обществу «Багратион» за то, что они способствовали грамотному моему анализу многих дел и событий по с. Панскому и по войне в окрестности г. Малоярославца в 1812 году.

В 2010 г. 16 июня наше «Общество потомков участников Отечественной войны 1812 года» организовало прекрасную экскурсию в залы Большого Кремлевского Дворца (БКД). Опять чудо — удалось сфотографировать на стене Георгиевского зала с тысячами фамилий фамилию Дмитрия И. Кудрявцева вместе с Алексеем Петровичем Ермоловым (24.05.1772—11.04.1861), будущим знаменитым военачальником. Они оба в 1794 г. отличились в качестве капитанов артиллерии при взятии Праги — предместья Варшавы (не путать со столицей Чехии). Оба за этот штурм награждены орденами Георгия 4-й степени. Об этом есть реляция Александра Васильевича Суворова[20] и несколько фраз страшных воспоминаний в «Записках Софьи», которой тогда было 12 лет. В этих событиях

Софью переодели мальчиком, посадили на коня и ночью генерал Скильский, ранее ей незнакомый, «который назвался моим дядей», попытался убежать от русской кавалерии с дочкой еще действующего польского короля. Побег оказался неудачным. Беглецы пленены и под конвоем возвращены в Варшаву. В 1796 г. в Варшаве состоялась венчание 14-летней Софьи с 37-летним капитаном Д. И. Кудрявцевым. Прервем анализ «Записок Софьи», чтобы пояснить нового персонажа в ее судьбе.

Рис. 8. А. А. Трощинский.

Для этого вернусь к интересной «судьбе» миниатюрного парного портрета моих предков. Переатрибуция вышеуказанной небольшой миниатюры Эрмитажа (5,3×7,0 см), написанной золотом, акварелью и белилами на миниатюрной пластине слоновой кости, и подобной в Третьяковской галерее выполнена лишь в 2007 г. в результате филигранного анализа[21] изображенной одноймедали на георгиевской ленте на мундире генерал-майора в отставке Трощинского Андрея Андреевича (1774—1852). Для меня — научного сотрудника в прагматичной электроэнергетике — подобные работы в гуманитарном мире «звучат», как ноктюрн Шопена, услаждая душу. Жаль, что размеры статьи не позволяют пояснить этой прекрасной работы аса-профессионала — надо Вам прочитать и… изумиться, как и я.

Благодаря этой атрибуции рассеяны были мои многолетние сомнения. Итак, ясно, что это парный портрет не Д. И. Кудрявцева с женой Софьей, а их дочери Ольги Дмитриевны Кудрявцевой (уже Трощинской) и их зятя, также генерал-майора артиллерии в отставке. И в родословной Кудрявцевых[22] указана дата их свадьбы 1821 г., что соответствует дате художника на миниатюре.

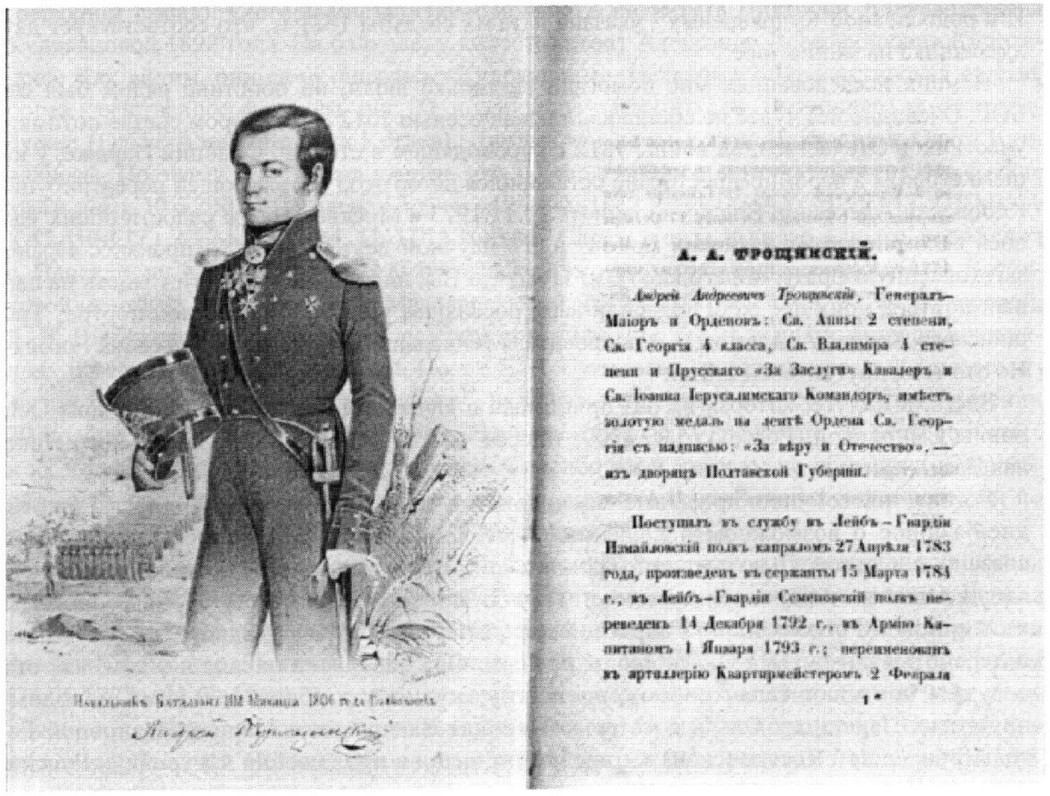
В моих исследованиях мне помогали не только люди, но поистине рядом был сам БОГ. Очевидно без чудес не обошлось, так как осенью 2012 г. на Втором съезде потомков участников Отечественной войны 1812 г., проходящем в столице Франции Париже, у нашего столика в огромном ресторане остановился автор этой потрясающей переатрибуции Кибовский Александр Владимирович (р. 15.11.1973 в Москве). Нам к радости обоих удалось вспомнить этот изящный момент в его научной деятельности. Я произнес заранее заготовленную фразу: «Благодарю Вас за то, что Вы, лишив меня радости глядеть на парный портрет моих предков, подарили всем россиянам уникальный цветной портрет Трощинского Андрея Андреевича — покровителя гениального Николая Васильевича Гоголя». Но это тема другой моей статьи[23].

Здесь, в Калуге, которая не раз принимала в качестве гостя семьи Александры Осиповны Смирновой (Россет) (6.03.1809, Одесса — 7.06.1882, Париж) гениального Николая Васильевича

Гоголя, настойчиво призываю специалистов изучить в архивах или газетах тех дней вопрос о возможном посещении писателем с. Панское, которое «родственно» связано с Ольгой Дмитриевной Трощинской. Ведь она здесь прожила до раннего замужества на Андрее Андреевиче. Трудно представить, чтобы Гоголь, проезжая к Смирновой-Россети или на обратной дороге не посетил эту усадьбу, где все читали и перечитывали письма Ольги своим родным. Она наверняка писала и о том, как они с мужем помогают талантливому, но такому трудному в общении с ними молодому писателю. Переписку Ольги с матерью Николая Васильевича Марией Ивановной Гоголь (рожденной Косяровской) я с интересом читал в приложении к журналу «Русская старина»[24].

Связь с Гоголем престарелый дальний родственник и благодетель продолжает почти до смерти писателя. Так, 17 апреля 1848 г. Андрей Андреевич в необычных условиях посещает прибывающего в Одессу после посещения Святых мест в Иерусалиме Гоголя. Писатель за решеткой карантинного отделения в Одесском порту. Сюда же для встречи с писателем вскоре приходит Лев Сергеевич Пушкин — брат поэта, который служил в одесской портовой таможне[25]. В это посещение Одессы писатель жил у графини Анны Георгиевны Толстой (ул. Надеждинская, д. 5) только 7 дней, так как карантин отнял отведенное на Одессу время. Графиня — жена графа Александра Петровича Толстого. С этими Толстыми Гоголь познакомился еще в 1830-е годы, а 21 февраля 1852 г. скончался в их доме на Никитском бульваре в Москве. Во второе посещение Одессы (24.10.1850—27.03.1851) Гоголь уже пять месяцев (!) живет в доме Андрея Андреевича в Одессе за Сабанеевым мостом, недалеко от моря, где писатель ищет в России «не натопленного тепла». Трощинский «был счастлив принять знаменитого племянника. Глядя на одряхлевшего, часто болевшего дядюшку, Гоголь вспоминал его гордым, важным, поражавшим когда-то всех в имении Васильевка белизной своих воротничков. Этот покровитель, меценат и благодетель был теперь развалиной со слезящимися глазами и плохо двигающимися ногами. Гостю были отведены в дворовом отдельном флигеле на втором этаже две небольшие комнатки. Здесь он работал над вторым томом «Мертвых душ». Выходил из дому не ранее четвертого часа…» (см. пред. сноску). И сегодня Одесса хранит память о Гоголе. На этом доме Трощинского (бывшая в 1850 г. ул. Надеждинская, ныне ул. Гоголя, д. 11) установлена мемориальная доска.

У Андрея Андреевича был двоюродный брат Иван Ефимович Трощинский (1782—24.08.1832), раненый в Бородинском сражении «в грудь навылет», позже генерал-лейтенант (1826), «18.01.1828 уволен в отставку «за ранами» с мундиром и пенсионом полного жалования»[26]. Он — крестный отец сына Ольги Дмитрия Андреевича Трощинского (25.01.1831— ок 1857). Этим двоим своим племянникам Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1749—1829)[27], формально бездетный, оставил бóльшую часть своего огромного наследства, бóльшая часть которого отошла к А. А. Трощинскому с Ольгой. Интересно, что семьи Трощинских и Кудрявцевых еще раз породнились (см. рис. 1) в следующем поколении. Сын Андрея и Ольги Трощинских — Дмитрий (25.01.1831 — после 1857) женился на их племяннице Софье, названной так в память бабушки. Она — дочь младшего брата Ольги Ростислава Дмитриевича (21.05.1810 — 15.07.1870). Семейные связи были очень тесные и дружественные.



А. А. ТРОЩИНСКІЙ.

Андрей Андреевичъ Трощинскій, Генералъ-Маіоръ и Орденовъ: Св. Анны 2 степени, Св. Георгія 4 класса, Св. Владиміра 4 степени и Прусскаго «За Заслуги» Кавалеръ и Св. Іоанна Іерусалимскаго Командоръ, имѣетъ золотую медаль на лентѣ Ордена Св. Георгія съ надписью: «За вѣру и Отечество», — изъ дворянъ Полтавской Губерніи.

Поступилъ въ службу въ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ капраломъ 27 Апрѣля 1783 года, произведенъ въ сержанты 15 Марта 1784 г., въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ переведенъ 14 Декабря 1792 г., въ Армію Капитаномъ 1 Января 1793 г.; переименованъ въ артилерію Квартирмейстеромъ 2 Февраля

1*

Рис. 9. Начальник батальона полковник, впоследствии генерал-майор А. А. Трощинский.

Рис. 10. Д. П. Трощинский

Рис. 11. А. А. Кудрявцев.

Ознакомив читателя с семействами Трощинских, опишем Ольгу Дмитриевну Трощинскую (Кудрявцеву) в воспоминаниях посетителей «дворца» в Кибинцах, где собирались многочисленные гости и родня Д. П. Трощинского. Побываем тут в день именин и рождения хозяина 26 октября: «Наступил вечер; все комнаты освещены великолепными люстрами, оркестр помещается на хорах. Князь Репнин[28] открыл бал польским, **с молоденькою и прелестною генеральшею Трощинскою,** которая была одета в белом креповом платье с цветами. За польским наступил вальс, экосез и другие танцы, продолжающиеся до 4-х часов утра… Всех гостей было 110 душ, а лошадей, которые все были на господском корме, более 200. На третий день все разъехались»[29]. О постоянных жильцах этого замечательного «дворца» очень живо пишет Скалон-Капнист Софья Васильевна[30], которая «впоследствии была более дружна с женой А. А. Трощинского, и эта дружба сохранилась у нас до ее смерти; она умерла несколько лет прежде своего старого мужа»[31]. Дадим ей слово: **«Хозяйкой же в доме была… жена племянника Д. П. Трощинского, Андрея Андреевича Трощинского**. Он, будучи уже сорока лет, женился в Москве на шестнадцатилетней девице Кудрявцевой. Она, едва вышедшая из пансиона, была в то время совершенным ребенком. Согласилась за него выйти потому единственно (как она сама мне говорила), чтобы надеть чудное, приготовленное к венцу платье, и, одевшись в него, не помышляя ни о чем, с восторгом бежала впереди всех, через сад, для венчания в домовую церковь. Будучи хороша собою, с большими черными ресницами, с длинными густыми каштанового цвета локонами по плечам, она казалась скорее дочерью его, чем женою, в особенности, когда она прибегала, как дитя, спрашивать у него позволения идти гулять или надеть платье, какое она желала»[32]. Жаль, что на миниатюре Хинтца, выполненной 3 марта 1821 г. (очевидно, вблизи свадьбы этой пары), Ольга Дмитриевна Трощинская явно брюнетка (но красить волосы дамы умели и 200 лет назад). Тут для нас интересная деталь. Церковный обряд венчания состоялся не в Москве, а, явно, в Панском,

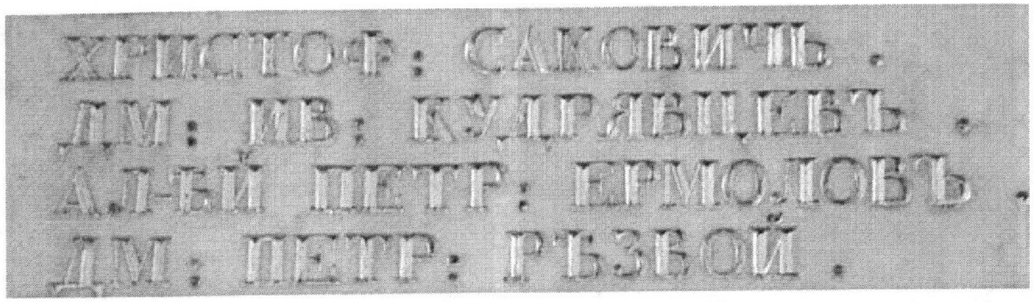


Рис. 12. Памятная доска в честь Д. И. Кудрявцева.

где тогда в усадьбе Кудрявцевых был и сад и «домовая церковь», которая на третьем фото усадьбы в 1898 г. хорошо видна. Кстати, архитектура «дворца» Дмитрия Прокофьевича в Кибинцах (увы, здание не сохранено) почти повторяет усадьбу Кудрявцевых в Панском. Тот же «классицизм». Однако дом Кудрявцевых на треть больше, что легко видно из сохраненных их изображений. В «Записках Софьи» уделено внимание ее знакомству с молодым Андреем Андреевичем в годы ее жизни в Санкт-Петербурге (1798—1803) и их повторной встрече в Москве около 1818 г.

По «Запискам», кажется, именно она в 1821 г. устроила замужество своей молодой Ольги в 17 лет на уже отставном генерал-майоре А. А. Трощинском. Тут их запечатлевает Хинтц. Но, может быть, где-то около этого времени и Софья запечатлеет себя. Если Кудрявцевы менее состоятельны, то теперь есть возможность позаимствовать деньги у дочери и зятя на хорошую миниатюру.

Итак, где же найти изображение Софьи Александровны Кудрявцевой — достоверного автора вышеуказанных «Записок», и достоверной прабабушки моей прабабушке? Поиски продолжались и привели меня… в Швецию. В 1993 г. с помощью посольства Швеции в Москве я отыскиваю шведа Стига Андерссона (р. 19.07.1932), не очень известного там художника. Его мать Елизавета Николаевна Кутлер (12.04.1897 — 31.08.1971, Швеция, Уппсала), моя двоюродная тетя. Она с разрешения Коллонтай уехала в 1927 г. к своему супругу Henrik Andersson (1897—1975). Он — инженер, швед, один из технических создателей машинно-тракторных станций (МТС) в СССР. Ведь МТС создавались по проекту и за деньги норвежского героя Нансена. Как все в этом мире переплетается!

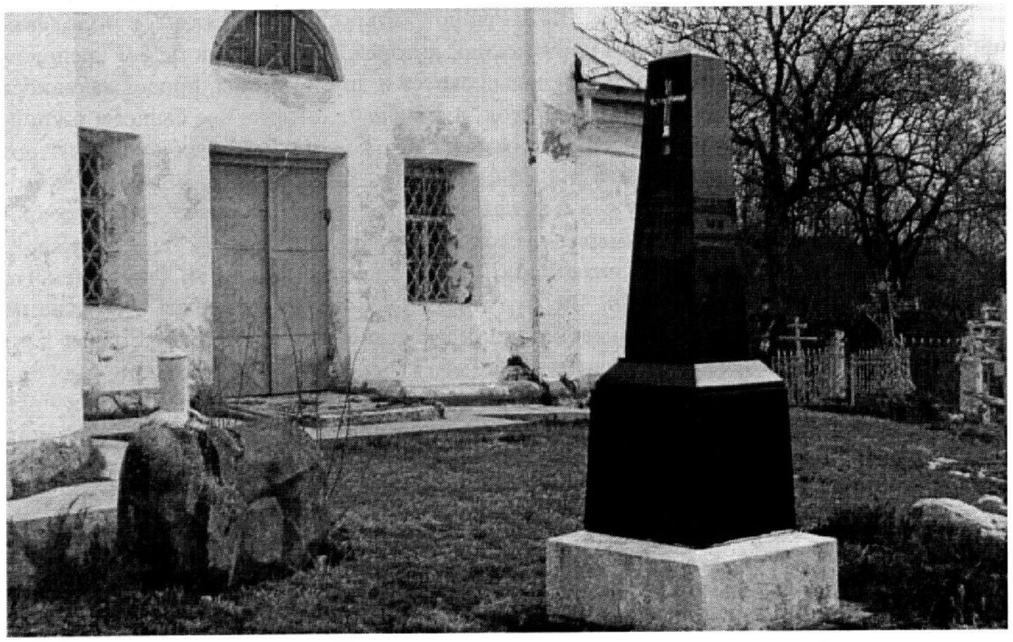


Рис. 13. Надгробия на могилах Кудпявцевых у церкви Покрова Богородицы с. Карижа.

Рис. 14. Станислав-Август Понятовский.

Рис. 15. Софья Андреевна Кудрявцева.

Я в 1994 г. со Стигом на моем автомобиле посетил усадьбу Протасовых-Кутлеров, где детство провела его мать и предыдущие поколения Кутлеров. Ответный визит в пригороды Стокгольма с моей женой состоялся лишь в сентябре 2003 г. Там Стиг — прекрасный фотограф — подарил мне уникальный семейный раритет (увы, только цветное фото) и рассказал его историю, которую он слышал от своей мамы. Это качественная цветная миниатюра на наружной крышке дамской пудреницы, диаметром около 7 см. Изображена молодая дама. Елизавета Н. Кутлер (Андерссон) говорила ему, что это портрет «принцессы», как-то связанной «с домом Ваза», которая, как ей говорили родители, незаконнорожденная дочь польского короля Станислава Понятовского. На рис. 14, 15 даю сравнение портрета последнего польского короля и, очевидно, Софьи Андреевны Кудрявцевой. Вам решать, похожи ли типы и фрагменты лиц? Может ли быть это портрет его побочной дочери? Король Понятовский видно очень любил позировать, портретов его множество. Я выбрал такой, когда полуанфас его и, назовем все же, Софьи Александровны подобен, да и миниатюра также из ГТГ.

В заключение еще один полезный исторический факт. В войне 1812 г. и заграничном походе 1813 г. много крови наших доблестных воинов пролил племянник Понятовского, т. е. двоюродный брат Софьи, герой Польши, командир многочисленной польской кавалерии в войсках Наполеона. Он геройски погиб в конце трехдневного самого крупного

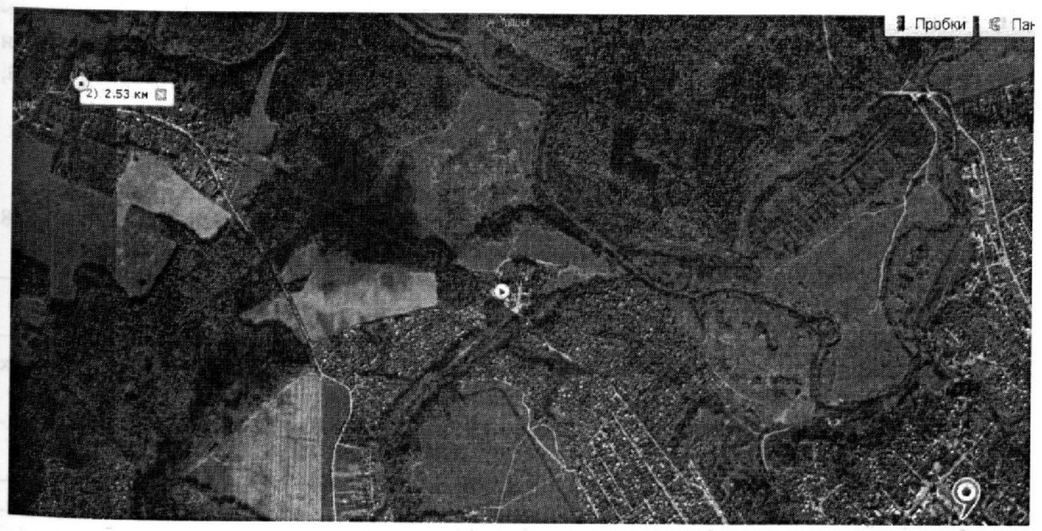


Рис. 16. Вид с. Карижа.

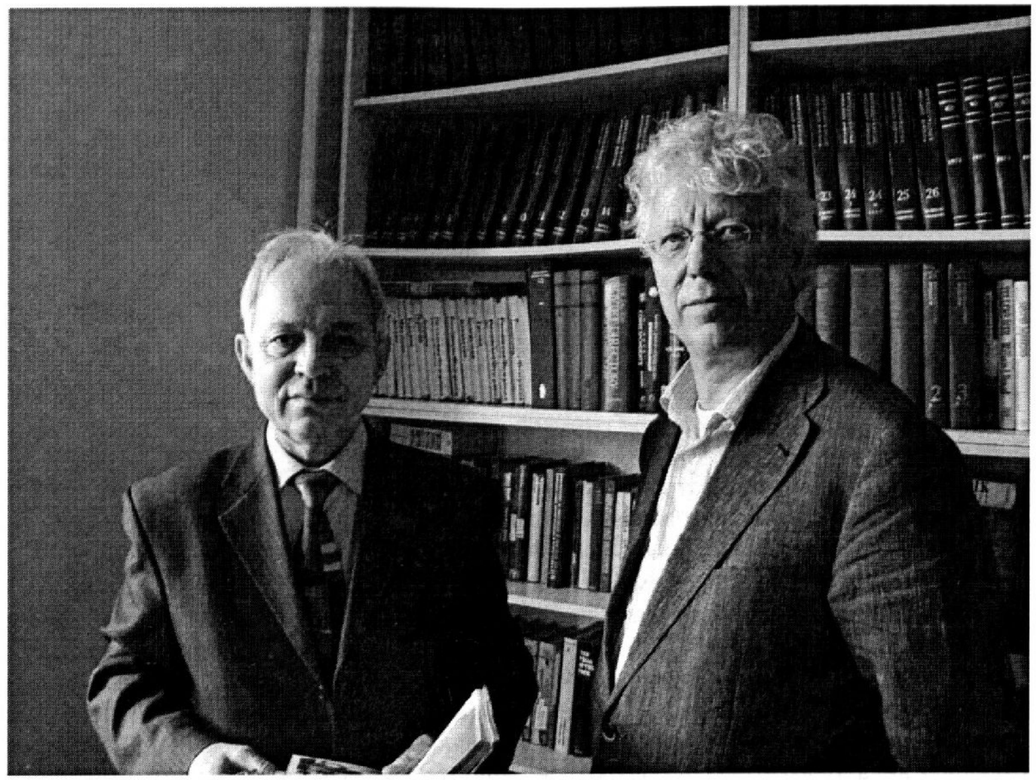


Рис. 17. П. П. Кутелр и голландский журналист Д'Амкур.

сражения тех войн, названного «Битвой народов» под Лейпцигом (16—19.10.1813). Авангард отступающей армии Наполеона прикрывала многотысячная польская конница маршала Франции Юзефа Понятовского[33]. Отступающие поторопились уничтожить мост через р. Эльстер. Конница отрезана и уничтожена союзными войсками. Раненный Юзеф погибает в водах р. Эльстер. Прах его захоронили в замке Вавель Кракова. Мне удалось там побывать в 1978 г., когда я уже знал про эту нашу фамильную легенду. На месте гибели маршала Франции Ю. Понятовского памятная доска, костел. Так в Европе поминают даже врагов. Ведь маршал Юзеф Понятовский тогда был весьма опасный враг Германии. А в немецком Лейпциге чтут о нем память. Всем от этого прибыль и историческая и, простите, финансовая! Почему бы нам, преимущественно в коммерческих, туристических целях не сделать скромную памятную доску на могиле легендарной побочной дочки последнего польского короля? Тут и легенда, и любовь, и незаконнорожденные дети, и прекрасные миниатюры.

Примечания

[1] *Граф Де-Сегюр.* Поход в Россию: Мемуары адъютанта. — М.: Захаров, 2002. — С. 288 (С. 170).

[2] *Туполев Б. М.* Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. — 1997. — № 6. — С. 147—171 (тут о С. А. Понятовском на с. 147—149).

[3] См.: *Руммель В. В, Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий, — Т. 1. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. — С. 450—462 (Кудрявцевы). Эти Кудрявцевы в разных документах, письмах и т. д. пишутся и как Кудрявцовы.

[4] См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. 23, — СПб, 1895. — С. 930 (статья о Кудрявцевых).

[5] См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга, — Т. 2, — 2-е изд. — СПб., 1895. — С.481 (князья Понятовские на с. 120—122). Тут в конце С. 120 сноска: «По малодостоверным сведениям у короля Станислава-Августа была побочная дочь София (1782—1834), бывшая за генер.-майор. Дмитрием Кудрявцевым. См. «Русск. Старина 1882, июнь. С. 643».

[6] См.: Записки Софьи Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского: Краткие выписки моей жизни // Русская старина. — 1882. — Т. 36. — № X. — С. 119—130. Она эти записки написала «10 марта 1829 в Кибинах», посветив их своей дочке Ольге Трощинской (рожд. Кудрявцевой). Как видим, они опубликованы через 53 года.

[7] См.: *Безсонов С. В.* Усадьба Панское / О-во изучения русской усадьбы — О.И.Р.У. — М., 1929. — С. 31.

[8] Эта информация однозначно указывает, что Софья упоминает известную фаворитку Александра I — Мария Антоновна Нарышкина, полька, урожденная княжна Святополк-Четвертинская (2.02.1779, Варшава — 6.09.1854) — фрейлина, жена обер-егермейстера Д. Л. Нарышкина.

[9] См.: *Челищев Б. А.* Год рождения — 15-й: Судьба русского изобретателя в советской стране. — Воронеж: Истоки: СОЦИУМ, 2002. — С. 168.

[10] См.: *Суворова Елена.* О чем расскажет старый дом… // Малоярославецкий край. — 2004. — № 136—138 (автор любезно прислала в мой архив электронную копию статьи).

[11] См.: Записки Софьи Кудрявцевой.

[12] См.: Воспоминания Павла Николаевича Кутлера. Прошлое нашей фамилии и ее родственные связи: Рукопись. 23 декабря 1940 г. // Личный архив П. П. Кутлера. П. Н. Кутлер (1865 — 1942, эвакуация, Байкибашево, БАССР) — последний руководитель департамента казначейства Российской Империи (06.1914—03.1917), дед автора статьи.

[13] См.: *Сорокина Л. Б.* Святыни окрестностей Обнинска. — Обнинск: Артифекс, 2006.

[14] Мой отец частенько с хитрецой повторял строки «Науму паточный завод / И дворик постоялый/Дают порядочный доход. / Наум — неглупый малый…» (поэма Н. А. Некрасова «Горе старого Наума»).

[15] См.: Воспоминания Павла Николаевича Кутлера.

[16] См.:50-летний юбилей д. с. с. Сергея Александровича Кудрявцова, управляющего Плоцкою казенною палатой. — Плоцк на Висле, 1913. — С. 50 // Личный архив П. П. Кутлера (копия есть в Малоярославецком музее 1812 года).

[17] См.: *Суворова Елена.* О чем расскажет старый дом…

[18] См.: Портретная миниатюра XVIII — начала XX века / Гос. Третьяковская гал.:— М.: Красная площадь, 1997. — С. 264 (на с. 128 — Кудрявцевы).

[19] См.: *Суворова Е. В.* Участник Аустерлицкого сражения Дмитрий Иванович Кудрявцев // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы X Международной научной конференции: — М.: Кучково поле. 2007. — С. 251—263.

[20] См.: *Суворов А. В.* Документы. — Т. III: 1791—1798 / Под ред. полк. Г. П. Мещерякова; Гл. архивное управление. ЦГВИА. — М.: Воен. изд-во Воен. мин-ва СССР, 1952 (на с. 415 нижеследующее: «Артиллерии капитана Бегичева, командующего 22-мя орудиями… в самое время штурма обще с капитанами Саковичем, Кудрявцевым и Ермоловым весьма с отличным искусством и мужеством действовали»).

[21] См.: *Кибовский А. В.* «Все счастливые семьи счастливы одинаково…» // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. — С. 146—151. Отмечу, что Александр Владимирович Кибовский 10. марта 2015 г. назначен министром культуры Москвы. Побольше бы таких профессионалов в отечественной культурной элите!

[22] См.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий, — Т. 1. — С. 456

[23] См.: *Кутлер П. П.* Неизвестный портрет благодетеля Н. В. Гоголя // Материалы XV Голицынских чтений «Хозяева и гости усадьбы Вяземы». 26—27 января 2008:г. — Б. Вяземы: Мелихово, 2008. — С. 435—445.

[24] См.: Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754—1829 // Приложение к ж-лу «Русская старина». — 1882, июнь. — С. 661.

[25] См.: *Цаудер Павел.* Гоголь в Одессе // Ежемесячный «Одесский листок». — 2005.

[26] См.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 2004.— С. 880 (на с. 724 — об И. Е.Трощинском)

[27] Дмитрий Прокофьевич Трощинский (26.10.1749, Глухов — 26.02.1829, Кибинцы), управляющий канцелярией князя Николая Васильевича Репнина (11.03.1734—12.05.1801), дипломат екатерининской эпохи, генерал-фельдмаршал (с 1796 г.). Д. П. с 1793 г. член Главного почтового управления и статс-секретарь при Екатерине II и при Павле I, но в 1800 г. отставлен от службы. В ночь убийства Павла I (11—12 марта 1801 г.) был вызван во дворец для составления манифеста о вступлении на престол Александра I и до 1806 г. оставался одним из ближайших сотрудников императора (статс-секретарь, министр почт и уделов, сенатор). В годы Наполеоновских войн в отставке, жил в своем миргородском имении Кибинцы, в 1812 г. избран полтавским губернским маршалом дворянства. В 1813 г. Александром I вновь призван в Санкт-Петербург и назначен ми-

нистром юстиции (30.08.1814—25.08.1817), но из-за разногласий с Аракчеевым и по здоровью, в 1817 г. вынужден был оставить свой пост. Еще лет пять жил в Санкт-Петербурге, а затем вновь поселился в Кибинцах, где и похоронен (см.: *Модзалевський В. Л.* Малороссійський родословник. — Т. V. — Вип. 3.:— Київ; СПб.: ВИРД. 2004. — С. 12).

[28] Репнин (Волконский) Николай Григорьевич (1778—1845), князь, генерал-адъютант, генерал-губернатор Малороссии с 1816 по 1834 г. Он был старшим братом С. Г. Волконского. Но в 1801 г. получил фамилию отца своей матери — фельдмаршала Н. В. Репнина, как последний в роде Репниных.

[29] Дмитрий Прокофьевич Трощинский. — С. 661.

[30] По матери Софья Васильевна Капнист (Скалон, 1796—1861) была племянницей Г. Р. Державина и Н. А.Львова. В 1859 г. она написала свои «Воспоминания». Рукопись сохранилась в двух копиях: первая — принадлежащая историку русской литературы П. А. Плетневу, вторая — сокращенная редакция первой копии в списке Б. Н. Чичерина. По этой второй копии «Воспоминания» опубликованы в «Историческом вестнике» (1891. — Кн. 5. — С. 339—367; Кн. 6. — С. 599—625). По списку П. А. Плетнева они напечатаны Ю. Г. Оксманом в книге «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов» (М., 1931, — С. 289—421), по нему же предпринята последняя публикация в составе «Записок и воспоминаний русских женщин XVIII — первой половины XIX века» (М., 1990. — С. 281—389).

[31] *Скалон С.* В. (Капнист-Скалон С. В.) Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века. — С. 319.

[32] Там же.

[33] Князь Ю́зеф Понято́вский (Жозеф-Антуан Понятовский, Юзеф Антоний Понятовский; Иосиф Антон Понятовский) польск. Józef Antoni Poniatowski; 7.05.1763, Вена — 19.10.1813, Вайсе-Эльстер под Лейпцигом) — польский генерал, маршал Франции из рода Понятовских. Племянник последнего короля польского и великого князя литовского Станислава Августа Понятовского.

РОДОСЛОВНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К «ДУХОВНОМУ ЗАВЕЩАНИЮ КАЛУЖСКОГО КУПЦА XVIII СТОЛЕТИЯ ТИХОНА НИКИТИЧА НЕКЛЮДОВА»[1]

***Н. И. Кожевникова**, член Калужского отделения Союза краеведов России*

Документы XVIII в. являются редкими и уникальными. Мне уже приходилось делать родословные примечания к таким документам: «Раздельная запись купцов Торубаевых 1767 года», «Драгоценная память, или Разныя записки, собранныя из записок Григория Васильевича Губкина, продолжаемыя сыном его Иваном Меншим Губкиным в Калуге в 18-м столетии»[2]. Интересным письменным семейным источником для генеалогического исследования является «Духовное завещание калужского купца XVIII столетия Тихона Никитича Неклюдова».

Энциклопедическая справка. Завещание (лат. *testamentum*) — акт односторонней воли, определяющий судьбу гражданских правоотношений лица на случай его смерти[3].

«Идея составления завещания в Древней Руси была связана с нравственной обязанностью в преддверии смерти позаботиться о своей душе, развязавшись с земными делами, поэтому завещание называлось «душевной грамотой» (позднее «духовной грамотой»)[4].

Цель данного исследования: на основе документов Калужской Епархии, хранящихся в Государственном архиве Калужской области,

— установить генеалогические сведения о лицах, упоминаемых в документе;

— установить, где проживала семья Т. Н. Неклюдова;

— составить поколенную роспись калужского рода Неклюдовых.

Приведу текст документа. *«Духовное завещание Калужского купца XVIII столетия*. 27 марта 1773 г. Во имя Отца и сына и Святого Духа. Лета тысяча седьм сот семидесят третьего, марта в двадесят седмый день аз раб Божий, Калужского купец Тихон Никитин сын Неклюдов, в целом своем уме и совершенной памяти, видя себя в старости и частых недугах и припадках, пишу сию духовную и раздельную при отце своем духов-*

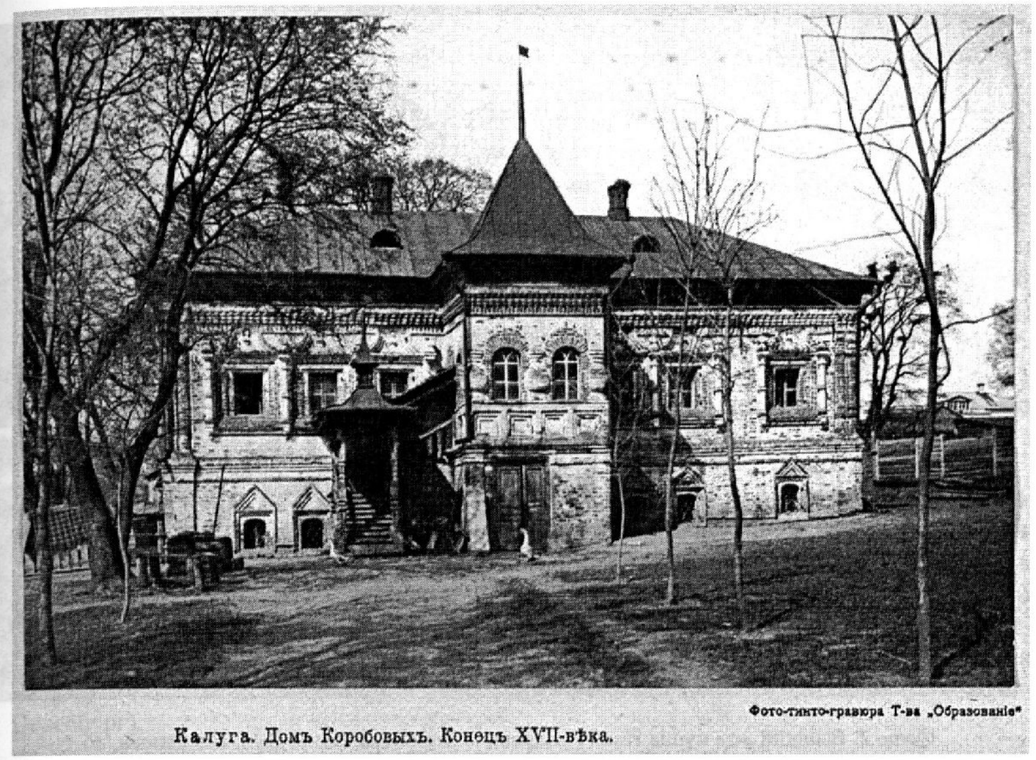


Фото 1. Палаты Коробовых в Калуге.

ном, города Калуги, церкви святых жен Мироносиц, при священнике Лаврентье Иванове[5]*, и при свидетелях детях моих родных* ***Ивану***[6] *и* ***Никифору***[7]*. Когда Господь Бог повелит мою грешную душу разлучить от тела моего, то тело мое грешное оным детям моим, по должности христианской погребсти при приходской нашей церкви воздвижения честного и животворящего креста Господня, что за верхом, с прочими нашими родителями или где указано будет, и поминовение творити по христианскому обычаю. При том я Тихон благославляю их детей своих моления моего святыми образами именно: большого сына Ивана образом Отца и сына и св. Духа, в окладе серебренном и позлащенном, образом Одигитрии Пресвятые Богородицы, венец и поля серебреные, позлащенные, убрус жемчужный, образом святого великомученика Георгия не в окладе и складни, писанные на кипарисных дсках (так!) во имя Воскресения христова с прочими угодниками, крест медной; да под двор ему для жития и построения покупное мною Тихоном у калужского купца* ***Никифора Иванова сына Турищева***[8] *дворовое место, состоящее в Калуге, в Спасской заверхской слободе, в межах по правую сторону, калужского купца* ***Ивана Данилова сына Решетникова***[9]*, а по левую сторону* ***вдовы Прасковьи Ивановой дочери Фалеевой***[10]*, на которое место и купчую ему сыну моему Ивану выдал да ему же сыну моему Ивану из старого моего двора, на котором ныне и жительство имею, отдаю старую горницу на подклете, стоящую в огороду и при ней еще имеющийся на огороде анбар, который стоит на межи с Калужским купцом* ***Илиею Назаровым сыном Коробовым***[11] *и на постройку на то от жены Тихона ему сыну моему Ивану данного двора и горницы и анбара (так!) денег пятдесят рублев; ему же сыну моему Ивану отдаю посуды серебреной два стакана, подарок, оловянной двенадцать тарелок, четыре блюда, один горшок медный, один таз медной, один подсвечник медной, корову черную, платье, которое при нем ни есть, то все остается, а какие на мне Тихоне имеются как прежние, так и нынешние долги, также и на сыне моем Никифоре, то те долги платить мне Тихону самому и сыну моему Никифору, а ему Ивану до тех долгов дела нет; также и по смерти моей, его сына моего Ивана очищать сыну моему Никифору и ни до каких убытков за те долги не допускать; а дочерям моим девицам* ***Анне***[12] *и* ***Матрене***[13] *жить со мною вместе*

Фото 2. Бывший дом купца Ильи Назаровича Коробова. Калуга, ул. Плеханова, 86. Фото. В. В. Легостаева.

и сыном моим Никифором, а если бог повелит мою душу разлучить от тела и дочери мои останутся не в замужестве, и после меня пожелают выдти в замужество, то я Тихон завещаю сыну моему Никифору означенных дочерей моих, а его сестер выдать замуж своим коштом, а которая моя дочь, а его сестра в замужество не выдет, то ей того двора дать половину, а другую половиною владеть сыну моему Никифору, а когда дочери мои Анна и Матрена обе замуж выдут и сын мой их отдаст своим коштом, то ему я Тихон тем моим двором всем благословляю владеть вечно и до моего двора и до прочего оставшего движимого и недвижимого имения у сына моего Никифора сыну моему Ивану, также и дочерям моим, выданным в замужество, ни до чего дела нет, и о переделе и разделе движимого и недвижимого имения ни в каком присутственном месте не бить челом и не просить под клятвою моею вечною, а кто из них детей моих впредь против сего моего завещания о переделе и разделе и будет бить челом и на том зачинальщике не буди мое родительское благословение в сем веце и в будущем и да судится со мною в день страшного Христова пришествия, а имеющиеся на мне долги по векселям, сколько оных ни есть, по смерти моей платить те долги все сыну моему Никифору, а прочим детям моим ни до чего дела нет, а буде какие явятся долги то есть после разделу моего на детях моих по их векселям и обязательствам, то те долги им детям моим платить всякому по своим займам, также дворовые места покойных дедов и отцов наших, которые ныне состоят во владении за мною в полевой улице в межах обще с ***Иваном Матвеевым сыном Макаровым***[14]*, оными местами владеть обще сыну моему Никифору с сестрами по замужество, а ежели не пойдут, то владеть обще, а ежели не пойдут, то владеть обще с сестрами Анною и Матреною, а сыну Ивану не владеть и дела до выше писанных огородных мест нет. Аминь. * Писано 105 лет назад»*[15].

На основе архивных документов, которые приведены ниже, в «Источниках и примечаниях», подведу некоторые итоги исследования. Семья калужского купца Тихона Никитича Неклюдова проживала в Спасской слободе в Завершье в доме на Полевой улице (1783). Члены семьи православного вероисповедания, прихожане церквей: Крестовоздвиженской за верхом, Одигитриевской. Имение купца Т. Н. Неклюдова находилось в смежности с двором купца Ильи Назаровича Коробова, дом которого сохранился рядом

с палатами Коробовых на ул. Плеханова, 86 /ранее Проломной улице/. Т. Н. Неклюдов, видимо, похоронен в некрополе церкви Георгия за верхом, как и его предки, что следует из его завещания.

Женой Т. Н. Неклюдова была Ирина Нифонтовна, урожденная Щепкина (1708—1770), дочь купца. Т. Н. Неклюдов составил Духовное завещание 27.03.1773; умер в 1774 т. В семье было 6 детей: Иван (1737—1783) /сведения о нем находятся в отдельной ревизской сказке/; Никифор Большой (1740—1772); Никифор Меньшой (1745 — до 1819), купец /его жена — Евдокия Ефимовна Астахова (1750—?), дочь купца, вела торг мясом в 1819—1824 гг./; Анна Большая (1741—16.06.1813, отпета в Одигитриевской церкви) /муж — Пётр Алексеевич Масалитинов (1742—?), купец/; Матрёна (1746—14.08.1805) /была выдана замуж за купца Савву Михайловича Билибина. Повенчаны 2.11.1778 г. в церкви Косьмы и Дамиана, «что за лавками»/. Анна Меньшая (1750—?) /в 1795 году она проживала в семье брата Никифора Меньшого, который позаботился о сестрах согласно воле отца/.

Установлены генеалогические сведения о других лицах, упоминаемых в документе.

В процессе краеведческого поиска стал известным факт, что женой Александра Илларионовича Прянишникова, 1 гильдии купца, городского головы г. Калуги, была Наталья Ивановна, урожденная Макарова (1760—9.05.1835, отпета в Воскресенской церкви), дочь Иван Матвеевича (1734—?), 2 гильдии купца, и Ирины Илларионовны (Ивановой) (1739—?), которые жили по соседству с семьей купца Т. Н. Неклюдова.

Выражаю благодарность за помощь в работе сотрудникам Государственного архива Калужской области, генеалогу Александру Александровичу Бовкало (г. Санкт-Петербург).

Приложение

Роспись калужского рода Неклюдовых

1-е поколение.

1. НЕКЛЮДОВ Тихон Никитич (1709—1774), калужский купец. Составил Духовное завещание 27.03.1773. Семья проживала в Спасской слободе в Завершье (1783). Жена — Ирина Нифонтовна Щепкина (1708—1770), дочь купца.

2-е поколение.

2/1. **НЕКЛЮДОВ Иван Тихонович** (1737—1783), мещанин. Жена — Ирина Максимовна Сонина (1755—?), дочь купца Максима Петровича (1724—1774) и Екатерины Никифоровны/Никитичны (Вереитиновой) (1731 — после 1783).

3/1. **НЕКЛЮДОВ Никифор Тихонович Большой** (1740—1772), купец.

4/1. **НЕКЛЮДОВ Никифор Тихонович Меньшой** (1745 — до 1819). Жена — Евдокия Ефимовна Астахова (1750—?), дочь купца, купчиха, торговала с 2 сыновьями и 3 внуками мясом. Дети: Борис (1777—?), Пелагея (1779—?), Анастасия (1780—?), Наталья (1780—?). Иван (1784—?), Прасковья (1783—?), Матрёна (1787—?).

5/1. **МАСАЛИТИНОВА (НЕКЛЮДОВА) Анна Тихоновна** (1746—16.06.1813, отпета в Одигитриевской церкви). Муж — Пётр Алексеевич Масалитинов (1742—?). Дети: Михаил (1776—?).

6/1. **БИЛИБИНА (НЕКЛЮДОВА) Матрена Тихоновна** (1746—?) /муж — Савва Михайлович Билибин (1745—?), купец/.

7/1. **НЕКЛЮДОВА Анна Тихоновна** (1750—?). В 1795 году проживала в семье брата Никифора Тихоновича Меньшого.

3-е поколение.

8/2. **НЕКЛЮДОВ Пётр Иванович Большой** (1776—16.02.1847, отпет в Одигитриевской церкви), мещанин.

9/2. **НЕКЛЮДОВ Михаил Иванович** (1779—17.04.1846, отпет в Одигитриевской церкви), мещанин.

10/2. **НЕКЛЮДОВ Пётр Иванович Меньшой** (1780—?).

11/2. **БАЛАШОВА (НЕКЛЮДОВА) Мелания Ивановна** (1774—?) /муж — Леон Балашов (?—?)/.

12/2. **(НЕКЛЮДОВА) Матрена Ивановна** (1778—?).

13/2. **(НЕКЛЮДОВА) Федосья Ивановна** (1781 — до 1795).

14/2. **(НЕКЛЮДОВА) Евдокия Ивановна** (1782 — после 1795).

15/4. **НЕКЛЮДОВ Борис Никифорович** (1776—13.11.1851, отпет в Одигитриевской церкви), купец 3 гильдии, проживал с семьей в Спасской слободе (1816).

Жена 1-я — Татьяна Ильинична Глухова (? — до 28.01.1812).

Примечание. Купчиха Татьяна Ильинична Неклюдова и купец Савва Ильич Глухов были восприемниками при крещении в Благовещенской церкви Александры (2.04.1810—?), дочери Ивана Семёновича Шапошникова.

Жена 2-я — Татьяна Яковлевна Масленникова (1788—17.02.1847), дочь купца Якова Петровича. Отпета в Одигитриевской церкви. Повенчаны 28.01.1812 г. в Одигитриевской церкви. Поручители: купец Иван Иванович Боков, купец Егор Афанасьевич Леонов, Владимир Михайлович Каширинов; Яков Петрович Вереитинов, купец Андрей Яковлевич Масленников, купец Гавриил Яковлевич Масленников/.

16/4. **КАШИРИНОВА (НЕКЛЮДОВА) Пелагея Никифоровна** (1779—20.06.1833). Муж — Иван Михайлович Каширинов (1778—3.04.1838), купец. Отпет в Одигитриевской церкви. С детьми — Иваном, Петром, Фёдором, Прасковьей и Матроной — проживали в приходе церкви Георгия за верхом в слободе Георгия за верхом (1816).

17/4. **ЛЕОНОВА (НЕКЛЮДОВА) Наталья Никифоровна** (1781—?) /муж — Егор Афанасьевич Леонов (?—?), купец. Повенчаны 13.02.1810 в церкви Иоанна Предтечи. Поручителями были: купцы — Артамон Афанасьевич Леонов, Никита Васильевич Афончиков, Никифор Тихонович Неклюдов, Иван Тихонович Неклюдов/. Дети: Павел (11.01.1813—?).

18/4. **НЕКЛЮДОВ Иван Никифорович** (1783—?). Жена — Прасковья Алексеевна Гонешева (1794—?), дочь Алексея Михайловича. Повенчаны 28.01.1812. в Одигитриевской церкви. Поручители: купцы - Иван Иванович Боков, Егор Афанасьевич Леонов, Владимир Михайлович Каширинов; Игнат Михайлович Гонешев, Фёдор Михайлович Гонешев и мещанин Илья. Примечание. Фёдор Михайлович Ганешин (1793—23.05.1843, отпет в Архангельской церкви) /жена — Мария Васильевна Доманова (1798—?), дочь Василия Семёновича. Повенчаны 5.10.1813. в церкви Покрова на рву. Дети: Михаил (13.09.1825—?) /восприемники: Игнат Михайлович Ганешин и Ивана Никифоровича Неклюдова жена Прасковья Алексеевна/.

19/4. **БОКОВА (НЕКЛЮДОВА) Анна Никифоровн**а (?—?) /муж — купец Иван Иванович Боков (?—?). Дети: Надежда (8.08.1819—?) /восприемниками в Косьмодемьянской церкви были: купеческий сын Георгий Афанасьевич Леонов и купца Максима Ивановича Решетникова жена Пелагея Ивановна/.

4-е поколение.

20/15/1. **НЕКЛЮДОВ Никита Борисович** (1808—2.03.1873). Отпет в Одигитриевской церкви. Жена 2 — Мария Ивановна Беляева (1828—?), дочь Ивана Васильевича, малоярославецкого мещанина. Повенчаны 30.04.1848г. в Одигитриевской церкви. Примечание. Иван Васильевич Беляев был женат на Марии Филипповне Ченцовой, дочери Филиппа Петровича. Повенчаны 18.06.1825 в Архангельской церкви. Поручителями были: Василий Семёнович Беляев и Иван Алексеевич Люсин/. Сын - Иван (20.10.1854—?) /восприемники в Одигитриевской церкви: Дмитрий Васильевич Ефанов и малоярославецкая мещанская девица Александра Ивановна Беляева. Проживали в д. № 126 3-го квартала 1 части.

21/15/1. **НЕКЛЮДОВ Матвей Борисович** (3.08.1809—14.08.1809). Отпет в Благовещенской церкви.

22/15/1. **НЕКЛЮДОВА Евдокия Борисовна** (3.08.1809—19.08.1809). Отпета там же.

23/15/1. **НЕКЛЮДОВА Пелагея Борисовна** (7.10.1810—10.06.1830, отпета в Одигитриевской церкви) /восприемники: купец Савва Ильич Глухов и вдова купчиха Степанида Ильинична Глухова/.

24/15/2. **НЕКЛЮДОВА Екатерина Борисовна** (12.11.1812—?).

25/15/2. **НЕКЛЮДОВ Иван Борисович** (1814—15.01.1847).

26/15/2. **НЕКЛЮДОВ Василий Борисович** (19.03.1815—?).

27/15/2. **НЕКЛЮДОВА Олимпиада Борисовна Неклюдова** (22.06.1816—?) /восприемники в Одигитриевской церкви: купец Гавриил Яковлевич Масленников и купеческая дочь Прасковья Ивановна Каширинова/.

28/15/2. **НЕКЛЮДОВ Александр Борисович** (28.07.1818—?).

29/15/2. **НЕКЛЮДОВ Пётр Борисович** (16.09.1820—04.1823).

30/15/2. **НЕКЛЮДОВА Прасковья Борисовна** (1.10.1821—?).

31/15/2. **НЕКЛЮДОВ Варсонофий Борисович** (2.10.1823—1.11.1823) /восприемница: купца Максима Ивановича Решетникова жена Пелагея Ивановна/.

32/15/2. **НЕКЛЮДОВ Алексей Борисович** (23.05.1826—?) /восприемники: купеческие дети: Иван и Пелагея Борисовы Неклюдовы/.

33/15/2. **НЕКЛЮДОВ Александр Борисович** (29.07.1827—?) /восприемник: купеческий сын Варсонофий Гавриилович Масленников/.

34/15/2. **АЛЕКСАНДРОВА (НЕКЛЮДОВА) Ольга Борисовна** (24.06.1828—?) /муж — Дмитрий Григорьевич Александров (1820—?). Повенчаны 3.10.1848 в Одигитриевской церкви/.

35/16. **КОВРИГИНА (КАШИРИНОВА) Прасковья Ивановна** (1805—?). Муж — Иван Максимович Большой Ковригин (1802—?), 2 гильдии купец. Повенчаны 3.01.1821г. в Спасопреображенской церкви на Глубоком в Завершье. Дети: Максим Иванович Ковригин (2.01.1822—?). Варсонофий Иванович Ковригин (2.10.1823—1.11.1823). Николай Иванович Ковригин (?—?). Иосиф Максимович Ковригин (28.06.1824—?) /восприемница: купеческая дочь Матрона Ивановна Каширинова/. Аркадий Иванович Ковригин (24.07.1825—?). Раиса Ивановна Ковригина (6.06.1828—?). N. Иванович(на) Ковригин(а) (30.10.1829—?). Николай Иванович Ковригин (31.03.1830—?). Елизавета Ивановна Ковригина (21.07.1832—?) /восприемница: купеческая дочь Александра Максимовна Решетникова/.

36/16. **КАШИРИНОВ Иван Иванович** (1804—1858), «перемышльский» 3 гильдии купец. Жена 1-я — Елизавета Васильевна Чурикова (?—?), дочь Василия Дмитриевича. Повенчаны 27.01.1824 в Благовещенской церкви. Поручители: купец Василий Дмитриевич Чуриков и боровский купеческий сын Иван Григорьевич Щукин. Дети: Осип Иванович Каширинов (1828—12.11.1891) /жена — Прасковья Павловна N. (1838 — после 1891). Дети: Алексей Осипович (16.03.1870—22.10.1912) и Николай Осипович (1861—?)/. Александра Ивановна Каширинова (1830—13.12.1842) /умерла от ожога/. Николай Иванович Каширинов (16.10.1832—?) /восприемники: купец Иван Михайлович Каширинов и девица Екатерина Васильевна Чурикова (?—?)/. Павел Иванович Каширинов (1837—?). Мария Ивановна Каширинова (16.09.1839—?). Михаил Иванович Каширинов (10.1841—29.01.1842). Александр Иванович Каширинов (7.07.1843—28.05.1878) /восприемники: купец Иван Васильевич Гаврилов и купца Василия Ивановича Сытина жена Екатерина Васильевна/. Иван Иванович Каширинов (13.12.1844—?). Жена 2-я — Мария Яковлевна N. (1820—?). Дети: Алексей Иванович Каширинов (1856—?).

37/16. **КАШИРИНОВ Александр Иванович** (10.08.1807 — до 1816).

38/16. **КАШИРИНОВА Евдокия Ивановна** (16.02.1809 — до 1816).

39/16. **ГАВРИЛОВА (КАШИРИНОВА) Матрона Ивановна** (12.03.1810—7.01.1867). Муж — Иван Васильевич Гаврилов (1807—19.05.1870), купец. Повенчаны 10.07.1830 в Благовещенской церкви. Поручителями были: купцы — Василий Иванович Гаврилов, Илья Иванович Гаврилов; Иван Михайлович Каширинов и Максим Иванович Решетников/. Дети: Павел Иванович Гаврилов (1830—?). Елизавета Ивановна Гаврилова (1833—?). Александра Ивановна Гаврилова (3.03.1835—?). Гаврила Иванович Гаврилов (24.03.1837—?). Александра Ивановна Гаврилова (26.04.1838—?). Иван Иванович Гаврилов (1839—?) /восприемники: купеческий сын Иван Васильевич Гаврилов и Ильи Матвеевича Низяева/Арнаутова жена Елизавета Матвеевна, дочь Матвея Гавриловича/. Варвара Ивановна Гаврилова (2.12.1842—?). Александра Ивановна Гаврилова (19.04.1847—?). Анна Ивановна Гаврилова (1848—?). Михаил Иванович Гаврилов (1836—24.01.1884, отпет в Бла-

говещенской церкви), купец /жена — Анна Михайловна Фалеева (1845—?), дочь купца, городского головы г. Калуги Михаила Козьмича и Зиновии Григорьевны (Дехтеревой) Фалеевых. Повенчаны 11.11.1866 в Благовещенской церкви/.

40/16. **КАШИРИНОВ Пётр Иванович** (17.08.1811—?). Жена — Елизавета Ивановна Байкова (?—?), дочь Ивана Тимофеевича (1768—24.03.1845, отпет в Архангельской церкви), из прихода Богоявленской церкви. Повенчаны 15.01.1835 в Благовещенской церкви. Поручителями были: купец Иван Михайлович Каширинов, купеческий сын Иван Иванович Каширинов; «мать ея» Анна Яковлевна Байкова, «зять ея» купеческий сын Фёдор Васильевич Алфёров/.

41/16. **КАШИРИНОВ Фёдор Иванович** (1814—?) /жена — Анна Ивановна Гаврилова (?—?). Дети: Елизавета (19.08.1860—?) — крещена в Васильевской церкви/.

42/16. **КАШИРИНОВА Александра Ивановна** (8.11.1815—?).

43/16. **КАШИРИНОВА Мария Ивановна** (18.01.1819—?) /восприемники в Благовещенской церкви: купец Иван Никифорович Неклюдов и купца Ивана Ивановича Бокова жена Анна Никифоровна/.

44/16. **ЧЕШИХИНА (КАШИРИНОВА) Татьяна Ивановна** (1821—23.02.1871, отпета в Архангельской церкви). Муж — Гавриил Васильевич Чешихин (1809—?). Дети: Александр Гаврилович Чешихин (1839—14.01.1904), 2 гильдии купец. Жена — Александра Афанасьевна (Масленникова) (1842—18.01.1912, отпета в Архангельской церкви), сестра Г.А. Масленникова. Повенчаны 18.09.1868г. в Архангельской церкви. Поручители: купец Василий Петрович Петров, купец Иван Андрианович Кудрявцев; купеческий сын Павел Афанасьевич Масленников. Дети: Софья (1870—?) /крещена в Успенской церкви/, Надежда (20.07.1871—?) /восприемники в Никитской церкви: купеческий сын Афанасий Афанасьевич Масленников и купчиха Анна Андреевна Масленникова/. Иван Гаврилович Чешихин (24.03.1843—?) /восприемники в Архангельской церкви: купец Николай Андреевич Петелин, сын Андрея Климентьевича, и купца Ивана Васильевича Гаврилова жена Матрона Ивановна/. Павел Гаврилович Чешихин (29.08.1845—?) /восприемники в Архангельской церкви: Павел Андреевич Петелин и Якова Дмитриевича Астахова жена Татьяна Васильевна/. Мария Гавриловна (Чешихина) (30.02.1847—?) /восприемники в Архангельской церкви: купеческий сын Павел Андреевич Петелин и мещанка Татьяна Васильевна Астахова/. Николай Гаврилович Чешихин (4.12.1848—?)[16].

Примечания

[1] **Тихон Никитин сын НЕКЛЮДОВ** (?—?), купец.

Тихон Никитич НЕКЛЮДОВ (1709—1774), калужский купец. Составил Духовное завещание 27.03.1773 г. Семья проживала в Заверховской слободе (1783). Жена — Ирина Нифонтовна Щепкина (1708—1770), дочь купца. Дети: Никифор большой (1740—1772). Никифор меньшой (1745—?) /жена — Евдокия Ефимовна Астахова (1750—?), дочь купца. Дети: Борис (1777—?), Пелагея (1779—?), Анастасия (1780—?), Наталья (1780—?), Иван (1784—?), Прасковья (1783—?), Матрёна (1787—?)/. Анна (1741—16.06.1813, отпета в Одигитриевской церкви) — замужем за Петром Алексеевичем Масалитиновым. Матрона (1746—?) — замужем за купцом Саввой Михайловичем Билибиным (1745—?). Анна (1750—?) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 87об. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г. Иван (1737—1783) /проживал с семьей отдельно/.

[2] См.: *Кожевникова Н. И.* Купцы Торубаевы в Калуге: Продолжение темы, начатой Г. М. Морозовой // Пятые Морозовские чтения. 25 апреля 2012 г. — Калуга, 2012 — С. 131—146; *Кожевникова Н. И.* Родословные примечания по материалам ГКУ «ГАКО» к книге «Драгоценная память, или Разныя записки, собранныя из записок Григория Васильевича Губкина, продолжаемыя сыном его Иваном Меншим Губкиным в Калуге в 18-м столетии». / Сост. В. Н. Фридгельм. — Калуга: Изда-во «Фридгельм», 2014. — 184 с.: ил.

[3] См.: Завещание //Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

[4] См.: ru.wikipedia.org›Завещание

[5] **ИВАНОВ Лаврентий** (?—?), священник церкви святых жен Мироносиц, духовный отец купца Тихона Никитича Неклюдова.

[6] **Иван Тихонов сын НЕКЛЮДОВ** (?—?), сын купца Т. Н. Неклюдова. Свидетель написания духовного завещания, «духовной и раздельной».

НЕКЛЮДОВ Иван Тихонович (1737—1783), мещанин. Жена — Ирина Максимовна Сонина (1755—?), дочь купца Максима Петровича (1724—1774) и Екатерины Никифоровны/Никитичны (Вереитиновой) (?1731 — после 1783). Дети: Пётр Иванович Неклюдов Большой (1776—16.02.1847, отпет в Одигитриевской церкви), мещанин. Михаил Иванович Неклюдов (1779—17.04.1846, отпет в Одигитриевской церкви), мещанин. Пётр Иванович Неклюдов Меньшой (1780—?). Мелания Ивановна Балашова (Неклюдова) (1774—?) /муж — Леон Балашов/. Матрена Ивановна (Неклюдова) (1778—?). Федосья Ивановна (Неклюдова) (1781 — до 1795). Евдокия Ивановна (Неклюдова) (1782—после 1795). //ГКУ «ГАКО». Ф.86. Оп.3. Д.39. Л.185об. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г. ГКУ «ГАКО». Ф.86. Оп.3. Д.49. Л.565. Ревизские сказки по г. Калуге на 1795 г.

[7] **Никифор Тихонов сын НЕКЛЮДОВ Меньшой** (?—?), сын купца Т. Н. Неклюдова. Свидетель написания духовного завещания, «духовной и раздельной». /Никифор Тихонов сын НЕКЛЮДОВ Большой (1740—1772)/.

НЕКЛЮДОВ Никифор Тихонович Меньшой (1744—до 1819), купец. Жена — Евдокия Ефимовна Астахова (1750 — после 1819), дочь купца. В 1819 г. Авдотья (Евдокия) Ефимовна Неклюдова (Астахова), вдова, купчиха 3 гильдии, с 2 сыновьями и 3 внуками вела торг «мясами» (см.: ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34. Книга Калужской городской думы о предмете торга купцов.1819—1824 гг.). Дети: Борис (1776—?), Пелагея (1779—?) /муж — Иван Каширинов (?—?), купец/, Анастасия (1779—?), Наталья (1780—?), Иван (1784—?), Прасковья (1783—?), Матрёна (1787—?). Сестра Анна Тихоновна (1750—?) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 87 об. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г.; Д. 49. Л. 596. Ревизские сказки по г. Калуге на 1795 г.; Д. 146. № 31. Ревизские сказки о купцах г. Калуги 1816 г.; № 5. Ревизские сказки о купцах г. Калуги 1816 г.; Ф. 49. Оп.1. Д. 619а. Купеческая книга г. Калуги 1858 г.

[8] **Никифор Иванов сын ТУРИЩЕВ** (1725—1775), купец, у которого купец Т. Н. Неклюдов купил «дворовое место, состоящее в Калуге, в Спасской заверхской слободе». Жена — Настасья Петровна Кондратьева (1729—?), дочь нежинского гарнизона солдата.

[9] **Иван Данилов сын РЕШЕТНИКОВ** (?—?), купец, дворовое место которого находилось в смежности /по правую сторону/ с дворовым местом купца Т. Н. Неклюдова.

РЕШЕТНИКОВ Иван Данилович (1709—1778), купец. Жена — Авдотья Козьминична Невежина (1729—?) /состояла в безвестности в 1783 году/. Сын — Пётр Иванович Решетников (1754—?) /состоял в безвестности в 1783 году/ (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 149. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г.).

[10] **Прасковья Иванова дочь ФАЛЕЕВА** (?—?), вдова, дворовое место которой находилось в смежности /по левую сторону/ с дворовым местом купца Т. Н. Неклюдова.

ФАЛЕЕВА (НЕКЛЮДОВА) Прасковья Ивановна (1733 — после 1783), вдова купца Михаила Емельяновича Фалеева (? — до 1783). Их дочь — Ирина Михайловна Фалеева (1754—1765) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 285 об. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г.).

[11] **Илья Назаров сын КОРОБОВ** (?—?), купец, дворовое место которого находилось «на межи» с «анбаром» на огороде дворового места купца Т. Н. Неклюдова.

КОРОБОВ Илья Назарович (1742 — после 1819), калужский 2 гильдии купец (1816). Содержатель Брынского и Есеновского заводов (1809) (см.: Донесение Московского Горного правления Министру финансов Ф. А. Голубцову об отказе мастеровых Брынского и Есеновского железоделательных заводов в Жиздринском уезде заготовлять дрова для заводов и о поджоге ими лесов //Калужский край. — Кн. 1 . — Тула: Приокск. кн. изд-во, 1976. — С.190—192).

Известны в Калуге каменные палаты Коробовых за Каменным мостом конца XVII в. (ул. Плеханова, №. 88). Владелец дома — «старейший из граждан» Иван Петрович Коробов (1738—23.01.1843). Последний владелец — Иван Иванович Коробов (?—1870) (см.: *Морозова Г. М.* Прогулки по старой Калуге. — Калуга, 1993; Краткое известие о старинном доме И. И. Коробова в Калуге // Калужские Губернские Ведомости. — 1870. — № 18; *Четыркин И.Д.* Палаты Коробовых).

В доме (ул. Плеханова, № 86), что по соседству с каменными палатами Коробовых проживало семейство **Ильи Назаровича Коробова** (1742 — после 1819), 2 гильдии купца /1795, 1816/. *Примечание.* Дом этот позже перешел к Борисовым, от которых — к архиерею. В этом доме в 1845 г. жил И. С. Аксаков (см.: Морозова Г. М. Прогулки по старой Калуге). Родители И. Н.: 2 гильдии купец Назар Петрович (? — до 1783) и Арина Козьминична (Золотарева) (1723—1794) Коробовы. Жена 1-я И. Н. — Наталья Абросимовна Ланина (1744—1788), дочь купца. Дети от 1-й жены: Иван Б. (1763—1790), Семён (1770—1796), Агриппина (1773—1790), Марья (1775—?), Катерина (1779—?), Иван М. (1780—1809), Михаил (1783—1787). Жена 2-я И. Н. — Настасья Ивановна Ильина (1767—?), дочь Ивана Ильина, дворового человека покойного подпоручика Ивана Федоровича Яблочкова из с. Котори Жиздринского уезда, и Надежды (Ивановны Яблочковой). Дети от

2 жены: Авдотья (1790—?), Алексей (1795—1796), Осип (1798—?), Наталья (1808—?) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 277. Ревизские сказки по Калуге 1783 г.; Д.49. Ревизские сказки по Калуге 1795 г.; Д.98. Ревизские сказки по Калуге 1811 г.).

В 1819 году купец 3 гильдии Илья Назарович с женой Настасьей Ивановной и сыном Осипом торговал разными мелочными товарами (см.: ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 34. Журнал Калужской Думы. О предмете торга калужских купцов в 1819—1824 гг.).

[12] **Анна Тихонова дочь НЕКЛЮДОВА** (?—?), девица, дочь купца Т. Н. Неклюдова.

МАСАЛИТИНОВА (НЕКЛЮДОВА) Анна Тихоновна (1741—16.06.1813) /отпета в Одигитриевской церкви/ /муж — Пётр Алексеевич Масалитинов (1742—?). Дети: Михаил (1777—?)/ (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 777. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г.) В Преображенской слободской церкви крестили Музу (18.04.1824—?), дочь купца Михаила Петровича Масалитинова, купеческий сын Михаил Михайлович Масалитин и купца Фомы Гавриловича Шапошникова жена Александра Андреевна.

[13] **Матрёна Тихонова дочь НЕКЛЮДОВА** (?—?), девица, дочь купца Т. Н. Неклюдова.

БИЛИБИНА (НЕКЛЮДОВА) Матрёна Тихоновна (1746—14.08.1805) /муж — Савва Михайлович Билибин (1745—19.06.1800). Повенчаны 2.11.1778. в церкви Косьмы и Дамиана, что за лавками. Его дочь от 1-й жены, Анны Петровны, Федосья (1778—?) вышла замуж за купца Ивана Подкованцева (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 49. Л. 1388. Ревизские сказки по г. Калуге на 1795 г.).

[14] **Иван Матвеев сын МАКАРОВ** (?—?). Его дворовое место /прежде — его деда и отца/ в «Полевой улице» «в межах обще» с дворовым местом покойных деда и отца Т. Н. Неклюдова, который ныне этим местом владеет.

МАКАРОВ Иван Матвеевич (1734—?), 2 гильдии купец (1783). Жена — Ирина Илларионовна (Иванова) (1739—?). Проживали в приходе Спасопреображенской церкви в Завершье. Дети: Дмитрий Иванович Макаров (1755—?) /жена — Анна Абрамовна Новикова (1756—?), дочь купца. Дети: Иван (1780—?), Анастасия (1778—?), Анна (1781—?), Пелагея (1782—1789), Афанасия (1784—?), Иван (1791—?)/. Наталья Ивановна Прянишникова (Макарова) (1760—9.05.1835, отпета в Воскресенской церкви) /муж — Александр Илларионович Прянишников, 1 гильдии купец, городской голова г. Калуги/. Фёдор Иванович Макаров (1769—?) /жена — Анисья Петровна Мешкова (1774—?). Прасковья Ивановна Кудрина (1773—?) /муж — Марк Кудрин, купец/. Прасковья Ивановна Макарова (1773—?) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Л. 235. Ревизские сказки по г. Калуге на 1783 г.; Д.49. Л. 543 об. Ревизские сказки по г. Калуге на 1795 г.).

Иван Филиппович Макаров (1701—1765), дядя Ивана Матвеевича Макарова.

Фёдор Матвеевич Макаров (1736—?), 2 гильдии купец (1783, 1795, 1816). В 1786 г. выбыл с семьей в нежинское купечество. Проживал с семьей в Завершье. Жена 1-я — Мария Назаровна Коробова (1745—1768). Жена 2-я — Наталья Ивановна Армашевская (1755—?), дочь «Нежинского полка хорунжева полковника». Дети: Василий (1781—?), Григорий (1783—?), Мария (1777—?), Анастасия (1779—?), Татьяна (1780—?) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Ревизские сказки по Калуге 1783 г. Л. 296 об).

Агафья Матвеевна Усова (Макарова) (1737—1767). Муж - Сергей Климович Усов (1730—?), купец, из Воробьевской слободы. Дети: Елизавета (1758—?) /муж — купец Иван Иванович Чеков (?—?) (см.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Ревизские сказки по Калуге 1783 г. Л. 111).

[15] См.: КГВ. — 1878. — № 37. — С. 178. Текст «Духовного завещания калужского купца XVIII столетия Тихона Никитича Неклюдова» предоставил А. А. Бовкало (г. Санкт-Петербург).

[16] См.: Метрические книги церквей г. Калуги разных лет // ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 2 — 1789 г.; Д. 5 — Успенской церкви 1787—1843 гг.; Д. 8 — 1800 г.; Д. 9 — 1801г.; Д. 10 — 1802 г.; Д. 13 — 1803 г.; Д. 15. — 1804 г.; Д. 16 — 1805 г.; Д. 17 — 1806 г.; Д. 18 — Благовещенской церкви 1807—1855 гг.; Д. 19 — 1808 г.; Д. 20 — 1809 г.; Д. 22 — 1810 г.; Д. 27 — 1812 г.; Д. 28 — 1813 г.; Д. 30 — 1815 г.; Д. 31 — 1816 г.; Д. 32 — 1818 г.; Д. 33 — 1819 г.; Д. 35 — 1820 г.; Д. 39 — 1821 г.; Д. 40 — 1822 г.; Д. 41 — 1823 г.; Д. 42 — 1824 г.; Д. 43 — 1825 г.; Д. 44 — 1826 г.; Д. 47 — 1827 г.; Д. 48 — 1828 г.; Д. 50 — 1829 г.; Д. 52 — 1830 г.; Д. 58 — 1831 г.; Д. 61 — 1832 г.; Д. 62 — 1832—1868 гг.; Д. 68 — 1834 г. Д. 70 — 1835 г.; Д. 73 — 1836 г.; Д. 75 — 1837 г.: Д. 84 — 1838 г.; Д. 88 — 1839 г.; Д. 91 — 1840 г.; Д. 97 — 1841 г.; Д. 100 — 1842 г.; Д. 104 — 1843 г.; Д. 109 — 1844 г.; Д. 113 — 1845 г.; Д. 116 — 1846 г.; Д. 128 — 1847 г.; Д. 135 — 1848 г.; Д. 145 — 1849 г.; Д. 153 — 1850 г.; Д. 163 — 1851 г.

Даты жизни купцов и мещан взяты из ревизских сказок, исповедных ведомостей и метрических книг церквей г. Калуги. Даты с указанием: число, месяц, год — из метрических книг разных соответствующих лет. Даты, указывающие только год (без числа и месяца), вычислены по ревизским сказкам.

ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ ПИСЧЕБУМАЖНОЙ И СУКОННОЙ ФАБРИК В с. ТРОИЦКОЕ ТАРУССКОГО УЕЗДА

***М. Ю. Вещев**, ООО «Фэнстер Бау», г. Обнинск*

В краеведческой литературе нет работ посвященных истории с. Троицкого Тарусского уезда Калужской губернии. Можно встретить лишь отрывочные упоминания в связи с деятельностью Е. Р. Воронцовой-Дашковой, которая последние годы жила и привела в образцовый порядок свое имение в с. Троицкое. Рассказывая о судьбе имения после смерти Е. Р. Дашковой краеведы вскользь упоминают о существовании здесь фабрик. «Потомки Е. Р. Дашковой предпочитали жить за границей, а в большом каменном доме устроили сначала суконную, а затем бумажную фабрику. С течением времени замечательное по красоте и благоустройству имение запустело, фабрика закрылась, дом разрушен», — читаем в сборнике «По просторам Калужского края»[1]. Авторы других работ повторяют этот текст с небольшими изменениями. С. Кривов в работе «Дворянские усадьбы Тарусского уезда» пишет: «Владелец усадьбы граф Воронцов-Дашков перестроил дом под суконную фабрику, которая затем было переоборудована в бумажную, а позднее совсем заброшена»[2].

Главная цель работы — попытка внести ясность в вопрос возникновения фабрик и ее первых владельцах.

В ГАКО в фонде Тарусского нижнего земского суда сохранилось «Дело о нарушении контракта Почетным гражданином Михаилом Новиковым заключенным с графом Воронцовым-Дашковым на устройство писчебумажной фабрики при с. Троицкое», в котором есть копия договора от 24 июля 1850 г. между Московским первой гильдии купцом Михаилом Васильевичем Новиковым и временным Московским купцом Федосеем Степановичем Купчинским с действительным тайным советником Иваном Илларионовичем Воронцовым- Дашковым[3]. Согласно договору, граф «предоставил (купцам) в имении своем в с. Троицкое место с плотиною на р. Протве для устройства писчебумажной фабрики… (и передал) находящиеся ныне на этом месте мельничные амбары, как то мукомольные и сукновальные в пользу купцов, исключая однако внутренние снасти (оборудование) мукомольни». Купцы получили право «их разобрать и снести, или перестроить и дать им другой вид сообразно с потребностями будущей фабрики без всякой особой платы». Что касается амбара крупчатых, то «граф обязан снести его в течении месяца после заключения договора, а купцам в замен выдать такое же количество строевого соснового леса, какое употреблено на нарушение его стен и пола». Как видим, писчебумажная фабрика строится на месте мельничных амбаров и расположенных рядом служб. В аренду владельцам фабрики передавались господский дом с двумя неотделанными флигелями и три отдельных флигеля под жилье рабочим и склады материалов и товара. Кроме того, каменный сарай с каменным амбаром, каменная изба, каменный скотный двор, деревянная изба с двумя чуланами, два деревянных корпуса и кузня. При этом деревянные и каменную избы купцы имели право «разобрать и употребить в другое». Владельцы сами могли определить их наружное и внутреннее устройство. Владельцы фабрики были обязаны «главный корпус дома покрыть непременно железом с употреблением старого, какое только найдется на крышах мельничных зданий и какое храниться в амбаре господского дома». Граф предоставил право купцам самим определить количество необходимых для фабрики корпусов. Один из них «в котором будут помещены машины… мы, Новиков и Купчинский, соорудим из нынешнего скотного двора». В пункте 3 договора было записано: «Если мы, Новиков и Купчинский писчебумажную фабрику захотим обратить в другое какое-либо фабричное заведение, которое будет действовать силой той же воды и на той же плотине, а так же в последствии к писчебумажной фабрике присоединено… нам не воспрещается, но в последнем случае, должен быть особое согласие и разрешение Его сиятельства». Точная дата начала работ договором не указана, «но полагается, что она выстроена будет (включая реконструкцию зданий. — *М. В.*) не далее, как в один или два года. Во обеспечение сего мы, Новиков и Купчинский, вносим Его сиятельству графу Воронцову-Дашкову пять тысяч рублей серебром при написании ус-

ловий с тем, что в случае не исполнения … не выстройки фабрики, или не приведение ее в действие, сумма эта остается в пользу Его сиятельства». Арендная плата за первый год была определена в 1 тыс. рублей серебром, а последующие 3 тысячи рублей серебром. В случае несвоевременной оплаты договором предусматривалась неустойка в 5 тысяч рублей серебром, и граф получал право передать все заведение другому лицу. «По истечению срока аренды, все фабричные строения со всеми их принадлежностями, кроме машин, водяных приводных колес и прочих, в которых мелется и промывается тряпка, остаются в пользу графа и его наследников». Владельцы фабрики имели право по истечению срока договора аренды «возобновить оный на такой же срок с ежегодной платою, как тогда условились на 3 тыс. рублей серебром и не свыше 4 тыс. рублей серебром, если, впрочем, тогдашний денежный курс будет соответствовать нынешнему». При необходимости владельцы фабрики могли передать фабрику другим лицам на тех же самых условиях. По договору купцы получили право распоряжаться обеими берегами р. Протвы, начиная от господского гумна до ручья Боровны , и прилегающим лугом размером 18,5 десятины, с правом сдачи в аренду за 285 рублей 54,5 копейки серебром ежегодно. Действующая исправно плотина так же переходила в ведение купцов. При необходимости они могли поднять ее высоту так, чтобы не затопить луга и без вреда механизмам мельницы. В договоре особым пунктом оговаривались условия работы местных жителей на фабрике: «Рабочий люд иметь при фабрике предпочтительно из крестьян Троицкой волости по добровольному найму. Платить им то же самое, что будут платить посторонним. При том никак не вещественными издельями или припасами, а наличными деньгами». В этом был заинтересован граф у которого крестьяне были на денежном оброке, и многие давно вынуждены были искать работу на стороне. Владельцы были обязаны ежегодно страховать имущество за счет своих средств. «В случае несчастья эти деньги, которые будут выданы из страхового общества, не могут быть употреблены никуда более, как на возобновление фабрики».

Анализ заключенного на 30 лет договора, состоящего из 20 пунктов, зарегистрированного в московской палате гражданского суда 11 августа 1850 г, позволяет сделать вывод, что в с. Троицкое в конце 1850 —1851 гг. была основана писчебумажная фабрика и началась масштабная реконструкция имения. Первыми владельцами фабрики по договору были Михаил Васильевич Новиков и Федосей Степанович Купчинский.

Ф. С. Купчинский на момент заключения договора — Потомственный Почетный гражданин временно 3 гильдии московский купец. Ему 58 лет, был женат на Елизавете Петровне, жил с детьми в доме жены на Зубовском бульваре д. 283. Но фактически совладельцем фабрики он не стал, так как 24 октября 1850 г. умер и был похоронен на Ваганьковском кладбище[4].

Михаил Васильевич Новиков — с 1831 г из мещан перешел в купцы. На момент заключения договора купец 1 гильдии. Ему 41 год, был женат на Марии Дмитриевне и имел детей: Алексея (9 лет) и дочь Елену (8 лет). Имел в собственности несколько зданий в Москве, где в 1852 г. располагались бумагопрядильная и суконная фабрики[5].

На историю возникновения суконной фабрики проливает свет «Переписка с Земским судом об устройстве суконной фабрики при с. Троицком на арендуемой у графа Воронцова — Дашкова земле». Начинается она с черновика — прошения написанного в ноябре 1855 г. Почетной Гражданки Тарусской 3 гильдии купчихи Марии Новиковой. «На арендуемой мною земле у графа Воронцова-Дашкова … при с.Троицком, имею я надобность устроить суконную фабрику… По сему, Всеподданнейше прошу … просимое мною дозволение, чрез кого следует, мне выдать, предписав Тарусскому Земскому суду допустить меня к устройству суконной фабрики… как закон повелевает»[6]. Это прошение 11 ноября 1855 года было рассмотрено в Губернском правлении и от Тарусского Земского суда запросили дополнительные сведения[7]. 10 декабря 1855 г. Мария Зотова Новикова через Его Благородие пристава 2-го стана дает подробный ответ Калужскому правлению: «1) Согласие владельца с. Троицкого графа Воронцова-Дашкова на устройство мною в оном селе суконной фабрики изложено в контракте заключенном между нами, в Мос-

ковской Палате Гражданского Суда 2-го Департамента 1850 года августа 11 дня; 2) Что та суконная фабрика будет пользоваться в имеющемся ныне двух этажном деревянном строении, которое длиною 12, шириною 5 сажень с двумя водяными мельничными колесами. К нему пристроено будет каменное четырехэтажное здание длиною 12, шириною 7 сажень. Сукна вырабатывать будут для внутренней продажи из испанской шерсти достоинством от 90 коп до 2-х рублей серебром за аршин, а драдедам (старинное тонкое сукно полотняного переплетения, широко распространенного в XIX в. — *М. В.*) в рубль серебром, на сумму, примерно от двадцати до тридцати пяти тысяч рублей серебром в год; 3) я предполагаю иметь на той фабрике рабочих людей до двухсот человек»[8]. Рассмотрев вторично представленные материалы Губернское правление, «дозволило купчихе Марии Новиковой устройство суконной фабрики». Сохранился черновик письма от 31 декабря 1855 г. в котором Губернатор сообщает о решении губернского правления Господину Министру Финансов[9].

Анализирую указанные выше документы, можно сделать вывод, что с юридической точки зрения основание суконной фабрики можно отнести к декабрю 1855 г. Фактически суконная фабрика в это время уже работала в господском доме. Дело в том, что в январе 1856 г. на писчебумажной фабрике был пожар. В марте 1856 г. «к приезду Главного управляющего канцелярии графа из Москвы для осмотра сгоревшей писчебумажной должны были приготовить комнаты в верхнем этаже дома», а там оказались станки суконной фабрики. Главный управляющий потребовал от доверитель несовершеннолетнего графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова поручика Петра Алексеевича Каблукова подать в суд на купца М. В. Новикова[10]. В прошений Каблуков пишет, что «вопреки (контракта) Новиков, вместо отделки господского дома для жительства устроил в верхнем этаже оной, суконную фабрику, поставив ткацкие станы и прядильные машины». Кроме этого, был нарушен еще один пункт контракта «ибо один из флигелей главного корпуса до сих пор еще не отстроен… ровно как до селе не застрахован». Прошение заканчивалось словами: «Дабы повелено было, немедленно занятый самовольно Новиковым верхний этаж был освобожден от ткацких станов и прядильных машин, объявив его подпиской на будущее время не дозволять себе подобные отступления от контракта»[11]. В этом же прошении есть ссылка на то, что «после смерти Купчинского условия эти (договора) перешли в обязанность Почетного гражданина Новикова и жены его Марии Зотовой»[12]. 25 июня 1856 г. в с. Троицкое приехал и составил протокол осмотра пристав 2-го стана Евдоким Дмитриевич Рублецкий. «Кирпичный флигель от большого дома с лицевой стороны в право в 3 этажа. Весь отстроен в жилые комнаты. Стены внутри оштукатурены, рамы и двери сделаны. Печи в двух верхних этажах изразцовые, а в нижнем кирпичные — в последнем помещается кухня. Флигель, от дома налево к саду в 2 этажа… перестроены стены. Во всем флигеле в окнах рамы вставлены, полы и потолки сделаны. Стены изнутри не оштукатурены, печи кирпичные с железными отводными трубами. Входные двери сделаны. В верхнем этаже помещены так же спальни, на коих производиться работа, там же живут семьи рабочих. В нижнем этаже помещается артельная кухня. В одной части флигеля помещена лестница, ведущая в бельэтаж большого дома. В бельэтаже большого дома сделаны полы, потолки и вставлены в окнах рамы, печи. Так же, как и втором флигеле дверей нет, а только пробиты для них в внутренних стенах отверстия. Весь бельэтаж занят… ткацкими станками и разделен полатями как бы на два этажа»[13]. Пристав подтвердил факт устройства фабрики в верхнем этаже главного корпуса дома. Когда же по времени могла возникнуть суконная фабрика? Где был управляющий имения, если заявил, что узнал о существовании фабрики лишь после пожара?

По договору владельцам писчебумажной фабрики «не воспрещалось открывать другое заведение, но на это должно было составлено дополнительное соглашение»[14]. Из материалов дела следует, что Новиков отправил письмо графине Александре Кирилловне (граф И. И. Воронцов-Дашков умер) с просьбой разрешить открыть суконную фабрику в октябре 1854 г.[15] В своем прошении в суд управляющий П. А. Каблуков, подтверждая обращение Новикова к графине Александре Кириловне пишет, что она только «предоставила Новикову заключить на этот предмет дополнительно условие (если) не окажется

особых каких либо препятствий. Но само условие доселе заключено не было»[16]. Вот и получается, что Новиков открыл суконную фабрику самовольно. Такого же мнения придерживается Александр Васильевич Нечаев — назначенный в мае 1856 г управляющим имения после отставки Каблукова. В своем письме в Тарусский земский суд от 31 мая 1856 г. сообщает, что «ссылка на письмо графини Александры Кирилловны, уже умершей, не основательна и не сообразно законам. В письме (на которое ссылается Новиков) графиня уведомляла только, что она разрешила Главной конторе заключить дополнительные условия с Новиковым… Следовательно, до заключения этих условий с Главной конторой Новиков не имел ни какого права преждевременно и самопроизвольно занимать бельэтаж». Далее говорится, что в Главной конторе не могли знать что делается внутри дома занимаемого Новиковым, ставятся ли станы и машины или отделывают комнаты для жилья[17]. Можно согласиться с Нечаевым, что управляющий Главной конторы не знал о существовании фабрики до тех пор пока по случаю пожара не приехал в имение. Так, в сентябре 1855 г. попечитель несовершеннолетнего графа И. И. Воронцова-Дашкова (после смерти графини Александры Кирилловны) князь Николай Иванович Трубецкой назначая управляющим имения поручика Каблукова дает подробную инструкцию. Не вдаваясь в подробности скажу, что в обязанности управляющего входило «попечение за выполнением договора о писчебумажной фабрике»[18]. О суконной фабрике речи нет и, по всей видимости, она возникла в период управления имением Каблуковым. Вот почему Новиков, в объяснении направленном в суд в апреле 1856 г., высказывает недовольство: «Можно ли статься, чтобы устройство (суконной фабрики) неизвестно было до селе?… После такого дозволения (имеет в виду разрешение графини. — *М. В.*) воспрещение неуместно потому… (что) фабрика эта более года (существует) и что (закрытие) принесет убыток 25 тыс. рублей серебром и разорит до основания, без малейшей пользы графу». Что касается обвинения в том, что в нарушении договора имущество не было застраховано, то Каблуков неточен. «Страховое общество за сгоревшую фабрику выдало премию, и указанные строения остались по-прежнему застрахованными»[19]. В деле есть копия страхового свидетельства от 7 июля 1856 г., где Мария Новикова возобновила страхование на двенадцать месяцев по июль 1857 г. оценив строения в 5 150 рублей[20]. По мнению Новикова «прошение Каблукова заключает в себе явную несправедливость», и просит земский суд «в просьбе Каблукову отказать, и взыскать с него в пользу мою 500 руб. серебром неустойки, и так же оградить меня от разорительных последствий»[21]. 14 августа 1856 г суд вынес решение.: «Обязать купца Новикова и поверенного графа Воронцова-Дашкова, чтобы они на устройство суконной фабрики в верхнем этаже арендуемого дома составили обоюдное условие, согласно п. 3 (договора) на законном основании. В прочих частях прошение поверенного графа Воронцова-Дашкова не подтвердилось»[22]. Последний документ в деле от 27 октября 1856 г., в котором приставу 2-го стана сообщают, что «составили обоюдное условие»[23]. Но когда и на каких условиях, не говорится.

Анализ просмотренных мною документов позволяет сделать следующие выводы.

1. Первоначально в с. Троицкое на месте мельничных амбаров и расположенных рядом служб возникла писчебумажная (1851), а затем суконная (конец 1854 г. — апрель 1855 г.) фабрики.

2. Фабрики были основаны в имении графа И. И Воронцова-Дашкова, но не самим графом.

3. В связи со строительством фабрик началась масштабная реконструкция построек в имении с. Троицкое.

4. Первыми владельцами фабрик были Михаил Васильевич Новиков и его жена Мария.

5. Данных о количестве рабочих пока нет, но из протокола составленного приставом в 1856 г. следует, что рабочие двух фабрик занимали трехэтажное здание одного и верхний этаж другого флигеля. Жили семьями, имели артельную кухню. Из этого можно заключить, что значительная часть работников была из отдаленных населенных пунктов волости и из числа приезжих из других мест.

Примечания

[1] *Маслов Н. М.* По реке Протве // По просторам Калужского края. — Калуга: Калужск. кн. изд-во. — С. 141—142.
[2] *Кривов С.* Дворянские усадьбы Тарусского уезда. — Калуга: Золотая аллея, 2008. —С. 128.
[3] См.: ГАКО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 382. Л. 7 — 10 об.
[4] См.: *Найденов Н. А.* Материалы для истории Московского купечества. — Т. 7. — С. 297; Московский некрополь. — М.: Столица, 1995, — С. 116.
[5] См.: Найденов Н. А. Материалы для истории Московского купечества. — Т. 7, — С. 147: Указатель Москвы. 1852 год. — С. 16, 47.
[6] ГАКО, Ф. 62. Оп. 9. Д. 2187. Л. 1, 1 об.
[7] См. там же. Л. 2.
[8] Там же. Л. 4. 4 об.
[9] См. там же. Л. 9. 10.
[10] См. там же. Ф. 115. Оп.1. Д. 382. Л. 28 об.
[11] Там же. Л. 5. 5 об.
[12] Там же. Л. 5 об.
[13] Там же. Л. 39, 40.
[14] Там же. Л. 5.
[15] См. там же. Л. 53.
[16] Там же. Л. 5 об, 6.
[17] Там же. Л. 28. 28 об.
[18] Там же. Л. 11, 12.
[19] Там же. Л. 18 — 19 об.
[20] См. там же. Л. 38.
[21] Там же. Л. 18.
[22] Там же. Л..64. 64 об.
[23] Там же. Л. 73, 73 об.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕРХНЕОКСКОГО РАЙОНА В СЕРЕДИНЕ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

***Н. А. Жиров**, к. и. н., ст. преп., зам. дир.,*
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Природно-климатические условия и ландшафт, составляющие среду обитания влияют на социально-экономические процессы и жизненный уклад традиционного общества. Таким образом, происходит воздействие на историческое развитие регионов[1]. Именно поэтому изучение географического положения региона важно, а порой необходимо при исследовании особенностей развития традиционных обществ.

Русский крестьянский социум в середине XIX в. в определенной степени можно отнести к традиционному обществу, которому были свойственны всеобщая брачность, высокая рождаемость и смертность, а также низкий естественный прирост населения.

Орловская губерния относилась к центрально-земледельческим территориям лесостепной полосы Европейской России, и в силу вытянутости с запада на восток в природно-климатическом отношении являлась экотонной между центральными подмосковными (Тульской, Калужской и Смоленской) и южными (Харьковской, Курской и Черниговской) губерниями Центральной России. Переходное (экотонное) состояние Орловской губернии выражалось существованием трех микроклиматических зон. Вследствие этого наблюдались существенные различия между восточными степные уездами — Елецким, Малоархангельским, Ливенским, и лесными уездами запада губернии — Брянским, Трубчевским, Севским и тяготевшим к ним Карачевским уездами[2].

Для первой микроклиматической зоны был характерен более влажный климат, мало отличавшийся от природных условий лесной зоны Европейской России. В ее состав вхо-

дили территории западных уездов — Брянского, Трубчевского, Севского, Карачевского, Дмитровского и частично центральных Кромского, Орловского, Болховского и Мценского. Характерными чертами зоны были высокая влажность воздуха в теплое время года и высокий снежный покров зимой, благоприятно влиявшие на получение высоких урожаев, в основном картофеля и конопли. Но, в отличие от юго-восточной части Орловщины, вегетационный период был короче, вследствие чего выращивание многих теплолюбивых культур не было осуществимо. Комплекс весенних полевых работ на данной территории начинался на 5—10 дней позже, а заканчивался на 5—10 дней раньше, чем на юге губернии. Большое количество осадков в теплое время года очень часто затягивало сроки сева и уборки основных видов сельскохозяйственных культур, что в свою очередь влекло снижение урожайности и ухудшало продовольственное обеспечение населения в отдельные годы.

Во вторую микроклиматическую зону входили юго-восточные уезды — Ливенский, Елецкий и частично Малоархангельский. Характерная черта данной местности заключалась в меньшем количестве выпадавших осадков, более низкой влажности воздуха в летнее время и меньшей высотой снежного покрова зимой по сравнению с западной частью губернии. Колебания температуры воздуха и наличие суховейных ветров часто снижали урожайность сельскохозяйственных культур, но явным плюсом данной территории являлось наличие плодородных черноземных почв, дававших в благоприятные годы хороший урожай.

Третья зона, располагавшаяся в центральной части губернии, на границе Окско-Донского водораздела, являлась промежуточной территорией между двумя первыми зонами. К ней относились Орловский, Болховский, Мценский и значительная часть Малоархангельского и Кромского уездов. Природно-климатические особенности региона были достаточно комфортны для развития земледелия, но в отличие от юго-восточной части губернии, почвы были беднее и не давали высоких урожаев.

К началу XIX в. Орловская губерния продолжала оставаться одной из наиболее обеспеченных земельными угодьями областей Центральной России. В зависимости от уезда на душу населения приходилось от 2 до 3,5 десятины земли, также, как и в соседних черноземных Воронежской и Тамбовской губерниях и на 0,5-1 десятину больше, чем в нечерноземной Тульской. Таким образом, количество земли у орловского крестьянина было достаточно и перспективы для дальнейшего роста населения губернии были очевидны.

За первую половину XIX в. площадь надельной земли в Орловской губернии сократилась почти вдвое, и размер пашни в среднем составлял 1,5 десятины на душу[3]. Бурный рост населения, был заметнее всего в центре и на востоке региона. В начале XIX в. численность жителей Орловской губернии не достигала1 млн. человек, а к середине XIX в. она увеличилась почти до 1,5 млн. человек. Прирост населения за 50 лет составил около 50%, что было характерно для соседних земледельческих губерний — Тамбовской, Курской и Воронежской. В Калужской и Тульской, располагавшихся на северо-западной границе губернии, он был существенно ниже и не превышал 30%.

Доля запашки в Орловской губернии в середине XIX в. превысила 2,2 млн. десятин, что составляло около 60% ее территории, что наблюдалось в соседних черноземных Курской, Тамбовской и Воронежской губерниях, но продолжала оставаться ниже, чем в Тульской, где под пашней находилось более 70% территории[4].

Поуездное изучение этого вопроса выявило, что в западной части Орловской губернии (Брянский, Севский, Трубчевский, Карачевский уезды), за исключением Дмитровского уезда, под пахотными угодьями находилось менее 40% территории. Степень хозяйственного освоения земли оставалась не достаточной. Возможно, это было связано с наличием существенной площади заболоченных лесов, территории которых были малопригодны для ведения продуктивного сельскохозяйственного труда.

В подтверждение данного предположения служат сведения о распределении земли в Смоленской и Калужской губерниях, граничивших с западной частью Орловщины. В Смоленской губернии площадь неудобных для хозяйственной деятельности земель (болота, кустарники и т. д.) доходила до 1/10 территории губернии, а доля пашенных угодий составляла не более 40% территории, аналогично Калужским уездам[5].

В центре и на востоке Орловской губернии размер пашни располагался в пределах от 70% до 80% от общей площади уездов, за исключением Елецкого, где под пашней находилось 63% земельного фонда. Высокая степень запашки в этой части губернии (особенно в Орловском, Болховском и Мценском уездах) может быть частично объяснена ранним началом заселения и освоением территории в хозяйственном отношении (с домонгольского времени).

Позднее освоение юго-восточной части Орловщины (Малоархангельский, Ливенский, Елецкий уезды), начавшееся только на рубеже XVI—XVII вв., сохранило целинные степи, поэтому темпы распашки нетронутого чернозема были гораздо выше, чем на остальной территории губернии.

В начале XIX в. в Орловской губернии на одного жителя приходилось около 1,5 десятины леса. Бурный рост населения не означал вырубку лесных массивов, хотя к середине XIX в. на одного жителя Орловского края осталось только 0,77 десятины леса. Сокращение лесов шло пропорционально росту населения губернии, при этом фактическая площадь, занятая лесами, в основном на западе губернии, уменьшилась незначительно. Это означало, что на значительной территории лесостепного пространства губернии, в центральных и юго-восточных уездах, основные лесные массивы были сведены уже к началу XIX в.

Увеличение пашни Орловской губернии во второй половине XIX в. шло, в основном, за счет сокращения территорий занятых лесами из-за отсутствия к началу XIX в. свободной целинной степи, которая еще фиксировалась в юго-восточных уездах губернии во времена Генерального межевания. Рост населения требовал введения в сельскохозяйственный оборот все больше земли, поэтому за вторую половину XIX в. площадь лесов уменьшилась на 32%, с 1 139 до 775 тыс. десятин земли[6]. Только на западе губернии оставались леса, а в центре и на юге губернии степень лесистости едва достигала 5—7% территории.

В соседних лесостепных губерниях — Тульской, Курской, Воронежской в середине XIX в. на душу населения приходилось от 0,2 до 0,4 десятины леса, что было значительно ниже, чем в Орловской. В лесных губерниях Центральной России, граничивших с Орловщиной на западе, количество лесных пространств оставалось высоким (около 1,3—2 десятин на душу населения). Из этого следует, что Орловская губерния по степени лесистости занимала промежуточное положение между лесными и лесостепными губерниями Центральной России.

К середине XIX в. площадь сенокосных угодий Орловской губернии составляла до 13% территории, аналогично соседней Курской губернии (около 15%). Чуть ниже эта цифра была в Тульской и Калужской губерниях — от 8 до 10%. Причины более меньшего количества лугов и сенокосов в последних двух губерниях были различны. Уровень развития скотоводства в Калужской губернии, в силу повышенной лесистости и занятости большого количества жителей в промышленности и промысловой деятельности, был ниже, чем в типично земледельческих регионах России. Вследствие этого населению не требовалось иметь значительные территории земли под сенокосами. Но, кроме того, сено можно косить на опушках лесов, то есть на территории, которая не являлась официально сельскохозяйственной. В Тульской губернии, более развитой в степени развития сельского хозяйства, свободных пространств для увеличения пашенных угодий не было, поэтому удовлетворение потребностей населения в земле происходило за счет распашки лесных и сенокосных массивов. Показателен пример Воронежской губернии, где сенокосные угодья в середине XIX в. продолжали составлять более 20% территории. Этот факт указывал на не высокую степень распаханной земли и низкую демографическую нагрузку. Стоит отметить, что в некоторых воронежских уездах в это время продолжали оставаться в резерве целинные лесостепные пространства, вследствие чего населению не требовалось распахивать существующие сенокосы.

Темпы сокращения луговых и сенокосных территорий в первой половине XIX века в Орловской губернии, протекали почти пропорционально росту населения. Доля этих угодий снизились с 0,5 до 0,3 десятины земли на душу. Тоже наблюдалось в Тамбовской

и Курской губерниях. Значительное сокращение луговых угодий в Орловской губернии началось в середине XIX в., и с 1850-х до 1866 г. их площадь уменьшилась более чем на 100 тыс. десятин[7]. Это явление указывало на начало интенсивной распашки свободных от лесов пространств.

Анализ природно-хозяйственного развития Орловской губернии в середине XIX в. показал, что северо-западные уезды, особенно Брянский и Карачевский, тяготевшие в природно-климатическом отношении к лесным губерниям Центральной России (Смоленской, Калужской и т. п.), в середине XIX в. продолжали оставаться на относительно низком уровне сельскохозяйственного освоения территории. Несмотря на высокую обеспеченность жителей этих уездов лесными и сенокосными угодьями, степень распашки земли была незначительна. Населению было не выгодно заниматься земледельческим трудом, который в силу климатических особенностей и низкого плодородия почв данной местности, не давал прибыли. Вследствие этого существенная часть жителей западных уездов занималась промышленной деятельностью и отхожими промыслами, сохраняя экологическое равновесие в регионе.

Центр и юго-восток губернии, имевший в своем расположении плодородные почвы и комфортные природно-климатическими условия для ведения сельского хозяйства, достиг фактического предела в степени распашки земли. Дальнейшее вовлечение в сельскохозяйственный оборот лесных и луговых угодий грозило неминуемой деградацией почв и как следствие экологическим и социально-экономическим кризисом в регионе.

Природно-хозяйственное освоение Орловской губернии, за исключением западной части, в значительной степени было аналогично типичным лесостепным губерниям Центральной России. Сокращение надельной земли у жителей Орловской губернии за период с начала по середину XIX в., в целом, еще не нарушило экологической ниши для земледелия, составлявшей в зависимости от уезда 1,33 десятины пашенной земли в среднем на одну единицу населения.

Примечания

[1] См.: *Александров Н. М.* Проблемы аграрной России (вторая половина XIX — начало XX в.). — Ярославль, 2003. — С. 5.

[2] См.: *Пупарев А.* Материалы для истории статистики Орловской губернии // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Т. XXII. — СПб., 1897. — С. 156.

[3] См.: Памятная книжка Орловской губернии за 1860 год. — Орел: Орловское губернское правление, 1860. — С. 69.

[4] См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. — Т. VI. — Ч. 5: Орловская губерния. — СПб., 1853. — С. 79—82; Материалы для географии и статистики России: Воронежская губерния. — СПб., 1862. — С. 183; Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. — Т. VI. — Ч. 4: Тульская губерния. — СПб., 1852. — С. 66—68.; Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. — Т. XIII. — Ч. 1: Тамбовская губерния. — СПб., 1851. — С. 79—85; Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. — Т. XIII. — Ч. 3: Курская губерния. — СПб., 1850. — С. 82—86.

[5] См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. — Т. VI. — Ч. 6. Калужская губерния. — СПб., 1849. — С. 81; Материалы для географии и статистики России: Смоленская губерния. — СПб., 1862. — С. 171—178.

[6] См.: Статистический ежегодник России на 1912 г. — СПб., 1912. — С. 106—107.

[7] См.: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Вып. 29: Орловская губерния: По сведениям 1866 года. — СПб., 1871. — С. 27.

СЕЛО АДУЕВО МЕДЫНСКОГО УЕЗДА И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ

***В. И. Абакулов**, н. с., Калужский областной краеведческий музей*

На Медынской земле много сельских населенных пунктов, история которых насчитывает не одно столетие, но, к сожалению, не привлекала к себе внимание исследователей. Среди таковых и с. Адуево (в XVII в. называлось Пирютино, писалось и как Адуевское, Одуевское, Одоевское), историю которого мы постараемся проследить, основываясь в основном на проанализированных документах, хранящихся в Государственном архиве Калужской области, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

С. Адуево находится в 6 км к востоку от г. Медыни, в 52 км от г. Калуги, недалеко от Варшавского шоссе. Входит в состав сельского поселения «Село Адуево» и расположено на юго-востоке Медынского района Калужской области (в состав поселения входят шесть населенных пунктов — с. Адуево и деревни Дворики, Малиновка, Марютино, Новоселки и Синявино). Деревня с одноименным названием находится в Истринском районе Московской области.

Адуево существует как минимум с XVI в. В 1613—1614 гг. в поместье за князем Алексеем Юрьевичем Сицким среди других деревень и пустошей, находившихся на речке Онеге (ныне пишется как Нига. — *В. А.*) в Лужецком стане Боровского уезда, была и пустошь, «что было сельцо Пирютина Одуевское тож на речке на Анеге, а в ней крестьянских дворовых 15 мест». По всей видимости, сельцо сильно пострадало в Смутное время.

Через 15 лет после избрания на Российский престол царя Михаила Федоровича Романова в писцовой книге письма и меры Василия Колычева и подьячего Василия Рожнова 1629—1630 гг. то же сельцо Пирютино Одоевское тож отмечено в поместье «по государевой грамоте за приписью дьяка Венедикта Махова 133 (1625) г.» за упоминавшимся выше боярином князем А. Ю. Сицким. В это время в сельце уже были боярский двор, двор деловых людей, 28 крестьянских дворов и один двор был пуст[1].

Видимо, вскоре после этого в сельце Пирютине был возведен деревянный храм, так как, согласно переписным книгам 1646 г., Пирютино названо селом, новым владельцем которого был боярин Глеб Иванович Морозов[2].

Места эти древние. В окрестностях Адуева на речке Онеге в Лужецком же стане Боровского уезда в писцовой книге 1629—1630 гг. написаны пустоши, прежде бывшие погостами — «Егория Страстотерпца» и «Спасский в Онегах». При последнем погосте отмечена развалившаяся деревянная церковь Спаса Всемилостивого с приделом Николая Чудотворца[3]. С церковной земли «Георгия Страстотерпца на Онеге» в 1654 г. оброк 3 алтына платил принадлежавший боярину Г. И. Морозову крестьянин села Пирютина Клим Алексеев[4]. В 1662 г. церковная пустовая земля Всемилостивого Спаса да Николая Чудотворца «в Онегах» была отдана на оброк в размере 6 алтын и 4 денег крестьянину принадлежавшей «путному ключнику» (заведовал обслуживанием и доставкой питья и еды для царя во время его походов и выездов) Никону Протопопову деревни Синявино Митрофану Данилову. Здесь была поросшая лесом дворовая, огородная и полевая пашенная земля[5].

В 1674, 1678 гг. и позже с. Пирютино Одоевское тож с деревнями находилось в вотчине казначея Ивана Богдановича Камынина, который имел здесь свой двор. Всего за вотчинником было 44 крестьянских двора, в них 215 мужского пола душ и 6 дворов бобылей, в которых проживала 21 душа мужского пола. В селе была деревянная церковь Воскресения Христова с приделом Спаса Иисуса Христа. При церкви в своих домах жили священник Тимофей Евфимьев с сыном Семеном, дьячок Ганька Евфимьев и просвирница Александра Агапова[6]. В 1674 г. принадлежавшие И. Б. Камынину крестьяне пользовались церковной Николаевской на Крутом землей и платили за это оброка 6 денег. С церковной земли «Георгия Страстотерпца на Онеге» в 1682 г. оброк 3 алтына платил сам И. Б. Камынин[7].

Крестьянин казначея И. Б. Камынина из с. Адуева Максим Дементьев совместно с другими крестьянами своего помещика в начале 1670-х гг. держали на оброке пустовые церковные земли Святого пророка Илии да Всемилостивого Спаса (платили 2 алтына

и 2 деньги) и погоста Покрова Пресвятой Богородицы на речке Медынке в Радомском стану Медынского уезда (платили оброка 6 денег). Первая из указанных пустовых церковных земель позже была на оброке у приписного к Воскресенскому, что на Истре, монастырю Медынского Благовещенского монастыря, построенного в 1660 г. старцем Авраамием[8].

Первым известным владельцем Адуева в первой половине XVIII столетия является князь Александр Яковлевич Урусов. 19 января 1731 г. прапорщик Тимофей Степанович Шульц, владевший деревней Кудиново Вепрейской волости Боровского уезда, подал в Боровскую воеводскую канцелярию челобитную, в которой жаловался на то, что крепостные крестьяне князя А. Я. Урусова из с. Адуевского завладели «насильством» принадлежавшими ему пятью жеребьями пустошей Заикиной, Епончиной, приселков Матвеевского, Туркова, Булановского Боровского уезда. В апреле того же 1731 г. была составлена мировая челобитная, согласно которой крестьяне с. Адуева Осип Борисов, Трофим Дялмин, Никифор Макаров и деревни Синявино Митрофан Семенов и Федор Карпов, видимо, вернули захваченные ими земли помещику Т. С. Шульцу[9].

Крестьяне с. Адуева зачастую не отличались спокойным нравом. 3 августа 1753 г. служитель вотчины коллежского асессора Михаила Федоровича Буланина из сельца Уланова Медынского уезда Никита Алексеев жаловался в Калужскую провинциальную канцелярию на адуевских крестьян. Он писал, что на праздник Казанской Пресвятой Богородицы 22 октября староста сельца Уланова Козма Минаев и крестьянин Архип Яковлев находились на богомолье в Ильинской церкви на городище, вотчине ставропигального Воскресенского монастыря называемого Новый Иерусалим близ Ильинского городища, о котором упоминалось выше. Погост и церковь святого Илии Пророка были расположены напротив южного фаса Воскресенского Ново-Иерусалимскаго монастыря, на правом берегу реки Истры[10]. В это время крестьяне Спасской слободки Медынского уезда, вотчины этого монастыря, сговорившись со старостой села Адуево, принадлежавшего сержанту лейб-гвардии Семеновского полка князю Александру Александровичу Урусову, Трофимом Сергеевым и другими крестьянами этого села «многолюдством незнамо с какова умыслу озорничеством своим напав на оных господина моего старосту и на крестьянина з дубьем, с кольем и поленьем били смертным боем и голову проломали, оставя едва жива, которые лежали замертво при оном городище, и ныне староста и крестьянин с бою в домах своих лежат при смерти…»[11]

17 июля 1759 г. сотский вотчины лейб-гвардии Семеновского полка поручика князя Александра Александровича Урусова села Адуевского и деревни Синявино Михей Евдокимов сообщал в Боровскую воеводскую канцелярию о том, что бывшие 15 июля на сенокосе крестьяне указанной деревни Евтей Григорьев и Дмитрий Еремеев затеяли драку, в которой Еремеев был убит. После этого Евтей Григорьев пришел в с. Адуево на господский двор и объявил о совершенном им убийстве. Убийцу заключили под караул в доме помещика. Сотский просил из канцелярии прислать служащего для осмотра тела убитого, а убийцу забрать в Боровск[12].

18 июля из Боровской канцелярии послали для осмотра тела убитого крестьянина в деревню Синявину канцеляриста Семена Матвеева, который вместе с понятыми людьми и провел осмотр. Оказалось, что «от нынешнего теплого времени (тело. — *В. А.*) в немалой опухоли и все почернело, причем бою и раны признать невозможно»[13]. Тело было передано священнику с. Адуево Тимофею Иванову для погребения. Возвращаясь в Боровск, канцелярист Семен Матвеев забрал с собой под стражей и убийцу крестьянина Евтея Григорьева.

На следующий день, 19 июля, крестьянин Евтей Григорьев был в Боровской воеводской канцелярии допрошен. Убийца рассказал, что находился на сенокосе за деревней Синявино вместе со своим односельчанином Дмитрием Еремеевым. Их сенокосные полосы располагаются рядом. Еремеев обвинил Григорьева в том, что тот скосил сено с не принадлежавшего ему участка и ударил его «березовою плахою». В ответ Евтей Григорьев ударил Дмитрия еловым суком один раз, и последний повалился замертво. От чего произошла такая скоропостижная смерть, от удара ли, или «Божиим изволением», Григорьев не знал[14].

Староста с. Адуева и деревни Синявино Евстафий Антонов 21 июля 1759 г. подал прошение в Боровскую воеводскую канцелярию. Он сообщал, что провел свое расследование указанному происшествию. Якобы Дмитрий Еремеев пришел на сенокос к Евтею Григорьеву и стал отнимать у него скошенное сено. Обороняясь, Григорьев ударил его один раз. Староста отметил, что никаких следов побоев на теле у Еремеева обнаружено ни им, ни прибывшим канцеляристом не было. Е. Антонов писал: «считаю, что убить по старости (Григорьеву было 70 лет. — *В. А.*) он его одним ударом не мог, а смерть была внезапная…» (Еремееву было 25 лет — *В. А.*). Поэтому просил отдать крестьянина Григорьева обратно в вотчину князя Урусова[15].

29 июля 1759 г. в застенке Боровской канцелярии Евтея Григорьева вновь допрашивали и «подымали на виску», но он показал про убийство тоже, что и ранее. 12 августа того же года в канцелярии приказали учинить Григорьеву наказание на площади в г. Боровске, «бить кнутом нещадно и отдать в вотчину помещика Урусова». В тот же день на торговой площади в указанном городе при барабанном бое Григорьева били «на козлах кнутом», а потом отдали его старосте с. Адуево. При этом крестьянин дал подписку в том, что «больше он убийств чинить не будет»[16].

Князь Александр Александрович Урусов в своей вотчине в с. Адуеве в 1763 г. построил каменную церковь во имя Обновления храма Воскресения Христова. Приделов при ней в то время не было[17].

26 июня 1768 г. землемер ротмистр Василий Ланг межевал земли пустового церковного Спасского кладбища (выше упоминалось как «Спасский погост в Онегах»). Кладбище состояло в ведомстве Государственной коллегии экономии, и занимаемая им территория, составлявшая 25 дес. и 1 273 кв. саж., была смежна с землями села Адуевского полковника князя А. А. Урусова, землями деревни Брюхово владения жены действительного камергера Александра Николаевича Зиновьева Авдотьи Александровны и малолетнего князя Василия Ивановича Долгорукова. Среди других в межевой книге расписался поверенный князя А. А. Урусова Степан Осипов[18].

Помещики старались избавиться от неугодных им крестьян, которые вели разгульный образ жизни, пьянствовали, дерзили им, устраивали побеги. Среди таких крестьян, представленных 13 июля 1770 г. в Калужскую провинциальную канцелярию для ссылки на поселение в Сибирь «за пьянство и побеги» полковником князем Александром Александровичем Урусовым были и крестьяне из принадлежавшего ему села Адуева Харлам Трифонов 22 и Харитон Климов 28 лет[19]. 18 и 31 мая 1772 г. поверенный служитель того же князя А. А. Урусова Степан Осипов представил в указанную канцелярию по верящему письму на поселение в Сибирь холостых крестьян села Адуева Нестера Федорова 20 лет «с зачетом в предбудущий рекрутский набор» и Михея Сафронова 18 лет. 21 июня того же года в канцелярию доставили для ссылки еще одного крестьянина того же села 18-летнего Семена Калинина «за разные его предерзости с зачетом в предбудущий рекрутский набор»[20].

Зимой 1771 г. в с. Адуеве произошло очередное происшествие. Священник этого села Тимофей Иванов и его сын диакон Семен Тимофеев подали в Боровскую воеводскую канцелярию и Верейское духовное правление жалобу на князя А. А. Урусова и его дворовых людей и крестьян якобы в их избиении. Проводилось целое следствие, тянувшееся не один год. Многие из опрошенных людей ничего толкового по этому делу сказать не могли[21]. Дело это, видимо, осталось без последствий.

В ночь с 26 на 27 июня 1772 г. неизвестные преступники сломали решетку окна Обновленской церкви в с. Адуеве и украли много церковной утвари: серебряный вызолоченный внутри потир стоимостью 80 руб., серебряные дискос со звездицей и два блюдечка ценою 40 руб., серебряный напрестольный чеканный крест на кипарисном дереве ценою 56 руб., чеканные серебряные наугольники с изображениями евангелистов и средник с изображением Воскресения Христова с евангелия ценою 35 руб., серебряный венец с сиянием с местного образа Воскресения Христова ценою 15 руб., написанный на кипарисной доске небольшой образ Знамения Пресвятой Богородицы в серебряном чеканном окладе ценою 5 руб., а также трое риз ценою 30 руб., стихарь ценою 25 руб., ризы камчатые ценою 20 руб., образ двунадесятых праздников Господних ценою 3 руб., паникадило

со свечами на 20 руб., тафтяную пелену за 1 руб. и алтарное зеркало «в золотой раме» ценою 1 руб. 20 коп.[22]

О краже священник Тимофей Иванов и церковный староста Афанасий Анфиногенов утром сообщили пятидесяцкому с. Адуева Парамону Павлову. Последний доложил о произошедшем преступлении приказчику князя А. А. Урусова Степану Осипову. Приказчик увидел на траве по росе след от телеги, оставленной предполагаемыми ворами, и, прихватив с собой нескольких адуевских крестьян, отправился в погоню.

Доехав по следу до Архангельского железоделательного завода в Боровском уезде, приказчик князя Урусова Степан Осипов стал расспрашивать встречных людей о краже из церкви. Оказавшиеся здесь заводской дьячок Степан Семенов и крестьяне деревни Брюхово сказали адуевским крестьянам, что в 1,5 верстах от завода на реке Луже в пустой мельнице воровские люди имели свой стан. Адуевские крестьяне вместе с крестьянами деревни Брюхово и бывшим при заводе отставным солдатом Артамоном Александровым ходили к указанной мельнице. Там они обнаружили запершихся и спавших в деревянной клети трех неизвестных людей. Адуевцы стали их будить и спрашивать, кто они такие. В ответ из амбара раздались выстрелы из ружья, а затем прятавшиеся там люди вышли из него «с тем ружьем и обнаженным большим ножом и рогатиною стали к поимке себя не даваться, стреляя еще по нам вторично, и метали каменьями».

Завязалась драка. Одного из прятавшихся на мельнице людей крестьяне убили, а двух других схватили и повели их на Архангельский завод, где те снимали квартиру якобы «для краски крашенины». Осмотрев квартиру, адуевские крестьяне церковной утвари не нашли. Обнаружили только небольшой ларец, в котором оказался кулек с сандалом, кусок крашенины и балалайка. Несмотря на отсутствие здесь украденной церковной утвари, адуевские крестьяне во главе с приказчиком Степаном Осиповым доставили пойманных на мельнице двух людей и труп третьего в Боровскую воеводскую канцелярию для проведения следствия[23]. В ходе последнего церковные вещи из храма в с. Адуево так и не были обнаружены.

После учреждения Калужского наместничества в 1776 г., село Адуевское и деревни Синявино, Девкино и Марютино из Боровского уезда перешли в Медынский уезд. На начало 1780-х гг., согласно «Описаниям и алфавитам к Калужскому атласу», они принадлежали по-прежнему князю А. А. Урусову. В этих населенных пунктах насчитывалось 187 дворов, в них было 774 мужчины и 742 женщины. Всей земли было 7 489 дес. 771 кв. саж. В селе был деревянный господский дом. При с. Адуевском и д. Девкино на речке Онеге состояли две мучные мельницы, при селе об одном, а при деревне о двух поставах. Крестьяне были на положенном оброке[24].

Во время Отечественной войны 1812 г. с. Адуево с соседними деревнями не остались в стороне от происходивших событий. Этим населенным пункатам повезло, сюда не дошла армия Наполеона, и захватчики их не разорили, хотя всего километрах в 10 от этих мест на дороге из с. Кременского под Медынью русскими войсками 13 (25) октября был разбит отряд из польского корпуса Понятовского и в плен попал генерал Тадеуш Тышкевич. Жители села и деревень помогали русской армии, снабжая ее продовольствием и фуражом. Участвовали крестьяне и в боевых действиях. От с. Адуева с деревнями, владения жены гвардии прапорщика Прасковьи Николаевны Бутурлиной, с 1259 душ во внутренне ополчение было поставлено 5 конных и 55 пеших воинов[25]. В 1813 г. помещица поставила в армию еще 6 рекрут[26].

На 1819 г. в с. Адуеве с деревнями было несколько помещиков. Так, жене гвардии прапорщика Прасковье Николаевне Бутурлиной принадлежало здесь 406 душ крепостных крестьян, девице Варваре Ивановне Бутурлиной 399 душ и жене полковника Дарье Ивановне Бартеневой 441 душа[27].

После смерти П. Н. Бутурлиной, в 1828 г. часть имения в с. Адуеве и д. Синявине купила у ее дочери, помещицы Мельгуновой, вдова поручика Прасковья Алексеевна Синявина. Имение это было заложено Мельгуновой в Московском Опекунском Совете Императорского Воспитательного Дома, и выплаты она просрочила, почему имение и было выставлено на продажу. Опекуном над имением был муж сестры помещицы Мельгуновой коллежский советник Бартенев[28].

Известно, что в 1840-х гг. новыми владельцами села Адуева были князья Кочубей. Так, в июле 1841 г. в с. Адуеве, принадлежавшем княгине Кочубей, сгорели два крестьянских дома[29]. В 1859 г. в селе было 104 двора, в которых проживали 447 мужчин и 489 женщин[30]. Кочубеи владели этим селом и в 1860-е гг.

Неординарное событие произошло с диаконом с. Адуева Никитой Васильевым. Утром 31 января 1862 г. мировой посредник первого участка Боровского уезда Арсеньев ехал из Боровска в с. Уваровское Боровского уезда для объявления крестьянам этого села составленной уставной грамоты. По дороге ему повстречались сани, в которых лежал какой-то человек, не назвавший своего имени, а это был адуевский диакон. Приехав в Уваровское, посредник приказал волостному старшине и сельскому старосте ехать за этим неизвестным ему человеком и доставить его в указанное село для установления личности. Те выехали и пригласили этого человека проехать с ними в с. Уваровское. При этом «дьякон начал шуметь, требуя везти его к исправнику, причем старшина был изруган “сукиным сыном”, кричал караул, когда брали (его. — *В. А.*) лошадь за вожжи».

Как бы то ни было, а диакон был доставлен в с. Уваровское в дом помещика Оффенберг. При этом он оказался пьян. Следом в дом явился ехавший на особой подводе отец диакона дьячок с. Вепреи Малоярославецкого уезда Василий Петров. Он объявил присутствовавшим, что это его сын — диакон с. Адуева Никита Васильев. Дьячок просил за сына прощение и просил их отпустить. Мировой посредник оштрафовал диакона на 3 руб., чтобы передать их собранным для поверки грамоты крестьянам в вознаграждение за потерянное время, и после этого его отпустил[31].

Прихожане Обновленской церкви села Адуева всячески помогали благолепию своей церкви, неоднократно жертвовали деньги и вещи. Крестьянин деревни Дворики Никита Качалов в 1899 г. пожертвовал два листа 4% ренты каждый по 100 руб. и 10 руб. деньгами в пользу открывшейся в селе Адуеве женской церковно-приходской школы[32].

В 1895 г. на средства благотворителей вокруг Обновленской церкви была устроена железная ограда с каменными столбами, покрытыми железом[33].

Большую помощь оказывали приходской церкви зажиточные крестьяне села Адуева Мешковы. В 1883 г. на средства крестьянина Мешкова Обновленская церковь была распространена через устройство двух приделов. Он же возвел каменную колокольню[34]. Бывший крестьянин адуевского прихода санкт-петербургский купец 2-й гильдии Федор Иванович Мешков в 1885 г. пожертвовал на устройство иконостаса в Обновленскую церковь указанного села 8 000 руб., а также 1 929 руб. на покупку и доставку в ту же церковь колокола. Бывший в это время церковным старостой этого храма Василий Степанович Мешков пожертвовал на приобретение для опекаемого им храма колокола 100 руб. Оба Мешкова получили благословение от Его Преосвященства[35].

17 января 1906 г. в должности церковного старосты Обновленской церкви села Адуева был утвержден Его Преосвященством крестьянин Матвей Бакалин[36].

В с. Адуеве в 1914 г. были министерская и церковно-приходская школы, находились квартира урядника и волостное правление. В этом населенном пункте проживало на это время 715 мужчин и 738 женщин. Всего в Адуевской волости было 3 937 мужчин и 4 324 женщины[37].

После революции храм в с. Адуеве был закрыт и впоследствии разрушен. В 1918 г. церковная земля была отчуждена земельным комитетом из владения причта в пользу крестьян[38]. Рушился привычный для крестьян патриархальный уклад их жизни. Некоторые жители села были расстреляны в ходе подавления вспыхнувшего в ноябре 1918 г. восстания крестьян против советской власти (среди них были Степан Григорьевич Мешков, Михаил Семенович Платов, Иван Алексеевич Шерманин, Андрей Трофимович Ученов и др.). В подавлении восстания применялась артиллерия. Утром 12 ноября 1918 г. с. Адуево было обстреляно, и к обеду его занял отряд, состоящий из бойцов 1-го Калужского отдельного батальона корпуса войск Всероссийского чрезвычайного комитета, инструкторских курсов Губернского военного комиссариата и 7-й зенитной батареи под руководством председателя губернского чрезвычайного комитета Ф. В. Ассен-Аймера и губернского военкома В. А. Варганова, прибывший из Калуги. 13 ноября отряду поступил приказ «о сметении с лица земли артиллерийским огнем всех белогвардейских дере-

вень…»[39] При подавлении восстания войска потеряли 8 человек убитыми и 9 ранеными, со стороны восставших было убито и расстреляно 199 человек.

В том же 1918 г. священником в Адуеве был Александр Владимирович Лебедев, диаконом Николай Николаевич Долгополов, псаломщиком Дмитрий Владимирович Лебедев (он успел в 1916 г. побывать на войне с Германией). В приходе было 544 двора, 1 534 мужчины и 1 559 женщин. В Адуеве было 170 дворов, в них 552 мужчины и 558 женщин[40].

Не обошли стороной Адуево и репрессии. Среди уроженцев этого села Михаил Михайлович Мешков, бывший членом ВКП(б) и комендантом асфальтобетонного завода в Москве, в 1937 г. получил 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Также были приговорены к лишению свободы на 10 лет колхозники из Адуева Егор Яковлевич Калачиков, Петр Ефимович Колосков, Яков Яковлевич Лихоманов, Максим Николаевич Сморкачев и др. В 1937 г. были расстреляны Яков Яковлевич Калачиков и Яков Павлович Сычев. Тогда же был осужден на 10 лет лишения свободы, работавший начальником почтового отделения в Адуеве, уроженец деревни Чашинка Горевского уезда Белоруссии Потап Андреевич Шевченко[41].

На основании проанализированных документов Государственного архива Калужской области нам удалось проследить историю села Адуева на протяжении нескольких столетий и установить, что им владели представители таких дворянских фамилий как князья Сицкие, Морозовы, Камынины, князья Урусовы, Бутурлины, Бартеневы, Синявины, князья Кочубей и др. Подробное составление истории села Адуева в советское время (последние священнослужители, закрытие церкви, ход крестьянского восстания 1918 г., репрессии, создание колхоза, события во время Великой Отечественной войны и др.) требует отдельной работы.

Примечания

[1] См.: Список с писцовой книги 137 и 138 (1629 и 1630) гг. «письма и меры Василья Колычева и подьячего Василия Рожнова поместных и вотчинных земель в станах и волостях Боровского уезда» // Калужская старина. — Т. 5. — Калуга, 1910. — С. 215.

[2] См.: Калужская старина. — Т. 5. — С. 215; *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века: Историко-географический очерк. — М., 1996. — С. 148.

[3] См.: Калужская старина. — Т. 5. — С. 218.

[4] См.: Калужская старина. — Т. 4. — Калуга, 1904. — С. 118.

[5] См.: Боровская десятина. Отдел 2 // Калужская старина. — Т. 4. — С. 121.

[6] См.: Калужская старина. — Т. 5. — С. 215.

[7] См.: Боровская десятина. Отдел 2. — С. 116, 118.

[8] См.: Пустовые церковные оброчные земли 1679—1746 гг. Медынской десятины // Калужская старина.— Т. 6. — Калуга, 1911. — С. 40.

[9] См.: *Трейтер П.* Опись столбцов и других документов XVII и XVIII вв., поступивших в архив Калужской Губернской Ученой Архивной Комиссии из Губернского Статистического Комитета. / Известия Калужской Губернской Ученой Архивной Комиссии (ИКУАК). — Вып. II. — Калуга, 1899. — С. 24—25.

[10] См.: *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание заштатного города Воскресенска и его окрестностей. — М., 1905. — С. 12.

[11] Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 221. Оп. 1. Д. 85. Л. 133, 133 об.

[12] См. там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 588. Л. 1, 1 об.

[13] Там же. Л. 6.

[14] Там же. Л. 7, 7 об.

[15] Там же. Л. 8 — 9 об.

[16] Там же. Л. 12, 12 об, 21 об.

[17] См. там же. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 188. Л. 1; Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 61; Ф. 33. Оп. 1. Д. 1068. Л. 5.

[18] См. там же. Ф. 437. Оп. 5. Д. 60. Л. 1—4.

[19] Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 316. Л. 609.

[20] Там же. Д. 344. Л. 133, 509, 521.

[21] См. там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1176. Л. 114 об — 144 об.

[22] См. там же. Д. 856. Л. 2 об, 3.

[23] См. там же. Л. 1, 2.

[24] См.: Описания и алфавиты к Калужскому атласу. — Ч. 2. — СПб., 1782. — С. 3, 4.

[25] См.: *Булычов Н. И.* Архивные сведения касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. (Калужское Дворянское Ополчение). — Калуга, 1910. — С. 60.

[26] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 282. Л. 165.

[27] См. там же. Д. 494. Л. 97.

[28] См. там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1333. Л. 1 — 5 об.

[29] См.: Калужские Губернские Ведомости, 1841, 23 авг. — № 34, — Прибавление. — С. 250.

[30] См.: Калужская губерния. Список населенных мест пор сведениям 1859 года. — СПб., 1863. — С. 89.

[31] См.: ГАКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1901. Л. 8—10.

[32] См.: Калужские Епархиальные Ведомости (КЕВ), — 1899, 15 февр. — № 3, — Часть официальная. — С. 17.

[33] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 61.

[34] См. там же; Ф. 1267. Оп. 3. Д. 188. Л. 1.

[35] См.: КЕВ. — 1885, 31 окт. — № 20. — Часть официальная. — С. 260.

[36] См. там же. — 1906, 15 марта. — № 5. — Часть официальная. — С. 77.

[37] См.: Список населенных мест Калужской губернии. — Калуга, 1914. — С. 64.

[38] См.: ГАКО. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 188. Л. 1 об.

[39] Заседание Губисполкома // Коммуна (Калуга). — 1918, 10 дек, — № 129, — С. 2.

[40] См.: ГАКО. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 188. Л. 3 об — 6, 9.

[41] См.: *Калиниченко Ю. И., Лисянский В. Ю., Мониковская Н. П.* Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. — Т. 2. — Калуга, 1994. — С. 125, 177, 298, 366; *Калиниченко Ю. И., Лисянский В. Ю., Мониковская Н. П.* Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. — Т. 3. — Калуга, 1994. — С. 197, 245, 390.

ИСТОРИЯ с. ГЕОРГИЕВСКОГО НА ПОЛЯНЕ КАЛУЖСКОГО УЕЗДА И ПОГОСТА ПРИ НЕМ

***В. И. Абакулов**, н. с., **Т. И. Абакулова**, гл. бух.,*
Калужский областной краеведческий музей

В течение сезона 2014 г. наша рабочая группа проводила обследование сельских кладбищ, располагавшихся на территории бывшего Калужского уезда. Выявлялись и описывались сохранившиеся в них старинные надгробные памятники. Не обошли мы стороной и кладбище бывшего с. Георгиевского на Поляне, долгое время бывшего погостом (ныне известно как Галкинское кладбище). Располагалось оно в 13 верстах на запад от Калуги. Ныне такого населенного пункта не существует, а занимавшаяся им территория входит в границы городского округа «Город Калуга». Историю этого места мы и постараемся проследить, основываясь на проанализированных документах Государственного архива Калужской области.

В писцовой книге межевания Григория Андреевича Плещеева и подьячего Григория Семенова 1628—1629 гг. в долине речки Яченки в Подгородном стане Калужского уезда среди других погостов обозначен и погост с церковью «Страстотерпца Христова Георгия в поле». В это время здесь были дворы священника, дьячка и четырех церковных бобылей[1].

В 1669 г. с церкви святого великомученика Георгия на Поляне собралось дани и пошлин 17 алтын и 5 денег, да за «Вознесенский приход, что на речке Каменке» (впоследствии село Вознесенское, Лазаревское, Каменка тож Калужского уезда) брали 10 алтын. Вознесенской церкви в это время не было (бывший погост с церковью Вознесения Господня был разорен в Смуту, церковь сожжена и не восстанавливалась), а за принадлежавшую ей землю вносили плату священнослужители погоста Георгиевского на Поляне. (В конце XIX в., церковь в селе Каменке также была на какое-то время приписана к церкви Георгиевского на Поляне). 14 марта 1680 г. по челобитной Федора Семеновича Римского-Корсакова «Вознесенский приход, который писан под… церковью Георгиевскою на Поляне» указом святейшего патриарха было велено из оклада освободить, так как

Фото 1. Георгиевская церковь. Фото авторов. Май 2014 г.

в указанном Вознесенском приходе была построена церковь, которая была обложена церковной данью[2].

При Георгиевской на Поляне церкви на 1701 г. было 6 бобыльских дворов, в них проживал 21 мужчина. По словам бывшего в это время при церкви священника Никиты Афанасьева указанные бобыли «на него попа пашню пашут, дрова валят и всякую работу работают, а денежных поборов и оброков они бобыли ему попу не дают». На речке Яченке той же церкви принадлежала мельница об одном поставе. По одному берегу речки земля была церковная, а по другую сторону принадлежала помещику Ефиму Семеновичу Дурново. Помещик содержал мельницу и платил за это оборка 50 копеек в год. Зерно для причта церкви на мельнице мололи бесплатно[3].

Ефим Семенович Дурново в 1702—1703 гг. владел в Подгородном стане Калужского сельцом Груздовским, пустошами Тайнинское и Антиповское[4].

Через полвека, в 1754 г. внук Е. С. Дурново коллежский асессор Дмитрий Ефимович Лавров жаловался в Калужскую провинциальную канцелярию, что священник церкви Великомученика Георгия, что на Поляне, Яков Андреев и «прочие причетники» грабят имущество из мельницы на речке Яченке возле сельца Груздовского Калужского уезда. Эту мельницу якобы более 40 лет назад построил на своей крепостной земле Е. С. Дурново и платил за нее оброк[5].

11 июля 1762 г. указ о восшествии на Всероссийский престол императрицы Екатерины Алексеевны и о присяге слушали церкви святого великомученика Георгия, что на Поляне, священник Яков Андреев, диакон Семен Яковлев, дьячок Матвей Максимов, пономарь Мина Иванов, а также сын священника Михаил Яковлев, бывший престарелый дьячок Максим Степанов, его дети Гавриил, Петр и Алексей, бывший престарелый пономарь Иван Иванов и дети пономаря Мины Иванова Матвей и Михаил[6].

В 1773 г. от Георгиевской на Поляне церкви в 51-й рекрутский набор было взято 3 церковных бобыля[7]. В 1777 г. деревянная церковь на описываемом погосте тщанием Михаила Ивановича Раевского была заменена каменной также в честь святого Георгия[8]. Этот местный помещик пожертвовал в построенный им храм из своего дома в сельце Лихуне местные иконы, и в их числе привезенную из Сибири икону Нерукотворенного

Спаса. В память этого события в XIX в. ежегодно с 15 под 16 августа из Георгиевской на Поляне церкви в помещичий дом в сельцо Лихун устраивался крестный ход[9]. М. И. Раевский был похоронен возле построенной им церкви в часовне. В начале XX в. исследователь Н. П. Чулков отмечал, что известняковое надгробие над его могилой было «без дат, надпись… обвалилась»[10]. Часовня до настоящего времени не сохранилась.

В «Описаниях и алфавитах к Калужскому атласу» на начало 1780-х гг. описываемое нами место показано как Георгиевский погост, при котором жили священно и церковнослужители. Под поселением было занято 2 дес., пашни было 37 дес., сенных покосов 3 дес. 1 200 кв. саж., леса 1 200 кв. саж., неудобных мест 2 дес. 1 101 кв. саж. Всего земли при погосте было 45 дес. 1 101 кв. саж. Располагался он на левой стороне речки Яченки[11]. Позже Георгиевское на Поляне писалось как село духовного ведомства.

В первой половине XIX в. причту Георгиевской церкви села Георгиевского на Поляне принадлежала половина мельницы на речке Яченке о трех поставах. 1 июня 1849 г. она была отдана в содержание проживавшему в сельце Лихуне гвардии штабс-капитану князю Николаю Яковлевичу Несвицкому сроком на 9 лет. За первый год князь должен был платить 57 руб. 14 коп. серебром, за остальные 8 лет по 41 руб. $42^{6}/_{7}$ коп. серебром каждый год. Половину из этих денег получали священнослужители.

В том же 1849 г. при церкви была ветхая деревянная сторожка для проживания церковного сторожа. В это время священником в указанном храме был Михаил Николаевич Соколов 44 лет, диаконом Ефрем Александрович Покровский 33 лет, дьячком Дмитрий Иванович Сахаров 51 года и пономарем Никанор Ильич Извеков 43 лет. На пропитании диакона в селе жил бывший заштатный диакон Александр Анисимович Смирнов 65 лет. Приход в это время состоял из следующих населенных пунктов: сельцо Лихун, деревня Марьино жены полковника Марии Ивановны Засецкой, деревни Петрово, Ильино, Григоровка принадлежавшие князю Николаю Яковлевичу Несвицкому, сельцо Доможирово, деревня Износкова поручика Михаила Афанасьевича Меньшова, сельцо Груздово поручика Афанасия Зосимова и капитана Павла Федоровича Туманского, сельцо Каменка малолетних детей князя Алексея Михайловича Ухтомского, сельцо Починок поручика Ивана Николаевича Муромцева, деревня Уварово прапорщика Семена Алексеевича Петрова, сельцо Ермолово ротмистра Николая Аполлоновича Заборовского, сельцо Лобаново жены полковника Екатерины Николаевны Миницкой, сельцо Филимоновское дворянина Никиты Андреевича Кишкина, сельцо Канищево поручика Константина Ивановича Сорохтина, ротмистра Василия Васильевича Зыбина, полковника Ивана Васильевича Ртищева, Нила Дмитриевича Козляинова. Всего в приходе насчитывалось 157 дворов, в которых проживали 921 мужчина и 899 женщин. Из них 5 человек были старообрядцами и проживали в сельце Канищево[12].

На кладбище при селе Георгиевском на Поляне был погребен скончавшийся 3 января 1851 г. упоминавшийся выше князь Н. Я. Несвицкий (родился он 14 апреля 1807 г.)[13].

22 мая 1863 г. епархиальным начальством за заботу о храме был награжден похвальным листом церковный староста села Георгиевского на Поляне Калужского уезда штабс-ротмистр Аркадий Михайлович Меньшов[14].

Священно и церковнослужители Георгиевского на Поляне храма 1 июля 1863 г. отдали в аренду половину принадлежавшей им на речке Яченке мельницы крестьянину села Бышковичи Мещовского уезда Ивану Ивановичу Крюкову сроком на 10 лет с платой в год 80 руб. серебром[15].

Деревянная Вознесенская церковь в селе Каменке при речке Каменке Калужского уезда по указу Калужской духовной консистории от 18 ноября 1870 г. за № 5640 была приписана к приходу церкви Георгиевского на Поляне. В это время село входило во 2-й благочинический округ, благочинным был священник села Лисина Калужского уезда Николай Никольский[16].

В 1871 г. причт церкви в с. Георгиевском на Поляне состоял из следующих лиц: священник Александр Васильевич Меморский 29 лет, дьячок Алексей Иванович Малинин 29 лет, пономарь Яков Алексеевич Лебедев 65 лет, диакон Ефрем Александрович Покровский 56 лет. Здесь же при означенном храме сиротствующими были дочь умершего священника Григория Божанова Надежда 13 лет (находилась в доме трудолюбия), вдо-

ва умершего пономаря означенной церкви Никанора Извекова Ольга Стефановна 43 лет и ее дочь Анна, вдова умершего священника с. Щелканова Мещовского уезда Елизавета Петровна Воскресенская 54 лет с детьми Верой 25, Любовью 21, Софией 17 и Анной 16 лет (священник А. В. Меморский был ее зятем). В это время в приходе проживали помещики: в сельце Доможирове штабс-капитан Аркадий Михайлович Меньшов (был церковным старостой), в сельце Лихуне отставной губернский секретарь Иван Алексеевич Степанов, в сельце Филимоновском не служащий дворянин Никита Андреевич Кишкин, в сельце Ермолове жена штабс-ротмистра Анна Яковлевна Заборовская и в сельце Аргунове майор князь Алексей Михайлович Ухтомский. Всего в приходе было 463 двора, 1 480 мужчин и 1 525 женщин[17].

Прихожане на свои средства возвели вокруг своего храма ограду. Епархиальное начальство в мае 1878 г. объявило свою признательность губернскому секретарю Ивану Алексеевичу Степанову, штабс-капитану Аркадию Михайловичу Меньшову, князю Ивану Яковлевичу Несвицкому и прихожанам села Георгиевского на Поляне за пожертвование ими 555 руб. на устройство этой ограды, а также священнику означенного села А. В. Меморскому за труды при ее устройстве[18].

В феврале 1880 г. следующим арендатором мельницы на речке Яченке стал крестьянин деревни Турыниной Иван Осипов, получивший ее себе в содержание на 8 лет с платой по 80 руб. в год. Половину этих денег также как и раньше получили священно и церковнослужители с. Георгиевское на Поляне. В приходе у этой церкви по-прежнему оставалось приписанной Вознесенская церковь в селе Каменке со своими прихожанами. Настоятелем Георгиевской церкви оставался священник А. В. Меморский, помощником его был священник Александр Алексеевич Маккавейский 55 лет, исправляющим должность псаломщика в сане диакона Ефрем Александрович Покровский 61 года, псаломщиком с. Каменки Пафнутий Егорович Смирнов 54 лет. Сверхштатным был исправляющий должность псаломщика А.И. Малинин 38 лет. Его грамота сгорела во время бывшего в его доме 21 августа 1876 г. пожара. В приходе насчитывалось 459 дворов, в них 1 368 мужчин и 1 408 женщин[19].

При Георгиевской церкви состояло Георгиевское на Поляне приходское попечительство, открытое в 1890 г.[20]

На 1894 г. в приходе с. Георгиевского на Поляне было два учебных заведения. Так, при церкви в селе был деревянный дом под железной крышей, разделенный на две половины: в одной помещалось приходское сельское земское училище, в котором законоучителем состоял приходской священник, а учительницей воспитанница Московской учительской семинарии дочь священника Ольга Малинина; другая половина предназначалась для жительства сторожа церкви и общежития учеников в зимнее время. В деревне Ильинке (Новая деревня тож) была земская школа, в которой законоучителем состоял также местный приходской священник Михаил Спасский, а учительницей его дочь Елизавета, окончившая курс в Калужском епархиальном женском училище. Церковь в с. Каменке как приписная в клировой ведомости уже не значится. Священником в указанное время в Георгиевском на Поляне был Михаил Григорьевич Спасский 50 лет, диаконом Сергий Георгиевич Лавров 47 лет и псаломщиком Иван Павлович Пальмирин 26 лет. В приходе всего насчитывалось 421 двор, в них 1 314 мужчин и 1 351 женщина. Из этого числа в сельце Канищеве был один двор старообрядцев, в котором проживали 3 мужчин и 2 женщины[21].

В 1898 г. в приходе церкви Георгиевского на Поляне значится еще одна школа — грамоты в деревне Лобаново, где учителем состоял псаломщик первого штата, имеющий звание учителя Алексей Иванович Богданов. Причт в это время насчитывал два штата: священниками были М. Г. Спасский, Филипп Григорьевич Троицкий 23 лет, диаконом оставался С. Г. Лавров, псаломщиками были: первого штата Алексей Иванов Богданов 26 лет и второго штата Павел Николаев Кольцов 29 лет.[22]

В 1903 г., священниками при Георгиевской церкви оставались М. Г. Спасский и Ф. Г. Троицкий, диаконом был Николай Дмитриевич Смиренский, псаломщиками в сане диакона были Петр Дмитриевич Смирнов 30 лет и Александр Сергеевич Разумовский 48 лет. Церковным старостой с 1902 г. состоял запасной бомбардир крестьянин

д. Марьиной Карачевской волости Калужского уезда Алексей Герасимович Ефимов[23]. Он же был утвержден церковным старостой при описываемом храме 23 июня 1905 г.[24] Занимал эту должность и в 1909 г.[25]

В приходе Георгиевской церкви с. Георгиевского на Поляне в 1909 г. значится уже 4 школы: министерская одноклассная в сельце Лихун (училось 50 человек) и земские школы в деревне Новая Ильинка (80 учащихся), селе Георгиевское на Поляне (30 учащихся) и в деревне Лобаново (35 учащихся). Законоучителями в них состояли приходские священники. Библиотека в церкви насчитывала до 500 книг и журналов. Церковная летопись велась с 1873 г. Священниками были все те же М. Г. Спасский и Ф. Г. Троицкий, диаконом — Н. Д. Смиренский, исправляющий должность псаломщика 1 штата — Василий Тимофеевич Крылов 21 года и исправляющий должность псаломщика 2-го штата — Пантелеймон Алексеевич Малинин 23 лет. В приходе был 441 двор, 1 608 мужчин и 1 698 женщин[26].

Постепенно количество учебных заведений в приходе увеличивалось. К 1912 г. их было уже пять. К описанным выше добавились две земские школы — в сельце Канищеве и д. Григоровке. Церковным старостой Георгиевской церкви с 1 июня 1911 г. был крестьянин д. Малой Каменки Алексей Андреевич Сидоров. Преосвященный посетил приход 21 июня 1911 г. Причт Георгиевской церкви в 1912 г. оставался таким же, как и в 1909 г. Дети настоятеля священника М. Г. Спасского — сын Иоанн обучался на 3 курсе юридического факультета Варшавского Императорского университета, дочь Серафима состояла учительницей Георгиевского на Поляне земского училища. В приходе было 470 дворов, 1 647 мужчин и 1 659 женщин[27].

Накануне революции, в 1916 г. в Георгиевской церкви с. Георгиевского на Поляне было три престола: в настоящей холодной во имя Святого Великомученика Георгия, в приделах: правом Святителя и Чудотворца Николая, левом — Святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца. В приходе было семь школ: министерская одноклассная в сельце Лихуне и земские в деревнях Новой Ильинке, Старой Ильинке, Григоровке и сельцах Лобанове и Канищеве. Священниками были Филипп Григорьевич Троицкий 41 года и Тихон Иванович Лабахин 25 лет, диаконом был Иван Григорьевич Бриллиантов 29 лет, псаломщиками первого штата Василий Тимофеевич Крылов 28 лет и второго штата Пантелеймон Алексеевич Малинин 31 года. Церковным старостой оставался с 1911 г. крестьянин Алексей Андреевич Сидоров 54 лет. В приходе были с. Георгиевское на Поляне, в нем 6 дворов причта, в них 9 мужчин и 9 женщин, а также Карачевской волости деревни Дможирово, Малая Каменка, Груздово, Починок, Марьино, Уварово, Петрово, Григоровка, Новая Ильинка, Старая Ильинка, Галкино, сельца Лихун и Канищево и Слядневской волости, сельцо Лобаново, деревни Новоселки и Жерело. Всего 456 дворов, в них 1 683 мужчины и 1 780 женщин[28].

После революционных событий 1917 г. в советское время Георгиевская церковь была закрыта, дома причта были разрушены. Ныне храм стоит недействующий, частично в руинированном виде, полностью обвалилась крыша трапезной и часть ее стен. С востока и юга храм окружен кладбищем. В клировых ведомостях начала XX столетия написано, что при церкви имелось четыре кладбища: «1) В каменной ограде около церкви; 2) Вне ограды церковной, близ церкви, древнее, закрытое; 3) Вне селения упраздненное; 4) Вновь открытое, особо отведенное, примыкающее к кладбищу № 3»[29]. Последние три кладбища были окопаны канавами, огорожены посадкой на них растущих деревьев. Ныне все эти кладбища слились в одно.

Кладбище бывшего села Георгиевского на Поляне расположено в 3 км к юго-западу от улицы Светлой в Калуге, возле автомобильной дороги. Судя по всему, старинное кладбище располагалось к западу от Георгиевской церкви. Территория его и сейчас не занята современными захоронениями. Здесь много ям, оставленных «черными археологами», видны остатки фундаментов домов причта. Современные захоронения поглотили многие старые могилы и надгробные памятники XVIII — начала XX в. ныне большей частью утрачены. В ходе обследования кладбища нами было выявлено всего пять сохранившихся дореволюционных надгробий. Три из выявленных надгробий — это выполненные из известняка саркофаги с крышкой. Лишь на одном из них с трудом можно прочесть надпись

Фото 2. Плита на погосте Георгия на Поляне. XVII в. Фото авторов. Май 2014 г.

с именем «Мария». В 8 метрах к югу от колокольни находится такой же памятник в виде саркофага с крышкой, который сильно разбит. В начале 1990-х гг. на нем еще можно было разобрать фамилию «Раевский».

Два обнаруженных памятника относятся к XVII-первой половине XVIII в. Первый — это известняковая плита середины XVII столетия. Она расколота на две части. Размеры фрагментов — 61×91×64,5 см и 50,5×102,5×76 см. Толщина плиты — 28—29,5 см. По краю надгробия вырезан жгутовой орнамент. На плите нанесена надпись в семь строк, но она сильно стерта и побита, и прочесть ее не представляется возможным. Высота букв — 7 см. В верхней части плиты вырезан солярный знак и по бокам от него дата «ЗРЗИ (г)» (7168 — 1 сентября 1659 – 31 августа 1660).

Второе надгробие также выполнено из известняка и представляет собой плиту, левая часть которой утрачена. Находится в гробокапательской яме. На торце плиты сохранилась часть надписи в 4 строки (утрачена верхняя ее часть) в обрамлении растительного орнамента: «… ИРА // … И ПО(Л)КО(В)НИ(К) ИВА(Н) // (ТИТ)ОВИ(Ч) РАЕ(В)СКО(И) ВСЕ(Х) ЛЕ(Т) ЖИТИЯ // (Е)ГО 52 ГОДА 11 М(Е)(С)ИЦО(В) И 6 ДНЕИ». Высота букв — 5 см. Размеры памятника— 47×45×71×68 см.

Известно, что полковник Иван, поручик Андрей, капитан Александр, Михаил и Василий Титовичи Раевские в 1728 г. владели 179 душами мужского пола крестьян в сельце Лихуне Калужского уезда, которое позже входило в приход Георгиевской церкви с. Георгиевского на Поляне[30]. В 1741 г. Андрей Титович Раевский владел д. Починок Семеновское тож Калужского уезда, также позже входившей в приход указанной церкви[31].

Иван Титович Раевский упоминается в 1703—1721 гг. как стольник. Владел он поместьями не только в Калужском, но и в других уездах России. Так, в 1720—1735 гг. ему принадлежало с. Дубровичи при речке Ерастовке Старорязанского стана Рязанской губернии[32]. Его супругой была княжна Прасковья (по другим источникам Наталья) Михайловна Голыгина. Скончался полковник И. Т. Раевский ранее второй половины 1742 г. (к сожалению, часть надписи на его надгробии утрачена, и установить, таким образом, точную дату его смерти по этому источнику не представляется возможным), так как

Фото 3. Надгробие И. Т. Раевского. Фото авторов. Август 2014 г.

12 июня 1742 г. его супруга, значащаяся в документах уже как вдова, написала «рядную роспись» в том, что она договорилась выдать замуж свою дочь девицу Марью Ивановну Раевскую за статского советника Дмитрия Григорьевича Сафонова[33].

Выявленные нами две плиты указанного выше периода редкая находка для Калужского края. Всего на территории бывшего Калужского уезда сохранилось таких надгробных памятников не более десятка. Мы рассмотрели историю погоста и с. Георгиевского на Поляне на протяжении нескольких столетий. Приход этого храма включал большое количество населенных пунктов, в которых проживало в начале XX столетия более трех тысяч человек. Многие дворянские семьи, имевшие в этом приходе свои дома, наравне с крестьянами были прихожанами Георгиевской церкви, строителями, вкладчиками, церковными старостами этого храма. Ряд из них, как и строитель каменного храма М. И. Раевский, нашли здесь свой последний приют. С выявлением и анализом новых не введенных в научный оборот документов, хранящихся в архивах, возможно более подробное исследование, относящееся к прихожанам этого храма.

Примечания

[1] См.: *Симсон П. Ф.* Калужский уезд во времена Михаила Федоровича: (Опыт разработки истории Калужского края по архивным источникам) // Известия Калужской ученой архивной комиссии (ИКУАК). — № 3. — Калуга, 1894. — С. 49.

[2] Материалы для истории церквей Калужской епархии. Выпуск второй. Калужской десятины жилыя данныя церкви и пустовые церковныя земли 177 (1669) — 1746 гг. — М., 1903. — С. 40.

[3] См. там же. — С. 40. 41.

[4] См.: Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 221. Оп. 1. Д. 59. Л. 44 об.

[5] См. там же. Д. 92. Л. 109.

[6] См. там же. Д. 181. Л. 147.

[7] См. там же. Д. 359. Л. 26.

[8] См. там же. Ф. 33. Оп. 8. Д. 13. Л. 14; Оп. 3. Д. 1934. Л. 309; Оп. 2. Д. 1800. Л. 459.

[9] См.: Памятная книжка Калужской губернии на 1873—1874 г. — С. 123.

[10] Река времен. — Кн. 4: Русский Провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова из собрания Гос. Литературного музея. — М., 1996. — С. 366.
[11] См.: Описания и алфавиты к Калужскому атласу. — Ч. 1. — СПб., 1782. — С. 48.
[12] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 8. Д. 13. Л. 14 об — 19 об.
[13] См.: Река времен. — Кн. 4. — С. 282.
[14] См.: Калужские Епархиальные Ведомости (КЕВ). — 1863, 31 мая. — № 10. — Часть официальная. — С. 66.
[15] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 963. Л. 39, 39 об.
[16] См.: Памятная книжка Калужской губернии на 1873—1874 г. — С. 123; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 963. Л. 39 об.
[17] См. там же Л. 41 об — 43 об.
[18] См.: КЕВ. — 1878, 31 мая. — № 10. — Часть официальная. — С. 108, 109.
[19] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1277. Л. 35 — 44 об.
[20] См. там же. Д. 1939. Л. 515 об.
[21] См. там же. Д. 1934. Л. 309 об — 318 об.
[22] См. там же. Д. 2082. Л. 311 — 317 об.
[23] См. там же. Оп. 2. Д. 1474. Л. 435 об — 440, 442 об.
[24] См.: КЕВ. — 1905, 15 авг. — № 15. — Часть официальная. — С. 340.
[25] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1800. Л. 467 об.
[26] См. там же. Л. 459 об — 464 об, 466 об.
[27] См. там же. Д. 1939. Л. 515 об — 524.
[28] См. там же Д. 2303. Л. 56—63.
[29] Там же. Д. 1939. Л. 514; Ф. 33. Оп. 2. Д. 2303. Л. 55.
[30] См. там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 4. Л. 41 об.
[31] См. там. Д. 21. Л. 97.
[32] См.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Д. 325. Л. 5.
[33] См.: ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 22. Л. 56 об, 57.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И РАСШИРЕНИИ КАЛУЖСКОЙ ГОРОДСКОЙ ВОДОПРОВОДНОЙ СЕТИ. 1860—1901 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО)

***И. В. Маркина**, гл. библиограф,*
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя МБУ «ЦБС г. Калуги»

Ни у кого не возникает сомнений в том, что Калуга — старинный русский город, возникший задолго до первого летописного упоминания о нем. А города в ту далекую пору были деревянными и часто горели. Их приходилось восстанавливать вновь и вновь. Даже после того грандиозного строительства, которое изменило наш город к середине девятнадцатого века, сделав многие его дома каменными, пожары не перестали быть частым явлением. Положение усугубляло еще и то, что в домах отсутствовали водопровод и канализация. Интересно, что многие калужане задумывались над решением этого вопроса. И вот один из них опубликовал в Неофициальной части Калужских Губернских Ведомостей в № 19 от 1860 г. небольшую статью под названием «Местные известия». В ней говорится о том, что, хоть Калуга и находится на *«прекрасном возвышенном и здоровом местоположении»*, поскольку вблизи есть сосновая роща, а в самом городе — сады и бульвары, но главным недостатком ее является отсутствие труб для стока нечистот. В погребах домов скапливается вода, которую хозяева откачивают и выливают на мостовою. Можно представить себе, каким становился воздух в это время! Нет канализации. Отсутствует водопровод. Автор статьи пишет, что в Калуге нет здоровой и годной для питья воды, несмотря на то, что есть Ока, Яченка да и фонтан на площади. Привозить же воду из реки неудобно, так как город расположен на возвышении в 70—80 футов (фут — 30,48 см). Ключ (крупец) находится также возле реки. Конечно, те, у кого есть тягловая сила, могут позволить себе привезти воду. Однако зимой эти повозки представляют собой жалкое зрелище, поскольку лошади скользят, падают и разбиваются об лед насмерть. Безусловно, в городе есть и колодцы, но вода в них солоновата на вкус (высокая минерализация). Тем не менее, жители используют и ее. Для сбора дождевой воды у многих есть кадки. По Калуге разъезжают водовозы со своими бочками. Но покупать у них воду очень дорого. Вывод один: нужен водопровод. Поэтому Калужанин предлагает поднять паровыми машинами с нажимательными насосами, силой в 10 лошадей каждая (их следует выписать из-за границы в количестве 2-х штук) воду из Оки или Яченки, и устроить на площадях в двух или трех местах резервуары или фонтаны, в которые должна накачиваться вода. Он пишет, что *«здоровая»* вода находится близ Лаврентьева монастыря в ключе. Но нужно исследовать, достаточно ли ее будет для обеспечения нужд калужан. И, если окажется, что достаточно, то тогда провести ее в город. Кроме того, можно использовать воду из речки Киевки, что в 2-х верстах от Калуги. Калужанин называет даже сумму, необходимую для устройства водопровода: 10 000 рублей. Как же ее собрать? Автор и здесь вносит свое предложение: взять с горожан плату! За пользование водопроводом в расчете 20 ведер воды в день брать 3 рубля серебром в год. За ушат в 5 ведер — 1 рубль. За одно ведро в день — 25 копеек серебром. Сумма, пишет Калужанин, незначительная для каждого, но достаточная для содержания машин и резервуаров и на уплату 6—7% на капитал. В конце статьи автор резюмирует: *«Если кто взялся за это весьма полезное дело и снабдил бы Калугу здоровою водою, он устроил бы себе прочный памятник и вечную благодарность»*. Далее поставлена дата: 29 апреля 1860 года[1].

В том же 1860 г. в Неофициальной части «Калужских Губернских Ведомостей» в № 25 была опубликована статья «Еще несколько слов о недостатке водоснабжения в Калуге», в которой ее автор, так называемый Домовладелец Калуги, предлагает свой вариант решения финансовой проблемы городского водоснабжения. Он пишет, что для получения необходимых на устройство водопровода 12 000 рублей, следует продать не более 60-ти десятин леса, которого вокруг Калуги достаточно. А вот деление горожан на разряды по количеству используемой воды он считает недопустимым. Да и как за ними уследить? Ну не надзирателя же приставлять к каждому! Поэтому в объеме используемой воды людей ограничивать не стоит. А вот организовать сбор с владельцев домов, чья стоимость превышает 200 рублей, автор считает верным. Итак, он приводит следующую схему: домовладельцы 1-го разряда, а к ним относятся содержатели трактиров и бань, платят 5 рублей в год; 2-го разряда (те, чьи дома имеют стоимость свыше 5 000 рублей) — 3 рубля; 3-го разряда (их дома оценены в сумму от 1 500 до 5 000 рублей) — 2 рубля; 4-го разряда (имеют дома стоимостью от 750 до 1 500 рублей) — 1 рубль в год; 5-го разряда (их дома стоят от 200 до 750 рублей) — 50 копеек в год. Ну а те, чьи дома стоят менее 200 рублей, от налога освобождаются[2].

Однако строить водопровод городские власти не торопились. И эта ситуация оставалась неизменной до последней трети XIX в. Пока Городская Дума всерьез не стала заниматься решением этого актуального для горожан вопроса. Мы же обратимся к нескольким документам, которые проиллюстрируют нам то, как проходило устройство калужского водопровода.

Первый из них представляет собой постановления Калужской Городской Думы об аренде огородной, пахотной и занимаемой бойнями земли, а также о водоснабжении города Калуги и по разным хозяйственным вопросам (22.12.1880—08.10.1881)[3].

В нем приводится копия с постановления Калужской Городской Думы от 2 июня 1881 года о необходимости устройства городского водоснабжения. На этом заседании *«Гласные Городской Думы: Иван Осипович Масленников, Василий Ефимович Астреев, Николай Тимофеевич Розанов, Алексей Михайлович Глинков, Дмитрий Андреевич Гостев, Андрей Иванович Масленников, Александр Михайлович Фролов, Михаил Герасимович Лебедев, Петр Иванович Доброходов, Василий Васильевич Тиренин* (в документе — прим. авт.), *Федор Иванович Щелкановцев»* заявили, что *«нужна вода для тушения пожаров»* и, что *«это предмет первой необходимости»*. Они просили вновь поднять этот вопрос в ближайшем собрании Думы.

Далее приводится справка о том, что уже 16 сентября 1880 г по предмету водоснабжения Городская Дума постановила следующее: *«в городе много водных источников»*,

и *«могут быть устроены бассейны и насосы, западная часть города особенно нуждается в устройстве водоснабжения»*.

Тогда было предписано создать комиссию, которая должна была разобраться с тем: *«а) в каких частях города устройство водоснабжения является первостепенным; б) найти водные*[4] *источники, из которых можно устроить бассейны и насосы»*.

Комиссии предстояло предоставить в Городскую Думу свои соображения по этим вопросам. Обязанности учрежденной комиссии Дума просила возложить на ее Гласных: *«Виктора Аполлоновича Сытина, Василия Андреевича Нехорошева, Александра Карповича Щеглова, Александра Михайловича Фалеева, Евгения Фоковича Новоградского, Павла Петровича Соловьева»*.

Документ был подписан Городским Головой, Гласными Думы и скреплен Городским Секретарем.

После принятия сего предписания прошло несколько лет, и в городе появился водопровод, которым калужане начали оснащать как частные дома, так и различные «промышленные» заведения[5].

Итак, 6 января 1887 г. в Калуге проходило торжественное открытие водопровода, пущенного в эксплуатацию 14 декабря 1886 г.[6] Проект водопровода разработал инженер К. К. Дилль, которому городские власти заплатили за него 1 500 рублей. Строительство организовали предприниматели: Барг, Бромлей, Коган, Дилль, Алтухов, товарищество Мальцева и Зимин. С М. И. Алтуховым Городская Дума заключила договор на проведение работ с возложенной на руководителя строительства трехлетней ответственностью по их завершении. Сроки были почти не превышены и, несмотря на неблагоприятные погодные условия (сильные дожди), водопровод был построен к началу декабря 1886 г.[7] Система водоснабжения включала в себя водосборную галерею на левом берегу Оки (128 м от берега) у юго-восточной окраины города, построенную по проекту А. Г. Маленного. Она предназначалась для сбора ключей и изоляции ключевой воды от весенних и постоянных вод реки Оки. Через галерею шла из Оки восьмидюймовая труба для забора речной воды. Над галереей была насыпь для предохранения от смешения ключевой и окской вод во время речного разлива. На берегу находилась водокачка с двумя паровыми насосами и двумя котлами. В городе стояла водонапорная башня[8].

Теперь нам следует обратиться к интереснейшему документу, который представляет собой переписку с учреждениями города Калуги об устройстве водопровода и содержит сведения о домовладельцах, имеющих в домах сей необходимый «предмет быта»[9].

Калужский Городской Голова Иван Козьмич Ципулин следил за тем, чтобы проводилось устройство домашнего водоснабжения, и *«цены на предметы»* для его проведения *«были приемлемы»*. Под «предметами» здесь подразумеваются *«железные луженые трубы, запорные вентили, медные краны»*[10].

Конечно же, городские власти были заинтересованы в том, чтобы калужане оборудовали водопроводами свои дома, а не использовали уличные водоемы. Интересно отметить, что, хотя отпуск воды из этих бассейнов оставался бесплатным, их небольшое количество не могло обеспечить водой весь город (например, в 1860 г. их было всего пять!), поэтому жителям приходилось устраивать домашнее водоснабжение. Предписывалось взимать *«отдельную плату»* с тех граждан, которые *«получали воду из магистральных труб с особыми рукавами, налог определялся размером квартиры, числом клозетов, лошадей, экипажей»*[11].

Кроме того, налог должны были выплачивать *«промышленные заведения (бани, фабрики, трактиры)»*. Им же приходилось устанавливать водомеры для ведения учета количеству израсходованной воды.

Безусловно, нам сегодня покажутся интересными те «предметы», которыми более ста лет назад пользовались калужане для устройства такого важного технического достижения, как домашний водопровод, а также цены на них[12].

Итак, начнем с цен на *«чугунные трубы с раструбами и укладкой в землю, включая колена, отводы, земляные и мостовые работы»*. Трубы диаметром в 2 дюйма (дюйм — 2,54 см) продавали по цене 1 рубль за погонный фут, диаметром в 1,5 дюйма — 90 копеек.

Для тех, кому позволяли финансовые возможности, были и *«Луженые железные трубы с раструбами и укладкой в землю, включая колена, отводы, земляные и мостовые работы»*. Здесь другие расценки: за трубу диаметром в 2 дюйма отдавали 1 рубль 50 копеек за погонный фут, диаметром в 1,5 дюйма — 1 рубль 15 копеек, диаметром в 1 дюйм — 80 копеек.

Далее приводятся цены на *«Луженые железные трубы, уложенные внутри зданий с пробитием стены и укреплением трубы, включая кольца и отводы»*. Труба диаметром в 2 дюйма шла по цене 1 рубль 30 копеек за погонный фут, диаметром в 1,5 дюйма — 95 копеек, диаметром в 1 дюйм — *неразб.*

К трубам разного диаметра предлагались *«Запорные вентили под тротуарами перед домами, включая деревянную шахту, железный длинный ключ и чугунную уличную коробку с крышкою»*. Вентиль на трубы диаметром в 2 дюйма стоил 30 рублей; на трубы диаметром в 1,5 и в 1 дюйм — *неразб.*[13]

Были и *«Пропускные медные краны для запора водопровода внутри зданий»*, которые продавали в расчете *«за штуку»* разного диаметра: в 1,5 дюйма — 14 рублей, в 1 дюйм — 6 рублей, в 0,5 дюйма — 3 рубля.

Предлагались еще и *«Медные выпускные краны (винтовые)»*, чья стоимость *«за штуку»* тоже зависела от размера: диаметром в 1 дюйм — 5 рублей, в 0,5 дюйма — 3 рубля.

Кроме того, для устройства домашнего водоснабжения калужане покупали *«Медные краны с поплавком для баков»*, которые, как и выпускные краны, продавались поштучно и имели разную стоимость: диаметром в 1 дюйм — 10 рублей, диаметром в 0,5 дюйма — 6 рублей.

Водой пользовались не только в доме, но и во дворе, для чего продавали *«Стенные краны для получения воды во дворах, устраиваемые в теплых помещениях»*. Один такой кран для деревянного дома стоил 20 рублей, для каменного — 25 рублей.

«Домашняя ветвь водопровода» соединялась с *«магистральной трубой»*. За каждое такое соединение нужно было уплатить по следующим расценкам: при диаметре магистрали в 6 дюймов — 15 рублей, в 5 дюймов — 12 рублей, в 4 дюйма — 10 рублей, в 3 дюйма — 9 рублей.

В домах появились «ватерклозеты» и «писсуары». Сколько же стоило это нововведение? Итак, *«Ватерклозеты без столярных работ, включая постановку»* были трех сортов! Первый сорт обходился в 75 рублей, второй — в 60 рублей, ну а третий можно было заказать за 50 рублей. Далее следует примечание о том, что *«цена столярной работы зависит от степени желаемого изящества и комфорта»* заказчика. А *«простое и чистое устройство»* этого новшества обходилось тогда в 10—25 рублей серебром.

Продавали чугунные кухонные раковины стоимостью 7 рублей за штуку. Если же раковина была покрыта эмалью, ее цена возрастала на 1 рубль. Ну, а раковину из фарфора можно было позволить себе не менее чем за 15 рублей.

Были еще и так называемые *«трапы к раковине»*, обходившиеся в 5,5 рубля каждый[14].

Для стока грязных вод использовались трубы, чья стоимость также зависела от их размера: диаметром в 2 дюйма — 1 рубль 10 копеек за погонный фут, диаметром 1,5 дюйма — 90 копеек.

Были еще и *«фановые трубы для экскрементов»* по 2 рубля за погонный фут, а также *«писсуары»*, и, если *«чугунные эмалированные угловые»* стоили 12,5 рублей за штуку, то *«чугунные эмалированные плоские»* обходились их обладателям уже в 20 рублей. Когда же покупатель хотел приобрести этот же предмет, но, выполненный из фаянса, ему приходилось платить 15 рублей 25 копеек за угловой и *«неразб.»* рублей за плоский.

Свинцовые кольца для фановых труб стоили 6 рублей 25 копеек.

Баки для ватерклозетов первого типа оценивались в 17 рублей, а для второго — в 21 рубль.

Утверждалось, что штукатурные и малярные работы будут проводиться бесплатно в течение года с гарантией качества!

Эти расценки на предметы, необходимые для устройства домашнего водопровода, были утверждены постановлением Присутствия Калужской Городской Управы в 1886 г. и подписаны по доверенности М. И. Алтухова инженером — технологом[15].

Конечно же, одними из первых начали устраивать водопровод содержатели трактиров и постоялых дворов, так как *«рыночная вода весной и осенью грязна»*. За водоснабжение они внесли сумму в 6 000 рублей[16].

Трактиров в городе было более 80, а каждый из них расходовал около пяти ведер *«чайной»* воды в сутки[17].

Ниже следует список некоторых содержателей трактирных заведений:

«Богатверов, Зябкин, Ганьшин (43 трактира), Ковшников (3 заведения), Александрова, Фролова, Волков, Азоров, Григорьев»[18].

Водопровод был проведен и в Московские бани, а также в *«Большой Семинарии, Малой Семинарии (Духовное училище), Торговых банях Домогацкого, банях Дмитриевого, домах: Маркова, Борисова, Никольского, братьев Борисовых (трактир), Слезкиных, В. М. Лесли, Козловой, Волкова, Масленникова (трактир), Епархиальном Женском училище»*. Заведовал организацией домашнего водоснабжения Сергей Соколов[19].

В документе, датированном 27 июля 1887 г., сказано, что водопровод появился и в Калужской женской гимназии[20].

В 1887 г. водопровод был на улицах Садовой (Кирова. — *И. М.*), Спасской, Дворянской (Суворова), Спасо-Жировской (Салтыкова-Щедрина), Тележной (Воронина), Воскресенской[21].

Кроме того, в слободе Подзавалье, на улицах: Воробьевской [22], Облупской (Театральная), Семинарской (Набережная)[23], Берендяковской (Комарова), Хлюстинской (Максима Горького), на Сенной площади (сквер Мира)[24]. Затем на улицах: Богоявленской (Кутузова)[25], Крестовской (Поле Свободы?), Благовещенской (Ленина)[26]. А также возле Каменного моста[27].

С 1887 г. вода появилась в трактирах: *«Сергеева, Заверина, братьев Борисовых* (возможно, у них был и другой трактир), *Слезкина (ул. Облупа и Большая Садовая), «Якорь» (наследника В. М. Лесли), Чулкова, «Шугуровский» (В. И. Масленникова), Толкачева, Маревича, Ивана Егоровича Борисова, «Кавказ» (Санина), «Рига», Доманова, Староторжский, «Ямка» (Бурьева)»*. А еще водопровод оснащал *«Отделение Государственного Банка, I-ю Полицейскую часть, Мужскую Гимназию, Городскую Платьемойку, Городской выпуск воды в Московских воротах, Малютинскую богадельню, Дом Господина Губернатора»*, также дома господ *«Никольского (против гимназии), Елены Агафьевны Козловой, Волкова, Дмитриева у Знамения, Разумовского, Семенова»*. Помимо этого водопроводом к тому времени были обеспечены *«Архиерейский дом*[28]*, дом господина Васильева (Облупская улица), Городской театр на Садовой улице, Московский трактир господина Слезкина, Дом Дворянского собрания, гостиница «Лондон» на Облупской улице, дом господина Рязанова на Дворянской улице»*[29].

Количество израсходованной воды должно было замеряться. Ведь, если водопроводом пользуются жители небольшого дома — это одно, а бани — совсем другое. Поэтому таким заведениям надлежало устанавливать водомерные снаряды. Вот и Московские торговые бани приобрели такое приспособление для замера водорасхода[30].

В 1888 г. водопровод появился в Казанском Женском монастыре[31].

За годы эксплуатации система водоснабжения изнашивалась, а потому требовала ремонта.

В материалах о расширении Калужской городской водопроводной сети за 1901 г. мы находим интересные сведения о том, кто и каким образом обслуживал ее[32].

Общество механических заводов Братьев Бромлей отремонтировало *«старый паровой котел и насосы»*, а также изготовило городу *«новую водопроводную машину»*[33].

Для расширения водопровода был взят кредит на сумму в 50 000 рублей[34]. Исходя уже из этой суммы, мы можем судить о том, какое значение в бытовой жизни горожан имел водопровод!

Примечания

[1] Местные известия / Калужанин // Калужские Губернские Ведомости. Неофициальная часть. — 1860, 7 мая. — № 19. — С. 242—244.

[2] См.: Еще несколько слов о недостатке водоснабжения в Калуге / Калужский Домовладелец // Калужские Губернские Ведомости. Неофициальная часть. — 1860, 18 июня. — № 25. — С. 325—328.

[3] См.: ГАКО. Ф. 87. Оп. 3. Д. 35. Постановления Калужской Городской Думы об аренде огородной, пахотной и занимаемой бойнями земли, о водоснабжении города Калуги и по разным хозяйственным вопросам (22.12.1880—08.10.1881).

[4] См. там же. — Л. 27.

[5] Там же. — Л. 27 об.

[6] См.: *Вусович В. А.* Калужский Горводопровод за 50 лет его сушествования (1886—1936). — Л. 3.

[7] См. там же. Л. 6.

[8] См. там же. Л. 8—9.

[9] ГАКО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 48. Переписка с учреждениями города Калуги об устройстве водопровода. Сведения о домовладельцах, имеющих в домах водопровод. (30 сентября 1886 г. — 2 ноября 1886 г.).

[10] Там же. Л. 1.

[11] Там же. Л. 1 об.; Ф. 49. Оп. 1. Д. 210[а]. Л. 88 об. — 90 об. Описи движимого и недвижимого городского имущества города Калуги. 1860 год.

[12] См. там же. Л. 2.

[13] Там же. Л. 4.

[14] Там же. Л. 4 об.

[15] См. там же. Л. 5 об.

[16] Там же. Л. 6.

[17] Там же. Л. 7 — 7 об.

[18] Там же. Л. 8.

[19] Там же. Л. 12, 13.

[20] См. там же. Л. 14.

[21] См. там же. Л. 27.

[22] См. там же. Л. 28.

[23] См. там же. Л. 30.

[24] См. там же. Л. 32.

[25] См. там же. Л. 33.

[26] См. там же. Л. 34.

[27] См. там же. Л. 36.

[28] Там же. Л. 38.

[29] Там же. Л. 38 об.

[30] См. там же. Л. 42.

[31] См. там же. Л. 62.

[32] См. там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 127. Материалы о расширении Калужской городской водопроводной сети за 1901 год.

[33] Там же. Л. 22.

[34] См. там же. Л. 38.

КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ И Д. И. МАЛИНИН

***А. В. Лион**, краевед;*
***Ю. Н. Фетисова**, педагог-психолог, Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение № 87*

Актуальность данной темы определяется тем следом, которой оставили Калужская губернская ученая архивная комиссия (КУАК) и Д. И. Малинин в калужском краеведении. Степень изученности истории КУАК до сегодняшнего дня крайне незначительна. Известны лишь несколько публикаций[1], а также дипломная работа Е. А. Зимичевой[2]. Существует также ряд статей в сборниках калужских краеведческих конференций, в которых имеются фрагментарные упоминания о КУАК и ее деятелях[3]. Наряду с этим остаются мало-

известными публикации Д. И. Малинина и некоторых других лиц о КУАК периода конца XIX — начала XX в. Исследования же об участии Малинина в деятельности и судьбе КУАК на сегодняшний день отсутствуют.

Источники нашего сообщения делятся на две группы: неопубликованные и опубликованные. К первой относятся документы, хранящиеся в фондах ГА РФ (Ф. А-539) и ГАКО (Ф. 47, 58; Ф. Р-324). К опубликованным источникам — «Известия» КУАК (Вып. I—XXII), заметки и статьи в калужской прессе начала XX в.

При изучении темы мы ставили цель показать участие Д. И. Малинина в деятельности и судьбе КУАК, с одной стороны, и роль Комиссии в творчестве краеведа — с другой.

27 сентября 1918 г., председатель КУАК В. И. Ассонов обратился с письмом к товарищу председателя П. П. Добромыслову, извещая того о невозможности «вследствие длительной и тяжелой болезни» продолжать занятия в Комиссии. Ассонов просил «принять должность, дела и документы»[4]. В тот же день Добромыслов направил письмо Малинину, в котором сообщил о столь «странной» передаче. Сам Петр Павлович к тому времени уже не принимал участия в делах КУАК из-за болезни, вдобавок он потерял работу. В этой связи Добромыслов заявил о сложении с себя обязанностей и предложил Малинину принять у него 3 ключа, 2 печати и приходно-расходную книгу Общества, а также созвать общее собрание КУАК[5].

Выбор Добромыслова пал на Дмитрия Ивановича не случайно, о чем свидетельствуют следующие строки из его письма последнему: «Так как … Вы всегда интересовались делами Комиссии и один из немногих болели душою, смотря на непорядки в ней, то я решил передать именно Вам все полученное мною от В. И. Ассонова в надежде, что лучше Вас никто не сумеет устроить все хорошо»[6]. Строки эти писались в то время, когда шли последние месяцы существования КУАК де-юре, хотя Общество фактически уже не первый год дышало на ладан. А начиналась его деятельность более чем за четверть века до того.

Идея открытия архивной комиссии в Калуге витала еще в конце 1880-х гг. Инициатива образования КУАК принадлежала губернатору А. Г. Булыгину, весной 1890 г. выступившему с ходатайством о ее учреждении перед директором Санкт-Петербургского Археологического института. Последний обратился с надлежащим представлением к министру внутренних дел, который и дал на то разрешение 6 июня 1890г.[7]

Датой рождения КУАК считается 28 января 1891 г., когда состоялось ее первое заседание. Юридическим основанием для образования Комиссии послужило изданное Комитетом Министерства внутренних дел «Положение о губернских исторических архивах и губернских ученых архивных комиссиях» (1884). Согласно Положению ученые архивные комиссии (УАК) учреждались в губерниях «для сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении».

На первом заседании КУАК были избраны председатель, его товарищ и правитель дел. А второе (30 марта) посвящалось разработке программы работ Комиссии. Тогда же приняли решение об учреждении библиотеки КУАК и музея.

По мере реализации намеченной программы определились как содержание основных направлений деятельности, так и формы работы Комиссии. Реализация одного из главных направлений — собирательской деятельности — позволила создать губернский архив, исторический музей и библиотеку Общества. К концу 1898 г. количественный состав КУАК увеличился до 100 человек. Правда, в первые годы XX в. число ее членов сократилось вдвое. Тем не менее, даже в годы расцвета КУАК ее актив не превышал полутора десятка лиц. Но именно с ними связано второе направление деятельности Комиссии — научно-исследовательское.

Следующее направление, публикаторское, члены КУАК осуществляли, прежде всего, на страницах собственного печатного органа — «Известий». Просветительское направление деятельности выразилось в работе музея, и было представлено докладами членов КУАК на заседаниях, выступлениями перед различными аудиториями калужан, публикациями на страницах местных повременных изданий. КУАК осуществляла обширную переписку и широкий обмен местными изданиями с разного рода столичными и провинциальными краеведческими учреждениями и обществами Российской империи. Еще одним важнейшим направлением деятельности КУАК явились ее усилия по сохранению памятников старины.

Что касается форм работы Комиссии, то ведущей выступали общие собрания (заседания). Помимо участия в собраниях члены КУАК готовили доклады, сообщения и документы к публикации, занимались редактированием «Известий», изучали материалы, поступавшие в Комиссию, составляли их научные описания, готовили каталоги коллекций. Группа сотрудников занималась археологическими разведками и раскопками и организацией экскурсий. КУАК собирала сведения о памятниках древности, фамильных архивах, частных библиотеках и антикварных собраниях, о великих россиянах, имевших отношение к Калужской губернии и о знаменитых калужанах. На администрации Комиссии лежало бремя поиска финансовых средств, хозяйственные и ремонтные заботы. Результатом многообразия форм работы КУАК стало, в том числе, накопление обширного массива сведений по истории и археологии Калужского края. В научной и культурной жизни губернии КУАК занимала ведущее место.

Предварительный анализ деятельности КУАК за весь период ее существования позволяет говорить о наличии двух периодов ее истории: первого — до 1904 г., который можно условно назвать «четыркинским», и второго, «ассоновского», с 1904 г. В «четыркинский» период сама обстановка в КУАК способствовала творческому подъему и реализации научного потенциала многих ее членов. Перемены, происшедшие с КУАК после 1904 г., оказались весьма разительными. Этот период отличался закрытостью и непрозрачностью происходившего в КУАК в сочетании с постепенным переходом управления от коллегиального к единоличному. Однако подробный анализ истории КУАК не входит в задачи нашего исследования.

Итак, к концу 1900-х гг. КУАК располагала богатыми архивом, музеем и библиотекой. Как раз в это же время к ее рядам и присоединился Д. И. Малинин. По его признанию, краеведческими исследованиями он увлекся с возвращением в Калугу в 1909 г. «По поступлении в Калугу я занялся изучением местного края, почему вступил в члены местной ученой архивной комиссии, единственной тогда организации, интересовавшейся научными вопросами», — писал историк[8]. Спустя два месяца после назначения на должность учителя в Калужское казенное реальное училище, 1 января 1910 г., он обратился в КУАК с прошением разрешить ему пользоваться архивными документами и сообщить сведения об условиях вступления в члены Общества[9]. Действительным членом Д. И. Малинин был избран на ее заседании 21 июня 1910 г.[10]

Что же заставило молодого преподавателя присоединиться к КУАК? По складу характера Дмитрий Иванович с юности был исключительно деятельной и творческой натурой. Пережитая в Екатеринославе личная драма оставила глубокий след в его душе, активная же общественная и научная работа помогала отвлечься от сердечных переживаний, одновременно способствуя его самовыражению и самоутверждению. Занятия наукой стали для молодого ученого фактически единственно возможной отдушиной, которую мог себе позволить провинциальный педагог, чтобы не утонуть в «болоте канцелярщины, отметок и винта», как это случалось с большинством его коллег[11]. Серьезная исследовательская работа, привлекавшая Малинина, была невозможна без архивных источников, а доступ к такого рода материалам давало вступление в КУАК.

Первое выступление Малинина с докладом, подготовленным по документам из архива КУАК («Отголоски пугачевщины в Мещовском уезде»), состоялось на заседании Комиссии 5 ноября 1910г. Этот труд был напечатан в XXI выпуске «Известий» КУАК[12].

В последующие годы Малинин продолжал разработку архивных материалов и неоднократно выступал на заседаниях Комиссии. В 1911 г. им были подготовлены сообщения: «К истории театра в Калуге в XVIII в. », «Из истории крепостных отношений в Калужской губернии в XIX в.»[13]

В 1912 г. по всей России отмечалось 100-летие Отечественной войны 1812 г. 5 октября на торжественном заседании КУАК Малинин прочитал доклад об этой войне[14]. На заседании 30 сентября, когда КУАК обсуждала вопрос о порядке чествования событий 6 и 12 октября, краевед принял самое непосредственное участие в разработке праздничных меро-

приятий. В частности, он был избран в редакционную комиссию и депутацию для составления и поднесения адреса г. Малоярославцу[15].

7 октября в малом зале Дворянского собрания на юбилейном заседании Комиссии по случаю 100-летия Тарутинского боя, в числе прочих, прозвучал доклад Дмитрия Ивановича, представлявший собой краткий очерк Отечественной войны[16]. В качестве участника депутации от КУАК Малинин присутствовал на главные торжествах в Малоярославце[17].

Следующий, 1913 г. ознаменовался празднованием 300-летия Дома Романовых. На заседании КУАК 7 февраля 1913 г., по рассмотрении вопроса о чествовании юбилея, члены Комиссии постановили обратиться к ряду лиц, в том числе, к Малинину, с просьбой выступить на торжественном заседании с докладами[18]. Юбилейное заседание прошло 31 марта в большом зале Дворянского собрания в присутствии губернского начальства, представителей различных учреждений и при стечении значительного количества публики. После молебна Малинин и Трейтер произнесли «обширные речи». Доклад Дмитрия Ивановича назывался «Калуга и Калужский край в Смутное время»[19]. Впоследствии разработке темы о событиях Смутного времени на территории Калужского края ученый посвятил многие годы.

Вышедший из печати в 1914 г. XXII выпуск «Известий» КУАК наполовину состоял из малининских статей. Некоторые из них являлись публикацией докладов, прочитанных им в 1911—1912гг., другие были специально подготовлены для сборника и стали плодом его работы в архиве Комиссии.

К первой группе относится очерк «Начало театра в Калуге», представляющий собой переработанный и дополненный вариант одноименной брошюры, вышедшей в 1912 г. Другой очерк, по истории крепостного права, родился из прочитанного в 1911 г. реферата. И, наконец, третья статья, «19 февраля 1861—1911г. », представляла собой текст доклада, прочитанного ранее в Калужском литературно-художественном кружке[20].

В число статей, подготовленных по архивным документам КУАК специально для сборника, вошли: «Жиздринские деревни И. С. Тургенева. (Заметка по архивным данным Калужского Губернского Правления)», «Мелочи из калужской старины» и «Пять столбцов XVII в. из архива Калужской архивной комиссии»[21]. Все очерки, вошедшие в XXII выпуск, были выпущены также отдельными оттисками.

Участие Малинина в КУАК не ограничивалось присутствием на заседаниях, работой с архивными документами, подготовкой рефератов, докладов и публикаций. В начале июня 1911 г. он был зачислен одним из трех делегатов от КУАК на археологический съезд в Новгороде[22]. И на следующий, XVI археологический съезд, намечавшийся в Пскове в 1914 г. Малинин также был избран от КУАК[23]. Однако по причине начавшейся войны съезд не состоялся.

Летом 1912 г. Малинина избрали библиотекарем КУАК[24]. В 1913 г. он по поручению Комиссии провел археографическую экспертизу поступивших сюда из архива Императорской Академии Наук копий с рукописей XVII в., относящихся к Калужской губернии[25].

С началом Первой мировой войны и уходом на службу нескольких ведущих членов КУАК ее деятельность стала постепенно замирать. Малинин же не подлежал призыву и продолжал работать в Комиссии. В 1914 г. он составил карточный каталог библиотеки Общества (более 2000 номеров), продолжил исследование истории дома Коробовых, где размещались архив, библиотека и музей Комиссии[26]. В 1915—1916 гг. Д. И. Малинин поместил несколько своих работ на страницах местных и столичных повременных изданий.

1917 г. оказался еще более неблагоприятным для Общества, чем предыдущие. Правда, собрания КУАК продолжали пополняться за счет пожертвований из разных учреждений и от частных лиц. В числе постоянных дарителей следует назвать и имя Дмитрия Ивановича[27].

В апреле 1917 г. в газете «Голос Калуги» появилась небольшая анонимная заметка, содержавшая критику «ассоновских порядков». Автор заметки указывал на необходимость срочного созыва заседания КУАК для обсуждения вопроса о «создании музея революции и сборе документов, относящихся к текущему моменту»[28]. Ровно через неделю в той же газете было помещено малининское письмо в редакцию, в котором краевед обращался к организациям, обществам и учреждениям губернии с просьбой присылать по

одному экземпляру выпускавшихся ими воззваний, обращений, отчетов и т. п. изданий в исторический музей. Дмитрий Иванович подчеркивал, что все эти документы «явятся важным и богатым материалом для будущего историка края»[29]. Содержание последнего письма позволяет сделать предположение, что и текст анонимной заметки также принадлежал Д. И. Малинину.

Несколько слов следует сказать о характере взаимоотношений Д. И. Малинина и В. И. Ассонова. С 1912 г. Дмитрий Иванович неоднократно в прессе подвергал критике порядки, установленные в Комиссии ее председателем[30]. В 1914—1915 гг. он огласил еще несколько примеров наблюдавшихся в КУАК серьезных «нестроений»: поведал, как зимой в нижнем этаже музея Комиссии разместили курятник, а в сарае, где хранилась карета XVIIIв., устроили коровник и сеновал[31], рассказал, что несколько дней в июле музей КУАК был закрыт для посетителей без каких-либо объяснений[32]. В 1916 г. Малинин откликнулся на 25-летний юбилей КУАК серией небольших очерков с изложением краткой истории Комиссии и характеристикой положения в ней, опять-таки подвергнув критике действия ее председателя[33]. В то же время автор, отдавая должное Ассонову, отметил его усилия по пресечению попыток обезобразить Гостиный двор, застроить берег Березуйского оврага и отдать бывшую губернаторскую дачу в Загородном саду под ресторан со спиртными напитками. В заключение Малинин предложил программу преобразования КУАК, которую уже через 2 года реализовал в созданном им новом краеведческом обществе.

Только в феврале 1917г. Ассонов отозвался на многолетнюю полемику статьей о деятельности Комиссии за 1916г., сделав попытку оправдаться по поводу претензий к нему[34]. Через неделю появилась заметка за подписью «N. N.» (псевдоним Малинина), с фактами в руках опровергавшего приведенные председателем оправдания[35].

Всего с 1912 по 1917 г. Д. И. Малинин опубликовал в калужской прессе 7 статей, посвященных деятельности КУАК, подписанных разными псевдонимами: «Покоев П.», «П-евъ», «Не посторонний», «Не-археолог», «М. Л. Н-н», «Громов Н. И.» «N. N.» Выбор псевдонима в каждом конкретном случае не был произвольным, обуславливался содержанием самой статьи или содержанием статей его оппонентов.

Несмотря на нелицеприятность критики, Малинин и Ассонов, судя по отчетам КУАК за 1915—1917гг., продолжали поддерживать, как минимум, деловые отношения, причем Ассонов отдавал должное вкладу Дмитрия Ивановича в дело сохранения Комиссии. Малинин до последних дней жизни председателя, скончавшегося в 1918 г., сохранял уважение к своему старшему коллеге. На соединенном заседании КУАК и малининского «Общества охраны местных памятников художественной старины в связи с изучением истории местного края», состоявшемся 24 ноября 1918 г., Дмитрий Иванович произнес небольшую речь памяти Ассонова, отметив его заслуги перед КУАК и калужским краеведением[36].

На том знаменательном объединенном заседании двух обществ Дмитрий Иванович объяснил собравшимся, почему он взял на себя инициативу созыва заседания, а затем огласил два упоминавшихся нами выше письма. Далее Малинин кратко охарактеризовал положение дел в КУАК за последние годы, деятельность которой, по его мнению, «окончательно замерла с 1914 г.», что и побудило его инициировать создание нового общества. Поскольку же цели старой Комиссии и нового Общества были одинаковы, а распыление сил их участников было бы нежелательным, он предложил слить вместе эти две организации. Слияние признано было собранием вполне возможным[37].

Итак, 24 ноября 1918 г. собранное Малининым объединенное заседание двух обществ фактически подвело черту под 27-летней деятельностью КУАК, последняя треть существования которой была неразрывно связана с именем Дмитрия Ивановича. Малинин, внесший большой вклад в становление калужского дореволюционного краеведения, принял эстафету от старой краеведческой школы с тем, чтобы утверждать основы краеведения нового, сохраняя все позитивное, что было наработано его предшественниками и им самим до 1918 г.

КУАК для Малинина явилась своеобразной творческой лабораторией, в которой произошло становление его как ученого-исследователя, историка-краеведа, архивиста и ар-

хеографа, библиографа и литератора. Общение с выдающимися представителями калужской научной элиты позволило ему приобрести богатый краеведческий опыт, ставший фундаментом для его дальнейших изысканий. Будучи членом Комиссии, Дмитрий Иванович опубликовал результаты своих важных историко-краеведческих исследований на страницах «Известий» КУАК и в других повременных и отдельных изданиях.

Сегодня, когда особенно актуальна проблема увековечения памяти выдающегося калужского историка-краеведа, напрашивается положительное решение вопроса об установке ему достойного памятника. Думается, наиболее подходящим для этого местом является сквер у палат Коробовых, где на протяжении более четверти века размещалась КУАК, с деятельностью которой неразрывно связано имя Дмитрия Ивановича. Малинин являлся не только активным членом КУАК, он спас от гибели архив, музей и библиотеку Общества, ставшие основой для губернских архивных и музейный учреждений. Он выступил хранителем традиций КУАК, продолженных малининским Обществом истории и древностей (также размещавшимся в палатах Коробовых).

Примечания

[1] См., напр.: *Бауэр А. А.* Историко-краеведческие организации Калужского края (1891—1937 гг.). — Калуга, 1982. — С. 5—9; *Бауэр А. А.* Калужские краеведческие организации конца XIX — начала XX в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции. — Калуга, 1998. — С. 58—61 и др. См. также: Калужская энциклопедия. — Калуга, 2000. — С. 232—233; Калужская энциклопедия. — 2-е изд. — Калуга, 2005. — С. 176—177.

[2] См.: ГАКО. СИФ. 2698. *Зимичева Е. А.* Деятельность КУАК. 1891—1917 гг. Дипломная работа. — М., 1992.

[3] См., напр.: *Гужова И. В.* Собрание Н. И. Булычова в истории калужских музеев. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции. — Ч. II. — Калуга, 2001. — С. 73—80; *Калашникова Л. В.* Калужский краевед Василий Иванович Ассонов // Песоченский историко-археологический сборник. — Вып. 4. — Ч. 2: История. Культура. Персоналии. — Киров, 2000. — С. 138—141 и др.

[4] ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[5] См. там же. Л. 5, 6.

[6] Там же.

[7] См. там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[8] ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 8562. Л. 42 об.

[9] См. ГАКО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 46. Л. 1.

[10] См. там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 17-—19; Протокол заседания КУАК от 21 июня 1910 г. // Известия КУАК. — Вып. XXI. — Калуга, 1911. — С. 76

[11] *«Не-археолог»* [*Малинин Д. И.*]. Забытая могила (К 10-летию со дня смерти И. Д. Четыркина) // Калужский курьер. — 1914, 5 июня. — № 63.

[12] См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 18. Л. Л. 14 — 16 об; Протокол заседания КУАК от 5 ноября 1910 г. // Известия КУАК. — Вып. XXI. — С. 9—29, 80.

[13] См. там же. Л. 24, 25; Д. 19. Л. 143, 144; Заседание КУАК 15 декабря 1911 г. // Калужский курьер. — 1911. — № 140.

[14] См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6а. Л. 178, 178 об.

[15] См. там же. Д. 18. Л. 27 — 29 об.

[16] См. там же. Д. 19. Л. 87, 87об; Калужский курьер. — 1912, 9 окт. — № 117.

[17] См.: *Ассонов В. И.* Малоярославецкие юбилейные торжества 1912 г. // Известия КУАК. — Вып. XXII. 1913 г. — Калуга, 1914. — Паг. 3-я. — С. 9—21.

[18] См.: ГАКО». Ф. 47. Оп. 1. Д. 18. Л. 36, 36 об.

[19] См там же. Д. 19. Л. 105, 105об.

[20] См.: *Малинин Д.* Начало театра в Калуге: К истории Калужского театра в XVIII в. — Калуга, 1912; *Малинин Д.* Начало театра в Калуге: (К истории Калужского театра в XVIII в.) // Известия КУАК. — Вып. XXII. 1913 г. — Калуга, 1914. — Паг. 5-я. — С. 1—28; *Малинин Д.* Из истории крепостных отношений в Калужской губернии в XIX в. // Там же. — Паг. 4-я. — С. 1—38; *Малинин Д.* // Там же— Паг. 3-я. — С. 1—40.

[21] См. там же. — Паг. 9-я. — С. 1—10; Паг. 10-я. — С. 1—16; Паг. 11-я. — С. 1—9.

[22] См.: ГАКО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 49. Л. 11.

[23] См. там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 39.

[24] См. там же. Л. 26, 26 об.

[25] См. там же. Д. 19. Л. 179—183.

[26] См. там же. Л. 111—112; Ф. 58. Оп. 3. Д. 230. Л. 1

[27] См. там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 19. Л. 115-116, 204.

[28] В ученой архивной комиссии. // Голос Калуги. — 1917, 26 апр. — № 109.

[29] [*Малинин Д. И.*] Письмо в редакцию. // Голос Калуги. — 1917, 3 мая. — № 115.

[30] См.: *«Не посторонний»* [*Малинин Д. И.*]. Как г. Посторонний спасал В. И. Ассонова // Калужский курьер. — 1912, 27 нояб. — № 138; *Покоев П.* [*Малинин Д. И.*]. К вопросу о ремонте домика Гоголя (Посвящается гг. членам Архивной комиссии) // Калужский курьер. — 1914, 15 мая. — № 55.

[31] См.: *«Не-археолог»* [*Малинин Д. И.*]. Забытая могила: (К 10-летию со дня смерти И. Д. Четыркина). // Калужский курьер. — 1914, 5 июня. — № 63.

[32] См.: *Громов Н. И.* [*Малинин Д. И.*] Письмо в редакцию. //Калужский курьер. — 1915, 23 июля. — № 80.

[33] См.: *П-ев* [*Малинин Д. И.*] 25-летие Калужской ученой архивной комиссии (28 января 1891 г. — 28 января 1916 г.) // Калужский курьер. — 1916. —№ 22—24.

[34] См.: *«В. А.»* [*Ассонов В. И.*] Архивная комиссия // Голос Калуги. — 1917, 5 февр. — № 36.

[35] См.: *«N. N.»* По поводу «отчета» об Архивной Комиссии // Голос Калуги. — 1917, 10 февр. — № 41.

[36] См.: ГАКО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 3 об.

[37] См. там же. Д. 1. Л. 3 об, 4.

«ОРЛОВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

***Д. А. Панько**, м. н. с., Орловский краеведческий музей*

В системе исторических источников периодическая печать занимает существенное место. Редкое историческое исследование событий, явлений фактов, обходится без обращения к материалам периодики. Особенность периодики состоит в ее комплексности и синтетичности, что дает возможность извлекать разнообразную историческую информацию.

Периодическая печать в России имеет давние и прочные традиции с XVIII в., когда в свет вышла первая печатная газета «Ведомости». Возникновение провинциальной периодической печати является важной вехой в развитии печатного слова и просвещения. «До начала XIX в., — отмечает краевед и писатель А. И. Кондратенко, — Центральная Россия не имела местной периодики»[1].

В 1816 г. появилось первое губернское периодическое издание — журнал «Друг Россиян». Постепенно в провинциальном городе росло число образованных людей, у которых сформировалась стойкая привычка получать информацию не только из книг, но и из газет. В 1838 г. в Орле начали выходить «Губернские ведомости», как и в большинстве губернских центров. 7 января 1838 г. вышел в свет первый номер «Орловских губернских ведомостей». Газета с момента основания до 1917 г. печаталась в типографии губернского правления. В типографии было создано специальное отделение — газетный стол.

На протяжении нескольких десятилетий эта газета являлась единственным изданием, удовлетворявшим самые разнообразные интересы местных жителей. Изначально газета выходила один раз в неделю по пятницам. В последствии, когда число регулярных подписчиков возросло «Губернские ведомости» печатаются по средам и пятницам. Издание делилось на две части: официальную и неофициальную(последняя называлась также «приложением»). В официальной части печатались постановления правительствующего Сената, министерские циркуляры, казенные объявления. А в неофициальной размещались известия: о чрезвычайных происшествиях в губернии, о рыночных справочных ценах на разные потребности, о находимых в губернии монетах и других древностях, раз-

ные достойные любопытства, исторические о губернии сведения, а также сведения об измененииив службе гражданских чиновников.

За длительное время издания газеты в ее структуре особенных изменений не произошло, с течением времени появляются интересные рубрики по краеведению, этнографии, статистике, сельскому хозяйству. Печатались короткие заметки о городской жизни, о происшествиях в губернии, обзоры цен и многое другое. Примечательным фактом в истории «Губернских ведомостей» является непосредственное участие орловских чиновников в издании газеты. Первым редактором «Орловских губернских ведомостей» в декабре 1837 г. был назначен Петр Андреевич Азбукин, параллельно был инспектором гимназии членом Орловского статистического комитета, членном — корреспондентом статистического отделения совета министерства внутренних дел России. «Первым цензором — куратором газеты — пишет А. И. Кондратенко — стал вице губернатор Василий Николаевич Семенов»[2]. Среди авторов газеты был поэт Алексей Николаевич Апухтин, служивший в 1863—1864 гг. старшим чиновником особых поручений при Орловском губернаторе. 18 апреля 1865 г. в «Губернских ведомостях» опубликовали прочитанные Апухтиным в Орле благотворительные лекции «О жизни и сочинениях А. С. Пушкина». «Это был редчайший случай участия административного органа в текущей литературной полемике»[3].

Ко времени издания «Губернских ведомостей» территория губернии делилась на 12 уездов — Орловский, Болховской, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромский (Кромской), Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Севский, Трубчевский. Границы губернии и уездов в период издания газеты не менялись.

«Губернские ведомости» давно стали привлекаться в качестве источника по локальным вопросам истории, филологии, литературоведения, театроведения, однако специальных о них исследований мало. В советское время ученые весьма часто использовали материалы газеты для написания работ по истории провинции, особенно о реформе 1861 г. «Во второй половине 50-х годов XX в., — пишет историк Г. М. Дейч, — усиливается внимание исследователей к губернским ведомостям как важному источнику по истории и философии, фольклора и краеведения»[4]. Материалы газеты служили для написания кандидатских и докторских диссертаций. Важной вехой на пути изучения местной прессы является интересная работа Н. Н. Улащика «Минские губернские ведомости». Автор рассматривает материалы газеты с источниковедческой точки зрения и охватывает широкие хронологические рамки от начала издания ведомостей до 1917 г. Это серьезное исследование, являющееся ценным опытом анализа публикаций губернских газет и их использования при изучении конкретно-исторических проблем. Автор в значительной мере сконцентрировал внимание на вопросе о значении газеты как источника для истории крестьянства Белоруссии.

Прежде чем началось источниковедческое изучение губернских ведомостей, они исследовались в рамках истории журналистики, главным образом, истории журналистики того или иного края. Поэтому особую группу статей, посвященных «Губернским ведомостям», составляют краеведческие очерки. Они стали появляться в середине XX в. и имели разную степень глубины изучения предмета. Несомненную ценность представляет вступительная статья А. И .Кондратенко «Из истории орловской периодической печати» в справочнике «Периодические издания орловского края 1816—1995 гг.», в которой дается обозрение, оценка и особенность местной печати. Большой интерес вызывает фундаментальная монография по истории местной периодической печати А. И. Кондратенко «Два века как один день. Страницы истории Орловской журналистики XIX—XX вв.». Автор рассказывает о наиболее выдающихся местных изданиях, о редакторах, сотрудниках и их творчестве. В книге находим ряд важных подробностей по истории издания и эволюции «Орловских губернских ведомостей». Необходимо отметить напечатанные статьи в областных газетах. В «Орловском вестнике» от 11 января 2001 г. опубликована статья А. И Кондратенко «Из истории родословной периодики», в которой содержатся сведения о первых десятилетиях издания газеты, позволяющие дополнить и уточнить факты по истории издания газеты. Следует отметить публикацию Н. Петрованова в газете «Просторы России» от 12 июля 1997 г. В статье сконцентрировано внимание преимущественно на частных аспектах истории орловской периодики и ее содержание.

Отдельные вопросы и стороны истории орловской губернской печати отражены также в работах В. Ермакова, Д. Порушкевича, Л. Агибалова, С. Митрофанова, В. Еремина, Е. Слепцева, Л. Курасова, Л. Хоменкова, А. Гуларяна, Н. Петрованова, М. Антоненко других авторов. Эти статьи нельзя назвать строго научными. Они имеют, в основном, популярный характер.

Особенность «Губернских ведомостей» заключается в том, что они помогают в мелких деталях воссоздать яркую картину губернской жизни, получить сведения о составе и численности населения, состоянии природы, экономики, культуры, быта; наблюдать за изменениями, происходящими в губернии год за годом, в длительный временной период. Наряду с многочисленными повседневными событиями в газете получает освещение уездное и губернское чиновничество. «Губернские ведомости» помогают выявить и конкретизировать круг лиц входивших в состав провинциальной бюрократии. Исследование ведомостей позволяет выявить новые штрихи в биографии чиновников различных должностей и классных чинов. Почти в каждом номере в неофициальной части печаталась рубрика «Перемены по службе», в которой можно проследить карьерный рост, отставку и поступление на службу, представления к правительственным наградам, родственные связи, периодичность произведения в очередной классный чин по Табели о рангах.

Важным и нередким событием в жизни бюрократического аппарата является представление чиновников к наградным орденам и медалям, которые можно было получить с Высочайшего его императорского величества благоволения, за отличие по гражданской службе, за выслугу лет, или по иной причине предусмотренной в «Уставе о службе». В одном из номеров «Губернских ведомостей» находим напечатанное в официальной части газеты сообщение «О пожалование Государем Императором (Александром II) орденов: Св. Анны — 2 степени — секретарю Орловского губернского по крестьянским делам присутствия Алтайскому и чиновнику Пупареву»[5]. Представления к наградам и периодическое чинопроизводство для государственных служащих имели существенное значение, так как открывали прямую дорогу к личному или потомственному дворянству.

Известный исследователь по вопросам бюрократии и чиновничества в России Л. Е. Шепелев отмечает: «В гражданской службе VII Iкласс (коллежский асессор) давал потомственное дворянство, а низшие чины давали только личное дворянство»[6]. Наряду с продвижением по лестнице чинопроизводства, пожалованный орден давал право на потомственное дворянство, которое впоследствии передавалось детям и во многом предопределяло дальнейшую жизнь и успех по службе. «К середине XIX в., — указывает Л. Е. Шепелев, — государственная служба как бы стала наследственным (семейным) занятием для большого числа людей»[7]. Листая многочисленные архивные подшивки газет «Губернские ведомости» можно проследить семейную преемственность в государственной службе и учреждениях. Довольно часто в рубрике «Перемены по службе» встречаем подобные сообщения: «Сын титулярного советника Сергей Алексеевич Покровский, согласно его прошению и изъявленного Орловским Губернатором согласия, по постановлению Орловской казенной палаты, определен в чине канцелярских служителей елецкого уездного казначейства с 12 сего июня…»[8]

В период реформы 1861 г. в газете публикуются перечень выборных в Губернские по крестьянским делам присутствия. Исходя из изученных подшивок газет периода отмены крепостного права становится очевидным, что на предводителей дворянства возлагалось наблюдение за «нравственностью» дворян, осуществление по отношению к ним дисциплинарных норм (участие опек на имения), выдача дворянам характеристик, необходимых при поступление на государственную службу. В связи с проводимой реформой публикуются обращения губернатора к населению, в первую очередь к помещикам, использовавшим труд крепостных крестьян. «В ряде случаев губернские ведомости, — отмечает историк Г. М. Дейч, — печатали сведения о пребывающих и отъезжающих из губернии лицах, преимущественно чиновниках»[9]. Высочайшие визиты императоров в Орловскую губернию нашли отражение в официальной части газеты.

«Губернские ведомости» предоставляют возможность проследить территориальное перемещение чиновников, как внутри губернии, так и в соседние губернии и города. В газете за 1881 г. находим следующие сведения: «Пристав 1-ого Мценского уезда, титу-

лярный советник Веденский и пристав 2 стана Кромского уезда, титулярный советник Дубанов перемещены 4 февраля 1887 г. один на место другого»[10]. Служба провинциального чиновничества регламентировалась юридически законами Российской империи, а также губернским «Уставом о службе». Несмотря на четкую регламентацию, повседневная работа в государственных учреждениях могла быть прервана внезапной отставкой, долгосрочным отпуском «для лечения» или «для поправки домашних дел». В губернских ведомостях находим многочисленные сообщения о поездках госслужащих за рубеж «для поправки здоровья», об отставке и поступлении на службу. В газете от 15 октября 1882 г. находим следующее сведение: «Делопроизводитель 5 стола Губернского правления, коллежский асессор Михаил Щипуних, 28 февраля согласно прошению по болезни уволен от службы»[11].

Таким образом, «Орловские губернские ведомости» являются многогранным источником по истории провинциального чиновничества. Расположенные сведения в губернской газете позволяют провести изучение определенных вопросов, а также уточнить, дополнить архивные и опубликованные данные и тем самым дают возможность углубить знания об отдельных представителях губернского и уездного чиновничества.

Примечания

[1] *Кондратенко А. И.* Из истории орловской периодической печати // Периодические издания орловского края 1816—1995 гг.: Справочник / Сост. Л. К. Андреева, Л. П.Хоменкова. — С. 3.

[2] *Кондратенко А. И.* Два века как один день: Страницы истории орловской журналистики XIX—XX вв. — С. 22.

[3] *Кондратенко А. И.* // Орловский вестник. — 2000.

[4] Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. IX. — Л., 1978. — С. 248.

[5] Орловские губернские ведомости. — 1878, 29 июля. — № 60.

[6] *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. — С. 141.

[7] Там же. — С. 123.

[8] Орловские губернские ведомости. — 1871, 12 марта. — № 45.

[9] Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. IX. — С. 247.

[10] Орловские губернские ведомости. — 1887, 17 дек. — № 96.

[11] Там же. — 1884, 28 сент. — № 88.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОМ УЕЗДЕ

***Е. В. Суворова**, зам. дир., гл. хранитель,*
Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года

Уезды — суть основания дома, губернские
города — стены, а столицы — кровли».
С. Глинка, 1827.

Малоярославецкий край всегда имел благоприятные условия для развития предпринимательства. Умеренный климат, неплодовитая земля, заставляющая население обращаться к разным промыслам, расположение на пресечении нескольких дорог, наличие водных путей и относительная близость к Москве способствовали развитию промышленности и торговли в городе и уезде.

История Малоярославецкого предпринимательства уходит корнями в глубокое прошлое. Известно, что еще в конце XV в. городок Ярославец был торговым и ремесленным центром округи. Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию (1467—1474), разрешала монастырским крестьянам беспошлинный проезд в Ярославец — значит, торговать здесь было выгодно. В духовной грамоте князя верейского, белозерского и ярославецкого Михаила Андреевича (1483—1486) есть информация об ярославецких пошлинах за торговлю товарами.

В конце XVI века торг в Малоярославце был сосредоточен в Спасской слободе, где находилось «место ружное». Рядом жили объединившиеся в артель плотники — целых 15 дворов. Кроме плотников, в конце XVI столетия в городе работали и другие ремесленники: один кузнец, два «калачника», два «горшечника», два портных, один рыболов, два «серебряных дел мастера», один «полстовал», — видимо, мастер по выделке обуви, один пастух и один купец — «гость».

Доход населению издревле приносило садоводство и огородничество. Жители выращивали яблоки, груши-бергамот. Известно, что в XVII в. в Успенской слободе Малоярославца был обширный сад, приносивший немалый доход его владельцу. Яблоки славились своим вкусом и величиной. Затем горожане занялись выращиванием вишни, это, как свидетельствуют источники, стало любимым занятием малоярославецких мещан, и было развито лишь в Малоярославецком уезде губернии. Местная вишня по вкусу ценилась выше известной в те времена владимирской и сбывалась в Москву. В 1836 г. вишни погибли из-за сильных зимних морозов и этот промысел стал приходить в упадок — в 1846 г. в Малоярославце насчитывалось 78 садов и сбыт в Москву оценен только в 200 руб. серебром. Однако уже в 1858 г. малоярославчане, при наличии все тех же 78 садов продали вишни на 30 000 руб. по цене 3,50 за пуд. Дальнейшему развитию садоводства в Малоярославце способствовало введенная 1861 г. свободная продажа водочных изделий — наливок и настоек. Жители стали не просто продавать вишню, а делать из нее наливки и настойки, которые сбывали в Москву, Калугу и другие города. Производство малоярославецких вишневых напитков сократилось из-за сильных зимних холодов 1867—1869 гг. А в 1878 г. с введением акциза на винную посуду почти совсем исчезло. Тем не менее, в популярном российском издании конца XIX — начала XX в. — «Полное географическое описание нашего Отечества» Малоярославец назван в отношении разведения вишни «значительным промышленным центром Калужской губернии».

Жизнь в бытовом отношении и повседневные занятия малоярославецких мещан, почти не отличались от уездных крестьян из окрестностей городка. И те и другие имели приусадебное хозяйство, занимались ремеслами и торговлей. Практически все свободное население являлось потенциальными кандидатами в купеческое сословие. Разбогатев на мелочной торговле, мещане вступали в гильдии. Обязаны были вступать в купечество мещане, имеющие более 16 наемных работников при своем заведении, мещане заключающие договора на сумму более 1 200 руб. серебром, мещане, имеющие дом в столицах стоимостью свыше 7 500 рублей, ремесленники, использующие дорогие материалы если они ими торговали в магазинах или лавках.

«Рапорт Малоярославецкой воеводской канцелярии…» 1775 г., «Камеральное описание Малоярславецкого уезда» за 1773 г. и «Топографическое описании Калужского наместничества» за 1785 г. содержат интереснейшие сведения по истории развития торговли и предпринимательства в городе и уезде в конце XVIII в.: «купечества и мещанства в онам городе Ярославце 691 душа…», по большей части небогатые купцы и мещане «упражняются в разных необходимо нужных ремеслах и торгуют в лавках мелочными товарами и съестными припасами…» Кроме того малоярославецкие купцы торговали в Москве, Калуге, Боровске, Верее, Серпухове яблоками, рыбой и конопляным маслом. Ярмарки проходили в городе 23 апреля, 9 мая, 26 ноября, 6 декабря и в десятую пятницу после Пасхи. На ярмарки приезжали купцы из других городов, в основном из Боровска, Вереи и Серпухова с платками, китайкой(легкая хлопчатобумажная или шелковая вещь, производимая в Китае), выбойкой (холщевая ткань с вытисненным рисунком в одну краску), чаем, сахаром, кофе, разными москательными товарами. Но основной частью торговцев на ярмарках были окрестные жители, которые привозили «съестные припасы и разные деревенские изделия». Торговля в городе велась в девяти лавках, в основном привозной солью, пенькой, шерстью, рыбой, кожей, сукном и др. по базарным дням - вторникам и пятницам. Ярмарки проходили и в некоторых селах уезда — 9 мая и 6 декабря в с. Савиново, 8 июля — в с. Поливаново, «в селе Накориже июля 26- го и октября 1, в селе Науготке в заговенной перед Петровым постом день, в селе Федоровском на первой неделе Великого поста, в селе Вепрее сентября 13 и в десятую по Пасхе пятницу». В середине XIX в. ведущей ярмаркой губернии «среди замечательнейших селений губер-

нии, ведущих внутреннюю торговлю» стала ярмарка в Угодском заводе. Здесь алексинские и серпуховские купцы торговали льняным семенем, которое покупали купцы из Вереи и Боровска для отправки заграницу. Ярмарки всегда были для людей не только местом купли-продажи, но и ярким событием. Как правило, они проводились в Дни религиозных праздников и превращались в шумное всенародное гуляние.

Предприимчивые ярославецкие горожане поставляли городскому кружечному двору, занимавшемуся варением пива и меда, хмель и солод (в городе был солодовенный завод), организовывали бани (две частных бани были в конце века во дворах у чиновников и две у священников). В 1787 г. купец Василий Трофимович Болдырев открыл в городе «герберг», где подавали разнообразные кушанья, виноградные вина, пиво, кофе, чай, шоколад и даже курительный табак. Наиболее активные торговцы переходили в купечество других городов. В 1766 г. расторопный малоярославецкий купец Терентий Целибеев, вместе с двумя братьями отправился в Москву, где записался в московское купечество по 2-й гильдии. В 1772 г. он построил в Малоярославце каменную церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, а при церкви каменные дома для священника и дьячка и богадельню на 10 призреваемых мужского пола, на содержание которой положил капитал в Московскую сохранную казну. В 1791 г. Терентий Елизарович выступил инициатором возобновления на собственные средства упраздненного в 1776 г. Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря. Став попечителем монастыря, Целибеев внес в Сохранную казну 20 000 руб. ассигнациями, чтобы содержать на проценты от суммы братию и «поддерживать строение». Кроме того, он подарил городу свой каменный дом на Большой (Калужской) улице и три каменных корпуса торговых лавок. На средства зятя Целибеева московского купца Василия Ивановича Веневцева в 1805 г. был отлит полиелейный колокол. Почти полностью восстановленный, благодаря вложению его капиталов монастырь, в октябре 1812 г. сильно пострадал во время сражения. Целибеев на просьбу консистории о возобновлении монастыря ответил, что заниматься этим он не в силах. Тем не менее, в 1814 г. по его воле в монастыре началось строительство Николаевского собора. Умирая, Терентий Елизарович «благочестивая щедрость которого положила начало обители и храму» завещал монастырю все свое движимое и недвижимое имущество. Он умер в сентябре 1814 г. в своем доме в Малоярославце и был погребен в основании Николаевского собора Черноостровского монастыря.

Одним из не самых бедных ярославецких купцов был, по всей видимости, и Елисей Мартинов, который в 1774 г. перешел в московское купечество под фамилией Третьяков. У сына Елисея и его жены Василисы Захара в 1801 г. родился сын Михаил, ставший отцом двух сыновей и трех дочерей. Старший сын Павел, родившийся в 1832 г., стал известным российским меценатом — создателем крупнейшей картинной галереи в Москве. Потомки ярославецких Третьяковых, торговавшие в Москве льняным полотном и пряжей и в XIX в. не теряли связи с родным городом. В 1884 г. на средства Павла и Сергея Михайловичей была издана книга «Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» - интереснейший источник по изучению истории города.

Лишение города статуса уездного (1796) сильно повлияло на благосостояние местного торгового люда. Инициатива подачи прощения на имя Калужского губернатора А. Д. Лопухина с аргументами в пользу восстановления Малого Ярославца в качестве уездного города, которое было удовлетворено в 1802 г. принадлежала малоярославецкому купеческому сообществу. Спустя несколько десятилетий местные предприниматели будут активно лоббировать проведение через город Московско-Варшавского шоссе (1849) и Московско-Киево-Воронежской железной дороги (1899), отлично понимая важность для успешной торговли современных путей сообщения.

Вероятнее всего, купцы, составляющие в XVIII в. основное население города, были небогаты и торговали, выражаясь современным языком, «товарами первой необходимости». В книге 3-й ревизии, проведенной в городе в 1747 г., впервые зафиксированы «Купецкие люди» Ярославца Малого. Здесь указан их возраст, семейное положение, дети. Купцы отдавали своих дочерей замуж за «дворовых» и фабричных «работных людей», за крестьян окрестных деревень, отставных солдат, а те, что побогаче за купцов из других городов. Равно как и женились малоярославчане по разному — кто-то на солдатских вдо-

вах и крестьянках, «взятых по отпускной», кто-то на поповских дочерях, а некоторые могли позволить себе жениться на дочерях перемышльских, вяземских, боровских и даже столичных — московских купцов.Пополнялось купеческое сословие в основном за счет расторопных мещан, но Малоярославец знает примеры таких семей, члены которых, активно и успешно занимаясь предпринимательством, никогда не переходили в купеческое сословие. Тимофей Васильевич Чериков считался крестьянином с. Ильинки. Придя из деревни и определившись «мальчиком» в трактир на Большой Калужской улице он быстро усвоил трактирные порядки и выгоды для себя. В 20 лет он стал буфетчиком, а затем и владельцем трактира. Скупал лес у разоряющегося дворянства, перерабатывал в пиломатериалы: брус, доски, тес. Был богатейшим человеком Малоярославца, несколько лет руководил городским общественным банком. Дом, где он жил с женой — купеческой дочерью Анной Дмитриевной и детьми до сих пор стоит на Калужской улице.

Одними из первых крупных предпринимателей, внесших значительный вклад в освоение Малоярославецкой земли стали боярин Борис Иванович Морозов и тесть Петра I — Илья Данилович Милославский. Они в конце 1740-х гг. в пятнадцати верстах от уездного города, на р. Протве заложили один из первых железноделательных заводов в России — Поротовский (Протвенский). В составе завода имелись формовочная и литейная мастерские, несколько кузниц с мощными механическими молотами, «вертельня» для рассверловки каналов пушечных стволов. Позже для расширения производства был привлечен иностранный капитал — в 1656 г завод был «взят» голландцами Петром Марселисом и Тилеманом Лусом Акемой «в оброк… на 15 лет», а позже был приобретен ими в собственность.

В 1659 г. Акема построил на р. Угодке в четырех километрах от Поротовского завода еще один завод — Угодский — с двумя кузнями для перековки и дальнейшей обработки чугуна с Поротовской домны и плавильной печью. Завод производил пушки, ядра, секиры, бердыши, а также гвозди, засовы, железо для строительных креплений. Квалифицированными рабочими на заводе были в основном иностранцы — немцы, французы, шведы. Местные крестьяне работали в качестве подмастерий, постепенно осваивая мастерство. Обучению русских обязывала иностранцев царская грамота.

Изделия с завода переправляли преимущественно речным путем — на плотах — стругах по Протве или Наре до Оки в Москву. Известно, что в 1766 году Угодский завод выплавлял 14 258 пудов чугуна. Продукция с заводов поставлялась и за границу. При Угодском заводе в трех слободах проживало на 1769 г. — 749 человек. Эти поселения вскоре объединятся в село Угодский завод, которое в дальнейшем будет славиться своим богатым торгом.

В 1680 г. в Малоярославецком уезде — «на реке Истье села Спасского» строится 3 молотовый завод. Его основатели — сын и внук, уже умершего к тому времени голландца Акемы — Иван и Варфаломей (Вахромей) Миллеры. Этот завод был подобен прежним двум и все они тесно были связаны между собой в деле. Известно, что в 1751 г. Угодский и Истьинский заводы были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной графу А. И. Шувалову.

В 1705 г. в Малоярославецкомуезде появляется еще один завод — Меньшовский доменный — возле д. Меньшовки на р. Нечайке. Его построила родственница голландца Акемы. Этот завод тоже по преимуществу выпускал военную продукцию, которая поступала в казну и шла на нужды русской армии.

Есть сведения еще об одном железоделательном заводе, правда не подтверждаемые официальной статистикой— заводе графа П. И. Шувалова на р. Луже, который в середине XVIII в. находился «в шести верстах ниже» с. Кременского. Предание говорит, что здесь «из привозимых из Москвы негодных орудий чеканились медные кружки, отправляемые затем для чекана на московский монетный двор».

Поротовский завод был закрыт в 1773 г., Угодский — в 1780-м. Дата закрытия Меньшовского — неизвестна, но не позднее 1785-го.

Помимо производства чугуна в XVIII в. в Малоярославецком уезде было положено начало развитию легкой промышленности губернии. Известно о существовании писчебумажной фабрики при Истьинском заводе Миллеров. В 1718 г. купец Тимофей Филатов-

Карамышев, по указу Петра I открыл на земле церковнослужителей церкви Спаса на Взгомонях полотняную фабрику по производству парусины, в которой нуждался развивающийся русский флот, а в 1720 г. — бумажную фабрику. Затем он привлек в компаньоны двух посадских людей из Калуги — Афанасия Гончарова и его племянника Григория Щепочкина. Рядом с предприятием, которое «по искусной работе и довольству и чистоте товаров почестся из нилучших в России» по обеим сторонам р. Суходрев вырос целый рабочий поселок из 27 слобод. В них, по данным Малоярославецкой воеводской канцелярии в 1775 г. проживало в 719 дворах не менее 5000 фабричных мастеровых. В фабричных поселениях раз в неделю проходил торг, куда приезжали окрестные крестьяне с «хлебом и рукоделиями». На парусной фабрике в конце XVIII в. работало 511 станков, производилось до 9 500 кусков парусины в год, которая поставлялась в Москву и Санкт-Петербург. Бумажная фабрика производила в год 25—30 тысяч стоп бумаги.

Славен Малоярославецкий уезд и тем, что здесь в 1745 г. было открыто первое в Калужской губернии суконное производство. На фабрике, созданной Егором Ивановичем Грунтом по указу Мануфактур-коллегии на р. Дыришне (современное название — Дырочная) было 16 станков для тканья сукна, 8 для трико (шерстяная ткани узорчатого плетения, используемая для изготовления верхней одежды) и 6 для шелка. В таком виде фабрика просуществовала, по крайней мере, до 1776 г. В 1756 г. капитаном Василием Выродовым в Малоярославецком уезде была основана еще одна суконная фабрика. С этого времени производство сукна распространяется и по всей Калужской губернии.

Известно, что к 1775 г. на этих фабриках, помимо сукна, выпускались каразея (грубая шерстяная ткань, использовавшаяся, как правило, как подкладка под сукно) и трип (шерстяной бархат). Фабрики, располагавшиеся на изрядном удалении от города (от 10 до 40 верст) производили «сукон 1 424 половинки в каждой по 40 арщин, каразеи по 133 половинки, в каждой по 78 аршин», 129 кусков трипа (35 аршин в каждом) и до 200 штук лент (по 12 аршин в штуке), которые отправлялись в Москву.

Работала в Малоярославецком уезде во второй половине XVIII в. и фабрика по производству игральных карт, содержателем которой числился некий лекарь Лука фон Гольц. Она была деревянной, так же как и все другие, кроме Гончаровских. Производство наверняка было прибыльным — для очень распространенных в то время карточных игр, привозимых из Европы, карт не хватало, ведь у карточных игроков существовало правило — начинать игру с новой колоды. Игроки порой запасались целыми ящиками карт… Вероятнее всего, это была одна из восьми частных карточных фабрик, действовавших в России в то время до введения в 1817 г. государственной монополии на производство игральных карт.

В XVIII в. все фабрики уезда были вотчинными — работающими исключительно трудом крепостных крестьян.

События Отечественной войны 1812 г. значительно подорвали экономику уезда. Была разорено большое количество дворянских имений, разграблены церкви. В почти полностью сожженном городе не осталось ни складов, ни торговых лавок. Большинство торговых заведений и ремесленных мастерских разорились, многие купцы не возвращались в город несколько лет, пытаясь восстановить капиталы, многие отправились в Москву и Санкт-Петербург. Оставшиеся занимались устройством различных хозяйственных объектов города — так на месте сгоревших во время сражения 12-ти торговых лавок на центральной площади города уже в 1815 г. появились деревянные шатры — построенные на средства купцов и мещанства с тем, чтобы потом их можно было разобрать и поставить на их месте каменные. В 1815 г. малоярославецкий купец Козьма Семенович Барютин занялся восстановлением разрушенных во время войны мостов через Лужу и Карижу, укреплял прогнившие сваи, делал дубовый настил и прочные перила, строил вокруг мостов новые гати, а кроме того до окончания строительных работ содержал на местах переправ плот и лодки.

Одними из многих покинувших разоренный город после событий октября 1812-го были братья Гаврила и Федор Федоровичи Целибеевы. Вероятно, их отец Федор, получил возможность отправить сыновей в Петербург, благодаря успешной торговлей рыбой, которую привозил возами из Саратова вместе со своим отцом Тихоном. Гаврила записался

в Санкт-Петербургское купечество в 1816 г., первоначально по 2-й гильдии и начал торговать москательными товарами — красками, лаками, клеем и т. п. Торговля шла удачно. Позднее Г. Целибееву принадлежал химический завод, расположенный на окраине Санкт-Петербурга, на Гутуевском острове. С 1825 г. — он уже петербургский 1-й гильдии купец. Но он не забывает родной город, следуя примеру своего отца 2-й гильдии купца Феодора Тихоновича Целибеева, который в 1823 и 1835 гг. передал средства на отливку двух колоколов для малоярославецкого собора во имя иконы Казанской божией матери, он в 1855 г. жертвует средства на постройку величественной колокольни Казанского собора. Жертвовали на храм и другие Целибеевы — Анисим Целибеев пожертвовал Казанскому храму икону «Божия матерь Тихвинская». В течение 10 лет с 1882 по 1892 г. старостой (ктитором) Казанского собора был купец Адриан Степанович Целибеев.

На протяжении всего XIX в. в Малоярославецком уезде активно развивалось ткацкое и тесемочно — шелково-ленточное производство.

К началу XIX в. относится появление в окрестностях Малоярославцасуконной «рассеянной мануфактуры» московского купца Жукова: двое крестьян деревни Белоусовой на двух станках и четверо — с. Скрыпорова на трех станках ткали из верблюжьей шерсти сукна для Московской почтамтской конторы. Известно, что после войны 1812 г. в уезде действовали еще две суконных фабрики — купца Мешкова (на ней 10 рабочих на 7 станках производили армейское сукно на 6 000 руб. серебром) и купца Гендрикова (15 рабочих на 10 станках — на 7 000 рублей). К концу 1840-х гг. Мешков по всей видимости продал свою фабрику крестьянину Агею Иванову из д. Ивашковичи, сам же поставлял на нее сырье, а потом покупал готовые изделия.

Еще в 1811 г. в с. Спас-Загорье (Спас-Лыкошина, Спасское, Полуспасское) коммерции советник, первостатейный купец М. П. Губин открыл первую в Калужской губернии бумаготкацкую фабрику. Фабрика производила хлопчатобумажную ткань — миткаль. 896 крестьян и 202 наемных рабочих обслуживали 615 станков. В 1838 г. на фабрике, видимо перешедшей по наследству сыну М. П. Губина, трудился 631 человек, производя товаров на 172 192 рублей в год, в 1845 г. — 823 человека, в 1850 г. — 742. Фабрика была оборудована 200 станками для производства миткаля 45-й аршинной меры, 25 станков для производства миткаля 30-й аршинной меры, 85 станков для производства маленьких и 18 — для больших кашемировых платков. Однако, с этого времени по деревням Малоярославецкого уезда в крестьянских избах стали учреждаться маленькие фабрики, сырье для которых их хозяева (мастерки) покупали у московских фабрикантов. Это производство, позволяло крестьянам без всяких расходов работать в удобное для них время. Не случайно, что более всего ткачество было развито в окрестных селу Спас-Загорью деревнях-Спасской и Угодско-заводской волостей: Верховье, Кривошеино, Передоль, Белоусово, Росляковка, Болотское, Пяткино, Спас-Митинка, Подчеревкино, Кривоносово, Всесвятское, Доброе. В. М. Кашкаров указывал, что в Малоярославецком уезде проживало600 ткачей-кустарей. Например, в д. Пяткино из 21 двора — 11 занималось платочным производством, 7 дворов вырабатывали шотландку и камелот, а один хозяин держал ткацкое производство, где работало 23 наемных рабочих. В деревне Доброе из 424 проживающих человек большинство занимались ткачеством на дому, лишь 28 человек - на ткацких фабриках местных крестьян Якова Тимофеева и Якова Федотова, продукцию которых покупал московский купец Назаров. В деревне Белоусово в 1782 г. крестьянин д.Верховье Петр Савельевич Мартынов основал бумажно-платочную фабрику, на ней 100 рабочих производили платки из купленной пряжи. К 1872 г. на территории уезда работало до 80 маленьких крестьянских ткацких фабрик. На них работали как местные крестьяне, так и приходящие из соседних сел и деревень. На «стороне» как правило, крестьяне работали с сентября по май, часто уходя на московские ткацкие фабрики.

По все видимости в конце 1830-х гг. московские купцы Малютины основали в Малоярославце шелковую и тесемочную фабрики. На первой в 1838 г. вольнонаемные — 100 женщин и 52 мужчины из числа местных мещан и крестьян на трех станках «стращивали и сучили сырцовый шелк», который привозился из Москвы. На фабрике было 3 мельницы — «карася» и 3 лошади. Вторая фабрика на 100 станках вырабатывала шелковую ленту и из «английской бумаги» бумажную тесьму, употребляемую в основном для обшивки

крестьянской одежды. Шелковая фабрика находилась в городе в трех двухэтажных корпусах, низ которых был каменный, а верх деревянный. Единственный корпус тесемочной фабрики, тоже с каменным низом и деревянным верхом стоял за городом. Готовый товар отправлялся в Москву, где у Малютиных были контора и склад. Первоначальное производство доходило лишь до 20 000 в год. Но потом когда на фабриках были устроены мельничные станки, введенные в России австрияком Карлом Роте, на котором работник мог ткать за раз 50 лент и тесемок, производство увеличилось и дошло к 1850 г. на 170 станках до цифры 140 000 серебром. Когда такие же станки стали вводиться и на небольших фабриках окрестных предпринимателей, особенно в деревнях Клины и Каньшино (купца 2-й гильдии Максима Смирнова, штат которой к 1882 г. составлял 50 человек), производство фабрики начало уменьшаться, дойдя в 1860 г. до 24 000 руб. серебром. Различные виды тесьмы (голландская, шефлеровая, обшивочная и др.), по данным на вторую половину XIX в., изготавливали на фабрике близ с. Поречье малоярославецкого 3-й гильдии купца Коврегина (40 рабочих производили товара на сумму 7 500 руб.), на фабрике в самой деревне Поречье малоярославецкого 3-й гильдии купца Сергеева (29 человек на 3 200 руб.), на фабрике в деревне Барденева малоярославецкого 3 гильдии купца Василия Петрова (34 человека — на 1 442 руб.) и на фабрике малоярославецкого 3-й гильдии купца Балашева (29 человек на 3 210 руб.). В 1882 г. из вышеперечисленных продолжала действовать лишь пореченская фабрика Сергеева (перешедшего в мещанское сословие), ее штат уменьшился до 7 человек против 29. Фабрика Коврегина, находившаяся близ Поречья перешла в собственность крестьянина Максима Фодеева (на ней работали 14 человек). В 1878 г. в Поречье появилась еще одна тесемочная фабрика — крестьянки Ирины Ананьевой (7 человек). Достаточно крупная фабрика (40 человек) крестьянина Евлампия Анисимова работала деревне Васильчиновка и две крестьянских фабрики Тимофея Семенова и Акинфия Прескова в д. Веткино (со штатом 14 и 15 человек соответственно).

В 1854 г. московский купец Михаил Яковлевич Рябушинский — выходец из боровских крестьян — основал в с. Чуриково ткацкую фабрику, на которой производили миткаль, демикотон, канифас, кашемир, саржу и другие виды тканей. Постройкой заведовал сын Михаила Яковлевича — в будущем крупный отечественный промышленник Павел Михайлович, проживший в Чуриково два лета и потом каждый месяц приезжавший на фабрику. Сначала на земле, купленной у некоего Колосова, был построен кирпичный завод. Затем - кирпичное здание ткацкой на 200 станков. Станки, выписанные из Манчестера, работали при помощи 45-сильного двигателя. Неподалеку стояло здание с каменным низом и деревянным верхом — на нижнем этаже которого находилась красильня, а наверху — сушильня. На фабрике работало 600—700 сменных рабочих ежедневно производя около 250 кусков материи.

Механиком на фабрике был Христиан Карлович Людвиг, ткацкой заведовал Михаил Евсеевич Капустин — внук Михаила Яковлевича, отбельной — Василий Михайлович Соболев. Счетоводство вел Кондратий Иванович Ануфриев. После смерти М. Я. Рябушинского фабрика перешла во владение его сыновей — Павла и Сергея. В 1867 г. по представлению Калужского мануфактурного комитета фабрика Рябушинских приняла приглашение для участия в Парижской выставке.

Производство сгорело в 1874 г. Возобновлять его Рябушинские не стал — цены на землю в 70-х годах в районе Малоярославца сильно росли, и потому обеспечить мануфактуру топливом на дальнейшее будущее становилось более затруднительным.

В 1861 г. на месте бывшей мельницы Николаевского Черноостровского монастыря, в 200 саженях от него, на ручье Колотовке у р. Лужи была основана суконная фабрика купца Матвея Васильевича Владимирова — товарища председателя Городского общественного банка. Он арендовал помещение для фабрики у монастыря за 200 руб. серебром в год. Здание было обнесено деревянным забором на каменных столбах. Внутри двора находились каменный двухэтажный дом, «в нижнем этаже 2 стены в земле, а две открытые, крыты тесом». По левую сторону от дома был забор, а за ним на углу стояла каменная кухня со сводами и подвалом. От кухни шла каменная стена, а за ней — каменная сушильня «со сводами, крытая тесом». По правую сторону дома находились ворота которых открывали выход к горе, с которой текли ключи. В углу, рядом с воротами, стоял де-

Фото 1. Г. Малоярославец, ул. Калужская. Начало XX в. Второй справа от собора во имя иконы Казанской Божией матери — дом купца Д. Д. Давыдова. Слева — двухэтажный с козырьком дом Т. В. Черикова.

ревянный одноэтажный крытый тесом корпус без фундамента. Под корпусом из ключей была по желобу проведена вода на колесо. По правую сторону двора находился еще один корпус — двухэтажный, без фундамента, крытый тесом. В нем работали ткачи. По правую сторону от ворот стоял пустой деревянный одноэтажный корпус. Оборудование фабрики на начало 1860-х гг. состояло из «8 станков, 3,5 аппаратов, 1 трепальни и 2 самопрядилен». Более поздние данные указывают на наличие на фабрике 20 станков, на которых работали 25 рабочих, которые вырабатывали суровое сукно на 11 200 руб. серебром. На фабрике изготовлялось сукно из шпанской шерсти и продавалось для окончательной отделки в Москву.

Кстати, земля, на которой стояла фабрика (50×20 сажень) была передана монастырю во владение «по приговору малоярославецких граждан: купцов и мещан».

В XIX в., наряду с ткацким, в уезде развивалось кожевенное производство.Одна кожевенная фабрика в городе и одна в уезде существовали по меньшей мере с 1820 до 1838 г.

С 1849 по 1857 гг. в селе Никольском Малоярославецкого уезда, принадлежавшем помещику Поливанову, работал крупнейший в губернии завод по выделке овчин. Овчину вымачивали в хлебном квасе и делали влагостойкой. Известно, что Поливанов покупал разные сорта овчины на одной из крупнейших в России ярмарок — Крещенской, проходившей в январе каждого года в городе Лебедянь. Фабрика производила до 10 000 овчиных полушубков в год.

В 1848 г. московский купец 2 гильдии Василий Иванович Санин близ д. Малая Леташевка Малоярославецкого уезда основал химический завод, ставший самым крупным в Калужской губернии. Управляющим на заводе был брат владельца — Петр Иванович Санин. Вскоре братья открыли филиалы завода в деревнях Чуриково (14 человек) и Дроздово (8 человек). Завод состоял из 4 одноэтажных корпусов, в них находились 24 печи и паровик в 12 лошадиных сил. На заводе производили венецианскую ярь, медянку, медный купорос, деготь, квасцы, соляную и уксусную кислоту и крепкую водку на 66 251 рублей в год. Сырье покупали в Москве, а товар продавали Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, на нижегородских и украинских ярмарках. В 1857 г. все химическое производство Калужской губернии заключалось в одном заводе Санина, на котором работало 250 рабочих и изготавливалось товаров на сумму 300 тыс. руб. В 1887 г. владельцем завода числился уже купец 1-й гильдии Петр Иванович Санин, а новым управляющим —

Александр Иванович Санин — выпускник Московской Практической академии Коммерческих наук. Он активно применял новые технологии на производстве, улучшая качество производимых продуктов. Рабочие жили при заводе, получали до 60 рублей в год «на хозяйских харчах», лечились в заводской больнице. Ни на каком другом промышленном предприятии Малоярославецкого уезда больниц не было. Продукция завода пользовалась большим спросом и выставлялась на различных промышленных выставках. П. И.Санин получил похвальную медаль II класса на Всемирной Лондонской выставке. В 1870 г. на промышленной выставке в Санкт-Петербурге продукция завода была признана одной из лучших, а П. И. Санин получил право от правительства ставить на своих изделиях клеймо с изображением государственного герба. Завод в Леташевке действовал и после 1917 г. Купеческое имение с прудом и парком находилось между деревнями Грачевка и Чериково.

В 1873 г. в с. Смахтино Малоярсолавецкого уезда московские купцы — братья Ботневы открыли химический завод по производству свинцовой соли, древесного дегтя, уксусной кислоты, нашатырного спирта и свинцовых белил. Управляющим завода из 10 одноэтажных корпусов, в которых работали 30 рабочих, был боровский купец Петр Кондратьевич Молчанов.

Есть сведения об еще одном химическом заводе в уезде — в 1860-х гг. он находился «в лесных дачах графини Головкиной». На заводе обугливали дрова с целью получения побочных продуктов, в частности уксуса. Годовое производство завода составляло 9 250 руб.

К середине XIX в. Малоярославец продолжал оставаться самым малонаселенным уездом Калужской губернии, в нем проживало чуть менее 50 тысяч человек. Однако в «Военно-историческом обозрении…» он назван одним из «наиболее достаточных уездов», наряду с Боровским и Тарусским. Согласно этому документу население в уезде занималось большей частью извозом и торговлей лошадьми, а также разведением фруктовых садов и картофеля. В других документах отмечается также распространенность в уезде производства вина, выделки пеньки и извозничества. Лошадиный промысел особенно развит был в Неделинской волости, по сведениям современника, разведением лошадей здесь в 1840-х гг. занималась почти каждая крестьянская семья. Несколько раз в год лошадей сгоняли на ближайшие ярмарки и продавали по 80—300 рублей ассигнациями. В конце XIX в., в Авчининской волости уезда, получил широкое распространение особый промысел — в деревнях около 100 кустарей были заняты золотобойным и серебряным делом.

В помещичьих хозяйствах нескольких дворян уезда действовали картофелепаточные заводы «Образцовые хозяева» Ланской из с. Игнатьевского и Лисевич из с. Немцово завели их еще в 1830г., став первыми в губернии. Дело оказалось выгодным и их примеру последовали соседи — дворяне Рахманов (с. Семейкино) и Кудрявцев (с. Панское). Заводики были небольшими — от 4 до 8 рабочих на каждом с годовой выработкой патоки на 2—4 тысячи руб. Картофельная патока шла на продажу в Москву и Боровск. В хозяйстве Ланского был и небольшой уксусный заводик. Продукция его сбывалась в Калугу и Москву на 600 руб.в год. Эти заводы были очень известными в губернии, однако чем больше появлялось заводов, тем занятие это становилось менее выгодно, так как патока не имела широкого использования. В 1860-х годах в уезде оставалось три завода с общим годовым производством на 3 985 руб.

По меньшей мере, с конца XVIII в. существовало на Малоярославецкойземле винокуренное производство.Значок «винной» завод имеется в районе деревни Князь-Романова на карте уезда 1800 г. Известно, что и в середине XIX в. в этой деревне, бывшей во владении г-жи Ефимовичевой, работал винокуренный завод, на котором 25 человек производили за 5 месяцев до 32000 ведер алкоголя. Сырьем для производства было собственное зерно Ефимовичевой. Продукция с завода поступала для продажи в казенные магазины.

Еще один завод находился в имении г-жи Поливановой — с. Детчино. На нем производилось по подряду от 10 000 до 15 000 ведер и более. Штат завода также состоял из 25 человек.

В самом городе в середине XIX в. проживал 501 представитель купеческого сословия, из них 297 мужчин и 204 женщины, что составляло примерно 1/6 населения города. Они содержали торговые бани, аптеку, ресторацию, несколько трактиров, две лавки с «крас-

Фото 2. Г. Малоярославец, ул. Калужская. Справа с воротами дом купца И. И.Санина.

ным товаром», 9 хлебных, 7 бакалейных, 4 мясных, 1 москательную и 21 мелочную. В конце 1860-х гг. в Малоярославце открылись 2 небольших завода: пивоваренный и маслобойный, на которых работало 5 и 6 человек соответственно, производя продукции на 1 000 и 500 руб.

Экономическое развитие города в начале XX в. напрямую зависело от проведения через город Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Около станции Малоярославец появился новый квартал с лавками, магазинами, ресторанами. С железной дорогой связан был и успех кирпичного завода Пелагеи Матвеевны Бродиной, основанном в 1899 г. в д. Карповой, недалеко от станции Малоярославец. Если заводы Н. Н. Писаревав с. Терентьево и Ф. Ф. Калиновского в д. Марьино производили кирпича на 1 600—2 500 руб. в год, то завод Бродиной при штате в 80 человек выпускал кирпича и жженой извести на 23 800 руб. На 1903 гэ это был самый мощный кирпичный завод в губернии.

Малоярославецкие предприниматели прошлого были вовлечены в общественную жизнь города, занимая различные должности в органах местного самоуправления. Городское самоуправление в XIX — начале XX в. почти полностью находилось в руках купцов. Это было обусловлено рядом законодательных актов, по которым управление городским хозяйством было возложено главным образомна купцов и мещан.

Традиционно избирались из купеческого сословия городские головы, равно как и гласные городской думы, купцы руководили городским общественным банком, состояли в различных попечительских обществах.

Благотворительность купечества, традиционно заключалась в деятельности церковных старост, которые должны были обеспечивать храм необходимым и поддерживать его благоустройство. Так старостами Казанского собора в разное время были купцы: Антон Чудаков (1835—1836), Иосиф Чудаков (1836—1839), Семен Чудаков (1839—1848), (1851—1866). П. М. Иванов (1869—1872), А. С. Целибеев (1872—1882), В. М. Куражковский (1882—1886), Д. В. Чудаков (1886—1891), состоятельный крестьянин Т. В. Чериков (1891—1893), И. П. Горностаев (1890—1905), Д. В. Емельянов (с 1905 г.).Образцом организованной купеческой благотворительности стал вклад малоярославецких и московских купцов в восстановление Николаевского Черноостровского монастыря в начале — середине XIX в. (в 1805 г. — малоярославецкое купеческое и мещанское общество пожертвовало 1 000 рублей ассигнациями; в 1822 г. «по усердию» купца Михаила Гавриловича Богданова для монастыря в Москве был отлит большой колокол), в строительство церкви Успения в начале XX в..

Деяния на поприще благотворительности и попечительства представителей предпринимательского сословия можно описывать и далее. Но, пожалуй, самым ярким примером купеческой благотворительности конца XIX — начала XX в. стала деятельность Тимофея Ивановича Назарова.

Почетный потомственный гражданин, московский 1-й гильдии купец, владелец московских бумаготкацкой и платочной фабрик, выборный в московскую старообрядческую общину Рогожского кладбища, Тимофей Иванович Назаров происходил из крестьян деревни Болотской Уготско-Заводской волости Малоярославецкого уезда. В 1891 г. он передал 2 248 рублей своим землякам — крестьянам нескольких селений, пострадавших от сильного града. В 1895 г. на его средства были построены 3 школы в уезде. В 1900 г. он выделил более 25 000 руб. на строительство Малоярославецкой земской больницы, которая была названа его именем, а позднее и 10 000 руб. в неприкосновенный капитал на проценты с которого жители города и уезда должны были получать медицинскую помощь бесплатно. Кроме того на средства Т. И. Назарова (2 000 руб.) в нескольких километрах от его родной деревни в том же 1900 г. в д. Малой Росляковой была построена школа.

Здание больницы Назарова продолжает использоваться и в начале XXI в. Купеческие дома во многом и сегодня определяют лицо исторической части Малоярославца. Они строились основательно, «на века», и больших площадей — для потомков. До нашего времени сохранились и украшают город: каменные дом купца Д. Д. Давыдова (в нем находится Администрация города), дома купца И. И. Санина (антикварная лавка, кафе и магазины), дом купца Шарапова (городская типография), дом купца Д. А. Капустина (ресторан «Династия»), дом Т. В. Черикова (ресторан «Гусарская баллада»). Среди небогатых купцов и зажиточных мещан были популярны полукаменные дома. Первый их этаж (или полуподвал) выполнялся из камня, второй — из дерева. Ряд таких домов еще сохраняется на Московской, Калужской и бывшей Дворянской улицах.

В Малоярославце, как и во многих других городах, некоторые улицы носили имена наиболее успешных купцов — Чудаковская, Листовская, Губинская и другие улицы.

Складывавшаяся веками история малоярославецкого предпринимательства, представители которого внесли значительный вклад в экономическое развитие города, оставили заметный след в архитектуре и благотворительности, завершилась в конце 1920-х гг., со сворачиванием новой экономической политики и частной инициативы в экономической жизни страны. Начало его возрождения датируется 25 декабря 1990 г., когда был принят Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности».

Литература

1. Список фабрик и заводов Европейской России. — СПб., 1903.
2. Список фабрик и заводов Российской Империи. — СПб., 1912.
3. *Чаплин С.* Опыт статистического обозрения Калужской губернии. — М., 1838.
4. Памятные книжки Калужской губернии за 1861—1914 гг.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. — Т.6. — Ч. 6: Калужская губерния. — СПб., 1849.
6. Малоярославец: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1884.
7. *Васильева З. В.* Металлургическая промышленность в Боровском, Малоярославецком и Оболенском уездах в XVII—XVIII вв. // Песоченский историко-археологический сборник. — Вып. 3. — Ч. 1.
8. Город Малоярославец и Казанский собор в нем // Русская старина. — Вып. 6. — Калуга, 1911.
9. *Кавелин Л.* Историческое описание Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря. — М., 1903.
10. *Соймонов П. А.* Топографическое описание Калужского наместничества. — СПб, 1785.
11. *Хомутова О. Ю.* Гильдейское купечество Калужской губернии в конце XVIII в. — 1860-е гг.: Численность, состав, корпоративная организация и профессиональная деятельность: Дис. … канд. ист. наук. — М., 2002.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ ВО ВРЕДИТЕЛЬСТВЕ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ КАЛУЖСКОГО ТЕКСТИЛЬНОГО ТРЕСТА Д. И. СОКОЛОВА, В. Д. СОКОЛОВА, Н. П. ПОЛЕЖАЕВА И В. Ф. ПОПЛАВСКОГО

***Е. А. Полежаева**, к. б. н., учредитель «Боровского музея истории купечества и предпринимательства»*

20-е гг. прошлого века внесли поистине драматические страницы в судьбы людей, связанных с текстильными предприятиями Боровского уезда, который издавна был средоточием ткацкого производства в Калужской губернии. Перед Октябрьским переворотом 1917 г. в г. Боровске и его окрестностях было 6 текстильных фабрик: Тишинская, 1-я и 2-я Боровские, Русиновская, Ермолинская и Белоусовская (см. рис. 1). Созданные инициативными местными жителями во второй половине 19 века, они были специализированы на выработке определенной продукции: шерстяные, полушерстяные, вигоневые и шелковые ткани и изделия из них. На фабриках работали городские жители и крестьяне из окрестных деревень.

В начале XX в. на всех фабриках, кроме Тишинской, уже построили каменные производственные корпуса (см. рис. 2, 3), имелись силовые установки, производственные процессы были полностью, как на Русиновской фабрике, или частично механизированы [1; 2; 3].

Как же сложилась дальнейшая судьба этих производств? Вскоре после переворота в октябре 1917 г. владельцы 2-й Боровской, Русиновской и Ермолинской фабрик уехали, оставив свою собственность на произвол судьбы, что и предопределило их остановку и постепенное разрушение.

В феврале 1919 г. Калужский Губернский совет народного хозяйства (КГСНХ) находит возможным сгруппировать перечисленные выше фабрики в так называемый «Куст» с перспективой уделить особое внимание наиболее крупным из них — Русиновской и Ермолинской. Но для пуска этих двух фабрик требовались капиталовложения в несколько млн. рублей, которых у Калужского СНХ не было, и фабрики пришлось законсервировать. Таким образом, взяв Русиновскую и Ермолинскую фабрики в свое ведение, КГСНХ не справился с задачей сохранить их как действующие. Вся ответственность за их остановку ложится только на КГСНХ.

Консервация Ермолинской и Русиновской фабрик закрепила право на жизнь и дальнейшее развитие таких маломощных фабрик, как 1-я Боровская, Белоусовская и Тишинская, руководители которых остались при своих фабриках. В 1919 г. в связи с нехваткой специалистов Постановлением заседания фабричного комитета и Контрольной комиссии директорами двух фабрик становится их бывшие владельцы. На Белоусовской — Дмитрий Иванович Соколов (1873 г. р., происходил из потомственных почетных граждан г. Москвы, где родился и проживал, окончил Коммерческое училище), на 1-й Боровской — бывший совладелец ее Николай Петрович Полежаев (1876 г. р., уроженец г. Боровска, окончил 4 класса приходской школы; см. рис. 4). Тишинскую фабрику передали под управление Владислава Филициановича Поплавского (1887 г. р., владельцем ее ранее не был, а работал у хозяина фабрики В. Рыбаковича по найму до 1918 г.; происходил из ремесленников г. Белосток в Белоруссии.) Все они были образованными, творческими и достойными людьми, хорошо знавшими текстильное производство.

Чтобы сохранить работоспособность этих фабрик 30 декабря 1922 г. КГСНХ создает *Калужский текстильный трест (КТТ)*, базировавшийся в Боровске (ныне д. 12 по ул. Ленина). С января 1925 г. руководство КТТ принял 24-летний Никита Алексеевич Рупасов (см. рис.5) — человек редких моральных качеств и способностей, высокой культуры, широкого кругозора, прекрасный организатор и руководитель, быстро освоившийся в текстильном производстве. Он был уважаем и любим сослуживцами. Честный коммунист, член ВКП(б) с 1917 г., веривший в светлое будущее. В 1917—1922 гг. он был на военной и партийной работе, в 1924 г. окончил вуз в Москве.

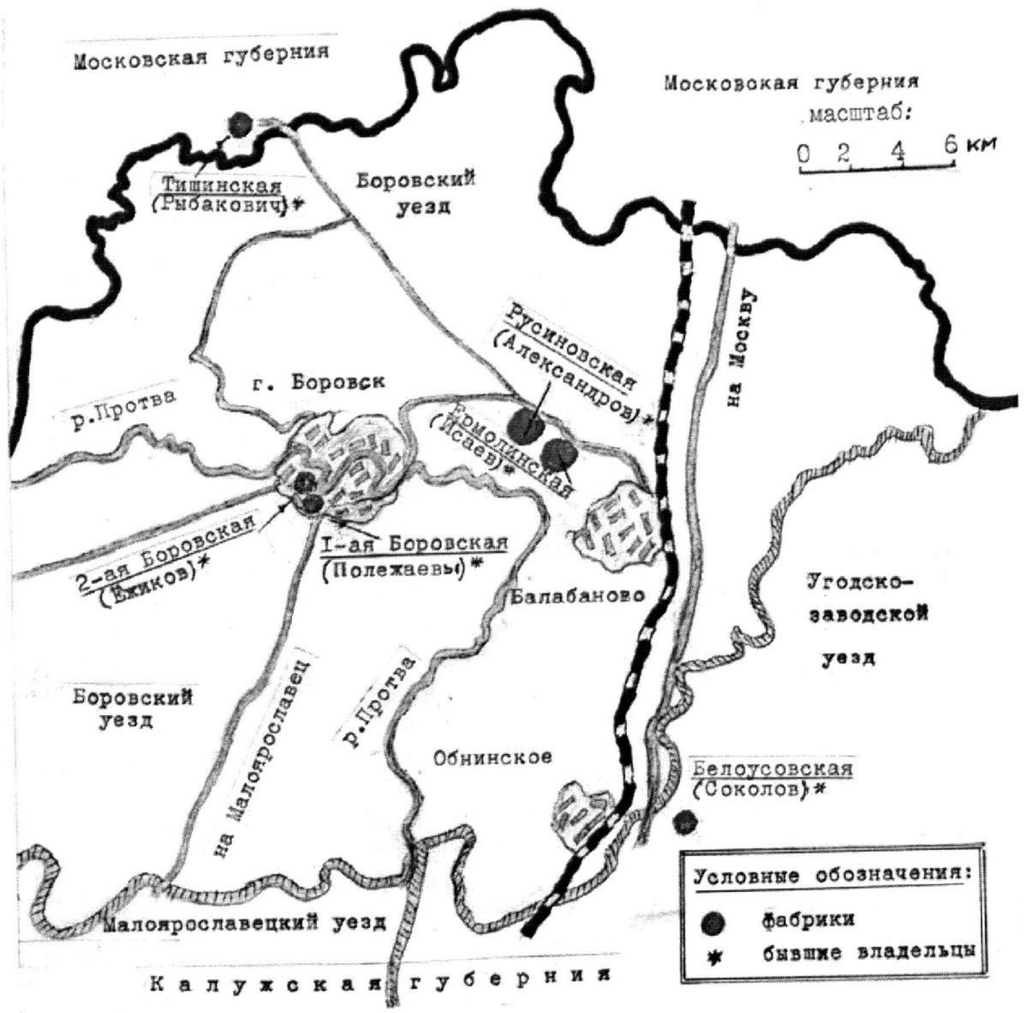


Фото 1. Расположение текстильных фабрик в г. Боровске и окрестностях. 1928.

Поскольку к 1923 г. закрыли ряд фабрик и артелей в соседних уездах, их оборудование и силовые установки перевезли на действующие фабрики Боровского уезда. В 1925 г. в состав КТТ вошла запущенная наконец, Ермолинская фабрика, а несколько позже — Русиновская и 2-я Боровская, на которых поставили около 100 ручных ткацких станков. На 2-й Боровской разместилось еще и училище по подготовке кадров для фабрик с общежитием и столовой. Таким образом, в составе КТТ оказалось все 6 фабрик.

Работа КТТ проходила в сложной экономической и политической обстановке. Это был период нэпа, когда все хозяйственные связи оказались разорванными, производства были остановлены или разрушены, а любое сырье — в дефиците. В этих условиях КТТ работал в состоянии постоянного развертывания производства, а стоимость выпущенной им продукции с 1925 по 1927 г. возросла почти в 40 раз (с 400 тыс. до 16 млн. руб.). Этим цифрам приходится только удивляться. Спрос на продукцию КТТ был очень высок. Потребность на платки по стране в тот период удовлетворялась лишь на 30%.

Огромная роль Рупасова в становлении работы КТТ несомненна. В 1925—1927 гг. он находился в командировках более 500 дней, используя все свои организаторские способности и личное обаяние, чтобы договариваться с поставщиками сырья, и в поисках рынков сбыта.

Безусловно, при таком огромном объеме работы не обошлось без случаев перерасхода бюджетных средств либо их бесхозяйственного использования. Ведь были постоянные перебои с сырьем и подсобными материалами, несвоевременно утверждались планы.

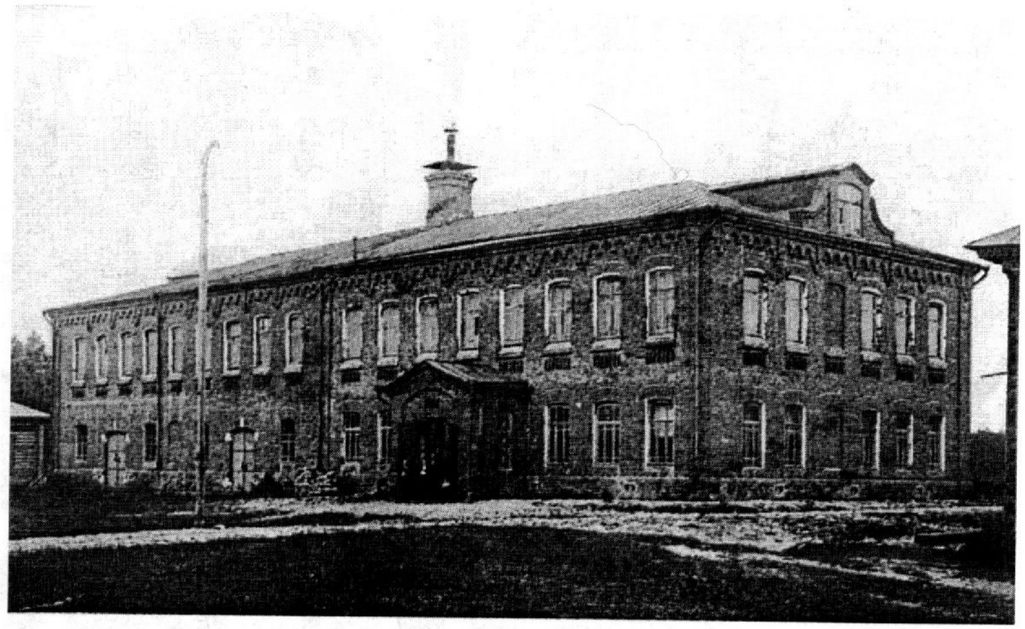


Фото 2. Большой корпус фабрики Полежаевых. 1911.

Некоторые из таких фактов стали известны в КГСНХ. Это явилось поводом для вынесения ОГПУ Постановления от 10 мая 1928 г. о проведении следствия по этому делу. Нужно было искать виновных во временной остановке Русиновской и Ермолинской фабрик, и выбрали тех, кто в самый тяжелый период, не рассчитывая на помощь и надеясь только на себя, приложил громадные усилия для спасения текстильной промышленности в Калужской губернии.

«Следственное дело № П-19987», хранящееся в Калужском архиве ФСБ, состоит из 1 279 листов в 2-х томах. Начато 5 мая 1928 г., окончено 18 января 1929 г. [4]. В мае—июле арестовали директоров Тишинской, 1-й Боровской и Белоусовской фабрик, а также сына Дмитрия Соколова — Владимира Соколова (1899 г. р.), зав. производственно-техническим отделом в КТТ. В течение 8 месяцев их содержали в Калужской тюрьме. К следствию было привлечено 79 свидетелей из Боровска, Калуги и Москвы и несколько десятков организаций.

Созданная по этому делу Комиссия, по существу, зачеркнула всю деятельность КТТ, предложила немедленно ликвидировать его по причине большого расхода на содержание управленческого аппарата (зарплата 24 сотрудникам всего 240 тыс. руб. в год — небольшие по тем временам деньги) и передать его функции заводоуправлению Ермолинской фабрики. Уволить социально-чуждый элемент по составленному Комиссией списку, который в деле отсутствует, не покупать и не обменивать пряжу у частников. К 1 января 1930 г. ликвидировать все мелкие ткацкие предприятия КТТ и сконцентрировать всю текстильную промышленность уезда на Ермолинской фабрике, развернув на ней жилищное строительство. Прекратить из-за нецелесообразности электрификацию г. Боровска и с. Русиново, инициированную Рупасовым. Ходатайствовать о выдаче 2 млн. руб. из бюджета РСФСР для создания оборотных средств на Ермолинской фабрике.

В дальнейших постановлениях, решениях и выводах комиссий по поводу работы КТТ тон становится все более и более жестким. Предлагается «снять с должности управляющего Рупасова и усилить роль парторганизации». Нет ни слова понимания того, в каких условиях работал КТТ. Белоусовская, Тишинская и даже 1-я Боровская, механизированная уже к 1913 г., были названы «лже- и полукустарными фабриками, полуфабриками-полумастерскими, фабриченками, рухлядью, кустарными мастерскими с полуразрушенными зданиями, похожими скорее на жилые постройки, чем на производственные корпуса». Из этого становится очевидным, что *дело принимает чисто политическую окраску.*

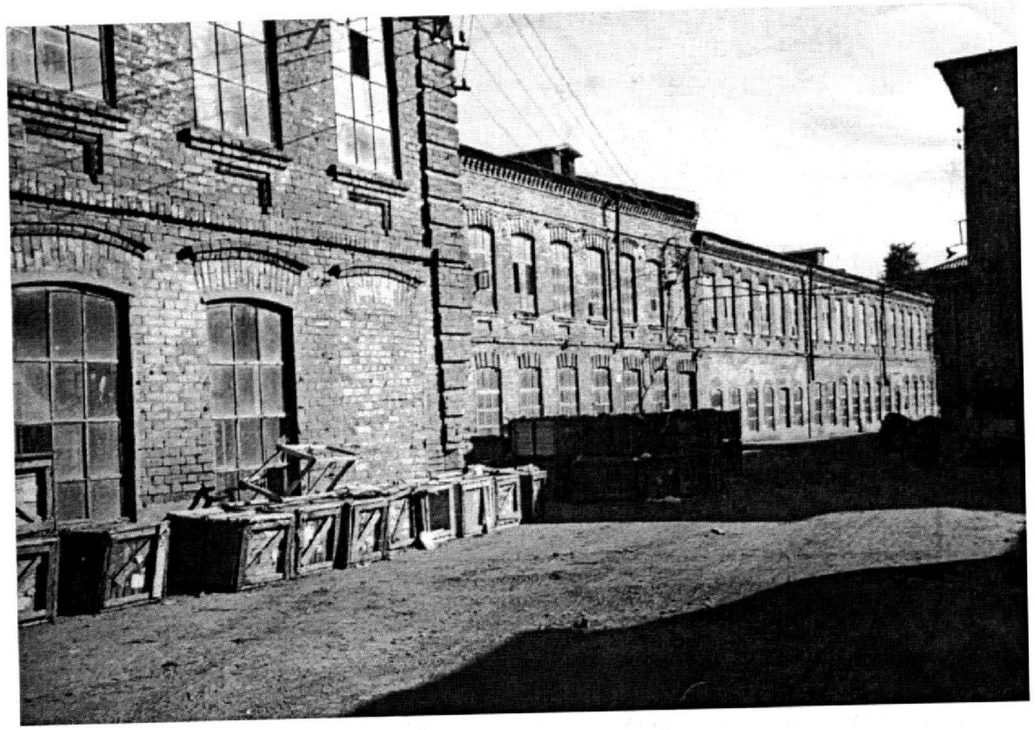


Фото 3. Ермолинская фабрика. 1909.

Но апофеозом этой лжи, лицемерия и беспринципности явились статьи «Полежаев и его трест» в газете «Голос текстилей» от 15 мая 1928 г. и «Покончить с полежаевщиной» в газете «Коммуна» от 22 мая 1928 г. В ней объявлялось, что «шайка фабрикантов противодействовала правильному развитию текстильной промышленности Калужской губернии, заранее обдумывая и прорабатывая свои корыстные планы по возвращению им фабрик». В ответ на эти публикации заключенный Николай Полежаев пишет следователю: «Появившиеся в газетах заметки с сенсационными заголовками о моей работе в КТТ носят исключительно клеветнический характер.... Вымышленные факты выдаются за действительные и возбуждают массы против меня как специалиста, от звания которого я никогда не откажусь. Весь свой опыт и знания я отдал исключительно на усиление мощности КТТ».

В предъявленном арестованным обвинении их вредительская деятельность заключалась в намеренном разложении финансовой мощи КТТ, что проявилось в разрушении Русиновской и сознательной задержке пуска Ермолинской фабрик, хотя для ввода их в эксплуатацию, по мнению следствия, не требовалось ни копейки затрат. Следствие проигнорировало мнение Комиссии из специалистов КГСНХ и ВСНХ, которая еще в 1923 г. установила, что для пуска этих фабрик нужны были миллионы рублей. Все арестованные сочли факты, содержащиеся в предъявленных им обвинениях, не соответствующими действительности и виновными себя не признали .

Заведено было следственное дело на управляющего КТТ Рупасова, предварительно отстраненного от должности, но вскоре его отменили.

А руководящие работники ВСНХ и КГСНХ, от которых исходили все решения и распоряжения, были привлечены к делу лишь как свидетели. Они остались в стороне и ничем себя не запятнали. Все они были членами ВКП(б).

Обвинительное заключение от 17 сентября 1928 г было составлено в тоне выше приведенных газетных статей и оставляет очень тяжелое впечатление. Указывалось, «что своими действиями обвиняемые принесли громадный ущерб Советскому государству. Преступления их предусмотрены ст 58, п. 7 (вредительство) УК РСФСР и дело подлежит направлению в Коллегию ОГПУ для слушания во внесудебном порядке» (так называемые «тройки»).

Фото 4. Н. П. Полежаев. 1931.

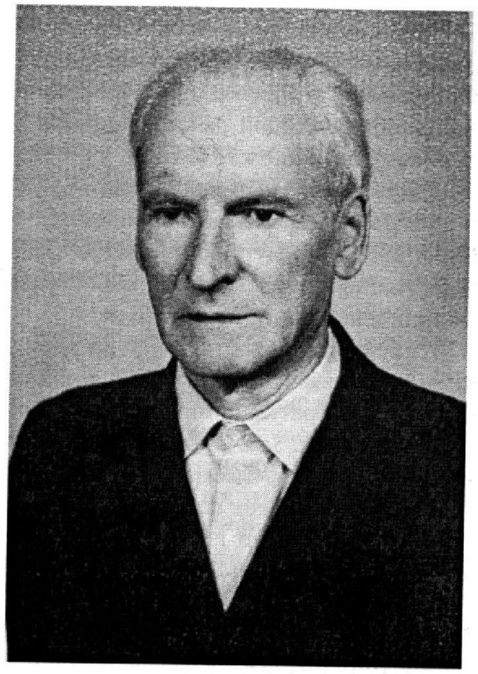


Фото 5. Н. А. Рупасов 1960-е гг.

В последующие 4 месяца обвиняемые продолжали оставаться в Калужской тюрьме в ожидании приговора. Жены Соколовых и Поплавского писали отчаянные письма прокурорам в Калугу и Москву с просьбами разобраться в делах их мужей, пытаясь убедить прокуратуру в их невиновности. Ответов на их письма в деле не найдено. 4 января 1929 г. в газете «Правда» появилась статья «В плену у фабрикантов», в которой не только продолжалась беспринципная травля арестованных «фабрикантов» и лживая оценка их деятельности, но и в самых резких тонах осуждался Рупасов: «История с Рупасовым — пример для многих хозяйственников-коммунистов, становящихся пешкой в умелых руках враждебных нам людей. Им надо запомнить, что для коммуниста — смертный грех передоверять данный ему пролетариатом мандат на управление хозяйством классовому врагу».

Наконец, 18 января 29 г. «тройка» ОГПУ вынесла *приговор:* «Сослать сроком на 3 года Николая Полежаева и Владимира Соколова в Ленинаканский округ Закавказья, а Дмитрия Соколова и Владислава Поплавского — в Бухарский округ в Средней Азии. Выслать всех этапом, чтобы не освобождать из-под стражи и тем самым не создавать лишних разговоров среди рабочих масс Боровского уезда».

Послесловие. Через 3 года со дня ареста всем сосланным было разрешено свободное проживание на территории СССР. Жены дождались их возвращения.

Полежаеву возвращаться было некуда. Находясь на хорошем счету, остался работать в Ленинакане, но очень скучал по родственникам, постоянно переписывался с ними. В 1930-х гг. его опять арестовали и отправили в Казахстан, но вскоре вернули обратно. Тяжело больной (рак желудка) он приехал в 1951 г. в Москву, умер 13 сентября и похоронен на Рогожском кладбище.

Дальнейшая судьба Соколовых остается неизвестной.

Поплавского вторично арестовали в сентябре 1937 г. в г. Серпухове Московской обл. Тогда он работал начальником аппретурно-отделочного цеха на Серпуховской тонкосуконной фабрике. Его жена Анелия Антоновна, арестованная в октябре 1937 г., умерла в ГУЛАГе в 1943 г. Их дети в 1956 г. подали просьбу Военному прокурору пересмотреть дело родителей и реабилитировать их посмертно, но получили отказ.

Лишь 74 года спустя, в 2003 г. по тем же материалам было вынесено заключение о посмертной реабилитации всех четверых осужденных.

Рупасова арестовали в 1938 г. в Новосибирске. После 9-летнего пребывания в ГУЛАГе на Дальнем Востоке и на Колыме он, совершенно больной (с туберкулезом позвоночника), добрался в Боровск к семье. Подлечившись, находил в себе силы заниматься партийной и общественной работой, остался убежденным коммунистом. Похоронен на Текиженском кладбище в 1970 г.

А что же стало с фабриками?

Фабрики Тишинская, 2-я Боровская и Русиновская были ликвидированы, по-видимому, в 1930—1931 гг. Белоусовская фабрика еще в 1974 г. была вместе с Ермолинской в составе производственного х/б объединения, но к 1995 г. прекратила свое существование как текстильное предприятие.

Из 6 фабрик к настоящему времени действующими остались только две: 1-я Боровская, предназначавшаяся в 1928 г. к демонтажу, и Ермолинская. В советское время они стали градообразующими предприятиями, число рабочих на них составляло 1 500 и 3 000 соответственно. За счет доходов фабрики деревня Ермолино превратилась в поселок городского типа с 10-тысячным населением.

На средства обеих фабрик строились современные жилые кварталы, детские сады, ясли, медпункты, клубы с народными театрами, радовавшими жителей прекрасными спектаклями. Развивалась сфера бытового обслуживания. В период перестройки 1990-х гг. произошел резкий спад производства на обеих фабриках. Однако они устояли и превратились соответственно в ОАО «Руно» и ОАО «Ермолино». Число рабочих на них снизилось в 10 раз. И все же, возникшие более 100 лет тому назад, они смогли пережить бурный XX век, продолжают выпускать продукцию высокого качества и обеспечивать занятость населения*.

Литература

1. Список фабрик, заводов и др. промышленных предприятий Калужской губернии. // М.: Тип. финансового отдела, 1919 г. — С. 16, 17, 42, 43.

2. *Полежаева Е. А.* Как Полежаевы создавали текстильную фабрику // Боровские известия. — 2014, 20 авг. — С.3.

3. *Полежаев К. И.* О создании фабрики «Красный Октябрь» // Боровск: Страницы истории. — 2001 — № 3 — С. 89—94.

4. Дело по обвинению ответственных работников Калужского текстильного треста Соколова Д. И., Соколова В. Д., Полежаева Н. П. и Поплавского В. Ф. в преступлениях, предусмотренных ст. 58, п. 7 УК РСФСР // Калужский областной архив ФСБ. — 1929 — 1279.

ТОРГОВЛЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕРПУХОВА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в. ПРОДАВЦЫ И ПОКУПАТЕЛИ УЕЗДНОГО ГОРОДА

***Т. В. Хомякова**, зав. отд., Серпуховской историко-художественный музей*

Долгое время средоточьем серпуховской торговли была площадь под Соборной горой (в XIX — начале XX в. она стала называться Старобазарной).

В XIX в. центр торговли в Серпухове перемещается на новую Главную площадь (ныне площадь Ленина).

К середине XIX в. были построены торговые ряды в северной части площади. Затем по проекту архитектора Ф. Ф. Борисова в центре площади возведен Гостиный двор и почти по всему периметру площади завершено строительство двухэтажных рядов[1].

В торговых рядах и Гостином дворе велась торговля практически всеми товарами, как привозимыми в город, так и изделиями местной промышленности, которая была

* Выражаю благодарность В. А. Овчинникову за помощь в подборке архивного материала.

представлена тканями и сукнами серпуховских фабрик Коншиных, Рябовых, Каштановых, продуктами питания. Самыми разнообразными были привозимые товары — от женских украшений до книг, которыми вел торговлю известный фотограф и издатель И. Улитин.

Многолетними арендаторами лавок серпуховского Гостиного двора были: Алексей Николаевич Астапов, Михаил Семенович Иконников, Иван Михайлович Пухликов, Иван Иванович Улитин, Сергей Антонович Беляев, Владимир Николаевич Берданосов и его наследники, Михаил Дмитриевич Кузмичев, Иван Николаевич Леженин, Николай Гаврилович и Александра Никифоровна Мазурины, Евграф Николаевич Антикин, Василий Николаевич Мамонов[2].

Последний в трехэтажном каменном доме, расположенном в северо-западном углу площади открывает свой «Универсальный магазин».

Красивая вывеска, сверкающие стекла, богатое оформление, большие площади и действительно универсальность соответствовали в полной мере заграничному слову «магазин». Чего здесь только не было! В.Н. Мамонов предлагал большой выбор шелковых, шерстяных, суконных и модно-галантерейных товаров, золотых и серебряных вещей. Здесь можно было купить швейную машину, граммофон и пластинки для него, а также обувь, шляпы, шапки и фуражки. Велик был ассортимент дамского, мужского и детского готового платья. Серпуховичам предлагалась гнутая столярная и мягкая мебель, зеркала, умывальники. За вещами, необходимыми в дороге, горожане также обращались сюда. В изобилии была представлена всевозможная посуда, фаянсовая, хрустальная, фарфоровая и эмалированная, бронзовые и мельхиоровые лампы.

По воспоминаниям племянницы В. Н. Мамонова, «при магазине был (если пользоваться современным термином) «Салон для новобрачных». [Дядя] одевал молодоженов в кредит на год-два. Достаточно было устного поручительства любого, которого знал Мамонов. Бывало и так, в магазин входил деревенский увалень в лаптях, а выходил городской франт в тройке, лаковых сапогах с тросточкой и в картузе (конечно, из мастеровых…) К Василию Мамонову приходили одеваться даже из тех, кого наряжал он франтами в кредит под честное слово»[3].

Помимо Гостиного двора, город Серпухов сдавал в аренду лавки в принадлежавших ему зданиях по периметру площади. Например, в так называемом Красном ряду, получившим свое название от красного товара. Красным товаром в старину называли материал для одежды, аршинный, т. е. покупаемый на меру длины.

Арендаторами Красного ряда, расположенного в северо-восточной части Главной площади были: Григорий Михайлович Устинов, Николай Николаевич Шапошников, Александр Федорович Щербаков, Иван Николаевич Воротилин, Дмитрий Александрович Грабостов, Алексей Николаевич Астапов, Федор Сергеевич Иконников, Евграф Степанович Семенов[4].

Евграф Степанович, например, предлагал громадный выбор мануфактурных, шерстяных и суконных товаров. В качестве сопутствующего товара серпуховичи здесь могли приобрести швейные машинки[5].

Среди арендаторов городских мясных лавок Главной площади по данным на 1894 г. значится Алексей Иванович Квасников[6]. Спустя десятилетие его наследник Василий Алексеевич Квасников развернул в Серпухове колбасное производство, оставаясь одним из лидеров в торговле мяса и мясными продуктами. Торговал он как на Главной площади, так и на Александровской улице, где у него был собственный дом, в котором Василий Алексеевич устроил первую в городе «паровую колбасную фабрику».

Здесь же на Александровской улице в собственном доме Василия Квасникова была организована оптовая и розничная торговля. Покупателям предлагались: «Колбасы вареные и копченые. Ветчина собственного засола, копченая и провесная. При желании варка окороков на фабрике»[7].

Заказ можно было сделать и по телефону. На Александровскую улицу можно было позвонить по № 50, а в магазин на Главной площади по №44. Последний располагался неподалеку от магазина Мамонова, который, как и некоторые другие центральные торговые точки Серпухова в начале XX в. был также телефонизирован. По воспоминаниям сестры

В. А. Квасникова В. А. Гололобовой, Василий Мамонов, очень любивший кошек, после работы покупал у Квасникова на двугривенный парной печенки (около 3 фунтов)[8] и раздавал ее всем котам по дороге домой. А для серпуховичей победнее вечером, перед закрытием магазина, открывали палатку, где продавались остаки и обрезки ветчины, колбас и других конечностей. У палатки всегда было людно, раскупалось все по дешевым ценам[9].

На Главной площади находился винный магазин, или ренсковый погреб[10], Н. А. Беляева. Здесь на полках лежали образцы различных вин. Были здесь и знаменитые коньяки Асланова и Шустова, Шустовская же рябиновка в высоких белых бутылках с длинным горлышком, водки фирмы «И. А. Смирнов с сыновьями» — столовые вина «Зубровка», «Варварка», «Хинная», «Английская горькая» в темно-зеленых бутылках с красной печатью, разноцветные наливки, настойки и ликеры — «Стотравник», «Кузьмич» и др.

Подобный же магазин здесь же принадлежал С. Е. Воронину. В двухэтажных каменных домах располагался магазин С. А. Мясникова, где продавались железо, гвозди и мостительные товары. Обувь, женская и детская одежда продавались в расположенном тут же магазине Костяковых.

На Главной площади находился «Чулочно-носочный и писчебумажный магазин» Константина Алексеевича Улитина с достаточно широким ассортиментом товаров. Реклама этого заведения свидетельствует, что в 1911 г. серпуховичи могли найти здесь: «Обоев громадный выбор. Новейшие рисунки русских и заграничных фабрик Цены вне конкуренции от 7 к. до 1 р. 50 к. Большой выбор игольно-галантерейных и писчебумажных товаров, всевозможных конторских принадлежностей, а также рыболовные принадлежности, детские игрушки»[11]. Образцы обоев и другие товары из этого магазина при желании могли быть доставлены на дом.

На Главной площади городом сдавались места для торговли мясом, молоком, печеным хлебом, ягодами, яблоками и другими фруктами[12]. Торговля проводилась в базарные и праздничные дни и должна была оканчиваться не позднее двух часов дня, а в дни страстной недели и недели перед праздником Рождества Христова торговля производилась каждый день[13].

По-особому людно на Главной площади было на вербной ярмарке накануне и в Вербное воскресенье. Она устраивалась перед церковью Александра Невского.

Самая крупная ярмарка, Никитская, проходившая в Серпухове с 10 сентября по 1 октября (по ст. стилю) также меняла характер обычной торговли. Предпочтение здесь отдавалось сельхозпродукции урожая текущего года.

Отправляясь за покупками на базар, горожанин должен был помнить «одиннадцатую заповедь» (в Священном Писании заповедей, как известно, десять) — «Не зевай!» Существовало множество способов обмера и обвеса.

А в мае 1911 г. было замечено, что «в Серпухове появилось необыкновенное количество фальшивых полтинников»[14]. Горожане должны были быть очень внимательны, особенно попадая на базар.

В центре городской торговли были и свои развлечения. Например, шарманщики.

Особенно много шарманок в городе стало появляться в годы, предшествующие Первой мировой войне. В феврале на страницах городской газеты появилась заметка, которая так и называлась «Шарманки»: «По городу появилось много шарманщиков с попугаями и обезьянками. Несчастные птицы и звери своим ощипанным видом вызывают у многих сострадание. Большинство обезьян в чахотке»[15].

По воспоминанием серпуховича Евграфа Федоровича Лакеева шарманки наигрывали чаще всего мелодию «Разлука ты, разлука, чужая сторона», попугай кричал: «Дурак». Были часты и медведи, которых их поводыри заставляли плясать[16].

Количество лавок в Серпухове из года в год росло. По данным 1895 г., в Серпухове было 50 овощных, бакалейных и мелочных лавок, 15 лавок мясных, 20 табачных, 21 хлебных лавок, в том числе и пекарни, 30 лавок с красным товаром, 10 ренсковых погребов, 5 железных лавок, 4 рыбные лавки, 5 торговавших готовым платьем, 4 щепные лавки[17].

Размещались лавки в нижних этажах жилых домов, а чаще — в отдельных постройках.

Лавка открывалась в восемь часов утра и начинала обслуживать покупателей, в основном, постоянных. Нередко она была своеобразным клубом, куда стекались новости и сплетни.

Хозяин или сиделец (продавец) знали покупателей не только в лицо, но и по имени, были в курсе их домашних обстоятельств.

Постоянным клиентам обязательно открывался кредит. Это называлось «забирать на книжку». Лавка выдавала особую, типографическим способом напечатанную тетрадь. В начале в ней помещалось что-то вроде договора и была прикреплена гербовая марка. Кухарка или хозяйка брали, что нужно, и это вписывалось к ним в «книжку» и в лавочную книгу. Раз в месяц накопившийся долг погашался.

Часто лавки носили мелочный характер.

Мелочная торговля, уходящая своими корнями в далекое прошлое, в Серпухове рубежа XIX — начала XX вв. была уделом достаточного большого количества серпуховских мещан. Среди торговцев мелочным товаром в 1890-е гг. были серпуховичи Анна Михайловна Ступина, Александр Дмитриевич Дмитриев, Гавриил Петрович Зендриков, Авдотья Федоровна Гавриловна, Илья Гордеевич Астафьев и мн. др.[18]

И хотя в городской торговле к концу XIX в. наметилась специализация, часть лавок, хотя и имели вывески «овощная», «зеленная», «табачная» продолжали торговать самым широким кругом товаров повседневного или сезонного спроса.

Следует также отметить, что все большее количество торговых точек стали именоваться магазинами.

Лавки и магазины располагались, в основном, в центре, в районе Главной площади, на Московской, Дворянской улицах.

Чем же и кто в них торговал?

Например, в серпуховской лавке у В. П. Дорожкина в начале XX в. предлагался очень богатый выбор товаров, что говорит о мелочном характере торговли. Здесь и свежая зелень, и фрукты, гастрономические товары и бакалея. правило, товары самого широкого ассортимента, которым могли воспользоваться мужчины, приходящие в этот магазин. Да и не только они! Самым популярным подобным торговым заведением в Серпухове был табачный

В специализированных табачных лавках имелись, как магазин Н. Турицына на Московской улице, где помимо табачных изделий была масса сопутствующего товара. И это были не только бензиновые спичечницы и электрические фонари[19], предназначавшиеся, прежде всего, для мужчин.

Много в городе, особенно на центральных улицах, было овощных и фруктовых лавок. Последние манили плетеными корзинами, где на белых бумажных кружевах были красиво разложены не только яблоки и груши, но иногда и более экзотические фрукты, а также различные орехи.

Хлеб продавали нередко там же, где его выпекали, в так называемых булочных-пекарнях. Черный хлеб и булки, калачи и пряники были представлены очень широко. В конце XIX в. черный хлеб стоил всего 1 копейку за фунт[20].

Широко были известны в Серпухове булочные братьев А. С. и Н. С. Щербаковых. Лавки сети булочных Н.С. Щербакова, с собственным булочно-кондитерским производством торговали оптом и в розницу. Помимо помещения на Главной площади в доме Мясникова имелось 5 отделений: на Фабричной улице в доме Бодрова, на Московской в доме Терениной, на Московской в доме Девятовой, в с. Лукино Тульской губ. на Нижнее-Казенной улице в доме Лебедева. В начале XX в. в пекарне и кондитерской Н. С. Щербакова было установлено новое паровое оборудование. Только пряников здесь производилось и продавалось несколько сортов: миндальные, сухарные, багдадские с вареньем.

В городе были представлены все виды розничной торговли. Повседневная жизнь серпуховичей была тесно связана с посещением лавок, магазинов, базаров, где складывалась своя субкультура отношений горожан друг с другом и с продавцами.

Примечания

[1] Об этом подробнее см.: *Шилов В. В.* К истории застройки Торговой площади в Серпухове в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры: К 90-летию Серпуховского музея. — М.: Мелихово, 2009. — С. 21—29.

[2] См.: ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 549. Оп. 3. Д. 1280.

[3] См.: Воспоминания В. А. Гололобовой, сестры серпуховского промышленника В. А. Квасникова, проживавшей в 1980-е гг. в г. Пущино Московской обл.: Рукопись // Частное собрание.

[4] См.: ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 549. Оп. 3. Д. 1280.

[5] См.: Молот: Издание общественно-экономическое, политическое и литературное. — 1913, 15 сент — № 17.

[6] См.: ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 549. Оп. 3. Д. 1280.

[7] См.: Молот. 1911. №7. 13 июня.

[8] Около 1.229 кг.

[9] См.: *Квасникова-Зилитинкевич В.* Между двух войн: Страницы воспоминаний // Нева. — 2009. — № 16. — С. 159.

[10] Ренсковый погреб — магазин, торгующий виноградными винами (от старин. названия всякого виноградного вина *ренское*, букв. «рейнское»).

[11] Молот. — 1911, 2 июня. — № 6.

[12] См.: ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 549. Оп. 3. До. 1572, 1573, 2674.

[13] См. там же. Д. 2674. Л. 16.

[14] См.: Молот. — 1911, 16 мая. — № 5.

[15] Там же. 1914, 12 февр. — № 39.

[16] См.: СИХМ. КП 441. ДПА 2.7.1. Д. 142.

[17] См.: ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 549. Оп. 3. Д. 1339. Л. 13.

[18] См. там же. Д. 1273.

[19] См.: Молот. — 1913, 12 янв. — № 30.

[20] Фунт составлял около 400 граммов

КНЯЗЬ Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ: ЖИЗНЬ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Е. А. Ефремов, *нач. цеха, ОАО «Полотняно-заводская бумажная фабрика»*

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920) известен в стране как богослов и общественный деятель. В нашей же области еще и помнят, что он здесь получал гимназическое образование, отбывал воинскую службу и жил в своем имении. Подробности этого последнего не разбирались исследователями. Участие же Трубецкого в Первой русской революции освещалось, но недостаточно глубоко[1].

К этому времени князь занимал профессорскую кафедру в университете Святого Владимира города Киева. В 1903 г. Трубецкие — он был женат, имел двух сыновей и дочь - обзавелись имением в деревне Бегичево Калужского уезда, купив эти 917 десятин у сына Льва Толстого, Михаила, и стали проживать каждое лето на своей земле[2]. У них часто гостило семейство его сестры Елизаветы Николаевны, бывшей замужем за М. М. Осоргиным, в то время возглавлявшим Гродненскую губернию. Позднее он вспоминал:

«Чтобы быть справедливым, надо сказать, что Бегичево имеет свои прелести; там безусловно несимпатичны усадьба и дом. Сад имеет историческое прошлое: это имение некогда принадлежало Смирновой, столь близкой к Гоголю и воспетой Пушкиным. В саду имеются и Пушкинская аллея, и Пушкинский пруд с маленьким островом, на котором, по рассказам, Пушкин неоднократно вдохновлялся. Недостаток этого сада — невозможная сырость <…> Одно еще из неудобств усадьбы — это слишком большая близость к станции [Пятовская] железной дороги, особенно шумной благодаря тому, что это конечный железнодорожный пункт <…> Но все искупалось красотой окрестностей; стоило выехать какие-нибудь полверсты из усадьбы, как открывались широчайшие горизонты, оживленные извилистым течением реки Суходрева <…> Уклад деревенской жизни Трубецких совершенно был различен нашему: аккуратность и точность распределения времени были

доведены до того, что являлись уже каким-то стеснением <…> Они не были избалованы, как мы, частыми приездами родственников и, кроме удовольствия нас видеть, тешились возможностью демонстрировать Бегичево, к которому они все больше и больше привязывались. Правда, что и это демонстрирование совершалось по определенному плану: сначала надо было осмотреть хозяйство, потом обозреть ближайшие поля, где Женя хвалился какими-то новыми опытами по сельскому хозяйству; все это совершалось утром, часто при палящем солнце, и только после трехчасового чая устраивалось дальнее катание. Вечером же обыкновенно бывало или сидение в семейном кренделе, или же какое-нибудь общее чтение <…> У нас у обоих как уездных и губернских гласных было больше точек соприкосновения, и, кроме того, Женя придал своему хозяйству характер опыта введения разных улучшений и достигал действительно больших результатов если не для своего кармана, то, по крайней мере, для науки. Он, по натуре увлекающийся человек, совершенно захвачен был этими вопросами, и во время Земских собраний, забывая сущность обсуждаемого доклада, погружался в какой-нибудь спор с агрономами, которые все до единого высоко его ценили и часто посещали Бегичево»[3].

На рубеже веков в России оживилось освободительное движение, а в 1899 г. — с выступлениями финнов в защиту своей конституции и всеобщей студенческой забастовкой - в Россию постучалась революция. В 1906 г. Трубецкой оценивал эти волнения в университетах как начало «общего кризиса государства»[4]. Он оказался косвенно причастен к ужесточению этого противостояния между студенчеством и властями. События случились в ноябре 1900 г., когда по случаю болезни жены Трубецкой был вынужден отправиться за границу, а студенты отказались посещать лекции его заменившего О. О. Эйхмана[5]. Локальный бойкот быстро перерос в общие студенческие волнения, окончившиеся отдачей в солдаты 183 юношей. Спустя месяц, 14 февраля 1901 г., министр народного просвещения Н. П. Боголепов, подписавший это распоряжение, был смертельно ранен студентом П. В. Карповичем. Министр стал первой жертвой новой волны террора, в следующие годы унесшего тысячи жизней.

Продолжалось противостояние и в области идей. В 1901 г. в тверской ссылке П. Б. Струве, в прошлом первый марксист в России, не оставил своей деятельности, направленной на альянс всех антисамодержавных сил, разделяющих идею политической свободы. Он приступил к выпуску сборника статей, в котором формулировались философские основания либеральной политики. Одновременно с этих позиций там подверглась критике интеллектуальная база марксистов, присвоивших себе роль авангарда освободительного движения в России. Эту линию в сборнике, получившем название «Проблемы идеализма» (1902), держал Трубецкой в статье «К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории». Так заявило о себе новое направление русской мысли.

В Киеве в начале нового века Трубецкой состоял в Совете университета[6] и в январе 1904 г. его группа профессоров начала подготовительную работу — в контакте с коллегой из Москвы В. И. Вернадским — к проведению своего всероссийского съезда, который положил бы начало обсуждению вопросов реформ высшей школы. В письме последнему князь излагал дело так: «…1) Вырвать монополию патриотизма у квасных патриотов и очистить патриотизм от кваса; пусть они пишут адресы для Престола, а мы послужим Отечеству и положим вместе с тем начало органу, объединяющему Университеты…»[7]

Перечисленные выше контакты Трубецкого с общественными деятелями вылились в его членство в «Союзе освобождения»[8]. Это движение выступило на авансцену осенью 1904 г., инициировав более сотни собраний в 34 крупных городах, проводимых под видом банкетов, на которых распространялись решения земского съезда, состоявшегося в столице 6—9 ноября. На нем были приняты резолюции о введении в стране конституции и народного представительства. Самый большой банкет прошел в Киеве и собрал более тысячи участников. На нем держал речь Трубецкой, а также освобожденцы С. Н. Булгаков, Л. А. Куперник, В. В. Водовозов. Последний вспоминал: «Речей было много, все речи были очень определенные и все били в одну точку, которую можно сформулировать: долой самодержавие!»[9] В эту же осень состоялся дебют князя в качестве политического публициста, когда его статья «Война и бюрократия» со страниц газеты «Право» (№ 39) произвела, по свидетельству современника, «настоящий фурор; везде

можно было услышать фразы и выражения, из нее взятые, а некоторые стали крылатыми»[10]. Ее положения нашли отклик по итогам банкета-собрания конституционалистов, состоявшегося в Калуге 1 декабря в ресторане Федорова (пл. Старый торг, 9), когда были отправлены приветственные телеграммы лидерам общественного мнения Льву Толстому и Евгению Трубецкому[11]. Более чем месячная осада самодержавия с помощью этой массовой кампании конца 1904 г. — это начало революции в России, которую принято относить к следующему рубежу[12]. Той же осенью 1904 г. у него и его брата Сергея возникли планы основать еженедельную политическую газету с целью консолидации общественности. Она получила название «Московская неделя». Но печатать газету цензура не разрешила, и ее пришлось закрыть до лучших времен. Активность братьев перешла в русло земских съездов (их связи с этим кругом начались в земском кружке «Беседа»[13], а Евгений Николаевич впервые участвовал в съезде земцев, который состоялся 22—26 апреля 1905 г.[14], князь занял место и в рядах «Союза земцев-конституционалистов»[15]).

А тот же «Союз освобождения» в 1904 г., одновременно с банкетной кампанией, начал формирование союзов по профессиональному признаку, целью которых была борьба за политическую свободу в стране. Но в университетской среде эта идея возникла ранее. Летом в 1904 г. в Киеве состоялось собрание освобожденцев — профессоров университета и политехнического института, — на которое прибыли представители и других городов. Именно здесь впервые была высказана мысль о создании такого союза[16]. Ее удалось реализовать только в конце марта 1905 г. на профессорском съезде (там прошло предложение Вернадского). Это объединение привлекло тогда в свои ряды 1 550 человек — при наличии в стране около 2,5 тыс. профессоров и преподавателей[17] — и образовало 13 отделений[18]. В университете Святого Владимира в подразделение союза наряду с Трубецким входили профессора А. Н. Северцов и М. М.Тихвинский[19]. Далее этот самый умеренный альянс вошел в радикальный «Союз союзов» на его первом съезде в начале мая 1905 г. Однако видимость единения была окончательно разрушена Манифестом 17 октября 1905 г.: профессора выступили за претворение в жизнь декларированных политических свобод и прекращение противостояния с правительством.

В это же время произошло учреждение «Конституционно-демократической партии» — первой парламентской партии в России. В ее создании принял участие Трубецкой, он был избран в состав ЦК. Уже на следующий день окончания съезда, 19 октября[20], С. Ю. Витте выразил свое намерение в числе прочих общественных деятелей пригласить в формируемое им правительство и Трубецкого, предложив ему место министра народного просвещения. Но альянс не состоялся: представители общественности по разным причинам выразили свой отказ. Трубецкой в открытом письме констатировал, что как член партии он не сможет выполнить свою программу в настоящее смутное время[21]. Новый премьер продолжил контакты с либералами: они были приглашены к обсуждению нового избирательного закона. В их числе на заседания Совета министров 19—20 ноября получил приглашение и Трубецкой. Общественные деятели отстаивали свой проект, основанный на принципах всеобщего избирательного права, однако правительство отклонило эти предложения[22]. Кадеты же больше симпатизировали левым, даже крайним из них. Нежелание их руководства провести границу слева, даже осудить террор радикалов, послужило уходу в январе 1906 г. Трубецкого из рядов «Партии народной свободы», получившей это название в том же месяце[23]. В том же январе по предложению князя был учрежден «Клуб независимых». При нем было решено издавать журнал, служащий консолидации центристских сил либералов. Так в феврале 1906 г. родился «Московский еженедельник». Его первый номер вышел в Москве 7 марта 1906 г. — как раз в разгар избирательной кампании в I Государственную Думу. В начальных номерах журнала проводилась мысль, что для правительства согласие с Думой — единственный способ предупредить кровавую революцию.

Постоянно упоминаемые в истории аграрные беспорядки пришли и в имение Трубецкого. Выступление сельскохозяйственных рабочих оказалось в Бегичево небольшим эпизодом, а по России тогда пылали целые усадьбы![24] Выразить свой голос через народное представительство — вот путь, по которому можно направить энергию протеста, и князь Трубецкой еще до ухода из своей партии баллотировался от нее в депутаты Государственной Думы[25]. Однако ему не удалось пройти сквозь сито выборных процедур. В Думе — первом народном представительстве в России — Трубецкой бывал на заседаниях фракции кадетов, однако, сблизиться удалось не с ними, а с группой мирнообновленцев[26]. Роспуск Думы вызвал у Трубецкого чувство оскорбления и возмущения. В конце того же месяца князь написал письмо Государю, в котором эти эмоции приглушены патриотической тревогой. Это обращение при содействии Д. Н. Шипова и Ю. Н. Милютина, имеющих контакты с правительством, было доставлено по назначению[27]. Неизвестно, возымело ли оно действие, но подпись князя, называющего себя профессором Московского университета, дает возможность датировать начало его преподавания там (предмет «Энциклопедия и история философии права)[28]. Сотрудничество с мирнообновленцами, которые начали выстраивать одноименную партию, продолжилось, и в октябре[29] Трубецкой вступил в это объединение, а затем вошел и в его ЦК[30]. Он баллотировался в Калужской губернии во Вторую Думу, но не смог набрать необходимого числа голосов. А немного ранее революция постучалась и в дверь Православной церкви. Князь был тогда уже признанным, авторитетным специалистом в церковных вопросах, в 1906 г. участвовал в работе особого присутствия перед намечавшимся Поместным Всероссийским церковным собором, призванным подготовить церковную реформу[31]. Но вместе с откатом правительства вправо остановилась и она.

Работа в столице сменилась долгими земскими делами: с 1908 по 1917 г. Трубецкой исполнял обязанности гласного земского собрания Калужской губернии (в 1908 г. он также и гласный в своем Калужском уезде, и почетный мировой судья)[32]. Если в период проживания в Киеве он оставался в Бегичево только на лето, что теперь в своем имении он проводил времени больше. Деятельность земства, выбранная князем — это ветеринарное и страховое дело, сельское хозяйство[33]. У себя же в имении он занимался селекцией ржи и вывел весьма урожайный и морозоустойчивый ее сорт. В Бегичево работала церковно-приходская школа[34] и фельдшерский пункт, содержавшийся совместно земством и на личные средства жены Трубецкого[35].

В заключение отметим, что в сентябре 1917 г. во времена керенщины из-за соображений безопасности имение было оставлено, семья перебралась в Москву. Вся собственность досталась крестьянам, выжившим Трубецких с их земли. После октябрьского переворота князь встал на путь сопротивления большевизму. Попав вместе с отступавшей Белой армией в Новороссийск, заболел здесь сыпным тифом и умер 23 января 1920 г.

Могила Трубецкого снесена большевиками, его работы ими не издавались, топонима «Бегичево» не существует. Семья смогла выжить в Гражданскую и участвовала в деле сохранения национальной культуры в русском Зарубежье.

Примечания

[1] См.: *Шевырин В. М.* Евгений Николаевич Трубецкой: «Государство должно быть не опекуном, а миротворцем» // Российский либерализм: идеи и люди. — 2-е изд. — М.: Новое издательство, 2007. — С. 606—612.

[2] См.: *Салахова Н. В.* Семья Толстых в Калужском крае (по документам ГАКО) // Мансуровские чтения. Калуга, сентябрь 2008 г. — Вып. 1. — Тула: Изд. дом «Ясная поляна», 2009. — С. 29.

[3] *Осоргин М. М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал течение моей жизни, 1861—1920. — М.: Рос. фонд культуры; Рос. гос. б-ка; Рос. Архив; Студия «ТРИТЭ». 2009. — С. 614—616.

[4] См.: *Melnik J.* Russenuber Russland. — Franfkurt, 1906. — S. 48. [Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция. — Кн. 1: Агония старого режима. 1905—1917. — М.: Захаров, 2005. — С.21.]

[5] См.: *Носов А. А.* Политик в философии // *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. — Т. 1. — М., 1994. — С. vi/

[6] См.: Вибрані наукові праціа кадеміка В. І. Вернадського. — Т. 2: Володимир Іванович Вернадський. Листування з українськими вченими [Избранные научные труды академика В. И. Вернадского. — Т. 2: Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными]. — Кн. 2: Листування: Д—Я. — Ч. 2: О—Я. — Київ, 2012. — С. 361.

[7] Там же. — С. 362.

[8] См.: Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. — М.: РОССПЭН. 2010. — С. 951.

[9] *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. — М.: Наука. 1985. — С. 299.

[10] *Гессен И. В.* В двух веках. — Берлин, 1937. — С. 181.

[11] См.: Освобождение. — 1905, 7 янв. — № 63. — С. 227—228.

[12] См.: *Пайпс Р.* Русская революция. — Кн. 1. — С. 38.

[13] См.: Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. — С. 951.

[14] См.: *Голицын М. В.* Мои воспоминания (1873—1917). — М.: Русскій міръ: Жизнь и мысль, 2007. — С. 331.

[15] См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. — М.: Мысль, 1970. — С. 101—102.

[16] См.: *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. — С. 313.

[17] См.: *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. — М., 1991. — С. 207.

[18] См.: *Дмитриев С. Н.* «Союз союзов» и профессионально-политические союзы в России. 1905—1906. — М.: Молодая гвардия, 1992. — С. 76.

[19] См.: *Вернадский В. И.* Дневники. 1935—1941. — Кн.1: 1935—1938. — М.: Наука. 2006. — С. 102.

[20] См.: *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. — М.: РОССПЭН. 2007. — С. 347—349.

[21] См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. — С. 155.

[22] См.: *Шевырин В. М.* Евгений Николаевич Трубецкой… — С. 608.

[23] См. там же. — С. 608.

[24] См.: *Трубецкой С. Е.* Минувшее. — М.: ДЭМ. 1991. — С. 62—67.

[25] См.: *Васильева З. В.* 72 дня из жизни Думы // Вы и Мы (Обнинск). — 2006, 4 мая.

[26] См.: *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. — М.: МШПИ. 2007. — С. 262

[27] См.: *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. — С. 313.

[28] См.: Из записной книжки архивиста. Письмо кн. Е. Н.Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Государственной Думы. // Красный архив: Исторический журнал. — 1925. — Т. 3 (10). — С. 304.

[29] См.: *Досекин Е. С.* Евгений Николаевич Трубецкой — общественный и политический деятель: Автореф. — Саратов, 2013. — С. 15.

[30] См.: *Шевырин В. М.* Евгений Николаевич Трубецкой… — С. 611.

[31] См. там же. — С. 610.

[32] См.: Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1908 год: Издание Калужского губернского статистического комитета. Калуга. Тип.-лит. Губ.правления. 1908. — С. 29; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1909 год. — Калуга, 1909. — С. 17; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год. — Калуга, 1913. — С. 9; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1915 год. — Калуга, 1915. — С. 9; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. — Калуга, 1917. — С. 11.

[33] См.: *Носов А. А.* Политик в философии. — С. х.

[34] См.: *Салахова Н. В.* Семья Толстых в Калужском крае. — С. 31.

[35] См.: *Осоргин М. М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал течение моей жизни. — С. 774.

В. Н. СОРОКИН. У ИСТОКОВ КОЗЕЛЬСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

***А. С. Васин**, заведующий Козельским краеведческим музеем*

Наверное, в каждой местности есть человек, который оставил по себе памятный для потомков след. Таких людей не забывают и многое из их жизни может послужить примером для других людей. В Козельском районе одним из таких памятных для потомков людей, несомненно, является Василий Николаевич Сорокин — краевед, который с 1969 по 1981 г. заведовал Козельским краеведческим музеем и многое сделал для сохранения козельской истории и развития музейного дела в нашем городе.

Начну рассказ о В. Н. Сорокине с биографических сведений о нем. В Козельском краеведческом музее хранятся сорокинские документы из военкомата, в том числе его автобиография. Вот что Василий Николаевич в ней написал:

«…родился в 1915 году в Москве в семье кондуктора товарных поездов Николая Максимовича Сорокина. Отец умер в 1919 году, мать, Сорокина Анна Владимировна, переехала в город Козельск Калужской области, где работала на предприятии “Утилизация” в совхозе «Красный комбинат».

Я учился в Козельской семилетней школе, окончил ее в 1930, потом в педтехникуме — окончил в 1932, затем на заочном отделении института массового заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б) два года — окончил в 1934, с 1934 по 1937 — в институте журналистики г. Москвы на высших годичных курсах журналистов. Отработав в Вертнянской неполной средней школе Думиничского района Смоленской области в 1932, в том же году переведен на должность инструктора РОНО, с 1933 работал в районных газетах Думинического и Козельского районов, в период учебы в институте журналистики работал в редакции «Крестьянской газеты» (г. Москва).

В 1938 призван в ряды Красной Армии. Служил на Дальнем Востоке в 166-м отдельном стрелковом батальоне, в 1940 году учился на курсах усовершенствования политсостава Белорусского военного округа. С 1941 года — инструктор политотдела 4-й дивизии. В ноябре 1941 года назначен комиссаром отдельной минометной батареи 357-го ЗСП. В мае 1942 года с маршевой ротой командирован в 10-ю бригаду, где пробыл до октября 1942 года, участвовал в боях. В октябре 1942 года возвратился в 357-й ЗСП. Назначен комиссаром пулеметного батальона. С 1 февраля 1943 года — начальник клуба, а потом ДКА. 12 марта 1946 года назначен в учебную танковую бригаду академии им. Сталина агитатором политотдела. С 1 мая 1947 года — пропагандист учебного танкового полка. С 1939 — член ВКП(б). В течение четырех лет начальник бригадной школы партактива.

В семье — мать, жена, двое детей.

Из репрессированных или осужденных в семье никого нет. На территории, оккупированной немцами в 1941 году, находилась мать. Козельский горсовет удостоверил, что никаких компрометирующих данных за ней не замечено.

22 ноября 1947 года, капитан Сорокин».

Добавлю, что Василий Николаевич Сорокин был награжден медалью «За боевые заслуги». Когда часть, в которой служил В. Н. Сорокин, находилась в Чувашии, он познакомился с Валентиной Михайловной Платоновой, молодой учительницей, ставшей его женой.

В служебной характеристике на старшего лейтенанта Сорокина (от 14 июля 1943 г.) сказано: «Политически хорошо развит, в работе энергичен, инициативен, умело организует массовую политическую работу. Хорошо руководит агитаторами. Выступает с докладами на международные темы, по вопросам текущего момента и политических кампаний. Уделяет много внимания развитию красноармейской художественной самодеятельности. Военное дело знает хорошо. При наличии этих данных следует отметить некоторую поверхностность в работе, что, однако, не снижает общей положительной оценки т. Сорокина как заместителя командира политической части».

В партийно-политической характеристике (24 января 1946 г.) старшего лейтенанта Сорокина отмечается: «…с работой справляется хорошо, умело организовал художественную самодеятельность в подразделениях, в результате чего часть по художественной самодеятельности занимала передовое место. Сделал много в клубе и подразделениях по улучшению наглядной агитации и библиотечной работе. Как член ВКП(б) дисциплинирован, морально устойчив, активно выполнял партийные поручения. Много работал над повышением своего идейно-теоретического и политического уровня. Политически хорошо развит. В военном отношении подготовлен вполне удовлетворительно. Принимал активное участие в политической жизни части и особенно в партийной организации штаба. Делу Ленина — Сталина и социалистической родине предан».

Но есть и другие документы, проходящие под грифом «Секретно»:

«В теоретическом отношении подготовлен, имеет опыт пропагандистской работы. На практической работе проявил себя с отрицательной стороны, допустил ряд серьезных политических ошибок.

В 1949 году, находясь в отпуске в г. Козельске, крестил в церкви своих детей — сына Георгия, 1944 г. р., и дочь Нину, 1947 г. р. Вместе со своей женой посещал церковь.

Высказывал намерение ходатайствовать об освобождении из-под ареста священника Шейченко, о чем писал в письме певчей хора гр. Обуховской.

Вызванный в политотдел управления округа для объяснений по данному вопросу, категорически отрицал предъявленные ему претензии. Эти факты были проверены на месте и подтверждены районным комитетом партии».

На что действительно имеется справка тоже под грифом «Секретно», подтверждающая изложенный факт:

«На ваш запрос от 13 января 1951 года Ковельский РК ВКП(б) сообщает, что факт крещения своих детей Сорокиным подтвердился.

Тов. Сорокин вместе со своей женой был в церкви и крестил сына Георгия, 1944 г. р., и дочь Нину, 1947 г. р.

Факт сбора подписей под заявлением об освобождении арестованного священника Шейченко (Рафаила) был, но какое участие в этом принимал тов. Сорокин, не установлено».

В другом секретном документе о Сорокине сказано следующее:

«Будучи пропагандистом бригады, допустил политическую беспечность. В комнате политпросветработы офицером части были обнаружены вражеские надписи на портретах, о чем он сообщил находящемуся в этой комнате майору Сорокину. последний приказал эти надписи немедленно стереть, никому об этом не докладывать. Тем самым способствовал сокрытию следов преступления.

Своим недостойным поведением майор Сорокин скомпроментировал себя и был освобожден от пропагандистской работы. С майором Сорокиным беседовал начальник отдела кадров политуправления полковник Лобанов.

Прошу уволить майора Сорокина Василия Николаевича из кадров Советской Армии в запас за невозможностью использовать на политической работе».

По данному факту существует соответствующее донесение: «30 ноября с. г. с 16.00 в комнате политпросветработы танко-самоходного батальона 7-й гвардейской стрелковой бригады на портретах товарищей Кагановича, Андреева и Косыгина были обнаружены надписи, которые мог сделать только враг».

В результате разбирательства Сорокин был арестован командиром бригады на 15 суток с содержанием на гауптвахте за сокрытие чрезвычайного происшествия, а фактически он находился в ведении контрразведки. «По сообщению начальника корпуса полковника тов. Овчинникова следствие по делу Сорокина закончилось. Завтра он будет выпущен с гауптвахты. Прямых улик виновности Сорокина не установлено, остаются косвенные и ложные предположения его виновности. Капитан Сорокин назначен на должность замкомандира роты по политической части в город Ворошиловград (13.12.1950 г.)».

В свете данных документов становится понятен рапорт, который был написан В. Н. Сорокиным 22 марта 1951 года:

«Прошу ходатайствовать об увольнении меня в отставку по собственному желанию, так как: 1. Состояние моего здоровья не позволяет работать на строевой службе в армии. 2. Я в настоящее время работаю на роте, хотя являюсь майором и имею дважды высшее образование, т. е. окончил институт журналистики и заочный пединститут и таким образом использование меня в армии не считаю целесообразным, ибо нет перспектив роста. 3. Престарелая моя мать (76 лет) находится одна и нуждается в поддержке, которую я могу оказать ей, только живя с ней. 4. По специальности я в армии не используюсь, а в условиях народного хозяйства смогу принести еще большую пользу.

Прошу удовлетворить мою просьбу».

Рапорт Василия Николаевич был удовлетворен, и в 1951 г. он вместе с семьей вернулся в Козельск, к матери, у которой из детей к тому времени, кроме него, в живых никого не осталось. Василий Николаевич устраивается на работу в районную газету «Вперед», заочно оканчивает редакторский факультет Московского полиграфического института. В эти годы он знакомится с Николаем Николаевичем Анисимовым, человеком, который всю свою жизнь посвятил воспитанию молодого поколения: работал учителем начальных классов, директором школы, инспектором РОНО, преподавателем Козельского педучилища. Н. Н. Анисимов по образованию был учителем истории, увлеченно занимался краеведением.

Многие считаю, что Козельский краеведческий музей был основан В .Н. Сорокиным, но это не так. В музее хранится вот такой документ: «Протокол № 1 от 7 января 1957 года общего собрания членов инициативной группы по созданию в г. Козельске историко-краеведческого музея. Присутствовало 15 человек. Вел собрание первый секретарь райкома партии Н. Н. Гусев. В результате обсуждения собрание вынесло постановление: 1. Избрать руководство музея. 2. Наметить план работы, поручив составление его правлению. 3. Обязать директора педучилища Демина М. В. предоставить в помещении училища комнату для музея».

Было избрано правление музея в составе Н. Н. Анисимова, М. В. Демина, Н. Ф. Квасовой, Х. С. Черниной, А. З. Курмель. Подготовлен план работы, где подробно расписаны организационные мероприятия, ответственные, сроки. Возглавил музейное движение в Козельске Н. Н. Анисимов.

По свидетельству Н. Н. Анисимова, идея создания в Козельске музея созрела уже в 1945 г., сразу по окончании войны. Предполагалось «привлечь все общественные силы, чтобы сохранить память о событиях, которые наш край пережил за время немецкой оккупации».

Но «постепенно идея отразить только события Великой Отечественной войны переросла в более широкое дело. Решили создать краеведческий музей, в котором нашли бы место не только материалы, связанные с событиями 1941—1945 гг., но и более ранних лет и особенно время героической обороны козельчан в 1238 г. против татаро-монгольских полчищ Батыя». В записке «О музее краеведения в г. Козельске», составленной Анисимовым в октябре 1963 г., он упоминал и о Сорокине: «Со стороны работника редакции газеты “Вперед” Сорокина В. Н. имел большую помощь и поддержку в деле краеведения. С 1963 года Сорокин является заместителем директора музея, а теперь, когда мне ампутировали ногу и я не могу регулярно работать в краеведческом музее, Сорокин принял на себя руководство музеем. Вместе с ним мы написали книгу “Козельск”. Я историческую часть, а Сорокин как специалист-литератор подготовил тему “Козельск и русские писатели”».

Таким образом, с 1963 г. и до самого конца своей жизни В. Н. Сорокин отдает себя музейному делу. Его заслуги на этом поприще трудно переоценить. Среди прочих известных гостей Козельской земли хорошо об этих заслугах написал скульптор Сергей Тимофеевич Коненков, посетивший Козельск в 1968 г:

«Я с большим вниманием и интересом осмотрел народно-краеведческий музей г. Козельска. Здесь я чувствовал дыхание великого русского народа, его славных сынов Николая Васильевича Гоголя, Федора Михайловича Достоевского и Льва Николаевича Толстого. Я восторгался замечательными экспонатами, отразившими чудесный труд многих здешних умельцев.

Велики заслуги козельчан в борьбе с татаро-монгольскими захватчиками, но не менее славны подвиги наших современников, давших надлежащий отпор гитлеровским захватчикам и сейчас творящих большие трудовые дела во имя человеческого счастья.

Благодарен работникам музея и всей общественности Козельска за их большие патриотические старания по воспитанию любви к природе, к труду, к памятникам истории и культуры, к познанию многостороннего отечественного искусства.

Слава нашей великой, могучей, дорогой Родине на вечные времена!»

Сорокин здесь напрямую не назван, но понятно, что Коненков под работниками музея имел в виду в основном его.

Известный советский писатель Владимир Солоухин в своем очерке «Время собирать камни» рассказал о посещении им Козельска, а главное — разоренной Оптиной пустыни. Вот как он описал Сорокина: «Василий Николаевич был пожилой человек с копной седых волос, с красивым, выразительным, усталым лицом. Какой-то, я бы сказал, упрек или укор постоянно выражало это лицо, как будто человек хотел сказать всем остальным: “Что же вы, люди? Зачем же вы так?”»

В то время Оптина пустынь представляла собой плачевное зрелище. Солоухин так описал впечатление, которое произвел на него поруганный монастырь: «...Как сказать одним словом про то, что представляет из себя сейчас Оптина пустынь? Слово такое

есть — обломки». У Введенского собора Солоухин, искусствовед В. А. Десятников, с которым он приехал в Козельск, и В. Н. Сорокин, проводивший для них экскурсию, остановились. К ним присоединилась группа экскурсантов, с которыми работала жена Василия Николаевича Валентина Михайловна (она была экскурсоводом Козельского краеведческого музея). И тогда у могил Ивана Васильевича и Петра Васильевича Киреевских, на которых усилиями Сорокина были установлены мемориальные плиты, у необретенных тогда еще могил оптинских старцев Василий Николаевич сказал целую речь, особо знаменательные слова которой спотом по памяти воспроизвел Владимир Солоухин: «Запомните это место, молодые друзья — вам еще долго жить, возможно, и перед вами история поставит вопрос отношения к прошлому. Не перед вам, так перед вашими детьми. А откуда дети могут набраться ума-разума, если не от вас. Не от нас. А мы… от них, лежащих под этими плитами».

О том, каких усилий стоило Сорокину открыть в 1969 г. в скиту Оптиной пустыни литературно-исторический отдел Козельского краеведческого музея и установить мемориальные плиты на месте погребения братьев Киреевских, можно только догадываться. Но отчасти то, через что ему пришлось пройти, можно понять из следующих слов В. Десятникова: «В скиту Оптиной пустыни Сорокин присмотрел два деревянных строения, которые он назвал в своих прошениях “Домиком Ф. М. Достоевского” и “Домом Н. В. Гоголя”. И предлагал Козельскому райисполкому отселить из них жильцов и отдать под музейную экспозицию. Однако козельское начальство вкупе с калужским уполномоченным по делам религии категорически восстало против затеплившегося «очага религиозного дурмана», как было объявлено В. Н. Сорокину. Его стали прорабатывать на партийных собраниях, обвиняя в попытках возрождения славянофильского «гнезда», в пособничестве «церковникам-мракобесам». Но Сорокин твердо отметал все наветы и продолжал строить, как многим казалось, совершен несбыточные прожекты».

Сорокину всячески мешали исполнить задуманное, его притесняли. Но благодаря его самоотверженности, способности увлекать своими идеями окружающих, ему удавалось даже наперекор воле многих из начальствующих добиваться своего. В 1968 г/ после выступления Василия Николаевича в Московском Доме ученых писательница Н.А. Павлович, бывшая свидетельницей закрытия Оптиной пустыни в 20-е г. двадцатого столетия, от имени московской общественности зачитала письмо в Министерство культыры СССР. Решено было потребовать постановки всех памятников Оптиной пустыни на государственную охрану и создать в скиту литературный музей, открытие которого, а также мемориальных досок на могилах братьев И. В. и П. В. Киреевских состоялось в 1969 г. Однако вот какое письмо отправил В. Н. Сорокин В. А. Десятникову в 1980 г.:

«Дорогой Владимир Александрович, 30 июля 1980 года с тоски я уехал в санаторий, хотя никогда бы не отлучился (кроме болезни) из Козельска и его Оптиной пустыни.

Я не знаю, как назвать сие. Но с 12 июня Оптина для экскурсий закрыта, скит тоже, музей Оптиной тоже. А ведь в ноябре — 70-летие со дня смерти Л. Н. Толстого, в феврале — 100-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Что я перечувствовал! Но наши-то дураки действуют куда хуже тех, кто рушил храмы в 20-х — 30-х годах. Реставрация, по существу, прекратилась. Все, что сделано, можно сказать, сделано нами без помощи кого-либо.

Плиту с могилы Амвросия (Александра Гренкова), прототипа Зосимы, куда-то убрали. Кто убрал — скрывают. Ваше письмо о переводе музея в другое здание пока не возымело воздействия. Я говорил по телефону с проверяющими, когда был в Калуге 23 июня. Они за вас и за нас. Но дело не движется. Попросите кого-либо из влиятельных лиц, чтобы открыли музей Оптиной.

С уважением, В. Сорокин».

В. А. Десятников, получив это письмо, сделал то, что было в его силах, но, как он писал впоследствии, «чувствовалось, что отношение властей к Сорокину приобрело, как тогда любили говорить, самый негативный характер. Должны были последовать строгие «оргвыводы», но В. Н. Сорокину уже было все равно. Он был болен и вскоре умер».

Василий Николаевич Сорокин скончался 5 апреля 1981 года. Обычно мы называем его просто — краевед. Но он был не только краеведом, а также заслуженным работником

культуры, почетным членом Всесоюзного географического общества, членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был награжден десятью медалями и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Он — почетный гражданин города Козельска.

У нашего земляка — поэта и писателя Валентина Волкова есть очерк, который называется «Имя». Посвящен он В. Н. Сорокину, с которым Волков был дружен. В этом очерке есть такие слова о Василии Николаевиче: «…никогда не видел этого человека угрюмым и заносчивым…», «…он всегда был спокойно-уверенным и, как полноводная река, торопился не спеша», «Это имя — СОРОКИН — взошло на козельской земле как-то само собою, непринужденно, быстро, легко и весело, без какой-либо помощи властей, взошло уже во второй половине жизни Василия Николаевича, и сразу стало дорогим козельчанам и жителям окружных сел…»

Но думаю, что самые лучшие слова, которые только можно сказать о Василии Николаевиче Сорокине, произнес отец Леонтий, настоятель храма Преображения Господня, что в Нижних Прысках, селе, расположенном недалеко от Козельска. После смерти Василия Николаевича, в своей проповеди, отец Леонтий помянул его словами Нагорной проповеди: «…зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы оин видели ваши добрые дела…»

Литература

1. *Волков В. А.* Житейки: Триптих. — Калуга, 2001. — С. 314.
2. *Десятников В. А.* Зажегший свечу // Семья и школа. — 1990. — № 2. — С. 51.
3. *Ефимова Н. А.* Жизнь, отданная Козельску // Козельск. — 1995. — № 13. — Козельск,.
4. *Михайлов В. И.* Сорокин Василий Николаевич // Вперед (г. Козельск). 1981.— № 43.
5. *Семенова Н. А.* Он был и остается легендой Козельска // Козельск. — 2001, 13 марта.
6. *Сорокин Г. В.* Отца не забыли в Козельске // Козельск. — 1995.
7. Материалы из фонда Козельского краеведческого музея.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ ПАМЯТИ О ВОИНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Н. В. Зиновкина**, зав. отд., Государственное казенное учреждение Калужской области «Государственный архив Калужской области»*

Столетие начала Первой мировой войны как юбилейная дата, широко отмечавшаяся в Российской Федерации, потребовала от архивистов участия в реализации планов основных мероприятий празднования. План мероприятий, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны, утвержденный в Калужской области, предусматривал составление «Книги Памяти калужан — участников Первой мировой войны». Инициатором создания Книги Памяти в Калужской области выступило Калужское отделение Российское военно-исторического общества.

К сожалению, документный состав фондов Государственного архива Калужской области (далее — ГКУ «ГАКО») не позволяет составить полные списки уроженцев и жителей Калужской губернии, погибших на театре военных действий Первой мировой войны. Документы воинских частей и формирований в региональных архивах, в том числе ГКУ «ГАКО», не хранятся, подшивок газет, в которых публиковались списки погибших и пропавших без вести, ГКУ «ГАКО» на хранении не имеет. В нашем распоряжении находятся архивные фонды учреждений и организаций Калужской губернии, в том числе различных благотворительных обществ. В документах этих фондов встречаются сведения о погибших на полях сражений, но назвать их полными не представляется возможным.

Как пример можно привести отчеты о состоянии церковноприходских школ губернии. С 1914 г. в отчетах были предусмотрены позиции, характеризующие численность мобилизованных учителей, участие школ в пожертвованиях на нужды войны, устройство лазаретов при школах. В некоторых случаях сообщаются сведения о бывших учителях, погибших в боях. Так, в «Отчете о состоянии церковноприходских школ города Калуги и Калужского уезда за 1914—1915 учебный год» записано: «По полученным от о[тцов] заведующих сведениям известно, что учитель Лаврентьевской школы Петр Одигитриевский и учитель Дальне-Рождественской школы Владимир Пятницкий пали в бою смертью героев: первый во время стремительной атаки, а второй при возвращении из разведки в окопы. Так как смерть учителя Пятницкого последовала на виду у товарищей, находящихся в окопах, то ночью тело его было подобрано и с честью предано земле. Учителем Калужской губернии Федором Трутневым, находившимся в одной части с павшим в бою учителем Пятницким, был образован хор из 100 человек солдат, который пел на погребении Пятницкого; на погребении присутствовали начальники частей во главе с начальником дивизии»[1]. По приведенной цитате видно, источниками какого рода располагает ГКУ «ГАКО».

Кстати будет заметить, что именно в силу специфического характера источниковой базы провалился проект составления списка калужан — Георгиевских кавалеров на местном материале. В принципе, такая работа по документам ГКУ «ГАКО» возможна: сотрудниками Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года в фондах ГКУ «ГАКО» были выявлены имена 18 нижних чинов, уроженцев Малоярославецкого уезда, награжденных Георгиевскими крестами[2]. Но работа эта длительная и сложная. В качестве иллюстрации можно процитировать «Приложение к отчету о состоянии начальных училищ Боровского уезда за 1915 г.» В данном случае это отчет о светских учебных заведениях, и в приложении к отчету характеризуется «участие по удовлетворению нужд, вызванных Второю Отечественной войною, со стороны учащих и учащихся начальных училищ Боровского уезда». В приложении идет речь не об учителях, а о бывших учениках начальных училищ и сообщается в 1915 г. следующее: «О Георгиевских кавалерах из бывших учеников начальных училищ Боровского уезда официальных сведений не имеется, за исключением одного: ученика Воробьевской школы Никиты Федосиевича Грачева, павшего славной смертью на поле брани. Н. Ф. Грачев происходил из крестьян Боровского уезда, Спасопрогнанской волости, сельца Тайдашево. Родился в 1889 г. 31 марта. В 1897 г. поступил учиться в Воробьевскую земскую школу, курс которой окончил 28 мая 1901 г. По окончании курса родители отдали его в Москву “в учение” к обойщику по каретной части. В 1910 г. Грачев был принят на военную службу. Служил в лейб-гвардии Литовском полку и получил ефрейтора. В 1914 г. в марте месяце вышел в запас, а 19 июля того же года по мобилизации был призван в действующую армию. За боевые отличия получил два ордена Георгия: 4-й и 3-й степени — и старшего унтер-офицера. В 1915 г. 5 сентября был убит»[3]. Как видим, и в первом, и во втором случае документы ГКУ «ГАКО» не могут служить источником для описания воинских подвигов, не указывают наименований воинских частей и места гибели.

Таким образом, сведения о калужанах, погибших на фронтах Первой мировой войны, в документах ГКУ «ГАКО» выявить хотя и возможно, но, во-первых, сведения будут далеко не полными, а во-вторых, работа эта никак не может быть выполнена за один год. Кроме того, в настоящее время «Росархивом и Министерством обороны РФ решается вопрос о сканировании картотеки [Бюро по учету потерь на фронтах в Мировую войну 1914—1918 гг.] для создания Книги Памяти героев Великой войны»[4]. Эта картотека находится в Центре хранения страхового фонда в г. Ялуторовске, насчитывает 7 млн 700 тыс. карточек и «содержит данные на раненых и погибших солдат и офицеров, военнопленных, гражданских лиц, попавших в плен»[5].

Тем не менее, и в региональных архивах имеются документы, позволяющие получить информацию о потерях Российской империи в Первой мировой войне. В ГКУ «ГАКО» хранятся метрические книги церквей Калужской епархии — документы, в которых записаны факты рождения, бракосочетания и смерти жителей Калужской губернии. Отдавая себе отчет в том, что метрические книги как официальные документы о гражданском состоянии не могут считаться абсолютно достоверным источником по учету потерь России в Первой мировой войне, тем не менее, мы сочли оправданным использовать эти документы для составления Книги Памяти. Прежде всего это связано с тем, что священнослужители обязаны были записывать в метрические книги всех, в данном случае, умерших, которых они отпевали и/или хоронили.

В 2014 г. была опубликована «Книга Памяти. Воины Первой мировой войны, похороненные в Калуге». Этот совместный проект ГКУ «ГАКО» и Государственного бюджетного учреждения культуры Калужской области «Калужский областной краеведческий музей» представляет собой первый этап создания Книги Памяти. Были просмотрены метрические книги православных церквей г. Калуги за 1914—1917 гг. и из части о записи смертей выбраны все записи о смерти военнослужащих, а также о лицах, похороненных на военном кладбище г. Калуги. Учитывались и записи о смерти военнопленных воюющих против России армий. В статью Книги Памяти вошли сведения, сообщаемые метрической книгой, которые проверке не подвергались. Таким образом, статья включает следующие позиции: фамилия, имя отчество, воинское звание/чин, воинская часть, возраст, дата и причина смерти, дата и место захоронения. Если какая-либо позиция не указана, значит, этих сведений не содержит метрическая книга. Материал в книге систематизирован по годам, внутри лет по алфавиту фамилий. Лица, у которых фамилии не указаны, и неизвестные лица записаны в конце соответствующего годового раздела. Все даты указаны по старому стилю. В книгу внесено чуть больше 600 лиц. Предположительно, это военнослужащие, находившиеся на излечении в госпиталях города. Хотя иногда погребенным на военном кладбище г. Калуги записаны люди, формально не имеющие оснований для такого места последнего упокоения. К примеру, 24 февраля 1915 г. на военном кладбище была похоронена Нина Григорьевна Волнянская, дочь генерал-майора в отставке, умершая от чахотки[6]. Никаких оснований причислять девицу к военнослужащим либо к лицам медицинской службы метрическая книга не дает. Причины смерти военнослужащих разные: последствия ранений, эпидемические заболевания (брюшной и сыпной тиф, дизентерия), другие заболевания. Метрические книги фиксируют захоронения военнослужащих на разных калужских кладбищах: военном, Пятницком и Хлюстинском — либо не указывают место захоронения. Пятницкое и воинское кладбища функционируют и сегодня, пусть и не в таких границах, как в период Первой мировой войны. Хлюстинское кладбище, которое находилось «восточнее окр[ужной] больницы ближе к Киевке»[7], полностью утрачено.

В 2015 г. в ГКУ «ГАКО» продолжается работа по созданию Книги Памяти. Предполагается просмотреть метрические книги церквей Калужской губернии за 1914—1918 гг., выявить записи о военнослужащих и военнопленных, умерших на калужской земле и нашедших здесь последний приют. Систематизированы записи будут по уездам, внутри уездов — по алфавиту фамилий. Годовые разделы не формируются в силу небольшого числа записей. К сожалению, метрические книги церквей уездов губернии за 1914—1918 гг. представлены в ГКУ «ГАКО» по-разному. Полные комплекты метрических книг имеются по уездам Калужскому, Боровскому, Малоярославецкому, Перемышльскому.

К настоящему времени просмотрены метрические книги церквей Боровского, Жиздринского, Калужского, Малоярославецкого, Перемышльского, Медынского, Мосальского уездов. Кроме того, в опубликованную Книгу Памяти вошли сведения только метрических книг православных церквей Калуги. Калуга же — город многоконфессиональный, поэтому на хранении в ГКУ «ГАКО» имеются метрические книги старообрядческих церквей, католического костела, евангелическо-лютеранского прихода и синагоги. Все они просмотрены. В метрических книгах старообрядческих церквей Калуги, а также синагоги записи о смерти военнослужащих Первой мировой войны не обнаружены.

В метрические книги католического костела за 1914—1916 гг. внесены 120 воинов Первой мировой войны, похороненных в Калуге на военном (иногда встречаются записи «братское») кладбище, и 1 человек, погребенный на Хлюстинском. Подавляющее число похороненных в Калуге католиков — это военнопленные. Только 20 человек подданные Российской империи: нижние чины, 1 служитель 35-го сводного эвакогоспиталя, 1 воль-

нонаемный, 3 крестьянина и подпоручик 52-го Виленского пехотного полка Тишкевич Мечислав Казимирович, убитый в бою 28 июля 1916 г. и похороненный 5 августа на военном кладбище[8].

В метрические книги евангелическо-лютеранского прихода за 1914—1917 гг. внесено 26 военнопленных, похороненных на военном/«братском» кладбище. Подданный Российской империи только один: Домбровский Фридрих Фрицович, солдат 301-го пехотного запасного полка, умерший 31 мая 1917 г. в 35-м сводном эвакуационном госпитале от психопневмонии и похороненный 2 июня на братском кладбище[9].

В Боровском уезде записи о погребении военнослужащих в Первую мировую войну обнаружены в метрических книгах церквей сел Беницы, Иванова Гора, Иклинское, Николо-Лужецкое, Рощинская слобода, Чубарово и г. Боровска. Всего таких записей 13, из них 2 о военнопленных.

В метрических книгах церквей г. Жиздры и сел Аннина, Большухи, Бутчина, Дубровки, Игнатовского, Крапивны, Колчина, Младенска, Мокрого, Огори, Песочни, Плохина, Пупкова, Троицкого, Хотькова Жиздринского уезда встретились 22 записи о захоронениях погибших в Первую мировую войну. Похороненными в жиздринской земле значатся в том числе военнопленные.

В метрических книгах церквей сел Авчурина, Дальней Борщовки, Дмитровского, Любуцкого, Николо-Дола, Никольского на Горне, Рождества на Калужке, Тихоновой слободы и Ферзикова Калужского уезда обнаружено 10 записей о погребении военнослужащих. Кроме того, 14 записей имеется в метрических книгах монастыря Тихонова пустынь. На монастырском кладбище преимущественно погребали тела, снятые с санитарных поездов на станции Тихонова пустынь, в том числе военнопленных.

В Малоярославце скончались и были преданы земле 39 человек, в том числе 1 военнопленный. Большая часть находилась на излечении в Малоярославецкой земской больнице. Также в Малоярославце хоронили тела военнослужащих, умерших в проходящих санитарных поездах. Все умершие были похоронены «на градском кладбище». В метрических книгах сел Детчина, Ильинского, Некрасова, Поречья, Сетуни и Трубина имеются 8 записей о смерти военнослужащих, военнопленных среди них не обнаружено.

В метрических книгах г. Перемышля и сел Бабынина, Покровского и Спасского Перемышльского уезда имеется 6 интересующих нас записей.

В метрических книгах церквей Маковца и Мятлева Медынского уезда обнаружены 2 записи. В селах Александровское, Боровенское, Жуковка, Ковыльня, Снопоть, Спас-Деменское, Спас-Кобылье, Фошня Мосальского уезда и в самом Мосальске было погребено 23 военнослужащих Первой мировой войны.

Работа планируется к завершению в 2015 г. Итог работы — поуездные списки — будет существовать в электронном виде, а также на бумажном носителе. Ознакомиться со списками можно будет в ГКУ «ГАКО». Если отсканированная картотека учета потерь будет доступна в сети Интернет, то возможно будет дополнять и уточнять списки.

Примечания

[1] Государственное казенное учреждение Калужской области «Государственный архив Калужской области» (ГАКО). Ф. 391. Оп. 1. Д. 692. Л. 15 об.

[2] См.: Калужские губернские ведомости. — 2013, 7 нояб. — № 12. — С. iii (Весть. — 2013, 7 нояб. — № 387—390. — С.15).

[3] ГАКО. Ф.165. Оп. 3. Д. 197. Л. 85 — 85об.

[4] «…Это Великая война, о которой не должны забывать» // Отечественные архивы. — 2014. — № 3. — С. 87.

[5] Там же. — С. 86.

[6] См.: Книга Памяти. Воины Первой мировой войны, похороненные в Калуге. — Калуга, 2014. — С.5.

[7] *Вусович Ю.* Медико-топографическое описание города Калуги. — Калуга, 1929. — С. 82.

[8] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 530. Л. 612.

[9] См. там же. Д. 726. Л. 66 об.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ВОЛОСТНОЙ РЕФОРМЫ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАДНИКО)

***Ю. В. Кондратьев**, аспирант,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

В середине 1920-х гг. в жизни российской деревни происходили важные изменения. Одним из них стало проведение волостной реформы 1924—1925 гг., историю которой можно проследить и на материале Калужской губернии. Основным содержанием этой реформы стало сокращение местных территориальных единиц и укрупнение сельских советов. С 1923 по 1925 г. число уездов в РСФСР сократилось с 602 до 426, волостей стало 4514 вместо 9599. В Калужской губернии с 1922 по 1924 г. число уездов сократилось с 11 до 10, волостей — со 167 до 64[1]. Одной из главных целей этих преобразований было повышение роли местных органов советской власти.

Воздействие волостной реформы и других мероприятий по усилению местных органов власти на жизнь калужской деревни проявилось во многих аспектах, наиболее существенные из которых будут освещены в данном докладе. К числу таких аспектов автор относит политическую активность населения, взаимоотношения сельских советов и земельных обществ, а также деревенскую повседневность, затронутую политическими и административными изменениями.

Источниковой базой исследования послужили материалы волостных комитетов РКП(б), хранящиеся в Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Степень изученности этих материалов сравнительно невысока, однако в них содержится информация, позволяющая более глубоко раскрыть явления и процессы, имевшие место в калужской деревни того времени.

Важной задачей волостной реформы было повышение авторитета местных органов советской власти на местах, в крестьянской среде, что достигалось через укрупнение сельских советов и увеличение числа партийных ячеек. Параллельно с волостной реформой проводилась кампания по «оживлению Советов». Политическая активность населения действительно нуждалась в оживлении. Это можно проследить на таком характерном примере, как участие в перевыборах местных сельсоветов. В материалах Пятовского волостного комитета РКП(б) за 1925 г. содержатся сведения о числе жителей Пятовской волости, принимавших тогда участие в этих выборах. Волость охватывала 11 сельсоветов. Из 2 947 человек, имеющих право голоса, на выборы явилось 1185 (40,2%), из них мужчин — 693 (50,5%), женщин — 492 (31,2%)[2].

Чтобы повысить политическую активность крестьян, власти предпринимали различные меры. Создавались избы-читальни, клубы, регулярно проводились агитационные мероприятия. Проведение этих мероприятий возлагалось также на местные ячейки партии. В протоколе общего собрания членов и кандидатов ячейки РКП(б) 2-го ЦТИ за 23 ноября 1925 г. первым вопросом повестки дня стоял доклад о работе в деревне. Докладчик, тов. Тагильцев, рассказал, что «товарищи, прикрепленные к деревням, выезжали 2 раза»: первый раз с докладом о годовщине Октябрьской революции, второй — с докладами по сельскому хозяйству. При этом он отметил, что была обнаружена слабость работы сельсоветов, изб-читален, комитетов взаимопомощи, а также предложил организовать кружок агитаторов при ячейке РКП(б) 2-го ЦТИ[3].

Необходимость повышения роли местных органов советской власти вызывалась также своеобразными взаимоотношениями сельсоветов и земельных обществ, имевшими место в данный период. Исследователи отмечают, что в деревне середины 1920-х гг. существовало «двоевластие»: с одной стороны — сельсовет, то есть конституционный административный орган власти, призванный выполнять решения волостного центра, с другой — сельский сход, традиционный орган власти на местах, оформившийся в земельное общество, которое было признано Земельным кодексом 1922 г. и располагало определенной материальной базой[4]. И если сельсовет был призван руководствоваться интересами бедноты и середняков, то в земельном обществе главную роль играли зажиточные крестьяне,

кулаки. Активность последних была куда выше активности деревенской бедноты. Это подтверждают и архивные материалы. В докладе ответственного секретаря Некрасовского волкома РКП(б) за 1924 г. отмечалось: «Крестьянские сходы в общественной жизни деревни имеют огромное значение. Все наиболее важные общественные вопросы сельсоветом переносятся на обсуждение крестьянского схода, и только после этого решения по вопросам приобретают законную силу. Как правило, для большинства мест тех или иных решений сельсовета, только тогда, когда они получили санкции от схода. Такое положение ставит перед местными партийными организациями задачи, с гораздо большим вниманием, чем это было до последнего времени, отнестись к работе крестьянских сходов»[5]. Докладчик указывал также на тот факт, что практика подкупа схода алкоголем со стороны кулаков, существовавшая ранее, продолжается, хотя и в скрытой форме. «В прошлой работе крестьянских сходов мы имеем очень много отрицательных сторон. Всем известны случаи, когда кулак, коему захотелось провести через сход какое-либо решение в свою пользу, ставил несколько ведер водки, и благополучный исход решений был обеспечен»[6]. В настоящее же время «сход собирается с определенным порядком дня, само собрание происходит более или менее организованно, кулак открыто же вина и самогона не ставит, однако все же вполне возможный случай, когда не прямо, а косвенно кулак или целая зажиточная группа крестьян, провалившаяся на выборах в сельсовет, попробует взять под свое внимание сход и через него влиять на работу в сельсовете»[7]. В завершение доклада был сделан вывод о необходимости повысить политическую активность бедноты при помощи местной партийной организации.

Волостная реформа и другие мероприятия по усилению политической активности крестьян оказали существенное влияние на деревенскую повседневность. Под влиянием города в жизнь деревни внедрялись новые советские праздники, обряды, формы культурной организации: «комсомольская пасха», «красные крестины», сельские клубы, избы-читальни. Местные Советы усилили борьбу с самогоноварением[8]. С уменьшением числа волостей крестьянам приходилось отправляться в дальние села, где находились теперь волостные центры и сельсоветы. С одной стороны, это расширяло их кругозор, с другой — отвлекало от не менее важных, чем политика, хозяйственных дел. В связи с этим возрастал поток жалоб жителей в центральные органы власти страны. В одном из таких писем, адресованном М. И. Калинину, крестьяне писали: «Теперь ходим в волость не за 10—15 верст, а за 25—30 с хлебом на 3 дня»[9].

Таким образом, материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области позволяют осветить некоторые существенные аспекты истории калужской деревни в период проведения волостной реформы середины 1920-х гг. Задачи волостной реформы включали в себя усиление местных органов советской власти, удешевление государственного аппарата и укрупнение сельсоветов. Кампания по «оживлению Советов» преследовала цели повышения роли сельсоветов в жизни деревни, вовлечения широких слоев бедноты в политическую жизнь, оттеснения зажиточных крестьян от руководства деревней. Эти мероприятия оказали влияние и на деревенскую повседневность. Все это в полной мере прослеживается и на материалах Калужской губернии.

Примечания

[1] См.: *Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И.* История крестьянства Западного региона России. 1917—1941. — Калуга, 2002. — С. 268.

[2] См.: ГАДНИКО. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.

[3] Там же. Л. 43.

[4] См.: Калужский край в XX веке: Исторические очерки / И. Б. Белова и др. — Калуга, 2014. — С. 220.

[5] ГАДНИКО. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 7. Л. 114.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] См.: *Филимонов В. Я., Журов Ю. В., Будаев Д. И.* История крестьянства Западного региона России. — С. 276—278.

[9] Там же. С. 269.

МУСУЛЬМАНСКО-ТАТАРСКАЯ ШКОЛА В КАЛУГЕ В 1918—1925 гг.[1]

В. М. Красин*, *к и н., гл. архивист, Государственный архив Калужской области*

Согласно «Ведомости о народонаселении г. Калуги по вероисповеданиям» за 1900 г., в городе проживали 148 «магометан»[2]. В 1913 г. по сведениям полицейских приставов, в 1-й части Калуги проживали 85 татар (в том числе 30 детей) и 6 представителей «прочих народностей». Пристав также располагал сведениями об 1 мусульманском молитвенном доме. Во 2-й части из мусульман находились только ссыльный шейх Баматгирей-хаджи Митаев с женой и еще 2 чеченца из с. Автуры. В 3-й части проживали 10 татар. Приставы не отметили наличие в Калуге мусульманских школ (при наличии соответствующей графы в бланке)[3]. Это не доказывает отсутствие таковых, но если они и существовали, то неофициально.

В Калужской губ., населенной почти исключительно русскими, грамотность в 1916 г. составляла 33% среди мужчин и меньше 9% среди женщин[4]. Следует учитывать и невысокий качественный уровень знаний считавшихся «грамотными». Среди других народов империи эта проблема была не менее острой.

31 октября 1918 г. опубликовано постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств»: «*2) Школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. Количественная норма устанавливается в размере не менее 25-ти учащихся для одной и той же возрастной группы*»[5].

Среди протоколов заседаний съезда комиссаров по народному образованию Калужской Советской республики за 1918 г. содержится резолюция: «*Съезд признает право за национальными меньшинствами в пределах калужской советской республики на создание национальных школ с преподаванием на родном языке. Эти школы включаются в общую сеть и субсидируются на общих основаниях, причем заведывание этих школ принадлежит местной национальной общине в лице ея представителей под контролем комиссара по народному образованию*»[6]. Принятые решения были приведены в жизнь достаточно быстро. В фонде Калужского губернского отдела народного образования (Губнаробраз, ГубОНО, ГОНО) сохранилась «Ведомость Зимнего Бланка текущей статистики 1918-19 уч. года», в которой указана в качестве действующей **мусульманская школа г. Калуги**[7].

19 марта 1924 г. состоялось совещание преподавателей школ национальных меньшинств Калужской губ., на котором присутствовали: «*преподаватели мусульманской школы — 1; латышской школы — 2; представитель чешского населения — 1; инспектор, инструктор и Зав. Губсоцвосом*». По словам преподавателя мусульманской школы, это учреждение помещалось в частной квартире, в ней обучалось 20 человек при 1 учителе, «все руководства получает из Казани». Школа включена в школьную сеть в 1918 г., в 1922 — закрыта, в 1923 — возобновлена, все обучающиеся — дети-мусульмане[8].

Многие подробности о личности учителя и о самой мусульманской школе зафиксированы в документах благодаря внутреннему конфликту в татарской общине. Когда возник этот конфликт и его реальные причины неизвестны, но в публичную плоскость он перешел в январе 1925 г. после выхода двух статей в № 7 и № 16 газеты «Коммуна»[9]. Вторая статья написана анонимным автором, выражавшим недовольство группы молодых татар-учащихся инструктивной школы Губполитпросвета работой **заведующего 15-й (татарской) школой г. Калуги Салихытдина Алимовича Алимова**.

Уже после выхода первой статьи, ГубОНО начал проверку. В отчете инспектора Аристидова от 19 января 1925 г. изложены следующие факты: «*Татарская школа в г. Калуге. Открыта в 1919 году. Учащихся на 15-е января 1925 года по списку 26 человек. Ежедневная посещаемость 15—16 человек. Из них 5 человек детей детского дома больны и отправлены на длительное лечение в больницу. При посещении мною школы 17 января*

* Автор выражает признательность за помощь в подготовке статьи начальнику отдела организационной и методической работы ГАКО Н. В. Зиновкиной и доценту КГУ им. К.Э.Циолковского, к. и. н. В. В.Куркову.

было в школе учащихся — 7 человек — 6 человек из 1-й группы и один из 2-й группы. Числится в 1-й группе 11 человек, во 2-й — 15 ч. Слабую посещаемость Зав. школой объясняет отсутствием одежды и обуви и болезнями. Несколько человек совсем выехали из Калуги с родителями. Возраст детей от 8 до 15 лет. Занятия ведутся от 8 до 12 часов ежедневно, кроме пятницы /день отдыха/. Учебников достаточно. Привезены — из Казани. Все на татарском языке. Платности и сборов за обучение никаких нет. Учащиеся обычно дальше 2-й группы учение не продолжают. Родители берут их из школы, как только они научатся мало-мальски читать и писать и усвоят четыре действия над целыми числами. В 1 году чтение производится по букварю на татарском языке, имеется и задачник. В 2-й гр. задачник и книги для чтения "Тарех", где имеются статьи по обществоведению и природоведению. Русскому языку дети не обучаются: для этого нужен учитель из русских.... Топливо дается от ГОНО. Жалованья Алимов получает как работник 1-й ступени за 24 часа. Техн. служащих нет. Дрова колет сам учитель, топит печи, убирает помещение, моет полы его жена бесплатно»[10]. Из замечаний инспектор ГубОНО указал лишь на низкую посещаемость школы и необходимость подготовки трехместровых отчетов о проделанной работе. Решающим вопросом стал статус С. А. Алимова — в январе 1925 г. его запросили: «*Зав. 15-й школой /татарской/. Губсоцвос предлагает Вам сообщить состоите ли Вы служителем религиозного культа и, если не состоите, то представить об этом соответствующее удостоверение*». Была сформирована комиссия в составе двух членов Горсовета и представителя ГубОНО, Комиссия посетила занятия, провела встречи с родителями учеников — противниками и сторонниками С. А. Алимова, аргументы сторон подробно изложены в акте. Выводы крайне осторожны и, несмотря на тщательность проверки, комиссия указала на то, что в полной мере объективное обследование школы может провести только человек, владеющий татарским языком[11].

Нежелание представителей советской власти осуждать или оправдывать Алимова на основании даже детального разбора дела, стремление к объективному рассмотрению обстоятельств, может говорить об отсутствии заранее заданных обвинительных установок у членов Комиссии, что в свою очередь косвенно свидетельствует о непричастности советской власти к появлению упомянутых публикаций в «Коммуне».

С. А. Алимов в свою защиту привел следующие аргументы: «*В 1920 году я состоял агитатором войсковых частей г. Калуги; на эту должность я был назначен Губернским военным комиссаром. Во время Гражданской войны я с честью выполнил свои обязанности. В то же время я руководил политической жизнью всего татарского населения губернии. Под моим председательством на общегородском заседании граждан татар г. Калуги 27 апреля 1920 года состоялось постановление сплотиться вокруг Соввласти на защиту Республики. В то же время я вел и просветительскую работу, состоя учителем<нрзб> татарских детей и 5 батальона В. Ч. К. Если бы я не соответствовал этому назначению, что пытаются из личных побуждений доказать мои неблагожелатели, то Губвоенкомат в такое тяжелое и опасное время, как 1920 год, не допустил бы меня быть агитатором гарнизона и под моим председательством не было вынесено в вышеозначенном заседании категорического постановления защищающего Соввласть*»[12]. По всей видимости, текст документа написан не С. А. Алимовым, он только поставил подпись. Вообще, в деле имеется несколько надписей (включая небольшое собственноручно написанное заявление), принадлежность которых руке самого С. А. Алимова не вызывает сомнений. На их основании можно сделать вывод, что по-русски даже короткие фразы он писал с ошибками[13].

В Комиссию заведующий татарской школой представил документы, подтверждающие его слова: «*а) Свидетельство об образовании, выданное Алимову Оренбургским мусульманским духовным собранием 29/X-1916 г., за № 1233, на звание имам-хатыба (духовн. зв.) и муталима (учителя), без права совершать духовные требы без утверждения губернского местного начальства, за подписью оренбургского муфтия и членов ахуны; б) Удостоверение Губисполкома от 20/I-25, за № 315, о том, что Алимов не зарегистрирован в качестве служителя культа; в) Удостоверение Кал. Губ. Военкомата от 30/VIII-20, №5481/4 о том, что Алимов состоит переводчиком и агитатором по мусульманским войсковым частям; г) Протокол общего собрания мусульман г. Калуги от 27/IV-20 о поддержке Сов. власти, за подписью пр-ля Собрания Алимова; д) Удостоверение личности, выданное Алимову от ГОНО от 16/XI-21, в звании учителя при Губполитпросвете*»[14].

Часть родителей выступили в поддержку учителя: «*В Губнаробраз. Узнав, что в газете "Коммуна" появилась статья, набрасывающая тень на учителя нашей татарской школы т. Алимова, мы нижеподписавшиеся граждане-татары г. Калуги единодушно заявляем, что учителя Алимова муллой мы не выбирали, договора с ним на этот счет не заключали, что муллой у нас он не состоит, что он с начала Революции обучает наших детей грамоте, к делу своему относится любовно, дети наши и сироты из детских домов его любят. Алимов за учение детей никакой платы с нас не берет. Мало того, он сам в 1924 г. ездил в Казань и привез оттуда книг для детей, которые раздает безплатно. Поэтому мы просим Губнаробраз не верить ложному сообщению, напечатанному в газете и оставить т. Алимова учителем, как уже работающего на этом поприще несколько лет*». В другом документе его сторонники выразились еще решительнее: «*Вышеуказанный Алимов все время Революции с нами занимался, и открыл нам глаза к знанию и от такого работника мы уходить не хотим, и у других преподавателей учиться не желаем*»[15].

В письме татар-противников С. А. Алимова основной акцент сделан на религиозном статусе учителя. Они указали, что признают его своим муллой и до 1925 г. посещали его по пятницам «*для религиозной потребности*». По их словам, без С. А. Алимова они «не имели права» венчаться и дать ребенку имя. Эта группа родителей учащихся-татар просила ГубОНО уволить С. А. Алимова. На письме стоит резолюция: «*Временно отстранить от должности. Запросить кандидата у Нацмена в НКП*». В этом же письме указано, что муллой С. А. Алимов назначен с 1916 г. Позднее, при встрече с членами Комиссии один из подписавшихся предъявил два метрических свидетельства о рождении его детей за 1914 и 1915 гг. за подписью С. А. Алимова. По вопросу о том, состоял ли С. А. Алимов служителем культа, Комиссия сделала следующий вывод: «*По документальным данным — нет, не состоял, но по-видимому некоторые обязанности по культу исполнял в порядке частном и неофициальном, как «ученый» человек (При опросе татар было заявлено, что за неимением офиц. мулл, всякий грамотный татарин может зарегистрировать факт рождения при наличии 2-х свидетелей.)*»[16]

Авторы словаря «Ислам в центрально-европейской части России», ссылаясь на неопубликованное интервью с Мухсиной Салахетдиновной Ишмуратовой (Алимовой), пишут, что С.А.Алимов в течение советского периода не вел открытой религиозной деятельности, однако оставался на положении неофициального муллы. В Калуге у супругов Алимовых родились все их 8 детей: дочери Сайдя, Файля, Халидя, Халимя, Адиля, Халися, Мухсиня и умерший в младенчестве сын Мухаррям[17]. В списке «учащихся при мусульманской школе № 15» от 27 августа 1924 г., составленном самим С. А. Алимовым, указаны «Фагиля» и «Халимя» Алимовы. Их домашний адрес значился как проспект Огарева 22/42[18].

Резюмируя сведения о татарской школе за период работы в ней С. А. Алимова можно констатировать следующее. Официально школа функционировала с 1918 или с 1919 г., вероятно с перерывом на 1922 г. Встречающиеся названия — мусульманская, мусульманско-татарская, татарская, 15-я (татарская). Свой номер она получила не сразу — еще 24 ноября 1919 г. действовала 15-я советская единая трудовая школа I ступени[19]. С. А. Алимов был руководителем, единственным учителем и де-факто — хозяйственным работником татарской школы, имел официальный статус, получал заработную плату (даже в годы Гражданской войны). С 27 ноября 1919 г. в зарплатной ведомости некоторое время числилась сторожем Халимэ Сягитова[20]. По информации, собранной Аристидовым к 19 января 1925 г.: «*Помещение, в котором находится школа составляет часть здания, арендуемого Алимовым у Комхоза*»[21]. Контингент учащихся — дети татар, живущих в Калуге, а также группа сирот из Поволжья, воспитывавшихся в детских домах.

Достоверных фактов преподавания в мусульманско-татарской школе религиозных предметов, хотя бы неофициально, не обнаружено. Посетившая школу 3 февраля 1925 г.

Комиссия также не выявила таких фактов: «*При сем оказалось: а) В школе шли учебные занятия (письмо, чтение, счет и хоровое пение) — все на татарском языке, причем пение — на современные революционные мотивы*»[22].

Уже 2 февраля 1925 г., в Совет по просвещению национальностей не русского языка при Коллегии Народного комиссариата просвещения было направлено письмо: «*Ввиду того, что Заведывающий, он-же школьный работник татарской школой г. Калуги т. Алимов не отвечает своему назначению, Калужский Губнаробраз просит откомандировать в его распоряжение кандидата для замещения означенной должности. В Калуге кандидатов нет. Оклад жалованья — 37 руб. 50 коп*». Салехов, заведующий татаро-башкирским центральным бюро, предложил занять эту должность студенту из Казани Сабитову Ахмаду Абдурахмановичу[23]. 6 марта 1925 г. подписан приказ ГубОНО № 36 о назначении Сабитова и снятии Алимова[24].

С 1925 г. из Москвы (прежде всего из кооперативного издательства «Нашрият») стала регулярно поступать литература на татарском языке: букварь «Кзыл Юлдуз», книги для чтения и задачник по математике Юсупова, журналы «Мааріф» и «Юные товарищи»[25]. Территориально татарская школа уже в марте 1925 г. располагалась на ул. Володарского по тому же адресу, что и 6-я совшкола[26]. По всей видимости, перемещение было связано с увольнением С. А. Алимова.

Сабитов проработал в Калуге недолго. 3 сентября 1925 г. Совет по просвещению национальностей не русского языка сообщил: «*Тюркский Отдел СНМ НКП по докладу т. Сабитова, Зав. Т/Б школой г. Калуги, постановило слить тат. школу с 6-й Совшколой на правах Тат. Отделения. Тюркский Отдел рекомендует шк. работником по родному языку для этого отделения т. Юсупова Гумера проживающего в г. Калуге*»[27]. Гумер Юсупов был назначен на эту должность 10 сентября 1925 г. С августа 1925 г. организуется 15-я советская школа 7-летка[28], уже не имеющая отношения к татарской. Татарская группа в 6-й школе существовала еще некоторое время. Однако 1 октября 1926 г. вышел приказ ГубОНО: «*§20. В виду незначительной посещаемости детьми татарской группы при 6-й школе, таковую с 16 сентября ликвидировать. ... §21. Преподавателя татарской группы при 6-й школе тов. Юсупова с 16-го сентября освободить от занимаемой должности ввиду ликвидации татарской группы*»[29].

Официальные документы не сохранили многих подробностей, особенно относящихся к сфере межличностных отношений. Однако имеющиеся факты позволяют констатировать, что выход внутреннего конфликта в татарской общине в публичную плоскость в январе 1925 г. и последовавшее снятие С. А. Алимова стали для татарской школы потрясением, от которого она так и не смогла оправиться.

Примечания

[1] Тема национальных школ ранее затрагивалась сотрудником ГАКО Е. А. Зимичевой — см.: Национальные школы в Калужской губернии (1917—1929 гг.). / Публ. и сопр. статья Е. А. Зимичевой. — Калуга, 1990. — 26 с.

[2] ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 239. Л. 14.

[3] См. там же. Д. 998. Л. 17—17д.

[4] См.: Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. — Калуга, 1914, — 3-я паг. — С. 11.

[5] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, — 1918. — № 80. — Ст. 835.

[6] ГАКО, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 174. Л. 1. Документ не содержит подписи, не датирован.

[7] См. там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об..

[8] Там же. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 52. Л. 24.

[9] См.: Похождения муллы» Алимова: (Еще раз о татарской школе) // Коммуна. — 1925, 20 янв. — № 16. — С. 4.

[10] ГАКО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 289. Л. 34.

[11] Там же. Л. 6, 37 об.

[12] Там же. Л. 33. 33 об.

[13] См. там же. Л. 12, 26.

[14] Там же. Л. 36.

[15] Там же. Л. 29, 30.

[16] Там же. Л. 35, 35а, 36а об, 37 об.

[17] См.: Ислам в Центрально-европейской части России. / Отв. ред. Д. З. Хайретдинов. — М., 2009. — С. 17—18.

[18] ГАКО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 52. Л. 33об — 34.

[19] См. там же. Д. 59. л. 1.

[20] См. там же. Оп. 1л/с, д. 43, Л. 276, 307.

[21] Там же. Оп. 1. Д. 289. Л. 34.

[22] Там же. Л. 36об.

[23] Там же. Л. 5, 9.

[24] См. там же. Д. 50. Л. 59.

[25] См. там же. Д. 289. Л. 25; Д. 72. Л. 61, 102.

[26] Калуга, ул. Володарского, 31 (см. там же. Л. 134).

[27] Там же. Д. 289. Л. 44.

[28] См. там же. Д. 50. Л. 148, 126.

[29] Там же. Д. 83. Л. 64 об.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX в. В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ*

***В. А. Иванов**, к. и. н., доц.. Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

Успех деятельности разных звеньев правительственного аппарата в огромной степени зависит от служивших в них людей, их компетентности, профессиональных, нравственных, психологических качеств, уровня образования, культуры, материального достатка. Как в свое время заметил известный государственный деятель России первой трети XIX в. М. М. Сперанский, «...в государстве учреждения без людей тщетны, как и люди без добрых учреждений мало доброго произвести могут»[1].

История российского чиновничества в последние десятилетия постоянно привлекает внимание отечественных и зарубежных историков. Весомый вклад в разработку этой проблемы внесли С. М. Троицкий, П. А. Зайончковский, Н. П. Ерошкин, Н. Ф. Демидова, А. Н. Медушевский, Н. П. Матханова, С. В. Мироненко, Л. Ф. Писарькова, М. Ф. Румянцева, Л. Е. Шепелев, У. М. Пинтнер (США) и другие исследователи[2]. Изучены социальный состав, образовательный уровень, возрастной, имущественный ценз чиновников преимущественно высшего звена за отдельные годы, условия их службы и быта, моральный облик, освещена система чинов, званий, правительственная политика в сфере формирования и функционирования бюрократии.

Однако на сегодняшний день многие аспекты темы освещены неполно и нуждаются в тщательном изучении[3]. К их числу относится история провинциального чиновничества дореформенной России, колоритные и неповторимые образы отдельных представителей которого предстают перед нами со страниц бессмертных произведений Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Всестороннее изучение местного чиновничества от его высших слоев до рядовых исполнителей позволит выяснить, насколько эффективным был уровень управленческой культуры лиц, в руках которых сосредоточивалась реальная власть на местах и находились огромные массы населения.

Опираясь на массовый статистически обработанный по ряду важнейших социально значимых показателей (социальное происхождение, образование, имущественное положение) документальный материал — формулярные списки калужских губернских чиновников, мы имеем возможность нарисовать коллективный портрет калужского губернского чиновничества накануне отмены крепостного права.

Анализ количественных данных[4], показывает, что персонал губернских гражданских учреждений был далеко не однороден в социальном отношении. Потомственные дворяне

по происхождению численно значительно уступали выходцам из других сословий, составляя в целом по губернии не более 29% от учтенного числа служащих. В подавляющем большинстве учреждений независимо от их ведомственной подчиненности на долю дворян приходилось менее 1/2 всех служащих. Так, в канцелярии губернатора их насчитывалось 46%, в совестном суде — 44%, в казенной палате — 28%.

Если мы обратимся к данным о социальном составе служащих по отдельным группам гражданских чинов[5], то общая картина изменится. Среди чиновников высших (IV—V) и средних (VI—VIII) классов преобладали потомственные дворяне. Они занимали соответственно 67 и 55% всех должностей. Зато среди служащих низших (IX—XIV) классов их количество не превышало 29%, а среди обслуживающего персонала учреждений — канцелярских служителей — 25%.

Из сказанного, очевидно, что большая часть ключевых постов в системе управления губернией была в руках представителей дворянского сословия.

Помимо дворян, в комплектовании штатов местного звена государственного аппарата участвовали и выходцы из других сословий и социальных групп. Выяснилось, что 33%, т. е. 1/3 всех учтенных служащих происходили из духовного звания, 21% приходился на обер-офицерских детей, отцами которых являлись гражданские чиновники IX—XIV классов, т. е. личные дворяне, 10% были из семей канцелярских служителей, 3% — из купцов и мещан, 1% — из крестьян, 0,3% — из иностранцев, принявших подданство России. На выходцев из других групп (солдат, кантонистов, казаков, лекарских учеников, вольноопределяющихся и т. д.) приходилось менее 3%. Следует обратить внимание на тот факт, что дети чиновников и канцеляристов, т. е. гражданские служащие, наследовавшие профессию своих отцов, во втором, а то и в третьем поколении являлись одним из главных источников кадрового обеспечения управленческого аппарата в провинции (31%).

Из сказанного можно заключить, что губернская администрация пополнялся двумя основными путями: представителями потомственного дворянства и социально активными элементами из недворянской среды. Дворяне по происхождению составляли меньшинство в губернской администрации. Однако, занимали большинство руководящих мест.

Приведем данные об образовании губернских чиновников. Сведения по этому показателю охватывают 82% их учтенного числа.

Высшее и среднее образование (окончили университеты, Училище правоведения, медико-хирургические, духовные академии, гимназии, пансионы, семинарии, институты и. т. д.) имели 17% служащих, начальное (духовные, уездные и губернские народные училища) — 41%. Домашнее образование получили 14%. Около 9% гражданских служащих по разным причинам (неуспеваемость, материальные трудности) не смогли закончить начальные учебные заведения, т. е. не получили никакого образования.

Таким образом, статистика показывает, что систематическое (высшее и среднее) образование имели менее 1/5 гражданских служащих губернии. Более половины чиновников довольствовалась лишь элементарными знаниями, которые давали гражданские учебные заведения различных типов и образование, полученное в доме родителей. Это соответствовало минимальным требованиям, предъявляемым законодателем к поступавшим на гражданскую службу по «праву происхождения», от которых требовалось лишь умение правильно читать, писать, знание основ грамматики и арифметики[6]. Деловую квалификацию служащие получали непосредственно в учреждениях, благодаря многолетней службе на чиновничьих и канцелярских должностях.

Относительно высокий процент лиц с систематическим образованием выявлен в ряде губернских присутствий: в канцелярии губернатора — 74, в палате госимуществ — 31, в губернском правлении — 30.

Источники позволяют установить, в каких типах учебных заведений обучались служащие местной администрации, вышедшие из разных сословных и социальных групп населения и высказать наблюдение о существовании определенной зависимости уровня образования от социального происхождения и имущественного положения семей чиновников.

Как оказалось, основной формой высшего образования для губернского чиновничества являлись университеты. Диплом университета давал право не только стать чиновником высокого класса, но и заниматься научной и преподавательской деятельностью.

71% калужских чиновников, проходивших подготовку в высшей школе, окончили или учились в университетах. 3/4 из них обучались в Московском университете. Классическое университетское образование приобретали служащие, происходившие из различных социальных слоев. На первом месте стояли дети потомственных дворян и чиновников — 73%. Удельный вес представителей других сословий и групп, получавших знания в университетах колебался от 3% (мещане, канцеляристы, иностранцы) до 10% (воспитанники Московского воспитательного дома).

Среди калужских губернских чиновников, обучавшихся в средних учебных заведениях, абсолютное большинство составляли воспитанники гимназий — 34% и семинарий — 50%. Чиновникам, обучавшимся в гражданских средних учебных заведениях других типов (пансионы, различного профиля институты, училища и т. д.) в составе губернского управления отводилось весьма скромное место.

Приведенные сведения позволяют заключить, что основным поставщиком кадров со средним образованием для губернской администрации были воспитанники духовных семинарий — учебных заведений, в которых преподавались как богословские, так и общеобразовательные дисциплины, соответствовавшие гимназическому курсу. В этих формально всесословных учебных заведениях выходцы из духовной среды составляли 98—99% всех обучаемых.

Сословный состав губернских чиновников, вышедших из губернских гимназий мало, чем отличался от проходивших курс в университетах. Среди них численно преобладали дети потомственных дворян и чиновников, число которых составляло около 80%. Для сравнения: в гимназиях страны в 1833—1853 гг. удельный вес детей дворян и чиновников равнялся 78—79%[7].

Среди служащих довольствовавшихся начальным образованием превалировали сыновья священнослужителей, мелких (необеспеченных) чиновников, канцелярских служителей и дворян. Это говорит о том, что в дореформенное время начальная школа предназначалась не только для выходцев из «самых нижних состояний», но и тех слоев населения, включая дворян, незавидное материальное положение семей которых и сопутствующие ему условия жизни, ограничивали доступ детей в среднюю школу.

Знаниями, полученными в процессе домашнего образования, ограничивались выходцы из различных социальных и сословных групп. Главными причинами тому для многих были непосильная плата за обучение в государственных школах и отсутствие поблизости учебных заведений. Наибольшее число лиц — обучавшихся на дому, приходится на детей дворян (в основном обедневших), малосостоятельных чиновников и канцелярских служителей — 83%. Следует особо отметить низкий процент чиновников с домашним образованием среди сыновей духовнослужителей — всего 2%. Этот факт убеждает в том, что в семьях духовенства детям предпочитали давать не домашнее, а специальное духовное образование, полагая, что они станут продолжателями отцовской профессии. Это наблюдение подтверждают данные, согласно которым приблизительно 3/4 всего наличного состава калужских чиновников, вышедших из среды духовенства обучались в учебных заведениях духовного ведомства.

Остановимся на характеристике имущественного статуса провинциальных чиновников, во многом определявшем успех их служебной карьеры. Среди служащих-дворян помещиков было немногим более половины (59%). Дворяне, за которыми числилось менее 100 душ м. п. составляли 42% общего их числа, от 100 до 500 душ м. п. — 14%, свыше 500 ревизских душ — около 3%. Таким образом, в составе губернской администрации преобладали мелкопоместные дворяне. Примечательно, что только 2% чиновников являлись владельцами промышленных предприятий. Это говорит о том, что выходцы из «благородного» сословия в исследуемый период были слабо вовлечены в предпринимательскую деятельность. Земля по-прежнему оставалась для них главным источником дохода. Что касается беспоместных дворян, то из них около 11% владели домами и 2% ненаселенными землями. Из сказанного, очевидно, что более 1/5 служащих-дворян влачила жалкое существование, не имея ни крестьян, ни земли и никаких других источников дохода, кроме скромного казенного жалованья. Эта была неимущая, потерявшая связь с землей, а потому, обособившаяся от поместного дворянства деклассированная прослой-

ка, выбравшая для себя род служебной деятельности, не пользовавшийся в дореформенную эпоху уважением у высшего сословия — гражданскую службу.

Среди чиновников недворянского происхождения почти 4/5 не имели никакого имущества. Остальные (либо их жены) являлись владельцами разных видов родовой или приобретенной собственности

Анализ имущественного положения провинциального чиновничества позволяет прийти к главному выводу: единственным источником средств к существованию для основной его массы было получаемое за службу казенное жалованье, которое делало чиновничество зависимым от государства, способствовало формированию верноподданнической психологии и лояльного отношения к властям.

Не ставя задачи изучения размеров окладов содержания служащих местных правительственных учреждений, приведем лишь некоторые сведения, позволяющие в известной степени судить об уровне их материальной жизни. По данным калужских статистиков, в 1859 г. из 1 317 гражданских служащих губернии казенное содержание имели 1 175 человек[8]. Остальные 142 сверхштатных служащих жалованья не получали. Содержание холостого чиновника в провинции исчислялось в 125 руб. серебром в год, а семейного, имевшего не более четырех детей — 200 руб. Из получавших содержание только 440 человек (37%), т. е. чуть более 1/3, имели оклады, соответствовавшие прожиточному минимуму. Остальные 735 (63%) получали жалованье, прожить на которое, не имея других источников дохода, было практически невозможно.

Как видим, государство не могло обеспечить элементарные условия существования почти 2/3 штатного состава провинциальных канцелярий. Неизбежным следствием тяжелого материального положения служащих в провинции было их стремление использовать занимаемую должность в корыстных целях — для поиска дополнительных источников существования. Такое понимание должностными лицами своего места и роли в структурах власти неизбежно порождало волокиту при рассмотрении дел, грубость и произвол в обращении с обывателями, создавало благоприятную почву для процветания различных должностных злоупотреблений — главными из которых были взяточничество и казнокрадство.

Таковы некоторые итоги рассмотрения состава калужского губернского чиновничества середины XIX в. Представленный в сообщении исследованный статистически архивный материал позволил получить объективное представление об источниках комплектования, образовательном уровне и имущественном положении провинциального чиновничества губернского уровня управления.

Примечания

[1] Цит. по: *Троицкий С. М.* Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. // Исторические записки. — Т. 89. — М., 1972. — С. 296—297.

[2] См.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XIX в.: Формирование бюрократии. — М., 1974; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. — М., 1987; *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX в. — М., 1981; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. — М., 1994; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. — М., 1989; *Писарькова Л. Ф.* От Петра I до Николая II: политика правительства в области формирования // Отечественная история. — 1996. — № 4. — С. 29—43; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. — М., 2007; *Румянцева М. Ф.* Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII в. //Археографический ежегодник. 1991 год. — М., 1994. — С. 64—74; *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. — СПб., 1999; Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. — Eds. W. M. Pintner, D. K.Rony. — Chapel Hill, 1980.

[3] Ряд немногочисленных работ, вышедших в 90-е годы XX в., охватывающих разные слои чиновничества местных органов управления, лишь начало исследования данной проблемы. См., напр.: *Зубов В. Е.* Структура и численность государственного аппарата Западной Сибири первой половины XX в. // Вестник Челябин. ун-та.— Сер. 7: Гос. и муниципал. упр. — 1998. — № 1. — С. 52—58; *Иванов В. А.* Губернское чиновничество 50-60 гг. XIX в. в России: Историко-источниковедческие очерки (по материалам Московской и Калужской губерний). — Калуга, 1994; *Морякова О. В.* Система местного управления России при Николае I — М., 1998 и др.

[4] В статье все исчисления произведены автором по данным случайно сформированной репрезентативной выборки, включающей около пятисот выявленных в архивах формулярных списков разных категорий губернских служащих (от губернатора до канцелярских служителей). См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 64, 65, 67, 68, 73, 3158, 5739; Государственный архив Калужской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3452—3454, 3604—3608, 3726, 3780—3782.

[5] По Табели о рангах 1722 г. служащие гражданских ведомств подразделялись на чиновников высших (I—V), средних (VI—VIII) и низших (IX—XIV) классов. Вне Табели находились лица, не имевшие классных рангов, занимавшие канцелярские должности. В местных государственных учреждениях высшими считались чины действительного статского советника (IV класс) и статского советника (V класс).

[6] См.: Свод законов Российской Империи. — Т. 3. — Кн. 1. — СПб., 1842. — Ст. 10.

[7] *Камоско Л. В.* Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30—80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. — 1970. — № 10. — С. 206.

[8] См.: Калужские Губернские Ведомости. — 1859. — №. 33. 15 авг. — Часть неофициальная.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕПИСИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАЛУГЕ И КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923 г.

***И. В. Удовиченко**, учитель, МОУ Гимназия г. Малоярославца*

На протяжении восьми лет своей деятельности, с 1918 по 1926 г. Калужское Губстатбюро периодически проводило различного вида переписи, а также выборочные обследования промышленности и сельского хозяйства. Перепись городского населения Калужской губернии состоялась в марте 1923 г. согласно установленному ЦСУ календарному плану и носила комбинированный характер, включая как перепись собственно населения городских поселений, его владений и квартир, так и перепись промышленных предприятий и торговых заведений. На 15 марта 1923 г. перепись охватила 21 городской пункт, из них 12 уездных городов, 3 заштатных города (Сухиничи, Серпейск и Воротынск) и 6 поселений городского типа: Дугна, Мятлево, Полотняный Завод, Кондрово, Троицкое и Песоченский Завод. Общая численность населения по указанным населенным пунктам составила 95 842 человека обоего пола, из них 44 459 — мужского пола (46% всего населения Калужской губернии) и 51 383 — женского пола (54% населения губернии)[1].

По количеству населения бесспорно 1-е место принадлежало губернскому центру — Калуге. Здесь на момент проведения переписи проживало 43 379 человек обоего пола (20 130 мужчин и 23 249 женщин). Остальные поселения городского типа по количеству населения в нисходящем порядке располагались следующим образом (см. таблицу 1).

Следует особо отметить, что при проведении переписи много внимания уделяли половому составу населения и его соотношению в городском населении. В результате была выявлена следующая пропорция: на 1 000 мужчин приходилось 1 150 женщин. Между тем подобное соотношение полов в 1920 г. было совсем иным, а именно: на 1 000 мужчин приходилась 1 261 женщина[2]. В любом случае численный перевес женщин среди городского населения как в 1920, так и в 1923 г. был весьма значительным, что само по себе весьма примечательно.

Данные переписи показали, что женский пол преобладал над мужским во всех возрастных группах, на которые в статистических целях было разбито все городское население. Особенно сильный перевес женщин над мужчинами наблюдался в возрастной группе 60 и более лет, где женщин оказалось в два раза больше, чем мужчин. Соответственно 5 032 женщины против 2 598 мужчин[3].

Помимо полового состава населения, при проведении переписи сотрудников Губстатбюро интересовал и возрастной состав. Как уже было отмечено выше все население городов и поселков городского типа было разбито по 10-летним возрастным группам. Всего

Таблица 1. **Городское население в Калужской губернии в 1923 г.**

Название поселения городского типа	Мужчины	Женщины	Обоего пола
Сухиничи	3 063	3 494	6 557
Малоярославец	2 513	2 644	5 157
Боровск	2 217	2 720	4 937
Козельск	2 264	2 656	4 920
Медынь	1 978	2 252	4 230
Полотняный Завод	1 607	1 780	3 387
Мещовск	1 305	1 519	2 824
Мосальск	1 077	1 282	2 359
Кондрово	906	1 065	1 971
Перемышль	876	1 013	1 889
Лихвин	862	944	1 806
Юхнов	793	1 008	1 801
Троицкое	826	972	1 798
Таруса	783	1 000	1 783
Спас-Деменск	814	854	1 668
Дугна	517	604	1 121
Мятлево	540	555	1 095
Песоченский Завод	484	591	1 075
Серпейск	471	573	1 044
Воротынск	433	608	1041

было выделено 7 возрастных групп, а лица, чей возраст точно определить не представлялось возможным, были выделены в отдельную группу. Итоги переписи по возрастным группам оказались следующими (см. таблицу 2):

Таким образом, наибольшее количество городского населения принадлежало к возрастной группе от 10 до 19 лет — 24,3 % всего городского населения. За этой группой следуют возрастные группы до 10 лет и от 20 до 29 лет[4]. Следовательно, мы можем сделать вывод, что значительная часть городского населения Калужской губернии относилась к молодежи. Доля детей, подростков и молодых людей в целом среди городского населения была преобладающей.

Перепись 1923 г. зарегистрировала среди городского населения представителей 27 национальностей. Подавляющее большинство городского населения губернии составляли русские, в материалах переписи обозначенные как великороссы. Из общего количества населения в 9 5842 человека русских насчитывалось 92 963 человека. Интересно, что 2-е место заняли евреи. Их общая численность составила 1 387 человек. Следующим по численности населения этническим сообществом оказались поляки. В Калужской губернии их проживало 359 человек, то есть ненамного больше чем украинцев и белорусов, которые заняли соответственно 4-е и 5-е места. Согласно переписи, в 1923 году в губернии проживало всего 348 украинцев и 224 белоруса[5].

Принципиально значимым для сотрудников Губстатбюро был социальный состав городского населения Калужской губернии, профессиональные занятия горожан, источники заработка, а также семейное положение. Все эти аспекты нашли свое отражение в материалах переписи.

При проведении переписи все городское население губернии разбили на две основных группы: городское самодеятельное население и несамодеятельное городское население. К группе самодеятельного населения были отнесены все граждане, начиная с 10-летнего возраста, имеющие какое-либо занятие, дающее заработок или доход, позволяющий им

Таблица 2. **Возрастной состав городского населения в Калужской губернии в 1923 г.**

Граждане в возрасте:	Количество человек
до 10 лет	17 901
от 10 до 19 лет	23 239
от 20 до 29 лет	16 873
от 30 до 39 лет	12 845
от 40 до 49 лет	9 602
от 50 до 59 лет	7 704
от 60 лет и старше	7 630
Граждане, чей возраст точно установить не удалось	48

самостоятельно существовать. Примечательно, что к этой категории граждан были также отнесены и безработные. В материалах переписи они были обозначены как лица, которые обычно живут на получаемую зарплату, но в момент переписи не имели работы.

Общая численность самодеятельного городского населения Калужской губернии по переписи 1923 г. составила 40 038 человек. Сюда были включены и безработные в количестве 5 310 человек обоего пола[6].

При определении социального состава городского самодеятельного населения исследования проводились только в той части населения, которая в момент переписи имела определенный заработок или доход, позволяющий им самостоятельно существовать. Всего в эту группу вошло 34 728 человек. Были выделены следующие социальные группы: рабочие, прислуга, служащие, хозяева, лица свободных профессий, помогающие члены семьи и прочие занятия. Но если в отношении первых четырех групп все достаточно ясно, то на трех последних группах следует остановиться подробнее. Кто вошел в эти социальные группы? По какому принципу шло распределение граждан по этим группам?

Каждая из этих групп, в свою очередь, была разбита на несколько подгрупп. Например, группа лиц свободных профессий включала в себя три подгруппы. К первой подгруппе — подгруппе техников, медиков и педагогов были отнесены инженеры и архитекторы, зубные врачи, фельдшеры и акушерки, учителя и репетиторы, ветеринары и коновалы.

Писатели, артисты, музыканты, художники и адвокаты вошли во вторую подгруппу — подгруппу художников и адвокатов. Отдельную подгруппу служителей культов составили православные священники и диаконы, православные монашествующие и священнослужители прочих культов[7].

К группе помогающих членов семьи были отнесены представители таких совершенно разных профессий как огородники и садоводы, портные и закройщики, модистки, шляпницы и корсетницы, белошвейки, швеи, вышивальщицы, сапожники и башмачники[8].

Особый интерес представляет последняя социальная группа, обозначенная обобщенным названием «прочие занятия». Данная группа включает три подгруппы: рентьеры, деклассированные группы, иждивенцы государственных и общественных учреждений. В первую подгруппу вошли домовладельцы и спекулянты. К деклассированным элементам совершенно справедливо были отнесены нищие и проститутки. И хотя их выделили в отдельную подгруппу, никаких сведений о численности этих граждан по губернии нет, из чего можно сделать предположение, что учет деклассированных элементов во время переписи даже не проводился. К иждивенцам государственных и общественных учреждений сотрудниками Губстатбюро были отнесены дошкольники в приютах и детских домах, учащиеся в интернатах, инвалиды и прочие призреваемые, кроме детей, а также больные в больницах и санаториях, заключенные в местах заключения и учащиеся, живущие на стипендию или получающие государственные пайки[9].

В целом перепись 1923 г., проведенная среди городского самодеятельного населения, дала следующие результаты, представленные в таблице 3:

Таблица 3. **Социальный состав городского населения в Калужской губернии в 1923 г.**[10]

Социальные группы	Мужчины	Женщины	Обоего пола
рабочие	6 191	1 836	8 027
прислуга	399	1 013	1 412
служащие	7 966	3 971	11 937
лица свободных профессий	207	65	272
хозяева	4 373	1 141	5 514
помогающие члены семьи	780	784	1 564
прочие занятия	2 855	3 147	6 002
Всего	22 771	11 957	34 728

В свою очередь та часть населения, которая не принимала непосредственного участия в добывании средств к существованию, а жила за счет кого-либо из самодеятельных близких и родственников, составила отдельную группу несамодеятельного городского населения.

Общее количество городского несамодеятельного населения в возрасте от 10 лет и старше по переписи 1923 г. составило 37 903 человека — 39,5% всего городского населения Калужской губернии. Группа детей в возрасте до 10 лет общим количеством 17 901 человек, или 18% всего городского населения, также была отнесена к категории несамодеятельного населения, так как в огромном большинстве малолетние дети, за весьма незначительным исключением, жили на средства самодеятельной части населения[11].

По количеству несамодеятельного населения (старше 10 лет) первые места заняли Сухиничи (47% от всего населения города) и Мосальск (46%). Далее шли Юхнов (45%), Козельск (44%) и Спас-Деменск (44%)[12].

Отдельную группу городского населения составили безработные. Их общее количество перепись 1923 г. определила в 5 310 человек обоего пола, из них 2 576 мужчин и 2 734 женщин. Как и следовало ожидать, безработных женщин оказалось немногим больше, чем безработных мужчин. Большинство безработных было в возрасте от 20 до 29 лет — это 39,8 % всех безработных.

По социальному положению большинство безработных принадлежало к категории служащих — 2 965 человек (1 289 мужчин и 1 676 женщин). Среди рабочих 1 267 человек числились как безработные. В группе прислуги насчитывалось 388 безработных, причем подавляющее большинство безработных в этой группе — 290 человек — составляли женщины. Примечательно, что безработные оказались даже среди лиц свободных профессий. Всего их насчитывалось 5 человек, и все они были мужчины[13].

Особое внимание при проведении переписи статисты уделили семейному положению граждан. Из общего количества самодеятельного населения в 40 038 человек (вместе с безработными) состоящими в браке оказалось 19 327 человек, холостых — 15 687 человек, вдовых — 4 584 человека и разведенных — 440 человек.

Остановимся более подробно на семейном положении мужского и женского самодеятельного городского населения. Мужского городского самодеятельного населения старше 10 лет по переписи 1923 г. насчитывалось 25 347 человек. Более половины этого населения состояли в браке — всего 15 675 мужчин. Холостые мужчины составляли 1/3 населения — 8 655 человек, что для такой небольшой губернии является довольно высоким показателем. Вдовцов было 891 человек или 3,5%, а разведенных — 126 человек или 0,5% всего самодеятельного мужского населения. Наибольшее количество женатых мужчин были в возрасте от 30 до 39 лет — 5 072 человека, а наименьшее — в возрасте 15—19 лет — всего 39 человек. Разумеется, вдовцов больше всего насчитывалось в старших возрастных группах от 50 до 59 лет и от 60 лет и старше, в молодом возрасте их сравнительно немного (29 человек в возрасте от 20 до 29 лет). Разведенных мужчин было более всего в возрасте от 30 до 39 лет — 43 человека и 34 человека в возрасте от 40 до 49 лет.

Общая численность женского городского самодеятельного население старше 10 лет оказалась существенно меньше — всего 14 691 человек. По семейному положению оно распределялось следующим образом: замужние женщины — 3 652 человека, девицы — 7 032 человека, вдов насчитывалось 3 693 женщины и 314 женщин были в разводе. Примечательно, что незамужние девушки составили 47,8% всего женского городского населения против только 24,8 % замужних женщин. Замужних женщин насчитывалось более всего в возрасте от 20 до 29 лет — 1 406 человек и в возрасте от 30 до 39 лет — 1 193 человека. Вдовых женщин более всего насчитывалось в возрасте от 40 до 49 лет. Женщин, состоящих в разводе, больше всего приходилось на возрастную группу от 20 до 29 лет — 137 человек и группу от 30 до 39 лет — 111 человек[14]. Интересно, что по результатам переписи вдовых женщин оказалось в четыре раза больше, чем вдовцов. На наш взгляд, подобную демографическую ситуацию в губернии можно объяснить последствиями Первой мировой и Гражданской войн. Разведенных женщин оказалось в два раза больше, чем разведенных мужчин. Вероятно, это явилось прямым следствием легализации разводов и той политики феминизации, уравнивания в правах мужчин и женщин, которую в 20-е годы проводила советская власть.

Анализируя материалы городской переписи 1923 г., представленные в Статистическом сборнике мы можем сделать вывод, что при проведении исследований калужских ученых-статистов в первую очередь интересовали половой и возрастной состав городского населения, социальное положение горожан и их профессиональные занятия.

Примечания

[1] См.: Отчет Калужского Губернского Исполнительного Комитета с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. — Калуга, 1925. — С. 78.
[2] См.: Статистический сборник / Под ред. зав. Губстатбюро В. И. Сосницкого. — Калуга, 1925. — С. 20.
[3] См. там же. — С. 21.
[4] См. там же. — С. 22.
[5] См. там же. — С. 20.
[6] См. там же. — С. 24.
[7] См. там же. — С. 36.
[8] См. там же. — С. 39.
[9] См. там же. — С. 40.
[10] См. там же. — С. 24.
[11] См. там же. — С. 43.
[12] См. там же. — С. 44.
[13] См. там же. — С. 45.
[14] См. там же. — С. 42.

П. М. ГОЛУБИЦКИЙ И НАРОДНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

***А. В. Ковалев**, к.и. н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Данная тема актуальна, так как в 2015 году исполняется 170 лет со дня рождения изобретателя, пионера телефонии Павла Михайловича Голубицкого (1845—1911) и 110 лет завершения русско-японской войны 1904—1905 гг. Обзор литературы убеждает, что творчество и жизнь П. М. Голубицкого изучены, созданы обобщающие труды, однако бытование П. М. Голубицкого в период войны на Дальнем Востоке в них мало отражено[1]. В то же время в изучении войны 1904—1905 гг. пожертвования населения рассмотрены еще недостаточно, и это при том, что пожертвования являются отражением восприятия войны населением. Особенно мало мы знаем о бытовой, повседневной стороне пожертвований.

Источниковой базой исследования стали документы официального происхождения, которые хранятся в ГАКО (Канцелярия губернатора, Ф. 32). Это донесения самого П. М. Голубицкого в Калугу о сборе пожертвований и документы, выражавшие реакцию на них. Временные рамки этих документов ограничиваются первыми месяцами 1904 г. Однако они позволяют увидеть организацию и бытовую сторону пожертвований, масштабы пожертвований в данной местности, настроения людей. Важно, что П. М. Голубицкий, являясь чиновником, остается в официальных бумагах искренним и эмоциональным человеком. По сравнению с донесениями других земских начальников, тексты П. М. Голубицкого подробнее, прочувствованнее, глубже.

Итак, с началом войны в Манчжурии выяснилось, что действующая армия нуждается в самых разных бытовых предметах. Об этом говорит телеграмма от 20 февраля 1904 г. генерала В. Е. Флуга, генерал-квартирмейстера полевого штаба наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева. Согласно телеграмме, «желательно для войск края получить: белье, папиросы, табак, сапоги, портянки летние, иголки, нитки, пуговицы, мыло, почтовую бумагу, конверты…»[2]

Чтобы хотя бы частично решить эту проблему и дать населению реализовать свои патриотические чувства, во многих губерниях Российской империи были образованы дамские комитеты. Они сотрудничали в сборе пожертвований с Красным Крестом, со Складом государыни императрицы Александры Федоровны, с местными чиновниками и органами власти. Такой комитет возник и в Калужской губернии во главе с супругой губернатора А. А. Офросимова Лидией Павловной.

Одним из местных чиновников, сотрудничавших с комитетом Л. П. Офросимовой, был земский начальник 1-го участка Тарусского уезда Калужской губернии Павел Михайлович Голубицкий. Напомним, что в ту пору 1-й участок Тарусского уезда включал 4 волости и 83 населенных пункта (деревень, сел и селец)[3]. Посмотрим, что же ему удалось сделать.

Как пишет сам П. М. Голубицкий, «самая главная часть пожертвований идет от крестьянок вверенного мне участка». В кампании приняли участие 19 деревень, сел и селец Исканской волости, 16 — Троицкой волости, 18 — Высокиничской волости, 8 — Буриновской волости. Таким образом, в дело включились 4 из 4 волостей и 61 из 83 населенных пунктов: охват широкий. Всего от крестьянок участка поступило «ситца 33¾ аршин, холста 6 580 аршин, полотенец 129, платков 23, ниток 2 ½ пуда, готовых рубашек 16 штук, кальсон 7 штук, денег 44 рубля 5 копеек»[4].

Складывается впечатление, что П. М. Голубицкий при сборе пожертвований проявил энергию и распорядительность, охватив значительную территорию своего участка. Земский начальник зачастую использовал местную крестьянскую администрацию, он пишет, что нередко собирал вклады «чрез посредство сельских старост», а вот для контактов с городскими жителями, «фабрикантами и купцами» отправлялся лично.

Очевидно также, что П. М. Голубицкий торопился. Он был знаком с телеграммой генерала В. Е. Флуга от 20 февраля о нуждах солдат, которая была опубликована. П. М. Голубицкий также понимал, что скоро начнется весенняя распутица, передвижение и перемещение грузов по участку и губернии в целом станет затруднительным. П. М. Голубицкий мог предполагать, что стоявшие в губернии войска будут отправлены на Дальний Восток (что и произойдет в мае 1904 г.) и стоит поспешить с изготовлением вещей до этого, пусть и условного, срока. Забегая вперед, скажем, что свою задачу П. М. Голубицкий решил, пожертвования были собраны, обработаны и отправлены в течение примерно месяца, к концу марта — началу апреля 1904 г.[5]

Также ясно, что деятельность земского начальника встречала положительное отношение населения, в первую очередь крестьянского. П. М. Голубицкий имел вес и пользовался уважением. Ничего удивительного в этом нет, так как во время службы земским начальником он сделал немало добра для местного люда: правосудие, школьное образование, библиотеки, комитет народной трезвости, пожарное общество — лишь часть того, за что жители были благодарны П. М. Голубицкому[6].

Видимо, общее количество жертвователей из крестьянской среды было огромным, так как П. М. Голубицкий пишет: «У меня имеются самые подробные списки каждого по-

жертвованного аршина холста и, следуя примеру газет, печатающих о каждой пожертвованной копейке, пришлось бы представить бесконечный список жертвователей»[7].

П. М. Голубицкий указал и часть пожертвований, сделанную женами священнослужителей — 2½ аршин холста, ½ фунта ниток и 2 полотенца. Доля вклада людей церкви была невелика[8].

Земский начальник постарался затронуть и другие социальные слои. Причем он не ограничился контактами с лицами, жившими на его территории, но также собирал пожертвования в Тарусе и Серпухове. Из наиболее крупных жертвователей, не относящихся к крестьянскому сословию, П. М. Голубицкий выделяет представителей местных торгово-предпринимательских кругов. Тарусский купец И. Ф. Попов пожертвовал 64 аршин цветной и 162 аршина суровой бумазеи, серпуховская купчиха А. В. Мараева — 2 куска (129 аршин) ситца «под рубашки». Товарищество мануфактур И. И. Коншина в г. Серпухове пожертвовало «20 кусков ситца на рубашки»[9].

Не забыты и меньшие пожертвования для шитья одежды — «по мелочи материал для рубашек». От тарусского купца И. Ф. Макаренко получено 10 аршин ситца, 24 дюжины пуговиц и 45 аршин тесьмы; от торгующей в Тарусе Алексеевой — 5 аршин ситца, от серпуховского купца С. Д. Кузмичева — 25 аршин ситца, от И. Ф. Фетисова — короб пуговиц и дюжина катушек ниток[10].

Но одним сбором материалов П. М. Голубицкий не ограничился. Он создал условия для изготовления одежды для солдат. Видимо, местом изготовления одежды стала усадьба в селе Салтыково, которая принадлежала второй жене П. М. Голубицкого и стала местом его пребывания с 1901 г. (печально известный пожар в мастерской в имении в сельце Почуево уже произошел)[11]. В разных донесениях П. М. Голубицкого говорится, что работы велись в доме жены или «у меня дома», что, видимо, означало одно и то же. Главную роль в организации изготовления вещей на месте, вероятно, сыграла супруга П. М. Голубицкого Мария Эварестовна. Похоже, она оказалась женщиной властной и пользовалась у местного населения известным авторитетом.

В усадьбе была организована мастерская, которой заведовала Мария Эварестовна, причем большую помощь ей оказала умелая портниха — крестьянка с. Гостешево Елизавета Федоровна Полякова. Любопытно, что вопреки тогдашним правилам написания отчеств, по которому отчества привилегированных лиц заканчивали на «вна», а «простых» — на «ва», П. М. Голубицкий пишет в официальной бумаге отчество крестьянки-помощницы по тому же правилу, что и отчество жены; это признак уважения и широких взглядов. В мастерской несколько дней подряд работала артель крестьянок-поденщиц из деревни Услимово. Постоянно работало по 4 женщины, которые ежедневно сменялись. Рабочий день был очень напряженным, начинали в 8 ч. утра и трудились до 1 ч. ночи. Работали бесплатно. Особенно отличилась Е. Ф. Полякова, которая «пробыла 11 рабочих дней». В течение отведенного времени крестьянки раскроили материал и создали нужное количество образцов вещей. Затем скроенное вместе с образцами выдали сельским старостам, которые передали это другим крестьянкам для работы по месту жительства. Итак, помимо Услимово, к изготовлению вещей было привлечено еще 12 сел и деревень[12].

Отзывы П. М. Голубицкого подчеркивают заинтересованность и высокое качество работы крестьянок: «Крестьянки… всю работу выполняли очень охотно и аккуратно». «Все вещи были сшиты крестьянками… вполне хорошо, добросовестно и соответственно образцам». «Крестьянки не только с полною охотою брались за работу, но даже обижались, что некоторым из них не хватало ее»[13]. Кстати, ниток не выдавалось, женщины охотно шили собственными[14].

Мастерская была устроена рачительно. Голубицкие добивались, чтобы ничего не пропало даром. Во-первых, не весь холст годился для шитья одежды. Часть наиболее грубого холста пошла на заготовление мешков для упаковки, а остатки проданы (15 аршин по 6 копеек и 35 аршин по 7 копеек за аршин всего на сумму 3 рубля 35 копеек). Во-вторых, при кройке появились обрезки (8 пудов 13 фунтов), которые также не выбросили, а продали на Троице-Дашковскую бумаго-картонную фабрику по цене 2 рубля за пуд, всего на сумму 16 рублей 65 копеек. На вырученные деньги, сложив их с пожертвованными, было

закуплено, помимо прочего (тесьмы, миткаля, ситца, бечевы, шнурков) еще 304 аршина холста, которые также пошли на пошив вещей[15].

Итак, крестьянками, главным образом из крестьянских же материалов, было сшито 733 штуки портянок, 524 штуки кальсон и 433 штуки рубашек (83 холщевые и 350 ситцевые)[16].

Помимо материалов на пошив одежды, П. М. Голубицкий собирал для солдат и другие вещи. Поступил вклад от Троице-Дашковской бумаго-картонной фабрики (ящик почтовой бумаги — около 90 пачек, 3000 конвертов и 10 стоп раскурочной бумаги). Лично от директора Троицко-Дашковской картонно-бумажной фабрики Г. А. Штейнгагена было получено большое количество упаковочного материала (30 укупорочных рогож, 7 фунтов бечевы и 1 фунт сшивки).

В Тарусе и Серпухове городские жители передали для солдат около 70 фунтов табака и махорки. Кое-что добавили и представители торговых слоев в Серпухове и Тарусском уезде: от Л. И. Мясниковой — 10 укупорочных рогож, от И.П. Саловьянова пачка шил (36 штук), по 10 рублей от И. М. Костякова и П. В. Поповой[17].

Часть предметов была отправлена в Калугу непосредственно самими жертвователями (например, бумага из Троице-Дашковской фабрики). Об остальном нужно было позаботиться земскому начальнику. Вещи были упакованы основательно: «Все отправленные… предметы сначала укладывались в холщовый мешок, а затем он зашивался в 3 рогожки, и, наконец, перевязывался веревкой». На упаковке помечалось, что грузы предназначены для солдат на Дальнем Востоке. Вещи требовалось не только упаковать, но и отослать, на что ушла часть пожертвованных денег, так что в Калугу был отправлен лишь остаток в размере 8 рублей 85 копеек[18].

Часть груза было выслано по сухому пути в конце марта 1904 г., как писал П. М. Голубицкий, как можно скорее, «ввиду наступающей распутицы». Это были места (тюки, ящики) под № 1—10. В начале апреля, видимо, когда пересылка по суше усложнилась, оставшаяся часть — места № 11 и № 12 были переправлены до Калуги по реке Оке пароходом[19].

В сопровождение к грузам П. М. Голубицким в канцелярию губернатора были присланы списки содержимого посылок. Кроме того, земский начальник сообщил губернатору о «сердечной отзывчивости населения вверенного мне участка на дело пожертвований, вызванных войною» и попросил о публикации сведений о пожертвованиях его участка в «Калужских губернских ведомостях» - не ради себя, а в надежде, что это «поможет и на будущее время сохранить добрые патриотические настроения населения вверенного мне участка». Губернатор действительно дал распоряжения о помещении информации в газете (30 марта и 19 апреля 1904 г.)[20].

Грузы были переданы на Склад государыни императрицы Александры Федоровны для вещей в пользу воинов на Дальнем Востоке[21]. Более того, супруги Голубицкие и, конечно, все жертвователи получили благодарность из Санкт-Петербурга. 10 апреля 1904 г. пришел ответ из Канцелярии ее величества государыни императрицы Александры Федоровны. Согласно документу, «ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА, осведомившись о доставлении в склад ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА в пользу воинов на Дальнем Востоке… ящиков с бельем и другими вещами, изготовленными в доме жены Земского Начальника 1 участка Тарусского уезда М.Е. Голубицкой из материала, пожертвованного крестьянским населением участка, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелеть соизволила благодарить от имени ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА за пожертвование». Бумага была подписана секретарем императрицы графом Я.Н. Ростовцевым. Позже, в мае 1904 г., последовала новая благодарность от руководства Склада государыни императрицы Александры Федоровны, подписанная княгиней Е.Н. Оболенской. Благодарность из Зимнего дворца была передана губернатором супругам Голубицким для ознакомления всех жертвователей[22].

Подведем итоги. Наши данные позволили увидеть организацию и бытовую сторону пожертвований времен русско-японской войны 1904—1905 гг., оценить место П. М. Голубицкого в этих событиях. Стало понятно, на примере 1-го участка Тарусского уезда Калужской губернии, что на начальном этапе война могла встретить глубокий отклик в разных

слоях провинциального населения, особенно среди крестьян. Видно, что энергичный и пользовавшийся доверием людей земский начальник вполне мог наладить сбор, обработку и пересылку пожертвованных вещей. И здесь как добросовестный руководитель и человек долга проявил себя П. М. Голубицкий.

Примечания

[1] См.: *Яроцкий А. В.* Павел Михайлович Голубицкий. — М.: Наука, 1976. *Бучарский В. В.* У телефона Голубицкий. — Калуга: ГУП «Облиздат», 1999; *Щербаков В. В.* Голубицкий. — Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2008.

[2] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. — Вып. 1. — СПб., 1904. —С. 51.

[3] См.: Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1905 год / Под ред. И. П. Балабанова. — Калуга, 1904. — Отд. III: Справочные сведения. — С.172; *Щербаков В. В.* Голубицкий. — С. 139.

[4] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1132. Л. 268—271. Дело по привлечению к пожертвованиям лиц, занимающихся выделкой кож и торгующих сапожным товаром для снабжения сапогами военных частей и о сборе пожертвований Дамским комитетом, для организации помощи семьям воинов.

[5] См. там же. Л. 241.

[6] См.: *Щербаков В. В.* Голубицкий. — С. 138—145.

[7] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1132. Л. 268.

[8] См. там же. Л. 271.

[9] Там же. Л. 272.

[10] См. там же. Л. 272.

[11] См.: *Щербаков В. В.* Голубицкий. — С. 114, 117.

[12] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1132. Л. 241, 272.

[13] Там же. Л. 241, 268, 272, 273.

[14] См. там же. Л. 273.

[15] См. там же. Л. 241, 273.

[16] См. там же.

[17] См. там же. Л. 273.

[18] См. там же. Л. 242, 273, 274.

[19] См. там же. Л. 241, 242, 274.

[20] См. там же. Л. 249, 276а.

[21] См. там же. Л. 248, 284.

[22] Там же. Л. 275, 276, 282, 284.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И РАЙОННОГО ЦЕНТРА пос. БЕТЛИЦЫ

***А. А. Оленичев**, г. Киров*

В 2014 г. исполнилось 75 лет со дня образования современного Куйбышевского района Калужской области. Но наверняка мало кто знает, что району, как административно-территориальной единице, гораздо больше лет, так как фактически он является преемником Мокровского района, созданного еще в 1929 г. и послужившего своего рода основанием для формирования на его основе в последующем Куйбышевского района.

В начале XX в. современная территория Куйбышевского района Калужской области входила в состав Калужской губернии. Губерния, в свою очередь, делилась на уезды, уезды делились на волости. Территория современного Куйбышевского района большей своей частью входила в состав Жиздринского уезда, а небольшая часть — в Мосальский уезд [12; 13].

Крупными и значимыми реформами Советской власти являлись изменения в территориально- административном устройстве государства. Была изменена старая, существовавшая около 200 лет административная система государства. Вместо губерний, уездов, волостей, создавалась новое административно-территориальное деление в виде: областей, районов, сельских Советов.

Через десять лет после Октябрьской революции началось преобразование старой административно — территориальной структуры страны: губернии начали укрупнять, образовались огромные по размерам области. Уезды и волости ликвидировались, вместо них образовывались районы, которые в свою очередь делились на сельские советы [13; 16].

В 1929 г. создается Западная область с административным центром в г. Смоленске. В ее состав вошли: Брянская и Смоленская губернии, а также части Калужской и Тверской губерний. Западная область состояла из 125 районов, общая площадь — 163 827 кв. км, с населением — 6 778,4 тыс. человек [14; 15].

17 июня 1929 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление «О составе округов и районов Западной области», по которому, в числе прочих, создавался и Мокровский район с центром в селе Мокрое [8; 17; 19].

Мокровский район состоял из 28 сельсоветов, 447 населенных пунктов, в которых тогда проживало 48 040 человек, а площадь территории составляла 1 124 кв. км [10].

Впрочем, проекты укрупнения и дальнейшего реформирования вновь созданных территориальных единиц продолжались и в последующие годы. Было принято Постановление ВЦИК от 1 января 1932 г. «О сокращении сети районов Западной области». Так, Мокровский район в 1932 г. был расформирован, а его территория распределена между соседними районами. Сельсоветы Мокровского района присоединили: Дяглевский, Желонский, Жерелевский и Новосельский — к Спас-Деменскому району; Высокский, Петровский, Троицкий, Усохский, Шоховский и Холмовский — к Екимовичскому району; остальные сельсоветы — к Песоченскому району [3; 18]. Одновременно с ним были ликвидированы еще 18 районов Западной области.

Однако позже власти пришли к мнению, что большие по количеству населения и площади административно-территориальные единицы (новые области) были плохо управляемы. И вновь встал вопрос об их разукрупнении. В 1937 г. гигантская Западная область была разделена на ряд самостоятельных субъектов: Смоленскую область (площадь — 72,2 тыс. кв. км, с населением 2 690,8 тыс. человек) с центром в г. Смоленске, и Орловскую область (площадь 65,4 тыс. кв. км, с населением 3482,4 тыс. человек) с центром в г. Орле [14; 15].

Чуть позже очередь дошла и до районного уровня: 16 мая 1939 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Куйбышевского и Семлевского районов в Смоленской области». По этому указу, в порядке разукрупнения районов, образовывался Куйбышевский район с центром в с. Мокрое. В состав Куйбышевского района вошли: от Кировского района — 12 сельских советов, 185 населенных пунктов, с населением 20 168 человек; от Екимовичского района — 9 сельских советов, 159 населенных пунктов, с населением 18 821 человек; от Спас-Деменского района — 2 сельских совета, с населением 4 844 человека.

Вновь созданный район включал в себя площадь 1185,4 кв.км, состоял из 23 сельских советов, 365 населенных пунктов, с 38 830 жителями [4; 7].

Хочется отметить следующее: если бы раньше, в 1929 г., не был бы образован Мокровский район, то, скорее всего, территория современного Куйбышевского района была бы с тридцатых годов поделена между пограничными районами Калужской и Смоленской областей. Созданный же в конце двадцатых годов Мокровский район, можно сказать, послужил основанием и прообразом современного Куйбышевского района.

В ходе Великой Отечественной войны, с целью восстановления разрушенного во время военных действий народного хозяйства и более эффективного управления, 5 июля 1944 г. была создана Калужская область, в состав которой вошел и Куйбышевский район [13].

В период хрущевского правления вновь были проведены административные преобразования (1962—1965), когда из 26 районов области было образовано 6 сельских районов, а промышленные предприятия вошли в состав промышленных районов. Куйбышевский район был передан Кировскому территориальному району. Но вскоре эта волюнтаристская затея приказала долго жить, и все стало на круги своя.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. «Об изменениях в административно-территориальном делении Калужской области» и решением исполкома Калужского областного Совета депутатов трудящихся от 13 января 1965 г., в области образовывались 19 районов, в их числе и Куйбышевский район [1].

В состав Куйбышевского района вошли 12 сельсоветов, образовывалось производственное управление сельского хозяйства, в состав которого входили 17 колхозов и 3 совхоза. Территория района составляла 1 203 кв. км, численность населения около 25 тысяч человек [6; 11].

Хотелось бы также отметить, что история Куйбышевского района неразрывно связана с его административным центром- поселком Бетлица, который является почти «ровесником» района и имеет интересную историю. В 20-х гг. прошлого века правительство СССР приняло решение о строительстве железнодорожной магистрали Сухиничи—Рославль, от г. Сухиничи (Калужская область) до г. Рославля (Смоленская область). Цель строительства — сооружение дополнительных путей сообщения центра Европейской части и Москвы с западными регионами страны. Новая магистраль имела большое значение для транспортировки грузов и роста пассажирских перевозок, а также ей придавалось стратегическое значение на случай военной угрозы. Эта дорога должна была проходить и по территории современного Куйбышевского района.

В 1929 г. началось строительство магистрали Сухиничи—Рославль. Дорогу сооружала крупная специализированная организация — «Желдорстрой». На строительстве дороги принимали активное участие и жители близлежащих деревень Мокровского района. В процессе проектирования и строительства железнодорожной магистрали была образована станция Бетлица. В 1935 г., 24 октября, железнодорожная линия Рославль—Сухиничи протяженностью 183 километра была построена и передана в постоянную эксплуатацию [9].

С этого момента на дороге началось регулярное движение железнодорожного транспорта, стали функционировать и все построенные станции со всей инфрастуктурой. С этой даты на станции Бетлица начали останавливаться поезда, доставляя различные грузы, уезжали и приезжали пассажиры. Было построено деревянное здание вокзала, несколько домов (казармы) для проживания железнодорожников. Кстати, один из тех домов сохранился до нашего времени, он отмечен памятной доской.

Таким образом, смело и доказательно можно утверждать, что день 24 октября 1935 г. является датой основания поселка Бетлица. К концу 30-х гг. при станции Бетлица был уже построен небольшой поселок, состоящий из нескольких домов, где проживали работники, обслуживающие эту железную дорогу, и их семьи. По документам 1939 года, в поселке при станции Бетлица проживало уже 62 человека.

В годы Великой Отечественной войны, во время боевых действий, районный центр Куйбышевского района — с. Мокрое — был практически разрушен. Вследствие этого исполком райсовета депутатов трудящихся и райком ВКП(б) ходатайствовали перед обкомом партии и облисполкомом о переносе районного центра: «Районный центр Куйбышевского района целиком уничтожен немецкими захватчиками в период временной оккупации района. Его целесообразно восстановить не в селе Мокрое, а на станции Бетлица, что значительно сократит всякого рода перевозки со станции в районный центр, даст возможность районному центру быстро вырасти в крупный благоустроенный населенный пункт».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 марта 1945 года районный центр был перенесен в поселок при станции Бетлица [2; 5]. С этого времени центр Куйбышевского района располагается в поселке Бетлица.

На сегодняшнее время территория муниципального района «Куйбышевский район» составляет 1 243 кв. км. Численность население района на 1 января 2013 года — 7,7 тыс. человек. В состав муниципального района входят 5 сельских поселений: СП «Поселок Бетлица», СП «Село Бутчино», СП «Село Жерелево», СП «Деревня Высокое», СП «Село Мокрое» [20].

Литература

1. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. (ГАДНИКО): Ф. 42. Оп. 37. Д. 1. Л. 18.

2. Там же. Ф. 42. Оп.1. Д. 64. Л. 12.

3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 89. Оп. 1. Д. 19. Л. 133.

4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3469. Оп. 1, Д. 4461, Л. 91, 96.
5. Там же. Ф. Р-883. Оп. 15. Д. 11. Л. 11,12.
6. Муниципальный архив Куйбышевского района Калужской области. Ф. 5. Д. 237. Л. 15.
7. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 184. Л. 325.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.
9. Там же. Ф. Р-2360. Оп. 2. Д. 1030. Л. 505.
10. Административно-территориальное деление Союза ССР: Районы и города СССР (на 1 января 1931 г.). — М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1931. — С. 20, 21.
11. Административно-территориальное деление Калужской области на 1 июля 1965 г. — Калуга, 1965. — С. 43—47.
12. Бетлица: Историко-краеведческий очерк. — Калуга: Изд.-пед. центр «Гриф». 1998. С. 12—13.
13. Калужская энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой, 2005. — С. 49, 50. 177—179. 230.
14. *Карелин Е.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917—1937 гг.). — М., 2014.
15. *Тархов С.* Изменение административно-территориального деления России в XIII—XX вв. // Логос. — 2005. — № 1 (46).
16. *Филимонов В. Я.* Как упразднили Калужскую губернию // Калуга в шести веках. Материалы 9-й городской краеведческой конференции. — Калуга, 2013. — С. 42—45.
17. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР (СУ РСФСР). — 1929. — № 10. — Ст. 116.
18. СУ РСФСР. — 1932. — № 15. — Ст. 75.
19. Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. — 1929, 20 июня. — № 139.
20. Официальный сайт муниципального района «Куйбышевский район» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www. betlica. ru/ (дата обращения: 28.02.2015).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИОНИФИКАЦИИ (ЦНИЛИ)

***О. В. Сёмочкина**, зав. музеем А. Л. Чижевского,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;
***В. П. Тихонов**, дир., завод «Диод» (г. Москва)*

В 1930-е гг. А. Л. Чижевский, не теряя контактов с лабораторией В. Л. Дурова, приступил к экспериментам в Арженке. Он уже имел связи с видными учеными мира (Париж и Нью-Йорк), был почетным академиком зарубежных храмов науки. Из ряда стран поступали запросы на прибор для получения ионов воздуха (электроэффлювиальную люстру), были предложения на покупку патента, от чего ученый решительно отказался, опубликовав соответствующую статью в газете «Социалистическое земледелие» 2 апреля 1931 г.

Страна жила под лозунгами наращивания производства во всех сферах. И поэтому в 1930 г. А. Л. Чижевский стал работать с птицей, так как ее стихией является воздух, предложив аэроионификацию, как одно из средств подъема сельского хозяйства. Председатель Птицетреста Наркомзема РСФСР Ф. В. Попов предложил ученому птицесовхоз «Арженка» в Рассказовском районе под Тамбовом, сказав, что дается 1—2 года для проведения опытов, и чтобы людей А. Л. Чижевский должен подобрать самостоятельно. Ученый согласился, но без гарантий. Руководителем работ стал 28-летнего Владимир Алексеевич Кимряков, позже его друг.

В конце августа А. Л. Чижевский и В. А. Кимряков приехали в «Арженку», где осмотрели место будущих работ и договорились с директором совхоза о строительстве опытного и контрольного птичников. Предстояло сконструировать и сделать аппаратуру для ионизации. 18 февраля 1931 г. были начаты первые опыты. Под ЦНИЛИ был отведен роскошный дворец тамбовского промышленника и фабриканта В. Т. Асеева. Ученый считал, что Арженка — новая эра в истории учения об аэроионификации. Директором ЦНИЛИ назначили А. Л. Чижевского. ЦНИЛИ — триумф и трагедия ионификации. Здесь выясня-

Фото 1. А. Л. Чижевский.

ли годится ли аэроионификация в промышленном птицеводстве? Средняя доза аэроионов была 10^4 в 1 $см^3$ по 1,5 час. Эксперименты дали ошеломляющие результаты: почти на 27% выше вес, намного меньше падеж (30% подопытного стада против 70% контрольного), авитаминоз поразил только около 6% подопытных цыплят и почти все стадо (90%) контрольных. В то время у подопытных кур было отмечено более интенсивное оперение, отложение жира, более ранняя половая зрелость и яйценоскость. Выяснялось и предположение: являются ли ионы профилактическим и терапевтическим фактором в борьбе с болезнями? Даже после летнего прекращения аэроионификации птичников вес подопытных цыплят был выше контрольных.

Для дальнейшего продолжения опытов нужны были деньги. С этой целью ученый встретился с наркомом земледелия Я. А. Яковлевым и доложил ему о результатах своих работ по аэроионификации. Итогом стало постановление Совнаркома СССР от 10 апреля 1931 г. об одобрении изобретения «в отношении ионизированного воздуха на рост животных, переданных профессором А. Л. Чижевским в распоряжение правительства Союза ССР», опубликованное в газетах «Правда» и «Известия». Ему были выделены 3 комнаты в коммунальной квартире. Ученый получил премии размером 10 000 руб. от Совнаркома и 4 000 рублей от Наркомзема СССР (протокол Наркомзема от 23 марта 1931 г.). На эти деньги привлекли к работе видных зоотехников, врачей, физиологов и биохимиков. Организатором научно-практических работ по аэроионификации птичников в «Арженке» был В. А. Кимряков. Вопросы промышленного производства курировали профессора Б. И. Куров и В. В. Фердинандов. Биологическое отделение возглавлял А. А. Предельский, который изучавший влияние аэроионов на эмбриональное развитие дрозофил, последействие аэроионов, значение дозировок, первичные механизмы биологической реакции на аэроионы, влияние аэроионов на митогенетический режим, сахар и щелочной резерв крови и т. д. Он показал роль легочного аппарата как первого приемника аэроионов и подтвердил противоположное влияние на организм аэроионов разной полярности.

Постоянным консультантом по физиологии был академик АН Украины А. В. Леонтович, курировавший исследования аэроионов на животных.

Ученому были выделены совхозы для опытов:

— «Вешки» (выделенный «Свиноводом», Подмосковье) — над свиньями;

— № 12 «Большевик» (выделенный «Овцеводом», Кабардино-Балкария — Северный Кавказ) — над овцами;

— «Молочное» (выделенный «Маслотрестом», Вологодский институт молочного хозяйства) — над крупным рогатым скотом;

— «Ильинское» (выделенный «Пушсиндикатом», Подмосковье) — над кроликами,

— «Марфино» (Тульский Всесоюзный научно-исследовательский институт пчеловодства, Подмосковье) — над пчелами;

— в селе Кузьминки (выделенный «Зернотрестом», Подмосковье) и в санатории им. В. Н. Нарчука (около Воронежа) — над семенами сельскохозяйственных растений.

В институте промышленного птицеводства в Загорске (ныне г. Сергиев Посад) планировалось открыть специальное отделение по ионификации (опыты с инкубируемыми яйцами), а в «Арженке» учредить всесоюзный институт по ионификации.

В ноябре-декабре 1931 г. А. Л. Чижевский отчитался о «новейших данных о влиянии электричества а выращивание скота и его здоровье». По приказу № 225 по Наркомату Земледелия от 12 октября 1931 г. ученому был установлен персональный оклад по Институту Животноводства в размере 700 руб. с 1 октября 1931 г.

Александр Леонидович в это время живет то в Москве, то в «Арженке», из хозяйств, где проводились опыты ему регулярно присылают отчеты по ионизации.

Районная газета «Вперед» и областная «Коммуна», и в частности корреспондент газет Б. А. Дьяков, берут шефство над станцией ученого, совхоз «Арженка» даже предлагается переименовать в совхоз им. Чижевского. Борис Александрович широко освещал в газете чудодейственные опыты ученого по воздействию на живой организм ионизированного воздуха и всячески популяризировал его научные идеи. В газетах регулярно появлялись статьи про работу станции, в которых и проявляется советский парадокс: с одной стороны рапорты о небывалом прибавке в весе у цыплят, а с другой — неразрешение простейших хозяйственных вопросов (отопление и уборка помещений, где содержались куры, их корм, равнодушие в проблемам вышестоящих органов и т. д.), в результате которых резко увеличивался падеж птицы. Хозяйственные вопросы района решались очень плохо, что не замедлило сказаться и на арженских опытах: не были построены птичники, поголовье птиц было больным.

На арженский период ЦНИЛИ приходится и единственный прижизненный фильм про А. Л. Чижевского «Ионизация. Открытие профессора А. Л. Чижевского». Тут же по этому фильму Б. А. Дьяков написал книгу «Революция в птицеводстве: Опыты по ионификации в совхозе “Арженка” (по материалам станции)».

Вместо помощи в разрешении хозяйственных вопросов в ЦНИЛИ зачастили проверки и бесконечно стали обсуждаться опыты ученого. Главным врагом Чижевского был директор Всесоюзного института животноводства Борис Михайлович Завадовский. Он с первых дней существования лаборатории Чижевского делал все, чтобы лабораторию закрыли. Открытый и резкий, честный и принципиальный, Чижевский не умел лавировать и прямо отвечал на нападки, что только ухудшало его положение.

Первая атака-погром Завадовским длилась с сентября 1931 г. по сентябрь 1932 г. Зоотехник Пахмурин, на общем собрании сотрудников совхоза пытался подорвать доверие к работникам станции и к самой проблеме аэроионификации, объявляя ионы нереальными, метафизическими вещами. После его посещения в секциях опытного птичника отравили мышьяком цыплят. Комиссия (профессор М. М. Гольдберг, приват-доцент В. А. Равич-Щерба и доктор С. В. Кауфман) дала в книге отзывов положительный ответ, напечатала нейтральную статью («Коммуна», 20 августа 1931 г.), а «вернувшись в Воронеж, врачи настрочили пасквиль, полностью очернявший всю нашу работу». Весной 1931 г. объявился один из первых и наиболее могущественных врагов применения аэроионификации в животноводстве — профессор Борис Михайлович Завадовский. Выступая с докладами в Коммунистической академии, в Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина

Фото 2. А. Л. Чижевский с сотрудниками.

(ВАСХНИЛ), он говорил о том, что аэроионы — сплошная выдумка, никаким биологическим действием они не обладают. Одновременно с этим во Всесоюзном институте животноводства (ВИЖ) профессор Б. М. Завадовский вместе с М. М. Аникиным, А. Р. Нейманом, Р. Перовским, С. С. Лепским и сотрудниками Всесоюзного института электрификации сельского хозяйства (ВИЭСХ) (ученый М. Г. Евреинова, Паньков, Е. И. Симон и М. Ф. Казанцев) боролись с аэроионификацией, утверждая, что ионы не оказывают никакого действия.

Ученый вспоминал: «В ноябре 1931 г. в редакции “Правды” по этому вопросу состоялось совещание… Кто же прав? Была избрана бригада журналистов, и им поручили исследовать этот вопрос. Быстро была собрана информация от сотрудников из мест, где мы производили опыты, взяли интервью у меня, у ряда больных, которых вылечили врачи — мои последователи, и получили мнение об этих опытах ряда крупных профессоров и академиков, в результате этой работы создалось впечатление, что меня немилосердно травят и хотят в корне уничтожить мое детище — аэроионификацию… Комиссия ВИЖа, организованная Б. М. Завадовским в конце 1931 г., сорвала всю работу Центральной научно-исследовательской лаборатории ионификации, затормозив ее ровно на 1,5 года».

Результатом этого совещания стали статьи в центральных газетах противоположного характера.

10 января 1932 г. в «Арженку» приехала комиссия, а затем 15 января 1932 г. в Москве в ВАСХНИЛе состоялась заседание Академии, на котором лицом к лицу столкнулись А. Л. Чижевский и его оппоненты во главе с Б. М. Завадовским. «Б. М. Завадовский, М. М. Аникин и другие имели страстное желание навсегда разделаться со мной… Вокруг аэроионизации был поднят такой гвалт, что работа стала уже почти невозможной». На том заседании единственные, брошенные А. Л. Чижевскому упреки были в том, что ученый наряду с аэроионификацией занимался гелиобиологией и писал стихи (брат Б. М. Завадовского М. М. Завадовский) и что ионы не дают никакого эффекта. Однако большинство членов (в том числе и президент ВАСХНИЛ Н. И. Вавилов) было за А. Л. Чижевского, который хотел уйти с поста директора ЦНИЛИ, дабы в спокойной об-

становке продолжить опыты по аэроионизации, но комиссия убедила ученого, что его опыты имеют большое значение для народного хозяйства. После двухчасовой речи Завадовского было решено перенести ЦНИЛИ из совхоза Арженка Тамбовского округа в студенческий дом им. Нарчука в Троицкой слободе на окраине Воронежа, что прекратило работы на полгода. Это заседание имело и неприятное последствие: у ученого после него был нервный стресс, после которого он перестал доверять комиссиям, посылая вместо себя В. А. Кимрякова и других работников, что сыграло роковую роль.

В Воронеже ученый в первую очередь решал хозяйственные вопросы: не было электричества, помещений для работников станции и лабораторий, больные птицы. Но А. Л. Чижевский смог развернуть научную работу ЦНИЛИ: в исследованиях участвовали 50 научных работников, вышел 1-й том трудов ЦНИЛИ «Проблемы ионификации» (Воронеж, 1933), планировался выпуск 2-го и 3-го томов.

Но в то же время в газете «Коммуна» число статей о ЦНИЛИ резко снизилось. Одновременно с переездом станции возросла регулярность нападок Завадовского на ЦНИЛИ (с ноября 1932 г. и до 1934 г.).

В декабре 1932 г. Завадовский продолжил свою кампанию по дискредитации Чижевского. По возвращении в Москву с подачи Б. М. Завадовского ВАСХНИЛ свертывает все работы по ионификации, запрещает набор и издание 2-го и 3-го томов трудов ЦНИЛИ. После личного письма В. С. Урицкого Наркому Земледелия СССР о необходимости поддержки работ А. Л. Чижевского работа лаборатории возобновляется через 4 с лишним месяца, но работа сосредоточена только на проблеме яйценоскости, из-за отсутствия методики и аппаратуры. Остальные опытов были свернуты. По воспоминания Б. А. Дьякова Наркомфин урезал смету ЦНИЛИ, в больницах на ионизацию смотрели как на детскую забаву.

В ноябре 1933 г. началась новая атака Завадовского на лабораторию А. Л. Чижевского. В результате набор 2-го тома трудов ЦНИЛИ «Проблемы ионификации: Ионификация в животноводстве и растениеводстве» в последний момент был рассыпан. Зато в 1934 г. увидел свет 3-й том трудов ЦНИЛИ «Проблемы ионификации: Аэроионизация в медицине», посвященной применению аэроионизации в биологии, сельского хозяйства, ветеринарии и медицины: аппаратура для получение ионизированного воздуха, влияние аэроионификации на различные болезни и физиологию людей и животных, рецензии на работы ученого. Здесь были объединены «труды по аэроионизации ряда научно-исследовательских учреждений и отдельных лиц». И все же эти 2 капитальных тома (1-й и 3-й) пользовались успехом и были переведены на ряд языков. Планировался выпуск 4-го тома трудов ЦНИЛИ, посвященный физическому и химическому действию аэроионов: изменение воздуха под действием аэроионов, измерение уровня ионификации, действие аэроионификации на людей, животных, в том числе и птиц, растения, сравнительный анализ ионизаторов, планировалось пригласить принять участие иностранных ученых, но от него даже ничего не сохранилось…

В декабре 1933 г. и январе 1934 г. по инициативе Завадовского и Евреинова в ВАСХНИЛ созываются совещания по вопросу «разоблачения» Чижевского и сокращении ЦНИЛИ. Кроме того, Евреинов обратился в Академию с докладной о передаче ему ряда тем и денежных средств, ассигнованных ЦНИЛИ. Работа лаборатории вновь была парализована на 5 месяцев, до апреля 1934 г.

В ответ на докладную записку в ЦК ВКП(б) от 2 мая 1934 г. о необходимости расширения работ ЦНИЛИ Наркомздрав РСФСР и Наркомземем СССР создали комиссию в составе главных врагов ионификации: Б. М. Завадовского, М. Г. Евреинова, Д. Л. Рубинштейна, М. М. Аникина и др. В качестве председателя комиссии, «дабы окончательно угробить Чижевского», пригласили академика А. Ф. Иоффе. Чижевский резко протестовал против такого состава комиссии, но главы Наркоматов Чернов и Каминский проигнорировали его протест. Работа комиссии длилась полгода: с ноября 1934 г. по май 1935 г.

Заседания от 11 и 15 января 1935 г. объединенной комиссии Наркомзема и Наркомздрава СССР формально ставила целью обследовать работу ЦНИЛИ. Состав комиссии был представительный: академик А. В. Леонтович, профессора Б. М. Завадовский,

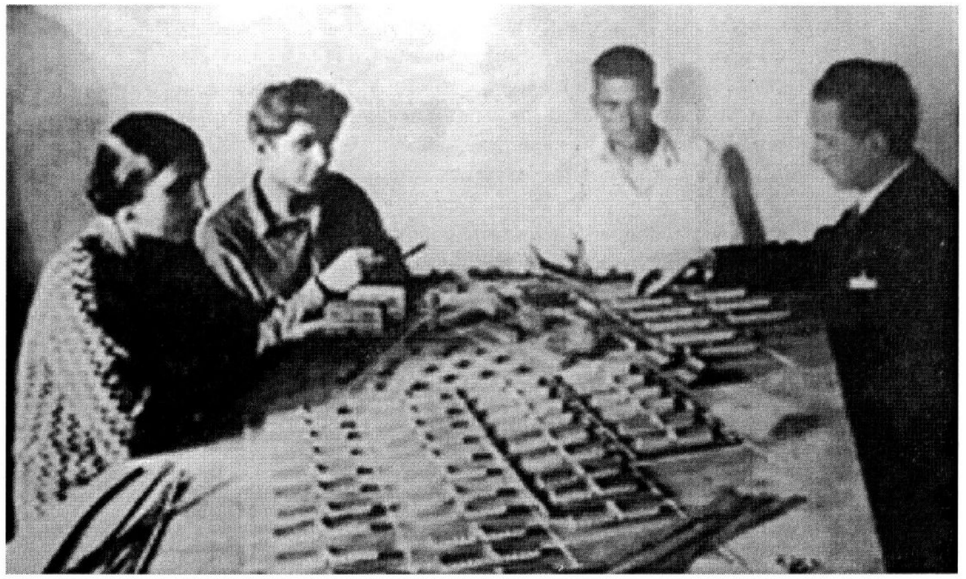


Фото 3. А. Л. Чижевский с сотрудниками.

М. Г. Евреинов, Е. Ф. Лискун, И. П. Разенков, Д. Л. Рубинштейн, руководитель — академик А. Ф. Иоффе. На заседании обсуждалось что:

— ученый не является основоположником аэроионификации (что первым предложил использовать аэроионы в лечении А. П. Соколов);

— ученый занимается плагиатом;

— у него нет достаточного и образования и квалификации по физики и медицине;

— положительный эффект от применения аэроионов в лечении и профилактике минимальный (все остальное — приписки ученого).

Б. М. Завадовский придерживался своих традиционных взглядов на ученого (изучает солнечную активность, пишет стихи и т. д.). Сам А. Л. Чижевский не принимал участие в заседаниях комиссии, но направил письмо в ее адрес, что отрицательно сказалось на решении комиссии, так как возражения В. А. Кимрякова не были услышаны (плохие условия содержания птиц, многочисленные серии экспериментов в попытках найти наиболее приемлемые дозы аэроионов, А. Л. Чижевский никогда не занимался плагиатом, наоборот, все стараются его идеи выдать за свои и т. д.), а А. А. Передельский занял отрицательную позицию по отношению к ученому (утверждал, что он «талантливый человек, но дряни в нем много», «никакой помощи нам от него не было», «обвиняя эту книгу (*2 том*), мы делаем большую критическую и важную работу» и т. д.), аналогичную позицию занял и еще один помощник ученого Л. Л. Васильев (утверждал, что действие ионификации минимальное). Слова А. А. Передельского и мнение Л. Л. Васильева в итоге и сыграли отрицательную роль. В этом заседании удивляет то, что А. Ф, Иоффе (один из основоположников учения заряда об электроне и один из основоположников советской физической научной школы) и М. Г. Евреинов (автор метода предпосевной обработки семян в электрическом поле) так и не определили, что А. Л. Чижевский работал с отрицательными ионами воздуха, в то время как А. П. Соколов предлагал использовать в лечебных целях положительные ионы. Итогом заседания стало полная дискредитация А. Л. Чижевского как ученого и к прекращению «дальнейшего печатания и распространения трудов, изданных под редакцией А. Л. Чижевского».

Через несколько дней, 26 января 1935 г., состоялось заседание уже Президиума Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, на котором также обсуждались результаты «комиссии по обследованию работ по ионификации, руководимой проф. Чижевским» под председательством академика А. Ф. Иоффе. В заседании комиссии участвовали уже больше сотрудников ЦНИЛИ (В. А. Кимряков, М. З. Анненский,

Парфёнова, Головинская, Бабаджаян), а также профессор Ходоров, Фридтельский, Д. Л. Рубинштейн, М. Г. Евреинов. Несмотря на то, что В. А. Кимряков, М. З. Анненский и Парфенова дали положительные отзывы о работе А. Л. Чижевского и говорили о трудностях работы ЦНИЛИ, однако это не было услышано, как и на предыдущем заседании акценты делались только на отрицательные стороны работы ЦНИЛИ, при этом особое внимание уделялось мнениям отсутствующих А. А. Предельского и Б. М. Завадовского.

И хотя потом ученый собирал результаты работы ЦНИЛИ и пытался писать объяснительную записку к выводам этих комиссий, никакого действия она уже не имела. Последствия решения комиссии были следующие: с самого начала 1935 по 1951 г. статьи А. Л. Чижевского только изредка появлялись в печати, иногда без подписи. Да и сам ученый перестал упоминать А. А. Передельского.

Вдогонку к заключениям комиссий явились статьи А. Л. Чижевского и о нем в центральных газетах. Ученый вспоминал: «И вот в этот момент я получил письмо от Константина Эдуардовича… Возможно, что это письмо сыграло большую роль, приостановив дальнейший поток клеветы, которым я мог бы окончательно захлебнуться. Письмо К. Э. Циолковского было получено мною и отнесено в редакцию в июне или в июле 1935 г. Это было последнее письмо К. Э. Циолковского ко мне… А еще за 40 дней до смерти Константина Эдуардовича — 8 августа 1935 г. мой ответ оппонентам был помещен в газете "Правда"… В этой большой статье я имел возможность дать реванш гонителям моих идей и разбить их на голову!»

Но 25 декабря 1935 г. в газете «Правда» появилась редакционная статья «Враг под маской ученого», за которой стоял Б. М. Завадовский и в которой он обвинял Чижевского в шарлатанстве, контрреволюционной деятельности. Когда об этой публикации доложили Сталину, тот задумчиво ответил: «Надо еще посмотреть, враг ли он?..»

Однако, на этом дело не закончилось. Решения комиссий в январе 1935 г. подкосили работу лаборатории: все работы в ЦНИЛИ были прекращены, а все научные работники были уволены распоряжением по ВИЖ.

3 июня 1936 г. в газете «Правда» вновь появляется пасквильная статья Б. М. Завадовского подзаголовком «Безмерная наглость лжепрофессора Чижевского».

Трудами Завадовского и Иоффе лаборатории ЦНИЛИ были лишены основной части финансирования и в дальнейшем закрыты. Особо интересным является мнение Иоффе, изложенное им в отчете проверяющей комиссии. Результатом этого было то, что 5 июля приказом министра Наркозема М. А. Чернова была закрыта ЦНИЛИ. А 8 июля 1936 г. в газетах «Правда» и «Известия» было опубликован приказ Наркомзема СССР (решение от 5 июля) «О снятии с работы директора Центральной лаборатории по ионификации А. Л. Чижевского» за подписью Наркома М. Чернова.

Через месяц, 8 августа 1936 г. в газете «Правда» появилась заметка «Покончить с "лузинщиной" в сельскохозяйственной науке», в которой говорилось: «Еще недавно во Всесоюзном институте животноводства орудовал лжеученый Чижевский, который руководил лабораторией и бесцельно расходовал государственные средства. Эта лаборатория ликвидирована, а Чижевский отстранен от работы».

Б. А. Дьяков вспоминал: «Чижевский сообщал, что самолюбивый Завадовский, провалившийся с дискуссией, не только помог составить, но и продвинул в печать приказ Чернова. А вслед за этим толкнул администрацию института на гнуснейшую акцию: когда рабочий день окончился, когда лаборатория в Нарчуке была закрыта и сотрудники разошлись по квартирам, к ее зданию подъехал грузовик и 5 подвод с грузчиками и военизированной охраной института. Они вывезли в неизвестном направлении все оборудование и аппаратуру».

Таким образом от ЦНИЛИ, кроме фильма, остались лишь немногочисленные документы, разбросанные по разным архивам, и газетные статьи.

В дальнейшем брат Б. М. Завадовского — Михаил Михайлович (в те годы заместитель директора Всесоюзного института животноводства) вспоминал о том, что А. Л. Чижевский «явно избегает отчетов о своей работе в квалифицированной научной среде», и с сарказмом пишет о работе его исследованиях по гелиобиологии, не понимая, как можно совершить «замечательный сальто-мортале в область животноводства, лично оказывая больше влияния на сознание людей, чем его солнечные пятна».

Фото 4. А. Л. Чижевский.

Выводы о малозначимости аэроионификации и отсутствия необходимости «лаборатории ионификации для нужд физики» содержатся и в выводах комиссии от 26 сентября 1939 г., назначенной Дирекцией физического института Академии наук СССР (член-корреспондент АН СССР Н. Д. Папалекси, доктор физико-математических наук Б. М. Вул, А. М. Леонтович, В. Л. Левшин, старшие научные сотрудники В. И. Векслер, Л. А. Тумерман, на основании распоряжения академика-секретаря ОМЕН А. Е. Ферсмана). Очевидно, свою роль здесь сыграло решение объединенной комиссии Наркомзема и Наркомздрава СССР от 11 и 15 января 1935 г.

Однако к этому периоду жизни ученого относятся и несколько ***важных научных фактов***.

В 1933 г. А. Л. Чижевский экспериментально установил, что направленный поток аэроионов очищает воздух в комнате, осаждает пыль и микроорганизмы. Побочным достижением данных работ явилось изобретение А. Л. Чижевским метода ***электроаэрозольтерапии, электроокраски и электростимулирования химических реакций***, что знаменовало становление электронной технологии в материальном производстве.

А. Л. Чижевский тесно сотрудничал с микробиологом С. Т. Вельховером, обнаружившим строгую закономерность между физико-химическими реакциями микроорганизмов и солнечной активностью. Итог совместной работы двух ученых вылился в 1935 г. в ***«эффект Чижевского—Вельховера»*** (явление метахромазии коринебактерий) — вывод о том, что есть такие микроорганизмы, которые реагируют на солнечные возмущения задолго до того, как это можно будет зафиксировать инструментально-приборным способом.

Имя А. Л. Чижевского в первый, и в последний раз при жизни было упомянуто в ***учебнике М. Ю. Пиотровского «Физика для биологов»***, где говорится: «Опыты проф. Чижевского показали, что … ионизированный воздух оказывает при рациональной дози-

ровке весьма благодетельное влияние на развитие различных домашних животных, в особенности в молодом возрасте: ускоряется развитие, повышается устойчивость против заболеваний, увеличивается вес тела: у коров увеличивается количество молока, у кур — способность к откладыванию яиц. Результаты опытов требуют еще дальнейшей проверки, но представляют собой весьма большой практический интерес».

Литература

1. РГАЭ. Ф. 7586. Оп. 1. Д. 18, 19, 872; Ф. 8390. Оп. 1. Д. 588.
2. Архив РАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 263—265; Ф. 600. Оп. 3. Д. 6.
3. РГАКФД. 3714. Ионизация: Открытие проф. А. Л. Чижевского (1931).
4. Проблемы ионификации: Труды ЦНИЛИ. — Т. 1 / Под ред. А. Л. Чижевского. — Воронеж: Коммуна, 1933. — 492 с.
5. Проблемы ионификации: Аэроионизация в медицине: Труды ЦНИЛИ. — Т. 3 / Под ред. А. Л. Чижевского и Г. А. Лапидус. — Воронеж: Коммуна, 1934 — 580 с.
6. *Дьяков Б.* Мужество любви. — М.: Современник, 1982. — 670 с.

ПОЛКОВАЯ ПЕСНЯ АХТЫРСКОГО ГУСАРСКОГО ПОЛКА И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ

***В. В. Бессонов**, МБОУ «СОШ № 13», 10-й класс*

В последнее время в исторической науке большое внимание уделяется разработке тем, связанных с определенными событиями, личностями, населенными пунктами и так далее. Самостоятельным направлением является изучение истории полков, воинских частей и соединений. Интерес к военному прошлому конкретных подразделений начал проявляться с середины XIX в., когда были созданы первые полковые истории гвардейских частей. Впоследствии, в конце XIX — начале XX в., были изданы истории почти всех полков Российской Императорской армии. По подсчетам П. А. Зайончковского, было опубликовано 345 книг по истории отдельных частей[1]. Цель этих изданий заключалась не только в сохранении памяти о подвигах предков-однополчан, но и в воспитании чувства патриотизма среди новобранцев. Полковые истории читались на занятиях, пересказывались офицерами для того, чтобы воспитать в солдатах чувство гордости и сопричастности к многовековой истории части.

Вместе с полковыми историями этим целям служили полковые песни. В них, в поэтической, доступной всем форме, рассказывалось о беззаветном служении и совершенных подвигах. Полковые песни побуждали офицеров и нижних чинов быть достойными славы своих предшественников. В песнях неизменно звучал призыв к совершению новых подвигов во славу Отечества. Изучение полковых песен Российской Императорской армии началось сравнительно недавно. Исследователям военного фольклора удалось собрать сохранившиеся полковые песни отдельных полков и опубликовать тексты[2]. Было осуществлено несколько аудиоизданий этих песен в исполнении мужских хоров. Но до сегодняшнего дня анализу содержания текстов не уделялось должного внимания.

Среди известных полковых песен особое внимание, в контексте изучения прошлого Калужского края, привлекает музыкальная история Ахтырского гусарского полка. Оказалось, что это единственная песня, в которой упоминается Калуга, вернее «калужский мужик».

Полковая песня Ахтырского гусарского полка появилась, предположительно во второй половине XIX в. Автор песни неизвестен. Интересно отметить, что полковая песня Ахтырского гусарского полка, которая охватывает период от начала формирования до начала XIX в., содержит более полную информацию об истории части по сравнению с полковой историей. Это связано с тем, что был написан и опубликован лишь один том насыщенной героическими событиями истории полка, посвященный периоду с 1765 до 1796 г.[3]

Песня написана в жанре эпического сказания, характерного для данного вида фольклора. При этом в песне заметно влияние широко известного эпического произведения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанного в 1812 г. Автор песни, как и Жуковский, помещает слушателя в жизнь военного лагеря, где возле костра, за чашей вина бойцы вспоминают о минувших сражениях и подвигах.

В стихотворении В.А. Жуковского воины «поют»:

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя…
О всемогущее вино,
Веселие героя!

В припеве полковой песни Ахтырского гусарского полка мы находим аналогичные смыслы. Гусарский пир и воспоминания о былых подвигах поднимает воинский дух:

Недаром сердца наши бьются
При звоне серебряных чар,
И громкие песни несутся
Про славу Ахтырских гусар.

Основное содержание песни посвящено описанию исторических событий из жизни гусарского полка. В песне семь куплетов. Пять из них раскрывают исторические этапы в хронологической последовательности. Один относятся к XVII в., три — к XVIII в. и один — к XIX в. Отдельный куплет посвящен самому знаменитому ахтырцу, герою-партизану Д. В. Давыдову. Проанализируем эти куплеты подробнее.

Давно, при Царе Алексии,
В стенах, где дрались казаки,
На гранях Московской России
Родилися наши полки.

Ахтырский гусарский полк — один из старейших полков Российской Императорской армии. Он ведет свою летопись с 1651 г. Именно в годы царствования царя Алексея Михайловича, в слободе Ахтырка (современный г. Ахтырка, Сумской области, Украина) был образован слободской черкасский казачий полк, который жил оседло и нес пограничную службу на окраине Московского государства, защищая его от диких набегов татар и ногайцев.

Но вот, миновали походы,
И, сбросив зеленый жупан,
Ахтырец в Петровские годы
Надел с треуголкой кафтан.

Ахтырский казачий полк принял активное участие в Северной войне 1700—1721 гг. Свой первый дальний поход полк совершил в составе армии фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева в 1700 г. против шведов. Ахтырцы принимали участие в неудачной осаде Нарвы, а затем вели долгую партизанскую войну в Лифляндии. Изменение статуса полка, переставшего быть поселенным, подчеркивалось сменой формы. В период правления Петра I национальная одежда черкасских казаков была заменена на форменный кафтан. Полк стал частью иррегулярной конницы Русской армии.

При Екатерине Великой
Полка золотые ряды,
Летая по Таврии дикой,
Громили османов орды.

При Императрице Екатерине II 3 марта 1765 г. (даты приводятся по старому стилю) был подписан Высочайший Указ о расформировании слободского казачьего войска на Украине и создании на его базе гусарского полка. Так впервые появился Ахтырский гусарский полк, которому за прежние отличия было оставлено старшинство с 1651 г. Первым командиром ахтырцев был назначен бригадир граф Иван Михайлович Подгоричани, храбрый офицер, отличившийся еще в 1760 г. при рейде русской армии на Берлин. К 1766 г.

формирование полка было завершено, и в этом же году определен полковой праздник — 2 июля, в честь Чудотворной Иконы Ахтырской Божией Матери или Положение риз Пресвятой Богородицы во Влахерне. Уже в 1768 г. ахтырские гусары успешно сражались с турками в «Таврии дикой», при Ларге, Кагуле и под Измаилом. В 1774 г. в составе корпуса генерал-майора А. В. Суворова ахтырцы участвовали в осаде крепостей Шумла, Рущук, Очаков и во всех последующих боях против турок. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. стала одной из ярких страниц в истории полка.

В 1794 г. под командованием А. В Суворова Ахтырский гусарский полк участвовал в подавлении польского восстания, которое закончилось взятием Праги (предместье Варшавы) и капитуляцией польской столицы. Однако данный эпизод не нашел отражения в песне. Это, вероятно, было связано с тем, что с 1815 г. Польша вошла в состав Российской Империи и поляки перестали восприниматься в качестве внешнего врага.

При Павле наш ментик и ташку,
Лосины и белый парик
Не раз видел в гибельной схватке
Повстанец — калужский мужик.

В начале царствования императора Павла I все армейские гусарские полки получили обмундирование почти совершенно того самого покроя и формы, какие были у гусар Гатчинских войск. Они были одеты в традиционную для венгерских гусар форму: ментики, доломаны, чикчиры, на поясе появилась ташка. Гусарские полки различались между собой расцветкой форменной одежды (приборным цветом). В Ахтырском полку приборный цвет был коричневый[4].

Именно в правление Павла I произошли события, связавшие ахтырских гусар с историей Калужского края. Этот эпизод не вошел ни в одну редакцию истории Ахтырского полка. Пролить свет на эти события помогло дело «Об оказании ослушаний крестьянами помещикам Воейковым и Никифоровой по Медынской округе», начатое 12 февраля 1797 г. и хранящееся в Государственном архиве Калужской области в фонде Канцелярии калужского губернатора (Ф. 32,. Оп. 20. Д. 12а).

Из делопроизводственной переписки следует, что 12 февраля 1797 г. медынский земский исправник А. Хитрово рапортовал исполнявшему должность губернатора вице-губернатору В. П. Митусову, что «сего числа» получил от помещика П. С. Воейкоова прошения в котором сообщалось о неповиновении ему крестьян сельца Угрюмово и соседних деревень. Посланный туда от Воейкова дворовый человек с печатным экземпляром указа императора Павла I о повиновении крестьян[5] приехав в сельцо Угрюмово в господский дом обнаружил, что во дворе собралось «великое количество» возмутившихся крестьян «мучительски» избивавших старосту Ермолая Федорова, который хотя и остался жив, но был на пороге смерти. Взяв у дворового человека указ, крестьяне отправились в село Кулешево к священнику для прочтения. По возвращении они объявили, что присланный от «Воейкова экземпляр фальшивой а не подлинно от государя изданной» и дворового, за то, что он привез этот указ, «били смертно», проломили голову и «едва только оставили живого». В ночь крестьяне с дубьем «разбойнически» выбив ворота и окна ворвались во двор старосты и жестоко избили его детей Тимофея и Никифора, переломав им руки и ноги, так что и «живы быть не могут». При этом грозили расправой Воейкову, жившему в сельце Скугореве Гжатского уезда Смоленской губернии[6].

Причиной такого неповиновения стали действия священника села Кулешово, Петра Григорьева, «который, — как писал вице-губернатор 2 марта 1797 г. в Калужское губернское правление, — исправляя по вотчине помещика Петра Воейкова земские переписки, был позван в ту вотчину для прочтения принесенных десятским от земского суда указов, и по прочтении оных всем тут бывшим сказал: “чтоб крестьяне, которые имеют надобность просить Его И[мператорское] В[еличество] на своих помещиков шли просить скорее, а ежели пропустят время и просить не будут, то и с господами повезут всех на Кубанскую степь”, что и тот десятский подтвердил, почему крестьяне ученя приговор, доверяющий в миру, некоторым из них подачу, отправили их с просьбами в С[анкт-]П[етер]бург, подтвердя при том что как приговор так и просьбу писал вышепомянутый

Кулешовской священник Григорьев, взяв за сочинение оных из господского хлеба помещика Петра Воейкова два воза овса»[7].

К 14 февраля в помощь земскому исправнику удалось собрать воинскую команду, состоявшую из обер-офицера, унтер-офицера и десяти рядовых штата Калужской управы благочиния, а так же десяти солдат Медынской штатной команды. Но привести в повиновение крестьян такими силами не удалось. В селе Кулешове представителей власти встретили две сотни крестьян с «привеличайшими дубинами», которые на увещевания земского исправника дали ответ, «что они господина своего и команды не слушают и если их станут кого брать, то перебьют всех до смерти». В то же время в село подошло еще три сотни вооруженных дубинами крестьян и земский исправник «видя их наклонность к драке», со своей малочисленной командой вынужден был отступить. Рапортуя о случившимся вице-губернатору 17 февраля 1797 г. земский исправник писал, что «я по должности моей о приведении ослушников к должному повиновению помещикам их сколько возможно старался и стараться елико возможно буду но в рассуждении как уже число бунтующих крестьян всех более тысячи душ и не в дальнем расстоянии одно селение от другого таким числом военной команды по чрезмерному их упорству к должному повиновению надежды не предвидится, а дабы сие зло далее не распространилось, не благоволите ли ваше высокородие усугубить военную команду таким количеством которая соразмерно была числу бунтующих крестьян»[8].

Неповиновение крестьян заставило Митусова обратиться за помощью к главнокомандующему в Москве князю Ю. В. Долгорукову и вытребовать для приведения в повиновение крестьян регулярные войска. Из документов следует, что первым в Калужскую губернию прибыл эскадрон Шевича гусарского полка, затем две роты Астраханского гренадерского полка с одной пушкой, и последним прибыл эскадрон Линденера гусарского полка. Пока собирались войска, эскадрон Шевича полка вместе с вице-губернатором и советником Губернского правления Н. Ф. Михайловым направился в Медынский уезд и 25 февраля приступил к усмирению крестьян. Увидев регулярные войска и выслушав увещевания Митусова, крестьяне раскаялись в неповиновении и «испросили у помещиков прощения»[9].

Кроме эскадрона Шевича полка в усмирении крестьян приняли участие и две роты Астраханского гренадерского полка. Взбунтовавшиеся крестьяне были приведены к повиновению без применения силы, но для поддержания порядка в Медынском уезде Митусов решил оставить войска и расположить их по населенным пунктам. К началу марта роты Астраханского полка покинули губернию, а их место занял эскадрон Линденера гусарского полка. Он был расквартирован по избам тех крестьян, которые скрывались от преследования. К концу марта крестьяне Медынского уезда были приведены в повиновение, и гусарские эскадроны вернулись к своим частям.

В деле нет ни одного упоминания об Ахтырском гусарском полке. В документах встречается лишь два именных полка, действовавших на территории Калужской губернии. Однако, именно один из этих полков и есть Ахтырский гусарский. Все дело в том, что по указу Павла I от 29 ноября 1796 г. гусарские полки получили названия по фамилиям своих шефов. Так Ахтырский гусарский полк был переименован в гусарский бригадира Линденера полк и приведен в 10-тиэскадронный состав, а Сумской стал — Шевича гусарским полком[10]. Таким образом, эскадроны этих двух полков приняли участие в усмирении крестьян Медынского уезда и этот исторический факт оказался отражен в песне Ахтырского полка.

При славных других Государях
Событья военной страды
Рождали в Ахтырских гусарах
Порыв на лихие труды.

В этом куплете раскрывается участие полка в войнах в период царствования Императоров Александра I, Николая I и Александра II.

Яркой страницей, как в истории России, так и в истории Ахтырского гусарского полка стала Отечественная война 1812 г. Ахтырцы с первых дней вторжения Наполеона в пре-

делы России постоянно находились в соприкосновении с неприятелем, прикрывая отход армии князя П. И. Багратиона. Командовал полком полковник Дмитрий Васильевич Васильчиков. Золотыми буквами в полковую летопись вписаны места боев под Миром, Дашковкой, Салтановкой, сражений у Колоцкого монастыря и за Шевардинский редут. Далее была Бородинская битва, где ахтырские гусары сражались у Семеновских (Багратионовых) флешей и бросались в отчаянные кавалерийские атаки на прославленных кирасир Латур-Мобура. Во время отступления великой армии Наполеона, полк участвовал во всех крупных сражениях с неприятелем (Малоярославец, Вязьма, Борисов). За Отечественную войну 1812 г. полк был награжден серебряными трубами с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России». Далее последовал Заграничный поход 1813—1814 гг., в котором ахтырские гусары покрыли себя новой славой. За сражение при реке Кацбах, где гусары буквально сбросили французов в реку, полку были пожалованы знаки на кивера с надписью «За отличие 14 августа 1813 года». Ахтырцы показали себя и в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом, где захватили 5 орудий и 560 пленных. В марте 1814 г. Ахтырский полк вступил в Париж. На параде ахтырцы выглядели блестяще и произвели впечатление на императора. После этого Александр I своим Указом повелел Ахтырским гусарам на вечные времена носить коричневые мундиры. За отличия в этом походе полк был награжден Георгиевским Штандартом с надписью «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в благополучно оконченную кампанию 1814 года».

Ахтырский полк славен не только своими ратными делами, но и людьми, служившими в нем. В разные годы ахтырскими гусарами были известный поэт и партизан Денис Васильевич Давыдов, философ П. Я. Чаадаев, видный мастер русского романса, автор знаменитого «Соловья» А. А. Алябьев и декабрист А. З. Муравьев (с 1824 г. — командир полка).

В кампаниях России против Турции 1828—1829 гг. ахтырцы отличились при Баладаге, Шумлы, Эски-Стамбуле. Наградами им стала 21 Георгиевская труба.

В конце русско-турецкой войны 1877—1878 г. ахтырцы остались в составе оккупационного корпуса, только 29 марта 1879 г. полк вступил в пределы России. За оказанные в эту войну заслуги Ахтырскому полку были пожалованы гусарские шнуры гвардейского образца. В 1882 г. полку взамен гусарских шнуров были присвоены «петлицы за военное отличие».

Отдельным лихим эскадроном,
Иль целым полком «сабли ввысь!»,
Без страха пред тяжким уроном,
Водил нас в атаку Денис.

Значительный вклад в победу над неприятелем в ходе Отечественной войны 1812 г. внесли партизанские отряды, действовавшие на разных театрах военных действий. Широкую известность приобрели «партии» и «летучие корпуса» Д. В. Давыдова, А. С. Фигнера, А. Н. Сеславина, И. С. Дорохова и др. С Калужским краем наиболее тесно оказалась связана деятельность знаменитого партизана Дениса Васильевича Давыдова.

Отряд подполковника Ахтырского гусарского полка Давыдова покинул армию 24 августа 1812 г. Цель его состояла в воздействии на коммуникационную линию противника. 27 августа Давыдов вступил в Медынский уезд и объявил кордонному начальнику майору Лопатину, что «он откомандирован для охранения от неприятельских набегов», явно скрывая истинную цель своей миссии. По прибытии 28 августа в Медынь, он сообщил городничему для доставления провианта и фуража численность своей команды: 7 офицеров, 45 унтер-офицеров и рядовых, 186 казаков, а также 257 лошадей. Состав партии, показанный Давыдовым, расходится с другими документами, в которых говориться о численности отряда в 140 человек (80 казаков и 50 гусар). 29 августа Давыдов направился проселочными дорогами через с. Гусево, Кузово, Азарова в д. Горки, расположенную на северо-западной границе Медынского уезда. В тот же день Давыдов сообщил начальнику штаба 2-й армии генералу Э.Ф. Сен-При: «Деревня сия в расстоянии от большой вяземской дороги в 20-ти с небольшим верстах. Оттуда поселяне мне будут открывать неприятеля, и я буду делать нападение по инструкции, данной мне князем Петром Ивановичем. В случае отступления я пойду на Медынь, или через Юхнов на Калугу, где полковник Быхалов с двумя казачьими полками меня поддержит»[11]. Но Давыдов не остановился в этом населенном пункте и перешел в Гжатский уезд Смоленской губернии в село Скугорево, которое в своем «Дневнике партизанских действий» назвал «первым притоном». Отсюда 2 сентября Давыдов совершил свой первый набег на Смоленский тракт, а позже перебазировался в северную часть Юхновского уезда.

Оказавшись на этом направлении, Давыдов выбрал город Юхнов в качестве своей тыловой базы. Через Юхнов он отправлял партии военнопленных и в этот город прибыл 8 сентября для того, чтобы дать отдых своей партии и провести ее переформирование. В Юхнове Давыдов оставался до 11 сентября, но и после выступления из города он до начала октября продолжал рассматривать Юхнов как главный опорный пункт, связывавший его с Калугой и действующей армией.

Таким образом, партизанская деятельность Давыдова оказалась связана с двумя регионами нынешней Калужской области — с Медынским уездом Калужской губернии и Юхновским уездом Смоленской губернии, состоявшим с августа 1812 г. под управлением калужского гражданского губернатора П. Н. Каверина. При этом наиболее значительную роль в действиях Давыдова сыграл город Юхнов, бывшей узловым коммуникационным пунктом партизанской партии. В этом городе Давыдов находился для переформирования своего отряда с 8 по 11 сентября 1812 г. и через него в конце августа — начале октября осуществлял связь с действующей армией.

Последний куплет возвращает нас к гусарскому пиру и мысли, что память о деяниях Ахтырских гусар будет жить вечно в сердцах потомков:

Так пейте, гусары, беспечно,
Как пели гусары в боях,
О вас будут внуки петь вечно,
О славных Ахтырских делах.
Этот куплет перекликается

Текст этого куплета явно перекликается со знаменитыми стихами Д. В. Давыдова «Песня» и «Песня старого гусара», в которых поэт воспевает неразрывную связь гусарских пиров и отчаянную храбрость воинов.

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубится молодцами,
Вечерком — горелку пить!
«Песня».

Конь кипит под седоком
Сабля свищет, враг валится…
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится
«Песня старого гусара».

Итак, семь куплетов полковой песни не только знакомят слушателя со страницами истории Ахтырского гусарского полка, но и погружают в атмосферу дружеской пирушки отчаянных рубак, готовых отдать жизнь за Отечество и не посрамить честь мундира.

Учитывая фольклорный характер полковой песни, содержащий элементы народного творчества, можно предположить, что отраженные в ней факты являются элементами коллективной памяти. Следовательно, эти образы оказывали первостепенное влияние на формирование отношения гусара к своему полку.

Кроме того, в песне явно прослеживаются поведенческие характеристики, соответствующие самовыражению Ахтырских гусар. Речь идет о сложившемся в начале XIX в. устойчивом образе гусара, как отважного воина и безудержного гуляки, готового реками проливать кровь и вино. В этом смысле можно констатировать то, что песня оказывала влияние на повседневное поведение гусар и формировала отношение к себе, как к особой социальной группе, отличной от других гражданских и военных людей.

В ходе исследования была определена хронология описываемых событий, которая укладывается в промежуток с 1651 г. (старшинство полка) до второй половины XIX в.. Большое значение предается XVIII в. Здесь главное внимание было сосредоточено на эпохе царствования Петра I и Екатерины II. Практически лишен детализации XIX в., в котором особо выделяется личность знаменитого ахтырца Д. В. Давыдова.

При «расшифровке» исторического содержания выяснилось, что особое внимание в истории полка отводится времени его появления в 1651 г. Не менее значимым становится переход от оседлой жизни на границе к военной службе в составе Русской армии. Эпоха Екатерины II — это фактическое рождение в 1765 г. Ахтырского гусарского полка. Здесь мы наблюдаем раскрытие истории формирования полка, длившейся более ста лет. Гусарский полк сформирован и начинает действовать. При этом особый акцент делается на Русско-турецкую войну 1768—1774 годов.

Следующим местом служения отечеству становится Калужская губерния, где полк участвует в подавлении крестьянского восстания. Данное событие явно выпадает из эпического строя борьбы ахтырцев с врагами Отечества. Возможно, автор песни стремился подчеркнуть верность Ахтырских гусар, готовых не задумываясь выполнить любой приказ командира. В формировании самосознания гусара этот малозначительный исторический факт мог иметь большое значение именно во второй половине XIX в., когда шел процесс обострения внутриполитической обстановки и войска, как и в 1797 г., активно привлекались к выполнению карательных функций.

В XIX в. вообще историческое содержание уходит на второй план, заменяясь рядом деклараций о беззаветном служении ахтырцев и не проходящей их славе. Примером всеобщей известности полка становится образ партизана Д. В. Давыдова.

Изучение полковой песни позволило определить два момента, связывающие историю Ахтырского полка с Калужским краем. Во-первых, речь идет о партизанской деятельности Д. В. Давыдова, который прошел через Медынский уезд Калужской губернии и создал тыловую базу в городе Юхнове Смоленской губернии (ныне в составе Калужской области). Этот сюжет хорошо известен краеведам и исследователям Отечественной войны 1812 г. Второй же сюжет, связанный с неповиновением крестьян Медынского уезда в 1797 г., является абсолютно новым в историографии. Благодаря «зашифрованной» в полковой песне информации удалось выявить архивные источники и восстановить ход событий восстания, масштабы которого заставили исполнявшего должность губернатора привлечь регулярные войска, в том числе и Ахтырский гусарский полк. Как видно, исторические связи полка оказались сконцентрированы в Медынском уезде Калужской губернии.

Примечания

[1] См.: *Зайончковский П. А.* Справочник по истории до революционной России. — М., 1978. — С. 269—302

[2] См.: *Бирюков Ю. Е.* Наши деды — славные победы: Антология русской военной песни. — М., 2007.

[3] *Одинцов С. И., Поттo В. А.* История Ахтырского полка. 1765—1796. — СПб., 1902.

[4] См.: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. — Т. 8. — СПб., 1900. — С. 31.

[5] В данном случае речь идет о Высочайшем манифесте от 29 января 1797 г. «О должном послушании крестьян своим помещикам во всех повинностях, и о обязанности в отношении сего губернских начальств и приходских священников» (см.: Полное собрание законов Российской Империи. — Т.XXIV. — СПб., 1830. — С. 305. — № 17769).

[6] Государственный архив Калужской области. Ф.32. Оп.20. Д. 12а. Л. 1, 2.

[7] Там же. Л. 47.

[8] Там же. Л. 10,11.

[9] Там же. Л. 38.

[10] См.: Полное собрание законов Российской Империи. — Т.XXIV. — С. 212. — № 17593.

[11] *Тихонов И. С.* Неизвестное письмо Дениса Давыдова // Отечественные архивы. — 1992. — № 5. — С. 82—83.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОГО АРХИВА)

***М. А. Добычина**, к. и. н., дир, МКУ «Муниципальный архив г. Калуги»*

Судьбы архивов и архивистов в период войн может стать темой самостоятельного изучения. В год 70-летия Победы над фашисткой Германией хотелось бы коснуться именного этого трагического периода. Тема обширна, поэтому в своем выступлении коснусь основных блоков проблем, которые следует осветить, изучая организацию архивной деятельности периода Великой Отечественной войны. Судьба калужского архива может быть не самым ярким, но достаточным подтверждением общесоюзных тенденций этого процесса.

Сразу отмечу, что с 1938 г. вся архивная отрасль была передана в ведение НКВД, в результате чего на 95% документов был наложен гриф секретности, а к началу войны из архивистов успели сделать своеобразную касту «технических элементов», которые должны были в первую очередь заниматься выявлением контрреволюционных элементов, чтобы давать пищу для работы репрессивной машины. Наука отдалились от архивов. Использование архивных документов было на втором плане.

Первый блок проблем, связанных с деятельностью архивов периода войны связан с организацией эвакуации. Организация эвакуации, несмотря на то, что мобилизационные планы разрабатывались в довоенный период, практически не была подготовлена на должном уровне. Результатом чего стало утрата документов на оккупированной части СССР, гибель во время эвакуации и непонимание важности обеспечения сохранности документов, имеющих историческое значение.

Только 11 июля 1941 г. из архивного отдела управления НКВД по Тульской области поступил секретный приказ начальнику Калужского филиала ГАТО (такое название архив носил с 1937 по 1944 г.), в котором указывалось о немедленно разработке плана вывоза архивного материала в глубинные пункты СССР. План предусматривал установление очередности вывоза материалов, назначение ответственных, приобретение ящиков, обеспечение транспортом. Эвакуации подлежали фонды, их структурные части и отдельные дела, подпадавшие под определение имеющие «оперативное, экономическое, политическое и историческое значение». В приказе рекомендовалось составить перечень документов, подлежащих вывозу в первую очередь. К ним относились: фонды жандармерии и полиции, секретных столов канцелярии губернатора, документы, относящиеся к деятельности дореволюционных политпартий, судебных палат, окружных судов, военно-промышленных предприятий, ревкомов, губисполкома и др.

План эвакуации документов должен состоять из двух вариантов. Первый предусматривал эвакуацию наиболее важных и ценных документов, вывозимых в первую очередь. Второй — остальных материалов. На разработку плана отводилось 48 часов. Для вывоза было необходимо 5 машин грузоподъемностью 3 т каждая, 4 машины по 1,5 т, 10 машин по 5 т, подвижной состав из восьми крытых вагонов и денежные средства в сумме — 3 000 руб.[1] Но утвержденный архивным отделом управления НКВД по Тульской области 18 июля 1941 г. мобилизационный план отличался от представленного архивом[2]. Подготовка документов к эвакуации проходила в спешном порядке. Многие работники архива уже успели эвакуироваться, поэтому работа по отбору, увязке и транспортировке дел легла на плечи оставшихся 19 женщин, значившихся на 1 августа 1941 г. Погрузка документов архива в вагоны проходила в обстановке начавшейся 4 октября 1941 г. бомбардировки города Калуги с воздуха. Всего было эвакуировано 126 фондов (45 375 д.)[3]. Изначально эвакуировать архивные документы предполагалось в г. Ташкент[4], но направление получили в г. Балашов Саратовской области. Связь эвакуированных работников Калужского архива с Калугой и с Тульским областным архивным отделом была потеряна: Тула на письма не отвечала, письмо, посланное в Калугу через спецсвязь, вернулось обратно. До конца 1941 г. в г. Балашове с эвакуированными документами находилось три человека — начальник отдела А. К. Сергеева, научный сотрудник Н. В. Акимова и прибывшая

позже зав. столом справок К. В. Кузина. Сотрудники находились в крайне тяжелом положении: с 15 сентября не получали зарплату, не имели возможности оплачивать квартиры и имевшуюся одежду продали на рынке на оплату квартир и питания[5].

Прибывшие документы были размещены под охраной в помещении Балашовского Госархива и частично в специально отведенной комнате в здании библиотеки между стеллажами[6]. В результате транспортировки большая часть тары была совершенно разбита, значительная часть материалов находилась в связках в неупакованном виде. В связи с сильным повреждением деревянной тары при перевозке архивисты были вынуждены проделать большую работу по подбору разрознившихся материалов, их «переупаковке», починке старой и изготовлению новой тары.

Несмотря на тяжелые, подчас невыносимые бытовые и материальные условия жизни сотрудниками архива в г. Балашове проводилась архивно-техническая работа, активно продолжалась разработка фондов «в оперативно-чекистских целях». Все материалы на «подучетный элемент», в том числе на чинов полиции, бывших белых офицеров, членов партии кадетов и анархистов были предоставлены в Тульский архивный отдел[7].

С 1942 г. (после известия об освобождении Калуги) с эвакуированными в г. Балашов документами осталась только научный сотрудник Н. В. Акимова, так как Сергеева распоряжением ГАУ НКВД СССР была немедленно откомандирована в Калугу, а Кузина уволена.

Второй блок вопросов это судьба и деятельность эвакуированного архива. Непросто складывалась судьба фондов. Здесь следует отметить, что оставшись в эвакуации одна, Акимова столкнулась с большими трудностями не только материального (недостаток средств к существованию), производственного (отсутствие ясных и четких указаний начальства — с одной стороны и постоянные требования исполнения запросов, проведения работ по выявлению контрреволюционных элементов, шпионов, составлению отчетов о перевыполнении плана — с другой), но и психологического (одиночество, отчаяние, безысходность) плана. Пессимистическое настроение молодой сотрудницы, которой шел 22-й год, не раз становилось предметом критики со стороны директора архива. Восстановление картины повседневной жизни архивистов способствует яркая переписка между Калугой и Балашовом в 1942—1943 гг. Так, в одном из первых писем Акимовой, датированном за 1942 г., Нечаева писала: «…Ты пишешь о замене тебя, об этом сейчас никакого не может быть разговора… Эта замена может быть только в том случае, если ты не возьмешь себя в руки и не начнешь работать по-настоящему по фронтовому, тогда я вынуждена буду поставить вопрос об отстранении тебя от работы с отдачей под суд, иначе вопрос стоять не может»[8].

Во второй половине 1942 г., когда создалась реальная угроза захвата г. Балашова, документы Калужского архива были перевезены в г. Шадринск Курганской области. Н. В. Акимовой одной пришлось перенести всю тяжесть второй эвакуации документальных материалов. При перевозке сильно пострадала тара, что угрожало сохранности материалов. Подробности пребывания архива в Шадринске отражены в докладной записке начальника группы УГА НКВД УССР в г. Шадринске в архивный отдел Тульской области от 19 ноября 1942 г., в которой дана отрицательная оценка работы Н. В. Акимовой по обеспечению сохранности документов и, как следствие, объявление ей выговора, но освобождать ее от работы не стали. Было сделано распоряжение о своевременной высылке зарплаты и обеспечении необходимыми руководящими указаниями[9]. В начале 1943 г. ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Работа Н. В. Акимовой в 1943 г. заключалась в приведении в порядок документов, находившиеся в неупакованном виде[10]. 31 января 1944 г. был получен приказ о реэвакуации архивных документов, а в мае 1944 г. они вернулись в Калугу. По приезде Акимова выступила с отчетом о своей работе в эвакуации перед сотрудниками архива. В ходе обсуждения отчета на общем собрании коллектива коллеги Акимовой указывали как на недостатки, так и на успехи в ее работе[11].

Третий блок вопросов это научно-просветительская и собирательская деятельность архива.

С началом войны, по указаниям из вышестоящих органов, заметно изменилась тематика научно-исследовательской работы. На исторических примерах показывали героические страницы прошлого, поднимая патриотических дух населения. Уже 23 июня 1941 г. в газету «Коммуна» была направлена статья «Патриотизм великого русского народа» — об участии калужан в Отечественной войне 1812 г., Первой мировой и Гражданской войнах. В период до октября 1941 г. архивистами было написано 12 статей[12], основное назначение которых состояло в популяризации героического прошлого Калужского края, содействии подъему патриотического духа земляков[13]. В 1942 г. по выявленным и обработанным документам было подготовлено 40 статей[14]. В период с 1943—1944 гг. — 8 статей, цель которых призыв к мобилизации трудящихся на разгром немецко-фашистских захватчиков[15].

Активно в архиве велась и справочная работа, проводившаяся по запросам органов НКВД, НКГБ, милиции и контрразведки. Справки выдавались в течение 24 часов, за редким исключением в случае массовых запросов, их исполнение задерживалось[16].

Читальный зал архива принимал желающих заниматься научной работой. Так, в течение 1942 г. в читальном зале занимался 31 исследователь, а в 1943 г. — 10 человек. Посетители читального зала занимались по заданиям парторганизаций, органов НКВД, политуправлений РККА, ЦК ВКП(б) редакций центральных, местных и фронтовых газет. За добросовестную работу его сотрудникам читателями был вынесен ряд благодарностей и хороших отзывов[17].

В этом блоке вопросов необходимо выделить собирательскую деятельность архивистов. На основании указаний, распоряжений партийных, архивных и советских органов было решено приступить к работе по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны. После освобождения Калуги от немецко-фашистских захватчиков это стало одним из главных направлений деятельности калужских архивистов. Собирали документы учреждений, организаций и предприятий, созданных на территории Калуги и Калужского района немецко-фашистскими захватчиками. В результате собрано 8 662 документа, из которых сформировано 308 дел, составлено 399 актов о зверствах и разрушениях, произведенных немецко-фашистскими оккупантами, записано 25 воспоминаний очевидцев и лиц, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков (авторами воспоминаний являлись секретари Калужского ГК ВКП(б), председатель Калужского горисполкома, рабочие и служащие учреждений и предприятий). Для обеспечения сохранности документов архивов действующих учреждений и разработке практических указаний по делопроизводству, архивисты после оккупации обследовали 25 учреждений. В процессе этой работы были выявлены ценные материалы по истории города периода оккупации и организовано хранение документов в начинавших работать советских учреждениях. Благодаря этому направлению деятельности в архиве отложился корпус источников по истории оккупации города Калуги и жизни тыла в период войны.

В апреле 1942 г. на страницах газеты «Коммуна» была напечатана заметка «Готовится брошюра»[18], в которой сообщалось о подготовке к изданию сотрудниками архива публикации документов: «Калуга в оккупации» сборника документов «Немецкие оккупанты в Калуге». К сожалению, этой публикации не суждено было увидеть свет. Как видно из заключения научно-издательского отдела УМА НКВД СССР от 9 декабря 1942 г. «…в таком виде брошюра не может быть использована по следующим мотивам: 1) в брошюре нет политических обобщений и выводов; 2) в брошюре не показана борьба калужан против немецких оккупантов; 3) брошюра нуждается в тщательной редакционной обработке»[19]. Впоследствии эти материалы так и не были опубликованы. До наших дней рукопись не сохранилось.

Таким образом, научно-исследовательская и публикаторская деятельность калужских архивистов военного времени была достаточно продуктивной. На примерах из исторического прошлого Калужского края архивисты старались морально поддерживать своих земляков и соотечественников. Только благодаря их самоотверженной собирательской работе сразу же после освобождения Калуги, архив стал пополняться ценнейшими документами периода оккупации.

Четвертый блок вопросов включает в себя историю сохранности архивных документов оставшихся в Калуге и судьбы архивистов. В отличие от других региональных архивов (например, в Смоленске) Калужскому архиву повезло. Оставшиеся на оккупирован-

ной территории документы сохранились и не подверглись утратам в отличие от эвакуированных.

В июле 1941 г. из Тулы было прислано указание об организации круглосуточного дежурства в архиве, охраны, светомаскировки, обеспеченностью песком, глиной и т. д.[20]

В период немецко-фашистской оккупации города Калуги (12 октября — 30 декабря 1941 г.) здание архива (ул. Кооперативный пос., 1) было закрыто. Несмотря на факт нахождения возле архива еврейского гетто, боевые действия по освобождению города на соседних с архивом улицах, документы в помещении не пострадали. После изгнания немецких оккупантов начальник архива и два сотрудника начали очистку от грязи, хлама и мусора архивохранилища; был разобран сваленный на пол не эвакуированный материал, установлена сторожевая охрана, введено круглосуточное дежурство сотрудников архива, опечатывание и пломбирование шкафов в архивохранилище. В период оккупации на 95% погибли документы советских учреждений и ведомств, что привело к почти полной утрате документального комплекса советских учреждений г. Калуги за 1930-е гг., в том числе и по личному составу.

В 1943 г. с целью обеспечения полной сохранности документальных материалов все силы калужских архивистов были направлены на просушку, увязку в связки и установку на стеллажи архивных документов, борьбу с грызунами, обеспечение помещения архива и архивохранилища противопожарным инвентарем (кадки с водой, ящики с песком, савки, лопаты, ломы), разбор, перемещение и установку в шкафах библиотеки.

Повседневную жизни архивистов иллюстрируют письма и ряд документов периода 1942—1944 гг. Прослеживается активная жизненная позиция сотрудников. Например, еще в 1941 г. однодневный заработок, по сообщению газеты «Коммуна», был отчислен архивистами в счет фронта. Сотрудники архива выполняли соцобязательства, посылали на фронт индивидуальные посылки, клеили конверты на фронт, сдавали кровь, внесли свои денежные сбережения на постройку бронетранспортера «Освобожденная Калуга» (собрали деньгами 1 530 руб. и облигациями 3 740 руб.)[21].

Состояние имеющихся в нашем распоряжении источников, не позволяет дать однозначную оценку работы сотрудников архива, и в первую очередь Н. В. Акимовой, в эвакуации. Не вызывает, однако, сомнения то факт, что им приходилось действовать в тяжелых чрезвычайных условиях военного времени, переносить голод, а иногда и угрозы отдачи под суд. Чувствуя свою беспомощность и незащищенность, они нередко приходили в отчаяние. Возможно, что в их действиях были какие-то нарушения установленных правил, однако, важно отметить главное — благодаря усилиям этих людей был сохранен и возвращен в родной город комплекс ценных архивных документов.

Примечания

[1] См.: ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 306. Л. 5.

[2] См. там же. Л. 7—8, 11

[3] Всего было эвакуировано 126 фондов (45 375 дел), в том числе: секретных — 88 (10 684 дел), дореволюционных — 4 (704 дел), советских — 34 (33 987 дел).

[4] См.: ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 306. Л. 12.

[5] См. там же. Л. 39, 39об.

[6] См. там же. Л. 34, 34об, 37, 37об

[7] См. там же. Л. 37, 37об.; Л. 48 — 49об.

[8] Там же. Л. 92.

[9] См. там же. Л. 76, 78, 80

[10] См. там же. Л. 105, 147, 147об.

[11] См. там же. Л. 191.

[12] О народном ополчении в Отечественную войну 1812 г., о герое малоярославецкого сражения 12 октября 1812 г. С. И. Беляеве, о формировании Калужского подвижного ополчения в 1855 г., об отношении к солдатским семьям в Первую мировую войну и в 1941 г., о трудовом фронте в годы Гражданской войны и др.

[13] См.: ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 294. Л. 58; *Корсакова Н. М., Сергеева А.* Патриотизм великого русского народа // Коммуна. — 1941. 25 июня; *Корсакова Н. М.* Отечественная война 1812 г. // Там же. — 1941, 2 июля; *Сергеева А.* Красный тыл // Там же. — 1941, 8 июля; *Корсакова Н. М.*

Народное ополчение 1812 г. // Там же. — 1941, 6 июля; *Сергеева А.* На помощь фронту (в годы Гражданской войны) // Знамя коммунизма. — 1941, 9 июля; *Сергеева А.* Канцелярист Жданов (1812 г.) // Коммуна. — 1941, 11 июля; *Сергеева А.* Патриот С. И. Беляев (1812 г.) // Там же. — 1941, 12 июля; *Корсакова Н. М.* Сыны своей Родины (об ополченцах 1855 г.) // Там же. — 1941, 15 июля; *Корсакова Н. М., Сергеева А.* Трудовой фронт (в годы гражданской войны) // Там же. — 1941, 18 июля; *Сергеева А.* Тогда и теперь (о положении солдаток до революции) // Там же. — 1941, 19 июля; *Сергеева А.* Герои первой Отечественной войны // Знамя коммунизма. — 1941, 22 июля; *Сергеева А.* Из истории калужской комсомольской организации // Коммуна. — 1941, 6 сент.

[14] Из них 31 — об оккупации города (не опубликовано 4), 7 — по истории Отечественной войны 1812 г. (о фельдмаршале М. И. Кутузове, партизанском движении, народных героях)1 и 2 — о жизни тыла в начальный период войны.

[15] См.: ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 369; *Сергеева А.* В Калужском архиве // Дзержинец (послана: 1943, 11 янв.); *Агеева З.* Из исторического прошлого г. Калуги // Коммуна (послана: декабрь 1943).

[16] См. там же. Д. 305. Л. 1—3; Д. 316. Л. 187, 188. (1941 г. — 95 справок, из них 81 положит., 14 — отрицат., 1942 г. — 462 справки, из них соответственно 316 и 146, 1943 г. — 274 справки, из них соответственно 185 и 89. Таким образом, наибольшее количество подготовленных справок приходится на 1942 г. — на 20,5 % больше по сравнению с 1941 г. и на 59,3 % — с 1943 г.)

[17] См. там же. Д. 316. Л. 187, 188, 190, 190об.

[18] *Сергеева А.* Готовится брошюра // Коммуна. — 1942, 11 апр.

[19] См.: ГАКО. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 294. Л. 115—116.

[20] См. там же. Д. 306. Л.1—4, 9.

[21] См. там же. Д. 175. Л. 3, 4, 104, 108.

СПИЧЕЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ФАБРИКИ «ГИГАНТ» им. ВОРОШИЛОВА В ПЕРИОД 1940—1945 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДОКУМЕНТОВ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Г. И. Роянова**, засл. работник культуры РФ, с. н. с.,*
Калужский областной краеведческий музей

В топонимике г. Калуги «Спичка» обозначает место, где когда-то находилась спичечная фабрика «Гигант» им. Ворошилова. 5 ноября 1931 г. считается днем начала деятельности предприятия. Улица, на которой с 1928 г. шло активное строительство фабрики первой пятилетки, не имела названия. По мнению Г. М. Морозовой, известного калужского краеведа, в августе 1948 года улица носила название Фабричной. А в 1965 г. она стала называться улицей Болдина, по имени И. В. Болдина, командующего 50-й армией, которая освобождала Калугу[1] До сих пор, хотя предприятия уже не существует, название «Спичка» употребляется в обиходе калужан.

С 1940 по 1945 г. фабрика «Гигант» им. Ворошилова была подчинена Главному управлению фанерной и бумажной промышленности Наркомата лесной и бумажной промышленности СССР. В настоящее время филуменистами изучены образцы 120 предприятий местной промышленности, которые выпускали в годы Великой Отечественной войны спичечную продукцию. Среди них и продукция спичечной фабрики «Гигант», которая к 1940 г. производила до 10% спичек, выпускаемых в СССР. По спецзаказам на фабрике выпускались подарки делегатам различных съездов и конференций. Например, были выпущены наборы «Делегатам IV Всероссийского съезда Советов», «Делегатам Конгресса Коминтерна».

Материалы о деятельности одного из ведущих предприятий г. Калуги хранятся в Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области (Ф. 502. Оп. 1; ФП 7607. Оп. 4 Д. 53).

Знакомство с документами партийной организации предприятия, где важное место занимают отчеты директоров фабрики, позволили представить деятельность руководства, инженерно- технических работников и рабочих в период 1940—1945 гг.

Фото 1. Знак «Ворошиловский всадник».

В 1940 г. на фабрике «Гигант» им. Ворошилова было выработано 1 064 774 ящиков спичек. Это составило 86,5% плана. Некачественная соломка, которая шла на изготовление спичек, перерасход бумаги, парафина, небрежное отношение к материалам, долги в банк — 150 тыс. руб., поставщикам — 400 тыс. руб. — привели к убыткам в 680 тыс. руб. в конце 1940 г.[2] Основными проблемами были: качество спичек и оформление коробка. Профессиональному мастерству ИТР и рабочие фабрики обучались в Академии лесной промышленности и на курсах повышения квалификации в Москве. В 1940 г. на фабрике трудились рабочие с Западной Украины. Как пишет в своей работе Владимир Григорьевич Бармаков: «К этому времени по заказам отраслей промышленности, армии и флота уже были созданы и успешно применялись десятки разновидностей спичек»[3]. К ним относились беспламенные спички, сигнальные спички, штормовые спички, спички, горящие под водой, спички для высокогорья.

В план 1941 г. руководством фабрики были поставлены задачи осуществления выпуска качественной продукции и выполнение плана 4 100 а/ящиков в сутки, организация хозрасчетных бригад и работа по обмену опытом. Уже в 1940 и начале 1941 г. руководство фабрики озаботилось работой коллектива в условиях предвоенного и военного времени. В 1940 году на партийных собраниях ставился вопрос об усилении оборонной работы на фабрике, увеличения количества «Ворошиловских всадников» и санитарных постов[4].

Хорошо известно понятие «Ворошиловский стрелок», в документах фабрики встречается наименование «Ворошиловский всадник». Для активизации работы по кавалерийской подготовке молодежи 4 марта 1936 г. Центральный совет Осоавиахима утвердил нормы «Ворошиловский всадник». Этим же постановлением были утверждены положения о кавалерийских кружках, конно-спортивных клубах. 2 июня был утвержден значок «Ворошиловский всадник», изображение которого было опубликовано в газете «На страже» 10 июня 1936 г.. В Положении о значке говорилось, что он выдается районным, городским советам Осоавиахима тем членам, кто успешно выполняет установленные нормативы.

В документах партсобраний начала 1941 г. говорилось: «В настоящее время как никогда напряженная международная обстановка, с каждым днем пламя 2-ой империалистической войны расширяется, втягивая в свою орбиту новые страны. Исходя из этого, оборонная работа сейчас как никогда велика. Членов ОСО — 346 человек. Коммунистов — 56 человек, членов ВЛКСМ — 79 человек. Помимо ОСО, имеется и Роковская организация, насчитывающая 165 человек»[5]. В плане подготовки к 23 годовщине Красной Армии были пункты: 4. Каждый член и кандидат ВКП/б был членом Осоавиахима; 5. Созвать всех командиров запаса, работающих на фабрике, для осуществления задач оборонной работы; 8. Организовать массовый военизированный поход в противогазах; 12. Провести беседы с рабочими и участниками боев с белофиннами. Администрация и рабочие фабрики первую половину 1941 года работали в режиме мирного времени. 20 июня 1941 г. директор фабрики т. Емельянов на партийном собрании доложил об успехах работы фабрики. Было отмечено, что работа с этикетами была налажена, и был составлен план работы на июнь.

Начало Великой Отечественной войны изменило все планы. 7 июля 1941 г. на фабрике потребовалась светомаскировка. Рабочие должны были записаться в ополчение.

«В момент серьезной опасности нависшей над нашей родиной, — говорилось в выступлении руководителя парторганизации, — в момент смертельной схватки нашей родины

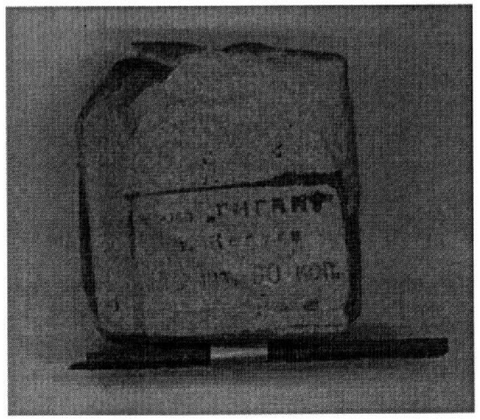


Фото 2. Спички в бумажной упаковке.

с вооруженными до зубов германскими фашистами, мудрое указание вождя вооружает всю партию и весь советский народ боевой программой действий необходимых для победы над лютым врагом нашей родины, для разгрома фашистских разбойников и людоедов»[6]. Администрация фабрики приняла решение о закрытии доступа на фабрику неизвестных людей, дабы не допустить проникновение диверсантов и шпионов. Организовывались отряды по истреблению диверсантов, усилилась охрана в вечернее, ночное время и в выходные дни. Работали курсы медсестер и санинструкторов. Фабрика перешла на новый формат спичек. Спички были необходимы и стране, и армии. Был вывешен лозунг « Не ломать спички». Было решено сосредоточить работу в дневную смену, один выходной день отработать для обороны страны. Упакованные спички нельзя было оставлять на столах, чтобы не было возгорания. Еще 31 марта 1941 г. вышло Распоряжение Совета народных комиссаров СССР, в котором в пункте 5 говорилось: «Разрешить предприятием местной промышленности и промкооперации производить упаковку спичек в мягкую тару (в бумажных пакетах)»[7].

В соответствии с военным временем фабрика приступила к созданию ветроустойчивых спичек и спичек в бумажной упаковке. Как и на других фабриках, в Калуге был освоен выпуск рассыпной спички в бумажных пакетах, по 150—200 спичек в каждом. В первые годы войны существовала норма выдачи спичек — три коробки или 150 штук на карточку в месяц.

Не забывая ни на минуту, «что враг коварен и еще силен, его оружие еще способно сеять смерть и разрушения, налетая на наши города и села, наши задачи укрепить тыл и превратить наше предприятие в неприступную крепость обороны…»[8] Объекты фабрики были обеспечены песком, клещами, рукавицами, лопатами. Людей обучали быстро владеть этим «оружием» во время налетов вражеской авиации. Коммунисты и начальники цехов переходили на казарменное положение и во время воздушной тревоги обязаны были быть в цехах и осуществлять оборонную работу. Рабочих, ушедших на фронт, заменяли женщины-домохозяйки.

В начале июля по Постановлению Правительства СССР фабрике «Гигант» было поручено выполнение важного и срочного заказа: «изготовить для действующей Красной Армии ветроустойчивые специальные спички». Ответственность за выполнение заказа было возложено на секретаря Калужского горкома ВКП(б) т. Суркова и секретаря по промышленности И. С. Ежова.

В документе было написано: «Ввиду исключительной важности и срочности исполнения заказа, прошу Вас установить личный контроль над его выполнением и оказать необходимую помощь фабрикам». Военный заказ был выполнен, стахановцы выполняли три нормы. В фонде филумении музея хранятся экземпляры ветроустойчивых спичек, выпущенных на «Гиганте» (КП 11868/20).

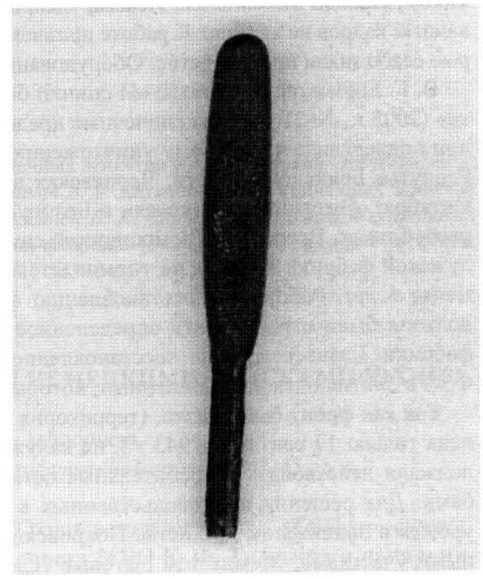


Фото 3. Ветроустойчивая спичка.

Фото 4. Коробки спичек производства фабрики «Гигант».

Принцип снабжения войск спичками предусматривал выделения всем военнослужащим, не входящим в состав действующих войск по 3 коробка спичек в месяц и по 10 коробков в месяц всем военнослужащим действующих армий. При разработке этикеток художники пользовались традиционной тематикой плакатного искусства, которое было широко распространено в эти годы. На этикетках можно было увидеть призывы и лозунги, бойцов, рвущихся в бой, краснозвездные танки, рисунки кораблей военно-морского флота, различные модификации бронетанковой техники и другого вооружения.

В начале сентября на «Гигант» прекратились поставки леса, самозаготовка осины не дала результатов, фабрика остановилась. Спичек не было.

Рабочий и служащий контингент эвакуировался в г. Рыбинск, в Уфу, где продолжали работать спичечные фабрики. Некоторые по разным причинам остались на оккупированной территории. За время оккупации (78 дней) здание фабрики и часть оборудования сгорели.

После освобождения от фашистских захватчиков г. Калуги на фабрике была проведена инвентаризация, регистрация рабочей силы, произведен ремонт ряда оборудования и ремонт машин, в том числе этикетировочных. Предприятию был нанесен колоссальный ущерб, поэтому в феврале месяце было принято решение перейти на кустарный способ выработки спичек. 22 февраля 1942 г. была выпущена первая партия спичек[9]. К 28 июня в день вырабатывали 2 360 пакетов. План был выполнен на 106%. Были подготовлены к полному запуску два сушильных аппарата. В 3 квартале 1942 г. фабрика была удостоена переходящего Красного знамени ВЦСПС и Совнаркомлеса. В 1943 г. нескольким бригадам было присвоено звание «Фронтовая бригада».

Несмотря на то, что в Калугу из Уфы и Рыбинска возвращались эвакуированные сотрудники фабрики (Петр Кириллович Кабаков с 1944 г. работал на фабрике главным механиком; Ираида Михайловна Исаева; Смирнов работал на фабрике «Маяк»), квалифицированных кадров не хватало. К работе привлекались домохозяйки, инвалиды, подростки, которые слабо знали производство. Оборудование в ряде случаев собиралось из горелых частей.

В. Г. Бармаковым в статье «И спички боролись за Победу» в журнале «Тара и упаковка» (2005 г., № 2) указаны спичечные предприятия, которые были полностью разграблены или подверглись частичному уничтожению. Это были « Волна революции», «Малютка»» Ревпуть» Брянской области; Черневская в Псковской области; им. Кирова, им. Х-летия Октября; «Везувий и «Пинская» в Белоруской ССР, пять предприятий в прибалтийских республиках. Всего — 70% мощностей спичечной промышленности. К сожалению, о калужской фабрике в статье не упоминается. Хотя, на ее восстановление потребовалось не менее 4 лет. Работа по восстановлению фабрики шла медленно, рабочие после смены должны были отрабатывать определенное количество часов по восстановлению зданий фабрики. Главлесстрой на восстановление и строительство фабрики выделял учащихся ФЗО и 500 человек военнопленных, которые, кроме того, строили лагерь для себя.

Так как фронт был близко, (территория Калужской области была полностью освобождена только 17 сентября 1943 г.), на калужской фабрике «Гигант» им. Ворошилова продолжали действовать истребительные батальоны, велась борьба с зажигательными бомбами. Для решения продовольственных вопросов была организована работа по уборке урожая в подшефном хозяйстве Покровский, рабочих обеспечивали подсобными земельными участками. Между тем бытовые условия работников были крайне тяжелые. Спецодежды в 1944 г. было выделено 89%. А в 1945 г. — 68%. Обувь донашивалась до дыр. Усиленное питание состояло исключительно из солянки, крупы не поступали[10].

На протяжении 1943—1945 гг. продолжали работать надомницы. Новый контингент из демобилизованных необходимо было вновь научить и подготовить к выпуску спичек в коробках. На 4 автоматах должны были работать квалифицированные рабочие. С 1 апреля 1944 г. фабрика должна была выпустить 10% спичек в твердой упаковке. Но только ко второй половине 1944 года был намечен выпуск спичек в коробках из фанерного шпона[11]. В конце 1945 г. на фабрике работало 660 человек, из них мужчин — 138, молодежи в возрасте до 22 лет — 198, учеников — 49 человек. Основная часть, работавших на предприятии, были женщины.

Руководством фабрики к 1 мая 1945 г. были поставлены задачи по восстановлению фабрики, выпуску спичек в коробке, участие в восстановлении города Калуги, оказание содействия семьям военнослужащих. К вопросу о восстановлении производства по выпуску спичек в коробках руководство возвращалось не раз и на производственных совещаниях, и на партийных собраниях. Так в январе 1945 г. было предложено «главному механику фабрики т. Кабакову разработать конкретный план и график подготовки оборудования на переход на выпуск спичек в коробках к 20 февраля»[12]. Но и 1945 г. продолжался выпуск спичек в бумажной упаковке. В отчете за 1945 г. было сказано: «За 11 месяцев 1945 года план выполнен на 87,9%. За 8 месяцев фабрика имела прибыль 356 т. р. В июле—августе фабрика полностью перешла на работу по выпуску спичек в твердой упаковке, тем самым в срок выполнила решение СЕК СССР и решение бюро ГК ВКП/б по этому вопросу»[13].

В 1946 г. в СССР работали 22 фабрики с 50 автоматами, в том числе спичечная фабрика « Гигант» им. Ворошилова[14].

Примечания

[1] См.: *Морозова Г. М.* Калуга: Прогулки по старой Калуге. — Калуга, 1993. — С. 250.

[2] См.: Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 111.

[3] *Бармаков В. Г.* Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в СССР: С 1919 по 1945 г. — М., 2000. — С. 28.

[4] См.: ГАДНИКО. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 82.

[5] Там же. Ед. хр. 17. С. 49, 50.

[6] Там же. С. 74.

[7] См.: *Бармаков В. Г.* Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в СССР. — С. 30.

[8] ГАДНИКО. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. 18. С. 30.

[9] См. там же. С. 33—36.

[10] См. там же. Ед. хр. 21. С. 41.

[11] См. там же. Ед. хр. 20. С. 56.

[12] Там же. — С. 22

[13] См. там же. С. 87

[14] Полную версию выпущенных советских спичечных этикеток в годы Великой Отечественной войны можно найти в следующих изданиях: *Бармаков В. Г.* Каталог-альбом спичечных этикеток Великой Отечественной войны. — М., 2004; *Воложинец В. К., Дионин Р. С.* Каталог спичечных этикеток Московской экспериментальной спичечной фабрики. 1942—1945 гг.; *Дионин Р. С.* Каталог спичечных этикеток и буклетов Ленинграда. 1941—1945 гг.

КАК «НЕОЖИДАННО» БЫЛ ЗАХВАЧЕН НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ ЮХНОВ

***Г. Я. Грин**, вед. методист,*
Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-45 гг.

О времени захвата войсками Вермахта г. Юхнов в ходе операции «Тайфун» существуют две версии. **Первая — члена Военного совета МВО К. Ф. Телегина и начальника ВВС МВО Н. Сбытова**, состоящая в том, что передовые **части Вермахта заняли город только к вечеру 5 октября**, а утром большой колонной они еще только подходили

к Юхнову на расстоянии 20—25 км, что было обнаружено совершенно случайно летчиками. Ставка ничего об этом не знала. Эта версия в настоящее время считается единственной, широко распространена и перепечатывается регулярно из издания в издание.

Вторая версия гораздо менее известна. Она принадлежит непосредственному участнику обороны Юхнова — **начальнику парашютно-десантной службы Западного фронта Ивану Георгиевичу Старчаку**[1], который в эти дни находился в районе Юхнова и по своей инициативе первым организовал оборону на Юхновском направлении днем раньше — **с утра 4 октября**. Утром **5 октября его отряд уже вступил бой с немецкими мотоциклистами на мосту чрез р. Угра, в 3 км восточнее Юхнова**.

Рассмотрим, чем подтверждаются или опровергаются обе эти версии.

Версия К. Ф. Телегина и Н. А. Сбытова

К. Ф. Телегин в своих мемуарах описывал обстановку, предшествующую взятию Юхнова немецкими войсками как достаточно спокойную: «*2—4 октября никаких тревожных вестей с Западного фронта не поступало, и все внимание штаба округа и оперативной группы можайской линии обороны было сосредоточено на обеспечении тульского направления. Правда, 3 октября наша проводная связь со штабом Западного фронта прервалась, что мы объясняли действиями авиации противника. Военный совет два-три раза в сутки получал информацию о положении на фронтах от оперативного и разведывательного управлений Генерального штаба, но ни 3, ни 4 октября ничего особо тревожного в сообщениях не было...*»[2]

На рассвете 5 октября 1941 г. на Варшавском шоссе летчиками МВО была случайно обнаружена большая немецкая колонна техники а на подходе к Юхнову, более чем в 20 км от города. Командующий ВВС МВО Н. А. Сбытов доложил К. Ф. Телегину об этом в 7.00 5 октября, но тот, вместо доклада в вышестоящие штабы, долго пытался узнать что-либо у начальника Генштаба (ГШ) Шапошникова, который сообщил, что ничего нового не произошло. После многих перепроверок только к 14.00 в Ставку было доложено о подходе немецких частей к Юхнову. Н. А. Сбытова взвали на Лубянку, убеждая его, что он сеет панику. Приехавший командующий МВО Артемьев в 18 часов узнал у начальника Главного оперативного управления Генштаба Василевского, не могут ли это быть наши танки. По словам Сбытова,

«...тот сказал, что наших танков там быть не может. Но мер никаких не принял. И Артемьев не принял.

Начальник особого отдела Красной Армии Абакумов прислал полковника с протоколом допроса, а там написано, что я специально хотел устроить провокацию с целью создать в Москве панику, бегство ответственных работников и так далее. Я взял ручку, написал: "Последней разведкой установлено, что немцы к исходу дня займут Юхнов", — и подписал»[3].

События на юхновском направлении 2—5 октября 1941 г. в документах Генштаба, Резервного и Западного фронтов

По сведениям К. Ф. Телегина, «ничего нового и серьезного» в сводках ГШ утром 5 октября не было. Но это было не так. Несмотря на то, связь с Западным и Резервным фронтами была нарушена 4 октября, все предыдущие сводки, начиная с 1 октября уже были крайне тревожными и требовали немедленного вмешательства Ставки. Это можно проследить по документам Резервного и Западного фронтов и Генштаба, с которыми К.Ф. Телегин был своевременно ознакомлен.

Разведсводка штаба Резервного фронта, отправленной еще до начала операции «Тайфун» — в 6.00 1 октября сообщала, что немцы концентрируют свои силы на Варшавском шоссе, готовясь к наступлению: *«...противник продолжает сосредотачивать в районы севернее и южнее Рославль пехоту, танки и конницу, видимо подготавливают наступление в общем направлении на Спас- Деменск»*[4].

Перед рассветом 2 октября немецкие механизированные части располагались на исходных позициях в 10 км юго-западнее р. Десна между Рославлем и Екимовичами. Начав наступление, немецкая пехота с большим перевесом в живой силе, артиллерии и при поддержке авиации, продвигалась по грунтовым дорогам к переправам. Главный удар прошел по стыку Резервного и Брянского фронтов в 20—25 км южнее Варшавского шоссе. Рано утром 2 октября, через Десну было организовано несколько переправ в 10-ти километровом коридоре от Дровенево до Фроловки (7—17 км южнее Варшавского шоссе). По этим переправам были быстро пропущены в направлении Бетлицы и Кирова все пять танковых дивизий, а также, сопровождающие их пехотные колонны. Были захвачены железнодорожные мосты через реку Снопоть юго-восточнее Буды. Весь танковый клин 4-й полевой армии вошел в Резервный фронт в одном месте, почти беспрепятственно. За танками шли пехотные дивизии.

Командующий Резервным фронтом С.М. Буденный сообщил начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову о прорыве противником обороны в полосе 43-й армии. В его донесении силы наступающего противника были преуменьшены, там были указаны всего 6—7 пехотных дивизий с танками. Эти сведения вошли и в сводку Генштаба, составленную к 20.00 02.10.41:

«...Войска Резервного фронта. На правом фланге в положении войск изменений не произошло, на левом фланге частей вели бои с перешедшим в наступление противником.

43-я армия. Противник в 06.15 2.10 на всем фронте армии открыл ураганный артминометный огонь и перешел в наступление. На участке 53 сд ... противник до двух пехотных дивизий с двумя танковыми батальонами наносит главный удар южнее Варшавского шоссе.... В 14.30 2.10.41 группа противника в 100 танков прорвалась в направлении Липчаты, Мамоновка»[5].

Мамоновка и Липчаты, находятся на расстоянии 60 км от места прорыва, которые немцы преодолели за половину дня. Неужели этих сведений было не достаточно для Генштаба, чтобы немедленно предпринять какие-то действия? Тем не менее, никакой помощи или общего руководства войскам Западного и Резервного фронтов в эти дни Ставкой не оказывалось. Ждать врага у Юхнова можно было в любой момент уже с 3 октября, зная, что за 1—2 дня он может продвинуться на 120 км, как это случилось днем раньше под Орлом. От места прорыва Резервного фронта до Юхнова было 150 км.

По Варшавскому шоссе к 14.00 2 октября немецкая пехота продвинулись всего на 4—6 км. Главной целью вермахта было в тот момент не прямое наступление на Москву, а изоляция основных сил Красной армии — Западного и Резервного фронтов, а уже затем — наступление на Москву. Быстрым прорывом на Бетлицу—Киров немцы начали создавать южную линию окружения будущего Вяземского котла.

Командование немецкой 10 тд, возглавляющей наступающие колонны, решило, используя полнолуние, не ввязываясь в бои, продолжать движение всю ночь, двигаясь двумя параллельными маршрутами на Мосальск, находившийся в 75 километрах в советском тылу, что создавало возможности для дальнейшего окружения. В оперсводках Резервного фронта № 135[6], 136[7] составленных на 6.00 и 18.00 3.10.41, указано, что всю ночь со 2 на 3 октября и в течение дня части 33-й и 43-й армии не прекращали бои по всему фронту. Днем части 43-й армии отходили на новый оборонительный рубеж и главный удар пришелся на второй эшелон — части Резервного фронта, бывшие дивизии народного ополчения.

Оперсводка Генштаба № 208[8], на 20.00 3.10.41 сообщала, что 43-я армия продолжала вести упорные бои, войска Резервного фронта перегруппировывали войска и вели упорные бои с противником, который силой до двух пехотных полков с 15—20 танками к 14.30 продвинулся на 20 км от начала прорыва по Варшавскому шоссе. В телеграфных переговорах штабов 33-й армии и Резервного фронта[9] сообщалось, *что «...к 3.30 аэродром у Мамоново был захвачен группой до 12 танков противника»*. Также был обнаружен «десант» противника в Дубровке, в 7 км севернее Бетлицы (в 22 км зап. аэродрома Мамоново). В 15.30 для ликвидации Мамоновской группы был выслан отряд в составе роты с 2-м противотанковыми орудиями и одной бронемашиной. После боя в районе Гайдуки связь с отрядом прервалась. К исходу 3 октября южнее Варшавского шоссе мотопехота противника находилась уже в 4 км западнее г. Киров.

Части Красной армии, которые находились вне направлений главных ударов, выполняя приказ по обороне своих позиций, «стойко обороняли» неатакованные участки, в то время, когда их соседи, обливаясь кровью, сдерживали в 5—10 раз превосходящие силы противника. Чтобы так продолжалось и дальше, в штаб 33-й армии по телеграфу к полуночи с 3 на 4 октября было передано распоряжение Военного Совета Резервного фронта: *«Военный совет фронта ... предупреждает, что ни на одном участке фронта* ***ни одна войсковая часть не имеет права бросать занимаемый рубеж обороны, ни один человек не должен оставлять свой пост.*** *ВС фронта предупреждает командование армии, что если не будет удержан занимаемый рубеж, то виновные будут привлечены к строжайшей ответственности и наказаны. Решительными и активными действиями должны быть ликвидированы всякие попытки противника прорвать оборону»*[10].

Утром 4 октября проволочная связь командующего Резервным фронтом с 43-й и 33-й армиями прервалась. С 10.30 прервалась и радиосвязь, о чем было доложено в Генштаб донесением № 43, составленном к 14.20 4.10.41[11]. Это боевое донесение было получено в 17.20 того же дня, то есть Генштаб знал о том, что с этого дня с частями 33-й и 43-й армий, находящихся на направлении главного удара, связи нет, но опять не насторожился. В том же донесении сообщалось о прорыве немецких частей севернее шоссе, на Спас-Деменск *«...К 8.45 противник перерезал шоссе танками в районе Легковка, Сутоки»* (более 45 км по Варшавскому шоссе от начала прорыва).

Командующий Западным фронтом И. С. Конев, судя по его воспоминаниям, лично докладывал И. В. Сталину об обстановке на 4 октября: *«В связи с создавшимся положением, я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковский. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался «бодо» с начальником Генштаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта...»*[12]

В этот же день авиабомбежкой были уничтожены линии проводной связи Ставки со штабами Западного и Резервного фронтов. Но отсутствие связи, а следовательно и свежей информации на фронте, где ведутся ожесточенные бои опять не заставили Ставку более внимательно оценить обстановку на Варшавском шоссе.

4 октября немецкая 10 тд, действующая южнее Варшавского шоссе, разделившись на 2 группы начала охват Мосальска, с тем, чтобы затем повернуть от него на север одной группой выйти на Варшавское шоссе. Командир 10 тд Фишер *«...запросил разрешения на быстрый бросок одной кампфгруппы на Юхнов, чтобы создать плацдарм по реке Угра и ликвидировать фланговую угрозу на время движения дивизии на север к Вязьме. ... Фишер, во главе северной кампфгруппы, двинулся на Мосальск в 16.30... и приказал продолжить движение ночью с 3 на 4 октября, чтобы достичь шоссе Рославль-Юхнов-Москва в 25 км юго-западнее Юхнова... Централизованное управление огнем в ходе быстрого продвижения оказалось невозможным, так как боевые группы быстро разошлись по удаленным направлениям и ввязались во множественные стычки с противником»*[13].

Вечерняя сводка ГШ № 210 за 4.10.41[14] вновь сообщала об упорных боях Западного и Резервного фронтов и подходе немецких частей в район Спас- Деменска севернее шоссе. О продвижении противника на Мосальском направлении, южнее шоссе, Ставка не знала, ограничившись вчерашними сведениями о боях на подступах к г. Кирову.

«...6. Войска Западного фронта на правом крыле удерживали ранее занимаемые позиции, в центре и на левом крыле вели упорные бои с наступающими мотомехчастями и пехотой противника....

7. Войска Резервного фронта вели упорные оборонительные бои с противником, противодействуя прорыву его мотомехчастей в направлении Киров. Части 43-й армии, оказывая слабое сопротивление противнику, разрозненными группами отходили в восточном и северо-восточном направлениях. Противник, обойдя левый фланг армии, продолжает наступать в общем направлении на Спас-Деменск...»

К исходу 4.10.41 и в ночь на 5.10.41 Войска Резервного фронта продолжали вести упорные сдерживающие бои в районе Варшавского шоссе. В течение ночи на левом фланге фронта рассеянные части 43-й армии продолжали с боями отходить в северо-восточном направлении на Спас-Деменск, севернее его и вдоль Варшавского шоссе[15]. На остальных участках — положение оставалось без существенных изменений. К вечеру положение оставалось таким же. Войска Рез. Фронта к исходу 4.10.41 и в ночь на 5.10.41 вели сдерживающие бои в центре. Штаб 43-й армии в 8.00 был в д. Ключики (55 км западнее Юхнова). Все войска 43 армии были значительно потрепаны, управление ими потеряно. Была утеряна связь штаба Резервного фронта с двумя частями 43 армии (113 сд и 148 тбр), и со всей 33-й армией.

Пока войска Резервного фронта сдерживали врага и отходили лесами в районе Спас-Деменска в 60 км юго-западнее Юхнова, к утру этого же дня, 5 октября, северная группа 10 тд, обойдя их, уже вышла от Мосальска на Варшавское шоссе в 25 км юго-западнее Юхнова и начала продвигаться к нему. Именно эту колонну и увидели летчики ВВС МВО Н. А. Сбытова. Командование Резервного фронта, потерявшее управление своими войсками об этом ничего не знало, так как его части вели бои в 60 км от Юхнова. Дальнейшие события в штабе МВО и Ставке нам уже известны из мемуаров Н. А. Сбытова и К. Ф. Телегина. К вечеру войска Резервного фронта, окончательно потеряв управление, продолжали по отдельности вести сдерживающие бои и отходить в северном и северо-восточном направлениях. От 33-й армии сведений так и не поступило[16]. К утру 6 октября была потеряна связь и с 43-й армией…

Версия И. Г. Старчака

По сведениям И. Г. Старчака, передовые немецкие части вошли в Юхнов не к вечеру, как утверждает К. Ф. Телегин, а рано утром 5 октября.

В нескольких независимых мемуарных источниках подтверждаются сведения о том, что немцы подходили к Юхнову вечером 4 октября, утром 5 октября уже занимали Юхнов.

Вспоминает летчик О. А. Дорощук, авиачасть которого дислоцировалась в этот день в Ржеве: *«...5 октября 1941 г. Примерно в 11 часов пришлось находиться на самолете У-2 над г. Юхновом и в районе этого города в лесу разговаривать с группой наших офицеров. Они мне сообщили о том, что Юхнов взят фашистами и, по их просьбе, сообщил об этом своему командованию по возвращении на аэродром г. Ржев. Примерно через 30 мин. над Юхновом был сбит наш самолет ТБ-3, который не знал, что там фашисты, пытался произвести посадку»*[17].

Эта же дата подтверждается воспоминаниями жены председателя горсовета г. Юхнова Фаины Александровны Кузовковой[18], которой, как и остальному гражданскому населению, стало известно о подходе немцев 4 октября. По ее воспоминаниям, массовая эвакуация граждан и организаций города Юхнов началась около 20.00 4 октября, до этого все жители, вплоть до руководства города, еще колебались, можно ли покидать город. Еще утром в райкоме ей угрожали, что в случае ее эвакуации с детьми, ее муж будет привлечен к ответственности, как паникер.

О подходе немцев накануне знала как минимум одна воинская часть — это 1-й тяжелый дальнебомбардировочный авиаполк (1 ТБАП), на базе которого дислоцировалась десантная группа И. Г. Старчака. 1 ТБАП, входил в 23 тяжелобомбардировочную авиадивизию и дислоцировался в районе Юхнова на нескольких аэродромах с августа 1941-го. Один из интендантов 1 ТБАП, которого удалось догнать 4 октября бойцам группы Старчака, сообщил, что противник прорвал нашу оборону.

О захвате немцами аэродрома под Юхновом свидетельствуют воспоминания летчика 1 ТБАП М. Т. Лановенко[19], который вылетая на задание 4 октября, был обстрелян неподалеку от аэродрома. Перед рассветом его самолет вернулся, соседняя деревня была уже занята немцами, а аэродром еще нет, он успел захватить часть аэродромного оборудования и личного состава техслужб и перелететь на аэродром Полотняный завод.

Почему 4 октября эти же сведения не были сообщены в Ставку командованием 1 ТБАП — неизвестно. Городские власти г. Юхнов тоже ничего не сообщили.

Оборона группы Старчака на подступах к Юхнову

По сведениям И. Г. Старчака, 1 ТБАП снялся и улетел с аэродрома Юхнов утром 4 октября, оставив (бросив) на аэродроме несколько бомбардировщиков. Машины авиаполка тоже уехали в Москву, об убытии 1 ТБАП Старчака не предупредили. Возможно, это произошло из-за различной подчиненности, 1 Гв ТБАП подчинялся МВО, а парашютно-десантная группа входила в состав ВВС Западного фронта, но это никак не объясняет невозможности просто известить его об этом.

Несмотря на возможность уйти, капитан И. Г. Старчак самостоятельно принял решение остаться и максимально нанести вред надвигающейся немецкой колонне, поскольку других воинских частей К А в этом районе не было. Навстречу немцам по Варшавскому шоссе были высланы мелкие группы десантников, по 3-4 человека в каждой, для проведения диверсий — подрыва многочисленных мостов через ручьи и овраги. Они минировали дорогу, устраивали заграждения. Часов в 7 вечера 4 октября они обстреляли колонну заправлявшихся танков, бронетранспортеров и грузовиков. Благодаря их действиям, движение немецкой колонны было сильно замедленно, создавались многочисленные пробки, саперы не успевали строить новые мосты, ее вступление в Юхнов было задержано на 10—12 часов.

В «Дневнике боевых действий» немецкого 57 МК за 4.10.41 отмечалось: *«На дороге Рославль — Юхнов русскими разрушены все мосты, которые в настоящее время еще ремонтируются, что все время вызывает заторы....»*[20]

Некоторые из этих бойцов вернулись в группу вечером 6 октября и сообщили о численности вражеских войск.

Есть сведения, что подходы к городу и сам г. Юхнов были предварительно заминированы специалистами Московского Военно-инженерного училища, которые, выполнив свою работу, уехали до 3 октября 1941 г. Если это так, то это только помогло высланным вперед на запад от Юхнова группе Старчака.

Колонны немецкой техники медленно подтягивались к Юхнову весь день 5 октября, преодолевая разрушенные десантниками мосты и собственные пробки, об этом свидетельствует «Дневник военных действий штаба 4 танковой группы»:

«5 октября 11.00: Продвижение вперед ...сильно страдает от плохих дорожных условий и отсутствия проходимых мостов. Вследствие этого сильно задерживается снабжение корпуса...

11.45 ... Автострада, так необходимая танковой группе полностью забита транспортом, особенно наземными частями авиации...»[21]

В ночь на 5 октября бойцы заминировали подступы к мосту через Угру, заложили фугасы, замаскировали свои позиции. С запада к мосту через Угру в 10 часов утра 5 октября подошло до 20 автомашин ЗиС-5 и ГАЗ-АА, 10 мотоциклов, 4 бронемашины и 2 танка советского производства. Мотоциклисты и пехота были одеты в наши плащ — палатки. Они попытались сходу прорваться через мост, застрелив на КПП патрульных, потребовавших у них документы. Десантники из засады встретили их пулеметным огнем, сработали заблаговременно заложенные мины[22]. Первая атака немцев была отбита, при повторной мост был взорван. Свидетелем этого боя был летчик 1 ТБАП М.Т. Лановенко, по его воспоминаниям.

Пролить свет на время взятия Юхнова могли бы **документы 1 ТБАП**, но в ЦАМО РФ удалось обнаружить только исторический формуляр[23] и боевые приказы полка[24]. Боевые приказы полка указывают, что передислокация из Юхнова происходила 5 октября, но сведения эти вызывают некоторые сомнения. Дело в том, что в документах полка вообще никак не отражено начало операции «Тайфун» и бои Западного и Резервного фронтов. Только на 4 октября полку приказом № 059 ставилась задача бомбардировать пехоту, артиллерию и танки противника в районе, где 2 дня назад стояли наши войска, а также выполнить некое **задание разведотдела штаба Западного фронта.**. Возможно, что именно при выполнении этого задания уже ночью или утром 4 октября командование этого полка получило сведения о глубоком прорыве немцев и поэтому срочно решило изменить место дислокации. Следующий «Боевой приказ № 060» был издан ночью, в 2.00 5 октября.

В нем местонахождение штаба полка указано все еще в Юхнове, но КП командира полка уже впервые переместилось на аэродром Кувшиновка, что на 4 км восточнее г. Юхнов, на противоположном от города берегу р. Угра. С 6 до 9.10.41 приказов по 1 ТБАП не было, что указывает на действительную передислокацию полка. Следующий приказ № 061 был издан только в 23.00 9 октября, КП командира полка уже было указано в Монино (Щелковский р-н Московской области), при этом местоположение штаба полка, якобы, все еще оставалось в Юхнове. Это указывает на формальное заполнение «шапки» приказа, не соответствующее действительности, т. е. возможно, что и в предыдущем приказе №060 местоположение штаба тоже было написано по привычке — в Юхнове, а на самом деле его там могло уже и не быть.

Причина оставления и судьба оставленных бомбардировщиков в разных источниках также описывается по-разному. По «Сведениям о потерях 1 ТБАП с 1 по 15.10.41» 3 самолета находились в ремонте, еще один был сожжен из немецкого миномета, и три — не вернулись[25].

По сведениям Ф. А. Кузовковой, случайно слышавшей разговор летчиков, причиной оставления бомбардировщиков на аэродроме стало не разобранное состояние самолетов, а отсутствие горючего, необходимого для перелета: «*...Кое-как добрались у ночи до д. Нефедово, это километров 5 от шоссе. И вот, в одном доме нас приютила одна женщина... Были здесь и летчики. Что я запомнила, так ругались и нервничали летчики,* ***оказывается-то приказа не было самолеты перевести на другой аэродром, а тут вдруг горючего не оказалось, вот им пришлось уничтожить свои самолеты, а они были огромные штурмовики****. И вот по чьей-то оплошности пришлось уничтожить...»*[26]

По сведениям И. Г. Старчака, на второй день его обороны, 5 октября, два из оставленных самолетов были сожжены группой его десантников, пробравшимся на территорию занятого немцами аэродрома. Еще один самолет в тот же день был перегнан в Москву на Тушинский аэродром членом его группы Петром Балашовым[27]. То есть, как минимум, один оставленный самолет был исправен, и горючее в нем все-таки было, так как десантники, пробравшиеся в тыл врага, его с собой принести не могли. Поэтому и сведения 1 ТБАП о передислокации его 5 октября тоже можно подвергнуть сомнению.

Точку в споре ставят немецкие документы

Версия, что группа И. Г. Старчака начала боевые действия на подступах к Юхнову 4-го, а не 5-го октября, подтверждаются немецкими документами.

В 16.30 4 октября северная кампфгруппа 10 тд двинулась на Мосальск, а затем ее командир приказал продолжить движение ночью, чтобы достичь Варшавского шоссе в 25 км юго-западнее Юхнова.

В 1.50 5 октября к Юхнову вышла южная кампфгруппа, действовавшая отдельно, вне связи со штабом дивизии. Эта группа шла в обход, через Мосальск, поэтому сумела обойти все разрушенные десантниками мосты. В 4.30 5 октября северная боевая группа немецкой 10 тд вышла к перекрестку дорог западнее Юхнова.

Утренний бой группы Старчака с мотоциклистами на мосту через Угру подтверждается немецким «Дневником военных действий штаба 4 танковой группы», где на 5 октября 1941 г. указано: *«40 танковый корпус силами 10 танковой дивизии в 5.30 взял Юхнов и образовал плацдарм на р. Угра... Под Юхновом для охраны остается лишь батальон стрелков-мотоциклистов, на который в настоящий момент ведется атака с востока»*[28].

Большая часть, не доходя Юхнова 6 км, направлялась на Гжатск и Вязьму, где в эти дни формировался Вяземский котел.

В 12.25 6 октября войскам 4-й танковой группы была поставлена задача: *«...сначала разбить сильные части противника в р-не Вязьмы, чтобы затем начать движение на новые оборонительные укрепления русских с целью блокировать там противника, прежде чем он сумеет там укрепиться»*[29]. То есть немцы запланировали не пробивать в лоб Можайскую линию обороны, а пока она не достроена, блокировать уже готовые укрепления, пока они не полностью заняты войсками и окончательно не укреплены.

«История немецкой 10 тд» объясняет кажущееся противоречие между версиями Телегина — Сбытова и Старчака о взятии Юхнова тем, что дивизия, находясь на острие наступления, разделилась на две кампфгруппы. Одна к вечеру 4 октября вышла от Мосальска на Варшавское шоссе в 25 километрах юго-западнее Юхнова — ее и увидели летчики Сбытова. А другая группа, связь с которой была ранее потеряна, обошедшая Мосальск с юга, в 1.50 5 октября неожиданно радировала, что ее передовые части стоят в трех километрах юго-восточнее Юхнова… Она получила приказ взять и удерживать Юхнов, сформировать плацдарм на Угре и прикрывать справа тылы дивизии при ее продвижении на Вязьму[30]. Именно с ее мотоциклистами вели бой утром 5 октября десантники Старчака.

Вывод

Сводки Генштаба и фронтов событийно в целом подтверждают версию Сбытова — Телегина: впервые сведения о занятии немецкими войсками Юхнова были получены ВВС МВО 5 октября. Летчики Н. А. Сбытова действительно, неожиданно, увидели на рассвете 5 октября одну кампфгруппу 10 тд в 25 км от Юхнова, пока войска Западного и Резервного фронтов сдерживали немецкие войска в 60 км от Юхнова. Летчики из других авиачастей в течение дня неоднократно также докладывали о подходе к Юхнову танковой колонны. Вторую кампфгруппу этой же танковой дивизии, уже находившуюся в Юхнове, летчики не увидели, так как она была на советской технике и в советской форме. А группа Старчака вела с ними в бой утром того же дня. Сведения И. Г. Старчака о разрушении мостов на западных подступах к Юхнову 4 октября и о бое с отрядом мотоциклистов на мосту восточнее Юхнова утром 5 октября подтверждаются немецкими источниками.

Не подтверждается оперсводками Генштаба и сводками Западного и Резервного фронтов утверждение К. Ф. Телегина о том, что до 5 октября сводки были достаточно спокойными и не внушавшими беспокойства и что Генштаб, командование МВО и Ставка ничего не знали об угрожающем положении на этом направлении до середины дня 5 октября. Вызывает вопросы задержка донесения в Ставку летчиками 1 ТБАП МВО 4 октября и К. Ф. Телегиным с 7.00 до 14.00 5 октября. Вероятно, никто не хотел быть первым принесшим плохую весть, опасаясь репрессий за паникерство, широко распространенных в то время, что подтвердилось допросами Н. А. Сбытова на Лубянке во второй половине 5 октября и воспоминаниями жены председателя горсовета г. Юхнова — Ф. А. Кузовковой, которую пугали наказанием за паникерство днем 4 октября.

Сберегая свое положение, не донеся вовремя о грозящей опасности, эти военнослужащие оставили неприкрытым Варшавское направление, а части Западного и Резервного фронтов без своевременной помощи остались в Вяземском котле.

Немецкие войска захватили Юхнов не к вечеру 5 октября, а в ночь с 4 на 5 октября и своевременное информирование Ставки и Генштаба и принятие действенных решений дало бы возможность организовать оборону Варшавского шоссе на Малоярославецком и Боровском направлениях на сутки раньше. Вновь прибывающие части Красной армии успели бы вовремя выйти на свои участки и лучше подготовиться там к обороне.

Примечания

[1] См.: *Старчак И. Г.* С неба — в бой. — М.: Воен. изд-во МО СССР, 1965.

[2] Воспоминания К. Ф. Телегина по МалУР // Провал гитлеровского наступления на Москву: 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. 1941—1966: Сб. / Под ред. чл.-корр. АН СССР А. М. Самсонова — М.: Наука, 1966.

[3] Битва за Москву. — М,, 1966. — С. 47.

[4] ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2552. Д. 12. Л. 1.

[5] Там же. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1в. Л. 29—36.

[6] См. там же, Ф. 219, Оп. 679, Д. 30, Л 183—185.

[7] См. там же, Л. 186—188.

[8] См. там же. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1в. Л. 48—57.

[9] См. там же. Ф. 219, Оп. 679, Д. 7, Л. 163, 167 с об.

[10] Там же.

[11] См. там же. Д. 30. Л. 190, 191.

[12] *Соколов Б. В.*. Георгий Жуков: Победитель. Деспот. Личность. — М. ЗЕБРА Е, 2013. — С. 238.

[13] *Russel H. S.* German 10th Panzer Division's Eastern Front Offensive Near Vyasma During World War II // World War II. — 1997, September (пер. *С. Лотарева*).

[14] См.: ЦАМО РФ. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1в. Л. 71—80.

[15] См. там же, Ф. 219. Рез фр. Оп. 679, Д. 30, Л. 205—208.

[16] См. там же. Л. 209, 210

[17] ЦГАМО, Ф. 953 (Ф. Стрельбицкого). Оп. 1, Д. 213. О. А. Дорощук, Л. 1, 2.

[18] См. там же, Д. 170. Ф. А. Кузовкова. Л. 2.

[19] См.: *Лановенко М. Т.* Эхо войны. — М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1999.

[20] Бундесархив RH 24-5 7/2. Дневник военных действий № 1 Штаба 57-го МК с 15.02. 1941 по 31.10.1941.

[21] Там же. 5.10.41. 11.00—16.30.

[22] См.: *Лемберик И. М.* Капитан Старчак: Год жизни парашютиста-разведчика. — М.: Воениздат, 1960.

[23] См.: ЦАМО РФ, Ф. 21887. 1 Гв ТБАП. Оп. 518832. Д. 1, Л. 5.

[24] См. там же. Оп. 536226. Д. 1. Л. 53—56.

[25] См. там же. Оп. 15283. Д. 3. Л. 78.

[26] ЦГАМО, Ф. 953. Оп. 1. Д. 170.

[27] См.: *Старчак И. Г.* С неба — в бой. — С. 50, 51.

[28] Бундесархив, RH 24-4/585. Дневник военных действий штаба 4-й танковой группы, «Поход на Россию». Ч. 2. Период 12.09.1941—2.12.1941, 5.10.1941

[29] Там же, 6.10.1941

[30] См.: *Russel H. S.* German 10th Panzer Division's Eastern Front Offensive Near Vyasma During World War II. — P. 366 (пер. *С. Лотарева*).

РЕКОГНОСЦИРОВКА И СТРОИТЕЛЬСТВО МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УКРЕПРАЙОНА (37-й УР) В 1941 г.

***В. А. Чернов**, г. Москва*

Прорыв войсками вермахта первого стратегического рубежа обороны на старой границе СССР в июне 1941 г. поставил Красную Армию и страну в исключительно трудное положение. Было решено строить новые рубежи обороны. На строительство рубежей обороны, способных задержать продвижение противника вглубь страны, были привлечены крупные гражданские строительные организации с их инженерно-техническим персоналом, рабочей силой и техникой[1].

Приказом Ставки Верховного Главнокомандования за № 00409 от 18 июля 1941 г. намечалось строительство главного оборонительного рубежа по линии Кушелево, Ярополец, станция Колочь, Ильинское, Детчино и тылового оборонительного рубежа по линии Нудоль, озеро Тростенское, Дорохово, Боровск, Высокиничи. Созданием Можайской линии обороны предполагалось закрыть дальние подступы к Москве на волоколамском, можайском и малоярославецком направлениях, т. е. на удалении 120—130 км от Москвы[2].

Основные усилия предполагалось сосредоточить на кратчайших путях к городу с запада — вдоль дорог Смоленск—Москва (Минская автострада) и Рославль—Москва (Варшавское шоссе)[3].

По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, система обороны подступов к Москве должна была состоять из трех сплошных оборонительных полос, отстоящих одна от другой на 30—60 км, а между ними — промежуточных оборонительных рубежей на важнейших оперативных направлениях.

С этой целью на Западном направлении последовательно начал создаваться Московский стратегический плацдарм: Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, Можайская линия обороны и Московская зона обороны.

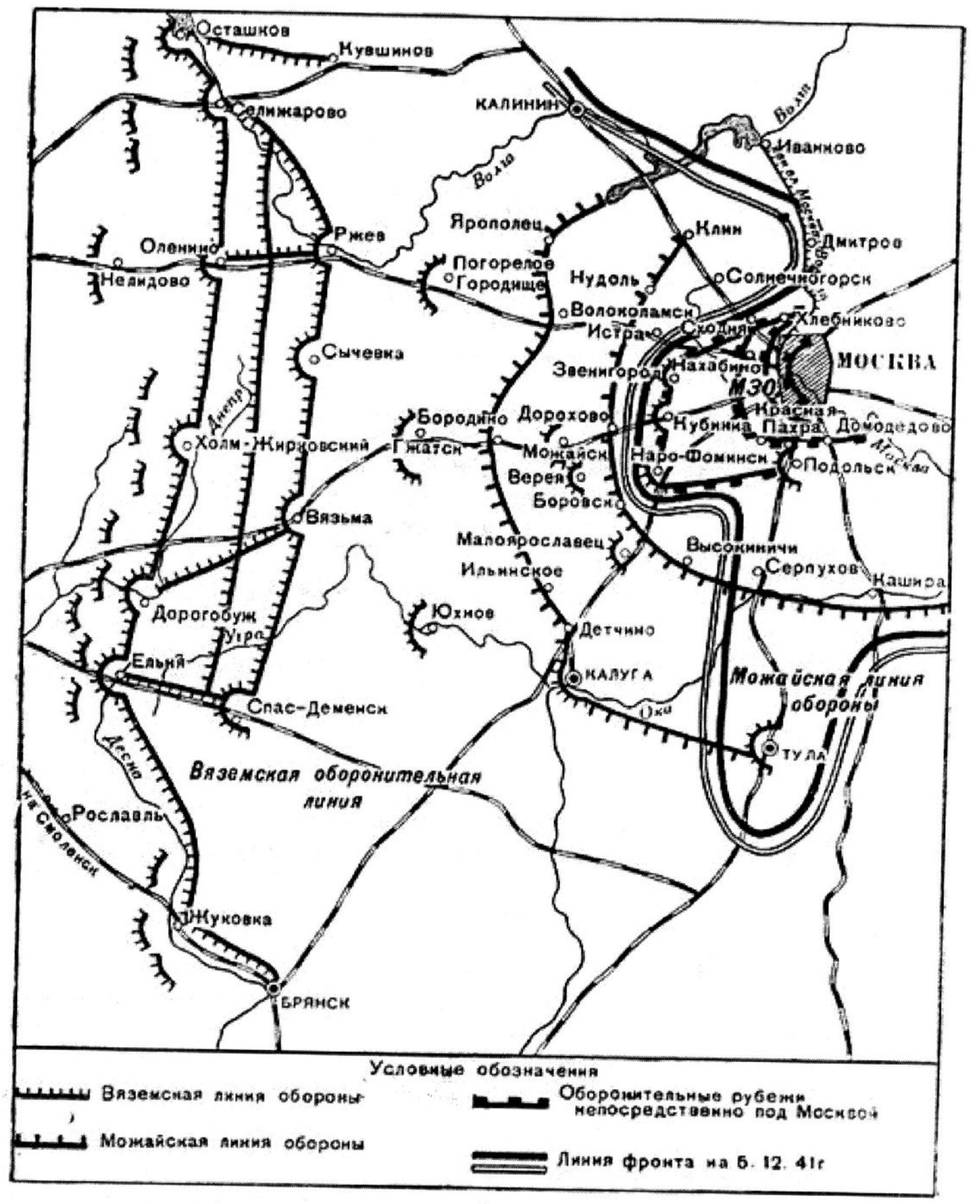


Рис. 1. Московский стратегический плацдарм.

Инициатива создания Можайской линии обороны принадлежала Военному совету Московского округа в лице командующего — генерала П. А. Артемьева и члена Военного совета — генерала К. Ф. Телегина[4].

Эта линия предназначалась для прикрытия ряда операционных направлений: Калинин — Москва; Ржев, Волоколамск — Москва: Вязьма, Можайск — Москва; Юхнов, Малоярославец — Москва.

Характеристика рубежей обороны рек Лужа, Протва, Нара

Перед началом строительства от командования Московской Зоны обороны были высланы в различных направлениях несколько рекогносцировочных партий. Одна из них — партия № 3 провела работы по рекогносцировке оборонительных полос на рубежах рек

Лужа, Протва, Нара. По результатам этой работы была составлена пояснительная записка[5] Многие положения этой записки впоследствии, в ходе боевых действий, подтвердились достаточно точно.

«*...**3. Общая характеристика всей оборонительной полосы.***

Из выбранных оборонительных позиций по рубежам наиболее ценным является рубеж, проходящий по р. Нара (здесь и далее выделено мною. — *В. Ч.*), *вследствие наличия хороших естественных противотанковых и противопехотных препятствий. Вторым, по удобству организации обороны, является рубеж, проходящий по р. Протва, и менее устойчивым является первый рубеж, т. е. передний край главной оборонительной полосы в особенности на своем левом участке...*

Поворот р. Лужа от Юрьевское... через Малоярославец до впадения в р. Протва имеет на значительном протяжении крутые берега, являющиеся естественными противотанковыми препятствиями, и река Истья, на протяжении от Балабаново до впадения в р. Нара у Сухоносово дают возможность организовать отсечные позиции, используя естественные препятствия на значительном протяжении...

Необходимо обратить внимание на исправление дорог в оборонительной полосе, которые в дождливое время становятся труднопроходимыми для транспорта.

4. Главная полоса обороны и оценка ее обороноспособности.

А. Характеристика и оценка 1-го участка /правофлангового/ главной оборонительной полосы.

Танкоопасными направлениями на этом участке являются Павлищево, Рагозино, Дылдино и Шувалово. На остальном протяжении естественные противотанковые препятствия, усиленные искусственными сооружениями, делают передний край танконедоступным...

Б. Краткая характеристика и оценка

Передний край этого участка проходит по р. Лужа, от Константиново на юг до Ильинское, по р. Выпрейка, до М. Шубинка, далее сворачивает через Подсосино, отм. 186,6 и 194,1 и на западные скаты выс. 175,4 у Касилово...

Применение танков противника возможно почти по всему фронту... Особо опасными направлениями нужно считать:

1/ между Остреево и Лукьяново

2/ вдоль шоссе на Ильинское

3/ Мал. Шубинка Бол. Шубинка (13.10.41 здесь прорвались немцы. — *В. Ч.*)...

Участок имеет достаточное количество удобных огневых позиций для дивизионной артиллерии и наблюдательных пунктов, но в некоторых местах их необходимо выносить либо на передний край, либо устраивать вышки в лесу...»

В середине июля 1941 г. Военный совет округа обратился к Наркому обороны с просьбой разрешить вывести московские дивизии народного ополчения на Можайскую линию обороны. Предполагалось, что ополченцы одновременно с боевой подготовкой будут активно строить и осваивать оборонительные рубежи.

Вошедшие в состав войск Можайской линии обороны 32-я, 33-я и 34-я армии 22 июля приступили к оборонительным работам на этом рубеже.

Все оборонительные работы планировалось закончить к 15—25 ноября 1941 года, работы же первой очереди на главной оборонительной позиции протяженностью 330 км — намечалось закончить 10—25 октября (для разных участков). Однако темп строительства повысился только в начале октября, когда немцы, прорвав Вяземскую линию обороны, продвигались к Можайской линии.

В целом в 12 дивизиях насчитывалось около 90 тыс. человек. Для них был установлен 15-часовой рабочий день, из них 10 часов отводилось на оборонительное строительство[6].

К строительству оборонительных рубежей по линии Подсосино, Ильинское, Лукьяново, Константиново приступили ополченцы 17-й стрелковой дивизии[7]

30 июля приказом Ставки на Ржевско-Вяземской линии был образован Резервный фронт, в состав которого вошли 24-я, 31-я, 32-я, 33-я, 38-я и 43-я армии. Ополченские дивизии, как и весь Резервный фронт, должны были участвовать в строительстве рубежа.

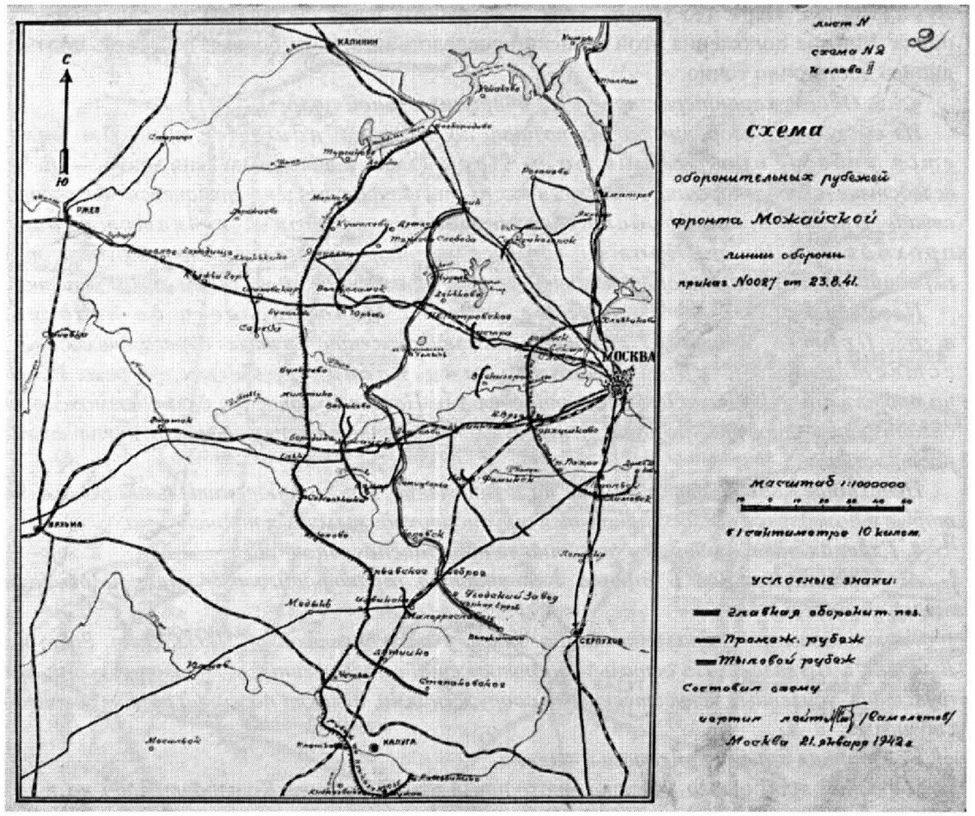


Рис. 2. Схема оборонительных рубежей фронта Можайской линии обороны. Приказ № 0027 от 23 августа 1941 г. (www.wwii-photos-maps.jpg).

31 июля армии получили новое назначение, и постройка оборонительной системы была приостановлена.

8 августа Генеральный штаб, проверив строительство линии обороны, сделал вывод о недостатках и предложил штабу МВО и Главному военно-инженерному управлению форсировать работы на рубежах и в укрепрайонах[8].

С 10 по 25 августа удалось развернуть три армейских управления военно-полевых строительств: Можайский УР строило АУВПС-20, Малоярославецкий УР — АУВПС-21, Волоколамский УР — АУВПС-22.

Оборудование Калужского УР началось позже других, потому что в начале строительства линии обороны направления Людиново — Калуга — Москва и Орел — Тула — Москва рубежом не перекрывались. 15 августа Военный совет МВО ходатайствовал перед ГКО о продлении левого фланга Можайского рубежа. ГКО утвердил данное предложение[9]. Во второй половине сентября здесь было сформировано АУВПС-24.

Основные работы по строительству Можайской линии обороны после убытия московских ополченцев на Ржевско-Вяземский рубеж стали выполнять рабочие батальоны, московские строители и мобилизованное население Подмосковья. С середины августа до начала октября число работавших выросло с 60 до 160 тыс. человек[10].

Формирование рабочей силы УР 37

В 1942 г. в МВО было составлено «Краткое описание строительства и обороны УР 37». К сожалению, в этом документе некоторые даты указаны неточно, поэтому они приводятся в соответствии с датами из других документов ЦАМО РФ, как наших, так и немецких:

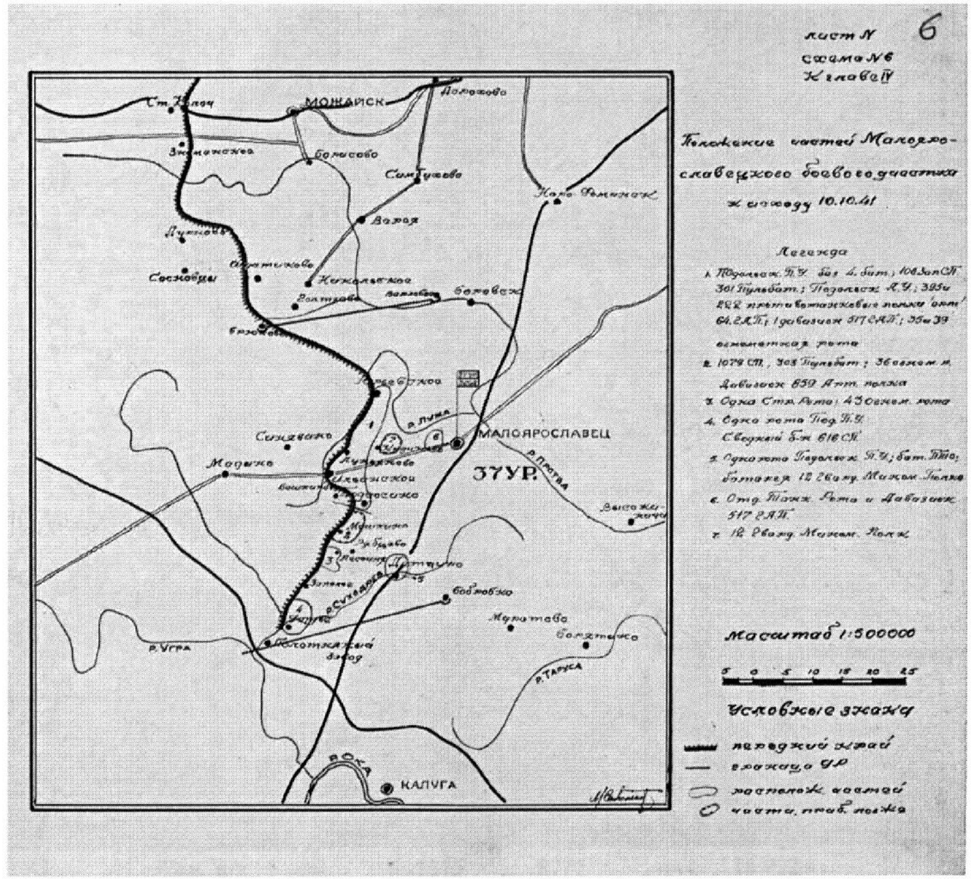


Рис. 3. Схема УР 37. Положение частей Малоярославецкого боевого участка к исходу 10 октября 1941 г. (www.wwii-photos-maps.jpg).

«1. Управление УР 37 начало формироваться с 10.08.41. Место дислокации: Малоярославец, комендант УР — полковник Смирнов, военком УР 1-й секретарь райкома партии Денисов, начальник ВПС 21 до 10 сентября — военный инженер 1-го ранга Назаров, а потом военный инженер 3-го ранга Никулов.

2. Инженерно технический состав прибывал из запаса в основном г. Москва, никогда в армии не служили и не имели понятия об оборонных сооружениях. Из всего состава было только 3 человека кадровых военных инженеров.

3. Строительные и рабочие батальоны формировались за счет людей эвакуированных из западных областей и центральных областей, которые не могли быть взяты в армию по возрастному положению, по состоянию здоровья и по политическим соображениям не могли быть допущены к оружию...

Командный состав стройбатальонов и рабочих батальонов тоже был из запаса, ... по своей подготовке [эти] *люди были очень отсталые в военных вопросах...*

4. ....

5. В конце августа из Москвы прибыли Московские батальоны от районов, сформированные по решению МК, а для бетонных работ был прислан батальон 15 треста. ... Особенно в плохом состоянии прислан батальон 15 стройтреста, технику не привезли, транспорта не было, кухней нет, нет кружек, ложек, мисок, а 33 рота этого треста была босая, во вшах. Инженерный состав не был мобилизован на быстрое строительство.

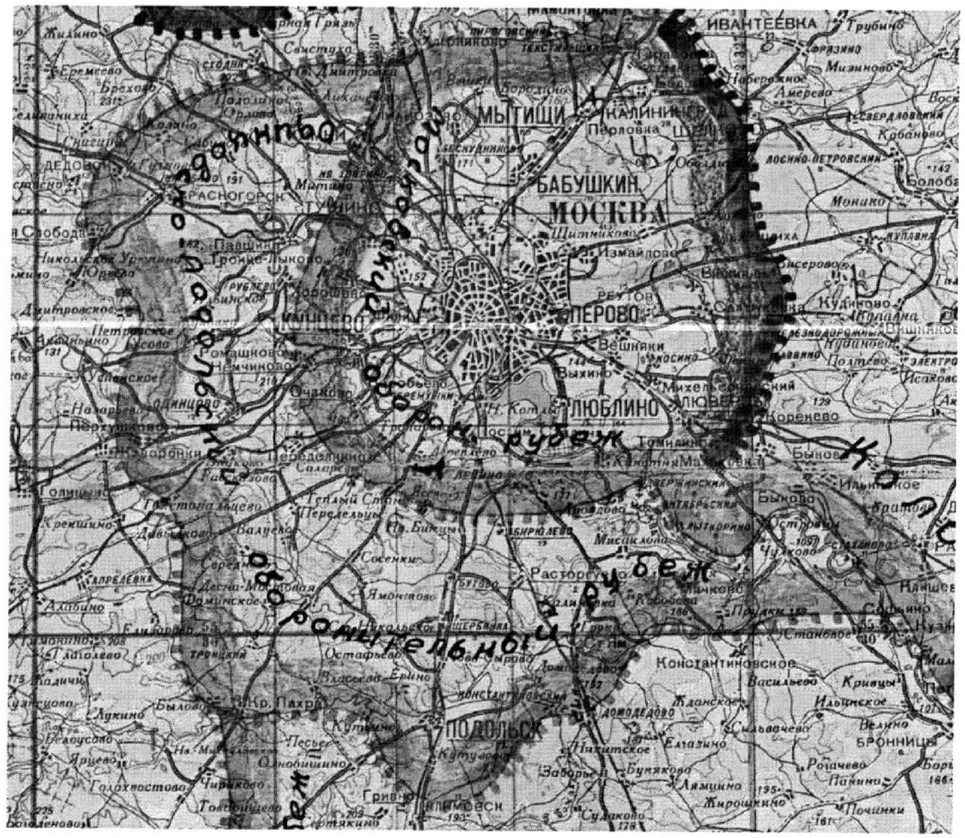


Рис. 5. Схема Одинцовско-Подольского рубежа.

Настроены были по-мирному, долго раскачивались, планировали. 15 трест не мог никак в течение 20 дней приступить к работе, а когда приступил, то не выполнял график систематически.

6. Управление УР 37 формировалось медленно, не давали машин и комначсостав, и только в конце сентября оно было укомплектовано, и то, главным образом, незнакомыми с оборонными работами, большинство их которых было из запаса.

РЕЗУЛЬТАТЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПО УР 37

На главных направлениях было построено проволочное заграждение. Колья были заготовлены на весь район, но не было колючей проволоки. Поставлены минные поля. Все дороги пред передним краем были приведены в негодность, сделаны воронки, завалы, расставлены противотанковые ежи и взорваны мосты. Последние дни работы, особенно с 10 по 12 октября работали под огнем противника, главным образом в районе Детчино, Полотняный Завод.

Лучше всех работали 2, 3, 4, 5 и 34 рабочие батальоны»[11].

В строительстве огневой системы укрепрайонов активно участвовали московские метростроевцы.

К 10 октября — времени подхода противника к Можайской линии обороны — завершить строительство полевых укрепрайонов не удалось. Так, в первой декаде октября готовность фортсооружений всех четырех укрепрайонов составила около половины от запланированной. В наихудшем положении был Калужский УР, так как его оборудование началось позже других.

Член Военного совета Московского военного округа генерал К. Ф. Телегин дал объективную оценку положения дел на строительстве линии: «Работа за короткий срок была проделана поистине огромная, но все же оставалась далекой от завершения. Строителей рубежей обвинять было не в чем — они трудились на пределе человеческих сил, до кровавых мозолей, недосыпая и недоедая. Никто не роптал, не пытался отлынивать от дела, … труд на оборонительных объектах столицы равнялся выполнению боевой задачи»[12].

№ 20. ИЗ ДОКЛАДА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ МК И МГК ВКП(б) А. С. ЩЕРБАКОВА НА ПЛЕНУМЕ МГК ВКП(б)—О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ

6 декабря 1941 г.

Московские трудящиеся под руководством московских большевиков проводили и проводят еще одну, крайне важную для обороны Москвы работу.

В защите Москвы серьезное значение имеет строительство оборонительных сооружений. В этом направлении проведена огромная работа как на дальних, так и на ближних подступах к столице.

О размахе и объеме работы по строительству укреплений дают некоторое представление цифры о том, что за это время было сделано:

	Можайская линия	дальние подступы	под Москвой	Москва
Противотанковые рвы, км	240	65	62	22
Эскарп, км	132	118	46	8
Построено дотов	366	50	205	463
Построено колпаков	—	967	629	217
Построено дзотов	970	1593	55	357
Проволочные заграждения, км	—	330	107	25
Ежи, шт.	1375	8717	—	18 922
Надолбы, завалы, км	—	39	—	29
Баррикады, км	—	—	—	10
Щели и окопы, шт.	—	11 495	—	—
Ходы сообщения, км	—	418	—	—

На Можайской линии было затрачено около 2,5 млн. человеко-дней.

ЦАОДМ, ф. 3, оп. 52, д. 27, л. 16—18. Заверенная копия.

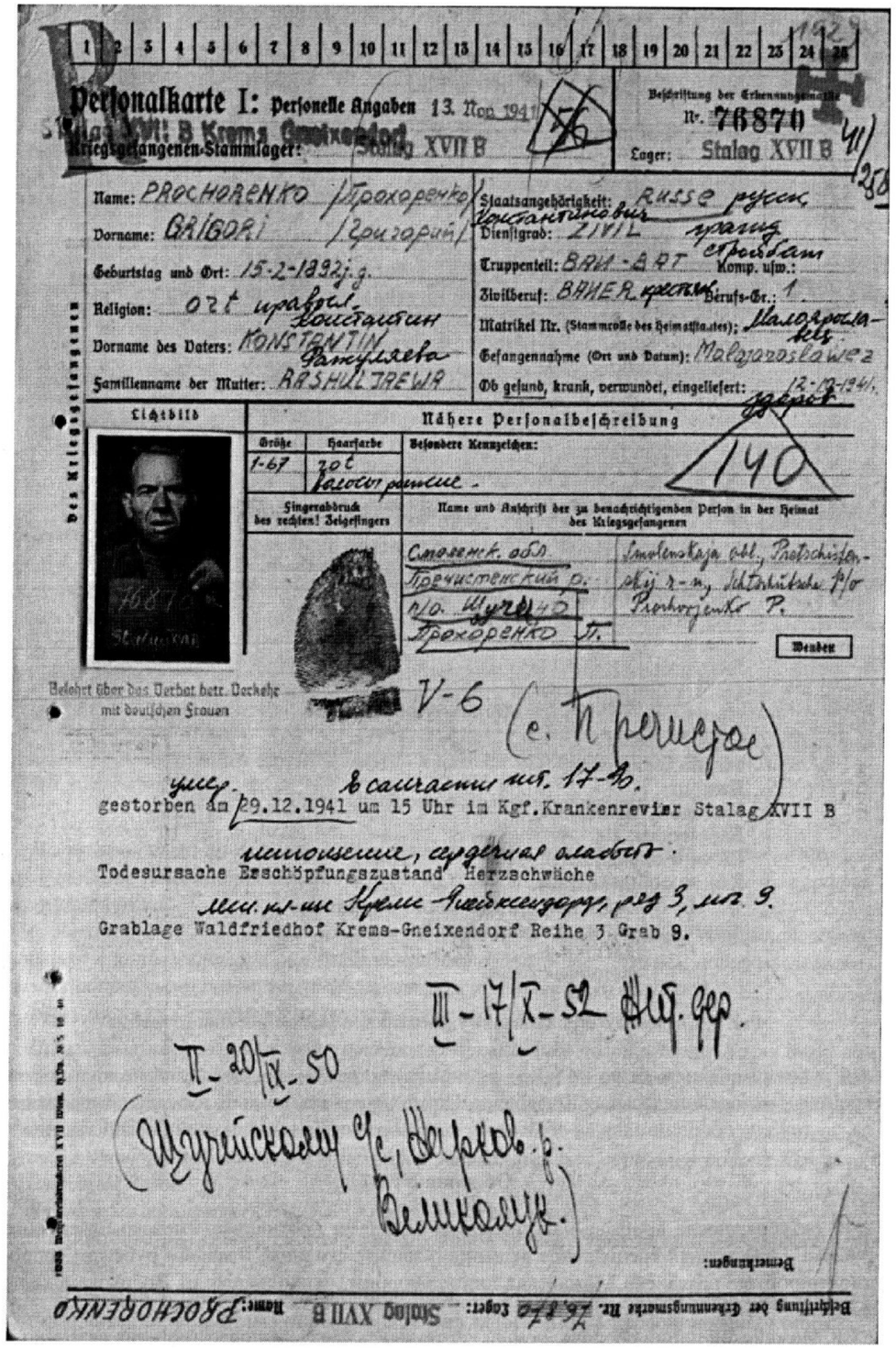
Рис. 6. Сведения о строительстве укреплений Можайской линии обороны.

Оборона УР 37

5 октября, после прорыва наступавшими войсками противника Ржевско-Вяземского рубежа, ГКО принял специальное решение о защите столицы. Главным рубежом сопротивления была назначена Можайская линия обороны, проходившая от Волоколамска до Калуги.

К Можайской линии обороны немцы устремились сразу же после закрытия вяземского и брянского котлов. Командующий 4-й армией фельдмаршал Клюге основные усилия сосредоточил вдоль Минской автострады, Киевского и Варшавского шоссе.

В ночь с 4 на 5 октября 1941 г. начался неорганизованный отход одиночных лиц из частей Резервного фронта. В середине дня 5 октября выяснилось, что отходит весь Резервный фронт.



Personalkarte I: Personelle Angaben 13. Nov. 1941

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag XVII B

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 76870

Lager: Stalag XVII B

Name: PROCHORENKO /Прохоренко/

Vorname: GRIGORI /Григорий/

Geburtstag und Ort: 15-2-1892 j. g.

Religion: ort православ. Константин

Vorname des Vaters: KONSTANTIN Фажуляева

Familienname der Mutter: RASHULJAEWA

Staatsangehörigkeit: RUSSE русск. Константинович

Dienstgrad: ZIVIL гражд. стройбат

Truppenteil: BAU-BAT Komp. usw.:

Zivilberuf: BAUER крестьян. Berufs-Gr.: 1

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates): Малоярославец

Gefangennahme (Ort und Datum): Malajaroslawez

Ob gesund, krank, verwundet, eingeliefert: 12-10-1941 здоров

Lichtbild

Nähere Personalbeschreibung

Größe: 1-67 Haarfarbe: rot Волосы рыжие

Besondere Kennzeichen: 140

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

Смоленск. обл. Пречистенский р. п/о. Щучино Прохоренко П.

Smolenskaja obl., Pretschistenskij r-n, Schtschutschi p/o Prochorjenko P.

Wenden

Belehrt über das Verbot betr. Verkehr mit deutschen Frauen

V-6 (с. Пречистое)

умер. в санчасти шт. 17-го.

gestorben am 29.12.1941 um 15 Uhr im Kgf.Krankenrevier Stalag XVII B

истощение, сердечная слабость.

Todesursache Erschöpfungszustand Herzschwäche

лесн. кл-ще Кремс-Гнейксендорф, ряд 3, мог. 9.

Grablage Waldfriedhof Krems-Gneixendorf Reihe 3 Grab 9.

III-17/X-52 Шт. дер.

II-20/IX-50

(Щучейскому с/с, Шарков. р. Великолук.)

Bemerkungen:

Beschriftung der Erkennungsmarke Nr. 76870 Lager: Stalag XVII B Name: PROCHORENKO

Рис. 4. Карта военнопленного Григория Прохоренко из стройбата от 12.10.1941 (сайт «Подвиг народа»).

Отходящие на участке УР 37 задерживались и направлялись на формирование новых частей. К 6.00 06.10.41 прибыли для обороны УР 37 Подольское пехотное и Подольское артиллерийское училища. К этому времени в оборону было уже переведено до 4 стрелковых рот, 3 станковых пулемета, 6 ПТО, 64-й ГАП в составе 15 орудий, управление 62-го АП во главе с командиром полка майором Федоровым (всего около 300 человек).

Присланный помощник командующего войсками МВО по военным учебным заведениям комбриг Елисеев командование боевым участком на себя не взял и оставил его за комендантом УР 37 полковником Смирновым. Тот выслал передовой отряд в составе 2 рот и 2 батарей на р. Изверь /Мятлево/ с задачей не допустить продвижения противника на Малоярославец, уничтожая его передовые подразделения. Остальные подразделения училищ, были поставлены им в оборону на участке Константиновка, Ильинское, Митрофаново.

С 6 по 8 октября в районе от с. Ильинское до Полотняного Завода было задержано еще несколько подразделений, принадлежащих 33-й, 43-й и 24-й армиям.

От штаба МВО были присланы 301-й и 302-й пульбаты, которые были посажены в доты и дзоты на участке Константиновка, Ильинское, Подсосино, Машково. Вооружены они были трофейным и импортным вооружением, боеприпасов к которому было недостаточно.

7 октября в штаб УР 37 прибыл маршал Буденный, а ночью — генерал армии Жуков, и каждому из них была доложена обстановка и решения. Генерал Жуков приказал организовать 8 октября разведку на всем участке всеми средствами и силами, имеющимися в распоряжении коменданта УР 37.

8 октября вечером прибыл генерал-лейтенант Артемьев, которому была доложена обстановка и принятые решения, которые были им утверждены.

10 октября на боевой участок прибыл командир 312-й сд, а за ним — вся дивизия, которая получила задачу занять оборону на всем участке УР 37, но от Юрьевское до Павлищево занять оборону не удалось, так как 12 октября (по другим данным — 11 октября) 57-й МК противника уже преодолел передний край, занял деревню Ищеино, зажег ее и начал распространяться на Боровск. Первыми с врагом встретились строительные батальоны.

Третий рабочий батальон во главе с комбатом и адъютантом, пытались оказать сопротивление противнику, 4 человек убили, но не были в состоянии удержать. В результате рукопашной схватки комбат 3-го батальона был тяжело ранен кинжалом в грудь. Адъютатант под огнем вынес его из боя и эвакуировал. Противник огнем разогнал 2-й и 3-й рабочие батальоны и некоторые из рабочих попали в плен[13].

Затем стали подходить и вступать в бой небольшие части Красной Армии и, наконец, прибыли 1083-й сп 312-й сд и приданный ему 859-й ап.

С утра 11 октября начались бои и на центральном участке в районе с. Ильинское и в Полотняном Заводе, где с ходу преодолеть передний край противнику не удалось.

11 октября на левом фланге 12-й АК противника обошел УР 37, развивая наступление на Детчино.

12 октября от Юрьевского до Павлищево передний край был занят противником, так как полк 312-й дивизии перепутал направление и не успел выйти на передний край УР 37. С 12 октября на Боровское направление прибыли другие части и 13 октября вступили в бой с противником в Тишнево (8 км западнее Боровска).

Строительные и рабочие батальоны УР 37 на незанятых участках противником переднего края Малоярославецкого УР еще продолжали работу по устройству заграждения, отрывке окопов и маскировке, на отдельных участках производя работу под огнем противника.

По фронту Малоярославецкого боевого участка (около 50 км) к 12 октября, по сведениям МЗО, без учета сил Резерва Ставки (9-й и 17-й тбр), размещались: 312-я сд, 64-й гап, ППУ, ПАУ, запасной артполк, 649-й ап, 1/12 дивизион РС, 2/12 дивизион РС, 222-й ПТП, 301-й арт. дивизион, 395-й ПТП, 517-й ап, отдельная танковая рота, 538-й саперный батальон, отдельная инженерная рота, 475-й СП, отдельная 39-я пульрота, отдельные 35-я, 36-я, 43-я, 46-я огнеметные роты[14]

В ночь на 13 октября по распоряжению коменданта в соответствии с приказом комвойсками МВО рабочие батальоны отводились на тыловой рубеж р. Протва, где уже работали два вновь прибывших строительных батальона.

13 октября штаб УР 37 был передислоцирован в Каменку. Командиры штаба УР в этот день находились на переднем крае, передавали участки обороны и отводили рабочие батальоны, комендант Малоярославецкого УР лично выехал в Боровск для ликвидации авиадесанта и отвода 2-го, 3-го, 96-го, 46-го рабочих батальонов.

14 октября к исходу дня комендант УР 37 полковник Смирнов был вызван в Москву в штаб МВО за получением новой задачи.

15 октября он получил задачи и предписания на формирование Одинцовско-Подольского боевого участка. Начальник ВПС 21 со всей рабочей силой уходил по приказу в район Одинцово, Жаворонки для работы на новом рубеже.

Недочеты при обороне УР 37

«1. Одной из важнейших причин недостаточной прочности обороны было отсутствие войск в распоряжении коменданта УР, которые могли бы нести охрану и оборону сооружений. Рабочие и строительные батальоны не имели оружия...

2. Прибывающие части, начиная с Подольских училищ, были не обеспечены. ППУ прибыло не имея на руках достаточно патронов, без кухни, без котелков...

ПАУ: часть не имело оружия, недостаточно было снарядов.

Не было транспорта для доставки продовольствия из Подольска, а станция снабжения ближе его не была организована.

3. ...из Москвы в адрес коменданта УР прислали... два эшелона оружия /200 шт./ разных калибров, систем и годов выпуска. К ним не было расчетов, тяги, и ни одного снаряда... (а в это время курсантов ПАУ использовали как пехоту, так как у них было мало орудий. — *В. Ч.*).

4. Войска неохотно занимали для обороны ДОТы и ДЗОТы, ссылаясь на плохую видимость, т. е. на отсутствие кругового обзора и обстрела. В ДОТы для 45 мм пушек пытались затаскивать 76 мм, они не лезли, тогда некоторые даже пытались рубить бетон. Лично сам генерал-майор Смирнов (начальник ППУ. — *В. Ч.*) *пытался из ДЗОТа сделать наблюдательный пункт, прорубая стены, в то время как НП находился готовый в 50 метрах.*

5. Отходящие войска проходили неорганизованно, роли командиров не чувствовалось, некоторые командиры и сами были подвержены панике...

6. Много наехало начальников /от капитана до генерала/ разных правлений.

Все пытались давать советы, но никто не брал на себя ответственности»[15].

Противник после прорыва Западного фронта направил свои основные удары по наиболее слабым местам главной оборонительной позиции Можайского рубежа — по стыкам укрепленных районов. Тем не менее, войска, занимавшие боевой участок Малоярославецкого укрепленного района, опираясь на подготовленный рубеж, и в условиях охвата противником обоих флангов вели бои с 11 по 19 октября.

Несмотря на все эти недостатки, немецкое командование оценивало Можайскую линию обороны как мощную. В документе «Оценка русского руководства, тактики и боеспособности войск», выпущенном германским командованием в конце октября 1941 г. отмечалось: «... русская армия, несмотря на потери в оборонительных боях, быстро создавала и занимала новые линии сопротивления и тем самым в значительной степени задержала планомерное проведение операций»[16].

Без огромного вклада строителей оборонительных укреплений нельзя было измотать силы рвавшегося к столице врага, после чего стало возможно нанести ему сокрушительное поражение.

Примечания

[1] См.: *Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. — СПб.: УВИТУ, 2000. — С. 38. — http://rufort.info/library/malyarov/malyarov.html

[2] См.: *Шапошников Б. М.* Битва за Москву: Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г. — М., 2006. — С. 106.

[3] См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. — Кн. 1: Суровые испытания. — М., 1998. — С. 213.

[4] См.: *Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны. — С. 126.

[5] См.: ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 70. Л. 3—9.

[6] См. там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 14—18.

[7] См.: *Климанов В. В.* Собой заслонили Москву. — М., 2005. — С. 68.

[8] См.: ЦАМО РФ: Ф. УСУР ГШ. Оп. 179381. Д. 132. Л. 31—33.

[9] См. там же. Д. 137. Л. 312—316.

[10] См. там же. Ф. ГУОС. Оп. 12109. Д. 3919. Л. 46—47.

[11] Там же. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 93. Л. 17—20.

[12] *Телегин К. Ф.* Войны несчитанные версты. — М., 1988. — С. 50.

[13] Карта военнопленного Григория Прохоренко из стройбата от 12.10.1941 // Сайт «Подвиг народа».

[14] См.: ЦАМО РФ: Ф. 450. Оп. 11158. Д. 93. Л. 25.

[15] Там же. Л. 24.

[16] *Хорьков А. Г.* Грозовой июнь. — М., 1991. — С. 215.

Принятые сокращения

АК	— армейский корпус (*нем.*)
АП	— артиллерийский полк
ГАП	— гаубичный артиллерийский полк
МВО	— Московский военный округ
МЗО	— Московская зона обороны
МК	— моторизованный корпус (*нем.*)
ПАУ	— Подольское артиллерийское училище
ППУ	— Подольское пехотное училище
ПТП	— противотанковый полк
Пульрота	— пулеметная рота
СД	— стрелковая дивизия
СП	— стрелковый полк
НП	— наблюдательный пункт
тбр	— танковая бригада

ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЕ ОГНЕВЫЕ ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ВОЗВЕДЕННЫЕ НА ИЛЬИНСКОМ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ РУБЕЖЕ В 1941 г.

А. В. Светлакова, М. В. Фунтиков*, ВПО «Ильинский патруль»,*
Государственный научный центр РФ ОНПП «Технология»

В целях эшелонирования подступов к Москве, на основании решения Государственного комитета обороны от 16 июля 1941 г. и Ставки Верховного Главнокомандования от 18 июля 1941 г., развернулось строительство в 120—130 км к западу от столицы линии Можайской обороны [1].

Она состояла из четырех укрепленных районов (УР): Волоколамский УР № 35, Можайский УР № 36, Малоярославецкий УР № 37 и Калужский УР № 38 [2]. Общая протяженность Можайской линии обороны составила 220 км.

Малоярославецкий УР (37) Можайской линии обороны включал в себя ряд оборонительных рубежей в районе населенных пунктов Юрьевское, Константиново, Ильинское, Детчино.

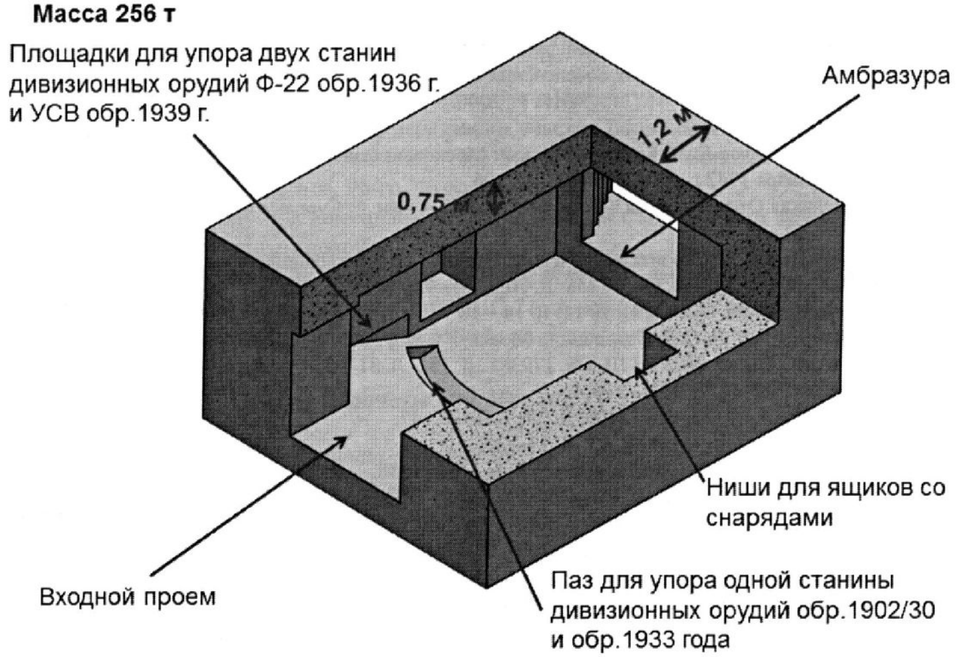


Рис. 1. Схема дота для дивизионных 76,2-мм пушек.

Ильинский оборонительный рубеж протянулся на 11 км вдоль восточных берегов реки Лужа и ее притока реки Выпрейка, от деревни Астреево на севере до деревни Подсосино на юге.

Варшавское шоссе проходило через центр Ильинского оборонительного рубежа. Именно на данном участке обороны сконцентрирована основная масса железобетонных фортификационных сооружений.

Противотанковая оборона была построена так, чтобы наиболее надежно прикрыть Варшавское шоссе и обходные местные дороги от движущихся с Запада на Москву 19-й танковой и 3-й пехотной моторизированной дивизий немцев. Для этого было создано четыре противотанковых опорных пункта в деревнях Ильинское, Сергеевка, Малая Шубинка и Подсосино [3], [4].

Первая очередь железобетонных дотов должна была быть возведена к 10 октября 1941 г. [9].Однако, по характеру повреждений бетона в фортификационных сооружениях можно определить, что к моменту подхода немецких войск 11 октября 1941 г. линия обороны находилась в стадии строительства.

Уникальность данного участка обороны состоит в том, что это первый объект военной фортификации, построенный согласно новой военной архитектуре 1939—1941 гг. и предназначенный для быстрого закрепления местности перед приближающимся противником [8].

Боевые действия на Ильинском оборонительном рубеже продолжались до 18 октября. Наличие фортификационных сооружений позволило сдерживать натиск противника почти две недели.

Для закрепления местности на Ильинском оборонительном рубеже были использованы следующие типы железобетонных фортификационных сооружений:

Орудийные доты представлены двумя типами усиленных огневых сооружений — дотами для дивизионных 76,2-мм пушек и дотами для 45-мм противотанковых пушек. Так же на Ильинском рубеже есть пулеметные доты, командирские наблюдательные пункты и доты легкого типа (пулеметные колпаки).

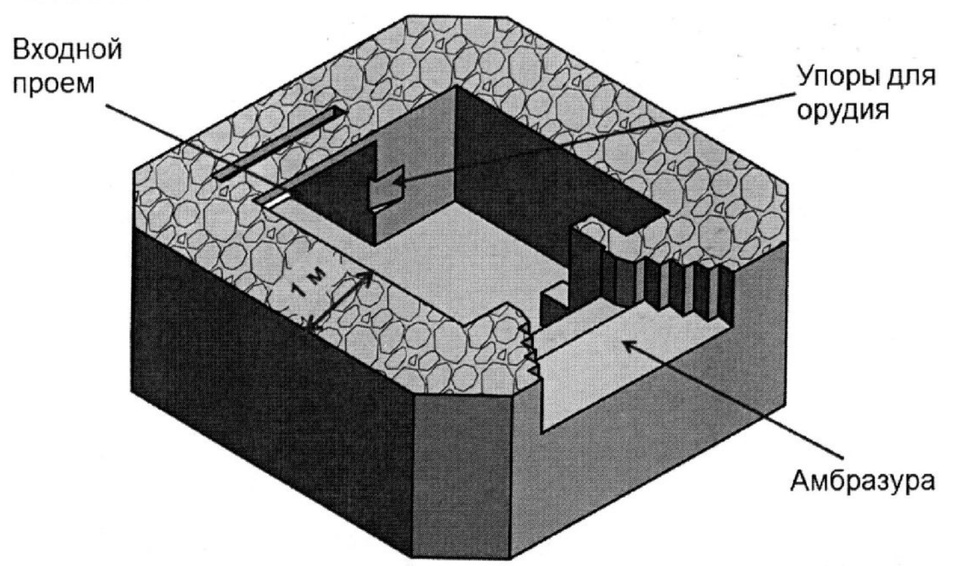


Рис. 2. Схема дота для 45-мм противотанковых пушек.

Для возведения всех железобетонных фортификационных сооружений использовались следующие материалы:

— арматура;

— бетон марки 200 и выше;

— дерево в качестве противоосколочной защиты.

Доты для дивизионных 76,2-мм пушек бетонировали на месте установки.

Данный тип дотов имеет размер 5,92 м в ширину и 7,20 м в длину. Толщина стен — 1,20 м. Масса дота— 256 т.

Амбразуры всех орудийных дотов имеют противорикошетные ступенчатые стенки с четырьмя ступенями на вертикальных поверхностях.

В связи с тем, что войска, занимавшие оборону на Ильинском оборонительном рубеже, комплектовались разными видами орудий 76,2 мм, инженерами было предусмотрено размещение в дотах двух основных видов орудий: новых — образца 1936 и 1939 гг. и старых— образца 1902/30 и 1933 гг. [8].

Согласно наставлениям по полевой фортификации, для изготовления данного типа фортификационных сооружений уходит 1090 рабочих часов [6].

На Ильинском рубеже находится 4 дота для дивизионных пушек 76,2 мм. Из них 1 полукапонир флангового действия и 3 каземата фронтального действия.

ДОТы для 45-мм противотанковых пушек представляют собой прямоугольное сооружение со скошенными углами.

Размер — 3,97 м на 4,20 м. Длина среза угла — 1 м. Толщина бетонного перекрытия — 1 м, высота потолка каземата —190 см. Масса дота — 200 т.

Амбразура имеет противорикошетные ступенчатые стенки с четырьмя ступенями на вертикальных поверхностях.

На Ильинском рубеже 45-мм доты были построены двух конструктивных типов: усиленные казематы фронтального действия (огня) (5 дотов) и полукапониры флангового действия (огня) (3 дота).

Пулеметные доты были рассчитаны на установку в них пулеметов «Максим», стоявших на вооружении в стрелковых подразделениях. Строительство дотов не было закончено к моменту подхода немецких войск. На амбразуру не были установлены металлические броневые плиты, аамбразурные проемы в пулеметных дотах были велики. И даже

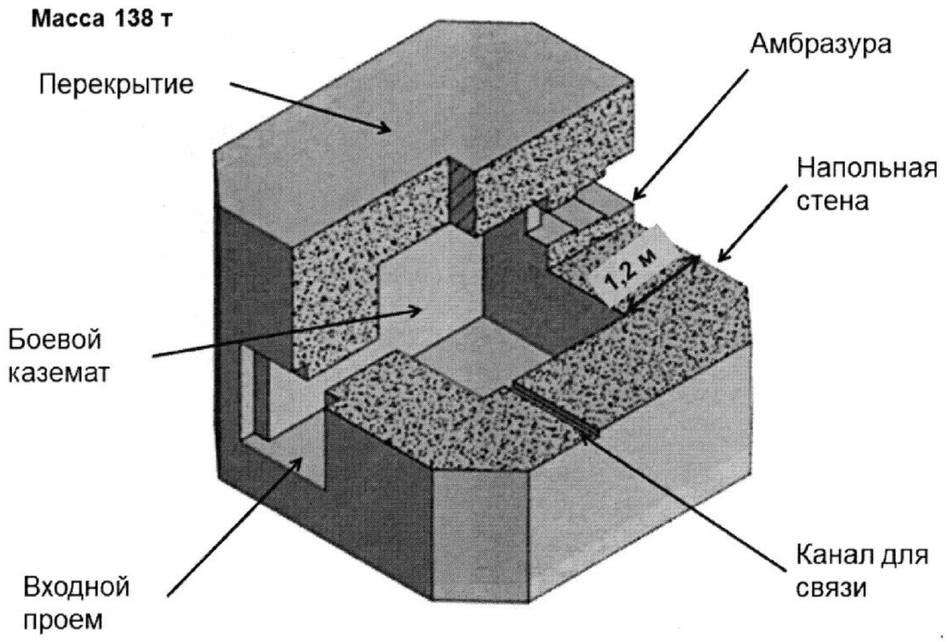


Рис. 3. Схема пулеметного дота.

защищенный небольшим щитком «Максим» не обеспечивал безопасности личного состава дота.

Данный тип дота представляет собой прямоугольное сооружение со скошенными углами. Размер — 4,40 м на 4,40 м. Толщина стен — 1,20 м. Вес дота составляет порядка 138 т.

Амбразура имеет противорикошетные ступенчатые стенки с пятью ступенями на вертикальных поверхностях и двумя ступенями на горизонтальных поверхностях.

Согласно Наставлениям по полевой фортификации РККА 1943 г., 17 рабочих выполняют работу по строительству такого дота за 37 часов [5].

Сегодня на Ильинском рубеже насчитывается 20 пулеметных дотов — 12 тяжелых каземата фронтального действия (огня) и 5 тяжелых полукапониров флангового действия.

Строительство полукапонира 22 рабочих выполняют за 37 часов. Строительство фронтального дота 17 рабочих выполняют за 37 часов) [5].

Отдельно стоит отметить 3 дота со сквозным проходом. Только в этих трех пулеметных дотах установлен амбразурный узел НПС-3 для пулемета «Максим».

Они конструктивно отличаются от остальных наличием сквозника перед входом. До наших дней в этих дотах сохранились амбразурные узлы и трубы вентиляции.

Командирские наблюдательные пункты тяжелого типа, расположенные на Ильинском рубеже, имеют шестигранную форму с тремя смотровыми щелями клиновидной формы с гладкими поверхностями стенок. Всего известно восемь таких бетонных сооружений.

Длина фронтальной стены — 2,37 м, примыкающих стен — 1,8 м, боковых — 2,1 м. длина задней стены — 2,93 м. Толщина стен — 1,2 м. Таким образом, размер каземата для личного состава — 0,8×0,8×1,0 м. Масса дота— 108 т

На перекрытии каждого наблюдательного пункта имеется прямоугольный канал размером 30×33 см для размещения перископа. Отсутствие металлических крепежных элементов на каналах говорит о том, что эти сооружения не были оснащены перископическими приборами для наблюдения за местностью. Наблюдение могло проводиться только через смотровые щели, имеющие ограниченные секторы обзора.

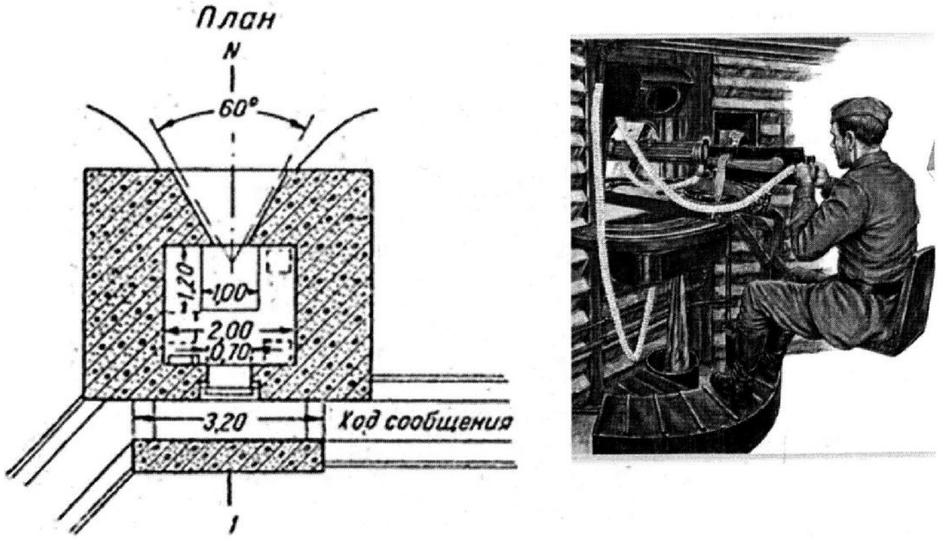


Рис. 4. Пулеметные казематы тяжелого типа с амбразурным узлом и пулеметом системы «Максим» на настенном пулеметном станке НПС-3.

Судя по существенным повреждениям на наружных бетонных поверхностях, наблюдательные пункты активно использовались как стрелковые точки для ведения огня по пехоте противника.

Железобетонные пулеметные колпаки представлены в этом районе двумя типами: «Подольский» и «Детченский». Такие типы были выделены исходя из названий городов, в которых на бетонных заводах изготавливались данные конструкции.

В отличие от орудийных и пулеметных дотов, а так же наблюдательных пунктов, которые изготовливали сразу на месте, подвозя на место установки раствор бетона, колпаки привозили на грузовых автомашинах с завода в готовом виде.

«Подольский» тип полностью соответствует наставлению для инженерных войск РККА и характеризуется наличием внутри на стенах и потолке каземата противооткольной защиты в виде струганных досок толщиной 2,5 см, прикрепленных к бетону скобами.

Железобетонный колпак «Детченского» типа характеризуется упрощенной конструкцией: внутри каземата отсутствует деревянная противооткольная защита и вентиляционные отверстия в стенах. Отверстие в перекрытии имеет неправильную круглую форму.

Вес колпаков колеблется от 1 400 кг до 1 700 кг в зависимости от размеров и количества проемов. Для сокращения расхода бетона толщина стены в зоне амбразуры составляет 12 см, а в тыльной части — 10 см.

Колпак передвигался путем перекатывания и устанавливался на деревянную бревенчатую раму, затем его закрепляли при помощи кольев, обсыпали грунтом и маскировали [5].

В настоящее время продолжаются поиски железобетонных сооружений. Изучается аэрофотосъемка 1942 г., ведется работа с местными жителями и работа в архивах.

В результате работы с материалами о строительстве плотин и укреплении местности в районе с. Ильинское архивного отдела Администрации МР «Малоярославецкий район» была выявлена информация о возможных местах нахождения неизвестных ранее оборонительных сооружениях, возводимых предположительно в 1943 г. для закрепления местности [7]. В результате полевых исследований был найден недостроенный дот.

Было подготовлено место для установки сооружения. Залито основание. Размер основания — 6,60×4,60 м. Длина крыла — 1,90 м. Исходя из размеров было сделано предположение, что готовился пулеметный дот флангового действия со сквозником. В центреяма для гильз. По обсыпке грунта можно предположить, что направление действия огня — вдоль берега р. Выпрейки.

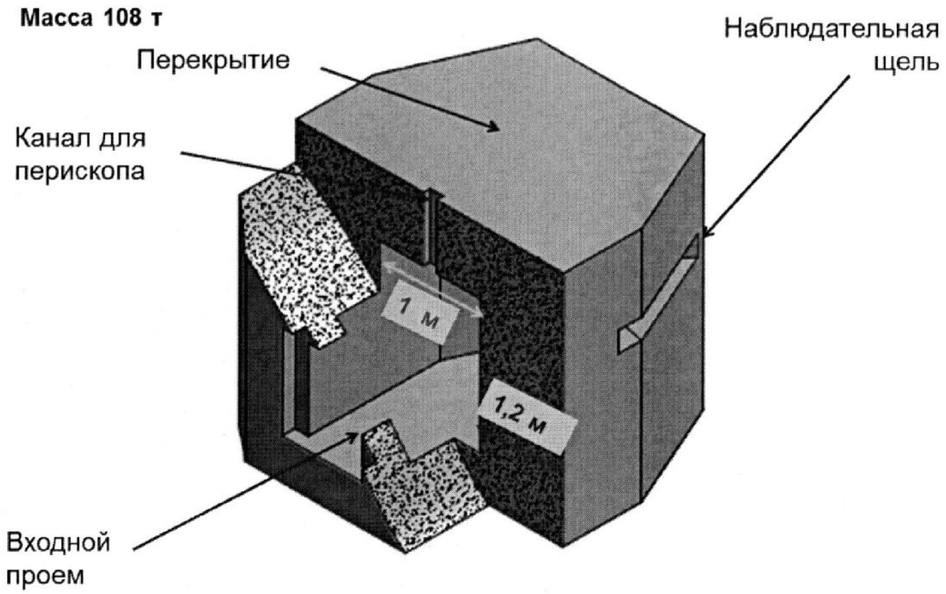


Рис. 5. Схема монолитного командирского наблюдательного пункта с тремя смотровыми щелям.

По результатам исследований была составлена карта. На ней обозначено место расположения 82 железобетонных фортификационных сооружения.

Полевые исследования местности и опрос жителей выявили, что для обеспечения строительства были развернуты три полевых бетонных завода возле населенных пунктов Лукьяново, Подсосино и Башкировка.

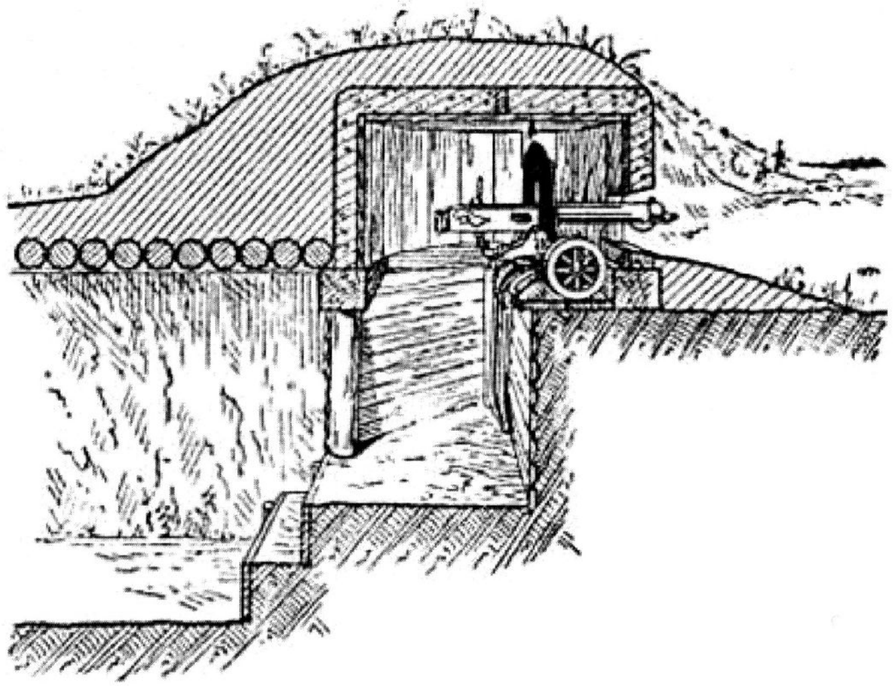


Рис. 6. Схема установки пулеметного колпака. «Наставление по полевой фортификации РККА». 1943.

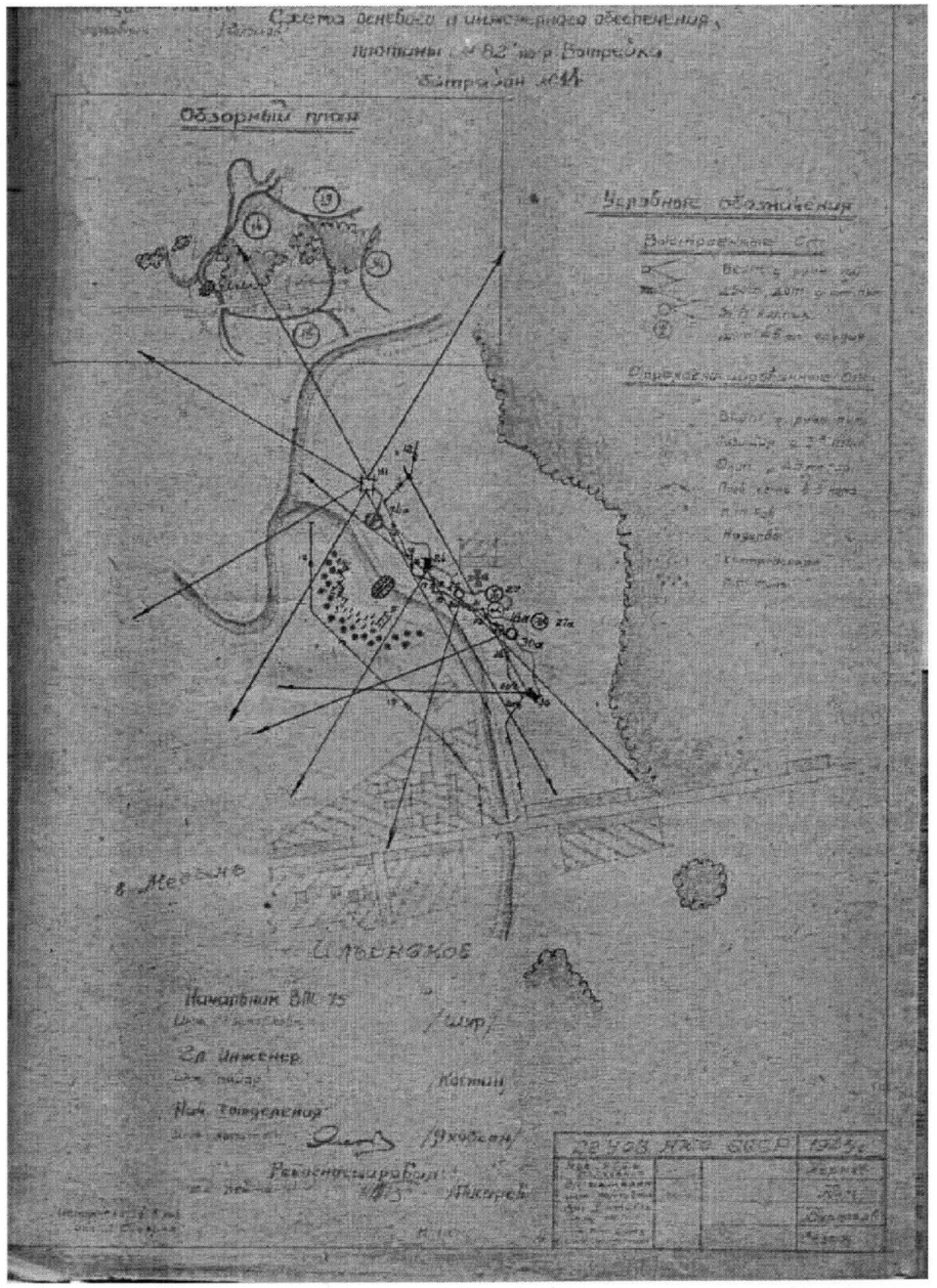


Рис. 7. Схема огневого и инженерного обеспечения плотины № 82 по р. Выпрейке. Батрайон № 14. Архивный отдел Администрации муниципального района «Малоярославецкий район» (Ф. 47. Оп. 1. Д. 15).

Также в рамках исследований был выявлен передовой рубеж, состоявший из 27 пулеметных колпаков.

Такое разнообразие железобетонных долговременных фортификационных сооружений, их высокая плотность расположения, хорошая степень сохранности делают местность Ильинских оборонительных рубежей исторически уникальным объектом.

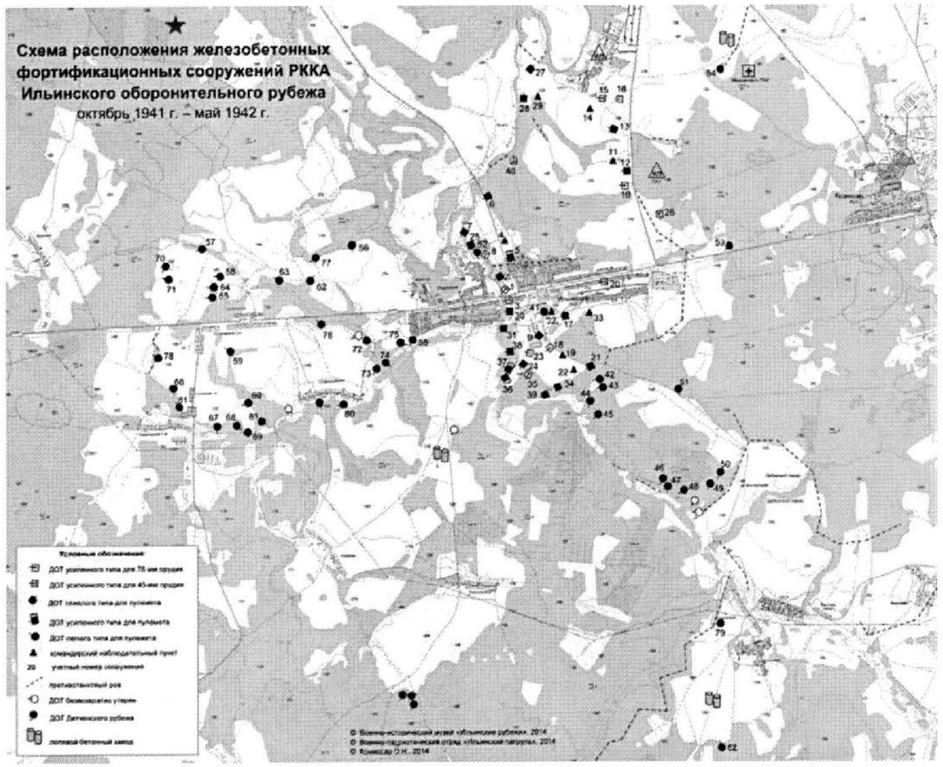


Рис. 8. Схема расположения железобетонных фортификационных сооружений РККА Ильинского оборонительного рубежа. Октябрь 1941 г. — май 1942 г.

Литература

1. *Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. — СПб.: ВИТУ, 2000. — С. 137.

2. ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 75. История боевых действий частей и соединений Московской Зоны Обороны. Схема № 2 к главе 2. Схема оборонительных рубежей фронта Можайской линии обороны, приказ № 0027 от 23.08.1941.

3. *Карель Пауль.* Восточный фронт. — Кн. 1: Гитлер идет на Восток: От «Барбароссы» до Сталинграда. 1941—1943 / Пер. А. Колина. — М.: Эксмо, 2009. — (Вторая мировая война глазами немцев). — С. 162—163.

4. HinzeRolf. Die 19. Panzer-Division. Einsatz 1941-1945 in Russland. — Dorfler. Zeitgeschichte.

5. Наставление для инженерных войск: Полевая фортификация (ПФ-43). — Ч. 2: Фортификационные сооружения. — Изд-во Народного Комиссариата Обороны, 1946.

6. Наставление для инженерных войск: Полевая фортификация (ПФ-39); Фортификационные сооружения. — М.; Л.: Воениздат: Стройиздат, 1941.

7. Архивный отдел Администрации муниципального района «Малоярославецкий район». Ф. 47. Оп 1. Д. 15.

8. *Комиссар О. Н.* Реконструкция событий оборонительных боев на Ильинском рубеже 11—18 октября 1941 г. путем исследования состояния фортификационных сооружений // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5—7 апреля 2011 г. — Калуга: Полиграф-Информ, 2011. — С. 228—232.

9. ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 76. Карта. Московская зона обороны, генерал-майор Кудряшов.

ДЕРЕВО-ЗЕМЛЯНЫЕ И ЗЕМЛЯНЫЕ ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЛЬИНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА

***А. В. Соченков**, нач. бюро; **П. А. Бачин**, спец.; **С. В. Иванов**, зам. нач.;*
***Е. И. Плеханов**, инж.-технолог,*
Государственный научный центр РФ ОНПП «Технология»

Можайская линия обороны — оборонительный рубеж советских войск, создававшийся в 1941 г. на западном стратегическом направлении с целью прикрыть дальние подступы к Москве. Можайская линия обороны простиралась с севера на юг на протяжении 230 км от «Московского моря», западнее Волоколамска и Можайска до слияния рек Угра и Ока. Главная полоса обороны представляла собой систему фортификационных сооружений, состоящую из железо-бетонных долговременных огневых точек (дотов), дерево-земляных огневых точек (дзотов), противотанковых и противопехотных препятствия. Она включала Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий и Калужский укрепленные районы (далее — УР). Каждый из них в свою очередь должен был состоять из 10—15 батальонных районов обороны. Общее руководство работами было возложено на оперативную группу Московского военного округа во главе с генерал-майором А. И. Кудряшовым. Проектными работами руководил старший преподаватель Военно-инженерной академии бригадный инженер А. И. Пангсен. Сооружение 37-го УР, протяженностью около 60 км, осуществляло 22-е управление военно-полевого строительства. Комендантом УР был назначен И. И. Смирнов, комиссаром — секретарь Малоярославецкого райкома ВКП(б) М. Ф. Денисов.

В июле началось формирование специальных строительных батальонов из мужчин пожилого возраста, женщин и молодежи. Строительный батальон для Малоярославецкого УР, сформированный 15-м Московским строительным трестом, прибыл на место работ только в конце августа, но без необходимой техники, транспорта, полевых кухонь и даже посуды. И лишь в середине сентября был сформирован штаб укрепрайона. Активное участие в строительстве оборонительных рубежей принимали и малоярославчане. Была установлена норма: вручную выбрать 4—5 куб. м. земли за смену. О масштабах работ гово-

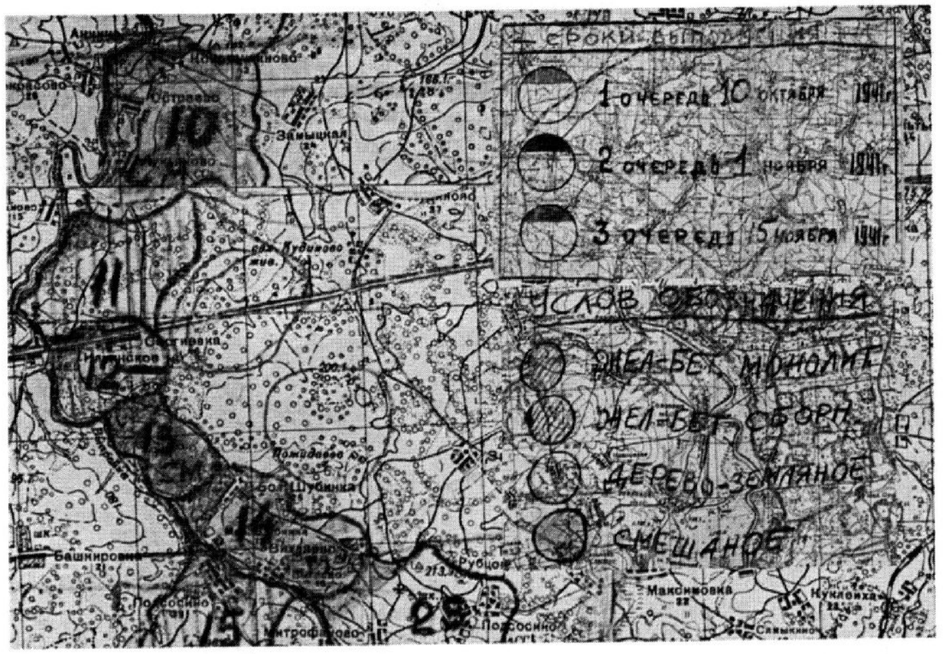


Рис. 1. План возведения объектов [11].

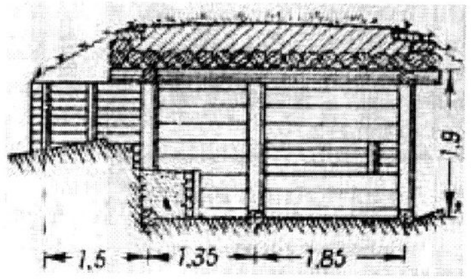


Рис. 2. Схема дзота для 45-мм противотанковой пушки образца 1937 г.

рит тот факт, что во второй половине августа на рубеже трудилось 13 тыс., а 22 сентября — уже 27,5 тыс. человек [14]. В октябре для этой цели началось формирование специальной саперной армии (3 саперные бригады по 19 батальонов в каждой). Однако ко времени выхода немецко-фашистских войск к Можайской линии обороны (10 октября 1941 г.) ее оборудование не было закончено и план по возведению оборонительных сооружений выполнен не был [3].

5 октября вылетевшие на разведку летчики доложили, что обнаружили на подходе к Юхнову колонну вражеских танков и мотопехоты длинной в 25 км. Одновременно Военный совет МВО поднял по тревоге запасные части округа и части НКВД, военные училища и академии. Это была крайняя мера, но другого выхода из-за отсутствия связи с Западным и Резервным фронтами командование округа не видело. В Малоярославецкий УР были направлены курсанты подольских пехотного (ППУ) и артиллерийского училищ (ПАУ), рота Большевского военно-инженерного училища, группа партийно-политических работников МВО, артиллерийские части. Командиром подольского артиллерийского училища был полковник И. С. Стрельбицкий. Готовность инженерных сооружений составляла по дотам — 60%, по дзотам — 80%, эскарпам — 48%. По плану в 37-м УР средняя плотность войск должны была составлять — 1 батальон на 1,25 км, в реальности средняя плотность выведенных войск составляла 1 батальон на 5 км. фронта. На месте выяснились недостатки оборонительного рубежа: многие доты и дзоты не имели хорошего обзора, отсутствовали броневые щиты к амбразурам и дверям, ряд дотов по величине не соответствовал тем орудиям, которые были на вооружении у прибывших в район артиллерийских частей. Огневые точки не были замаскированы и представляли собой удобные ориентиры для противника. Было затруднено взаимодействие между гарнизонами огневых точек [9]

Актуальность данной исследовательской работы обусловлена необходимостью дополнения уже накопленных сведений о железобетонных фортификационных сооружениях Ильинского оборонительного рубежа. Целью работы является систематизация теоретических и практических данных о выявленных в ходе полевых исследований деревоземляных и земляных фортификационных сооружениях.

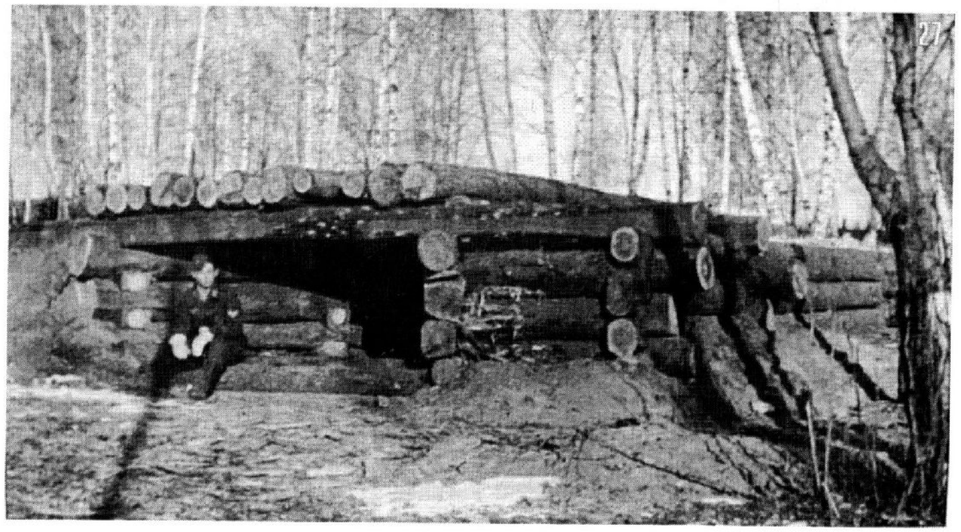


Рис. 3. Дзот в д. Большая Шубинка. 1941.

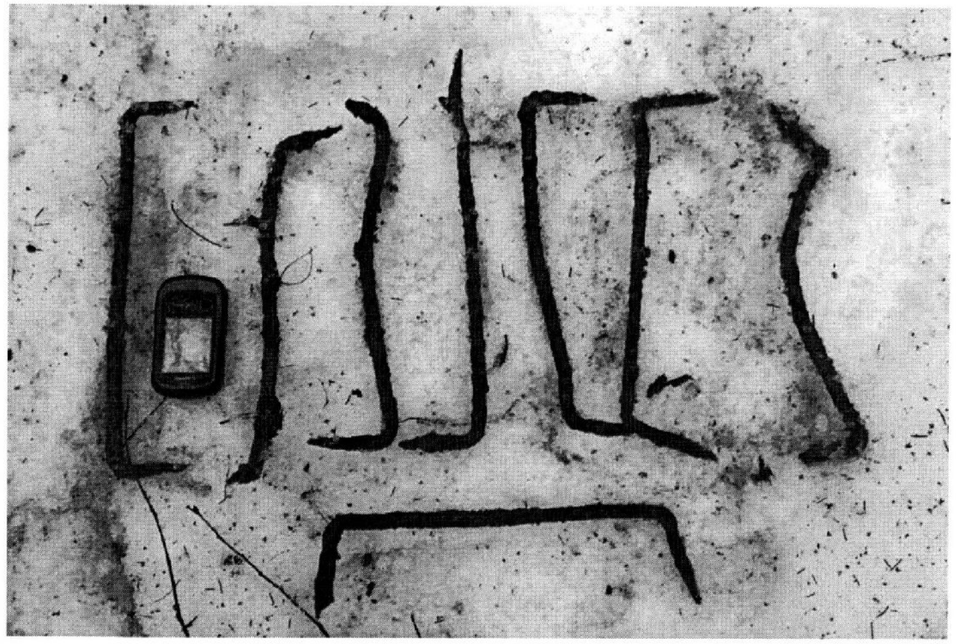


Рис. 4. Скобы для крепежа бревенчатого наката дзота. С. Ильинское. 2015.

Дзоты

В ходе полевых исследований на территории Ильинского оборонительного рубежа выявлены следующие объекты:

— для станкового пулемета системы Максим — 21 объект;
— для 45-мм противотанковой пушки образца 1937 г. — 5 объектов;
— для 76-мм дивизионной пушки образца 1902/30 г. — 3 объекта.

На местности определены земляные углубления формой и размерами соответствующие наставлениям инженерных войск. Земляные объекты для 45-мм противотанковой пушки характеризуются длиной порядка 3 м. и глубиной около 1 м. с четко выраженным амбразурным сектором обстрела, для 76-мм дивизионной пушки — длиной порядка 4 м и с глубиной меньше, чем для 45-мм орудия [5].

Местами сохранилось насыпное основание стола для пулемета системы Максим и амбразура с сектором обстрела 40—45°. Также при проведении полевых исследований в местах предполагаемого расположения дзотов обнаружено большое количество металлических скоб, которые, согласно наставлениям для инженерных войск, использовались для укрепления конструкций дзотов.

Окопы

В ходе полевых исследований выявлены следующие объекты:

— для 45-мм противотанковой пушки образца 1937 г. — 7 объектов;
— для 76-мм дивизионной пушки образца 1902/30 гг. — 8 объектов;
— для 122-мм гаубицы образца 1938 г. — 12 объектов;
— для 152-мм гаубицы образца 1937 г. — 3 объекта;
— для 76-мм зенитной пушки образца 1931 г. — 3 объекта;
— для танка Т-40 — 5 объектов;
— окопы со стрелковыми ячейками и убежища для личного состава.

Окопы для 45-мм орудий определены по сохранившимся углублениям круглой формы с окопами с обеих сторон. По воспоминаниям И. С. Стрельбицкого, командиром одного из 45-мм орудий был Юрий Добрынин, расчет которого уничтожил несколько немецких

Рис. 5. Окоп для 76-мм дивизионной пушки. С. Ильинское. 2015.

танков и 17 октября прикрывал отход курсантов. Орудия 76-мм калибра находились на вооружении 31-го артиллерийского дивизиона запасного полка под командованием капитана И. Г. Прокопова и командира батареи капитана С. Н. Базыленко, уничтожившего танковую колонну вермахта, заходившую курсантам в тыл.

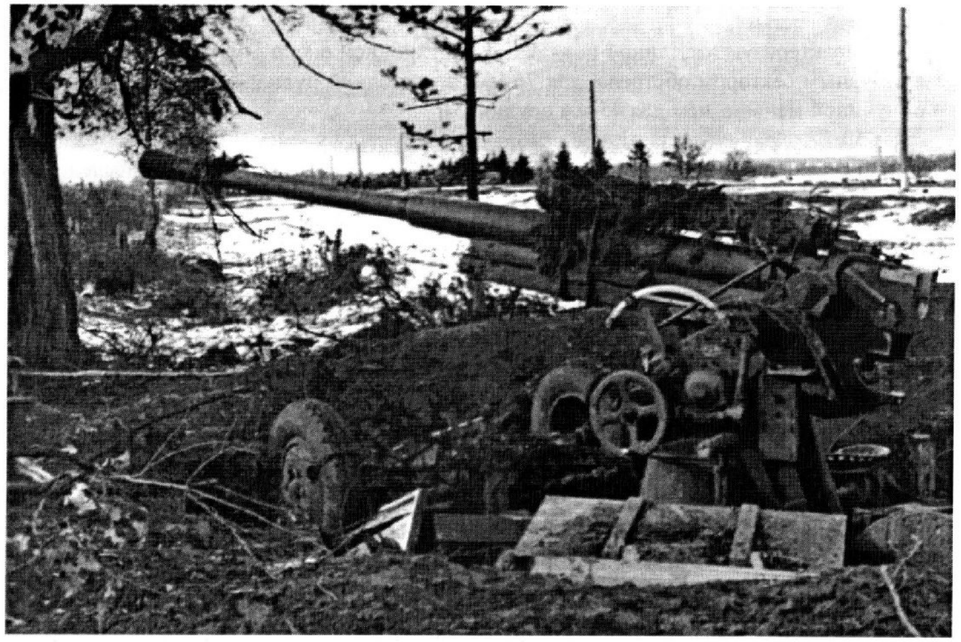


Рис. 6. 76-мм зенитное орудие 222-го зенитного артиллерийского полка. Д. Сергиевка. 1941.

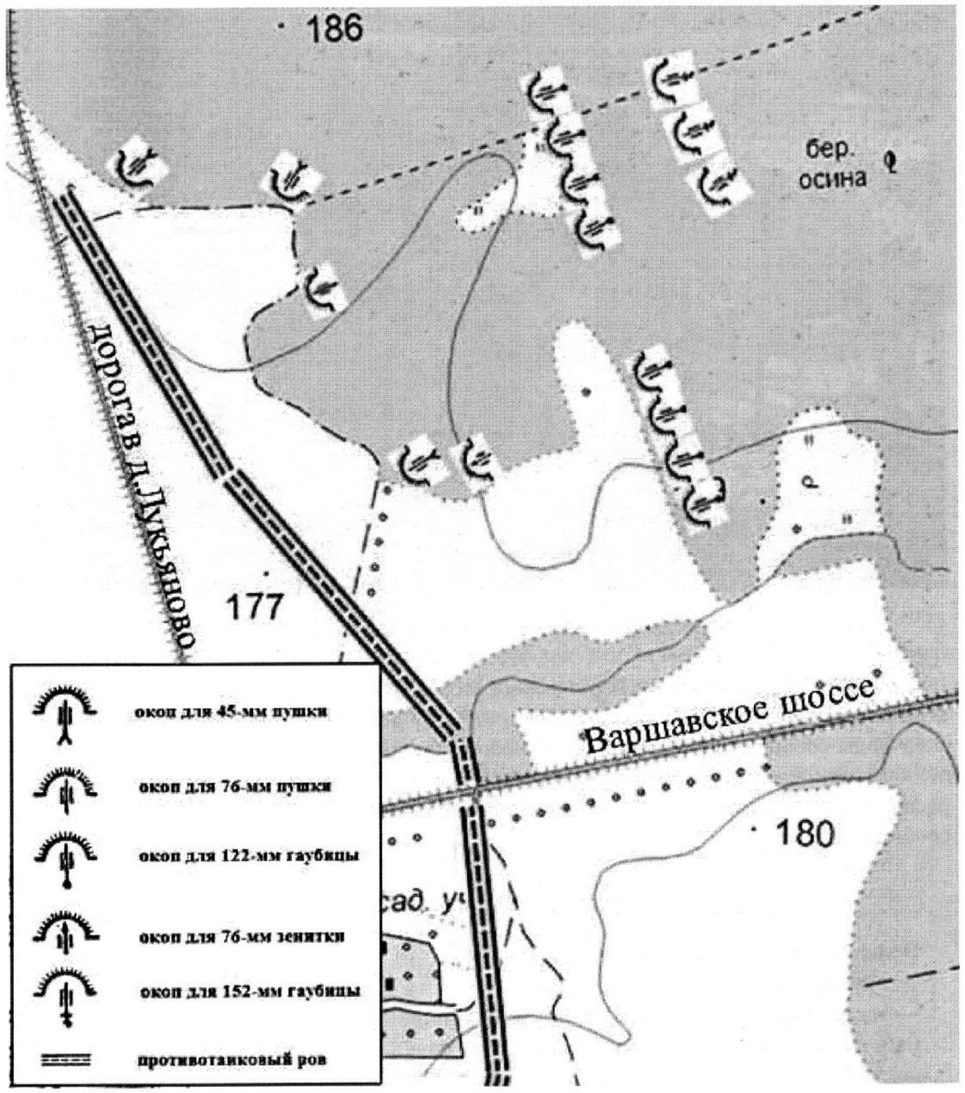


Рис. 7. Расположение окопов для орудийных расчетов справа от дороги в д. Лукьяново.

В боевых действиях с использованием 122-мм гаубиц участвовал 64 тяжелый гаубичный артиллерийский полк под командованием подполковника Викторова.

Боевые действия с применением 152-мм гаубиц велись 517-м артиллерийским полком. В боевых действиях было задействовано четыре 76-мм зенитных орудия из состава 222-го зенитного артполка, рассредоточенных на значительной площади, занимали позиции в километре от моста, вблизи шоссе. Выявленное местонахождение позиций по обе стороны от Варшавского шоссе позволяют предположить, что при помощи данных орудий велся перекрестный огонь [8].

Кроме того, на кромке леса справа от дороги в деревню Подсосено в 1,5 км от Варшавского шоссе определены окопы прямоугольной формы. Объекты размером порядка 3×5 м сгруппированы и располагаются веерообразно с четко определяемым 3-метровым въездом. Предполагается, что они предназначались для укрытия легких танков Т-40, которые стояли на вооружении 17 танковой бригады и были переданы Подольскому пехотному училищу [10; 12].

Рис. 8. Эскарп берега р. Выпрейки. С. Ильинское. 1941.

Как севернее, так и южнее Варшавского шоссе выявлены развитые системы окопов со стрелковыми ячейками, направленными в сторону рек Лужа и Выпрейка. На данный момент ходы сообщения и стрелковые ячейки осыпаны, деревянное обрамление отсутствует, контуры окопов видны четко. За системами окопов на расстоянии 30—50 м иногда располагаются убежища для личного состава, как правило, соединенные с ними ходами сообщения.

Противотанковые препятствия

В ходе полевых исследований выявлены:

— противотанковые рвы — 5,8 км;

— эскарпированные берега рек Лужа и Выпрейка.

Работы по отрывке земляных препятствий начинают с важнейших танкоопасных направлений. Земляные противотанковые препятствия во избежание использования их противником в качестве закрытий для пехоты необходимо располагать так, чтобы они находились под огнем своих пулеметов и артиллерии [1].

Размеры противотанковых рвов должны быть таковы, чтобы задержать средние и тяжелые танки. Величина их в каждом случае зависит от возможности просмотра и прострела подступов ко рву [2]. На Ильинском рубеже ширина рвов — 7 м, высота — 2—3 м, однако были найдены недостроенные участки, что подтверждает свидетельства очевидцев.

Вдоль всего оборонительного рубежа эскарпированы берега рек Выпрейки и Лужи. По наставлениям высота эскарпа должна быть порядка 3 м, однако, по воспоминаниям немецкого военнослужащего 74-го моторизованного полка 19-й танковой дивизии Адалберта Васнера, глубина эскарпа р. Выпрейка составляла 4—5 м. [13].

Командный пункт ПАУ

Командный пункт ПАУ был расположен в двух километрах от передовой и на расстоянии километра от шоссе — на главном направлении [8]. На местности найдены три рядом расположенные землянки, схематичное расположение которых представлено на рис. 10.

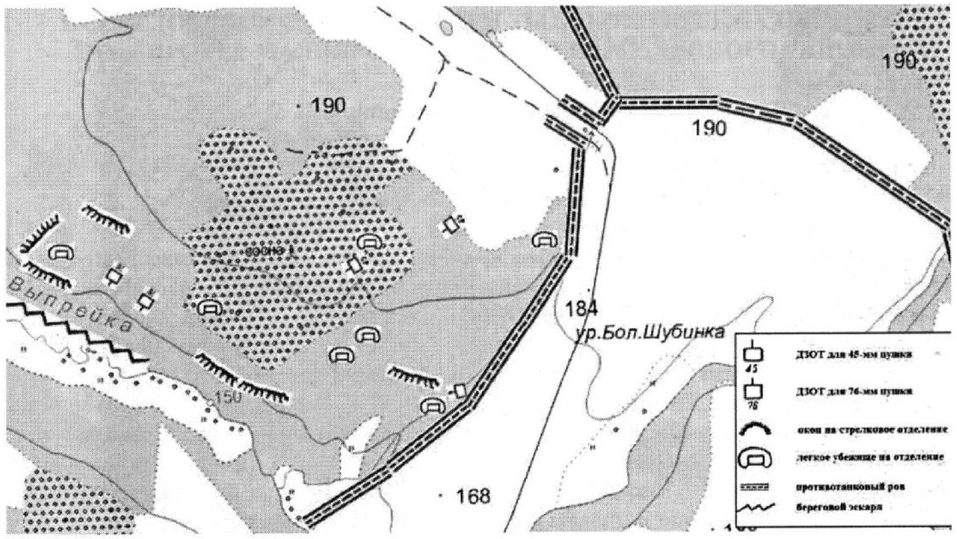


Рис. 9. Расположение выявленных дерево-земляных фортификационных сооружений в районе УР. Большая Шубинка.

Исследовательская работа проводилась в рамках деятельности Военно-патриотического отряда «Ильинский патруль» при ОАО «ОНПП “Технология”» по выявлению фортификационных сооружений Ильинского оборонительного рубежа, дополняет материалы по железо-бетонным оборонительным сооружениям и в дальнейшем позволит описать Ильинский рубеж как единую оборонительную систему, включающую в себя железобетонную и дерево-земляную фортификацию.

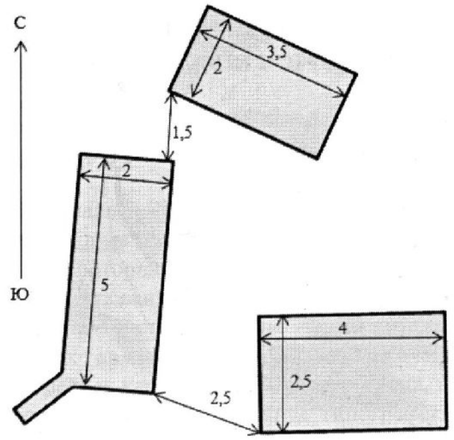


Рис. 10. Схема расположения землянок командного пункта ПАУ

Литература

1. *Гербановский С. Е.* Укрепление местности. — М.: Воен. изд-во НКО СССР, 1941.

2. *Гербановский С. Е.* Фортификация пехоты. — М.: Воен. изд-во НКО СССР, 1942

3. *Исаев А. В.* Котлы 41-го: История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. — М.: Яуза: Эксмо, 2005.

4. *Комиссар О. Н.* Реконструкция оборонительных боев на Ильинском рубеже 11—18 октября 1941 г. путем исследования состояния фортификационных сооружений // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. — Калуга: Полиграф-Информ, 2012.

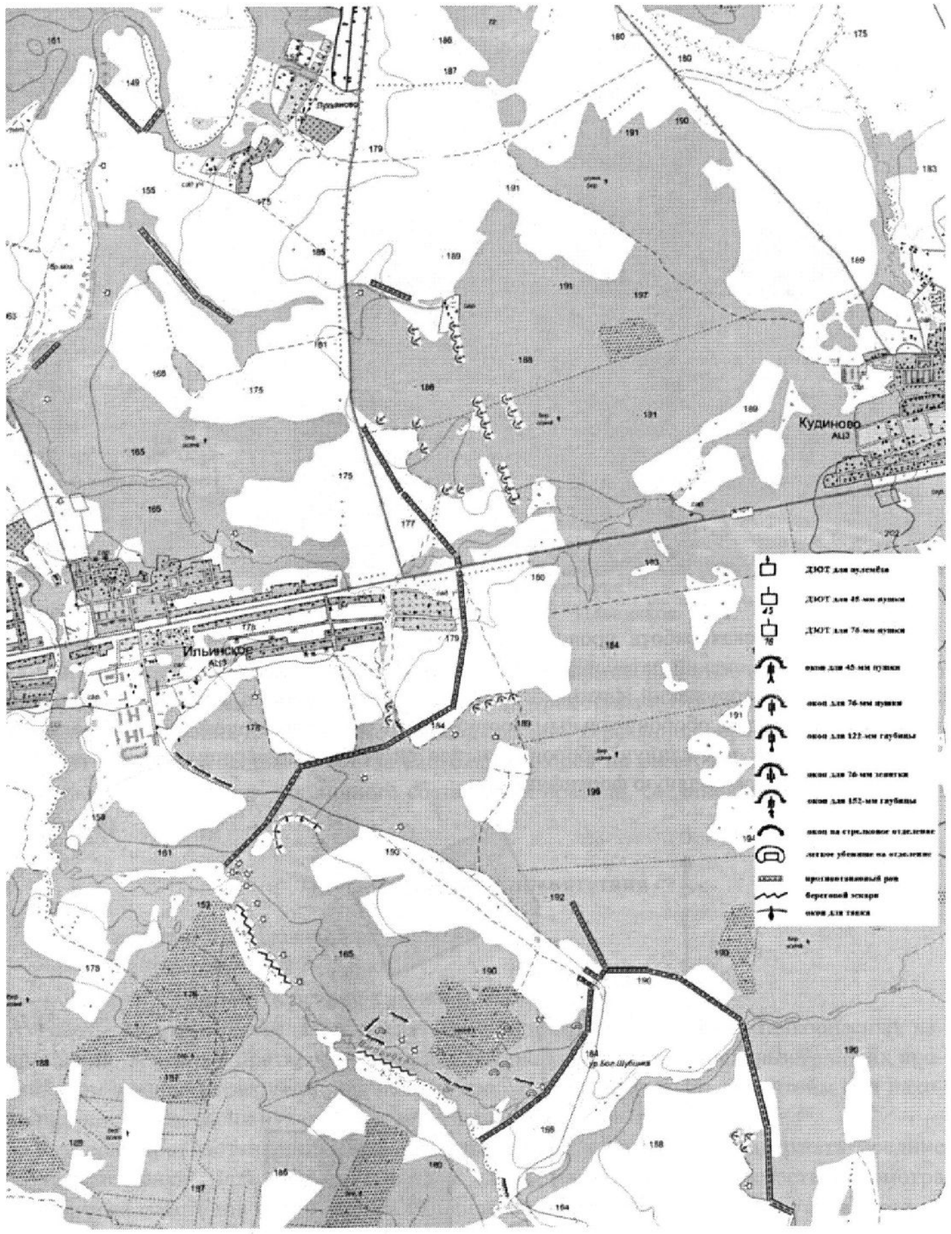


Рис. 11. Расположение выявленных дерево-земляных и земляных фортификационных сооружений Ильинского оборонительного рубежа

5. Наставления для инженерных войск: Полевая фортификация (ПФ-39).
6. *Панков Д. В. Панков Д. Д.* Подвиг подольских курсантов. — М.: Моск. рабочий, 1982.
7. *Стрельбицкий И. С.* Беглым, огонь! — М.: ДОСААФ, 1969.
8. *Стрельбицкий И. С.* На Варшавском шоссе — М.: ДОСААФ, 1979.
9. *Телегин К. Ф.* Мемуары: Московская зона обороны.
10. ЦАМО. Ф. 3080. Оп. 1. Д. 15.
11. ЦАМО. Ф. 450. Оп. 11158.
12. ЦАМО. Ф. ОА БТВ 43А. Оп. 9331. Д. 10.
13. *Wasner A.* Воспоминания-мемуары 74-го моторизированного полка 19-й танковой дивизии: Прорыв Можайской линии обороны.
14. www.malkray.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРТИФИКАЦИИ ТЫЛОВОГО РУБЕЖА ОБОРОНЫ ПО р. ПРОТВЕ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА

***О. Н. Комиссар**, к.т.н., краевед, ген. дир.;*
***О. В. Коваль**, к. э. н., краевед, нач. отд.;*
***Д. С. Видмант**, спец.,*
Государственный научный центр РФ ОНПП «Технология»

Работа посвящена исследованиям фортификационных сооружений тылового рубежа обороны Малоярославецкого укрепленного района № 37, входящего в состав Можайской линии обороны Москвы в октябре 1941 г. Впервые представлены исторические документы 1941 г., найденные авторами в Центральном архиве Министерства обороны России.

Установлено, что оборона Малоярославецкого укрепленного района включала в себя хорошо известный передовой рубеж вдоль восточных берегов рек Выпрейки и Лужи с центром на Варшавском шоссе в с. Ильинское (Ильинский рубеж противотанковой обороны), промежуточный рубеж на западной окраине г. Малоярославец и до настоящего времени неизвестный тыловой рубеж вдоль восточного берега р. Протвы от д. Передолье до г. Боровска. Во время полевых исследований выявлены и описаны пять сохранившихся до наших дней сборных железобетонных пулеметных дотов легкого типа. Три дота расположены на склоне Зайцевского оврага на западной окраине с. Белкино. Эти огневые точки контролировали дорогу между станцией Обнинское и д. Кривское. Варшавское шоссе на восточном берегу р. Протвы на уровне старой почтовой станции проходила линия обороны с двенадцатью пулеметными дотами, из которых до наших дней сохранилось два. Этот рубеж от деревни Передоль до брода возле деревни Вашутина должна была оборонять 113-я стрелковая дивизия (преобразованная из 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района города Москвы) 33-й армии.

ТРОФЕЙНАЯ НЕМЕЦКАЯКАРТА МАЛОЯРОСЛАВЦА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДА ПЕРИОДА ОККУПАЦИИ*

***В. И. Меленчук**, к. г. н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

В 1941 г. немцы испытывали дефицит крупномасштабного картографического материала для местностей, на которых проводились боевые действия. Такая же проблема была и с оккупированными территориями. Для контроля над ними, дальнейшего освоения, а также для быстрого ориентирования эту проблему оперативно помогала решать аэрофотосъемка. По ее результатам составлялись не только крупномасштабные карты местности, но и карты отдельных городов. Примером подобного картографического произведения может служить трофейная карта города Малоярославца, выполненная посредством дешифрирования аэрофотоснимка и напечатанная типографским способом (см. рис.1). Оригинал этой немецкой карты хранится в фондах Малоярославецкого военно-исторического музея Отечественной войны 1812 года. У оригинала отсутствует фрагмент в левом верхнем углу. Размеры оторванной части указывают на то, что она могла быть использован в качестве папиросной бумаги. Копия с оригинала постоянно выставлена в экспозиции музея истории и краеведения г. Малоярославца.

* Автор выражает благодарность сотрудникам Малоярославецкого военно-исторического музея Отечественной войны 1812 года и его директору Е. А. Щебиковой, сотрудникам Малоярославецкого музея истории и краеведения и его директору Е. И. Чущиной, учителю географии МОУ СОШ № 1 города Малоярославца Т. С. Зуевой, научному сотруднику НИИ Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, кандидату исторических наук Е. А. Назарян и исследователю Йохену Хойслеру из г. Нюрнберга за помощь и всестороннюю поддержку в подготовке данного материала.

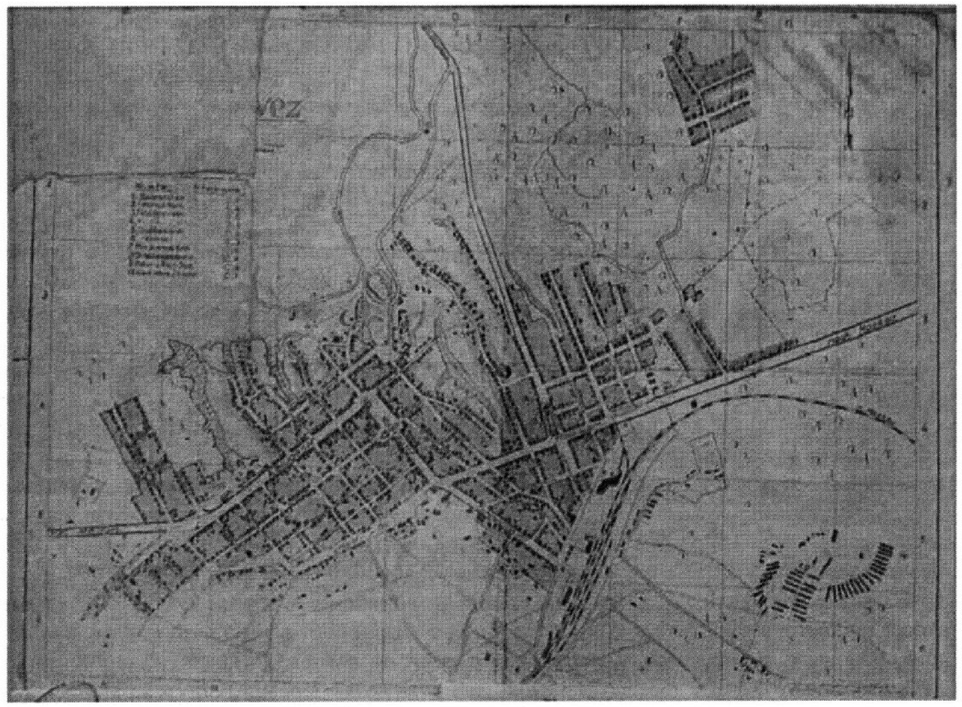


Рис. 1. Трофейная немецкая карта Малоярославца. Ноябрь 1941 г.

Карта выполнена на бумаге, размер листа примерно 30×42 см. Масштаб карты (согласно имеющейся копии): 1:13000 (в 1 см — 130 м). Линиями километровой сетки она разделена на квадраты со стороной 5 см. На рамке по широте имеются обозначения от 1 до 6. По долготе квадраты обозначены восемью литерами: *A, B, C, D, E, F, G, H*. Для ориентировки карты по сторонам горизонта в правом верхнем углу листа расположена стрелка, обозначающая острым концом направление на север, а оперением — направление на юг.

В нижнем правом углу указано, что эта карта города Малоярославца создана на основе аэрофотосъемки, приведенной в ортогональную проекцию. После чего карта была отредактирована вермахтом и моторизованным картографическим отделом. Издание датируется ноябрем 1941 г. Условные знаки к карте расположены в левом верхнем углу под его названием (оторвано). Всего обозначены цифрами в кружках и расшифрованы в легенде 10 объектов (***Nr. inPlan***). Для каждого из них указан квадрат для поиска, или по-немецки ***Gitterangabe***, что можно также перевести как «сетка указаний». Согласно легенде карты наибольшую значимость и первостепенный интерес для немецких оккупантов представляли следующие объекты.

1. ***Badeanstatt*** — купальня. Квадрат ***C,3***. Так назвали немецкие оккупанты хорошо известную всем коренным горожанам Старую баню, в которой использовалась родниковая вода, подававшаяся самотеком в два больших металлических резервуара, в одном из которых она подогревалась.

Недаром этот важный объект получил у немцев почетное обозначение под первым номером. Вшивость (педикулез) стала одним из спутников войны из-за антисанитарных условий жизни. Для борьбы с ним в вермахте использовали так называемый порошок Мореля (назывался по фамилии врача), но солдаты его не любили из-за зловония. А банно-прачечных отрядов в немецкой армии, как в РККА не было, поэтому очень актуальными стали любые бани и помывочные пункты.Для горожан баня была закрыта [1].

2. ***Elektrizitwerk*** — электростанция. Квадрат ***E,4***. Городская электростанция располагалась в здании так называемой Давыдовской мельницы. До революции здесь размещалась механическая мельница купца Д. Д. Давыдова. Это было крупное по тем временам

промышленное предприятие и к нему даже подходила ветка железной дороги. Уже в советские годы здесь было размещено оборудование городской электростанции, которая обеспечивала основные нужды промышленности Малоярославца, а также небольшую часть домов горожан.

3. ***Feld-Lazarett*** — полевой лазарет. Квадрат ***D,5***. Один из немецких лазаретов располагался в одном из зданий школы (бывшем училище им. С. И. Беляева). К концу декабря 1941 года остальные немецкие медицинские учреждения из Малоярославца были эвакуированы, а в этом полевом лазарете оставалось работать только хирургическое отделение. Вот как об этом повествует бывший командир 98 пехотной дивизии вермахта М. Гарайс: «*Разбитые стекла, невыносимый холод и недостаточное освещение принуждают санитарную роту 30 декабря перебазировать главный медпункт из Малоярославца в Кудиново. В старом школьном здании оставлено лишь хирургическое отделение. Многочисленные раненые и обмороженные находятся в бедственном положении*» [4].

4. ***Feld-Lazarett*** — полевой лазарет. Квадрат ***B,5***. Еще один немецкий госпиталь расположился в комплексе зданий городской больницы на Калужской улице. Вначале на этом месте размещалась почтовая станция, а позже земская больница. К 1941 г. это был целый комплекс из деревянных типовых зданий и нескольких кирпичных построек. Все они были использованы немцами для временного размещения и лечения своих раненых. После освобождения города больница продолжила свою работу в этих стенах вплоть до 1970-х годов.

Рядом с больницей практически на углу улиц Калужской и Зеленой оккупанты организовали ***Held. Frdhf. (Friedhof)*** — «кладбище героев». Здесь аккуратными рядами в «регулярных» могилах немцы хоронили своих погибших и умерших от ран. Они планировали устроить здесь целое мемориальное кладбище. Не вышло.

5. ***Grobbackerei — Bäckerei — GroßeBäckerei*** — большая пекарня. Квадрат ***E,5***. Располагалась в большом кирпичном здании, расположенном на стрелке современных улиц Кутузова и 17-й стрелковой дивизии. Здесь раньше была железнодорожная столовая, а сейчас на этом месте находится пустырь, огороженный деревянным забором.

6. ***Kloster*** — монастырь. Квадрат ***D,3***. Перед войной бывший Николаевский Черноостровский монастырь представлял из себя целый комплекс жилых строений. Среди жителей даже укоренилось название Студенческий городок. Здесь проживали студенты и преподаватели библиотечного техникума, размещались детский сад и хлебокомбинат. Накануне войны в нижней части Николаевского собора был открыт музей Отечественной войны 1812 года [7].

Вот как об этом вспоминала бывший учитель географии, Почетный гражданин города Малоярославца А. Г. Горюшкина (1924—2011): «*В самой большой церкви был музей. Еще знаете, немцы его разграбили, картины оттуда вытаскивали. И в том месте, как к колодцу спускаться, немцы сделали себе туалет. Они, знаете, как туалеты делали — палки внизу прибивали, и этими картинами, изображающими эпизоды войны 1812 года, они себе туалет этот загородили*» [5].

В нижней части собора монастыря немцы разместили склад, в котором в основном было продовольствие, сигареты, спички. Кроме этого, в одном из зданий монастыря была возобновлено производство хлеба (по всей видимости там, где до оккупации был хлебокомбинат).

7. ***Mar. himmelf. Kirch — MariäHimmelfahrt-Kirche*** — Успенская церковь. Квадрат ***C,4***. Накануне войны ее подвалы использовались под склад зерна, в самой церкви разместился вначале Дом обороны, а потом и кинотеатр. До и после войны колокольня использовалась местной пожарной частью как каланча. В оккупированном городе церковь привлекала внимание фотографов и кинолюбителей вермахта. Она оказалась запечатлена на десятке фотографий и как минимум на одной кинопленке. Немцы устроили из церкви склад. На трофейных фотографиях можно увидеть грузовики и штабеля ящиков расположенных рядом с ней.

8. ***Ortskommandantur*** - местная комендатура. Квадрат ***C,4***. Находилась согласно трофейной немецкой карте в небольшом одноэтажном здании, которое можно увидеть и сегодня. Этот ветхий жилой одноэтажный дом барачного типа до сих пор расположен меж-

ду зданием районной администрации (бывшим зданием присутственных мест, позже райисполкомом) и зданием старой городской пожарной части.

9. ***PeteruPaul-Dom*** — Собор Петра и Павла. Квадрат ***C,4***. Такое название получил от немцев Казанский собор. В советские годы он был обезглавлен — снесены верхние ярусы колокольни (взорваны) и световой барабан собора. В нем разместился Дом крестьянина (гостиница). Во время боя за Малоярославец здание собора использовалось оккупантами для круговой обороны.

10. ***Wass. Werk f. Eisbhn (Wasserwerk)*** — водокачка. Квадрат ***D,1***. Стратегически важный объект, поставлявший воду на железнодорожную станцию. Это «водоемное здание при реке Луже» было построено еще к октябрю 1898 г., перед открытием движения по железной дороге 1 августа 1899 г. [8; 11].

Помимо вынесенных в условные обозначения объектов, на карте можно прочитать и общепринятые в Германии сокращения, обозначавшие другие важные объекты.

Zgl — сокращение от ***Ziegelei*** — кирпичный завод. Располагался к юго-востоку от города за железной дорогой. Был представлен различными постройками, в том числе и длинными приземистыми навесами для сушки кирпича. Здесь немцы устроили расправу над красноармейцами бежавшими из плена [6].

Bhf — сокращение от ***der Bahnhof*** — железнодорожный вокзал. Построенное в 1898 г. здание вокзала имело центральную кирпичную часть и два симметричных деревянных крыла, в которых размещались залы ожидания для пассажиров разных классов, буфеты и ресторан. Во время освобождения города вокзал сгорел и позже к уцелевшей центральной части были сделаны две симметричные кирпичные пристройки. Именно таким вокзал дошел до наших дней.

На западной окраине города на плане можно рассмотреть здания машинно-тракторной станции и окружавший их забор. Именно на территории МТС немецкие оккупанты устроили концентрационный лагерь для красноармейцев и гражданских лиц. Здесь был большой ангар покрытый железными листами. По воспоминания моего дедушки А. Н. Лебедева (1925—2009), *«...накануне Нового 1942 года, пленных на территории лагеря уже не было, а многие из горожан шли сюда за горелой пшеницей (была перевезена сюда во время оккупации со сгоревших складов у ж.д. станции). Под навесом стояли чаны с мукой и противни с холодцом (из конины), которым до этого и кормили пленных»* [9].

В районе развилки дорог на Медынь и Калугу, там, где сейчас расположена мебельная фабрика, были устроены ремонтные мастерские для немецкой техники. Легковые и грузовые автомобили, автобусы и мотоциклы, и даже бронемашины ремонтировались здесь. Немецкий генерал Мартин Гарайс написал об этом: «*В ремонтной роте дивизии, расположенной в Малоярославце, работы почти полностью остановились из-за отсутствия запчастей. Пустые площади, пустые помещения — вот что встречает снабженцев. Нагрузка на всю материальную часть на русской земле неимоверна и, похоже, предсказуема. В поисках запчастей часто приходится «отваживаться» на сотни километров по оккупированной территории*» [4].

Корреспондент «Известий» П. Белявский после освобождения города тоже поделился своими впечатлениями: «*Мы видели огромную территорию мастерских по ремонту автомашин в Малоярославце. Она сплошь уставлена легковыми автомобилями, мотоциклетами, броневиками, санитарными, транспортными и иными машинами. Сейчас их ремонтируют наши рабочие для Красной Армии*» [2].

С пунктуальностью обозначены на карте основные дороги и указаны направления ведущие от Медыни (***von Medyn***) и от Калуги (***v. Kaluga***) на Москву (***nach Moskau***). Дорога от села Маклино (до 1918 г. — Марьино) обозначена как «путь в Марьино» (***Marienweg***). Однопутная железная дорога также идет от Калуги (***v. Kaluga***) на Москву (***n. Moskau***). С помощью пунктирных линий показаны грунтовые дороги. Вообще на этой карте детально показана дорожно-тропиночная сеть.

Из всех элементов рельефа на трофейной карте Малоярославца отражены: овраг ручья Ярославки, овраг речушки Филатовки, крутые склоны Старого (Бессоновского) кладбища, овраг, берущий начало от пересечения Николаевской и Театральной улиц, склоны древнего городища, склон оврага возле монастыря по которому протекает безымянный

ручей впадающий в Ярославку. Обозначения этих объектов соответствуют о непригодности их использования для действий автомобилей и бронетанковой техники.Хорошо распознаются на карте города водные объекты. В первую очередь — р. Лужа (***Lusha***), а также родниковый водоем в районе засолочной станции и городской пруд (засыпан в конце 1970-х гг.).

Основные лесные массивы показаны перспективно выполненными конусо- и сферообразными фигурами, то есть с использованием типичных обозначений, характерные для немецкой картографии того периода. В ряде случаев лесные массивы ограничены контурами из точек. Еще в начале XX столетия леса почти вплотную подходили к Малоярославцу с восточной стороны, но уже в 1920-х гг. они были сильно прорежены и частично сведены на дрова. В 1941 г. небольшие лесные массивы еще располагались к северо-востоку от города, между городскими кварталами и рабочим поселком Чуриково. Также несколько небольших участков леса сохранялось по обе стороны от железной дороги на выезде в сторону Москвы, были и небольшие лесные участки на северо-западной окраине города.

Луговая растительность обозначена в основном к северу от городской застройки. Большое луговое пространство показано к востоку от дороги, идущей к Боровскому мосту. Также на правом берегу Лужи обозначен заливной луг, до сих пор известный среди местных жителей как Медвежий.

Для немцев длинное название города оказалось труднопроизносимо и неудобно, так Малоярославец для них стал «Кляйне Ярослав» (как и на некоторых немецких картах XIX в.), а на одном из указателей установленном в Медыни и вовсе превратился в *Malojar*. Кстати говоря, на обратной стороне некоторых немецких фотографий с видами города оккупанты именно так и подписывали: место съемки — *Malo*. И снова вернемся к бесхитростным статьям военных корреспондентов, побывавших в только что освобожденном Малоярославце: «*Прямой стрелой дорога врывается в город. И здесь необычное: почти нет пожарищ. Правда, кое-где слетели крыши, вылетели стекла, но все же город не уничтожен. Регулировщик в добротном полушубке четко указывает флажком поворот, и мы въезжаем на Советскую улицу (да, да, она вновь называется Советской, хотя на углах еще висят немецкие таблички, возвещающие о переименовании ее)*» [3; 15]. И еще: «*Несколько сот трупов немецких солдат и офицеров, десятки целехоньких танков, бронемашин, орудий, автомобилей — вот все, что осталось от гитлеровских молодчиков, хозяйничавших здесь свыше двух месяцев. И еще остались вывески на углах улиц: «Соединительная» (прежде она именовалась Интернациональной), «Зеленая» (так назвали немцы улицу Парижской коммуны)*» [2].

Если перевести немецкие названия улиц на русский язык, то можно сравнить их, как с дореволюционными, так и с современными [10; 12; 13; 14]. Анализируя, можно выяснить, что были среди улиц Малоярославца и те, которые в оккупацию не поменяли своих прежних названий: Калужская, Боровская, Московская, Гоголя, Театральная, Зеленая, Калужские переулки. Незначительно было переосмыслено и название ул. Ивановской. Она стала ул. Йохана. Ряд других улиц города был переименован немцами в более «корректные» для них. Например, ул. Свердлова стала Церковной, Советская (ныне ул. Ленина) переименована в Московскую, Парижской коммуны — в Зеленый путь, а Нижне-Солдатская — в Долинную.

Вместе с тем немецкая карта оставляет и ряд вопросов, на которые пока нет ответов. Так, согласно трофейной карте ул. Софьи Перовской названа как ул. Дохтурова, а ул. К. Маркса — как ул. Ермолова. Улица Кутузова обозначена на месте современной Пролетарской. То есть еще до войны в городе были улицы, названные в честь героев Малоярославецкого сражения? Ведь известно, что современные ул. Кутузова и Дохтурова имеют другое расположение и появились только после Великой Отечественной войны.Возникают и другие вопросы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Ценнейший документ, которым является трофейная немецкая карта г. Малоярославца был сохранен после оккупации благодаря скромному учителю черчения и рисования, краеведу, основателю и первому директору военно-исторического музея 1812 года А. Е. Дмитриеву.

2. Оригинальная карта в настоящее время находится в фондах Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года, а копии с нее постоянно экспонируются в местном музее истории и краеведения.

3. Немецкая карта Малоярославца, выполненная в ноябре 1941 г., является важнейшим источником по топографии города и подлинным историческим документом периода немецкой оккупации. Содержание карты позволяет выяснить расположение основных объектов, заинтересовавших немецких оккупантов в первую очередь.

4. Впервые была проведена атрибуция этой трофейной карты Малоярославца по ее основным топографическим характеристикам.

5. В ходе краеведческого исследования с использованием немецкой карты г. Малоярославца возникают новые вопросы, на которые пока нет ответов.

6. Также этот картографический раритет можно использовать совместно с другими документами (аэрофотосъемкой, картами, планами, воспоминаниями, мемуарами, приказами, журналами боевых действий и т. д.) периода Великой Отечественной войны в последующих краеведческих исследованиях.

Литература

1. *Белявский П.* Как жили при немцах в городе Малоярославце // Известия. — 1942, 4 янв. — . № 3 (7689).

2. *Белявский П.* На запад от Малоярославца // Известия. — 1942, 10 янв. — № 8 (7694).

3. Вечернее сообщение 4 января // Комсомольская правда. — 1942, 6 янв. — № 4 (5099).

4. *Гарайс М.* 98-я пехотная дивизия. 1939—1945 / Пер. с нем. Л. Д. Ведерниковой. — М.: Центрполиграф, 2013. — 351 с.

5. *Горюшкина А. Г.* Воспоминания // Цифровой архив автора.

6. *Дмитриев А. К* 15-летию освобождения Малоярославца от немецко-фашистских оккупантов // Искра. — 1956, 30 дек. — № 156 (3691).

7. *Кожухов С. И.* Открытие музея Отечественной войны 1812 года // Искра. — 1940, 3 нояб. — № 177 (1781).

8. *Котлякова Н. В., Щебикова Е. А.* Локомотивное депо Малоярославец. 100 лет. — Малоярославец. 1999. — 20 с.

9. *Лебедев А. Н.* Воспоминания // Цифровой архив автора.

10. Лист топографической карты N-37-25 (Малоярославец). Масштаб 1:100 000. Съемки 1933, 1936,1938 гг. Издание 1941 г.

11. Малоярославец: История и современность / Под ред. Т. М. Тимошиной. — Калуга: Фридгельм, 2002. — 248 с.

12. Малоярославец: Карта на немецком языке. Ноябрь 1941 г.

13. Малоярославец: Карта города. Масштаб 1:10 000. 2012 г.

14. План Малоярославца: Масштаб: в англ. дюйме 100 сажень. 1905 г.

15. *Чернышев В., Жуков Ю.* В Малоярославце. // Комсомольская правда. — 1942, 4 янв. — № 3 (5098).

О НЕКОТОРЫХ СТРАНИЦАХ СОЗДАНИЯ АВИАЦИОННОГО ПРИКРЫТИЯ ТУЛЬСКОГО УКРЕПРАЙОНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.

***В. П. Покасов**, г. Москва; **А. С. Рябцев**, к. и. н., г. Тула*

С первых же дней Великой Отечественной войны все усилия политического и военного руководства СССР были сосредоточены на мобилизации всех сил и средств на отпор вероломному врагу.

По оценке Б. И. Невзорова (Москва, Институт военной истории МО РФ), если рассматривать хронологические рамки битвы за Москву по фактическому ходу борьбы с 22 июня 1941 г. по 20 апреля 1942 г., то она втянула в свою орбиту почти 8,4 млн. солдат и офицеров и 504 расчетные дивизии обеих противоборствующих сторон [12. С. 30].

В Московской битве в период с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. с советской стороны велись боевые действия в составе: **Западного**, **Резервного**, **Московского резервного**, **Калининского**, **Брянского** (I ф.), **Юго-западного фронтов**, **Войск обороны Москвы**, **Московской зоны ПВО** и **Московской зоны обороны** (МЗО) [МЗО — оперативное объединение, созданное решением ставки ВГК на базе Войск обороны Москвы. Руководство МЗО осуществлялось командованием Московского военного округа. Функционировали также **Штаб войск НКВД охраны МЗО** и **Управление войск НКВД охраны МЗО**].

Для справки. В период битвы за Москву принимало участие 435 наименований авиации ВВС и ПВО, в том числе: авиационных дивизий — 39; авиационных групп — 8; отдельных авиационных полков — 167; отдельных авиационных эскадрилий — 18; авиационных и воздухоплавательных отрядов — 3; районов авиационного базирования — 132; отдельных батальонов (рот) связи управления — 25; батальонов аэродромного обслуживания и им равных — 102; аэродромно-технических рот — 60.

Прикрытие Москвы с воздуха осуществлял Московский корпусной район ПВО (с 6 апреля 1942 г. Московский фронт ПВО), образованный по приказу Ставки Верховного главнокомандования 24 ноября 1941 года и просуществовавший до 5 апреля 1942 г. Командование противовоздушной обороной столицы осуществлял Д. А. Журавлев. Вся территория к западу от Москвы была разбита на 6 районов ПВО: Бологоевский, Сухиничский, Ржевский, Вяземский, Калининский и **Тульский бригадный** (с 15 февраля 1942 г. дивизионный) **район ПВО** [10. С. 10—12, 97—117, 161].

* * *

Необходимо отметить, что подготовка Тульского района ПВО к будущим боевым действиям началась сразу после начала Великой Отечественной войны. Стремительное продвижение немецко-фашистских войск на восток заставило обратить особое внимание на организацию противовоздушной обороны столицы — г. Москвы.

29 июля 1941 г. заместитель начальника Управления аэродромного строительства (УАС) УНКВД по Тульской области Александр Дмитриевич Барышев представил первому секретарю Тульского обкома партии В. Г. Жаворонкову список 14 объектов специального строительства по Тульской области с указанием ответственных лиц, условного номера и места расположения объекта. Документ имел ограниченный доступ под грифом «совершенно секретно», в силу установленных еще в 30-е годы правил секретности в документе отсутствуют имена и отчества руководителей — начальников: Объект № 414 — г. Тула, начальник Белобрагин, главный инженер Зубаренков; объекты № 390 и 390-а — пос. Волово, начальник Боровков, главный инженер Иванов; объект № 335 — Чернь, Чернского района, главный инженер Рогачевский; объект № 371 — Сталиногорский район, станция Маклец, начальник Курнаев, главный инженер Андрулевич; объект № 274 — Веневский район, разъезд Шелудяки, начальник Христенко, главный инженер Краснощеков; объект № 356 — Калужский район, с. Каракозово, начальник Мохов; объект № 305 (под постоянным № 420) — Калужский район у д. Орешково, начальник Кокарев, главный инженер Малахов; объект у д. Шопино Калужского района, начальник Приходько, главный инженер Соколов; объект № 186-а — Калужский район, с. Павшино, начальник Башкатов, главный инженер Бабкин; объект № 316 — Дубенский район, с. Воскресенское, главный инженер Шавронов; объект № 473 — д. Хомяково, начальник Авербах, главный инженер Лелохин; объект № 186 — Щекино, начальник Рудаков, главный инженер Втулов; объект № 471 — Тула, Волынцево, начальник Белобрагин.

Таким образом, уже в июле 1941 г. многочисленные объекты УАС с задачами противовоздушной обороны находившиеся на территории Тульской области не просто были приведены в боевую готовность. В апреле 1941 г. начальником УНКВД по Тульской области был И. М. Кирюшин, он же начальник Управления аэродромного строительства, а в начале июля 1941 г. его заменяет В. Н.Суходольский, начальник УНКВД по Тульской области с июля 1941 по май 1943 г. Первым заместителем начальника УАС был лейтенант госбезопасности Д. И. Крюков, на должности главного инженера был Е. Р. Явелов. Таким образом, в связи с реорганизацией НКВД СССР, произошла смена руководства

в деле организации отпора немецко-фашистским захватчикам на территории Тульской области [2. Л. 112—114].

Для справки. По аналитическому материалу, предоставленному А. В. Снимщиковым, доцентом Рязанского Военно-воздушного десантно-командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова МО России, и И. Н. Сидоровым, старшим преподавателем этого же военного института, о воздушно-десантных войсках в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., указано что, во фронтовых операциях военно-воздушный десант применялся шестикратно, в том числе трижды в ходе битвы за Москву. Из боев за Москву в составе Западного фронта: воздушный десант отряд майора И. Г. Старчака, 4—19 января 1942 года; воздушный десант юго-восточнее Вязьмы 18 января — 4 февраля самостоятельно и до июня 1942 г. в тылу противника; Вяземская воздушно-десантная операция 18 февраля — 28 июня 1942 г. При планировании и проведении Вяземской воздушно-десантной операции для боевых действий применялись воины-десантники 4-го Воздушно-десантного корпуса и использовались аэродромы Грабцево, Ржавец и Жашково. [11. С. 165, 179, 180; 13. С. 262—269; 14. С. 184—193].

С Тульского аэроузла ушел в свой последний и бессмертный полет 8 октября 1941 г. пикирующий бомбардировщик Пе-3, пилотируемый командиром эскадрильи 40-го скоростного бомбардировочного авиаполка капитаном А. Г. Роговым и штурманом, капитаном В. И. Фарносовым. Объектом авиаудара был железнодорожный мост через р. Угру, западнее Юхнова. По этому мосту шли к Москве немецкие эшелоны с живой силой и техникой. Неоднократно проводившиеся авианалеты по этому мосту не приносили никакого результата: немцы прикрыли этот стратегический объект мощной зенитной артиллерией и истребителями. Советская авиация несла тяжелые потери. Когда самолет капитана А. Г. Рогова был подбит, то экипаж направил горящую машину на мост. Взрыв был огромной силы: самолет весом 7,5 тонны, около 3 тонн горючего и 1,5 тонны бомбовой нагрузки. Движение войск противника по мосту было остановлено. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1941 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования фронта по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, капитану Рогову Алексею Георгиевичу, было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Именем отважного летчика названы улица в городе-герое Туле и электромеханический техникум. На доме, где он жил, установлена мемориальная памятная плита. Капитан В. И. Фарносов награжден орденом Ленина (посмертно). На месте подвига, на р. Угра, установлен памятник советским летчикам [11. С. 165, 179, 180].

* * *

В октябре 1941 г. военные действия переместились на территорию Тульской области. Из 40 районов Тульской области не был оккупирован один Заокский район. По состоянию на июнь 1942 г. три района — Лаптевский, Иваньковский и Октябрьский — были оккупированы частично. В июне 1942 г. четыре района Тульской области — Белевский, Арсеньевский, Чернский и Липецкий — находились в зоне военных действий; десять районов области — Бабынинский, Калужский, Детчинский, Перемышльский, Одоевский, Плавский, Дугинский, Черепетский, Каменский, Крапивенский — находились во второй зоне военных действий [5. Л. 85, 92, 94].

Когда противник 18 ноября 1941 г. прорвал оборону советских войск юго-восточнее Тулы и вышел к Веневу и Кашире, то для отражения этой угрозы командованием ВВС РККА была сформирована ударная авиационная группа во главе с М. В.Щербаковым. Для усиления воздушного воздействия на противника привлекалась 11-я смешанная авиационная дивизия под командованием дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Г. П. Кравченко [9. С. 49, 60]. После начала контрнаступления советских войск под Москвой в середине декабря 1941 г. была создана авиационная группа под командованием генерал-майора Е. М. Николаенко, которая окончательно переместилась на Серпуховский и Тульский аэроузлы 4 января 1942 г. [1. С. 547].

Конечно, этого было недостаточно. Дело в том, что истребители того времени имели по современным меркам достаточно ограниченный радиус действия — приблизительно 400—500 км. Поэтому для прикрытия своих войск и городов, прежде всего Москвы и Тулы, требовалось многократно увеличить число аэродромов.

По приказу командующего ВВС Западного фронта от 24 марта 1942 г. на аэродроме Грабцево, северо-восточнее Калуги надлежало в течение 10 дней построить дополнительные взлетно-посадочные полосы. Батальон авиационного обслуживания 50-й Армии выполнить поставленную задачу своими силами оказался не в состоянии, из-за полного отсутствия автотранспорта и катастрофического некомплекта личного состава. В этой ситуации начальник 15-го района Авиационного базирования НКО СССР полковник Иванников и военком старший батальонный комиссар Потехин обратились за помощью к руководству Тульской области о выделении на данное строительство 1 200—1 400 человек рабочей силы с лопатами, 300 подвод и выделении 120 тонн соломы необходимой для теплоизоляции взлетно-посадочной полосы [8. Л. 8, 9].

71-й район Авиабазирования не имел сил и средств для выполнения приказа НКО СССР № 0034 и приказа по Войскам Западного фронта № 032 по строительству грунтогравийной взлетно-посадочной полосы, а срок строительства был установлен с 1 по 20 апреля 1942 года. Оценив силы и возможности 4 апреля 1942 г. заместитель командующего ВВС Западного фронта по тылу, полковник Успенский и военком, полковой комиссар Владыкин обратились с просьбой к руководству Тульской области о выделении 900 человек и 200 подвод ежедневно для строительства аэродрома в районе города Плавск, из прилегающих к месту работ районов и 300 человек из города Калуги, для погрузки шлака на ст. Калуга. Принято было решение бюро обкома ВКП(б) по этому вопросу, мобилизованное местное население приступило к работам и к установленному сроку 20 апреля 1942 года взлетно-посадочная полоса была готова [7. Л. 144].

Быстрому строительству аэродромов в военное время способствовал не только героический труд мобилизованных в основном женщин, подростков, инвалидов не подлежащих призыву в армию и не занятых на военном производстве, но и освоенная в довоенное время довольно простая и вместе с тем эффективная технология строительства взлетно-посадочных полос. В основе их покрытия лежал изобретенный в Германии доктором Дамманом, так называемый «эссенский асфальт».

Для справки. Первое применение «эссенского асфальта», изобретенного доктором Даманом, относится к 1921 г. По своей конструкции «эссенский асфальт» относится к типам дегтевых и битумных покрытий, устраивается по способу смешения. «Эссенский мелкозернистый асфальт» представляет собою искусственную смесь из дробленного каменного известкового материала или доменного шлака размером менее 4 мм с незначительной добавкой мягкого битума или дегтя. Изготавливается «эссенский асфальт» горячим способом, укладывается на полотно в холодном виде, потому этот материал иногда называют холодным асфальтом. Конечно, срок службы таких взлетно-посадочных полос был непродолжительным и требовал практически постоянного перманентного ремонта. К тому в условиях войны каждый налет вражеской авиации на аэродром практически выводил его из строя. Поэтому шел постоянный ремонт и строительство новых взлетно-посадочных полос и аэродромов.

* * *

В сентябре 1943 г. начальник 22-го Управления особого строительства (УОС) дислоцировавшегося на территории Тульской области, полковник Корнев и главный инженер 22-го УОС инженер-полковник Кан представили в Тульский обком ВКП(б) докладную записку «Основные данные о строительстве оборонительных рубежей на территории Тульской области 22 Управлением ОС и другими военными организациями за 1941, 1942 и 1943 годы», составленной по сводным данным на 1 сентября 1943 г. № 02219, под грифом «Секретно». В докладной записке указывалось, что работы велись по строительству: 1) Пяти полевых оборонительных рубежей: а) Тульский основной, б) Тульский полуобвод, в) Тульское городское кольцо, г) Окский отсек, д) Калужский; 2) Укрепление обороны 7 городов: а) Тула, б) Сталиногорск, в) Епифань, г) Алексин, д) Каганович Тульский, е) Калуга, ж) Щекино.

Из основных показателей по всем рубежам: по 22-му УОС с 15 марта 1942 года по 1 сентября 1943 г. отработано — 7 682 000; по другим военным организациям — 2 700 000 так называемых человеко-дней [3. Л. 34; 4].

* * *

В изложенном выше виде ранее материал был представлен в ряде публикаций [16; 17].

Дальнейшее изучение темы представило новые данные, как по количествурайонов Авиабазирования, их составу, так и по учету оперативных аэродромов при авиационном прикрытии Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в период битвы за Москву. Это представлено например в исследовании ведущего корреспондента газеты «Тульские известия» Сергея Александровича Митрофанова «Тульские военные тайны» [15].

Обеспечивали боевую деятельность Военно-воздушных сил Западного фронта и прикрытие Тульского укрепрайона 14-й, 15-й, 18-й, 20-й, 59-й (обеспечивал боевую деятельность 6-й резервной авиагруппы, затем последовательно 2-й и 17-й воздушных армий) и 71-й районы Авиабазирования [15. С. 67—71].

Например, 71-й район Авиабазирования состоял из: 71-го отдельного батальона связи; 71-й отдельной роты связи, 271-го отдельного батальона оперативной связи, 171-го и 179-го отдельных автотранспортных батальонов; 1-й, 53-й и 54-й техкоманд по уборке аварийных самолетов; 71-й отдельной трофейно-эвакуационной роты; 906-й отдельной зенитно-пулеметной роты; 71-го прачечного отряда; 71-го полевого военно-хозяйственного склада; последовательно 593-й, а затем 1293-й полевых касс Госбанка; 1500-й военно-почтовой станции. Аналогичная структура была и в 59-м районе Авиабазирования, и уместно отметить функционирование в его составе 1780-й военно-почтовой станции [15. С. 67—71].

Представляют интерес установленные в Государственном архиве Тульской области и опубликованные документы — решения Исполнительного комитета Тульского областного Совета депутатов трудящихся, носившие гриф «совершенно секретно» [15. С. 152].

РЕШЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
от 13 мая 1942 года № 366/22

Об отводе земельных участков под оперативные аэродромы

Рассмотрев ходатайство 20-го района Авиационного базирования, исполнительный комитет Тульского областного совета депутатом трудящихся решил:

1. Обязать Исполнительный комитет Калужского, Ленинского, Дубенского, Крапивенского, Дугненского и Перемышльского районных советов депутатов трудящихся до 16 мая 1942 года отвести в натуре ранее занимаемые оперативными аэродромами земельные участки в следующем размере:

Наименование аэродромов и селений	Ориентировочная площадь *в га*	Административный район
Грабцево	150 га	Калужский
Алексеевка	100 га	Ленинский
Брыково	150 га	Ленинский
Рыдома	120 га	Ленинский
Павшино	100 га	Дубенский
Пятерное	100 га	Крапивенский
Коврово	100га	Дугненский
Макарово	120 га	Дугненский
Кольцово	120 га	Дугненский
Жашково	120 га	Перемышльский

РЕШЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
от 15 мая 1942 года № 377/23.

Об отводе земельных участков под оперативные аэродромы

Рассмотрев ходатайство отдела аэродромной службы Управления ВВС Западного фронта от 10 мая 1942 года, исполнительный комитет Тульского областного совета депутатом трудящихся решил:

1. Обязать Исполнительный комитет Детчинского, Калужского, Бабынинского, Перемышльского, Черепетского, Щекинского, Одоевского районных и Сталиногорского городского советов депутатов трудящихся отвести в натуре земельные участки под оперативные аэродромы в следующем размере:

Район базирования	Наименование аэродромов и селений	Ориентировочная площадь *в га*	Административный район
18	Рябцево	70	Детчинский
15	Сляднево	70	Детчинский
15	Шопино	120	Калужский
15	Орешково	100	Калужский
15	Кожухово	120	Калужский
15	Тырново-Бабынино	70	Бабынинский
14	Григорьевский	150	Перемышльский
14	Корекозово	70	Перемышльский
14	Щекино	70	Щекинский.
14	Ретимки	70	Щекинский
14	Одоево	120	Одоевский
14	Ржавец-Песочный	120	Черепетский
14	Говоренки	120	Черепетский
14	Березово	120	Черепетский
14	Гордиково	70	Черепетский
14.	Алексеевка	100	Белевский
14	Болото	100	Белевский
14	Сталиногорск южный	120	Сталиногрский
14	Урванка	70	Сталиногорский
14.	Бобрик-Донской	170	Донской

В указанных управленческих решениях, как обязательная составляющая предписывались организационные мероприятия по обеспечению выполнения решений [15. С. 153, 154].

Как отмечалось выше, силами местного населения, а это женщины, дети и старцы обоего пола, постоянно оказывалась помощь. Например, 28 сентября 1942 г. было принято постановление объединенного заседания Калужского районного комитета ВКП(б) и Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся о выделении 400 человек 256-му Батальону аэродромного обслуживания (БАО) (из состава 20-го района Авиационного базирования. — *В. П., А. Р.*) для очистки летных полей, из селений Кожуховского, Горбенского и Староскасово Л.-Толстовского сельсовета. [15. С. 74, 75].

К лету 1942 г. ситуация изменилась, и авиационное прикрытие Тульского укрепрайона обеспечивали в этом и последующем годах не 28 оперативных аэродромов, как отмечалось в предыдущих исследованиях по данной теме, а 45 объектов: Ефремовский (Ефремов, Круглики); Каменский (Гнилуши); Сафоновский (Степной хутор); Чернский (Выпол-

зово, Орлики); Белевский (Болото, Алексеевка); Перемышльский (Голоцкое, Григорьевское, Жашково, Корекозово); Калужский (Кожухово, Шопино, Грабцево, Орешково); Детчинский (Сляднево, Рябцево); Ленинский (Рыдомо, Брыковка, Алексеевка); Тульский (Хомяково, Волынцево, Мясново); Дугненский (Курово, [Коврово], Макарово, Кольцово); Черепетский (Красномихайловка, Говоренки, Березово, Гордиково, Ржавец песочн.); Одоевский (Одоев); Арсеньевский (Вязок); Сталиногорский (наличие железнодорожного и автотранспортного узлов было предпосылкой создания группы оперативных аэродромов — Узловая, Урванка, Сталиногорск южный, Маклец); Заокский (Пахомово); Дубенский (Павшино); Крапивенский (Пятерное); Бабынинский (Тырново—Бабынино); Щекинский (Щекино, Ретимки); Донской (Бобрик—Донской) [6. Л. 93, 94; 15. С. 152—154].

Для справки. Приложением № 2 к Приказу МВД России от 27 декабря 2001 г. определен перечень подразделений НКВД, находившихся в составе действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: «Формирования милиции. По Тульской области. По городу Калуге. Штаб МПВО города — пункта Калуга, период нахождения в действующей армии с 18 августа 1942 года по 6 января 1944 года. По городу Туле. Штаб МПВО Зареченского района города Тулы, период нахождения в действующей армии с 02 августа 1941 года по 01 апреля 1943 года» (Архивная выписка из Приказа МВД РФ от 27 декабря 2001 года № 1156 дсп. «Об объявлении перечней управлений, соединений, войсковых частей, подразделений и учреждений войск НКВД, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» УМВД России по Тульской области. Отдел архивной информации. № 20/3137 от 24 октября 2012 г. Основание: Ф. 59. Оп. 1, Д. 872).

* * *

В марте 1942 г. французский национальный освободительный комитет «Сражающаяся Франция» обратился к властям Советского Союза с предложением направить в СССР группу французских летчиков и авиационных механиков для участия в боевых действиях против фашистской Германии. 25 ноября 1942 г. было подписано советско-французское соглашение о формировании на территории СССР французской авиационной эскадрильи. По просьбе личного состава военному соединению было присвоено наименование «Нормандия». Участие в Действующей Армии авиаполка «Нормандия-Неман»: 6 июля 1943 г. — 31 декабря 1943 г.; 25 мая 1944 г. — 9 мая 1945 г. На аэродроме Клоково Тульского аэроузла базировалась легендарная французская эскадрилья «Нормандия-Неман».

Личный состав эскадрильи состоял из 72 французских добровольцев: 14 летчиков и 58 авиамехаников. За время боевых действий на советско-германском фронте Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., французские летчики совершили 5 240 боевых вылетов, провели около 900 воздушных боев, одержали 273 победы [18. С. 268].

На территории аэродрома Клоково (Тула), где до декабря 2009 г. дислоцировался Отдельный вертолетный полк № 490 ВВС МВО МО РФ, в административном здании— Центре управления полетами (ЦУП) — установлена памятная плита из гранита, на которой указано, что в 1943—1944 гг. в этом здании размещался французский авиационный полк противовоздушной обороны «НОРМАНДИЯ-НЕМАН», летчики которого, выполняя свой интернациональный долг, сражались в дни Великой Отечественной войны со всем советским народом против фашистских захватчиков. Аналогичная, памятная плита из гранита установлена и на здании Дома офицеров тульского гарнизона — Тула проспект Ленина, 42.

В 1945 г. на основании директивы Генерального штаба Красной Армии началось формирование 1-й Французской смешанной авиационной дивизии. Помимо «Нормандии-Неман», в ее состав планировалось ввести 2-й бомбардировочный авиационный полк «Бретань» и 3-й истребительный авиаполк «Париж». Авиаполк «Бретань» в марте 1945 г. был укомплектован французским экипажем и советским инженерно-техническим составом. Полк базировался в Туле на аэродроме Клоково Московского военного округа. В марте 1945 г. в Управление кадров ВВС НКО СССР был вызван капитан Гармаев Санга Гармаевич (8 марта 1914 г. —5 мая 1983 г.) и направлен на выполнение специального задания командования ВВС НКО СССР, на должность заместителя командира 2-го бомбардировочного авиационного полка «БРЕТАНЬ» 1-й Авиационной дивизии, с задачей подготовить французских летчиков для полетов на советских пикирующих бомбардировщиках Пе-2. Работу по установлению истины по данному эпизоду провел писатель В. В. Аникеев.

Литература

1. Битва под Москвой: Хроника, факты, люди: В 2 кн. — Кн. 2. — М.: ОЛМА-ПРЕСС М., 2001.
2. ГАУ Тульской области «Государственный архив Тульской области» (ГАУ ТО «ГАТО»). Ф. 177. Оп. 6. Д. 55. Л. 112—114.
3. ГАУ ТО «ГАТО». Ф. 177. Оп. 8. Д. 52-а. Л. 34.
4. ГАУ ТО «ГАТО». Ф. 177. Оп. 8. Д. 52-а. Л. 1,2.
5. ГАУ ТО «ГАТО». Ф. 177. Оп. 8.Д. 45. Л. 85, 92, 94.
6. ГАУ ТО «ГАТО». Ф. 177. Оп. 8. Д. 74. Л. 93, 94.
7. ГАУ ТО «ГАТО». Ф. 177. Оп. 8. Д. 79. Л. 144.
8. ГАУ ТО «ГАТО». Ф. 177. Оп. 8. Д. 79. Л. 8, 9.
9. *Кожевников М. Н.* Командование и штаб ВВС советской армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М., Наука, 1985.
10. Красная Армия в самой крупной битве истории: Справочник о воинских формированиях, участвовавших в Московской битве (30 сентября 1941 года — 20 апреля 1942 года) / Сост. В. П. Филатов, Е. Н. Грищенко. — М.: Воениздат, 2007.
11. *Масалитина Г. А., Коваленко А. С.* Памятные места военной истории // Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под ред. В. П. Новикова, Т. А. Гордеевой. — Калуга: НП «Угра»: ИЦ «Постскриптум», 2007; *Коваленко А. С.* Воинские захоронения и памятники // Там же.
12. *Невзоров Б. И.* Московская битва и крупнейшие сражения XX века: Роль, место, значение // Битва, изменившая ход войны: Материалы научной конференции. — 2007.
13. *Сидоров И. Н.* Применение воздушных десантов во фронтовых наступательных операциях в годы Великой Отечественной войны // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Битвы под Москвой, 6—7 декабря 2006 года. — Рязань, 2007.
14. *Снимщиков Е. Б.* Вяземская воздушно-десантная операция // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Битвы под Москвой.
15. *Митрофанов С. А.* Тульские военные тайны. — Тула, 2014.
16. *Покасов В. П., Рябцев, А. С.* О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // http://kozelskcyclopedia.ru
17. *Покасов В. П., Рябцев А. С.* О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Героическая оборона Тулы — составная часть битвы за Москву»: Материалы научно-практической конференции. — Тула: Изд-во Тул ГУ, 2011.
18. *Чуднов Г.* История Тульского края. — Тула: Пересвет, 2000.

КАЛУЖСКИЕ ОСТАРБАЙТЕРЫ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ ЗА РУБЕЖОМ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАДНИКО)

***И. Е. Птушкин**, учитель, НОЧУ СОШ «Радуга»*

К событиям и явлениям Великой Отечественной войны всегда было приковано особое внимание отечественных ученых. Победа дорого далась народам СССР. Великая Отечественная война затронула все слои общества и в особенности обычных граждан страны. Одной из мало изученных проблем этой войны в отечественной историографии является жизнь мирного населения на войне. В частности жизнь советских граждан оказавшихся за границей. Как они жили? В каких условиях? На каких работах использовался труд репатриантов?

В советской исторической науке трудов посвященных репатриации советских граждан крайне мало. Первые упоминания о репатриантах в исследованиях появились в конце

Таблица 1. **Места проживания граждан по районам Калужской области до их вывоза**

Район	Количество человек
Жиздринский	29
Куйбышевский	30
Кировский	5
Юхновский	7
Спас-Демьянский	8
Хвастовичский	20
Ульяновский	4
Думиничский	33
Барятинский	1
Людиновский	22
Мосальский	3
Дзержинский	1
Сухиничский	11
Износковский	2
Боровский	1
Неизвестно	5
Всего	**182**

1950-х гг.[1] Данные работы носят обзорный характер, где исследователи наряду с такими явлениями как коллаборационизм и оккупация затрагивают также процесс репатриации советских граждан.

В начале 1990-х гг. российские исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным фондам. Это способствовало увеличению интереса к проблемам Великой Отечественной войны, которые ранее не могли активно изучаться. В частности на основе материалов этих фондов появились первые работы о репатриации советских граждан в 1940—50-е годы. Российские ученые В. Н. Земсков, П. М. Полян, А.А. Шевяков и другие в своих работах заложили основу современной историографии данной проблемы[2]. Сегодня интерес к изучению репатриации советских граждан не уменьшается.

Перед войной с Советским Союзом экономика Германии не испытывала острой нехватки рабочей силы. Согласно планам германского командования война должна была закончиться в течение нескольких недель. После ее завершения основная часть солдат вернулась бы домой и устранила недостаток рабочей силы. Однако уже осенью стало понятно, что война затянется и на возвращение военнослужащих восточного фронта не стоит надеяться. 7 ноября 1941 г. Геринг издал директивы об использовании советской рабочей силы, явившиеся стартовым сигналом для начала крупномасштабной акции мобилизации советских людей для труда в Германию[3]. Для решения этой проблемы были созданы — так называемые «Программы Заукеля». Первая началась в апреле 1942 г. и закончилась приблизительно в сентябре, вторая началась сразу же за первой в сентябре 1942 г., и закончилась в январе 1943 г., третья и четвертая рассчитывались, каждая, на год и пришлись на 1943 и 1944 гг.[4]

Когда советские войска вышли к государственной границе СССР и начали освобождения Европы, 24 августа 1944 г. ГКО издал постановление «Об организации приема возвращающихся на Родину советских граждан, насильно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»[5]. Для приема и проверки перемещенных граждан были созданы проверочно-фильтрационные лагеря и пункты. Наряду с проверкой бывших военнопленных солдат РККА «фильтрации» подвергались и гражданские лица, оказавшиеся за пределами СССР. «Вынужденно перемещенные» проверялись отдельно от военнопленных, и на каждого репатрианта было

Таблица 2. **Вывоз граждан с территории Калужской области**

Страна	Количество человек
Германия	141*
Польша	21*
Австрия	12
Франция	4**/****
Венгрия	1
Италия	2****
Румыния	2***
Чехия	3
Югославия	1
Вывезены в другие регионы СССР	4
Всего	**192**

создано фильтрационное дело. Данные документы и позволяют науке узнать условия жизни и труда советских граждан за пределами Родины.

Для поиска ответов на выше перечисленные вопросы была произведена случайная выборка фильтрационных дел репатриантов Калужской области из Фонда 748 ГАДНИКО. Дела военнослужащих и мужчин призывного возраста не рассматривались. Всего было проработано 182 дела (92 женщины и 90 детей). В таблице 1 представлены данные места проживания репатриантов по районам Калужской области до их высылки:

По данным этой таблицы видно, что на работы, в основном, были отправлены граждане западных районов области. Это объясняется тем фактом, что восточная часть калужского региона под оккупацией находилась недолгий период и в ходе наступательных операций зимой и весной 1941—1942 гг. была освобождена Красной Армией. Западные же районы области находились под оккупации вплоть до осени 1943 г. Именно в 1942 и 1943 гг. производился массовый угон мирного населения.

В таблице 2 приведены данные, куда с территории Калужской области были вывезены репатрианты.

Подавляющее большинство остарбайтеров из Калужского региона были отправлены в Германию, где экономика с каждым месяцем все больше и больше требовала рабочих рук в экономике. Так же, калужан отправляли на работы в такие страны как Польша, Австрия, Венгрия, Италия, Румыния, Чехия, Франция. Труд некоторых рабочих использовался в разных отраслях экономики и для этого остарбайтеров могли перевозить из одной страны Европы в другую. Часть остарбайтеров из Калужской области была вывезена на работы в другие оккупированные районы СССР или использовалась при частях Вермахта.

В таблицах 3 и 4 представлены данные, в каких сферах экономики Германии и ее союзников активно применялся детский и женский труд рабочих с Востока.

При сравнении стоит отметить сходство данных практически по всем пунктам. На тяжелых видах работы между детьми и женщинами, нет заметных различий. Как дети, так и женщины участвовали в рытье окопов, строительстве оборонных сооружений, различных полевых работах и т. д. Большего всего применялся труд остарбайтеров в сельскохозяйственной отрасли экономики Германии. На промышленных предприятиях восточных рабочих практически не использовали. «Остовцы», которые числились при фабриках

* 8 репатриантов работали и в Германии и в Польше.

** 1 репатриант пребывал сначала в во Франции, затем находился до отправки на Родину в Англии.

*** 1 репатриант пребывал в Польше, а затем в Румынии.

**** 1 репатриант пребывал во Франции и после был отправлен в Италию.

Таблица 3. **Использование в экономике Германии и ее союзников труда детей, вывезенных с территории Калужской области**

Сфера экономики	Количество человек
Оборонные работы	13
Сельское хозяйство	44
Чернорабочие	10
На фабрике/заводе	11
Обслуживающий персонал	2
На ремонте/строительстве дорог (в том числе железных дорог)	1
На различных работах	9
Всего	**90**

и заводах выполняли, как правило, роль обслуги или чернорабочих. Это можно объяснить недоверием к качествам данной рабочей силе и страхом сбоя темпов производства в условиях военных действий. Не редкими были случаи побегов остарбайтеров с мест работы или невыполнения своих обязанностей. За данные проступки рабочие жестоко наказывались, но это не давало гарантий надежности и качества выполняемой «остовцами» работы[6]. Так же стоит отметить то, что женский труд чаще использовали в качестве обслуживающего персонала. Это связано с привлечением женщин на работы в качестве поваров или кухарок. Дети же использовались в качестве обслуживающего персонала для уборки помещений или помощников при столовой.

Условия жизни восточных рабочих были крайне тяжелыми. Содержались они преимущественно в специальных лагерях или в хозяйстве сельскохозяйственных собственников, на которых работали. Эти лагеря были ограждены колючей проволокой и охранялись. В некоторых лагерях «остовцы» конвоировались на работы в деревянных колодках. Рабочие, проживающие в лагерях, жили в бараках. Питание для них было крайнее низкого качества. В частности, репатрианты упоминали, что кормили их баландой из брюквы или жидким супом с картофелем[7].

По состоянию на 1 марта 1946 г. через фильтрационные органы «прошли» 4 199 488 советских граждан. Из них 2 660 013 человек были мирными гражданами[8]. В Книге Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны указывается, что из Калужской области в Германию было угнано свыше 21 тысячи человек[9]. Большинство репатриантов были отправлены на Родину, где они должны были отметиться в местных органах НКВД или власти о своем прибытии. Мальчиков-репатриантов, достигших 18 лет, отправляли на службу в РККА.

Таблица 4. **Использование в экономике Германии и ее союзников труда женщин, вывезенных с территории Калужской области**

Сфера экономики	Количество человек
Оборонные работы	9
Сельское хозяйство	52
Чернорабочие	8
На фабрике/заводе	12
Обслуживающий персонал	5
На ремонте/строительстве дорог (в том числе железных дорог)	4
На различных работах	2
Всего	**92**

Литература

[1] См.: *Брюханов А.* Как это было: О работе комиссии по репатриации советских граждан. — М., 1958. — С. 12—13; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945: В 6 т. / Ред. П. Н. Поспелов [и др.]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1960—1965.

[2] См.: *Шевяков А. А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационной зоне государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграция: Сб. науч. трудов. — М., 1994; *Земсков В. Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944—1951 гг. // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 30—44; *Земсков В. Н.* Рождение «второй» эмиграции. 1944—1952 // Социологические исследования. — 1991. — № 4. — С. 3—24; *Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956) // Социологические исследования. — 1995. — № 5. — С. 3—13; *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. — М.: Ваш выбор ЦИРЗ. — 1996; *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. — М.: РОССПЭН, 2002.

[3] См.: Белорусские остарбайтеры. Угон населения Белоруссии на принудительные работы в Германию (1941—1945 гг.): Документы и материалы: В 2 кн. / Сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. — Кн. 1: 1941—1942. — М.: НАРБ, 1996. — С. 6.

[4] См.: *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация.

[5] См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Ил. энциклопедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005 — С. 64.

[6] См.: ГАДНИКО. Ф. 748. Оп. 1. Д. 12, 253, 297, 299, 394.

[7] См. там же Д. 97, 201, 323, 550.

[8] См.: http://rugraz.net/index.php/istoricheskoe-dostoinstvo/repressii/215-v-n-zemskov-repatriacija-peremeschennih-sovetskih-grazhdan (дата обращения — 05.04.2015).

[9] См.: Книга Памяти Калужской области. — Т. 4. — Калуга, 1996. — С. 524.

КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

«ОНА ЗВАЛАСЬ ПОБЕДА...» ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

***А. П. Черников**, д. ф. н., проф., Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

Великая Отечественная война застала Булата Окуджаву (1924—1997), будущего известного поэта-барда за школьной партой. Движимый горячим стремлением принять участие в борьбе против фашизма, девятиклассник рвется добровольцем на фронт. Его не берут по возрасту. Тогда он оставляет школу и, устроившись токарем на оборонный завод, в свободное время посещает госпитали, где выступает перед ранеными фронтовиками с чтением стихотворений.

В августе 1942 г. Б. Окуджаву призывают в действующую армию. Он воюет на Северо-Кавказском фронте под Моздоком в составе минометной бригады. В одном из боев Окуджава был ранен в ногу, а после излечения вновь оказался на фронте. В марте 1944 г. Окуджаву мобилизуют из армии по состоянию здоровья. На этом его фронтовой опыт завершился. Но душа, опаленная войной, будет настойчиво побуждать его создавать все новые и новые произведения о войне. Тема Великой Отечественной войны окажется одной из главных тем его творчества.

В автобиографическом рассказе 1975 г. «Утро красит нежным светом...» Окуджава писал: «Что же касается победы, то, хотя я и не совершил ничего героического <...> все-таки живет во мне уверенность, что без меня победа досталась бы труднее». Ощущение личной сопричастности к Великой Победе пронизывает многие его стихотворения, многие из которых станут затем песнями.

О войне Окуджава писал с самого начала своего творческого пути. («Возвращение», «Здравствуй весна, здравствуй, жизнь»). Он воссоздал в них не только героические и трагические стороны войны, но, главное, выразил неистовую жажду жизни, противостояние юности — смерти, гибели, увечью, которые несет в себе война: «Я буду улыбаться, черт меня возьми, / в самом пекле рукопашной возни».

Свои произведения о войне Б. Окуджава посвящает прежде всего ее рядовым участникам, внешне не героическим, но сохранившим в душах милосердие, доброту, любовь. Герои его песен о войне — это молодые люди, «повзрослевшие до поры».

Особенно значимы песни Окуджавы, созданные им в конце 1950-х — 1990-х гг. В русле «лейтенантской прозы» он пишет разнообразные в проблемно — тематическом, жанровом, ритмико-интонационном плане песни «Первый день на передовой», «Король», «Песенка о солдатских сапогах», «До свиданья, мальчики» и многие другие.

В первой из них картины атак отсутствуют, но зато крупным планом показано естественное волнение молодого солдата, впервые оказавшегося на передовой, его боязнь того, что товарищи могут заметить подобравшееся к его сердцу чувство страха: «Волнения не выдавая, оглядываюсь...».

По мере нарастания угрозы смерти, эскалации трагических обстоятельств, в сознании солдата кошмарная реальность кажется нереальным сном:

Отбиваюсь в изнеможении
И вдруг попадаю в сон:
Дым сражения, окружения,
Гибнет, гибнет мой батальон.

В стихотворении-песне показана сложная диалектика переживаний молодого солдата в экстремальной ситуации, передана его неистовая жажда жизни «Жить хочется / Жить, жить хочется», — как заклинание повторяют его губы одно-единственное желание и надежду. В лучших своих произведениях о войне поэт достигает высокого трагедийного звучания:

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли, —
повзрослели они до поры.
(«До свиданья, мальчики»)

В 1970—80-е гг. Окуджава создает несколько десятков стихотворений-песен, большая часть которых органично вошла в содержание известных кинофильмов о событиях Великой Отечественной войны: «Мы за ценой не постоим...», «Песня московских ополченцев», «Песня красноармейца», «А мы с тобой, брат, из пехоты», «До свидания, мальчики!» и др.

В них показана не только жестокость войны, несовместимой с жизнью, но воплощено стремление ее участников любой ценой выполнить боевое задание, победить во имя Родины, ради будущего счастья:

От Курска до Орла война нас довела
До самых вражеских ворот, такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа.
Одна на всех — мы за ценой не постоим.
(«Мы за ценой не постоим...»)

Назвать эту песню фоном к изображению воинского подвига было бы несправедливо. Она усилила основную мысль кинофильма «Белорусский вокзал»: наши люди ради Победы готовы отдать свои жизни. В стихотворении «А мы с тобой, брат, из пехоты» автор размышляет о том, какой отпечаток война навсегда оставила в душах и умах ее участников. Метафора «война нас гнула и косила» отчетливо передает все, что пережили и те, кто воевал на полях сражений, и те, кто готовил Победу в тылу, кто потерял в страшную годину родных и близких.

В произведениях этой тематики Окуджава повествует не только о солдатах — фронтовиках. Он освещает и тему «женщина на войне». Грустно, но вместе с тем обнадеживающе звучат те строки его стихотворений, где вчерашние медсестры, связистки, зенитчицы, разведчицы «огнем опалены, / вернулись снова молодыми / седые женщины с войны». Их возвращение — «добрый знак весны», т. е. мирной жизни.

До боли волнует автора горькая участь вдов, чьи мужья не вернулись с войны. Показательно в этом отношении одно из ранних стихотворений «Вдова», написанное в Калуге и вошедшее в его первый, вышедший в октябре 1956 г. в издательстве Калужской областной газеты «Знамя» сборник «Лирика»:

Он не писал с передовой,
Она — совсем подросток —
Звалась соломенной вдовой;
Сперва — соломенной вдовой,
Потом — вдовою просто.

Юные вдовы, несмотря на известие о гибели мужей, «вдаль дорог глядят / с надеждою на чудо»:

Как будто им глаза даны,
Чтобы глазами теми
Всем не вернувшимся с войны
Глядеть на мир весенний.

Вопреки внешней простоте, многие стихотворения — песни Б.Окуджавы являют собою довольно сложную смысловую и композиционную структуру. Так, знаменитая песня «До свиданья, мальчики» отчетливо делится на две части: первая из них представляет собой обращение к мальчикам, вторая — к девочкам. Песня, таким образом строится как обращение друг к другу юных людей, отправляющихся на фронт.

Обращение девочек — это щемящая просьба:

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите, и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Юные подруги ждут от своих мальчиков подвигов: быть «высокими» - значит, любить Родину, быть смелыми, ничего не жалеть для Победы. И следом за напутствием «будьте высокими» звучит мольба и надежда: «Постарайтесь вернуться назад».

Мальчики тоже жалеют своих подруг, которых нависшая над страной страшная беда вынудила надеть «зеленые крылья погон» и подарить «платьица белые» младшим сестренкам, не надеясь на собственное возвращение с войны и на будущие свадьбы. Обращение мальчиков завершается той же идущей из глубины сердца просьбой: «...Девочки, / постарайтесь вернуться назад».

В песнях Окуджавы о войне налицо довольно сложная организация художественного времени и пространства. Автор часто обращается к воспоминаниям, имеющим различный временной характер. Прежде всего, это воспоминания фронтовиков или людей, уходящих на фронт, о недавней мирной, довоенной жизни:

Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
Вся жизнь моя встает перед глазами
(«Песенка о военных ополченцах»)

Приметами прежней мирной жизни являются в этих произведениях «двор арбатский», «радиолы», фотографии, оркестры довоенных лет:

Ах, как помнятся прежние оркестры,
не военные, а из мирных лет.
(«Счастливый жребий»)

Другой план воспоминаний — это «воспоминания о будущем» тех, кто сейчас на фронте:

Затихнет шрапнель,
И начнется апрель.
На прежний пиджак
Поменяю шинель.
(«Затихнет шрапнель...»)

Будущее послевоенное время представляется участникам войны как возвращение привычной довоенной жизни, поэтому в одной строфе автор использует приметы и довоенной, и военной жизни — пиджак и шинель.

«Воспоминания о будущем» и воспоминания о довоенной жизни связаны с весной как с символом обновления жизни, поэтому в песне и используется слово «апрель».

Наконец, третий план воспоминаний — о недавней войне из послевоенного времени:

Я листаю страницы. Маячит
пережитое. Я как в плену.
Вот какой-то испуганный мальчик
Сам с собою играет в войну.
Вот какая-то женщина плачет-
Очень падают слезы в цене,
И какой-то задумчивый мальчик
Днем и ночью идет по войне.
(«Раскрываю страницы ладоней...»)

Лирический герой этих стихотворений — юный участник войны. Но героем он себя не ощущает. Герои для него — те сверстники, которые с нее не вернулись:

Где тот танк,
в котором я и не был?
Только помню взорванное небо,

Только помню,
пламенем объяты,
заживо горели в нем ребята,
одногодки,
может чуть постарше...
(«Здравствуй, жизнь!»)

Острым чувством долга перед павшими проникнуты строки этого стихотворения Окуджавы:

И недолгий путь свой подытожив,
все сполна на сердце положив,
Вдруг поймешь, что ты без счета должен
Тем, кто до сегодня не дожил.

«Вот она, души моей забота», — не забывать всех тех, кто не вернулся с войны, — признается автор стихотворения. Здесь, как и в других стихотворениях этой тематики нашли воплощение самые глубокие и задушевные переживания Булата Окуджавы — вчерашнего фронтовика, вобравшего в свое сердце не только радость Победы, но прежде всего горькую память о жертвах войны.

О долге и невольной вине перед погибшими говорится также в стихотворениях «Ночь после войны», «Сердце скажет» и других:

Не по слову людей, не по буквам уставов
Я опять в неоплатном долгу
И не жалуюсь, просто я очень устало
И уже ничего не могу...
(«Сердце скажет»)

Война, мысли о недавнем прошлом не отпускают молодого человека, вчерашнего участника сражений, который «днем и ночью идет по войне», и видит не только ликование по поводу Победы, но, главное, неутешные слезы вдов, детей, которых война приучила играть в войну. Память уцелевших фронтовиков неотступно направлена на события военных лет:

Блиндажи той войны все травой заросли
Год за годом затихли бои.
Не трава, не года эту землю спасли,
А открытые раны твои.
(«Блиндажи той войны...»)

Память о Великой Отечественной войне, будучи лейтмотивом всей поэзии Б. Окуджавы, находит преломление и в изображении им городов. Так, психологическая атмосфера «Песенки о Фонтанке» проникнута благоговением героя-«приезжего» перед душевными силами ленинградцев, которые пережили блокаду:

От войны еще красуются плакаты,
И погибших еще снятся голоса.
Но давно уж — ни осады, ни блокады —
Только ваши удивленные глаза.

Мотивы военного прошлого входят в стихотворениях Окуджавы и в контекст его элегических раздумий о Москве. В «Песенка о Сокольниках» сквозные образы городского пространства сопровождаются воспоминаниями о войне, приводящие лирического героя к осознанию своей укорененности в родную страну:

Мы вросли,
словно сосны,
своими корнями
в ту страну, на которой живем.

Война настолько глубоко засела в сердце поэта, что даже в произведения иной тематики вторгаются воспоминания о ней и о ее последствиях. Так в одном из ранних стихо-

творений Окуджавы «Здравствуй, маленький», написанном в форме обращения отца к малолетнему сыну, в казалось бы, безмятежное настроение отцовской радости и умиления, врывается память о тех днях и годах:

Нет, тебе невдомек,
что когда-то отец твой,
Сам едва не мальчишка,
безусый подросток,
Нес солдатскую службу
со смертью в соседстве
С первых маршей войны
став негаданно взрослым.

Память о минувшей войне, о погибших фронтовых товарищах составляет лирическое содержание песен «А годы уходят, уходят…», «Король», «Счастливый жребий» и других.

Вновь и вновь поэт-гуманист ведет диалог с Землей о жизни, о любви, которая всем существом своим противостоит войне, несущей смерть: «Ах, ты, шарик голубой, / грустная планета, / что мы делаем с тобой? / Для чего все это? / Все мы топчемся в крови, / а ведь мы могли бы… / Реки полные любви, / по тебе текли бы!»

И Земля дает утвердительный ответ: «Она мне шепчет горячо: Я вас жалею, дурачье / Пока вы топчитесь в крови, / пока друг другу глотки рвете, / я вся в тревоге и в заботе. / Изнемогаю от любви…» («Земля изрыта вкривь и вкось…»).

Многие стихотворения-песни Окуджавы являют примеры богатства его повествовательной манеры. Описательность в них переходит в изобразительность, лирический монолог — в элементы диалогической речи, элегические интонации сменяются маршевыми ритмами. Примером могут служить песни: «До свиданья, мальчики», «Первый день на передовой», «Медсестра Мария», «Песенка о солдатских сапогах», «Нева Петровна…», «Охотник» и многие другие.

Очень ярко это проявляется, например, в «Песенке о солдатских сапогах» (1957). Она выделяется четким маршевым ритмом, построенном на основе пятистопного ямба, а также острым драматизмом и выразительностью аудиовизуальных образов («грохочут сапоги», «птицы ошалелые летят»), своеобразной «кинематографичностью».

Характерная черта «Песенки о солдатских сапогах» — динамика, стремительное движение, причем не только в пространстве, но и во времени.

В первом куплете показано, как приближается солдатский взвод к стоящим женщинам: «грохочут сапоги» солдат, впереди них «птицы ошалелые летят», используется звукопись, преобладает восклицательная интонация. Во втором куплете хронотоп стремительно расширяется: воссоздается резкая смена временных планов: настоящего (солдаты проходят мимо стоящих женщин) и мирного прошлого, которое теперь для солдат яснее и дороже, а фронтовая судьба предстает как в тумане:

Вы слышите, грохочет барабан.
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней…
Уходит взвод в туман — туман — туман…
А прошлое ясней, ясней, ясней…

Следующие три куплета передают душевное состояние солдата, уходящего на войну с надеждой на возвращение домой и смутной тревогой о том, кто и что ждет его в родном доме:

А где же наши женщины, дружок,
Когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
Но в нашем доме пахнет воровством.

И, наконец, заключительный куплет, возвращающий нас от раздумий солдата о том, выживет ли он на войне, а если выживет, то что его ждет в родном доме, вновь к описанию теперь не приближающегося, а уходящего вдаль взвода:

И снова переулком — сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки…
В затылки наши круглые глядят.

Характерны для этой песни, как и для многих других стихотворных произведений Окуджавы, лексические повторы. Они не только усиливают яркость, эмоциональность мизансцены («Уходит взвод в туман, туман, туман…»), но и углубляет смысл всего произведения. Так, фраза «Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней…» вовсе не означает приглашение попрощаться дважды. В зависимости от характера исполнения она может означать: «Солдат, торопись прощаться, взвод уходит» или: «Солдат, прощайся с ней, прощайся навсегда, ты ее больше никогда не увидишь».

Любопытна и такая особенность этой песни, как смена адресата. Начинается она обращением к достаточно неопределенным зрителям — слушателям: «Вы слышите, грохочут сапоги?». Но уже во втором куплете изображен конкретный участник марша: «Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней…», «А где же наше мужество, солдат?», «А где же наши женщины, дружок…?»

Наряду с этим идущим в общем строю солдатом, появляется коллективное «мы», от имени которого звучат последние куплеты песни, с их сомнениями, тревогой и надеждой: «А мы рукой на прошлое: вранье! / А мы с надеждой в будущее: свет!». Выразительна в песне ассоциативность начальных и завершающих ее строк, их словесная и звуковая перекличка, призванная показать гибельную, враждебную человеку силу войны: «Вы слышите, *грохочут* сапоги…» — «А по пятам война *грохочет* вслед», «… и птицы ошалелые летят», « А по полям жиреет воронье».

Среди художественных образов песни (солдаты, женщины) основным героем является повествователь.

Он такой же солдат идущего взвода, о чем свидетельствует местоимение «мы». Он обращается к одному из своих товарищей, очевидно, к жителю того населенного пункта, где проходит взвод, советуя ему поскорее прощаться с «ней» (с женой или невестой), называет солдата «дружком». Он от имени своих товарищей выражает надежду на возвращение с войны, на Победу.

Тема Великой Победы — одна из важных тем песен Окуджавы о войне. Но музыка Победы настояна у него одновременно на ликовании и печали, на радости и боли. Поэтому так чеканно-строги слова автора: «Играет оркестр / над Курой в саду. / Как много невест / в этом году!».

В знаменитой песне «А мы с тобой, брат, из пехоты…» выживший и победивший солдат страстно зовет своего погибшего земляка и однополчанина воскреснуть и идти домой:

А ты с закрытыми очами
Спишь под фанерною звездой
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель — пошли домой.

Песня, написанная от лица рядового участника войны, несет в себе отчетливо выраженные черты разговорного стиля. Это и многократное употребление частицы «а» — с нее начинаются многие фразы, с которыми обращается живой к погибшему, и вопросы риторического характера («Что я скажу твоим домашним, / как встану я перед вдовой?») и целый ряд обращений («брат», «товарищ мой», «однополчанин»), и лаконизм рефрена «Бери шинель — пошли домой», и чисто житейский афоризм «А летом лучше, чем зимой», и просторечная лексика («неужто», «твоим домашним»).

Своеобразие лексической организации этого произведения заключается в том, что его основное тематическое и опорное слово «Победа» ни разу в нем не употреблено, хотя лирический сюжет организован именно этим великим событием. Из строчек песен как бы прорастает тоже ни разу не названное слово «Мир», ибо пришел конец войне, наступила новая весна. Ее образ воссоздан автором и как реальное время года, и как символ Победы. И вернувшиеся домой скворцы — тоже символ мирной жизни.

Все произведения Б. Окуджавы, прямо или косвенно посвященные теме Победы, пронизаны мыслями о возвращении домой, к долгожданной мирной жизни. Поэтому родственные лексемы «возвращение», «вернуться», «вернулся» наиболее часто встречаются в них. Они и в песнях о тех вдовах, которые не верят «в смерть мужей и ждут их возвращенья», и в строках о женщинах — фронтовиках которые «седыми», «молодыми» вернулись домой, и в знаменитом призыве — заклинании к мальчикам и девочкам военных лет : «Постарайтесь вернуться назад!».

Стихотворения Окуджавы о Великой Отечественной войне звучат как реквием и как наказ: это не должно повториться! Так тема войны естественно и органично переходит у позднего Окуджавы в антивоенную тему. В одном из последних стихотворений «Давайте высечем вазу хрустальную…» он выражает надежду на силу правды и благоразумия, на здравый разум людей всей планеты:

В который раз не зря мы души подняли
И речь о правде завели…
На свете нет заботы благороднее,
Чем украшение земли.
Она нам всем и первый крик и матушка,
Да и последнее жилье.
Ах, только б ни кровинушки, ни пятнышка
Вовеки на челе ее!

Литература

1. *Бойко С. С.* За каплями датского короля // Вопросы литературы. — 1998, сент.-окт.
2. Булат Окуджава: Его круг, его век: Материалы второй международной научной конференции. — М., 2004.
3. *Быков Д.* Булат Окуджава. — М., 2009. — (Жизнь замечательных людей).
4. *Зайцев В. А.* Песни грустного солдата // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. — М., 2002.
5. Мифы Булата Окуджавы: Материалы третьей международной научной конференции. — М., 2007.
6. Свой поэтический материк: Научные чтения, посвященные 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. — М., 1999.
7. Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы первой международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Б. Окуджавы. — М., 2001.
8. *Черников А. П.* Песенный мир Б. Окуджавы. — Калуга, 2013.

«ГОРЖУСЬ, ЧТО БЫЛ СОЛДАТОМ В СОРОК ПЕРВОМ…» (ЛИТЕРАТОРЫ, ЛИЧНО ЗНАВШИЕ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО, — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

***Л. П. Майорова**, зав. отд., Государственный музей истории космонавтики им. К. Э. Циолковского*

На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия, нарушив договор о ненападении, внезапно начала военные действия против Советского Союза. В первый день войны многие поэты откликнулись на это стихами, исполненными призыва защитить Родину и дать достойный отпор врагу. Среди них были и литераторы, лично знавшие К. Э. Циолковского: Б. К. Ковынев, П. И. Железнов, Е. Д. Зозуля, Б. Я. Гроссман. В первый день войны поэт Б. К. Ковынев написал стихотворение и опубликовал его в газете Юго-Западного фронта:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война.

Спустя неделю в одном из политдонесений Юго-Западного фронта сообщалось, что «Красноармеец Н. И. Немчинов из ансамбля песни и пляски Киевского особого военного округа перед бойцами, убывающими на фронт на Киевском вокзале, 29 июня с. г. исполнил новую песню Е. Петерсбурского «Прощальная». Командиры и бойцы встретили песню с воодушевлением, просили переписать слова, а исполнять они ее будут на позициях уже сами, так как мотив ее им был хорошо знаком. Песня сразу стала очень популярной, но название «Прощальная» не закрепилось, песня больше известна по первой строчке. Долгие годы она считалась народной, но благодаря многолетним исследованиям историка Ю. В. Бирюкова было восстановлено авторство Ковынева на данные стихи[1].С первых дней войны поэт часто выступал «на призывных участках и рабочих агитпунктах»со стихами «Родина зовет», «Будь начеку», «Песня ополченцев»и другими[2].

Во время Великой Отечественной войны широкое распространение получили плакаты, в которых находили яркое соединение острая кисть художника и меткое слово поэта. Они разили врага и вдохновляли советских людей на подвиги во имя Отечества. Короткие, яростные стихотворные строчки Ковынева, отличавшиеся простотой, лаконичностью, призывали к борьбе против немецко-фашистских захватчиков, убивающих невинных детей, чему свидетельством являются плакаты: художника Т. П. Козлова с текстом Б. К. Ковынева (1942): «Фашизм — заклятый враг людей, несет ребятам смерть и муки. Мы отсечем злодею руки, чтобы спасти наших детей»; художника И. Н. Беспалова «Заткнем бандиту рот!» с текстом Б. К. Ковынева: «Гитлер — вор и паразит, проглотить весь мир грозит. Но заткнул бандиту рот меткой бомбой наш пилот»[3].

Имя Бориса Константиновича Ковынева (1903—1970) было широко известно до войны. Его сборники стихов рекомендовал к печати М. Горький. В 1926 г. он окончил литературный факультет Высших художественно-технических мастерских. Первые стихи опубликовал в 1920 г. В 1925 г. вышел сб. «Стихи», в 1926 г. — «Последний из могикан. 2-я книга стихов». В 1925—1930 гг. был издан ряд сборников в соавторстве с другими поэтами. В 1930 г. им был опубликован сб. «Солнце взрослых», в 1936 г. — сб. «Утверждение». Избранные стихи и поэмы вошли в сб. «Искусство полета» (1959). Пьеса «Безумство храбрых» (1943) была принята театром им. Е. Вахтангова. «Авиамарш» — гимн мальчишек, мечтавших стать «сталинскими соколами», написан именно им. Он же автор стихов к песням, ставшим легендами: «По долинам и по взгорьям», «Песня о встречном», «Называют меня некрасивою» и др. Поэт посетил К. Э. Циолковского вместе с П. И. Железновым в конце мая 1934 г. В одной из записных книжек ученого посетители оставили запись: «Павел Ильич Железнов, поэт, бывший беспризорник. Идет пьеса в театре Мейерхольда. Ковынев Борис Константинович, поэт, имею 11 книг стихов, из которых более или менее ценных 3 книжки. Последнее “Солнце взрослых”»[4]. По признанию Железнова, он впервые «узнал, кто такой Циолковский, от Горького, году в тысяча девятьсот тридцать втором… Один ехать я не решался. Только весной тысяча девятьсот тридцать четвертого года я уговорил поэта Бориса Ковынева, у которого были знакомые в Калуге, поехать к Циолковскому… Узнав, что мы молодые поэты из Москвы, он пригласил нас садиться. Циолковский попросил нас почитать наши стихи. Ковынев прочел отрывок из поэмы “Судьба”. Циолковскому очень понравились строки: “В обычаях мира сначала распять, потом на распятье молиться”. Я прочел стихи “Песня о самолете”… Перед этим Циолковский снял с полок в сенях свои книги и подарил нам с автографами». Поэту «запомнились его золотящиеся теплом глаза, поредевшая на лбу, но еще довольно пышная, припудренная сединой шапка волос, седые усы, борода. Роста он был среднего, статный, несмотря на то, что уже прожил три четверти века. Запомнилось его крепкое рукопожатие. Уже в этот первый визит я узнал, что у него не только золотая голова, но и золотые руки. Все свои модели он делал сам, мастерски строгал, паял, сверлил»[5]. Ровно через год Павел Ильич снова приехал в Калугу, в записной книжке ученого появилась запись: «11 июня 1935 г. Конст. Георг. Шильдкрет, Виктор Александр. Красильников, Павел Ильич Железнов (члены Союза советских писателей)»[6]. Книгу К. Э. Циолковского «Космические ракетные поезда» (1929) с автографом: «Многоуважаемому поэту Пав[лу] Ильичу Железнову от автора. 27 мая 1934 г. К. Циолковский» поэт взял с собой на войну и пронес сквозь все фронты и госпитали[7]:

Передать это чувство словами удастся едва ли,
но и в громе войны, проходя километры пешком,
я о междупланетных полетах мечтал на привале
и хранил Циолковского книжку в мешке вещевом[8].

Железнов признавался: «Воевать против Гитлера я начал в первый, тысячи раз описанный, день Отечественной войны. Вечером этого дня меня вызвали в Радиокомитет. Там в комнате с затемненными впервые окнами, в обстановке уже чем-то приближающейся к фронтовой, написал стихи "Назад!", которые утром 23 июня прочел у микрофона. Эти стихи были напечатаны в газете "Труд" и вошли в первый военный сборник Гослитиздата»[9]:

Спокойна и сильна страна родная
И грозно, словно громовой раскат,
Гремит от Беломорья и Дуная
В лицо врагу — железное: «Назад!»[10]

Потом в течение десяти дней поэт выступал на вокзалах, на призывных пунктах, в райвоенкоматах; читал тут же написанные стихи-миниатюры. Хотел пойти воевать, но в райвоенкомате, куда он обратился 23 июня, ему — «белобилетнику», снятому в середине 30-х гг. по болезни (язва желудка) с военного учета, — велели подождать, сказали: «Пока хватает здоровых»[11]. Но через 10 дней он станет добровольцем-красноармейцем 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения:

Все мы, на пункте сходясь призывном, —
Разных профессий и стажей —
Слесари, поэт, тракторист, агроном,
Сходимся дружно на пункте одном:
Верность Республике нашей![12]

В начале июля 1941 года более сотни писателей, не дожидавшихся, пока их призовут, пошли на защиту Москвы по призыву сердца. В июле 1941 г. в Москве на Пресне за три дня была сформирована 8-я Краснопресненская стрелковая дивизия народного ополчения, которая шла в бой вооруженная не только «пером», но и «тяжелой русскою винтовкой, с накрепко примкнутым к ней штыком». В составе 22-го полка дивизии была и «писательская» рота, в которой в составе минометного отделения 3-го взвода 2-й роты служили Павел Ильич Железнов и Ефим Давыдович Зозуля, в 3-м отделении 3-го взвода 2-й роты — Борис Яковлевич Гроссман. С 4 августа 1941 г. дивизия заняла позиции на Ржевско-Вяземской линии обороны. Вступив в бой 4 октября 1941 г., наши солдаты, когда прорвались гитлеровцы, встали на пути врага живым щитом. Это был их единственный, первый и последний бой. 5 октября 1941 г. дивизия потеряла более половины личного состава, а 6 октября была отрезана от основных сил. Часть оставшихся в живых бойцов пополнила партизанские отряды, часть присоединилась к подразделениям Красной Армии. Это одно из крупнейших поражений Красной Армии стало ее стратегической победой. В результате активных действий окруженных под Вязьмой частей удалось выиграть время, построить оборону вокруг Москвы и подтянуть свежие резервные войска из Сибири. Последствия тех драматических и героических страниц Московской битвы имели решающее значение для судеб Москвы и Отечества, для судеб всего человечества:

Держась, как за личное счастье,
за каждую пядь земли,
мы под Москвой
встали насмерть,
в грунт промерзлый вросли![13]

О своих армейских буднях поэт писал: «С первых дней войны работаю в армейской печати. В июле 1941 г. был членом редколлегии первой газеты народного ополчения — стенгазеты 22 полка 8 Красноармейской дивизии 33 армии — "Друзья Сталина". Поместил в этой газете много стихотворений "Вон от нас!", "Боевая ополченская", "Рак и конь" и другие. Сделал много подписей к рисункам — и лозунгов. Написал несколько (5—6) очерков под общим заголовком "Люди ополчения". Штабом Западного фронта в августе 1941 г. был послан в армейскую газету 49-ой армии "За Советскую Родину". Работал в этой газете сверхштатным литсотрудником до декабря 1941 г. Написал 35—40 стихотворений, юморесок и т. п. 20—30 очерков и заметок. Много материалов организовал за подписью бойцов и командиров. Здесь же впервые написал пропагандистскую статью "Два мира" и цикл раешников под заголовком "Беседы деда-Всеведа". В декабре 1941 года ГлавпурКА назначен на должность писателя в армейскую газету 61 Армии "Боевой призыв". В этой газете продолжал ту же работу: писал стихи, юморески, фельетоны, очерки, заметки, организовывал материал в частях и подразделениях. Сделал несколько тематических полос, организовал две постоянные подборки "Творчество фронтовиков" и "Короткой очередью". Всего напечатал с января по июнь несколько сот материалов. Наибольшей популярностью пользовались юморески, помещенные под псевдонимом "Андрей Снарядкин". В апреле 1942 года награжден медалью "За отвагу"... В конце июня 1942 г. был в тяжелом состоянии отправлен в госпиталь»[14].

В письме с передовой в 1942 г. поэт сообщал: «Посылаю несколько стихотворений по Вашей просьбе. Все время работаю на передовых линиях фронта, и стихи эти написаны там же, на расстоянии километра — другого от противника»[15]. Одним из таких стихотворений было «Короткой очередью»:

Пирогами огневыми
Угощайся, немец-гад,
А не то на штык поднимем,
Бросим замертво назад!
Ты не думай, фриц, при встрече
Угощеньем пренебречь.
Пироги у нас из печи:
Пули бомбы и картечь![16]

К этому периоду относится и стихотворение «Весенние размышления» (март 1942 г., Западный фронт):

Не ждем весны мы наступленья,
А наступаем вместе с ней.
Идем в сугробах по колени,
Тесня фашистов все сильней![17]

5 апреля 1942 г. П. И. Железнов был представлен к награждению медалью «За боевые заслуги»[18]. Но согласно приказу от 30 апреля 1942 г. интендант 3-го ранга П. И. Железнов, «писатель армейской газеты "Боевой путь"» был награжден медалью «За отвагу»[19]. Выйдя из госпиталя, Железнов продолжил службу: «В конце 1943-го — начале 1944-го опубликовал в газете, с благословения члена Военного Совета генерал-майора Лобачева, цикл стихов на уставные темы. Стихи печатались по одному из номера в номер, без подписи, под рубрикой "Поучения рядовому". Позже, осенью 45-го, когда я лежал в Главном военном госпитале, стихи эти появились за моей подписью в газете Московского Военного округа "Красный воин". На фронте, как я потом узнал, они были перепечатаны дивизионными газетами и выходили отдельными сборниками... Летом 1944 г. газета "За честь Родины" закрылась в связи с созданием на базе нашей армии нового фронта — 3 Прибалтийского. Я был направлен в газету, вошедшую в этот фронт 1 ударной армии... В августе был тяжело ранен при выполнении задания на дальних подступах к Риге. День Победы встречал в госпитале. Вышел только в июле 1946 г. с двумя костылями...»[20]:

Горжусь, что был солдатом в сорок первом,
что День Победы встретил офицером,
что все мои военные трофеи —
два черствых костыля да портупея...
И этого никто не отберет,
Хоть про меня с три короба наврет![21]

Павел Ильич Железнов (1907—1987) — поэт, переводчик, бывший беспризорник, воспитанник Болшевской трудовой коммуны. В 1928 г. состоялась первая стихотворная пуб-

ликация в журнале «Друг детей». Большую помощь ему оказали М. Горький и Э. Багрицкий. Сборники стихов и поэм «От пера к перу» (1931), «Песня о молодости» (1955), «Доверие» (1960), «Эстафета отваги» (1973), «Молодости верен» (1976), «Избранное» (1978), «Как много пройдено дорог» (1982) и др. Переводил стихи поэтов братских республик, писал оперные либретто. Еще в 1935 г. Железнов был принят в Союз писателей. В послевоенные годы поэт передавал опыт молодым коллегам, часто встречался с ветеранами 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения, с гордостью рассказывал в различных аудиториях о своих однополчанах, поддерживал дружеские отношения с семьей легендарного генерала Панфилова, принял участие в открытии ему памятника, посвятил ему одно из своих стихотворений:

Стояли насмерть, позабыв о страхе,
Запомнив твердо позади: Москва!
Славяне-россияне и казахи,
Киргизы, и татары, и мордва.
Для каждого бойца в жестокой сече
Панфилов до конца был образцом
… и вместе с ними он увековечен
Истории отточенным резцом.

31 декабря 1969 г. поэт вместе с женою Полиной Михайловной и М. В. Панфиловой, вдовой легендарного генерала И. В. Панфилова, посетил Дом-музей К. Э. Циолковского. В 1976 г. был делегатом VI съезда писателей СССР. К 40-летию со дня Победы 6 апреля 1985 г. Павел Ильич Железнов был награжден орденом Отечественной войны I степени. Поэт не раз возвращался в своем творчестве к событиям военных лет, друзьям-однополчанам, а также к личности Циолковского и незабываемым встречам с ним, о которых, по его признанию, не раз он рассказывал «до войны, на войне — друзьям-фронтовикам, и в послевоенные годы». Написанное в 1934 г., четверостишие, вошло в его послевоенное стихотворение «Памяти Циолковского» и было напечатано в день запуска Первого искусственного спутника Земли:

Мне бы в ту высоту, что уже не зовут высотою,
в настоящую даль полететь на ракете-стреле,
чтобы наша Земля показалась далекой звездою,
чтобы сердцем одним ощущать притяженье к Земле…

Ученому посвящены стихотворения «Памяти Циолковского» (1947—1957), «В гостях у Циолковского» (1959), «Детство Титана» (1960), «Начало звездных маршрутов» (1974), «Сквозьтернии к звездам» (1975) и другие[22]. В книге воспоминаний «Наставники и друзья» П. И. Железнов своим встречам с ученым посвятил главу «Самородок». Мемуары и стихи поэта отражают его личные впечатления о встречах с Циолковским, но, вместе с тем, они дают возможность читателям вновь и вновь соприкоснуться с человеком, который «в бесконечность Вселенной… мечтой нас увлек», чей гений «сказку в науку многолетним трудом претворил». По убеждению поэта, образ великого ученого будет жить века «в бронзе, в песне» и ему, «отцу космонавтики, обязательно в будущем воздвигнут памятник в центре Галактики».

«День 6 июля останется для нас незабываемым. Мы отдадим все свои силы, а, если нужно будет и жизнь — за Родину, за наше Отечество», — писал Ефим Зозуля, боец N-ского полка[23], ставший бойцом народного ополчения. В первый же день прибытия в подразделение бойцы и поэты Иерихонов, Зозуля (прозаик), поэты Железнов, Молчанов, Васильев, Островой и художники Тихомиров и Дяковский выпустили три номера газеты «Друзья Сталина»[24].

Два месяца он служил в артиллерии, затем получил назначение во фронтовую газету. О своей армейской жизни Ефим Давидович 2 сентября 1941 г. писал: «Уважаемая и дорогая Мария Федоровна!… я, как и многие товарищи, записался и вступил в ряды народного ополчения. С 6 июля я стал бойцом и уже не расставался со своей частью. Когда мы победим лютого и подлого врага — в чем я ни секунды не сомневаюсь — и я получу возможность вернуться в родную Москву, то подробно расскажу и вам и всем товарищам,

как мы жили, как учились военному делу, как работали, какие были переживания и впечатления… Работаю с большим увлечением. Много пишу, а также принимаю участие в редакционной работе в качестве литературного секретаря. Все мы, работники газеты, очень часто ездим в части нашей армии, связь с бойцами и командирами — постоянная. Главное — чувствуем себя полезными работниками, таковыми нас считают, и это дает нам возможность чувствовать себя хорошо. Мы — и я в том числе — бодры, много работаем и глубоко верим, что победит наша чудесная страна… Ваш Ефим Зозуля. Адрес: Действующая армия, полевая почта 762, отдел 24. Редакция газеты "На врага", Ефиму Зозуле»[25]. В одном из боев, он был ранен. Умер в госпитале 3 ноября 1941 г. Однополчанин венгерский писатель Бела Иллеш писал: «С нами работал хороший советский писатель и замечательный человек — Ефим Зозуля. Он был не молод, когда вступил в ополчение. Но он шагал твердо. Когда люди, поверхностно смотревшие на события, ждали легкой победы, он говорил им о предстоящей тяжелой борьбе. Но когда некоторые испуганные интеллигентики переоценивали силы врага, он с непоколебимым спокойствием говорил им об источниках нашей неисчерпаемой силы. Он безгранично верил в советский народ. Его мягкий юмор приобретал особое звучание в минуты опасности… На передовой линии поэт читал свои стихи и вместе со своими слушателями шел в атаку. Жаль, что мы пока имеем возможность писать о героях только короткие заметки в несколько строк. Утешает нас, что пишем мы не только о лучших героях мира, но и читатели наши лучшие в мире — красные воины. И убеждены, что после победного окончания войны — из наших заметок вырастет великий эпос, который увековечит наших героев»[26].

Ефим Давидович Зозуля (1891—1941) — советский прозаик. В 1923 г. вместе с М. Кольцовым основал журнал «Огонек» (был составителем номеров, постоянным автором, позднее организовал книжную серию «Библиотека "Огонька"»). В 1927—1929 гг. было издано его собрание сочинений в трех томах (запланированный 4-й том так и не вышел). Два романа Зозули, написанные около 1930 года, остались незавершенными. Посмертное издание — «Я дома» (1962). Ефим Зозуля — один из выдающихся отечественных писателей, чье имя и творчество возвращаются в большую литературу после многолетнего незаслуженного забвения. В сборнике «Мастерская человеков: фантастические и сатирические произведения» (Одесса, 2012), собраны из старых изданий, ставших библиографической редкостью, самые яркие и значительные его произведения, которые интересны и актуальны и сегодня — в XXI в. О переписке и встрече К.Э. Циолковского и Е. Д. Зозули свидетельствуют архивные документы. Сохранилось письмо ученого, датированное 26 октября 1932 г.: «Глубокоуважаемый Ефим Давидович! Пожалуй, для меня всего удобнее сделать так, как Вы пишите. Приезжайте, когда находите для себя удобным… Я очень рад; но ведь по заглавию нельзя судить о содержании и годности статей. Я предоставлю Вам изменять названия, содержание, делать замечания, предисловия — если это нужно. Много статей написано новых, о которых не упоминается в юбилейном сборнике. Я боюсь, что Вы рискуете в своей поездке, так как ничего замечательного не увидите и не услышите. Поэтому можно и послать Вам несколько статей. Ведь их много, на десятки печатных листов (машинопись хорошая). Они популярны и кратки. Особенно — последние. Общее содержание, примерно: Вещество и Вселенная. Хорошо, предупредите о приезде, если изменится время. Сейчас же займусь приведением статей в порядок. Вы их можете взять в Москву. К. Циолковский»[27]. В архиве Е. Д. Зозули сохранились восемь статей ученого в виде машинописей с правкой автора, полученных им при встрече в Калуге: «Гений среди людей» (1919), «Общечеловеческие меры». (1920), «Непротивление» (1920), «Музыка» (Б/д.), «Сколько планет?» (1932), «Беседы о Вселенной» (1932), «Технический прогресс Земли» (1932), «Свойства человека» (1932)[28]. Для понимания восприятия современниками личности ученого очень интересен написанный в 1930-е гг. и никогда не публиковавшийся очерк Зозули «Циолковский», в котором портретная характеристика К. Э. Циолковского неразрывно связана с раскрытием его характера, психологического склада. Автор создает не парадный портрет, а представляет реального человека, открытого для общения, восторженного, одержимого наукой. Простота, доступность в общении свидетельствуют о бескорыстии, о жизненной силе его и мудрости, о щедрости таланта ученого. В свои преклонные годы он сохранил удивительную спо-

собность увлекаться, проявлять непосредственность в выражении чувств, умение слушать других: «Как странно! Кому придет в голову, что этот седой, смешливый старик, всю жизнь, проведший в глубокой провинции, в городе Боровске…а затем — уже… в Калуге — один из самых передовых, если не самый передовой человек на земле! Человек, первый протянувший руку к планетам! Для чего? Для того, чтобы познать мир, сделать шаг к его познанию, и для того, чтобы разрешить вопрос о человечестве — как лучше ему жить… О чем промечтал почти всю жизнь этот человек? О звездах… Это реальный человек. Это реальный мыслитель… Он со своим характерным, безудержным, заливистым, почти детским смехом, преображающим его привлекательнейшее лицо умницы, мыслителя и высокой чистоты человека… Циолковский в Калуге сам издавал книги… Сам печатал их и распространял. Какая нужна была ясность мысли, душевная чистота, выдержка, умение быть одиноким, чтобы в течение десятилетий длить свои усилия и видеть перед собой одно это калужское небо, которое видно из окна небольшой комнатки — кабинета Циолковского»[29].

Безусловно, личность ученого, его идеи привлекали людей, его популярность в 1930-е гг. значительно выросла. Сотни людей стремились встретиться с ним в Калуге. В записной книжке ученого сохранилась и такая запись: «Борис Яковлевич Гроссман Москва Никитский бульвар д. 12, кв. 79, литератор»[30]. Посещение им К. Э. Циолковского состоялось не ранее 17 февраля — не позднее 5 августа 1934 г., других подробностей их встречи установить не удалось. О самом посетителе известно немного. Гроссман Борис Яковлевич (1904 —1941), уроженец Волынской губернии. Окончил Рязанскую 2-ю советскую школу в 1921 г., курсы по подготовке в вуз, работал канцелярским служащим, участвовал в литературно-драматическом кружке, был актером драматической студии Рязанского городского клуба. В 1922—1925 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Критик, издатель. Значится в списке писателей, находящихся в рядах РККА и народного ополчения и работающих во фронтовой печати. Погиб в окружении под Вязьмой осенью 1941 г.[31] Писатель-фронтовик Э. Г. Казакевич в письмах писателю-ополченцу Д. С. Данину интересовался судьбами воевавших коллег: «2.2.42. Дорогой друг! Много думал о тебе и твоей судьбе. Ясно представлял себе тебя, выбирающегося из окружения, что ты при этом говоришь, делаешь, думаешь и т. д. А Гроссман? Я предполагал, что он не выберется. Напиши мне, что с ним». 5 марта 1942 г., получив ответ, Казакевич писал: «Что касается Бориса Гроссмана, я был почти уверен, что с ним будет так, как, вероятно, и было. Но и теперь я почти уверен, что он как-нибудь явится. Мне, вообще, иногда кажется (вероятно, потому, что я остался в живых), что все — игра какого-то хитренького бога, который забавляется, заставляя людей играть в прятки. И хотя многие исчезают, но скоро они явятся, запыхавшиеся, радостные и гордые, рассказывая, были и небылицы»[32]. Последний раз его видели в октябре 1941 г. Попытки родных и коллег-литераторов, предпринятые в 1942—1944 гг. с целью узнать его судьбу, к сожалению, не имели успеха.

Имена московских писателей, прикрывших своей грудью Москву, в том числе Е. Д. Зозули и Б. Я. Гроссмана, начертаны золотом на мемориальной доске в Центральном доме литераторов. П. И. Железнов часто приходил поклониться памяти коллег:

Сколько раз в торжественной печали
молча мы стояли у знамен.
Сколько здесь, мои однополчане,
ваших в мрамор врезанных имен!
Аверьянов. Бобрышев. Зозуля.
Клягин. Миних… больше сорока.
В Подмосковье вражескою пулей
не одна оборвана строка.

А друзей, что с честью в битве пали,
Чьи горят сегодня имена
Золотом на мемориале, —
вечно помнить Родина должна!

Представленные документальные материалы воскресили драматические картины лета — осени сорок первого, горестные утраты — потери в составе ополчения убитыми и «пропавшими без вести». Воспоминания, письма, литературные произведения участников тех событий, позволили взглянуть на войну изнутри, открыть те глубинные духовные силы человека, когда он в самые страшные по своим последствиям моменты жизни борется за правое дело. Вместе с участниками тех событий мы видим весь тяжелый путь испытаний, познаем, что двигало людьми в самые критические моменты сражений, удивляемся их силе духа, воплотившейся в жертвенном подвиге народа во имя спасения жизни на земле. Это только несколько страниц славной военной биографии писателей, которые вместе со своим народом прошли по дорогам Великой Отечественной войны. То было особое время, когда тяготы и радости объединяли, когда труд писателя был приравнен едва ли не в прямом смысле «к штыку», о чем справедливо в 1941 г. писал П. И. Железнов:

Когда с орудийным раскатом
мы подымались в бой, —
поэт становился
солдатом,
поэтом —
солдат любой!

Это было время, когда вдохновение было неотделимо от долга, талант от ответственности, патриотического порыва, открытого героического пафоса. Создаваемые литературные произведения (проза, стихи) сразу публиковались центральной и фронтовой печатью, транслировались по радио наряду с информацией о военных событиях. Литература становилась летописью войны, оставаясь в то же время лирической исповедью солдатского сердца.

Примечания

[1] См.: *Бирюков Ю.* Двадцать второго июня ровно в четыре часа… // Родина. — 2005. № 6. — С. 42—43.

[2] См.: Список писателей, выступающих на призывных участках и рабочих агитпунктах. 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. № 568. Л. 33.

[3] Окна Омского союза художников // Коллекция исторического архива Омской области.

[4] *Циолковский К. Э.* Пометы в тетрадях, записи посетителей. 1932—1935 гг. // Ф. 555. Оп. 2. № 52. Л. 8.

[5] *Железнов П. И.* Самородок // Наставники и друзья. — М., 1982. — С. 111—116.

[6] *Циолковский К. Э.* Пометы в тетрадях, записи посетителей. 1932—1935 гг. Л.21 об.

[7] См.: *Железнов П. И.* Человек, смотревший Вперед // Техника — молодежи. — 1960. — №.3. — С. 7

[8] См.: *Железнов П. И.* Избранное. — М., 1978. — С. 47.

[9] См.: *Железнов П. И.* Горжусь, что в сорок первом был солдатом // Литературное наследство. — Т. 78: Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. — Кн. 1. — М.: Наука, 1966. — С. 528

[10] *Железнов П. И.* Назад! Автограф. 22 июня 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. № 128. Л. 48.

[11] См.: *Железнов П. И.* Горжусь, что в сорок первом был солдатом. — С. 528.

[12] *Железнов П. И.* Призыв: М/п. 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. № 140. Л. 5.

[13] *Железнов П. И.* На подступах к Москве. 1941 г. // *Железнов П. И.* Избранное. — С. 37.

[14] *Железнов П. И., член ССП.* Краткий отчет о работе в армейской печати. 5 июля 1942 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 899. Л. 77.

[15] *Железнов П. И.* Письмо т. Унфлянд с просьбой передать стихи в издательство «Советский писатель». 1942 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 186. Л.3.

[16] *Железнов П. И.* Короткой очередью: М/п. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 140. Л. 1—3.

[17] *Железнов П. И.* Весенние размышления: Автограф. Март 1942 г. Западный фронт // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 186. Л.1—2.

[18] См.: Наградной лист на имя П. И. Железнова // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. № 692. Л. 303.

[19] Приказ о награждении интенданта 3-го ранга П. И. Железнова, «писателя армейской газеты “Боевой путь”» медалью «За отвагу». 30 апреля 1942 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. № 692. Л. 285—286.

[20] *Железнов П. И.* Горжусь, что в сорок первом был солдатом. — С. 532.
[21] *Железнов П. И.* Избранное. — С. 64.
[22] См. там же. — С. 121—122.
[23] *Зозуля Е. Д.* Незабываемый день: Автограф и м/п. 1941 г. // Ф. 631. Оп. 16. № 125. Л. 59—63.
[24] См.: Хроника: Автограф. 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. № 125. Л. 204.
[25] *Зозуля Е. Д.* Письмо М. Ф. Ильиной-Бахметьевой, секретарю оборонной комиссии Союза писателей СССР, 2 сентября 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 216. Оп. 1. № 164. Л. 1—2.
[26] *Иллеш Б.* Наша газета // Литература и искусство. — 1942, 9 мая. — № 19.
[27] *Циолковский К. Э.* Письмо Е. Д. Зозуле, 26 октября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 216. Оп.1. № 336. Л. 1.
[28] См. *Циолковский К. Э.* Статьи: М/п. с правкой автора. 1919—1932 гг. // РГАЛИ. Ф. 216. Оп. 1. № 435. Л.1 — 38 об., 39—49, 50 — 56 об., 56 — 60 об., 61 — 69 об., 70—99, 100 — 111 об., 112—208 об.
[29] *Зозуля Е. Д.* Опыт портретов. 1930-е гг. // РГАЛИ. Ф. 216. Оп.1. Ед. хр. 128. Л. 1—109; Ф. 216. Оп. 1. № 128. Л. 105—109.
[30] *Циолковский К. Э.* Пометы в тетрадях, записи посетителей. 1932—1935 гг. // Ф. 555. Оп. 2. № 52. Л. 9.
[31] См.: Списки писателей, ушедших в народное ополчение от Союза писателей и находящихся на фронте: М/п. // Ф. 631. Оп. 15. № 568. Л. 12.
[32] *Казакевич Э. Г.* Письма Д. С. Данину. 2 февраля, 5 марта 1942 г. / Литературное наследство. — Т. 78: Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. — Кн. 2. — М.: Наука, 1966. — С. 417—418.

ТРУДНОСТИ ГЕНЕАЛОГИЧЕКОГО ПОИСКА ВЫХОДЦЕВ ИЗ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СЕМЕЙ

***Н. Д. Сорокина**, к. филос. н., проф., «МАТИ» — Российский государственный технологический университет имени К. Э. Циолковского*

Интерес к поиску своих корней резко возрос, начиная с 90-х гг. XX в. В России генеалогический поиск имеет свои особенности. Они связаны с процессом постсоветской трансформации, когда внезапно людям открылась правда о своих предках. Но чтобы найти эту правду, написать свою семейную историю нужно преодолеть немалые трудности, связанные с тем, что не у всех сохранились документы, в архивах не всегда удается найти нужную информацию и т. д. К тому же в советское время знать свою родословную как-то не было принято, а иногда разыскивать своих предков было небезопасно. В настоящее время архивы открыты, в том числе и по репрессированным. Поэтому написать свою семейную историю можно, углубившись в прошлое довольно далеко.

На примере своей семейной истории покажу, с какими трудностями сталкиваются выходцы из старообрядческих семей. Мои предки по материнской линии проживали в деревне Колюпаново Калужской области. Представители двух моих крестьянских родов были старообрядцами. От своей бабушки Агриппины, урожд. Бурмистровой, я знала о том, что наши предки были старообрядцами. О калужских старообрядцах написано немало, но в основном из г. Боровска. И как я ни пыталась найти информацию о старообрядцах деревни Колюпаново, мне не попалось каких-либо исследований по данному месту. Поэтому пришлось провести собственный генеалогический поиск. Моей изначальной информацией было свидетельство о рождении моей бабушки. Она была крещена в Никольском старообрядческом храме Белокриницкого согласия г. Калуги, что у Московских ворот 30 мая 1906 г. по старому стилю, отец — Бурмистров Михаил Ильич, мать — Вера Кузьминична, урожд. Гришина.

В Государственном архиве Калужской области (ГАКО) по старообрядцам есть метрические книги старообрядческой общины при храме Николая Чудотворца, что у Московских ворот за 1882—1919 гг.[1] Старообрядческая, Белокриницкого согласия (в метрических записях обозначено как Австрийского согласия), неокружническая моленная основана в 1864 г. В 1890 г. перенесена на верхний этаж двухэтажного дома Ф. И. Иванова.

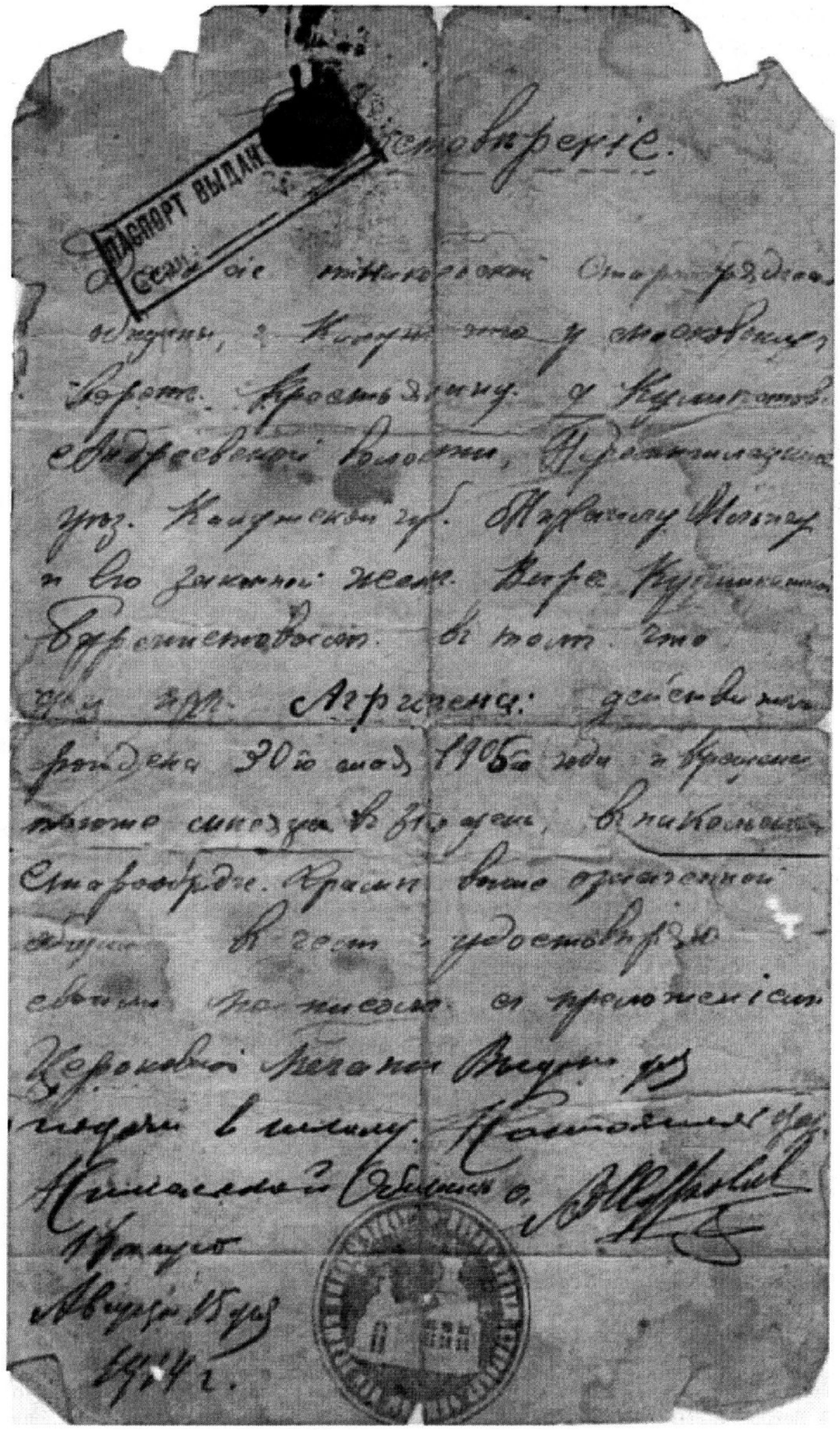


Фото 1. Свидетельство о рождении Агриппины Михайловны Бурмистровой. 15 августа 1914 г.

В 1906 г. объединена с окружниками. Внешне вначале была выделена крестом над дверью. В 1907 г. официально зарегистрирована община. Закрыта в 1929 г., переоборудована под клуб, жилье, затем снесена. На месте храма в начале 1970-х гг. возведено здание Калужской областной филармонии, ул. Ленина, 60. Помимо метрических книг старообрядческой общины сведения о старообрядцах можно найти и метрических книгах православных приходов. Так, в метрических книгах церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что при реке Ока, действительно, встречаются сведения о представителях этих двух родов.

Тем не менее, при составлении поколенных росписей возникли трудности при определении дат рождений, смертей, венчаний, поскольку нет метрических записей старообрядческой общины ранее 1882 г. Здесь уместно напомнить о том, что начиная с 1864 г. устанавливалась свобода раскольничьих домовых богослужений. Закон же о введении метрических книг для старообрядцев был издан в 1874 г. До этой даты в 1844 г. полицмейстерам предписывалось заводить книги (подобно метрическим) в старообрядческих церквах и выдавать свидетельства о рождении и смерти. Многие старообрядцы, скрывая свою принадлежность к расколу, официально значились православными, вместе с тем по своим религиозным убеждениям не находили возможности исполнять обряды православной церкви и поэтому совершали похороны без священника, не крестили новорожденных, от полиции это все скрывалось. Совершать открыто богослужения в храмах староверам разрешили с 1905 г. По этой, видимо, причине не удалось полностью восстановить генеалогию моих двух родов.

В то же время определенную помощь могут оказать такие архивные документы, как исповедные ведомости и ревизские сказки. (Исповедные ведомости представляют собой ежегодный отчетный документ, составляемый по каждому приходу православной церкви в Российской империи в XVIII — начале XX в., представляющий собой посемейный список всех проживающих на его территории прихожан, за исключением младенцев младше 1 года с указанием для каждого, был ли он в данном году во время Великого поста или во время других трех постов на исповеди. Один экземпляр исповедной ведомости хранился в церкви, другой — отсылался в духовную консисторию. Характерно, что с тех, кто не приходил на исповедь, взимался штраф, со старообрядцев — в двойном размере.) Но, к сожалению, в ГАКО отсутствуют исповедные ведомости по приходу церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что при реке Ока, к которому принадлежала деревня Колюпаново Калужского уезда, ранее 1817 г. Ревизские сказки также имеются не по всем годам. Тем не менее мне удалось проследить генеалогию моих предков до первой половины XVIII в.

Ниже представлены сведения о некоторых представителях моих двух родов.

Род Гришиных

I КОЛЕНО: **Иван** (даты жизни и смерти неизвестны, но не позднее примерно 1732 г.).

II КОЛЕНО: **Роман Иванович** (даты рожд. и смерти установить не удалось).

III КОЛЕНО: **Андрей Романович** (даты рожд. и смерти установить не удалось).

IV КОЛЕНО: **Архип Андреевич** (ок.1813—?), является представителем моей ветви рода.

V КОЛЕНО: **Кузьма Архипович** (26.10.1846—?), дата рождения установлена на основании метрических книг Калужского уезда церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровском-на-Оке).

VI КОЛЕНО: **Вера Кузьминична** (1879-1934), умерла от простуды. Мать моей бабушки Агриппины Михайловны. Записей о ее рождении в метрических записях не нашла. Даты жизни и смерти знаю со слов бабушки;

Егор Кузьмич (?—1936), брат Веры Кузьминичны.

VII КОЛЕНО: **Михаил Егорович (Георгиевич)** (15.05.1899—15.12.1936), род. в д. Колюпаново, жил в Калуге, работал столяром, б/п, приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 декабря 1936 г., обвинен по ст. 58, п. 8 (террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей, революционных рабочих и крестьянских организаций), приговор: ВМН (высшая мера наказания) с конфискацией имущества, расстрелян 15 декабря 1936 г. Место захоронения — Москва,

Фото 2. Гришины, деревня Колюпаново, примерно 1929—1930.
Слева — Егор Кузьмич Гришин.

Донское кладбище, общая могила № 1. Реабилитирован ВКВС СССР[2]. Из ответа ФСБ России Управления по Калужской области на мой запрос. Гришин М. Г. окончил сельскую школу, в период с 1918 г. по 1923 г. проходил военную службу в рядах Красной Армии. На момент ареста работал столяром моторосборочного цеха Калужского завода НКПС (бывшие Главные мастерские Сызрано-Вяземской железной дороги), проживал в г. Калуга совместно с женой Прасковьей Ивановной (девичья фамилия Кузьмина). Воспитывал четырех детей: Юрия 10 лет, Алексея 8 лет, Антонину 3 лет и Галину полутора лет. Гришин М. Г. арестован 21 мая 1936 года ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги по обвинению в том, что являлся участником антисоветской организации, принимал участие «в сборищах, на которых обсуждались вопросы террора против руководителей партии и Советского правительства». По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 25 февраля 1958 г. приговор Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 15 декабря 1936 г. в отношении Гришина М. Г. отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления;

Павел Егорович (Георгиевич) (10.01.1905—15.12.1936), род. в д. Колюпаново, жил в Калуге, член ВКП(б), работал сменным мастером котельной, член ВКП(б). Приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 декабря 1936 г., обвинен по ст. 58, п. 8. Приговор: ВМН, расстрелян 15 декабря 1936 г. Место захоронения — Москва, Донское кладбище, общая могила № 1[3].. Из ответа Управления ФСБ России по Калужской области на мой запрос. На момент ареста Гришин П. Г. проживал в г. Калуга, был женат на Гришиной Марии Андреевне, работал мастером смены котельного отделения заготовительного цеха н Калужском заводе НКПС. Гришин П.Г. арестован 22 мая 1936 года ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги по обвинению в том, что являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, существовавшей на Калужском машиностроительном заводе. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 25 мая 1957 г. приговор Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 15 декабря 1936 г. в отношении Гришина П. Г. отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Род Бурмистровых

I КОЛЕНО: **Иван,** крестьянин деревни Колюпаново, даты рождения и смерти неизвестны. Жена — Елена Емельяновна (1748—?)[4]..

II КОЛЕНО: **Федор Иванович** (ок. 1751—?). Жена — Прасковья Вуколовна (ок. 1772 — 1852), умерла в 80 лет от престарелости.

III КОЛЕНО: **Адриан (Андриан) Федорович** (ок. 1799 — 1879), умер в 79 лет от старости.

IV КОЛЕНО: **Пимен Адрианович** (1822—?), сельский староста деревни Колюпаново. Видимо, фамилия этого рода — Бурмистровы — произошла отсюда. Так, бурмистрами в России в конце XVIII — первой половине XIX в. назывались управляющие помещичьими имениями, после реформы 1861 г. сельский староста являлся выборным должностным лицом, избирался сельским сходом;

Илья Адрианович (1830—?). Во втором браке был женат на Анастасии Филипповне, которая тоже была вдовой, как и Илья Адрианович, из д. Секиотово Калужской области.

V КОЛЕНО: **Михаил Ильич** (6.07.1881—4.12.1954), мать — Анастасия Филипповна. Жена — Гришина Вера Кузьминична (1879—1934). По рассказам его дочери, моей бабушки Бурмистровой Агриппины Михайловны, с женой и двумя дочерьми уехал в Москву. Возможно, это было где-то в самом начале 20-х гг. XX в. Вначале работал кучером. Потом семья поселилась на улице Малая Бронная, дом 42/14, где он был управдомом. Моей прабабушке жизнь в Москве не понравилась, и она вернулась обратно в деревню Колюпаново. Там она снова вышла замуж за Петра Петрова, в 1922 году у них родилась дочь Мария. Моя бабушка какое-то время поддерживала связь со своим отцом, потом они поссорились, связь была потеряна. В 2013 г. я обратилась в ЕИРЦ Краснопресненского района о выдаче мне архивной справки. Таковую я получила. Из нее следует, что вначале он жил в квартире № 1 (к сожалению, в справке не указано, когда он поселился в этом доме), затем переехал в кв. № 2, где проживал с 24 апреля 1941 г. до своей смерти. Дом, где жил прадед, является угловым и как раз расположен напротив Патриаршего пруда. № 14 — это Ермолаевский переулок. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» описано, как трамвай, поворачивающий с Ермолаевского на Бронную, накрыл Берлиоза.

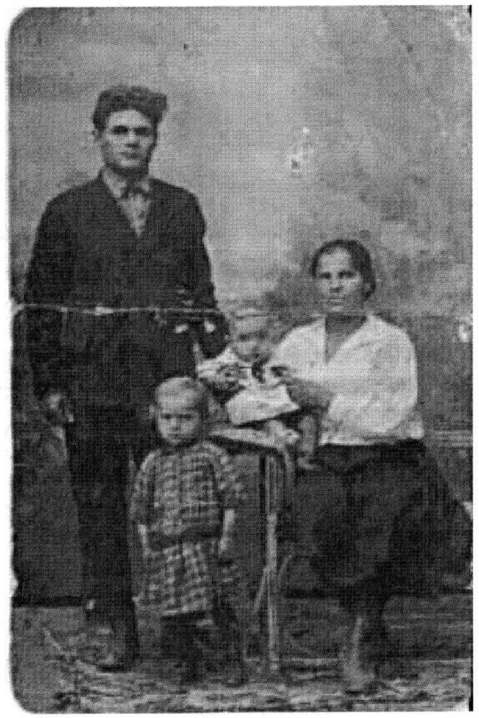


Фото 3. Калуга. 1931 г. Слева — мой дед Михаил Егорович Самохвалов. Справа — моя бабушка Агриппина Михайловна (урожд. Бурмистрова) — держит на руках моего дядю Леонида. На переднем плане стоит моя мама — Зинаида.

Примечания

[1] См.: Метрические книги старообрядческой общины при храме Николая Чудотворца, что у Московских ворот. 1882—1919 гг // Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 4. Д. 528.

[2] См.: Книга памяти: Расстрельные списки Донского крематория.

[3] См. там же

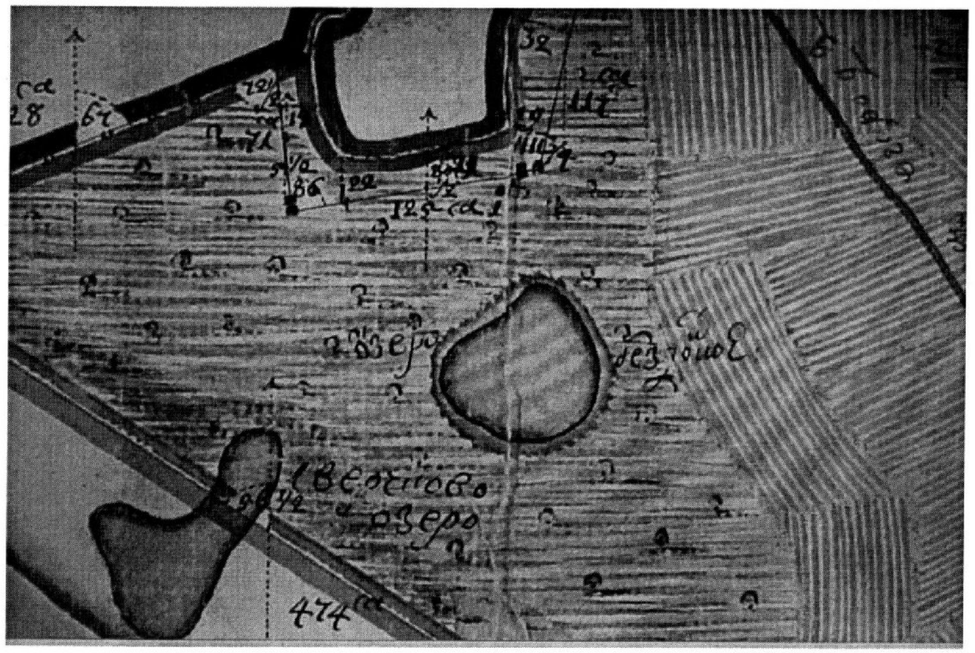
[4] См.: Исповедные ведомости.

СЕЛО КОМЛЕВО БОРОВСКОГО УЕЗДА В XVII—XXI СТОЛЕТИЯХ

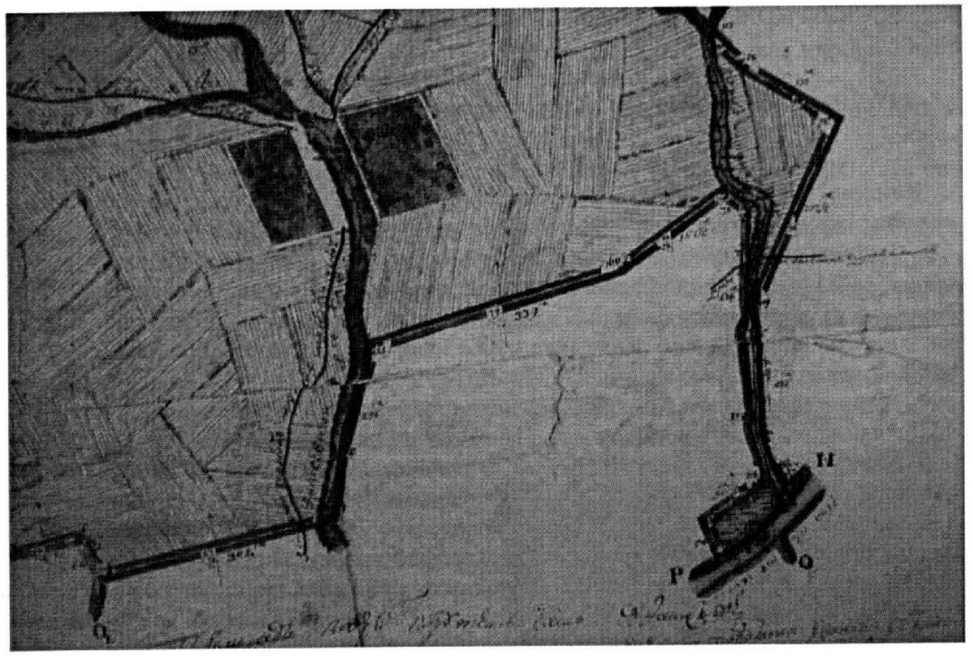
***Е. А. Шорбан**, канд. искусствовед., в. н. с.,*
ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации»

Комлево, одно из старинных ближних к Боровску поселений, расположено у южной границы города. История села тесно связана с родом прославленных русских флотоводцев Сенявиных (Синявиных), владевших этими землями с начала XVII в. На первый взгляд сегодня от прежнего села ничего не сохранилось: церковь Рождества Иоанна Предтечи разрушили в середине XX в.; усадебные постройки исчезли еще раньше. Однако элементы исторического ландшафта и археологические объекты (фундаменты храма, могилы на кладбище) все же существуют. Для того чтобы попытаться «прочитать» и понять исторический облик Комлева необходимо обратиться к архивным документам, позволяющим представить древнюю планировку села и архитектуру сооружений.

Первоначально эти земли принадлежали Пафнутьеву монастырю. В 1613 и 1614 гг. сельцо Комлево Окологородного стана, данное из дворцовых сел, значилось за Фролом Тимофеевым сыном Шипилова (по др. источникам — Шипова); в нем упоминался деревянный храм Иоанна Предтечи[1]. В 1616 г. Комлево из поместья Шипова было дано Матвею Синявину и далее до конца XIX в. находилось во владении рода Синявиных[2]. В 1629 и 1630 гг. Комлево — за «Матвеем Федоровым Синявиным» вотчина «за Московское осадное сидение Королевича приходу»; храм числился сгоревшим[3]. В 1677 г. в сельце Комлеве Флора Матвеева Синявина был двор вотчинников, 8 дворов крестьянских с 53 жителями, 7 дворов бобыльских с 22 челов., 3 двора задворных с 9 челов.[4] В 1681 г. Комлево значилось вотчиной того же Ф. М. Синявина с 15 крестьянскими дворами. В 1686 г. «село Комлево на горе, под ним болото и пруд на Папинской лощине, в селе церковь деревянная клецки во имя Рождества Иоанна Предтечи, а построил… церковь после писца Василья Колычева он же вотчинник Флор Синявин на старом кладбище… да в том же селе дв. вотчинников да крестьянских 15 дв., в них 89 челов.»[5] В 1705 г. Комлево значилось в вотчине за стольником Петром Флоровым и Богданом Григорьевым Синя-



Илл. 1. План имения с селом Комлево. 1767. Фрагмент: озера Бездонное и Сверчково.



Илл. 2. План имения с селом Комлево. 1767. Фрагмент: деревня Фатеева и выход к Протве.

виными, за Федором Даниловым Дурным; в поместье вместе с сельцом Фатеевым — 34 крестьянских двора, в них — 145 человек[6].

В 1712 г. возвели каменную церковь Рождества Иоанна Предтечи с ярусной вертикально вытянутой композицией и выразительным декором в духе нарышкинского барокко. Прошение на выдачу антиминса в 1713 г. подавал стольник Алексей Синявин[7]. Основной объем храма восьмериком на четверике, увенчанный главой на втором малом восьмерике, был чрезвычайно стройным — высотой около 32 м при ширине 7,45 м.[8] К основному объему, примыкала пониженная трапезная или зимняя церковь, о первоначальном плане которой мы не располагаем точными данными: можно лишь предположить, что по аналогии с другими близкими по времени строительства окрестными церквами (Введения села Уваровское 1702 г., Преображения (Параскевы Пятницы) в Боровске 1704—1706 гг.) трапезная могла быть асимметричной, с одним приделом. Высокой колокольни в Комлеве в 1712 г. не построили: по архивным данным еще в 1887 г. рядом с храмом отдельно стояла небольшая звонница с шатровым верхом.

В 1763 г. в с. Комлево родился будущий выдающийся флотоводец Дмитрий Николаевич Сенявин, адмирал (1826)[9] .

Геометрический специальный план 1767 г. Боровского уезда Подгородного стана села Комлева и деревни Фатеевой с пустошами запечатлел имение, находившееся в общем владении полковника Андрея Богданова, подпоручика Николая Федорова, сержанта Александра Аврамова детей Синявиных и капитана Ивана Васильева сына Зембулатова[10]. Территория площадью более 823 га была вытянута к югу — юго-востоку от Боровска неровной полосой с сильно изрезанными границами. Вблизи Боровска внутри владения показаны два озера: круглое озеро Бездонное, знаменитое большой глубиной, и изогнутое озеро Сверчково (см. илл. 1). Проходившая восточнее озер дорога подводила к селу Комлеву и, миновав его вдоль восточного подножия холма, вела к располагавшейся в южной части имения деревне Фатеевой. От юго-восточного угла основной территории имения узкая полоска земли выводила к берегу Протвы, вдоль которой поместью принадлежал небольшой участок берега (см. илл. 2). Население Комлева составляло 120 душ мужского пола, деревни Фатеевой — 125 душ. Село Комлево, согласно плану 1767 г., занимало холм с пологими склонами и имело компактную форму почти правильного пятиугольника, пересеченного двумя улицами, которые соединялись в центре села, образуя перевер-

Илл. 3. План имения с селом Комлево. 1767. Фрагмент: село Комлево

нутую букву Т (см. илл. 3). Большая улица пересекала село с востока на запад, разделяя его на две близкие по площади части. Вторая улица начиналась примерно в середине северной границы села и была направлена на юг к середине большей улицы. В центре села на северо-восточном углу Т-образного перекрестка находилась церковь Рождества Иоанна Предтечи с обширным кладбищем к северо-востоку от нее. В селе в это время было три небогатых помещичьих усадьбы. Одна из них помещалась напротив храма на северо-западном углу перекрестка, две другие — по сторонам восточной части главной улицы. Каждая усадьба изображена в виде прямоугольного двора с деревянным домом в середине. Между помещичьими дворами на обеих сторонах главной улицы показаны порядки крестьянских домов с полосами огородов и баньками. У юго-восточного конца села в низине находился округлый пруд.

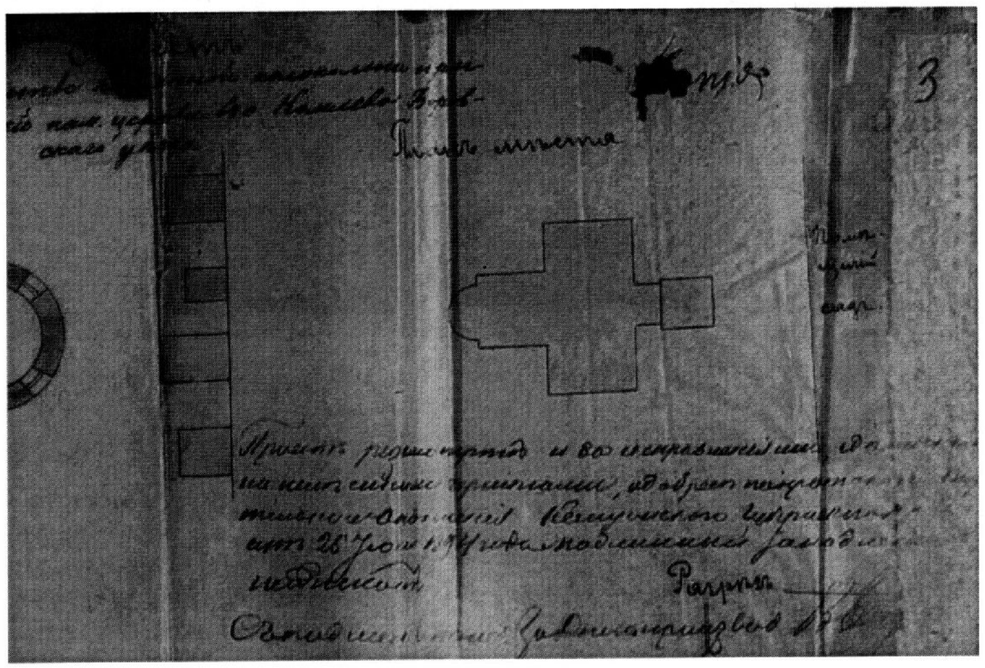
В 1835 г. по заказу адмиральши Синявиной к храму пристроили «слева» (с севера) теплый придел Николая Чудотворца[11].

Судя по плану на геодезической карте середины — 3-й четверти XIX в. Комлево сохраняло пятиугольную форму плана, но имело к этому времени большее, чем в 1767 г., число радиальных улиц, сходившихся к центральной площади, на которой стояла церковь (см. илл. 4). Основная застройка в это время была сосредоточена в восточной части села, а западная часть была занята усадебным парком и садами.

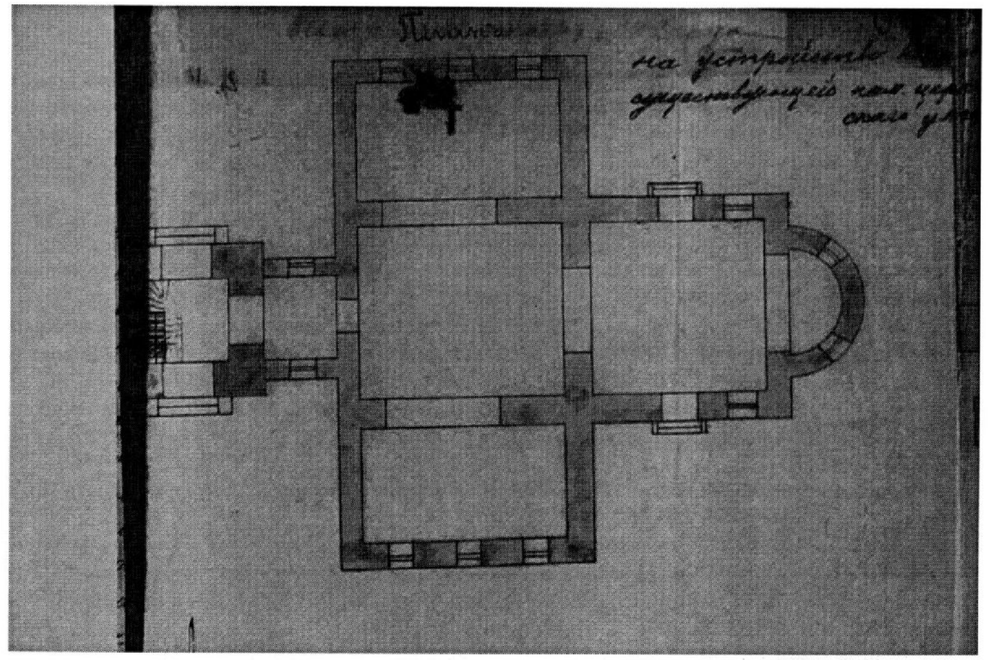
Согласно метрике 1887 г. храм села Комлево имел высоту и длину, соответственно, 15 и 9 саженей, ширину — 10,5 аршина. Главный алтарь был полукруглым в плане; теплый придел еще оставался неотделанным. В интерьере главный иконостас в пять ярусов был устроен в XIX в., но все иконы были старинными, поскольку во время войны 1812 г. убранство храма заранее вывезли и сохранили. Главными реликвиями были местночтимая икона Иоанна Предтечи, серебряные потир 1676 г. и ковчег 1781 г. В церкви находились три захоронения XIX в. с надгробными чугунными плитами: «жене генерал-адъютанта и адмирала Терезии Ив. урожденной Розанович, скончавш. 1843 г., жене подполков. Александре Дмитриев. Станкевич умерш. 1843 г. и полковнику Александру Серг. Станкевич сконч. 1856 г.» [12] В 1890-е гг. поместье купил фабрикант из села Ермолино Ф. С. Исаев, планировавший начать на землях восточнее села разработки торфа для нужд своего производства[13].

Илл. 4. Карта. Середина XIX в. Схема села Комлево.

В 1904—1908 гг. под наблюдением губернского инженера Б. А. Савицкого к храму пристроили высокую трехъярусную колокольню, увенчанную шпилем. На основании хранящейся в ГАКО копии чертежа проекта колокольни можно реконструировать планировку части села и облик храма[14]. На «Плане места» изображена прямоугольная площадь, вытянутая с востока на запад (см. илл. 5). Вдоль восточной стороны площади, на расстоянии 80 м от алтаря, стояли некрупные крестьянские избы; на расстоянии примерно 30 м



Илл. 5. Проект пристройки колокольни к церкви Рождества Иоанна Предтечи в Комлеве. Начало XX в. «План места» — церковная площадь.



Илл. 6. Проект пристройки колокольни к церкви Рождества Иоанна Предтечи в Комлеве. Начала XX в: План храма.

от новой колокольни, к западу от площади начиналась территория «помещичьего сада». Церковь в это время имела симметричный относительно оси восток-запад план с квадратным нижним четвериком летнего храма, более узкой, чем четверик, апсидой, и примыкавшей к четверику с запада, растянутой в направлении север—юг, трехчастной трапезной (такие габариты трапезная, предположительно, получила во 2-й четверти XIX в.; см. илл. 6). Средняя часть трапезной была равна по ширине четверику, две боковые части имели ширину около 14 м. Трапезная соединялась с колокольней узким притвором. На схематично начерченном южном фасаде здания симметричный с тремя окнами фасад трапезной завершен треугольным фронтоном. В начале XX в. в храме Рождества Иоанна Предтечи значился теплый придел Смоленской иконы Богоматери (Одигитрии); в селе работала церковно-приходская школа[15].

В советский период усадебные постройки были утрачены, храм закрыли и начали разрушать. Его руины запечатлены на фотографии середины XX в. По свидетельству Е. В. Николаева, в 1950-е гг. господствовавшая над окрестностями церковь, хотя и с большими утратами, все еще оставалась украшением села и окружающего ландшафта[16]. Ее архитектура отличалась суровостью и монументальностью: «Это безупречный памятник своего времени, чуть-чуть суховатый, но очень величественный». Окончательно здание разобрали в начале 1960-х гг. По сведениям местных жителей, в XX в. новая трасса дороги из Боровска прошла по бывшей церковной земле.

В 2014 г., при подготовке обширного котлована для строительства нового церковного комплекса, древнее кладбище села Комлево частично перекопали. Для погребения смешанных костей из сотен старинных захоронений, в том числе родовых захоронений Синявиных, наметили создание «общей могилы».

К 2010-м гг. Комлево почти слилось с Боровском. Начинающаяся от соборной площади Боровска протяженная ул. Ленина продолжается в Комлево, поднимаясь на холм к центру древнего села и затем спускаясь на юго-восток. В центре Комлева сохранились части планировки XVIII—XIX вв.: фрагменты церковного участка и к западу — юго-западу от него внутри квартала — Г-образная в плане липовая аллея, уцелевшая от парка. К югу от территории села на месте округлого пруда, существовавшего в XVIII в. — заболоченная низина.

Изучение древнего села Комлево необходимо продолжить.

Примечания

[1] Данные дозорной книги 121 и 123 (1613 и 1614 гг.): «дворянским и детем боярским поместным и вотчинным землям дозора Федора Кошкина и подъячего Володимера Лошакова» — цит. по: Боровского уезда вотчинные, поместные, патриаршие, митрополичьи, монастырские и соборного духовенства вотчинные села, сельца, деревни и пустоши с их церковными и пустовыми церковными местами и землями XVI—XVIII вв.: Отдельный оттиск. — Б. м., Б. г. — С. 207, 221.

[2] Данные «по списку крепостей» — см.: Боровского уезда вотчинные, поместные, патриаршие, митрополичьи, монастырские и соборного духовенства вотчинные села, сельца, деревни и пустоши с их церковными и пустовыми церковными местами и землями XVI—XVIII вв.: Отдельный оттиск. — Б. м., Б. г. — С. 221.

[3] Данные списка с дозорной книги 137 и 138 (1629 и 1630) гг.: «письма и меры Василья Колычева и подъячего Василия Рожнова поместных и вотчинных земель в станах и волостях Боровского уезда» — см. там же. — С. 207, 221.

[4] Согласно переписной книге 186 (1677 г.), «переписи стольника Михаила Иванова Еропкина и подъячего Гавриила Страшникова» — там же. — С. 208, 221.

[5] Там же. — С. 222.

[6] Согласно переписной книге 1705 г., «письма и переписи стольника Григорья Иванова Полуектова» — см. там же. — С. 208, 222.

[7] См.: *Холмогоров Г. И.* Боровская десятина. Отдел Первый // Калужская старина. — 1904. — Т. 4. — С. 41. Отметим, что родственник Алексея Синявина — Ульян Акимович Синявин — был комиссаром Комиссии Строений, основанной в Санкт Петербурге в 1709 г., — см.: *Грабарь И. Э.* История русского искусства. — Т. III. — 19??. — С. 30—31.

[8] Данные Метрики 1887 г. — см.: Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН). Рукописный отдел. Ф. Р-III. Д. 1729. Подробное описание архитектуры храма см.: *Лошкарева Н. П.* Храм Рождества Иоанна Предтечи в с. Комлево Боровского уезда // Наст. изд. — С. …

[9] См.: *Шапиро А. Л.* Адмирал Д. Н. Сенявин. — М., 1953; *Тарле Е. В.* Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море. — М., 1954.

[10] См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 150. Д. К-1.

[11] См.: ИИМК РАН. Ф. Р-III. Д. 1729.

[12] Там же.

[13] См.: *Лошкарева Н.П.* Научная справка о погосте при храме Рождества Иоанна Предтечи села Комлева Боровского уезда (района) Калужской губернии (области). Рукопись. Боровск, 2014 г. Архив Боровского отделения Калужского областного краеведческого музея.

[14] См.: ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 1907. Автор благодарит Н. П. Лошкареву за помощь в ознакомлении с данным документом.

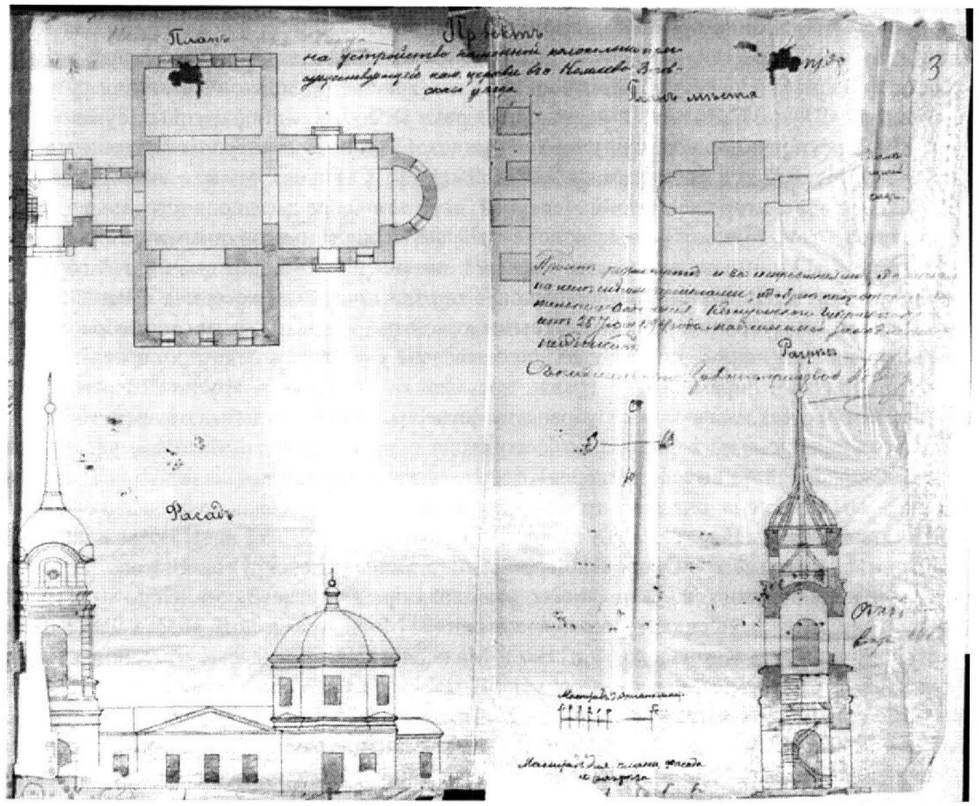
[15] См. там же. Ф. 33. Оп. 5. Д. 25. Л. 33.

[16] См.: *Николаев Е. В.* По Калужской земле: От Боровска до Козельска. — 2-е. изд. — М., 1970. — С. 31—34.

ХРАМ ВО ИМЯ РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В с. КОМЛЕВО БОРОВСКОГО УЕЗДА

***Н. П. Лошкарева**, н. с., Боровский историко-краеведческий музей*

Вблизи города Боровска с его южной стороны расположилось древнее село Комлево. Первое письменное упоминание о нем встречается в Жалованных грамотах Пафнутьева монастыря начала XVII в., а это значит, что село уже существовало и могло появиться в окрестностях Боровска в более ранние времена. Этому способствоваладовольно холмистая местность с окружавшими ее болотами и глубокимис чистой водойозерами и близость к Боровской крепости, за стенами которой можно было скрыться в случае какой-либо опасности. Над селом, расположившимся у одного из высоких холмов, издревле возвышался деревянный храм во имя Рождества Иоанна Предтечи. Он не один раз перестраивался и обновлялся, пока на месте очередного деревянного в 1712 г. стольником Алексеем Сенявиным не был возведен каменный, о котором и пойдет речь в данном сообщении [1].



Илл. 1. План колокольни и храма в селе Комлево. 1894. ГАКО

В Боровском уезде Сенявины (или Синявины) упоминаются с XVI в. среди значимых дворянских родов [2]. Известно, что в 1674 г. село Комлево находилось в вотчине Флора Матвеевича Сенявина, в селе стоял деревянный храм во имя Рождества Иоанна Предтечи, с которого платилась дань в размере «три алтына четыре деньги заезда гривна». В момент постройки каменного храма село Комлево (или его часть) входило в состав вотчины стольника Алексея Сенявина. Храм возвели по его челобитной в 1712 г., но, по-видимому, ошибочно в благословенной грамоте, разрешавшей службы, назвали Усекновением главы Иоанна Предтечи. Возможно поэтому в следующем, 1713 г. апреле месяце, вышел очередной государев указ, по которому необходимо было освятить построенную церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи и выдать ей новый антиминс. Освящение должен был совершить архимандрит Пафнутьева монастыря Серапион [3]. Старый деревянный храм государевым указом от 1715 г. велено было перевести из Комлева в Боровск и собрать по-новому вместо слишком обветшавшей на Николаевском кладбище церкви во имя Николая Чудотворца. Вновь собранный храм должны были назвать во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а подле него возвести придел в честь Николая Чудотворца [4]. Была ли, таким образом, продлена жизнь старого деревянного комлевского храма, пока неизвестно.

Новый каменный во имя Рождества Иоанна Предтечи храм, как пишет кандидат искусствоведения Е. А. Шорбан, возвели с ярусной вертикально вытянутой композицией и выразительным декором в духе нарышкинского барокко. Основной объем храма восьмериком на четверике был чрезвычайно стройным: его высота около 32 м при ширине 7,45 м. По высоте он превышал другие родственные храмы той же композиции, построенные вблизи Боровска: храм в селе Роща при той же ширине был ниже более чем на 4 м, а церковь в Уваровском — на 6 м ниже. Убранство фасадов церкви в Комлево имело аналогии с декором уже упомянутого храма Рождества Пресвятой Богородицы в Роще, возведенного четырьмя годами ранее (на это обратил внимание и Е. В. Николаев). Нижний

монументальный близкий к кубическому двусветный четверик основного объема на углах украшали пучки из трех тонких колонок: одна колонка на ребре четверика, две другие на фасадных плоскостях, между средней и крайними колонками выступал треугольный в плане «ус». Венчающий карниз четверика включал ряд из крупных сужающихся книзу трехступенчатых перевернутых пирамидок. На боковом северном фасаде четверика внизу по средней оси располагался входной проем, к востоку от него — вертикальное окно. В уровне второго света на средней оси помещалось одно вертикальное окно. Наличники окон имели боковые колонки и завершались многорядными разорванными фронтонами. Оформление входного портала с завершением в виде ступенчатой горки, по свидетельству Е. В. Николаева, напоминало порталы все того же храма в Роще. Объем восьмерика был украшен трехчетвертными колонками, помещенными на ребра объема, и завершался карнизом, вдвое более широким, чем у четверика. Вверху он включал ряд из перевернутых пирамидок. В гранях восьмерика находились крупные вертикальные окна в наличниках, аналогичных убранству четверика. Восьмерик был перекрыт высоким граненым куполом, на вершине которого стоял глухой стройный барабан, увенчанный главкой-маковкой на шее. К четверику основанного объема примыкала пониженная трапезная. Отдельно, но рядом с храмом вплоть до 1887 г. стояла небольшая звонница с шатровым верхом [5].

Новый каменный храм довольно гармонично вписался в окружавший его ландшафт и долгое время служил его украшением, выполняя при этом главную миссию — духовного центра для дворянских и крестьянских семей. Мимо храма шла дорога из Боровска в сторону деревень Кириллово, Фатеево и Маланьино. Этими деревнями, как и населявшими их крестьянами, владели в основном представители разных ветвей рода Сенявиных. В 1767 г. из четырех владельцев самого села трое были Сенявиными: полковник Андрей Богданович, подпоручик Николай Федорович и сержант Александр Авраамович. Они же упоминаются среди владельцев села и в 1800 г. Каждый из них имел в селе деревянный дом с садом. Вблизи помещичьих усадебных домов располагались крестьянские усадьбы с огородами и баньками.

Напротив храма в 1767 г. стояли дома священно и церковнослужителей с огородами и баньками. Также храму были приписаны три поля, которые обрабатывали сами священно и церковнослужители. Рядом с храмом с северной, восточной и южной сторон располагалось кладбище, на котором после отпевания хоронили жителей села и указанных выше деревень [6].

Судя по всему, к моменту строительства каменного храма кладбище уже существовало. Возникнуть оно могло в довольно ранний период времени [7], на что указывает его большая площадь, отмеченная на геометрическом специальном плане с. Комлева 1767 г. [8]. По данным церкви 1868 г. общая площадь под храмом и кладбищем при ней составляла 38 кв. саженей.Записи церковной ведомости 1876 г. называют это кладбище прежним или старым, что говорит о появлении нового, очевидно, за селом [9]. На старом кладбище, как это было принято, продолжали хоронить священно—и церковнослужителей. Здесь же сохранялись захоронения владельцев села Сенявиных и не только их. Например, очень бережно верующие относились к могиле почитаемого ими местного юродивого Тихона. Жил он в селе в конце XVIII в. После смерти над его могилой была поставлена сначала тесовая часовня, а затем каменная. В ней верующие совершали панихиды по Тихону [10]. Место это оставалось почитаемым вплоть до середины XX в.

В 1812 г. с. Комлево, как и г. Боровск, оказался в гуще событий Отечественной войны. В ходе движении Великой армии французского императора Наполеона I Бонапарта на Калугу в Комлеве 11 октября располагался штаб 1-го армейского корпуса маршала Л.-Н. Даву [11]. Через Комлево в направлении на д. Фотеево, с. Уваровское и далее двигалась многочисленная неприятельская армия. В районе Фотеево в ночь с 11 на 12 октября разместилось большое количество неприятельской кавалерии и артиллерийский парк, а в Комлеве остановилась императорская гвардия. Вблизи Комлева император Наполеон I Бонапарт 12 октября провел рекогносцировку [12]. После ухода неприятеля положение священно и церковнослужителей, да и самого храма, по анкетным данным А. И. Михайловского-Данилевского, оказалось довольно плачевным. Каменный храм был разграблен,

«но каких имено сумм стоило все разграбленное церковное имущество по неимению при церкви документов неизвестно». «Истребленной» оказалась и опись церковного имущества, составленная до нашествия неприятеля. Сгорели и дома священно- и церковнослужителей [13]. Правда, описания 1887 г. сообщают совершенно обратное. По крайней мере, старинные иконы и в целом убранство храма перед нашествием неприятеля прихожане заранее вывезли и сохранили [14]. Нуждавшимся в насущном хлебе, одежде и обуви выдали: священнику комлевского храма Михаилу Никифорову, как малосемейному, 80 руб., дьячку Авксентию Емельянову 40 руб. и определили к храму с. Андреевское Калужского уезда, причетнику Николаю Иванову, как многосемейному, 60 руб. Также Святейшим Синодом сельским священно- и церковнослужителям на постройку домов было назначено выдать из церковной суммы: священникам — 300 руб., дьяконам — 250 руб. и причетникам — 150 руб. Выдавались им деньги и на закупку семян для весеннего сева 1813 г. [15].

Упомянутый священник Михаил Никифоров, возможно, являлся сыном служившего в этом храме в самом начале XIX в. священника Никифора Григорьева. Вместе с последним долгое время служил пономарем Николай Иванов (не он ли значится причетником в 1812 г.). А вот дьячком вместе с Никифором Григорьевым сначала служил Емельян Петров, а затем Иван Ефимов [16]. В 1836 г. в храме служили: священник Николай Григорьев, дьячок Иван Николаев и пономарь Николай Иванов. Они то и отвечали на вопросы анкеты А.И. Михайловского-Данилевского, собиравшего сведения об Отечественной войне 1812 г. [17]. В 1851 г. в храме служили: священник Андрей Глаголев, дьячок Лука Беляев, пономарь Николай Иванов [18].

За эти годы храм претерпел изменения. По заказу жены адмирала и кавалера Дмитрия Николаевича Сенявина Терезы (в православии — Таисии) Ивановны, урожденной Розорович, к храму в 1835 г. пристроили теплый придел во имя Николая Чудотворца. Храм Рождества Иоанна Предтечи и село Комлеводля Терезы Ивановны, должно быть, являлись памятными или, говоря по-музейному, — мемориальными. Ведь в этом селе 6 августа 1763 г. родился ее муж, будущий адмирал и кавалер русского военного флота Д. Н. Сенявин, в храме его крестили. Здесь он прожил первые свои десять лет, сюда, хоть и редко, продолжал приезжать во время учебы в морском кадетском корпусе и во время службы. Да и сама Тереза Ивановна последние годы своей жизни связала с родиной мужа.Здесь же и упокоилась: после смерти в 1843 г. ее похоронили в храме Рождества Иоанна Предтечи. Здесь в 1845 г. была похоронена дочь Терезы Ивановны и адмирала Дмитрия Николаевича Александра Станкевич, а в 1856 г. — ее муж полковник Александр Сергеевич Станкевич [19]. Над их захоронениями, по данным метрических записей храма 1887 г., лежали надгробные чугунные плиты с соответствующими надписями. Записи также сообщали, что придел во имя Николая Чудотворца оставался неотделанным. Высота храма была 15 саж., длина — 9 саж. и ширина — 10,5 арш. Иконостас храма, устроенный в XIX в. (скорей всего после неприятельского разорения в 1812 г. — *Н. Л.*), состоял из пяти ярусов. Иконы в нем были старинными, как и все убранство храма, которое перед нашествием неприятеля в 1812 г., прихожане заранее вывезли и сохранили. Главными реликвиями храма являлись местночтимая икона Иоанна Предтечи, серебряные потир 1676 г. и ковчег 1781 г. [20].

До 1874 г. (с какого времени не установлено. — *Н. Л.*) храм был приписан к городскому в честь Воздвижения Креста Господня, а с 1874 г. его приписали к храму Введения в с. Уваровском. Очевидно, это было связано с финансовыми затруднениями, что, отчасти, подтверждается так и не отделанным на протяжении десятилетий теплым приделом во имя Николая Чудотворца [21].

В начале XX столетия ситуация с финансами изменилась в лучшую сторону. В 1908 г. к храму пристроили трехъярусную колокольню с высоким шпилем. Наблюдение за ее строительством вел губернский инженер Б.Савицкий, который в акте от 11 сентября записал: «нашел, что постройка колокольни произведена вполне правильно, прочно и согласно утвержденному проекту» [22].

По описаниям на 1917 г. храм представлял собой следующее. Он так и значился приписанным к уваровскому. Единственный храмовый придел именовался во имя Смолен-

Илл. 2. Храм в селе Комлево. Фото. 1950-е гг. КОКМ

ской иконы Божией Матери. Утвари в храме было достаточно, как и необходимых для «церковного круга» книг. Причт и сама церковь поддерживались на 4%-й непрерывно-доходный билет Государственного Банка 1859 г. в 900 руб. (300 руб. — храмовые и 600 руб. — причтовые) и на билет Боровского общественного братьев Протопоповых Банка от 4 июля 1883 г. в 75 руб. (25 руб. — храмовые и 50 руб. — причтовые). Церковные деньги были в целости, неподвижной суммы, состоявшей в кредитных учреждениях, значилось 975 руб. да еще — билет в церковном ящике. Так же на 1 января 1917 г. в ящике оставалось наличными 69 руб. 32 коп.Земли церковной с погостом при храме значилось 2 дес. 38 кв. саж., еще под болотом 15 дес. и арендной 35 дес. (Всего 52 дес. 38 кв. саж.). Качеством земля была неплодородная, средний доход с нее составлял 60 руб. в год. Помимо самого причта (с 1870 г. он остался без домов, которые сгорели), храма, каменной часовни над могилой юродивого Тихона, деньги шли на содержание церковно-приходской школы. Располагалась она в наемном доме. В ней обучались 18 мальчиков и 11 девочек. В храме сохранялись копии метрических книг и исповедные росписи с 1785 г., а также обыскные книги с 1910 г. С 1908 г. церковным старостой состоял крестьянин д. Кирилловой Терентий Григорьевич Конов [23].

Произошедшие в 1917 г. потрясения и последовавшие за ними события стали для комлевского храма и его прихожан тяжелым испытанием. В марте 1922 г. в храме Рождества Иоанна Предтечи работала Боровская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей в фонд помощи голодающим. Она изъяла из комлевского храма серебряные сосуд, лжицу, дискос, звездицу, 2-е тарелочки и серебряные ризы с 3-х разных икон [24]. В 1932 г. опустошенный революционными невзгодами храм закрыли и стали использовать под колхозный склад [25].

Во время Великой Отечественной войны в ходе боевых действий 1941 — января 1942 г. храм претерпел серьезные разрушения: сильно пострадала колокольня, трапезная и придел. Несмотря на это, храм ближайшие десятилетия еще продолжал величественно возвышаться над окрестностями, оставаясь безупречным памятником своего времени. В настоящее время того величественного храма больше нет, нет и исторического села Комлева. Правда, сохранились старая планировка села,фрагменты усадебного парка, пруды, озера и не до конца еще разоренные фундаменты храма с расположенным при нем погостом, изучение которых необходимо продолжать.

Примечания

1. Ранее о храме автором была опубликована заметка: *Лошкарева Н.* Село Комлево // Балабаново. — 2011. — № 33; также храм упоминается в книгах: *Николаев Е. В.* По Калужской земле: От Боровска до Козельска. — М., 1968; *Сорокина Л.* Святыни окрестностей Обнинска. — Калининград, 2011.

2. См.: *Киселев И. А.* Боровский уезд во второй половине XVI — первой половине XVII в.: Историко-географическое исследование: Дипломная работа студента 5-го курса Московского государственного историко-архивного института: Машинопись // Боровский историко-краеведческий музей. Фонды библиотечный № 249 и НВ. — С. 33, 37

3. См.: *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Материалы для истории, археологии и статистики церквей Боровского уезда с пригороды. — Калуга, 1898. — С. 54—55.

4. См. там же. — С. 41—42.

5. См.: *Шорбан Е. А.* Усадьба Комлево: Рукопись. — М., 2014 // Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. Архив сектора «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России» — данные сведения были предоставлены кандидатом искусствоведения Е. А. Шорбан (г. Москва), за что автор выражает искреннюю благодарность; *Николаев Е. В.* По Калужской земле: От Боровска до Козельска. — С.27.

6. См.: ГАКО. Ф.437. Оп. 6. Д. 222: Геометрический специальный план с. Комлева Подгородного стана Боровского уезда, составленный 24 октября 1767 г.; РГВИА РФ. ВУА. Д. 18753. Ч. 1. Л. 7 об — 8 об: Ведомость к генеральному плану Боровского уезда размежеванным землям, означающая, сколко каждое селение имеет разстояние от Боровска верст, дворов, мужска и женска полу душ, удобнои и неудобнои земли с изъяснением собранных в силу межевои инструкции Экономических примечаниев 1800 г..

7. Несмотря на то, что в апреле 2014 г. часть кладбища варварски была уничтожена в связи со строительством нового храма, археологам и антропологам все же еще есть что обследовать и изучать. Так, при беглом осмотре сотрудниками музея на дне вырытого котлована были найдены фрагменты муравленого лемеха, керамического сосуда и человеческие останки. Поэтому необходимо установить границы исторического кладбища, точное местонахождение фундамента храма и склепов, а также обследовать сам холм, который может быть связан с глубокой дохристианской древностью. Помимо этого, следует изучить скопление костных останков, о которых упоминают старожилы, относя их к событиям Великой Отечественной войны. Но может статься, что это братское захоронение и более раннего времени: до XVII в., эпохи Смуты или Отечественной войны 1812 г.

8. См.: ГАКО. Ф. 437. Оп. 6. Д. 222: Геометрический специальный план с. Комлева Подгородного стана Боровского уезда, составленный 24 октября 1767 г.

9. См.: Архивная справка, составленная специалистом Государственного архива Калужской области Н. В. Зиновкиной от 14 июля 2014 г. № 30-о на запрос Н. П. Лошкаревой о появлении нового кладбища в с. Комлево Боровского уезда // Личный архив.

10. См.: ГАКО. Ф.33. Оп. 2. Д. 2269а. Л. 68 об; Памятная книжка Калужской губернии на 1873/74 год. — Калуга, 1872. — С. 135.

11. См.: Рапорт командира 1-го армейского корпуса маршала Л.-Н.Даву, князя Экмюльского, начальнику главного штаба Великой Армии маршалу Л.-А. Бертье от 23 октября из Комлева // Малоярославецкое сражение 12/24 октября 1812 года: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания. — Калуга, 2012. — С.297.

12. См.: *Попов А. И.* «Померкшие в лучах чужой славы»: Движение Наполеоновской армии от Москвы к Малоярославцу // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. — Малоярославец, 2008. — С.23—33.

13. См.: *Малышкин С. А.* Калужский край в 1812 г.: По материалам архива А. И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. — Малоярославец, 1994. — С. 66—67.

14. См.: Метрика на храм Иоанна Предтечи села Комлева Боровского уезда. 1887 г. // Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург). Рукописный отдел. Ф. Р-III. Д. 1729. Данные сведения были предоставлены кандидатом искусствоведения Е. А. Шорбан (г. Москва), за что автор выражает искреннюю благодарность.

15. См,: Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. — Вып.2. — Калуга, 1912. — С. 5—7, 13, 14, 17, 29, 30, 33—36.

16. См.: ГАКО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 23. Л.40 об, 385, 387; Д. 25. Л.60, 62 — 67об; Д. 27. Л.77 об, 81 об, 83.

17. См.: *Малышкин С. А.* Калужский край в 1812 г.

18. См.: ГАКО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 122. Л. 308, 310 об, 318.

19. См.: Метрика на храм Иоанна Предтечи села Комлева Боровского уезда. 1887 г.; ГАКО. Ф. 406. Оп. 1. Д. 73. Л.6.

20. См.: Метрика на храм Иоанна Предтечи села Комлева Боровского уезда. 1887 г; *Преображенский М. Т.* Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. — СПб., 1891. — С. 109—110.

21. См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2269а. Л. 69; Памятная книжка Калужской губернии на 1873/74 год. — С. 135.

22. Там же. Ф. 62. Оп.17. Д. 1907. Л. 3, 4, 9, 20.

23. См. там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2269а. Л. 68—79.

24. См. там же. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 203. Л. 38.

25. См.: Боровский историко-краеведческий музей. Фонды. БМКП2718: Список закрытых церквей по Боровскому району Московской области. Л. 58; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И АТРИБУЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В МУЗЕЕ

***М. В. Зверева**, к. культурологии, зав. отд., Калужский музей изобразительных искусств*

Основные задачи искусствоведческой экспертизы — атрибуция исследуемого произведения, предмета или вещи (определение времени, места и других обстоятельств его создания), установление его подлинности, культурной и/или исторической ценности, иногда — установление конкретного автора произведения. Причиной ошибки и необъективности результатов экспертизы могут быть следующие факторы:

— недостаточность сравнительного материала (эталонов);

— неполнота научного знания о предмете;

— различие в научных данных;

— расхождение сведений литературных источников;

— наличие посторонних вмешательств (реставрация).

— При этом возникают следующие проблемы:

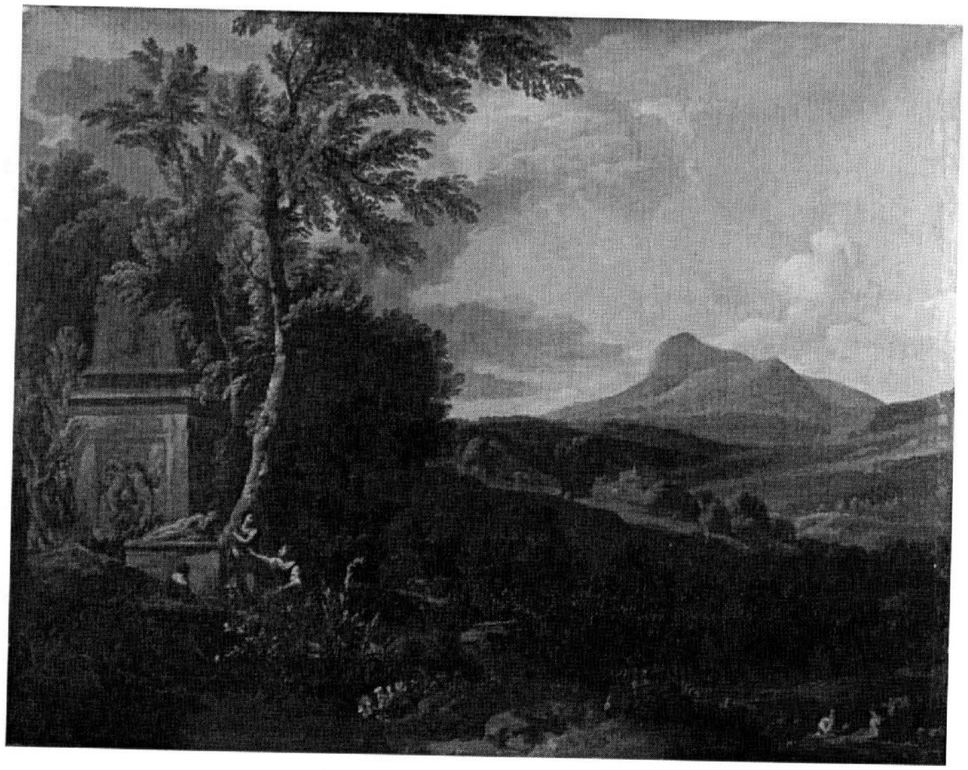
1) прочтение авторского почерка часто затрудняют поздние реставрационные наслоения;

2) подтверждение принадлежности творчеству крупнейших художников связано с существованием авторских и копийных повторений, а также фальсификаций известных или утраченных оригиналов;

3) нахождение имени малоизвестных художников затруднено из-за плохой сохранности или рассеянности их наследия, отсутствия их в музейных собраниях и, следовательно, не изученности их творчества. Сведений в литературных и архивных источниках о них, как правило, нет.

Недостаток информации, а также отсутствие ее систематизации часто приводят к невозможности определить имя художника, а также к ошибочным атрибуциям — из желания приписать произведение более известному имени благодаря кажущемуся сходству, основанному на отдельных моментах сходства. Наиболее полноценное решение проблем экспертизы дает комплексный метод исследования, сочетающий результаты технологического, стилистического анализа с изучением литературных и архивных источников.

В начале любой экспертизы исследователь сталкивается с проблемой установления подлинности подписи, как и подлинности сопровождающих произведение надписей, печатей, штампов и других удостоверяющих атрибутов. Нередко установление автора подписи вызывает немалые трудности.



Ил. 1. Пейзаж с фигурами. Холст, масло. 95×117. КМИИ. Инв. № Ж-308.

Так, в фонде Калужского музея изобразительных искусств (КМИИ) хранится полотно «Пейзаж с фигурами», датированное 1664 г., работы неизвестного голландского мастера XVII в. (холст, масло; 95×117 см; инв. Ж-308) (см. ил. 1). Произведение, поступившее в 1947 г. из Государственной закупочной комиссии, подвергалось реставрации в 1951 г., холст дублирован.

На картине изображен фантазийный итальянский пейзаж с римским саркофагом и двумя группами статфажных фигур. Слева внизу нами была обнаружена подпись, расшифровать которую долго не удавалось. Исследовательскую работу весьма затруднял тот факт, что начертание первой литеры фамилии автора (после инициалов *AD*) допускало разные варианты ее прочтения: *B, R, Z, G*. Однако, после анализа информации, содержащейся в базе данных архива Института истории искусств Нидерландов (Rijksbureau-voor Kunsthistorische Documentatie, RKD), мы пришли к выводу, что начальная буква фамилии быть прочитана как H, а вся подпись — ADHennin (см. ил. 2). Подтверждением нашей гипотезы послужили следующие данные из архива RKD.

Ил. 2. Адриан де Хеннин (?—1710). Пейзаж с фигурами. Холст, масло. 95×117. КМИИ. Инв. № Ж-308. Фрагмент с подписью.

Наиболее близкими аналогами рассматриваемой картины можно назвать работы Адриана де Хеннина (?—1710)[1]. Дата рождения мастера неизвестна, первые сведения о нем относятся к 1664 г. Начиная с 1665 г. Адриан де Хеннин состоял членом Гильдии Святого Луки в Гааге. Работал в Гааге и Амстердаме, в течение двух лет жил

Ил. 3. Адриан де Хеннин. Пейзаж с умирающей Эвридикой. Холст, масло. 42.2×55.2. Открытое хранилище Глазго.

в Париже. Последние годы (1677—1710) художник провел в Англии, где написал несколько портретов, в том числе портрет Марии Стюарт II (1662—1695) — принцессы Оранской, будущей жены правителя Нидерландов и короля Англии и Шотландии Вильгельма III Оранского[2]. Один из вариантов подписи — *AD Hennin*. Адриан де Хеннин писал главным образом пейзажи, населяя их различными мифологическими персонажами, которые обычно использовал в качестве стаффажа, иногда выводя их на передний план. Имя его широкому кругу исследователей неизвестно.

В базе данных RKD имеется информация о произведениях, созданных Адрианом де Хеннином, стилистически и композиционно они близки картине из калужского музея. Это произведения, находящиеся в различных коллекциях: «Лесной пейзаж с Дианой и нимфами»[3], «Горный пейзаж со всадником»[4] (аукционы Кристи'с 1999 и 2000 гг.). Мотив произведения имеет прямые аналоги в двух картинах из Открытого хранилища Глазго (Glasgow Museums Resource Centre, Шотландия): «Пейзаже с умирающей Эвридикой»[5] (см. ил. 3) и «Сельском пейзаже с фигурами»[6] (см. ил. 4). Исследуемое полотно во многом подобно картине «Грот с римским саркофагом и фигурами»[7], выставленной на одном из аукционов несколько лет тому назад.

Сопоставляя названные работы с рассматриваемой картиной, можно отметить:

— аналогичную манеру изображения деревьев;

— своеобразную трактовку фигур персонажей;

— сходное изображение саркофага (в правой или левой части композиции).

Сравнительный анализ стиля дает основание сделать вывод о близости рассматриваемой картины к творчеству Адриана де Хеннинаи приписать это произведение его кисти.

Отдельного рассмотрения требуют копийные работы. Следует отметить, что при изучении старинных копий неизбежно возникает вопрос о взаимоотношении оригинальных и копийных произведений старых мастеров, поскольку копирование в XVI—XIX вв. не подменялось механическим воспроизведением оригиналов. Нередко мастера применяли

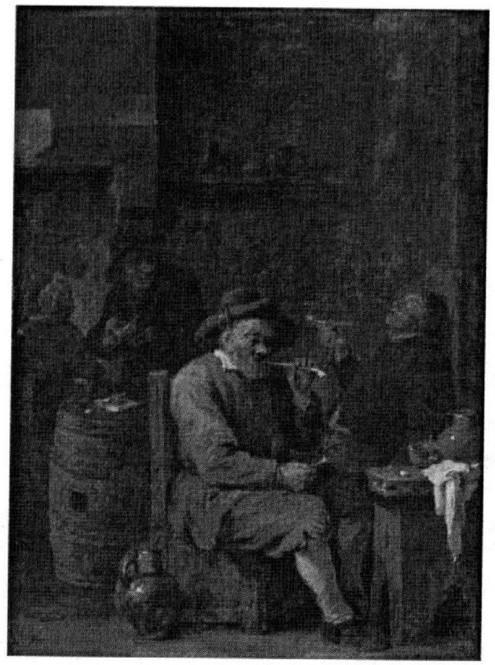
Ил. 4. Адриан де Хеннин. Сельский пейзаж с фигурами. Холст, масло. 29×39. Открытое хранилище Глазго.

при этом творческий подход. При этом исследовательские работы нередко приводят к неожиданным результатам.

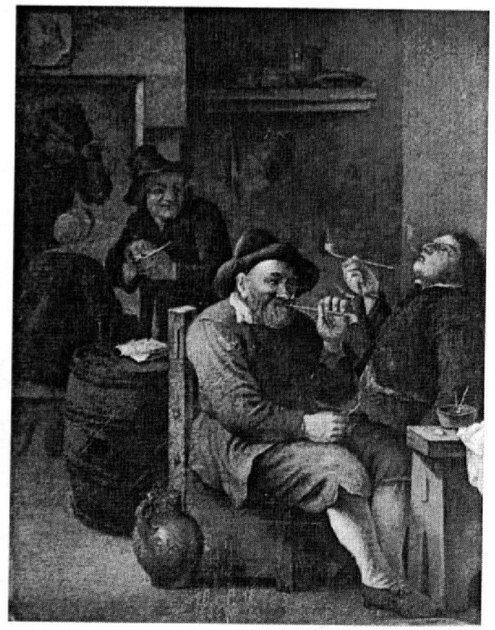
Так, при изучении живописной картины под названием «Курильщики» (дерево, масло; 33×25 см; инв. Ж-318, КМИИ), которая поступила в музей в 1947 г. и числилась как произведение неизвестного голландского художника XVIII в., удалось выявить практически идентичную по композиции работу в Кливлендском музее искусств (США), приписываемую кисти Давида Тенирса Младшего (1610—1690) (см. ил. 5). Отличие состоит не столько в размере (он почти такой же) или мелких деталях, сколько в стилистике данной работы. Несмотря на поздние реставрационные вмешательства, очевидно, что калужская картина является не оригиналом, а копией произведения Тенирса Младшего (см. ил. 6). Забавно, что копиист придал совсем другое выражение лица центральной фигуре (бородач с трубкой), для чего достаточно было направить взгляд курильщика в другую сторону (у Тенирса он смотрит вниз).

Картина «Музыканты» (холст, масло; 68×53 см; инв. Ж-184, поступила в музей в 1919 г.), записанная в инвентарной книге как произведение неизвестного мастера голландской школы, при тщательном рассмотрении оказалась скорее вариацией на тему оригинала, хранящегося в Лувре (Давид Тенирс Младший (1610—1690), «Музыкант, играющий на волынке», холст, масло. 29×24 см) (см. ил. 7), причем изображение здесь дано зеркально (см. ил. 8).

При проведении экспертизы графических произведений перед исследователем могут быть поставлены следующие задачи: определение авторства произведения; выявление его подлинности на основе исследования материала (бумага, кожа и т. п.), почерка, экслибрисов, филиграни и т. д.; датировка; выявление степени сохранности и описание полученных повреждений при их наличии; изучение рукописных пометок владельца, комментариев; определение ее научной значимости. Большое значение имеет и оформление произведения, поскольку иногда единственным подтверждением провенанса является владельческая рама или паспарту. Особенно важно это бывает при реконструкции коллекции, когда выявить первоначального владельца весьма затруднительно. В качестве при-

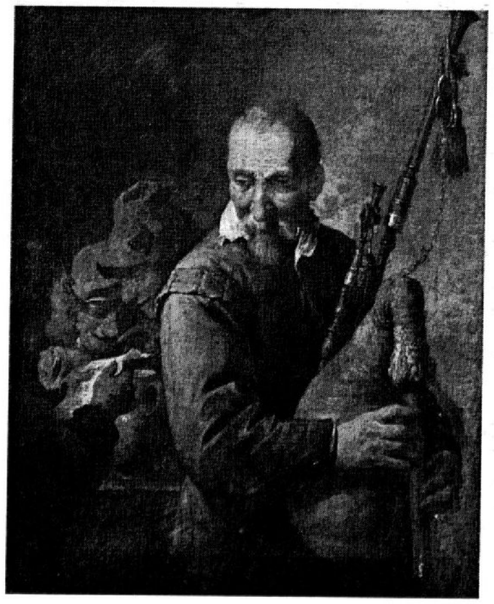


Ил. 5. Давид Тенирс Младший (1610–1690). Курильщики. Дерево, масло. 37,2×26,3. Кливлендский музей искусств.



Ил. 6. Фламандский мастер XVIII в. Курильщики. Копия картины Давида Тенирса Младшего (1610—1690). Дерево, масло. 33× 25. КМИИ. Инв. № Ж-318.

мера можно привести акварельный рисунок «Барский дом в Барятине»[8], хранящийся в фонде Калужского областного краеведческого музея, который по своему оформлению, размерам и материалу идентичен целому ряду графических произведений из Калужского музея изобразительных искусств[9], что позволило отнести их к коллекции князя Д. С. Горчакова. Некоторое время тому назад в процессе изучения рисунка нам удалось прочесть



Ил. 9. Франс Халс (1582/83—1666). Горшечник-музыкант. 1618—1622. Холст, масло. Музей искусств Кимбелл, Техас. США.

Ил. 8. Фламандский (?) мастер XVIII в. Музыкант, играющий на волынке. Холст, масло. 68×53. КМИИ. Инв. № Ж-184.

Ил. 10. Питер де Маре (1757—1796). Горшечник-музыкант. 1772—1796. По оригиналу Франса Халса (1582/83—1666). Бумага, гравюра резцом. КМИИ. Инв. Г-432.

имеющуюся на листе подпись и определить имя художника (А. А. Мардероссо) [10], причем немалую роль в выявлении автора сыграли письма В. И. Горчаковой (1841—1912), хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Значительные трудности вызывают листы, обрезанные до изображения, без надписей и монограмм. В музейной документации они значатся как произведения неизвестных авторов. В этом случае сложно бывает не только выявить автора произведения, но и установить сюжет, а также персонифицировать фигуру, изображенную на рисунке или гравюре.

Так, например, нам было ясно, что интереснейший лист (инв. Г-432; 330×285 мм; КМИИ) с изображением улыбающегося крестьянина с горшком в руках награвирован по одному из произведений прославленного Франса Халса (1582/83—1666). Поиски привели к нескольким вариантам живописной картины Халса «Горшечник-музыкант», созданной в 1618—1622 гг. На картине изображен человек (по всей видимости — не совсем трезвый), развлекающий детей игрой на самодельном музыкальном

Ил. 11. Йоханнес Питер де Фрей (1770—1834). Портрет кораблестроителя Яна Рейксена с женой. 1800. По одноименной картине Рембрандта (1606—1669). Бумага, офорт. КМИИ. Инв. Г-486.

инструменте — так называемом «роммель-поте». Этот инструмент делали, натягивая на горло глиняного горшка свиной пузырь. «Музыкант» водит по пузырю кончиком сухой камышинки, издающей при этом неприятный скрежещущий звук. Эта забава очень нравится детям, окружившим «музыканта», они в восторге от его «игры». Один вариант находится в Художественном музее Кимбелл (Форт-Уорт, Техас, США) (см. ил. 9). Здесь изображено пятеро детей, как и на картине, хранящейся в Институте искусств Чикаго (США). Есть вариант картины, включающий шестерых детей. Картину часто копировали. Однако, на гравюре мы видим лишь одного ребенка. Идентичный оригинал, по которому она была сделана, мы найти не смогли, однако удалось выявить лист, аналогичный нашему, с полями и соответствующим текстом под изображением (Британский музей). Данная гравюра исполнена лейденским мастером Питером де Маре (1757—1796) в период 1772—1796 гг. (см. ил. 10).

Еще одну гравюру без полей удалось атрибуировать, воспользовавшись базой данных произведений Рембрандта. Она воспроизводит картину Рембрандта «Кораблестроитель Ян Рейксен с женой» (Королевское собрание произведений искусства, Лондон, Великобритания). С большой степенью достоверности можно утверждать, что данный лист[11] исполнен в 1800 г. Йоханнесом Питером де Фреем (Johannes Pieter De Frey (1770—1834), который известен в основном репродуцированием произведений Рембрандта (см. ил. 11). Фрей блистательно сочетал разные техники гравирования: резец, офорт, сухую иглу.

Таким образом, удалось разрешить ряд вопросов, связанных с атрибуцией и введением произведений в научный оборот: определить авторство, время и место создания работ, уточнить иконографию.

Примечания

[1] См.: *Adriaen De Hennin* (*Adriaen de Henyn, Adrianus de Henny*). Thieme Becker XVI — Algemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antikebiszur Gegenwart. — 1923. — Dl. 16. — P. 404—405; *Karst S.* Off to a New Cockaigne: Dutch Migrant Artists in London, 1660—1715 // Simiolus 2013—2014. — Vol. 37 —.P. 25—60.

[2] В настоящее время портрет находится в Апелдорне, во дворце-музее Хетт Лоо: Paleis Het Loo Nationaal Museum, Apeldoorn, inv.nr. RL 6672

[3] *Adriaen De Hennin.* Boslandschapmet Dianaenhaarnimfen. Doek, olieverf, 87,6×173,3. Christie's, London (England), 1999-04-14, lotnr. 27. Documentation RKD: BD/0592 — ONS/Italianiserendelandschappen (afb.nr.:0000051065).

[4] *Adriaen De Hennin.* Zuidelijkberglandschap met ruiter. Doek, olieverf, 112,4×154,4. Christie's, Londen (Engeland), 2000-07-07, lotnr. 130. Documentation RKD: BD/0592 – ONS/Italianiserendelandschappen(afb.nr.: 0001115476).

[5] *Adriaen De Hennin.* Landscape with the Death of Eurydice. Oil on canvas, 42.2×55.2. Glasgow Museums Resource Centre (GMRC).

[6] *Adriaen De Hennin.* Pastoral Landscape with Figures. Oil on canvas, 29×39. Glasgow Museums Resource Centre (GMRC).

[7] *Adriaen De Hennin.*Grotta med romerskasarkofagersamt figurer vid brunn. Oil on canvas, 106×84. См.: http://www.artnet.fr/artistes/adriaen-de-hennin/r%C3%A9sultats-de-ventes

[8] Мардероссо (Мардересов) Александр Аветович (? — не ранее 1902). Барский дом в Барятине (Вид через окно). 1876. Акварель. 750×560 (лист), 465×305 (в свету). В собрании Калужского областного краеведческого музея, инв. Кл 976, ЖГС 138.

[9] КМИИ. Инв. № Г-793, Г-795, Г-796, Г-799, Г-806, Г-810, Г-811, Г-813, Г-814, Г-820, Г-822, Г-826, Г-831, Г-833.

[10] Александр Аветович Мардероссо (Мардересов) (? — не ранее 1902) — акварелист, работавший во второй половине XIX в. В 1855 г. Петербургской Академией художеств ему было присвоено звание неклассного художника «по живописи ландшафтной акварельной», в 1872 г. — звание классного художника третьей степени за картину «Виды в Кунцеве, близ Москвы». Авторство установлено на основании прочтения подписи, а также в результате изучения стилистических особенностей данного произведения и историко-биографических данных художника.

[11] Г-486. КМИИ.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКОВ-ПЕРЕДВИЖНИКОВ В СОБРАНИИ КМИИ (К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ)

***Ю. С. Заложных**, зав. отд., Калужский музей изобразительных искусств*

Центральными аспектами деятельности любого музея являются собирание, хранение и изучение музейных предметов, формирующих собрание музея. Собрание Калужского музея изобразительных искусств многообразно и включает в себя различные музейные фонды (живописный, графики, скульптуры и др.). В силу объективных исторических причин наиболее значительную часть музейного собрания КМИИ составляет коллекция русского искусства разных временных периодов.

Заслуженно любимыми и востребованными у зрителей, начиная со времени появления на свет и вплоть до сегодняшнего дня, являются произведения так называемых «передвижников» — художников, входивших в российское художественное объединение XIX—XX вв. — Товарищество передвижных художественных выставок (ТПХВ), устраивавшее передвижные художественные выставки в разных городах России с 1871 г. по 1923 г.

Ценность и значение творческого наследия художников-передвижников для истории русского искусства (а также высокое внимание со стороны зрителей) обусловлены идейным и гражданским пафосом их работ, новыми методами и приемами создания картин, высоким художественным уровнем участников передвижных выставок Товарищества, «объединившего почти все наиболее талантливые художественные силы страны»[1]. Известный русский художественный критик В. В. Стасов охарактеризовал появление передвижников как «самую большую художественную новость», как что-то «особенное и небывалое: и первоначальная мысль, и цель, и дружеское усилие самих художников, которым никто извне не задавал тона, и изумительное собрание превосходных произведений…все это не слыхано и не видано, все это новизна поразительная»[2].

И сегодня, как профессионалы в сфере искусства и культуры, так и посетители выставок и музеев ценят в творческом наследии «передвижников»: постановку, введение в русское искусство и правдивое изображение тем жизни, истории и природы своей страны; отражение в своих работах судеб русского народа и простого «маленького» человека; прославление его силы и мудрости, а также величия и красоты России. Не уходя при этом в слащавую и сухую идеализацию, а сочетая свой гуманистический пафос с обличением безнравственных сторон и пороков российской действительности.

Для лучших произведений художников-передвижников, построенных на принципах реалистического отображения действительности, характерны большая сила психологизма, тонкое проникновение в душу человека, высокий уровень социального обобщения и типизации, лиризм в передаче оттенков настроения русской природы и многое другое. Все вышесказанное вполне обуславливает актуальность заявленной темы и необходимость ее изучения.

На сегодняшний день собрание КМИИ имеет достаточно большую в количественном выражении коллекцию произведений художников-передвижников (членов ТПХВ и членов-учредителей ТПХВ), а также работы участников (экспонентов) различных передвижных выставок. В фондах музея есть произведения художников, которые были историческими участниками событий, предшествующих и подготовивших создание Товарищества. Таков, например, Ф. Журавлев[3], который был участником «Бунта четырнадцати» и одним из основателей Санкт-Петербургской артели художников, объединения предварявшего создание ТПХВ.

На сегодняшний день музейная коллекция передвижников количественно представлена 44[4] художниками и насчитывает более 250 живописных и графических работ, включая 1 скульптуру. А также 20 человек — экспонентов выставок, выполнивших более 45 работ. При этом соотношение живописных и графических работ примерно одинаковое, с небольшим численным перевесом в сторону живописи (ориентировочно 60% к 40%).

Часть принадлежащих музею работ передвижников представлена в основной экспозиции музея (19 художников-передвижников, 26 работ). На сегодняшний день это 3 работы Н. Ярошенко, пейзажи А. Саврасова, И. Шишкина, Ил. Прянишникова, С. Жуковского, 2 этюда В. Сурикова, работы В. Поленова и В. Маковского, бытовой жанр А. Корина, крестьянский жанр К. Лемоха, скульптура Л. Позена и несколько других. Вывешены также работы 5 художников-экспонентов ТПХВ.

Предварительно анализируя жанровый и видовой состав музейной коллекции передвижников, можно сделать вывод о том, что ведущие жанры изобразительного искусства, активно развивавшиеся в Товариществе, базово представлены в собрании КМИИ. Однако данную музейную коллекцию никак нельзя охарактеризовать как достаточно полную и равномерно отражающую основные линии русского искусства, особенно с точки зрения значимости тех или иных художественных персоналий. Так, в фонде КМИИ жанр «передвижнического» портрета представлен скорее пунктирно и малочисленно. Из наиболее значимых работ можно назвать: несколько работ Н. Ярошенко, этюд И. Репина, портреты В. и А. Маковских, произведения Д. Щербиновского, а также ряд графических и живописных набросков разных авторов. К сожалению, в собрании музея нет работ таких столпов портретной живописи Товарищества как И. Крамской, В. Перов, В. Серов, И. Репин (имеющийся 1 этюд не позволяет нам говорить о его творческом наследии). Шире в музейном собрании представлены бытовой жанр и крестьянская тематика. Таковы произведения К. Лемоха, В. Максимова, А. Архипова, А. Корина, В. Перова и др.

Наиболее полное отражение в коллекции КМИИ получил пейзажный жанр передвижников — как членов Товарищества: И. Шишкин, А. Саврасов, Н. Дубовской, В. Бялыницкий-Бируля, В. Бакшеев, В. Поленов, Л. Туржанский, С. Жуковский и др., так и экспонентов: К. Коровин, В. Верещагин, К. Юон, Н. Эллерт и др. К сожалению, утрачены находившиеся в музее этюды И. Левитана.

Совсем скромно, буквально 1—2 работами представлены: архитектурный пейзаж (1 произведение А. Боголюбова), исторический жанр (2 эскиза В. Сурикова, нет не одной работы Н. Ге), былинно-сказочный (2 эскизные работы В. Васнецова).

Ставя в данной работе своей основной задачей проанализировать историю формирования коллекции художников-передвижников в собрании КМИИ, нам представляется необходимым проследить основные источники и временные рамки поступления работ этих художников в музей.

Источники поступления произведений можно разделить на несколько основных: собрание Н. И. Васильева, Государственный музейный фонд, усадьбы Калужской области и поступления из частных собраний (коллекций)[5].

Из собрания Н. И. Васильева, калужского врача и мецената, подарившего по завещанию в 1905 г. свою коллекцию произведений искусства г. Калуге (что послужило отправной точкой для создания КМИИ) в музей поступило 11 работ (из них только 4 сохранилось до настоящего времени): А. Боголюбов этюд «Море при закате солнца» (утрачен во время Великой Отечественной войны), Е. Волков этюд (утрачен), Н. Дубовской этюд «Финляндия» (утрачен), В. Маковский «Портрет Герасимова», В. Маковский «Голова старика» (утрачен), картина «Задворки» и этюд «Марина» Ил. Прянишникова, купленные на посмертной выставке художника, которая состоялась в рамках 23-й выставки ТПХВ, «Пейзаж» И. Прянишникова (утрачен), этюд и работы: «Лес по дороге в Мариенгоф» (утрачен), «Полевые цветы» (утрачен) И.Шишкина. А также одна работа экспонента: пейзаж малоизвестного художника Н. Эллерта[6].

С усадебной культурой Калужского края связаны поступившие из имения супруги брата художника «Степановское» (ныне «Павлищев Бор») Мещевского уезда Калужской губернии в 1919 г. в музей 9 произведений члена ТПХВ Н. Ярошенко, а также скульптурный портрет Н. Ярошенко, выполненный художником-передвижником Л. Позеном. Поступление в музей работ Н. Ярошенко важно для КМИИ, с одной стороны, так как художник был исторически связан с Калужским краем, а, с другой стороны, то, что он был значимой личностью среди передвижников — являлся одной из ведущих фигур в правлении ТПХВ, а после смерти И. Крамского, с 1887 г. стал идейным руководителем Товарищества и хранителем его лучших традиций.

Источником пополнения музейного собрания в 1920-е гг. стали поступления из Государственного музейного фонда и Государственной Третьяковской галереи. В это время поступают работы Г. Мясоедова (ГМФ, 1919), П. Петровичева, этюд В. Сурикова (ГМФ, 1925), этюды И. Левитана, И. Шишкина, В. Поленова, экспонента К. Коровина (ГТГ, 1928), 42 работы Д. Щербиновского (ГТГ, 1929).

Наиболее плодотворным для музея периодом с точки зрения формирования собственных фондов работами художников-передвижников были 40—50-е гг. XX в. В это время большинство работ поступило в музейное собрание либо через Государственную закупочную комиссию, либо с помощью даров и закупок предметов искусства из коллекций частных лиц. Так, через Государственный музейный фонд поступили: живопись Г. Савицкого (1940), графика А. Афанасьева (1946), «Иней» В. Бакшеева (1944), «Казань» А. Боголюбова (1946), работы В. Бялыницкого-Бирули (1944—1945), этюд к сказке В. Васнецова (1950), «В доме» С. Виноградова (1946), графика Е. Волкова (1946), «Весна» С. Жуковского (1947), картина А. Киселева (1945), 4 работы А. Корина (1945—1947), работы К. Лебедева (1946—1950), А. Маковского (1946), В. Маковского (1945—1947.), «Старик» В. Максимова (1945), И. Остроухов (1950), несколько работ В. Поленова (1945—1946), И. Репин (1946), графика А. Саврасова (1950), графика В. Серова (1945—1947), А Степанов (1945—1955), этюд В. Сурикова (1947), Л. Туржанский (1945—1946), часть графики и «Берег моря» И. Шишкина (1946—1947).

В этот период из частных коллекций были закуплены и переданы в дар: работы В. Васнецова, «Красная поляна» Н. Дубовского, этюд С. Иванова, работы К. Лемоха, Г. Мясоедова, В. Перова и др.

На конец 1950-х — начало 1970-х гг. приходится передача музею работ художников московским коллекционером Виктором Ивановичем Тимофеевым. Он подарил музею работы В. Бакшеева (1971—1972), С. Виноградова (1959), Н. Касаткина (1972).

На 1960—1980-е гг. приходятся уже точечные приобретения или поступления работ передвижников в музей: И. Шишкин (1977), Н. Ярошенко (1965), А. Лаховский (1977), А. Корин (1964).

В 1985 г. в дар музею художник А. Жуков передает более 40 работ члена ТПХВ А. Кравченко (графика «позднего», советского периода). В 1990 г. из частного собрания Г. В. Штокман в музей поступают две живописные работы С. Жуковского.

Говоря об историческом аспекте формирования коллекции передвижников в собрании КМИИ невозможно обойти вниманием период Великой Отечественной войны и судьбу музея и его предметов в это время. Ибо огромный урон собранию КМИИ нанесла Великая Отечественная война. Калужский музей изобразительных искусств входит в число наиболее пострадавших музеев России во время немецко-фашистской оккупации — он в долевом выражении потерял одну треть своего собрания[7]. Основной причиной утраты произведений искусства стало отсутствие принятых должных мер к спасению культурных ценностей со стороны советских и партийных органов, что в свою очередь привело к возможности немецкими оккупантами конфискации, разграбления, вывоза за рубеж, продажи и уничтожения музейных предметов[8]. Безусловно, наиболее сильно пострадала коллекция западноевропейского искусства (утрачено почти 50% от ее общего количества). Но в русском отделе урон также был значительным: пропали 42 живописные картины (34% основного фонда русской живописи) и 13 графических работ. Среди утраченных произведений искусства были и работы художников — передвижников. Благодаря кропотливой исследовательской работе сотрудников музея (И. В. Гужовой, М. В. Зверевой и др.) в 2006 г. был издан «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны». Данный каталог помогает понять, каких произведений художников-«передвижников» лишился музей.

На сегодняшний день точно установлено, что из коллекции русской живописи КМИИ были утрачены 18 работ «передвижников»: пейзаж А. Боголюбова, этюд из алжирской серии П. Брюллова, «Алупка. Лунная ночь» С. Виноградова, подготовительный вариант к картине на окрестности Петербурга Е. Волкова, два этюда Н. Дубовского, этюд Л. Каменева, два этюда И. Левитана, этюд В. Маковского, пейзаж Г. Мясоедова, «Ранняя весна» П. Петровичева, «Баржа на Оке» В. Поленова, этюд И. Прянишникова, две работы

И. Шишкина, «Парижский мостик» Д. Щербиновского и этюд старика Н. Ярошенко. Большинство из них обладали высокой художественной ценностью и входили в список наиболее ценных произведений музея, утраченных во время войны. Пропали также три работы экспонента ТПХВ А. Мещерского.

В фонде графике теперь не хватает работ А. Бегтрова, И. Левитана, В. Серова, В. Поленова, а также 4 работ советского периода члена ТПХВ Г. Савицкого. Представленные сведенья позволяют даже косвенно оценить весь масштаб и потери в собрании Калужского музея, обладавшего достойными памятниками русского искусства XIX—XX вв.

Таковы основные вехи исторического пути формирования коллекции работ художников-передвижников в собрании КМИИ.

Таким образом, в данной работе в рамках обозначенной тематики был рассмотрен только один аспект ее изучения — исторический. Поэтому нам представляется необходимым и обоснованным дальнейшее изучение поставленной проблемы с рассмотрением более подробно качественного состава коллекции по видам, жанрам и отдельным художественным персоналиям.

Примечания

[1] Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство / Гл. ред. В. М. Полевой: В 2 кн. — Кн. II. — М.: Сов. энциклопедия, 1986. — С. 114.

[2] *Стасов В. В.* Избр. статьи о русской живописи. — М.: Дет. лит., 1984. — С. 97.

[3] Ж-271. У знахарки. Холст, масло. 52,5×62.

[4] До Великой Отечественной войны музейная коллекция художников-передвижников была шире. На сегодняшний день в фонде музея нет не одной работы П. Брюллова, Л. Каменева, И. Левитана, которые были утрачены в военное время.

[5] См.: *Бурман С. М.* Произведения русской живописи второй половины XIX века в собрании Калужского художественного музея // Сборник Калужского художественного музея, — Вып. I, — Ч. 2, — Калуга, 1993. — С. 188.

[6] См.: *Гужова И. В.* Художественное собрание Никанора Ивановича Васильева: Каталог коллекции. — Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2002. — 144 с.

[7] См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. — Т. 15: Калужский областной художественный музей / Сост. И. В. Гужова. — М.: Изд-во «КДУ», 2006. — С. 12

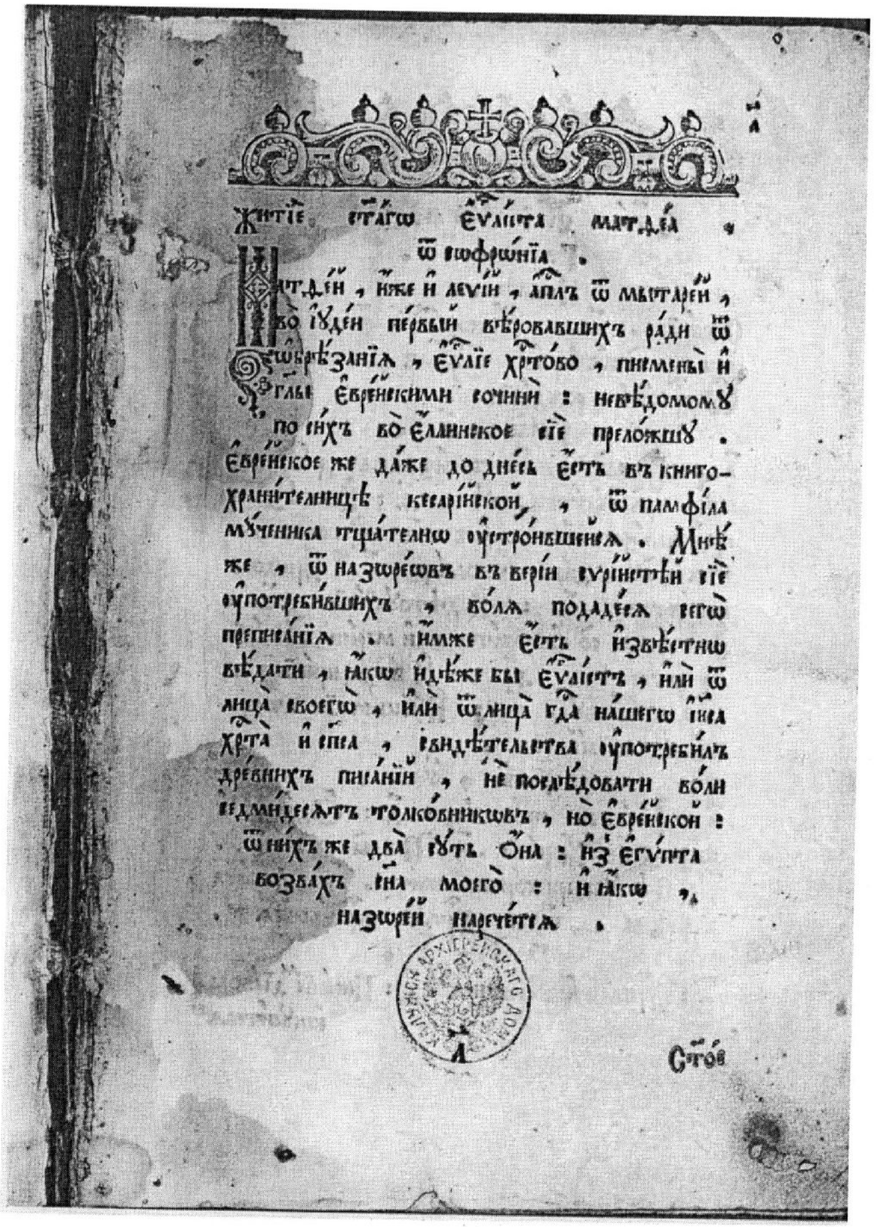
[8] См. там же. — С. 12—17.

НАПРЕСТОЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ 1688 г. ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВА МОНАСТЫРЯ

***В. Г. Пуцко**, засл. работник культуры РФ, с. н. с.,*
Калужский музей изобразительных искусств

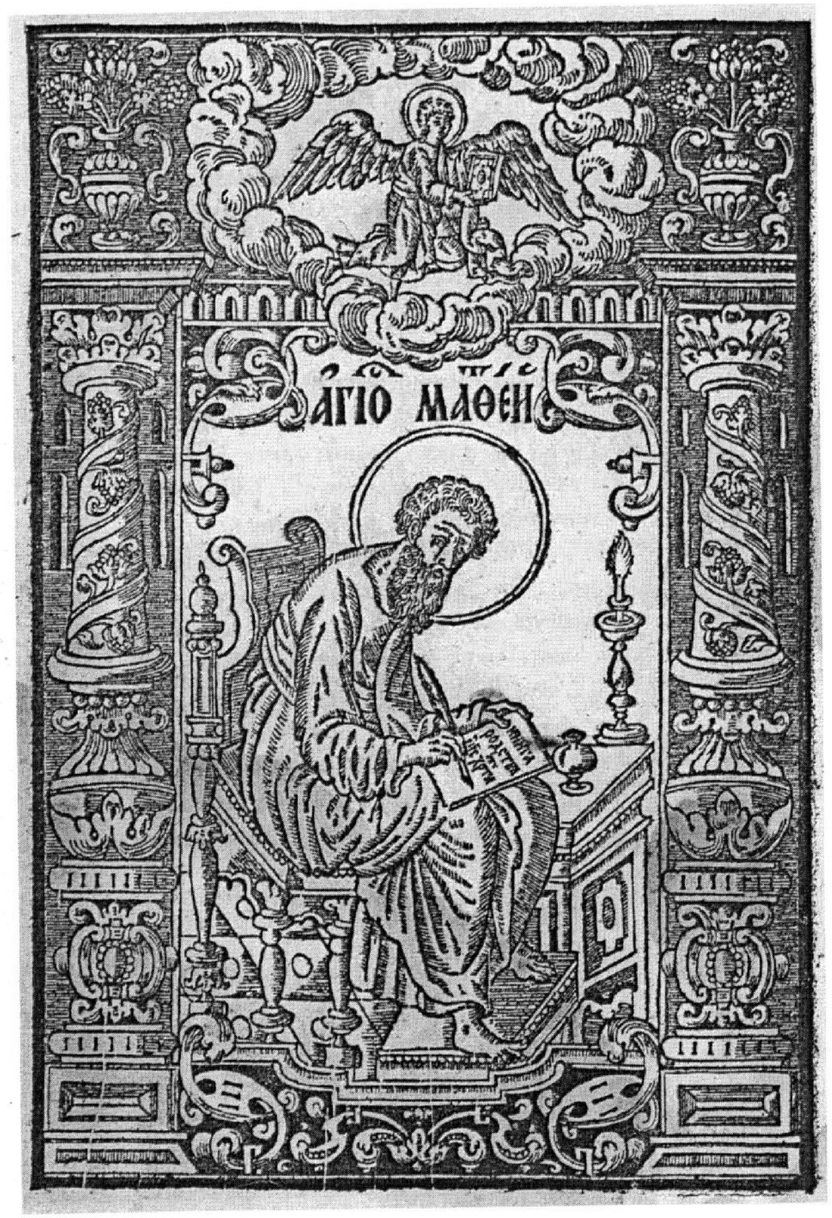
Лаврентьев Вознесенский-Рождественский монастырь близ Калуги, основанный в середине XVI в., был известен преимущественно своим архитектурным ансамблем, сформировавшимся в течение XVIII в.[1]. Но, судя по опубликованному обзору ризницы и библиотеки, в обители находилось и заслуживающее внимания исследователей собрание старопечатных книг, киевского и московского изданий, судьба которых в основном, к сожалению, остается неизвестной[2]. Исключение составляет лишь Лексикон Павла Берынды 1627 г. в конволюте с Номоканоном, с записью Григория Петровича Одоевцева, Петра Денисьича Лебедянцева и Елисаветы Петровны Шепялевой, хранящийся в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева в Москве[3].

Архимандрит Леонид Кавелин, тогда иеромонах, описавший старопечатные книги Калужского Лаврентьева монастыря в 1862 г., особо обратил внимание на издание, о котором пойдет речь. Он писал: «Евангелие на простой бумаге, в пол-лист, Московской



Ил. 1. Евангелие. Москва. 1688. Л. 1.

печати, 1688 года, дски оболчены полинялым бархатом. На верхней доске средник — Распятие Христово с предстоящими, и наугольники — евангелисты, изображены резьбою вглубь, на сребропозлащенных дщицах; застежки серебряные. Внизу по листам надпись: «Лета 7201 году Благоверная Государыня Царевна Великая Княжна Татиана Михайловна пожаловала сие Евангелие Колужскаго уезду во обитель преподобнаго Лаврентия чюдотворца, поминаючи душу сестры своея Благоверныя Государыни Царевны и Великия Княжны Анны Михайловны, во инокинях Анфисы»[4]. Следовательно, речь идет о вкладе книги в 1693 году, по смерти 27 октября того года третьей дочери царя Михаила Федоровича, перед кончиной принявшей схиму и погребенной в Московском Вознесенском монастыре в Кремле. Там же была похоронена и сама вкладчица, умершая на 71-м году от рождения 24 августа 1707 г.



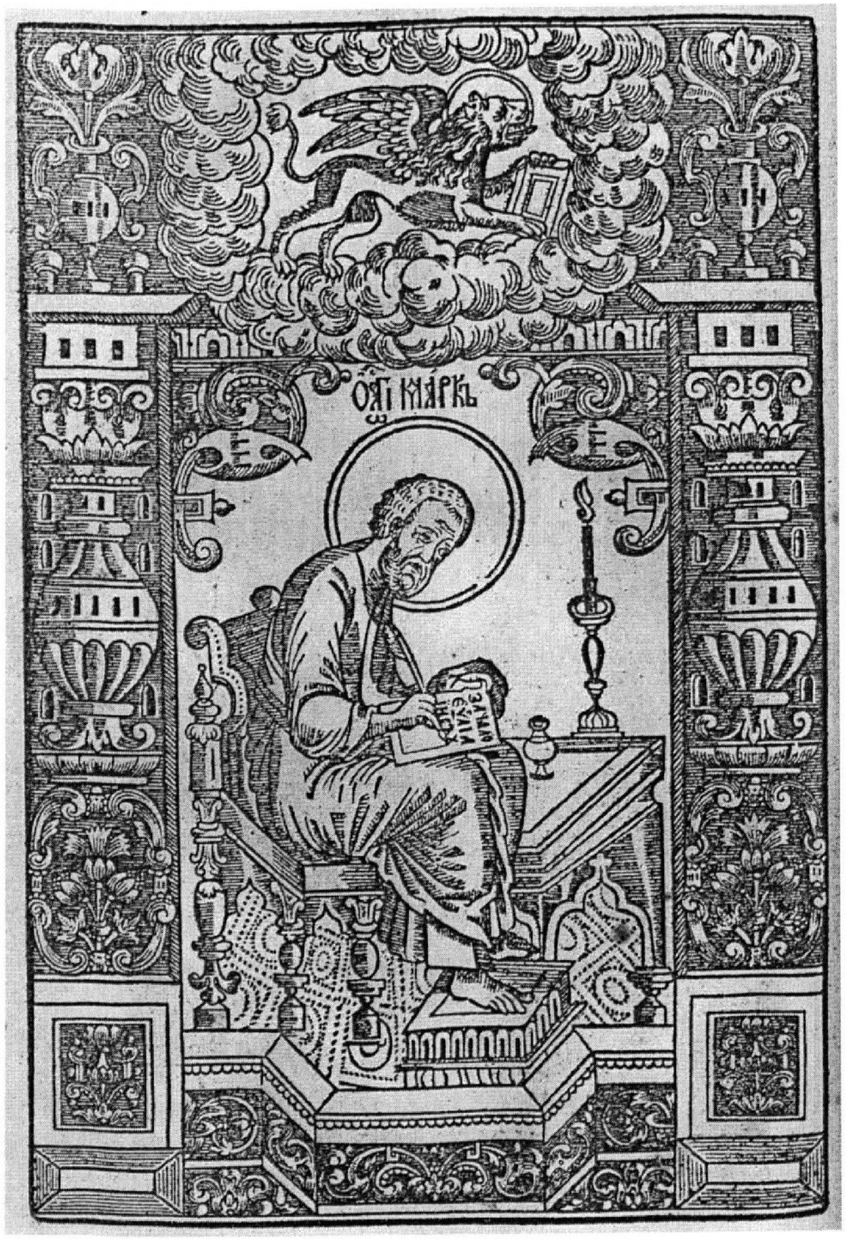
Ил. 2. Евангелие. Москва. 1688. Л. 13 об. Евангелист Матфей.

В середине 1980-х гг. частным владельцем эта книга предлагалась к покупке, но не могла быть приобретена ни одним из калужских музеев. К тому времени досчатый переплет Евангелия, покрытый сильно полинявшим бархатом, уже не имел ни серебряных дробниц с гравированными изображениями, ни застежек, и лишь от верхней из них осталась накладка с гравированным геометрическим орнаментом. Потускнел поволоченный обрез с тисненым узором. Некоторые листы от многолетнего употребления книги очень обветшали. Сделанные снимки позволяют представить общий характер художественного оформления и его определенные особенности.

Евангелие 1688 года относится к продукции московского Печатного Двора (1680—1700)[5]. Издание не принадлежит к числу раритетных, хотя количество сохранившихся экземпляров вряд ли велико, тем более имеющих вкладные записи подобные приведенной.

Ил. 3. Евангелие. Москва. 1688. Л. 14. Начало Евангелия от Матфея.

Тираж издания, вышедшего из печати 29 сентября 1688 г., составил 1 200 экземпляров, из них 240 книг на большой александрийской бумаге и 960 — на средней. Печаталось в Спасской палате. Кроме титульного листа (уже утраченного) книга содержит лл. 1—144, 144—494 (два листа с одинаковой нумерацией — 144) и 1 пустой; всего 496 листов. Набор 17, 25 строк, с л. 423 с колонтитулом. Соборник с л. 441 с кустодом. Шрифты: 10 строк = 126 и 84 мм. Гравюры с изображениями евангелистов на лл. 13 об., 130 об., 207 об., 303 об. и одна гравюра, с изображением Распятия — на л. 393 об. (доска 1677 года). Орнамент представлен 5-ью инициалами с 5-ти досок, 46-ью заставками с 15-ти досок, 29-ью концовками с 4 досок, 20-ью рамками на полях с 5-ти досок. Печать в две краски. Сигнатуры по центру нижнего поля, фолиация в правом верхнем углу — кириллическими цифрами. Опечатка в фолиации на л. 437 исправлена в процессе печатания.



Ил. 4. Евангелие. Москва. 1688. Л. 130 об. Евангелист Марк.

Евангелие 1688 г. издано при царях Иоанне и Петре Алексеевичах, по благословению патриарха Иоакима (1674—1690). Для его художественного оформления использованы гравюрные доски, выполненные для Евангелия 1677 года, явившегося ответственным издательским предприятием, отметившим начало царствования Феодора Алексеевича (1676—1682). Эта книга должна была заменить собою «дореформенные» издания, и поэтому имела исключительно большой тираж: 2 400 экземпляров на обычной бумаге и 50 экземпляров на александрийской бумаге, каждый из которых стоимостью соответственно 2 рубля 50 копеек и 6 рублей. Доски с изображениями евангелистов Марка и Луки резал в мае 1677 г. Алексей Нефедьев, три заставки — Григорий Аврамов. В апреле того же года «старцу Корнилью от литья доски на Евангелие» заплачено 1 рубль, а в сентябре — «за знамения государеву знаменщику Федору Евтихиеву от евангелиста Иоанна

Ил. 5. Евангелие. Москва. 1688. Л. 131. Начало Евангелия от Марка.

да от разпятия малой доски — книга Евангелие напрестольное в переплете» 3 рубля. «Знаменены и резаны три евангелиста на грушевых досках» — 23 рубля[6]. Прежде считали, что гравюры с изображениями Марка и Луки резал иеромонах Иосаф. По замечанию А. А. Сидорова, «Евангелие 1677 года должно было быть итогом и началом. На него было потрачено много труда», причем гравюра с Матфеем сохранена из Евангелия Зосимы, из Библии 1663 года»[7]. Как пишет тот же исследователь, «над оформлением книги работало, по меньшей мере, четыре художника; не один знаменщик и один резец, а вдвое большее количество мастеров; это тем более неожиданно, что выполнить надо было всего три большие гравюры и не более четырех крупных заставок»[8]. Из документов известно, что старец Паисий, штатный знаменщик Печатного двора, прорисовывал к образам евангелистов их рамки, а также «заставицу Вседержителева образа».

Ил. 6. Евангелие. Москва. 1688. Л. 207 об. Евангелист Лука.

Подвергая анализу крупные и наиболее ответственные гравюры, исследовавший их А. А. Сидоров заметил, что изображения Марка и Луки не настолько близки, чтобы их считать произведением одного гравера, как это следует по документам (Иоасаф, знаменский казначей), и одного рисовальщика. Лука более благообразных и даже изящных качеств, нарисованный правильно, в том стиле, который связывается с именами Симона Ушакова и Иосифа Владимирова, но в изображении Марка, сидящего на странном стуле, привлекает внимание узор пола, напоминающего ковер. Наиболее своеобразным обрамлением оказывается окружающее Иоанна, с богатством и разнообразием листвы и архитектонических мотивов в соединении с тонкой шраффировкой, тогда как в иных случаях, с вазами и окнами заднего плана, в перевитых столбах, увенчанных вазами, еще заметны отголоски классического приема убранства красивыми формами. Здесь гравюра соприка-

Ил. 7. Евангелие. Москва. 1688. Л. 208. Начало Евангелия от Луки.

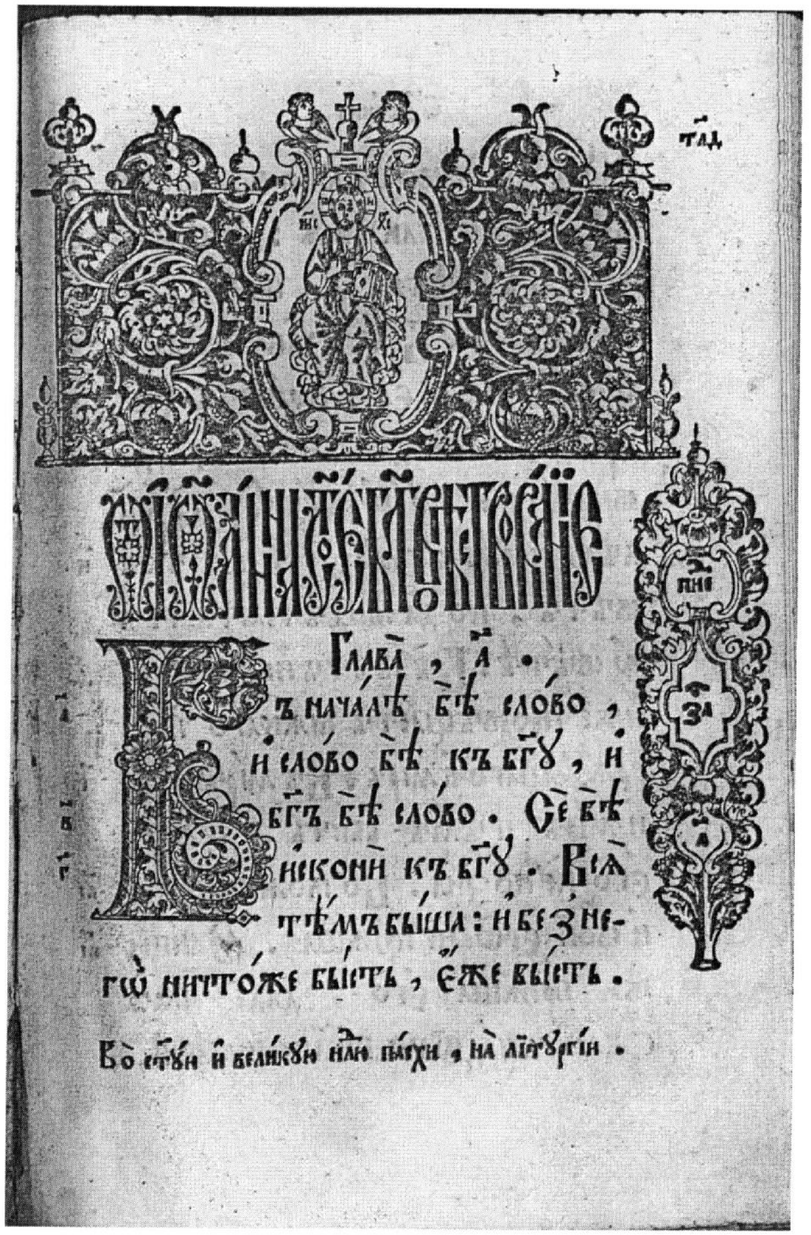
сается с живописью[9]. Гравюры, о которых идет речь, позволяют определить манеру двух граверов: Алексея Нефедьева, гравировавшего Иоанна, и Иосифа, резавшего изображения Марка и Луки. Их обрамления принадлежат Паисию. Помещенное в заглавной заставке Евангелия от Марка «Распятие» Федора Евтихиева Зубова, существенно адаптировано гравером.

Вышедшие позже из печати московские Евангелия обычно повторяют издание 1677 г. Однако некоторые оригинальные изношенные доски все же приходилось заменять их копиями. Это заметил А. А. Сидоров уже в издании 1681 г. В Евангелии 1685 г. были повторены доски 1677 г. без низа, а в 1698 г. — без изменений. Но в издании 1688 г. введено новое изображение Луки, определенное как последний вариант русской высокой печати этого периода. В то же время этот новый вариант представляет сознательное повторе

Ил. 8. Евангелие. Москва. 1688. Л. 333 об. Евангелист Иоанн Богослов.

ние произведения Григория Аврамова-Иоасафа в более манерной его интерпретации, со стилизованным тельцом и несколько увеличенным объемом текста в книге, которая в руках евангелиста. В описи Печатного двора отмечена «цка литая Луки ж евангелиста оловянная» — свидетельство гравирования на олове, не известного на Западе[10]. Гравировал уже упомянутый Алексей Нефедьев, а рисунок был выполнен скорее всего Иваном Епифановым.

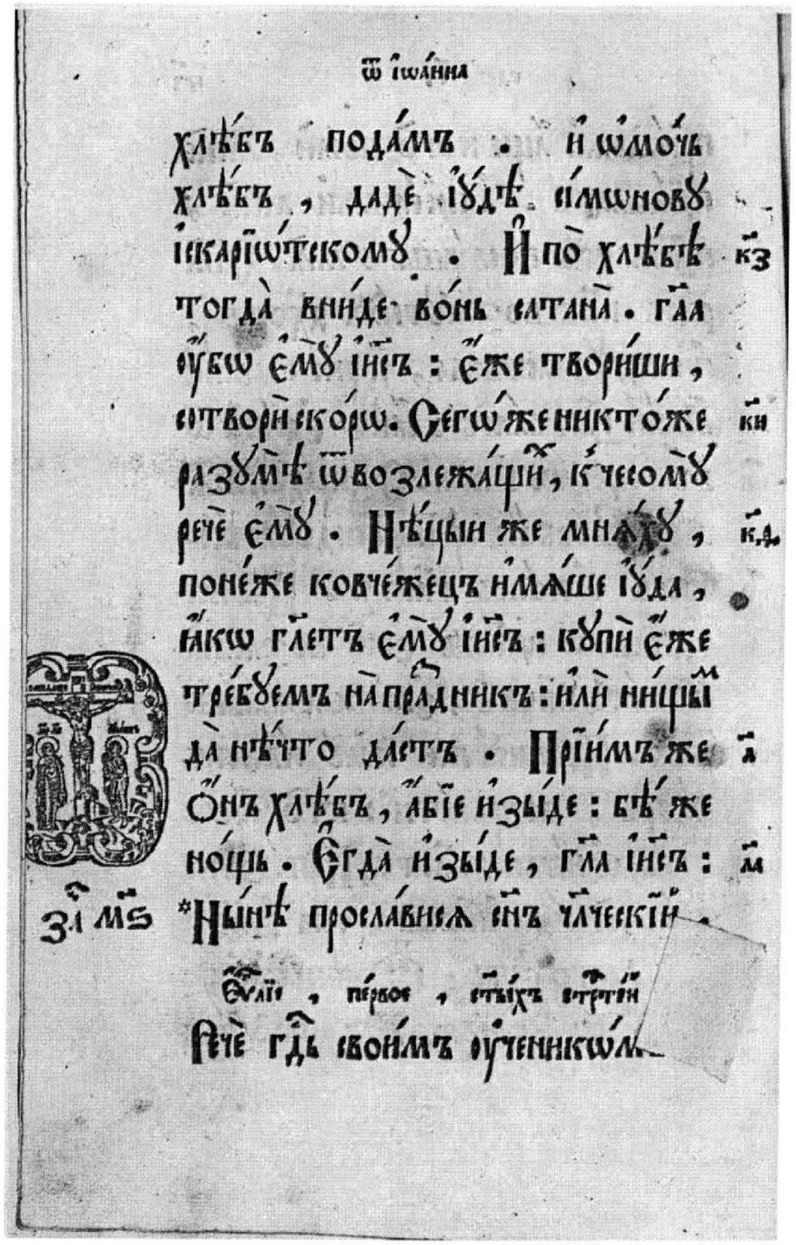
Из приведенных замечаний можно уяснить, что художественное оформление напрестольного Евангелия 1688 г. составлено как из сюжетных и орнаментальных композиций уже имевшихся на существовавших досках, как предназначенных для более ранних изданий, так и выполненных непосредственно для его украшения. Отмеченное обстоятельство объясняет некоторую разнохарактерность серии, впрочем не сразу обращающую



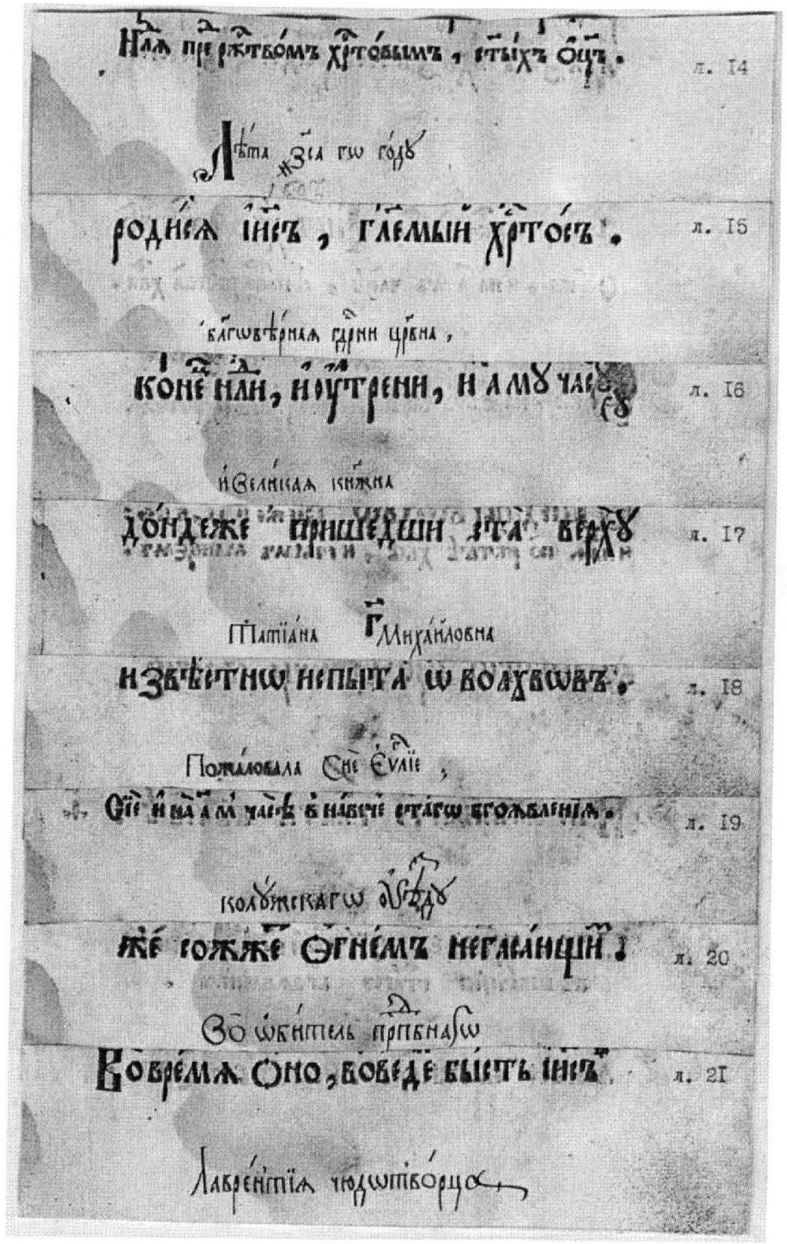
Ил. 9. Евангелие. Москва. 1688. Л. 334. Начало Евангелия от Иоанна.

на себя внимание, поскольку орнаментика выдержана в одном художественном стиле. Но в обрамлениях фронтисписов с изображениями евангелистов нетрудно обнаружить отголоски далеких образцов, восходящих к гравюрам изданного Петром Мстиславцем виленского Евангелия 1575 г., выполненным явно немецкими мастерами[11]. Интерпретация отмеченных оригиналов в течение XVII в. украинскими и русскими граверами, с неизбежными видоизменениями и упрощениями, может служить темой отдельного исследования.

Относительно общей системы художественного оформления Евангелия надо заметить, что она сложилась значительно раньше, еще в украшении миниатюрами византийских рукописей, где во второй половине XI в. оказываются циклы изображений евангелистов, а в начале следующего XII в. и заставки с включенными в них сюжетными композициями,



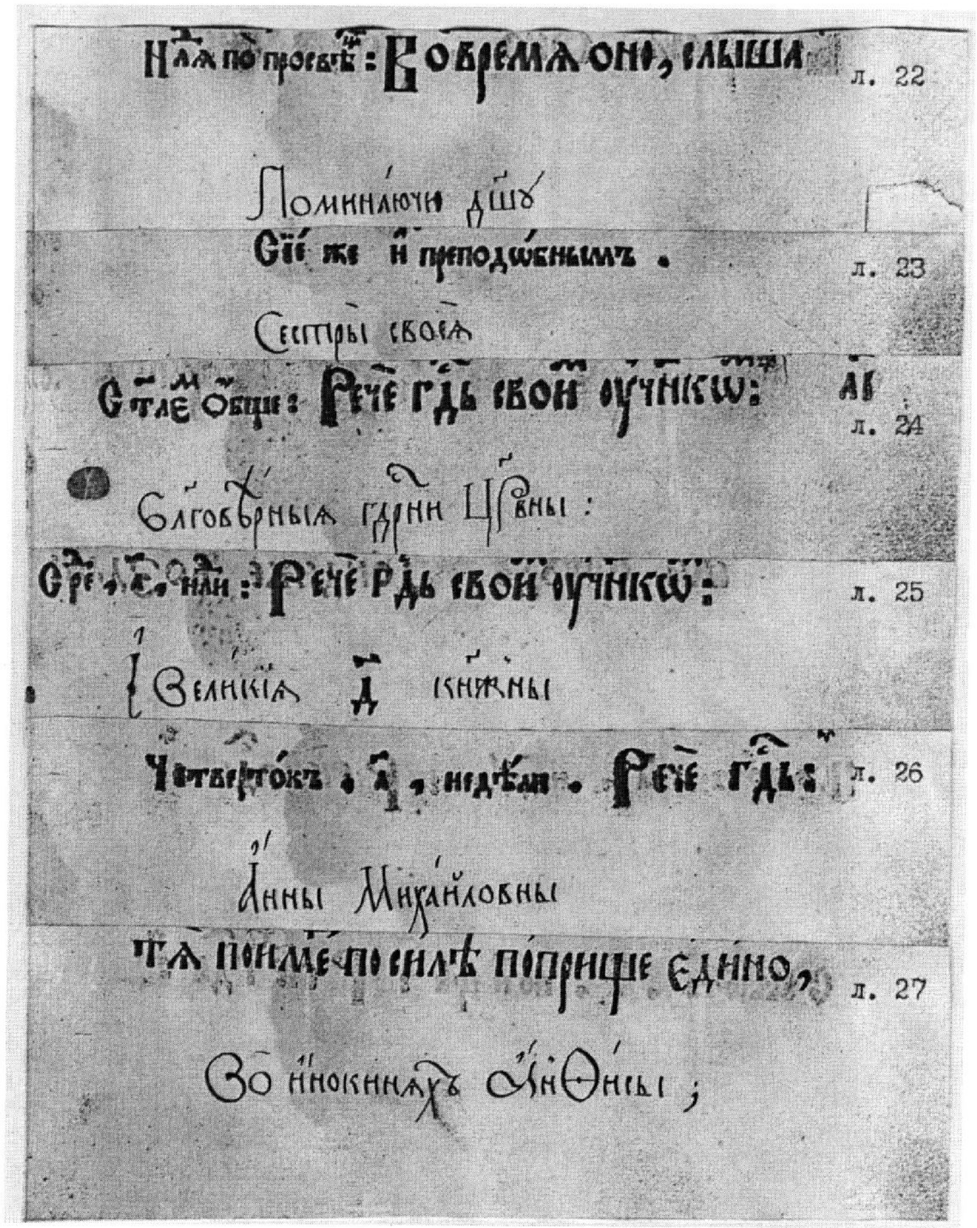
Ил. 10. Евангелие. Москва. 1688. Л. 393 об. Евангелие первое святых страстей. Распятие.



Ил. 11. Евангелие. Москва. 1688. Вкладная надпись Лл. 14—21.

предпочтительно христологического характера[12]. Появляются также миниатюры с фигурами евангелистов, дополненными изображениями евангельских событий, обычно Рождества Христова, Крещения, Благовещения и Воскресения Христова[13]. Эхо этой традиции отзывается в гравюрах заглавных заставок Евангелия 1688 г., с тем отличием, что вместо Крещения представлено Распятие, а вместо Воскресения Христова — Спас на престоле. Не исключено, что причина такой замены состоит не столько в сознательном отходе от старой традиции, сколько в использовании досок предназначенных для украшения иных по содержанию книг и здесь использованных в качестве оказавшегося в наличии материала.

Выявление и каталогизация русских старопечатных книг, к сожалению, редко была совмещена с изучением их художественного оформления в широком смысле этого понятия, учитывающем как набор досок, так и сюжетную структуру иллюстраций, а также типологию орнаментики. Здесь речь может идти о реквизите конкретной типографии, осуществлявшей неоднократный выпуск книг одинакового содержания, имевших богослужебное назначение. Это прежде всего относится к Евангелию. Просматривая гравюры фронтисписов с изображениями евангелистов, представленных в традиционном иконографическом типе, с явным налетом западных влияний, можно судить о состоянии досок, с которых осуществлено печатание. Так имеющая изображение Матфея при использовании в Евангелии 1688 г. получила в нижней части небольшие, но заметные трещины. Пришедшая в негодность доска с изображением Луки, как уже было замечено, новая, с существенными отличиями, органически не вписывающаяся в серию. Своеобразные художественные формы характеризуют и гравюру с изображением Иоанна Богослова,



Ил. 12. Евангелие. Москва. 1688. Вкладная надпись Лл. 22—27.

диктующего Прохору, а также ее обрамление с несколько измельченной орнаментикой. В ее выполнении сказался прежде всего рисунок фигур удлиненных пропорций, с короткими руками и маленькими ступнями ног. Растительный узор обрамления, с акантовыми листьями образующими подобие ваз, выполнен тщательно, но без ощущения монументальности, присутствующей в первых двух гравюрах.

Современный исследователь русского книжного искусства XVII в. должен давать себе отчет в том, что его оценки могут заметно отличаться от эстетических вкусов представителей тогдашней аристократии. Рассматриваемое Евангелие 1688 г. — тому пример. Казалось бы, для вклада царевны для помяновения незадолго до того скончавшейся своей сестры-схимонахини должен был быть выбран экземпляр на александрийской бумаге, но вкладчица удовлетворилась книгой на простой. Объективное определение позволяет при-

знать, что издание производит в целом хорошее впечатление, напечатано крупным четким шрифтом, гравюры исправно выполняют свою функциональную роль служить разделителем текста. Образы евангелистов с их византийской иконографической основой и ренессансной трактовкой здесь успели приобрести и барочные черты, которые более выражены в больших заставках заглавных листов. Включенные в них композиции, повторяя иконописные образцы, иногда по существу превращаются в разновидность кружева, сплетенного из графических штрихов. Причиной тому скорее всего послужила многофигурность сцены, не допускавшая упрощений. Что касается уже обращавшей на себя внимание гравюры с изображением Луки, то, думается, в ней явилось определяющим следование фронтиспису Апостола московской печати 1671 г, усложненное за счет введения орнаментации, как того требовал общий характер серии[14].

Происхождение и использование орнаментальных украшений Евангелия 1688 г. могут быть установлены по существующему своду[15]. Последний учитывает все разновидности книжного убранства, применяемые в московских изданиях XVII в.

Отмечая в оформлении рассматриваемой книги признаки его эволюции, характеризующей развитие русского книжного дела второй половины XVII в., нельзя не заметить, что иконография гравюр в целом укоренена в иконопись этой эпохи, причем в наиболее традиционное ее направление. Это можно наглядно проследить на примере изображений евангелистов с их символами, представленных на царских вратах[16]. Конечно, здесь общая иконографическая схема упрощена, но ее основные и наиболее существенные элементы сохранены.

Не всегда точно цитируемая вкладная надпись калужского экземпляра Евангелия 1688 г. расположена на лл. 14—27, внизу. На л. I находится гербовая печать Калужского архиерейского дома.

Плохая сохранность части листов книги позволяет судить о том, когда именно она была наиболее активно использована в течение церковного года. О том же свидетельствуют многочисленные восковые пятна, впрочем в основном приходящиеся на указатель евангельских чтений.

Примечания

1. См.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. — Т. I. — СПб., 1890. — С. 178—174. — № 274; *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. — М., 1908. — С. 262—263. — № 287; *Малинин Д.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга, 1912. — С. 163—167.

2. См.: *Иером. Леонид.* Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви. — Калуга, 1906. — С. 52—57. Первоначально печаталось в Прибавлениях к Калужским епархиальным ведомостям за 1862 год (№ 1—4, 6—8) и тогда же выпущено отдельным изданием. Неоднократно переиздавалось. Здесь цитируется по изданию 1906 г.

3. За указание на это благодарю Л. И. Алехину.

4. *Иером. Леонид.* Историческое описание Лаврентьева монастыря… — С. 53.

5. См.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. — М., 1958. — С. 118. — № 414.

6. Там же. — С. 103. — № 347; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли. 1652—1700 годы: Каталог. — Ярославль; Ростов, 2009. — С. 330—331.

7 *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. — М., 1951. — С. 232.

8. Там же. Автор на основании сохранившихся документов также замечает, что рамка там названа «полаткою», что указывает на ее архитектоническое происхождение.

9. *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. — С. 234. — Ил. 95—98.

10. Там же. — С. 242.

11. Там же. — С. 118—122. Ил. 33—36; *Пуцко В. Г.* Сюжетная гравюра в виленских изданиях Петра Тимофеева Мстиславца // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: Зборнік навуковых артыкулаў. — Ч. 2. — Мінск, 2006. — С. 5—10.

12. См..: Marava-Chatzinicolaou A., Toufexi-Paschou Chr. Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. — Vol. I. — Athens, 1978.

13. См..: *Nelson R. S.* The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. — New York, *1980.* — Fig. *8, 10—13,* 15, 26—33.

14. См..: *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. — С. 228—230. — Ил. 91.

15. См..: *Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. — М., 1952.

16. См..: Западалова П. В. Символы евангелистов в иконографии царских врат второй половины XVI—XVII вв. // XVI Научные чтения памяти И. П. Болотцевой (1944—1995). Сб. статей. — Ярославль, 2012. — С. 68—80.

КОЛЛЕКЦИЯ АВАНГАРДА ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

***И. В. Гужова**, с. н. с., Калужский музей изобразительных искусств*

В этом году исполняется 90 лет со времени поступления в Калужский музей изобразительных искусств в мае 1925 года произведений классиков русского авангарда — А. В. Лентулова, А. А. Маневича, А. А. Моргунова, М. С. Сарьяна, Г. Б. Якулова, И. С. Школьника, А. М. Родченко, А. В. Шевченко и еще ряда других художников, всего семь произведений живописи и тринадцать графики, которое положило начало формированию коллекции русского авангарда в музее[1]. Они были переданы по акту № 349 от 9 мая 1925 г. из центрального хранилища Государственного музейного фонда в художественный отдел Калужского государственного областного музея. Ценность этой коллекции определяется не только тем, что эти работы принадлежали известным художникам, но и тем, что они уже успели войти в историю русский и советской культуры. Три картины из этой коллекции — А. А. Моргунова «Композиция № 5», Н. Н. Григорьева «Двор», А. А. Маневича «Околиц» происходят из собрания Музея Живописной культуры (1919—1929)[2], который был создан в Москве в 1919 г. как собрание произведений русских художников начала XX в., представителей так называемого «левого направления в искусстве». В организации этого музея принял участие видные художники этого направления в искусстве В. В. Кандинский, К. С. Малевич и ряд других. Остальные семнадцать работ были переданы из Музейного бюро отдела изобразительных искусств (ИЗО) Наркомпроса РСФСР.

Картины А. В. Лентулова «Две женщины» (1919), М. С. Сарьяна «Натюрморт. Фрукты» (1915), И. С. Школьника «Улица», Г. Б. Якулова «Кафе», линогравюры В. И. Козлинского, ксилографии А. М. Родченко и А. В. Шевченко, работы Ф. Ф. Федоровского, И. М. Чайкова, С. В. Чехонина экспонировались на Первой Всероссийской художественной выставке русского искусства, проходившей в Берлине с 15 октября по декабрь 1922 г. и с 28 апреля по 28 мая 1923 г. в Амстердаме[3]. Эта выставка была первым опытом культурных связей молодой советской республики с Западом. На ней экспонировались произведения советских художников разных художественных направлений.

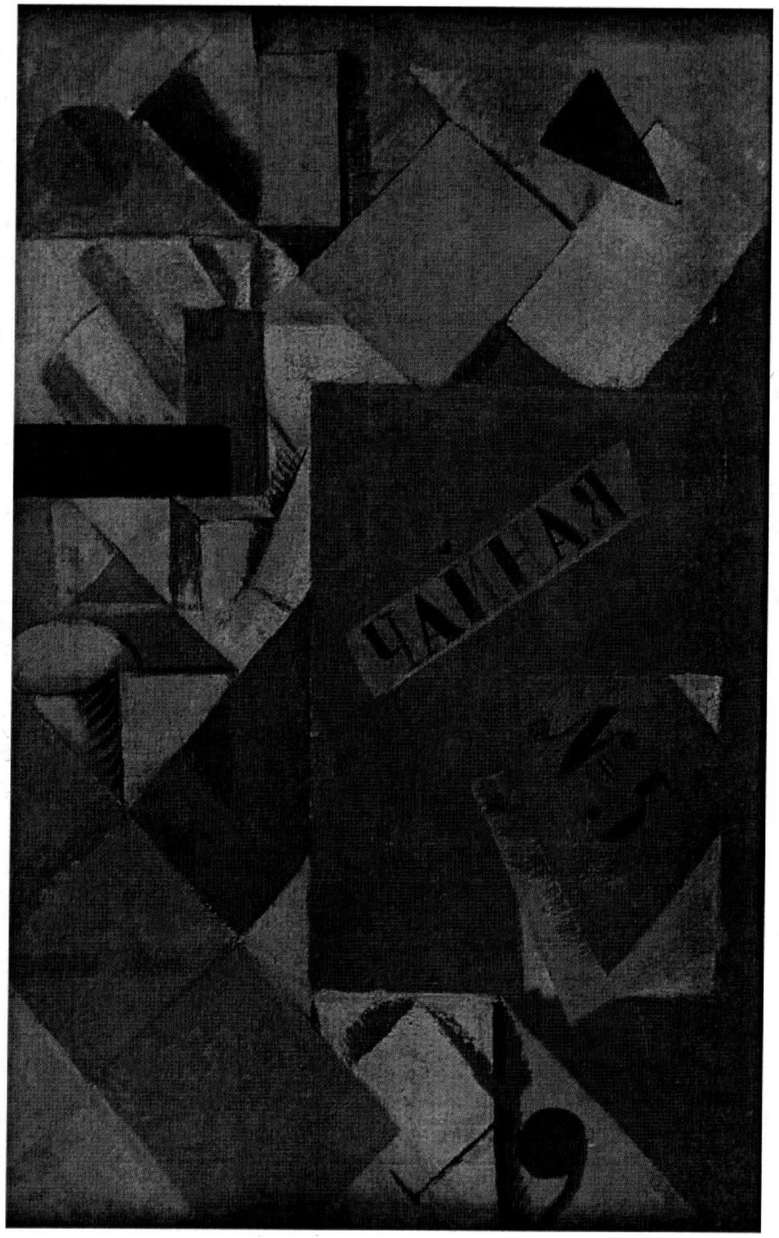
Целью данной работы не является раскрытие художественных особенностей произведений из данной коллекции, этому посвящены работы сотрудников музея Е. Н. Барламовой[4] и В. М. Обухова[5]. Задача, которую ставит перед собой автор, проследить историю бытования коллекции в музее, в которой отразилось отношение общества искусству авангарда.

Коллекция авангарда поступила в художественный отдел во время подготовки очередной выставки работ калужских художников, поэтому новые произведения были включены в состав уже готовившейся выставки, которая, благодаря этому, прошла как «3-я художественная выставка калужских и московских художников». Она состоялась в помещении художественного отдела, который тогда располагался в доме Н. И. Васильева, с 17 по 31 мая 1925 г.[6] Судя по каталогу выставки, не все произведения из поступивших в музей экспонировались на ней. В экспозицию не вошли, видимо, из-за отсутствия витрин некоторые произведения графики[7].

Ил. 1. А. В. Лентулов. Две женщины. 1919. Холст, масло.

В местной газете «Коммуна» от 15 мая 1925 г. № 108 была опубликована статья «К предстоящей художественной выставке» за подписью некоего анонима «Д. М.»[8], в которой объявлялось об открытии в воскресенье, 17 мая, художественной выставки в музее. В статье сообщалось о пополнении музея произведениями из Госфонда, упомянуты имена нескольких художников, чьи картины можно было увидеть на выставке. К открытию выставки была подготовлена афиша и издано 200 экземпляров каталога, из которых 157 было продано[9]. Выставка вызвала большой интерес у публики, ее посетило: взрослых — 672, детей — 288[10]; по выставке проводились экскурсии, в основном, для учащейся молодежи школ и отдельных организаций.

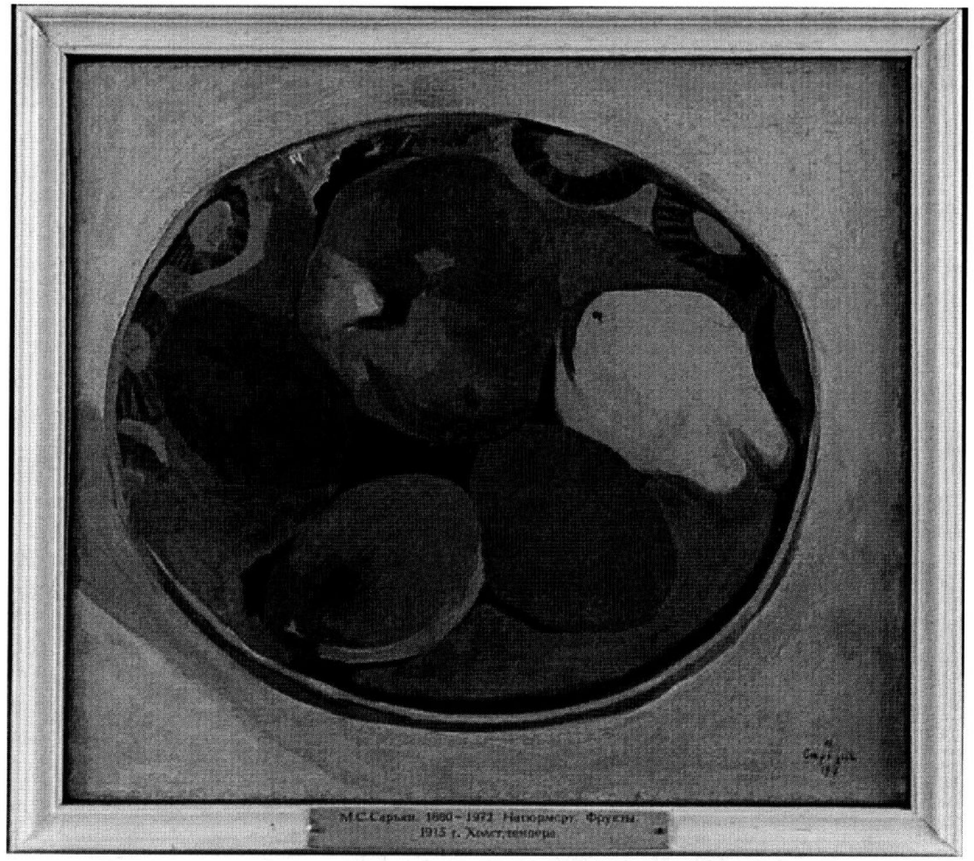
Конечно, поступившие в фонд художественного отдела и экспонировавшиеся на выставке произведения авангарда не оставили равнодушными калужских художников. Все они были приверженцами реалистического направления в искусстве, и в 1926 г. они во-



Ил. 2. А. А. Моргунов. Композиция № 5. 1916/1917. Холст, масло.

шли в отделение АХРРа, созданное в Калуге[11]. Для них работы художников-авангардистов были лишь «формальными исканиями в области формы и цвета», отношение к ним было критическое.

Этих же взглядов на их творчество придерживался и заведующий художественным отделом В. Н. Левандовский (1884—1935), художник, выпускник Санкт-Петербургской академии искусств, ученик П. П. Чистякова. Несмотря на критическое отношение к искусству авангарда, он, тем не менее, ввел произведения авангарда в экспозицию русской живописи и графики начала XX в. Эти работы должны были иллюстрировать формалистические искания некоторых русских художников, которые объяснялись влиянием Западной культуры, творчеством Сезанна, Ван-Гога, Матисса[12]. В план культурно-просветительской работы на 1926 г. В. Н. Левандовским был включен новый пункт:

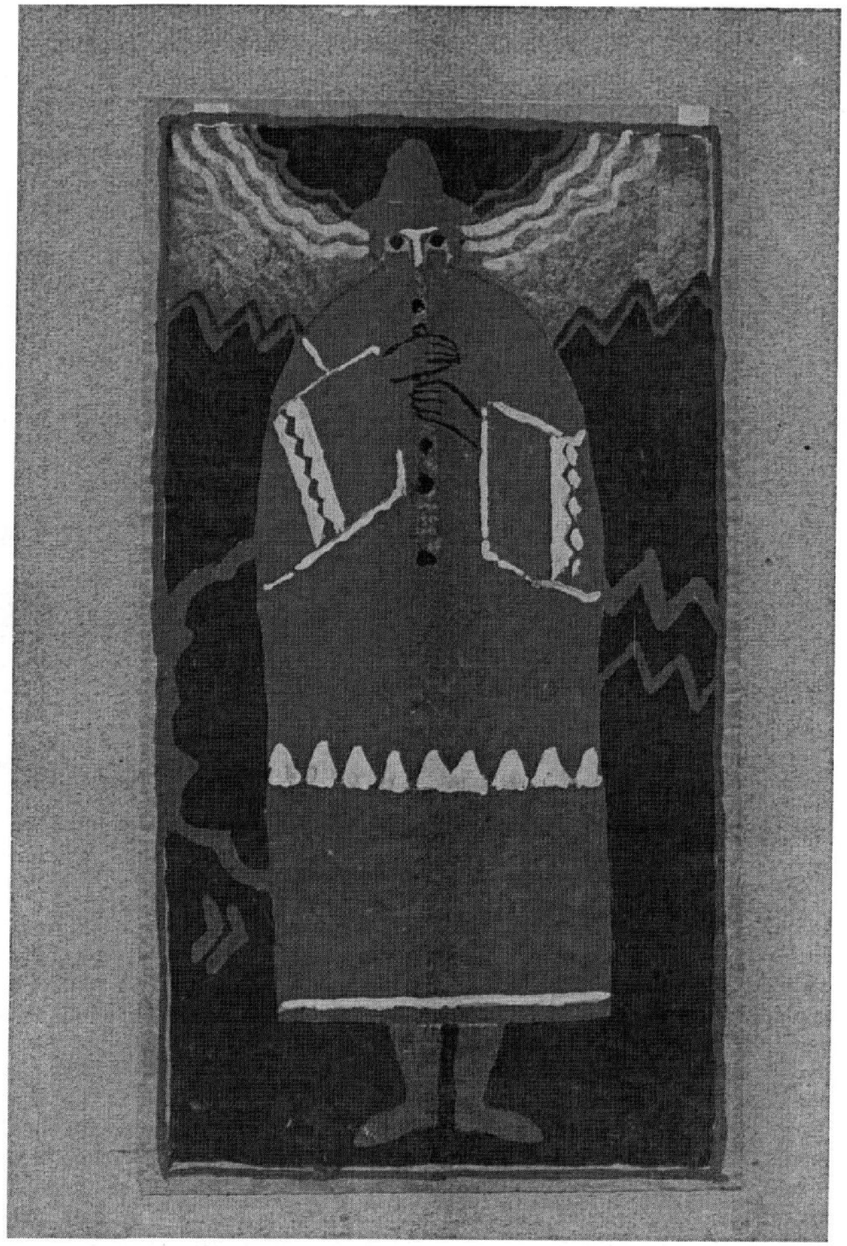


Ил. 3. М. С. Сарьян. Натюрморт. Фрукты. 1915. Холст, масло.

«Предполагается проработать для экскурсии темы на основании новых поступлений экспонатов: 1). “Форма и цвет в современной живописи” и 2). “Современная графика”»[13]. И уже в 1926 г., как следует из отчетов В. Н. Левандовского за этот год, «велись беседы с экскурсантами на тему: “Форма и цвет в современной живописи”. В 1927 году для школьников и красноармейцев проводились экскурсии на тему: “Новые течения в живописи русских художников”»[14].

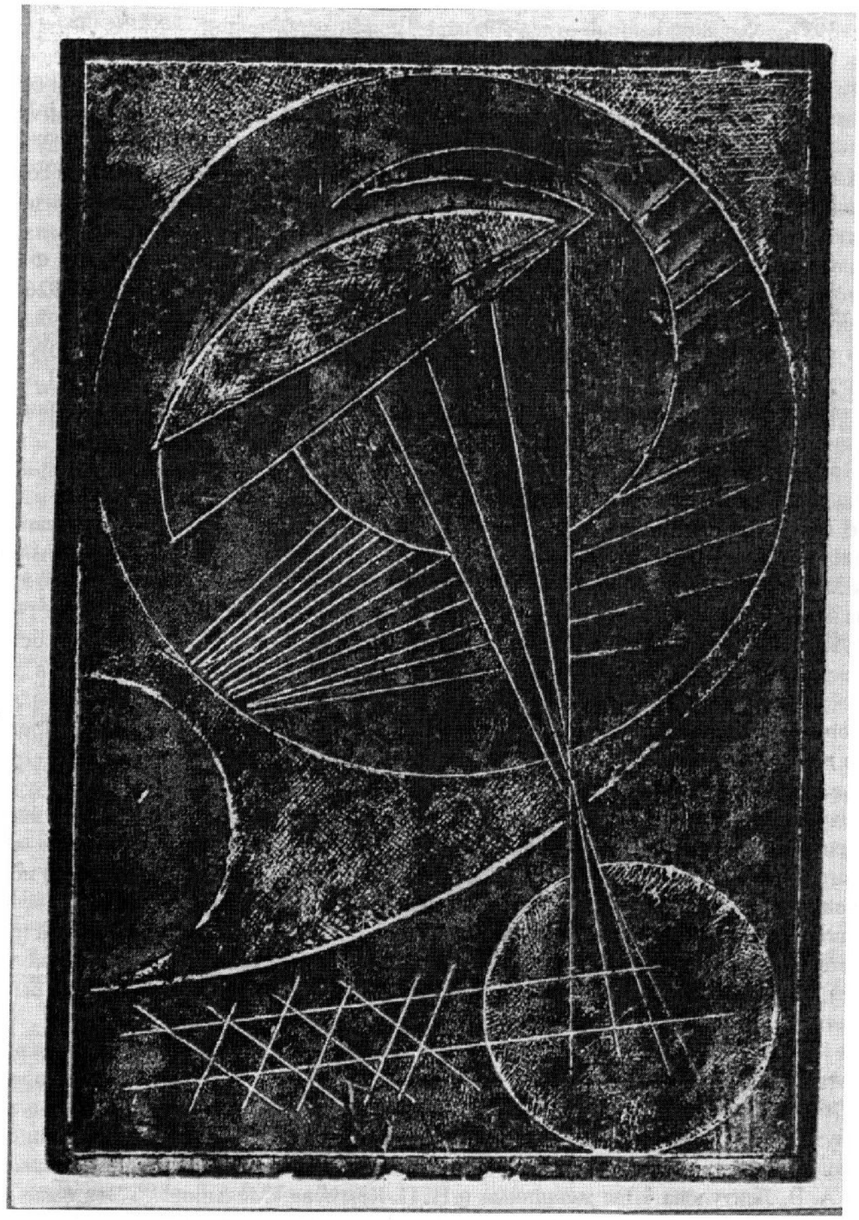
В последующие годы, с 1926 по 1935, пока был жив В. Н. Левандовский, произведения живописи и графики из коллекции авангарда входили в стационарную экспозицию. Списки произведений, введенных в экспозицию, не сохранились, но существовавшая в конце 1920-х годов экспозиция получила отражение в изданном в 1929 г. каталоге художественного отдела. Произведения авангарда были включены в раздел русской живописи и графики начала XX в. (импрессионизм и формальные течения)[15]. В статье «Экскурсия по художественному отделу Калужского музея» историка архитектуры С. Б. Безсонова[16], принявшего участие в подготовке путеводителя, он высказывает не только свою точку зрения на творчество художников-авангардистов, но и В. Н. Левандовского и других художников реалистического направления, которое в это время становилось главенствующим в советском искусстве: «Новаторские увлечения опытами формы привели отдельных наших мастеров к полной беспредметности в живописи, или, как принято говорить, к супрематизму, где цвет является самоцелью и для его выявления берутся геометрические фигуры в разрезе или в плоскости. Таковы у нас композиции Родченко, Шевченко и Моргунова. Если у Родченко и Шевченко еще можно найти некоторую реальность на основе кубизма, то у последнего отрицается всякая связь с реальностью»[17].

В 1931 г. В. Н. Левандовский разработал новые темы экскурсий по художественному отделу с использованием находившихся в экспозиции произведений для разных катего-



Ил. 4. Ф. Ф. Федоровский. Эскиз театрального костюма. 1910. Бумага, акварель.

рий посетителей. Названия тематических экскурсий раскрывают взгляд В. Н. Левандовского на искусство русского авангарда. Так для учащихся школ II ступени предлагалась следующая тематическая экскурсия — «Главнейшие направления и течения в живописи и их причины (академизм, романтизм, передвижничество, формальные искания)»; для служащих она преподносилась в более развернутом виде — «Различные направления и течения в живописи (академизм, романтизм, передвижничество, импрессионизм, кубизм, футуризм, экспрессионизм, примитивизм)»[18]. Как следует из отчета В. Н. Левандовского о культурно-просветительской работе за 1931 г., им проводились экскурсии на разные темы, в том числе «Формальные искания русских художников разных группировок до 1917 года»[19].



Ил. 4. А. М. Родченко. Конструкция. 1919. Бумага, ксилография.

После смерти В. Н. Левандовского в 1935 г. заведующим художественным отделом стал художник-любитель Л. Е. Межиков (1890—1965). Систематического художественного образования он не имел и не мог проводить экскурсии по современным художественным направлениям в искусстве. Видимо, именно при нем произведения авангарда были изъяты из экспозиции. К тому же в 1932 г. с созданием союза художников СССР наступил новый период в истории советского искусства и искусствознания. В начале 30-х гг. в музеях страны началось планомерное собирание произведений советских художников и создание отделов советского искусства. Имевшиеся в собрании с 1925 г. произведения Н. М. Григорьева, А. В. Лентулова, А. А. Маневича, А. М. Родченко, А. В. Шевченко и других художников, созданные после 1917 г., в отдел советского искусства не вошли, так как не отражали современную тематику и рассматривались как формалистские искания.

В 1937 г. художественный отдел возглавил новый заведующий — М. М. Днепровский, также художник-любитель, который по своим взглядам он был приверженец реалистического направления в искусстве. В августе 1939 г. художественный отдел вновь был преобразован в Калужский городской художественный музей, а М. М. Днепровский стал директором[20]. М. М. Днепровский в своей деятельности делал акцент на пропаганду классического русского искусства. Именно при нем в 1939 г. начал создаваться отдел советского искусства из произведений советских художников[21]. Из всей коллекции произведений русского авангарда в экспозицию зала русского искусства конца XIX — начала XX в. вошли только натюрморт М. С. Сарьяна и эскиз театрального костюма Ф. Ф. Федоровского[22]. Наличие их в экспозиции объясняется тем, что М. С. Сарьян уже в 1926 г. был удостоен звания народного художника Армянской ССР, а Ф. Ф. Федоровский был главным художником Большого театра СССР. Эти произведения иллюстрировали их раннее творчество. В последующем, судя по тексту типовой экскурсии (путеводителя) по художественному отделу, разработанному М. М. Днепровским в 1940 г., произведения авангарда в музейную экспозицию не входили[23].

Во время Великой Отечественной войны собрание музея сильно пострадало, но коллекция произведений русского авангарда полностью сохранилась.

В составленный в 1945 г. список наиболее выдающихся произведений русской и западноевропейской живописи из собрания музея из всей коллекции авангарда был включен только натюрморт М. С. Сарьяна[24]. Он также вошел в состав раздела русского искусства конца XIX — начала XX в. новой экспозиции при открытии музея в августе 1945 г.[25], но уже к ноябрю 1946 г. его в списках экспозиции уже нет[26]. В справке о состоянии и деятельности музея за 1947 г. и прилагавшемся к нему списке произведений в разделе русского искусства произведения художников авангарда указаны как «картины художников-формалистов (раннего Лентулова, Школьника, Григорьева, Якулова, Моргунова и др.)»[27]. Такое отношение к творчеству этих художников сохранялось и в последующие годы.

Начиная с 1953 г. список произведений постоянной экспозиции, а также введение в нее новых работ согласовывалось с цензором Калужского Облдита[28], позднее — с представителями райкома или обкома КПСС. Судя по каталогу экспозиции русского искусства конца XIX — начала XX в. и советского искусства, изданному в 1959 г.[29], из всей коллекции авангарда в стационарную экспозицию в 1950-е — 1970-е гг. не входила ни одна работа. Произведения авангарда в те годы были закрытой страницей в истории не только музея, но и советского искусствознания. Эти произведения хранили, но их как бы не замечали, не показывали на выставках, не вводили в музейную экспозицию.

В 1970-е гг. в обществе постепенно возрождается интерес к произведениям авангарда. И хотя в стационарную экспозицию произведения авангарда по-прежнему не входили, но в 1976 году научный сотрудник музея искусствовед Е. Н. Барламова включила в альбом «Калужский областной художественный музей из» серии «Художественные музеи СССР» несколько произведений русского авангарда из собрания музея: М. Н. Григорьева «У пруда», А. В. Лентулова «Две женщины» и Н. П. Крымова «Мельница»[30]. Это была первая публикация произведений авангарда из собрания музея с объективной оценкой творчества художников.

Следующим шагом в «реабилитации» искусства авангарда было включение этих произведений в выставки, проходившие в музее. Впервые после выставки 1925 г., произведения авангарда из собрания музея экспонировались на выставке живописи из фондов музея «Живопись XIX — начала XX веков»[31], состоявшейся в 1978 г. в музее, а затем филиале музея в Тарусской картинной галерее.

В начале 1980-х гг. отдельные произведения из коллекции авангарда стали вводиться в постоянную экспозицию. В 1982 г. была включена картина А. В. Лентулова «Две женщины»[32]. В 1980-е гг, в связи с возрождением интереса к искусству авангарда, произведения из музейной коллекции принимают участие в различных выставках, как в СССР, так и за рубежом.

26 июня 1997 г. после окончания ремонта и реставрации музей открыл для посетителей обновленную экспозицию, в которую были введены живописные произведения

авангарда: картины А. В. Лентулова «Две женщины», Н. М. Григорьева «У пруда», М. С. Сарьяна «Натюрморт. Фрукты», Н. П. Крымова «Мельница», П. П. Кончаловского «Пейзаж побережья Франции», А. А. Моргунова «Композиция», А. А. Маневича «Околица», И. С. Школьника «Улица», Г. Б. Якулова «Кафе». Произведения графики в постоянную экспозицию не вошли. С 1990-х годов произведения из коллекции авангарда стали в некотором роде "визитной карточной" музея, вошли в число наиболее значимых работ из его собрания, которые представляют музей на наиболее престижных выставках.

Примечания

[1] См.: Научный архив Калужского музея изобразительных искусств (КМИИ). Оп. 1. Д. 2. Л. 94. Акт № 349 от 9 мая 1925 г.

[2] См. там же.

[3] См.: Die Erste russische Kunstausstellung. Berlin, 1922. Galerie van Diemen, Gemalde neuer Meister: № 117 "Zwei Frauen"; № 181 "Stilleben", № 188 "Straβe", № 65 "Komposition", № 352—360.

[4] См.: *Барламова Е.* Калужский областной художественный музей: Альбом. — М., 1976. — (Художественные музеи СССР). — С. 12, 13.

[5] См.: *Обухов В. М.* Художник Н. М. Григорьев и его место в истории советского искусства // Калужские пенаты: Материалы музейных научно-практических конференций. — Вып. I. — Калуга, 1983. — С. 9, 10; *Обухов В. М.* Отец и сын // Калужский меценат. — Весть. — 2002, 31 мая; *Обухов В. М.* Калужский областной художественный музей: Альбом. — М.: Белый город, 2005. — (Сокровища русского искусства). — С. 46—56.

[6] См.: Каталог выставки картин калужских и московских художников: 3-я художественная выставка. — Калуга: Изд. ГУБЛИТ, 1925.

[7] См. там же. — С. 1—8.

[8] См.: Научный архив КМИИ. Оп. 1. Д. 4. Л. 50 об.

[9] См. там же. Л. 1, 2. Афиша выставки сохранилась в архиве.

[10] См. там же. Л. 40 — 43 об.

[11] См.: *Днепровский М. М.* Художники Калуги. — Л.: Художник РСФСР, 1963. — С.4—13.

[12] См.: *Безсонов С. В.* Экскурсия по Художественному отделу Калужского музея // Художественный отдел Калужского государственного областного музея: Путеводитель-каталог. — Калуга, 1929. — С. 76, 77.

[13] Научный архив КМИИ. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

[14] Там же. Л. 27, 119.

[15] См.: *Левандовский В. Н.* Каталог художественного отдела Калужского музея //Художественный отдел Калужского государственного областного музея. — С. xxiii, xxiv, xxvi—xxviii, xxxii—xxxvi.

[16] См.: Калужская энциклопедия. — 2-е изд. — Калуга, 2005. — С. 42.

[17] *Безсонов С. В.* Экскурсия по художественному отделу Калужского музея. — С. 76, 77.

[18] Научный архив КМИИ. Оп. 1. Д. 3. Л. 69, 71.

[19] Там же. Л. 42.

[20] См. там же. Д. 17. Л. 35, 36.

[21] См. там же. Д. 149. Л. 63.

[22] См. там же. Д. 13а. Л. 7, 8, 17 — 24 об.

[23] См. там же. Оп. 3. Д. 63. Л. 15—17.

[24] См. там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 14 об. № 36.

[15] См. там же. Л. 23 об.

[26] См. там же. Д. 75. Л. 39—41.

[27] Там же. Оп. 1 (доп.). Справка о состоянии и деятельности музея за 1947 г. Л. 4.

[28] См. там же. Оп. 1. Д. 169, 174.

[29] См. Калужский областной художественный музей: Каталог экспозиции отделов русского, советского и западноевропейского искусства: Живопись, скульптура, графика. — Л.: Художник РСФСР, 1959. — С. 12, 24.

[30] См.. *Барламова Е.* Калужский областной художественный музей. — С. 12, 13. — Репрод. 51, 53, 55.

[31] См.. Выставка «Живопись XIX — начала XX века из фондов музея»: Каталог / Авт.-сост. Г. М. Зотова, Л. Б. Попова; Калужский областной художественный музей. — Калуга, 1978. — С.10, 16, 23, 26, 28, 38, 50, 53.

[32] См.: Научный архив КМИИ. Оп. 1. Д. 394. Л. 76.

ВКЛАДНОЙ ПОТИР АПОЛЛИНАРИИ ФАЛЕЕВОЙ

***Т. М. Хохлова**, зав. сектором, Калужский музей изобразительных искусств*

В собрании Калужского областного краеведческого музея находится потир, вложенный в Благовещенскую церковь г. Калуги купчихой 3 гильдии Аполлинарией Ивановной Фалеевой в 1816 г. Потир имеет овоидную чашу с канонической гравированной надписью: «ТѢЛО ХРИСТОВО ПРIIМИТѢ ИСТОЧНИКА БЕ[З]СМЕРТНАГО ВКУСИТЕ». На овальных накладных медальонах в виде листьев, украшенных стразами, изображены Деисус и Распятие. Стоян в виде снопа. Высокий поддон разделен пальметтами на 4 части, в которых находятся трапециевидные эмалевые вставки, обрамленные стразами, с изображениями четырех сюжетов: «Преломление хлебов», «Моление о чаше», «Несение креста», «Снятие с креста». Ниже — пояс с вкладной надписью: «ПРИ ТЕБѢ БОЖѢ ТВОЯ ОТВОИХЪ ВЪ ЦЕРКОВЬ ТВОЮ СВЯТУЮ БЛАГОВЕЩЕНIЯ БОГОРОДИЦЫ И СВЕЩЕННОМУЧЕННIКА ГЕОРГIЯ И ФЕОДОСIЯ ТОТЕМСКАГО/ НОСИТЪ РАБА ТВОЯ АПОЛИНАРИЯ ИВАНОВА ФАЛѢЕВА 1816 ГОДУ МАИЯ 9 ДНЯ ПОУСОПШЕМЪ РАБЪ БОЖИЕМЪ СТЕФАНЪ СКОНЧАВШЕМЪСЯ 1816 ГОДА ГЕНВАРЯ 11 ДНЯ». Высота — 44,7; диаметр поддона — 20,5. Клейма по краю венчика, на чаше, по краю поддона: герб Москвы, проба, клеймо мастера «ОИ», клеймо пробирного мастера. Выполнен потир в Москве, в 1816 г. неизвестным мастером «ОИ», апробирован И. Вихляевым. Кл 2759, ДРМ-72.

К сожалению, о людях, живших до нас, сохранилось в архивах не так уж много сведений. Чаще мы, кроме имени, ничего о них не знаем. Но иногда удается найти свидетельства, позволяющие узнать о давно ушедшем человеке: его личности, занятиях, родственниках и т. д. Так нам повезло с семьей Степана Федоровича Фалеева (1756 или 1758 — 1816) — в Государственном архиве Калужской области сохранились документы о нем и его семье. С. Ф. Фалеев был женат три раза: первым браком на Наталье Афанасьевне Масленниковой (1763—1790), дочери калужского купца Афанасия Михайловича Масленникова, вторым браком — на Пелагее Ильиничне Боковой (1775—?), третьим браком — на Аполлинарии Ивановне Губкиной (1783—1827)[1].

Он проживал с семьей в Благовещенской слободе с 1783 г. Был купцом 1 гильдии в 1795 г., депутатом от купечества Калужского комитета по пожертвованиям в 1812 г. С 1811 г. семья жила в Покровской слободе[2]. В 1813 г. перешел во вторую гильдию и торговал пенькой. Купил вместе с женой Аполлинарией Ивановной у мещанки Пелагеи Григорьевны Рыбниковой каменный дом с сальным каменным заводом, находившийся за Пятницким кладбищем.

Старший сын от первого брака Иван (1780—1816) в 1798 г. женился на Марии Михайловне Макаровой, дочери Михаила Антоновича Макарова, калужского купца, построившего колодец у церкви Михаила Архангела и бассейн-фонтан у Никитской церкви. В 1813 г. Иван Степанович был избран ратманом. В 1815 г. перешел в мглинское купечество[3]. В 1816 г. был купцом 2 гильдии. Проживал с семьей в Покровской слободе[4].

Второй сын от первого брака Федор (1786—1847) в 1834 г. женился на Анне Никифоровне Герасимовой, дочери дьячка с. Гостуни Лихвинского уезда[5]. Семья жила в Покровской слободе.

Сын Александр от второго брака (1798—?), 3 гильдии купеческий сын, в 1819—1822 гг. торговал хлебом и пенькой[6].

Сын Федор (1808—1858) от третьего брака.

По духовной, написанной в 1814 г., С. Ф. Фалеев все движимое и недвижимое имущество оставил своей третьей жене Аполлинарии Ивановне. Детям от первого брака, Ивану, Федору и Наталье, за непочтение и обиды не оставил ничего. Детям от второго брака, Авдотье (замужем за купеческим сыном Семеном Степановичем Тресоголовым) и Анне (замужем за купеческим сыном Филиппом Афанасьевичем Мешковым), завещал по 1 тыс. рублей, так как приданым он их обеспечил. Сыну Александру завещал три иконы в серебряных окладах и недвижимое имущество: порожние и огородные места, купленные у Ивана Федосеевича Чекина в 1784 г. и у Павла Петровича Билибина в 1801 г.

Фото 1. Потир. 1816. Вклад А. И. Фалеевой в Благовещенскую церковь г. Калуги.

Фото 2. Потир. 1816. Вклад А. И. Фалеевой в Благовещенскую церковь г. Калуги.

в приходе Благовещенской церкви, у гимназии, и пять лавок в красном ряду, купленных в 1795 г. у купца 1 гильдии Петра Ларионовича Прянишникова; две части дома в малороссском городе Мглине, полученные С.Ф.Фалеевым с сыновьями Иваном и Федором от их деда, калужского купца Афанасия Михеевича Масленникова, по завещанию в 1789 г., и 15 тыс. рублей[7].

Умер Степан Федорович в 58 лет, похоронен на Петропавловском кладбище[8].

Его вдова Аполлинария Ивановна, купчиха 2 гильдии, с сыном Федором продолжала руководить заводом и в 1819 г. торговала салом и другими товарами, в 1820—1822 гг. перешла в 3 гильдию и вела торговлю салом[9].

Вряд ли сейчас кто-то помнит об этой ветви калужских купцов Фалеевых, но немногие документы и потир хранят память о давно ушедших людях.

Примечания

[1] См.: Исповедные росписи церквей г. Калуги за 1785 г. /\ ГАКО. Ф. 565. Оп. 1. № 3. Л. 222; Ревизские сказки по городу Калуге за 1795 год // ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. № 49. Л. 418, 419, 1094; Алфавиты к ревизским сказкам о мещанах и купцах г. Калуги // ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. № 90. Л. 98.

[2] См.: Алфавиты к ревизским сказкам о мещанах и купцах г. Калуги. Л. 98.

[3] См.: ГАКО. Ф. 45. Оп. 1, № 304. Л. 487—500.

[4] См.: *Кожевникова Н. И.* Калуга купеческая. — Калуга, 2013. — С. 336.

[5] См. там же. — С. 336—337.

[6] См.: Списки о составе семейств калужских купцов и о предмете их торговли. 1812—1824 гг. // ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. № 34. Л. 33. 75, 107, 139.

[7] См.: ГАКО. Ф. 45. Оп. 1. № 304. Л. 487—500.

[8] См.: *Кожевникова Н. И.* Калуга купеческая. — С. 334, 335.

[9] См.: Списки о составе семейств калужских купцов и о предмете их торговли. 1812 — 1824 гг. Л. 17, 75, 107, 140.

«МАЛЕНЬКИЕ ШЕДЕВРЫ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА». СПИЧЕЧНАЯ ЭТИКЕТКА КАК ПРЕДМЕТ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРАФИКИ

***Г. И. Роянова**, засл. работник культуры РФ, с. н. с.;*
***Е. А. Телеганова**, с.н.с., Калужский областной краеведческий музей*

В истории филумении спичечную этикетку часто называют спичечной графикой, малой графикой, полиграфическим изделием. В газетных статьях 1970-х — 1980-х гг. авторы называют спичечные этикетки «миниатюрной картинкой», «микроплакатом».

В. Бармаков, автор исследований по филумении, в статье «Спичечные этикетки и их коллекционирование» пишет: «Как всякий предмет промышленной графики, спичечные этикетки являются зеркалом эпохи. В них отражаются многие события общественной жизни. Спичечная коробка проникает вслед за человеком туда, куда порой не дойдет ни большой плакат, ни маленькая открытка»[1].

Спичечная этикетка происходит от клейм и торговых марок, известных с глубокой древности. В процессе развития товарно-денежных отношений она оформилась в специальную область прикладной художественной деятельности. В России на государственном уровне процесс производства этикеток сложился в конце XIX в. Правительство России внимательно следило за оформлением спичечных этикеток. В 1887 г. были приняты законодательные меры по «клеймению» спичечных коробков. Возрастали требования к продукции. На коробках должен был указываться производитель, характеристики фабрики: «лучшая», «первая паровая», «величайшая в России». Указывались сорт и качество спичек: «безопасные», «самые безопасные», «зажигательные спички первого сорта». В 1889 г. вышел «Циркуляр», утверждавший сюжеты на спичечных этикетах и габариты спичек. Был утвержден «Устав о промышленности», в котором указывалось, что «клеймение и не клеймение русских изделий предоставлено на волю каждого производителя» (статья 157); «Желающий клеймить свои изделия должен уведомить о том Департамент торговли и мануфактуры и приложить образец клейма, которое он полагает накладывать, и что таким образом, всякий желающий пользоваться клеймом обязан заявить его в установленном порядке» (статья 160)[2]. Спичечные этикетки начали художественно оформляться. Выпускались спички специально для коллекционеров. На этикетках помещали рисунки из детских сказок, басен, помещались портреты известных людей. К концу XIX в. этикетки стали использоваться в рекламных целях. Обязательно помещались рисунки медалей, полученных на различных выставках. К XX в. при спичечных фабриках организовывались свои художественные и литографические мастерские. К этому времени рисунки на этикетках должны были утверждаться в местных органах государственной власти. Получив такое разрешение, на этикетках указывалось: «Утверждено Правительством».

С приходом Советской власти спичечная отрасль практически развалилась. Цены на спички баснословно выросли. Так в 1922 г. при цене доллара США 1 700 рублей, коробок спичек стоил 2 500 рублей. Только после 1925 г. дела стали налаживаться. Организовывались спичечные тресты, на фабриках выпускались спички с однообразными этикетками. В 1934 г. постановлением правительства решено было улучшить внешний вид спичек. На этикетках изображались события, произошедшие в стране, также спички широко использовались в агитационных целях. Производство этикеток достигло уровня искусства.

Вскоре они стали художественной ценностью наравне с почтовой маркой, монетами, банами и другими предметами коллекционирования.

Сюжеты малой графики могут рассказать много интересного из истории государств, географии, фауны и флоры многих стран. Этикетки на коробках для спичек, маленькие по размеру, представляют творчество великих, заслуженных и удивительных художников всего мира. К глубокому сожалению, имена художников и дизайнеров, создававших «художественные миниатюры» долгое время оставались неизвестными. Михаил Золотоносов в 1999 г. статье «Philumena nostalgos, или Самое анонимное искусство» писал: «Среди всех видов искусств важнейшим является искусство рисунка на спичечной этикетке (35×47,5 мм)». И далее: «Я не раз пытался узнать фамилию хотя бы одного художника, который рисовал эскизы для этикеток. Не удалось. …Пытаясь найти обозначение этому феномену, я прихожу к выводу, что имеем дело с социалистическим реализмом в его самом последовательном и глубоком, идеальном варианте, когда все индивидуальное, неоднозначное и нестабильное отсечено, а остается только общее, инвариантное, тривиальное, стабильное и, естественно, анонимное»[3] Ему вторят и другие авторы, утверждающие, и это бесспорно, что создание этикетки «процесс коллективного творчества, работают специальные художественные бюро, разработки выходят под маркой бюро, поэтому художник-исполнитель остается безымянным», «каждый рисунок на этикетке оригинален (ни одного повторяющегося). И хотя нет на них фамилий создателей — миниатюрные сюжеты обладают поистине притягательной силой искусства, так любовно и поэтично они исполнены неизвестным автором».

Попытки назвать художников исполнителей были предприняты редактором филуменистического журнала «СФИНКС» Алексеем Травниковым из Санкт-Петербурга и Валерием Скитскиным из Москвы, которые опубликовали на сайте списки художников спичечных этикеток. Они пришли к выводу, что в СССР только после Великой Отечественной войны «начинается расцвет художественного оформления спичечной этикетки и спичечная этикетка становится визитной карточкой фабрики, «а площадь этикетки — поле для фантазии (художника. — *Г. Р., Е. Т.*) и иллюстрации достоинств технических достижений…»[4]

Среди многочисленных фамилий встречаем и художников-калужан, представителей Калужского отделения художественного фонда РСФСР. А. И. Соломатина, А. А. Каурова, В. В. Кривчикова. В нашей статье «Индустрия спичечного производства Калужской области» (доклад был сделан на предыдущей конференции Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья») были названы не только фамилии, но и указаны спичечные наборы, разработанные Александром Ивановичем Соломатиным, Александром Александровичем. Кауровым, Ниной Антоновной Собинковой[5]. При последующем изучении коллекции, была поставлена цель создание передвижной выставки с названием «Маленькие шедевры большого искусства». В ней нашли отражение и работы уже известных художников, и художников, чьи спичечные наборы числились в «анонимных». Среди них Василий Кузьмич Кривчиков (1923—1998), Заслуженный художник РФ, участник Великой Отечественной войны. С 1953 года он работал ведущим художником оформителем на Балабановской экспериментальной фабрике. В. К. Кривчикову принадлежат разработки многих подарочных спичечных наборов: «150 лет Бородино» (1962), «К. Э. Циолковский», «Цветы», «Аквариумные рыбки» (1977г.) — в этом наборе индивидуальные особенности художественных средств сочетаются с реальной окраской и формой рыбок — и др.[6]

В 2013 году Леониду Николаевичу Рабичеву, художнику, книжному графику, писателю, профессиональному поэту исполнилось 90 лет. Его деятельности была посвящена выставка в Центральном доме художника в Москве. Ветеран Великой Отечественной войны вместе с женой Викторией Сергеевной Шумилиной он работал над созданием рядовых сюжетов спичечных этикеток и сюжетов для наборов, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г. К 160-летию (1972) Бородинского сражения Балабановской экспериментальной фабрикой был выпущен сувенирный набор «Бородино 1812 год» с изображением на крышке коробки батальной сцены сражения. На боковой поверхности крышки надпись: «“Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбро-

сти российских воинов…" М. И. Кутузов». Спичечные коробки сделаны из фанерного шпона, что характерно для данного периода спичечного производства. Фон этикеток белый с цветным изображением портретов полководцев — участников Бородинского сражения. Репродукции сделаны с известных портретов Эрмитажной галереи с авторской дорисовкой предметов вооружения и барабана внизу овала рамки. Шесть этикеток иллюстрируют офицерский и рядовой состав войск и две батальные сцены. Художники в работе над набором использовали «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск», открытки, вышедшие в 1911 г. к 100-летию Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения[7].

Валерий Сергеевич Акопов — один из первых в Советском Союзе начал заниматься графическим дизайном. Ныне он имеет титул академика графического дизайна. Он заслуженный художник России, лауреат Государственной премии России. В. С. Акопов родился в 1938 г., окончил художественный факультет Московского полиграфического университета в 1961 г. В 1992 г. основал Бюро графического дизайна «Акопов: Дизайн и реклама». Свои студенческие работы по разработке спичечных этикеток он увидел на выставке «Сохранения огня», организованной Калужским областным краеведческим музеем в Боровском краеведческом музее. Со спичечных наборов для Всемирной выставки в Брюсселе началась его слава художника-графика. Он автор первого в стране учебника по графическому дизайну. Сегодня его авторская выставка экспонируется в Боровском музее[8].

Важным элементом создания спичечной этикетки являются эскизные работы или макет будущего «микроплаката». В фонде филумении Калужского областного краеведческого музея хранятся эскизы Надежды Васильевны Дубенской (1913—1991), Заслуженного художника РФ, художника двухмерного пространства. Она автор иллюстраций к спичечным этикеткам «Заповедники РСФСР» (1961), «Берегите природу» (1962). По ее эскизам были созданы этикетки к спичечным коробкам, которые были выпущены Уфимской фабрикой «1 МАЯ» и фабрикой «Красный якорь» города Кирова (Вятка) в 1961—1962 гг.[9]

Художественные особенности палехской миниатюры художника Алексея Орлеанского нашли отражение на спичечных этикетках набора «Палех». Родом из Рыбинска, А. Орлеанский окончил Палехское художественное училище им. Горького. Первые миниатюры исполнял по мотивам лубочных картин на шкатулках. Для палехской миниатюры свойственен тонкий и плавный рисунок. Роспись делается по черному фону красками зеленых, желтых и красных тонов. С помощью современной полиграфии в ООО «Формат-принт» г. Рыбинска отлично передана на спичечную этикетку цветовая гамма палехского рисунка. Художник продолжает работать над серией сувенирных наборов. Изданы подарочные наборы «Русские народные сказки», «Летучий корабль», в которых отражен сказочный мир[10].

На музейной выставке представлен сувенирный спичечный набор «Древние воины», выполненный по рисункам художника-графика, члена Союза художников России, Игоря Быкова. Он окончил отделение промышленного дизайна в Ивановском художественном училище. Его графические и живописные работы находятся в частных коллекциях Англии, Германии, Италии, Израиля[11]

Таким образом, на выставке «Маленькие шедевры большого искусства», нашла отражение целенаправленная деятельность художников по созданию спичечных этикеток.

Вторым, не менее важным направлением, в процессе создания спичечных этикеток, является отражение на них произведений выдающихся художников России и зарубежных стран. Высокохудожественные полотна итальянских, австрийских, немецких, шведских мастеров, выполненные типографиями зарубежных стран методом полноцветной печати, знакомят посетителей выставки с шедеврами мирового искусства.

Очень интересны в отношении художественного творчества и полиграфии работы известной русской женщины — мастера жанра рисунка — Елизаветы Меркурьевны Бем (1843—1914) На ее портрете, выполненном кистью Ильи Ефимовича Репина есть надпись: «Елизавете Меркурьевне Бем в знак моего глубочайшего почитания ее таланта. Ее "черненьких" я люблю больше многих-многих беленьких. Январь 1898 г.» Черненькие — это особый жанр рисунка — силуэты. Кроме того, ее живописной страстью было изображение деревенских детишек - забавных персонажей с подписями из пословиц и поговорок. Они стали фирменным знаком ее творений. Открытки с ее персонажами получили второе рождение в сувенирном спичечном наборе «Ярославцы — все красавцы», выполненном ООО «Формат-принт» г. Рыбинска Ярославской области[12].

На итальянских цилиндрических коробках-футлярах изображения женских портретов репродуцированы с известных живописных работ художника эпохи Возрождения Сандро Боттичелли (1445—1510). Раннее творчество Боттичелли — это поэтически идеализированный женский портрет. На круговой этикетке размещены медальоны с изящными женскими лицами — фрагментами картин «Весна. Флора», «Рождение Венеры», «Весна. Три грации», «Весна. Молодая леди»[13].

Изображения женских головок на малых коробках-футлярах выполнены в виде репродукций с камей, искусство изготовления которых в период XVI—XVII вв. пережило свой наибольший расцвет. Знакомство с античной камеей через спичечную этикетку дает возможность постичь классическую красоту, чистого и строго вкуса времен Ренессанса[14].

Художественные произведения Карла Улофа Ларссона (1853—1919): «Завтрак под березой», «Цветы на окне», «Сочельник», «Сад в снегу»,которые можно видеть на спичечных коробках производства Швеции, выполнены в подлиннике акварелью. Они созданы автором в конце XIX — начале XX в. и хранятся в Национальном музее Швеции. К. У. Ларссон — известный шведский живописец. Его идиллические полотна, акварели и рисунки изображают жизнь его семьи[15]. Репродукции с работ художника перенесены на спичечные коробки в середине XX столетия.

В Шведской королевской академии наук хранятся произведения японской живописи по дереву XVIII столетия с изображением различных рыб. По инициативе и при поддержке Всемирного фонда дикой природы были выпущены кабинетные спички с репродукциями этих работ на коробках[16].

В музее Бельведер (Австрия) хранятся живописные полотна Густава Климта (1862—1918), основоположника модерна в австрийской живописи. Он получил художественное образование в венском художественно-ремесленном училище при Австрийском музее искусств и промышленности. В 1888 г. Г. Климт получил награду от императора Франца Иосифа — «Золотой Крест» — за заслуги в искусстве. Фрагменты его живописных работ нашли отражение в спичечных коробках-малютках, изданных в Австрии. Это работы «золотого периода» творчества Климта: «Юдифь с головой Олиферна» (1901), наиболее известное полотно «Поцелуй» (1907—1908), работы пейзажного жанра «Крестьянский сад с подсолнухами» (1906), «Цветущий мак» (1907), «Аллея в парке перед дворцом».

Сатирический образ Первой мировой войны отражен в художественном произведении чешского писателя Ярослава Гашека (1883—1923) «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Иллюстратором романа был его друг Йозеф Лада, окончивший художественно-промышленную школу в Праге и ставший в 1947 г. народным художником Чехословацкой республики. Иллюстрации Й. Ладой были сделаны тушью. К 100-летию со дня рождения Ярослава Гашека рисунки с изображением Бравого солдата Швейка были использованы для создания набора спичечных этикеток и приобрели цветовое решение. Черно-белый рисунок, приобретя новую окраску, на некоторых этикетках потерял точное изложение первоисточника. На картинках художника Й. Лады солдат Швейк в шинели, изображен идущим в полк зимой по снегу, с падающими на него снежинками. В варианте спичечного набора Швейк идет по зеленой траве летом. Причем, издатель спичечного коробка, фабрика «Красная звезда» (г. Киров), на этикетке указал автором рисунков Йозефа Ладу.

Полиграфическая база современных спичечных предприятий позволяет сегодня перенести на спичечный коробок, большой или малый, художественные произведения известных живописцев, великих мастеров пейзажа и портретных галерей. Об этом свидетельствуют изданные наборы «Династия Романовых», «Российские императоры. Петергоф — 300 лет» и др.

При положительной оценке пропаганды культурного наследия через спичечную этикетку, в исполнении подарочных, сувенирных наборов, необходимо учитывать главное

требование к копированию музейных предметов — это четкое цветовое воспроизведение, указание автора и место хранения подлинника.

449 предметов филумении, хранящихся в фондах Калужского областного краеведческого музея, были представлены на выставке «Маленькие шедевры большого искусства». Она экспонировалась в Тарусе, Мосальске, Козельске, в Калужском музее 1812 года и была интересна и взрослым, и детям. «Выставка спичечных этикеток — очень любопытна, познавательна, необычна, как эстетическая составляющая бытовых вещей», «Потрясен выставкой! Много оригинальных вещей и изображений», «Разнообразие форм и видов коробков, этикеток и самих спичек поражает», «…кроме того, узнал об авторах спичечных коробков» — таковы отзывы посетителей выставки в городе творческих людей — Тарусе. Первую визуальную и познавательную часть данной выставки составляет фильм ГТРК «Калуга» об истории спичечного производства (автор — И. Ясюкевич). После просмотра основной экспозиции посетителям предлагается викторина, ответы на вопросы которой можно найти в экспозиции. Поощрительным призом являются наборы спичечных этикеток «История почты России», выполненные Балабановской спичечной фабрикой в конце XX столетия.

Нет никакого сомнения в том, что и в дальнейшем спичечная этикетка, как вид декоративно-прикладной графики будет развиваться и не раз порадует всех интересными тематическими находками художников и высоким качеством полиграфического исполнения.

Примечания

[1] *Бармаков В. Г.* Спичечные этикетки и их коллекционирование. — М., 1970. — С. 2.

[2] Цит по: *Бармаков В. Г.* Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в царской России. — М., 2000. — С.18

[3] *Золотоносов М.* Philumena nostalgos, или Самое анонимное искусство // Новый мир искусства. — 1999. — № 4 .—С. 20.

[4] *Травников А., Скитский В.* Художники спичечных этикеток // http://phillumenist.ru/about-Philumeny. — 2013. — С. 1—18

[5] См.: *Роянова Г. И.* Индустрия спичечного производства Калужской области // Материалы XV Всероссийской научной конференции: Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга. 2013. — С. 339.

[6] КОКМ НВ 1313/1-18.

[7] КОКМ КП 13807/1-18.

[8] КОКМ КП 11861/1, 11861/3.

[9] КОКМ КП 14063/1-4, КП 14063/5-31.

[10] КОКМ КП 14058/1-13.

[11] КОКМ КП 14057/1-13.

[12] КОКМ КП 11851/2.

[13] КОКМ КП 11851/3.

[14] КП 11831/3, 47, 48.

[15] КОКМ КП 11831/59.

[16] КОКМ НВ 7477/1-13.

ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИТЕКТОРА И. Д. ЯСНЫГИНА ПО ДОКУМЕНТАМ ГАКО

***М. А. Ефименкова**, зав. отделом, Калужская областная детская библиотека*

В Государственном архиве Калужской области в личном фонде М. В. Фехнер хранится рукопись «Роль Ивана Денисовича Ясныгина в архитектурном облике Калуги»[1].

В рукописи говорится: «Иван Денисович Ясныгин 37 лет работал калужским губернским архитектором. Нам удалось документально установить, что он поступил на эту должность 1 января 1785 года, а в 1822 году вышел в отставку, причем Высочайшим указом от 28 октября этого года ему была назначена пенсия в 1 200 рублей в год».

Работники ГАКО помогли найти документ, по которому выявлено столь важное в жизни Ясныгина назначение. Документ называется «Из журнала Казенной палаты о начислении жалования зачисленному в должность архитектора И. Д. Ясныгину». При поиске был обозначен архивный адрес — Ф. 86. Оп.1 Д. 143. Л.350. Это распоряжение удалось найти с трудом, так как искомый лист имеет номер не 350, а 298. Вероятно, материалами по Ясныгину уже давно не интересовались специалисты. Сообщение говорит о том, что «правление требует о произведении зачисленному в должность архитектора архитектурному помощнику Ивану Ясныгину минувшего января с 1 числа жалование приказали» (орфография сохраняется). Бумага датирована 21 февраля 1785 г.[2]

Обратимся вновь к изучаемой рукописи. Информацию, которая будет нами процитирована, Маргарита Васильевна Фехнер посчитала маловажной и зачеркнула ее. Однако зачеркнутые строчки содержат крупицы ценных сведений: «зная теперь из архивных источников, что он в 1822 году ушел в отставку, и что в конце 1826 года его вдове назначена пенсия в размере половины пенсии, получаемой покойным мужем». Эти сведения заставили обратиться к рукописному фонду московского архитектора М. В. Дьяконова[3]. М. В. Дьяконов много занимался историей архитектуры XVIII—XIX в.[4] В письме к М. М. Днепровскому он утверждал: «Умер Ясныгин, действительно, в 1824 году, его день и месяц *мне точно не известен,* по-видимому, в начале сентября месяца» Далее Михаил Васильевич ссылается на документ, который имелся на тот момент в Калужском архиве (Ф. 433 Д. 1042 Л. 3—5).

Это утверждение Дьяконова внесло большую путаницу в датировку смерти И. Д. Ясныгина. Попробуем разобраться в этом вопросе.

В настоящее время цитируемое Дьяконовым дело имеет следующие архивный адрес и название: Ф. 32. Оп. 19. Д. 1402 «По предложению генерал-губернатора вследствие просьбы вдовы титулярной советницы Ясныгиной об исходатайствовании ей пансиона. 13 сентября — 17 октября 1824 г.»

В упомянутом деле градская полиция сообщает гражданскому губернатору: «На предложение Вашего превосходительства от 14 сентября, градская полиция честь имеет донести, что жительствующая здесь в городе жена умершего титулярного советника Ясныгина Катерина Петрова дочь отроду имеет ныне 55 лет, поведение и состояние в образе жизни очень хорошего, детей не имеет, имения, кроме состоявшим за покойным мужем ея в Медынском уезде в сельце Смагине мужского пола четырех душ и земли 25 десятин более ничего не имеет… никакого дохода не получает, кроме как только сии крестьяне оплачивают за себя государственные подати. Формулярного списка о службе мужа у ней, также как и в губернском правлении не оказалось.

Пансион покойный получал от здешнего уездного казначейства по 1 188 рублей в год». Сообщение подписано полицмейстером Ульяновым. В последней бумаге этого дела находим важные сведения об архитекторе Ясныгине: «…осмелюсь присовокупить, что формулярный список о службе Ясныгина господин гражданский губернатор отослал при документе к господину управляющему Министерством Внутренних Дел графу Виктору Павловичу Кочубею от 7- го июня 1822 года № 5236-й о увольнении Ясныгина по старости лет от должности архитектора». Как видно из дела биография Ясныгина пополняется некоторыми сведениями, но о конкретной дате смерти не говорится ни слова. Таким образом, предположение М. В. Дьяконова можно считать не состоятельным. Неверная датировка смерти И. Д. Ясныгина указывается во всех серьезных краеведческих изданиях Калуги: например, в «Калужской энциклопедии», в «Календаре знаменательных дат. 2015 год», подготовленным к печати Калужской областной научной библиотекой имени В. Г. Белинского и т. д. В ГАКО хранится метрическая книга церквей за 1823 г.[5] В книге есть запись о том, что губернский архитектор Ясныгин И. Д. умер 3 декабря 1823 г. Запись подробно исследована и результаты этой работы опубликованы[6]. Тем не менее неверная дата смерти Ясныгина кочует из источника в источник, что вызывает, мягко говоря, недоумение.

Еще один удивительный факт обнаружили мы, исследуя исповедные ведомости Покровской церкви, что на рву. Ясныгин жил в приходе этой церкви, он и его семья, в связи с этим упоминаются в церковных документах. Фамилия губернского архитектора

не встречается в ведомостях за 1817 и 1818 гг.[7] Архивные разыскания помогли ответить на этот вопрос. В одном из материалов, хранящихся в ГАКО, калужский епископ Антоний в 1817 г. просит помочь сделать «соборными прихожанами господ, членов Присутственных мест: Губернского правления, Казенной Палаты, Гражданской Палаты, Уголовной Палаты, дворянского собрания, уездного суда, врачебной управы, почтовой конторы, совестного суда, земского суда, приказа общественного призрения, градской полиции, приказнослужащих в городской думе и магистрате». Епископ Антоний просит отобрать чиновников, состоящих в разных приходах здешних градских церквей, на «бытие в приходе Кафедрального собора»[8]. Таким образом, становятся понятны причины не упоминания фамилии архитектора в тот период в исповедных ведомостях Покровской церкви, что на рву. Трогательная подробность, которую нам подарили также архивные дела: Ясныгина перед смертью исповедует и причащает покровский священник Григорий. Это может свидетельствовать о привязанности архитектора к храму, прихожанином которого он долгое время являлся.

В вышеупомянутой рукописи М. В. Фехнер пишет об измененном плане Калуги (1778) и о той роли, которую сыграл И. Д. Ясныгин в изменении утвержденного проекта:

«Ясныгин, которому было поручено введение корректив в план города, творчески подошел к решению этой задачи. Он отнес восточную площадь за Жировский бульвар и вместо спуска по оврагу запроектировал широкую луч — улицу параллельно восточной границе города; таким образом было создано трехгранное полукольцо широкой магистрали (ныне улицы Гагарина, Кирова, С. Разина), четко отделившие “средний город” от предместья и подобное очертание всей территории города, окруженного рвом и валом. Обе полуциркульные площади Ясныгин превратил в круглые, а благодаря переносу восточной площади, центральная оказалась примерно на равном расстоянии от боковых, что значительно обогатило общую композицию. (Кстати, Никитин задумал устройство средней торговой площади не на магистрали, соединявшей обе полуциркульные площади, а неудачно расположил ее несколько севернее, среди застройки.)

В проекте Никитина соборная площадь была задумана, как окруженная с трех сторон корпусами Присутственных мест, а с четвертой предполагалось построить три жилых дома — для наместника, губернатора и вице-губернатора. К счастью, старый деревянный воеводский дом, при открытии наместничества спешно приспособленный под канцелярии и квартиру генерал-губернатора, богато отделанный внутри, удовлетворял на первое время потребности Кречетникова. Когда же в 1796 году при Павле I, должность наместника была упразднена и необходимость постройки дома для него отпала, Ясныгин постарался оставить территорию на юг от Троицкого собора незастроенной. Стремясь к максимальному раскрытию соборной площади на реку, Ясныгин отвел участок для возведения губернаторского дома по соседству с западным корпусом Присутственных мест, на значительном расстоянии от обрыва к реке»[9].

Интересна и показательна история и с постройкой Гостиного Двора:

«Общая композиция его по изначальному проекту была очень примитивна… Прямоугольный квартал разделялся двумя центральными перпендикулярными друг другу проездами на четыре равных участка. В каждом из них было запроектировано поставить пять одинаковых параллельных друг другу корпуса.

Известно, что после сооружения пяти зданий к 1796 г. купцы, недовольные узкими неудобными проездами между отдельными корпусами, подали прошение на «высочайшее» имя об уменьшении их ширины.

Когда в 1811 году, наконец, ходатайство купцов было удовлетворено, проект оказался утерянным.

Ясныгину было предложено составить новый проект. Задумав более выразительную общую композицию, он уменьшил число строений, изменил расположение западных корпусов, обогатив их внушительными аркадами открытых галерей, красиво оформивших с востока Плац-парадной площади (сквер Ленина), и устроил функционально необходимый внутренний двор»[10].

Оценивая работу архитектора М. В. Фехнер, подчеркивала:

1) заслугой Ясныгина является раскрытие административного центра Калуги на Оку;

2) не менее важным было изменение общей композиции Гостиного двора;

3) Калуга обязана Ясныгину продуманным расположением основных площадей и улиц[11].

М. В. Фехнер справедливо считала, что деятельность калужского губернского архитектора до сих пор не оценена по заслугам. В дореволюционной литературе почти не встречается упоминаний о нем. В современных путеводителях, альбомах и книгах ему, в лучшем случае посвящено несколько строк.

Несколько изменилась ситуация с появлением книги А. С. Днепровского «Зодчество Калужского края с древности до наших дней»[12]. Однако этот материал почти не подкреплен ссылками на источники, что значительно снижает его научную ценность и делает весьма уязвимой собственно публикацию об архитекторе Ясныгине.

Из биографии И. Д. Ясныгина известно, что он участвовал в изготовлении модели Большого Кремлевского Дворца в команде В. И. Баженова. Баженов считал модель особо важной составной частью проекта, называя этот процесс «половиной практики». Здесь работала особая группа под руководством самого Баженова. В нее входили Иван Ясныгин, Захар Урядов, Михаил Максимов и др.[13] Известно также, что мастерство Ясныгина всегда подчеркивалось Баженовым и Казаковым[14]. В настоящее время, в Москве, в Музее Архитектуры выставлена модель Московского Кремля. Среди авторов модели, по необъяснимой причине не указана фамилия Ивана Денисовича.

Отсутствие преемственности в изучении истории калужского периода русской архитектуры конца XVIII — начала XIX в. сказывается на том, что имя Ясныгина постепенно забывается, творчество его не изучается должным образом. Его деятельность не разделена на периоды, каждый из которых нуждается в пристальном изучении. Например, мы почти ничего не знаем о его работе в Санкт-Петербурге, Чернигове, Москве. Московский период его деятельности в специальной литературе изобилует противоречиями. Например, в нескольких источниках упоминается участие Ясныгина в строительстве Пречистенского дворца (конец августа 1774 г.)[15]. Однако в книге Е. В. Николаева «Классическая Москва» мы не находим упоминания о нем. Справедливости ради надо отметить, что в главе о Пречистенском дворце известный искусствовед говорит: «Интересно заметить, что с Пречистенским иконостасом в точности совпадал по схеме и по многим деталям иконостас Троицкого собора в Калуге»[16].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что серьезное изучение творчества И. Д. Ясныгина необходимо. Работа в архивах не должна ограничиваться только фондами ГАКО, она должна продолжаться в архивах России и за рубежом.

Примечания

[1] См.: ГАКО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 21. Л. 10—13.

[2] См.: ГАКО. Ф 86. Оп. 1. Д. 143 Л. 298.

[3] См.: ГАКО. Ф. Р-3483. Оп. 5. Д. 12. Л. 20—22. Материалы архитектора М. В. Дьяконова.

[4] См.: *Ефименкова М. А.* Архитектор М. В. Дьяконов в Калуге // Краеведение в сфере культуры и искусства: Материалы XIII научно-практической конференции. — Калуга, 2013. — С. 60—64.

[5] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 41. Л. 197. Метрическая книга церквей за 1823 г.

[6] См.: *Ефименкова М. А.* К вопросу об изучении биографии калужского архитектора И. Д. Ясныгина // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. — Калуга, 2012. — С. 289—292.

[7] См.: *Ефименкова, М. А.* Церковь Покрова «что на рву» в письменных источниках и литературе // Сквозь века…: Материалы 2-й городской краеведческой конференции. — Калуга, 1999. — С. 49—55.

[8] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1095. Переписка с калужскими: епископом, губернским правлением о причислении чиновников Калужских губернских учреждений в приход Калужского кафедрального Троицкого собора.

[9] ГАКО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 21. Л. 3, 4.

[10] Там же. Л. 6.

[11] См.: *Фехнер М. В.* Архитектор И. Д. Ясныгин // Третья (юбилейная) краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. — Калуга, 1972. — С. 77—78.

[12] *Днепровский А. С.* Зодчество Калужского края с древности до наших дней. — Калуга, 2006. — 330 с.

[13] См.: *Иванов В. Н.* Кремлевское строение // Памятники Отечества. — 1988. — № 1. — С. 130—131.

[14] *Михайлов А. И.* Баженов. — М., 1951. — С. 80.

[15] См. там же, — С. 92

[16] *Николаев Е. В.* Классическая Москва. — М., 1975. — С. 167, прим.

«ЭТОМУ ДЕЛУ ОТДАНЫ ЛУЧШИЕ ГОДА МОЕЙ ЖИЗНИ...» (ВКЛАД С. В. ЩЕРБАКОВА В НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

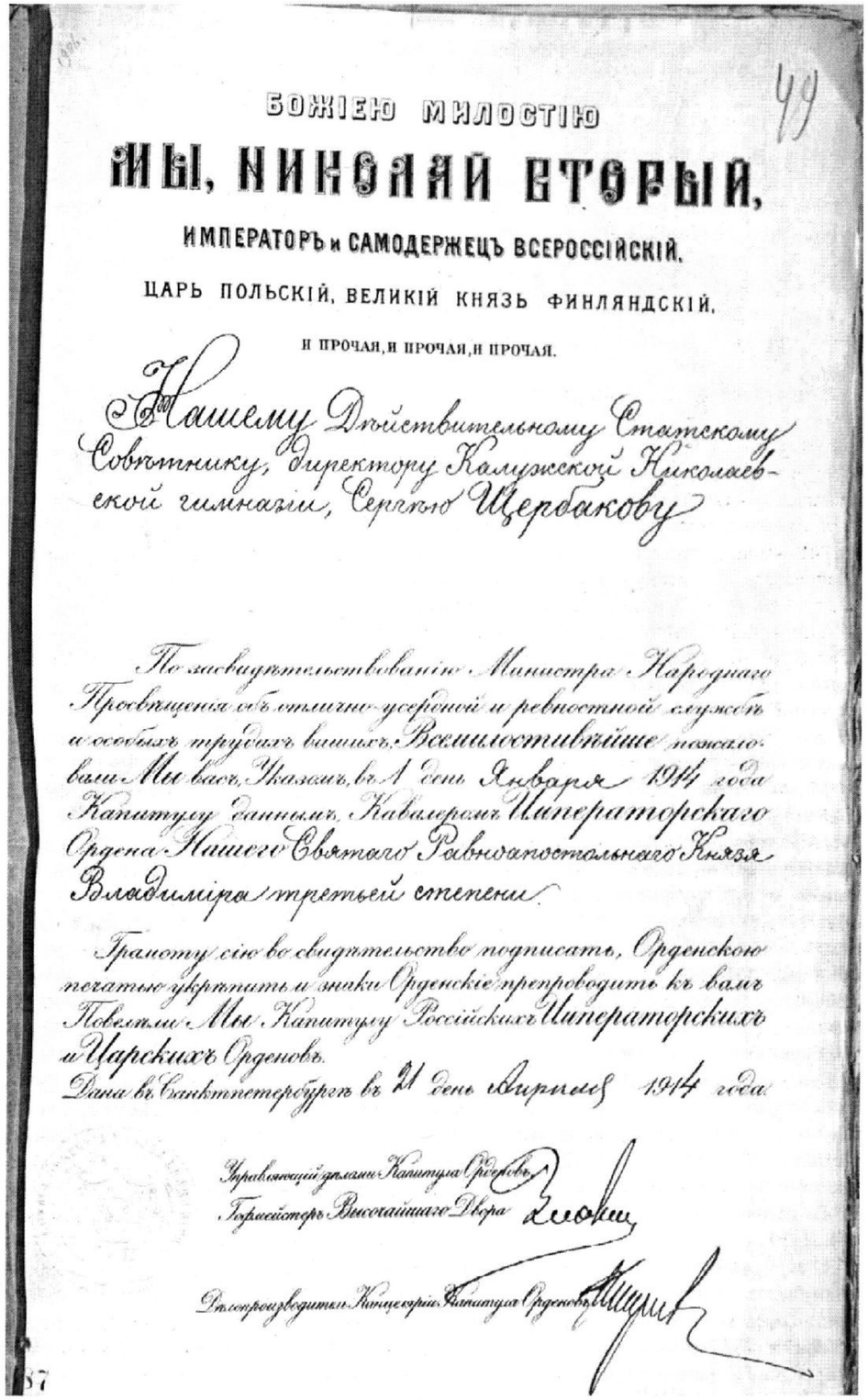
***О. Н. Зимнухова**, с. н. с., ФГУБК «ГМИК имени К. Э. Циолковского»*

«...Своею специальностью и жизненным нервом вообще считаю дело распространения просвещения в широком значении этого слова: этому делу отданы лучшие года моей жизни», — так определил свое ALTER EGO Сергей Васильевич Щербаков — русский астроном, педагог и популяризатор науки, директор Нижегородской губернской мужской (1901—1906), а затем Калужской мужской Николаевской (1906—1918) гимназий, один из основателей Нижегородского Кружка Любителей Физики и Астрономии, его председатель (1891—1906), инициатор и первый редактор Русского Астрономического Календаря (1895—1906) [1. Л. 50]. С К.Э. Циолковским его связывала многолетняя дружба и сотрудничество. Оценивая его участие в своей судьбе, в знак глубокого уважения, ученый свои письма подписывал «Ваш слуга К. Циолковский» и отмечал: «Я лично ему чрезвычайно обязан за его всегдашнюю поддержку моим научным трудам. Многие из них появились на свет только благодаря Сергею Васильевичу» [2. С. 274].

Сергей Васильевич родился в Балашихе Московской области 11 февраля 1859 г. [3. Л. 47]. В возрасте 5 лет лишился отца. В 1872 г., по окончании Романово — Борисоглебского уездного училища, «был определен отчимом в «сиротский дом», где он жил за казенный счет, учась в ярославской гимназии. Там, несмотря на ужасающую обстановку сиротского дома, он своими усилиями, своей волей, самостоятельно смог получить хорошие знания» [2. С. 267]. В гимназии сформировался его интерес к физике. С IV класса Сергей Васильевич стал заниматься репетиторством в семьях ярославских обывателей, что можно назвать началом его педагогической деятельности. По воспоминаниям И. П. Николаева, директора мужской средней школы № 9 г. Калуги (в настоящее время МБОУ «Лицей № 9 им. К.Э. Циолковского»), лично знавшего С. В. Щербакова с 1908 г., он был «первым учителем знаменитого певца Леонида Собинова» [4. Л. 2].

По окончании гимназии Сергей Васильевич поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, где под руководством профессора Ф. А. Бредихина активно занимался вопросами механики и астрономии. В 1884 г. «при очень хорошем поведении окончил курс по отделению математических наук физико-математического факультета и, за оказанные отличные успехи... утвержден в степени Кандидата» [5. Л. 46]. За кандидатское сочинение «Равновесие и движение твердых материальных прямых» был удостоен золотой медали и как казенный стипендиат получил назначение на место учителя физики и математики в Нижегородской губернской гимназии. «Первые 2—3 года педагогическая работа; потребовала от меня большого напряжения, — писал Сергей Васильевич, — университет давал только знания, не подготавливая к педагогической работе. Требовалась значительная работа над собой» [6. С.144].

Согласно выявленному в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) «Формулярному списку о службе бывшего Директора Нижегородской гимназии Действительного Статского Советника Щербакова, составленному 14 апреля 1906 г.», за двадцать лет педагогической деятельности в Нижнем Новгороде он прошел путь от должности учителя математики (26 ноября 1884 г.) до директора Нижегородской губернской мужской



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Директору Калужской Николаевской гимназіи, Сергѣю Щербакову

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-усердной и ревностной службѣ и особыхъ трудахъ вашихъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, Указомъ, въ 1 день Января 1914 года Капитулу данныхъ, Кавалеромъ Императорскаго Ордена Нашего Святого Равноапостольнаго Князя Владиміра третьей степени.

Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ. Повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербургѣ въ 21 день Апрѣля 1914 года

Управляющій дѣлами Капитула Орденовъ Гофмейстеръ Высочайшаго Двора

Дѣлопроизводитель Канцеляріи Капитула Орденовъ

Фото 1. Грамота Императора Николая II о пожаловании С. В. Щербакову Ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира III степени

гимназии (28 августа 1902 г.) и председателя педагогического совета Нижегородской Мариинской женской гимназии. (30 сентября 1902 г.), от чина коллежского асессора (22 декабря 1889 г.) до Действительного статского советника (1 января 1905 г.). Имел императорские ордена: Св. Станислава II и III ст.; Св. Анны III ст., серебряную медаль в память царствования Александра III [7. Л. 50—57]. На летнее время 1899—1900 гг. Сергей Васильевич был командирован за границу для ознакомления с постановкой школьного дела в Западной Европе. На состоявшемся в 1899 г. первом Московском съезде физиков Сергей Васильевич сделал доклад на тему «Обзор мнений по преобразованию преподавания физико-химических наук в средних учебных заведениях в связи с задачами I съезда». Основным тезисом доклада было: «догматизм — зло и только опыт, живое непосредственное общение учащегося с объектом изучения гармонирует с основными педагогическими задачами предмета» [6. С. 153]. Педагогическая, и административная деятельность, требовавшая большого напряжения сил и траты времени, не отвлекла Сергея Васильевича, от научно-литературной работы. Творчески подходя к учебному процессу, он приступил к составлению курса космографии для средних учебных заведений и кадетских корпусов. Своими мыслями по этому вопросу он поделился с К.Э. Циолковским. Из ответного письма К. Э. Циолковского С. В. Щербакову от 2 августа 1894 г.: «Многоуважаемый, Сергей Васильевич!…Мне нравится ваша мысль написать космографию и издать Астрономический календарь…» [8. Л. 4]. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. его «Астрономический календарь» удостаивается Большой серебряной медали. Сергей Васильевич лично в торжественной обстановке получает эту высокую награду. В личной библиотеке К. Э. Циолковского хранятся два учебника С. В. Щербакова «Курс космографии» (1902, 1908 гг. издания) с дарственными надписями автора: «Глубокоуважаемому Константину Эдуардовичу от искренне преданного автора. Щербаков 20 апреля 1902 г.» [9] и «Глубокоуважаемому Константину Эдуардовичу Циолковскому от старого знакомого. Автор. 16 августа 1908 г.» [10]. Пособие отличалось прогрессивными взглядами на строение мира, широтой и глубиной материала, дифференцированным подходом к обучению. С 1902 по 1916 г. этот учебник выдержал 12 изданий (60 000 экз.) и получил высокую оценку ученых того времени.

Можно лишь удивляться прихотям судьбы, но в 1906 г. С.В. Щербакова назначают директором Калужской мужской Николаевской гимназии. Его переводу в Калугу предшествовали политические февральские события 1905—1907 гг., когда часть гимназистов Николаевской мужской гимназии последовала за социал-демократической пропагандой, раскол проник внутрь гимназии, что привело к приостановке занятий в конце 1905 — начале 1906 г. Директор Н. В. Панкратов подал прошение об отставке по болезни, а на его место приказом попечителя за № 11 от 25 февраля 1906 г. был назначен С. В. Щербаков [11, Л. 12, 13]. До его приезда в Калугу обязанности директора Николаевской гимназии и председателя педагогического совета женской гимназии временно исполнял статский советник А. А. Грунау [12. Л. 24]. 24 марта 1906 г. на имя Управляющего Московским Учебным Округом был отправлен рапорт, в котором сообщалось: «…сего 24 марта 1906 г. я, Действительный статский советник Сергей Васильевич Щербаков, принял, а я, Статский советник А. А. Грунау, сдал Калужскую Николаевскую гимназию со всем ее имуществом…» [13. Л. 37]. Анализ выявленных архивных документов уточняет дату принятия гимназии Щербаковым, так как в ряде публикаций датой его перевода в Калугу указывается 1905 г. Приказом попечителя от 30 марта 1906 г. за № 6726 следует назначение С. В. Щербакова председателем педагогического совета Калужской женской гимназии [14. Л. 39].

С вступлением С. В. Щербакова в должность директора, порядок в учебных заведениях был восстановлен, занятия возобновились. Сергей Васильевич проявил себя незаурядным организатором. Он поставил на качественно новую основу преподавание естественных наук в этих учебных заведениях: ввел в методический арсенал учебные экскурсии, лекции о новейших достижениях науки, утверждая в преподавании принцип наглядности, оснастил кабинеты естествознания обеих гимназий фотографиями, спектроскопами, проекционными аппаратами. Сам преподавал физику, математику и космографию. В мужской гимназии организовал обсерваторию, привлекал к телескопическим наблюде-

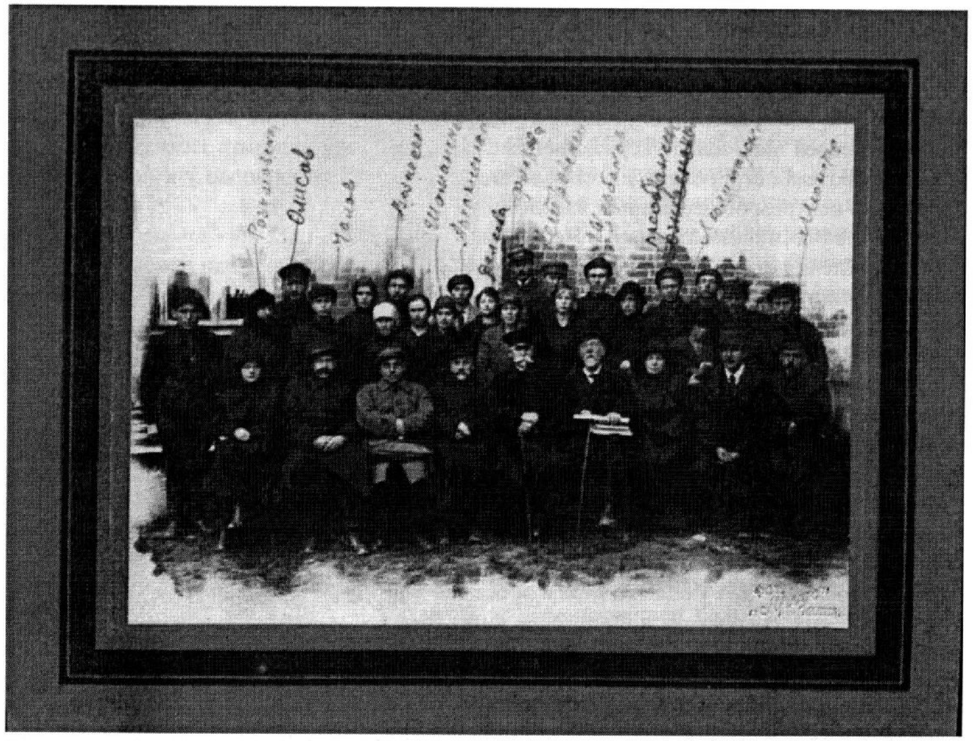


Фото 2. С. В. Щербаков (в первом ряду шестой слева) среди преподавателей педагогического техникума. Б/д.

ниям гимназистов. В последнее десятилетие перед революцией гимназия каждый год выпускала от 25 до 45 человек. Среди выпускников наибольшей популярностью пользовались физико-математические отделения высших учебных заведений. В женской гимназии была усилена программа по математике и физике, в 8 классе введена тригонометрия, с 1906 г. введено преподавание гигиены, положено начало урокам гимнастики. Физический кабинет женской гимназии «разместился на третьем этаже и просуществовал там до 1960 г. Кабинет был оснащен приборами для наблюдения гидростатического парадокса, статического электричества, электролиза, имелись аналитические весы, вакуумная тарелка, спектроскоп и даже фонограф» [15. С. 25]. Как отмечала начальница гимназии, «из мертвого предмета, от которого оставалось впечатление лишь скучной толстой книги, физика стала для учащихся интересным, живым предметом…» [16. С. 84]. Учениц 7 и 8 классов Сергей Васильевич приводил в обсерваторию Николаевской мужской гимназии, ввел в практику обучения внеурочные воскресные лекции по различным отраслям знаний. Сам он читал лекции о рентгеновских лучах, жидком воздухе, аэропланах, т. е. о новейших достижениях науки и техники. Среди традиционных мероприятий, проводимых во внеурочное время можно назвать музыкально-литературные и музыкально-танцевальные вечера, чтения; занятия в фотолаборатории; занятия в виварiуме (в котором содержалось около 40 видов птиц, обитающих в калужских лесах); с 1910 г. стал регулярным смотр гимнастических упражнений гимназистов.

На 1912 и 1913 гг. выпали знаменательные даты государственного масштаба — столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. и трехсотлетие дома Романовых. 13 октября 1910 г. прошло заседание Совета Калужской гимназии под председательством С. В. Щербакова, в результате которого был выработан ряд мероприятий, необходимых для подготовки торжеств. Празднества проводились с большой пышностью совместно с женской гимназией. Наиболее отличившиеся в науках ученики были отправлены на торжественный акт в Московское первое реальное училище, где выступали как участники парада. От родителей на имя директора гимназии приходили благодарности за то, что их ребенка

отметили и сделали одним из членов депутации от Калуги [17. Л. 5]. В 1914 г. к 110-летнему юбилею гимназии в Париже фирмой «С. Случанский и Сын» был изготовлен альбом с видами самой гимназии, ее помещений, портретами начальства и групповыми снимками преподавателей, служащих и учащихся. Все желающие могли получить его на память о своей alma mater. Торжественные акты помогали сплотить гимназический коллектив, продемонстрировать знания, умения и навыки, накопленные учениками, делали гимназию центром общественной жизни.

Участие Российской империи в Первой мировой войне стало тяжелым испытанием для всего населения страны. Когда первые раненые в августе 1914 г. стали прибывать в тыловые губернии в количестве, которое имевшаяся лечебная сеть не в состоянии была разместить, здание Николаевской гимназии было передано под госпиталь и для беженцев из западных губерний. Занятия проводились в здании женской гимназии во вторую смену. У Сергея Васильевича появилось много административных хлопот по налаживанию учебных занятий в новом помещении. С 1915—1916 гг. создавались дружины гимназистов для помощи в посеве и уборке урожая, организовывалась помощь семьям, ушедших на фронт. И все же, несмотря на большую загруженность по службе, «Сергей Васильевич читает публичные лекции в пользу недостаточных учеников и выступает на губернских съездах народных учителей. С сельским учительством у Сергея Васильевича устанавливается прочная деловая связь. Он ведет большую переписку, отвечая на различные вопросы по организации учебного дела и просветительной работы в деревне» [6. С. 155].

Труды С. В. Щербакова в должности директора гимназии были отмечены государственными наградами. 15 августа 1912 г. ему была пожалована Светло-бронзовая медаль в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г. [18. Л. 86], а 21 апреля 1914 г. — Орден Святого Равноапостольного Князя Владимира III степени. Выявленная в ГАКО грамота Императора Николая II о пожаловании этого Ордена, вносит ясность в сведения о знаках отличия С. В. Щербакова [19. Л. 49].

После установления в Калуге Советской власти 16 января 1918 г. Калужская мужская гимназия стала состоять в ведении Губернского отдела народного образования. Протокол от 26 апреля 1918 г. зафиксировал уход с поста председателя педагогического совета последнего директора гимназии С. В. Щербакова. Начиналась новая эпоха в развитии народного образования [20. С. 17]. После революции Щербаков преподавал физику в калужских школах и техникумах. Он участвовал в создании института народного образования (ИНО), преобразованного в 1921 г. в практический институт народного образования (ПИНО), а в 1923 г. в Калужский педагогический техникум. В 1922 г. с его участием открылись техникумы сельскохозяйственный, строительный и железнодорожного транспорта. Он был одним из организаторов и председателем Калужского общества по распространению естественно-исторического образования. В ГАКО выявлено заявление С. В. Щербакова от 19 сентября 1919 г. «В Инициативную группу по организации Института Народного Образования», в котором он заявляет «о своей готовности продолжать работу в организуемом Институте Народного Образования в качестве преподавателя физики», сообщает о своих печатных трудах и исследованиях… Специальным предметом преподавания считаю физику и отчасти астрономию…» [1. Л. 49, 50]. Время было тяжелое. По переписке ПИНО с Калужским Губисполкомом видны препятствия, крайне стеснявшие работу института. Это почти полное отсутствие дров, из-за чего «температура бывает так низка, что в лабораториях замерзает вода, так что практические занятия становятся невозможными»; скудное финансирование: «…служащие не получали содержания в 1921 году за декабрь, ноябрь и половину октября; в 1922 же году им выдается тысяч по 400 в месяц, каковая оплата является совершенно ничтожной и ни в коей мере не оплачивает труда преподавателей…» [21. Л. 10]. Но и при этих условиях Щербаков организует в институте образцовый физический кабинет и лабораторию, разрабатывает программы по физике для 2-го и 3-го курсов, проводит дополнительные занятия, занимается комплектованием, состоит членом ревизионной комиссии, ведет практические работы в фотографической лаборатории. Из отчета С .В. Щербакова о работе физического кабинета и лаборатории с 1 июля по 1 января 1921 г: «…Велась работа в фотографической лаборатории, сопровождалась лекциями по фотографии. …Услугами физического кабинета пользовались в период утренних занятий сельскохозяйственный техникум имени К. Тимирязева, а в свободные вечерние часы допускались слушатели Политехнических курсов для рабочих» [21. Л. 5-а], где он преподавал физику и метеорологию. Занятия продолжались иногда до 23-х часов… В 1923 г. состоялся первый и единственный выпуск вечернего отделения ПИНО в количестве 19 студентов. Большинство (13 из 19) стали учителями [22. С. 141].

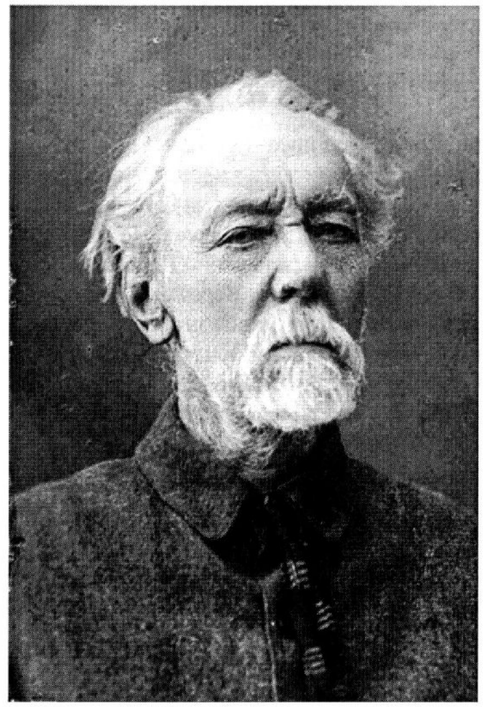


Фото 3. Сергей Васильевич Щербаков. [1931.]

Несмотря на трудности и возраст Сергей Васильевич с увлечением читал научно-популярные лекции в госпиталях, воинских частях, клубах, преподавал на курсах переподготовки учителей. В своих воспоминаниях маршал артиллерии Н. Н. Воронов отмечал: «…1921 год. Артиллерия была передислоцирована в Калугу. Началась учеба. Врезались в память лекции по астрологии с демонстрацией большого набора диапозитивов. Лекции читал очень симпатичный старый ученый — астроном, который получал за это половину красноармейского пайка. Он увлекательно проводил свои занятия, и на них собирались почти все свободные от нарядов и работ» [2. С. 270].

Внучка ученого Марианна Валентиновна Щербакова (18.01.1910—03.04.1991) — известный ученый-географ, участница Великой Отечественной войны, замечательный педагог, 40 лет проработавшая в Киевском государственном университете им. Т. Шевченко пишет: «Вспоминая калужский период жизни нашего деда, мы видим, как самоотверженно и много он работал. И, несмотря на свою занятость, он находил время, чтобы щедро делиться своим научным, интеллектуальным, духовным богатством с другими. К нему жадно тянулись люди. Не только его ученики, не только товарищи по работе, родные, но иногда приходили и рабочие, особенно после его лекций, крестьяне из окрестных сел. В комнате на большом столе почти всегда кипел большой самовар, у которого собирались все, кто приходил. Таков был порядок. Кто бы ни пришел — всех накормить и напоить чаем» [2. С. 268, 269].

14 февраля 1925 г. отмечался юбилей 40-летней научной и педагогической деятельности Сергея Васильевича. Как свидетельство признательности и уважения его как педагога, можно считать большое количество поздравлений, полученных юбиляром:

«…Ваши уроки были и…будут служить для учащихся Техникума источником истинного знания, доставляющим им, наряду с чисто научными сведениями, и высокое эстетическое наслаждение бескорыстного любования научной истиной…

Сослуживцы по строительному техникуму. Двадцать шесть подписей» [23].

«…Ваша программа по физике, астрофизике и метеорологии, составленная для нашего педагогического Техникума, представляет образец умения связать науку с жизнью и наилучшим образом осуществить новые методы обучения… Нередко простая дружеская беседа с Вами неожиданно превращается в живую и интереснейшую лекцию…Быть Вашим учеником является надежной гарантией званий и лучшей рекомендацией…

Сослуживцы по Калужскому Институту народного образования и Педагогическому Техникуму. Двадцать подписей» [23].

«…Нам ничто не мешает сказать здесь, что в Москве, среди профессуры, Вы, Сергей Васильевич, пользуетесь достаточной известностью и уважением, и мы бе-

рем на себя смелость сказать, что Калужский Институт в лице Вас имел крупную величину…

Студенты Московских вузов, Ваши ученики по Калужскому ПИНО. Девятнадцать подписей» [23].

До последних дней Сергей Васильевич оставался верен преподавательскому делу, посвятив ему сорок семь лет своей жизни, двадцать шесть из которых прошли на калужской земле. Умер С.В. Щербаков 28 октября 1932 г. в Калуге и похоронен на Пятницком кладбище (недалеко от церкви Петра и Павла) Могила, к сожалению, утрачена. Не сохранился и дом, в котором жил Щербаков. В 1992 г. в честь Сергея Васильевича Щербакова крымские астрономы назвали малую планету (№ 3886) «Щербаковия». Вероятно, пришло время увековечить память о С. В. Щербакове, принимая во внимание его большой вклад в народное образование Калужской области, талант астронома, пропагандиста космических идей, его вклад в становление ученого Циолковского и установить на здании бывшей Николаевской мужской гимназии (ул. Ленина, 83) мемориальную доску.

Литература

1. *Щербаков С. В.* Заявление в инициативную группу по организации Института Народного Образования // ГАКО. Ф. Р-183. Оп. 1. Ед. хр. 5. № 15. Л. 49, 50.

2. *Щербакова М. В.*. Воспоминания о Сергее Васильевиче Щербакове // Астрономический календарь на 2009 год. — Вып. 14 (111) / Под ред. С. М. Пономарева. — Н. Новгород. 2009. — С. 265—274.

3. Метрическое свидетельство о рождении С. В. Щербакова // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 47.

4. *Николаев И. П.* Воспоминания о К. Э. Циолковском // ГМИК. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 128. Л. 2.

5. Аттестат С. В. Щербакова об окончании Московского Университета. № 4466. 10 декабря 1884 г. // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 46.

6. С. С. Щербаков. Первый редактор Русского Астрономического Календаря // Русский астрономический календарь: Ежегодник. — Переменная часть. 1934 / Под ред. Г. Г. Горяинова; Кружок Любителей Физики и Астрономии. — Горький. Горьк. краев. изд-во, 1934. — С. 138—165.

7. Формулярный список о службе бывшего Директора Нижегородской гимназии Действительного Статского Советника Щербакова. Составлен 14 апреля 1906 г. // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 50—57.

8. *Циолковский К. Э.* Письмо С. В. Щербакову, 2 августа 1894 г. // АРАН. Ф. 555. Оп. 4. Д. 31. Л. 4.

9. *Щербаков С. В.* Курс космографии. 1902 г. // ГМИК КП-126;К-I-183.

10. *Щербаков С. В.* Курс космографии. 1908 г. // ГМИК КП-126-158-.К-I-158.

11. Приказ попечителя о назначении д. с. с. С. В. Щербакова директором Калужской мужской Николаевской гимназии // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 12, 13.

12. Приказ попечителя. Исправляющему должность директора Калужской мужской гимназии с. с. А. А. Грунау // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 24.

13. *Щербаков С. В., Грунау А. А.* Рапорт на имя Управляющего Московским учебным округом // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 37.

14. Приказ попечителя о назначении директора Калужской мужской Николаевской гимназии д. с. с. С. В. Щербакова Председателем Педагогического Совета Калужской женской гимназии // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 39.

15. *Зеленов В. С.* Старейшая школа Калуги: Документы, события, люди. — Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2010. — 200 с., ил.

16. *Флерова А. Т., Добромыслов П. П.* К пятидесятилетию Калужской Женской Гимназии (1860—1910 гг.). Калуга: Тип.-лит. Губернского Правления, 1911. Репр. изд.: Лайтграфик. 2003.

17. ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2746. Л. 5.

18. Свидетельство о пожаловании С. В. Щербакову Светло-бронзовой медали в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г. для ношения на груди на Владимирской ленте от 15 февраля 1913 г. № 1341 // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 86.

19. Грамота Императора Николая II о пожаловании Указом от 1-го января 1914 г. С. В. Щербакова Кавалером Императорского Ордена Князя Владимира III степени: Дана в Санкт-Петербурге в 21 день апреля 1914 года // ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 2424. Л. 49. В книге «Калужская классическая гимназия (1804—1918)» (Калуга: Изд-во науч. лит. Н. Ф. Бочкаревой, 2005. — С. 91) указан Орден Св. Владимира IV ст.

20. Калужская классическая гимназия (1804—1918). Калуга: Изд-во науч. лит. Н. Ф. Бочкаревой, 2005. — 270 с., ил.

21. Отчет о деятельности и состоянии Калужского Практического Института Народного Образования за 1921 г. // ГАКО. Ф. Р-183. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 10.

22. *Лагутин В. Д.* Краткие очерки истории народного образования Калужского края. Калуга. 1993. — С.141.

23. Поздравительный адрес С. В. Щербакову. Февраль 1925 г. Заверенная копия // Архив В. В. Вязовова, правнука С. В. Щербакова.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АННЫ БАРКОВОЙ

***В. И. Саломатина**, студентка, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

Костер в ночи безбрежной,
Где больше нет дорог,
Зажгли рукой небрежной
Случайность или рок?

В нем сладость, мука, горечь,
И в колдовском чаду,
С годами тяжко споря,
На зов его иду.

А. Баркова
3 июля 1973 г.

Анна Александровна Баркова родилась 16 июля 1901 г. в Иваново-Вознесенске, в «городской избе» сторожа гимназии. «Воспитала меня в провинции/ В три окошечка мутных изба./ Городская изба, не сельская,/ В ней не пахло медовой травой,/ Пахло водкой, заботой житейскою,/ Жизнью злобной, еле живой.» [1. С. 135] — в одном из поздних своих стихотворений А. Баркова рисует жизнь, через которую она пробиралась на зов поэтического костра.

С пяти лет Анна пристрастилась к чтению. Одной из первых прочитанных ею книг был «Принц и нищий» Марка Твена. Маленькой девочке начало казаться, что ее тоже с кем-то поменяли местами, ее место не тут, не в нищей избе. Быть может, здесь берет истоки мотив двойничесва в ее творчестве и вечного поиска себя: *Я каждый миг зарождаюсь, каждый миг умираю,/ Вечно не та./ Каждый миг навсегда я себя теряю… / Остановиться бы, встать! / Я впадаю в неведомые тихие реки,/ Куда-то теку./ И, быть может, себя не узнаю во веки, / Не убью тоску.* Уже с гимназических лет Анна Баркова писала стихотворения, которые, к сожалению, до нас не дошли. В них она выражала свое одиночество, отчужденность от подруг иной среды, грустные раздумья о жизни человека из бедной семьи. Огненно рыжая, с вьющимися волосами и длинной косой, с пронзительным взглядом — с юных лет А. Баркова дичилась людей и держалась особняком в кругу сверстников.

Февральская революция 1917 г. захватывает Баркову, она оказывается среди активистов, выступающих против устаревших школьных порядков. Закончив шестой класс (1918), Баркова прекратила учебу и пошла работать в ивановскую газету «Рабочий край», где прослужила в должности хроникера до 1921 г. В это время на страницах газеты появлялись стихи Анны Барковой, большая их часть под псевдонимом Калика Перехожая. *Потому что в жилах половина / Крови древних странников течет*, — напишет Баркова в стихотворении «Юродивая» 1954 г. Образ юродивой часто используется Барковой на протяжении всего творчества.

По описанию современников Баркова в начале 20-х годов выглядела поистине демократически, демонстративно одевалась в платье женщины-работницы. Творчеством юной демократки Барковой заинтересовался нарком просвещения А. В. Луначарский. Нарком писал Анне Александровне, что у нее есть все возможности сделаться лучшей русской

поэтессой за все пройденное время русской литературы. Но судьба распорядилась иначе… 20 лет ГУЛАГа привели к забвению творчества А. Барковой.

Что любопытно, в 1921 г. (задолго до начавшихся гонений на Баркову), в одной из анкет, предложенных писателям, на вопрос: «какую обстановку считаете благотворной для своей литературной работы », поэтесса ответила: «Быть свободной от всех “технических” работ, быть мало-мальски обеспеченной… А может быть, лучшая обстановка — каторга». Последние слова оказались пророческими… И, быть может, не случайно. После первого своего «путешествия» (так сама Баркова называла прохождение гулаговского ада), живя в Калуге (1940—1948), чтобы как-то прокормиться, поэтесса подрабатывала гадалкой.

В 1922 г. Анна Баркова по приглашению Луначарского переезжает из Иваново-Вознесенска в Москву. Анатолий Васильвевич устраивает Баркову на должность своего личного секретаря. При его активном содействии выходит сборник «Женщина». Этот сборник не остался незамеченным, «царапающий» стих Барковой, как позднее его назвал Степанов [2. С. 193], задел многих. О сборнике «Женщина» положительно высказывались В. Брюсов, М. Беккер, А. Блок.

При беглом прочтении сборника «Женщина», можно обмануться и решить, что это «типичный Пролеткульт». Что и сделало немало критиков того времени. Да, действительно, Баркова воспевает революционное шествие, но послушайте как:

Не жалей колоколов вечерних,
Мой неверящий грустный дух.
Побледневший огонек задерни,
Чтобы он навсегда потух.

На плиты храма поздно клониться,
На победные башни посмотри.
Ведь прекрасные девы-черницы
Не прекрасней расцветной зари… [1. С. 15]

Здесь тоска по невозвратно уходящему миру, и попытка убедить себя в том, что новый мир не хуже, а может, и лучше старого: *Ты иную найдешь красу/ В руках загрубелых и верных, / Что сгорая солнце несут* [1. С. 15]. Здесь душа борется с разумом.

Призраки прошлого не редко смущают «поэтессу великой эры». В «Красноармейке» после слов об отваге, которая течет в жилах, следует: *Лишь редко в боевом напряженье/ У горизонта далеко от земли / Я вижу, словно в сновиденье, / Нежный трогательный лик* [1. С. 10]. Она старается отогнать это светлое видение, забыть, и в забвении торопиться *...церковные наветы / И монастырские стены взорвать* [1. С. 11]. В сборнике «Женщина» многие стихотворения просвещены “изгнанию” из себя женских качеств, которые мешают борьбе революционерки: *Над нежностью своей я молоток поднимаю...* [1. С. 25], *Вырвав сердце, покорное мукам, / Доиграла им, как жонглер*...[1. С. 16]. В стихотворении «Кладбище» лирическая героиня танцует на могилах мечты, стыда и нежности. Но все же *...нежность бьется. / Не умирает до смерти, и конец!* [1. С. 17]. Баркова не может победить сердце, которое плачет *тайными слезами пугливой женщины-ребенка* [1. С. 21]

Характер первого сборника Барковой крайне противоречив. «Ум и сердце — непрерывные враги… Они ведут постоянную вражду между собой. Постоянно расходятся в разные стороны» [3. С. 31].

В предисловии к сборнику «Женщина» Луначарский писал: Баркова «уже выработала свою своеобразную форму, — она почти никогда не прибегает к метру, она любит ассонансы вместо рифм, у нее совсем личная музыка в стихах — терпкая, сознательно грубоватая, непосредственная до впечатления стихийности» [4. С. 3].

Живя в Кремле, Баркова начинает осознавать, что ее революция не совпадает с наступившей диктатурой пролетариата, о чем и пишет в письмах к своим друзьям. Одно из таких писем попадает в руки к Луначарскому, после чего Анна Баркова больше не может находиться в Кремле.

Расставшись с высоким покровителем, Анна Александровна входит в полосу полубездомной, безнадежной, люмпен-литературной жизни. *Под какой приютиться мне крышей? /*

Я блуждаю в миру налегке... [1. С. 49]. Меняется настроение стихотворений. На смену стихийного буйства приходит больной анализ: *Отреклись от Христа и Венеры, / Но иного взамен не нашли. / Мы упрямые инженеры/ Новой нежности, новой земли.* [1, С. 59]. Приходит осознание того, что все разрушено и ничего не построено. Анна Баркова не может разделить «всеобщую радость». В своих стихотворениях она рисует образ придавленного пролетарским культом человека, который уже не может «поднять морду» [1. С. 68]. Раздавлен не только человек, раздавлена, стерта в прах и «загадочная Русь»:

Нас душит всяческая грязь
И всяческая гнусь.
Горячей тройкою неслась
Загадочная Русь.

И ночь была, и был рассвет,
И музыка, и жуть.
И сколько пламенных комет
Пересекло ей путь.

Вплетался яростно в полет
Безумный вихрь поэм.
Домчалась. Пала у ворот,
Распахнутых в Эдем.

Смешался с грязью и с песком
Кровавый жалкий прах.
И будет память обо всем
Затеряна в веках [1. С. 66].

По-другому раскрывается у Барковой и тема любви. Если в сборнике «Женщина» любовь — это всегда борьба, то начиная с середины 20-х гг. и до конца ее творчества любовь для Анны Барковой *хлеб насущный*, *последняя неугасимая из звезд* [1. С. 59, 60], которая светит ей и в аду ГУЛАГа.

Вслед за содержанием меняется и форма. Баркову захватывают, как она сама писала в одном из своих стихотворений, *лирические волны* [1. С. 60]. В стихотворениях этого периода преобладают силлабо-тонические размеры (а чаще всего двусложные — ямб и хорей).

Все вижу призрачный и душный, / И длинный коридор. / И ряд винтовок равнодушных, / Направленных в упор. [1. С. 65], — эти строчки написала поэтесса в 1931 г. Видения ее не обманули, через три года Баркову арестовывают. В НКВД поступила информация об антисоветских высказываниях. Сама Анна Александровна впоследствии вспоминала какую-то вечеринку правдинских журналистов — вскоре после убийства Кирова. Конечно, там обсуждали и это событие. Баркова бросила тогда фразу: убили не того, кого надо. Особой догадки насчет того, “кого надо”, не требовалось. На следствии она не отрекалась от своих слов. Признавала, что нынешние руководители страны ей не нравятся. Их действия по отношению к оппозиции она считает слишком жестокими. Узнав, какой ее ждет приговор, Баркова пишет в марте 1935 г. Ягоде, прося о расстреле, что жить, имея за плечами 58-ю статью и тяжкое обвинение в контрреволюционной деятельности, слишком тяжело. Спокойно работать и вернуться к своей деятельности писателя, что было для нее самым важным делом жизни, будет невозможно. Вероятно, адресат удивился и решил по-своему: Ягода собственноручно написал на барковском заявлении: «Не засылайте далеко». Баркову отправляют на 5 лет в исправительно-трудовой лагерь Караганды.

Степь, да небо, да ветер дикий, / Да погибель, да скудный разврат. / Да. Я вижу, о Боже великий,/ Существует великий ад... [1. С. 69], — это стихотворение открывает ГУЛАГовский период творчества Анны Барковой. В земном аду Баркова не утратила способность писать, не потеряла себя. Стихами она спасается от окружающей ее жуткой действительности. Баркова жаждет жизни, но не жизни тления, где за лишний день, за лишнюю минуту человек готов пресмыкаться. Она предстает перед нами в образе монгольской царицы, которая «в неизбежный момент пораженья» предпочитает упасть на собственный меч, а не сдаваться в руки врагу в надежде на милость. Еще в раннем стихо-

творении Барковой «Мышеловка» ярко прослеживается бескомпромиссная жизненная позиция поэтессы: *Опасных не ведаешь чар ты, / Двуногий! Живи и дрожи! / И мы за блаженство на карту / Ставим мышиную жизнь* [1, С. 49].

Поэтесса надевает на себя «маски» исключительных исторических личностей: Тиберия, Пилата, инквизитора, византийского дипломата. Она не рисует застывшие картины прошлого, Баркова пытается с помощью этих образов осмыслить настоящее:

Я помню: согбенный позором,
Снегов альпийских белей,
Склонился под огненным взором,
Под взором моим Галилей.

И взгляд я отвел в раздумье,
И руки сжал на кресте.
— Ты прав, несчастный безумец,
Но гибель в твоей правоте.

Ты сейчас отречешься от мысли,
Отрекаться будешь и впредь.
Кто движенье миров исчислит,
Будет в вечном огне гореть [1. С. 75].

Не горят ли в огне ГУЛАГа те, кто дерзнул сказать правду в стране советов?

В конце 1939 г. Анна Александровна получила справку об освобождении из Карлага. Теперь ей предстояло жить под надзором в одном из разрешенных городов для поселения бывших заключенных. Во второй половине 1940 г. Баркова прибывает в Калугу. Здесь она проведет 8 лет. Жилось ей в Калуге тяжело. Не было никакой постоянной работы. Если что-то и появлялось, то в лучше случае место уборщицы или ночного сторожа. Правда, однажды произошло почти немыслимое: без малого год (с сентября 1944 по август 1945 г.) Анна Александровна работала бухгалтером в местном книжном издательстве. Но в конце концов спохватились: после лагеря — и вдруг материально ответственное лицо! Пришлось «переквалифицироваться» в дворники. Единственное, что согревало Баркову в Калуге — это близость к Москве. За то время, что она жила в этом городе, Баркова смогла совершить лишь две вылазки в столицу.

В годы войны Баркова невероятно бедствовала, голодала, горела. Когда она выскочила из огня в горящей спецовке, этот наполовину истлевший ватник еще долго оставался ее единственной одеждой. Вот что сама пишет Анна Александровна о годах войны, пережитых в Калуге: «Эвакуация… В сущности ее не было. Выехало несколько тысяч праведников с вещами, продуктами и водкой, а несколько десятков тысяч грешников осталось. Им объявили: “Не сейте паники… город спасут”. Вошел враг, предварительно ошеломив грешников бонбоньерками. Потом с неба посыпалась отечественная манна» [1. С. 474]. Бомбили грешников и те и другие.

За восемь лет жизни в Калуге поэтесса написала только два стихотворения. Свое творческое затишье она объясняла неблагоприятной обстановкой, в которой невозможно писать. Баркову не ломают ни тяготы жизни, ни поэтическая немота. В ее дневнике 1947 г. мы можем найти следующую запись: «Луначарский сулил мне “Вы можете быть лучшей русской поэтессой за все пройденное время русской литературы”. Даже это скромное предсказание не сбылось. Искринки гениальности, несомненно, были в моей натуре. Но была и темнота, и обреченность, и хаос, и гордость превыше всех норм. Из-за великой гордости и крайне высокой самооценки я независтлива до сих пор. Кому завидовать?..» [1. С. 475].

И в Калуге, из которой «надо бежать», как неоднократно записывала в своем дневнике поэтесса, нашлись люди, которые угадали в Барковой человека особой породы. Среди них Генриетта Михайловна Морозова, которая в то время была совсем юной (в будущее она станет известным в Калуге краеведом и искусствоведом). Морозова воспроизводит в своих воспоминаниях отдельные кадры жизни Барковой в Калуге. Как Анна Александровна пересказывает при свете коптилки собравшимся вокруг нее женщинам содержание длинных романов. Упоминает и о «гадательном» промысле Барковой. И о скупых воспоминаниях поэтессы вроде таких: «Со Сталиным я сидела в ложе Большого театра, вот так — локоть к локтю…»

Но и в калужском подполье Баркова не убереглась от преследующего ее ГУЛАГа. В ноябре 1947 г. ее арестовали по сфабрикованному делу. Не было ни одной серьезной зацепки. Подшили к делу дневник и отправили поэтессу на десять лет в ИТЛ. Барковой было 47 лет, когда началось ее второе «путешествие». Восемь лет предстояло пробыть в северо-восточных широтах ГУЛАГа — Инте, Абезе.

Как бы абсурдно это ни звучало, но в Абезе душа Барковой ожила. Она вновь находилась среди людей, которые были способны оценить незаурядность ее натуры. К ней снова приходят стихи.

Через многие стихотворения Барковой проходит мотив родины. В них не слышно озлобления, которого можно было бы ожидать от обитателя ГУЛАГа. В них глубокая тоска, темной татарской души, которая *крепко сроднилась с европейцами* [1. С. 108], в них сочувствие к измученной Руси: *Тебя всеми крутило теченьями, / Сбило с толку чужими учениями. / Ты к Европе лицом повернута, / На дыбы над бездною вздернута, / Ошараше-на, огорошена, / В ту же самую бездну сброшена* [1. С. 95, 96], — и надежда на то, что «крутая свирепая Русь» снова сможет вырваться из бездны. Эта надежда воплощается в образе Иванушки: *Посмотрел Иван в небо серое, / А за ним весь народ замученный:/ «Вон без счету над нами, без меры / Пролетают вороны тучею. / ...Мы пойдем добывать себе долюшку/ И степными путями, и горными. / Вырвем русскую вольную волюшку / Из когтей наших злобных воронов»* [1. С. 133].

В Абезе к Барковой пришла любовь. С недоумением и испугом воспринимает поэтесса это возникшее чувство: *Почему же вновь, душа немая, / О любви заговорила ты?* [1. С. 124]. Но на смену недоумению и испугу быстро приходит жуткий страх потерять любовь, без которой поэтессе *свет Божий окончательно не мил* [1. С. 132]. За стенами ГУЛАГа создается пронзительная, сильная, сложная любовная лирика:

Слишком сумрачен жизненный опыт,
Боль в душе от непролитых слез.
Я бросаюсь в любовь, как в пропасть,
Как в забвенье, в дурман, в наркоз.

Я бросаюсь в любовь, как в спасенье
От истерзанных дней и ночей,
От моей непогоды осеннее,
От погибели страшной моей [1. С. 137].

Второе «путешествие» кончилось в январе 1956 г. После непродолжительного пребывания в Кемеровской области и безуспешной попытки найти там пристанище Баркова переезжает в Москву. Жить ей там негде, она ночует у друзей и знакомых. Пытается снова начать печататься, но ее стихи не соответствуют нормам советской поэзии. В Москве Анна Александровна пробыла не долго. В 1957 г. столица готовилась к первому в СССР Международному фестивалю молодежи. В связи с этим из столицы убирали всех сомнительных людей, в том числе и тех, у кого не было прописки. Чтобы не подвести людей, давших ей приют, Баркова уезжает на Украину, в поселок Штеровка, где проживает с бывшей солагерницей Валентиной Семеновной Санагиной до ноября. В начале ноября в Штеровку пришли две справки о реабилитации по московскому и калужскому делу Барковой. Но прошло несколько дней и УКГБ возбудило в отношении Барковой новое дело. Поводом к аресту явился донос жительницы Штеровки. Ее показания сводятся к тому, что Баркова и Санагина просыпались специально в шесть утра, слушали передачи «Голоса Америки», говоря при этом, что только там можно услышать правду. А также назвали своего кота именем одного из руководителей партии — Никитой. Это было только зацепкой. Настоящее обвинение Барковой было предъявлено после ареста ее произведений. В них Баркова критически высказывается о бюрократической системе, и о режиме страны.

Больная, усталая женщина снова в лагерном бараке. Последнее «путешествие» пестрит адресами: Кемеровская область, Иркутская, Мордовия… В очерке И. Вербловской «Поэт трагической судьбы» описан один из самых страшных моментов жизни Барковой

в неволе: «Особенно мучителен был для Анны Александровны этап накануне 1960 г., когда наш лагерь переводили из Кемеровской области в Иркутскую. Нам надо было пройти несколько километров пешком. Стояла морозная ночь…Анна Александровна, задыхаясь от астмы, еле передвигала ноги. Вскоре она выбилась из последних сил, села в снег и сказала, что больше идти не может, пусть ее застрелят. Тогда мы сложили два головных платка, положили ее, как на носилки, и понесли. Платки провисали, и мы практически волокли ее по колючему снежному настилу… Честно говоря, мы не чаяли, что она останется живой» [5. С. 206].

Но она осталась! И в очередной раз выбралась из ГУЛАГовской тюрьмы. В июне 1965 г. Баркова была освобождена. С 1966 г. Анна Александровна живет в Москве на пенсию 75 рублей в отдельной комнате коммунальной квартиры.

Самым любимым людным местом Барковой был Дом книги, где она впервые увидела Ленину Михайловну Садыги, которая стала самым близким человеком последних лет жизни поэтессы и первым ее биографом. Она снова пишет стихи — много, словно не было перерыва в поэтическом творчестве. Баркова подводит предварительные жизненные итоги. В ее поздних стихах слышится мотив покаяния: *Прости мою ночную душу/ И пожалей./ Кругом все тише, и все глуше, / И все темней. / Я отойду в страну удушья, / В хмарь ноября. / Прости мою ночную душу,/ Любовь моя* [1. С. 211].

Умирает Баркова в 1976 г. от рака горла. В предсмертном бреду Анна Александровна вновь проходит все круги ГУЛАГовского ада.

Литература

1. *Баркова Анна.* …Вечно не та. — М., 2002.
2. Анна Баркова: поэт и его время: Материалы Второй международной конференции «Калуга на литературной карте России»: Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2009.
3. *Селянин С.* Душа неутоленная // Новый быт (Иваново-Вознесенск). — 1922. — № 2.
4. *Луначарский А.* Предисловие // Баркова А. Женщина: Стихи. — Пг., 1922.
5. *Вербловская И.* Поэт трагической судьбы // Нева. — 1989. — № 4.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В ОБЛАСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ С УЧАЩИМИСЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

***Е. М. Мокрецова**, учитель, средняя общеобразовательная школа № 50 г. Калуги*

«Будущее человечества сидит сейчас за партой, оно еще очень наивно, доверчиво, чистосердечно. Оно целиком в наших взрослых руках. Какими мы сформируем их, наших детей, — такими они и будут. И не только они. Таким будет и общество через 30—40 лет, общество, построенное ими по тем представлениям, которые мы у них создадим» (Б. М. Неменский). Мне очень близки эти слова, именно мы, взрослые, решаем, что будут любить и ненавидеть, чем восторгаться и гордиться, чему будут радоваться, а что презирать люди через 30—40 лет. Это теснейшим образом связано с мировоззрением будущего общества. Связано с тем, что мы заложим в чистые детские души.

Именно в школьном коллективе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь учащегося. Ведь большую часть своего времени школьники проводят именно в школе.

В системе образования существует целенаправленный процесс взаимодействия педагогов и воспитанников, направленный на формирование гармоничной личности, на развитие ее ценностно-смысловой сферы, посредством сообщения ей духовно-нравственных и национальных ценностей.

Поэтому приоритетными направлениями моей работы с учащимися является гражданско-патриотическое воспитание. А как, если, не приобщая к изучению истории своего родного города это можно сделать более логично и естественно.

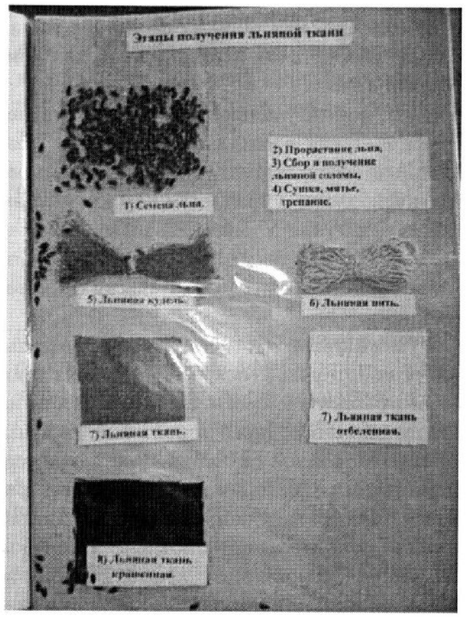


Фото 1. Наглядное пособие, созданное детьми.

Изучение краеведения я занимаюсь не только на уроках, но и во внеклассной работе с учащимися, а также на занятиях краеведческого кружка.

Именно в начальной школе закладываются основы познавательного интереса к изучению своего города, истории своего Отечества. Изначальное приобщение ребенка к краеведению начинается с игры. Для учащихся младших классов мной разработаны увлекательные мероприятия, где ребенок сам того не осознавая знакомится с традициями и обрядами своего родного края.

Осенью — это игровые мероприятия «Осенины», «Покров — первая встреча с зимой», «Капусткины посиделки».

Зимой — «Катерининские гулянья», «Рождественские встречи», «Масленица».

Весной — «Весенняя капель», «Веснянки».

К проведению и подготовке праздников обязательно привлекаются учащиеся среднего и старшего звена.

Проводятся различные мастер — классы, по приобщению к народным художественным традициям Калужского края. Это изготовление различных обрядовых кукол из тканого материала и лыка, знакомство с техникой изготовления Хлудневской игрушки, калужского изразца.

Побывав на таких мероприятиях, дети проявляют повышенный интерес к занятиям в краеведческом кружке, где начинают уже более полно знакомиться с историей и традициями родного края. У младших школьников наиболее полно развито наглядно — образное мышление, поэтому донести им какую — либо информацию гораздо проще и эффективнее с помощью включения в создание различных наглядных материалов. На своих занятиях мы изучаем процесс изготовления льняной ткани на Руси и одновременно создаем наглядное пособие «От льняного зернышка до рубашки» (см. фото 1). На занятиях, посвященному изучению калужского крестьянского костюма дети из ткани пошагово создают полуобъемный макет куклы в традиционном калужском костюме (см. фото 2). Одновременно они заполняют разработанные мной тетради с информацией и занимательными заданиями (см. фото 3). На занятии по изучению процесса окраски и художественной обработки ткани на Руси, сами окрашивают природными красителями ткани и наносят на них свой рисунок различными техниками (см. фото 4).

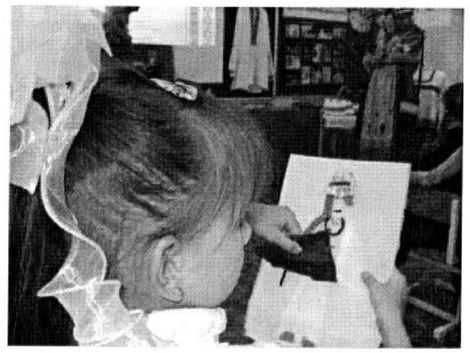


Фото 2. Создание макета куклы в калужском традиционном костюме.

После таких увлекательных мероприятий некоторые дети изъявляют желание начать исследовательскую деятельность. С детьми младшего возраста мы берем те темы, с которыми мы уже познакомились, углубив исследовательскую часть и дополнив индивидуальными практическими работами.

Так моими учащимися были изготовлены ряд кукол в различных народных традиционных костюмах (кукла в костюме вятичей, кукла в традиционном калужском костюме, кукла в парадной царской

Фото 3. Наглядные пособия для занятий.

одежде). Эти куклы были представлены на различных детских исследовательских конференциях.

Так моими учащимися были изготовлены ряд кукол в различных народных традиционных костюмах (кукла в костюме вятичей, кукла в традиционном калужском костюме, кукла в парадной царской одежде). Эти куклы были представлены на различных детских исследовательских конференциях.

Также очень часто тема исследовательских работ учащегося рождаются из простого рассказа о своем любимом месте на карте нашего родного города или рассказа о своей семейной реликвии. Так, например, из интереса к истории своего родного храма у одного из учащихся родился целый проект, в который была вовлечена не только семья, но прихожане храма. Эта работа «Иконы Калужского храма в честь святителя Николая». При его создании были подняты различные архивные документы, проведена огромная работа для изучения и систематизации икон храма. А это работа всего лишь третьеклассницы.

Для работы «Хлеб войны», посвященной вопросу изучения рецептов военного хлеба был восстановлен и испечен хлеб, с рецептом которого поделилась с нами уроженка д. Алексеевка Малоярославецкого района. Итогом работы было создание буклета с рецептами военного хлеба.

При работе с учащимися более старшего возраста основным направлением краеведческой работы является патриотическое воспитание. Здесь огромное значение имеет пример взрослых. На конкретных примерах из жизни защитников Отечества перед учащимися раскрываются такие важные понятия, как долг перед Родиной, любовь к Отечеству, трудовой подвиг и т. д. Важно подвести ребенка к пониманию, что все победы нашего народы были совершены потому, что в нашем народе велика любовь к своей Родине, а наша Родина чтит своих героев, отдавших жизнь за счастье людей. Их имена увековечены в названиях городов, улиц, улиц, площадей, в их честь воздвигнуты памятники. Воспитывая у детей любовь к своему родному городу, необходимо подвести к пониманию, что их город — частица Родины, и задача юных краеведов - начать уже сейчас изучать и сохранять историю своего края.

Фото 3, 4. Окраска ткани на открытом мероприятии.

В 2012 г. к 200-летию Отечественной войны 1812 г. учащимися были разработаны ряд проектов, связанных с историей нашего родного города в этот период. Была разработана виртуальная экскурсия «Калуга, опаленная войной 1812 г.», написаны исследовательские работы «Калужская хоругвь» и «История Свято -Лаврентьевского монастыря». Эти работы стали лауреатами конкурса, проводимого журналом «Юный краевед».

В этом году наша страна празднует очередную дату победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. И еще загодя учащимися 6—7 классов был начат проект о ветеранах нашего родного Правобережья «Они рядом с нами». Ребята знакомились с ними на различных мероприятиях, которые были специально разработаны для организации связи двух разных поколений. Это различные концерты, совместные чаепития. Так рождался не только интерес, но и дружба и помощь между ветеранами и детьми. В результате этого проекта нами собраны истории более 15 ветеранов. Эти истории были рассказаны детям начальной школы, а они нарисовали к ним рисунки. В дальнейшем мы хотим истории ветеранов дополнить этими рисунками. А пока в 9 мая 2014 г. наш проект был выставлен во дворе нашего Областного краеведческого музея.

Помимо работы над этим проектом ведется активная исследовательская работа. Ребята учатся работать с архивными материалами, проводят экскурсии для младших школьников и своих одноклассников. Осенью этого года учащимися 7 класса был снят небольшой фильм об истории нашей родной улицы Заречной. Дело в том, что наша школа построена на территории когда — то существовавшей деревни Ромоданово. А ее история складывалась на протяжении нескольких веков. При подготовке фильма ребята были разделены на группы по 3—4 человека, которым были розданы задания по сбору информации о Ромоданово в различные временные периоды. В дальнейшем их истории объединили, и получилась целая видеоэкскурсия.

В результате нашей активной исследовательской деятельности за последние 3 года около 30 работ стали лауреатами и победителями всероссийских, областных и городских уровней. А это значит, что почти 20 совсем юных исследователей сделали свои первые шаги в области краеведения.

На этом наша работа не заканчивается. Появляются новые идеи, новые проекты, новые исследования. Участвуя в такой активной работе,в сердцах наших детей растет гордость за нашу страну, за наш великий и могучий народ, народ который живет на великой Калужской земле!

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕЗЕНТАЦИИ МУЗЕЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

***А. А. Лагутин**, редактор баз данных;*
***М. В. Зверева**, к. культурологии, зав. отделом;*
Калужский музей изобразительных искусств

В настоящее время все музеи ищут современные формы интерпретации и представления своих собраний для публики, новые методы взаимодействия с аудиторией. Методика основывается, прежде всего, на превращении музеев в информационно-экспозиционные комплексы, цель которых — сделать восприятие экспозиции посетителями более адресным. Комплексы могут быть многофункциональными, нацеленными на решение целого ряда задач.

Остановимся на некоторых из них, а именно:

1) предоставление информации, недоступной в реальной экспозиции (предметы фондов, архивные материалы);

2) реконструкция утраченных объектов и экспонатов музея;

3) обеспечение доступа к музейной информации посетителей с ограниченными возможностями.

Ил. 1. Виртуальная реконструкция картинной галереи Н. И. Васильева. Фото с экрана.

В 2014—2015 гг. в Калужском музее изобразительных искусств была начата работа по созданию интерактивных программ с последующим размещением их на сайте музея. Так, в 2014 г. нами была разработана виртуальная реконструкция картинной галереи Никанора Ивановича Васильева — основателя Калужского художественного музея[1]. Теперь на музейном сайте пользователь может посетить самое первое здание музея, осмотреть залы, получить информацию о находящихся там произведениях (см. ил. 1). В «Виртуальном музее Н. И. Васильева» разместилось шесть залов с экспозициями, включающими произведения из собрания музея, а также произведения, утраченные в годы Великой Отечественной войны. Для реализации проекта были привлечены архивные материалы и предметы из фондов. «Виртуальный музей» размещен по адресу: http://artmuseum.kaluga.ru/dosug/dosug_exp/dosug_exp_vir/.

Новый проект Калужского музея изобразительных искусств — «Музейный видеогид для посетителей с нарушениями слуха» — интерактивная программа, включающая опции для глухонемых.

Следует отметить, что европейские музеи активно используют в работе с посетителями видеогиды на языках жестов. Так, видеогид брюссельского Музея Магритта (Musée Magritte) дает возможность посетителям с проблемами слуха получить информацию более чем о двадцати художественных произведениях. При этом используются три языка жестов — бельгийский, фламандский и международный. В Турине Египетский музей (Museo Egizio) разместил на своем сайте приложение GoogleGlass4LIS, позволяющее перевести на язык жестов письменные тексты. Финский музей глухонемых Kuurojen museo (The Finnish Museum of the Deaf) совместно с компанией SignFuse разработал специальное приложение на пяти языках: международном языке глухонемых и финском языке глухонемых, а также английском, финском и шведском. В Глазго информацию о любом музее можно получить из «короткометражных» роликов, доступных на английском и международном языке жестов: Glasgow Museums Resource Centre (Открытое музейное хранилище), Kelvingrove Art Gallery and Museum (Художественная галерея и музей Келвингроув), Riverside Museum (Художественный музей Риверсайд), The Burrell Collection (Музей «Коллекция Баррелла»), Gallery of Modern Art (Галерея современного искусства),

Ил. 2. Видеоролик с использованием языка жестов. Фото с экрана.

Scotland Street School Museum (Шотландский музей истории школьного образования), St Mungo Museum of Religious Life and Art (Музей религии и искусства Св. Мунго), Provand's Lordship (Провандс-Лордшип). В Австралии было разработано первое приложение для смартфонов, призванное облегчить навигацию глухонемых по National Sports Museum (Национальный музей спорта, Мельбурн). Подробная информация о каждом экспонате зашифрована в QR-код, считывающийся устройством. На экране смартфона появляется видеоролик, где вся информация представлена на языке жестов.

Для ознакомления слабослышащих пользователей с основной музейной экспозицией нами создан видеоролик с использованием языка жестов (см. ил. 2). Данный продукт был полностью разработан и реализован своими силами[2]. В настоящее время видеоролик доступен на музейном сайте: http://artmuseum.kaluga.ru/arts/?id=16 . Помимо этого, на сайте музея были размещены видеоролики к открытию выставок «Война и мир»(http://artmuseum.kaluga.ru/news/?item=319) и «Репортаж с войны» (также с участием переводчика жестового языка и текстовой информации) (http://artmuseum.kaluga.ru/news/?item=332).

Предлагаемые вашему вниманию проекты позволят сделать еще один шаг в направлении открытости и доступности музея для всех категорий граждан.

Примечания

[1] Автор-разработчик и дизайнер — Антон Андреевич Лагутин, автор контента — Ирина Витальевна Гужова, программист — Ольга Владимировна Матвеева.

[2] Автор-разработчик и переводчик жестового языка — Антон Андреевич Лагутин, автор контента — Марина Владимировна Зверева, озвучивание текста — Юлия Сергеевна Заложных.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

***О. И. Болдина**, студентка, Санкт-Петербургский государственный институт культуры*

В настоящее время мультимедийные технологии становятся важной составляющей музейной экспозиции. Их активное внедрение и использование неудивительно, поскольку благодаря этим технологиям открываются возможности увеличения информативности, улучшения понимания и усвоения данных, а также усиления интереса посетителей к экспонируемым предметам.

Грамотно используемые в музейной деятельности мультимедийные технологии могут, например, адаптировать одну и ту же экспозицию как для взрослых, так и для детей. С помощью данных технологий можно создать необходимую среду, дать возможность интерактивного взаимодействия с объектами, в игровой форме представить больше информации о предмете, показать экспонируемый объект в действии и многое другое.

Мультимедийные технологии в музейной деятельности не должны ассоциироваться с упрощением и сведением к примитивному способу познания, а скорее к возможности значительно расширить и увеличить представление о выставленных объектах. Возможно, причина скептического отношения многих музейных работников к мультимедиа кроется в заблуждении, что информация, поданная не в виде объемного текста, а в анимированном, иллюстративном, интерактивном виде с небольшими пояснениями, снижает уровень восприятия, является более примитивной и упрощенной. Такое ошибочное представление может быть вызвано знакомством с не очень грамотно сделанным мультимедийным контентом.

Переходя к созданию качественного мультимедийного контента, с сожалением приходится констатировать, что на данный момент в России очень мало отводится ресурсов и внимания данной проблеме. Если в Европе и США создаются такие большие мультимедийные комплексы, как Музей науки и промышленности в Чикаго или Gallery One в Кливлендском художественном музее, то в России данный аспект не исследуется на должном уровне. Крупные музеи работают над внедрением мультимедиа в экспозицию, однако из-заплохо разработанного контента, оно практически не используется. Часто такие музеи имеют необходимое для хорошего мультимедийного сопровождения оборудование, но из-за отсутствия интересной для посетителя подачи, это оборудование практически не используется. Данную ситуацию можно наблюдать, например, в таких музеях как Эрмитаж, Русский музей и другие центральные музеи нашей страны. Наличие в этих музеях интерактивных столов не расширяет представление об экспозиции, поскольку содержит только изображение и текст, не используя и части возможностей мультимедиа. Современному посетителю, в связи с изменяющимся способом обработки информационного потока в голове, неинтересно читать большой блок текста. Он его просто не воспринимает. Способ подачи материала должен соответствовать типу восприятия человека, привыкшего отфильтровывать за день большие объемы информации. Заинтересовать и увлечь человека можно с помощью анимации, интерактивного взаимодействия (более сложного, чем просто перехода по разделам, возможно, игры или ситуации предоставляющие пользователю выбор, заставляющие его совершать различные действия для постепенного получения им информации) аудио сопровождения. В тех ситуациях, в которых это допустимо, может иметь место юмористический взгляд. Может присутствовать определенная система поощрения пользователя. Также необходимо грамотно разделить информацию, подавая ее посетителю небольшими частями. Способ изложения данных должен соответствовать информационному содержимому. Нельзя одинаково рассказывать о древнегреческих вазах и о скелете динозавра. В зависимости от содержания должна меняться визуальная подача, способ интерактивного взаимодействия и другие мультимедийные составляющие.

Для грамотного внедрения мультимедийных технологий необходимо учитывать несколько нюансов. В первую очередь, людям, подготавливающим материал, для последующей его подачи при помощи данных технологий, надо хорошо представлять возможности и способ работы мультимедиа. Материал, который отдается дизайнеру для создания контента, должен быть построен и структурирован таким образом, чтобы использование возможностей мультимедиа для его подачи отвечало идеи экспозиции, поддерживало ее. В музеях США с грамотным мультимедийным сопровождением перед разработкой сценария для данного сопровождения, проводятся серьезные исследования потребностей посетителей, их ожиданий [3]. Очень важным является правильный выбор технологиидля идеи данной экспозиции. При создании мультимедийной среды можно использовать мэппинг, голограммы, интерактивные стены и витрины, 3D проекции, технологии дополненной реальности.

Интерактивная стена — это мультимедийная поверхность, которая управляется при помощи движений. Пользоваться ею могут сразу несколько человек. Интерактивные стены могут реализовываться по двум технологиям: бесконтактного сенсора и мультитач. Интерактивная стена также может представлять собой интерактивную проекционную систему, позволяющую создать уникальные графические эффекты на вертикальных поверхностях и мгновенно реагирующую на любое движение в области проецирования.

Дополненная реальность — технология наложения виртуальной информации на реальный мир. Основной принцип работы: на экране совмещается реальное текущее изображение и виртуальная информация.

Мэппинг—направление в аудио-визуальном искусстве, представляющее собой проекцию на физический объект окружающей среды с учетом его геометрии и местоположения в пространстве.

Голография — способ получения объемных изображений предметов на фотопластинке при помощи излучения лазера. В настоящее время также существует объемная голография, с помощью которой можно создавать объемные изображения или объемную анимацию в пространстве.

Однако при создании экспозиции в большинстве случаев возникает нехватка финансирования для приобретения специального мультимедийного оборудования, особенно масштабного. В таком случае следует помнить, что грамотно и интересно выполненный контент может произвести сильное впечатление даже демонстрируемый на не самом совершенном оборудовании. Наоборот, некачественный контент, поданный даже на самом современном и дорогом оборудовании, не будет отвечать поставленным задачам и не будет должным образом воздействовать на зрителя.

Грамотно, уместно выполненное мультимедийное дополнение не только не уступит в информационном плане тексту, но будет значительно более запоминающимся и привлекательным для посетителя. Кроме того, необходимо помнить о сильно изменившемся за последние годы мире и восприятии человеком информации. Для подрастающего поколения старые способы подачи в музеях будут уже неприемлемы и неинтересны. Для сохранения своей просветительской функции и для привлечения посетителеймузеям необходимо развиваться и в этом направлении.

Литература

1. Интерактивные и мультимедийные технологии в музеях. — URL: http://www.ascreen.ru/projects/type/more.php?id=32

2. Модернизация экспозиции «Вселенная воды» в ГУП «Водоканал». — URL: http://www.ascreen.ru/projects/release/more.php?id=107

3. Alexander Jane, Barton Jake, Goeser Caroline. Transforming the Art Museum Experience: Gallery One. — URL: http://mw2013.museumsandtheweb.com/paper/transforming-the-art-museum-experience-gallery-one-2/

4. http://sky-interactive.ru/interaktivnaya-vitrina/

ВОССОЗДАНИЕ ТРОИЦКОГО ЛЮТИКОВА МОНАСТЫРЯ. ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭСКИЗЫ

***И. Д. Белов**, г. Калуга*

1. Калужские Епархиальные Ведомости. — 1888. 15 апр. — № 7. — Прибавление — С. 115.

О возвышении воды в реке Оке весною 1888 года и повреждениях по этому случаю в Лютиковом монастыре

Настоятель Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова монастыря, игумен Феодосий рапортом от 29 марта сего 1888 года за № 15, донес Его Преосвященству, что с 20 марта так быстро шло возвышение воды, что в ночь с 25 на 26 число в несколько часов, весь монастырь был залит водою, в церкви, в приделах, братских келиях вода выше

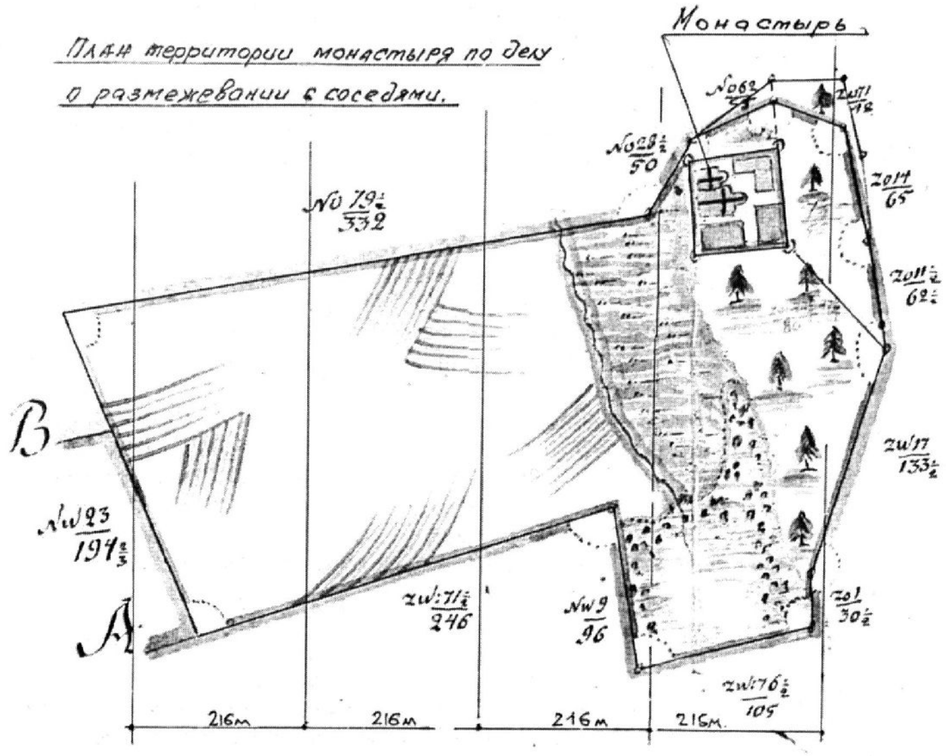


Фото 1. Перемышльский Свято-Троицкий Лютиков монастырь. Межевой план территории. Ок. 1860.

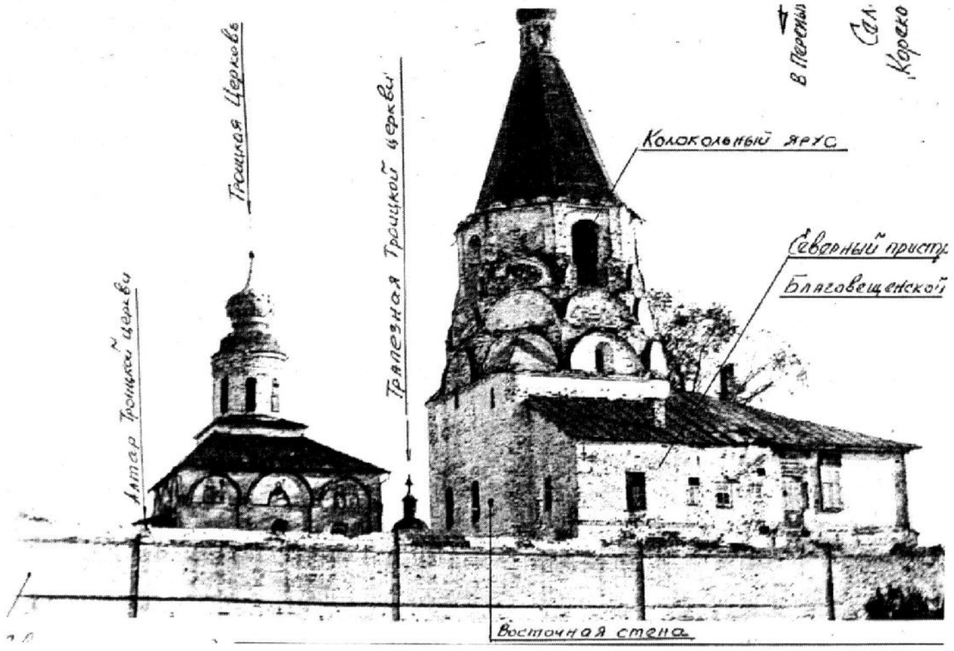


Фото 2. Вид на Храм с севера.

пола была в 1 арш. и 3 вершка, погреба и подвалы с припасами, колодцы полны воды, а с 28 числа вода стала убывать и хотя особенных повреждений не наделала, но полы, печи и изгороди вне монастыря особенно были разрушены и часть унесена водою. Село Троицкое было все в воде, Только виднелись одни крыши и трубы, и крестьяне до сих пор живут в соседних деревнях, а некоторые в поле. Возвышение воды настоящего года против возвышения 1820 года было более на 1 аршин и 2 вершка, что видно по заметке сделанной на башне масляною краскою [7].

2. *Булгаков С. В.* **Русские монастыри в 1913 году. — С. 368**

Лютиков Троицкий монастырь, 3 класса общежительный, в 6 верстах от города Перемышля, на берегу Оки.

Основан князьями Воротынскими в 1504 (по другим источникам, в 1444). Название получил от бывшего при строении его надзирателя по прозванию Лютик. В Смутное время несколько раз подвергался разорению. Возобновлен в 1654. Монастырский Троицкий собор был построен в 1663.

В ризнице и библиотеке хранится много предметов старины XVI и XVII веков. При монастыре церковно-приходская и ремесленная школы [1].

3. *Преображенский М. Т.* **Памятники древнего зодчества на территории Калужской губернии. — СПб., 1891.**

Троицкий собор и Благовещенская церковь:

по Троицкому Лютиковому монастырю Перемышльскаго уезда представлены:

А — восточный фасад собора, Б — план собора и В — разрез; а — западный фасад церкви, б — дан план церкви и галереи, с — разрез и д — план восьмигранника.

По преданию, монастырь основан в XVI ст. князем Владимиром Ивановичем Воротынским (ум. в 1533 году), который был ктитором этого монастыря и наградил его вотчинами. Название «Лютиков» монастырь получил будто бы от имени Лютика, надзирателя работ при постройках. Первое письменное свидетельство о монастыре встречается в надписи на полях рукописного церковного устава XV—XVI стол.* «7067 (1559) июня в 27 день дал сию книгу в дом Живоначальныя Троицы Лютикова монастыря на новое Ногай Иоаннов сын Медведев при Игумене Венедикте». Слова «на новое», употребленные в смысле «на новоселье», как бы подтверждают предание о времени основания монастыря**.

Что касается одноглавого храма во имя св. Троицы и шатровой церкви Благовещения пресвятой Богородицы, то по свидетельству нижеследующей записи во вкладной книге, они были одновременно построены Богданом Матвеевичем Хитрово в начале второй половины XVII столетия: «благочестивый боярин дал вкладу на церковное строение по отце своем Матвее Едизарьевиче и по прочих своих родителех тысячу рублев денег, а построить на те деньги церковь Живоначальныя Троицы, да Благовещения Пресвятыя Богородицы». Казалось бы, что обе названные церкви, судя по их архитектуре, были основаны раньше и, быть может, только возобновлены или отстроены Хитрово. В подтверждение последнего можно указать на луковичную главу, венчающую купол Троицкого собора***, и на четырехскатную крышу, не согласную с древним покрытием, как увидим ниже; к тому же нужно еще заметить, что Троицкий храм одноглавый, с довольно высокими алтарными абсидами, с узкими длинными окнами и мелкими деталями; внутри в подпружных арках, кроме железных связей, сохранились еще деревянные, т. е. в начале второй половине столетия, могли бы называться древними.

---

* Сн. записку Иеромонаха Оптиной Пустыми Леонида: «Церковный устав XVI ст.» (Еп. вед., т. 6.)

** Истор, описан. Лютикова мон, 1862 г., стр. 4.

*** Подобная луковичная глава, некрасиво насаженная на плоский купол, сохранилась и на Перемышльском Успенском соборе.

Фото 3. Вид с южной стороны.

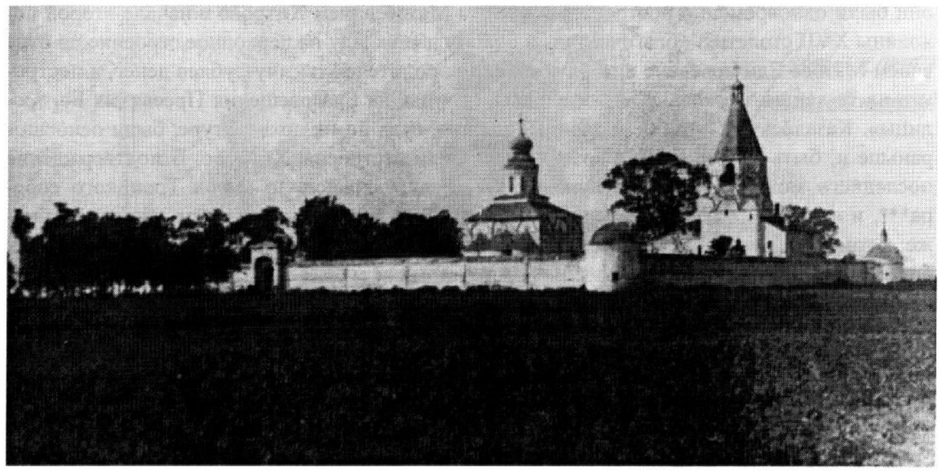


Фото 4. Общий вид на обитель с востока.

Есть еще указание, что Троицкий храм был выстроен Б. М. Хитрово - пятиглавым*. Судя, однако, по древнему перекрытию собора, трудно допустить, чтобы храм был пятиглавым со времени основания. Главы возможны только при четырехскатной крыше, которая, очевидно, сделана при возобновлении собора; только эти главы, по-видимому, не долго существовали, так как по описи 1763 года их уже не было.

В настоящее время Троицкий храм с трех сторон окружен пристройками: с севера и юга в 1820 году пристроены приделы, а с запада, вероятно, еще в XVII ст. трапеза, так как придел к ней во имя преподобного Сергия Радонежскаго Чудотворца возобновлялся уже в 1755 году. При входе в трапезу устроена паперть в начале текущего столетия.

Алтарная часть восточного фасада сохранилась без изменения, за исключением среднего с прямой перемычкой окна, расширенного впоследствии. Крыша на чертеже восточного фасада реставрирована; в таком виде она больше отвечает характерным очертаниям сводов внутри храма и открывает у основания барабана кокошники, от которых из-за существующих крыш, показанных на разрезе пунктиром, видны только верхушки. Боковые пристройки приделов на чертеже не показаны.

Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы с шатровым пирамидальным верхом, увенчанным луковичной главой тоже., кажется, основана раньше, так как постройка церквей с шатровыми верхами со второй половины XVII ст. была запрещена, как предполагают, патриархом Никоном, который, исправляя богослужебные книги, пожелал и архитектуру церквей вернуть к древним образцам Киевских и Суздальских церквей. При этом и сумма в 1 000 рублей, данная Хитрово для постройки двух таких крупных церквей, была бы слишком незначительна даже и по тому времени, когда на одни колокола тем же Хитрово в 1664 году дано 1 100 рублей и кроме того пожертвовано разной утвари на 912 рублей. Наконец известно, что Хитрово прибыл в Лютиков монастырь и записал вклад на построение уже в конце 1655 года**, и что таким образом закладка шатровой Благовещенской церкви могла состояться не ранее 1656 года. Но это, очевидно, было бы в противоречии с вышеуказанным запрещением, так как в том же году, в грамоте, данной на перестройку подмосковной церкви села Вешнякова и сооружение приделов, говорится: «а главы б на тех приделах были круглые, а не островерхие»***.

Следует еще упомянуть, что этим же Хитрово построена церковь в селе Григоровском Перемышльскаго уезда, которая не имеет ничего общего с рассматриваемыми, и вполне принадлежит к типу пятиглавых церквей XVII стол.

4. Благовещенская церковь стоит недалеко от соборного храма, на северной стороне, близ монастырской ограды, где в старину были святые ворота. Церковь устроена на подклетном этаже; с запада была крытая галерея, а с северной стороны примыкает монастырская трапеза, которая внутренними лестницами в стенах сообщается с палаткой и подвалами. С галереи также имеются ходы в стенах самой церкви: на сомкнутый свод и на чердак бывшей церкви (во имя праведного Иова многострадального), примыкавшей к галерее с южной стороны, где была и колокольня****. Где оканчивалась галерея с северной стороны и где находилась лестница или открытый каменный всход, — определить трудно, так как в настоящее время вместо верхней галереи устроены деревянные настоятельские кельи.

Лестница помещается в деревянной же пристройке с южной стороны церкви. Под настоятельскими покоями кухня и кладовые, покрытые общим цилиндрическим сводом.

На чертеже западного фасада шатровой церкви реставрированы галереи и окна сверху. В настоящее время окна на четырех сторонах восьмигранника заделаны, но следы их со-

---

* См. краткое описание монастыря, составленное Н. Д. Хитрово, изд. 1826 г.

** См. «историческое описание Перемышл. Троицкого Лютикова мон. 1862 г.

*** См. статью Н. В. Султанова «Русские шатровыя церкви и их отношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям» в журн. «Зодчий» 1887 г., № 9 и 10.

**** Постройку этой церкви, нижний эгаж которой предназначался для усыпальницы, приписывают так же Б. М. Хитрово, «зовомому Иов Хитрово». Можно предположить, что эта «постройка, а равно и колокольня, были окончены в 1664 году, когда тем же Хитрово были пожертвованы колокола; к тому же сохранились детали алтарного окна, сделанных из шаблонного кирпича, тождественные с деталями таких же окон в Покровской церкви Доброго монастыря, построенной в 1667 году». Такия же детали встречаются в Успенской церкви села Гремячего **(черт.** окна прилож. **VIII** по Преображенскому.)

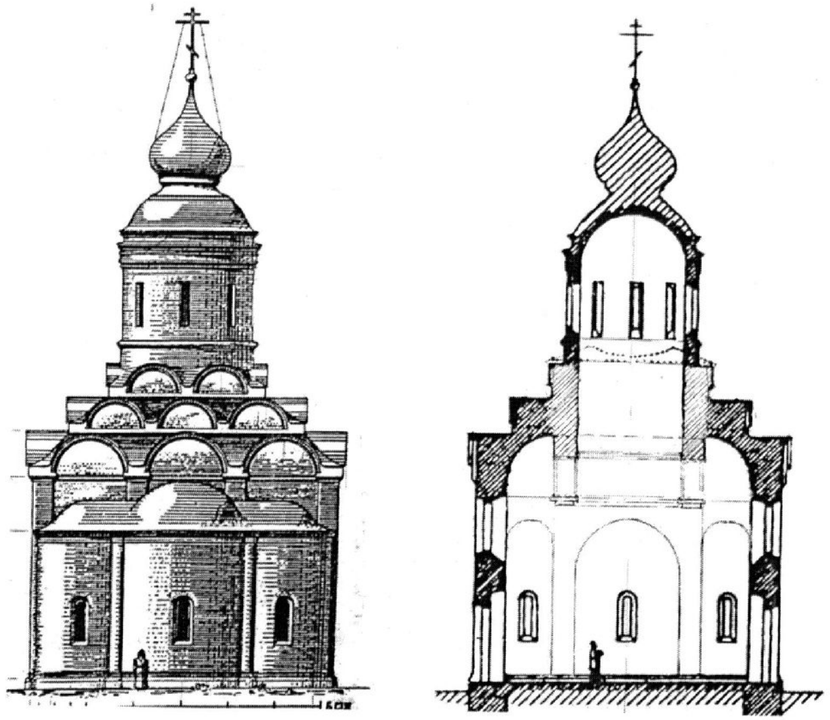


Фото 5. Троицкий Храм. Фасад, разрез.

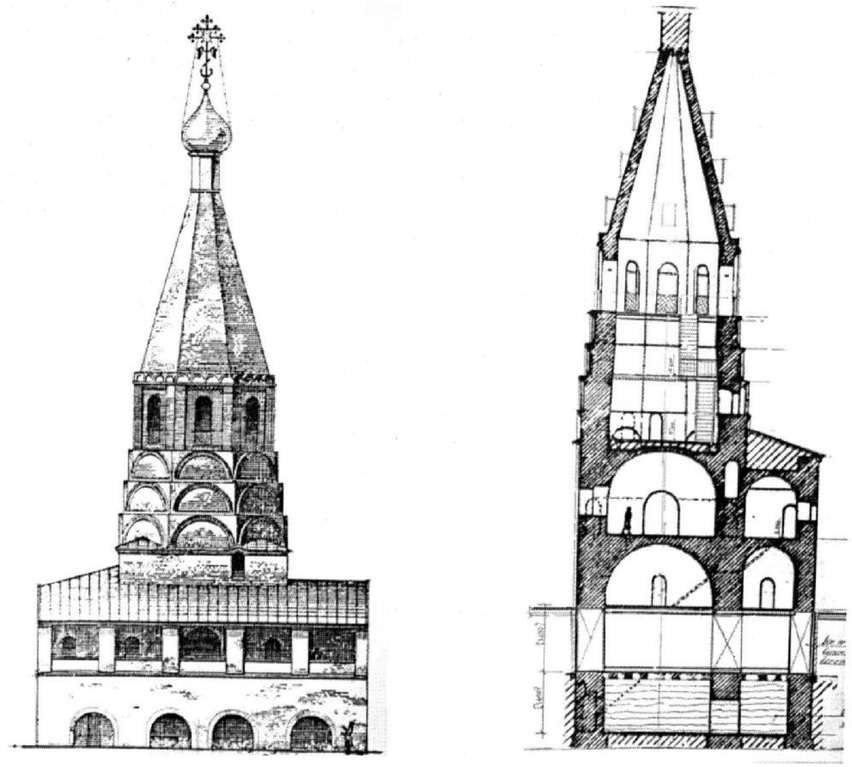


Фото 6. Храм Благовещения. Фасад, разрез.

хранились, а на остальных четырех расширены, как показано пунктиром на разрезе. По-видимому, это сделано в то время, когда верх этой церкви обращен в колокольню, а над церковью сделан сомкнутый свод, который, подходя под самые паруса, во всяком случае едва ли современен основанию самого здания, так как верх шатровых церквей всегда оставался открытым внутри.

По-видимому, это сделано в то время, когда верх этой церкви обращен в колокольню, а над церковью сделан сомкнутый свод, который, подходя под самые паруса, во всяком случае, едва ли современен основанию самого здания, так как верх шатровых церквей всегда оставался открытым внутри.

Один из колоколов имеет надпись по-польски следующего содержания: «Александр Корвин-Гонсевский, воевода Смоленский, староста Пинский, Бельский и Марковский вместе с супругой своей г-жою Евою Паковной сей колокол в честь и славу Господу Богу и всепресвятейшей Госпоже Богородице и в церковь своего построения в имение свое Молодеченское пожертвовали в 1639 году, мая 13. Иоанн Бревтельт вылил меня в 1639 году». На том же колоколе вырезана другая надпись в 1657 году, что он пожертвован боярином Хитрово в Лютиков монастырь, «а подписывал сей колокол Родька Яковлев сын Гневышев, кожевник».

В алтаре Троицкого храма хранится «выносной (двусторонний) запрестольный крест 1681 года, резной из дерева, в клеймах которого (1 верш, толщины) миниатюрная живопись; орнамент сквозной, золоченый (толщ. 1/3 вершка)».

Монастырская ризница «не имеет в настоящее время древней интересной утвари, но библиотека, основанием которой послужила собственная домовая библиотека Б. М. Хитрово, заслуживает внимания по своим древним рукописям, старопечатным книгам и затем синодикам, построенным в 1664, 1674 и 1701 годах [8].

5. **Определение положения монастыря и его территории**

По материалам межевого архива на конец XVIII в. «1776 году сентября 5 дня по указу Ее Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны … «учинена межа в Перемышльском уезде в Желоховском стане Троицы Лютикову монастырю с принадлежащею к тому монастырю землею, состоящей во владении того монастыря архимандрита с братиею по нынешней мере состоит под поселением того монастыря садом, огородами и протчими строением три десятины пятьсот одиннадцать с половиною квадратных сажен, выгонной земли шесть десятин, под протоком тысяча двести квадратных сажен, водороин одна десятина семнадцать квадратных сажен, болота три десятины шестьсот сорок одна квадратная сажен, всего тринадцать десятин две тысячи триста шестьдесят девять с половиною квадратных сажен, а за исключением протока, водороин и болота девять десятин пятьсот одиннадцать с половиною квадратных сажен…» [2].

6. **Здания и постройки монастыря на 1915 год**

По данным страховых записей, в это время внутри монастырской ограды кроме двух, Троицкой и Благовещенской, церквей, существовали следующие постройки:

1) настоятельский корпус в два этажа. (12×6 саж.);
2) братский корпус одноэтажный (14×3,5саж.);
3) братский большой деревянный корпус. (4×5,5 саж.).
4) корпус для духовника (4×2,5 саж.);
5) братский малый корпус (4 саж. × 7 арш.);
6) братский корпус каменный с мезонином.(10×3 саж.);
7) корпус для экономa деревянный (3×3 саж.);
8) старая гостиница с навесом. (8×4 саж. и 5×5 саж.);
9) сарай (5×2 саж.);
10) скотная изба дер. (15×3 саж.).

Далее следуют два хлева, каретный сарай, кучерская, сенной, дровяные сараи, амбар, ледник [12].

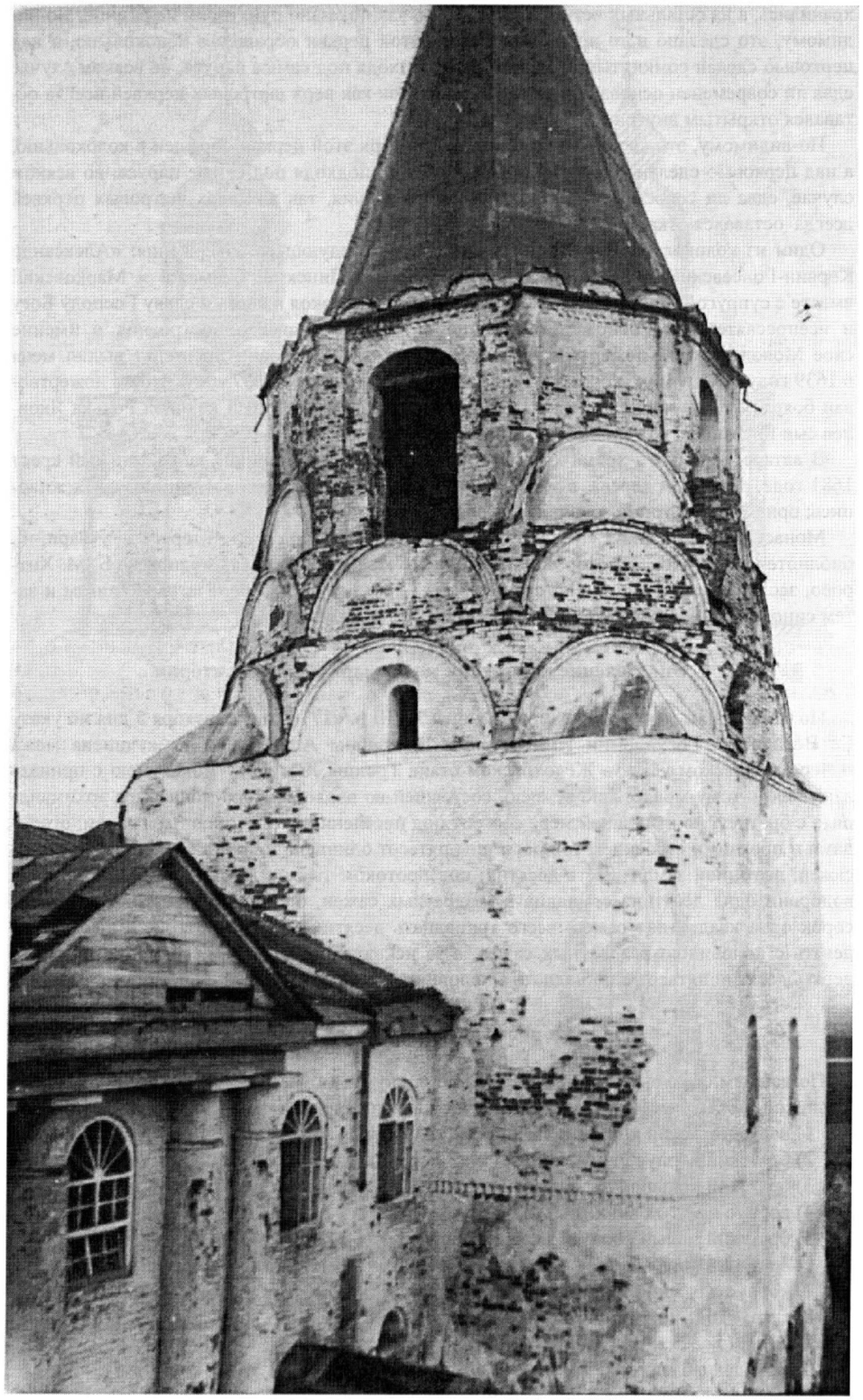


Фото 7. Храм Благовещения. Вид с восточной стороны.

Фото 8. Разборка Троицкого собора в 1925 г.

7. **Состояние монастыря после передачи Епархии**

Современное состояние территории древней обители на время принятия Епархией решения о ее возрождении, можно обозначить как полную ликвидацию даже следов ее существования здесь. Однако после расчистки сорняковых зарослей на месте в прошлом животноводческого лагеря, выявлена цокольная зона северной и части западной стены монастыря. Предварительная эскизная проработка вариантов генплана на съемке в масштабе 1:500 позволила начать поиск остатков фундаментов Троицкого соборного Храма. Обнаруженные на глубине около 0,5 м. «полевые камни» — валуны, собранные с полей и являлись основанием достаточно широких стен Храма. Такой способ устройства фундаментов существовал в XVII и иногда и в первой половине XVIII в. Поскольку началом расчистки была трапезная, построенная до 1755 г., выявлено, что это место было зоной семейного кладбища Хитрово в конце XVII в, После обнаружения части могильного памятника сына Стольника Севостьяна Дементьевича Хитрово, Петра, получил свое подтверждение факт размещения в кладке стен трапезной «надгробных досок» с могил рода Хитрово.

Из метрик Института материальной культуры РАН следует время погребения:

1) Стольника Севостьяна Дементьевича. Хитрово — 1662 г.;

2) сына Окольничего Севостьяна Хитрово Ближнего Стольника Сергия Александровича Хитрово — 1683 г.;

3) Окольничего Александра Севостьяновича Хитрово — 1686 г.;

4) Окольничего Ивана Большого Севостьяновича Хитрово, зовомого Анфим, в иноцех монахом Антонием — 1697 г.;

5) Стольника Софрония Алферьевича Хитрово.— 1701 г.;

6) Стольника Бориса Алферьевича Хитрово — 1702 г. (на Софрониевом месте похоронен и его отец Алферий — Схимник Евфимий);

7) Думного дворянина Аврамия Ивановича Хитрово — 1696 г.

Первоначально эти надгробные памятники обнаружены « у входа в трапезу соборной церкви при устройстве колонн». Сами останки членов рода Хитрово видимо были перезахоронены под квадратными четырехугольными плитами пола и обнаружены нами теперь у западной стены слева от входа в настоящую. Останки будут перезахоронены в склепе у абсиды после ее возведения [5].

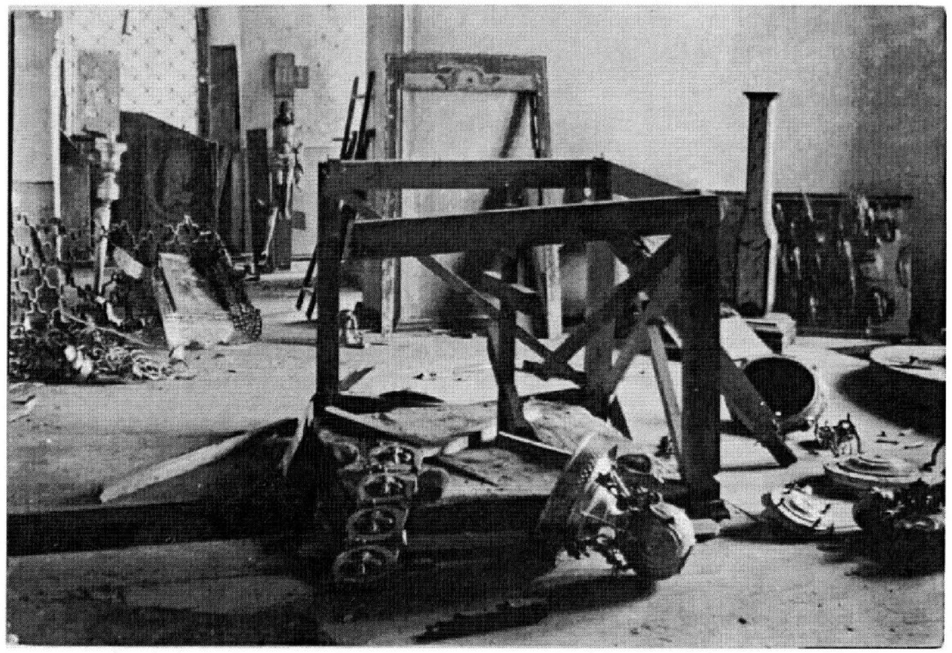


Фото 9. Разгром Обители. Фото Н. Н. Померанцева. 1925.

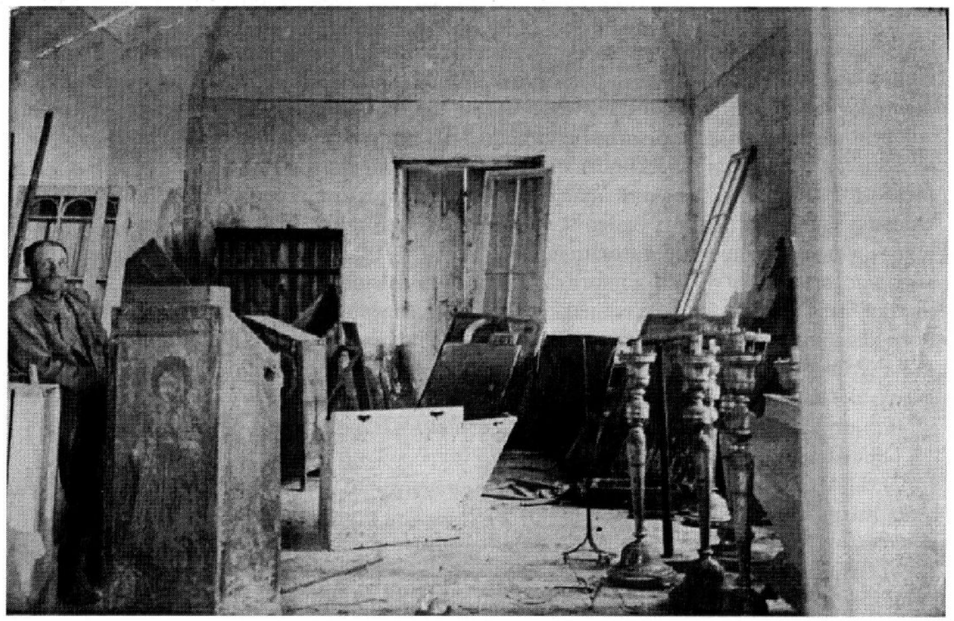


Фото 10. Разгром Обители. Фото Н. Н. Померанцева. 1925.

8. Начало работ по воссозданию обители

По решению Митрополита Калужского и Боровского Климента начато возведение на первом этапе двухэтажного Соборного Троицкого Храма. Для нижней церкви, из-за высокого уровня затопления территории, предусматривается обваловка. Верхний Храм будет возводиться при одновременном ведении службы в нижнем. Восстановление церкви Благовещения после определения степени наличия заглубленной части Храма, будет вы-

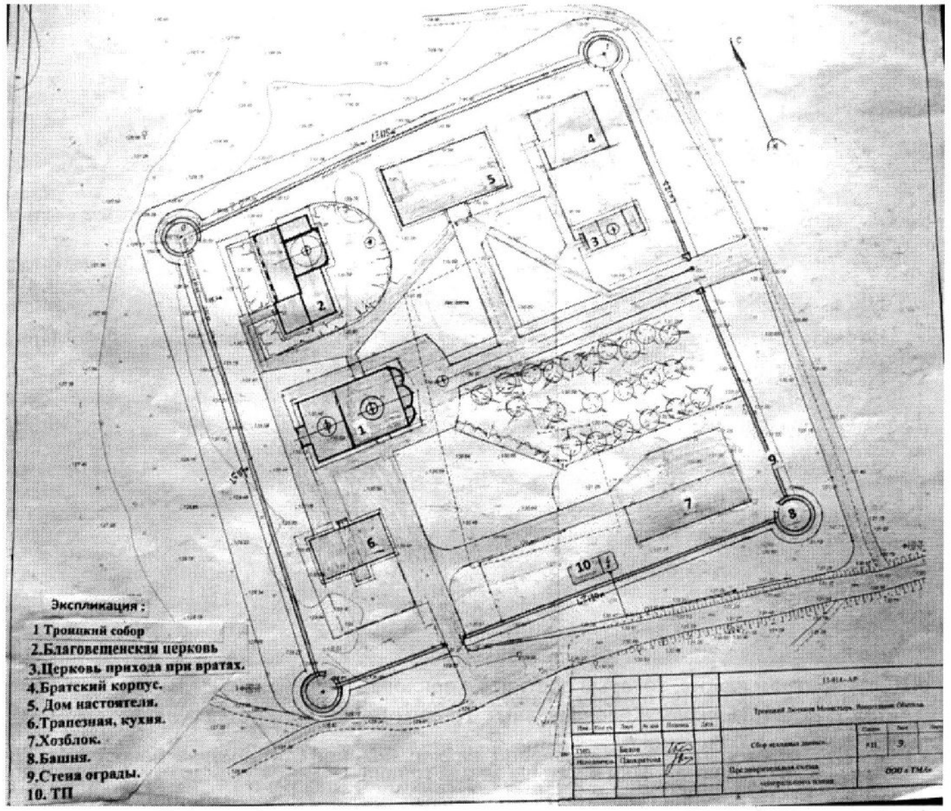


Фото 11. Генплан территории монастыря. Эскизный вариант.

полняться с использованием найденных обмерных чертежей П.Д. Барановского, которые им выполнены во время командировки в 1926 году. Они обнаружены Матушкой Нектарией в Музее им. Щусева, где хранятся в фонде Барановского.

Литература

1. *Булгаков С. В.* Русские монастыри в 1913 году.
2. ГАКО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 123.Л. 1 — 4 об.
3. *Десятников В.* Подвиг — вся жизнь: (Посвящение П. Д. Барановскому) // Семья и школа. — 1988 — № 3..
4. *Извеков М. С.* Перемышльский Троицкий Лютиков Монастырь, его святыни и древности — Калужская старина. — Кн. 1. — Калуга, 1902.
5. Институт материальной культуры РАН (ИМК РАН). Ф.Р-111. Д. 2072. Метрика Перемышльского Троицкого Лютикова Монастыря. 1887 г.
6. *Леонид (Кавелин), Иеромонах.* Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова Монастыря. — 1862.
7. О возвышении воды в реке Оке весною 1888 года и повреждениях по этому случаю в Лютиковом монастыре: Рапорт Игумена Феодосия. 29 марта 1888 г. // Калужские Епархиальные Ведомости. — 1888, 15 апр. — № 7. — Прибавление. — С. 115.
8. *Преображенский М. Т.* Памятники древнего зодчества на территории Калужской губернии. — СПб., 1891.
9. *Пуцко В. Г.* Архитектурный ансамбль Перемышльского Троицкого Лютикова Монастыря // Материалы XIII Пушкинских чтений.
10. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 619. Опись Троицкого Лютикова Монастыря. 1763 г.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 594. О пожаре в Перемышльском Троицком Лютиковом Монастыре. 17 июня 1835 г.
12. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Ед. хр. 528. Страховые оценочные карточки. Октябрь 1910 г.
13. Синодик Троицкого Лютикова Монастыря // Архив КОКМ.

О ЦЕРКВИ В с. ФЕДОТОВЕ БОРОВСКОГО УЕЗДА И СВЯЩЕННИКЕ Г. П. ВИШНЯКОВЕ

***В. Н. Фридгельм**, г. Калуга*

Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот райский сад.
Арсений Тарковский.
Белый день. 1942.

Потомки священнического рода Вишняковых нам хорошо известны. Это Марина Арсеньевна и Андрей Арсеньевич Тарковские.

В книге «Осколки зеркала»[1] М. А. Тарковская небольшими штрихами описала своих предков по материнской линиипо воспоминаниям бабушки. Но документов в семье хранится не так много. Мне же предстояло по архивнымдокументам и печатным материалам составитьисторию священнического служения Вишняковых в Калужской губернии. Материалы ГАКО были подобраны зав. отделом использования архивных документов Ольгой Михайловной Петровой. Они раскрыли совершенно неизвестные страницы рода Вишняковых, многолетнюю историю служения священников на Боровской земле, а также дали возможность составить представление об архитектурном памятнике — Троицком храме в с. Федотове Боровского уезда Калужской губернии.

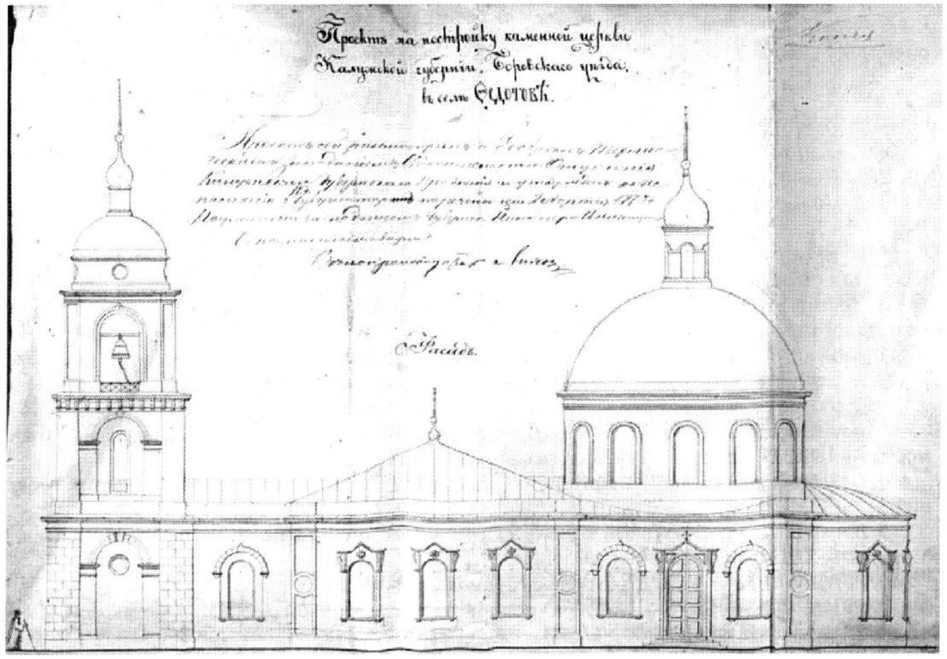
Упоминание о Троицкой церкви можно найти в Боровской десятине, где записано о 10-процентном налоге, который платился с прихода:

«152 г. [1644] Церковь Живоначальныя Троицы Верейского уезда села Федотова дани десять денег по наказу гривна.

162 г. [1654] положено дани 4 алтына заезда гривна.

184 г. [1676] в вотчине Пафнутьева монастыря.

1746 г. Пресвятыя Троицы в Боровском и в Верейском уездех Пафнутиева монастыря в селе Федотове на речке Борище рубль 12 копеек»[2].



Ил. 1. План Троицкой церкви в с. Федотове Боровского уезда. 1870-е гг.

Ил. 2 Троицкая церковь в с. Федотове Боровского уезда. 1905.

В клировой ведомости Троицкой церкви Боровского уезда Калужской губернии за 1867 г. даны сведения о церкви, состоящей в 5-м классе, неизвестно когда и кем построенной, «зданием деревянная, с таковою же колокольнею крепка». В штате священник, дьячок и пономарь. Дом у священника собственный деревянный на церковной земле[3].

Еще в 1821 г. шла речь о постройке нового каменного церковного здания: «10 сентября 1821 г. слушали рапорт благочиннаго, Боровского Троицкого иерея Петра Элеонскаго о дозволении в селе Федотове построить вновь каменную церковь вместо ветхой деревянной»[4]. Эта задача осуществилась только в 1877 г.[5] Проект каменного Троицкого храма разработал архитектор, классный художник Петр Дмитриев. Храм получился величественный. Диаметр купола 12 аршин[6].

В деле Государственного архива Калужской области, датируемом с 28 декабря 1871 по 21 ноября 1877 г., говорится о том, что в декабре 1871 года уже был выполнен проект храма с пояснительной запиской и сметой на постройку каменного здания и отправлен Калужской духовной консисторией в Калужское губернское правление. В протоколе от 29 марта 1873 г. засвидетельствовано решение технического заседания Строительного отделения с участием губернского инженера А. Вальницкого, губернского архитектора Гриневского, младшего инженера Сковронского, младшего архитектора Юшкова о том, что в проекте «своды на куполах над настоящей и над колокольней толще, чем следует». Постановили, чтобы «при работах были соблюдены все правила Строительного устава, и чтобы оныя исполнены были согласно исправленнаго проекта, а самыя работы… производились бы под наблюдением техника или лица, имеющаго законный аттестат о своих познаниях в строительном искусстве». В этом архивном деленаходится план храма с подписью архитектора.

В письме Калужской духовной консистории в Строительное отделение Калужского губернского правления в июне 1877 года сообщали, что работы вчерне окончены[7].

Некоторое время оба храма деревянный и каменный стояли рядом. Фото 1905 г., сохранившееся у прихожан, донесло до наших дней облик старого деревянного храма с могилами священноцерковнослужителей у его алтаря и рядом стоящего каменного здания. Нам неизвестно, когда был разобран старый деревянный храм. Но известно, что

Ил. 3. Троицкая церковь в с. Федотове Боровского уезда. Фото Г. К. Игнатьева. 1970. Архив Отдела охраны памятников Калужской области.

в 1920-е гг. в Троицком храме служил Алексей Иванович Казанский[8] (его могила находится на прежнем месте захоронений священников у бывшего алтаря деревянного храма). Запись: «Протоиерей Михаил Иванович Казанский, настоятель церкви с 1891 по 1927. Скончался 12 января 1927 г. на 63 году жизни».

Документы сохранили нам сведения об арестованном 30 января 1930 г. жителе села Федотова, священнике Алексее Ивановиче Казанском. 22 марта он был осужден за «проведении систематической контрреволюционной и антиколхознойдеятельности» и сосланв Северный край на 3 года с конфискацией имущества. Иждивенцы, перечисленные в деле (сестра со своими детьми и детьми Михаила Ивановича), наверняка, остались без крова.

В 1970 г. заброшенный каменный храм описали специалисты из Отдела охраны памятников Калужской области[9]. Описание памятника, обмеры и фото были выполнены в 1970 г. архитектором Г. К. Игнатьевым и студентом МАИ С. Г. Игнатьевым.

Церковь закрыли в 1939 г. С 1961 г. помещение использовали под зерносклад колхоза им. Кирова[10].

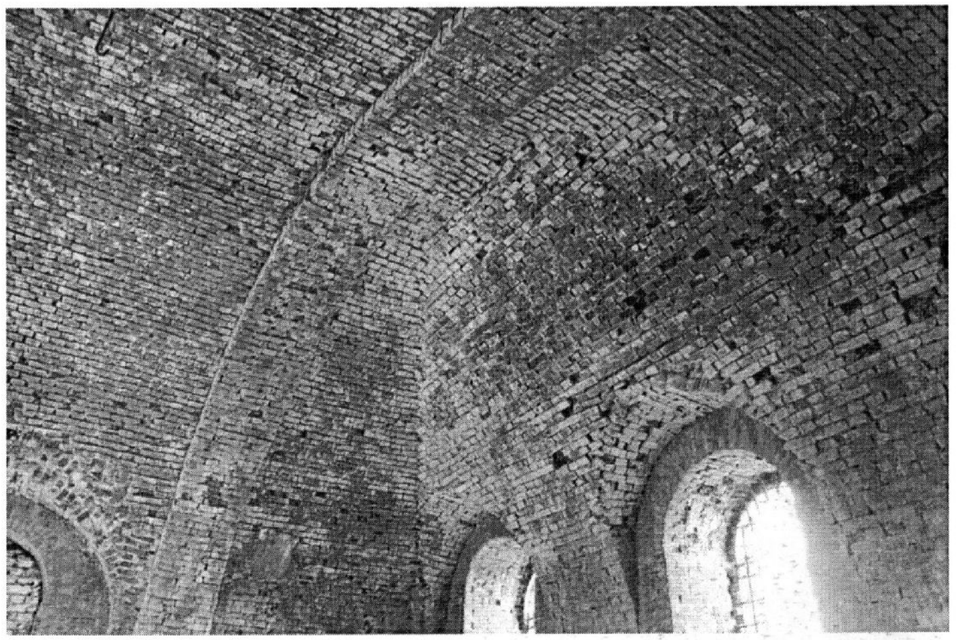
В настоящее время храм восстанавливается. Уже три года в нем служит о. Димитрий.

С 1833 г. в Троицком храме служил священник Гавриил Петрович Вишняков. Он скончался в январе 1870 г., прослужив 37 лет. В этот период проект каменной церкви только готовился. Но, судя по тому, что рассмотренное ранее дело об утверждении проекта на строительство каменной церкви длилось с декабря 1871 по ноябрь 1877 г., можно предположить, что и подготовка к осуществлению проекта и сбор средств на храм были продолжительными. И наверняка до самой своей кончины священник Гавриил Петрович Вишняков (1798—22.02.1870) занимался подготовкой к строительству каменного храма.

Гавриил Петрович Вишняков после окончания с отличием Калужской духовной семинарии в июле 1820 г.[11] был определен «по высшему отделению учителем» Боровского духовного уездного училища. С ноября 1820 года (13 лет) состоял инспектором Боровских духовных училищ (Боровское уездное и приходское)[12].

По окончании Калужской духовной семинарии получил аттестат, в котором подведены итоги его 13-летнего обучения. «При способностях весьма хороших и прилежанием примерным обучался в оной семинарии наукам:богословским успехов превосходных, философским очень хорошим, …историческим весьма хорошим, математическим похвальным, языкам латинскому очень хорошим, греческому отличным, еврейскому отличным. Поведения весьма честнаго… Ректор архимандрит Феофилакт»[13].

В годичных ведомостях об учениках Калужской семинарии за 1815 и 1819 гг. обозначен год поступления ученика на обучение. Так «Гавриил Вишняков города Боровска Рощинской слободы Богословской церкви священника Петра Артемиева сын» поступил на обучение в семинарию 4 сентября 1808 г., в десятилетнем возрасте. А закончил учебное заведение в июле 1820-го, когда ему было 23 года. Причем в 1815 г. он учился еще «на отеческий счет», а в 1819—1820 гг. состоял в списке учеников «по успехам» по 1-му разряду («отлично успешные») и обучался за казенный счет. В ведомости об учениках семинарии за декабрь 1818-го по трем разделам (способности, прилежности и успехов) запись «похвальных»[14].



Ил. 4. Своды Троицкой церкви. Фото В. Н. Фридгельм. 2014.

26 июля 1833 г. Гавриил Петрович Вишняков подал прошение на определение его на место священника в Троицкой церкви села Федотова. На место вдового священника Василия Иванова (52 лет)[15]. На что получил разрешение в августе 1833 г. В это время Гавриилу Петровичу было 35 лет. В послужном списке (1833) он характеризовался так: «Поведения отличного, доброго, в должности при всегдашнем усердии и деятельности всегда исправен и при сем очень благонадежен»[16]. Преосвященным Николаем был руко-

Ил. 5. Вид на Троицкую церковь. Фото Е. И. Фридгельма. 2014.

Ил. 6. Священник Гавриил Петрович Вишняков. 1860-е гг.

положен во священника к Троицкой церкви села Федотова Боровского уезда 15 августа 1833 г. 30 марта 1835 г. был определен благочинным и сотрудником попечительства о бедных духовного звания. За ревностное исполнение благочиннической должности был награжден набедренником. За усердную службу на духовном поприще 3 февраля 1864 г. был награжден наперсным крестом с причислением ордену св. Анны 3-й ст. В память Крымской войны 1853—1856 гг. был награжден бронзовым крестом на Владимирской ленте[17]. В период его служения в казенном селе Федотове при речке Боринке было число дворов — 46, число жителей м. п. — 183, ж. п. — 203[18].

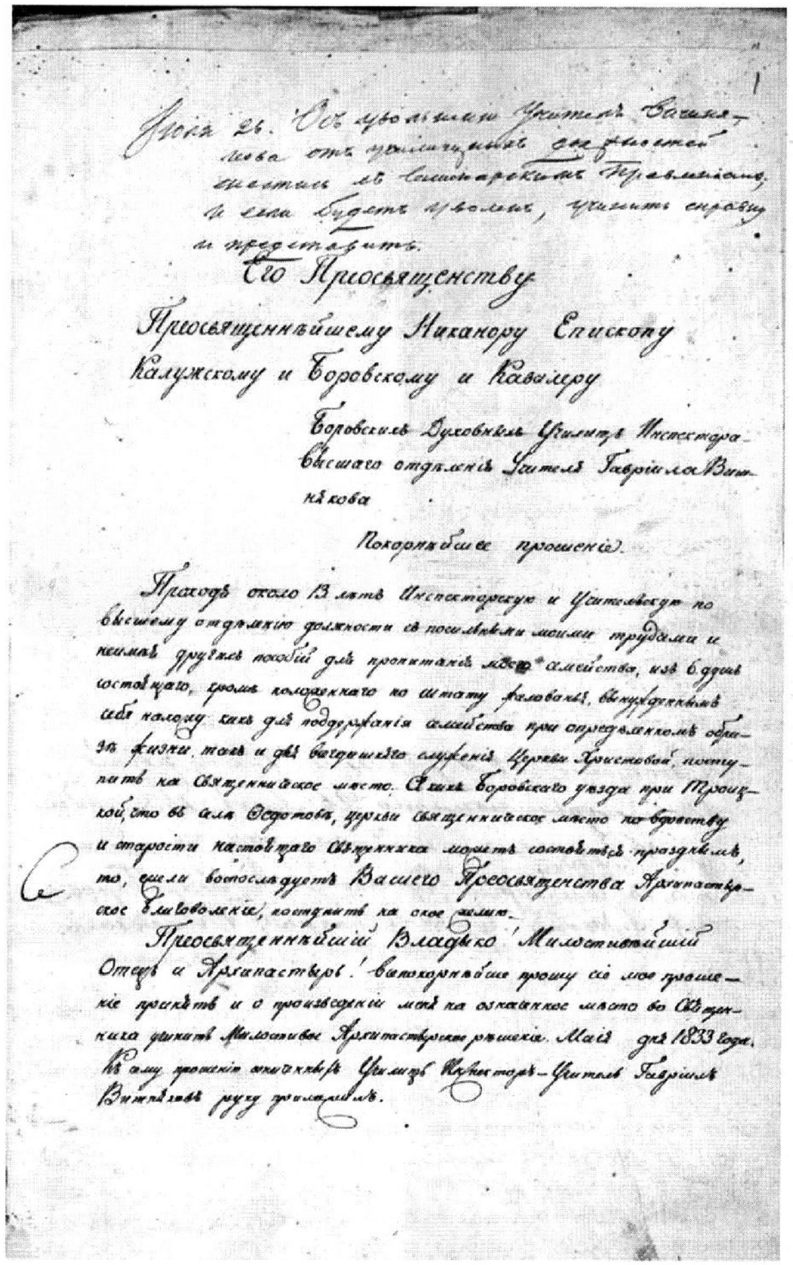
В Памятных книжках Калужской губернии на 1861, 1862—1863 гг. Гавриил Петрович упоминался как благочинный Боровского уезда священник Троицкой церкви с. Федотова. В IV благочинии Боровского уезда входили церкви и приходы восемнадцати сел[19]. Это села Белкино, Федотово при речке Боринке, Рощинская слобода, Тимошево при р. Городенке, Беницы при р. Протве, Савьяки при р. Протве, Уваровское при р. Уваровке, Аграфенино, Маломахово при р. Исьме, Серединское при р. Межухе, Марьино при р. Межухе, Никольское на Луже, Боболи при р. Кизоме, Сушево (Сошево) при р. Осенке, Юрьевское при р. Луже, Зеленино при р. Ксеме, Лукьяново при р. Луже, Ильинское (Рыбино) при р. Вепрейке и Луже, Масалово при р. Луже

В КЕВ № 18 от 30 сентября 1863 года было помещено сообщение об увольнении священника села Федотова Гавриила Вишнякова «по болезненному его состоянию 21 сего сентября от должности Благочиннаго; состоявшия же в его ведомстве церкви сел: Федотова, Савьяков, Аграфенина и Бениц переведены в ведомство Благочиннаго Боровского собора Протоиерея Евгения Черткова, а сел: Иклинскаго, Рождествена, Катова, Атепцова, Слизнева, Каменскаго и Ворсина — в ведомство Боровскаго Священника Василия Баталина»[20].

В КЕВ № 5 от 15 марта 1870 г было помещено сообщение о священнической вакансии: «Боровского уезда, в селе Федотове, за смертию февраля 22 священника Гавриила Вишнякова»[21]..

Г. П. Вишняков был женат на дочери соборного священника Московской епархии города Вереи Иоанна Никифорова Скобеева Елизавете (венчание 3 ноября 1824 года в Рождественской церкви Рощинской слободы города Боровска)[22]. Старинная церковь Рождества Пресвятой Богородицы для венчания была выбрана неслучайно. Ведь здесь служил отец Гавриила Петровича, здесь его крестили. В Рощинской слободе города Боровска прошло его детство.

По ревизской сказке о священноцерковнослужителях за 11 декабря 1833 г., в семье священника Богословской (позже Рождественской) церкви Рощинской слободы г. Боровска Петра Артемьевича Вишнякова числились: сам священник Петр Артемьев 76 лет, жена священника Марья Федоровна 72 лет, сыновья Гавриил («поступил во священника села Федотова» в 1833 г.) 35 лет и Иосиф (с 1831 г. учащийся медико-хирургической академии) 26 лет[23]. По ревизской сказке 15 декабря 1833 года, в семье священника с. Федотова



Уроженца Калужской губернии Боровского уезда от родителей священника Василия села Федотова Боровского уезда, и села будет время, желаю служить и представить.

Его Преосвященству

Преосвященнейшему Никанору Епископу Калужскому и Боровскому и Кавалеру

Боровского Духовного Училища Инспектора Высшаго отделения Учителя Гавриила Вишнякова

Покорнейшее прошение.

Прослужа около 13 лет Инспектором и Учителем по Высшему отделению должности с посильными моими трудами и нежными другъев пособий для пропитания моего семейства, изъ 6 душъ состоящаго, кроме малолетнаго по штату фельдшера, обнадеженным себя полагаю сим для поддержания семейства при определенном образа жизни, так и для выгодняго служения Церкви Христовой, поступить на Священническое место. О сем Боровского уезда при Троицкой, что в селе Федотове, должно священническое место по бракоству и старости настоятеля Священника может сделаться праздным, то, если воспоследует Вашего Преосвященства Архипастырское благоволение, поступить на оное смело.

Преосвященнейший Владыко! Милостивейший Отец и Архипастырь! Всепокорнейше прошу сие мое прошение принять и о произведении меня на означенное место во Священника донять Милостивым Архипастырским рашением. Мая дня 1833 года.

К сему прошению священник Училищ Инспектор-Учитель Гавриил Вишняков руку приложил.

Ил. 7. Прошение Гавриила Петровича Вишнякова на священническое место. 1833.

Гавриила Петровича записаны дочери Мария (4 года)[24], Екатерина (2 года) и Александра (1 мес.)[25].

Около 1826 г. родился сын Александр (окончил курс Калужской духовной семинарии). Сыновья Сергей (р. ок. 1835 г.) и Иван (р. 2 января 1842 г.) учились в Боровском уездном училище. В 1845 г. 16 марта родился сын Алексей[26], а жена Елизавета Ивановна скончалась в этот день «от родов» в возрасте 37 лет. 21 апреля (через 5 недель после рождения) не стало новорожденного Алексея[27].

Младший сын священника Гавриила Петровича Вишнякова Иван Гаврилович (2.01.1842 — после 1907), в 1863 г. обучался в Калужской духовной семинарии[28].

Ил. 8. Рождественская церковь Рощинской слободы г. Боровска. 2014.

После окончания семинарии (1864) Иван Гаврилович Вишняков в 1866 г. был «уволен из духовного звания для избрания другого рода жизни»[29]. В декабре 1866 г. вступил в службу в Калужское губернское казначейство писцом 2-го разряда.

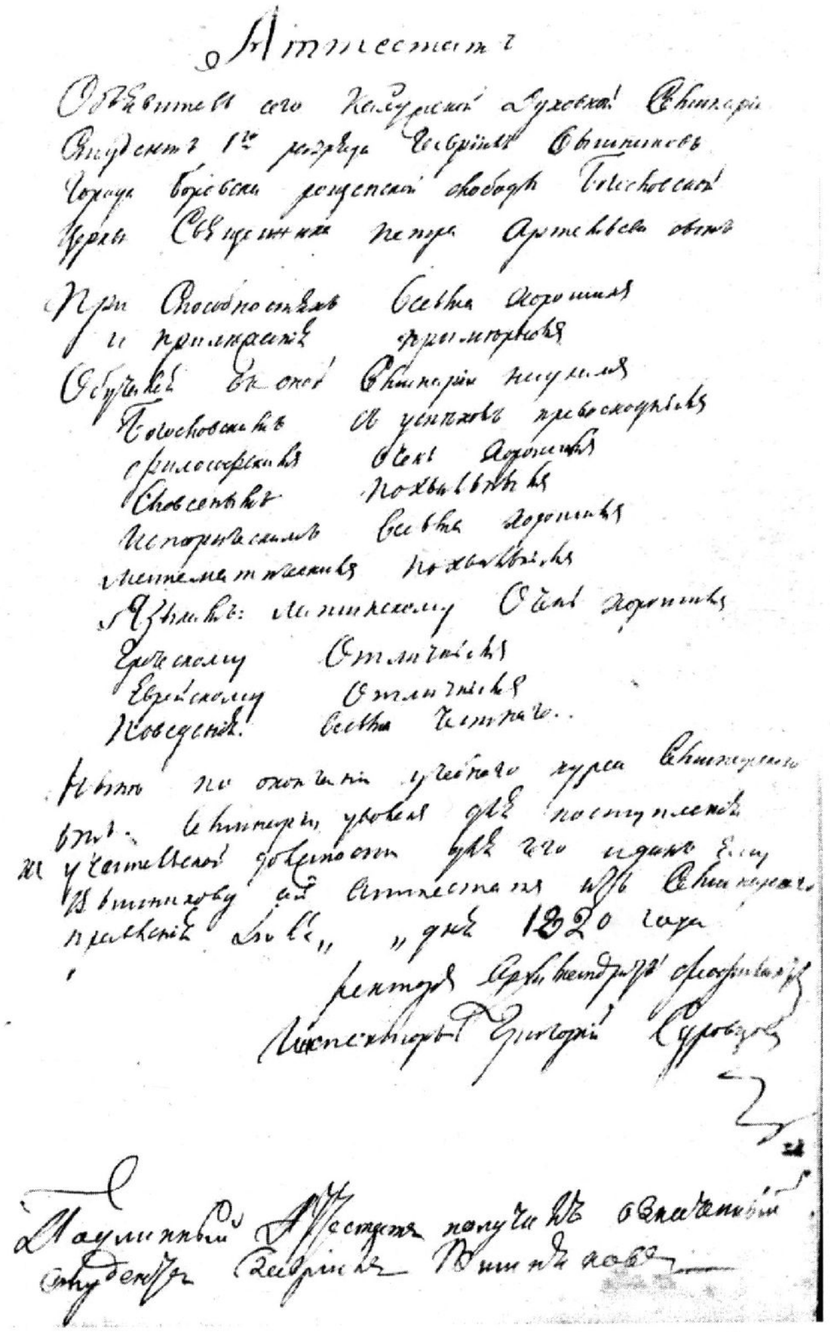
Он прослужил в Калужском губернском казначействе до своей кончины, возможно в 1907 г. Дело в том, что запись о его службе в Памятной книжке за 1908 г. уже отсутствует. Но по Памятным книжкам Калужской губернии можно проследить его служебную карьеру (38 лет) в Калужском губернском казначействе, которое располагалось в здании Присутственных мест. В 1885 г. коллежский асессор И. Г. Вишняков имел должность бухгалтера. В 1888 г. при повышении чина он получил должность помощника казначея, в которой пребывал до 1900 г. В последние годы жизни коллежский советник И. Г. Вишняков записан как кассир Калужского губернского казначейства[30]. В 1904 г. «в воздаяние усердной службы… беспорочно» в течение 35 лет он был пожалован орденом св. Владимира 4-й степени[31].Наверное, его похоронили на калужском Пятницком кладбище.

Его жена — Евгения Васильевна. Они вырастили пятерых детей: Ивана (р. 17.02.1872), Елизавету (р. 12/13.08.1873), Евгения (р. 16.02.1875), Николая (р. 30.11.1878), Елену (р. 26.05.1880)[32].

Семья И. Г. Вишнякова жила в Калуге в собственном двухэтажном доме на Нижней Садовой улице, № 250[33] (в советский период — ул. Гагарина, 28). Дети окончили калужские мужскую и женскую гимназии. Дочери остались преподавать в Калуге, а сыновья уехали учиться в Москву.

После окончания юридического факультета Московского университета только старший сын Ивана Гавриловича Иван Иванович Вишняков (17.02.1872—12.10.1950) стал служить в Калужской губернии. Вначале судьей в Лихвинском, затем в Козельском (1907—1911) уездах, а позже в городе Малоярославце (1912—1917), где и закончил свои дни в 1950 г. лишенцем[34].

Будучи в 1905 г. судебным следователем в Калужском окружном суде по Лихвинскому уезду (в Памятных книжках по Калужской губернии с 1903 г. и далее[35]), а также судебным следователем г. Лихвина, Иван Иванович женился на дворянке Вере Николаевне Дубасовой (имение Дубасовых располагалось в селе Переверзеве Лихвинского уезда Калужской губернии)[36].



Ил. 9. Аттестат студента 1-го разряда Г. П. Вишнякова по окончании Калужской духовной семинарии. 1820.

Их дочь Мария (5.11.1907—5.10.1979) в Москве в 1928 г. вышла замуж за молодого поэта Арсения Тарковского, и в 1930-е гг. у них родились двое детей — Андрей и Марина[37].

В 2014 году Марине Арсеньевне Тарковской исполнилось 80 лет. Многие годы она занимается сохранением памяти о своем отце и брате. Мне хотелось бы, чтобы собранные мной материалы послужили дополнением ее семейного архива.

1819 года Іюля 31 дня. Въ Высокомъ Слѣ

Списокъ 3

Учениковъ Калужской Семинаріи высшаго отдѣленія раздѣленныхъ на разряды по успѣхамъ, учиненный послѣ публичныхъ испытаній происходившихъ въ 1-й половинѣ Іюля — 1819-го года.

1-го разряда.

Лазарь — Зайцевъ
Василій — Поповъ
Николай — Синицынъ
Матѳей — Котелкинъ
Гавріилъ — Вишняковъ
Петръ — Соколовъ
Яковъ — Чистяковъ
Онуфрій — Поповъ
Иванъ — Поповъ большій
Діонисій — Лебедевъ
Григорій — Остроумовъ
Андрей — Чистяковъ
Андрей — Спасскій
Павелъ — Гречишниковъ.
Итого 14 чел.

2-го разряда.

Кузьма — Поповъ
Василій — Мизеровъ
Алексѣй — Крыловъ
Яковъ — Якушинъ

Ил. 10. Список учеников высшего отделения Калужской духовной семинарии. 1819.

Примечания

[1] См.: *Тарковская М. А.*. Осколки зеркала. — М., 2006.

[2] Боровская десятина 136 (1628)—1746 гг. письма и дозора Тимофея Потапова 128 года // Калужская старина: Издание Калужского церковного историко-археологического общества. — Т. 4. — Калуга, 1905. С. 25; Калужские епархиальные ведомости (КЕВ). — 1898. — № 9. — С. 330.

В 1833 г. церковь была деревянной с колокольней, «крепка». Приходских дворов 182, душ мужского пола 698 (см.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 229. Л. 7. 1833).

Послужной

Объ Исполнителя должности учителя Высшаго Отдѣленія Боровскаго Духовнаго

Имя и званіе	лѣта отъ роду	изъ какой нации и сословія	Куда и какую обучался
Учитель Училища Высшаго Отдѣленія Греческаго языка Богословія Географіи и Исторіи и Математики Учитель Гавріилъ Іоаннов Вишняковъ	35	Великороссійскаго Духовнаго сословія.	Въ 1814-го года обучался въ Калужской Семинаріи наукамъ Словесности, Философіи, Словенскому, Историческому и Математическому языкамъ: с Латинскому, Греческому, Еврейскому и Французскому, и окончанія курса наукамъ по 1-му разряду вожтанникомъ со званіемъ Студента первой категоріи.

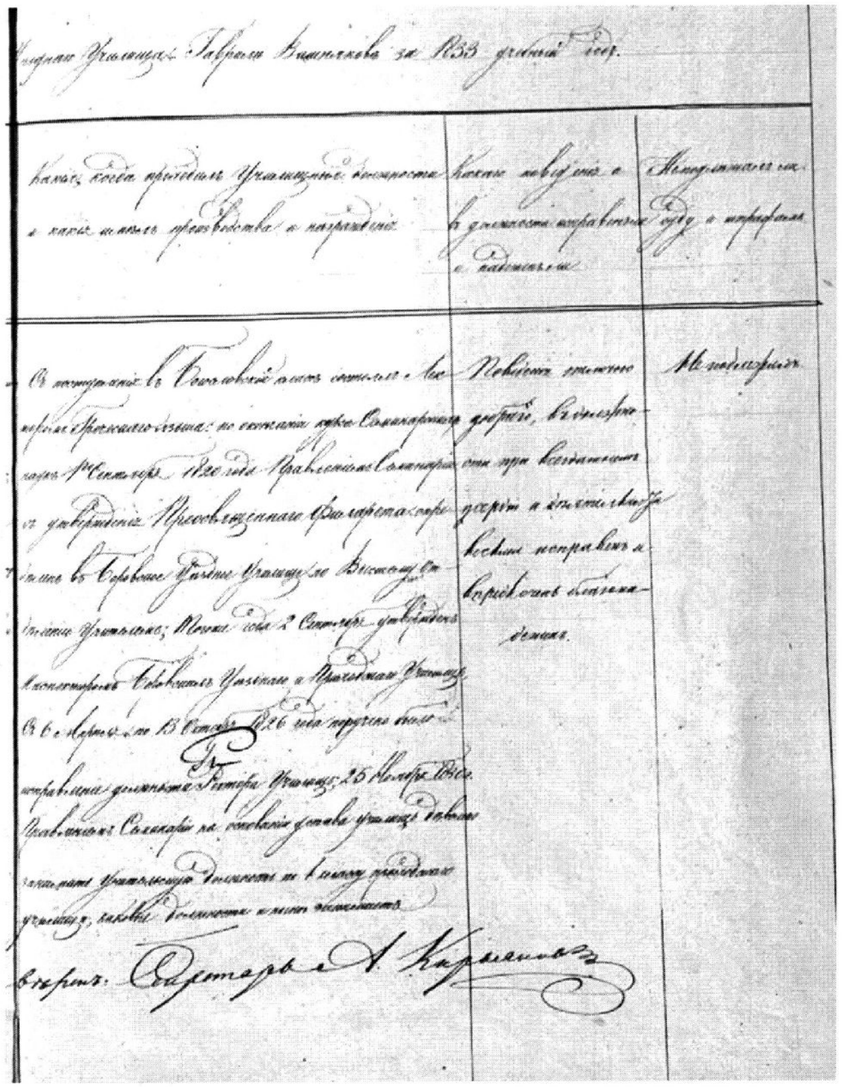
Ил. 11. Послужной список учителя высшего отделения Боровского духовного училища Г. П. Вишнякова. 1833.

В 1867 г. приходских дворов 210. Душ мужского пола 845, женского — 981. В том числе: с. Федотово (44—181—185), д. Митяево (50—212—245), д. Башкардова (20—86—91), д. Минькова (17—72—76), д. Рязанцева (15—52—73), дер. Лучны (32—121—168), д. Тишинка (31—121—140) (см. там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 48 об. 1867).

Десятина в смысле налога существовала в России. Позднее десятинами стали называть округа, на которые делилась епархия (ныне они называются благочиниями). Чиновники, назначавшиеся архиереями для начальствования в таких округах, назывались десятильниками. В их обязанности входил, в том числе, сбор дани с приходов и монастырей в пользу архиерейского дома (см.: Википедия).

[3] ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 820. Л. 45-48 об.

[4] Там же. Оп. 1. Д. 3817. Л. 547, 547 об.



Ил. 12. Послужной список учителя высшего отделения Боровского духовного училища Г. П. Вишнякова. 1833.

[5] См. там же. Ф. 62. Оп. 17. Д. 536. Л. 7, 7 об.

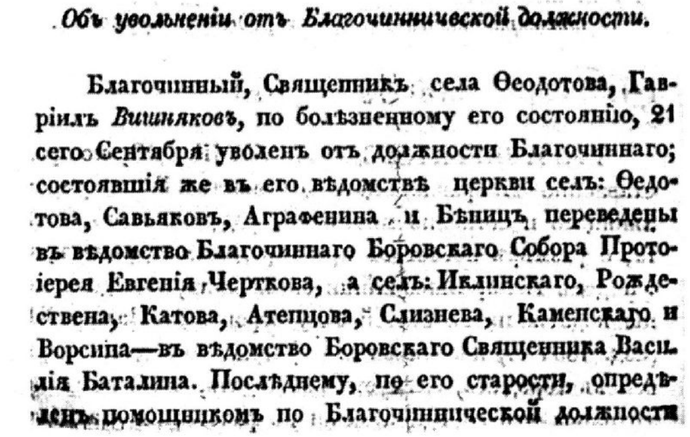
[6] Аршин = 71,12 см, 12 аршин = 853,44 см.

[7] См. там же. Д. 536.

[8] **Казанский** Алексей Иванович, 1863 г. рождения, уроженец с. Дашино Мосальского уезда Калужской губернии, житель с. Федотово Боровского района, священнослужитель с высшим духовным академическим образованием. С 1889 г. по 1915 г. служил инспектором класса Епархиального женского училища в Калуге, одновременно придерживаясь политических взглядов кадетской партии, с 1915 по 1918 г. проживал в Румынии в г. Кишиневе, где был смотрителем духовного училища, с 1922 г. священник. Имеет награды за службу орденами (св. Владимира и Анны), убежденный Тихоновец. Женат, имеет сына 32 лет. В хозяйстве имеет одну корову.

Лишен избирательных прав в 1922 г. как священник.

Арестован 30 января 1930 г. Калужским окружным отделом ОГПУ по обвинению в «проведении систематической контрреволюционной и антиколхознойдеятельности». (На коммунистов Казанский, ругая их, говорил: «Это не люди, а просто шпана». Агитируя говорил: «Скоро придет конец Советской власти — недолго осталось ей существовать». Против самообложения говорил: «Зачем вы даете хлеб, все равно сгниет и пропадет».)



Объ увольненіи отъ Благочиннической должности.

Благочинный, Священникъ села Ѳеодотова, Гавріилъ *Вишняковъ*, по болѣзненному его состоянію, 21 сего Сентября уволенъ отъ должности Благочиннаго; состоявшія же въ его вѣдомствѣ церкви селъ: Ѳедотова, Савьяковъ, Аграфенина и Бѣницъ переведены въ вѣдомство Благочиннаго Боровскаго Собора Протоіерея Евгенія Черткова, а селъ: Иллинскаго, Рождествена, Катова, Атепцова, Слизнева, Каменскаго и Ворсина—въ вѣдомство Боровскаго Священника Василія Баталина. Послѣднему, по его старости, опредѣленъ помощникомъ по Благочинической должности

Ил. 13. Сообщение в «Калужских епархиальных ведомостях» об увольнении от должности благочинного Боровского уезда. 30 сентября 1863 г.

По постановлению тройки при ПП ОГПУ Московской области от 22 марта 1930 г., на основании ст. 58, п. 10 УК РСФСР, Казанский А. И. приговорен к 3 годам ссылки в Северный край и конфискации имущества.

По заключению Прокуратуры Калужской области от 29 июня 1989 г., на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов», Казанский А. И. реабилитирован (см.: УФСБ, П-5158).

Казанские, жители д. Федотово, лишены избирательных прав (1930):

— Алексей Иванович — как священник;

— Мария Алексеевна, Анна Ивановна, Анастасия Ивановна, Михаил Иванович, Константин Иванович, Анатолий Михайлович, Леонид Михайлович, Антонина Михайловна, Таиса Михайловна — как иждивенцы (данные В. А. Овчинникова, г. Боровск).

[9] «Церковь расположена на крутом берегу речки Боринки, на высоком холме, окруженном оврагами.

Одноглавый, одноапсидный, бесстолпный храм с ротондой на четверике имеет с запада одноэтажную, также бесстолпную, трапезную и трехярусную колокольню. Здание симметрично относительно оси восток-запад. Трапезная соединена с колокольней небольшим притвором. Основные размеры церкви: общая длина 38,5 м, ширина черверика 11,5 м, трапезной 13,0 м.

Здание кирпичное, перекрыто кирпичными же сводами. Основное здание (четверик с ротондой) перекрыто куполом; переход от ротонды к четверику осуществлен ступенчатыми трампами; трапезная перекрыта сомкнутым сводом на подпружных арках; апсида — полусферой. Фундаменты бутовые, цоколя белокаменные. Размер кирпича — 6,5×12×25. Кладка крестовая на известковом растворе. Здание оштукатурено не было, сохранились следы побелки по кирпичу.

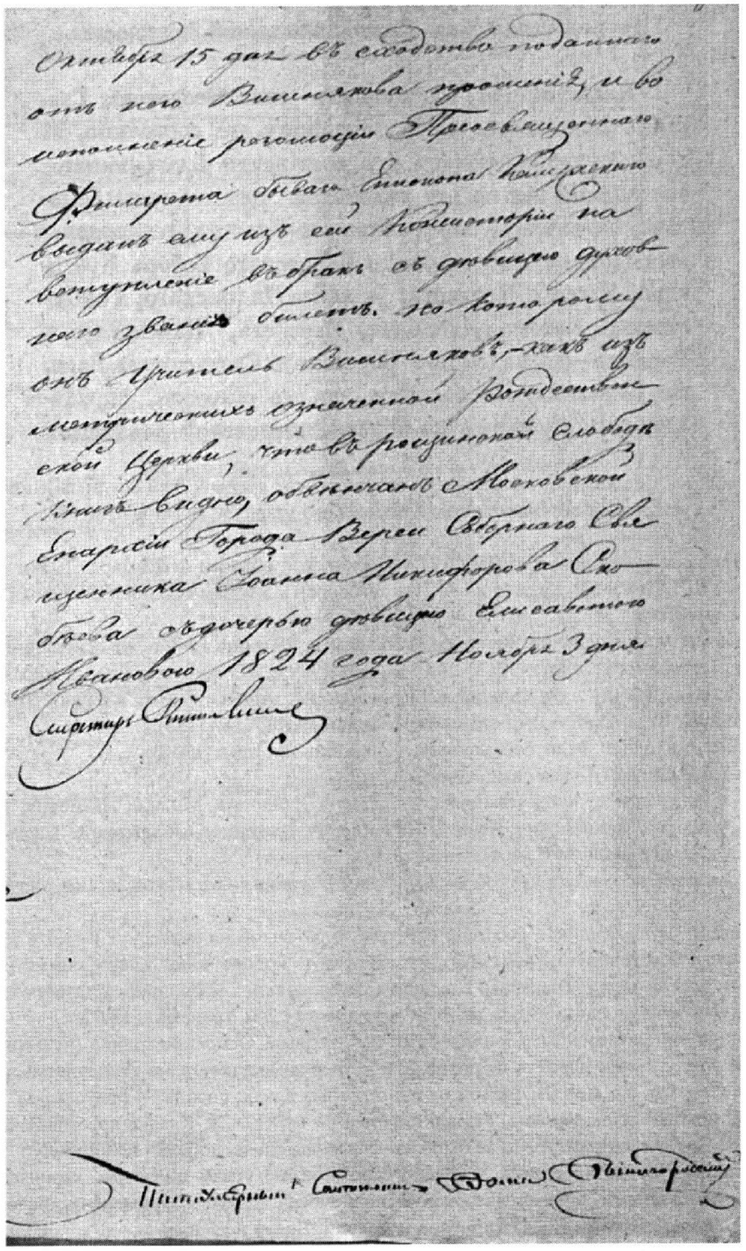
Декоративное убранство здания довольно скромное: по углам пилястры, карнизы, сандрики над оконными проемами, обрамление окон выполнено из кирпича. Применение белого камня в декоре ограничено: верхняя полка карнизов и цоколи. Более насыщен декор колокольни, выполненный в аналогичных материалах. Здание разнообразят сухарики на карнизах, руст 1-го яруса, архивольты арок, филенки, пилястры и т. п. Декоративные элементы здания так же ка и его композиция, свойственна архитектуре позднего классицизма.

Интерьер памятника. Бесстолпный перекрытый куполом храм (размером 8,5×8,5), связан широкими арками с полукруглой в плане алтарной апсидой (радиусом 3.5 м) и бесстолпной же трапезной (10,0×10,4).

Стены и своды были покрыты гладкой известковой штукатуркой и расписаны. Полы досчатые, поздние.

На кое-где оставшейся штукатурке сохранились следы потемневшей живописи, по которым определить ее характер не представляется возможным. Весь интерьер был сожжен при отступлении немцами в 1941 году.

Памятник не стоит на государственной охране. Реставрационные работы не проводились. Использовался под склад колхоза “Маяк”» (Отдел охраны памятников Калужской области // ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 6. Д. 276).



Ил. 14. О браке Г. П. Вишнякова и Е. И. Скобеевой. 1824.

[10] По данным В. В.Легостаева; ГАКО. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 63.
[11] См. там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 775. Л. 3.
[12] Там же. Д. 732. Л. 2.
[13] Там же. Д. 775. Л. 3.
[14] Там же. Д. 582. Л. 3; Д. 502. Л. 11, 43; Д. 777. Л. 2, 3; Д. 301. Л. 1, 12 об.; Д. 584. Л. 1, 1 об.
[15] На место вдового священника Василия Иванова (52 лет). (ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 229. Л. 7).
[16] Там же. Л. 1, 5 об., 6. 1833.
[17] См. там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 46 об. 1867.
[18] См.: Список населенных мест Калужской губернии за 1869 год. — Калуга, 1869.
[19] См.: Список IV благочинического округа дан в Памятных книжках Калужской губернии на 1873—1874 гг.

Ил. 15. Иван Гаврилович Вишняков, Калужский казначей.1890.

Ил. 16. Иван Иванович Вишняков с дочерью Марией. Калуга, 1918.

[20] КЕВ. — 1863, 30 сент. — № 18. — С. 127 (по данным В. В.Легостаева).
[21] Там же. — 1870, 15 марта. — № 5. — С. 45 (по данным В. В.Легостаева).
[22] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 229. Л. 8. 1833.
[23] См. там же. Оп. 7. Д. 4. Л. 886 об., 887.
[24] Дочь Мария Гавриловна Зверева в документах 1867 г. — вдова священника с. Холмищи Жиздринского уезда Евфимия Зверева. У нее дети: Елизавета (15 лет), Владимир (ученик Калужского духовного училища, 13 лет), Мария (10 лет), Анастасия (5 лет) (см. там же. Оп. 3. Д. 820. Л. 47 об. 1867).
[25] См. там же. Л. 1115.
[26] См. там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 104. Л. 222.
[27] См. там же. Л. 254.
[28] См. там же. Ф. 33. Оп. 3. Д. 623. Л. 36 об. Клировые ведомости церквей Боровского уезда за 1863 г..
[29] Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 304. Д. 135.
[30] См.: Памятные книжки Калужской губернии на 1885—1908 годы. — Калуга, 1885—1908.
[31] См.: Формулярный список и документ о награждении орденом из семейного архива правнучки И. Г.Вишнякова Ирины Владимировны Абрамовой.
[32] ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 304. Д. 135. Л. 5—7.
[33] См.: ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 266. 1902.
[34] Из переписки с внучками И. И. Вишнякова Мариной Арсеньевной Тарковской и Ириной Владимировной Абрамовой.
[35] См.: Памятные книжки Калужской губернии на 1902—1916 годы. — Калуга, 1902—1916.
[36] Список населенных мест Калужской губернии за 1859 год. — Калуга, 1863.
[37] Андрей Арсеньевич Тарковский (4.04.1932—29.12.1986); Марина Арсеньевна Тарковская (р. 3.10.1934). Из переписки с внучками И. И.Вишнякова Мариной Арсеньевной Тарковской и Ириной Владимировной Абрамовой.

УСАДЬБЫ БЕЛКИНО, БУГРЫ, ТУРЛИКИ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. СЕРОВА

***З. В. Васильева**, зав. отд., Музей истории г. Обнинска*

В ста километрах юго-западу от Москвы, среди поросших лесом холмов, прорезанных крутыми оврагами, на территории современного города Обнинска приютились три усадьбы, расположенные приблизительно в двух километрах друг от друга — это Белкино, Бугры и Турлики. В конце XIX — начале XX в их владельцы Обнинские-Трояновские были связаны тесными родственными узами и воспринимались как единое целое, как своеобразный культурный центр, обладавший особой притягательностью для известных музыкантов, поэтов, художников. В 1904 году здесь гостил и работал художник, портретист Валентин Александрович Серов.

Родился Валентин Александрович Серов (1865—1911) 7 (19) января в Петербурге в семье композитора Александра Николаевича Серова, страстного любителя рисования. Рисовать мальчик начал с раннего возраста; «иначе и быть не могло: рисование как занятие в семье было естественным и обычным». Когда мальчику исполнилось шесть, лет умер отец. В судьбе молодого дарования рано оставшегося без отца, принял участие друг семьи, художник Илья Ефимович Репин. Он не только обнаружил в мальчике незаурядные художественные способности, но и стал, в сущности, первым его наставником и учителем.

В 1880 г. Валентин Серов — вольнослушатель в Петербургской Академии художеств и занимается в частной мастерской П. П. Чистякова. Изучает живопись старых фламандских и голландских мастеров в Германии, Бельгии, Голландии.

В 1889 г. в Петербурге, в церкви Семеновского полка Валентин Серов венчается с Ольгой Трубниковой. Левитан Исаак Ильич — в числе тех близких людей, кто поздравил его со свадьбой. Вскоре Серов с семьей из Петербурга переезжает в Москву.

В 1890-е гг. В. А. Серов уже приобрел славу выдающегося портретиста. Его моделями становятся артисты, писатели, представители крупной буржуазии, высшей знати, художники. В Трехсвятительском переулке, в доме-мастерской в 1893 г. он пишет «Портрет Левитана». На XXI выставке ТПХВ портрет демонстрируется и имеет огромный успех. Тесная дружба связывает Серова с Левитаном. Они оба участвуют в выставках, посещают рисовальные вечера у В.Д. Поленова, субботние вечера в Московском объединении любителей художеств, где, по всей вероятности, и знакомятся с доктором Иваном Ивановичем Трояновским (1855—1928), тогда начинающим коллекционером, но уже популярным в среде московской творческой интеллигенции.

Талантливый врач-терапевт, хирург И. И. Трояновский по окончании медицинского факультета Московского университета работал в городских больницах Москвы. Одновременно занимался обширной частной практикой. Учился у русского живописца Сергея Арсеньевича Виноградова, достиг значительных успехов, но художником не стал. В 1884 г. женился на дочери калужского дворянина, действительного статского советника, судебного деятеля и публициста, П. Н. Обнинского — Анне Петровне (1862—1920). В приданое ей было отдано имение Бугры в Малоярославецком уезде Калужской губернии, где Трояновские жили в летнее время. Увлекаясь коллекционированием картин современных ему русских мастеров, в тоже время он был лечащим врачом и близким другом В. А. Серова и И. И. Левитана, обоих лечил от тяжелой болезни сердца.

В 1900 г., когда Левитан серьезно заболел, к его лечению подключился доктор Трояновский. Он днями и ночами не отходил от больного, но все попытки спасти художника оказались напрасными. 22 июля И. И. Левитан скончался. Серов, к этому времени, добившийся уже международного признания, как участник от России, находился на Всемирной выставке в Париже. Узнав о трагическом событии, он был потрясен и тут же вернулся из Парижа.

После смерти Левитана В. А. Серов сблизился с семьей Трояновских, стал чаще навещать их. Жена И. И. Трояновского, Анна Петровна, прекрасная пианистка, умная, образованная общительная хозяйка была душой собиравшегося здесь общества. В их уютную квартиру в Филипповском переулке на «огонек» заходили В. Д. Поленов, Н. Р. Кочетов,

Ил. 1. В. А. Серов. Портрет К. А. Обнинской с зайчиком. 1904. Картон, карандаш, сангина, уголь, пастель.

Ф. И. Шаляпин, И. Э. Грабарь, В. Я. Брюсов и др. Где бы В. А. Серов ни находился, доктор Иван Иванович Трояновский постоянно следил не только за его творческими успехами, но и за здоровьем. 22 августа 1903 г. Серов пишет жене Ольге Федоровне Серовой: «Был у Трояновских, последние остатки от воспаления легкого прошли, исчезли». Или «…чувствую себя хорошо, Трояновского не застал»[1].

В ноябре 1903 года Валентин Александрович опять заболел. Консилиум врачей установил наличие опасной язвы в желудке. Операцию делал хирург Березкин. Серов пожелал, чтобы на операции присутствовали его друзья, врачи — профессор С. С. Боткин и И. И. Трояновский.

Только в конце января 1904 г. Серов оставил больницу и переехал на свою квартиру. Выхаживал его Трояновский. «В течение двух месяцев ежедневно навещал он художника на дому, делая перевязки. Всегда веселый и жизнерадостный он много шутил, старался развлечь больного. Серов, лежа в постели, наблюдал за доктором, ничем не выдавая своего внимания. Не меняя мрачноватого выражения лица, разговаривал, и что-то зарисовывал украдкой. Обладая тонким чувством юмора, и чутьем художника, Серов сумел уловить характерные черты доктора, и изобразил его в виде фанфаронистого петуха, и тут же в углу листа с характерным для него юмором написал: «От неблагодарного пациента. Серов»[2]. Трояновский, увидев шарж, был сражен.

Ил. 2. В. А. Серов. Шарж. И. И. Трояновский. 1903 (повт. 1908). Бумага, карандаш.

Весь 1904 г. здоровье Серова медленно восстанавливалось. Ему были запрещены резкие движения, всякие игры на воздухе и рекомендована осторожность в выборе еды. В начале февраля 1904 г. врачи разрешили переехать в Домотканово, где он тут же приступил к работе. В марте пишет одно из своих выдающихся произведений «Стригуны на водопое». По истечении срока лечения в знак благодарности художник предложил доктору и коллекционеру Трояновскому выбрать любую работу, находящуюся в мастерской. Иван Иванович выбрал этот очаровательный этюд.

Летом этого же года художник с семьей отдыхает на даче в Ино, в Финляндии, а ближе к осени, по приглашению доктора И. И. Трояновского, едет в его имение Бугры. Гостеприимство хозяев, красота природы, все нравилось Серову. Небольшого роста, мешковатый неповоротливый и угрюмый, на самом деле он был веселым милейшим человеком. Много радостных минут приносили встречи с ним. А как азартно, ловко играл он в городки и крокет. Анна Ивановна, девятнадцатилетняя дочь И. И. Трояновского, часто составляла ему партию. Вечерами, собравшись в большой комнате, где деревянные, неокрашенные стены дышали теплом и деревенским уютом, удобно рассевшись в плетеных креслах, читали вслух Диккенса или Успенского, которых Серов очень любил. Художник здесь отдыхал, целыми днями бродил с альбомом в руках, делая зарисовки животных и птиц, «природа Малоярославецкого уезда располагала к этому занятию». Много набросков, рисунков и иллюстраций сделал он к басням Крылова. В баснях Серова привлекал острый юмор, а кроме всего в поведении животных и людей он находил много сходства. Одну из иллюстраций «Волк и журавль» Серов подарил Трояновскому.

Ил. 3. В. А. Серов. Портрет А. П. Трояновской. 1905. Картон, пастель, уголь.

В этот свой приезд, в последние августовские теплые дни 1904 г., побывал Серов и в Белкино. Усадьба утратила свой прежний блеск. Дом ветшал, зарастал парк. Парадный двор превратился в интимный внутренний дворик. Вид старого усадебного дома поразил воображение художника. «...Из нескольких написанных им в Белкине этюдов удался только один зал старого дома...»[3] «Это грустная, лирическая картина все еще прекрасного, но уже давно запустевшего двусветного зала с бегущей трещиной по стене, со старой мебелью, уже давно не обновлявшейся».

В двух верстах от усадьбы Белкино находилось еще одно небольшое имение — Турлики и принадлежало оно В. П. Обнинскому, сыну известного судебного деятеля П. Н. Обнинского. Бывший офицер лейб-гвардии Виктор Петрович Обнинский (1867—1916), после выхода в отставку, служил в различных организациях в Петербурге. В 1901 г. с женой и маленьким сыном приехал в только что отстроенное имение. Видный земский деятель, председатель Калужской Губернской Земской Управы, предводитель малоярославецкого дворянства. С Обнинским и его женой Клеопатрой Александровной (1880—1927) Серов знакомится в начале 1902 г. у Трояновских, Анна Петровна приходилась Виктору Петровичу родной сестрой.

Семья Обнинских была Серову очень симпатична и осенью 1904 г., художник гостит в Турликах. Художник долго с любовью наблюдает, за гостеприимной, милой двадцатичетырехлетней хозяйкой, изучает «модель» в различных условиях — дома, на улице, делает наброски, и только потом создает изумительный по своему обаянию лиричный гра-

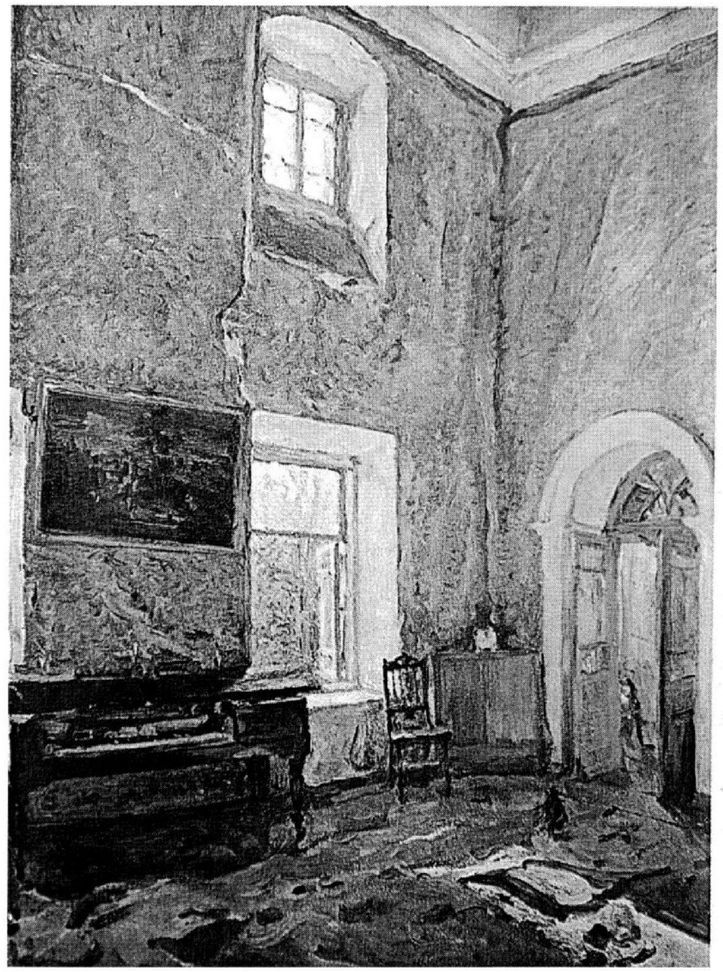
Ил. 4. В. А. Серов. Портрет В. П. Обнинского. 1906 г. Бумага, карандаш.

фический портрет женщины с прекрасными, чуть печальными глазами, Клеопатры Александровны Обнинской с ручным зайчиком на руках[4]. Этот портрет справедливо считается одним из серовских шедевров[5].

С такой же любовью в 1905 г. он пишет портреты с Анны Петровны Трояновской, «с которой он дружил и которую высоко ценил». Это обаятельные портреты «погрудный» и «в рост». В «погрудном рисунке», с которым Серов долго работал, делая многочисленные зарисовки, передано все ее обаяние. Но особенно удачным был портрет Анны Петровны в рост. «На небольшом листе бумаги, рисунок почти в одном контуре, но контуре безошибочном и много говорящем. Фигура не стоит на месте, а как бы движется, идя в профиль влево, слегка наклонившись в левую сторону и повернув голову на зрителя. Рисунок этот — верх совершенства даже в серовском масштабе и показывает, что уже в 1905 г. Серов искал упрощенности выражения и певучести линий, к которым окончательно подошел только под конец жизни»[6].

В начале нового века Серов создает поистине выдающиеся графические работы, лучшие среди которых — портретные рисунки, в том числе женские портреты К. А. Обнинской и А. П. Трояновской. Они оставляют только одно впечатление — впечатление общения с живым человеком. Это рассказ художника о своей модели, вся правда о ней, а уж правду Серов скрывать не умел и не хотел.

В 1906 г. Серов пишет карандашный портрет Виктора Петровича Обнинского, депутата Первой Государственной Думы. Депутат Обнинский полон решимости с трибуны

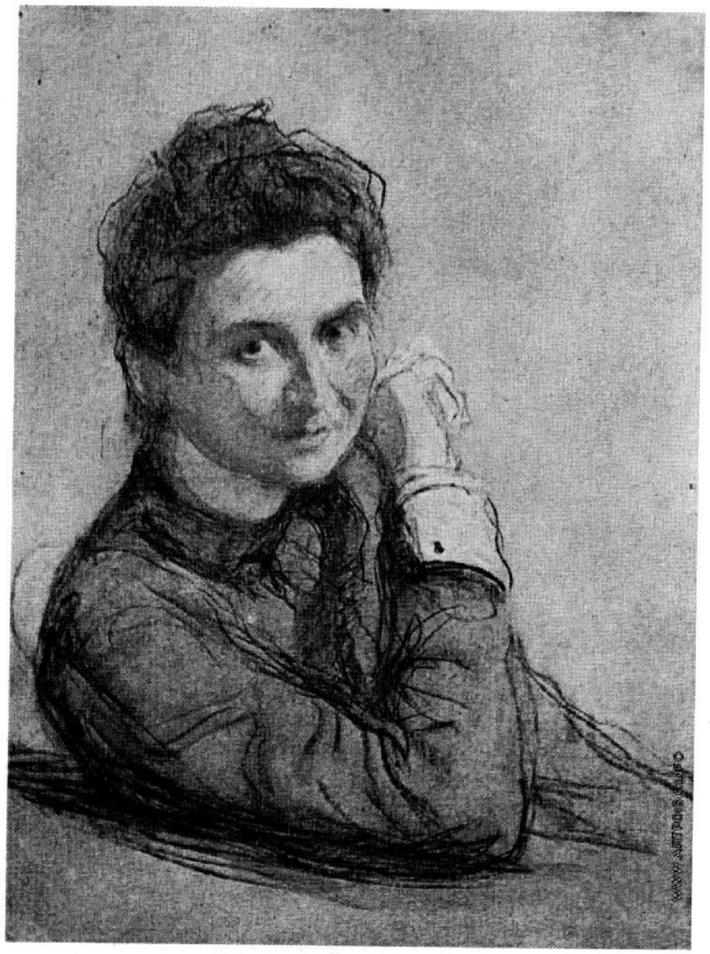


Ил. 5. В. А. Серов. Зал старого дома Белкино. Имение Обнинских. 1904.

отстаивать свои идеи. Сосредотачивается он на национальных вопросах, выступает на заседаниях по аграрному вопросу. Его выступления всегда резки и крайне эмоциональны. Наблюдая за ним, Серов создает образ лидера, человека-трибуна[7]. А на одном из последних заседаний, присутствующий художник на небольшом листке бумаги карандашом запечатлел это историческое событие. На обороте написал: «Дума. Июнь 1906 г.» и подарил Обнинскому[8].

Аграрный вопрос, затрагивающий судьбы многомиллионного крестьянства, именно он вызвал кризис в работе Думы, и она была распущена. За подписание Выборгского воззвания В. П. Обнинский приговорен к 3 месяцам тюремного заключения и лишен избирательных прав. Летом 1908 года он отбывал наказание в одиночной камере московской Таганской тюрьмы. За судьбой заключенных следила вся страна, все передовые люди России. В. А. Серов, всегда резко и открыто выражавший свои политические взгляды, как это, на пример, было в 1905 г., когда они, вместе с В. Д. Поленовым, в знак протеста против расстрела безоружной толпы, идущей к царю «искать правды», покинули Императорскую Академию художеств. Так и теперь, в письме от 15 августа 1908 г. он просит И. И. Трояновского передать: «*…Кланяюсь очень В. П. (Обнинскому). Думаю, ему теперь легко — вот тем, кто гуляет на полной свободе, потруднее — совестно*»[9].

В. Д. Поленов так же, как и Серов, открыто сочувствует Обнинскому и пишет ему задушевное, полное искренних чувств письмо (сентябрь 1908 г.):



Ил. 6. В. А. Серов. Потрет А. П. Трояновской. 1905. Бумага, сангина, пастель, карандаш.

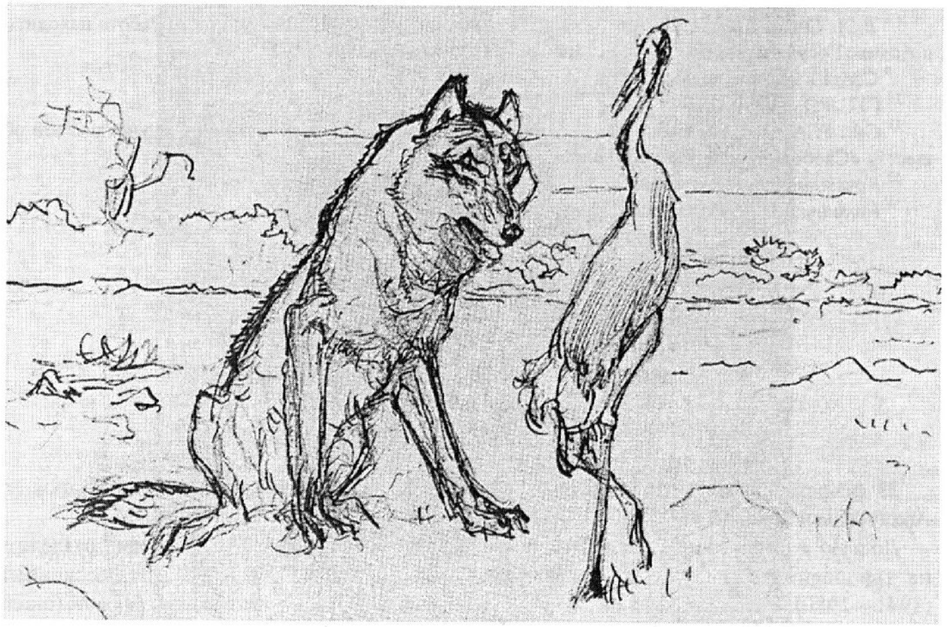
«Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Петрович!

От души приветствую Вас и радуюсь с близкими, что окончилось Ваше заключение. Вы твердо перенесли невзгоду, за что честь Вам и слава! <...> наше дело не проиграно и Ваши высокие и бескорыстные убеждения, Ваша твердость и Ваш опыт еще понадобятся для дела. Грубая тьма реакции и подлое влияние так называемых октябристов рассеется, и вечное наше солнце взойдет, и мы увидим Вас опять в первых рядах борцов за свободу и справедливость.

Искренне уважающий и любящий Вас. Поленов»[10].

Выйдя из тюрьмы, В. П. Обнинский активно занимается общественной и публицистической деятельностью, посещает вечера и выставки общества «Свободная эстетика». Это общество, созданное в 1907 г., объединяло более ста поклонников искусства. Среди них близкие Серову люди — учредители этого общества И. И. Трояновский, В. П. Обнинский, композитор Н. Р. Кочетов, В. Д. Поленов, поэт В. Я. Брюсов. В. О. Гиршман, И. Э. Грабарь и др. Сам же Серов входил в руководящий состав Комитета[11] этого общества. Встречаясь в обществе, да и в последующие годы В. А. Серов поддерживал с И. И. Трояновским и с В. П. Обнинским дружеские отношения.

Семейный врач и близкий друг четы Серовых с 1910 года жил в Скатерном переулке. Накануне смерти, 21 ноября 1911 г., два вечерних часа Валентин Александрович провел у Трояновского «...Играли в карты, — вспоминал Н. Р. Кочетов. Валентин Александрович за игрой жаловался на сердце. *Ничего,* — успокоил его Иван Иванович, — *мы Вас*



Ил. 7. В. А. Серов. Иллюстрация к басне И. А. Крылова «Волк и Журавль». Бумага, карандаш.

на лето в Баден-Баден отправим, и как рукой снимет Вашу хворь. Богатырем вернетесь»[12]. От Трояновского Серов поехал к Илье Семеновичу Остроухову, и это был самый последний визит. Говорили об искусстве, о делах Третьяковской галереи. Засиделись до полуночи. Серов в этот вечер был очень весел, много острил. Тогда еще никто не знал, что видят его в последний раз.

Утро началось повседневно. О последних минутах художника рассказывала дочь Серова: «На следующий день, утром, надо было ехать писать портрет княгини Щербатовой. Папа нагнулся, чтобы взять туфлю, вскрикнул и откинулся на кровать... брат был послан за Трояновским, другом нашей семьи. Иван Иванович пришел, сел на кровать и приставил трубку к сердцу. *«Все кончено»,* — сказал он»[13].

Вся Москва переживала невосполнимую утрату. Тяжело переживали его уход из жизни друзья Трояновские, Обнинские, Кочетовы, Ф.И. Шаляпин, В.Д. Поленов, К.А. Коровин, М.В. Нестеров, В.А. Васнецов и др. Преклонявшийся перед талантом мастера поэт Брюсов писал: «Серов был реалистом в лучшем значении этого слова. Он видел безошибочно тайную правду жизни, и то, что он писал, выявляло самую сущность явлений, которую другие глаза увидеть не умеют».

Примечания

[1] Серов в переписке, документах и интервью. — Т. 1. — Л., 1985. — С. 429, 430.

[2] Архив ГМИИ им. А. С. Пушкина, Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 22. Воспоминания А. И. Трояновской. Шарж был повторен Серовым в 1908 г.

[3] *Грабарь И. Э.* Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество. — М., 1914. — С. 158; *Соколов М.* Интерьер в зеркале живописи. — М., 1986.

[4] См.: *Грабарь И. Э.* Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество. — С. 158, 167; Горьковский художественный музей. — Л., 1986. — Ил. 85.

[5] «Портрет К. А. Обнинской с зайчиком» был показан на следующих выставках: «Русский портрет» в Таврическом дворце (Санкт-Петербург, 1905), Посмертная выставка (Москва, 1914), Выставка русской графики ГМИИ (Москва, 1949), в Выставочном зале Союза советских художников (Москва, 1952) и др.

[6] *Грабарь И. Э.* Серов-рисовальщик. — М., 1961. — С. 27.

[7] См.: *Грабарь И. Э.* Валентин Александрович Серов: Жизнь и творчество. — С. 164, 188 .

[8] *В. А. Серов.* «На заседании Первой Государственной Думы. Июнь 1906». Работа находится в Архиве Государственного музея современной истории России.

[9] Серов в переписке, документах и интервью. — Т. 2. — Л., 1989. — С. 145.

[10] ГТГ. РО. 54/272.

[11] См.: РГАЛИ, В. А. Серов, Ф. 832. Оп.1, Ед. хр. 14. Протокол собрания Г.г. учредителей общества «Свободная эстетика» от 7 апреля 1907 года.

[12] *Кочетов Н. Р.* Некролог // Московский листок. — 1911, 23 нояб.

[13] *Копшицер М. К.* Валентин Серов. — М., 1972. — С. 390.

«ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УЧИТЕЛЬ» (К 130-летию Д. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО, 1885—1980)

***И. Л. Ефимова**, н. с., Музей истории г.Обнинска*

23 февраля 2015 г. исполнилось 130 лет художнику и педагогу Дмитрию Ивановичу Архангельскому.

Долгую и плодотворную жизнь Дмитрия Ивановича Архангельского можно разделить на три периода: симбирский (1885—1934), обнинский (1934—1941), подмосковный (1941—1980). В Музее истории г. Обнинска хранится большая коллекция графики (около 800 ед. хр.), фото и документов (более 1 000 ед. хр.), позволяющая в полной мере проследить творческий путь художника.

Сорок девять лет Дмитрий Иванович жил и работал в старинном волжском городе Симбирске. Родители хотели видеть своего сына священником, поэтому в 1906 г. он окончил духовную семинарию. Уже в детские годы Дмитрий Иванович увлекся рисованием. Большую роль в становлении Архангельского как художника сыграл Павел Ильич Пузыревский (окончил Петербургскую Академию художеств, учился у П. П. Чистякова), человек большого ума, душевный в обращении с людьми и особенно с молодежью. «У него легко было заниматься искусством, советы его во время занятий были глубокими и неожиданными и учили нас не только смотреть, но и «видеть»[1]. Этому умению «видеть» прекрасное в «простом» Дмитрий Иванович впоследствии учил своих учеников.

С 1908 г. Дмитрий Иванович, не имея профильного образования, начал преподавать рисунок и живопись в начальной школе Симбирска. Талантливым педагогом заинтересовался директор частной мужской гимназии и «на свой страх и риск» принял молодого художника учителем рисования. Чуть позже Дмитрия Ивановича стали приглашать вести уроки и в женских гимназиях. Осенью этого же года Архангельскому предложили представить свои работы на губернской сельскохозяйственной выставке в Симбирске. Они имели здесь большой успех у зрителей и были отмечены комиссией: за картину «Беляны на Волге» Дмитрию Ивановичу присудили Большую серебряную медаль. На выставке побывал и пятнадцатилетний паренек из деревни Прислонихи. Его отец, увидев картины Архангельского, сказал тогда сыну: «Вот бы тебе у него поучиться!» На другой день Аркадий Пластов пришел к Дмитрию Ивановичу домой и сказал: «Хочу у Вас учиться!» *«Я охотно согласился, — вспоминал художник, — уж очень мне понравилась колоритная фигура нового моего знакомца, его своеобразная и образная речь»*[2] По вечерам, после занятий в духовной семинарии, Пластов приходил домой к Архангельскому, который «не на словах, а на бумаге, с кистью и карандашом в руках показывал, как надо рисовать». Связь учителя и ученика никогда не прерывалась. Во время учебы в Строгановке, а потом в Московском училище ваяния и зодчества, Пластов по дороге в Прислониху обязательно навещал Дмитрия Ивановича в Симбирске, рассказывал о своих успехах, рисовал портреты учителя. Архангельский очень радовался, что смог разглядеть талант в деревенском мальчишке. В одном из писем он написал: *« Аркадий, моя гордость и радость художника, кому я отдал много своих молодых сил, приложил немало забот, хлопот и средств, чтобы помочь ему стать художником, ибо силы художника в нем ходуном ходили, бродили и требовали шлифовки»*[3].

Ил. 1. Д. И. Архангельский и А. Пластов. 1916.

1908 г. стал для Д. И. Архангельского особенно счастливым. 11 января он женился на дочери надворного советника Надежде Павловне Гумилевской. Молодые люди знали друг друга с детства, поскольку их семьи дружили. Надежда Павловна с отличием закончила прогимназию, муж и дочери называли ее «домашним справочником», кроме того, она прекрасно готовила и была большая аккуратистка. В 1909 году у супругов родилась дочь Галина, через год — Нонна. Дом на улице Шатальной, где жили Архангельские, утопал в зелени большого и тенистого фруктового сада с тремя могучими вязами у забора и пышными кустами сирени по углам. Жили небогато, но очень дружно и счастливо.

К этому времени Дмитрий Иванович был уже известен среди симбирской общественности, как хороший художник и педагог, участник многих культурных начинаний города. В 1912 г. жители готовились торжественно отметить 100-летие писателя И. А. Гончарова, уроженца Симбирска. В связи с этим юбилеем решили построить Дом — памятник Гончарову (здание до сих пор украшает своей неповторимой архитектурой современный Ульяновск), где должны были разместиться библиотека, музей, художественно-промышленная школа. Средства для строительства собирались по всероссийской подписке. Часть суммы внесли П. И. Пузыревский и Д. И. Архангельский, организовавшие для этой цели «Гончаровскую выставку». Выставка открылась в залах Симбирского дворянского собрания, в декабре 1911 г. — в Меньшиковском дворце Петербурга. Посетивший выставку, известный художник, учитель В. И. Сурикова, И. Е. Репина, В. М. Васнецова, Павел Петрович Чистяков сказал Архангельскому: «Колоритно, молодой человек. Колоритно! Берегите колорит-то». Этому наказу Дмитрий Иванович остался верен всегда.. Став признанным мастером акварели, он никогда не ошибался в тоне и цвете.

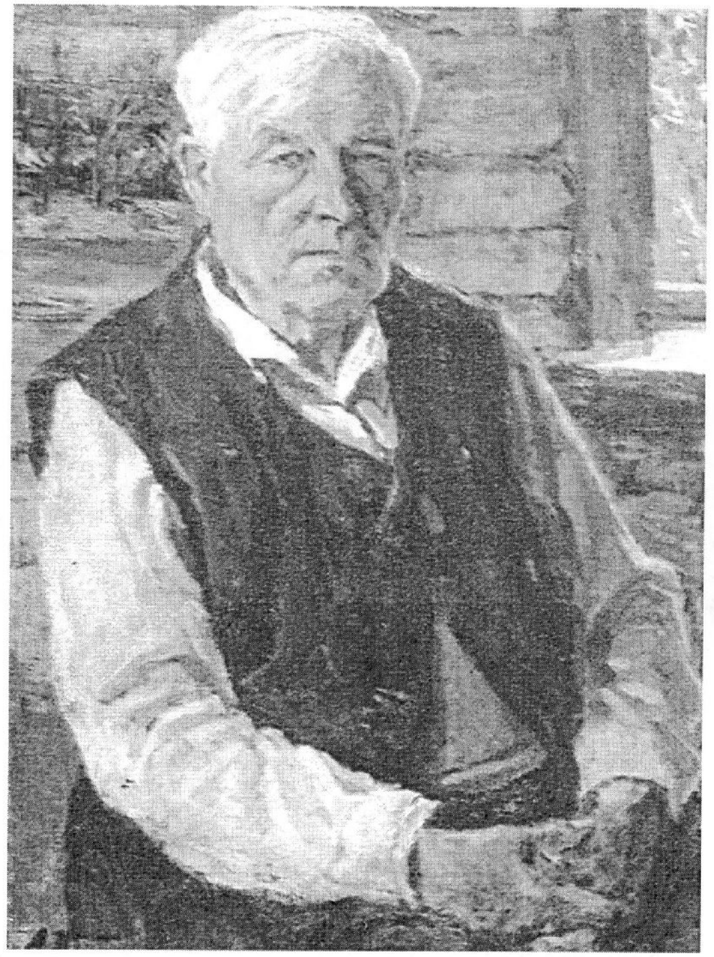
Ил. 2. А. Пластов. Портрет Васи Трофимова. 1936.

В своих лирических пейзажах Архангельский запечатлел старинные улочки и дома родного города. Не случайно, его назвали первым художником — летописцем Симбирска. Летом Дмитрий Иванович «пропадал» на Волге. Писал баржи, плоты, пароходы, чаще буксиры, лодки, просто воду и оранжевые в ней облака.

Весной 1916-го Дмитрия Ивановича мобилизовали. Шла Первая мировая война. В военных лагерях в Казани обучили военному делу и назначили в парковый дивизион. В феврале 1917-го отправили на Румынский фронт. Многие его сослуживцы были неграмотные. Архангельский читал им газеты, писал письма родным, прикрепляя к ним свои рисунки с изображением боя. С фельдшером дивизиона организовали библиотеку, учили солдат грамоте. Неизвестно, пришлось ли Дмитрию Ивановичу воевать, но все ужасы войны художник видел воочию. Летом он заболел желтухой и после лечения в госпитале Одессы, вернулся домой, но еще долго не мог оправиться от болезни.

В годы послереволюционной разрухи и гражданской войны Дмитрий Иванович продолжал работать художником. Совместно с П. С. Добрыниным организовал выставку «Современное искусство», рисовал плакаты «на злобу дня». Но, когда ему предложили тему «Воинствующий безбожник», отказался. Глумиться над чувствами верующих в угоду политической моде художник не хотел.

В начале 20-х гг. первым среди художников Д. И.Архангельский начал развивать в своем творчестве тему «Ленинские места в Симбирске-Ульяновске». Г. Д. Невзорова писала: *«От политики отец был далек. А вот Ленина любил. Любил искренне, безответно,*



Ил. 3. А. Пластов. Портрет Д. И. Архангельского. 1960.

как близкого друга, относился к Ленину не как к вождю революции, а просто как к любимому земляку. Для него Ленин — это часть Ульяновска, неотъемлемая часть Родины»[4]. Вплоть до 60-х гг. Архангельский продолжал пополнять ленинскую тему новыми графическими работами.

Д. И.Архангельский принял активное участие в строительстве новой советской школы 1920—1930-х годов. Он преподавал одновременно в нескольких школах Симбирска (Ульяновска) и Чувашском педтехникуме. Здесь в полной мере раскрылся педагогический талант Архангельского — прекрасного методиста, школьного новатора, художника-краеведа.

В доме на Шатальной, где жили Архангельские, всегда было полно школьников. Всех тянуло туда, а особенно в мастерскую, где был настоящий музей со старинной посудой, утварью, одеждой, где было полно этюдов и фотографий. И был еще сад, полный яблок, и ласка Дмитрия Ивановича и Надежды Павловны, которой они встречали любого. Любимые дочери приезжали к родителям. В 1930-м в торжественной домашней обстановки отметили свадьбу дочери Галины и Николая Невзорова. Через год родилась первая внучка Ноночка.

Накопленный педагогический опыт Архангельский в полной мере применил в дальнейшей работе в школе им. С. Т. Шацкого, куда вместе с женой и маленькой внучкой Нонной переехал в августе 1934 г. Переезд из Симбирска, где Архангельские прожили почти 50 лет, был тяжелой и «тайной раной» семьи. Что стало причиной переезда точно

Ил. 4. Д. И. Архангельский. Симбирск.

неизвестно. Мы можем об этом только догадываться. Так, в одной из ульяновских газет конца 20-х гг. о художнике писали: *«Сын Волги, старожил Ульяновска, известный всему Поволжью, Д. И.Архангельский знает и любит родную реку, и мог бы расширить свои художественные полотна, давая современные виды волжского пейзажа. Но он скован влечением к старине, он очарован живописным архивом старых церковок и полуразрушенных дворянских гнезд. Через их призму он смотрит на Волгу»*[5].

Это был первый «тревожный звоночек» для Дмитрия Ивановича. В начале 30-х с подозрением относились к выходцам из дворянской среды и духовного сословия. Т. Ю. Пластова писала: *«Судьба Архангельского в начале 30-х резко меняется. Опасаясь за судьбу семьи (времена настали тревожные, а он был в городе человеком известным и заметным), он с женой и маленькой внучкой уезжает в Калужскую область преподавать рисование в школе «Бодрая жизнь»*[6].

Школа эта была необычная, как и ее основатель — педагог С. Т. Шацкий. Располагалась она в 100 км от Москвы, на территории нынешнего города Обнинска. Здесь жили, учились и работали ребята из Москвы, окрестных сел и деревень. В школе — колонии «Бодрая жизнь», с 1934 г. — школе им. С. Т. Шацкого был скотный двор, ферма, сад, огород, опытные поля, множество кружков, свой театр. Прожившим всю жизнь в городе, Дмитрию Ивановичу и Надежде Павловне было непривычно жить посреди леса, где не было ни рынка, ни магазинов. Это особенно огорчало Надежду Павловну, прекрасную кулинарку и сторонницу домашней пищи. Завтрак она готовила сама, обед и ужин получали по талонам в столовой и в судочках несли домой. Фрукты и овощи приносили из школьного сада, молоко и яйца — со скотного двора. Дмитрий Иванович мало обращал внимания на бытовые неудобства. Его больше волновал вопрос, как наладить работу по изобразительному искусству. Преподававший ранее художник А. В. Гаврилов покинул колонию, и художественная жизнь на несколько лет приостановилась.

В начале сентября, в осенний солнечный день, Дмитрий Иванович расположился около столовой с мольбертом и красками, за несколько минут на глазах изумленных зрителей он нарисовал общежитие а окружении деревьев. После такого импровизированного урока многие ребята захотели научиться рисовать. На следующий день к нему пришли

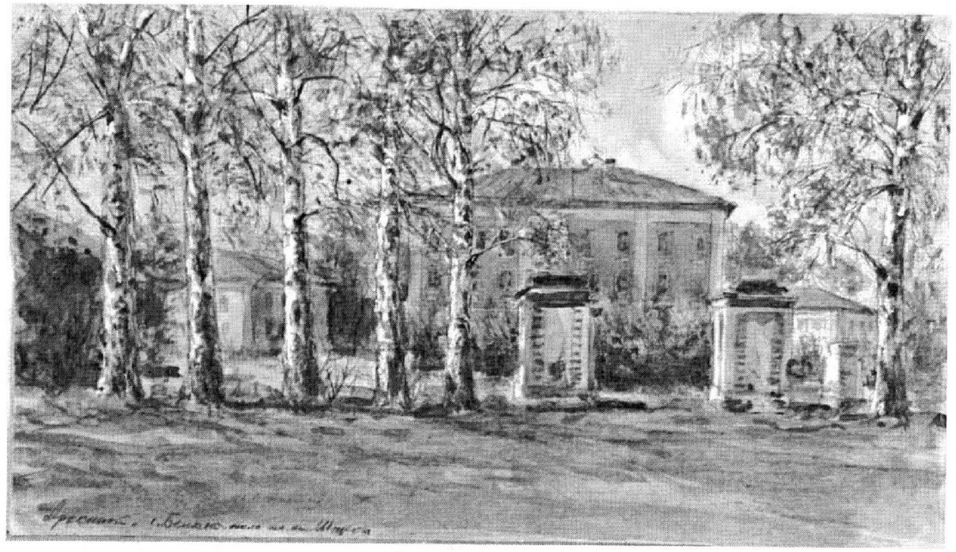
Ил. 5. Д. И. Архангельский и А. Пластов со студийцами. 1935.

первые студийцы — Лида Панова, Владимир Кузовкин, Сусанна Кахана, чуть позже — Иван Довженко, Борис Юдин, Вася Трофимов. «Первенцы» заложили основы творческого содружества для всех последующих поколений студийцев.

К концу 1934 г. для изостудии выделили комнату на первом этаже двухэтажного здания (находилось за общежитием девочек, сохранившимся ныне на улице Шацкого, д. 1). В устройстве студии ребята приняли самое горячее участие. *«Мы все вместе искали на обширной школьной территории поломанную мебель, — вспоминал Архангельский, — брали в кладовой школы гвозди и собственноручно чинили найденную мебель. «Открыли» на складе и принесли в мастерскую огромный шкаф без задней стенки. Ваня (Иван Довженко — староста изостудии) отыскал два листа фанеры и зашил шкаф-гигант. Он нам долго служил и стал вместилищем всех наших художественных материалов»*[7]. На втором этаже жила семья Архангельских. Дмитрий Иванович был рад, что изостудия располагалась рядом, это создавало домашнюю атмосферу для его учеников. Ребята могли прийти сюда в любое время порисовать, «поговорить по душам», посмотреть репродукции известных художников, рисунки своих товарищей на импровизированных выставках.

Студийцы очень любили рассматривать акварели Дмитрия Ивановича, наблюдать за его работой. Многие копировали учителя, пытаясь достичь в своих рисунках таких же «эмоций света», учились не «искать красивых мест, а видеть красоту в самом обыкновенном». Часто выходили на этюды. Иван Довженко вспоминал: *«Особенно удачным был день 28 февраля 1936 года. Тогда была зима, солнечная и уже весенняя. Борис Юдин с Калябиным отправились на этюды: Юдин впереди с холстом, Калябин за ним «с обозом», с санками, наполненными красками. Я ездил на Протву. Сделал зарисовки. После обеда иду писать «Милый ключик». Писать было холодновато, но зато, какие тона, какие краски, какие освещения. Не знаю, насколько удастся выразить эту радость, эту красоту»*[8].

Весной 1935 г. студийцы впервые представили свои работы на выставке в Угодском Заводе (ныне — г. Жуков). Посетители были удивлены мастерством ребят. С 1936-го сту-



Ил. 6. Д. И. Архангельский Дом в усадьбе Белкино.

дийцы успешно участвовали во всех выставках детских работ Московской области, получая вместе с грамотами наборы красок, этюдники, альбомы и карандаши. Этим богатством пользовались все члены изостудии независимо от возраста и заслуг.

Тематика рисунков студийцев не ограничивалась пейзажем. Ребята рисовали здания колонии, окрестные деревни, крестьянские избы, дворянские особняки и церкви. Часто изображали барский дом, храм, старый парк в с. Белкино, дачу М. К. Морозовой, где проходили занятия колонистов. В музейной коллекции представлены рисунки, сделанные во время походов в Серпухов, Малоярославец, Боровск, Бородино. У каждого студийца были свои «любимые места». Буквально все рисовали дуб у поля за оврагом, ель у бани, овощехранилище на огороде. Вилий Девизов часто рисовал дорогу к Протве вблизи Морозовской дачи, ее так и назвали «Аллеей Девизова». А. Селунский много ездил с отцом — киномехаником — по Угодскому Заводу и привозил оттуда свои рисунки, Сергей Леонов изображал родное село Любицы, Николай Калябин неизменно рисовал Верховье.

Чтобы расширить кругозор студийцев, Дмитрий Иванович придумывал все новые педагогические приемы. Однажды он собрал ребят и предложил выполнить задачу художника-корреспондента: за два часа сдать в «Редакцию» рисунки, сделанные на кустарном известковом заводе. Заводик заложили в 1934 г. для обслуживания строительства оздоровительной школы (ныне — главный корпус ФЭИ). Завод поставили у самого берега Протвы. Над ямами, где добывали известняк находилось две печи для обжига извести и барак для рабочих. Дрова для печей привозили из прилегающего леса. От завода шла грунтовая дорога для подвоза извести к строительству. Рисунки студийцев стали единственным свидетельством существования завода.

Студийцы активно участвовали в общественной жизни школы. Гриша Кукушкин написал в районной газете:

«В нашей изостудии кипит работа. Только что ребята отправили свои подарки Великому съезду победителей (VIII съезд Советов): кто рисунок, кто макет, кто скульптуру, чтобы показать, что на смену старым борцам революции идет новое поколение.

Сейчас изостудия готовится к юбилею великого русского поэта Пушкина. Как бы мы хотели, чтобы Пушкин родился лет на сто позже. Какие бы песни мы услыхали. Какой бы любовью его окружили. И вот ребята готовятся к великому юбилею. Делаются макеты, лепятся скульптуры, рисуются картины на любимые произведения поэта»[9].

Дмитрий Иванович старался «сохранить самобытность» каждого студийца, развить их индивидуальные особенности в художественном творчестве. Так, Катя Арион, Егор Орлов слыли в колонии художниками-декораторами, Гриша Кукушкин и Шура Жемоленкова увлекались скульптурой, Володе Варюхину удавались шаржи. Была в изостудии группа художников-баталистов. Сергей Леонов, Андрей Кремащев, Володя Жаринов, Михаил Богдан изображали героическую эпопею освоения Севера, военные события в Испании, на Бело-Финском фронте, на озере Хасан, сцены воздушного и сухопутного боя.

«Володю Жаринова увлекают военные приключения, — пишет В. Варюхин. — Вот и на картинах его постоянно происходят сражения, падают подбитые вражеские аэропланы, строчат свою песню пулеметы и падают сраженные герои.

Подойдет он к новой картине студийца, посмотрит скептически искоса и, между прочим, заявит: «А вот за эту ель надо бы пушку поставить. А вот оттуда танки пустить»[10].

Дмитрий Иванович часто оформлял и вывешивал в изостудии «агитки» — стенгазеты о творчестве студийцев, выставки иллюстраций с картин известных художников, особенно А. А. Пластова. Аркадий Александрович несколько раз приезжал в «Бодрую жизнь», беседовал с ребятами, нарисовал портреты студийцев, свою картину «Московский трамвай» подарил школе. В Музее истории Обнинска хранится пять рисунков и две акварели Аркадия Пластова. Посещали отца дочери Галина и Нона с близнецами Наташей и Митей. Старшая внучка «Ноник» жила с дедом постоянно, девочка немного рисовала и являлась признанным членом изостудии. *«Она очень любила деда, — вспоминал Иван Довженко, — почти ежедневно ходила с ним гулять, часто спускалась в студию ко мне, и мы, если дело было летом, шли за клубникой или цветами, если зимой, то кататься с гор на санках. Многие удивлялись моему мальчишеству — пусть их, серьезные люди»*[11].

Семья Дмитрия Ивановича стала родной для многих студийцев, особенно тех, кто рос без родителей. Здесь они находили понимание, ласку и душевную теплоту. Когда Архангельский уезжал в Москву, студийцы очень скучали. Вечером, вооружившись фонариками, в любую погоду шли его встречать на станцию. В 1938 году Дмитрий Иванович около месяца лечился в Московской больнице. Потоками шли ему письма от ребят с рассказами о жизни изостудии.

«Здравствуйте, Дмитрий Иванович, — писал Егор Орлов 13 ноября, — сейчас, когда я пишу Вам, за столом Иван Терентьевич, Коля Евдокименков пишут маслом свои портреты. У Коли видно что-то не получается: пишет, поставит на пол и смотрит, начинает злиться при этом, как обыкновенно пыхтит. Вдруг бросил кисть и убежал куда-то.

Сегодня рисовал к событиям в Китае карикатуру цветным карандашом. Рисую вечером, когда сделаю уроки. По радио передают последние известия о событиях в Испании»[12].

В 1939 г. из «студийного гнезда вылетели первые птенцы». Окончили школу Борис Юдин, Иван Довженко, Катя Арион и погрузились в студенческую жизнь столицы. В письмах подробно описывали, чем занимались в часы досуга, с грустью вспоминали колонию, на каникулы приезжали в гости. В одном из писем Иван Довженко узнал о трагическом событии: 2 декабря 1939 г. сгорело здание изостудии, квартиры Архангельских и сестер Польман. Дмитрий Иванович со студийцами спасали самое ценное — архивы, симбирские этюды, рисунки студийцев. Архангельские переселились в маленькую комнатку во флигеле Морозовского дома.

Дмитрий Иванович продолжал работу с молодым поколением студийцев в неприспособленном помещении. Просьбы педагога к администрации школы о выделении помещения и средств для изостудии оставались без ответа. По воспоминаниям И.Довженко, «традиции Шацкого становились прошлым, «хромала» воспитательная работа, интернат. Разговоры, нотации, собрания утомляли, надоедали». Школа переходила «в разряд обыкновенных».

В начале лета 1941 г., в канун войны, Архангельские переехали в подмосковный поселок Овражки-Вялки (ныне — пос. Родники), где прожили 39 лет. Военные годы Дмитрий Иванович пережил тяжело. Голодная, холодная жизнь в неприспособленном помещении послужила причиной заболевания туберкулезом. Только благодаря прекрасному врачу из

военного госпиталя Дмитрий Иванович поправился, и смог вновь взять в руки кисти и краски. Всю войну художник получал письма от студийцев. В Музее истории Обнинска хранится большая коллекция писем с фронта и тыла — летопись военной жизни воспитанников школы им. С. Т. Шацкого. Некоторые из писем стали последними. Любимые ученики Архангельского погибали один за другим: М. Ночевкин (27 июня 1941 г.), И. Довженко (июль 1941 г.), Б. Юдин (конец 1941 г.), Г.Орлов (январь 1942 г.), А. Селунский (13 января 1943 г.), братья Зелиховы (апрель 1942 г.), Н. Евдокименков (20 декабря 1943 г.), В.Трофимов (конец 1943 г.), В.Девизов (конец 1942 г.).

Рисунки, письма погибших ребят Дмитрий Иванович хранил всю жизнь, как самое дорогое. Это была «незаживающая рана» художника. Уже после войны ему пришлось пережить смерть жены, дочери Ноны, ученика и друга А. Пластова. Пережить потери Архангельскому помогла внучка Наташа, очень похожая на бабушку Надежду Павловну. И, конечно, любимое дело: Дмитрий Иванович оставил нам множество акварелей с изображением природы средней полосы России.

В послевоенные годы Дмитрий Иванович участвовал в археологических экспедициях в Верею, Чувашию, Волжские Булгары. В монографии А. П. Смирнова «Великие Болгары» содержится двести рисунков Архангельского. В марте 1952 г. в Государственном Музее Татарской АССР открылась выставка его работ, где особое место занимали рисунки из быта и культуры народов Поволжья. Выставки акварелей художника неоднократно устраивались в Обнинском музее.

При жизни Дмитрий Иванович был признан сообществом художников. В 1947 г. — он член Московского товарищества художников, с июля 1956-го — член Московского союза советских художников.

Удивительная отзывчивость и доброта притягивали к нему людей. Дом, затем благоустроенная квартира в Родниках всегда были полны гостей. Приезжали бывшие ученики из школы Шацкого, начинающие и маститые художники, сотрудники ульяновского и обнинского музеев. Дмитрий Иванович очень радовался гостям, на память обычно дарил маленькие акварельки. Музейщики увозили папки с экспонатами и рисунками. Благодаря щедрости художника в музеях Ульяновска и Обнинска собраны огромные коллекции, проводятся юбилейные выставки, конференции. В родном городе Ульяновске одна из улиц носит имя Д. И. Архангельского. «Узлом связи» Назвал Родники обнинский краевед В. А. Иванов. Он дружил с художником, мечтал издать свою книгу о студийцах. Не успел. В 2011 г. Владимира Алексеевича не стало, его большая коллекция пополнила фонды Музея истории города Обнинска.

Дмитрий Иванович прожил 95 лет. Несмотря на все невзгоды и потери, он считал себя счастливым человеком. На вопрос друзей, что такое счастье, отвечал: *«Я не философ, не могу определить, но сам я счастлив: у меня много друзей, мой труд, мои знания, коллекции нужны людям, значит, живу я не напрасно»*[13].

Примечания

[1] «Живу и дышу родным городом»: По материалам архива Д. И. Архангельского. — Ульяновск, 2009. — С. 15.

[2] Д. И.Архангельский — человек, художник, учитель, подвижник // Материалы межрегиональной научной конференции. — Ульяновск, 2010. — С. 24.

[3] Музей истории г. Обнинска (МИГО). Архив В.А. Иванова.

[4] «Живу и дышу родным городом». — С. 327.

[5] Пролетарский путь. — 1929, 7 февр. — № 31.

[6] Д. И.Архангельский — человек. художник. учитель, подвижник. — С. 18.

[7] МИГО. КП 4972.

[8] Там же. КП 4626.

[9] Там же. КП 3063/36.

[10] Там же.

[11] Там же. КП 4970.

[12] Там же. КП 4802.

[13] *Разоренова М.* Жизнь, озаренная радугой // Советская Россия. — 1965, 21 февр.

РУКОПИСНОЕ И КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПО ЭКСПОЗИЦИИ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО ЦЕНТРА им. И. А. СОЛДАТЕНКОВА)

***Т. Ю. Зудова**, зам. дир., гл. хранитель, Малоярославецкий музейно-выставочный центр им. И. А. Солдатенкова*

Рукописное и книжное наследие, развивавшееся в недрах православной веры, начало, которому был положено в конце X в/ крещение Руси, является неоценимым достоянием в развитии культуры, позволившее сохранить для потомков добытые знания, опыт, мысли, чувства, историю общества, повседневную жизнь людей …

Папирус — древнейший материал письменности, открытый древним Египтом в третьем тысячелетии. Этот писчий материал, полученный из водно-болотного растения семейства осоковых, был вытеснен постепенно лишь в XI—XII вв., сначала пергаментом, а затем бумагой. На сегодня во многих европейских языках бумагу называют словами, похожими на слово «папирус».

На Руси основными материалами для письма до XIV в. были пергамент и береста. Корни пергамента уходят в Малую Азию, в город Пергам, где во II в. н. э. особым образом обрабатывали кожу животных. Лучшие сорта получались из телячьей кожи. Выделенный пергамент был белого или желтоватого цвета и по стоимости получался очень дорогим. Пергамент называли словами «аратья» (лат. *charta*, что означает «письмо», «сочинение») или «кожа», «телятина». Остромирово Евангелие — одна из древнейших книг XI в., написанная на пергаменте Древней Руси.

Береста — менее прочный, но более дешевый писчий материал, чем пергамент. Письма, записи, грамоты на коре берез являются памятниками письменности древней Руси XI—XV вв. С конца XIV — начала XV в. бумага постепенно стала вытеснять пергамент и бересту. Однако в отдаленных уголках России береста как материал для письма продолжала использоваться в XVI—XVIII вв. Полностью Россия перешла на бумагу только на рубеже XVIII—XIX вв. До XVIII в. россияне пользовались привозной бумагой из Италии, Голландии, Франции. Каждая страна имела собственный водяной знак на бумаге, защищающий от подделки: бумага из Италии с водяным знаком в виде «перчатки», «кувшина», французская бумага с филигранью «виноградной лоз», голландская с «гербом Амстердам».

Писали птичьими, чаще гусиными перьями. Гусиное перо имеет объемный стержень, удобный для держания в руках, и пористую внутренность при срезе, хорошо впитывающую чернила. Но перо было недолговечным, служило не больше недели и требовало замены. В 30-х гг. XIX века в употребление вошли привозные металлические перья — тонкие, прочные и упругие, которые в школьной практике будут использоваться только с конца XIX в. В постоянной экспозиции ММВЦ им. И. А. Солдатенкова представлены уникальные экспонаты XVIII—XIX вв.: ажурная подставка для перьев, набор письменных принадлежностей (Западная Европа) и виды чернильниц (см. ил. 1, 2).

До середины XVI в. все книги на Руси писались от руки переписчиками преимущественно в городах и монастырях. В XV в. в Москве функционировало два рукописных центра: Чудов монастырь и монастырский собор Спаса на Бору. Соборные, церковные и монастырские библиотеки являлись основными хранилищами рукописных книг (см. ил. 4).

Для написания использовались чернила минерального и природного происхождения. Самые древние и устойчивые чернила изготовлялись на основе древесного угля и сажи, разведенные клейким веществом, например, густой сок акации или вишни. В качестве основы для чернил могли быть многие вещества: отвар кожуры зеленых каштанов, сок спелых ягод черники, вода с ржавыми гвоздями. Много веков для письма служили «орешковые» чернила темно-коричневого цвета, отличающиеся высокой цветоустойчивостью. Чернила готовили из «орешков» — галлов — светло зеленых или красноватых наростов на листьях некоторых видов дуба, которые по осени собирали, мельчили, выжимали сок и добавляли железный купорос.

Ил. 1. Набор для письма. Кость, металл. Западная Европа. Конец XIX — начало XX в.

Доминирующий цвет шрифта в книгах был черный. Еще в древности одним из важных цветов считались все оттенки красного, получаемые из пурпура или киновари. Пурпур — краситель ярко красного цвета, получаемый из морских моллюсков. Киноварь — ртутный материал, имеющий также алую окраску. Для России такие краски были привозными и дорогими. Однако красный цвет использовали даже в простых рукописях. В роскошных и богатых изданиях добавляли золото.

Древнерусскую книгу украшали орнаментом, размещая рисунок над текстом, в начале отдельной главы, концовке, в начальной букве. В основе орнамента лежали два мотива: растительный — трава, цветы, листья, плоды, ягоды, и геометрический — ромб, квадрат, круг. Абзацная строка начиналась с увеличенной буквы красного цвета с затейливым рисунком. Нумерации страниц не было. В конце страницы напечатанного текста писали справой стороны слово, с которого начиналась следующая страница.

Древнерусская книга представляла объемистую рукопись, составленную из тетрадей, сшитых в деревянный переплет, обтянутый тисненой кожей. С XI в. появляются роскошные книги, переплет которых оковывался золотом или серебром, украшался жемчугом и драгоценными металлами.

Летопись — один из первых жанров в развитии русской литературы. «Повесть временных лет», написанная монахом Нестором, является образцом древнерусской литературы, дошедшей до нас. В процессе христианизации древней Руси по пути развития православной культуры формировались основные жанры и направления православной книги: житийная, историческая, дидактическая, святоотеческая, богослужебнуая литература.

С 2009 г., 14 марта, наша страна стала отмечать праздник День Православной книги. Постановлением Синода день был выбран не случайно: 14 марта (по старому стилю — 1 марта), в 1564 г. в России повелением Ивана Грозного и благословением митрополита всея Руси Макария была выпущена первая датированная печатная книга «Апостол». Эта дата считается началом книгопечатания на Руси. В 1553 г. по приказу царя Иоанна Васильевича в Москве было начато строительство государственного печатного двора

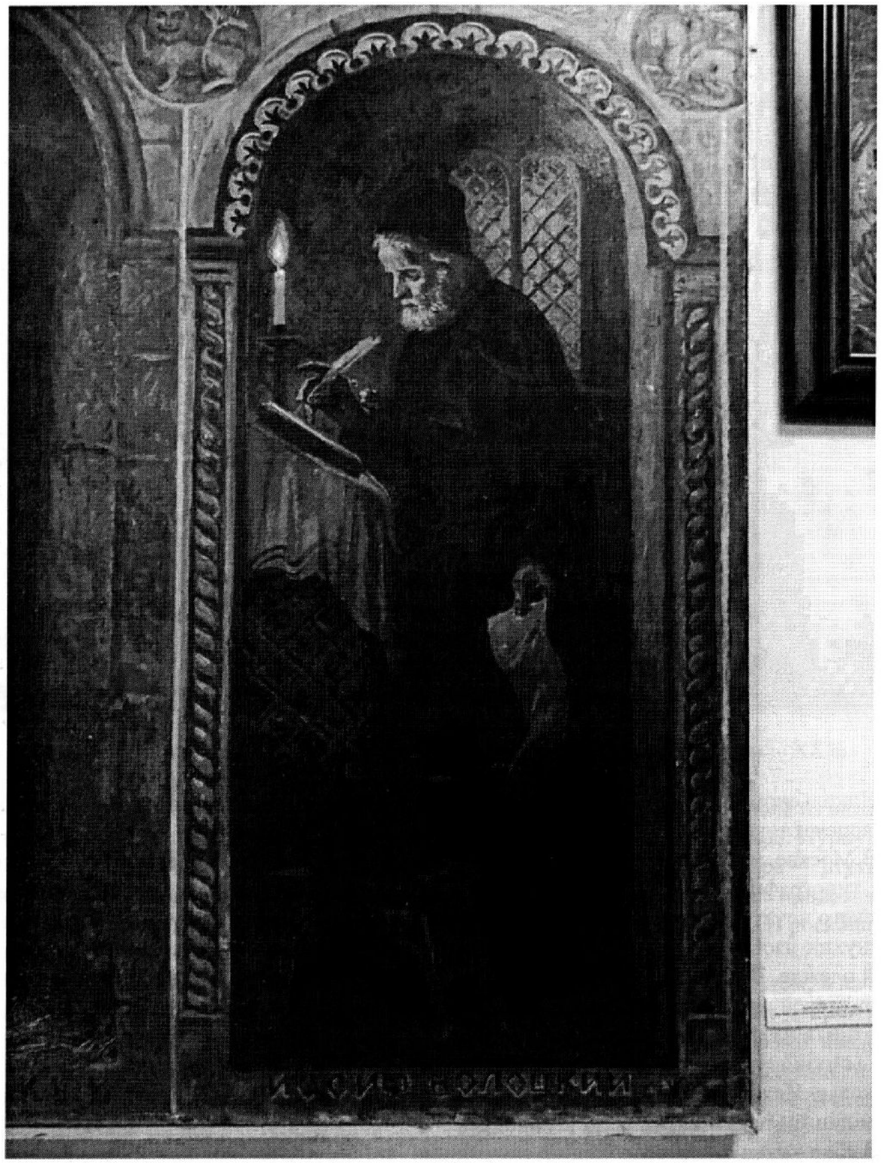
Ил. 2. Чернильница. Металл, эмаль цветная. XVIII в.

на Никольском крестце, но который начал функционировать лишь спустя 10 лет силами первопечатников России Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

В Москве, на Никольской улице, недалеко от тех палат, где размещалась одна из первых типографий, в 1909 г. воздвигли памятник Ивану Федорову как первому создателю русского печатного шрифта, первому наборщику, первому корректору. Скульптор Сергей Волнухин изобразил типографского мастера в рост, с непокрытой головой, в древнерусской одежде. В правой руке Федоров держит только что напечатанный лист книги «Апостол», левой поддерживает печатную наборную доску. В настоящее время именем первопечатника названа одна из типографий города Санкт-Петербурга, Московский государственный университет печати носит имя Ивана Федорова. В 2009 г. русской православной церковью Ивана Федорова причисли к лику святых как Святой праведный Иоанн словенским книгам печатник.

Выбор книги «Апостол» был не случайным. Эта богослужебная книга использовалась для обучения духовенства. Первопечатная книга XVI в. считается шедевром типографского искусства, отличающаяся высочайшей редакторской культурой. В книге не обнаружено ни одной ошибки или опечатки. Текст до печати был отредактирован митрополитом Макарием. Иван Федоров сам резал и отливал буквы, гравировал рисунки и заставки, набирал текст, отпечатав на французской проклеенной бумаге в лист малого формата 1 200 экземпляров этой книги. Книга насчитывает 267 листов и 48 графических рисунков.

В фондах ММВЦ им. И. А. Солдатенкова хранится 234 редких книги, из которых свыше 50 датированы XVII—XVIII вв.. 12 марта 2015 г. музей сформировал из фондов и частных собраний выставку «В начале было слово…», приурочив Дню Православной книги и году литературы Российской Федерации. Тридцать уникальных изданий XVII — начала XX в. представляют различные жанры православной книги: богослужебные книги, предназначенные для совершения служб, святоотеческая литература, написанная богословами, учителями церкви как назидание верующим в целях духовно-нравственного воспитания и просвещения, дидактическая — в помощь на пути постижения основ православной веры и другие редкие издания. Книгу XVIII и первой половины XIX в. отличает от ранее



Ил. 3. Игумен, церковный писатель, автор книги «Просветитель Иосиф Волоцкий» И. А. Солдатенков. Холст, масло. 1990.

написанных то, что в предисловии указывалось по чьему «повелению» и «благословению» она печаталась, где, с указанием города, названием типографии и в царствовании кого она издавалась).

Среди экспонатов выставки «Сначала было слово…» богослужебная книга «Апостол», занимает особое место. Датированная 19 веком, своим богатым и красочным оформлением она соответствует изначально заданному высокому уровню книгопечатного искусства. Текст каждой страницы помещен в рамочку с геометрическим орнаментом, деревянная обложка (покрышка), обтянутая кожей, имеет две металлические застежки и аппликативное украшение из кожи: в центре образ сидящего на троне Христа с предстоящими Иоанном Предтечей и Богоматерью, в наугольниках — образы апостолов Павла, Петра, Иоанна, Иакова. По преданию, «Апостол» написан евангелистом святым Лукой, о деяниях апостолов с периода вознесения Христа.

Не менее значимо на выставке Евангелие XIX в. Издание имеет богатое оформление: деревянная обложка с двумя застежками обтянута бархатной тканью, края страниц текста позолочены. Аппликативное украшение оклада Евангелия выполнено из металла: в центре — изображение Спаса в Силах. По углам — наугольники, окаймленные ветвями лаврового дерева, с изображением интерьеров и сидящими на табуретах с книгами в руках четырех евангелистов. В правом нижнем углу — святой Лука, правом верхнем углу — святой Иоанн, левом нижнем углу — святой Марк, левом верхнем углу - святой Матфей. Раздел каждого Евангелия выделен большой заставкой с графическим изображением евангелиста и его символическим образом. Для святого Луки соответствует символическое изображение тельца, Иоанна — льва, Марка — орла, Матфея — человека (Ангела). Абзацная строка начинается увеличенной красной буквой. Книга содержит 262 ненумерованных листа. Каждая страница имеет 17 строк. Поля тщательно выверены справа — 2,5 см, слева — 5, 7 см.

Большую подборку из богослужебных книг на выставке составляют Псалтыри — отдельные издания со строгой подборкой псалмов и последовательностью церковных служб: «Псалтырь большая», «Псалтырь. Минея Общая», «Пентикостария или Триодь цветная». Каждый вид Псалтыря предназначен для конкретного богослужения. В свое время псалмы были написаны пророком Моисеем, царями Соломоном, Давидом. По количеству больше других были написаны Давидом, псалмы которого изданы специальным изданием «Псалтырь царя и пророка Давида».

Раскрыть смысл Псалмов и Евангелия призвана дидактическая литература — «Толковники». На выставке представлена работа византийского философа и богослова X в. Евфимия Зигабена «Толковая Псалтырь». В своей работе автор пытается объяснить псалмы в разных смыслах — историческом, пророческом, аллегорическом, нравственном.

«Толкование Евангелия» написано русским писателем XIX в. Борисом Гладковым. Это живой рассказ о жизни Христа как исторической личности и тех событиях, в которых он участвовал.

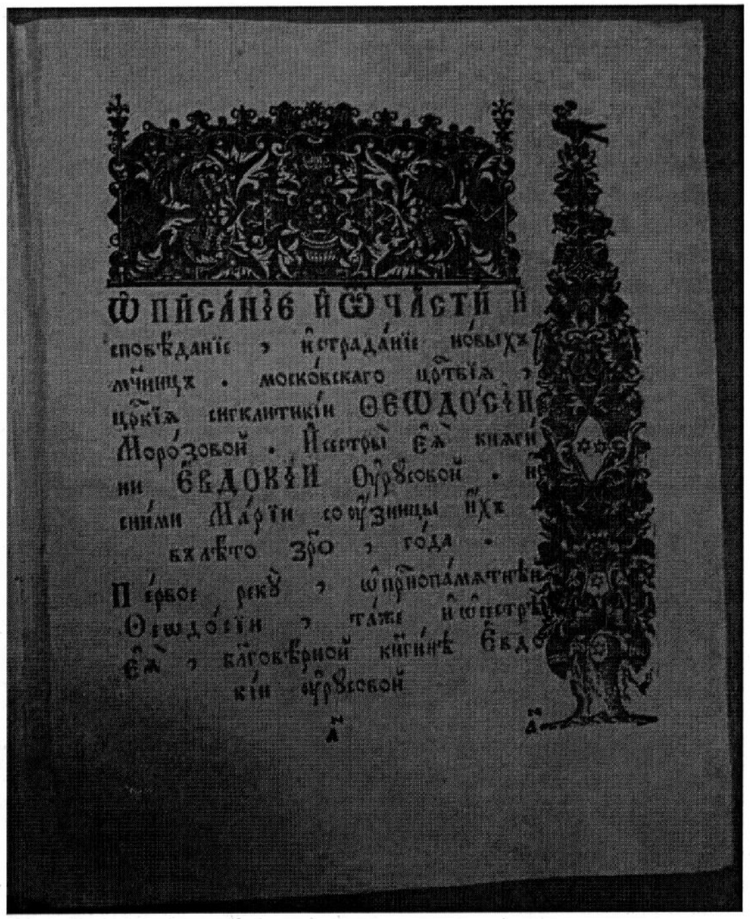
Книга «Чин и устав обручения» обращена ко всем православным христианам и категориям граждан с наставлением внести порядок в процесс проведения таинств обручения и венчания и не превращать его в «бесчинство и глунотворство».

Среди святоотеческой литературы обращает на себя внимание книга «Беседы Иоанна Златоуста на Деяния Апостольские», изданная в лучших традициях книгопечатания XVIII в. на 346 листах. Это высказывания святителя в Константинополе в 400 г., затронувшие темы учения Христа, его Воскрешения, смерти, отвержении предателя Иуды, божественного сошествия Святого Духа и прочие. Образ Христа воспроизведен как символ духовного поиска и служению добру. Это идеал человека, основными качествами которого являются чистота, любовь и всепрощение, на долю которого выпали предательство, преследования, неправый суд.

Поучения «Преподобнаго отца нашего Аввы Дорофея» — еще одна из святоотеческих книг. Авва Дорофей, христианский святой из Палестины VI в., в своей работе раскрыл основные черты христианина. Послушание и смирение, соединенные с любовью к Богу и ближнему, являются основой добродетели. Эта книга является настольной для тех, кто стремится исполнить заповеди Христа, постичь вечные темы, связанные с верой, истиной. Однозначно, она не потеряла своей актуальности до сих пор.

Работа Цезаря Барония «Деяния церковные и гражданские» относится к историческому жанру. Цезарь Бароний — католический историк, кардинал, «отец церковной истории», как называли его современники, исследовал историю христианской церкви от Рождества Христова до XVI в. Анализу подверглась римско-католическая церковь с использованием критического подхода предшествующих исследований и археологических данных раскопок римских катакомб. При переводе на русский язык, разделы, какие противоречили истории православного христианства, были убраны.

Учебную литературу представляют «Пособие по истории русской словесности», автор Петр Смирновский, русский филолог 2-й пол. XIX в., и работа «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» Николая Киреева, русского историка и социолога XIX в. Первая — аналитический труд классиков отечественной литературы, в нашем случае, —



Ил. 4. Страдания боярыни Морозовой и княгини Урусовой.

от Ломоносова до Карамзина, вторая написана в помощь молодым людям, которые хотят улучшить свое образование путем самостоятельного чтения книг. С точки зрения Н. Киреева, учащиеся должны получать знания не только из учебников, но и из самостоятельного чтения серьезных книг.

Среди агиографической литературы можно увидеть житие «Страдания боярыни Морозовой и княгини Урусовой», написанная, по одной из версий, старшим братом Морозовой Феодором Прокопьевичем Соковниным. В житии описываются последние четыре года жизни боярыни Морозовой и ее сестры княгини Урусовой (см. ил. 4).

Агиография — одно из направлений современной филологии, которое изучает житийную литературу. Чтение житий святых в старину являлось одним из излюбленных наших предков. Читатели могли почерпнуть не только исторические факты из жизни христианских подвижников, но и глубокий назидательный и морально- нравственный смысл. Это были примеры мучеников и подвижников, готовых к мужественному отстаиванию чистоты православной веры. Христиане прошлого имели возможность больше узнать о своей вере, уберечь себя от суеверий, ложных слухов, сомнительных обычаев именно из житийной литературы.

Представленные на выставке коллекционные книги написаны старославянском, церковнославянском и дореформенном русском языках. В православном богослужении основу составляет церковнославянский язык — одна из форм старославянского. С самого начала старославянский был языком книжно-литературным и никогда не использовался в качестве средства бытового общения. Братья Кирилл и Мефодий из Македонии, взяв

за основу славянский диалект и греческий алфавит, создали единый книжный старославянский язык. В качестве алфавита для старославянского языка использовались кириллица и глаголица. В кириллице насчитывалось 43 буквы, в глаголице — 40. На основе кириллицы сформировался церковнославянский язык, возникла русская письменность, последствии полностью вытеснив глаголицу.

Первая реформа русского языка была проведена во времена правления Петра I. Сам царь вносил исправления в азбуку, выбрасывая некоторые буквы: пси, кси, юс, омега, зело… В 1735 г. была добавлена буква «Й», в 1797 г. — буква «Ё». До 1918 г. существовало 36 букв. Новая реформа русского языка в 1918 г. изменила буквы «ять», «фита», «и десятеричное», вместо них должны употребляться соответственно «Е», «Ф», «И». Был исключен «Ъ» на конце слов и частей сложных слов, сохранившись в качестве разделительного знака. Современный русский язык насчитывает 33 буквы. Как показывает практика написания, буква «Ё» часто подменяется на букву «Е».

Читатели православной книги уже с середины XIX в. столкнулись с проблемой, о которой говорил В. Г. Белинский: «Славянские и вообще старинные книги могут быть предметом изучения, но отнюдь не наслаждения; ими могут заниматься только ученые люди». Эта проблема актуальна и в настоящее время. Написанные на старославянском языке, древние православные книги оказались недоступными для большинства современных читателей. Они требуют такого же перевода, как с любого иностранного языка.

В связи с указанной проблемой показательна одна из книг выставки серии религиозно-нравственных чтений «Православная вера», изданная в XIX в. Раскрывая содержание основ таинств православной веры с их смысловым значением, часть текста и отдельные молитвы снабжены переводом со старославянского языка на русский, что знаменует своеобразный переход от древности к современному прочтению (см. ил. 10).

Современного прочтения требуют книги о Священном Писании, церковной истории, христианском богословии, житиях святых, учебники православного богослужения, старославянского языка. Такие книги должны быть написаны просто и занимательно, чтобы стать более доступными любой категории людей.

Коллекция периодических изданий «Церковные ведомости» и «Церковь» представленной выставки в свое время были настоящими путеводителями в мире православной веры. Такая периодика знакомила читателей с историей церкви, монастыря, отмечала памятные даты святых в свете повседневных событий жизни церкви и православной веры. В настоящее время подобные издания с учетом современного состояния общества также могли бы внести определенный положительный вклад в деле воспитания и просвещения православной культуры среди населения.

Православная книга хранит не только русскую культуру и чистоту русского языка. Она является источником знаний духовности и основных моральных ценностей, раскрывая смысл жизнь, указывая путь к вере, обнажая пороки современного общества, формируя душу человека по пути духовного совершенствования, созидания и мира. Поэтому православная книга должна быть близка и понятна каждому читателю. Тогда слова Владыки Кирилла: «Читайте хорошие книги — и вы научитесь правильно жить», станут реальностью.

Литература

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Совещании. 2 февраля 2015 г.
2. *Бароний Цезарь.* Деяния церковные и гражданских. — М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1913.
3. *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу. — М.: Современник, 1983.
4. *Гладков Б.* Толкование Евангелия. — СПб.: Изд. автора, 1913.
5. *Зигабен Евфимий.* Толковая Псалтырь». — Киево-Печерская Лавра: Собств. тип., 1898.
6. *Иоанн Златоуст.* Беседы на Деяния Апостольские, — М., 1762.
7. *Киреев Н.* Письма к учащейся молодежи о самообразовании. — СПб.: Тип.-лит. А. Е. Ландау, 1901.
8. *Кожурин К.* Боярыня Морозова. — М.: Мол. гвардия, 2013.
9. *Смирновский П.* Пособие по истории русской словесности, — Ч. 2. — М.: Собственность книгоиздательницы А. С. Панафидиной, 1915.
10 Чин венчания. — Уральск: Старообрядческая тип., XIX в.

ОТГОЛОСКИ ДРЕВНЕГО ЯЗЫЧЕСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

***С. В. Колоболоцкий**, н. с., Калужский областной краеведческий музей.*

> Старое язычество и в христианскую эпоху народной истории обыкновенно заявляет о своем существовании, прорываясь, так сказать, на каждом шагу этой истории и налагая свою печать на народное понимание новой религии. Изменяются имена, форма, а значение, сущность дела, смысл всего долго-долго остаются те же — чисто языческого свойства. Не говорим уже, что вообще старый (языческий) склад народного миросозерцания и жизни обыкновенно проходит по всей истории новой (христианской) веры и, при всей ея универсальности (всеобщности) определяет народную ея физиономию
>
> *М. Б. Никифоровский.* Русское язычество[1].

Обоготворение Природы — характерная и исконная архетипическая черта, свойственная древним славянам подобно всем традиционным народам. Окружающая среда, хотя и жила своей внутренней жизнью, тем не менее, была непосредственно связана с человеком, откликалась на его мольбы и нужды, вступала в живое общение, проявляла участие в делах людей. И люди обращались к Природе за помощью, просили, как у Всеобщей Матери, у нее удачи и силы во всех своих начинаниях, исцеления в недуге и поддержки в тяжелую минуту. Черпали из ее живительного источника вдохновение для всевозможных свершений; для чистой и правильной жизни, для защиты своей земли и для воспитания детей, для нравственного совершенства, чтоб быть достойными своих богов, и приобщения к божественному строю Мироздания. Посредниками же между Природой, Богами и человеком выступали волхвы. Они взывали к стихиям, вызывая дождь, грозу, вихри, небесные светила, а так же могли создавать и защиту от неблагоприятных проявлений этих стихий[2]. У исследователя А. Н Афанасьева мы читаем: «Ведун, ведьма… означают людей, наделенных духом предвидения и пророчества, поэтическим даром, искусством исцелять болезни. Названия эти совершенно тождественны с словами: знахарь и знахарка, указывающими на то же высшее ведение. Областные говоры, летописи и другие старинные памятники предлагают несколько синонимов для обозначения ведуна и ведуньи, называют их колдунами, чародеями, кудесниками и волхвами… В отдаленную эпоху язычества ведение понималось, как чудесный дар, ниспосылаемый человеку свыше; оно по преимуществу заключалось в уменье понимать таинственный язык обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ее явления и приметы, молить и заклинать ее стихийных деятелей…»[3] Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в более отдаленные времена ведуны, колдуны, волхвы и знахари — это синонимы, тождественные понятия. С приходом христианства и ближе к настоящему времени эти понятия разделяются.

В ходе экспедиционной работы, мне удалось встретиться со знахарями. В деревне знахарь — самое необходимое лицо. От них я получил следующую информацию: есть травы и заговоры которые известны большинству людей. Но есть и такие, которыми обладают только избранные, эти знания глубже и сильнее по воздействию, наделяют человека сверхъестественной силой. Таких людей относят к категории знахарей. Тех же, кто входит в сговор с нечистой силой и, управляемый ею, наводят на людей порчу, вред, называют колдунами. Свои Знания знахари и колдуны не озвучивают, и передают избранным без свидетелей. Знахарь передает знания только избранному человеку моложе его. Колдун же, если не передал знаний в течение жизни, будет умирать мучительной смертью. Колдуны могут насылать порчу и дистанционно «по ветру». Если известно, что человек колдун, то подходить и касаться брать вещь из рук нельзя ни под каким предлогом, так как тот может во время контакта предать знания. Если это случиться человек поневоле станет колдуном, будет обращать знания во зло, а от накопившейся энергии, по словам очевидцев, он будет страдать недугом и освободиться от этого состояния он может только тогда, когда совершит злодеяния относительно другого человека. В некоторых случаях, если человек невольно коснулся колдуна, может помочь церковь, отчитают молитвой.

Ил. 1. А. О. Орловский. Колдун.

Из материалов «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, собранных в начале двадцатого века, Калужская губерния, Жиздринский уезд, мы так же можем видеть четкое разделение: колдун — представитель темных сил.

«Наказания колдуна начинаются при выходе его души из тела умирает он в страшных мучения и эти мучения продолжаются по несколько дней, вот тут то он и старается передать кому-нибудь свое колдовство. Для того, что бы прекратить эти мучения, надо поднять в потолке одну доску, тогда смерть прекратит видимые мучения.

После смерти душа колдуна идет в кипящую смолу на вечные муки, а тело, не принятое землей, каждую ночь выходит из могилы, с воем и плачем ходит к своему дому, загрызает и защекатывает людей попавшихся на встречу. Это продолжается до тех пор, пока могилу колдуна не пробьют осиновым колом — застонет великий грешник и провалится в тартарары вместе с гробом <…>Калужский уезд: "Жизнь колдуна описывается в самых неприглядных чертах… Они живут, хотя и в незавидных строениях, но богато и водку пьют без просыпа; в общение с людьми входят мало. У колдунов есть особые книги, которые известны под именем «светников»; при помощи их колдун может видеть и знать все, что делается на расстоянии пятнадцати верст… Все помещение уставлено горшками с настоем различных трав. Колдунам приписывают специальные знания исцеления всех, безусловно, болезней, а также и насылы их на людей. Колдун и колдунья (ведьма то же) действуют при помощи нечистой силы… Не смотря на это, и могущество колдуна теряет свою силу, если человек имеет при себе и при своем доме плакун — траву; подобное же значение имеет и осиновый колышек, вбитый сзади двора; чарам колдуна и ведьмы никогда при подобных обстоятельствах не достигнуть своей цели»[4].

Там же мы можем прочесть следующее: «Когда в хлебе найдут связанные узлом колосья — это называют «заломом». Заломы заламывают колдуны со злым умыслом — напустить смерть или на человека, или на скот, иногда даже, чтобы искоренить весь двор. Когда увидят залом, его обжинают и рожь оставляют на ниве, пока не отслужат молебна, или не отходит знахарь».

Подобную информацию о колдунье я записывал в Куйбышевском районе, Калужской области:

«Вот моя бабка, вот ана видала ее …Иваны Купалы бывають… и ана ишла эта колдунья в рожь, и в этой ржи ана вотакой-то-во завинтивает этай ржи, этат пук закручиваить, закручиваить. А бабка моя, ана малитв многа знала, лечила, и ана идеть, а бабка говорить:

— Ну схадила?

— Схадила.

— О ну тыб мне дала (шо-то она у нее просила).

— Я, гаварит, могу только осиновой палкою табе по горбу агреть, а больше ничего я не дам табе, иди гаварит..

— Прости меня, тотаж . Бабку мою называли Евдакия. Прости, Евдакия, шо я попалася.

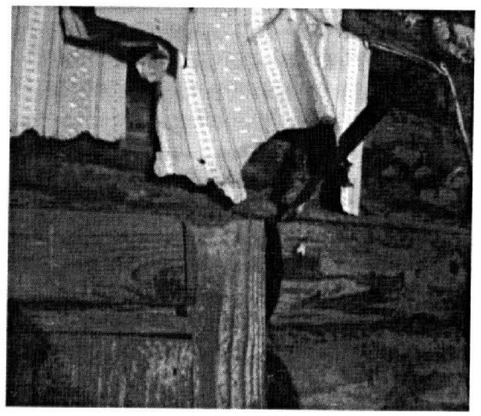
А мне даже, у нас, у капусте тойта навела..утойта залом назывался, вот закрутила, а бабка моя выкопала этыми осиновыми палками, и яго вынесла с агарода, ямку вырыла и закопала.

(— Его нельзя руками трогать?)

— Нет руками нельзя…А это порчу делаить ..Это такх-то делаить порчу.
(— Урожаю?)
— Да и урожаю и на челавека делають.
(— Зачем она это делает?)
— А это ведьмы им жа тошно. Эта той то день ани обязательно шо-та им надо сделать.
(— Им именно в этот день тошно или все время тошно?)
— Да в той-то день.
(— В другие дни они зла не делают?)
— Все равно: кагда свадьба идет, помины идут — это обязательно им тошно, шо-то им надо сделать каму-та ны што-та ды подшутють… милай мой, я тебе скажу, да некрасиво сказать, а даже маладые ребяты по недели с бабами не спали, с девками… делають.
(—А на похоронах?)
— А на похоронах. Вот харанили мою бабку, и ана была у нас на похоронах, и ана у там, у саседка, у нас я вот толька рассказывала сегодня, боевая, узяла втыкнула в дверку на выход ножик. Ну ножик между дверки и не вышла из хаты. "Выпустите меня!" — да и все, а мы гаварим: «тебя не держим уходи». "Я не могу выйтить, выведите миня". Так я вывела ее, та все кричала: "А на что ты ее вывадила, пусть сидит, пусть уси знають што она ведьма!" …Эта нож утыкается при пиру — ведьма не может выйдить».

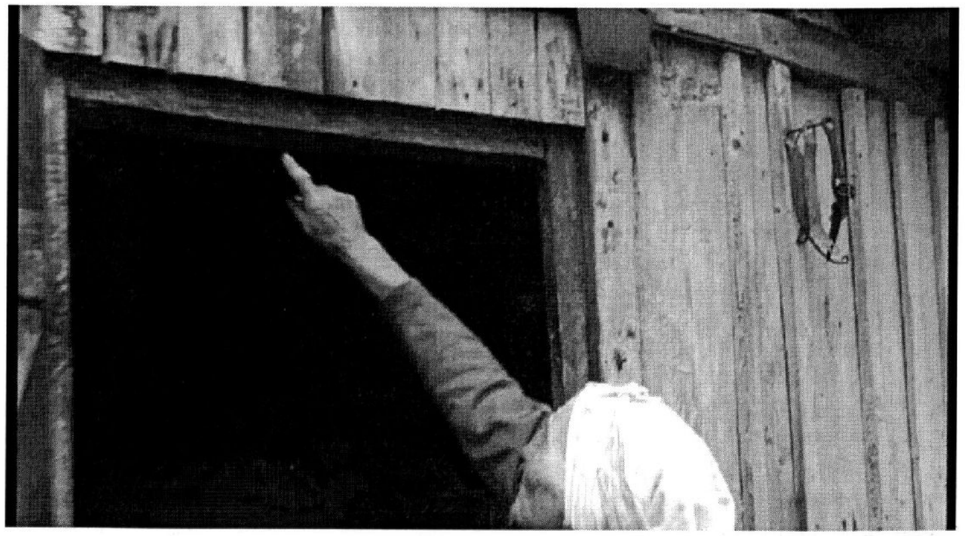
Таким образом, нож, воткнутый в дверной косяк служит оберегом (фото 1). Также могут служить оберегом кресты, нарисованные на дверях в Крещение (фото 2).

Исследователь славянских верований и обычаев Александр Николаевич Афанасьев говорит: «Заговоры суть обломки древних языческих молитв и заклинаний и потому представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины. Без сомнения, они не могли дойти и не дошли до нас во всей своей свежести, полноте и неизменности; наравне с другими устными памятниками, и они подверглись значительным искажениям, отчасти вследствие сокрушительного влияния времени, отчасти вследствие того разрыва, который произвело в последовательном развитии народных убеждений принятие христианства. Не смотря на это, заговоры сохранили нам драгоценные свидетельства. <…> Они непригодны для забавы, и как памятники вещего, чародейного слова, вмещают в себя страшную силу, которую не следует пытать без крайней нужды; иначе наживешь беду. Заговоры поэтому вышли из общего употребления и составили предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарок и ворожеек… Могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах; как скоро позабыты или изменены формулы — заклятья недействительны. Это убеждение расставило с особенною заботливостью оберегать самое слово заговора, хранить его как святыню. В помощь памяти стали заносить заговоры на тетрадки, и редкий народный лечебник или травник найдется без заговоров; подобные рукописи, писанные большей частию безграмотно, составляют истинный клад для науки. К сожалению, они не восходят ранее восемнадцатого столетия; допетровская Русь сурово относилась к народному суеверию и вместе с колдунами и ведьмами жгла и их волшебные тетрадки »[5].



Ил. 2. Мосальский р-н, Калужская обл.

Также у А. Н. Афанасьева мы читаем: «В отдаленную эпоху язычествaведение понималось, как чудесный дар, ниспосылаемый человеку свыше; оно по преимуществу заключалось в уменье понимать таинственный язык обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ее явления и приметы, молить и заклинать ее стихийных деятелей; на всех знаниях доступных язычнику, лежало религиозное освящение; и древний суд, и медицина и поэзия — все это принадлежало религии и вместе с нею составляло единое целое»[6].



Ил. 3, Людиновский р-н, Калужская обл.

Там же: «В областном словаре: травовед — колдун (Калужск. губ.)…Лечебные заговоры большею частью произносятся над болящим шепотом, почему глагол шептать получил значение: колдовать; шептун — колдун, наговорщик, шептунья или шептуха — колдунья… (Обл. сл., 266-8)»[7].

Архаичное мировоззрение крестьян на природу вещей, а также старинную художественную форму частично сохранил заговор (от укуса змеи), который был записан мной в Ульяновском районе Калужской области:

«Када натель найдуть… када змея проползеть… и большие наступаются и маленькие

На море акеяна, на крутом курганя, стоит дуб гордадуб, под этим дубам гордадубам лежит змея скрупея, лежит змея посвистает своих детушек козулятушек покликает: уж вы детушки козулятушки укоритеся скоей змее матушке, которая шалила, которая дурила, двухголовая, трехголовая, сиряная, зимляная, водяная, подмежная, подрубежная. Вынь свою жало из рабы Пелагеи, не вынешь свое жало, придить святой Егорий, заколить жидом своим».

В заключение хотелось бы отметить, что носителей такого рода информации, а тем более дара или обладателей знаниями остается все менее и менее. Оставшиеся знахари жалуются на то, что передавать знания не кому. Нет способных их воспринять, да и желающих не много. Потому остается собирать столь немногочисленный оставшийся нам от предков материал для исследований, изучения и исторической памяти.

Примечания

[1] *Никифоровский М. Б.* Русское язычество: Опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян. — СПб., 1875.

[2] См.: *Осипова О. С.* Славянское языческое миропонимание: Философское исследование. — М., 2000.

[3] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. — Т. III. — М.: Современный писатель, 1995.

[4] Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. — Т. 3: Калужская губерния. — СПб., 2005.

[5] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. — Т. I. — М.: Современный писатель, 1995.

[6] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. — Т. III.

[7] Там же.

ВОДЯНЫЕ И ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ В ТОПОГРАФИИ КАЛУЖСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

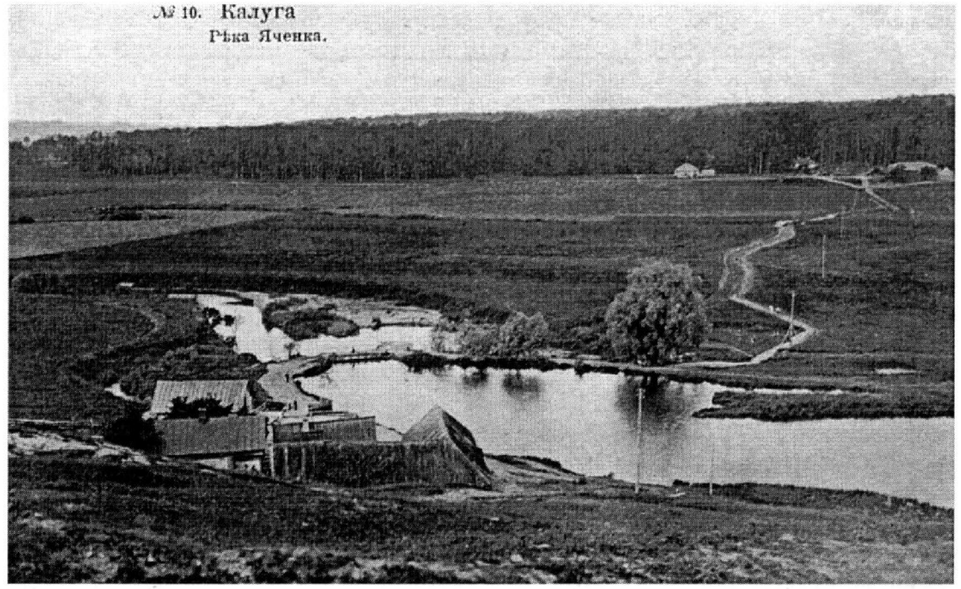
***Г. Б. Сафонова**, зав. сект., Калужский областной краеведческий музей*

Одной из малоизвестных составных частей исторического прошлого региона Верхней Оки являются водяные и ветряные мельницы, на первый взгляд очень прозаичные хозяйственные постройки, предназначавшиеся для переработки зерна. Только эти постройки наиболее зримо связывали в единое целое исторический и природный ландшафты, порой существенно видоизменяя последний. Их история — это не только история деревянного зодчества и развития технических знаний. Они являлись немаловажным звеном в архитектурном облике как сельских, так и городских поселений, были неотъемлемой составной частью многих монастырских ансамблей и нередко встречались в дворянских усадебных комплексах. И, вместе с тем, это именно те хозяйственные постройки традиционной культуры, чье бытование нашло свое отражение в мифологии и фольклоре. Водяные и ветряные мельницы в некоторых местах еще функционировали в первой половине XX в., самые поздние из них лишь недавно вошли в своды памятников архитектуры или стали экспонатами музеев деревянного зодчества в тех регионах, где об этом успели позаботиться. К сожалению, Калужской области в этом плане похвастаться нечем.

Однако сохранившиеся источники позволяют в определенной мере восполнить этот пробел и хотя бы в основных чертах представить роль и место водяных и ветряных мукомольных мельниц в историко-культурном пространстве верхнего течения р. Оки. В перечне источников особого внимания заслуживают немногочисленные детальные описи водяных мельниц из монастырских архивов, с особой скрупулезностью составлявшиеся обычно при сдаче в аренду. Очень ценны картографические материалы конца XVIII — XIX в. с планами поселений и редкие графические рисунки с изображением мельничных построек. Кроме того, особого внимания заслуживают 40 планов-карт этого периода с расположением мельничных комплексов на местности по ряду уездов Калужского края. Лишь небольшая часть источников по этой теме уже являлась предметом специального изучения[1].

Природные условия средней полосы России с небольшими реками в верховьях Оки создавали благоприятные возможности для строительства водяных мельниц, известных населению этих земель уже в середине XIV в. Вехи их ранней истории прослеживаются

Илл. 1. Фото с картины В. В. Журавлева (1883—1968) «Тарусская мельница». 1950-е гг. (?)

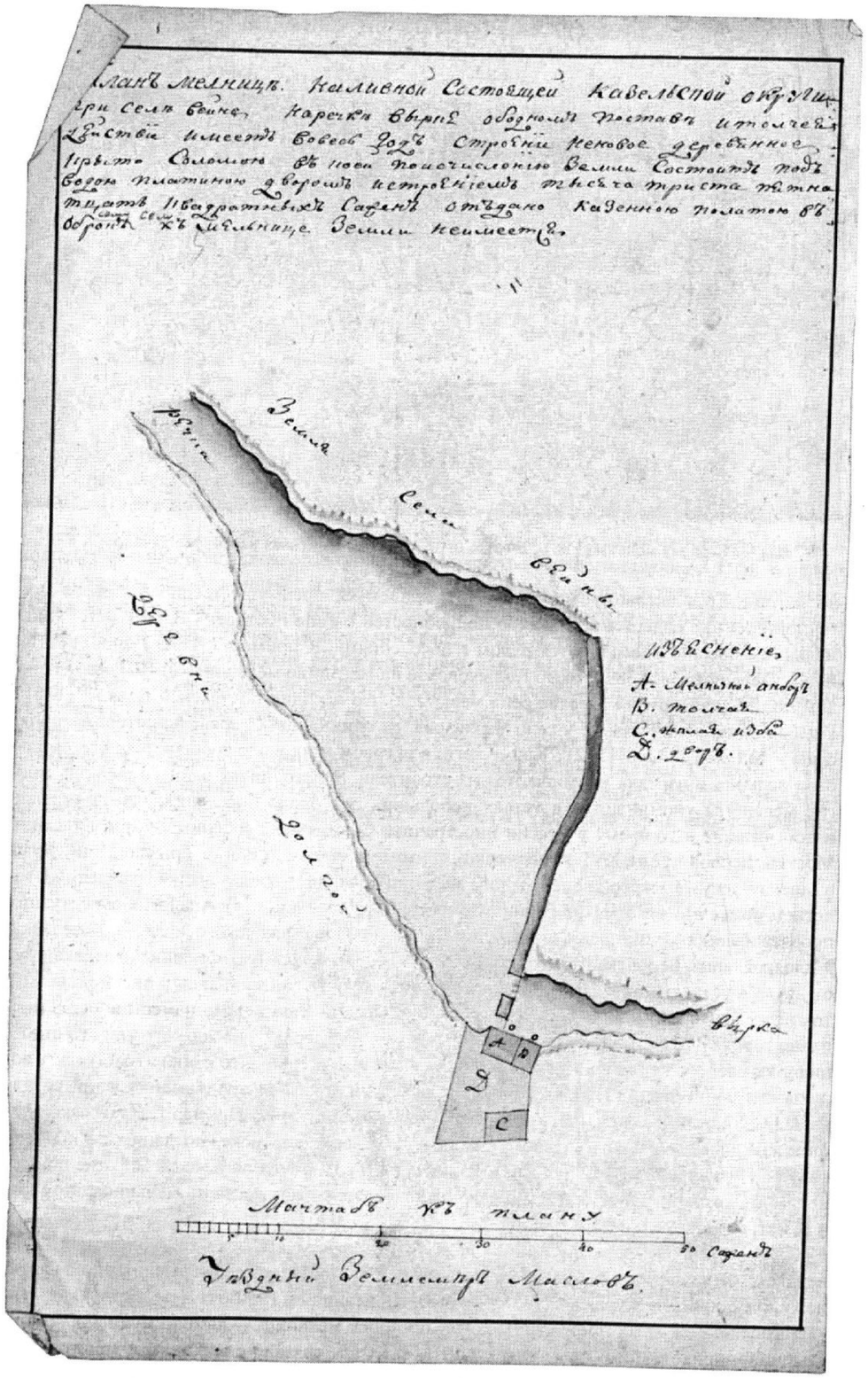


Илл. 2. Верхняя мельница на р. Яченке около Калуги. Почтовая карточка. Начало XX в.

по летописям и актовому материалу, относящемуся преимущественно к Северо-Восточной Руси, не содержа каких-либо подробностей о типе построек[2]. В этих источниках мельницы обычно упоминаются рядом с поселениями. К примеру: «село Луциньское на Яузе с мельницею» (1389), «село Колычовское на Неглинне мельница» (1402), «под городом под Можайском на Москве-реце мельница, что нарядил посельской Васюк» (1461), «мельница на реке Клязьме у села Черкизова, да одиннадцать деревень, которые приписаны к той мельнице» (1572)[3]. Кроме того, в актовом материале сообщаетсяо строительстве мельниц и изредка упоминаются их строители. В источниках раннего периода многие мельницы упоминаются в устьях небольших рек около поселений, что подметили и побывавшие в то время в России иностранцы. Сигизмунд Герберштейн при описании Москвы первой трети XVI в. подчеркнул, что под самым городом при впадении Яузы в Москву-реку «выстроено очень много мельниц для общего пользования граждан»[4]. Столетием позже это же отметил барон Мейерберг в своих записках[5]. Аналогичная ситуация прослеживается в отношении ряда старейших городов Калужского края — Козельска, Малоярославца, Боровска. В г. Козельске две водяные мельницы, стоявшие недалеко друг от друга в устье р. Другусны при впадении в р. Жиздру, упоминались в письменных источниках начала XVII в. В Топографическом описании Калужского наместничества и на плане города 1782 г. они отмечены на том же месте — среди «посадского жилого строения», их расположение не изменилось и в начале XX в. Наиболее ранняя топография водяных мельниц была очевидно, тесно связана с топографией древних поселений возникавших на возвышенных плато — мысах у слияния двух рек. Пример г. Козельска дает определенные материалы к такому заключению[6]. В г. Боровске, по данным Писцовой книги 1621 г., находилась «у посада ж слободка Мельничная на реке на Паратве под городом», в которой жили мельники, а ранее неподалеку располагалась мельница, которую в 1610 г. «сожгли литовские люди»[7].

В Тарусе городская мельница не одно столетие располагалась на одноименной речке недалеко от впадения в р. Оку и остатки ее строений остались запечатленными на картине художника В. В. Журавлева (1883—1968), написанной в 1950-е гг. (см .илл. 1).

Название основных производственных построек мельниц — «амбар мучной», "амбар ссыпной», приводимое в источниках XVIII—XIX вв., связано с внешним и конструктивным их сходством с традиционными постройками для хранения обмолоченного зерна — «житницами» (амбарами). Как те, так и другие были деревянными строениями, которые



Илл. 3. План водяной мельницы с. Вейно Козельского уезда на реке Вырке. Конец XVIII в.

рубились так же как изба, но пазы бревен не законопачивались, они ставились на невысоком фундаменте, внутри настилался пол. В среднерусской полосе «житницы» (амбары) располагались за пределами усадьбы или за околицей поселения, часто они группировались вблизи мельниц[8].

Водяные мельницы играли немаловажную роль в архитектурном ансамбле монастырей, особенно те из них, которые строились в ранний период их истории, как правило, недалеко от монастырских стен. Иногда они достаточно подробно описывались в монастырских документах при сдаче их в аренду, так как были одним из основных монастырских доходов[9].

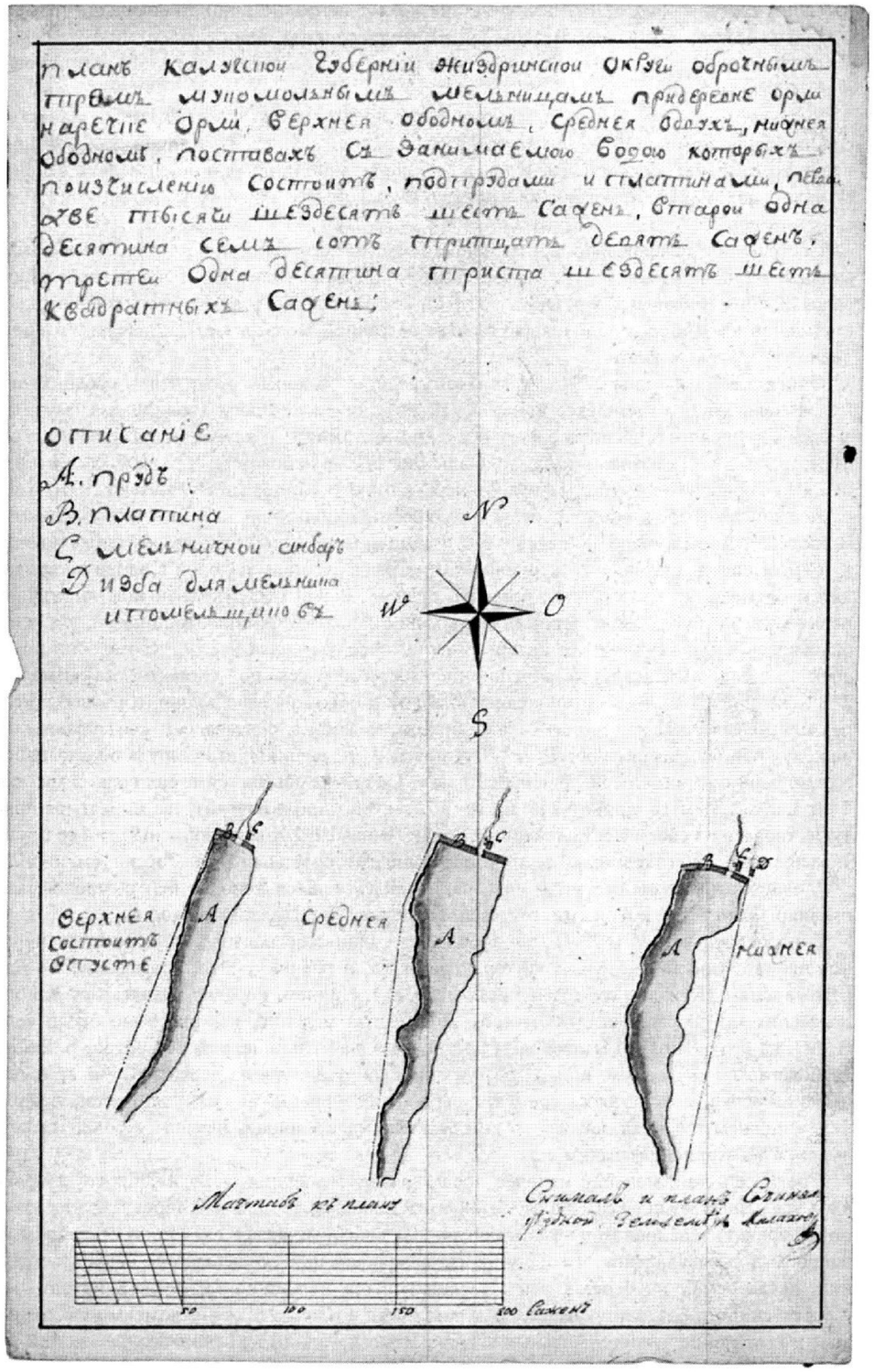
Построенной «изначально самим монастырем при его основании» (сер. XVI в.) была водяная мельница Калужского Лаврентьева монастыря в среднем течении небольшой речки Яченки впадающей в р. Оку, около Калуги. В то время эта местность входила в состав одной из слобод города с характерным названием Подзавалье, обозначавшим поселение за городским валом.

Опись этой мельницы 1794 г. позволяет представить характерные черты средних размеров мельничного комплекса конца XVIII в. В число построек входили два «мучных амбара» — елового и соснового леса, оба с двумя этажами — ярусами, с кровлей из теса. Межэтажные перекрытия — «мосты» были сделаны из «оболони», т. е. горбыля. В верхнем ярусе большого мучного амбара, размеры которого составляли 6×4 сажени (105 кв. м), размещались четыре комплекта жерновов со всеми дополнительными приспособлениями. В другом мучном амбаре, площадью 5×2,5 сажени (55,5 кв. м) находились также в верхнем ярусе еще два комплекта жерновов. Жилая изба, размеры которой в описи не приводятся, состояла из одного сруба крытого дранью. В ней был настелен пол, кирпичная печь не имела трубы, два волоковых окна были с задвигающимися оконницами, т. е. изба относилась к типу курных. Ее интерьер составляли три лавки и стол. Кроме этих построек в мельничный комплекс входили еще две: амбар ссыпной елового леса размером 2×2 сажени (17,5 кв. м), крытый дранью с полом и потолком из оболони (горбыля) и «сарай плетневый крыт соломой». Таким образом, мельница, считавшаяся «в исправности, на ходу» состояла из пяти построек[10]. Все постройки располагались у пруда образованного земляной плотиной перегородившей речку. Она была «вышиной вверх воды 3 аршина 4 вершка» (2,31 м), а в длину 215 сажен (452 м). Мельница Лаврентьева монастыря просуществовала на своем месте не одно столетие. В начале XX в. живописный вид ее пруда украсил почтовую открытку из серии изображавшей старейшие города России (см. илл. 2).

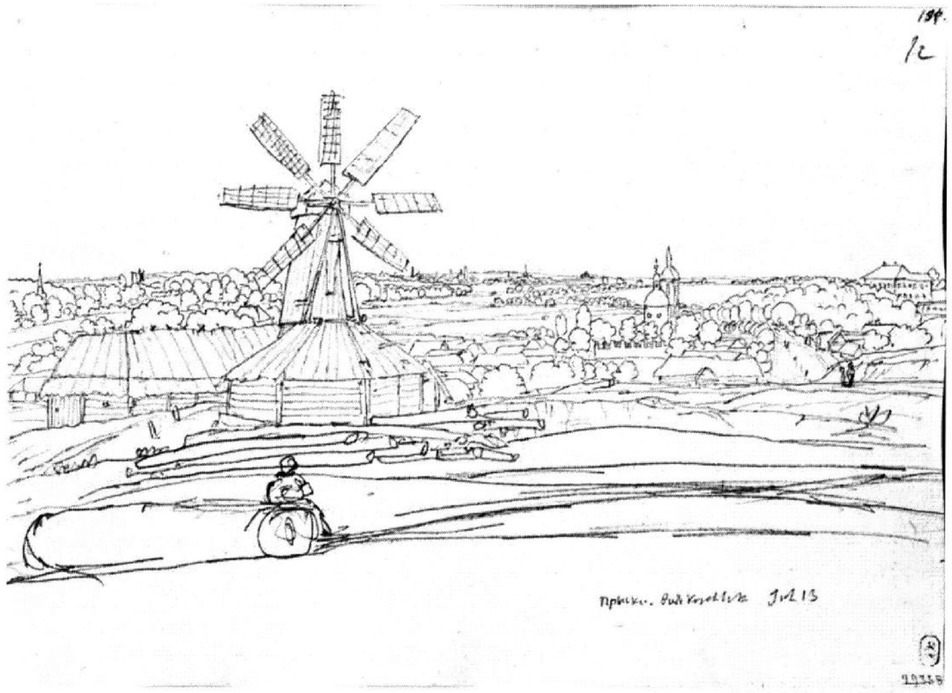
Монастырские водяные мельницы, часто находившиеся неподалеку от городов, как правило, были более крупными, чем располагавшиеся в сельской местности.

В последней четверти XVIII в. наибольшее количество водяных мукомольных мельниц насчитывалось в Козельском уезде, где их было 103 постройки, а население в уезде в это время составляло около 60 тысяч человек[11]. Причем, нередко недалеко от одного поселения могли располагаться несколько водяных мельниц, как это было около села Вейно: на речке Нижней Вырке была построена одна мельница, а на ее притоке р. Вейне располагалась другая (см. илл. 3). В Жиздринском уезде около деревни Орли на одноименной речке располагалось сразу три небольших мельницы — на один постав, в верхнем и нижнем течениях, каждая из которых занимала площадь немногим более гектара вместе с акваторией пруда (см. илл. 4)

Среди сельских мельниц интерес представляют мельницы, находившиеся в дворянских усадебных комплексах, но сведения о них довольно скудны и материалы о них можно почерпнуть в основном в немногочисленных судебных делах, связанных со спорными вопросами землевладения. Такие вопросы возникали при строительстве водяных мельниц, когда земли на берегах реки, соединявшихся мельничной плотиной находились в собственности различных владельцев, или когда в результате работы мельницы возникало подтопление чужих земельных угодий. Поэтому одним из основных требований законодательства при подаче прошения на разрешение строительства водяной мельницы было отсутствие споров по этому вопросу со стороны соседних владельцев. Мельницы в помещичьих имениях были небольшие, строившиеся на прудах и работавшие в основном в полую воду «и от дождей выпавших», «про господский обиход». Именно такой



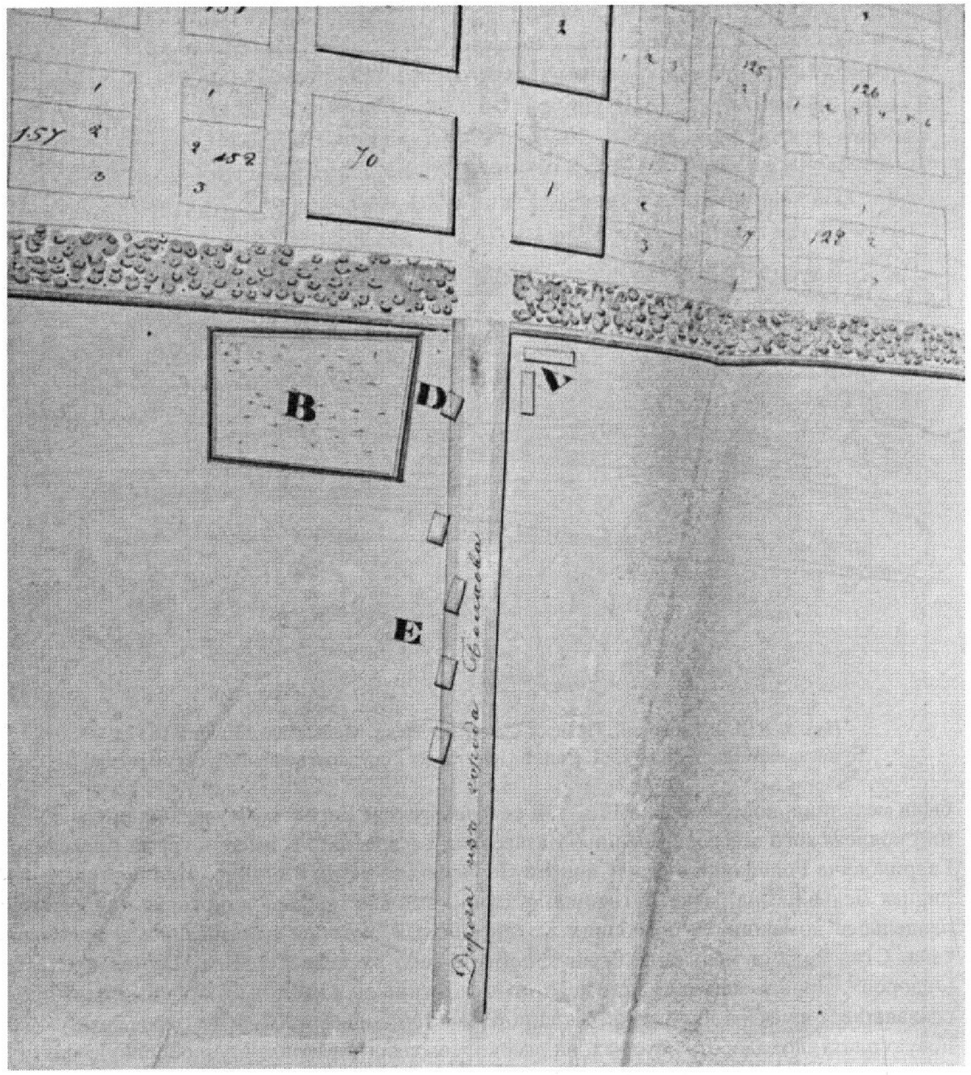
Илл. 4. План трех водяных мельниц д. Орли Жиздринского уезда, на реке Орлинке. Конец XVIII в.



Илл. 5. В. А. Жуковский. Прыски. Вид Козельска. Мельница. 13 июля 1837 г. Бумага, карандаш. 18,8×25,2. Санкт-Петербург. Государственный Русский музей.

была мельница, построенная в 1767 г. в сельце Исакове Боровского уезда на пруде в имении коллежского асессора Василия Матвеевича Богданова[12]. В имении графа Александра Гавриловича Головнина в селе Снопоти Серпейского уезда в 1748 г. была построена наливная мельница на речке Луговище на один комплект жерновов, которая «молола про владельцев домашний и сторонних людей обиход», которой пользовались и крестьяне села. Строителями мельницы были крестьяне того же села Герасим Наумов и Степан Федоров[13]. Привлекали внимание некоторых помещиков и казенные оброчные мельницы, сдававшиеся в уездах Калужской Казенной Палатой в начале XIX в. за определенную годовую плату, доходность которых, видимо, превышала установленную оброчную плату[14]. По статистике 1859 г., в Калужском уезде, в котором в то время насчитывалось 176 дворянских имений, было всего 13 водяных мельниц и одна ветряная, причем отмечалось, что «многие из них незначительные и иногда от имения далеко расположены, так что мужику нередко приходится возить хлеб на мельницу за 15 и даже за 20 верст»[15].

Водяные мельницы наибольшее распространение получили в XVII—XIX вв., а с XVIII в. преимущественно в сельской местности появляются ветряные, это единственные из хозяйственных построек производственного назначения, имевшие высотную вертикальную конструкцию. Не останавливаясь подробно на их технических особенностях, отметим лишь существование двух основных типов, не исключавших разновидностей каждого вида, что было связано с региональными отличиями[16]. У «столбовых» или «козловых» — мельничный срубный амбар вращался всем корпусом на врытом в землю столбе, оснащенном дополнительными опорными столбами или с бревенчатой «ряжевой» обрешеткой. Это более ранний тип ветряной мельницы, который напоминает широко распространенный в русском фольклоре образ «избушки на курьих ножках», поворачивающейся всем корпусом[17]. Такие постройки были в основном распространены на русском Севере, где около одного поселения их могло быть от трех до тридцати[18]. В средней полосе встречались более высокие — «шатровые», неподвижный корпус которых, в виде усеченного многогранника был полностью срубной конструкции, или стропильной, но на рубленом основании. Вращался только верхний четверик с крыльями.



Илл. 6. План г. Сухиничей. 1842. Деталь.

Во второй половине XIX в. строительство ветряных мельниц значительно увеличивается, причем в Калужской губернии преобладал шатровый тип. В южных уездах Калужской губернии количество ветряков превышало водяные и располагались они в основном в сельской местности, обычно от одной до нескольких построек на селение. Одним из редких графических источников, подчеркивающих доминирующую роль всего одной шатровой мельницы, как в планировке поселения, так и в окружающем ландшафте является рисунок Василия Андреевича Жуковского «Прыски. Вид Козельска. Мельница» из цикла графических работ, сделанных им в Калужской губернии во время поездки с Великим князем Александром Николаевичем по России в 1837 г. (Санкт-Петербург, Государственный Русский музей. Инв. № Р-23548). На высоком берегу долины р. Жиздры у дороги, круто спускающейся к селу Нижние Прыски, была расположена шатровая мельница с восемью крыльями, в основании которой срубный восьмигранный объем. Чтобы подчеркнуть размеры постройки В. А. Жуковский на первом плане схематично изобразил сидящего на бревне человека, взгляду которого открывалось расположенное в низине село с храмом и господским домом, а в отдалении, за излучиной реки — панорама находившегося в нескольких верстах уездного города Козельска (см. илл. 5).

Ветряные мельницы были составной частью городского ландшафта некоторых уездных городов Калужской губернии. Статистические данные 1859 г. упоминают о ветряках, располагавшихся около г. Жиздры на принадлежавших городу «выгонных землях, вне городской черты», так же на землях вне городской черты располагалась ветряная мельница г. Медыни[19]. Доходы с этих мельниц шли в городскую казну. Около г. Сухиничи на р. Брыни находилась водяная мельница, а на Белевской дороге при въезде в город — три ветряных (см. илл. 6).

В топографии сельских мельниц особого внимания заслуживает картографический материал. По территории региона сохранилось несколько планов-карт Козельского и Жиздринского уездов конца XVIII в.[20], очень интересны 40 планов-карт расположения мельничных комплексов на местности по ряду уездов[21]; а так же крупномасштабные карты (в 1 дюйме — 3 версты) создававшиеся военно-топографическим отделением Главного штаба в конце XIX в., по некоторым южным уездам Калужской губернии[22].

Эти материалы говорят о том, что в регионе преобладали небольшие мельницы: водяные на 2—3 постава (комплекта жерновов), ветряные на 1—2 постава. Немногочисленные более мощные водяные на 4—6 поставов принадлежали дворянам, купечеству или монастырям. Как правило, такие крупные мельницы располагались около городов. Сельские ветряки находились преимущественно во владении крестьян. Оба типа мельниц были рассчитаны в основном на хозяйственные потребности близлежащей территории.

Можно наметить несколько вариантов расположения мельниц в планировке сельских поселений региона. В крупном селе, расположенном на небольшой речке могла находиться на его окраине водяная мельница, если позволяли природные условия, то в нескольких верстах на каком — либо притоке могла располагаться и другая. В этом случае к мельницам вели дороги из деревень в округе 8—12 верст. Другой вариант: на реке протекавшей на расстоянии нескольких верст от ближайшего поселения было подходящее место для мельницы, там создавалось малодворное поселение — хутор, центром которого становился дом мельника.

Иногда в одном селе могли располагаться водяная и ветряная мельницы, или только несколько ветряков. Обычно ветряки ставились на окраине поселения, позади хозяйственной застройки и огородов. Они могли находиться также и на расстоянии 1—3 верст от деревни в поле у дороги или у перекрестка дорог к ближайшим деревням. В крупном селе Колодязцы Жиздринского уезда (Хвастовичский район), расположенном на транспортной дороге из Орловской губ. ветряная мельница стояла недалеко от центра села у проходящей через него дороги. А в 5—6 верстах на реке Ловать (приток р. Оки третьего порядка) находилась водяная мельница этого же села.

Интересной особенностью расположения мельниц в ландшафте региона было сосредоточение большого количества ветряных мельниц на возвышенном ополье в Подбужской волости Жиздринского уезда (Хвастовичский р-н). В 1896 г. в окрестностях с. Подбужье располагалась 21 ветряная мельница, принадлежавшая крестьянам этого села. В близлежащем с. Бояновичи крестьянскому обществу принадлежала водяная мельница на два постава, еще одна небольшая водяная принадлежала одному из крестьян села и еще семь ветряных мельниц располагались рядом с селом. В с. Пеневичах шесть ветряков принадлежали отдельным крестьянам, а в д. Елдаховой — 12 ветряков[23]. Можно предположить, что такая особенность была связана с распространенным в этой местности крестьянским промыслом по производству конопляного масла, для которого были приспособлены ветряные мельницы. Крестьяне сумели соединить воедино особенности природного ландшафта возвышенного ополья с экономическими особенностями своей местности: по проходившей рядом Карачевской транспортной дороге из Орловской губернии провозилась конопля, выращивавшаяся в южных губерниях.

Однако в регионе существовало немало сельских поселений, в которых вообще не было никаких мельниц. По-видимому, как водяные, так и ветряные мельницы даже во второй половине XIX в., трудно отнести к разряду массовых построек, как в городах, так

и в сельской местности. Существовавшие постройки, как правило, были рассчитаны на нужды нескольких поселений ближайшей округи.

Но, несмотря на это, в течение многих веков мельницы были характерной особенностью ландшафта Калужского края, в котором существовали как разветвленная сеть небольших речек подходящих для строительства водяных мельниц, так и небольшие пространства возвышенного ополия, вполне пригодных для размещения и ветряных мельниц. Именно благодаря этому фактору, мельницы заняли заметное место в историко-культурном пространстве региона.

Примечания

[1] См.: *Сафонова Г. Б.* Калужские мельницы // Калуга в шести веках: Материалы 4-й городской краеведческой конференции. — Калуга, 2003. — С. 46—55; *Сафонова Г. Б.* Мельницы Верхней Оки: природная среда и традиционное производство // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI конференции. — Калуга. 2005. — С. 89—93.

[2] См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — Т. 1. — М., 1952.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 12, 17, 61.

[4] *Герберштейн С.* Записки о Московии. — М., 1988. — С. 132.

[5] См.: Барон Мейерберг и его путешествие по России. — СПб., 1827. — С.207.

[6] См.: План города Козельска с поселенными при нем слободами. 1782 г. // Калужский областной краеведческий музей. Инв. № КП 395.

[7] Книги города Боровска посаду, письма и дозору Ильи Васильевича Чемесова да подьячего Василия Прокопьева, лета 7129-го // Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1888. — С. 5.

[8] См.: *Сабурова Л. М.* Сельскохозяйственные орудия и постройки // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. — М., 1987. — С. 187—203.

[9] См.: *Сафонова Г. Б.* Монастырские водяные мельницы Центральной России // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. — Вып. 2. — Т. 2. — Тула, 2007. — С. 202—207.

[10] Опись мучной мельнице на речке Яченке о шести поставах при деревне Подзавалье. 1794 г. // Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 8 — 8 об.

[11] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Краткая летопись города Козельска. — М., 1876. — С.25; *Сафонова Г. Б.* Водяные мельницы на притоках Жиздры в Козельском уезде // Природа и история Поугорья. — Вып. 7. — Калуга, 2013. — С. 165—170.

[12] См.: ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 694. Л. 1—4.

[13] См. там же. Ф. 618. Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 4, 18.

[14] См. там же. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 692. Л. 4.

[15] Статистическое обозрение помещичьих имений Калужского уезда. Составлено членом Калужского Комитета по крестьянскому делу С. И. Яновским // Калужские Губернские Ведомости. — 1859, — № 40. — Часть неофициальная.

[16] См.: *Пилявский В. И., Тиц А. А.* История русской архитектуры. — Л., 1984. — С. 29.

[17] См.: *Пономарев Н. А.* Возникновение и развитие ветряной мельницы. — М., 1958. — С. 57—58.

[18] См.: *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. — М., 1955. — С. 23.

[19] Калужские Губернские Ведомости. — 1859, — № 12. 13, 20,.

[20] См.: Калужский областной краеведческий музей. Коллекция «Документы». № КП 9284.

[21] См. там же. № КП 13918/1-40.

[22] См.: Переписка Калужской губернской Земской Управы с фуражным интендантским Управлением Московского военного округа. 1866—1868 гг. // ГАКО, Ф. 58. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 70—117.

[23] См.: Сведения о фабриках, заводах и других заведениях по волостям Жиздринского уезда за 1896 г. // ГАКО, Ф. 648. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 65—70..

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В КАЛУЖСКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

***Л. И. Федорова**, дир., **В. А. Ткаченко**, зам. дир., **В. В. Федоров**, зав. отд.,*
Музей ремесла, архитектуры и быта г. Калуги

Русское народное искусство, как искусство любого народа, — это, прежде всего, мир особенного отношения человека к своему труду, к своей деятельности вообще и жизни в целом.
Д. С. Лихачев.

Калужский край со своей самобытной народной культурой привлекает внимание исследователей. Игрушка, вышивка на одежде и полотенцах, резьба на предметах быта — вот источник знаний, заботливо сохранявшийся нашими предками. Народное искусство отображает гармонию мира, без которой невозможно сохранение, как человека, так и всей культуры народа в целом. Простые сюжеты традиционного народного искусства с малолетства воспитывали лучшие качества личности: трудолюбие, доброту, любовь, смелость, отвагу, сострадание, патриотизм.

Зооморфные образы постоянно изображаются на окружающих нас предметах: будь это изразец, полотенце или кованое изделие. Собака — постоянный и верный спутник, защитник человека на протяжении многих веков. Почему же образ собаки так стоек во времени, в пространстве, в материале изготовления. В сборнике «Мировоззрение древних киевлян» Я. Е. Боровского, мы встречаем следующие строки: «Повсеместно почиталась собака в Киевской Руси, поэтому этот образ широко встречается в декоративно-прикладном искусстве того времени». На киевских серебряных створчатых браслетах XII—XIII вв., на заколках, рукоятках плетей изображается крылатое существо с собачьей головой, известное как древнеславянский бог Симаргл, который осуществлял охрану древа жизни, на котором произрастало все живое. Б. А. Рыбаков в своих трудах считает Симаргла посредником между верховным божеством и землей, его посланцем, защитником от зла.

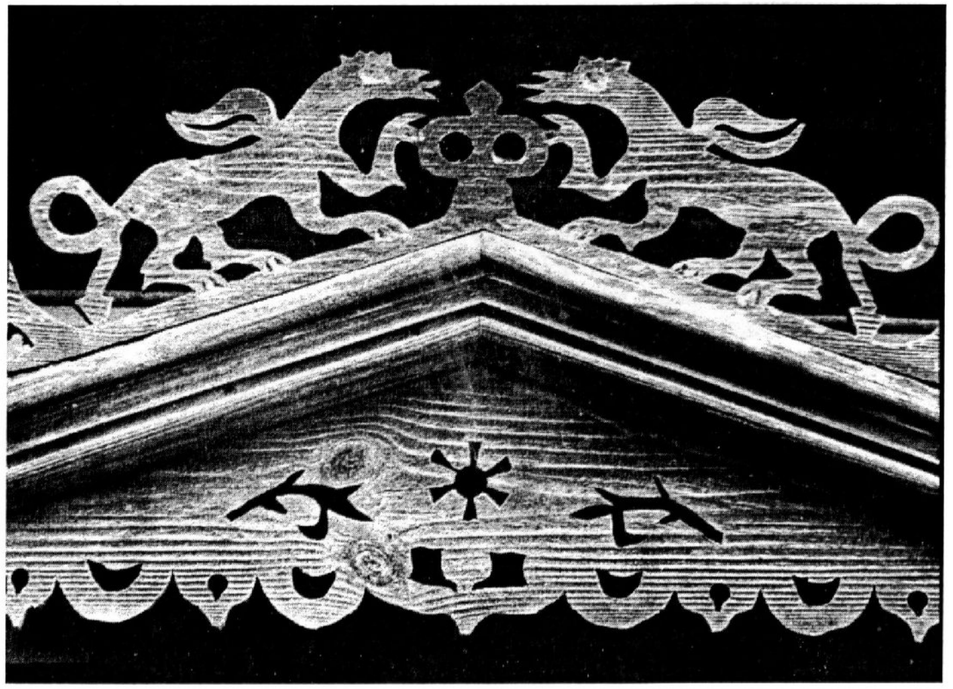


Рис. 1 Деревянный наличник. Калуга, ул. Никитина, д. 20.

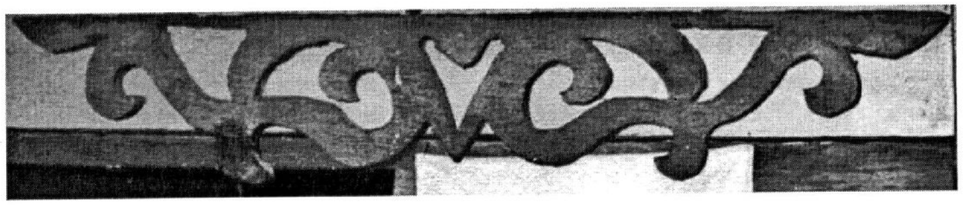


Рис. 2 Фрагмент наличника. Калуга, ул. Луначарского, д. 23.

Возможно, поэтому крылатых псов помещали даже на церковных дверях в Суздале. В Калуге мы можем встретить изображение летучей собаки на деревянных наличниках окон. Выполненные в технике пропильной резьбы, они украшают кокошник наличника окна дома по улице Никитина, № 20 (см. рис. 1). Две крылатые собаки с нижней части наличника по улице Луначарского, д. 23 изображены по обеим сторонам от стоящего на задних лапах медведя (см. рис. 2, 3).

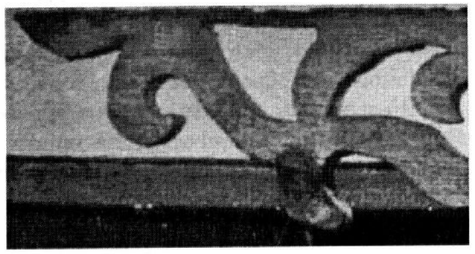


Рис. 3 Фрагмент наличника с изображением крылатой собаки. Калуга, ул. Луначарского, д. 23.

Довольно часто встречается образ собаки на вышитых полотенцах в разных районах Калужской области. На полотенце из деревни Синяки Куйбышевского района, изготовленном в 20—30-е гг. XX столетия (см. рис. 4), мы видим собак по сторонам дерева в традиционной форме сюжетного построения. На полотенце из деревни Красный Клин, Козельского района в 70-гг. XIX в. (владелец — Л. И. Семина, правнучка мастерицы), дерево, с двух сторон которого вышиты «бабы» с цветком. Четыре собаки, у основания дерева и ног «баб»« идут» в одном направлении, две — на уровне талии женщин — повернуты головой друг к другу, а две, над головами, парят в воздухе, их головы повернуты к дереву в центре (см .рис. 5) На вышивке начала XX в. из Белевского района Тульской области (этот район раньше входил в состав Калужской области), собачки выполнены в более реалистичной манере и идут по обе стороны от центральной вазы с цветами за петухами (см. рис. 6). На полотенце из Калуги начала XX в., собачки на поводках, рядом со своими хозяевами (см. рис. 7). Вот неполный перечень данного сюжета, изображаемого на полотенцах, бытовавших на нашей территории.

Из ранних изображений собаки в глиняной игрушке, можно назвать собачку , датируемую XV в., найденную в Москве на Яузе[1] Длиной около 6 см, при высоте 4,5 см, она имеет острый нос, заваленные мягкие уши и загнутый в кольцо хвост. Тулово у нее сплошное, на поверхности крупные пятна ангоба.

Свистулька — собачка из светложгущейся глины, с острой мордой, висячими ушами, покрытая белым ангобом, найдена на Липецком городище в 1998 г. (раскопки

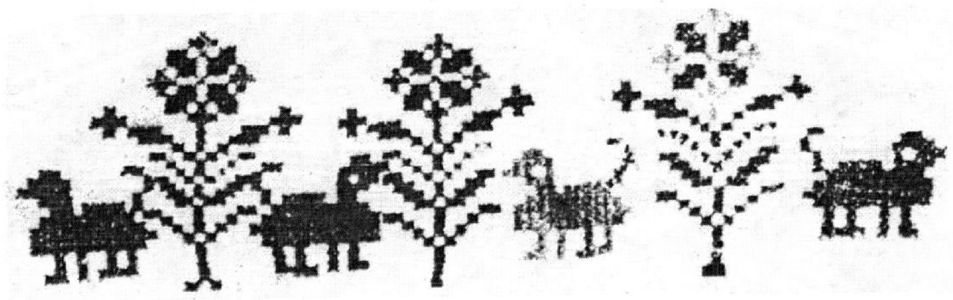


Рис. 4 Фрагмент полотенца. Д. Синяки, Куйбышевский район. 20—30 гг. XX в.

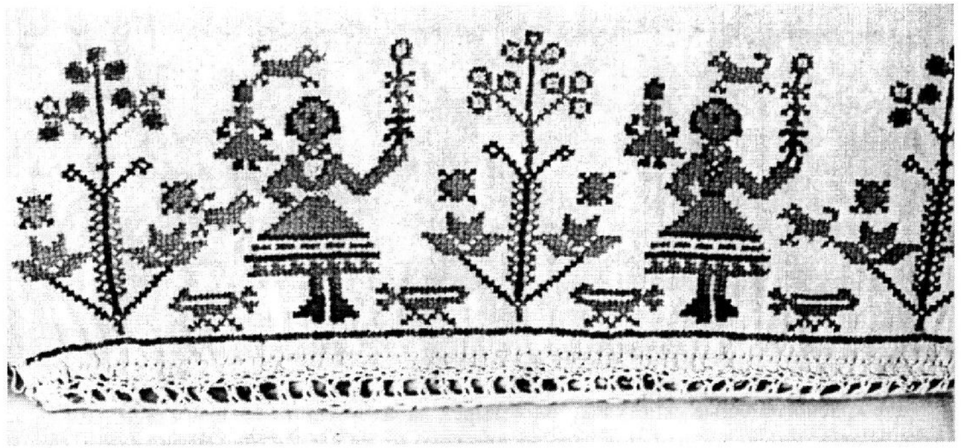


Рис. 5. Фрагмент полотенца. Д. Красный Клин, Козельский район. 70-е гг. XIX в.

В. А. Чивилева). Длина свистульки — 13 см, имеется 4 игровых отверстия и роспись красной и синей краской[2].

Глиняные игрушки — собачки имеют обширный ареал распространения по территории нашей области: Калуга, Козельский, Ферзиковский, Мосальский, Думинический и Перемышльский районы. Изучено и описано 20 экземпляров зооморфных свистулек и фигурок. Свистулек — собачек всего шесть штук, бытование четырех из них можно отнести к началу XX в. Это красноглиняная собачка на четырех лапах со свистком «пельмень на палочке» из д. Выгори Мосальского района (см. рис. 8) найдена при сносе дома и по рассказам старожилов, изготовлена в деревне местным гончаром. Кажется, что собачка лает: согнутые напряженные лапы, вытянутая шея, заваленные мягкие уши. Свисток «пельмень на палочке» с двумя тоновыми отверстиями по бокам, составляет тело животного, похож на некоторые свистки калужских гончаров.

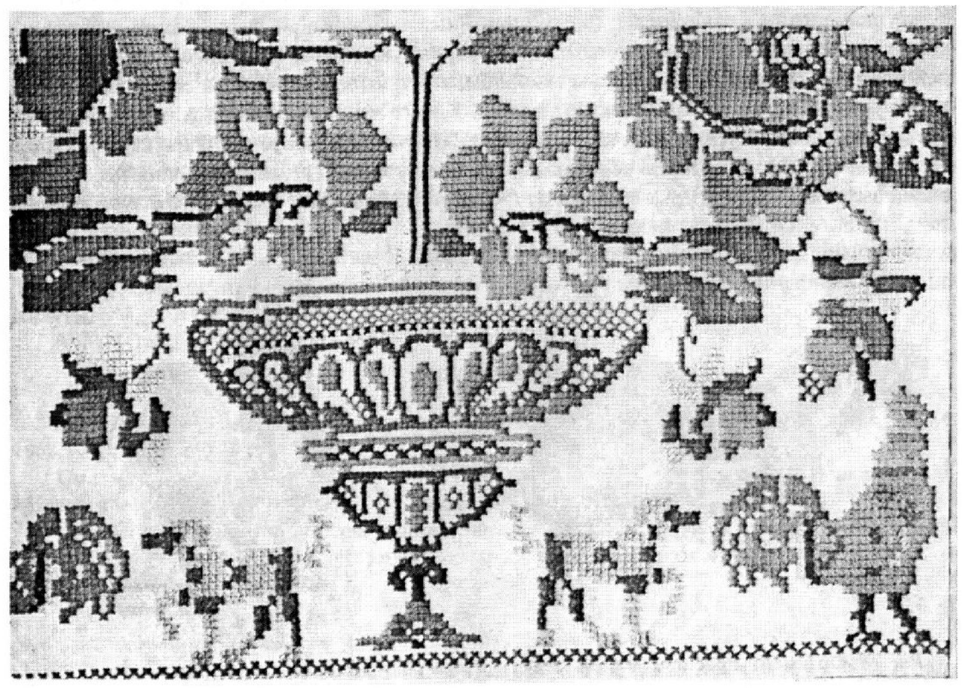


Рис. 6. Фрагмент полотенца. Белевский район, Тульская область. Начало XX в.

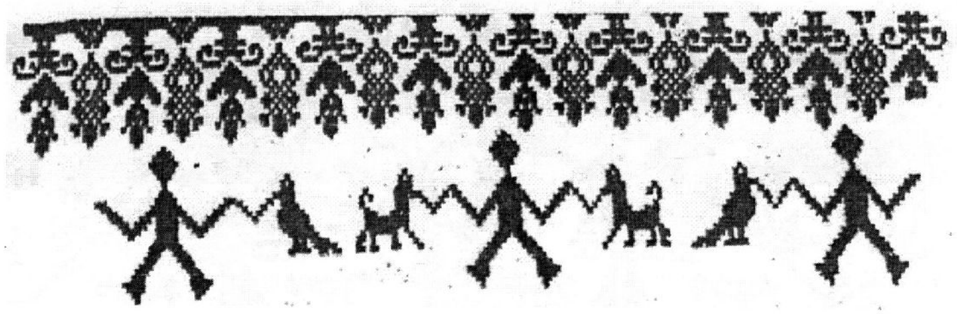


Рис. 7. Фрагмент полотенца. Калуга. Начало XX в.

Две красноглиняные свистульки на четырех лапах с длинной шеей и свистком филимоновского типа найдены сравнительно недалеко от Калуги: целая свистулька в деревне Никольская Перемышльского района (см. рис. 9) на огороде, фрагмент — в Ферзиковском районе. Скорее всего, вылеплены они в одном гончарном центре, хотя и найдены в двух соседних районах. Свистулька собачка из светложгущейся глины со следами морения, длинной шеей, слабо выраженной мордочкой и свистком филимоновского типа обнаружена в деревне Кольцово Ферзиковского района. Все три, подходят под описание краеведа Н. М. Маслова. Он писал в своей рукописи, что животные с длинной шеей приобретались на ярмарках Калуги, Перемышля, Козельска, в с. Дудино-Волосово Козельского уезда, в деревне Киреево Перемышльского уезда, в Тарусе в начале XX в.[3]

Свистульки из Калуги, выбиваются из общего ряда. Это свистулька типа «пельмень» из светложгущейся глины, которую можно отнести к XIX в. Она была найдена при сносе дома в исторической части города, Фрагмент свистульки из чернолощеной глины с двумя тоновыми отверстиями на спине, найденный в 1993 г. чуть ниже переправы вместе с монетами, изготовленными по проволочной технологии под слоем щепы, можно с осторожностью отнести к изделиям рубежа XVI—XVII вв.

Остальные изученные фигурки серо-мореные, черно-мореные (см. рис. 10) и из светложгущейся глины относятся к числу случайных находок при сносе домов и земляных работах в черте города. Все они изготовлены вручную, имеют сплошное тулово, на четырех коротких или длинных ногах, в основном, с острой мордочкой, со стоячими или вислыми ушами. Хвост у большинства изделий загнут колечком. Хочется остановиться на трех маленьких фигурках собачек. Фрагмент фигурки серо-мореной собачки найден при сносе дома на улице Кавказ в обнажившимся культурном слое, вместе с монетами XVI в., очень выразителен. Фигурка собачки из беложгущейся глины, найденная в 1996 г. на бе-

Рис. 8 Фрагмент красноглиняной свистульки. Д. Выгори, Мосальский район Начало XX в.

Рис. 9 Красноглиняная свистулька. Д. Никольская, Перемышльский район, Начало XX в.

Рис. 10. Черномореная фигурка. Старокалужская переправа, Калуга, XV—XVII вв.

Рис. 11 Фигурка из беложгущейся глины.. Калуга, ул. Воскресенкая, , XVIII в

регу реки Оки под слоем щепы с монетами Ивана III, Ивана IV, средневековой формы крестом-тельником; игрива. Совсем маленькая фигурка собачки из беложгущейся глины, длиной 42 мм и высотой 32 мм, найдена на чердаке снесенного дома по улице Воскресенской (см. рис. 11). Такой величины игрушки обычно не лепят на продажу, скорее всего, собачек мастер изготовил для своих детей или внуков. Все три фигурки слеплены из одного кусочка глины, имеют сплошное тулово, короткие ноги и хвост колечком. Особенно забавна собачка с улицы Воскресенской, предположительно XVIII в., выполнена в классической манере с острым носом, вислыми ушами, отличными пропорциями.

Остальные зооморфные фигурки среднего размера, выделяется черно-мореная собачка, длиной 100 мм, высотой 74 мм. У большинства фигурок — собачек уши — торчком, острым концом палочки наколоты глаза. У собачек из беложгущейся глины мы можем выявить роспись полосками

Общность русской и калужской региональной культуры обусловлена видовым разнообразием прикладных направлений. В мастерской — лаборатории Музея ремесла, архитектуры и быта, Народным мастером России, экспертом Министерства культуры РФ по декоративно — прикладному искусству В. А. Ткаченко, Заслуженным работником культуры РФ Л. И. Федоровой и зав. отделом информатизации В. В. Федоровым технологии изготовления местных глиняных изделий изучены и восстановлены. Мастера народного художественного промысла глиняной игрушки г. Калуги О. Н. Носов, О. В. Носова, Ю. Н. Герасимова, М. В. Кан, Н. А, Лагода, Н. М. Свириденко, Э. Ю. Александров, Т. Г. Михайлова, Е. В. Макарова освоили лепку всех традиционных изделий из глины. Таким образом, осуществляется на практике сохранение во времени гончарных традиций Калуги.

Примечания

[1] См.: *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство. XII—XVIII вв. — М., 1968. — С. 85.

[2] См.: *Чалых Н. Е.* Глиняная игрушка XVII—XVIII вв. из фондов ЛОКМ // Верхнедонский археологический сборник. — Вып. 2. — Липецк, 2001. — С. 254.

[3] См.: *Маслов Н. М.* Калужская художественная керамика // Родная старина: Материалы II и III научно-практических конференций по проблемам сохранения и развития фольклора. — Калуга, 2001. — С. 9—10.

ПРИРОДА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

ПАМЯТНИКИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ «УГРА»

***В. П. Новиков**, к. г. -м. н., гл. н. с., Национальный парк «Угра»*

В типологии объектов культурного наследия памятники истории, связанные с природопользованием и традиционным укладом жизни, достаточно уверенно обособляются от других категорий подобных объектов. Эти памятники отражают результаты воздействия человека на природную среду в процессе ее хозяйственного использования на основе складывавшихся веками навыков и приемов.

Несмотря на очевидную эволюцию традиционных способов и технологий использования природных ресурсов, основные виды природопользования остаются неизменными на протяжении длительного времени и сопровождаются определенными материальными свидетельствами — памятниками традиционного природопользования (ПТП). Эти объекты зачастую формируют достаточно заметные по площади сочетания и нередко становятся определяющими для отдельных типов культурных ландшафтов (горнозаводских индустриальных, водохозяйственных, лесоводческих, промысловых, рекреационных и др.). В других случаях ПТП являются составными частями сельских, монастырских, усадебных и иных культурно-ландшафтных комплексов. Наряду с материальной стороной, ПТП часто содержат ментальную составляющую в виде сохранившихся до наших дней обрядов, фольклора и топонимов памятных мест.

В национальном парке (НП) «Угра» и в границах его охранной зоны представлены различные виды объектов наследия, связанных с хозяйственным освоением природных ресурсов, а именно — памятники недродопользования, лесопользования, водопользования, традиционной охоты и рыболовства, землепользования и сельскохозяйственного производства.

Памятники недропользования связаны в основном с поисками, добычей и переработкой различных полезных ископаемых, с историей горнозаводского освоения тех или иных районов. *Железные руды* как сырье для металлургической переделки на Митином заводе (нынешний п. Песоченский в Тульской области, основан в 1744 г.) кустарно добывались в пойме р. Серены выше д. Городец (озерно-болотные руды), а также траншеями в нижнекаменноугольных известняках (бурые железняки инфильтрационного генезиса) у д. Клыково и в овраге Залом против д. Грива[1]. Предполагалось, что местные руды будут использоваться на ближайшем к месту добычи Серено-Заводе (основан в 1756 г.), но он специализировался в основном на переделке чугуна, поступавшем с Митина завода, и являлся «молотобойным». От этого завода остались фрагменты плотины на р. Серене и шлаковые поля в одноименной деревне[2].

Стекольные пески для производства бутылочного стекла и посуды разрабатывались в XVIII в. в аллювиальных отложениях р. Песочни близ д. Гранный холм Козельского района («гранный» — от гранильного цеха), а также с 1912 г. у п. Березичский стеклозавод на р. Грязне. Последнее предприятие, вместе с рабочим поселком, было организовано князем А. Д. Оболенским и существует до сего дня в прежнем качестве. Для нужд этого завода какое-то время эксплуатировались и доломитизированные известняки нижнего карбона (использовались как флюс) в верховьях руч. Чепчик.

Известняки находили более широкое применение в качестве строительного камня и как сырье для производства извести. В окрестностях с. Палатки на р. Угре (у бывшей д. Коммуна) сохранились небольшие карьеры в нижнекаменноугольных известняках окской толщи и ямы для обжига извести. Некрупные каменоломни отмечались в конце XIX — начале XX в. на р. Тече (Павлищево, Троица), а в районе д. Куприяново на Угре крепкие разновидности окских известняков разрабатывались в качестве жернового камня (местечко «Жерновка»). Наибольшего размаха добыча прочных мраморовидных известняков этого возраста достигла в 1910—1920 гг. в имении А. С. Келлата близ д. Шамордино на р. Выссе. Здесь остался крупный карьер (глубина — 40—50 м), в основании которого были заложены протяженные (до 40 м) штольни, откуда извлекали плиты так называемого «шамординского мрамора». Это сырье обрабатывалось на месте, затем по узкоколейке, конной тягой доставлялось к полотну Московско-Киево-Воронежской железной дороги и вывозилось в Калугу и Москву, где использовалось в строительстве и облицовке многих зданий[3].

Среди прочих полезных ископаемых, по масштабам разработок, выделяется *торф*, промышленная эксплуатация которого для целей отопления началась в 30-е гг. XX столетия и была наиболее интенсивной в первые послевоенные годы[4]. Добыча торфа велась в границах НП «Угра» в нынешних Юхновском (болота Беляевское, Бадерово, близ д. Стененки), Дзержинском (болота Галкинское, Бучкино, около с. Звизжи, д. Шеняно-Слобода), Перемышльском (д. Заболотье), Козельском (близ д. Каменка, с. Дешевки, д. Булатово) районах. Уже упоминавшийся Березичский стеклозавод с 20-х до начала 50-х гг. прошлого века использовал в качестве топлива торф ближайшего месторождения «Луговое» в пойме р. Жиздры (так называемая «Торфушка»). В настоящее время мелиорированные ранее и выработанные торфяные болота находятся в стадии самовосстановления.

Исстари природа для человека была не только предметом хозяйственного использования, но и объектом обожествления. В ней он находил определенные места для поклонения своим богам и духам: деревья, камни, озера. Поэтому к рассматриваемой группе памятников определенное отношение имеют священные камни и прочие культовые объекты, связанные с недрами (скалы, пещеры). В границах НП «Угра» к таковым можно отнести эрозионный останец каменноугольных песчаников в урочище Чертово Городище, которое рассматривается археологами как культовый центр периода освоения территории Верхнего Поочья славянскими племенами (IX—X вв.)[5].

Коснулся парка «Угра» и популярный ныне культ «синих камней», почитающихся святыми в некоторых регионах России (Ярославская, Московская, Вологодская обл.). Камень с таким названием — ледниковый валун гранито-гнейса размером около 3 м в поперечнике — имеется на р. Угре у д. Миленки, и с ним, как и в других местах, связаны таинственные легенды.

Памятники лесопользования объединяют старые лесничества, лесопосадки, лесоперерабатывающие производства, а также леса оборонного значения и лесные школы. Одно из наиболее старых лесничеств в границах НП «Угра» было организовано в 1905—1910 гг. в казенной лесной даче «Грязна» под Козельском, взятой в аренду тульскими лесопромышленниками. Масштабные лесозаготовки здесь были связаны с широколиственными лесами, поставлявшими ценную древесину. Лес вывозили по дороге от д. Волосово-Звягино на железнодорожную станцию Киреевское, где находились несколько складов и цехов по изготовлению паркетной доски, дубовых бочек, кровельной дранки, ободьев, спиц и ступиц тележных колес (название прежнего рабочего поселка «Каретный» красноречиво напоминает об этом). В усадьбе лесничества, унаследованной впоследствии местным лесхозом, сохранились отдельные строения, плодовый сад, аллейные посадки елей и лиственниц. В окружающих усадьбу ясеневых дубравах видны следы ухода за лесом (обрубка нижних ветвей у старых деревьев), а также результаты лесокультурных работ — площадные посадки дуба (сегодня в возрасте более 100 лет), выполненные лесопромышленниками в счет залога, взимавшегося для искусственного облесения лесосек[6].

Рубки леса во многих местах сопровождались строительством не только лесовозных дорог, но и использованием рек для транспортировки заготовленной древесины. «Сплавными» в свое время были и Жиздра, и Угра, и Ока. На Угре сохранившимся до сих пор топонимом обозначено место складирования, сортировки бревен и вязки плотов — Павловская «пристань» у б. д. Павлово. Также в топонимах дошли до нас места таких широко распространенных прежде лесохимических промыслов, как углежжение, дегтярное и смолокуренное производства: не существующие ныне д. Угольница в окрестностях оз. Озерки и д. Дегтянка близ Климова Завода в Юхновском районе.

Издревле люди использовали защитные, оборонительные функции леса, которые в границах национального парка демонстрирует западная часть Заокской засечной черты,

протянувшейся по правобережью р. Жиздры — Перемышльские и Козельские засеки. Эта полоса лесов была естественным рубежом, прикрывавшим границы Московского государства в XVI—XVII вв. от набегов степняков. Одним из элементов обороны, кроме крепостей, охранявших дороги, были «засеки» — искусственные завалы из деревьев. Охраной таких лесов занималась специальная засечная стража, а режим их был тождествен сегодняшнему заповедному[7].

Сохранность и видовое разнообразие засечных лесов способствовали появлению здесь в 1804 г. одной из первых лесных школ в России, где обучались будущие лесоводы[8]. Спустя 9 лет эта школа была переведена в Санкт-Петербург и объединена с организованным там Форст-институтом (ныне лесотехническая академия). Место расположения козельской Лесной школы обозначено на современных картах как «Урочище Городок». Неподалеку от него, у дороги Козельск—Слаговищи, в 1997 г. установлен памятный обелиск.

Памятники водопользования представлены широким спектром объектов: от источников подземных вод до каналов-водоводов и водоподпорных плотин. Среди естественных источников воды (родников, ключей) можно выделить питьевые, лечебные, сакральные и используемые для хозяйственных нужд. Всего на территории НП «Угра» известно более 140 выходов подземных вод, относящихся к 10 водоносным горизонтам различного геологического возраста[9]. Наиболее водообильными являются источники в каменноугольных отложениях (Заборовский — 57,6 л/с, Поповский — 43,6 л/с, Климово-Заводской — 18 л/с, Гремячевский — 15 л/с и др.). Кроме традиционного питьевого использования родников, следует упомянуть выходы подземных вод, которые в разное время приспосабливались для хранения скоропортящихся продуктов (молока — Троица-Екатерининские источники, рыбы — «Баранов колодец» у д. Куприяново на р. Угре), для полоскания белья (так называемые «портомойки» — д. Клюксы) и даже для строительства мельниц (д. Поповка на Угре). В последнем месте до сих пор существует родниковый пруд (40×70 м), окруженный земляным валом с деревьями в возрасте более 100 лет.

Помимо пресных, безусловный интерес, с точки зрения возможного лечебно-бальнеологического использования, представляют выходы минерализованных вод. Еще в начале XX в. в этом качестве рассматривались Троица-Екатерининские железистые источники на р. Тече, считавшиеся аналогом липецкой лечебно-столовой воды[10]. Целебные свойства нередко приписывались и родникам с пресной водой, которые почитались как святые (Ильинский на р. Жиздре, Пахомовский на Угре и др.), наравне с таковыми при монастырях (бывших Гремячевом и Шаровкине, в Казанской Свято-Амвросиевской пустыни на р. Серене). Сакральные функции выполняют и немногие собственно минеральные источники, к которым относится, например, Пафнутьевский в Оптиной пустыни. Купальные воды этого источника связаны с гипсоносными отложениями девонского возраста и имеют сульфатно-кальциевый состав.

Родники иногда сопровождались водоводами-каналами, подводившими воду к населенным пунктам или промышленным предприятиям. Подобный канал протяженностью около 700 м (ширина — до 6—7, глубина — 1,5—3 м) и остатки земляной дамбы сохранились у родника в истоках р. Рудянки близ Климова Завода. Еще более крупный водовод соединял оз. Озерки и овраг Руссовой речки у д. Коноплевки (Юхновский район), где в конце XVIII — первой половине XIX в. работала полотняная фабрика П. Г. Щепочкина. Озерная вода пополняла в сухие сезоны водохранилище, у плотины которого размещались вододействующие механизмы фабрики. Сохранившаяся длина канала — более 1,5 км при ширине до 10 и глубине до 5 м. Через плотину (высота — 6—8 м) до сих пор проходит старая дорога из Коноплевки в с. Палатки[11].

Земляные (иногда каменно-земляные или дерево-земляные) водоподпорные плотины сооружались на многих малых реках, где действовали в основном мукомольные мельницы (реже энергия воды использовалась для лесопиления и работы кузниц). Сохранившиеся фрагменты плотин (иногда с следами мельничных строений и каменными жерновами) можно видеть на многих участках национального парка. На р. Собже у Климова Завода, в период нэпа (20-е гг. XX столетия) функционировало до 8 мельниц[12]. Одна из наиболее

старых плотин, построенная еще в конце XVIII в., располагалась на р. Сосенке, рядом с одноименной деревней Козельского района[13]. Мощная турбинная мельница была построена в конце XIX в. на р. Выссе в имении Шахматовых-Ширинских (д. Заборовка) и проработала в этом качестве до 1990 г.

Памятники традиционных промыслов, таких как охота, рыболовство, пчеловодство, собирательство, характеризуют одни из основных и наиболее ранних видов природопользования. Особенно ярко они представлены в районах Сибири, крайнего Севера, в местах проживания коренных малочисленных народов. В нашем регионе, как и на большей части освоенной в хозяйственном отношении территории центральной России, такие памятники уже в основном утрачены или сохранились в редких реликтовых формах (охотничьи угодья, ловушки, старые лесные пасеки, грибоварни). В Березичском лесничестве НП «Угра», в старовозрастных широколиственных лесах, иногда можно увидеть деревья с полым стволом у основания, несущим следы пожога. Таким способом до недавнего времени охотились на куницу, поджигая деревья снизу и дымом выкуривая зверьков из дупла. Здесь же в засечных лесах, на памяти старожилов, еще встречались старые бортевые дубы с искусственными дуплами для диких пчел.

Среди многих традиционных способов рыболовства в долине р. Жиздры «прижились» и отмечались до последнего времени так называемые запорные ловушки, препятствующие ходу рыбы. В одних случаях сооружали «сежи» («сижи»), когда реку перегораживали частоколом, переплетенным ивняком. На стремнине в такой стенке оставляли проход-отверстие, которое на время ночной рыбалки закрывали вершей или кошелем. В стоячих водоемах — пойменных озерах — пользовались другим приемом: рыли в сторону берега канаву, которая заканчивалась неглубокой ямкой в месте высачивания грунтовых вод — «родничков» (все вместе это называлось «кутец», «котец»). Во время зимних заморов из озера в яму, к свежей воде, заходила рыба. Горловину канавы после этого закрывали перегородкой, а рыбу вытаскивали сачком.

Памятники землепользования, связанные с межеванием земель (межевые границы, знаки) немногочисленны на территории национального парка, и сохранились преимущественно в лесном фонде. Яркий пример межевых границ — квартальные просеки, многие из которых проложены еще в конце XIX — начале XX в. с шириной квартала около 1 067 м (1 путевая верста). По таким просекам «нарезались» казенные и частные лесные «дачи», владения монастырей и крестьянских общин. Другой вид межевых границ остался от Заокской засечной черты на правобережье Жиздры. Сохранившиеся здесь леса Перемышльских и Козельских засек, а также их отдельных частей-«звеньев» в XIX в. были окружены земляными валами и сопровождавшими их рвами[14]. В районе Столпицкой засеки (сегодняшнее Березичское лесничество НП «Угра») такие «межи», подновлявшиеся и в более позднее время, когда засечные леса были переданы Тульскому оружейному заводу, до сих пор имеют внушительные размеры: глубина рвов достигает одного, а ширина — 2,5 м.

Так же как лесные просеки отмечаются квартальными столбами в местах пересечения, так и засеки содержали особые межевые знаки. Их ставили в «замках» (местах соединения) отдельных «звеньев», на «изломах» (поворотах) засечной линии или на границах сторожевых обходов. В качестве таких межевых знаков использовались камни, ямы, крупные пни, а иногда практиковалось затесывание стволов больших деревьев с нескольких сторон (т. н. «гранные» деревья)[15].

Границы земель российских губерний также иногда обозначались лесными просеками, но чаще они отмечались специальными знаками вдоль крупных дорог. Четырехгранный кирпичный постамент сохранился на бывшей границе Калужской и Смоленской губерний, у обочины Варшавского шоссе близ моста через р. Угру. На двух сторонах этого знака ранее размещались гербы губерний, теперь — Юхновский и Калужский гербы.

Памятники традиционного сельскохозяйственного производства, с одной стороны, достаточно многочисленны на территории НП «Угра», с другой — не столь выразительны из-за общего угасания сельскохозяйственной деятельности в последние десятилетия. Пока еще встречаются прямоугольники возделываемых полей с «пожнями», где сжа-

ты зерновые культуры, а также скошенные луга с стогами или рулонами заготовленного к зиме сена — именно они сегодня «держат» структуру привычного сельского ландшафта. С другой стороны, отгонное, пастбищное животноводство как неотъемлемая составляющая пойменных сельхозугодий в недалеком прошлом, постепенно вытесняется стойловым содержанием животных в современных фермах.

На этом фоне все более привлекательными и ценными кажутся ландшафты исчезнувших поселений — памятники крестьянской культуры, оставшиеся после Великой Отечественной войны и эпохи «сселений» и «укрупнений». Благодаря традиционной планировке деревенских земель в этих местах, называемых сейчас «урочищами», хорошо угадываются бывшие поля, сады, огороды, пруды с остатками мельничных плотин, контуры былых улиц и домов. Подобные урочища можно видеть вдоль бывшего Гжатского тракта и р. Вори, а также на отдельных участках угорской долины выше г. Юхнова[16].

* * *

Традиционное природопользование затрагивает важнейшие сферы деятельности человека и приводит к образованию обширного ряда генетически разнородных и порою весьма своеобразных объектов историко-культурного наследия. Как показывают приведенные примеры, достаточно многообразны подобные объекты и на территории национального парка «Угра», где они представлены как локальными («точечными») памятниками (горные выработки, родники, плотины, межевые знаки и т. д.), так и крупными площадными, характеризующими целые культурно-ландшафтные комплексы (засечные леса, сельскохозяйственные угодья). Наряду с возможностями реставрации и историической реконструкции объектов традиционного природопользования, важное значение для их сохранения имеют вопросы поддержания и приспособления, в том числе с применением различных способов музеефикации, мемориализации и заповедания этого наследия.

Примечания

[1] См.: *Есипов В. П.* Историко-природные памятники в нижнем течении реки Серены // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Тезисы докладов VII конференции. — Калуга, 1998. — С. 159—164.

[2] См.: Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под. ред. В. П. Новикова. — 2-е. изд. — Калуга, 2014. — С. 149—150.

[3] См.: *Новиков В. П., Есипов В. П.* Шамординский мрамор // Древний Воротынск и его окрестности. — Калуга, 1995. — С. 57—61.

[4] См.: *Петров В. Г.* Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. — Калуга, 2003. — С. 330—335.

[5] См.: *Прошкин О. Л.* Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. — Калуга, 2011. — С. 71—73.

[6] См.: *Бобровский М. В.* Козельские засеки. — Калуга, 2002. — С. 54—73.

[7] См.: *Рябов С. А.* Здесь государевым «украинам» было бережение. — М., 2007. — С. 82—89.

[8] См.: *Тихонов А. С.* История лесного дела. — Калуга, 2007. — С. 95—96.

[9] См.: *Новиков В. П., Гордеева Т. А., Супрычев В. В.* Комплексное обследование источников подземных вод в национальном парке «Угра» // Экспедиционные исследования: состояние и перспективы. — Смоленск, 2010. — С. 34—39.

[10] См.: *Хименков В. Г.* Троица-Екатерининские минеральные источники Мещевского уезда Калужской губернии // Геологический комитет. Материалы по общей и прикладной геологии. — Вып. 13. — Петроград, 1917. — С. 1—19.

[11] См.: Памятники истории и культуры национального парка «Угра». — С. 154—156.

[12] См.: *Гольцов М. И.* Краткая история Климова Завода и окрестностей // Природа и история Поугорья. — Вып. 1. — Калуга. 1999. — С. 81—85.

[13] См.: *Сафонова Г. Б.* Водяные мельницы на притоках Жиздры в Козельском уезде // Природа и история Поугорья. — Вып. 7. — Калуга, 2013. — С. 165—170.

[14] См.: *Бобровский М. В.* Козельские засеки. — С. 41—53.

[15] См.: *Рябов С. А.* Здесь государевым «украинам» было бережение. — С. 82—89.

[16] См.: Памятники истории и культуры национального парка «Угра». — С. 182—185.

ОБЗОР БИОРАЗНООБРАЗИЯ ИСКОПАЕМЫХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ НЕКОТОРЫХ КАРЬЕРОВ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ

***А. Б. Гаранжа**, студентка, Тульский государственный университет*

В настоящее время палеонтологические сведения об ископаемых беспозвоночных на территории Тульской области довольно малочисленны. Большинство из них представлены в коллекциях Тульского областного краеведческого музея, Тульского областного центра детского и юношеского туризма, музейно-выставочного центра «Тульские древности». В данной работе более подробно мы остановимся на отложениях карбона, так как именно они слагают поверхностные обнажения рассматриваемых здесь мест находок ископаемых.

Нами были изучены и определены ископаемые останки беспозвоночных животных из нескольких точек Тульской области: карьера Ленинского Асфальто-бетонного завода (Ленинский р-н), Барсуковского карьера (Ленинский р-н), Степановского карьера (Богородицкий р-н) (любезно предоставленные сотрудниками Тульского областного краеведческого музея и музейно-выставочного центра «Тульские древности»), долины р. Снежедь (Чернский р-н).

В соответствии со стратиграфическим подразделением территория Тульской области расположена на нижнекарбоновых отложениях Визейского яруса (C_1 v). В рассматриваемых районах обнажены разрезы отложений, относящихся к тульскому горизонту (C_1 tl) [1]. В целом [2], в тульском горизонте можно выделить ряд руководящих видов морских беспозвоночных, характеризующих эти отложения. Это: разнообразные фораминиферы (Endothyranopsis compressa (Riaus. et Reitl.), Mediocris mediocris (Viss.), Endothyra similis (Raus. et Reitl.), Propermodiscus krestovnikovi (Raus.) и многие другие), большинство из которых переходит в вышележащие отложения, так же как и многие виды брахиопод — Gigantoproductus submaximus (Bolkh.) , Semiplanus semiplanus (Schw.), Delepinea comoides (Sow.), Schizophoria resupinata (Mart.), Productus redesdalensis (M. -W.) и др., кораллов и др. Только для тульского горизонта характерны фораминиферы Loeblichia miranda (Haus.), брахиоподы Gigantoproductus tulensis (Bolkh.) и некоторые другие виды Gigantoproductus, Podtsheremia ustyensis (Semich.); очень редки в вышележащих слоях Rugosochonetes laguessianus (Kon.), Lingula squamiformis (Phill.) и некоторые другие. Только в тульском горизонте найдены многие виды остракод — Amphissites tricollinus (J. et K.), A. miltnailovi (Posn.), Tenebrion grandis (Posn.), Scorbicula eresiformis (Zan.) и др.

Среди проанализированных фоссилий преобладали остатки и следы брахиопод, являющихся руководящими ископаемыми палеозоя. Наибольшее число найденных образцов брахиопод относится к семейству Productidae.

Среди разобранных нами материалов встречались различные формы сохранности. Двустворчатые моллюски были представлены, в основном, отпечатками. Но в сборах из карьера Ленинского АБЗ также найдены и внутренние ядра. Брахиоподы часто находятся в виде внутренних и внешних ядер и раковин различной степени целостности. Цефалоподы обнаруживаются в виде отпечатков или внутренних ядер. Останки гастропод сохраняются в самых различных видах: внутренние ядра, раковины, отпечатки. Губки и кораллы сохраняют свою первоначальную структуру, поскольку их скелеты состоят из неорганических соединений, однако пустоты в каркасе все же заполняются породой.

Поскольку степень сохранности ряда образцов не позволяет проследить некоторые важные в систематическом отношении признаки, часть объектов была определена только до рода или же даже класса. Для определения использовались палеонтологические руководства по соответствующим систематическим группам [2—9].

Карьер Ленинского АБЗ. Большинство окаменелостей представлены раковинами и ядрами брахиопод сем. Productidae, относящихся к таким родам как Gigantoproductus и Moderatoproductus. Также здесь были собраны губка Siderospongia sirensis incertae sedis Porifera, отпечатки и фрагменты раковин, окаменевшие ядра гастропод. Часть объектов была определена сотрудником ПИН РАН А. В. Пахневичем.

Таблица 1. **Встречаемость представителей различных систематических групп в сборах из разных точек**

Группы ископаемых организмов		Карьер Ленинского АБЗ	Барсуковский карьер	Степановский карьер	Долина р. Снежедь
губки		р		р	
гастроподы		об		об	
кораллы	Четерехлучевые Rugosa				р
	другие группы			р	
морские лилии (фрагменты)				р	
двустворчатые моллюски			об		об
белемниты (фрагменты ростр)				р	
цефалоподы				об	
брахиоподы		мн	мн	мн	мн

Обозначения: мн — многочисленны, об — обычны, р — редки.

Барсуковский карьер. Обнаружены раковины брахиопод и отпечатки и элементы раковин двустворчатых моллюсков.

Степановский карьер. Среди находок также фигурируют продуктиды (Gigantoproductus varians (Sarytcheva)). Помимо них найдены: губка Siderospongia sirensis incertae sedis Porifera, коралл p. Thamnopora, фрагменты морской лилии и ростра белемнита, несколько фоссилизированных камер головоногих (Domatoceras, семейство Grypoceratidae, отряд Nautilida), окаменевшее ядро каллистадии (Callistadia, семейство Pleurotomariidae, отряд Prosobranchia, подкласс Anisopleura, класс Gastropoda), фрагменты ракушечного известняка образованные окаменевшими раковинами моллюсков.

Долина р. Снежедь. Обнаружены брахиоподы (Gigantoproductus varians (Sarytcheva)), одиночные Четырехлучевые кораллы Rugosa и множественные отпечатки раковин двустворчатых моллюсков.

Таким образом, среди найденных ископаемых преобладают карбоновые фоссилии (брахиоподы) (см. табл. 1). Гораздо реже встречаются находки из более поздних периодов (Юрский, Меловой), например, белемниты.

Подавляющее большинство брахиопод представлено продуктидами, кораллы — ругозами и, реже, колониальными. Нередко, на общем фоне, обнаруживаются останки гастропод и цефалопод. Значительно реже: двустворчатых моллюсков, морских лилий, белемнитов, губок.

Исследования в данной области, несомненно, требуют продолжения для получения более серьезных результатов, которые могли бы способствовать дальнейшему изучению разнообразия ископаемых беспозвоночных и особенностей их распределения по территории Тульской области.

Работа выполнена на кафедре биологии ТулГУ. Выражаем большую благодарность сотрудникам Тульского областного краеведческого музея Лакомову Александру Федоровичу и Поступальскому Вадиму Вадимовичу, а также сотрудникам музейно-выставочного центра «Тульские древности» Буровой О. В. и Гудовичевой А. В. за консультации и предоставление необходимых для работы материалов.

Литература

1. *Махлина М. Х., Вдовенко М. В.* Нижний карбон Московской синеклизы и Воронежской антеклизы. — М., 1993. — С. 4.

2. *Бельская Т. Н.* [*и др.*]. Путеводитель экскурсии по разрезам карбона Подмосковного бассейна. — М.: Наука, 1975. — С. 18—19.

3. *Сарычева Т. Г., Сокольская А. Н.* Определитель палеозойских брахиопод подмосковной котловины. — М.: Изд-во АН СССР, 1952.

4. Основы палеонтологии. Моллюски - Панцирные, двустворчатые, лопатоногие. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

5. Основы палеонтологии. Моллюски — Головоногие. I. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.

6. Основы палеонтологии. Моллюски — брюхоногие. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.

7. Основы палеонтологии. Губки, археоциаты, кишечнополостные, черви. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.

8. *Бондаренко О. Б., Михайлова И. А.* Краткий определитель ископаемых беспозвоночных. — М.: Недра, 1984.

9. *Морозов П. Е.* Некоторые губки, кишечнополостные, моллюски и мшанки карбона Русской платформы. — М., 2006.

НАХОДКИ *DREISSENA POLIMORPHA* В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

А. А. Телеганов, *к. б. н, ст. гос. инспектор, Калужский территориальный отдел Московско-Окского территориального управления Росрыболовства*

Несмотря на то, что верхняя часть бассейна р. Оки расположена Центральной части Европейской России, изученность ее малакофауны до недавнего времени оставалась крайне низкой.

Одной из немногих работ, наиболее всесторонне осветившей фауну гидробионтов верхней Оки, является «Загрязнение и самоочищение реки Оки» [1].

В материалах конференции «Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья» были опубликованы обобщенные данные по фауне двустворчатых моллюсков Калужской области, основой которых послужил материал собственных исследований за период с 2000 по 2012 гг., а также собранный студентами КГПИ (КГПУ) (КГУ) им. К. Э. Циолковского в ходе экспедиций и полевых практик за период с 1975 г. по настоящее время [2]. Поскольку основнымиобъектами наших исследований были озера-старицы и малые реки, фауна р. Оки оставалась слабо изученной.

В 2014 г. нами проведен ряд исследований малакофауны р. Оки в границах Калужской области. В ходе обследования выбранных станций было зафиксировано нахождение вида, не отмеченного ранее среди двустворчатых моллюсков Верхней Оки. Этим видом является *Dreissena polymorpha* (Pallas, 1771) (см. рис. 1).

Dreissena polymorpha (Pallas, 1771) — один из двух представителей семейства Dreissenidae, отряда Cardiiformes, занимающий особое положение среди пластинчатожаберных. Этот моллюск сохранил наибольшее сходство с морскими формами, в частности с мидиями [3].

Дрейссениды обладают уникальными для континентальноводных моллюсков адаптациями. Таковыми являются личиночная планктонная стадия и способность к прочному прикреплению к твердому субстрату. Эти качества оказывают значительное влияние на структуру биоценозов, в которых присутствуют популяции дрейссенид, так как в систему ценотических отношений, характерную для континентальных вод, добавляются элементы, свойственные ценотическим связям в море. В особенности это проявляется, когда численность велигеров дрейссены в планктоне достигает десятков и сотен тыс. экз. /м^3, а биомасса моллюсков в перифитоне и бентосе — килограммов и десятков кг/м^2 [4].

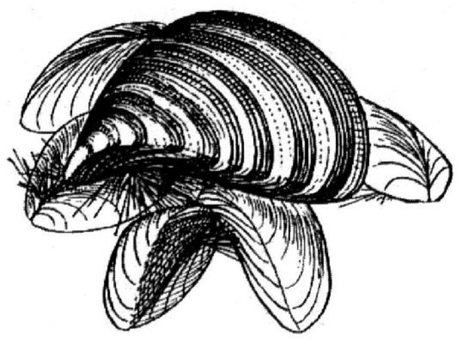


Рис. 1. Dreissena polymorpha (Pallas, 1771).

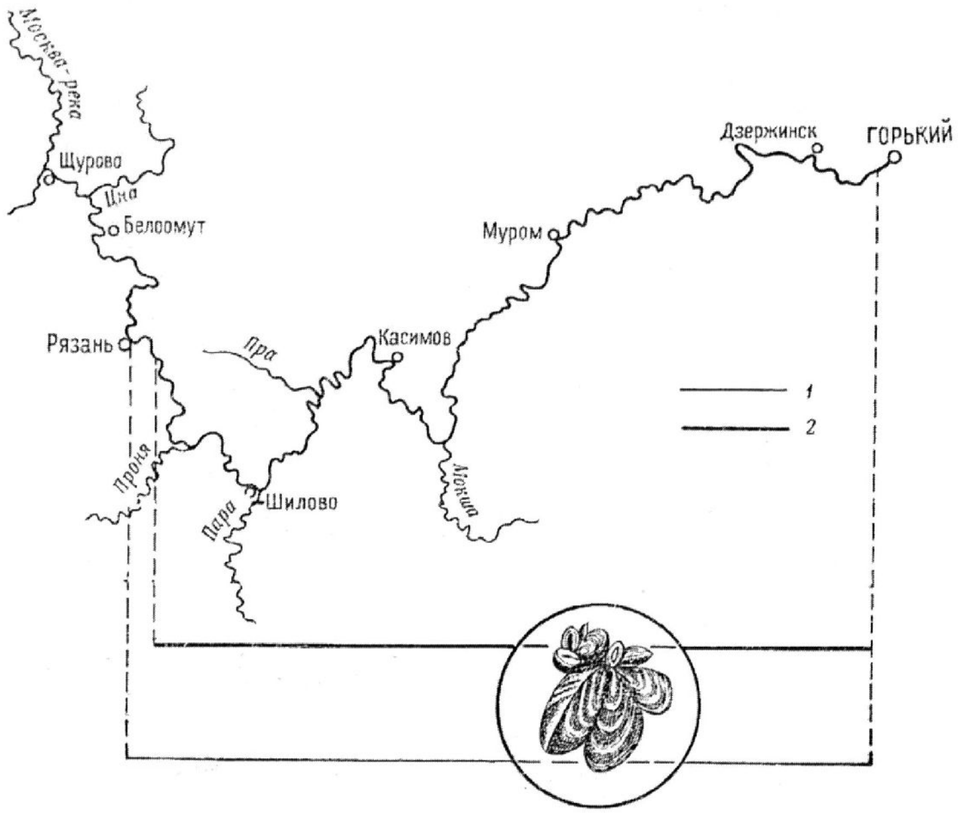


Рис. 2. Распространение *Dreissena polymorpha* в Оке в 1923—1924 и 1959 гг. (по В. И.Жадину).

Еще одной важной особенностью дрейссен является то, что, в отличие от других двустворчатых моллюсков континентальных вод, они имеют прикрепительный аппарат и ярко выраженную тенденцию к агрегированности в поселениях. Высокая плодовитость и эти два указанных качества способствуют формированию поселений с очень большой биомассой, нехарактерной для большинства биоценозов в континентальных водах. Особенно значительны поселения дрейссенид в технических водоемах и водотоках. В каналах биомасса может достигать 25—30 и даже 50 кг/м^2 [5].

В работе В. И. Жадина приводятся данные о распространении речной дрейссены (см. рис. 2) в р. Оке от г. Горького (г. Нижний Новгород) до г. Рязани. Анализ данных, полученных в ходе экспедиций 1924 и 1959 гг., показал отсутствие изменений в границах ареала [1].

В начале 1990-х годов вид отмечается в Москве-реке.

В настоящее время опубликовано большое количество работ, посвященных изучению дрейссенид Волги и низовьев ее притоков. Опубликованных сведений, подтверждающих наличие речной дрейссены в бассейне верхней Оки, до настоящего времени не было.

В ходе наших исследований получены данные о присутствии вида на всем протяжении р. Оки в границах Калужской области (см. рис. 3). В частности, отмечено присутствие на следующих станциях:

— р. Ока в 2,5 км южнее д. Мехово, плес со слабо выраженным течением, дно каменистое, местами с сильным заилением — изредка, на камнях и раковинах крупных двухстворчатых;

— р. Ока у деревни Столпово, песчаный перекат с каменистыми россыпями по берегам — единично (найден один экземпляр);

— р. у деревни Пучково, плес со слабо выраженным течением, дно глинисто-каменистое с сильным заилением в прибрежной зоне — редок, на камнях и раковинах крупных двухстворчатых;

Рис. 3. Схема расположения станций.

— р. Ока в 2 км северо-восточнее с. Ахлебинино, плес со слабо выраженным течением, дно каменистое, местами сильно заиленное — изредка, на камнях и раковинах крупных двухстворчатых;

— р. Ока у д. Михайловки, перекат с выраженным течением, дно каменистое — изредка, на камнях и раковинах крупных двухстворчатых;

— р. Ока у г. Тарусы, Тарусский затон, дно сильно заиленное, много затопленных подводных предметов — обильно, но не образует сплошных колоний, исключением является баржа, по всей видимости, пришедшая с низовьев реки, дно которой полностью покрыто раковинами дрейссены.

Как показывают полученные данные, нами не обнаружено плотных колоний, что свидетельствует о начальном этапе проникновения вида. На всех станциях, где отмечено присутствие вида, были найдены одиночные особи, не образующие даже незначительных скоплений. Специально проведенные обследования различных подводных конструкций и сооружений не выявили колониальных обрастаний.

Расселение дрейссены происходит в основном в тесной взаимосвязи с антропогенной нагрузкой на водоемы, что в значительной степени обусловлено циклом ее развития. Плавающая личинка «велигер» ведет планктонный образ жизни. Затем, через некоторое время личинка опускается на дно и переходит ко второй, непродолжительной стадии ползающего моллюска. Найдя подходящее место, молодой моллюск прикрепляется к твердой поверхности с помощью нитей биссуса, выделяемых расположенной на ноге биссусовой железой. Именно на стадии обрастания и происходит расселение дрейссены, которая часто прикрепляется к днищам барж, судов и лодок [7].

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что расселение речной дрейссены тесно связано с судоходством, но возникает вопрос, на который пока нет объективного ответа — почему расселение наблюдается и выше г. Калуги, где судоходства практически нет.

Наиболее вероятным ответом на данный вопрос может стать наличие заносных колоний дрейссены в верховьях Оки и ее притоков. Но подтверждение данного предположения может быть получено только в ходе дальнейших исследований верховьев Оки в границах Тульской и Орловской областей.

Палеонтологические данные свидетельствуют о том, что становление вида происходило на территориях, которые соответствуют современным Польше, странам СНГ и Балканского полуострова. В периоды ледниковых эпох вид сохранялся лишь в солоноватых водах Каспийского и Аральского морей, пресных водах Балканского полуострова и бассейнов Азовского и Черного морей.

В XIX в. речная дрейссена вошла в число видов-интродуцентов, стремительно распространившись по системе рек Центральной Европы (в первую очередь, по Дунаю и Днепру) и уже в 1820-х гг. моллюски были встречены в лондонских доках. В XX в. ареал вида расширился еще больше: вместе с балластными водами личинки дрейссены достигли Северной Америки и, начиная с 1988 г., очень быстро заселили систему Великих озер. В 2008 г. был зафиксирован первый случай обнаружения дрейссены в водоеме в Калифорнии. По состоянию на 2011 г., речная дрейссена встречается во многих пресных водоемах Соединенных Штатов и Канады и, наравне со своим близким родственником, бугской дрейссеной *Dreissena bugensis* (англ. ***quaggamussel***), считается весьма вредоносным инвазивным видом [7].

Но, существует, несомненно, важная положительная сторона наличия массовых колоний дрейссены, и заключается она в том, что двустворчатые моллюски являются одним из самых эффективных биофильтраторов водной среды. Так же немаловажно значение этого вида в качестве кормового организма рыб.

Литература

1. *Жадин В. И.* Гидробиологическое изучение реки Оки в 1923 — 1924 и 1959 гг. // Загрязнение и самоочищение реки Оки. — М.; Л.: Наука, 1964. — 290 с.

2. *Телеганов А. А.* К фауне двустворчатых моллюсков (Mollusca, Bivalvia) Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Полотняный Завод — Калуга, 2—4 апреля 2013 г. — Калуга: Фридгельм, 2013. С. 400-402.

3. *Кантор Ю. И., Сысоев А. В.* Каталог моллюсков России и сопредельных стран. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. — 627 с.

4. *Протасов А. А.* О роли Дрейссенид в гидроэкосистемах // Дрейссениды: эволюция, систематика, экология: Лекции и материалы докладов II Международной школы-конференции / Институт биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина (11—15 ноября 2013 г.); кол. авторов; ред. кол.: А. В. Крылов, Е. Г. Пряничникова. — Ярославль: Канцлер, 2013. — С. 36—48.

5. Дрейссена: Dreissena polymorpha (Pall.) (Bivalvia, Dreissenidae): Систематика, экология, практическое значение / Под ред. Я. И. Старобогатова. — М.: Наука, 1994. — 240 с.

6. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий / Под общ. ред. С. Я. Цалолихина. — Т. 6. Моллюски, Полихеты, Немертины. — СПб.: Наука, 2004. — 528 с.

7. *Догель В. А.* Зоология беспозвоночных / Учебник для университетов. — 6-е изд. / Под ред. Ю. И. Полянского. — М.: Высшая школа, 1975. — 560 с.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМНОВОДНЫХ ПО ЭЛЕМЕНТАМ РЕЛЬЕФА В ЛУГОВОМ И ЛЕСНОМ МЕСТОБИТАНИИ НА ЮГЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

В. А. Корзиков*, аспирант, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

Профили рельефа с указанием экологических факторов для наглядного отображения распределения амфибий используются достаточно редко [Коршунов, 2010; Glitz, 2011]. Известно, что зависимость от факторов среды у пойкилотермных позвоночных, значительно больше, чем у гомойотермных форм [Кауфман, 1989]. Для Калужской области из-

Таблица 1. **Уловистость амфибий на территории Калужского городского бора (экз./10 м. канавки)**

№ ближайшего водоема на профиле	Год	Координаты	Биотоп	*Lissotriton vulgaris*	*Bufo bufo*	*Rana temporaria*	*R. arvalis*
5	2010	N54°31'41,68" E36°13'29,33"	сосняк неморальный	—	0,013	0,013	—
4	2011	N 054 32' 00,9" E 036 12' 28,5"	сосняк-зеленомошник	0,026	0,051	—	0,009
4	2013	N 054 32' 00,9" E 036 12' 28,5"	сосняк-зеленомошник	0,023	0,034	0,017	0,057
4	2014	N 054 32' 00,9" E 036 12' 28,5"	сосняк-зеленомошник	0,016	0,024	0,008	0,072

вестен значительный ряд работ, посвященным изучению фауны и экологии земноводных [Ручин, Алексеев, 2008; Алексеев и др. 2011], однако специального распределения по элементам рельефа не анализировали, что вызывает определенный интерес. Анализ распределения по элементам рельефа успешно используется для изучения наземных беспозвоночных, что указывает на перспективу применения данного подхода к земноводным [Баканов, 2006].

Для анализа биотопического распределения земноводных по элементам рельефа были построены два профиля по линии близкой к прямой, в программе Google Earth на территории памятника природы федерального значения «Калужский Городской бор» и в Перемышльском районе в окр. д. Гордиково. Крайние географические точки профилей для Калужского городского бора — 54°32'22. 23"С 36°10'29. 25"В - 54°31'37. 59"С 36°13'32. 89"В, а для окр. д. Гордиково — 54°12'8. 20"С 36° 8'35. 94"В - 54°12'12. 51"С 36° 9'29. 42"В. Основным методом учета амфибий была трансекта [Методы полевых…, 2014]. На территории Калужского городского бора с конца августа до середины октября были установлены ловчие канавки (длиной 25 м, и глубиной 20-30 см) или заборчики, с цилиндрами Циммера. Уловистость по канавкам (экз. /10 м канавки в сутки) рассчитывалась по формуле: $N = n*10/d*25$, где n — число попавшихся в ловушку экз. земноводных; d — число дней экспозиции между выборками; 25 — длина канавки в метрах (Новиков, 1949). Отлов амфибий в нерестовых и жилых водоемах осуществлялся с помощью водного сачка. Проводилось краткое описание водоемов, измерялись pH и TDS (общая минерализация, мг/л) с помощью портативных приборов. изучения Калужского городского бора проходили с марта по октябрь 2010, 2011, 2013, 2014 гг., а окрестностей д. Гордиково в июне—июле 2013 г. и мае 2014 г. Определение амфибий проводилось по монографии С. Л. Кузьмина (2012), а также точная видовая принадлежность 15 особей зеленых лягушек из окрестностей д. Гордиково были установлена О. А. Ермаковым из Пензенского государственного университета с помощью биохимического метода, подробнее изложенного в его публикации (2013). Расчеты, в том числе и стандартной ошибки, проводились в программе Microsoft Excel.

Профиль на территории памятника природы федерального значения «Калужский городской бор» имеет длину 3,78 км и проходит преимущественно через сосновый лес с различными сообществами в нижних ярусах (см. рис. 1). Всего на изученной территории обнаружено пять видов амфибий. Одним из важнейших факторов в распределении земноводных на данном профиле является водородный показатель (pH) водоемов. На территории болот с кислой реакцией вод, окруженных сосняками-зеленомошниками и сосняками-черничниками, единственный вид способный размножаться — *Rana arvalis* (Nilsson, 1842). Затем на профиле встречается водоем (лужа) с водородным показателем, близким к нейтральному, где отмечен нерест и обитание *Lissotriton vulgaris* (Linnaeus, 1758) и нерегулярный нерест *Bufo bufo* (Linnaeus, 1758) и *Rana temporaria* Linnaeus, 1758.

Рис. 1. Распределение земноводных по элементам рельефа на территории Калужского городского бора.

Далее по склону в неморальном сосняке с преобладанием в кустарнике лещины включительно до непересыхающей лужи встречается травяная лягушка и серая жаба, размножавшиеся в этом водоеме. Последний водоем на профиле — пруд рядом с Яченским водохранилищем — место обитания и нереста *Pelophylax ridibundus* (Pallas, 1771) и изредка серых жаб. В этих двух последних водоемах был встречен *Perccottus glenii*, заметно сокративший численность на нересте трех видов бесхвостых амфибий на протяжении наблюдений с 2010 по 2014 г. Интересно, что на Яченском водохранилище амфибии не отмечались.

Профиль в окр. д. Гордиково имеет длину около одного 1 км и проходит в пойме р. Песочни преимущественно через луговые сообщества (см. рис. 2). В первом водоеме — «пруд», несмотря на благоприятные химические показатели воды для амфибий, отмечены только *Pelophylax lessonae* (Camerano, 1882) и *Pelophylax esculentus* (Linnaeus, 1758), общая численность которых составила — 1,9 экз./100 м береговой линии. Отсутствие других видов амфибий, а также низкая численность рода *Pelophylax*, вероятнее всего, обусловлено наличием ротана-головешки (*Perccottus glenii*) в этом водоеме. Далее по профилю расположен ксерофитный и мезофитный луг, земноводных на этих лугах в период наблюдений не зафиксировано. После лугов расположен ольшаник, подходящий вплотную к р. Песочне, где были отмечены травяные лягушки, зимующие в этом водотоке и размножающиеся рядом в совсем небольшой старице. Восточнее по профилю расположены мезофитные луга, сменяющиеся вверх по склону ксерофитными лугами, которые переходят в огороды. На плакоре расположен водоем сельскохозяйственного назначения, окруженный преимущественно ивой ломкой и березой пушистой. Здесь отмечено обитание и размножение гребенчатого тритона, остромордой, прудовой и съедобной лягушки, численность рода *Pelophylax* здесь составила — 103,1 экз./100 м береговой линии.

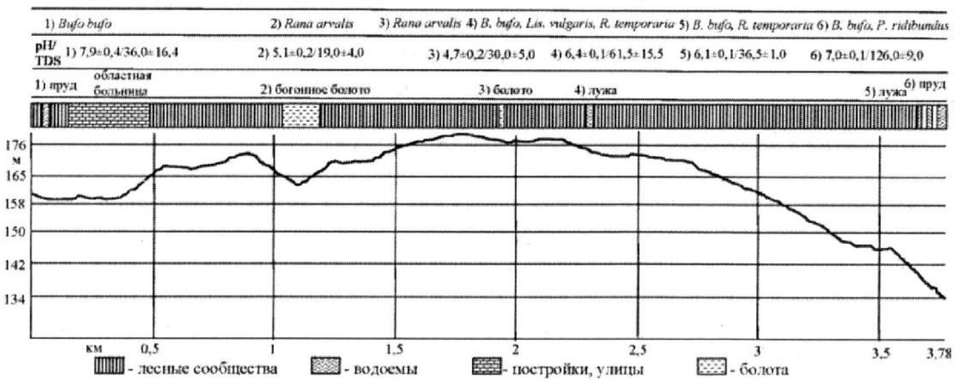


Рис. 2. Распределение земноводных по элементам рельефа в окр. д. Гордиково.

В целом, анализируя пространственное расположение амфибий, можно указать на очевидную преферентность в отношении увлажнения наземных биотопов и pH водоемов. Так, травяная лягушка в обоих случаях предпочитала размножаться и обитать во влажных низинных участках профиля, где расположены соответственно и ее зимовальные водоемы. Большая часть особей остромордой лягушки приурочена к менее влажным и открытым пространствам со значительным диапазоном pH в водоемах. Эти данные подтверждаются также результатами учетов с помощью ловчих канавок (см. табл. 1).

Литература

Алексеев С. К., Дудковский Н. И., Марголин В. А., Рогуленко А. В. Фауна позвоночных Калужской области. — Калуга: АКФ Политоп, 2011. — 190 с.

Баканов М. Ю. Пространственное распределение мезофауны по элементам лесной катены малонарушенных лесов юго-востока Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы. — Кн. 7: Сб науч. трудов / Под ред. С. К. Алексеева и В. Е. Кузьмичева Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2006. — С. 174—195.

Кауфман Б. З. Преферентное поведение эктотермных животных. — Петрозаводск: Карел. ф-л АН СССР, 1989. — 149 с.

Коршунов А. В. Экологические закономерности распределения *Pelophylax esculentus complex* в биотопах бассейна верхнего течения реки Северский Донец: Автореф. дис. … канд. биол. наук. — Днепропетровск, 2010. — 21 с.

Кузьмин С. Л. Земноводные бывшего СССР. — 2-изд., перераб. — М.: Т-во науч. изданий КМК, 2012. — 370 с., 70 цв. илл., 135 илл. в тексте, CD-диск.

Методы полевых экологических исследований / Редкол.: А. Б. Ручин (отв. ред.) и др. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. — 412 с.

Новиков Г. А. Полевые исследования экологии наземных позвоночных животных. — Л.: Советская наука, 1949. — 601 с.

Ермаков О. А., Закс М. М., Титов С. В. Диагностика и распространение «западной» и «восточной» форм озерной лягушки *Pelophylax ridibundus* в Пензенской области (по данным анализа гена COI мтДНК) // Вестник ТГУ. — 2013. — Т. 18. — Вып. 6. — С. 2999—3002.

Ручин А. Б., Алексеев С. К. Изучение спектра питания трех совместно обитающих видов амфибий (Anura, Amphibia) // Современная герпетология (Саратов). — 2008. — Т. 8, — Вып. 2. — С. 147—159.

Glitz D. Amphibien und Reptilien-Geländeschlüssel für Rheinland-Pfalz. Amphibien und Reptilien-Geländeschlüssel für Rheinland-Pfalz. — Mainz, 2011. — 157 S.

ФАУНА И НАСЕЛЕНИЕ ПТИЦ ЛУГОВО-ПОЛЕВЫХ ЦЕНОЗОВ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЗАПАДНОГО УЧАСТКА ТУЛЬСКИХ ЗАСЕК

***Т. А. Челнокова**, аспирант, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого;*

***О. В. Швец**, к. б. н., ст. н. с., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого*

Изучение авифауны лугово-полевых ценозов проводили в 2012—2014 гг. в рамках работ по подготовке материалов комплексного экологического обследования территории бывшего заповедника «Тульские засеки». Для сравнений и обсуждения были также использованы материалы, собранные в 2008—2010 гг. при подготовке первого издания Красной книги Тульской области. Полевые работы проводились в течение июня — начала июля, когда птицы привязаны к гнездовым территориям. Основной метод работы — маршрутный учет птиц на неограниченной полосе [1; 2]. Виды, регистрируемые вне полосы учета, отмечали отдельно.

Исследования проводились на территории Щекинского, Одоевского, Суворовского и Белевского административных районов Тульской области, территории которых отличаются по целому ряду параметров, в том числе по характеру и интенсивности использования необлесенных территорий.

Таблица. **Оценка плотности населения птиц в лугово-полевых ценозах различных мест проведения исследований**

№	Виды	Плотность населения, *особи/км²*								
		Селиваново	Лесной	Орлово	Завалово	Кузьменки	Платово	Русаново	Мишнево	Монастырский
1	Полевой лунь *Circus cyaneus* L.									0,5
2	Луговой лунь *C. pygargus* L.		1,5	1,6	3,0	1,8	1,6	0,8	0,5	0,8
3	Серая куропатка *Perdix perdix* L.		1,1	2,0	2,0	1,2			3,0	
4	Перепел *Coturnix coturnix* L.	1,2	3,6	2,4	0,8	2,0	1,7			
5	Коростель *Crex crex* L.		8,6	6,2	8,5	5,7	8,9	6,6	5,2	6,3
6	Обыкновенная кукушка *Cuculus canorus* L.	3,6	4,2	5,6	6,0	7,3	3,9	4,5	3,2	3,8
7	Чибис *Vanellus vanellus* L.	0,8	1,8	2,8	0,8	1,4				
8	Бекас *Gallinago gallinago* L.		3,0	6,0	2,0					
9	Золотистая щурка *Merops apiaster* L.		1,2	3,0	3,0	1,2				1,2
10	Полевой жаворонок *Alauda arvensis* L.	20,8	18,6	10,0	8,5	22,7	29,5	30,2	42,4	36,6
11	Лесной конек *Anthus trivialis* L.	5,2	8,8	8,8	6,2	18,3	26,2	4,3	6,3	16,3
12	Луговой конек *A. pratensis* L.					4,5				2,3
13	Желтая трясогузка *Motacilla flava* L.		36,6	42,3	0,8	2,2	4,8	38,5	56,3	66,2
14	Желтоголовая трясогузка *M. citreola* Pall.		18,6	26,6						
15	Белая трясогузка *M. alba* L.	3,4	6,3	4,8	5,5	3,3	4,8		12,4	4,2
16	Обыкновенный жулан *Lanius collurio* L.	4,4	12,6	12,4	15,6	6,8	6,7	5,2	4,2	6,3
17	Обыкновенный сверчок *L. naevia* Bodd.				9,2	2,5				
18	Речной сверчок *L. fluviatilis* Wolf.	0,8	2,2	6,4	2,2	6,5		0,8		1,2
19	Болотная камышевка *A. palustris* Bech.	3,5	5,2	8,6	6,2	8,0	22,5	3,2	2,3	5,6
20	Бормотушка *H. caligata* Licht.					6,2				
21	Серая славка *S. communis* Lath.		22,4	36,8	20,5	49,8	20,9			
22	Пеночка весничка *Philoscopus trochilus* L					12,6				
23	Луговой чекан *Saxicola rubetra* L.	56,6	60,0	65,6	125,5	59,4	76,4	62,4	68,3	64,4
24	Обыкновенный соловей *Luscinia luscinia* L.		5,6			6,2	3,3		1,3	2,4
25	Коноплянка *Acanthis cannabina* L.		5,6	8,2		6,2			6,6	8,6
26	Обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus* Pall.	1,2	6,8	8,6	5,3	12,6	4,8	6,6	8,4	16,2
27	Обыкновенная овсянка *Emberiza. citrinella* L.	14,3	12,6	15,8	12,6	26,3	6,7	16,5	18,9	26,6
28	Камышовая овсянка *E. schoeniclus* L.		6,8	8,8					4,3	
Всего видов		**12**	**23**	**22**	**20**	**24**	**15**	**12**	**16**	**18**
Плотность населения общая, *особи/км²*		115,8	253,7	293,3	244,2	274,7	222,7	179,6	243,6	269,5

Гнездовая фауна лугово-полевых ценозов рассматриваемой территории насчитывает не менее 28 видов. В зависимости от характера современного использования и экологических особенностей местности разнообразие локальной авифауны в разных пунктах обследованной территории варьирует от 12 до 24 видов. Ядром фауны служат 6 видов, относимых к фоновым, — луговой чекан (*Saxicola rubetra), с*ерая славка (*Sylvia communis*), желтая трясогузка (*Motacilla flava*), полевой жаворонок (*Alauda arvensis*), лесной конек (*Anthus trivialis*), обыкновенная овсянка (*Emberiza. citronella*). На разных участках почти всегда доминируют один — три вида. Чаще всего к ним относятся луговой чекан и желтая трясогузка, реже — полевой жаворонок, серая славка и обыкновенная овсянка (см. таблицу).

Современный кризис сельского хозяйства на этих территориях проявляется в снижении площади распашки, пастбищных нагрузок и сенокошения, формируются обширные залежи, происходит закустаривание больших территорий. Этот процесс заметен и на плакорах, и по балочным склонам. В таких стациях, по нашим наблюдениям, происходит существенное увеличение популяционной численности перепела (*Coturnix coturnix*), коростеля (*Crex crex*), жулана (*Lanius collurio*) и ястребиной славки (*Sylvia nisoria*) (Красная книга Тульской области 3 категория). Здесь же появились на гнездовании северная бормотушка (*Hippolais caligata*), обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*) (Красная книга Тульской области 4 категория) и черноголовый чекан (*Saxicola torquata*), а на переувлажненных местах — соловьиный сверчок (*Locustella luscinioides*) (Красная книга Тульской области 3 категория) и варакушка (*Cyanosilvia svecica*). Довольно благополучна в настоящее время и серая куропатка (*Perdix perdix*), являющаяся на территории Тульской области одним из объектов охоты. По оценкам Комитета по охоте и рыболовству ее численность на рассматриваемой территории в разные годы составляет порядка 650—1 100 особей.

Максимальным видовым разнообразием в пределах рассматриваемой территории характеризовались прилегающие к лесам залежные участки Щекинского и Одоевского районов, обследованные в окр. н. п. Лесной, Орлово, Прудки, Кузьменки. Здесь отмечалось гнездование 20—24 видов при общей плотности населения порядка 250—300 особей/км².

Литература

1. *Равкин Е. С., Челинцев Н. Г.* Методические рекомендации по комплексному маршрутному учету птиц. — М.: Изд. ВНИИ Природа, 1990. — 33 с.

2. *Равкин, Ю. С., Ливанов С. Г.* Факторная зоогеография: принципы, методы и теоретические представления. — Новосибирск: Наука, 2008, — 205 с.

ВИДОВОЙ СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ НА ГОРОДСКОМ ЭПИЗООТОЛОГИЧЕСКОМ СТАЦИОНАРЕ

В. А. Корзиков*, зоолог, ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Калужской области»;*
С. К. Алексеев*, к. б. н., зав. отд., ГБОУДОД «Эколого-биологический центр»;*
Л. В. Овсянникова*, и. о. главного врача, ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Калужской области»*

Учет мелких млекопитающих на стационарных пунктах играет ключевую роль в эпизоотологическом мониторинге. Стационары являются научно-производственными формированиями, обеспечивающими накопление многолетних сравнимых материалов для познания закономерностей, лежащих в основе существования и функционирования природных очагов инфекций. Поэтому наблюдения на таких стационарах осуществляются по заранее разработанным программам в соответствии с планами и задачами учреждения. Круг вопросов по изучению жизнедеятельности грызунов, связанный с их участием в циркуляции возбудителя в очаге, который может решаться в условиях эпизоотологиче-

Таблица 1. **Основные показатели популяций шести видов мелких млекопитающих за 23 года наблюдений** (см. методы)

Показатели/вид	*Myodes glareolus*	*Sylvaemus uralensis*	*Sylvaemus flavicollis*	*Apodemus agrarius*	*Sorex araneus*	*Sorex minutus*
Средняя численность по линиям, *экз./100 л. с.*	21,04 ± 1,75	2,18 ± 0,26	0,93 ± 0,16	0,58 ± 0,21	0,76 ± 0,16	0,18 ± 0,09
Максимальная численность по линиям, *экз./100 л. с./год/месяц*	63,81/ 2014/07	11,76/ 2014/05	6,70/ 2003/06	10,91/ 2009/08	6,67/ 2013/03	6,67/ 2013/03
Максимальная средняя численность за год, *экз./100 л. с./год*	41,53/2007	4,33/1995	3,64/2004	4,51/2009	3,26/1987	1,69/2013
Встречаемость по всем линиям, *%*)	97,5	77,2	50,6	21,5	46,8	13,9
Встречаемость по годам, *%*	100	100	78	44	87	30

ских стационаров, чрезвычайно велик. В первую очередь это касается наблюдений за многолетней динамикой плотности популяций носителей [Отлов и учет..., 2002]. В Калужской области, несмотря на значительный ряд работ, посвященных изучению фауны и экологии мелких млекопитающих [Алексеев и др., 2001а, б, 2011; Костюхина и др., 2001; Сионова и др., 2004; Рогуленко, 2007; Залидовские луга, 2009; и др.], нет работ, посвященных долговременным учетам мелких млекопитающих в одном пункте наблюдения (стационаре).

Мониторинговый стационар, фигурирующий в полугодовых отчетах зоологов калужской санитарно-эпидемиологической службы под названием «Калуга-бор», находится на особо охраняемой территории федерального значения «Памятник природы Калужский городской бор». Растительность территории мониторингового стационара относится к соснякам сложным (неморальным) с подростом в кустарнике клена, лещины, дуба липы, а в травянистом покрове преимущественно сныти обыкновенной. Степень деградации растительности этой территории от рекреационной нагрузки — относится к 3-му классу [Ильин, 1993]. Крайние географические точки стационара N54°31'14,24" E36°11'28,21" — N54°31'24,31" E36°10'50,90", имеющего длину около 800 м и находящего примерно 600 м от р. Ока. Положение стационара было выбрано не случайно: во-первых, он находится близко к границе двух геоботанических подзон на территории области [Физ. география..., 2003], во-вторых, подобные сообщества типичны для региона и, в-третьих, в связи с рекреационным использованием территории, включающей ряд оздоровительных учреждений, имеющей уже эпидемиологическое значение. Здесь же по архивным данным Управления Роспотребнадзора по Калужской области в 1960 г. впервые для Калужской области в санатории им. Павлика Морозова, расположенного на территории Калужского городского бора было зарегистрировано пять случаев гемморагической лихорадки с почечным синдромом (ГЛПС) у людей — основной резервуар и переносчик которой *Myodes glareolus* Shreber, 1780 [Европейская рыжая полевка, 1981].

Первые учеты млекопитающих на городском стационаре, подтверждаемые архивными документами ФБУЗ «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии» Роспотребнадзора, датированы 1977 г. Скорее всего, учеты, могли проводиться там и раньше, однако мы можем придерживаться только информации сохранившихся источников. Также, к сожалению, архивные данные сохранились не по всем годам после 1977 г.: 1979, 1980, 1984, 1986, 1987, 1993, 1995, 1996, 1997, 1998, 2003—2013 гг. За 2014 г. учеты проводились авторами. Учеты относительной численности мелких млекопитающих проводились методом

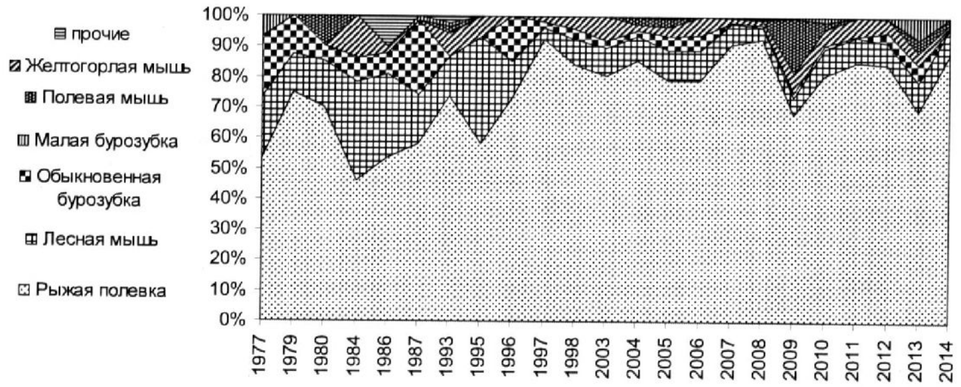


Рис. 1. Структура населения мелких млекопитающих на территории эпизоотологического стационара за период 1977—2014 гг.

ловушко-линий [Карасева и др., 2008] зоологами санитарно-эпидемиологической службы Калужской области в «бесснежные» сезоны года, согласно методическим указаниям МУ 3. 1. 1029-01 [Отлов и учет..., 2002]. С 1977 по 2014 гг. было отработано 14 819 ловушко-суток, учтено 3 331 экз. мелких млекопитающих. Обычно экспонировалось 100 ловушко-суток (л. с.) от одних до трех суток раз в два месяца.

За период наблюдений обнаружено 7 видов млекопитающих: европейская рыжая полевка *Myodes glareolus* Shreber, 1780; малая лесная мышь *Sylvaemus uralensis* Pallas, 1811; желтогорлая мышь *Sylvaemus flavicollis* Melchior, 1834; обыкновенная бурозубка *Sorex araneus* Linnaeus, 1758; полевая мышь *Apodemus agrarius* Pallas, 1771; малая бурозубка *Sorex minutus* Linnaeus, 1766, домовая мышь *Mus musculus* Linnaeus, 1758. Также следует отделить случайные виды, попавшие в ловушки единично или с малой численностью и встречаемостью, к ним относятся: малая белозубка (1986 г.) и домовая мышь (1986, 1993, 2005, 2008). Прочие виды отмечались чаще (см. табл. 1). Расчеты проводились в программах Microsoft Excel и Past.

В структуре населения мелких млекопитающих в отловах преобладала рыжая полевка. В течение изучаемого периода в целом доля рыжей полевки увеличивалась, а доля лесной мыши снижалась (см. рис. 1).

Из литературы известно, что при совместном обитании желтогорлая мышь может вытеснять лесную мышь из широколиственных лесов — в хвойные, березняки и на открытые пространства [Медицинская териология, 1979]. В связи с этим мы рассчитали корреляцию Спирмена между этими двумя видами по всем ловушко-линиям на основе уловистости, но она оказалась положительной и достоверной ($r = 0,32$; $p = 0,004$), отчасти это можно объяснить не самыми оптимальными условиями для конкуренции желтогорлой мыши в данном биотопе.

Максимальная численность мелких млекопитающих была зарегистрирована в конце июля 2014 г. (68,6 экз./100 л. с.), а минимальная в середине августа 1986 г., когда не было учтено ни одного экземпляра. Максимальная численность рыжей полевки была зарегистрирована также в конце июля 2014 г. (63,8 экз./100 л. с.), а нулевая в середине августа 1986 г. Интересно, что в 2009 г. был зафиксирован значительный рост численности полевой мыши — нетипичного обитателя лесных биотопов, так в середине августа 2009 г. численность полевой мыши составила — 10,9 экз./100 л. с. Абсолютное число полевых мышей суммарно за 2009 г. составило чуть более 50% от общего количества экземпляров учтенных за все года.

Для графического отображения динамики численности мелких млекопитающих мы выбрали учеты, проведенные в летне-осенний период, когда численность мелких млекопитающих обычно наиболее высока и вероятнее исключен весенний «стохастический эффект» колебаний численности. Численность мелких млекопитающих и рыжей полевки в летне-осенний период росла с 1980 г. и в 2004 г. достигла максимального значения (см. рис. 2).

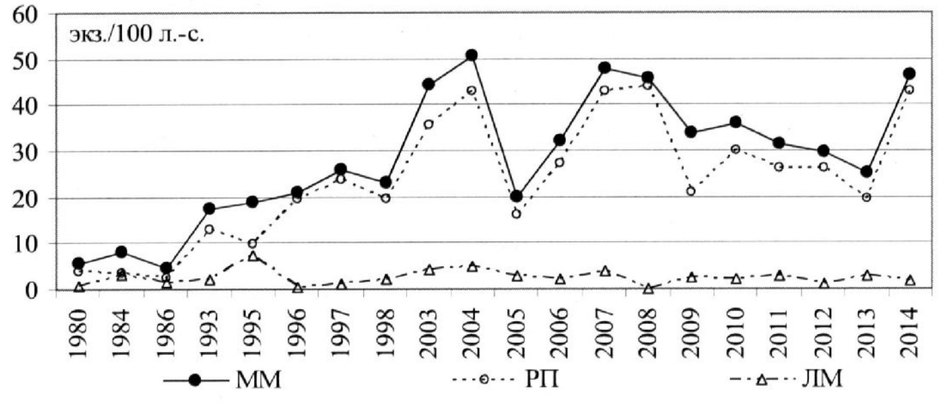


Рис. 2. Динамика численности мелких млекопитающих (ММ), рыжей полевки (РП) и лесной мыши (ЛМ) за летне-осенний период на территории эпизоотологического стационара.

Представленные результаты исследования на стационаре свидетельствуют о значительных изменениях, произошедших с 1977 г. в сообществе мелких млекопитающих. В первую очередь произошло заметное возрастание численности мелких млекопитающих и прежде всего, рыжей полевки, доля которой относительно других видов тоже увеличилась. Эти изменения повлияли вполне закономерно на эпизоотический процесс основных природно-очаговых болезней, переносимых мелкими млекопитающими в Калужской области. Повышенная численность приводит к экспансии рыжей полевки в нетипичные для нее стации и постройки человека, попутному заражению другие виды мелких млекопитающих, что приводит в конечном итоге к заболеваемости среди людей. Эти изменения также подтверждаются и статистической архивной информацией по заболеваемости среди людей в Калужской области. С 1978 г. по 1996 г. заболеваемость ГЛПС не регистрировалась 2/5 от всех годов данного отрезка времени, а максимальной была в 1992 г. — 10 случаев за год. В последующие годы заболеваемость стала отмечаться каждый год, достигнув максимального значения в 2014 г., по архивным данным Управления Роспотребнадзора по Калужской области.

Можно предположить, что увеличение численности мелких млекопитающих, обусловлено двумя факторами: 1) произошли значительные изменения погодно-климатических условий в сторону потепления климата особенно на территории России за последние 35 лет, оказались более существенными по сравнению с глобальными — температура выросла на 1,5°С [Соколов, 2012]; 2) деградация аграрного и сельскохозяйственного производств на сельхозугодиях по берегу р. Оки, результат которого — сукцессионные процессы на территории полей.

Авторы искренне благодарны сотрудникам управления Роспотребнадзора по Калужской области А. П. Овсянникову и Л. В. Мироновой за консультации по вопросам уточнения местоположения стационара и предоставление архивных данных по заболеваемости среди людей, также зоологу ФБУЗ «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии» Роспотребнадзора Д. В. Транквилевскому и зоологу ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Тульской области» Э. М. Дорофееву за предоставление копий полугодовых отчетов с 1977 г.

Литература

Алексеев С. К., Антимонова А. В., Костюхина О. С. Млекопитающие // Флора и фауна заповедников. — Вып. 98: Позвоночные животные заповедника «Калужские засеки». — М., 2001. — С. 27—36.

Алексеев С. К., Костюхина О. С., Соловьева М. К., Черникова Т. В. Насекомоядные (Mammalia, Insectivora) Калужской области // Изучение природы бассейна реки Оки. — Калуга, 2001. — С. 36—39.

Алексеев С. К., Дудковский Н. И., Марголин В. А., Рогуленко А. В. Фауна позвоночных Калужской области. — Калуга: АКФ Политоп, 2011. — 190 с

Европейская рыжая полевка / Отв. ред. Н. В. Башенина. — М.: Наука, 1981. — 352 с.

Залидовские луга: Сб. науч. трудов / Под науч. ред. Т. А. Гордеевой, В. П. Новикова. Калуга: Изд-во науч. лит. Н. Ф. Бочкаревой, 2009. — 184 с.

Ильин В. В. Основные положения по лесоустройству национальных природных парков России / Рослесхоз РФ. — М., 1993. — 130 с.

Карасева Е. В., Телицына А. Ю., Жигальский О. А. Методы изучения грызунов в полевых условиях. — М.: Изд-во ЛКИ. 2008. — 416 с.

Костюхина О. С., Антимонова А. В., Алексеев С. К. Грызуны (Rodentia) Козельского района Калужской области // Вопросы истории, археологии, культуры и природы Козельского края: Материалы III, IV краеведческих конференций. — Калуга, 2001. — С. 209—211.

Медицинская териология / Отв. ред. В. В. Кучерук — М.: Наука, 1979. — 330 с.

Отлов, учет и прогноз численности мелких млекопитающих и птиц в природных очагах инфекций: Метод. указания. — М.: Фед. центр госсанэпиднадзора Минздрава России, 2002. — 72 с.

Рогуленко А. В. Изучение пространственного распределения мелких млекопитающих с использованием ГИС-технологий: Автореф. дис. … канд. биол. наук: 03. 00. 16. — Калуга, 2007. — 24 с.

Физическая география и природа Калужской области. — Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2003. — 272 с.

Сионова М. Н., Купава (Костюхина) О. С., Алексеев С. К. Влияние рекреации на биоразнообразие насекомоядных (Mammalia: Insectivora) в лесах Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы. — Кн. 6: Сб. науч. тр. — Калуга, 2004. — С. 47—60.

Соколов Л. В. Климат в жизни растений и животных / Биол. станция «Рыбачий» Зоол. ин-та РАН, Нац. парк «Курш. коса». — СПб.: ТЕССА ТЕССА, 2012. — 344 с.

НУЖНО ЛИ ОХРАНЯТЬ ИЗВЕСТНЯКОВЫЕ КАРЬЕРЫ?*

Н. М. Решетникова*, к. б. н., н. с., Главный ботанический сад им. Н. В. Цицина РАН;*
В. В. Телеганова*, к. б. н., с. н. с., Национальный парк «Угра»;*
Н. В. Воронкина*, к. б. н., доц., Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского*

В 2014 году нами проведены исследования флоры известняковых карьеров Калужской области в рамках регионального проекта РФФИ. Цель данного проекта — выявление значения новых экологических ниш, которые формируются в результате открытой разработки недр для сохранения редких видов растений и для вселения адвентивных. Также хотелось выявить тенденции зарастания карьеров в связи с рекультивацией, чтобы оценить ее целесообразность.

В 2014 году обследовано 9 зарастающих известняковых карьеров, 5 из них были частично изучены нами ранее — в 2000—2005 гг. [4], что послужило в данной работе основой для мониторинга их зарастания и состава флоры. Все они расположены в пригородной зоне Калуги и в пределах 25 км севернее — в сопредельном Дзержинском р-не. Большинство из обследованных карьеров в настоящее время не действуют, лишь в некоторых ведется частичная доразработка месторождений.

Для каждого карьера составлены полные флористические списки сосудистых растений и мхов — отдельно для котлованов и отвалов (так как они резко различаются по природным особенностям) — всего обследовано 20 объектов.

Несмотря на то, что карьеры представляют собой антропогенные объекты, созданные человеком, выявлено, что на них произрастают редкие, охраняемые, исчезающие виды растений естественных местообитаний. Флора известняковых карьеров очень своеобразна — на 18 из 20 обследованных объектах отмечены занесенные в Красную книгу Калужской области [12, 9], редкие и в Средней России в целом [2] виды сосудистых растений и мхов, причем на некоторых в большом количестве (до 9 охраняемых видов) и обилии.

* Работы выполнены в рамках регионального проекта РФФИ № 14-44-03088.

Вероятно, наличие редких растений на карьерах можно объяснить тем, что при определенных условиях (по историческим или географическим причинам), некоторые из них могут стать аналогами естественных местообитаний, в которых обитают редкие виды.

Наиболее богаты охраняемыми видами отвалы Турынинского карьера у г. Калуги это в первую очередь объясняется его местоположением и историческими причинами. Он расположен на склоне долины Оки, вблизи устья р. Калужки, в местах естественных выходов известняков. Здесь отмечено 9 редких в регионе охраняемых видов природной флоры.

В историческом плане в районе устья р. Калужки в долине Оки в конце XIX в. Д. И. Литвиновым [1] были отмечены занесенные в Красную книгу России *Cephalanthera longifolia** (Пыльцеголовник длиннолистный) и *Orchis militaris* (Ятрышник шлемоносный) (немного выше по течению Оки). В лесистом овраге ниже устья р. Калужки Литвиновым был отмечен охраняемый в области *Corallorhiza trifida* (Ладьян трехнадрезный). Эти виды позднее здесь не регистрировались. Утраты их могут быть связаны с трансформацией территории — появлением карьера и прекращением выпаса. Однако численность этих растений сокращается по всей Средней России. На распространение более обычных в то время видов Д. И. Литвинов, к сожалению, в своем списке растений не останавливался, однако в гербарии Ботанического института в Санкт-Петербурге хранится собранный им близ устья р. Калужки *Herminium monorchis* (Бровник одноклубневой) — орхидное, в настоящее время исчезнувшее по всей Европейской России.

Сейчас отвалы Турынинского карьера стихийно заросли осиной и ивой, преимущественно козьей, местами облепихой. В настоящее время здесь найдены, например, охраняемые *Dactylorhiza baltica* (Пальчаторенник Балтийский) — в начале века его не указывали, возможно, не отличали (вид занесен в Красную книгу России, зарегистрирован в 4 карьерах), *Platanthera chlorantha* (Любка зеленоцветковая) — очень обильна, отмечена в 3 карьерах, *Epipactis palustris* (Дремлик болотный) — ниже обсуждается отдельно, *Salix vinogradovii* (Ива Виноградова), *Valeriana dubia* (Валериана сомнительная) — в 2 карьерах, только здесь из всех карьеров найдены *Festuca valesiaca* (Овсянница валисская) — этот вид в XIX в. был указан выше по течению Оки у устья р. Киевки, где не сохранился в связи с расширением городской застройки, *Carex muricata* (Осока колючковатая), *Salvia verticillata* (Шалфей мутовчатый) — оба вида нередки распространен в долине Оки, *Centaurium pulchellum* (Золототысячник малый).

Таким образом, многие из современных охраняемых видов растений, обитающих сейчас на Турынинском карьере, росли в его окрестностях или на его месте и до разработки известняка, именно этим объясняется богатство его флоры.

На других карьерах число охраняемых видов меньшее — от 1 до 4. Разнообразие редких сосудистых растений довольно велико на отвалах, рекультивированных сосной, или зарастающих стихийно. Также богатыми могут быть заболоченные участки котлованов.

Интересно, что некоторые из обнаруженных в карьерах редких видов сосудистых растений в естественных местообитаниях в регионе уже не встречаются, другие растут значительно реже. Например, уже не известен в природных местообитаниях *Epipactis atrorubens* — Дремлик темно-красный. Он был найден в 1949 г. А. К. Скворцовым в урочище Чертово городище (Козельский р-н). Сейчас этот вид зарегистрирован в 4 карьерах, причем в двух в большом числе. Этот вид очень редок и во всей европейской России, например в сопредельной, хорошо изученной Московской области он был обнаружен в 1927 г. на территории современного Рузского района и с тех пор не отмечался [10].

В 2014 г. мы обнаружили, что в Полотняно-заводском карьере, где он был найден в 1970-х гг. Н. В. Воронкиной, и где располагалась самая большая популяция (около 50—70 цветущих растений по наблюдениям 2000-х годов), при предстоящем расширении площади будет срыта вместе с грунтом. Вместе с М. И. Хомутовским мы насчитали еще больше молодых побегов, получалось, что эта популяция, возможно, наибольшая из известных в Средней России и она находилась в буквально смысле на краю уничтожения. В результате нашего обращения в Министерство природных ресурсов, благоустройства

* Названия приводятся по «Калужской флоре…» [7], или, если в ней отсутствуют — по «Флоре средней полосы…» [2].

и экологии Калужской области, руководством Полотняно-заводского Карьероуправления работы вблизи места произрастания дремлика были временно приостановлены.

Затем сотрудниками Полотняно-заводского Карьероуправления, Министерства природных ресурсов, благоустройства и экологии Калужской области, представителями администрации и школьниками Дзержинского района под руководством В. В. Телегановой, Н. В. Воронкиной и М. И. Хомутовского было пересажено около 150 растений на рекультивированные отвалы другого карьера (у пос. Акатово), где дремлик рос, но в меньшем обилии. Подобного мероприятия не было известно в области в истории работы с редкими видами растений. Безусловно, отвалы Акатовского карьера нуждаются в охране.

На карьерах чаще, чем в естественных условиях встречается занесеный в Красную книгу области *Equisetum variegatum* (Хвощ пестрый). Ранее он был известен в регионе в трех точках — в двух в небольшом числе у дорог и в одной — на болоте, восстанавливающемся после торфоразработок (заросли около 50 м длиной и 10 м шириной). В 2014 г. обнаружен в котлованах 2 карьеров, причем у ст. Шаня отмечены пятна по 100—200 м в диаметре. Этот вид охраняется во всех регионах Средней России, включен в Красные книги Московской [10] и Тверской областей [11]. Причем в Тверской области он также редок в природе, но в одном карьере отмечен в большом обилии. Также этот вид расселяется в карьерах Ленинградской области, где образует большие заросли (из личного сообщения Н. Н. Цвелева).

Рядом с зарослями Хвоща пестрого впервые в Калужской области собран *Equisetum ramosissimum* (Хвощ ветвистый). От типичных растений *Equisetum ramosissimum* он отличается почти не опадающими зубцами на влагалищах и почти не ветвящимися побегами. Занесен в Красную книгу Москвы [8]. Приходится считать его заносным видом, так как нигде в естественных местообитаниях он не отмечен. Широко распространен южнее, например, нами наблюдался обильно на мелах у выхода грунтовых вод и в поймах рек Белгородской области.

Epipactis palustris (Дремлик болотный) вне карьеров отмечен в 5 точках у выходов ключей в долинах рек, и по небольшим лугам на известняках, однако частота и обилие его в карьерах значительно выше — отмечен на 11 объектах — отвалах и котлованах. Интересно, что на некоторых хорошо изученных ранее в 2000-2006 гг. карьерах (у пос. Турынино и у Муратовского карьера) — мы этот вид не регистрировали, а в 2014 г. обнаружили несколько десятков цветущих особей. По-видимому, вид быстро прогрессирует в настоящее время. В котловане у ж/д ст. Шаня численность этого орхидного превышает 1 300 побегов.

Еще один вид, свойственный карьерам, это *Polygala amarella* (Истод горьковатый) — отмечен в 2 карьерах, у пос. Полотняного завода выявлен в большом числе, ранее была известна лишь одна современная точка произрастания этого вида в Износковском районе (по-видимому, утраченная при зарастании луга кустарником) и в 8 старых точках начала-середины XX века [7].

В двух карьерах найдены редкие в Средней России, охраняемые в регионе мхи, не встречающиеся в области в природных местообитаниях — *Campylium stellatum* (Кампилиум звездчатый) и *Tomentypnum nitens* (Томентипнум нитевидный)*, последний был известен в области лишь по литературным данным начала XX в. и считался исчезнувшим [3]. Редкий *Drepanocladus polygamus* (Дрепанокладус многодомный), отмеченный в 5 карьерах, известен еще из 2 полуприродных местообитаний. Из охраняемых в регионе в карьерах отмечено еще 2 вида мхов: *Helodium blandowii* (Гелодий Бландова), *Philonotis caespitosa* (Филонотис дернистый).

В Красную книгу России занесены отмеченные на карьерах сосудистые растения *Cephalanthera longifolia* (Пыльцеголовник длиннолистный) и *Dactylorhiza baltica* (Пальчатокоренник балтийский). Всего из 18 видов сосудистых растений, кроме перечисленных выше, в карьерах отмечены охраняемые *Botrychium lunaria* (Гроздовник полулунный — в 2 карьерах, в одном рос в числе несколько сотен растений), *Koeleria grandis* (Келерия большая), *Parnassia palustris* (Белозор болотный), *Utricularia minor* (Пузырчатка малая).

* Названия приводятся по «Check-list of mosses…» [13].

Интересно наличие *Populus nigra* (Тополь черный) — этот вид также почти исчез в естественных местообитаниях — вероятно, остался в одной точке, а ранее указывался по всей Оке, в настоящее время нередок в посадках. Методически важный вопрос: если в карьерах он появился из культурных посадок, тогда в охране эти растение не нуждаются.

Разнообразие уязвимых компонентов местной флоры объясняется тем, что здесь хорошо чувствуют себя виды, которые предпочитают богатые известью местообитания и мало конкурентоспособны — почва отвалов и котлованов в начале зарастания обнажена. Это относится к большинству представителей семейства орхидные, чем и объясняется их многочисленность на известняковых карьерах. У некоторых видов наблюдается приуроченность к одному из этих местообитаний. Так, среди орхидных только на отвалах отмечены 5 видов: *Cephalanthera longifolia* (Пыльцеголовник длиннолистный), *Epipactis atrorubens* (Дремлик темнокрасный), *Listera ovata* (Тайник яйцевидный), *Platanthera bifolia* (Любка двулистная), *P. chlorantha* (Любка зеленоцветковая). Значительно выше численность у *Dactylorhiza fuchsii* (Пальчатокоренник Фукса), *Epipactis helleborine* (Дремлик морозникоцветковый). Возможно, именно отвалы являются аналогами моренных гряд, на которых севернее орхидные распространены в естественных условиях. В котлованах значительно выше численность у *Epipactis palustris* (Дремлик болотный) и *Dactylorhiza maculata s. l.* (Пальчатокоренник пятнистый). Возможно, относительно малое число видов, приуроченных к котлованам, объясняется тем, что они «моложе» и не успели достаточно восстановиться после работ по добыче известняка.

Котлованы всех изученных карьеров не подвергались рекультивации. После окончания разработок в 1950-х — 1990-х гг. они были предоставлены стихийному зарастанию.

В некоторых котлованах вследствие выхода на поверхность грунтовых вод формируются небольшие озера и заболоченные участки. В результате создаются экосистемы, аналогичные минеротрофным болотам — редким, уязвимым сообществам, практически не сохранившимся в области в связи с хозяйственным освоением, быстро исчезающим в других регионах средней части Европейской России. Такие участки, как было замечено нами ранее, являются местообитанием ряда редких видов мхов и сосудистых растений так называемого «минеротрофного комплекса» [5]. Подобная картина наблюдалась в карьерах Тверской, Московской и Ленинградской областей. Среди сосудистых растений к видам «минеротрофного комплекса» можно отнести в первую очередь охраняемые в регионе и во всех областях Средней России *Equisetum variegatum* (Хвощ пестрый), *Epipactis palustris* (Дремлик болотный), *Parnassia palustris* (Белозор болотный), более широко распространенные *Equisetum palustre* (Хвощ болотный), *Carex flava* (Осока желтая), *Linum catharticum* (Лен слабительный), *Epilobium parviflorum* (Кипрей мелкоцветковый). К данному комплексу относятся 5 редких и охраняемых бореальных и арктобореальных видов мхов: *Campylium stellatum, Drepanocladus polygamus, Helodium blandowii, Philonotis caespitosa, Tomentypnum nitens*.

Из изученных нами котлованов наибольший интерес представляет собой котлован у ж/д ст. Шаня. Он очень живописен, не случайно на краеведческих интернет-сайтах известен под названием «Большой Калужский каньон». Его заболоченные участки, аналогичные по составу флоры минеротрофным болотам, представляют собой исчезающие в регионе экосистемы, убежище редких уязвимых видов — здесь встречаются (как было указано выше) в большом числе Хвощ пестрый, Дремлик болотный, Филонотис дернистый, а также найдены Белозор болотный, Ива Виноградова и все перечисленные редкие растения минеротрофного комплекса.

В рекультивации котлованов известняковых карьеров нет необходимости, так как они очень живописны благодаря нагромождениям глыб известняка, а в связи с наличием следов и остатков ископаемой флоры и фауны имеют большой познавательный, а возможно и рекреационный потенциал.

Отвалы некоторых карьеров после окончания разработок были рекультивированы сосной, иногда с примесью караганы древовидной, другие — не подвергались рекультивации и стихийно зарастали преимущественно ивами, осиной и травянистыми растениями (в основном пионерными и ценофобными видами).

На отвалах известняковых карьеров, а также на склонах, сухих днищах котлованов произрастают кальцефильные виды мхов преимущественно более южных, степных областей — *Aloina rigida* (Алоина жесткая) — известна в области только в известняковых карьерах, *Pterygoneurum ovatum* (Птеригонеурум яйцевидный), *Brachythecium glareosum* (Брахитециум галечниковый). Также здесь отмечены редкие, локально распространенные в регионе петрофитные и петрофитно-лесные виды (*Rhynchostegium arcticum* — Ринхостегиум арктический, *Timmia megapolitana* — Тиммия мекленбургская).

Среди сосудистых растений к комплексу видов более южной аридной зоны с некоторой натяжкой, возможно, относятся бобовые — хотя они растут и на лугах Калужской области, но, в целом, многочисленность бобовых свойственна более богатым черноземным почвам. Некоторые зонтичные, приуроченные к долинам рек и редкие на материковых лугах, растут в карьерах в большом числе. Обилие кипрейных в карьерах, видимо, связано в первую очередь с их летучими семенами, а не с эдафическими условиями.

В 1970-х гг. отвалы в области большей частью рекультивировались сосной, что приблизило их к природным аналогам. Поскольку естественные биоценозы в окрестностях карьеров — это сосновые леса, именно сосна формирует на отвалах среду, благоприятную для аборигенных редких видов. При отсутствии рекультивации на отвалах в первую очередь преобладают ива и осина, под ними также встречаются редкие аборигенные виды.

Отвалы карьеров могут напоминать моренный холм (например у пос. Акатово), оставшийся после Валдайского или Московского оледенения. Также они могут формировать местообитания, аналогичные природным выходам известняков в долинах рек, например, в Турынино, где расселяются более южные виды растений, так называемая «окская флора». Эта территория является не только местообитанием редких видов растений, но и прекрасным местом отдыха, благодаря чрезвычайно живописным окрестностям Окской долины.

Сообщества с посадками Караганы древовидной (или сосны с караганой) мертвопокровные: в них восстановления естественной флоры не происходит, а открытые участки почвы могут быть легкодоступны для внедрения адвентивных растений. Облепиха, также рекомендованная ранее для рекультивации, образуя сплошные монодоминантные заросли, формирует менее привлекательные для чужеродной флоры сообщества, однако аборигенная флорав них тоже не возобновляется, хотя иногда редкие виды (но нередкие в карьерах, например *Epipactis palustris*) наблюдались в непосредственной близости от облепихи. Тем не менеев некоторых карьерах ее заросли представляют собой великолепные ягодные угодья.

Отвалы Акатовского, Турынинского и котлован Полотнянозаводского (у ж/д ст. Шаня) карьеров, очевидно, нуждаются в охране с целью сохранения ценных компонентов биоразнообразия региона, а также в качестве рекреационных и эколого-просветительских объектов.

Подобный прецедент уже был в природоохранной практике региона - памятником природы объявлен «Рекультивированный карьер у пос. Полотняный завод» в кв. 103 Дзержинского лесхоза [6]. Эту территорию было предложено охранять как место произрастания дремлика темнокрасного. Однако его популяция находится вне указанного лесного квартала, очевидно, приведенного в документах ошибочно*.

Литература

1. *Литвинов Д. И.* Список видов, дикорастущих в Калужской губернии, с указанием полезных и вредных. — Калуга: Изд. Калуж. о-ва сел. хоз-ва, 1895. — 112 с.

2. *Маевский П. Ф.* Флора средней полосы Европейской части России. — 10-е изд. — М., 2006. — 600 с.

3. *Работнов Т. А.* О болотах Калужской губернии. // Торфяное дело. — 1929, — № 1. — С. 29—30.

* Благодарим за совместную работу А. В. Крылова, А. А Шмытова, М. И. Хомутовского, а также Министерство благоустройства и экологии Калужской области, которое оказало практическое содействие охране редких растений на изученных нами объектах, особенно О. А. Новикову.

4. *Решетникова Н. М., Крылов А. В.* Орхидеи отвалов известняковых карьеров Калужской области // Вестн. Твер. гос. ун-та. — 2007. — № 8 (36). — С. 111—115.

5. *Телеганова В. В.* Ценные бриологические комплексы, территории и биотопы Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы. — Кн. 9: Сб. науч. трудов. — Калуга, 2009. — С. 9—15.

6. Доклад о состоянии природных ресурсов и охране окружающей среды на территории Калужской области в 2010 году. — Калуга, 2011. — 344 с.

7. Калужская флора: аннотированный список сосудистых растений Калужской области / Н. М. Решетникова, С. Р. Майоров, А. К. Скворцов и др. — М., 2010. — 548 с.

8. Красная книга города Москвы. — М.: 2011. — 928 с.

9. Красная книга Калужской области. — Калуга: Золотая аллея, 2006. — 608 с.

10. Красная книга Московской области. — 2-е изд., доп. и перераб. / Министерство экологии и природопользования Московской области; Комиссия по редким и находящимся под угрозой исчезновения видам животных, растений и грибов Московской области; Отв. ред. Т. И. Варлыгина, В. А. Зубакин, Н. А. Соболев. — М. Т-во науч. изданий КМК, 2008. — 4 + 828 с.

11. Красная книга Тверской области / Ред. А. С. Сорокин. — Тверь: ООО «Вече Твери»: ООО «Издательство АНТЭК», 2002. — 256 с.

12. Перечень (список) редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Калужской области: Приложение к Постановлению Правительства Калужской области от 20 февраля 2013 г. № 87.

13. *Ignatov M. S. et al.* Check-list of Mosses of East Europe and North Asia // Arctoa. — 2006. — Vol. 15. — P. 1—131.

ДИАТОМОВЫЕ ВОДОРОСЛИ р. БРЫНЬ

***А. В. Королев**, учитель, МКОУ «Брынская ООШ» и Середейская СОШ»;*
***М. Илюхина**, учащаяся, МКОУ «Середейская СОШ»*

Обоснование темы работы. Диатомовые водоросли (бациллярии) очень мелкие, но важные организмы, о которых мало что известно широкому кругу читателей. Однако они необычайно красивы, своеобразны и играют важную роль в природе и в жизни человека.

Изучением диатомовых водорослей учащиеся могут заниматься на экологических кружках, факультативах или элективных курсах в школе и в различных домах детского творчества. Несомненно, детям интересно, вглядевшись в каплю воды или ила, увидеть через микроскоп такое разнообразие «скорлупок» бациллярий. Такая красота запоминается на всю жизнь, а объекты для изучения можно найти в ближайшей реке, болоте или озере. Для исследований были использованы образцы ила с водой, взятые в реке Брынь.

Введение. Диатомовые водоросли способны активно передвигаться. От других водорослей они отличаются тем, что оболочка их клеток состоит из диоксида кремния (отсюда еще одно название — кремнеземки). К тому же запасным питательным веществом кремнеземок является масло, по своему качеству схожее с рыбьим жиром.

Они составляют основу цепей питания пресных водоемов, им рыбы обязаны накоплением в своем теле рыбьего жира. Их остатки образуют минералы, например, диатомита, их строение может помочь при создании нанороботов [Куликовский М. С., 2001; Куликовский М. С., Чистякова А. А., 2002].

Обзор литературы по теме работы. Для определения водорослей были использованы определители: А. А. Гуревича (1966) и М. М. Забелиной (1951). Информация о наиболее распространенных пресноводных диатомовых водорослях, а также методика сбора и исследования образцов была взята из работ современных альгологов: М. С. Куликовского (2001, 2002, 2004, 2005) и Г. Д. Левадной (1986). Для классификации формы створок и краев клеток диатомовых водорослей были использованы: Биологический энциклопедический словарь (1986), определитель А. А. Гуревича (1966), Диатомовые водоросли (1951). Подготовка раздела о значении бациллярий потребовала изучения: Биологического энциклопедического словаря (1986), книги «Диатомовые водоросли» (1951), материалов Г. П. Андреева (1968) .

Особенности строения и физиологии диатомовых водорослей. Клетка диатомовых водорослей состоит из протопласта, окруженного кремнеземной оболочкой, называемой панцирем. Толщина стенок панциря зависит от концентрации кремния в среде. Стенки панциря пронизаны мельчайшими отверстиями, обеспечивающими обмен веществ между протопластом и окружающей средой, их называют ареолами. По форме панциря все диатомеи делятся на две группы: центрические — с радиально-симметричным панцирем и пеннатные — с двусторонне-симметричным панцирем. В нашей местности более распространены пеннантные. Панцирь диатомовых водорослей вырабатывается самой клеткой в процессе ее жизнедеятельности. У пеннатных диатомей он состоит из двух частей и по конструкции напоминает коробку, закрытую крышкой. Наружная, большая часть панциря — эпитека, подобно крышке, находит своими краями на внутреннюю половину — гипотеку, соответствующую коробке. Эпитека и гипотека состоят из створки и пояскового ободка.

Створки бывают самых различных очертаний: круглые, эллиптические, яйцевидные, ромбические, ланцетные, треугольные, четырехугольные, булавовидные, серповидные, гитаровидные, клиновидные [Порхачева Н. А., 1986; Диатомовые водоросли, 1951].

Изменчивы и разнообразны концы створок: клювовидные, головчатые, оттянутые, тупые, острые [Биологический энциклопедический словарь, 1986; Гуревич А. А., 1966]. Формы и концы створок служат важным систематическим признаком при определении диатомовых водорослей.

Протопласт. Цитоплазма в клетках диатомей располагается у разных представителей по—разному: равномерно, по полюсам или постенно. Ядро обычно шаровидное и располагается чаще всего близ центра клетки.

Хлоропласты у диатомей довольно разнообразны по форме, величине и количеству в клетке. Их окраска у диатомовых водорослей имеет различные оттенки желто-бурого цвета в зависимости от набора пигментов, среди которых преобладает ксантофилы.

В процессе фотосинтеза образуется масло в виде капелек различной величины, иногда в значительном количестве. Оно служит запасным питательным веществом, особенно в период, когда прекращается или задерживается деление клетки. Масло, экстрагированное из клеток диатомей, имеет запах рыбьего жира [Куликовский М. С., 2006].

Передвижение диатомовых водорослей. В отличие от других представителей растительного царства кремнеземки способны активно передвигаться при отсутствии жгутиков. Причины этого движения до конца не выяснены, однако существует 3 основные гипотезы, объясняющие его механизмы.

Согласно одной из них водоросли через поры высовывают свои микроволоконца, которыми они отталкиваются от воды, словно веслами. Согласно другой гипотезе, бациллярии через поры набирают между створками воду и с силой выбрасывают ее, тем самым приобретая реактивное ускорение, как и многие моллюски.

Согласно третьей гипотезе шовные диатомеи движутся в направлении противоположном движению протопласта внутри клетки.

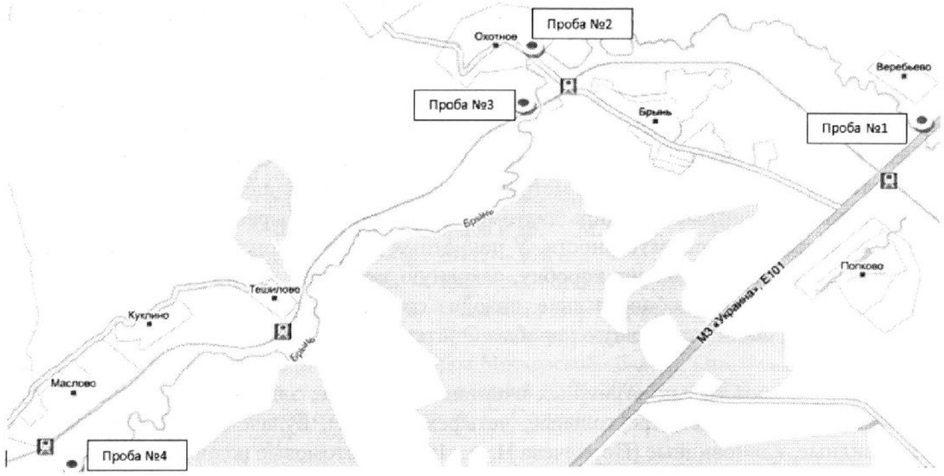
Материалы и методы исследования. Цель работы: определение видового состава бациллярий реки Брынь. Для этого были взяты пробы тины с грунтом, ила и воды в четырех местах.

Проба № 1 — у пересечения реки с Киевской трассой. Здесь река извилистая, протекает по заливному лугу, ее берега поросли высокой травой, дно песчаное, у берега илистое. Образец взят среди осок и рогоза в прибрежной зоне.

Проба № 2 — под мостом у деревни Охотное. В этом месте река слабоизвилистая, широкая и неглубокая, дно песчаное, у берега илистое. Берега заросли ивами, осоками, рогозом. Между ними довольно много ряски. В этом месте была собрана вода с илом.

Проба № 3 — в 500 м за мостом в деревне Охотное со стороны с. Брынь. Здесь дно реки илистое, течение слабое, часто встречаются омуты. Берега заросли ракитами и мелким кустарником. Была отобрана вода с тиной из заводи.

Проба № 4 — недалеко от Брынского пруда. В этом месте река расширяется и течение практически отсутствует, дно илистое, большое количество тины. Берега заросли ивами и камышами. Была взята вода с тиной и илом.



Карта-схема 1. Места взятия проб воды реки Брынь. Точками показаны места взятия проб

Собранный материал был обработан в школьной лаборатории и лаборатории ботаники КГУ им. К. Э. Циолковского при помощи микроскопа Биомед. Микрофотографии выполнены фотоаппаратом Nicon coolpix 4500. Для определения водорослей использованы определители М. М. Забелиной и А. А. Гуревича [Гуревич А. А.,1966; Забелина М. М. и др., 1951].

Результаты исследования и их обсуждение. Самое большое видовое разнообразие диатомовых водорослей было обнаружено около Брынского пруда в пробе № 4 — 8 родов и 10 видов бациллярий. Видимо, в связи с тем, что глубина небольшая, место открытое, хорошо освещается и прогревается солнечными лучами. В пробе № 3 — в 500 м за мостом в деревне Охотное со стороны с. Брынь — присутствовали 9 видов из 7 родов диатомовых. В пробе № 2 под мостом у деревни Охотное были обнаружены 7 видов из 5 родов.

Минимальное разнообразие диатомовых водорослей встречается в 1 пробе. Там присутствуют лишь 6 самых распространенных видов кремнеземок из 5 родов. Возможно, из-за близости шоссейной дороги, вредные вещества с которой пагубно влияют на флору и фауну реки.

Таблица 1. **Систематическое положение, обнаруженных в пробах кремнеземок**

Порядок	Семейство	Вид	Пробы
Araphinales Бесшовные	Fragilariaceae Фрагилариевые	Fragilaria virescens Ralfs. (фрагилария зеленоватая)	4, 3
		1. Synedra Utermoehlii Hust (синедра Утермеля)	4, 3, 2, 1
		2. Synedra actinastroides Lemm. (синедра звездоподобная)	4, 3, 2
Raphinales Шовные	Naviculaceae Навикуловые	Navicula euspidata Kutz. (навикула остроконечная)	4, 3, 2, 1
		Pinnularia molaris Grun. (пиннулярия молярная)	4, 3, 2, 1
		Gyrosigma acuminatum Kutz. (гиросигма заостренная)	4, 3
		Cymbella Stuxbergii Wisl. (цимбелла Штуксберга)	4, 3, 2, 1
		Gomphonema constrictum Ehr. (гомфонема стянутая)	4
	Nitzschiaceae Ницшиевые	1. Nitzschia linearis W. Sm. (ницшия линейная)	4, 3, 2, 1
		2. Nitzschia acicularis W. Sm. (ницшия игловидная)	4, 3, 2, 1

Значение диатомовых водорослей. Благодаря быстрому и обильному размножению при благоприятных условиях и прочному кремнеземному панцирю, из остатков отмерших кремнеземок могут образоваться весьма значительные осадочные отложения сапропеля. Именно ему обязаны своим расцветом древние цивилизации Египта и Месопотамии, которые располагались вдоль крупных рек [Диатомовые водоросли, 1951].

Из остатков бациллярий образовались такие осадочные породы, как трепел, полировальный сланец, люнебургский верещатник [Биологический энциклопедический словарь, 1986; Чистякова А. А., Куликовский М. С., 2004]. Их используют как полировочное средство, из них изготавливают легкие кирпичи и стекло. Горная мука употреблялась в пищу у лапландцев, тунгусов, отомаков во время голода: ее либо прямо ели, либо смешивали с обычной мукой и пекли хлеб [Биологический энциклопедический словарь, 1986; Диатомовые водоросли, 1951].

Диатомовые водоросли служат основой цепей питания обитателей пресных водоемов начиная с простейших [Андреев Г. П.,1968; Левадная Г. Д., 1986а, 1986б]. Для рыб они представляют большую питательную ценность, так как внутри них запасено много жира. Рыба, поедая кремнеземок, «присваивает» их жир. Поэтому уместно сказать скорее не о рыбьем жире, а о диатомовом.

Словно инопланетные корабли пришельцев, перемещаются в воде диатомовые водоросли. Многое в их строении может быть использовано человеком при построении нанообъектов и не только. Они интересны, таинственны и наверняка не полностью изучены и скрывают еще много таинственного и неясного.

Выводы работы.

1. Было изучено биологическое разнообразие диатомовых водорослей реки Брынь. По результатам анализа ила найдено 10 видов из 8 родов диатомовых водорослей.

2. Был собран и обобщен материал о значении, особенностях строения, передвижения и физиологии диатомовых водорослей.

3. Был снят видеофильм об особенностях передвижения диатомовых водорослей*.

Литература

Андреев Г. П. Бентосные диатомовые водоросли озера Интенис Омской области// Тр. Омск. мед. ин-та. — Омск, 1968. — № 86. — С. 67-73.

Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров; Редкол.: А. А. Бабаев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. — 2-е изд., испр. — М.: Сов. энциклопедия, 1986.

Гуревич А. А. Пресноводные водоросли: Определитель. — М.: Просвещение, 1966.

Диатомовые водоросли. — М.: Советская наука, 1951. — 619 с.

Забелина М. М., Киселев И. А., Прошкина-Лавренко А. И., Шешукова В. С. Определитель пресноводных водорослей СССР. — Вып. 4: Диатомовые водоросли. — М.: Советская наука, 1951. — 619 с.

Куликовский М. С. К вопросу о флоре и экологии диатомовых водорослей (Bacillariophyta) Пензенской области // Агрономическая наука в начале XXI века. Материалы конференции молодых ученых. — Пенза, 2001. — С. 224—225.

Куликовский М. С., Чистякова А. А. Видовой состав и экологическая характеристика флоры диатомовых водорослей (Bacillariophyta) некоторых водоемов Пензенской области // Вестн. молодых ученых ПГПУ. — Ч. I. —— Пенза, 2002. — С. 88—95.

Куликовский М. С. Сравнительный анализ флор диатомовых водорослей разнотипных биотопов Пензенской области // Экология пресноводных экосистем и состояние здоровья населения: Сб. статей молодых ученых. — Оренбург, 2006. — С. 44—63.

Левадная Г. Д. Состав фитобентоса нижней Оби в секторе сел Белогорье-Октябрьское// Новое о флоре Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986а. — С. 23—31.

Левадная Г. Д. Микрофитобентос реки Енисей. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986б. — 286 с.

Порхачева Н. А. Фитобентос нижнего Иртыша // Новое о флоре Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986. — С. 14—23.

Чистякова А. А., Куликовский М. С. Растительность сфагновых болот Пензенской области и ее антропогенная динамика // Проблемы охраны природных ландшафтов и биоразнообразия России и сопредельных стран: Сб. международной конференции. — Пенза. 2004. — С. 131—134.

* Авторы выражают признательность к. б. н. Наталье Владимировне Воронкиной за научную консультацию.

ФЛОРА ВОДОРОСЛЕЙ ЗАТОНА р. ОКИ В ЧЕРТЕ г. КАЛУГИ

***Н. В. Воронкина**, к. б. н., доц., Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;*
***Ю. А. Лебедева**, студентка, Институт естествознания КГУ им. К. Э. Циолковского;*
***А. А. Пахолюк**, студентка, Институт естествознания КГУ им. К. Э. Циолковского*

Затон находится рядом с городским несанкционированным пляжем около гаражного кооператива, рядом с улицами Николо-Козинская и Салтыкова-Щедрина. Площадь затона около 30 соток, течение отсутствует, глубина — небольшая, движение воздуха ослаблено, он хорошо прогревается солнцем. Песчаное дно покрыто довольно мощными илистыми отложениями. В воде и около воды много бытового мусора.

Песчаные берега заросли ивами: пепельной и корзиночной, ежевикой и ясенелистным кленом. Деревья и кустарники оплетены травянистой лианой эхиноцистисом дольчатым. На берегу непосредственно около воды встречаются: сыть бурая, ситник жабий, сушеница русская, полынь обыкновенная (чернобыльник), ежа сборная, череда олиственная, горец земноводный, жерушник земноводный (много), мята водяная, зюзник европейский, сусак зонтичный, частуха подорожниковая. Единично и пятнами наблюдается лютик ядовитый и осока острая. На некотором удалении от берега растет белокопытник ложный, донник, подорожник промежуточный, мятлик сплюснутый, лютик ползучий, крапива двудомная, клоповник густоцветковый, вербейник монетчатый, ситник членистый и мятлик однолетний. В воде обитают ряска малая и многокоренник.

В таких условиях развивается обильная флора водорослей. Невооруженным глазом можно видеть большие скопления нитчатых форм: Spirogira, Mougeotia, Cladophora, определение которых до вида затруднено из-за недостатка данных. Вместе с нитчатками осенью 2014 года было найдено большое количество колоний водяной сеточки.

Материал и методика.

Пробы для исследования были взяты в разных местах затона 22. 10. 2014 года. Брались иловые отложения, придонные слои воды, подводные предметы с обрастаниями, скопления нитчатых форм.

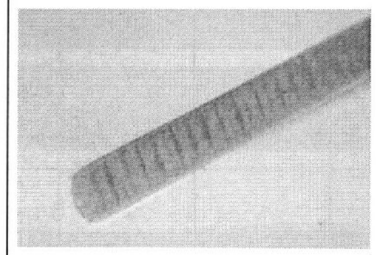
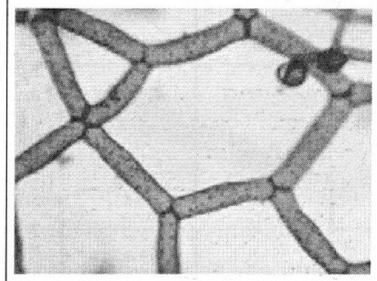
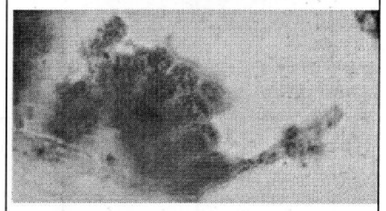
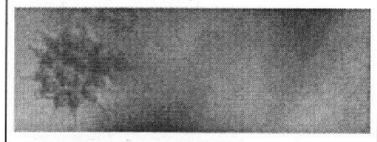
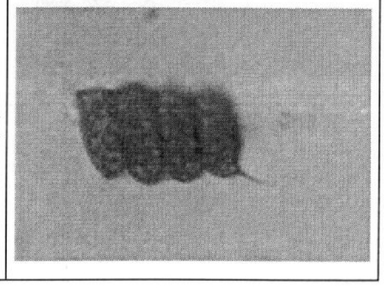
Собранный материал проанализирован в лаборатории ботаники Института Естествознания КГУ им. К. Э. Циолковского с помощью микроскопа Биомед С-2 вар-4 в основном при увеличении в 640 раз. Фотографии сделаны фотоаппаратом «Nicon COOLPIX4500». Определение проводилось с помощью определителей низших растений под ред. профессора Л. И. Курсанова (1953); Флоры споровых растений СССР: Е. К. Косинской (1952, 1960), Т. Г. Поповой (1955), Г. М. Паламарь-Мордвинцевой (1982) и П. М. Царенко (1990),

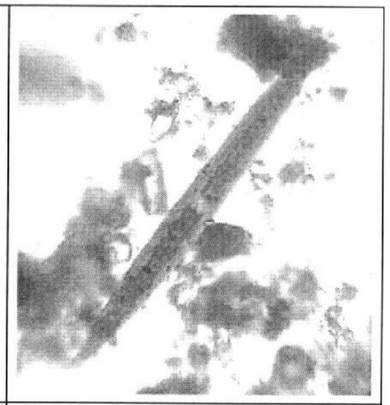
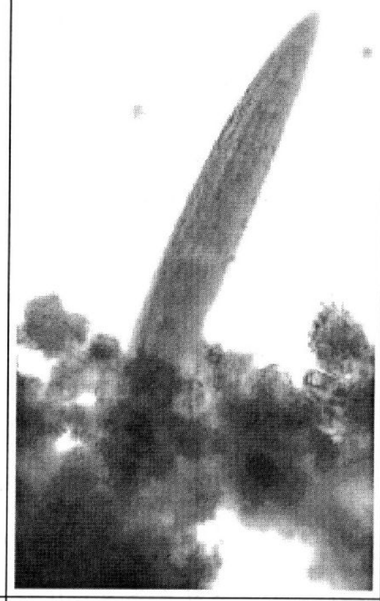
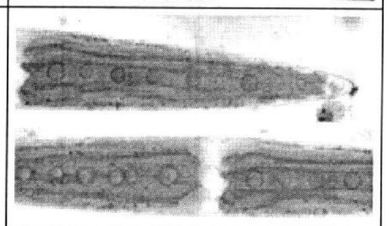
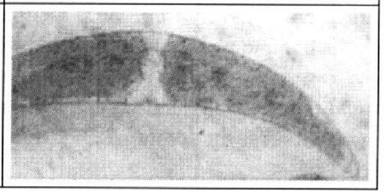
Определение видов родов *Fragilaria, Amphora и Cymbella* затрудненно, так как не достаточно данных о характере штриховки панциря. Также невозможно определение видов Spirogira, из-за отсутствия необходимых для этого зигот. Тем не менее в затоне обитает несколько видов этого рода, так как в клетках содержится разное количество хлоропластов, клетки не одинаковы по размерам и соотношению длины и ширины.

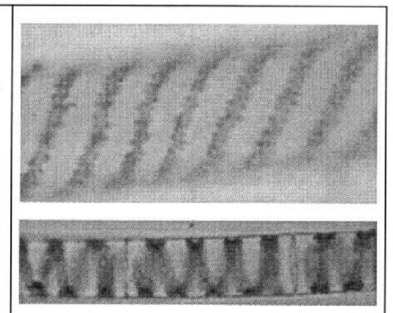
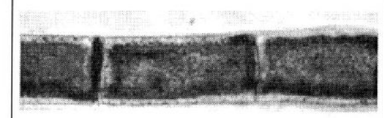
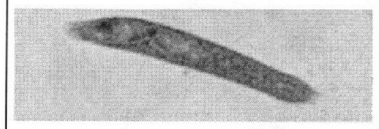
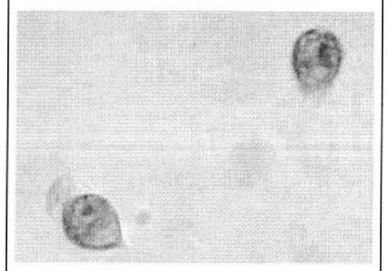
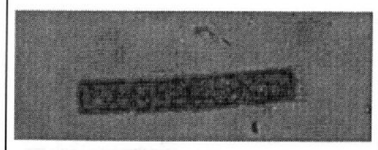
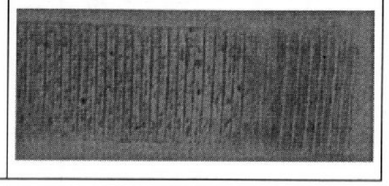
Всего при анализе проб было обнаружено 35 видов из 19 родов, 9 семейств, 6 классов и 4 отделов. Особенно много, как в видовом, так и в количественном отношении, диатомовых водорослей.

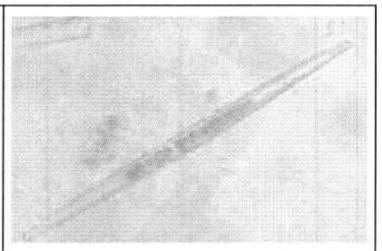
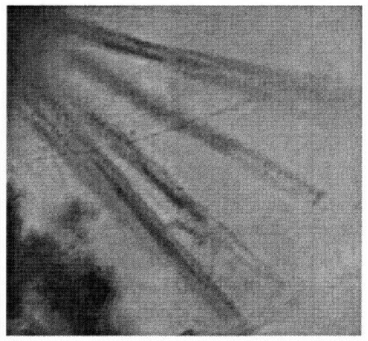
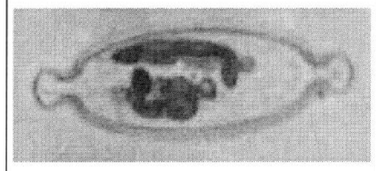
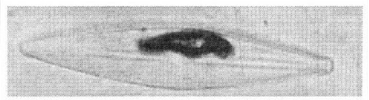
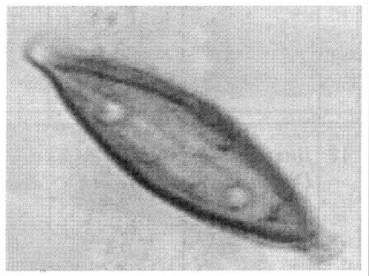
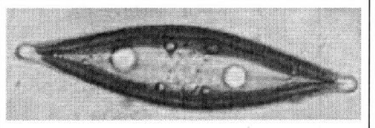
Во всех водоемах, исследованных за последние годы, отмечен *Scenedesmus quadricauda* (Turp.) Bréb. В Оке и других водоемах Калужской области до 2012 года обнаруживались *Oscillatoria limosa* Ag., *Euglena viridis* Ehr., *Euglena acus* Ehr. и *Phacus caudatus* Hübner. [11]. При исследовании проб из р. Калужка [8] найдены *Pinnularia major* (Kütz.) Cl., *Gyrosigma acuminatum* (Kütz.) Rabenh., *Melosira varias* Ag. и *Cymatopleura solea* (Breb.) W. Sm. В заболоченной долине ручья около базы Отрада выявлены *Cymatopleura solea* (Breb.) W. Sm. и *Pediastrum boryanum* (Turp.)Menegh. [7]. 25 видов из затона в других водоемах ранее не отмечались.

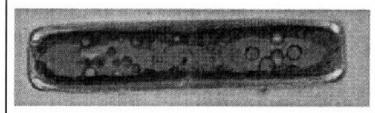
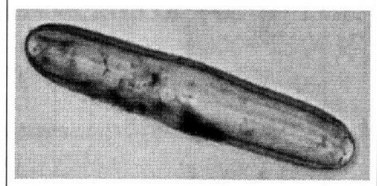
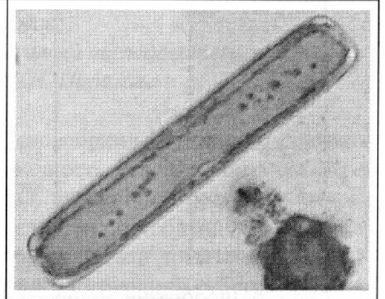
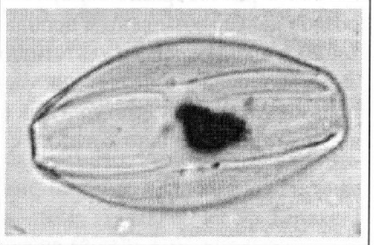
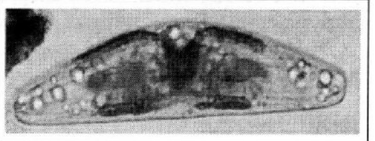
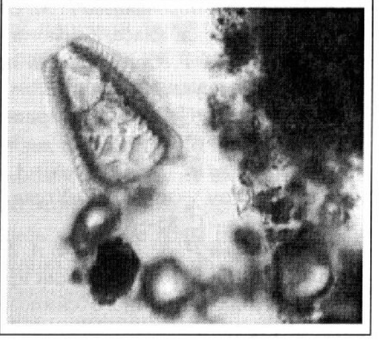
Таблица. **Таксономический анализ водорослей, обитающих в затоне**

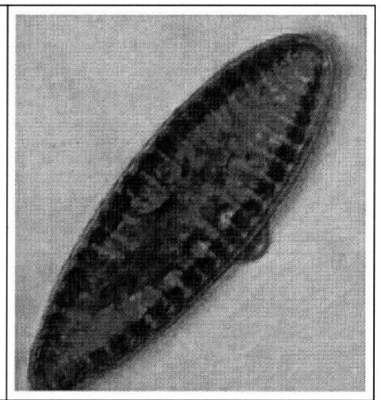
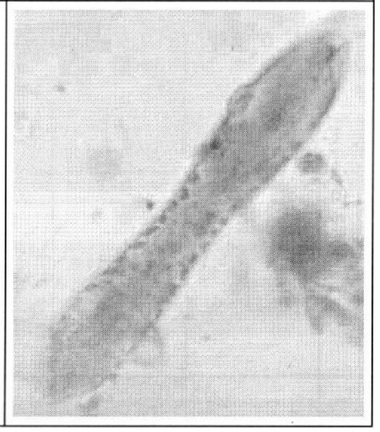
№	Отдел	Класс	Семейство	Виды	Микрофотографии
1	Цианобактерии *Cyanophyta*	Гормогониевые *Hormogoneae*	Осциллаториевые *Oscillatoriaceae*	Осциллаторияилистая *Oscillatoria limosa* Ag.	
2				Осциллатория короткая *Oscillatoria brevis* (Kütz.) Gom.	
3	Зеленые водоросли *Chlorophyta*	Собственно зеленые водоросли *Euchlorophyceae*	*Hydrodictyaceae*	Гидродикция сетчатая *Hydrodiction reticulatum* (L.) Lagerh.	
4				Педиаструм *Pediastrum muticum* Kütz.	
5				Педиаструм Бориев *Pediastrum boryanum* (Turp.)Menegh.	
6			*Coelastraceae*	Сценедесмус четереххвостый *Scenedesmus quadricauda*(Turp.) Bréb.	

7		Коньюгаты *Conjugato-phyceae*	Десмидие-вые *Desmi-diaceae*	Клостериум игольчатый *Closterium acerosum* (Shrank) Ehrenb	
8				Клостериум игольчатый *Closterium acerosum* (Shrank) Ehrenb *f. minus* (Hantzsch) Kossinsk.	
9				Клостериум ланцетовид-ный *Closterium lanceolatum* Kütz.	
10				Клостериум Лейблейна *Closterium Leibleinii* Kütz.	
11				Клостериум привздутый *Closterium tumidulum* Gay	

12			Зигнемовые *Zygne-mataceae*	Спирогира *Spirogira sp.*	
13				Мужоция *Mougeotia sp.*	
14	Эвгленовые *Eugleno-phyta*	Эвгленовые *Eugleno-phyceae*	Эвгленовые *Euglenaceae*	Эвглена зеленая *Euglena viridis* Ehr.	
15				Эвглена малопод-вижная *Euglena deses* Ehr.	
16				Эвглена игольчатая *Euglena acus* Ehr.	
17				Факус хво-статый *Phacus cau-datus var. minor* Hüb-ner.	
18	Диатомовые *Diatomeae*	Центричные *Centricae*	*Coscino-discaceae*	Мелозира изменчивая *Melosira varias* Ag.	
19		Пеннатные *Pennatae*	Фрагилля-риевые *Fragila-riaceae*	Фрагилля-рия *Fragilaria sp.*	

20				Синедра таблитчатая *Synedra tabulata* (Ag.) Kütz.	
21				Синедра звездопо-добная *Synedra actinastriode s* Lemm.	
22			*Naviculaceae*	Гиросигма заостренная *Gyrosigma acuminatum* (Kütz.) Rabenh.	
23				Навикула крошечная *Navicula pusilla* W. Sm. *var. jacutica* I. Kiss.	
24				Навикула остроконеч-ная *Navicula cuspidata* Kütz.	
25				Навикула остроконеч-ная *Navicula cuspidata* Kütz. *f. primigenna* Dipp.	
26				Навикула чужестраная *Navicula peregrina* (Ehr.) *var. kenfingensis* (Ehr.)	

27				Пиннулария зеленая *Pinnularia viridis* (Nitzsch.) Ehr.	
28				Пиннулария зеленая *Pinnularia viridis* (Nitzsch.) Ehr. *var. Clevei* Meist.	
29				Пиннулария большая *Pinnularia major* (Kütz.) Cl. *var. lacustris* Meist.	
30				Пиннулария пальцевид-ная *Pinnularia dactylus* Ehr.	
31				Амфора *Amphora sp.*	
32				Цимбелла *Cymbella sp.*	
33			Сурирелло-вые *Surirellaceae*	Сурирелла могучая *Surirella robusta* Ehr. *var. splendida* Ehr.	

34				Сурирелла нежная *Surirella tenera* Greg. *var. nervosa* A. S.	
35				Циматоплевра подошвообразная *Cymatopleura solea* (Breb.) W. Sm.	

Такое разнообразие водорослей в затоне, даже в середине осени, после первых заморозков делает возможным использовать его для сбора материалов при подготовке презентаций в школах, на факультативных занятиях и в различных натуралистических кружках. Этот материал позволяет школьникам освоить элементы научного исследования и использовать его для выступлений на различных конференциях, так как видовое разнообразие в затоне довольно богато и стабильно, особенно в годы с достаточно жарким летом.

Литература

1. *Косинская Е. К.* Флора споровыхрасений СССР. — Т. 2: Коньюгаты, или Сцеплянки (1) Мезотенивые и Гонатозиговые водоросли. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

2. *Косинская Е. К.* Флора споровыхрасений СССР. Т. 5: Коньюгаты, или Сцеплянки (2) Десмидиевые водоросли. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

3. *Курсанов Л. И.* Определитель низших растений. — Т. 1: Водоросли. — М.: Советская наука, 1953.

4. *Паламарь-Мордвинцева Г. М.* Определитель пресноводных водорослей СССР. — Вып. 11 (2): Зеленые водоросли. Класс. Коньюгаты. Порядок. Десмидиевые. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1982.

5. *Поповой Т. Г.* Определитель пресноводных водорослей СССР: Эвгленовые водоросли. — М.: Советская наука, 1955.

6. *Усачева И. С.* Водоросли водоемов Московской области: Основы изучения вилового разнообразия. — М.: ИВП РАН, 2002. — 140 с.

7. *Воронкина Н. В., Глущенко А. М., Чулисов А. С.* Водоросли в окрестностях базы Отрада на Жиздренском участке НП «Угра» // Природа и история Поугорья: Сб. докладов,— Вып. VI. — Калуга, 2011. — С. 85—90.

8. *Воронкина Н. В., Глущенко А. М., Чулисов А. С.* Водоросли реки Калужка // Экология антропогенных ландшафтов: тенденции изменения, проблемы сохранения биоразнообразия Калужского края: Материалы научного симпозиума 5—7 апреля 2011 г. — Калуга: Полиграф-Информ, 2012. — 132 с.

9. *Воронкина Н. В., Дворянчикова Е. Н.* К флоре водорослей старицы Резванское (Хохловское), расположенной в пойме р. Жиздры // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга, 3—5 апреля 2007 г. — Калуга: Полиграф-Информ, 2008. — 256 с.

10. *Травина Е. В.* Водоросли окрестностей Калуги // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития ООПТ: Сб. докладов. — Ч. 2; — Калуга, 1996. — 162 с.

11. *Воронкина Н. В., Глущенко А. М.* Предварительный список видов водорослей отделов Cyanophyta, Xantophyta, Euglenophyta, Chryphyta, Charophyta и Rhodophyta бассейна р. Ока на территории Калужской области, обнаруженных до 2012 г. // Сб. научных работ лауреатов областных премий и степендий. — Вып. 10. — Калуга, 2014. С. 160—167.

К ИЗУЧЕНИЮ МИКОБИОТЫ БОЛОТ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***В. А. Орехова**, студентка, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;*

***М. Н. Сионова**, к. б. н., доц., Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского;*

***И. Г. Харитонова**, к. б. н., дир., средняя общеобразовательная ноосферная школа, г. Боровск;*

***А. Богомолова**, студентка, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова*

Болото представляет собой особую экосистему со своеобразным гидротермическим режимом и характером минерального питания. Специфичность условий обитания определяет видовой состав не только растений, но и грибов, входящих в состав болотного биоценоза. Это либо сапротрофы и микоризообразователи, приспособленные к произрастанию в условиях повышенного увлажнения, либо — разрушители древесины, чье присутствие в биоценозе связано с наличием соответствующего питающего субстрата. В любом случае грибы в экосистеме болот играют важную роль, обеспечивая полноту круговорота веществ в условиях большой влажности, недостатка кислорода, высокой кислотности и низкой минерализованности субстрата.

Еще в 1979 г. в своей книге «Экосистемы болот СССР» М. С. Боч и В. В. Мазинг писали о том, что грибы болот слабо изучены [2]. С тех пор прошло 35 лет. В плане изучения группы грибов-микромицетов торфянников проделано немало. Результаты таких исследований обобщены и опубликованы разными авторами, которые продолжают активно работать в данном направлении, например: Звягинцев, 1991; Булавко, 1999; Терехова и др, 1999; Хабибуллина, 1999; Грум-Гржимайло, 2010 и др. [3, 4, 5, 10, 12]. В западной в настоящее время Сибири проводятся комплексные исследования грибов верховых болот [11, 13, 14]. Но группа грибов болот с хорошо различимыми плодовыми телами, условно называемых макромицетами, до сих пор остается недостаточно изученной в России. Как правило, сведения о них включены в общие региональные сводки, составленные в рамках исследования микобиоты какой-либо территории [1, 7].

В Калужской области болота занимают 1,6% от всей площади территории [9]. Если площадь всей области составляет 29 777 тыс. кв. км, то, следовательно, площадь болот — 476 432 кв. км. Многие болота, особенно верховые, являются ценными местообитаниями редких видов растений и животных. А некоторым из них присвоен статус особо охраняемых природных территорий регионального (областного) значения. Можно предположить, что подробное изучение микобиоты болот в Калужской области позволит выявить новые виды грибов, но до сих пор специальные исследования по этой тематике в регионе не проводились. Отдельные сборы макромицетов осуществлялись в разные годы на территории Ульяновского и Козельского районов в границах заповедника «Калужские засеки» и национального парка «Угра». Сведения о макромицетах заболоченных местообитаний включены в общие списки видов, составляемые в рамках инвентаризации микобиоты ООПТ.

Первые опубликованные данные о грибах болот Калужской области содержатся в статье Сионовой (2003). В этой публикации приводятся сведения о 19 видах макромицетов, отмеченных на Морозовском (Юхновский район) и Галкинском (Дзержинский район) болотах [8]. Во время повторного маршрутного обследования с мая по октябрь 2013 г. на Галкинском болоте было отмечено 12 видов макромицетов, из которых 4 вида: *Cortinarius collinitus* (Pers.) Fr., *Cortinarius mucosus* (Bull.) J. Kickx f., *Galerina sphagnorum* (Pers.) Kühner. и *Lactarius lilacinus* (Lasch) Fr. дополнили список грибов болотных экосистем Калужской области.

Наиболее детально в 2011 и 2013 гг. изучались макромицеты, динамика их плодоношения и приуроченность к микроместообитаниям на верховом болоте «Фабричное», расположенном на юго-восточной окраине г. Боровска Калужской области. Оно является частью гидрологической системы бассейна р. Протвы и занимает площадь более 20 га. Участок верхового болота шириной около 50 м и длиной 700 м окружен участками переходного болота с типичной растительностью.

Изучение видового состава макромицетов проводилось весной—осенью 2011 и 2013 гг. на учетных маршрутах (длина учетной полосы — 3 км, ширина — 5 м), которые обследовались каждые 10 дней. Всего в 2011 г. отмечены 32 вида макромицетов, в 2013 г. — 9 видов. Среди зафиксированных видов преобладают базидиальные макромицеты.

Достоверно определены 25 видов: *Leccinum holopus*, *Pseudohygrocybe marchii*, *P. Miniata, Laccaria proxima, Lyophyllum palustre, Mycena megaspore, Omphalina oniscus, O. sphagnicola, Collybia aquosa, C. dryophila, Amanita fulva, Hypholoma elongatum, Entoloma sphagnorum, Cortinarius croceus, C. semisanguineus, Inocybe lacera, Galerina cerina, G. paludosa, G. tibiicystis, G. stylifera, Psathyrella sphagnicola, Russula betularum, R. paludosa, Lactarius helvus, Geoglossum glabrum*.

В 2011 г. по числу видов доминировали семейства Рядовковые (Tricholomataceae) и Паутинниковые (Cortinariaceae), а в 2013 г. — Паутинниковые (Cortinariaceae) и Строфариевые (Strophariaceae).

Сумчатые грибы в сборах 2011 и 2013 гг. представлены одним видом — геоглоссум гладкий (*Geoglossum glabrum*). Этот вид впервые отмечен в Калужской области в 2011 г. на болоте «Фабричное». В сопредельной Тульской области он внесен в Красную книгу как редкий вид (3 категория) [6].

По характеру питающего субстрата были выделены четыре экологические группы макромицетов: микоризообразователи (Mr), сапротрофы сфагновых мхов (M), сапротрофы опада (St) и гумусовые сапротрофы (Hu). Доля микоризообразователей составила 34% от всех видов в 2011 и 29% в 2013 году. Это виды родов: *Amanita*, *Cortinarius* (образуют микоризу с сосной), *Inocybe*, *Laccaria*, *Lactarius* и *Russula* (образуют микоризу с сосной и березой).

К группе сапротрофов сфагновых мхов относятся 37% видов макромицетов, отмеченных на болоте «Фабричное» в 2013 г. и 43% — в 2011 г. Это двенадцать видов из родов *Entoloma*, *Galerina*, *Hypholoma*, *Omphalina* и *Psathyrella*. Поселяются на отмерших остатках сфагнума и политрихума.

Подстилочные сапротрофы самая маленькая по числу видов эколого-трофическая группа макромицетов в наших исследованиях — 13% в 2011 г. и 14% в 2013 г. Это виды из родов *Collybia*, *Geoglossum* и *Clavulinopsis*, представители которых поселяются преимущественно на грядах на подстилке и разлагающихся листьях березы, кустарничков, а также на отмерших осоках. Исключением является *Geoglossum glabrum*, встреченный в мочажине, причем на довольно сырых местах.

Доля гумусовых сапротрофов (Hu) составила среди всех зарегистрированных видов 16% в 2011 г. и 14% в 2013 г. Это виды родов *Mycena*, *Pseudohygrocybe* и *Lyophyllum*. Обычно поселяются в мочажине, на окраинах болота, там, где проступает слой влажного торфа.

Из представленных данных видно, что соотношение экологических групп грибов болота в 2011 и 2013 гг. практически не изменилось — преобладали сапротрофы сфагновых мхов. Незначительно снизилось количество микоризообразователей в 2013 г.

На болоте «Фабричное» было выделено два типа местообитаний: гряды и мочажины. В 2011 г. на грядах отмечено 53,1% всех видов макромицетов, 34,4% встречены как на грядах, так и в мочажине, и лишь 12,5% приурочены только к мочажине. В 2013 г. 50% макромицетов отмечены только на грядах, 25,2% предпочитают мочажины и 24,8% отмечены и на грядах, и на мочажинах.

Таким образом, к настоящему времени для Калужской области выявлены 43 вида макромицетов по результатам обследования трех болот. Очевидна необходимость дальнейшего исследования микобиоты болотных экосистем региона, особенно тех, которые являются ООПТ регионального значения.

Литература

1. *Афанасьев А. А.* Эколого-ценотические особенности микобиоты Воронежской области // Вестн. ВГУ. — Сер.: География. Геоэкология. — 2011. — № 2. — С. 185—186.
2. *Боч М. С., Мазинг В. В.* Экосистемы болот СССР. — Л.: Наука, 1979. — 188 с.
3. *Булавко Г. И.* Комплекс микроскопических грибов в болотах Северной тайги. // Болота и заболоченные леса в свете задач устойчивого природопользования: Материалы совещания. — М., 1999. — С. 97—99.
4. *Грум-Гржимайло О. А.* Микромицеты заболачивающихся водоемов побережья Кандалакшского залива Белого моря: Автореф. дис. … канд. биол. наук. — М., 2010. — 25 с.
5. *Звягинцев Д. Г. и др.* Структура сапротрофного комплекса микроорганизмов в торфяниках // Микробиология. — 1991. — Т. 60. — Вып. 6. — С. 155—164.
6. Красная книга Тульской области: Растения и грибы: Официальное издание / Администрация Тульской области; Департамент Тульской области по экологии и и природным ресурсам; Центр охраны дикой природы; Под ред. А. В. Щербакова. — Тула, 2010. — 393 с.
7. *Светашева Т. Ю.* Агарикоидные базидиомицеты Тульской области: Дис. … канд. биол. наук. — М., 2004. — 216 с.
8. Сионова М. Н. Первые сведения о макромицетах Морозовского и Галкинского болот // Природа и история Поугорья: Краеведческие очерки. — Вып. 3. — Калуга, 2003. — С. 39—40.
9. *Степочкина Т. И.* Оценка водных, минеральных ресурсов и геоэкологического состояния болот юга Нечерноземья: На примере Калужской области: Автореф. … дис. канд. биол. наук. — Калуга, 2007. — 22 с.
10. *Терехова В. А., Головченко А. В., Смагина М. В.* Влияние осушительной мелиорации на структуру микобиоты в почвах низинного и верхового типов заболачивания. // Болота и заболоченные леса в свете задач устойчивого природопользования. Материалы совещания. — М., 1999. — С. 142—145.
11. *Филиппова Н. В.* К изучению сообществ грибов верховых болот таежной зоны Западной Сибири: 1. Макромицеты // Микология и Фитопатология. — 2014. — Т. 48. — Вып. 6. — С. 46—52.
12. *Хабибуллина Ф. М.* Видовой состав и структура микромицетов болотно-подзолистых почв // Болота и заболоченные леса в свете задач устойчивого природопользования. Материалы совещания. — М., 1999. — С. 154—156.
13. *Filippova N. V., Mourgues A., Philippe F.* Notes on the Phenology of Fungi in Ombrotrophic Bog // Environmental Dynamics and Global Climate Change. — 2014. — Vol. 9. — No 1. — EDCCrar0008.
14. *Filippova N. V., Thormann M. N.* Larger Fungi of Ombrotrophic Bogs in West Siberia // Mires and Peat. — 2014. — Vol. 14. — Article 08. — P. 1—22.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Массалитина Г. А. «Великое стояние на Угре» 1480 г. в памяти потомков 3

Комиссар О. Н. Роль общественности в содействии охране и музеефикации объектов культурного наследия на примере железобетонных фортификационных сооружений Ильинского оборонительного рубежа в 1941 г. 12

Коваленко А. С. Локальные эпизоды Великой Отечественной войны на рубеже Угра-фронт 18

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Тропин Н. А. Елецкое княжество XIV—XV вв. в историческом пространстве Верховских земель (по данным археологии) 22

Янишевский Б. Е. Металлическая булавка с «Борисова городка» (из коллекции Калужского областного краеведческого музея) 26

Екимов Ю. Г. Кохановский челн: судьба одной находки 30

Зацаринный С. В. Инкрустированный наконечник позднесредневекового копья из раскопок 2013 г. в Тульском кремле 37

Аралов А. В., Татаринцева С. А. Остеологические находки поселения Колесовка 42

Массалитина Г. А., Болдин И. В. Археологические раскопки Козельска в 2013—2014 гг. 45

Пуцко В. Г. Художественное ремесло в древнерусском Серенске (по материалам археологических находок) 49

Стародубцев Г. Ю. Раскопки вал городища Жидеевка в 2012 г. 66

Чубур А. А., Горобец Л. В., Ковальчук А. Н. Новое о зооархеологии окольного града Вщижа 70

Столяров Е. В. Ажурная бляха с городища Сатинка на правобережье верхней Оки 74

Гурьянов В. Н. Наконечники стрел Юхновского времени с городища Рассуха 79

Ефимова Е. Е., Ефимов А. Е. Исследования памятников каменного века г. Кондрово в 2014 г. 82

Грудинкин Б. В. Комплекс поселений близ д. Желыбино 86

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Лебедев А. Г. Об основании Калуги и первом упоминании о ней 97

Бессонов В. А. Святой преподобный священномученик Кукша 100

Кутлер П. П. Захоронение дочери последнего польского короля под Малоярославцем 111

Кожевникова Н. И. Родословные примечания к «Духовному завещанию калужского купца XVIII столетия Тихона Никитича Неклюдова» 126

Вещев М. Ю. История основания писчебумажной и суконной фабрик в с. Троицкое Тарусского уезда 135

Жиров Н. А. Историко-географическое положение Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии) 139

Абакулов В. И. Село Адуево Медынского уезда и его владельцы 143

Абакулов В. И., Абакулова Т. И. История с. Георгиевского на Поляне Калужского уезда и погоста при нем 149

Маркина И. В. К вопросу о создании и расширении Калужского городской водопроводной сети. 1860—1901 гг. (По материалам ГАКО) 156

Лион А. В., Фетисова Ю. Н. Калужская губернская ученая архивная комиссия и Д. И. Малинин 161

Панько Д. А. «Орловские губернские ведомости» как источник по истории провинциального чиновничества 167

Суворова Е. В. К истории развития предпринимательства в Малоярославецком уезде 170

Полежаева Е. А. Дело по обвинению во вредительстве работников Калужского текстильного треста Д. И. Соколова, В. Д. Соколова, Н. П. Полежаева и В. Ф. Поплавского 181

Хомякова Т. В. Торговля в повседневной жизни Серпухова конца XIX —начала XX в. Продавцы и покупатели уездного города 186

Ефремов Е. А. Князь Е. Н. Трубецкой: жизнь и первая русская революция 190

Васин А. С. В. Н. Сорокин. У истоков козельского краеведения 194

Зиновкина Н. В. Некоторые итоги и перспективы работы над Книгой Памяти о воинах Первой мировой войны (по документам Государственного архива Калужской области) 199

Кондратьев Ю. В. Некоторые аспекты истории калужской деревни в период проведения волостной реформы 1920-х гг. (по материалам ГАДНИКО) 203

Красин В. М. Мусульманско-татарская школа в Калуге в 1918—1925 гг. 205

Иванов В. А. Провинциальное чиновничество России середины XIX в. в зеркале статистики 209

Удовиченко И. В. Результаты переписи городского населения в Калуге и Калужской губернии в 1923 г. 213

Ковалев А. В. П. М. Голубицкий и народные пожертвования в период русско-японской войны 1904—1905 гг. 217

Оленичев А. А. История возникновения и развития Куйбышевского района Калужской области и районного центра пос. Бетлицы 221

Сёмочкина О. В., Тихонов В. П. Центральная научно-исследовательская лаборатория ионификации (ЦНИЛИ) 224

Бессонов В. В. Полковая песня Ахтырского гусарского полка и Калужский край 232

Добычина М. А. Проблемы организации архивной деятельности в военное время (на примере Калужского архива) 239

Роянова Г. И. Спичечное производство фабрики «Гигант» им. Ворошилова в период 1940—1945 гг. (По материалам Государственного архива документов новейшей истории Калужской области) 243

Грин Г. Я. Как «неожиданно» был захвачен немецкими войсками Юхнов 247

Чернов В. А. Рекогносцировка и строительство Малоярославецкого укрепрайона (37-й УР) в 1941 г. 255

Светлакова А. В., Фунтиков М. В. Железобетонные огневые фортификационные сооружения, возведенные на Ильинском оборонительном рубеже в 1941 г. 265

Соченков А. В., Бачин П. А., Иванов С. В., Плеханов Е. И. Дерево-земляные и земляные фортификационные сооружения Ильинского оборонительного рубежа 273

Комиссар О. Н., Коваль О. В., Видмант Д. С. Исследование фортификации тылового рубежа обороны по р. Протве Малоярославецого укрепленного района 281

Меленчук В. И. Трофейная немецкая карта Малоярославца как источник по исторической топографии города периода оккупации 281

Покасов В. П., Рябцев А. С. О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 286

Птушкин И. Е. Калужские остарбайтеры на принудительных работах за рубежом во время Великой Отечественной войны (по материалам ГАДНИКО) 293

КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Черников А. П. «Она звалась Победа…» Тема Великой Отечественной войны в поэзии Булата Окуджавы 298

Майорова Л. П. «Горжусь, что был солдатом в сорок первом…» (Литераторы, лично знавшие К. Э. Циолковского, — участники Великой Отечественной войны) 304

Сорокина Н. Д. Трудности генеалогического поиска выходцев из старообрядческих семей 312

Шорбан Е. А. Село Комлево Боровского уезда в XVII—XXI столетиях 317

Лошкарева Н. П. Храм во имя Рождества Иоанна Предтечи в с. Комлево Боровского уезда 322

Зверева М. В. Проблемы описания и атрибуции произведений изобразительного искусства в музее 328

Заложных Ю. С. Творческое наследие художников-передвижников в собрании КМИИ (к истории сложения коллекции) 335

Пуцко В. Г. Напрестольное Евангелие 1688 г. из Лаврентьева монастыря 339

Гужова И. В. Коллекция авангарда из собрания Калужского музея изобразительных искусств 352

Хохлова Т. М. Вкладной потир Аполлинарии Фалеевой 360

Роянова Г. И., Телеганова Е. А. Спичечная этикетка как предмет декоративно-прикладной промышленной графики 362

Ефименкова М. А. Изучение биографии калужского губернского архитектора И. Д. Ясныгина по документам ГАКО 366

Зимнухова О. Н. «Этому делу отданы лучшие года моей жизни…» (Вклад С. В. Щербакова в народное образование и просвещение Калужской области) 370

Саломатина В. И. Жизнь и творчество Анны Барковой 377

Мокрецова Е. М. Из опыта работы в области краеведения с учащимися младшего и среднего школьного возраста 382

Лагутин А. А., Зверева М. В. Мультимедийные технологии в презентации музея в сети Интернет 385

Болдина О. И. Использование мультимедийных технологий в музейной экспозиции 367

Белов И. Д. Воссоздание Троицкого Лютикова монастыря. Исходные данные и предварительные эскизы 389

Фридгельм В. Н. О церкви в с. Федотове Боровского уезда и священнике Г. П. Вишнякове 400

Васильева З. В. Усадьбы Белкино, Бугры, Турлики и их владельцы в творчестве В. А. Серова 414

Ефимова И. Л. «Великий человеческий учитель» (к 130-летию Д. И. Архангельского, 1885—1980) 422

Зудова Т. Ю. Рукописное и книжное наследие Древней Руси (по экспозиции Малоярославецкого музейно-выставочного центра им. И. А. Солдатенкова) 431

Колоболоцкий С. В. Отголоски древнего язычества в традиционной культуре Калужского края 438

Сафонова Г. Б. Водяные и ветряные мельницы в топографии калужских поселений 442

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В. Региональные особенности изображения зооморфных образов в калужском народном искусстве 451

ПРИРОДА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Новиков В. П. Памятники традиционного природопользования в национальном парке «Угра» 456

Гаранжа А. Б. Обзор биоразнообразия ископаемых беспозвоночных некоторых карьеров Тульской области по материалам коллекций 461

Телеганов А. А. Находки *Dreissena polimorpha* в бассейне верхней Оки 463

Корзиков В. А. Распределение земноводных по элементам рельефа в луговом и лесном местобитании на юге лесной зоны 466

Челнокова Т. А., Швец О. В. Фауна и население птиц лугово-полевых ценозов окрестностей западного участка Тульских засек 469

Корзиков В. А., Алексеев С. К., Овсянникова Л. В. Видовой состав и численность мелких млекопитающих на городском эпизоотологическом стационаре 471

Решетникова Н. М., Телеганова В. В., Воронкина Н. В. Нужно ли охранять известняковые карьеры? 475

Королев А. В., Илюхина М. Диатомовые водоросли р. Брынь 480

Воронкина Н. В., Лебедева Ю. А., Пахолюк А. А. Флора водорослей затона р. Оки в черте г. Калуги 484

Орехова В. А., Сионова М. Н., Харитонова И. Г., Богомолова А. К изучению микобиоты болот Калужской области 491

Научное издание

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XVI Всероссийской научной конференции,
посвященной 535-летию Великого Стояния на Угре
и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Калуга, 5—7 апреля 2015 г.

Художник:
В. М. Типикин

Предпечатная подготовка
(компьютерная верстка, оригинал-макет):

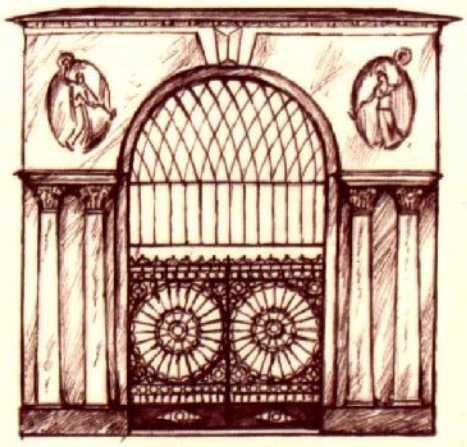
RuBriCa
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Подписано в печать 05.04.17. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Уч.-изд. л. 52,50. Усл. печ. л. 31,25.
Усл. кр.-отт. 31,25. Заказ 230. Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Якунин Алексей Викторович.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел. (4842) 750 736, 8 910 706 06 06.

ISBN 978-5-9909216-8-9

9 785990 921689



Калужский областной краеведческий музей
г. Калуга, ул. Пушкина. 14
www.kokm.ru